

ЦИКЛ **ДИКАЯ ОХОТА**

ПОЛОТНО
ДОРОГ

Продолжение истории "Дикая охота. Колесо." Колесо мира замерло, и под темными кронами Мертволесья дикие духи ждут приказа своей повелительницы, готовые в любой момент сорваться стрелой с тетивы, неся за собой смерть. А между тем в узоре вечности появляются новые ниточки, рвутся старые и объединяются те, что должны быть связаны. Танцующая с Мечами Даэн отправляется к заснеженным хребтам далеких гор, не подозревая о том, что боги вновь сплетут ее путь с дорогой ведьмы, встреченной ею множество лет назад.

===== Пролог =====

Бурые пятна сухостоя с тонкими рыжими стеблями былъя резко выделялись на фоне белоснежных тропинок — серебристая пороша ночью замела их, и теперь если бы кто глядел на долину у подножия Караласских гор сверху, то увидел бы тонкую белую сеть, растекающуюся меж оврагов и крутых склонов. Морозный воздух колко искрился, когда ветер поднимал с земли облака снежной пыли и швырял их во все стороны, как шаманы швыряют свои порошки в пламя. Ати хорошо помнила полубезумного старика-пророка, на изломе осени певшего странные песни и жгущего костер до самого неба — тогда на деревенской площади собралось столько зевак!.. Только никто из них не слушал его. Потеха — да и только, нелепая сказка для маленьких детей...

Когда старик ушел из Нернаэнна, покой Ати тоже ушел следом за ним. Девочка не могла спать, не могла есть — кусок в горло не лез. Пророк говорил страшные вещи: о смерти, что спустится с черных горных склонов, заросших мертвым лесом. О стылом холоде, проникающем в самое сердце и губящем все тепло. О том, что беда снова пришла на порог.

— Ати из Нернаэнна!

Девочка дернулась, словно от пощечины, и боязливо подняла глаза на Крылатую, стремительно краснея. Сольвэ ненавидела, когда на ее занятиях ученицы были рассеянными и не следили за ходом ее мысли.

— Ты слышала, что я сказала?

Голос женщины стал опасно-вкрадчивым. Ох, не к добру... Ати сглотнула, опустив взгляд на носки сапог Сольвэ, выглядывающих из-под широкого подола. Подумать только, такая крохотная аккуратная ножка...

— Стало быть, не слышала, — заключила Сольвэ после непродолжительного молчания, — Замечательно.

...и такой скверный характер. Гробовая тишина, повисшая под каменными сводами Птичьей башни, тоже не предвещала ничего хорошего. Казалось, можно даже различить тихий звон снежинок снаружи, острыми иголочками-краями царапающих шершавые камни стен Гильдии. Ати приготовилась и мысленно начала обратный отсчет. Три-и... два-а...

— Так какого беса ты вообще пришла сюда — глазками хлопать да мечтать, как тебе вручат Крыло, а лучше сразу оба?! Клинками махать и называть это Танцем?! Да никто из вас в жизни не видел настоящего Танца, и если ты, Ати из Нернаэнна, думаешь, что сможешь обучиться этому искусству, не слушая меня, то разочарую: на поле тебя изрубят за несколько секунд!..

Ати покрепче стиснула зубы, душа в себе обиду и раздражение, поднимающееся горячей волной внутри. Ну почему Сольвэ постоянно вывернется на нее?! Никому так не

доставалось от Крылатой, как Ати, и девочки даже начали скалиться по этому поводу — каждое занятие они ждали, когда наставница в очередной раз обратит внимание на новую ученицу. А обращала внимание Сольвэ весьма своеобразно.

— ...глупее птенца голубя! — раздались смешки. Сольвэ резко развернулась и рывкнула, — Рты закрыли! Вы тоже не умнее, чтоб губы кривить! — ученицы тут же притихли, стараясь не встречаться взглядом с зеленым пламенем, беснующимся в глазах наставницы. Крылатая оглядела их всех, а затем снова обернулась к Ати. Глаза ее опасно сузились, — Наказана. Вечером после занятий чтоб была в Вороньем Гнезде.

Ну нет, ну она ведь это несерьезно...

— И только попробуй опоздать хоть на одну минуту. Я узнаю, уж поверь, — пообещала напоследок Сольвэ, а затем развернулась на каблуках и принялась неспешно расхаживать по залу, продолжая урок с того места, на котором остановилась, — Итак. Если задействовать в прыжке для толчка только колени либо стопы, вы не сумеете продержаться в воздухе так, чтоб наверняка не попасть под когти напавшего. Он может быть гораздо быстрее и перевести один удар в другой мгновенно. Тогда секунды будет вам недостаточно. Вы должны контролировать свое тело полностью, ощущать каждую мышцу, чтобы...

Дальше Ати не слышала. Перед ней снова, насколько хватало глаз, расстилались белые поля с рыжими пятнами пожухлой жесткой травы и бескрайнее серое небо над ними, небо без дна. Перламутровое, холодное, в него бы падать и падать... А на границе меж землей и небом — острые клыки Караласской гряды, хищно впивающиеся в податливую хмарь. И черные башни, виднеющиеся далеко-далеко — башни ее нового дома, Келерийской гильдии. Когда-то она так мечтала попасть сюда... Ничего, пожалуй, с тех пор не изменилось. Разве что пророк разбередил всю душу, и теперь в сердце девочки звенели натянутые струны — что-то будет. Что-то будет. Совсем скоро.

Из высоких стрельчатых окон на ступени лился свет — бледный зимний свет. Птичья башня считалась одной из самых красивых во всей гильдии: тонкий изящный силуэт обвивала каменная кладка, на которой восседали, раскинув крылья, вышлифованные из камня птицы. Время и ветра стерли их резкие черты, но не смогли стереть гордых изгибов крыл и плавных линий. Впервые увидев Птичью башню со двора, Ати чуть не задохнулась от восхищения — такой дивной красоты она, девочка из маленькой деревеньки, никогда не видела. И сейчас это место стало ее Домом.

В расщелинах окон танцевали пылинки. Стекло отливало едва заметной синевой, поэтому в башне стояло голубоватое небесное сияние. Чем ниже они спускались, тем глубже становился этот свет. Белокурые прядки волос Марги, сбегаящей по ступеням перед Ати, казались лазоревыми, словно весеннее бледное-бледное небо. Ати глядела на эти мягкие волны, струящиеся по ее спине — и видела хрустальные водопады в лунном свете. Так красиво. Цейра, идущая рядом, искоса взглянула на подругу и в очередной раз принялась ее отчитывать:

— О чем ты вообще думаешь? Если так пойдет и дальше, Сольвэ не отстанет от тебя — будешь каждый вечер подниматься в Воронье Гнездо.

Ати промолчала. Перспектива провести вечер в стылой башне наедине с суровой старухой Газрой, прозванной Вороной, ее вовсе не радовала. Но ничего с собой поделать она не могла — воспоминания втягивали ее в себя все чаще. Иногда она видела то, чего даже не помнила: белые леса, древние руины и страшных существ, до того жутких, что сердце замирало от ужаса. Может, сны? Ати не могла ответить на этот вопрос, а между тем видения

приходили все чаще, и им было плевать на то, что на занятиях ей запрещалось отвлекаться. Потому наставницы часто отправляли девочку к Гаэре, надеясь, что отвратительная старуха и нудная работа образумят ученицу. Только пока не помогало.

Цейра, не дождавшись ответа, вздохнула — совсем по-взрослому, с укором.

— Ати, Ати...

— Все в порядке, — невпопад ответила девочка, тряхнув копной русых кудрей, — За домом скучаю, вот и все. Пройдет.

Цейра наградила ее понимающим взглядом.

— Ох, ну да... Ты же недавно здесь. Я тоже сначала скучала. Но ты не грусти, Ати! Вернешься же! Вот вручат первое Крыло — а там уже можно и выбирать путь, какой пожелаешь! — и Цейра заботливо похлопала подругу по спине, да так, что Ати чуть со ступеней не слетела — рука у девочки была тяжелая, — Скоро и думать забудешь о своем Нернаэне — мы вот-вот начнем учиться Танцу.

Да. Это было здорово. Ати очень ждала дня, когда наконец теоретические занятия закончатся и начнется настоящая учеба — только с каждым днем тревога в сердце нарастала. Мы будем Танцевать по-настоящему. Сразу.

Цейра безмятежно щебетала, перепрыгивая со ступеньки на ступеньку — но Ати не слушала ее. Лестница из камня обернулась заснеженным склоном, на котором виднелась узкая цепочка следов, и где-то в тумане метели — размытый, далекий силуэт.

Крохотные фигурки девочек далеко внизу казались игрушечными — словно живые куколки в сказочном зимнем дворце. В небе над Гильдией звенели их голоса, слышался звонкий смех, тонущий в перламутровом небе. Беспечные птенцы...

Глупые беспечные птенцы. Дети холмов и зеленых полей, не привыкшие к холодам, неоперившиеся, не умеющие летать. Их голые крылья сломаются от одного порыва горного ветра, их крохотные сердца не сумеют выдержать объятий зимы — если они не поумнеют и не поймут того, насколько сейчас уязвимы и слабы. Они грезят о собственном величии, о красоте Танца и о Крыльях — обоюдоострых, сверкающих, поющих. И понятия не имеют, как же реальность далека от их снов.

Сольвэ потеряла переносицу, устало хмуря тонкие брови и прикрывая глаза. Эти девочки должны стать Танцующими, во что бы то ни стало. Пока еще не поздно, их нужно обучить Танцу, чтобы они сумели выстоять — и передать древнее искусство другим, тем, кто придет после. Келерийские Птицы не сражались с людьми — их готовили для других войн. Призрак такой войны уже завис над горизонтом, раскрыв громадные рваные крылья и хищно скалясь, глядя на заснеженные просторы. Сольвэ видела его во снах все чаще — да и другие Крылатые тоже. И не только они.

Девочка из Нернаэнна с задумчивыми серыми глазами, громадными, словно у испуганной лани. Сольвэ не сомневалась в том, что Ати умеет видеть. Гаэра должна разобраться и помочь птичке — иначе та с ума сойдет. Сольвэ не сомневалась в том, что часть ее видений будет весьма болезненной. Раз уж даже она, обычная Крылатая, чувствовала такую усталость и напряжение, что спать порой не могла, то что говорить о маленьком необученном птенце, на которого навалилась непосильная ноша? Но девчонка должна справиться — она гораздо сильнее, чем кажется, а потому выдержит.

Зима будет тяжелой. Ладонь сама легла на рукоять Крыла, привычно огладив гарду. Скоро будем Летать, скоро. Скоро снова запоешь.

Снежинки тихонько звенели, сталкиваясь в воздухе и закручиваясь белыми вихрями.

Неоглядный простор Караласской гряды тянулся далеко на север, и вдали уже невозможно было различить, где небо, а где — земля. Сольвэ замерла у окна, глядя туда — и не видела ничего. Ни-че-го. И от того тревога росла еще сильнее. Скоро грядет буря — такая, какой мир еще не видел. Они должны быть готовы.

===== Глава 1. Долгая дорога сквозь зиму =====

Сизые сумерки жалостливо скреблись в окно, словно бы упрашивая хмурого хозяина постоянного двора впустить их хотя бы в сени — но старик был непреклонен. Всякий пришедший, встречаясь с его угрюмым взглядом, спешил скорее войти и плотнее прикрыть дверь. Ищущих ночлег было совсем немного — трое купцов из Эллоина, тощая девчушка лет шестнадцати со старенькой лютней, перетягивающая струны, да компания местных завсегдатаев, которые ближе к ночи разойдутся по домам, едва держась на ногах. Старый Эдрен еще раз оглядел публику — не пропустил ли кого? Все ли заплатили за постой? Нет, похоже, не все... Но от детины, сидящего в дальнем углу зала и недобро скалящегося на девчонку с лютней, требовать плату было боязно. Эдрен не сомневался, что тот при оружии. Хорошо бы девке убраться отсюда поскорее, да не одной — иначе несдобровать ей.

В теплом свете огней у стены притаилась еще одна фигура, очертания которой скрадывал темный плащ. Старик поморщился — таких постояльцев он не жаловал, да перебирать не приходилось: денег постоянно не хватало. Зима будет холодной, говорил старейшина, а потому каждую монетку стоило беречь. Человек в плаще почувствовал взгляд Эдрена, и того передернуло — ответный взгляд ощущался практически кожей. И чувство было до того поганое — будто в полынью засунули прямо в одежду да так и оставили. Старик поспешил отвести глаза, бормоча под нос заговор Светлого, чтоб оградил от чар. Ничего, завтра уйдет, погань... За ночь-то заплатила.

Девочка с лютней наконец закончила ставить струны и тихонько принялась перебирать их, проверяя звук. Казалось, она не обращала внимания ни на что — ни на пыльные углы, ни на грязный пол с побуревшими пятнами крови, которые никто не удосужился оттереть, ни на пьяные голоса, ни на жадный взгляд незнакомца в углу... Только лютня у нее и была, и только ее она слышала. Девочка принялась наигрывать какую-то мелодию, прикрыв глаза и тихо улыбаясь чему-то светлому, неведомому другим. Что ж тебя занесло сюда, голубка... Уходи, уходи, пока никто тебя не обидел. В груди Эдрена болезненно кольнуло — да только защитить ее он не сможет в случае чего. А ухмылка на лице детины становилась все шире.

Как весна придет — принесет в льняном подоле россыпи радуг да ландышевый цвет, разольет солнце да хмель на небесное поле, кружевом зеленым оплетет сухоцвет, высвободит реки, лукаво рассмеется, веснушчатая, младая, звонкая, словно капель. Искрами янтарными разольется солнце в голубых озерах глаз ее, ветер расплетет кудель шелковых волос ее, золотых, словно высвеченные облака. Из белых ладоней ее птицы ввысь сорвутся. Она, танцуя, всю землю обойдет — поступь ее легка. Глядишь — не налюбуеться, да не сможешь ей не улыбнуться: водопады ей под ноги мечут жемчуг и серебро, травы под шагом ее не гнутся, а на тропинках — ни следа. Как весна придет — прорастет цветком сквозь сердце, сквозь ребро, в уста вольет талую воду — до чего же чиста та вода! Как весна придет — ночь закончится, зимние звезды уйдут за изломы гор, волчьи сны сгинут в небыль, далекие, словно дно океана. Отвори ей врата, она — самый святой, самый добрый под солнцем вор, что крадет горести и печали да их обращает седым туманом.

Мягкие отсветы огня золотили лицо девочки и пушистые льняные кудри, и ресницы ее казались лучиками солнца — того самого, о котором она баяла. Эдрен выдохнул — кажется,

первый раз с той секунды, когда она повела сказ. Что же ты здесь потеряла, светлая... На девочку едва ли обратили внимание захмелевшие мужики, лишь эллоинский купец, услышав нежный девичий голосок, заинтересованно оглядел его обладательницу, да потом вернулся к беседе. А вот детина встал из-за стола и направился напрямиком к ней.

Эдрен ощутил только невероятную усталость и тоску. Сколько раз уже он видел таких девочек — хрупких, тоненьких, словно молодые деревца, светлых. Тех, кто не к месту. Тех, кто слишком далек от грязи и темноты. Тех, кому объясняли жизнь самым простым и доступным образом где-нибудь в темном закоулке — или под лестницей на второй этаж, зажав рот рукой и разбив в кровь губы, до того знавшие лишь поцелуи ветров и дождей.

Старику всякий раз было больно, когда их, легких весенних мотыльков, так жестоко обращали пеплом. Но что он мог сделать-то? Если пойдет защищать несмышленную, сам отхватит, чего доброго — а он один семью кормит. Еще и дочь недавно понесла дитя. Да и жена сама не протянет.

Да и смелости у Эдрена никогда не было.

Когда детина склонился над девчушкой, старик увидел ее глаза, полные недоумения и испуга — и поспешил отвернуться. Ему не хотелось видеть, как жесткая ладонь сомкнется на ее бледном запястье, как лютня с тихим жалобным стоном упадет на пол, как этот человек потащит девочку прочь, подальше от человеческих глаз. И не хотелось видеть безразличие других. Сам-то старик очень сочувствовал и переживал, конечно — но он ведь помочь не мог. Что ж поделать.

Сама виновата — нечего было сюда в такой час являться.

Эта мысль немного успокоила Эдрена. Он не причем — девочка сама нарвалась. Громкий хохот подвыпивших мужчин, смеющихся над чьей-то шуткой, заглушил испуганный вскрик и тихую мольбу, которая тут же была приглушена.

Что ж поделать.

Она ненавидела постоянные дворы — здесь все было грязным, фальшивым и притворным. Каждая улыбка, каждое слово. Правда показывалась лишь после нескольких кружек того дешевого пойла, которым хозяева щедро потчевали своих гостей за двойную плату. И всегда эта правда оказывалась до того гадкой, что хотелось поскорее забыть ее.

То ли дело — дома... В горах всегда пахло чистотой, и холод, выстуживающий кости, давно стал частью ее, неотъемлемой и до того родной, что без стылого горного ветра дни казались невыносимыми. Даже небо здесь было чужим — хоть и она знала его с самого детства.

Острые пики Наамаха вонзались в облака, распарывая пушистые белые подбрюшья, и белоснежные склоны сливались с такими же сияющими холодными перьями в небесной синеве. По весне со склонов к темным борам спешили быстрые звонкие ручьи, поющие серебром — тысячи водопадов искрились на солнце и рассыпались яркими бликами. Это было до того красиво, что сердце трепетало от необъяснимого счастья всякий раз, когда над лесом взвивалась первая пташка. Ощетинившиеся хвоей сосны сбрасывали с могучих лап снежные шапки, и скоро подножия начинали тонуть в изумрудном море, темном и вечно колышущемся на ветру. Вереск, цепляясь о серые камни, поднимался выше, заливая склоны нежными лепестками — сиреневыми, белыми, пахнущими так дурманяще... А в предгорных деревнях женщины варили терпкий вересковый мед — и напиток вкуснее нельзя было найти даже в эльфийских дворцах. Лишь северяне знали секрет этого меда, и лишь северяне могли оценить его вкус.

Даэн, прозванная Коршуном, отодвинула от себя кружку, на дне которой еще плескалась мутноватая жидкость — хозяин постоянного двора величал ее медом. Ну-ну. Чистый мед, конечно. Настроение портилось с каждой минутой, что женщине приходилось торчать в этом заведении. Благо, никто не цеплялся с расспросами или предложениями пройти в комнату на второй этаж, иначе она точно бы разозлилась. А злить Танцующих не стоило.

Впрочем, не все было так плохо. У очага, склонив голову, пела молоденькая девушка — пела о весне и солнце. И сама была словно солнышко — весенний первый лучик, ласковый и робкий, но до того настоящий, до того искренний! Даэн наслаждалась ее голосом, тихим и мелодичным, будто перезвоны серебряных колокольцев, наслаждалась игрой отблесков огня на ее лице и золотистых волосах. словно глоток свежего воздуха в затхлом склепе. Женщина слушала, изредка прикрывая глаза и наблюдая, как перед глазами проносятся до боли знакомые места, родные тропы и древние перевалы, лесные дебри и глубокие синие озера. В груди щемило — сладко-сладко и одновременно терпко, чувство на вкус было словно тот самый вересковый мед.

Аплодисментов и восторженных криков девочка, конечно, не дождалась. Оно и не удивительно — здешней публике было не до нежных сказок. Впрочем...

Даэн быстро оценила противника — хватило беглого взгляда: слишком самонадеянный, при хорошей стали — но с низкой скоростью. Рассчитывает на силу и на то, что сопротивления не встретит. Когда мужчина грубо схватил девчонку за плечи, свободной рукой сжав тонкие запястья, и потащил ее вверх по шаткой лестнице, женщина успела заметить, как хозяин постоянного двора упорно отводит взгляд, а остальные то ли не придают значения происходящему, то ли делают вид. Грязь. Боги, какая же низость и грязь...

Танцующая плавно поднялась со скамьи и направилась следом за мужчиной, уведшим девочку. Половицы тихо поскрипывали под легким шагом — в голове ни с того, ни с сего мелькнула мысль, что в каждой захудалой таверне они скрипят по-своему. Здесь они жалобно скулили, словно подбитые щенки. Совсем уж плохо, Танцующая — видишь, какая чушь лезет в голову со скуки?

— Ах ты дрянь! — раздался грубый мужской голос откуда-то из полутьмы — на втором этаже светильников было мало. Даэн, достаточно тренировавшаяся в свое время в Гильдии, легко разглядела очертания их силуэтов — детина прижал девчонку к стене и силился перехватить хрупкие руки, мельгешащие перед его лицом в слабой попытке отбиться. Танцующая в несколько шагов оказалась рядом и нарочито громко прокашлялась, откидывая капюшон.

— Не помешаю?

Незнакомец вздрогнул и резко обернулся, не выпуская девчонку, но, увидев окликнувшую его, заметно расслабился и расплылся в неприятной щербатой улыбке.

— А что, чернуля, присоединиться хочешь?

Даже в темноте Даэн видела огромные глаза девочки, до смерти перепуганной и отчаявшейся. Мразь.

— Отпусти ее, — голос Танцующей хлестнул наотмашь — и столько льда в нем было, что мужчина вновь напрягся. Он внимательно оглядел ее с ног до головы, а затем чуть отодвинулся от девушки.

— Из какой Гильдии ты, если смеешь говорить таким тоном с Сыном Клана Арх`т-Гварха, девка?

— По этикету я должна тебе ответить. Но ты уж прости — не хочется с тобой ворковать.

Поэтому просто отпусти девочку. Ты не хочешь, чтоб я начала убеждать тебя, — это не прозвучало вопросом.

Мужчина еще раз окинул ее взглядом. Даэн прекрасно понимала, что он не станет ей перечить — ей хватило смелости требовать что-то от представителя древнейшей гильдии наемников, а значит, за ее спиной стоит не менее мощная гильдия. И за нападение на нее он может понести наказание, и притом суровое. Незнакомец зло сверкнул глазами, тихо выругался на незнакомом гортанном наречии и отступил от девочки. Проходя мимо Даэн, он попытался было пихнуть ее плечом — но Танцующей хватило одного плавного шага в сторону, чтоб увернуться. Мужчина застыл рядом с ней, сжав кулаки и побелев от злости — однако ему достало ума промолчать и поспешить прочь по скрипучей лестнице. Но Даэн была готова поклясться — он точно запомнил ее. И возможно, однажды попытается отомстить: Клан Арх`т-Гварха не прощал даже самых малых обид.

Пусть пытается. На здоровье.

Девочку била крупная дрожь, а ноги явно уже ее не держали. Даэн подхватила ее под локоть, и в следующий миг певунья, вцепившись в плечи женщины всеми пальцами, разрыдалась. Танцующая вздохнула — вот утешать она так и не научилась. У нее это получалось до того плохо, что лучше было просто молчать — это хотя бы выглядело участливо, а не так, будто она еще и издевается вдогонку. Потому Даэн неуклюже погладила девочку по спине и тихо заметила:

— Не стоило тебе засиживаться здесь до сумерек. Неужто не знаешь, сколько лихих людей в мире? А по кабакам их столько, что молоденькой девочке и по давню в такие места путь закрыт.

— Да кто же знал, госпожа... — девочка всхлипнула, отстраняясь от Танцующей и отирая ладонью слезы с лица, — Отец в город уехал за зерном, а матушка навстречу к нему послала... Он завтра должен быть здесь, вот я на постой и остановилась... А тут этот... — певунья снова залилась слезами.

Соображай, женщина, иначе она и тебя в слезах своих утопит. Только не вздумай глупо шутить, не вздумай, особенно в такой ситуации... Да. Утешать Даэн абсолютно не умела. В голову не шло ничего светлого и мягкого. Еще немного поразмыслив, Танцующая все же сумела выдать из себя единственную фразу, хоть немного напоминающую то самое «доброе слово» — так ее всегда успокаивала подруга во времена особенно изнурительных тренировок, когда все тело казалось сплошным сгустком боли.

— Ну, все могло быть и хуже...

Почему-то это не подействовало. Девочка продолжала тихонечко выть на одной ноте. Даэн вздохнула и мягко, но настойчиво, взяла ее под локоть.

— Успокаивайся. Будет тебе урок, хоть и не слишком добрый.

Та засопела носом и быстро утерла влагу с лица, стараясь не глядеть в лицо Даэн. Боится слабой показаться... Глупое дитя.

— У тебя есть комната на ночлег?

— Да, да, госпожа, не тревожьтесь, — она выпрямила спину и вся будто бы подобралась — только подрагивающие губы да заплаканные глаза выдавали ее, — Спасибо вам. Вы ведь... если бы не вы...

Даэн лишь отмахнулась — благодарности она тоже не любила. Столько пустых слов она слышала на своем веку, что теперь даже искреннее спасибо неприятно резало слух — словно бы говорилось лишь с тем, чтоб Владыка Жизни в своих поднебесных чертогах услышал это

да запомнил. Чтоб за чертой воздалось. Фальшивые воздаяния, фальшивые слова.

— Что было бы, то было бы. Не вороши былого и не тронь несбывшегося. Лучше поди да отдохни, страху сколько натерпелась за сегодня.

Девушка подняла взгляд, пытаясь рассмотреть Танцующую в полумраке коридора. Откуда-то снизу раздавался пьяный хохот, гремели глиняные чашки, слышалась брань — и Даэн хотелось поскорее сбежать отсюда, спрятаться, закрыться в тишине тесной комнатки. А лучше — возвратиться домой. На знакомые просторы, к заснеженным предгорьям и деревянным причалам на берегах задумчивых озер, к высоким древним стенам Гильдии, к Птичьему Городу... Но послушаться приказа госпожи Лорелей она не могла. Сидишь себе в башне, старая неясить, в покое да чистоте неба, а нам — скачи по захудалым городишкам, ищи ветра в поле.

— Можно узнать ваше имя, госпожа?

— Зачем? — усмехнулась Танцующая краешком рта, — Вряд ли боги столкнут нас еще однажды.

— Я заплету ваше имя в песни, — горячо воскликнула девочка, и пушистые прядки льняных волос, обрамляющих ее лицо, смешно качнулись, — Никогда вас не забуду!

Никогда. Какое недолговечное слово.

— Не нужно заплетать мое имя никуда, девочка, — покачала головой Даэн, — Оно уже заплетено туда, куда должно, а остальное — только шелуха.

Певунья смутилась, не зная, что ответить женщине. Склонив голову в знак уважения, она тихонько добавила:

— Тогда просто назовите его. Прошу вас — я хочу знать, кто меня сберег.

Даэн помедлила, а затем неохотно ответила:

— Эланинаэ.

Имя ли, прозвище — велика разница? Птичье имя стало таким же родным для нее — даже куда роднее настоящего.

Девчушка вскинула голову, с интересом глядя на свою спасительницу.

— Это имя северных краев? Что оно означает?

— Коршун.

— Спасибо вам, Эланинаэ, — она снова чуть поклонилась, — А я — Нима.

Славно. Через неделю твое имя ветер заберет из моей памяти, но раз уж тебе так хочется — пускай пока побудет там. Все же ты недурно пела.

— Бывай, Нима. И будь поосторожней. Если завтра отец не придет — возвращайся домой. Негоже тебе самой быть в этой дыре.

Танцующая развернулась на каблуках и направилась к лестнице, чувствуя лопатками взгляд девочки. Она что-то тихонько ответила, но Даэн уже не слышала ее — точнее, не хотела: слух у Танцующих был отменным. Только то, что мешалось, проскальзывало мимо.

Комнату Даэн взяла на первом этаже, поближе к выходу — пусть попрохладнее, зато уйти можно незаметно. Холода женщина не страшилась: горы давно забрали все тепло, бывшее в ней, взамен отдав такой надежный покой вечной прохлады. Иногда ей даже казалось, что жесткий северный ветер мечется внутри клетки ее ребер и растекается по венам вместе с кровью.

В темноте убранство комнатки казалось не таким убогим. Оно вообще было никаким, лишенным каких-либо «красиво», «серо», «грязно», «чисто». По большому счету, ей было плевать, где спать — лишь бы крыша над головой была. Да даже в поле можно, подальше от

дороги, но раз уж возможность не морозить кости есть...

Танцующая подхватила шаткую табуретку, притулившись к стене, и понесла ее к окну, за которым уже разлилась густая и колкая зимняя ночь. Сон еще долго не придет — да в нем и нет особой нужды: она неплохо выспалась днем, пока здесь было тихо. Сейчас же надежда на покой вообще испарялась с каждой минутой: час был не слишком поздний, а потому со всей деревни в это змеиное гнездо, которое называли постоянным двором, сползли все окрестные любители дешевого поила. Женщина устало прикрыла глаза, потерев пальцами веки. Скорее бы домой, боги...

И ведь не всегда она была такой закостенелой. Будучи ребенком, Даэн не сидела на месте ни минуты — ей хотелось дорог и странствий, горизонтов и чудес в ладонях. Тогда она, поцелованная солнцем девочка с извечно содранными коленями, постоянно сбегала из родной деревни. Постоянно грезилась о славном грядущем, которое тогда казалось чем-то волшебным, наполненным солнечным ярким светом. Ей хотелось поскорее улететь из родного гнезда в иное — то, где она смогла бы получить Крылья. Настоящие Крылья, стальные, жесткие, смертельно-опасные.

О Келерийской Гильдии ей рассказывал отец, бывший настоящим воплощением Севера: суровый, жесткий, он мог одним лишь взглядом остановить любой спор. Люди боялись и уважали его. И лишь у домашнего очага он становился совсем другим — смешливым и солнечным, словно молодой бог, сказочником, и дети визжали от счастья, слушая его истории. Братья Даэн обожали отца — да и она тоже: и по сей день его образ частенько являлся к ней во снах, где они бродили по заснеженным равнинам и говорили бесконечно долго. Наутро женщина не могла вспомнить и слова — зато помнила мудрые и добрые глаза с золотистой радужкой.

Он-то и разбередил душу маленькой девочки однажды зимним вечером, когда ей только исполнилось семь лет.

На севере земля вся изрыта громадными горными гребнями и перевалами, дитя — и не сосчитать их вершин! Там — вечные льды, там снега заметают тропы, там люди знают, что означает настоящая борьба. В их жилах течет кровь богов, девочка — и в тебе она течет.

Отец говорил это так уверенно, что Даэн пробирала дрожь. Я — дочь бога. Она не сомневалась в этом ни на одну секунду своей детской жизни.

Дочери Севера — прекрасны и сильны. Они не прячутся за стенами теплых домов, когда родному краю грозит опасность. Они наравне со своими мужчинами выходят на битвы и несут нашим врагам смерть. Есть множество древних школ, где девочек с самого детства учат воинской науке так же, как мальчишек. Но ни одно братство не сравнится с Келерийской Гильдией. Ох, дитя, это — не просто воинская школа... Там учат летать и побеждать тени. Побеждать саму смерть.

С тех пор ей и не стало покоя. Отец в шутку сам тренировал Даэн, фехтуя с ней легкими деревянными мечами. Девочке безумно нравилось, и каждый синяк и каждую ссадину она носила с такой гордостью, как деревенские девчонки носили подарки ухажеров. Мать часто журила мужа за это — мол, девчонка ведь, чему ты учишь ее? А отец лишь смеялся и уходил вместе с дочерью на лесную опушку, чтоб разукрасить ее коленки и подарить ей такие драгоценные минуты счастья.

Мечта уйти в знаменитую Келерийскую Гильдию поселилась в ее сердце, да так, что никакими клещами нельзя было выдрать. И по итогу она ведь добилась своего...

Ветер хлестал по щекам, колот раскрасневшуюся кожу острыми осколочками льда,

трусившего с неба уже который день. Белая земля, белое небо, белый силуэт отца впереди. Неимоверная усталость, голод, черная выжженная пустота в груди, где раньше горело золотое солнышко. Ресницы смерзлись, и смаргивать было больно — но Даэн молчала. Благо, слезы иссякли уже на третий день пути. Уходя из деревни, отец пообещал ей, что любой ценой доведет ее до города, где она будет в безопасности — нужно лишь потерпеть и собрать все силы. Ни мать, ни братишки не сумели справиться — и холод забрал их: сначала маленького Дэра, потом — близнецов Нэша и Уоргена, а потом и поседевшую от горя мать. Тела пришлось сжечь — промерзлую землю невозможно было прорубить.

— Мы — дети Севера, — отец сжал руку на ее плече, и лицо его было белым словно снег, укрывающий пепелище, — Ты не должна плакать.

Даэн ругала себя за слезы, но поделаться с ними ничего не могла. Мать ведь не была дочерью Севера.

А потом что-то переломилось в ней. Еще в Вергории, крупном городе, что западнее Фаулира, пустота заполнила всю ее — в тот самый миг, когда отец провожал караван, идущий сквозь метель к гряде Наамаха. Туда, где в небо вонзались птичьими когтями высокие башни Келерейской гильдии.

— Там твое спасение, девочка. Там твоя мечта.

Да. Та самая мечта, чудесная мечта ребенка, сказочная и бесконечно далекая, теперь лежала в ладонях. Только почему так бесконечно горько?..

Спустя месяц они добрались до Гильдии. В пути погибло три девочки — одна из них, Сарна, научила ее незатейливой песенке на тавранском языке, на родном языке отца Даэн. Они были дружны, спали, укрываясь одним одеялом и прижимаясь друг к дружке, чтоб было хоть немного теплее, делили скудную пищу. Когда костер уносил прах Сарны в серое небо, Даэн не ощущала ничего, кроме тупой ноющей боли — но даже она не вызывала никаких чувств.

А потом была Гильдия. Долгие часы теоретических занятий. Изнурительные тренировки. Первое посвящение, первое Крыло. Первое настоящее сражение, первая любовь — зеленоглазая, дерзкая, хищная. Тело Даэн спустя долгие годы стало оружием, отлаженным механизмом, срабатывающим мгновенно и безошибочно. Только горечь не уходила. На память о первой битве остались белые рубцы, на память о красавице Тори — развороченное сердце и желание не доверять больше никому и никогда. И единственной радостью в ее жизни стали горы.

Лишь там Даэн находила долгожданный покой. Летом она могла часами лежать на прогретых солнцем валунах, заложив руки под голову, и глядеть, как над ней проплывают облака — величественно, медленно и лениво. Иногда они соединялись в причудливые узоры, и она играла с ними, как в далеком забытом детстве — представляла воздушные замки, огромных птиц и дивных существ из старых сказок, облачных гигантов и драконов. Короткие стебли щекотали ее кожу, путались в черных кудрях, и казалось, что они вот-вот начнут прорасти сквозь нее и тянуться к небесным просторам. Даэн говорила с небом — обо всем, просто так, без всякого умысла. Она рассказывала ему о своем детстве, о золотых солнечных лучиках сквозь светлую листву, о серебристо-сизом дымке над приземистыми домами, что путался в кронах цветущих яблонь. О том, что у нее еще осталось.

Да и то, в последние годы этот далекий образ начал размываться. Даэн боялась того дня, когда она проснется и не сможет рассказать облакам ничего. Но все чаще Танцующая думала о том, что однажды это все же свершится.

Правда, сейчас было немного легче. Госпожа Лорелей, руководящая Гильдией, разослала лучших Танцующих с разведкой — что-то вновь было не так. То, чему столько веков противостояли Келерийские Птицы, вновь пришло в мир, и Лорелей почувяла это одной из первых. Теперь Даэн всюду искала признаки того, что темное время снова наступило — они рыскали по деревенькам, городам, лесам и горным перевалам. Ее отправили на юг, и это мучило Даэн так невыносимо — но мысли о том, что их ждало, были еще хуже. Слишком хорошо женщина помнила ту зиму. И слишком хорошо знала, что эти шрамы не затягиваются и не залечиваются. Никак. Ничем. Никогда.

Пожалуй, это было единственное никогда, которому она верила.

И пожалуй, именно оно заставляло ее искать с удвоенным усердием. Чтобы ни одна детская слезинка не проронила. Чтобы ни одна жизнь не была унесена следом за дымом погребального костра в седую метель.

Даэн, шурясь, глядела в темноту. За грязным стеклом мерцали огоньки — далекие дома, где уже горел свет. За стенами слышался громкий смех, грязный, отвратительный, до того неприятный, что зубы сводило. Но где-то там ведь поет свирель, и какая-нибудь молоденькая светлокосая девочка заливисто смеется, перебирая струны своей лютни, и поет о теплой весне. Где-то там ведьма варит в своей хижине волшебное зелье — Даэн всегда нравились ведьмы, почему бы одной из них не ворожить в этот час? Где-то там... И это где-то там казалось теплым огоньком, за которым она будет идти, пока еще силы есть.

За окном мелькнула плавная тень, а затем меж лопаток ошутимо кольнуло. Даэн нахмурилась: вот только этого еще не хватало... Поднявшись одним движением с шаткой табуретки, женщина набросила капюшон на голову и, бесшумно ступая, выскользнула из тесной комнатухи.

===== Глава 2. Встречи =====

Узкую, вытоптанную в снегу тропинку уже начала заметать мелкая снежная пороша. Благо, метели не было — но тяжелые облака кругами ходили по небу, зловещим шлейфом тянулись всюду, куда бы Даэн ни шла. словно напоминали: торопись. У тебя мало времени. И без вас помню, мрачно подумала Танцующая, всматриваясь в темноту.

— Не меня ли ищешь, Даэн из Фаулира? — резкий скрипучий голос, раздавшийся откуда-то из-за плеча, окончательно развеял все сомнения Даэн. Женщина скрипнула зубами и, тщательно изобразив на лице глубокое уважение, обернулась.

— Видимо, тебя, госпожа Дамала. Здравствуй.

— И тебе не хворать, — от стены отделилась тень, и в тусклый круг света на крыльце вошла невысокая женщина. Даэн взмолилась всем богам, чтоб ее гримаса хоть немного походила на улыбку, а не на судорогу — Дамалу она не могла терпеть с тех самых пор, как получила Крылья. Та, впрочем, отвечала взаимностью бывшей ученице, — Как продвигаются поиски? Нашла хоть что-нибудь?

— Нет. Никаких следов. Зачем ты здесь, госпожа Дамала? — Даэн решила не ходить вокруг да около. Если дочку Вороны принесло сюда, значит, что-то неладно.

— По твою душу пришла, — оскалилась Дамала. Улыбалась она всегда так, что у всех вокруг сразу появлялось желание сбежать куда-нибудь подальше. Глаза ее, казалось, не знали радости — два омота угольной темноты, в которых плескался стылый холод. Бледные резкие губы, жесткие, будто из камня вытесанные, черты лица, бескровная кожа — такой Даэн помнила Дамалу с тех самых пор, как впервые увидела ее. И спустя долгие годы ничего не изменилось — разве что в смоляные волосы наставницы, вечно зачесанные назад и

заплетенные в толстую косу, вплелись белоснежные паутинки седины. В далеком детстве отец говорил Даэн, что с возрастом женщины становятся добрее. Только вот это было явно не о Дамале, — Завтра ты отправляешься в Лореотт, к пещерным эльфийкам.

— В Лореотт? Постой, госпожа Дамала, почему в...

— Рот закрой, пожалуйста. — Это прозвучало практически как совет. Даэн умолкла и послушно сжала зубы, — Умница какая. А теперь в кои-то веки, Даэн из Фаулира, не перебивай и дослушай до конца. К своим годам ты должна была бы этому научиться, не так ли?

— Так точно, госпожа Дамала, — когда придет весна, вызову тебя, молодая Ворона — больно перья топорщишь.

— Итак. Повторяю: завтра утром ты отправляешься в Лореотт. Вместе с тобой пойдут еще двое, Меред и Атеа. Вы встретитесь у Серой Топи, а дальше будете идти на северо-запад, через Перевал Химер — напрямик к пещерам желтоглазых. Лорелей отправила им птицу, так что думаю, вас не убьют в ущельях. По крайней мере, не сразу, — вновь оскалилась Дамала. Даэн похвалила себя: она все же умудрилась сохранить бесстрастное выражение лица.

— Далее. Королева желтоглазых сама прислала письмо в Гильдию с просьбой о помощи: несколько молодых девочек пропало в лесах близ склонов Лореотта, а их старуха, Мэгавар, чует темных. Возможно, там-то они и гнездятся. Вам нужно узнать, где пропадали девочки, и осмотреться там. Еще раз, Даэн: только осмотреться. Узнать, есть ли там темные, сколько их. Куда направляются. Кто их ведет на этот раз. Все ясно? — пронзительный взгляд Дамалы впился в женщину.

— Так точно, госпожа Дамала, — без тени эмоций ответила та, спокойно выдержав пристальный взгляд бывшей наставницы.

— Вот и славно. Надеюсь, вы не будете предпринимать каких-либо глупых инициатив, Даэн — из вас троих мозгов больше всего у тебя, как ни печально мне это признавать. Потому я обращаюсь к тебе: отвечать за всех будешь именно ты.

Естественно. Кто бы сомневался.

— Разреши вопрос, госпожа Дамала.

— Разрешаю, — нехотя буркнула дочь Вороны.

— Кто и почему выбрал нас для этого, госпожа Дамала? У Гильдии много свободных Птиц — даже выпускницы могли бы...

— Не могли бы, — отчеканила Дамала, — Это приказ Лорелей, и он не обсуждается. Имена тоже назвала она. Поэтому умолкни, собери всю полученную информацию воедино и сделай то, что тебе приказано. Разума на это тебе должно хватить. Доброй ночи, — с этими словами Дамала развернулась на каблуках и спустилась с крыльца.

— Ты не переночуешь здесь, госпожа Дамала? Ночь на улице — ты могла бы разделить со мной кров, если это угодно тебе, — не то что бы Даэн горела желанием находиться с дочерью Вороны больше того времени, что она уже провела в ее обществе, но, не предложи она Дамале остаться, та могла бы счесть это оскорблением.

Женщина обернулась через плечо и вновь плотно оскалилась:

— Даэн из Фаулира, если ты попыталась таким образом затащить меня в койку, вынуждена разочаровать тебя: ты не в моем вкусе. Но не расстраивайся. Я никому не расскажу о твоей неудаче, — и, набросив на голову капюшон, направилась прочь от постоянного двора, оставив остолбеневшую Даэн у порога.

Вот же стерва старая. Точно вызову.

Даэн вспоминала издевательскую улыбку бывшей наставницы еще дня три — и с каждым разом придумывала все более нахальные ответы на ее шутку. И злилась на себя за то, что они не пришли в голову раньше. Дамала заставила ее почувствовать себя глупой маленькой девчонкой, птенцом, как пренебрежительно называли наставницы юных учениц. Вот только ей давно уже не пятнадцать лет.

Потом обиду вытеснил покой и безразличие — да какое дело? Дамала может скалиться сколько угодно: это не выведет Даэн из себя. Именно потому, что мне давно не пятнадцать лет. А потом разговор с ней и вовсе забылся, когда на горизонте показалась стена деревьев Гарварнского леса.

К этому месту Даэн всегда относилась с особым трепетом. Здесь — только гораздо южнее — прошло ее детство. Она хорошо помнила бересклетовые заросли и серебристые косицы молоденьких ив, спускающиеся к воде, мрачные сосновые рощи и полянки, залитые горячим летним солнцем. Лучи дробились, разбиваясь о переплетения ветвей и листьев, и свет пронизывал воздух золотыми стрелами. Летом там всегда пахло нагретой землей и спелой земляникой, и птичий гомон не утихал до самого вечера. Летом она часами играла там, и лощина была лабиринтом, а старое дерево с громадным дуплом — замком... Как же давно, боги. Как же давно.

Ближе к Наамаху леса Гарварны становились совсем уж дикими и колючими, и до того суровыми, что маленькие дети южных холмов, прибывшие в Келерию, всерьез боялись темной чащобы, подступающей к их горам. Но север быстро выстудил страх — да и все чувства тоже. Даэн часто думала о том, как ощущают мир другие, не знающие этих холодов. Наверное, каждый их день наполнен солнцем — как тогда, в детстве...

Хватит. Нет уже твоего детства.

До Серой Топи она добралась спустя пять дней, и все это время тяжелые облака не отставали от нее ни на версту. Снег сыпался все таким же мелким крошевом — и Даэн чувствовала: что-то не так. Наставницы говорили, что когда дикие пробуждались, снег шел непрерывно, и громадные хлопья застилали землю толстым ковром за считанные дни. На этот раз все было иначе, и это настораживало ее. Но пока ничего сделать она не могла.

Серая Топь — маленькая деревенька близ болот — выглядела донельзя отвратительно. Покосившиеся дома, беспорядочно наклепленные вокруг колодезной площади, казалось, доживали свою последнюю зиму. Чахлые сады, окружающие дворы, только добавляли убогости в пейзаж. Даэн, добравшаяся до деревни поздним вечером, даже боялась подумать, что ждет ее на местном постоялом дворе. Оный обнаружился все на той же площади — рядом ютился дом старейшины. Наверняка он-то и держит.

Вывеска на скрипящих петлях гласила «Уютный очаг». Под крыльцом тихо поскуливал худой облезший пес, а гнилые ступени грозили проломиться под ногой. Уютнее просто некуда. Внутри заведение оказалось еще более паршивым. Также паршивость ему придавали две особы, сидящие у едва теплящегося очага. Точнее, одна.

Первой ее заметила именно Атеа.

— Здравствуй, Даэн, — мурлыкнула она, нарочито медленно поднимаясь со скамьи и пытаясь незаметно отбросить плащ назад за спину. Золотые пушистые ресницы трепетали, словно крылья бабочки на ветру, а взгляд янтарных глаз стал голодным. Даэн передернуло. Боги, ну почему я?!

— Здравствуй, Атеа, — как можно холоднее ответила женщина, проходя мимо

светлокозой Птицы и протягивая руку ее спутнице, — Здравствуй, Меред.

Они стиснули ладони друг друга, и Меред хлопнула ладонью по скамье рядом с собой.

— Садись, Даэ. Устала с дороги, видать?

— Есть немного. Вы давно здесь?

Меред только открыла рот, как ее опередила Атеа:

— Нет, вовсе нет! Только вчера прибыли — правда, без тебя здесь было так тоскливо...

Но зато теперь все прекрасно! — хищный блеск в глазах Атеа заставил Даэн отодвинуться подальше от нее. Меред закатила глаза:

— Отстань от нее, Лебедь. Не время и не место.

Атеа картинно надула губки, но послушалась. Даэн с благодарностью взглянула на Меред: только она могла приструнить молодую красавицу. Практически все время Атеа занималась тем, что вешалась на окружающих ее Птиц и строила глазки наставницам. Многие поддавались ее чарам — и ведь было чему поддаться! Атеа стоило только склонить голову набок и взглянуть из-под пушистых ресниц, и окружающие мгновенно готовы были исполнить все ее прихоти. Лебедь прекрасно знала это и активно пользовалась своей красотой. Золотая кудель ее локонов спадала до самых бедер, а глаза у нее были совершенно дивные: будто темный мед. Хитрая, словно лиса, изящная и гибкая, словно кошка, она легко перелетала из рук в руки и практически не имела друзей. Только боги знали, как так сложилось, что златовласая Птица прибилась к молчаливой, спокойной и рассудительной Меред — более того, как сложилось, что они общались вот уже десять лет. И повлиять на Атеа в течение всех этих лет могла лишь Меред.

Если Атеа волочилась за всеми вокруг, то Меред никогда не позволяла себе этого. Даэн не раз наблюдала, как в перерывах между занятиями девушка сидит где-нибудь на парапете над ущельем в одиночестве и задумчиво смотрит куда-то вдаль. Ветер ворошил короткие темные прядки, касался длинного белого шрама на открытом затылке, обнимал крепкие плечи юной Меред — а она сидела, даже не шевелясь, и другие Птенцы с интересом поглядывали на нее еще тогда. Ее нельзя было назвать красивой, или хорошенькой — но надежность молодой Птицы притягивала к ней окружающих. А ее недоступность притягивала еще сильнее. Спустя несколько лет за Меред начали таскаться целые стаи свободных Птиц, а она оставалась все такой же отстраненной и холодной ко всем. После того, как второе Крыло легло в ее ладонь, Меред вознамерилась учить Птенцов — самых младших, которые не начинали при ее приближении мурлыкать с придыханием и бросать на нее масляные взгляды. Все так же молодая женщина приходила к ущельям и любовалась закатами и узорами снега, которые ткал в воздухе ветер. Даэн иногда сидела вместе с ней, и между ними возникло что-то вроде дружбы — точнее, молчаливого понимания. Их обеих взял стылый горный холод и отпускать явно не собирался.

Даже глаза у Меред были, словно северное море — или высокое зимнее небо: прозрачно-голубые, с темно-серым окоемом. И если бы хотела, она могла бы одним взглядом покорять самых неприступных женщин. Только она не хотела.

Шаг, поворот, вдох. Шаг, шаг, выдох. Изогнуться, замереть. Резкий взмах рукой, вдох.

Когда на башни Гильдии опускалась темнота, самая загадочная Птица Келерии выходила Танцевать на забытое всеми плато, где только ветер гулял. Каменный парапет, истертый ветрами, во многих местах осыпался в пропасть, и даже самые отчаянные Птенцы боялись соваться к краю — внизу хищно сверкали обледеневшие острые камни, больше похожие на клыки. Ущелье, разверзнутое словно пасть дикого зверя, темнело и будто ждало,

когда мощный порыв ветра сбросит хрупкую человеческую дочь вниз.

Здесь горы любят кровь, девочка...

Мереди всегда танцевала у самого края.

Ветер целовал обнаженные руки и крепкие плечи, затянутые в темную плотную ткань. В вечернем тусклом мареве заснеженной долины Крылья, вынутые из ножен, блекло сияли, и, когда девушка плела узор Танца, ее тело окружали серебряные росчерки. словно и впрямь прозрачные перья.

Мереди всегда танцевала с закрытыми глазами.

Здесь горы не терпят страха, девочка...

Мереди не боялась.

Никто не знал, как прозвали Мереди после того, как ей дали Крылья. Никто не знал, какой Птицей нарекли ее.

Ее обществу Даэн даже радовалась — из всех молодых Птиц Мереди была ей ближе всех, да и смекалки у нее имелось достаточно. Но всюду за тихой Мереди по пятам ходила Атеа, и с этим приходилось мириться как с неизбежным. Именно поэтому весть о том, что им придется идти в Лореотт вместе, не слишком обрадовала Даэн. Впрочем, неважно. Гильдия приказала.

— Дамала что-нибудь говорила вам кроме того, что нам нужно искать темных в лесах близ пещер?

Мереди неловко дернула плечом:

— Дамала нам вообще ничего не говорила. Нас встретила Илима, у Прибережка — сказала незамедлительно двигаться сюда и ждать тебя здесь. Мол, приказ Лорелей. И что у тебя будет больше информации, — она выжидающе взглянула на Даэн.

Плюсы возраста и рангов. Заправив за ухо выбившийся из косы локон, Даэн откинулась спиной на стену и понизила голос:

— В Гильдию пришло письмо от королевы горных эльфиек, Шедавар. Пропало несколько девочек в лесах близ Лореотта.

— И что? — фыркнула Атеа, скреживая руки на пышной груди, — Знаем мы этих желтоглазых девок... и то, почему они убегают. Шеда небось не разрешает молодым ходить друг другу в пещеры, как думаешь, Даэн? — голос ее вновь стал бархатным, а глаза — охотничьими.

Мереди вздернула бровь и покачала головой — словами Атеа играла искуснее певуний в столицах.

— Я думаю, — тихо-тихо молвила Даэн, — Что тебе стоит перестать похабничать. По крайней мере, в моем обществе. Мереди верно сказала — не то время и не то место.

— А разве я похабничала, госпожа Коршун? — Атеа наклонилась вперед, протягивая изящную руку к языкам пламени и искоса глядя на Даэн. Сквозь золотые кудри, упавшие на лицо, мелькнула тонкая улыбка. Даэн ненавидела подобные улыбки.

Ненавижу женщин.

— Их ведающая, Мэгарвар, чует темных. Совсем рядом от подземного города. Шедавар предполагает, что где-то есть логово. Мы должны проверить это — но только проверить, в бой не соваться. Неизвестно, сколько их там. Выяснить все, что можно.

— А если нет никаких темных, и остроухие действительно сбежали... просто так? — с сомнением в голосе поинтересовалась Атеа, — Мы потеряем много времени. Гильдия разослала около сотни Птиц на местность — и нас троих уже можно вычесть. Из оставшихся

половина — несмышленный молодняк, только получивший Крылья. Мы должны быть в низинах на тот случай, если...

— Если Ярис взойдет? — резко перебила Даэн, — Вынуждена несколько опустить тебя на землю: она уже на небе. А если хочешь оспорить приказ Лорелей — пожалуйста, отправляйся в Гильдию. Мы с Меред управимся без тебя.

...С превеликим удовольствием.

Атеа решительно потрянула копной золотистых кудрей.

— Ну уж нет. Спорить с Лорелей только дурак станет.

Странно, что ж ты тогда отмалчиваться собралась?

— Вот и славно. Выдвигаемся завтра на рассвете — до предгорий не больше двух-трех дней пути, а там уж придется карабкаться по склонам. Надеюсь, за неделю дойдем до пещер, — Даэн поднялась со скамьи и вопросительно взглянула на Меред, — Комнату на ночь вы взяли?

— Да, — Меред взъерошила спутанные прядки пятерней — так она всегда делала, когда начинала утомляться, — И я предлагаю спать. Завтра будет долгий переход — а мы устали.

Она первая поднялась со скамьи и направилась к полутемному проходу, занавешенному ветхим полотном. Даэн последовала за ней, оставив Атеа сидеть в одиночестве у огня. Загрибок почти горел — тавранка ощущала взгляд Лебеда, и ничего хорошего от этого взгляда она не испытывала.

В комнате на грязном полу лежали набитые сеном тюфяки, а поверх них — походные одеяла Птиц. Единственная узкая кровать, стоящая у окошка, не внушала особого доверия — меньше всего Даэн хотелось кормить здешних клопов. В этой дыре они наверняка питаются редко, а потому должны быть жутко голодными. Меред, судя по всему, рассудила точно так же. Усмехнувшись, молодая Птица кивком головы указала на кровать.

— Это оставим для нашей принцессы — пусть отдохнет с комфортом. А простым смертным и вот такого хватит, — она растянулась на тюфяке, заворачиваясь в свое одеяло. Даэн опустила рядом с ней.

— Тому, кто принял ее в Гильдию, стоило броситься на Крыло. Дважды. Чтоб наверняка.

Меред покачала головой.

— Ты видела ее глаза? Всей Келерии пришлось бы перерезаться — она бы так просто не отстала. Из кожи бы вылезла — а своего бы добилась, — она немного помолчала, а затем совершенно неожиданно добавила, — Выглядишь отвратительно, Даэн.

Что поделать.

— Давай-ка спать, Меред. Обменяться комплиментами еще успеем.

Меред в ответ хмыкнула и, по-детски спрятав руки под голову, зарылась в свое одеяло. Даэн боком ощущала ее тепло, и от этого на душе стало немного светлее. Она все еще может чувствовать. Ей-то давно казалось, что ей чужды все ощущения — а нет. Пока еще нет. Вот и славно.

Ночью все тени серые, бледные, лунные, раз-два-три, тихо-тише, спи, дитя... С-с-спи. Ночью шепоты-шорохи, да что там — тебе это только снится. Снитс-с-ся... Раз-два-три, раз!

Даэн резко села, прислушиваясь. В вое ветра за окном ничего не изменилось, все так же сыпал снег да стонали старые стены. Вот только руки словно звенели, а к горлу подкатила ледяная волна ужаса.

Тише-тише, доченька, с-с-спи. Ночь с-с-седая за окном бродит, я за окном брожу, за

окном — холодно, впус-с-сти меня... Впус-с-сти да с-с-спи, доченька, дай погретьс-с-с-ся...

Меред, сидящая напротив, не мигая таращилась за окно, а рука ее инстинктивно потянулась к Крылу за поясом. На кровати замерла Атеа, дико озирающаяся по сторонам.

— Не слушать, — негромко приказала Даэн, медленно поднимаясь с тюфяка и сбрасывая плащ, чтоб не мешал, — Слушать только меня. Концентрируйтесь на мне и на Крыльях, обе.

Меред кивнула и стала спиной к Даэн, напряженно глядя на дверь. Атеа уже вытащила Крылья, и тонкие лезвия с тихим скрежетом сомкнулись, когда Танцующая приняла первую боевую стойку.

— Ждать.

Впус-с-сти же, девочка, с-с-славная, милая — я с-с-спою тебе, с-с-сердечко убаюкаю, с-с-станешь тихой и легкой как с-с-снежок...

В скрежете чужого голоса слышалась странная мелодия. Жуткая, пугающая — словно скрип несмазанных петель в помещении, где ветра нет. Даэн чувствовала страх, медленно заполняющий комнату, как вода заполняет затонувшую лодку. Нехорошо. Так мы долго не протянем.

— Они питаются страхом. Птицы, соберитесь. Неужто забыли, как проходили Посвящение?

— На Посвящении против нас не выпускали темных, — отстраненно заметила Меред, а Даэн ощутила, как сердце рухнуло куда-то вниз. Не веря своим ушам, женщина переспросила:

— Что?!..

— Против нас не выпускали темных, — повторила Меред, — Вот уже три года наставницы не могли найти ни одного из них, и мы сражались с мороками Гаэры.

Спаси нас, Хартанэ... Богиня-птица вряд ли услышала ее — оставалось надеяться лишь на себя. Подавив клокочущий в горле рык, Даэн вынула из ножен Крылья.

— И бес с ним. Значит так. Немедленно закройте, выкиньте все мысли. Позвольте Узору создаться самому. Танец будет творить вас, а не вы его. Если в тот момент, когда эти твари проберутся сюда, одна из вас допустит хоть одну лишнюю мысль — я не смогу вам помочь. И никто не сможет.

Скрипнула половица за дверью. Тихий шорох, будто кто-то легонько царапал шероховатые доски, отозвался мурашками в позвоночнике. Не мысли. Даэн хорошо помнила, как сражаться с дикими — страха не было. Но страх молодых Птиц рядом практически забивал весь покой, с таким трудом выстроенный ею. Долго она не выдержит.

— Хартанэ, помоги нам, — одними губами шепнула Даэн.

В этот самый миг щеколда на двери сдвинулась, и дверь отворилась.

===== Глава 3. Первый полет Птиц =====

— Выходи, Даэн из Фаулира, докажи свое право носить Крылья и зваться Келерейской Птицей.

Молодая девочка, напряженная и бледная от волнения, сделала шаг на арену. Рукояти боевых клинков неприятно скользили во влажных ладонях, но тревожиться о том было некогда. Первое посвящение.

Тусклый свет факелов разгонял темноту, заставлял ее забиться по углам. Стояла гулкая тишина — даже шороха дыхания слышно не было. На высоких галереях по периметру арены сидели все наставницы — и их взоры были устремлены на одинокую тонкую фигурку в

центре. Даэн кожей ощущала их, и это одновременно поддерживало и выбивало из колеи. Пристальное внимание она всегда не любила.

Дышать глубоко и спокойно. Тело само знает, что делать. Не мешать Узору.

Он вышел из тени прямо перед ней — голодный, с безумными глазами, жуткий. В первую секунду страх накатило с такой силой, что девочка чуть не выронила клинки. В белых глазах духа отражались видения былого, которые она пыталась забыть так давно — и он знал о том. Откуда-то издалека, из тумана, донесся голос наставницы Хольды. Не слушай. Не гляди.

Она Танцевала почти час. Изнуренная, взмокшая до нитки, ослабевшая и израненная, Даэн доверилась Узору, который вел ее сам — и когда черная пустота, бывшая кровью дикого, ушла в песок, девочка ощутила впервые, как всю ее пронизывает чужая, свободная сила. Эта сила уберегла ее, взяв взамен все, что только можно было. Даэн отдалась ей безропотно, как и говорили наставницы. Птицы Келерии не принадлежат себе. Они принадлежат только Танцу, только той силе, что движет планеты и поворачивает Колесо — великий символ цикла жизни и смерти, символ всего. Во времена Изломов Колесо замирало, не совершая оборот, и мир начинал рушиться. Из своих нор выползали темные твари, духи с отравленным сердцем и дикой кровью — и именно против них и их предводительницы сражались Птицы.

Потом было теплое забытие обморока, боль затягивающихся шрамов и неприятный запах целебных трав. А еще — лежащий рядом слегка изогнутый длинный кинжал, на дымчатом хищном лезвии которого плясали отсветы огоньков масляных ламп. Трепет и гордость за себя, когда рукоять Крыла впервые легла в ладонь — так, словно всегда там была. Даэн добилась. Будучи бескрылой, она заслужила первое Крыло.

Пересечья выбеленных временем шрамов на коже и эта память не дали ей сейчас дрогнуть, когда в чернильно-темном проеме двери мигнули белые глаза. Она уже падала в эти стылые омуты.

Дух вышел из темноты, неестественно улыбаясь и крадучись, чуть покачиваясь из стороны в сторону — словно змея, готовящаяся к броску. Он был не выше десятилетнего ребенка, да и в чертах жуткого лица сохранилось что-то детское. Даэн передернуло: этот стал диким в совсем юном возрасте. Возможно, до превращения он был новорожденным болотным огоньком и только и знал в своей жизни, что звенящее весеннее небо да птичьих трели. Темнота так рано забрала его...

Существо переводило взгляд с одной девушки на другую, и в темном разрезе рта показались острые белые зубки. Даэн слышала прерывистое дыхание Атеа — словно у загнанного зверька. Меред ощущалась спокойнее и надежнее: на какой-то миг Даэн подумалось, что девушка и вовсе не здесь, и не видит этого воплощения ночных кошмаров. Оно и к лучшему. Танец сам тебя поведет, птичка.

— Прос-с-сил, упрашивал, а так на порог и не пус-с-стили... — свистящим шепотом молвил дух, с деланной обидой хмуря лоб, — Но я с-с-сам дверцу открыл, с-с-сам хозяина нашел, убаюкал бедолаженьку — пус-с-сть с-с-спит. — Существо зашло визгливым хохотом, откинув назад безобразную голову со спутанными серыми лохмами, а затем снова уставилось на Птиц, — Да перед тем, как ус-с-снуть, дал мне хозяин напиток-с-с-ся. Добрый хозяин, добрый...

Дикий сделал плавный шаг ближе к Меред. Та не шевелилась — казалось, не дышала даже. Молодец, девочка. Не дай ему заговорить себя — я помогу. Хартанэ, пусть он будет

один! Надежды на это практически не было — дикие почти никогда не бродили отдельно от стаи — но все же...

— Да только жажду мою не унять одним глотком, знаешь, крас-с-савица? — дух сделал еще один шаг к Меред. С темных болезненно-серых губ по подбородку медленно покатила густая, словно деготь, черная капля, и существо медленно облизнулось, — Мне бы с-с-нова, мне бы с-с-нова, а у тебя, хорошая, ес-с-сть то, что мне нужно!

С этими словами дух рывком вскинул тонкие руки, прикрытые ветхими лохмотьями, и протянул ладони к Меред. Одновременно с этим девушка расчертила воздух Крыльями, и стальные отблески разрубили пополам черные туманные нити, вырвавшиеся из рук дикого и тянущиеся к ней. Так некоторые темные духи охотились — словно пауки, они оплетали своих жертв черной ядовитой энергией и наслаждались их медленной агонией. Черная энергия вызывала самые страшные воспоминания и усиливала их в сотни раз, а дикому только того и надо было. За такими духами по пятам следовали более слабые дикие — они, будто падальщики, лакомились тем, что оставалось от жертв «пауков».

Дух огорченно вздохнул, глядя, как опадают и рассеиваются нити, сотканые из тьмы. Его белые глаза все так же неотрывно глядели на молодую Птицу, словно двух других и не существовало. Она сильная, поняла Даэн. Сильная, а ему хочется поиграть. Тварь.

— Что же ты, милая девочка, режешь мои ниточки? Я лишь обнять тебя хочу, прилас-с-скаать!

На этот раз Меред не позволила духу атаковать первым. Раскрутив одно Крыло кистью, девушка напала, целясь прямо в сердце дикого, но тот оказался быстрее. Одно мгновение — и дух словно из ниоткуда возник за ее спиной, прямо напротив Даэн. Молочные глаза без дна цепко впились в самую ее суть, но Даэн отбросила этот голодный взгляд. Гаэра учила их закрывать свое сознание, чтоб дикий не смог проникнуть туда и вызвать видения из прошлого. Прошое всегда страшнее, чем то, чего и в помине не было, мои птицы, говорила старуха. Прошое затягивает и не отпускает. Остерегайтесь тех, кто ведет вас в былое.

Дикий зашипел, изогнув пасть в ухмылке, а затем чуть повел головой, оборачиваясь на Атеа. Корпус его при этом оставался неподвижным, и от вида вывернутого так неестественно тела Даэн снова передернуло. Дух повернулся целиком и медленно начал приближаться к девушке, двигаясь рывками, то практически незаметно, то быстро и резко. Играет, тварь. Атеа, напряженная и напуганная, глядела на него, и Даэн прекрасно понимала — девочка не справится. Слишком много мыслей металось в ней, и сейчас дух попробует их на вкус. А затем и саму Атеа.

Даэн сконцентрировалась на Меред, находя в гуле мира сгусток ее энергии. Этому тоже их учила старая Ворона-Гаэра — Птицы запечатывали друг в друге тонкие силуэты собственных душ, встретившись пусть даже однажды, чтоб связываться без слов. Дикие не могли прочесть такие послания и изменить их тоже не могли.

Меред. Идем со мной — ей нужно помочь. Я отвлеку его на себя, ты будешь прикрывать Атеа, если он все-таки попытается добраться до нее.

В голове прозвенел напряженный голос Меред.

Даэн, здесь еще один. За дверью, пока ждет. Послабее — падальщик. Боюсь, попытается напасть со спины.

Бес бы вас всех взял обратно, откуда вы явились...

Хорошо. Он — на тебя, я иду к Атеа.

Меред не ответила, да в том и не было нужды.

Дух ощутил движение Даэн, и когда Крыло, очертив высокую дугу, с тихим свистом рассекло воздух, ушел из-под удара в самый последний момент. Резко крутанувшись, дикий оказался совсем рядом и полосанул когтями наотмашь, метя в горло Птице. Та чудом увернулась, возвращаясь в защитную стойку. Дыхание не сбилось, разум оставался чистым и ясным полотном — но Узор не создавался. Это начинало тревожить Даэн: она знала свое движение. Знала, что сделает. Такого не бывало, когда Танец посылала Хартанэ — стало быть, Узор плела сама Даэн. С дикими так нельзя.

Дикий с тихим рыком начал обходить ее по кругу, словно зверь, и времени на размышления и тревогу не осталось. Даэн ждала, когда он сделает рывок для новой атаки, и ощущала, как медленно наливается жизнью Крыло.

— ...Крыло — это вы сами, а не бездушный кусок металла. Любой дух боится железа: стоит только ему проникнуть в тело духа, стоит лишь слегка коснуться его оболочки, как то, что мы называем плотью духов, начинает разрушаться. Эти раны они не могут залечить. Ваши Крылья выкованы здесь, в Гильдии, и, покуда вы носите их, они будут вашей защитой. Но ничто не дается просто так, Птицы. Чтобы обрести настоящую силу, чтобы заплести Узор, вы должны позволить Крылу врасти в руки, стать продолжением ваших ладоней, ваших перьев...

Крылья и впрямь будто врастали в ладони — Даэн не ощущала границы, где заканчивалась ее кожа и начиналась шероховатая поверхность рукояти. Казалось, будто материи сплелись воедино, и разницы между остро заточенным лезвием и ее рукой больше не существовало. Казалось, что кровь Даэн течет в глубинах жесткой структуры, делая ее мягкой, пластичной и живой.

Краем глаза женщина успела увидеть, как в комнате появилась еще одна тень, и как Меред резко уходит вправо, скидывая Крыло. А потом дикий напротив самой Даэн исчез в коконе черных нитей, оплетших его с ног до головы. Даэн чудом умудрилась заметить — даже ощутить — устремившиеся к ней жгуты черной энергии и разрубить их, но Атеа не успела. Истощенный вопль девушки оборвался, и чернильные щупальца вязкого тумана поглотили ее, пряча тело в густую живую тьму. Даэн ощутила ликование духа — теперь он питался жизнью Птицы, и, если эту связь не прервать, скоро Атеа сольется с ним.

Но время вдруг замерло. Времени больше не существовало.

С запоздалой радостью Даэн узнала ощущение — а затем нырнула в него целиком, растворяя себя в стремительном потоке.

В серой туманной пустоте, в бесконечном пространстве без границ и форм танцевала шестикрылая женщина, сияющая ярче, чем тысячи солнц. Золотые гибкие перья обнимали изящное тело, вычерчивали ведомый лишь ей Узор. Даэн следила внимательно, всей собой запоминая ее движения.

Я — твоё перо.

Тело, забывшее о своей сути, стало гибким и свободным. Даэн ощущала собственные движения отстраненно, чутко прислушиваясь к образу внутри себя и повторяя Узор, который нашептывала ей Хартанэ. Богиня с хищными мудрыми глазами дикой птицы танцевала, и Танец шел сквозь Даэн, выпивая ее без остатка — и наполняя до самого дна.

Теперь она видела духа ясно. Вот он, размытый призрачный контур за завесой темноты. Заслонив правым Крылом шею и отведя левое назад за спину, Даэн молниеносно ударила, разворачивая тело и отпуская его волчком. Дикий, разгадав ее движение, плавно шагнул назад, но Птица, остановив инерцию, мгновенно повела Крылья вверх, вспарывая несколько

нитей, связавших Атеа. Черная энергия опала смятым тряпьем на пол и растаяла в воздухе, словно морок — но не вся: часть нитей все еще оплетала тело, которое уже окутало едва заметное свечение. А дух, злобно скалясь и крепко держась за Атеа, снова напал.

Ощущение было таким, словно все кости перемалывают на жерновах. Горячая, злая волна темного образа ударила наотмашь, проникая в тело и силясь разорвать ниточки жизненной энергии, а вместе с ними — жилы и вены. Даэн позволила неистовому чувству пройти сквозь себя, но боль была невероятной. Крылья стали тяжелыми на один короткий миг, и этой крохотной крупицы времени духу хватило для того, чтоб снова послать вторую волну, а вместе с ней и ударить самому.

Каменный мешок, кишачий змеями и громадными пауками, сдавливающий тело со всех сторон. Живое, страшное, подвижное пространство, пронзающее не хуже копий, жалящее и отравляющее все, что попало в него. Даэн упрямо сжала челюсть и успела скрестить лезвия над сердцем ровно в тот миг, когда острые когти уже готовы были распороть ее сверху донизу. Женщина резко и коротко развела руки — и существо сипло завопило, разом отпуская черные нити, держащие Атеа. Вместо кисти теперь у духа была пустота, стекающая на пол густой темной кровью. Дикий поднял на Даэн глаза, полные слепой ненависти — но та не стала ждать, пока он разозлится окончательно.

Правое Крыло вновь ушло вверх, самым кончиком стального пера распарывая серую кожу духа. Даэн плавно скользнула вниз, на мягких ногах подныривая под черный хлыст, возникший в уцелевшей руке дикого и взвившийся к лезвию. Ядовитый жгут оплел клинок, и рука тут же взорвалась болью, стремительно текущей вверх, к плечу. Суставы выкручивало, вены жгло огнем, а дух с силой выворачивал ее еще сильнее, безумно скалясь и уходя раз за разом из-под ударов левого Крыла. Даэн ощущала физически, как Узор начинает бледнеть, а разум возвращается в тело вместе с болью. Нельзя!

Последний образ, последнее движение богини. Оно было размытым, нечетким, словно Хартанэ не знала, стоит ли так закончить свой Танец. Даэн тоже не знала — но выбора у нее не было. Узор распадался на глазах, и оставалась крошечная секунда, пока еще дух не завладел ей.

Крыло ушло по обманной кривой дуге, а затем резко упало вниз. Даэн сделала быстрый выпад из последних сил. Дух не успел разгадать ее маневр, и лезвие вошло глубоко под ребра, разрезая переплетения черной материи под кожей дикого. Существо замерло, и Даэн почувствовала, как правое Крыло высвободилось, а хлыст из энергии рассыпался мягким прахом. На губах духа вздулась черная пена, а уголок рта дернулся в улыбке.

Даэн знала, что будет видеть эту улыбку в ночных кошмарах.

Ладонь, покрытая струпьями, мягко, почти любовно легла на клинок у самого основания, а затем дух сомкнул пальцы, со свистом шипя. По лезвию побежали тяжелые темные капли, срывающиеся на пол и обращающиеся туманом, так и не достав до земли

— Ну же, маленькая... Что же ты с-с-стоишь... С-с-сделать с-с-сама не можешь — так я помогу.

С этими словами, переходящими в хриплый стон, дух резко подтянул собственное тело по лезвию, вцепившись рукой в сталь. С трудом оторвав ладонь от клинка и переместив ее на гарду, дикий придвинулся еще ближе, и Даэн ощутила, как Крыло выходит из его тела сзади под лопаткой. Лицо существа было совсем близко, и в белых глазах, затянутых пеленой, плескалось нечто такое, от чего Птице захотелось сбежать хоть на самый край мира — только бы забыть этот стылый холод и что-то, напоминающее... безумную радость?

Очертания и контуры духа начали меняться, и вскоре Даэн с изумлением глядела на невероятно красивую женщину с тонкими чертами лица и бурей спутанных черных волос. На алых и без того губах женщины блестела кровь, а в темных с поволокой глазах можно было утонуть. Она тяжело дышала, и на белой шее слабо трепетала жилка. Окровавленная узкая рука нежно легла на ладонь Даэн, отчего та едва не вскрикнула — к коже словно уголья приложили. Женщина, опустив длинные ресницы, приблизилась еще и шепнула в самые губы Даэн:

— Еще увидимся, Пташка. За тобою — долг, который ты мне вовеки не оплатишь.

Сил терпеть больше не было. Даэн с тихим рыком провернула лезвие, и существо тут же рассыпалось темными обрывками пепла, клочьями тумана, развеялось и обратилось в ничто. Боль отступить и не думала, и Даэн хорошо знала: будет только хуже, тут уж ничего не попишешь. Крылья вновь стали легкими — не тяжелее обычных клинков. Стало быть, Меред тоже справилась?..

Ища подтверждения, Даэн обернулась. Меред сидела на полу у стены, устало откинувшись на нее и закрыв глаза — живая и практически невредимая. Разве что штаны чуть выше колена были разодраны, и сквозь прорехи в ткани проглядывали длинные, но неглубокие царапины. Дух лишь слегка задел ее.

— Как ты? — Даэн сама удивилась, как хрипло звучал ее голос. Меред только кивнула, не желая отвечать. Оно и не мудрено.

Даэн очень хотелось упасть на пол и уснуть — усталость навалилась сразу же, тяжелым грузом надела на плечи, и выкарабкаться Птица не могла. Но сейчас следовало гораздо больше беспокоиться о другом.

Пошатываясь, Даэн подошла к бесчувственной и белой, как снег, Атеа. Девушка лежала на полу, и на лице ее отражалась мука — такая болезненная, что на этот раз Даэн стало искренне жаль ее. Черные сети духов-«пауков» были едва ли не самым страшным их оружием, не считая губительных образов, и если взрослые Птицы, закаленные в боях с дикими, могли еще противиться действию нитей, то молодым приходилось действительно тяжело. Опустившись рядом с Атеа, Даэн положила ладонь на лоб девушки и прикрыла глаза. Сейчас Лебедь была иссушена почти до предела, и только у самого сердца, прямо за ним, пульсировал едва теплый комочек Дара Хартанэ, который и берег всех Птиц. Даэн нахмурилась. Если дикий за считанные минуты сумел выпить девочку практически до предела, насколько же возросли их силы со времен последних стычек?

— Меред, иди сюда. Нужно привести ее в чувства и уходить отсюда как можно скорее.

Меред с трудом открыла глаза и с еще большим трудом поднялась. Опустившись на колени рядом с Даэн и Атеа, девушка протянула ладонь и накрыла ею руку старшей Птицы.

— Начинай, Даэ. Я не могу идти одна — поэтому пойду следом.

Даэн кивнула и сконцентрировалась на клубочке Дара в груди Атеа. Закрыв глаза, женщина представила теплые солнечные ладони, заботливо тянущиеся к этому крохотному огоньку. Он испуганно затрепетал, когда ощутил чужое касание, но Даэн успокоила его, мягко накрывая его и заключая в светлый кокон. Тише, тише. Все хорошо. Вот так. Клубочек, все еще дрожа, осторожно потянулся к сияющей ладони изнутри, а затем, узнав, доверчиво прижался к ней, всем своим маленьким существом прося утешения, ласки, покоя. Золотистые руки крепко держали его, и вскоре он успокоился и затих. Вскоре поверх сияющих солнцем ладоней легли еще одни, более прозрачные, словно наполненные звездным мерцанием, и клубочек наконец начал отогреваться и расти, выходя за пределы

ласковых рук и растекаясь по всему телу Атеа. Образ медленно растаял, и Даэн открыла глаза, вглядываясь в лицо Лебеда. Ресницы девушки дрогнули, и она, резко вздохнув, изогнулась в судороге.

— Ну-ну, тише, тише, — Даэн аккуратно придерживала ее за плечи, пока Атеа выкручивало. После черной сети тело всегда ломало нещадно, и она знала, что сейчас переживает юная Птица, — Сейчас отпустит. Тише. Тише, Атеа, все хорошо, он больше не придет. Сети больше нет, девочка. Тише.

Атеа всхлипнула пару раз и наконец затихла, обмякая в руках Даэн. Меред заботливо отвела золотистую прядку, упавшую на ее лицо.

— Как ты?

— Лучше не бывает, — просипела Атеа, кое-как сядя и впиваясь пальцами в запястье Даэн. Девушка выглядела абсолютно потерянной и опустошенной, — Богиня, что это было?..

— Дух-«паук», дикий, который умеет набрасывать черные сети. Гаэра должна была вам рассказывать об этом.

— Гаэра говорила, что духов-«пауков» не видели со времен Второго Излома, — задумчиво молвила Меред. Она осторожно приобняла Атеа за плечи и помогла той встать на ноги, — Откуда здесь эта тварь?

— Я не знаю, — покачала головой Даэн, машинально прикасаясь к рукояти Крыла, — Но если в окрестностях есть один «паук», нам нельзя задерживаться. Где один, там и десять. А мы не в состоянии справиться даже с пятью. Нужно уходить.

— В ночь? — тихо спросила Атеа, исподлобья глядя на Даэн. Ни вызова, ни былой спеси в ее глазах больше не было — лишь бесконечная усталость, — Мы едва можем шевелиться.

— А у нас есть варианты? — Даэн поднялась на ноги и направилась к двери, — Сворачивайте одеяла и собирайтесь. Выходим немедленно, пройдем по деревне — возможно, напали не только на нас. Жду вас у крыльца.

— Куда ты? — Атеа покачнулась, но отодвинулась от Меред.

Даэн не ответила, уходя в темноту коридора. Ей не хотелось вдаваться в подробности того, что именно ей придется сделать. Девочка итак натерпелась за нынешнюю ночь.

Да перед тем, как уснуть, дал мне хозяин напиток. Добрый хозяин, добрый...

В темном пустом зале — ни звука, ни шороха. Еще одна дверь, маленькая и неприметная, в самом углу, была приотворена. Даэн вознесла тихую молитву безымянному богу, которого всегда просила, когда нужно было сделать то, что должно. Она не знала, слышал ли он ее, но веровала в это всем сердцем. Кто-то же должен отпустить мне грехи, правда, Хартанэ? Тебе дела до того нет, ты плетешь Танец, меняющий мир, а что мы?.. Лишь песок в твоих руках, след твоих Крыльев. Не тебе нас порицать, не тебе нас прощать. А мне прощение нужно — за все, что сделала, и что еще сделаю.

В крохотной тесной комнатухе было промозгло — огонь в печи давным-давно потух. На столе лежал чистый пергаментный лист, рядом — заточенное перо с мелкими крапинками на серых пушинках. Лоскутное теплое одеяло валялось бесформенной горой на полу рядом с кроватью, а на самой кровати лежал седой мужчина, глядящий пустыми глазами в небо.

Даэн подошла ближе, поводя раскрытой ладонью над его грудью, где остались метки от когтей духа. Меж ребер старика под кожей мучительно медленно наливалось темнотой мертвое сердце.

Выпитые не должны просыпаться, Птицы. Запомните раз и навсегда.

Вновь помолвившись, Даэн вынула Крыло и, закрыв глаза, вонзила его точно туда, где обрастал вязкими нитями тьмы бывший когда-то теплым огонек сердца. Черная энергия, высвободившись, попыталась дотянуться до Птицы, но та легко отмела ее в сторону, и она растворилась в пространстве. Женщина вынула клинок и стряхнула багровые капли с лезвия одним движением. Не гляди, Даэн из Фаулира. Твой-то бог, может, и отпустит, только ты сама себя никогда не простишь.

Морозный воздух наполнил легкие и выстудил их. Желанная свежесть накрыла с головой, да так, что Даэн чуть было не потеряла сознание. Кажется, за эту ночь она впервые вдохнула по-настоящему. Сквозь пушистые взбитые облака тускло проглядывали бледные звезды — и прямо над головой ярче всех мерцала одна, льдисто-голубая, холодная словно замерзшие до самого дна озера. Боги прокляли тот день, когда ты появилась на небе и дала жизнь этим тварям.

Из темных сеней вышли Меред и Атеа. Вторая была невероятно бледна, и ее здорово потряхивало. Даэн показалось, будто Лебедь постарела на два десятка лет за эту ночь — и почему-то радости от того не ощущала. Меред, поддерживающая подругу под локоть, казалась такой же спокойной, как и всегда, да только Даэн знала, что все теперь для них будет иначе. Птенцы выросли. И первый полет стал очень болезненным — как и у всякой птицы.

— Идемте. Пойдем от центра на восток, к лесу, а затем обойдем кругом. Будем искать следы в домах.

Ветер поднимал снег с земли, закручивал мелкие белые пылинки в целые вихри и узорные завитки. Тонкое покрывало, наброшенное рукой зимы на поля и тропки, блестело, искрилось под лучами луны. Маленькие кособокие домишки спали, прижимаясь друг к другу, словно замерзшие побитые щенки. В некоторых окошках, несмотря на поздний час, все еще теплились лучины, и сердце, замечая крохотные огоньки за выкрашенными морозными узорами стеклами, радовалось. Значит, не тронули. Значит, бог уберег, укрыл их в эту ночь. Это — твоя ладонь ли, тот, кто отпускает грехи?..

На севере, ближе к горам, лучины не горели ни в одном из трех дальних домов.

На своих крыльях Птицы Келерии унесли к богине девятерых, чтобы ни один не очнулся мертвым, ведомый темной злой силой.

Атеа унесла старую женщину и ее мужа — даже в тот миг, когда беда пришла в дом, старик заслонил собою жену.

Меред передала в руки Хартанэ молодую девушку, носящую под сердцем дитя, и ее мать, которая пыталась защитить младших — за это дух изодрал ее в клочья на глазах у дочери и лишь потом высушил до дна.

Даэн освободила четверых детей, самому старшему из которых было семь лет. Мальчишка спрятал сестер под одеяло и шептал им сказки, покуда дух шел к нему через комнату, расплетая вокруг собственного тела темные нити.

Девять.

Прости меня и дай мне сил простить себя, кто бы ты ни был.

К Лореотту они уходили в молчании, и каждая несла на сердце тех, кому дала волю.

===== Глава 4. Речной народец =====

Вдоль берега замерзшей речушки стройным рядом тянулись невысокие молодые ивы. Укрытые инеем тонкие ветви, покачиваясь на ветру, тихонечко звенели, словно стеклянные

колокольчики в домах городской знати — разве что этот звук был тише и тоньше. Золотые и медно-рыжие былки сухой травы выныривали из-под снежного одеяла и искрились все тем же узорным кружевом льда. В лесу стояла тишь — лишь изредка слышался тихий треск да шелест крыльев. Птицы Гарварны с приходом зимы редко переговаривались: уж лучше голову под крыло прятать да в теплом дупле сидеть, чем на ледяном ветру крылышки тонкие морозить. Песни и до весны подождут.

Лед, сковавший реку, был прочным. Мара, внимательно оглядевшись по сторонам, еще раз припомнила дорогу. Все верно: вон и темные силуэты сосен в бору на востоке, а впереди, на другом берегу — три поваленных дерева. Стало быть, все-таки она вышла к нужной реке. Теперь — идти по берегу на запад и не глядеть на тропы, что расходятся во все стороны: ни одна из них не приведет ее туда, куда нужно. А вот вода — поможет.

Поразмыслив, ведьма усмехнулась чему-то своему и ступила на гладкую зеркальную поверхность, чуть запорошенную снегом. По льду она не гуляла давным-давно, и сейчас, постоянно оскальзываясь, чувствовала себя маленьким ребенком, которому такая прогулка — забава да и только. Холода ведьма не ощущала, а потому наслаждалась стылым воздухом и зимним тихим покоем

Белые деревья, белая земля, белое небо. После Ночи Сна мир за считанные дни оделся в снежный легкий саван, и тропы, знакомые с детства всем деревенским ребятишкам, затерялись, пропали, словно кто-то в горсть их собрал да с лукавой улыбкой в карман упрятал. Фаулирская малышня теперь за ограду и носа не показывала — зато на площади у колодца выросли снежные горки и крепости, а в садах постоянно звучал залиvistый хохот. Коль в лес нельзя — другое место для игр найдем.

Мара покинула свой дом неделю спустя. Несколько ночей подряд она не смыкала глаз, выискивая в старом сундуке карты и древние свитки, где было хоть что-нибудь о былых Изломах. Записей сохранилось совсем немного — проще иголку в стоге сена разыскать, чем хотя бы пару строчек о давних зимах найти. Мара хмурилась, качала головой и вновь искала, да толку в том не было.

В заплечную сумку набралось совсем немного вещей, да еды на первое время. Ранним утром, когда еще и светать не начало, ведьма вышла на крыльцо, полной грудью вдыхая колючий морозный ветер. За спиной остался темный проем двери, где в полумраке виднелись размытые контуры уютной комнаты. Даже тихий скрип петель казался родным, уютным... Мара заперла дом на ключ, а ключ подвязала к связке амулетов на груди — кто его знает, как там заплетет дорогу Бессмертный.

Кошка ушла еще накануне. Вечером они долго сидели с ведьмой и говорили обо всем на свете. Молчали. Глядели друг на друга, думая о чем-то своем. Ширра не спрашивала ни о чем, не отговаривала, не злилась и не осуждала — просто сидела на коленях Мары и грела ее теплом своего маленького тела. Зачем еще нужны кошки, думалось ей. Только боги знают, когда еще ведьме достанется потом хоть толика живого тепла... А ведьма чесала ее за ушами, гладила мягкую пепельную шерстку и думала примерно о том же: когда еще доведется Ширре ощутить человеческую ласку. А когда зимняя длинная ночь опустилась на землю и сгустилась в замерзших колодцах, кошка мягко спрыгнула с колен Мары и неспешно потрусилась к двери. Ведьма тоже не спрашивала ни о чем: ни о том, куда теперь пойдет Ширра, ни о том, затаила ли она обиду, ни о чем другом. Лишь отворила дверь — и зверек, махнув на прощание пушистым хвостом, скрылся в темноте.

Мара не знала, где сейчас бродит несносное животное, делившее с ней кров несколько

лет — знала лишь, что все с ней в порядке. Может, подалась в окрестные деревеньки, может, прибилась к стае полудиких лесных котов, удравших из своих домов и теперь живущих вольной жизнью. Пусть зима будет тяжелой — Ширра точно не пропадет.

Замерший мир казался сказочным, кружевным. Серебряные узоры, заплетающиеся в паутину ветвей над головой, искрились под светлым небом, словно Стекланные Сады — Мара слышала об этом чуде давным-давно, еще от матери. Где-то в забытом эльфийском городе, где лишь ветра теперь гуляют меж белокаменных изящных дворцов и галерей, мастера создали деревья из тончайшего стекла. Свет солнца переливался на резных листьях, отражался тысячей радуг — а по вечерам, когда в садах зажигались цветные фонарики, стекло начинало сиять подобно небу над северными далекими горами. Должно быть, это было сказочно красиво... Да только ведьма всегда считала, что нет ничего краше того, что создано рукой богов.

Узкая речушка петляла меж невысоких берегов, и кое-где из замерзшей воды выглядывали обледенелые камни. Идти по ним было невероятно сложно — не раз и не два Мара с тихой руганью оскальзывалась и падала, но с поверхности реки не сошла. Скоро река круто повернула направо, в самую чащобу, и ведьма заторопилась: Семиречье уже совсем близко.

Никто уж и не знает, сколько веков назад на месте, где семь рек сплетались в сеть, и стремительные течения схлестывались в завораживающем танце, появилось маленькое селение — и никто не знает, как местные умудрились все эти годы прожить практически в полной изоляции от мира. Семиречье не посылало караванов в столичные города, не вело торговли, не платило никаких налогов в казну — уж больно диким и чудным было селение. Добраться до него, не заходя в лес, было невозможно, а местные жители ревностно охраняли свой дом и практически никого не пускали в него. Разве что тех, кто делит с ними лес.

Вскоре за темными стволами показался просвет. Мара, наклонившись под низкой замерзшей аркой ветвей, вышла на узкую опушку и огляделась. Далеко виднелись высокие разлапистые ели, ошетилившие темно-зеленую колючую шерсть, а прямо под ногами растекался зеркалом лед. Откуда-то из чащи на опушку выворачивали петли замерзших рек, и ведьма ясно видела, где воды встречались — цветные течения не сливались в одно, и граница меж ними, скованная льдом, была четко видна. Громадные березы и осины, росшие по берегам, перегибались через речную гладь, словно мостки от берега к берегу. А мостков в Семиречье было предостаточно.

Островки земли, бессчетное множество которых выглядывало изо льда, соединяли деревянные мостики — самые разные: высокие и изогнутые, словно гибкие кошачьи спинки, ровные и старые, залатанные свежими досками, низкие, с перилами и без. Сквозь высокие стены полудиких садов проглядывали углы домов на крепких сваях — по весне половодье разливалось так широко, что часто подтапливало жилье семиреченцев, и долгая жизнь на водах кое-чему их научила. Снега почему-то здесь лежало вовсе мало, и пятна пожухлой травы выглядывали вдоль берегов. Мара выбралась к одному из мостиков и, осторожно ступая, перешла на первый островок.

Ни частокола, ни плетней — только камыш да высокий осот вместо оград. Мара бегло осмотрелась, выискивая среди деревьев и речных улочек дом, нужный ей. В Семиречье ведьму знали и встречали радушно, в особенности семейство Ялуши.

Говорят, что раньше на излучинах рек стояли целые города на бревенчатых сваях, уползающие прямо в воду с берегов. Днями и вечерами меж ними ходили плоскодонные

лодки с фонариками на носгах, и жители перебирались по воде, словно по улицам. Селяне, живущие в простых окрестных деревнях, сторонились таких излучин: уж больно странным казался речной народец. Глаза круглые, громадные да бесцветные, словно у рыб, в темноте светятся; сами росточка невысокого, быстрые и проворные; ребятишки, купающиеся в реках, потом рассказывали взрослым, что видели у детей речного народца чешуйки на спине вдоль позвоночника. Про девок совсем уж дивные байки сказывали — будто бы они дочери водяных и русалок, и могут мороки наводить на людей...

Семиречье мало походило на город русалок из легенд и небылиц — скорее на бедный рыбацкий поселок, отличающийся от других разве что домами да расположением. В низине над домами тянулся дымок из труб, где-то раздавался мерный стук — кто-то из жителей рубил дрова, откуда-то из сердца Семиречья слышались крики детей, резвящихся на льду. Мара шла к дому Ялуши, кивая и улыбаясь редким прохожим — коренастым и невысоким, деловитым словно муравьи. Здесь все были чем-то заняты, что-то делали... Такой странный, удивительный город.

Дом Ялуши на высоких сваях стоял на отдельном островке, окруженный густым садом, и одним боком сползал в реку. Уже подходя к крыльцу, Мара услышала знакомый голос с извечными визгливыми нотками:

— ... и чтоб духу твоего здесь до самой весны не было, проклятый!

Дверь распахнулась, и на крыльцо выскочил раскрасневшийся мужичонка, спешащий скрыться куда подалее от крика жены. Проходя мимо Мары нетвердой походкой, он натягивал лохматую шапку на уши и тихо бормотал под нос что-то про ополоумевших баб — ведьма не расслышала многих деталей его монолога. Следом выскочила сама Ялуша, румяная и сердитая, с запорошенной мукой скалкой в руке.

— И не вздумай в дом проситься, черт болотный! Не пущу, так и знай!..

Тут взгляд женщины наткнулся на Мару, и серебристые глаза расширились от удивления и радости.

— Марушка! Маруша!.. Ты ли это?

Женщина заторопилась, неуклюже сбегая с крыльца и заключая Мару в крепкие материнские объятия.

— Как же ты так здесь, да в такое время?.. Ай, что это я, пойдём скорее в дом, ты же замерзла, девочка бедная! — Ялуша заботливо отряхнула плащ ведьмы, который сама же перемазала мукой, и, схватив ее под локоть, потащила в теплые сени, не прекращая трещать как сорока.

— Ты голодна, Марушка? Я скоро деток кормить буду, справилась бы быстрее — да этот паскудник, мальков ему в ухо, все мешался — а потом еще и дружков своих притащил, зараза... А те с бутылью, куда ж без нее! Ушли они скоро, а этот завалился на лавку и давай храпеть, а мне так от того противно стало, что я... Ой, что это я, рыба старая, все плавниками о воду бью, ты же небось устала, Маруша! — Ялуша усадила ведьму на лавку, а сама кинулась к широкому столу из светлого дерева, хлопотать, — Ты расскажи мне, какими судьбами здесь?

Маре говорить не слишком хотелось: светлый дом Ялуши был не для таких разговоров, да и она беспокоиться начнет, словно насадка о цыпленке, пусть и приبلудном. В детстве Мара, оставшись одна, частенько прибегала в Семиречье — тамошние хозяйки постоянно кликали ведьму Виску, если хворь какая на детей нападала. Дочь Виски все семиреченцы знали, все привечали ее: кто добрым словом, кто одежкой, кто — едой. Ялуша была из тех,

кто делился с девочкой всем и кто почитал ее почти за собственную дочь. При этом она не пыталась удерживать ведьмину дочь и с легким сердцем отпускала обратно в лес. Мара всю жизнь помнила Ялушу вот такой: дородной, но миловидной женщиной с румяными щеками, почти бесцветными глазами и русыми кудрями, выглядывающими из-под чистого платка. Она постоянно что-то готовила, постоянно ворчала на своего мужа, местного плотника, постоянно возилась со своими детьми и была душой Семиречья.

Ведьма оглядела уютную просторную комнату с чисто выбеленной печью, разрисованной цветами и птицами, светлыми занавесками и резным узором под потолочными балками. Разве может сюда прийти беда? Со второго этажа слышался топот босых детских ножек и звонкие голоса, приглушенные толстыми стенами. Ялуша суежилась у стола, быстро колдуя над тестом и выкладывая на противни пухлые пирожки. Ее крепкие руки по локоть в муке словно светились — от нее шло ощущение тепла и уюта, семейной тишины... Да только Мара знала, что никогда этот светлый чистый дом не заменил бы ей мрачных сводов ветвей над головой и ночных шорохов-шепотов на дальних болотах.

— По делам бреду, Ялуша, — все же ответила Мара, немного повременив, — Хочу наведаться на запад — может, перезимую там...

Уж лучше так тебе думать, теплое ты создание.

Ялуша закивала, разворачиваясь к Маре и отирая со лба пот. На лбу женщины осталась белая полоса, и Мара улыбнулась этому — даже сейчас семиреченка оставалась удивительно славной и теплой.

— Оно и правильно, девочка — что тебе в лесу прозябать? А есть там, на западе, ночлег для тебя? Тебя примут? Не обидят?

— Не тревожься, Ялуша, — Мара подошла к ней и, взяв в руки чистую тряпицу, отерла с лица женщины муку, — Ничего со мной не станется.

Та, привстав на цыпочки, потрепала ведьму по щеке и принялась дальше возиться. Вскоре по комнате пополз приятный запах пирожков, и лишь тогда Мара поняла, насколько проголодалась за дни пути. Свою еду ведьма сэкономила как могла — чтоб до Мертволесья хватило. Все вехи и стрелки указывали туда, откуда начинался каждый Излом...

— Дети! Живо за стол! — звучно крикнула Ялуша, отирая руки о передник.

Послышался громкий топот, а затем комната быстро заполнилась домочадцами. Старшие дети Ялуши, дочери Енка и Таша, давно уж обзавелись своими семьями и жили отдельно от родителей, но скучать женщине не приходилось — семеро младших все еще были под материнским крылом. Когда они шумной толпой спустились вниз, Мару даже передернуло: она бы и с одним ребенком не управилась, а тут — семеро...

— Шаня, Ольвер, Ведан, Яска, Лита, Мирна, Айма, — бормотала Ялуша, вглядываясь в мордашки детей, похожих один на другого. Мара с интересом разглядывала тонкие перламутровые чешуйки, мелким узором идущие вдоль светлых бровей. Их можно было заметить лишь на свету — чешуйки переливались радугой. К двадцати годам они и вовсе пропадали, но дети речного народца казались совсем чудными. То ли русалки, то ли водяные да водяницы.

Среброглазые ребятишки уставились на Мару как один, и ведьме стало не по себе. Ялуша заметила это и тут же цыкнула на детей.

— Ну, чего вытаращились? Не видите — устала госпожа с дороги. Быстро сели все по местам!

Командный тон матери подействовал: мелкие тут же опустили очи долу и расселись за

длинным столом, где уже стояли миски с мясной кашей и круглая тарелка, на которой горкой высились пирожки. Ялуша поставила перед Марой громадную, до краев полную миску и заботливо проворковала:

— Кушай, моя деточка! Горячего, поди, давно не ела — вон как исхудала с нашей последней встречи...

За столом воцарилось сосредоточенное молчание, нарушаемое довольным чавканием. Мара украдкой поглядывала на детей: младший мальчишка, Ведан, попытался исподтишка стащить у своей близняшки Литы пирожок, за что получил ложкой по лбу от сестры. Ведьма сдержала улыбку: дети были смешными. Действительно смешными.

— Ма-а-ам, почему Шане больше досталось? — обиженно спросила пухленькая девочка со светлыми веснушками на вздернутом носике.

— Мирна, прекрати: всем поровну досталось, — проворчала Ялуша, прибираясь со стола, — Не выдумывай.

— Мирна просто у нас толстая, вот и просит, — ехидно поддел пухленькую девочку мальчишка постарше, с рыжими пестрыми чешуйками над бровями. Та вспыхнула, словно мак, и негодуя воскликнула:

— И вовсе нет!

— Во все да!

— Во все нет!

— Во все да!

— Рты закрыли, мальков вам в ухо! — смешно картавя, выкрикнула маленькая девочка со светлыми вихрами над высоким лбом — и тут же получила подзатыльник от матери.

— Айма! Чтоб я от тебя ругательств не слышала, а то так отлуплю — мало не покажется! — грозно рявкнула Ялуша, упирая руки в крутые бедра. Айма невинно захлопала глазами и безапелляционно заявила:

— Но ты же говоришь так, и папа так говорит...

— Папа и не так говорит, — заметила долговязая девица — Шаня, кажется. Дети постарше рассмеялись, маленькие подхватили, не понимая, чему смеяться, но слясь подражать остальным.

Храни вас Бессмертный. Будьте так же светлы и легки, так же тихи. Дом ваш пускай будет навек таким.

После обеда семейство разбежалось по своим делам. Мальчишки ушли в сарай, мастерить ловушку для зайцев, старшие девочки, Шаня и Яска, поднялись на второй этаж — Ялуша по секрету проговорила Маре, что они вышивают приданное Шане. Младших дочерей Ялуша выпроводила из дома, укутав их в громадные шубы и толстые шерстяные платки, и малышня с веселым гомоном высыпала на улицу. Женщина затворила дверь и, обмахиваясь полотенцем, пожаловалась:

— Ни минуты покоя... То подерутся, то не поделят чего, то друг друга обзывать начнут. Боги, когда уже всех поотдаю мужьям да женам!..

Ведьма, скрестив руки на груди, наблюдала за Ялушей и усмехалась: ворчала та лишь для виду. Мара прекрасно знала, как искренне и сильно она любит своих детей. Ялуша, убрав со стола грязную посуду, присела рядом с Марой и посмотрела на нее совсем уж иным взглядом — внимательным, задумчивым.

— А теперь говори, Маруша: что происходит?

Ведьма и бровью не повела.

— А что происходит, Ялуша?

— Ты мне-то зубы не заговаривай — не получится, — парировала женщина, все так же буравя Мару взглядом, — Я ж насквозь вас вижу, девочка. Мои знаешь сколько раз пытались меня вокруг пальца обвести? Да только старая шука знает, где сеть стоит. Да и чую я — зима дурная, недобрая. Ты потому из леса идешь?

— Нет, Ялуша, — мягко покачала головой Мара, — Не тревожься ни о чем, не думай о лихе — и не придет оно. Говорю же: по делам.

Прозрачные глаза, отражающие бледный свет, скользили взглядом по лицу Мары, и от этого ей было не по себе. Казалось, что женщина видит ее насквозь. Ялуша поднялась со скамьи, откладывая полотенце и на ходу бросая:

— Иди-ка со мной, Марушка. Покажу тебе что-то.

Ведьма беспрекословно последовала за Ялушей на второй этаж. Женщина, кряхтя, тяжело поднималась по высоким ступеням — слишком высоким для росточка речного народца; Мара шла за ней и смотрела, как раскачиваются льняные косицы, выпущенные из-под платка — женщины Семиречья плели столько кос, сколько у них рождалось детей. Волосы у Ялуши были длинными, до самой середины бедра, и хвостики ее косиц смешно закручивались крупными кольцами. Мара заметила, что в последнее время ее взгляд все время цеплялся за детали — незначительные на первый взгляд. Кружевная сломанная веточка над рекой. Следы птичьих лапок. Цветущая под снегом лазоревая звездочка горечавки. Камень неправильной формы на дне замерзшего ручья. Льняные хвостики кос Ялуши.

Со второго этажа Ялуша повела ее к лестнице на чердак, добротной, но крутой. Несмотря на свою комплекцию, речная женщина проворно вскарабкалась наверх и открыла тяжелый люк, а затем и исчезла в проеме под потолком. Послышалась тихая ругань, звук, как будто кто-то высекает искру кремневыми камешками, а затем абсолютная темнота чердака отступила и заполнилась теплым золотистым светом. Мгновение — и в квадрате проема показалось круглое лицо Ялуши.

— Ну, что стоишь? Лезь сюда, девочка!

Мара быстро взобралась на чердак к Ялуше. Здесь было уютно, пахло сухоцветом и сладким сеном. У дальней стены стояли какие-то мешки, свет из круглого окошка под самым потолком падал на примятые подушки, укрытые шерстяным одеялом — видно, дети частенько прибегали сюда. А может, и сама Ялуша. Женщина направилась к другой стене, где Мара наконец увидела еще одну дверь — совсем неприметную, спрятанную в тени. Фонарь Ялуши осветил витую ручку и странные узоры, украшенные неведомыми символами. Ялуша поманила ведьму к себе, а затем открыла дверь.

Прохладный воздух ударил в лицо Маре, расцеловал щеки и впился холодом в губы. Ведьма, щурясь на ветру, огляделась: за порогом двери была крохотная площадка-козырек. Наверное, над крыльцом... Но, приглядевшись, ведьма поняла: они с другой стороны дома. Внизу виднелись двускатные крыши, кроны посеребренных деревьев, а выше — заснеженные древние горы, чьи острые верхушки вонзались в облака и распарывали их в мягкие клочья. Невероятная громада впивалась зубьями в небо, терзала далекую высь и тянулась до самого горизонта, изорванного силуэтами гор. Но ведьма глядела не на горизонт.

Между двух гигантских крутых гор растекалась черная река — так могло показаться на первый взгляд. И лишь если присмотреться, можно было разглядеть искореженные черные деревья. Мертволесье.

Легенда гласила, что когда-то Гарварнские леса взбирались по склонам Караласских гор высоко-высоко и пробирались до самого Призрачного моря. Но когда настал первый Излом Колеса, Королева Зимы облюбовала перевал меж Сестер, двух исполинских гор, что далеко на западе Гарварны. Оттуда ее гончие начали свой путь, и все, чего они касались, гибло. Так и появилось Мертволесье — мертвая земля, черная, не знающая ни весны, ни живительной влаги ручьев. Оно страшным рубцом вгрызлось в вечную зелень леса, и ни время, ни обороты Колеса не смогли вернуть жизнь под мрачные своды Мертволесья. То, что мертво, никогда не воскреснет.

— По ночам, Марушка, — тихо молвила речная женщина, — Я гляжу на звезды — их отсюда лучше видно. А порой — и не только звезды. Там, — она кивком головы указала на темную стену деревьев, — Что-то проснулось. Я видела сама, девочка, не думай. Белые сполохи, мелкие совсем — но глаза у нас в темноте видят зорче, чем на свету. А я не летнее тебе дитя. Я знаю, что это. Так что ты не пытайся отбрехаться да успокоить меня, Маруша.

Мара молчала. Ялуша действительно не была настолько глупа, чтоб не заметить ледяной звезды на небе. Что уж врать ей... Та тем временем продолжила.

— И сдается мне, я знаю и то, зачем ты идешь к Сестрам, — помолчав, Ялуша протяжно вздохнула, подперев рукой щеку и покачав головой, — Коли так — то иди, Марушка. Я и слова не скажу. На все — воля, да не моя, и не мне твою дорогу править. Только вот что: через лес тебе путь заказан. Их у кромки все больше и больше — мы ночами видим. Пойдешь тем путем, что я тебе укажу.

— Здесь нет других путей, Ялуша, — мотнула головой ведьма.

— Глупая девка, ты мне это прекрати — старших перебивать, — шутливо пожурив ее женщина, а затем вновь посерьезнела, — Если ты не знаешь — так еще не значит, что другой дороги нет. Я покажу тебе.

— Когда? Сейчас? Мне нельзя терять время, Ялуша, — тихо напомнила Мара, отходя от двери вглубь чердака.

— Ну уж нет, никаких сейчас, — твердо ответила женщина, — Отдохнешь, ночь поспишь, а рано утром пойдешь. Никуда я тебя сейчас не отпущу — идти тебе придется долго.

Спорить с Ялушей было бесполезно, Мара знала. Поэтому стоически выдержала взгляд женщины, полный материнской строгости и заботы, и кивнула ей, соглашаясь. Ялуша удовлетворенно хлопнула в ладоши:

— Ну вот и славно!

— Ялуша, можно мне здесь спать? Больно уютно у тебя тут.

— Можно, отчего же нельзя, — улыбнулась хозяйка дома, ставя фонарь на пол, — Оставить тебя, Марушка? Хочешь подремать?

— Да, хотелось бы, — ведьма опустилась на подушки, — Все-таки долго шла к тебе.

— Отдыхай, деточка, отдыхай! Если проснешься до ночи, спускайся, накормлю тебя, а если нет — так спи себе спокойно, никто тебя не потревожит. Спи, Марушка, — Ялуша заторопилась прочь, и вскоре Мара осталась в одиночестве.

Женщина, накрывшись одеялом, свернулась в теплый клубок и прикрыла глаза. Усталость навалилась мгновенно, придавила сверху, угнездилась тяжелым комком и растеклась по всему телу. Мара прикрыла веки, проваливаясь в тихую темную пустоту без снов, где времени не существовало. Слишком давно она не ощущала этой блаженной тишины. А сейчас — так того хотелось...

Ялуша сидела у окна и перетягивала шерстяную нить в тугий клубок. Дети давно спали, муж храпел на печи — все-таки пришел, болотник проклятый... Где-то скреблась тихо мышь, за дверью ходила седая метель, да слышался шорох в ветвях деревьев. То ветер поет, Ялуша. То просто ветер.

Женщина отложила нити, устало вздохнула. Непутевая ведьма спала на чердаке и видела, небось, десятый сон.

Поднявшись с лавки, Ялуша вышла в сени. Темнота была хоть глаз выколи — но речному народцу света не требовалось. Женщина наклонилась, нащупывая железное кольцо люка в полу, и, поднатужившись, потянула на себя. Люк поддался легко, а из провала в полу потянуло речной свежестью. Ялуша довольно хмыкнула. Стало быть, не затопило с лета. Осторожно нащупав ногой скользкую ступеньку, речная женщина скрылась в крошечной темноте.

===== Глава 5. Чужие берега =====

— Шаня... Шанечка... Шаня, рыбка, просыпайся. Шаня!

Заспанная и встрепанная, девушка села на постели, спросонья шурясь на слабый свет масляного фонаря. Ялуша удовлетворенно хмыкнула и, поставив фонарь на низкий столик у кровати дочери, принялась копаться в огромном сундуке, выуживая оттуда одежду для Шани.

— Боги, который час?.. Мам! Айму сегодня Лита купает, меня-то зачем в такую рань поднимать?.. Темень еще на улице... — Шаня рухнула обратно на постель, закрывая лицо руками. Греть воду для младшей сестренки и намаливать ей спину, выслушивая бесконечные вопросы малька, совсем не хотелось — тем более что нынче не ее черед...

— А я и не за тем тебя разбудила, — Ялуша деловито стащила со старшей дочери одеяло, не давая ей погрузиться в мягкую теплую дрему, — Проведешь гостью нашу.

— Куда это ее проводить? — насторожилась Шаня, просыпаясь окончательно, — Сама выхода из деревни не найдет что ль?

— А она не по земле пойдет, — улыбнулась мать.

До Шани медленно дошел смысл ее слов. Она покачала головой, недоуменно глядя на Ялушу:

— Погоди... Она чужая ведь — что ж ты ей, лаз показать хочешь?

— Это орел рыбе чужой, — отрезала Ялуша, — А Марушка нам родная. Тебя, дуреху, лечила от глазной хвори, когда ты еще и ходить не умела. Если бы не она — ты бы и света белого не видела, темнотой бы жила. А может, и вовсе бы не жила. Так что как я сказала — так и будет.

Шаня потупилась. Ялуша положила на кровать ворох теплой одежды и, потрепав дочь по голове, вышла из комнаты, дав той возможность привести себя в порядок.

Теплый огонек чуть мигал под стеклянным куполом, дрожа от слабого сквозняка, тянущего из подземелья. Чем дальше они шли, тем ощутимее становился этот прохладный, пахнущий сыростью ветерок. Несмотря на время года, в тоннеле было тепло и чуть влажно. С потолка земляного коридора свисали тугие корни, вновь уходящие в землю — местами они образовывали настоящие решетки, сверху донизу затягивающие проход, и приходилось продирааться сквозь заросли. Мару это нисколько не смущало: буреломы в лесу были гораздо гуще. На стенах лаза росли грибы, тускло светящиеся бледным зеленоватым сиянием — ведьма знала, что некоторые из них могли бы пригодиться ей для зелий. Да только вряд ли когда-нибудь ей еще доведется заниматься привычным делом.

На взгляд Мары, Шаня оказалась прекрасным собеседником: она молчала. Долговязая, худенькая девочка, высоко подняв фонарь, вела ведьму все дальше от гостеприимного теплого дома Ялуши. Изредка Мара косилась на нее, с любопытством рассматривая узор чешуек над светлыми тонкими бровями — у Шани они отливали перламутрово-сиреневым нежным цветом и чуть мерцали на тусклом свете. Как и все речные люди, она была низенькая, большеглазая и светлокосая. А еще чешуйки, спускающиеся от уголков ее глаз вниз на скулы, уже начали бледнеть и едва заметно топорщиться. Девушка ощутила ее взгляд и без слов поняла, на что глазает ведьма.

— Скоро совсем отпадут.

— Они лишь над бровями растут? — поинтересовалась ведьма, пропуская Шаню вперед — тоннель разделился на две узкие ветки. Девочка повернула налево, и проход круто пошел вниз. Запахом реки потянуло гораздо ощутимее — Мара поняла, что они спускаются под озеро.

— Нет, еще вдоль позвоночника. А у новорожденных мальков — мы так детей зовем — вообще все тело в чешуе, только мелкой совсем и мягонькой как шелк. Она такой и остается, не жесткой. С возрастом вся отпадает, когда срок подходит.

Она немного помолчала, а затем продолжила:

— Отец говорил, что у матери в молодости очень красиво было — серебряные, с золотым краешком, и притом почти прозрачные. Мелкие-мелкие, как у красноперки.

На том их беседа утихла. Шаня все так же молчала и вела себя отстраненно, хоть и вежливо. И за это Мара ей была благодарна — ведьма чувствовала себя неуютно, когда приходилось поддерживать разговор. Все же говорить она не умела. Точнее, просто не хотела — нужды в том особой не было. Гораздо интереснее было примечать крохотные детали, едва ли имеющие значение.

Причудливая трещина на стене, напоминающая силуэт птицы.

Светящиеся капельки воды на корнях, отражающие огонек фонаря.

Дымчатый маленький кристалл, острыми краями испарывающий глинистый потолок.

Корни, своеобразными ступенями поднимающиеся вверх.

Спустя час плавный подъем наконец закончился, и потолок резко ушел вверх, а проход раздался. Мара огляделась. Они находились в небольшой пещере, с потолка которой свисали грязной бахромой корни, а в стенах тут и там виднелись прозрачные камни — ведьма видела такие на шеях семиреченок. Только в людских городах мастера обрабатывали дикие самоцветы и вгоняли их в золото, серебро или медь, а речной народец лишь просверливал тонкими сверлами мелкие камешки да низал их на нитки. Теперь Мара поняла, откуда у небогатых жителей Семиречья столько самоцветов — в некоторых дворах даже площадки были выложены мозаиками из кварца.

Из пещеры лучами расходилось еще несколько ходов, два из которых были затянуты корнями, словно сетью. Шаня указала на неприметный лаз справа.

— Дальше уже развилок не будет — так что пойдете вот по этому коридору, не ошибетесь, — девочка нервно усмехнулась собственной шутке, не возмевшей должного эффекта, — Вот. К вечеру выйдете к Прибережку.

Мара чуть нахмурилась.

— Не слыхала о таком городе.

— Это на юге, он от леса далеко. Там и заночевать можно, и еды прикупить. Да и до Сестер проще будет добираться — матушка сказала, что вам туда надо. И фонарь возьмите

— я в темноте вижу, как кошка, — Шаня неловко дернула плечом, а потом неуклюже добавила, — Будьте осторожны, госпожа Мара. И спасибо вам.

Мара вздернула тонкую бровь.

— За что же?

— Мне мать напомнила... что помогли вы мне, когда мальком еще была... а тогда же и поблагодарить не могла вас, — девочка комкала в руках край теплой шерстяной туники, надетой поверх нескольких кофт, и смущенно глядела в пол.

— Что же, на здоровье, — чуть склонила голову колдунья, — А тебе спасибо, что дорогу показала. Беги к матери да сестрам, тебе же приданное надо шить, — последнее она сказала с теплой улыбкой, несколько смягчившей черты лица. Шаня встрепенулась и широко заулыбалась.

— Вам мать сказала, да? Когда в следующий раз придете, покажу вам — уже дошью до того срока, наверное. Таша мне свои нитки отдала, а они переливаются, словно радуга, чудные такие! И братья самоцветы высверливают, такая красота будет!..

Будет. Конечно, будет, девочка. Да сохранит тебя Бессмертный.

— Доброй дороги, госпожа Мара! — и Шаня, махнув ей рукой, бодро зашагала обратно, провожаемая взглядом ведьмы.

— И тебе доброй дороги, дитя.

Тоннель был немного уже, чем тот, по которому ведьма шла вместе с Шаней, но стены не давили. Тускло поблескивали острыми гранями бока кристаллов, слышался тихий звук падающих капель воды, разбивающейся о камни. Тишина, эхом разливающаяся здесь, тоже не сжимала голову тисками — Мара с удивлением поняла, что ей спокойно. Стены, увитые корнями, напоминали ей диковинную шкуру древнего дракона, веками спящего под землей. Ладонь сама потянулась к шершавым жестким побегам. Под корой вверх, к стволам и ветвям, скованным изморозью, текла из земли живительная влага. Мара не стала задерживаться, чтоб поговорить с сонными деревьями — успеется еще. Сейчас нужно было делать то, что должно.

Подземный коридор снова вильнул в сторону, а затем вниз. Лаз петлял, словно кроличья нора, и на пути ведьме иногда попадались крохотные выемки-пещеры, напоминающие круглые комнатки без мебели. Маре оставалось только догадываться, зачем они здесь — пещеры попадались через одинаковые промежутки, были одного размера, а в некоторых на полу виднелись символы, похожие на те, что ведьма видела в доме Ялуши. О речном народце столько легенд ходило, что ни одной из них Мара давным-давно уже не верила — правда всегда оказывалась совершенно иной.

Теплые пироги, заботливо завернутые Ялушей в дорогу, пришлись как нельзя кстати где-то спустя два-три часа пути. Воды в подземелье было предостаточно, и ведьма даже набрала доверху запасную флягу — на всякий случай. Снега-то на поверхности хватает, но кто же знает, как повернется Путь? Воображение тут же нарисовало золотые пески пустынь, протянувшиеся до самого горизонта, как в старых сказках далеких южных земель. Мара фыркнула сама на себя — что за глупости в голову лезут? Бессмертный вряд ли станет так шутить. Хотя...

Мара потеряла счет времени, когда откуда-то из глубины лаза потянуло холодом и морозной свежестью. Женщина даже встрепенулась: тепло подземелья навевало сонливость и желание забраться в одну из комнат-пещер, прислониться спиной к густому переплету ветвей и задремать, до самой весны уснуть, пока теплые лучи весеннего солнца не растопят

снега. Мара чуяла странную магию, неведомую ей, и ближе к концу пути кровное колдовство — ведьма не сомневалась, что это волшебство крови речного народца — начало давить на нее и пытаться поглотить ее саму. Ощущение свежего воздуха мигом вымело сон и тихий шепот, который гулким, едва различимым эхом перекатывался в голове ведьмы — и Мара искренне тому обрадовалась.

Вскоре коридор уперся в каменную лестницу, ведущую наверх, скользкую и местами осыпавшуюся. Лестница была гораздо выше, чем та, по которой они спустились в подземелья из дома Ялуши, и немного изгибалась. Оскальзываясь на крутых ступенях, Мара гадала, куда же она выйдет. Прибережек... Знакомое название, ведьма видела крохотную пометку на одной из карт — селение находилось на юго-западе от леса, на берегу огромного соленого озера. Но карту женщина помнила смутно, а потому понятия не имела, как ей добраться до Мертволесья от Прибережка.

Тяжелая дверь, потемневшая от времени и пахнувшая мокрым деревом, поддалась с натужным скрипом. С трудом приоткрыв ее ровно настолько, чтоб протиснуться в получившуюся щель, Мара выбралась из подземелий, с наслаждением дыша и сбрасывая с себя сети сна окончательно. Темное помещение больше всего напоминало склад при трактире — тут и там виднелись бочки, мешки, пахло пряностями и солью. Откуда-то слышался тихий гул голосов, приглушенный толстыми стенами, а у противоположной стены виднелась еще одна дверь, почище да поновее.

В сердце глухо начала выть тоска. Лес, пусть и замерший в ледяном сне, был для нее домом и защитой, и вдали от него ведьма чувствовала себя неудобно. Под тихим кружевом ветвей рождалась тишь, бродила знакомая с детства сила, доверчиво льнущая к кончикам пальцев искрами болотных огней — а здесь...

Мара тряхнула головой. Уймись, ведьма. Все ноешь да ноешь сама себе, не надоело ли? Вернешься скоро в свой лес.

Лаз действительно вел в трактир. Мара проскользнула в общее помещение практически незаметно — посетителей было немного, и неприметная фигура, закутанная в темный плащ, никого не интересовала. Лишь трактирщик с серебряными глазами, неспешно cedящий из глиняной кружки какой-то напиток, поднял взгляд, когда ведьма приблизилась к стойке. Хмуро оглядев ее, мужчина чуть приподнял брови:

— Госпожа — не речная женщина. Так откуда же госпожа знает про лаз?

— Госпоже показали. Я пришла из Семиречья — там меня хорошо знают. Ежели подземелья — тайна речного народа, то не беспокойтесь: никому я вашей тайны не выдам, нужды мне в том нет.

Трактирщик окинул ее долгим взглядом, а затем медленно кивнул.

— Чего угодно?

— Скажи мне, добрый человек, — Мара поставила локти на стойку и переплела пальцы, упираясь в них подбородком, — Далеко ли отсюда до Сестер? Сколько дней пути?

Взгляд мужчины разом посуровел.

— Я-то может и добрый человек... Да вот к Сестрам добрые люди не ходят. Добрым людям ни к чему под сводами Лихого Леса бродить. Так что же там забыла госпожа, да еще в такое время?

Только этого еще не хватало. Мара поморщилась, но сказать что-либо не успела. Трактирщик наклонился к ней и, исподлобья глядя на нее, продолжил:

— Вижу, что ты с ворожейством путаешься. Чую. По морде твоей вижу, госпожа, прости

уж за грубость — с недавних пор не любят здесь таких, как ты.

— Это почему же? — холодно поинтересовалась Мара.

— Не твоего ума дела, ведьма, — огрызнулся мужчина, — Слушай сюда: чтоб до рассвета духу твоего здесь не было, иначе донесу старейшине, что в Прибережке ведьма появилась. Путь до Сестер сама ищи, ничего я тебе не скажу. Да и отсюда — проваливай, да поскорее. Иначе сам тебя на вилах вынесу.

— А не побоишься? — Мара изогнула уста в ухмылке, да такой, что трактирщик непроизвольно отодвинулся и побледнел, — Впрочем, что на тебя время тратить. Благодарю за гостеприимство, — и с этими словами женщина поднялась с высокой табуретки и вышла из трактира, ощущая спиной колючий, словно наконечник копья, взгляд.

Прибережек раскинулся на широкой песчаной косе, делившей озеро почти напополам. Несмотря на то, что воды сковало льдом, здесь пахло солью. Запах шел от досок, пропитанных ветром и озерной влагой, от сетей, заскорузлых от изморози, от проглядывающих из-под снега островков сухой травы и клубков водорослей. На востоке темнела знакомая гряда леса, отчего внутри Мары все болезненно жалось, заскулило и потянулось туда, но ведьма одернула себя, заставляя дух успокоиться и замереть. На севере высились пики гор, но с такого расстояния в надвигающейся темени понять, где находились Сестры, было невозможно. Сизый зимний вечер медленно выкрашивал небо над головой углем, а из глубин темноты холодно мерцала ледяная звезда, рядом с которой остальные искорки казались крохотными песчинками, не больше.

Огоньки зажигались в домах один за другим. Мара хотела было попроситься на ночлег, но, вспомнив слова трактирщика, решила держаться от жилищ речного народца подальше. В этом соленом воздухе ей чудился и иной запах: страх, беда, опасность. Ей было весьма любопытно, что произошло, и почему ведьм здесь не жаловали. Судя по всему, что-то случилось совсем недавно — Ялуша бы предупредила ее о любой возможной опасности, даже самой пустяковой. Выходит, семиреченцы не знали.

Ведьма спустилась на деревянные подмости, протянувшиеся вдоль заснеженных улочек. Со стороны озера слышались веселые окрики — детвора возилась на льду, устраивая шуточные потасовки и играя в салочки. От широкого настила сворачивали более узкие «тропки», но Маре нужно было сойти с косы на берег, а потому она шла прямо, мимо темных домов и голых дворов — садов жители Прибережка почему-то не держали. На некоторых оградах висели сети — старые, уже негодные, с застрявшими в переплетениях нитей ракушками. Соль. Город, сотканный из соли.

Когда-то давно, пару десятков лет назад, она приходила к берегам огромного соленого озера, что на юге далеко от Гарварны, разделяющего человеческое государство с эльфийскими землями. Там, на водах, бирюзовых и беспокойных, стоял рыбацкий городок — Мара слышала в Вергории, что несколько лет назад туда пришел мор, и город сожгли. Там тоже пахло солью.

А еще пахло солнцем, мокрыми досками и ветром с дальних полей. Молодая ведьма дни напролет бродила вдоль обрывистого берега, собирая лимонную полынь и горький камнелист, а вечерами приходила на берег и садилась у воды, что стягивала кожу и оставляла на ней тоненький белый след своих прикосновений.

Молодая рыбачка, заметив Мару в городе и узнав, что та пришла из лесу, предложила ей остановиться в своей лачуге у самого края обрыва. Старый дом, казалось, оживал, когда ранним утром она, собираясь на озеро, залиvisto хохотала вместе с ведьмой,

рассказывая ей всякие небылицы. Мара любовалась медно-рыжими короткими прядками, падавшими на ее лицо, когда девушка распутывала сети. Любовалась темными глазами с кошачьим разрезом и пушистыми ресницами — рыбачка всегда глядела внимательно, и на доньшках ее зрачков плясали лукавые искры. Любовалась мышцами, едва наметившимися, но сильными, плавно перекатывающимися под загорелой кожей на ее руках. Любовалась ею.

От ее волос тоже пахло солнцем и солью. И губы были солонны, словно ветер с озера исцеловал ее уста, навеки оставляя на ней свою печать, всему миру говоря: она моя. И целовала она жадно и горячо, неистово, не спрашивая разрешения. Когда однажды ночью она пришла на открытую веранду, где постелила Маре перину, ведьма не спала — звезды были низкими и немного другими, не такими, как в лесу. Они казались ближе. Мара глядела на них, падая в темное южное небо, когда ее холодные плечи обожгло легким касанием губ.

Потом она тонула в темных, словно то самое небо, глазах рыжеволосой женщины, склоняющейся над ней и целующей так горячо.

Потом звезды опустились совсем низко, изорвали ей плечи в кровь острыми ногтями, а затем зализали раны, заливая в них соль своих прикосновений.

Потом, ранним утром, солнце целовало загорелое тело рыбачки и золотило ее кожу, а ведьма, глядя исподлобья и усмехаясь, словно бес, губами рисовала узоры на плоском животе, совсем шалая от раскаленной волны, растекающейся по венам.

Низкий, с хрипотцой, смех женщины еще звучал в ушах, когда ведьма вернулась домой, в Гарварну. А потом все забылось, унеслось следом за ветрами к берегам того самого озера — и горечи в том не было. Мара, временами вспоминая сладкую соль ее поцелуев, не жалела о том, что те берега остались в далеком прошлом: молодая рыбачка не смогла бы стать светочем ее жизни, и дом ее не стал бы домом Мары. Но сейчас, ощущая в воздухе этот давно уснувший соленый и солнечный ветер, ведьма снова видела ее силуэт где-то на берегу, на границе между закатным рыжим небом и золотящейся водой.

Воспоминание о том пьяном шалом лете вызвало тихую улыбку и потянуло за собой вереницу других видений, совершенно иных. Мара, идя по заснеженной улице Прибережка, видела земляничную поляну, освещенную косыми лучами жаркого солнца, струящимися сквозь листву. Видела смеющиеся серебряные ручьи, срывающиеся с крутого склона оврага вниз. Видела легкокрылых белых мотыльков, танцующих, словно живые лепестки, на ветру. Ни в одном из тех видений больше не было ничьих рук, ничьих губ, ничьих глаз с темными провалами зрачков. И, думалось ведьме, это славно.

Деревянный настил прохудился, доски расшатались, а вскоре и вовсе закончились. Под ногами вновь была земля, устланная снегом, и Мара вздохнула с облегчением — она ненавидела города, пусть даже маленькие. Все там было чужим, злым, словно скованным, опутанным невидимой сетью — и эта сеть пыталась накрыть собою каждого, кто еще не был в ее власти. Сеть серых, унылых будней, сеть лжи и боли, грязи, порока, непонимания. Ведьма не видела ее лишь вокруг детей — те были чисты. Но потом, со временем, сеть опутывала и их. От того было как-то горько. Однажды настанет иное время. Совершенно иное. Слышишь меня, Бессмертный? Воля твоя на все, но пусть однажды мир станет чистым.

Ветер, носящийся меж стылых камней, ответил тихим воем. Ночь ступала скрипучим шагом старца, и Маре чудилось, что с востока доносится тихая песнь замерзших ветвей.

Твоего имени, ведьма, не разгадать.

След на снегу исчезает в короткий миг...

голос — всего лишь эхо, погибший звук.

Сквозь расстояния, сквозь десятки верст доносился шепот — из самых глубин мира, из самой глубокой высоты, которая только может быть.

Голоса сотен живых существ, заплетенные в единую нить чьей-то благостной светлой рукой.

В замке погаснут окна, да время — спать,
вот в темноте истаял последний блик.

Ведьма танцует и чертит туманом круг.

Старая песенка из старой зловещей сказки, которую матери рассказывали своим детишкам.

Ведьма шла все дальше, по широкому заснеженному полю, тихонько напевая забытую мелодию. На душе было как-то легко и светло, тихо — почти радостно. Если только радость может быть тихой и невесомой.

Ближе к полуночи, когда свет разошелся от холодной Ярис, замерев вокруг нее бледным кольцом, Мара все-таки остановилась передохнуть. Зимняя ночь не страшила ее — сила Бессмертного всегда была с ней, вот здесь, у самого сердца. Прикрыв глаза, ведьма тихонько позвала своего бога — и мир рассыпался цветным бисерным крошевом на небесном подоле, замерцал сотней искр, стал иным — и знакомым до боли.

Мара любовалась этим чудесным миром, видимым так лишь для нее. Сейчас цветные сполохи не резвились, не метались вокруг — они кружились плавно, танцевали, словно медленные пылинки на солнечном свете. Сонные искорки энергий доверчиво опустились на подставленные ладони, стянулись к холодным рукам и обняли ее теплом. Холод отступил. Ведьма присела на снег, не ощущая ничего, кроме мягкого тепла и знакомого покалывания на кончиках пальцев и где-то у сердца. А потом дрема пришла огромным пушистым котом со звездными глазами-колодцами, свернувшись вокруг, и мир утонул в тишине.

Ближе к утру ветер донес до ведьмы тихие голоса. Отпустив искорки энергий, женщина мгновенно ощутила, как холод радостно ринулся к ней — и с разочарованием встретился с таким же холодом: с самого детства Мара не страшилась зимы. Морозов ведьма не чувствовала, сколько себя помнила. Благодарю, Бессмертный. Все-то ты знал.

По дороге, огибающей озеро откуда-то со стороны холмов, шла небольшая подвода, укрытая прочной холстиной. Мохноногий гнедой конек неспешно трусил, лениво погоняемый возницей, рядом с которым сидел то ли сынишка, то ли мальчик-помощник. Заметив одинокую фигурку на дороге, возница придержал коня, и, подъехав ближе, окликнул:

— Доброй дороги, госпожа! Далеко путь держишь?

Подвода шла явно не из Прибережка, а потому Мара ответила, не особо опасаясь:

— И тебе доброй дороги, путник. В сторону Сестер, — она чуть помедлила, — Есть там небольшая деревенька неподалеку, названия уж не упомяну.

— Хм. Коль хочешь, полезай в повозку — место там есть, подвезем тебя. Мы идем из Гредана, в Лойнар. Там до Сестер рукой подать, мигом обернешься, — мужчина покачал головой, — Зимой-то ходить пеше тяжко.

Мара задумалась. От Лойнара до Мертволесья действительно совсем недалеко — да и времени так она сэкономит гораздо больше. От начинающего сесть возницы шло ощущение покоя и какой-то простой человеческой доброты, а сынишка его вообще лучился восторгом и счастьем — видать, первый раз ездил с отцом.

— Что ж, коли предлагаешь — с радостью соглашусь. Да только собеседник из меня

никудышный, молчаливая я. Так что беседой тебя порадовать не смогу, извини уж, добрый человек, — ведьма чуть склонила голову в знак уважения.

— Как угодно тебе будет, госпожа, — улыбнулся возница, — Хоть спи всю дорогу — только негоже по такой погоде прозябать.

Поблагодарив возницу, Мара взобралась на повозку. С краю действительно было место, где ведьма вполне уютно устроилась, спрятав колени под холстину. Повозка медленно двинулась, и вскоре силуэт Прибережка сгинул за поворотом заснеженной дороги.

На юродивых всегда смотрят.

Открыто, осуждающе поджимая губы, крича обидные слова и швыряясь камнями. Украдкой, исподтишка, чтоб никто не уличил. С сожалением и затаенной (а может, показной) жалостью, с холодным презрением, с жестоким любопытством. Но смотрят всегда.

На распятую на городской площади Асхэ тоже тогда глядели. Слушали свист плети, рассекающей воздух, слушали стоны и всхлипы совсем молодой девушки, когда на белой коже расцветали глубокие кровавые борозды. Грязные крестьяне окидывали похотливыми взглядами юное тело, с каким-то животным восторгом в глазах глядели, как ее избивают. Обрызгшие бабы что-то кричали, издевательски цокали языками и шумно обсуждали, что бы следовало еще сделать с Асхэ.

А ей было все равно. Впав в забытье, пересохшими губами она шептала, словно в бреду, лишь одно.

Скоро.

Скоро.

Скоро.

Нынешняя Асхэ расхохоталась, вспоминая те взгляды, те плети, то болезненное наслаждение от каждого удара. На юродивых всегда смотрят — потому что глубоко в сердце верят им. В ее Королеву поверили еще тогда, на той площади, камни которой обагрила ее кровь. И теперь уже ничто их не остановит.

===== Глава 6. Глаза в глаза =====

Грязный город.

Даэн хмуро глядела из-под надвинутого на глаза капюшона на высокие каменные здания, стискивающие улицы с двух сторон. Серые, некрасивые дома жались друг к другу так тесно, что и яблоку было негде упасть. Все казалось грубым, жестким — и дело ведь было вовсе не в неотесанном камне, из которого жители выстроили Лойнар: Келерийская Гильдия вся состояла из дикого камня, но при том казалась настоящим сказочным замком, изящным и хрупким. Да и Танцующая видела множество городов, поражавших воображение своей красотой и миниатюрностью — аккуратных, черепичных, вымощенных гладким булыжником, чистых...

Лойнар был абсолютно другим. Ноги вязли в грязно-серой каше снега, мешающей идти. Повсюду сновали облезлые кошки, шелудивые бродячие псы голодными взглядами провожали всех, кто шел куда-то мимо их логов, и иногда злобно скалились вслед. Неопрятные стены стискивали улицы со всех сторон, наседали сверху и не давали дышать. Даже воздух в Лойнаре был тяжелый: город торговал металлом и оружием. Здесь находилось около десяти мастерских, и даже в самых дальних уголках города слышался гулкой стук, а над домами стелился темный дым. Ни одного сада, ни единого чахленького деревца — только грязный снег под ногами, грязные стены вокруг и грязное небо над головой.

Атеа ныла всю дорогу, от самого Ваэрна — маленького городка в предгорьях, и голова у Даэн спустя несколько часов непрерывного скуления раскалывалась. Пару раз она все же пыталась осадить молодую Птицу и закрыть ей рот, как это делали старшие, но Атеа огрызалась так, что Коршун при всей своей смекалке не могла ответить на ее выпады. Меред молчала, не ввязываясь в их перебранки — разве что Даэн заметила, как часто женщина ерошит волосы. И как сильно припадает на правую ногу.

Падалыщик зацепил Птицу гораздо сильнее, чем показалось в самом начале. Та, конечно, ни слова об этом не сказала — ни сразу, ни спустя время, да только Даэн все прекрасно видела сама: и то, как Меред морщилась всякий раз, когда задевала ненароком раны, и то, как ворочалась по ночам и не могла уснуть, едва слышно шипя и кряхтя. А теперь — и то, как шатало молодую женщину. Именно поэтому они свернули с намеченного пути.

...если дух ранит вас, без целителя уж не обойтись, Птицы. Они отравляют все, к чему прикасаются. Яд их губит медленно, но губит, если его не убрать. Да только никакой отвар, никакое зелье не спасет — нужно кое-что другое.

Черная энергия духа медленно наполняла Меред, изменяя по крупице ее саму, и Даэн очень боялась не успеть. Время у них еще было — но сколько? В Лойнаре должен был быть колдун, работающий с энергиями: город-то крупный, куда же без ведуна... По крайней мере, ей хотелось в это верить. Меред бледнела с каждым днем все больше, и под глазами ее залегли глубокие тени. Она не жаловалась, не сетовала ни на что, даже дежурить постоянно порывалась на постое — но Даэн запрещала ей, силком укладывая на одеяла. Атеа ничего не понимала, хмурилась, выпытывала у Даэн, что происходит с Меред, но после того, как Коршун грубо ответила ей о том, что следовало в Гильдии не хвостом крутить, а Наставниц слушать, надулась и прекратила свои расспросы. Зато решила всеми силами выводить Даэн из себя. Порой Лебедь начинала с самого утра, и тогда Даэн весь день представляла себе, как кладет красавицу на колени, стаскивает с нее штаны и высекает ее розгами — от души, да так, чтоб потом долго еще неповадно было. Однако приходилось терпеть.

Единственное, что утешало ее — до гор оставалось совсем немного. Караллас мрачной грядой нависал над городом, и вечером длинные тени, медленно наползающие на крыши, накрыли весь Лойнар целиком. Даэн радовалась не только потому, что на склонах всегда ощущала себя свободнее — чем скорее они разберутся с пресловутыми эльфийками, тем быстрее можно будет вернуться в Гильдию с докладом для Лорелей. А там, глядишь, и остаться — хотя бы на несколько дней. Да и стоило сообщить старшей о том, что произошло в Серой Топи.

Об этом они старались не говорить между собой. Даэн предпочитала переживать все в одиночку, как и всегда, Меред, судя по всему, тоже. Атеа отпустило после нескольких истерик, да и то — Коршун предполагала, что та просто взяла себя в руки. Девчонка стала тише на некоторое время, и Даэн было решила, что с ней можно нормально общаться — однако уже в предместьях Лойнара Атеа снова начала демонстрировать характер. И это продолжалось до сих пор.

— ...я не заплачу здешним постоялым дворам ни гроша, в какой бы вы меня не затащили! Боги, какая нищета! — девушка брезгливо озиралась по сторонам, будто пыталась найти еще что-нибудь, к чему можно придраться.

— Могу предложить тебе подходящий вариант — там условия будут более приемлемы для тебя, наша маленькая принцесса, — Даэн удивилась, что слова вырвались не с рычанием.

— Какой же? — Атеа скосила взгляд на шедшую справа Даэн.

— Бордель. Всегда чисто, сухо. Интерьер красивый. Должно быть. По крайней мере, мы с Меред избавимся от твоего постоянного нытья.

Атеа оскалилась, словно дикая кошка — были бы уши, точно бы к голове прижала.

— Ты оскорбляешь меня, Даэн из Фаулира?

— Нет, всего лишь предлагаю тебе различные варианты ночлега с комфортом. Оскорбляю я по-другому, — Даэн улыбнулась ей самой своей обаятельной улыбкой — обычно, завидев ее, совсем молодые Птицы в ужасе забивались по углам.

— Да заткнитесь вы наконец, — устало выдохнула Меред, в очередной раз поднимая руку к голове.

Даэн смолчала лишь из уважения к Меред — любой другой бы она, не задумываясь, ответила куда более ядовито, чем Атеа. Лебедь же явно не собиралась прерывать свой монолог.

— Зачем мы вообще пришли сюда?

— Я говорила тебе уже триста раз, — Даэн мысленно принялась выбирать розги, — Нам нужен ведун.

— Именно, Даэн. Я слышала это уже триста раз, — Лебедь вздернула подбородок, упрямо не желая отставать от Даэн, — Ты можешь объяснить по-человечески, зачем?

— Атеа из Эглеира. Ты испытываешь мое терпение. И, клянусь тебе именем Хартанэ, если ты немедленно не прекратишь, то пожалеешь об этом. Это — мой приказ, и ты, как младшая Птица, должна беспрекословно его выполнять, не задавая лишних вопросов, — вот теперь это действительно походило на рычание.

— Я прекрасно знаю, что и кому должна, — зашипела Атеа, — Однако ты, как старшая отряда, должна бы объяснить нам, простым смертным, причины такого своего решения, разве нет? Мы свернули с основного маршрута. Ради чего? Тебе хочется слоняться бес знает сколько времени по пустырям да заснеженным городишкам, выискивая невесть что? Или тебе захотелось мнимого отдыха? Тебе напомнить, чем это закончилось в Серой Топи? Там мы тоже отдыхали перед долгой дорогой, Даэн из Фаулира. Так может объяснишь нам, ради чего мы ушли так далеко на запад, когда нам нужно гораздо севернее, а?

— Атеа, моя просьба относилась и к тебе, — наконец подала голос Меред, — Точнее, по большей части к тебе. Поэтому будь добра, помолчи. Мы очень утомились. И ваша бессмысленная грызня утомляет еще больше.

— Но она... — Атеа собиралась разразиться очередной гневной тирадой, когда Даэн наконец не выдержала. Резко развернувшись, женщина выбросила вперед руку и поймала толстую золотистую косу Лебеда. Девчонка лишь тоненько взвизгнула, когда Даэн, намотав ее на кулак, вплотную приблизилась к Атеа и очень-очень тихо прорычала:

— Я повторяю, Атеа. Мое терпение не бесконечно. Еще несколько слов — и ты пожалеешь о том, что когда-то давным-давно тебе в руки вложили Крылья. Да и в принципе о том, что родилась на этот свет.

В глазах Птицы мелькнуло что-то, похожее на страх — и на этот раз она смолчала. Даэн медленно выпустила из рук золотистый жгут, в который были перевиты волосы Атеа, и отвернулась. На лице Меред, наблюдавшей за всей сценой молча, Даэн прочла немой укор — но вместе с тем и благодарность. Настроение улучшилось на крохотную толику. По крайней мере, этого должно хватить надолго.

Постоялый двор они обнаружили, когда сумерки уже спускались на землю. В вечерних тенях город казался еще более грязным, а усталость, наваливающаяся на плечи — еще более

тяжелой. Даже теплые отсветы, падающие на снег из окошек, не могли прибавить Лойнару уюта — хотя Даэн не раз видела, как самые гадкие поселочки по ночам становились сказочными благодаря россыпи огоньков, теплящихся за стеклами. Видимо, здесь такая магия не работала, и город по-прежнему оставался на удивление отвратительным.

Вывеска «Наковальня» не обещала ничего хорошего, однако бродить по улицам Лойнара дальше в поисках более приятного места для ночлега Даэн не хотела — гораздо больше ее беспокоила Меред. Ведуна нужно найти сегодня. Девчонка совсем плоха. Меред по-прежнему молчала, только шатало ее из стороны в сторону еще сильнее, и теперь она даже не пыталась этого скрыть, чтоб никто не заметил. Атеа наконец прекратила ерничать и глядела на Меред с беспокойством. Нужно было торопиться.

Внутри все оказалось не настолько плохо, как предполагала Даэн. Зал был чисто выметен, на стенах висело оружие и инструменты — явно не настоящие, но весьма вписывающиеся в антураж заведения. Вкусно пахло свежей похлебкой и соленьями. Посетителей было совсем немного — видимо, все разошлись по домам и теперь сидели в тесном семейном кругу. Или же наоборот, еще не пришли.

За пару монет они сняли комнату на ночлег, за еще одну хозяйин принес им горячей каши с мясом, свежего хлеба, сыра и теплого вина. Даэн пришлось буквально кормить Меред — та отворачивалась и угрюмо бурчала, что есть не хочет. Кое-как заставив Птицу проглотить несколько ложек каши и выпить вина, Даэн повернулась к Атеа:

— Отведи ее наверх, в комнату, и будь рядом с ней до моего прихода. Я — за ведуном.

— Ведун для Меред? — тихо спросила Атеа, не поднимая глаз — видимо, все же Даэн сумела ее припугнуть.

— Да, — ответила женщина, — Я спрошу у хозяина «Наковальни», есть ли в городе хоть какой захудалый колдун или знахарь, уж не знаю, и постараюсь привести его сюда.

— А если нет?

Этот вопрос мучил и саму Даэн.

— Если нет, постараемся побыстрее добраться к эльфийкам — Мэг должна точно помочь.

Если Меред дотянет до пещер. Это не прозвучало, но повисло в воздухе тяжелым, несказанным грузом. В запасе у них еще оставалось несколько дней — Даэн помнила, что яд падальщиков поражал в течение двух-трех недель. Меред была крепкой, но нынче к исходу подходил седьмой день с момента ее ранения, и Коршун понятия не имела о том, что будет дальше. Возможно, яд уже разошелся по всему ее телу и теперь устремился вглубь, к самому сердцу, и сейчас процесс пойдет гораздо быстрее.

Атеа кивнула, даже перечить не стала. Поднявшись с места, Лебедь мягко взяла Меред под локоть и потянула за собой на второй этаж, поддерживая подругу. Даэн же, залпом допив вино из глиняного невысокого кубка, направилась к хозяину постоянного двора.

Мужчина оказался общительным до тошноты, и прежде чем выдавить из него информацию о местном ведуне — вернее, ведунье — Даэн пришлось еще выслушать байки о том, как местные жители по весне ездят на столичные ярмарки, несколько глупейших шуток и сводку последних новостей со всей южной части предгорий. Ничего полезного во всем этом ворохе Даэн не извлекла, а посему, вежливо поблагодарив хозяина «Наковальни», поспешила выйти, покуда тот не вспомнил еще что-нибудь.

Улочки Лойнара расходились лучами от центра, и, если идти от главной площади, заблудиться в городе было очень сложно. Да только «Наковальня» находилась в одном из

рабочих кварталов, где жили кузнецы и торговцы, и совсем скоро Даэн заплутала. Хозяин постоянного двора говорил, что ведунья, госпожа Нерта, жила у старого колодца — мол, несколько новых копали ближе к центру, а тот забросили. Идти до него далеко от площади, да еще и дом ведуньи рядом... Мало ли, чего та вода наберет. В общем, жители Лойнара остерегались ходить по воду к дому Нерты. Место должно было быть совсем рядом от «Наковальни», но Даэн все никак не могла найти ориентир — высокую двускатную крышу на трехэтажной башенке, откуда «до дома матушки Нерты рукой подать».

— Да где же ты, шаманка проклятая... — тихо выдохнула Даэн, слепо шурясь в темноте и оглядываясь по сторонам в надежде увидеть хоть что-нибудь, отдаленно напоминающее башенку.

— Потерялась, красавица?

Даэн, подскочив, резко развернулась. Напротив нее на лавочке близ покосившегося на одну сторону дома сидела пожилая женщина, приятно улыбающаяся ей. Птица ощутила, как в груди нехорошо потянуло. Ну нет, Хартанэ, ну пожалуйста, не шути так...

— Не совсем, — осторожно ответила Даэн, пытаюсь выглядеть как можно приветливее, — Видите ли, госпожа, я ищу матушку Нерту, местную ведающую... Вы не подскажете мне, где она живет?

— А, так тебе, дитя, нужна шаманка проклятая? — женщина заулыбалась еще шире, и выражение ее лица абсолютно перестало нравиться Даэн, — Ну что же, ты ее нашла, она перед тобой сидит и внимательно тебя слушает.

Бес меня заberi. Хартанэ, однажды я вырежу свой язык и принесу его тебе в жертву.

— Прошу простить меня, матушка Нерта, — Даэн согнулась в поясе, и черная коса свесилась до самой земли, мазнув по серому месиву грязи и снега, — Я долго была в пути, устала неимоверно, вот и молвила, не подумав. Не держи на меня зла.

— Ну что ты, дитя, какое же зло — я ведающая ведь, знаю все. Прощаю тебя, — та благосклонно улыбнулась, что понравилось Даэн еще меньше, — Говори, зачем искала меня?

— Матушка Нерта, помоги мне, — Птица разогнулась и внимательно взглянула на ведунью, — На мою подругу напал темный дух и отравил ее. Раны неглубокие, но яд уже растекается по ее телу. Я знаю, что ведуны способны исцелить жертв темных духов. Ты можешь помочь нам? Все, что попросишь — отдам тебе, только ты спаси ее, прошу тебя.

Нерта горестно покачала головой, цокая языком.

— Ох, бедное, бедное дитя... Видала я таких на своем веку... Бедная девочка.

С этими словами женщина поднялась со скамейки и, кряхтя, направилась к дому. Даэн, немного нервничая, пошла следом, ступая на почтительном расстоянии. Нерта, взойдя на крыльцо, обернулась к Даэн, наградила ее долгим взглядом, а затем вновь покачала головой:

— Как жаль, что быть полезной хоть чем-то я не смогу.

Даэн остолбенела. Когда спустя несколько секунд дар речи вернулся к ней, женщина едва ли смогла связать слова.

— Но... почему?.. Вы — единственная ведунья здесь, нам больше не к кому пойти... Вы ведь можете помочь!

— Нет, дитя, — та улыбнулась, — Я всего лишь шаманка — ты сама нарекла меня так. А что шаманки могут? Так, костры жечь, да перья ворошить и с пеплом смешивать. Добрых снов.

С этими словами Нерта открыла тяжелую скрипучую дверь и скрылась за ней, оставив

Даэн в одиночестве. Птица, постояв несколько секунд, опомнилась и буквально взлетела на крыльцо.

— Матушка Нерта, коли хочешь — я возьму слова назад! Только помощи я не для себя прошу, и если уж наказываешь — так хотя бы меня, а не того, на ком вины никакой нет!

Дом безмолвствовал. В груди поднималось клокочущей волной раздражение, и Даэн с силой заколотила кулаком в дверь.

— Госпожа, не отворачивайся от тех, кто нуждается в твоей помощи!

Ответом ей была лишь тишина. Даэн около часа билась под дверью Нерты — уговаривала, упрашивала, грозилась, да только все без толку. Упрямая старуха явно не собиралась менять гнев на милость. В конце концов Даэн, в сердцах пожелав Нерте сгореть в собственном доме, обессилено поплелась в сторону «Наковальни».

С неба трусил мелкий снег, холодящий щеки и цепляющийся за кожу острыми цепкими краями. На душе было тяжело, словно кто-то надвинул тяжелую плиту на самое сердце, еще и сверху уселся. Прости, Меред. Это я тебя подвела. Даэн в который раз прокляла себя. Если бы не бесов язык, с которого сорвалось всего-то два слова, у Меред была бы надежда — а теперь она таяла с каждой минуткой. Даже если бы они сейчас двинулись в путь, в сторону пещер, никто не мог бы гарантировать, что они успеют до того, как черная энергия вопьется в последнюю живую клеточку в теле Меред, чтоб выпить ее до дна. Времени все еще оставалось — но так немного...

Ноги сами принесли ее к порогу «Наковальни» — голова вовсе не работала. Даэн лихорадочно соображала, что делать, а потому не сразу заметила, как трактирщик машет ей рукой, словно пытается что-то сказать. Нехотя Даэн подошла к стойке.

— Ну что, госпожа нашла матушку Нерту? — добродушно поинтересовался хозяин постоялого двора.

— Нашла, — Даэн потерла пальцами веки, — Только помочь она мне отказалась.

Трактирщик сочувственно покачал головой:

— Да уж, Нерта славится скверным нравом. Чуть ей что не по сердцу придется — все считай, помощи от нее не дождешься. Ну, ты не горюй, госпожа! Мало на свете ведунов что ль? — он по-свойски потрепал Даэн по руке, не заметив, как дернулась женщина — она терпеть не могла прикосновения чужих, — К нам вон аккурат после твоего ухода колдунья пожаловала!

Даэн встрепенулась.

— Что за колдунья?

— Да не местная, на ночлег попросилась — скитается, видать. Ты у нее спроси — может, поможет тебе, если то в ее силах будет, — пожал плечами хозяин постоялого двора, — Я ее в конце коридора поселил, там комнатка возле окна, на третьем этаже. Час еще не слишком поздний — постучись ты к ней, авось, подсобит.

Даэн вскочила с высокого табурета.

— Спасибо тебе, добрый господин! Я уж было совсем отчаялась, — в груди крохотной искоркой затеплилась надежда. Даже тяжелая плита, лежащая на плечах, казалось, стала гораздо легче.

Танцующая, горячо поблагодарив трактирщика, практически взлетела по лестнице на третий этаж. Пройдя мимо ряда темных дверей, Даэн остановилась возле самой последней, ступив в квадрат тусклого света, льющегося из окна. Вознеся короткую молитву Хартанэ, женщина набралась смелости и, тихонько постучав, позвала.

— Госпожа колдунья?

Чуткий слух Птицы уловил едва различимый скрип, легкую поступь шагов, а затем дверь приотворилась. На пороге стояла женщина, довольно молодая, но казавшаяся изнуренной — наверное, долго была в пути. Темные волосы тяжелой волной лежали на плечах, словно плащ, а холодные глаза цепким настороженным взглядом впились в самую душу Даэн. Точно ведьма из старых сказок.

— Положим, и колдунья, — та склонила голову набок. Голос у женщины оказался приятным, звучным, совсем не вяжущимся с взглядом, способным заморозить, — Что-то надобно тебе, госпожа?

— Да, — Даэн не отводила взгляда, продолжая мысленно взывать к Богине, только бы ведьма согласилась, — Я пришла к тебе просить о помощи. Выслушаешь меня — или сразу откажешь?

Ведьма несколько долгих мгновений смотрела на нее, а затем медленно кивнула.

— Говори.

— Прости, что я, незнакомка, тревожу тебя сейчас. Только последняя моя надежда — ты. Ты ведаешь о темных духах?

Что-то в лице колдуньи незримо изменилось — и почему-то Даэн стало страшно.

— Ведаю.

— Стало быть, если на то будет твоя воля, сумеешь помочь, — решила продолжить разговор Птица, — Темный отравил мою спутницу, ранил ее. Около недели назад. Мы долго были в пути, и излечить ее раньше не могли. Сейчас в ней — его энергия, и наверняка ты знаешь, госпожа, что с ней произойдет, если ее не очистить. Ты можешь помочь нам?

Ведьма криво усмехнулась, и на один миг сердце Даэн рухнуло вниз — ей показалось, что сейчас с губ женщины сорвется безразличное «нет», и тогда придется торопиться вглубь Лореотта, к пещерам эльфиек, в надежде на то, что Старая Мэг поможет Меред. Но сколько шансов на то, что Птица дотянет?

— Идем, поглядим на твою спутницу.

Даэн на несколько секунд лишилась дара речи, а затем, поддавшись порыву, низко поклонилась ведьме.

— Благодарю тебя, госпожа...

— Не нужно — ибо я еще ничего не сделала, — покачала головой та, — Возможно, я буду бессильна хоть чем-то помочь.

— Ты хотя бы не отказала, — тихо ответила Даэн. Незнакомка дернула плечом, словно отмахнулась, а Танцующей этот жест показался странно знакомым. Впрочем, что уж там — не до загадок нынче.

Они спустились на второй этаж, где Птицы сняли комнату на ночлег. Даэн тихонько, совершенно по-птичьи, присвистнула, остановившись у нужной двери, и через пару секунд их впустила внутрь Атеа.

— Где тебя носило так долго? Я уже беспокоиться начала... — Лебедь осеклась, заметив колдунью за спиной Даэн.

— Местная ведунья помочь отказалась — но, хвала Хартанэ, госпожа... — Коршун вопросительно взглянула на ведьму.

— Мара, — бросила та, проходя внутрь, и сразу направилась к кровати, где дремала Меред.

— Госпожа Мара согласилась помочь. Она в пути, как и мы, остановилась на постой

здесь, — Даэн закрыла дверь, чтоб не напускать холод. В комнате было тепло, пахло травами — видимо, Атеа отпаивала Меред отварами, пока та не уснула, — Как она?

— Молчала весь вечер. Я пыталась поговорить с ней, но она только улыбалась, отворачивалась, — голос Атеа надломился, но девчонка не сорвалась, — Это из-за духа? — вопрос прозвучал тихо. Она сама наверняка знала ответ.

Даэн кивнула и подошла ближе к колдунье. Та сидела на краюшке кровати рядом с Меред, прикрыв глаза, и тонкие ее брови с едва заметным изломом хмурились. Она водила раскрытой ладонью над телом Птицы, и кончики белых пальцев чуть подрагивали — Даэн казалось, будто она видит крохотные сполохи вокруг ее ладоней. Но это могли быть лишь ее домыслы, да усталость, не более. Руки ведьмы замерли прямо над раной Меред, опустились чуть ниже. Женщина дышала мерно и спокойно, лицо ее было сосредоточенным и каким-то нездешним, словно бы бледная кожа светилась изнутри. Даэн ждала искр, крохотных серебристых молний из-под ее пальцев, заклинаний на неведомом языке — но ничего не происходило.

Разве что затылок начало едва ощутимо покалывать — сначала слегка, а затем все сильнее. Даэн чувствовала, как звенит в теле каждая клеточка, будто наполняясь какой-то доселе незнакомой силой. Ведьма сидела все так же, недвижимая и тихая, а ее руки сияли золотом. Даэн обернулась на Атеа, но на лице той не отразилось ни изумления, ни трепета — словно она не видела происходящего. Может, и впрямь не видит?

Что-то, напоминающее громадную занозу, давным-давно вросшую в сердце Даэн, дрогнуло, зашаталось. Это было невозможно больно — и до того хорошо, словно кто-то бесконечно знакомый и теплый обнял за плечи, заслоняя собой от всего темного и страшного, всего злого, и сейчас бережно, но уверенно зашивает края старой рваной раны. Птица смотрела на то, как ведьма лечит Меред — но ей казалось, что и ее саму исцеляют, наполняют силами, поят из рук студеной водой. Даже мягкая тень на скуле колдуньи была пронизана солнцем и светом — интересно, бывают ли солнечные тени? Складка на лбу Мары наконец разгладилась, и Даэн чуть было не задохнулась от потока, нахлынувшего вдруг откуда-то сверху и накрывшего с головой. И когда ведьма подняла голову и открыла глаза, взглянув на Даэн, той показалось, что на нее смотрит Хартанэ, и в ее древних глазах разливается Вечность.

Какая же ты красивая.

Ноги больше не держали, и Даэн обессилено опустилась на пол, ощущая себя опустошенной и невероятно легкой одновременно. Тело было чужим, незнакомым, наполненным энергией и силой, которая не вмещалась в оболочку — ей явно было тесно. Ведьма сложила руки на коленях и вновь повернулась к Меред, спавшей, словно дитя.

— В ней больше нет темного. Раны скоро затянутся — хоть и будут мучить ее до конца дней. Но то не страшно, — колдунья отстраненно усмехнулась, и сердце Даэн почему-то пропустило удар. Ведьма перевела взгляд на Даэн, и черты ее лица смягчились, — Да и тебе, вижу, легче стало.

— Что... что ты сделала, госпожа? — Танцующая тряхнула головой и попыталась осторожно пошевелиться. Тело слушалось как-то лениво, словно нехотя.

— То, что должно. Обратила бездну в свет. Это не сложно, — добавила она, заметив священный трепет на лице Даэн, — Это каждый может — если верит в тот самый свет. В каждом из нас столько темноты живет, столько тяжести мы на своих плечах несем... А на самом-то деле — нет ничего. Кроме пустоты и света — ничего нет.

Даэн наконец совладала с собственным телом и поднялась на ноги. Атеа, настороженно косясь на ведьму, подошла ближе к Меред и опустилась на кровать у ее ног.

— И что же, госпожа колдунья, теперь с Меред все будет хорошо?

Та склонила голову:

— Да, девочка. Не тревожься за нее, — глаза колдуньи блуждали по лицу Атеа, а затем она снова усмехнулась, — Да и за себя тоже. Ты хоть ничего не ощутила — а очистилась.

Атеа почему-то вспыхнула — ведьма отгадала ее мысли? Тем временем колдунья поднялась и развернулась к Даэн.

— А к тебе, госпожа, у меня будет несколько вопросов. О диких.

— О ком? — не поняла Даэн.

— Вы зовете их темными. Мне нужно знать, что произошло — ибо от этого зависит, куда мне идти дальше, — ведьма направилась к двери, — Пойдем — пускай отдохнут, а тебя я долго не задержу.

— Ты помогла нам — и мой долг помочь тебе. Расскажу все, что знаю, — Даэн склонила голову, а затем снова посмотрела на колдунью. Глаза у той были что осеннее небо, древнее и далекое. Разве что птицы в нем не тонули да не терялись в седых облаках. Только Даэн почему-то ощущала себя той самой птицей, одной-единственной, которая парит где-то в этой стылой вышине и падает, падает, падает все выше и выше.

В темной комнате притаились тени, разбежавшиеся по углам в тот момент, когда ведьма одним взглядом зажгла фитилек одинокой свечи на столе. Даэн, затворив за собой дверь, покачала головой:

— И как вы, колдуньи, делаете так?..

— Просим нашего бога, — краешком рта усмехнулась ей колдунья, — Колдовство — это вера. Во что веришь, то в твоих руках и лежит. Пламенем может обернуться, или дождем пролиться на землю. Или ветром. Или еще чем. Главное — уметь видеть и слышать. И верить в то, что видишь и слышишь, — она снова дернула плечом, — Вот тебе и все волшебство. Ты не стой, садись — хоть разговор, наверное, недолгим у нас будет, а в ногах-то правды нет.

Даэн опустилась на табурет напротив колдуньи, чувствуя странный, мягкий покой, угнездившийся где-то в сердце. Ощущение было так давно ею забыто, что сейчас казалось непривычным.

— И назовись — ты уж прости, что имени твоего раньше не спросила. Негоже мне госпожой тебя звать.

— Не за что мне тебя прощать, госпожа Мара. Я Даэн.

И вдруг стало тихо. Тишина разлилась внутри крохотной комнаты, внутри клетки ребер, внутри сердца. Ведьма смотрела внимательно, не мигая, а Даэн, словно во сне, ощущала, как по ее венам течет время, и как оживают в голове образы, оставленные где-то в солнечном лесу близ родной деревеньки. И все вдруг стало таким простым, таким ясным, таким знакомым — как глаза ведьмы напротив.

— Здравствуй, — тихо молвила Мара.

И время замерло.

===== Глава 7. Немного света во тьме =====

Они сидели молча, не шевелясь — почти и не дыша. Даэн чувствовала, как ее затягивает в стремительный водоворот мыслей и воспоминаний, в котором она, словно крохотная былинка, утопала, погружаясь все глубже и глубже. Очертания комнаты размылись, стали неясными и туманными, и вместо стен со всех сторон их окружали стволы деревьев,

пахнувшие нагретой на солнце смолой, а над головой тихо шелестела листва. Картинка была такой четкой, что Даэн на секунду усомнилась — не наслала ли колдунья морок?

— Здравствуй, — тихое слово само сорвалось с губ, когда воспоминание коснулось черт женщины, сидящей перед ней. Из глубины лет на Даэн смотрела маленькая девчушка, хмурая и настороженная, словно дикий зверек. Ныне от той девчушки не осталось и следа — годы стерли мягкость линий, смыли румянец со щек, когда-то по-детски пухлых, залегли тревожной морщинкой в уголке рта, хоть и едва заметной. Только глаза Мары не изменились.

Ты всегда была такой древней?

Взгляд колдуньи блуждал по ее лицу, и понять, о чем она думает, было невозможно. Мара молчала, чуть склонив голову набок, а Даэн все никак не могла отвести глаз от узких бледных ладоней ведьмы.

— Я знала, что увижу еще тебя, Даэн. Слишком уж часто в последнее время Бессмертный показывал мне тебя, — в голосе женщины Птице почудилась затаенная улыбка, отстраненная и мимолетная, которую ей понять было не дано.

Даэн не знала, что сказать. Ей казалось, будто весь мир вдруг стал таким далеким, а она снова переживала тот день, когда на залитой солнечным светом опушке повстречала маленькую ведьмину дочь. Вспомнились все запахи, все тени, путающиеся в мягкой траве, все блики в изумрудных кронах. Вспомнился шелест ветра и ощущение теплой, прогретой земли под босыми ногами. Вспомнилась нежность крохотной детской ладошки и робкое рукопожатие.

Когда маленький караван медленно полз по заметенной, едва различимой ленте дороги, петляющей меж холмов, Даэн постоянно оглядывалась назад. Взглядом она искала что-то... кого-то, а кого — и сама не знала. Может быть, отца, оставшегося где-то в Вергории. Может быть, ушедшую в Поднебесье мать. Или братишек, чьи звонкие голоса еще долго снились ей и звучали в ушах и днем, и ночью. Или девочку, лесную чаровницу, дочь деревенской ведьмы Виски, которую все так боялись.

Когда Белая Смерть гнала ветра зимних стуж по земле, Даэн с тоской глядела назад и молилась о том, чтобы это маленькое существо, попросившее ее не бить молодую березку, спаслось.

Ей почему-то было так важно знать, что колдунья жива...

Даэн не помнила момента, когда ведьма забылась. Остались только смутные воспоминания, косые лучи солнечного света сквозь листву где-то на границе сна и яви, размытый безликий силуэт. А сейчас все оживало, наполнялось цветом, вкусом, запахом. Жизнью.

— А я очень надеялась, что ты выживешь, — неуклюже вымолвила Даэн после долгого молчания. Ей казалось, что все слова будут неправильными и лишними сейчас. Внутри разливалось какое-то странное чувство, смутно знакомое, теплое и ласковое. Сбитая с толку Даэн даже не пыталась понять, что это — кажется, такое происходило с ней раньше, дома. И называлось радостью.

Мара медленно кивнула, словно во сне. Черные мягкие пряди соскользнули с плеча ведьмы и мазнули шероховатую поверхность стола. Боги, как же ты красива.

— Что же... — ведьма тоже явно не знала, что сказать. Она долго собиралась с мыслями, а затем ее глаза цвета осеннего моря снова впились в Даэн, — Ладно. Расскажи мне, как так вышло, что дикий напал на вас?

Даэн мысленно поблагодарила ведьму, что та не попыталась завести светскую беседу и не начала задавать вопросов, будто бы они все это время только и жили ожиданием встречи. Некого было обманывать: они лишь однажды встретились, так и не став друг другу никем. Запомни это, Даэн из Фаулира. Не гляди на нее так. Только сердцу отчего-то сейчас было светло, трепетно и тихо, как не было уже столько лет. Вдохнув поглубже, Даэн начала:

— Я — Келерийская Птица. Ты слышала что-нибудь о Келерии?

— Нет, — Мара вопросительно приподняла брови, ожидая продолжения.

— Наша Гильдия обучает воинов. Тех самых. Танцующих, — Даэн усмехнулась, вспоминая, как непонимающе смотрела на нее маленькая колдунья много лет назад, — Нас учат сражаться с темными духами — плести Танец, Узор, как мы это называем. На самом деле, это все долго объяснять, Мара, и я не знаю, есть ли в том смысл. Главное для тебя все же не это.

— Все же объясни — ровно то, что считаешь нужным.

Птица надолго умолкла, пытаясь поймать и построить мысли, беспорядочно роящиеся в голове, но ведьма и не торопила. Даэн поднялась со стула и начала медленно расхаживать по комнате — так она всегда делала, когда задумывалась.

— Гильдия существует с тех самых пор, как произошел первый Излом. Наставница Гаэра, старейшая из Птиц, рассказывала нам о том, что каждый раз боги выбирают того, кто сумеет начать новый оборот Колеса, пожертвовав собой — но один он не защитит тех, кто живет под звездами. Для того мы и нужны — во времена Изломов мы выходим за стены Гильдии, чтобы сохранить как можно больше жизней. К сожалению, изменить природу духов нельзя — потому мы защищаем сталью, — Мара понимающе кивнула, неотрывно следя за Даэн. Та продолжила, — Мы взываем к богине Хартанэ, Богине-Птице, одной из семи воплощений Светлого, чтобы она даровала нам Узор. Мы открываем ей себя, и она наполняет нас. Это, — она извлекла из ножен Крылья и подошла ближе к ведьме, показывая ей клинки, — Крылья, наше оружие. Их куют в Гильдии. Обычное железо, просто форма лезвия сильно отличается от простых мечей, как северных, так и здешних, — она улыбнулась, прикрыв глаза, — Когда сестры Танцуют, клинки напоминают длинные перья на самом краешке крыльев. Они словно... словно оживают в наших руках. Становятся мягкими, плавными, пластичными. Я не знаю, как объяснить...

— Я понимаю, о чем ты говоришь, — медленно кивнула ведьма, бережно касаясь пальцами тускло мерцающей стали, и что-то мелькнуло в ее глазах, какое-то осознание, которое Даэн при всем желании понять бы не смогла.

— Хорошо. Так вот, я — одна из Птиц Келерии. Сейчас беспокойное время. Снова. Думаю, ты знаешь, о чем я говорю. Лорелей, Верховная Наставница и Первая Птица Гильдии, приказала нам искать темных духов — пока просто разведать, осмотреть все окрестности. Нас троих отправили в Лореотт, к пещерным эльфийкам, там совсем недавно пропали молодые девочки. Ведающая их племени чует темных где-то поблизости, и нам нужно проверить, действительно ли это так. Встретились мы в деревеньке Серая Топь, что на востоке отсюда. И там ночью на нас напали. Уж не знаю, были мы последними жертвами или первыми, Мара — только духи успели насытиться, — прочитав немой вопрос в глазах ведьмы, Даэн ответила, — Десять. Из них — пятеро детей, один нерожденный.

— А духов было сколько?

— Тут уж не могу ничего сказать. На нас напало двое, «паук» и падальщик, но кто ж знает, кто напал на жителей. Думаю, что они же, и мы действительно были последними, —

Даэн прошлась по комнате, заложив руки за спину, — Судя по всему, шли они со стороны Гарварны, на север. Вот только куда...

— К Сестрам? В Мертволесье? — предположила ведьма, не отрывавшая внимательного взгляда от Даэн.

— Не знаю, Мара, — покачала головой женщина, — Я не уверена. Мы надеемся получить хоть какие-то ответы в Лореотте, у Слепой Мэг — потому как сами не знаем, куда идти.

В комнате воцарилась тишина. Мара сидела, полуобернувшись к Даэн, и глядела на дрожащий огонек свечи, думая о чем-то своем, а Птица боялась и слово молвить — вдруг оно будет лишним? За окном уныло завывал ветер, и снежная пыль закручивалась узорными вихрями, билась в стекло, осыпалась на подоконник снаружи. Даэн поймала себя на том, что мир вдруг сжался в крохотную, невероятно чуткую точку, которая прислушивается лишь к шороху дыхания колдуньи, а до остальных звуков дела ей нет.

— И сколько же отсюда до Лореотта? — ведьма наконец нарушила тишину, отрывая взгляд от язычка пламени.

— По моим расчетам, при хорошей погоде мы должны оказаться там дней через шесть — хотя это маловероятно. Прибавь к этому еще где-то столько же, чтоб уж точно не ошибиться, — Даэн криво ухмыльнулась, — И это без учета возможной встречи с темными. Дорога — такое дело. Никогда не знаешь, где окажешься завтра и когда доберешься до своей цели. Да и вообще, доберешься ли.

Ведьма кивнула. Их взгляды снова встретились, и Даэн ощутила, как падает в бесконечность, затянутую прозрачной пеленой тумана. Каждая частичка тела замерла, тихонько дрожа, словно натянутая тетива. Птице отчаянно хотелось расспросить Мару о том, как жила она все эти годы, о том, что она ищет здесь, о том, какие чудеса ей подвластны... Но слова никак не хотели сплетаться воедино, и вопросы так и остались невысказанными. Ведьма словно ощутила круговерть мыслей Даэн, и то ли смилостивилась, то ли ей самой не хотелось все глубже погружаться в тишину, заполнившую комнату до самого потолка — по крайней мере, так казалось Даэн.

— Что ж... славно. Спасибо тебе, Даэн, что рассказала мне об этом.

— Это хоть немного помогло тебе? — тихо спросила Птица. В ответ колдунья лишь хмыкнула.

— Не очень.

— Тогда зачем благодаришь? — голос был все таким же тихим, а слова на губах оставили после себя странную, горькую терпкость. Когда-то ей говорили, что слова имеют вкус.

Только Даэн из Фаулира давно не верила в это. А сейчас что-то медленно, со скрежетом переламывалось в ней самой, и она не знала, что с этим делать. Разве что диву даваться, пытаюсь распробовать, ощутить, понять.

Мара не ответила ей. Только смотрела — молча, внимательно, чуть ли не настороженно. Дикая, словно молодой волк или сказочный дух, живущий в забытых легендах. Неприрученная, вольная птица, которую и удержать бы никто не сумел. Ты была маленьким волчонком — видать, такой же и осталась, ведьмина дочь?

— Что ты ищешь здесь, Мара? — Даэн сама удивилась тому, что вопрос наконец был задан вслух, — Откуда идешь? Куда?

Колдунья, видимо, некоторое время размышляла, стоит ли отвечать, а затем все же

неохотно отозвалась:

— Что ищу — то найду в конце концов, Даэн. Если Бессмертному будет угодно, ты все узнаешь, когда срок придет. Покуда же — нечего мне тебе сказать. А что до того, откуда иду... Я живу в лесу, неподалеку от Фаулира. По-прежнему, — снова это ощущение затаенной улыбки, от которого сердце Даэн сжалось в болезненно-сладкий клубочек. Птица одернула саму себя. Богиня, ведешь себя как жалкий птенец! Давно, видать, крылышки тебе не подрезали, Коршун?

— И как там лес? — вопрос прозвучал немного по-детски, глуповато — но Даэн было плевать, по большому счету. Губы сами собой растянулись в улыбку.

— Хорошо, — ладонь ведьмы потянулась к груди, и Даэн успела заметить связку амулетов за воротом теплой рубахи, — От лета к лету там ничего не меняется, Даэн. Разве что деревья уж давно стали выше. И березка твоя окрепла. Не уступает тем соснам, что огибают реку у деревни.

Даэн рассмеялась, неожиданно для самой себя ощутив, как внутри золотой щекоткой разливается звук. Она очень давно не смеялась, и чувство было странное, незнакомое — вернее, почти забытое. Только на сердце стало хорошо-хорошо. Птица вдруг поняла, что ей легко. Впервые за эти долгие годы, которые растянулись для нее в вечность без времени и тепла, женщина чувствовала себя почти невесомой, легкой и радостной.

— Как снова окажешься там, поклонись от меня земле, Мара. Скажи, что Даэн не забыла ее и скучает.

— Скажу, — кивнула Мара.

Обе затихли, и в комнате снова воцарилась тишина. Даэн глубоко вдохнула, прикрыв глаза и расправляя плечи — довольно уж веселиться. Счастье, вдруг появившееся в стенах тесной комнатухи, казалось ей слишком хрупким и мимолетным, чтобы долго упиваться им, словно летним вином. Пора и честь знать.

Мара, вскинув глаза на Птицу, как-то долго и странно глядела на нее, а затем тихо спросила:

— Ну а ты, Даэн? Ты нашла то, что искала? Все ли сбылось?

Внутри что-то болезненно надорвалось. Наверняка ведьма знала все, все видела...

— Что же... — помедлила Даэн, — Пожалуй, да. Да, Мара. Все сбылось... Только с тех пор я боюсь мечтать.

Колдунья некоторое время ждала продолжения, но его не последовало. Даэн не знала, что ей сказать. Вернее, знала — и рассказала бы, все-все рассказала бы, чтоб наконец отпустить былое и позволить призракам уйти туда, где им место. Уткнулась бы лбом в холодные узкие ладони, опустившись перед ней на колени, долго молчала бы — она точно знала, что Мара понимает тишину так же, как человек понимает речь. Вот только так сделала бы та, другая Даэн, маленькая смешная девчонка, выросшая под сводами зеленых крон древнего леса. А она давным-давно умерла. Нынешняя Даэн обвенчалась с холодом Караласских гор, и за это была своя цена.

— Тогда ты несчастна, Даэн из Фаулира, — слова ведьмы отозвались в груди чем-то колючим, горьким.

Ты права. Хотя и не до конца. В бесконечной круговерти дней был один крохотный миг, когда Даэн ощутила себя счастливой — сейчас. Какое же чудесное «сейчас», Мара. Жаль только, что завтра оно исчезнет. Да что там — вот-вот исчезнет.

— Я пойду, Мара, — после долгой паузы молвила Даэн, — Время позднее, а нам завтра

уходить до зари. Да и тебе, наверное.

— И мне, — согласилась ведьма, снова отворачиваясь к свече, — Я была рада увидеть тебя, Даэн. И благодарна Бессмертному за то, что он снова сплел наши дороги. Пусть и ненадолго.

— Бессмертный — это твой бог? — вопросительно взглянула на нее Даэн.

— Да, — ведьма улыбнулась — наверное, своему богу, глядющему на нее с высоты небес, а внутри Птицы заметалась стая золотых огней, словно сердце самой Хартанэ билось в ее груди.

— Ты расскажешь мне о нем, когда мы увидимся в следующий раз?

Ведьма благосклонно кивнула:

— Коли хочешь.

Она поднялась с места, подойдя ближе к Даэн.

— Доброй тебе дороги, Келерийская Птица. И, если уж ты Летаешь — не бойся ничего.

Да гори оно все в Бездне. Даэн резко опустилась на колени перед женщиной, лоя ее тонкую руку, и прижала ладонь Мары к губам. Ведьма вздрогнула, но руки не вырвала — только молча глядела. Тени скрывали ее лицо, и Даэн не видела его — да в том и не было нужды. Кожа Мары пахла травами, пряными дикими цветами, осенними листьями, а еще — солнцем. Теплым августом, или сентябрем. Пальцы ведьмы, холодные и чуть шершавые, лежали в руке Даэн, и той на миг почудилось, будто на ее ладони сидит крохотная птичка, что вот-вот упорхнет в далекое ночное небо. Но пока еще она здесь...

— Спасибо тебе, Мара, что спасла Меред, — голос звучал как-то надломлено, хрипло, будто и не ее вовсе.

— Не за что, — перья-пальцы ласково, с невесомой нежностью огладили жесткую ладонь. Даэн дышала ее запахом, таким родным и знакомым тысячи лет, касалась губами прохладной кожи, пытаясь согреть — или согреться. Она и не знала, кому из них сейчас стало тепло — только надеялась, что обеим.

Белая птичка мягко покинула чашу ладоней, напоследок позволив себе прижаться к губам Даэн сильнее.

— Доброй и тебе дороги, Мара, — Богиня, какое же имя у тебя, какое же имя... Зову тебя — словно в губы целую. Даэн поднялась с колен, и теперь смотрела в лицо ведьме. Ее черты скрадывала мягкая полутьма, и она казалась видением, неземным и нереальным — только глаза во мраке мерцали, втягивая в себя отсветы огонька.

Секунды растянулись в бесконечность. Ведьма и Птица стояли друг напротив друга и лишь смотрели, ни слова не говоря. А затем мир, наполненный золотым сиянием, долго вздохнув, вновь растаял, обрел четкие контуры, грубые краски и лишний шум. Внизу слышались голоса людей. За окном выл ветер. Кто-то в соседней комнате расхаживал из угла в угол, скрипя старыми половицами. Звуки, тени и запахи нахлынули стремительным потоком, стирая хрупкую мягкость и обращая ее воспоминанием. Закончилось наше «сейчас». Даэн с удивлением поняла, что ей больно. И болит там, где не болело уже так давно — где-то в груди, возле сердца: ноет, тянет, тяжело давит...

И если не уйдешь, станет еще больнее.

— Прощай, — сипло молвила Даэн, отступая от колдуньи на шаг и с силой отрывая взгляд от тонких, резко очерченных губ.

— До встречи, — Мара тоже сделала шаг назад, и лицо ее озарила спокойная, светлая улыбка. Даэн не смогла не улыбнуться ей в ответ — хотя, наверное, получилось не слишком

радостно. Собравшись с силами, Птица развернулась и вышла из комнаты, мягко прикрыв за собой дверь.

Темный коридор с квадратом света на полу. Людские голоса, доносящиеся из общего зала, чей-то хохот. Даэн поняла, что стоит, прижавшись лбом к двери, за которой осталась Мара, и к горлу вдруг подступил ком, а глаза начало резать. Этого еще не хватало. Давай, разревись, как глупая девчонка. Выругав себя, Птица вдохнула поглубже, и наконец, оторвав себя от шероховатой поверхности двери, побрела к лестнице.

Хотелось верескового меда. Хотелось спать. Хотелось развернуться, распахнуть проклятую дверь, сгрести ведьму в охапку — и целовать, до безумия целовать, пока мир прахом не обратится. Да только лучший вересковый мед варили не здесь, и в Лойнаре вряд ли есть хотя бы бледное его подобие, а Мара... Слишком давно ты не страдала, Птица, вот и маешься дурью. Она — лишь твоё воспоминание, облаченное в красивый образ. Не боле того. Да только сама Даэн прекрасно понимала, что это не так. Но разбираться в собственных чувствах и ощущениях Птица так и не научилась, а потому оставалось лишь спать.

Меред мирно спала и наверняка видела уже десятый сон. У Даэн от сердца отлегло, когда, присмотревшись, она увидела, что темные круги под глазами девочки уже не так заметны, и на лице ее отражается лишь покой, а не плохо сокрытая боль. Атеа прикорнула у изножья постели Меред, даже не пошевелившись, когда Даэн тихонько прошла мимо, к своей кровати. Стянув сапоги и верхнюю одежду, Птица переплела косу потуже и забралась под теплое одеяло. Заложив руки за голову, Даэн смотрела в потолок — смотрела, да не видела. Вместо смутных очертаний балок в темноте она видела совершенно иное.

Когда ночи и дни напролет холодные ветра обнимают тело, начинаешь спасаться от одиночества, вгрызающегося голодным волком в душу. Ищешь тепла, мечешься, словно осенний лист на ветру, заглядываешь в глаза и надеешься, что вот же, вот... и не находишь.

Всю дорогу до Келерийской Гильдии Даэн думала о том, что ей очень холодно. Погибшая Сарна могла бы стать ее подругой, они могли бы учиться вместе, жить вместе, Танцевать вместе — но, видать, богам неугодно было давать девочкам такую судьбу. Оставшаяся в лесах Фаулира ведьмина дочь тоже могла бы сейчас ехать в повозке рядом с Даэн, смотрела бы туманными глазами на метель, а Даэн бы обнимала ее и тихонько успокаивала, глядя по волосам и шепча, что все будет хорошо. Что она, Даэн, никогда не оставит Мару и всегда будет защищать ее.

Ведьмина дочь еще снилась ей в гильдии — она пускала кораблики из листьев по воде весной, и смеялась, и солнце путалось в ее волосах... А Даэн была рядом, и сердце наполнилось теплом и мягким ощущением того, что так будет всегда.

Дни постепенно стирали из памяти ее черты, лишь глаза маленькой ведьмы Даэн помнила. Смутно помнила, что коса у нее черная, что смола, длинная, а кожа белая, будто бы снег или лепестки яблонь. Помнила, что травы льнули к ее босым ногам, а ладошка у нее была мягкая, маленькая. А потом круговерть лиц и чужих закружила ее, и Даэн вовсе позабыла ее имя — только смутный образ и остался, отзывающийся каким-то трогательным, ласковым теплом, которое Птица уже и не могла понять.

У Тори, одногодки Даэн, были огненные волосы, зеленые кошачьи глаза и мягкие губы. Своими речами она кружила головы, взглядом топила самые неприступные сердца, и не было среди их сверстниц хоть одной, что убереглась бы от чар рыжей Птицы. Да и среди старших тоже. Даэн полюбила ее всем сердцем, таскалась за ней побитым щенком, преданно

заглядывала в глаза и непрестанно молилась Хартанэ: Богиня, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... Пусть она станет моей.

И Богиня смилостивилась. После того, как Даэн получила первое Крыло, молодым Птицам было велено тренироваться вместе, создавая Узор одновременно. И напротив нее всегда становилась Тори. Когда она начинала плести Танец, Даэн казалось, что девушка Танцует лишь для нее, и в ее глазах растворяется весь мир. Руки дрожали, сердце колотилось словно безумное, и Наставницы постоянно ругали Даэн — мол, никак сосредоточиться не может, поймать образы, посланные Богиней... А потом, однажды зимним вечером, на балкон Птичьей башни, где Даэн частенько тренировалась сама, пришла Тори.

В келье Даэн, куда они буквально влетели, срывая друг с друга одежду, стало невероятно жарко. Тори обнимала неистово, до хруста, и весь мир за пределами каменных стен показался вдруг таким далеким и не нужным. Когда огонь ее волос разметался на белой подушке, когда она горячо шептала на ухо Даэн ее имя, Птица поклялась себе, что отдаст свою жизнь ей. Отныне Тори стала ее Богиней, всем миром ее, и Даэн носилась, словно молодой стриж по весне, абсолютно хмельная от счастья — Хартанэ услышала! Тори лишь смеялась на ее признания, ерошила черные кудри Даэн и уходила, а той было все равно. Ее счастье, ее судьба была с ней.

Только для Тори не существовало ни того счастья, ни того трепетного «навсегда». Она отдавала себя тем, кто желал ее, легко, перелетая из рук в руки, но неизменно возвращаясь к Даэн. Та отказывалась верить, что ее Тори, ее поцелованная солнцем девочка, может так поступить. Она ведь сама пришла к Даэн, сама сделала свой выбор — и разве могла она так просто оставить ее?

Потом были слезы, горечь, долгие разговоры, когда Даэн пыталась достучаться до сердца рыжей девушки, глядящей не на нее, а будто бы сквозь, не слышащей, не замечающей. Чужой. Тори никогда не была судьбой Даэн — только Коршун поняла это поздно, когда сердцу уже стало холодно.

С тех пор прошло уже много лет. Тори быстро отболела, но раны, оставленные ею, заживать не желали еще очень долго. Даэн больше не искала никого, кто смог бы отогреть ее, постепенно замерзала, но что уж там... В конце концов, у нее была Гильдия, был Путь, о котором она мечтала — что с того, что никто не разделит его с тобой, Птица? Это не страшно. Мало ли таких, как ты.

Образ Мары, забытый и далекий, иногда проскальзывал где-то на границе сознания, по самому краешку теплых видений. Даэн видела ее тень меж шершавых стволов, видела ее следы на песке у кромки воды, когда вспоминала родной лес. И всякий раз, поднимая голову к перламутровому серому небу, ей казалось, что где-то она видела этот северный цвет. Но никак не могла вспомнить, где, и почему вдруг это так важно.

А сейчас все менялось. Будто бы после долгой зимы наконец пришла молодая весна в венке из лютиков и фиалок, и, залиvisto хохоча, рассыпает по земле сладкую холодную росу. Ледяная крепость, которую Даэн годами строила, заботливо заливая и без того жесткий булыжник слоями льда, в один миг разрушилась, обнажив мягкое, болезненно-живое сердце. Птице было страшно. Птица уже и не помнила, как это — чувствовать.

Это просто воспоминания, Даэн. Ты размякла, а тут появилось твое бывшее. Вот и заметалась, глупая, прекращай.

Огоньки бывшего должны гаснуть в ладонях, правда же, Хартанэ? Правда же?

Противный ком снова подступил к горлу, и Даэн подавила желание отвесить самой себе

пощечину. Она не сопливый птенец, который будет рыдать, влюбившись в какую-нибудь красавицу-Птицу. Вот только глаза продолжало резать, и Даэн часто заморгала, нахмурившись. Она не заплачет. Когда неприятное ощущение наконец отступило, Птица поглубже вдохнула, успокаиваясь и затихая.

Завтра их дороги снова разойдутся — и кто знает, заплетутся ли в одну снова. Мара — далекое, солнечное видение, ее нельзя любить, нельзя, нельзя, она завтра исчезнет и навсегда растает дымом... Нельзя. Нельзя, слышишь? Только имя ее оставило ощущение поцелуя на губах, а тонкий запах, обвивший ее запястье невидимым браслетом, до сих пор чудился Даэн.

Любить? Ты что, смеешься, Птица? Слишком долго одна была? Второй раз в жизни видишь ее, а уже смеешь называть любовью то, что к ней в тебе проснулось.

Увещевания не слишком помогали. Глухо застонав, чтоб никто не услышал, Даэн перевернулась на живот, накрывая голову подушкой. Сон явно не желал идти к ней — и вряд ли ныне придет. Внутри метались безумными птицами чувства, ощущения, мысли, и Птица не могла остановить их. И не знала, стала бы это делать, если бы все же могла.

На рассвете ветер сорвал с крыш белые волны снежных вихрей, рассыпав по земле легкую порошу. Стылая зыбь неба над городом медленно светлела, и сияние ледяной звезды постепенно тускнело. Даже когда пурга стелилась по земле, и из-за снега не было видно звезд, Ярис все равно пронизывала лучами темноту, и от того бледного света становилось не по себе — ничего живого в нем не было.

На рассвете трое путников покинули Лойнар.

===== Глава 8. В петле времени =====

Ведьме снились беспокойные сны. Стаи черных птиц носились над ее головой, и хриплый клекот эхом разносился в бескрайней темноте, заставляя женщину затравленно озираться — кто-то прятался там, за рваными силуэтами крыл. Кто-то, чьи глаза неотрывно следили за ней. Липкий страх сковывал, Мара пыталась бежать, сбросить его с плеч — и не могла. Она ощущала этот голодный взгляд, чувствовала, как страшное существо подкрадывалось к ней, а птицы мельтешили все быстрее, быстрее, быстрее...

Разбудил ее собственный вскрик. Колдунья сидела на постели, тяжело дыша, хватала ртом воздух и пыталась унять дрожь, колотящую ее, словно в лихорадке. Спина была неприятно влажной от холодного пота, и ведьма поежилась — комната успела остыть. Тело казалось чужим, ватным и слабым, и подчинялось неохотно. Кое-как поднявшись с кровати, Мара обняла себя за плечи и, пошатываясь, подошла к окну, за которым уже начинался зимний бледный рассвет.

В щель меж досками пробрался тонкий усик холода. Он голодно и слепо потянулся к легкой руке, но, ощутив жар под кожей колдуни, испуганно отпрянул, не решаясь вцепиться в ее ладонь. Прислонившись лбом к холодному стеклу, Мара глядела, как медленно небо светлеет, наливается сумрачным тусклым светом, как в далекой вышине клубятся тяжелые облака. Мир не изменился. Мир был прежним. Шрамы так же болезненно ныли, у сердца тихим серебряным клубком все так же мирно дремал дух, что летом разгуливал в лесах Гарварны в облике призрачной волчицы. Только с запястья все никак не желало слететь ощущение чужих губ — ласковых, теплых и мягких. Оно-то было новым.

Ведьма тряхнула головой, отгоняя прочь такое острое яркое видение: темные глаза, на доньшке которых дробилось и плавилось золотое солнце. Лицо с едва заметными веснушками, мягко золотящаяся от теплого света свечи кожа, черные локоны, выбившиеся из

тугой косы и чуть оттеняющие высокий лоб. Легкая усмешка тронула губы Мары.

Наверняка все Бессмертный знал. Наверняка он сейчас улыбался, будто проказливый мальчишка, и творил нити мира дальше, сплетая их воедино, перепутывая, связывая те, что оборвались. А может, и сам обрывал, если уж что-то ему не нравилось в созданном узоре, и перевязывал с иными, закручивая цветной рисунок великого полотна.

Дай мне еще раз повидаться с ней. Дай мне найти ее. Я, твое дитя, молю тебя об этом всем сердцем.

Мир за стеклом безмолвствовал. Только ветер мел поземку, закручивая ее причудливыми узорами над снежными просторами. Все-то ты слышишь, все знаешь. Вера моя — крепче каменных стен, и вся она — тебе. Веди.

Еще до того, как в кузнях и плавильнях Лойнара закипела утренняя работа, Мара покинула таверну, выпросив у хозяина, не направляются ли какие-нибудь подводы в сторону гор. Тот лишь пожал плечами — вестей о том не было никаких. С сожалением ведьма шла мимо Ярмарочной площади, пустующей в этот холодный утренний час — она надеялась встретить хоть бы кого-нибудь, кто мог бы стать ей попутчиком и довезти до гор. Однако, видимо, Бессмертный решил, что поблажек в пути ей итак выпало достаточно.

За стенами Лойнара бесновался ветер. Он трепал край плаща ведьмы, цеплялся за подол и рукава, то и дело резко сбрасывал капюшон с ее головы и вытрепывал смоляные прядки волос из косы. Он вовсе не походил на ласковый весенний ветерок, пахнувший первоцветами и мокрой землей — ледяные порывы били жестко, наотмашь, и нежности в его грубых касаниях было столько же, сколько живых травинок в Мертволесье — нисколько. В нем было что-то злое, невысказанно древнее и темное. Ведьма лишь упрямо сцепила зубы: на Изломе все меняется, подчиняясь недоброй воле ледяной звезды. Что ж поделаться, если так... Только ни одно живое существо не повинно в этом.

Мороз начал крепчать, и Мара прикрыла глаза, заставляя мир в очередной раз рассыпаться цветными крохотными песчинками. Увиденное не слишком обрадовало ведьму: маленькие искорки энергий, обычно резвые и невероятно быстрые, теперь двигались медленно, сонно, и каждая из них казалась бледнее. От многих клубочков света веяло холодом, и их маленькие тела тускло отсвечивали темной синевой, болезненной и неестественной. Боги, что же это... Ведьма тихо позвала к себе теплые золотистые отблески, и они прильнули к ней, окружив Мару тонким, но надежным кольцом. Мороз тут же отступил за пределы невидимого кокона, ветер недовольно взвыл, словно дикий кот, из когтей которого улизнула мышка. Женщина понимала, что такую защиту едва ли можно назвать надежной — но иной у нее не было.

Серое небо над стылмым миром тяжело давило на плечи. Мара видела, как одинокие деревца и громадные валуны, изредка встречающиеся вдоль тропы, сгибаются под неимоверным давлением — вряд ли это заметил бы человек. Громада облаков, нависающая над головой, безмолвствовала, но в глубине туманных валов Маре чудилась угроза. Надежно сокрытая от человеческих глаз, до поры спрятанная, дикая слепая сущность, которую и представить невозможно было, молча наблюдала за всем миром. И ждала. Охотник, страшный хищник без имени и тела, чье оружие гораздо страшнее, чем самые острые когти или самые крепкие мечи. Ведьма ощущала голодный взгляд на себе, на всем живом — и точно знала: назад дороги нет.

Там, за этими облаками, выше птичьего полета, выше света и звука, замерло Колесо. Под его ободом лежали осыпавшиеся звезды, и холодный ветер перемалывал их пыль,

обращая ее снегом. Темнота, вязкая и густая, словно в ведьмином сне, окружала Колесо со всех сторон, сдавливала, пытаясь переломить древние, как сам мир, спицы. Мара чувствовала это — с каждым днем ощущение невыносимой боли, которая и на боль не походила, усиливалось. И сделать с этим сейчас она ничего не могла. Оставалось только идти дальше.

Вместе с небом на плечи давили и мысли. Мара по-прежнему не знала, что ей делать. Тишина и пустота внутри нее никуда не девались, оберегали ее от страхов и отчаяния — но ведьма понятия не имела, как сделать так, чтоб Колесо начало новый оборот. Ни одна книга, ни одна древняя рукопись, которых в ее доме оказалось унизительно мало, не упоминала ничего о тех безумцах, что решались выйти против Королевы Зимы. О том, кто такая Королева Зимы и в чем заключается ее сила, ведьма тоже не имела ни малейшего представления. Судя по всему, она была неким воплощением, частью Бога, обретшей плоть. Ведьма знала, что люди верили в Светлого и Темную — вечно сражающихся друг с другом богов, битва между которыми не прекращалась ни на миг. Если она верно поняла Даэн, то ее богиня, Хартанэ, являлась воплощением Светлого — стало быть, Королева Зимы была одной из ипостасей Темной? Или же сама была ею?

Мара тряхнула головой. Мысли роились, словно снежинки на ветру, заплетались воедино и снова рассыпались, и ведьма терялась в них. Того, что поведал ей хелед, было явно недостаточно — но где искать информацию о былых Изломах, Мара не знала. Да и времени на это у нее могло не хватить — кто знает, чего будут стоить секунды промедления. Оставалось надеяться на Бессмертного и на себя саму.

Петля тропы, огибающая крутой холм, вильнула влево. Ведьма нахмурилась — ей казалось, что тракт шел прямо до самых гор, не сворачивая. Однако впереди высились лишь нехоженые склоны, да кое-где виднелись темные силуэты одиноких деревьев, укутанных снежными мантиями. Былки сухой травы тихо шелестели на ветру, перешептываясь между собой, и в этом звуке было что-то чужое. Стало быть, не туда мне дорога.

В Гарварне травы пели совсем иначе. Там, как только весна приносила сладкий запах молодых цветов, ростки, пробивающиеся из-под земли, звенели силой и свежестью, волшебной энергией жизни. Сухие травы холмов же напоминали древних старцев, угрюмых и мрачных, а их голоса больше всего походили на шелест ветхих пергаментных страниц. Но только если на страницах хранились живые истории, знания, оживающие от одного лишь касания, то в шепоте былья была лишь пустая, рассыпающаяся прахом смерть. Без красок, без запахов и звуков. Без ничего.

Мара покачала головой и направилась по тропе. Сонные пустые холмы остались за спиной, и ведьма чувствовала их взгляд, впивающийся куда-то меж лопаток. Взгляд, лишенный чего бы то ни было — чувства, жизни, эмоции...

Все живет, дитя мое, все дышит. Все вокруг смотрит на тебя, все тебя слышит.

Эту простую заповедь ей передали давным-давно древние духи Гарварны — она была совсем маленькой, когда слышала их шепот в шелесте крон. Когда впервые почувствовала взгляд, устремленный на нее отовсюду. Ощущение того, что за ней наблюдают — каждую минутку, каждую секунду — с тех пор не покидало ее ни на миг. Вот и сейчас пустые холмы безмолвно провожали ее, и в их несуществующих глазницах расплескалась бездна.

Следы и колеи от колес телег замело поземкой, а потому понять, как давно по этой тропе шли, было невозможно. Вокруг царила тишина, и холмы, вздымающие плавные спины к небу, продолжали давить на одинокую путницу. Мара чувствовала себя неуютно — что-то

было не так. Напряжение сковало плечи, и ведьма не ощущала уже ни тепла ткани, ни мягкого жара золотых искорок, жавшихся к ней.

Дорога вновь вильнула влево, а затем — еще раз, и еще раз. Мара нахмурилась сильнее: так не могло быть. Ведь тропа в таком случае должна закручиваться...

Ведьма замерла.

...Кольцом. Проклятушая, что же ты ворон считаешь! Женщина наконец поняла, что ей казалось странным на этих землях. Холмы были одинаковыми. Раз за разом, когда она сворачивала на очередном витке, те же валуны встречали ее, и те же чахлые деревца подбирались прямо к изножьям. Сонное ласковое тепло искорок оберегало ее от страхов, а потому тревога появилась так поздно. Потому-то и зазевалась... Потому-то и не ощутила.

Мара выругалась, резко отпуская искорки от себя, и те разлетелись мягкими одуванчиковыми зонтиками во все стороны. В кожу мгновенно вгрызся холод, но вместе с ним вернулись и ощущения мира: ведьма остро почувствовала неправильность этого места, его изломанность, будто кто-то провел влажной кистью поперек только нарисованной линии и тем самым разорвал и размыл ее. И Мара оказалась внутри.

Осталось только понять, почему так произошло, и как выбраться отсюда.

В самых дремучих чащах Гарварнского леса есть дивные, странные и опасные места — овраги, топи, буреломы, в которых пропадает все живое. Говорят, туда ведут все реки — потому-то матери строго-настрога наказывают своим детям: не ходите за водой, ибо назад вовек не воротитесь. Никто и не ведал, что же происходит за темной стеной деревьев, а потому легенд появилось невероятно много. Поговаривали, что в таких местах лесные ведьмы творили свое злобное чародейство, отдавались лихой нечисти и жгли колдовские костры. Еще поговаривали, что там находились логова древних чудищ — старых и ленивых, заманивающих людей к себе, чтоб не отходить далеко от своих лежбищ. Да много чего говорили...

Чудища и ведьминские костры к Занавесям отношения никакого не имели. А вот сами колдуны да ведьмы — вполне могли. Занавеси возникали, когда кто-то или что-то выдергивал из уже сплетенного великого полотна хоть самую крохотную ниточку — камень, деревце, человека, да все что угодно. И чем больше была та самая ниточка, тем больше становилась Занавесь. Пространство изламывалось, и на место исчезнувшего элемента древнего узора становился уже существующий. Полотно само заполняло себя — оно, созданное рукой Бессмертного, подчинялось нерушимому закону: дыр быть не должно. А поскольку создать что-то на месте пустоты мог лишь сам Бессмертный, да и то — времени нужно было на это много, — миру оставалось латать прорехи тем, что уже было.

На самом деле, Занавеси могли быть действительно опасны. Заплутавший в них путник мог часами, днями, а то и годами бродить там без шанса выбраться или как-то подать знак внешнему миру, что он жив и что ему нужна помощь. Ведьме было немного легче: спастись-то она могла. Если найти точку, из которой выдернули ниточку, и попытаться восстановить ее, то Занавесь исчезнет. Да только проблема была не только в этом.

Ведьма подняла голову к небу, внимательно всматриваясь в облака. Облегченно выдохнула — серые тучи тягуче-медленно ползли над головой. Это хорошо, это хорошо — значит, будет полегче. Страшнее всего было, когда в Занавеси замирало время. Чем больше объект, выдернутый из мира, тем больше вероятности, что ход времени на месте разрыва изменился — вернее, застыл. И в таком случае никто бы не гарантировал, что Мара не пробыла здесь уже несколько месяцев. И тогда все было бы напрасно...

Тряхнув головой, ведьма внимательно прислушалась к собственным ощущениям, отпустив от себя все. Пустота внутри разлилась под кожей волной свежести, заполнила каждый уголок тела и души. Она обратилась в слух и ощущение, полностью растворяясь в окружающем мире — или мир растворялся в ней, Мара не знала. Только мощное чувство отбросило прочь все остальное, и давление внешнего мира отступило куда-то далеко, за пределы ее самой и этого странного, чужого места. Ведьме казалось, что она стала прозрачной, невесомой, совершенно иной. Не человек, не дух. Сама Занавесь.

Тихий звон, неразличимый для человеческого слуха, разносился над пустыми холмами вместе с ветром. Мара медленно шла по тропе, силясь ощутить хоть что-то — она имела довольно смутное представление о том, как можно почувствовать отсутствие. Звон усиливался — больше всего он напоминал звук ветра в стеклянной колбе, только еще более тонкий, хрустальный. Внезапно ведьме почудилось, будто внутри нее все потянуло куда-то вниз, в одну точку где-то в глубине ее тела, которое ныне ощущалось невообразимо огромным, вобравшим в себя весь мир, всю землю и все небо. Галактики и звезды под кожей растягивались, падая в крохотный темный провал, точку пустоты без времени и расстояний, и все существо Мары стало похоже на вворачивающееся внутрь себя самого пространство. Это было мучительно больно — и до того странно, что ведьма не ощущала боли.

Воздух вдалеке зарябил, заволновался, подобно тому, как в знойный летний день он волнами идет над раскаленной землей. Мара обратила взор туда, поспешив к подножию высокого холма, у которого тропа вновь изгибалась налево. Звон нарастал, голова раскалывалась от этого звука, и ведьма поняла — здесь. Именно отсюда выдернули нить.

Она уже тянула руки к рябющему воздуху, когда на кончиках пальцев вдруг вспыхнула боль. Словно тысячи острых игл вонзились в плоть. Мара отдернула ладони, недоверчиво разглядывая едва заметную дымку — Занавеси так себя не вели. Это было что-то иное, что-то совершенно другое.

Я буду петь тебе, моя беспокойная — слушай, но только внимательно: за соловьиным пением мой шепот едва слышен.

Ведьма замерла. Образ хмельного лета, звук соловьиного, заливистого голоса, ощущение пьяной сладкой ночи — июньской, медовой. Видение было до того четким, что Мара забыла на миг, как дышать, нырнув с головой в круговерть красок и тонких силуэтов. За образом пришел голос — мелодичный, тягучий, ласковый... незнакомый.

Я расскажу тебе о бескрайних полях, о далеких землях. О полынной горечи и пасленовой терпкости, о ковыле и терновнике, о васильках и тысячелистнике.

Волнами дрожало пространство меж землей и небом, и Мара не знала, что происходит. Напряжение свело плечи женщины, и вкрадчивому голосу, принесшему череду солнечных образов, она не доверяла. Видения были знакомыми, казались теплыми — но все же что-то было не так. Мара видела Гарварнские просторы, пестрые полянки с яркими пятнышками цветов, луга и долины, залитые летним солнцем. Красота, бесконечная красота, дивная сказка...

Расскажу о том, как в далеком краю царевна по ночам расчесывает волосы белым костяным гребнем, который сама Луна обронила к ее ногам. Расскажу о пыльной дороге — к ночи она холодит усталые босые ноги путника, который уже столько веков ищет синеокую царевну... расскажу о чем захочешь. Ледяные замки, дремучие леса, лунные блики — все заплету венком и опущу его к твоему изголовью, чтобы все во снах ты увидела. Волшебным венком.

Воздух сгущался, беспрестанно двигался — Мара видела прозрачные волны, сталкивающиеся и вновь расходящиеся все быстрее, а откуда-то из глубины этих волн шел тот самый голос. Образы, образы, образы... Их хоровод кружился вокруг, и ведьма ощутила, как падает — то ли вверх, то ли вниз — и начинает видеть.

Свет струился из высоких окон, переливался и преломлялся сквозь тонкие стекла, отсвечивающие бледной синевой. Своды и стрельчатые арки, словно изо льда сотворенные, стремились вверх, хрустально поблескивая в ночном сумраке. Колонны, увитые хрупкой лозой из инея, терялись где-то в темноте под потолком, и сколько ни всматривайся, а верхушек их не увидишь — лишь слабые отблески бледного сизого света. Шаги гулким эхом отдавались среди анфилад и коридоров, легкая белая ткань растекалась по полу, словно молоко.

Гляди, гляди, смотри и не отводи взгляда...

Она медленно оборачивается, и волосы, что белее снегов на далеких вершинах, мягко колышутся, тонкими прядями распадаясь по болезненно-худым нежным плечам. Луна целует ее профиль, ложится серебряной пылью на длинные белые ресницы, и в этом эфемерном свете она кажется нереальной, неземной.

Она и есть неземная...

Под серебряным пологом расплескалась синева, и весь мир утонул в ее глазах. Из глубины видения прямо на Мару глядела дивная, пугающая своей холодной красотой женщина. Ведьма отшатнулась, пытаясь прогнать наваждение — незнакомка пугала ее, словно давно забытый детский кошмар. А та лишь печально усмехнулась и вновь повернулась спиной к колдунье. Мара успела увидеть, как вдоль ее позвоночника из-под бледной кожи вырастают крохотные кристаллики льда, испарывая острыми гранями ткань и нежную плоть, а затем видение рассыпалось снежной пылью, подхваченной ветром.

Ведьму била крупная дрожь. Королева Зимы? Воздух перед ней все так же подрагивал, колыхался прозрачным платком, но Мара видела, как за слоями дымки ходит чей-то размытый силуэт. Что это?

— Покажись мне, кто бы ты ни был, — сипло выкрикнула ведьма в пустоту.

Несколько долгих секунд ответом ей была лишь тишина, а затем раздался мелодичный, словно хрустальный колокольчик, смех.

Как же я покажусь тебе, коли нет меня? Да и разве не чуешь? — я друг тебе, не трону, не обижу... Покажу тебе все, что захочешь — нанижу на нитку тонкую сказки росным бисером... Хочешь?

Мара не проронила ни слова, все так же напряженно вглядываясь в дымку. Где-то за пределами этого странного места выл ветер — здесь же все звуки казались приглушенными, далекими. Только звон и чудесный голос нарушали глухую тишину.

Видать, не по нраву тебе зимние сказки, незнакомка. Что же, пусть будет так — я покажу тебе те, по которым сердце твое тоскует.

Мара не успела оглянуться, как ее затянуло в новый водоворот видений — затянуло с головой, не давая возможности выбраться, не давая ни единого шанса...

Танец на грани бегущей воды, и костры до неба, и зеленые холмы в полевых цветах, и хлещущая по коленям трава, и бубенцы, и песни в темноте. И далекие весенние звезды, и мягкий звук струны — и бег далеко, вместе с ветром...

Образ пах поздней весной, фиалковыми вечерами и дымом от высоких костров, которые жгли селяне на Огнецветов День. Мара видела длинные ленты в косах молодых девчушек,

перепрыгивающих через звенящие студеные ручьи, видела искры, снопами выстреливающие в небо, слышала, как шелестит листва... Сердце ведьмы сладко заныло, и женщина не смогла не восхититься тому, как чудесно и искусно был создан образ. Неужто дух? Только они могут так баять на языке видений. Но все духи давным-давно спят в Доме Бессмертного... Она дикая?

А между тем силуэт мягко колыхнулся, и голос вновь вплелся в хрустальный звон.

Вижу, что и этот сказ далек от тебя — хоть и греет твое сердце... Есть еще — слушай, слушай меня!

Влажная, росистая темнота зеленого леса.

Воды в звездном колодце не найти — но здесь в густой траве драгоценными камнями блестит роса.

Солнце сюда не проникнет, нет.

Мох здесь мягок, словно постель, зелень темная, и в ней — тысячи оттенков. За стеной деревьев тьма гуще, но за стену и не хочется идти, правда же?

Родной простор Гарварны раскинулся перед глазами, и Мара ощутила, как дух буквально взвыл внутри нее, и его несуществующие когти нещадно раздирают ее изнутри. Заскрежетав зубами, женщина схватила непокорную волчицу в своем сердце и легонько придушила ее, заставляя ту успокоиться и затихнуть. Дух — если бы только его можно было увидеть — ощерился, но повиновался ведьме: все же власть ее сознания над бессмертной сущностью была сильна. Пока еще.

Синева воды, чернильная синь. Она затягивает, и здешние синие туманы пахнут болотными фиалками и васильками. Ветви ив — словно сети, сети, тонкие сети. Кто-то касается длинных прутиков, кто-то смотрит сквозь листву, и в этих чужих глазах разливается синева. Я подхожу к кромке синей воды, и на песке остаются следы моих босых ног. Ткань липнет к телу, синева становится все глубже — и это так странно-страшно. Мое тело покачивается на темной глади пруда, волосы словно становятся водой, я сама — как темная синяя вода.

Так и было на самом деле. Неведомое существо рассказывало ведьме ее же ощущения, ее мысли, показывало дальние уголки восточных болот, заставляя ее вновь и вновь переживать моменты из прошлого, по которым ныне она так скучала. Болезненная горечь отозвалась запахом полынного ветра, запутавшегося в волосах.

Лес путает все тропы паутиной. Вот мои болота с синими искрами огней, вот мое темное озеро, окруженное ивами, в ветвях которых шепчут духи и перышки, вот мой колодец бога, спрятанный за густыми зарослями, в темных пещерах, сокрытых от людских глаз.

Мара вскинула руки щитом, инстинктивно, будто сам Бессмертный дернул ее — и в тот же миг ощутила, как сквозь нее проходит поток, мощный и яркий. Он легко смел бы ее, не прикройся она от этого порыва охранным знаком. Ведьма опустила руки, и пронзительный взгляд, видимый как никогда четко, впился в нее прямо из-за воздушной завесы.

Ты сильная, не запутать тебя моими сказками... Поговори со мной, странница.

Что снится дорогам под босыми ногами скитальцев, чаровница? Прорастает ли грусть тропы, по которой ты идешь, сквозь твое сердце?

Что снится черным водам, когда туман накрывает их одеялом, когда весь мир уходит-падает-исчезает в ночь?

Что снится тебе самой?

— Мои сны оставь мне, — сухо ответила Мара, — И негоже мне говорить, не зная, с

кем я говорю. Кто ты?

Ведьмин слух различил хрустальный перезвон-смешок.

Сердце мое, паутинное, беспокойное,

Польнью поросшее, изумрудное, травяное,

Северное, брусничное да хвойное,

Эхом поющее, шумящее прибоем,

Сумрачное мое. Огонек в тумане,

Птица бескрылая в колыбели твоих ладоней.

Сердце мое, песнь взане и хохот шамана,

Шепот русалочий в роще на дальнем склоне.

Мара слушала, и по позвоночнику бежала дрожь. Вязь образов плелась так искусно, что сомнений у ведьмы уже и вовсе не осталось.

— Анвэ-лин`этно.

Ответом ей был перезвон стеклянных колоколец.

В деревеньках по всему Бар-эс-Тилладу ходили дивные истории о женщине, сотканной из тумана, что приходила по ночам к младенцам и баюкала их в колыбели, рассказывая им чудесные сказки. Селяне прозвали ее Туманной Сказительницей да поставили в свиту Светлого — мол, помощница она ему верная, добрая. Сны золотые деткам прядет из лунной кудели, отгоняет воронье ночных кошмаров от изголовий, поет колыбельные...

На самом деле, от правды они не так уж далеко ушли. Анвэ-лин`этно действительно больше всего походили на туман, сгущенный воздух — только живой, умеющий говорить и петь, насылая восхитительные видения. Эти существа возникали, когда где-то появлялась очередная, пусть даже самая крохотная, Занавесь. Существо не было ни духом, ни человеком, и поддерживало свое существование благодаря Занавеси. Оно могло покидать ее пределы, могло быть привязано к ней, не подчинялось ни Бессмертному, ни Бездне, и не было существа загадочнее, чем этот сгусток тумана, способный мыслить.

Верно, чаровница, ты угадала. Теперь-то поговоришь со мной?

— Если только по делу, — Мара склонила голову, давая понять: она уважает существо, но играть с ним ей некогда, — Помоги мне.

И какая же помощь нужна тебе, чаровница?

Мара могла бы поклясться, что существо склонило голову набок. А еще ведьме казалось, что смотрит она прямо в глаза анвэ-лин`этно.

— Помоги мне восстановить полотно. Давно оно здесь?

Силуэт в колеблющемся воздухе плавно двинулся куда-то в сторону, и звон отозвался во всем теле Мары — словно каждая клеточка стала полой, и ныне в ней пел звук.

Недавно. Совсем недавно. Холмы рассказывали мне, что раньше здесь стояла деревенька. Люди по весне собирали цветы, возвращали зерно, жили мирно. Да только одна среди них была чаровницей — совсем как ты, шепчут мне сейчас холмы. Не любили ее местные — уж больно странная была, чужая, страшные речи рассказывала, хохотала как безумная... Она-то и сотворила Занавесь, стерла деревню свою с лица земли. Стерла, уходя, а куда ушла — холмы не ведают. А что до помощи — прости, чаровница, да не в моих силах это. И не в твоих. Полотно уже стало иным, и ты не сможешь повернуть все вспять. Путь теперь — только дальше, вперед. В моих силах лишь вывести тебя отсюда.

— Что же, — поразмыслив, медленно кивнула Мара, — Коли так — веди, раз иного пути нет.

Мне не нужно вести тебя, чаровница.

Воздух задрожал сильнее, будто кто-то хлопнул по нему ладонью, как по воде, и разошелся в стороны. В чистом проеме расстился такой же пейзаж — только тропа шла прямо меж холмов, не сворачивая, а далеко впереди виднелись темные изломы гор с заснеженными вершинами, рвущими тяжелые облака.

— Спасибо тебе, хозяйка Занавеси, — Мара шагнула было к проему, но что-то остановило ее. Обернувшись к молчаливым холмам, одинаково-угрюмым, ведьма тихо спросила, — Только ответь мне: ты всех путников выводишь, или лишь мне помогла?

А никого и не было кроме тебя, чаровница. Уже давно здешние тропы не пели путникам. А ты их порадовала, согрела. Они истосковались по птицам, по сказкам, живущим в чужих сердцах... А ты — унесешь ли ты в своем сердце эти холмы?

— Унесу, — молвила колдунья, опуская голову. Казалось, теперь с Ночи Сна ее сердце продолжало по капле заполняться видениями, образами, днями и событиями. Будто за черту она унесет с собой это все...

Прогнав прочь тоску, начавшую было волной подниматься в груди, Мара вышла из Занавеси, оставляя за спиной молчаливые склоны, где все так же мертвенно-тихо перешептывались былки травы. И провожали ее взгляды, наполненные пустотой и безмолвием. Пустые холмы продолжали смотреть ей вслед, впечатывая еще глубже в память старую-старую заповедь. Все на тебя смотрит, да все тебя слышит.

===== Глава 9. Сказки =====

Колючие зимние звезды тускло освещали устеленную снегом долину. Хищный клык луны вспарывал небо, мучительно медленно поднимаясь все выше и роняя на землю бледные лучи. Снег, трусивший вот уже второй день, утих, и Даэн и Меред наконец-то не пришлось мудрить с навесом, под которым можно было бы благополучно развести огонь.

Скудного количества хвороста и поленьев вполне хватало на то, чтоб поддерживать небольшой костерок, и Даэн с удивлением осознала, что сейчас ей хорошо. Вытянув ноги к огню, женщина глядела на пляску пламени на угольях и впускала в себя тишину, ощущение которой за последние недели стало совсем далеким — а сейчас расцвело с новой силой.

Рядом, прикрыв глаза, сидела Меред. Птица курила трубку из темного дерева, и в свете костра Даэн различила неведомые узоры, аккуратно вырезанные вдоль изящного тонкого чубука и по ободу чашечки. Горьковатый запах табака перемешивался с запахом дыма и смолы, хвои и снега — и было в этом что-то тихое, славное. Даже светлое.

Меред, откинув голову назад, медленно выдохнула дым. Даэн скосила глаза, рассматривая подругу. Та была спокойна, умиротворена, словно они не в снегу сидели, усталые и замерзшие, а где-то в Птичьем Городке, у теплого очага.

— Я думала, ты забросила это дело, — заметила Даэн.

Меред хмыкнула.

— Бросишь тут, — помолчав немного, Меред вновь затянулась. Витки дыма сорвались с ее губ, и женщина проводила их взглядом, чуть шуря серые глаза. В глубине ее зрачков отражались отблески пламени, а черты лица казались грубее и резче. Впрочем, Птицу это вовсе не портило, — Да и нравится мне.

Даэн кивнула, и тема сама собой сошла на нет. Тишина почему-то была приятной, обволакивающей. На одеялах, завернувшись в два плаща, растянулась Атеа. Вот уж кто точно не у подножий Караласских гор сидит, а где-то в тепле да уюте. Лебедь лежала на животе, лицом к костру, подперев щеку рукой, и глаза ее походили на два золотых уголька.

— Но трубки я давно у тебя в руках не видела, — мурлыкнула Атеа, не сводящая взгляда с огня.

— Не до того было, знаешь ли, — в тон ей ответила Меред, — Я немножко умирала. Сложно курить и умирать одновременно.

Даэн фыркнула, а Атеа заливисто рассмеялась, чуть жмурясь, словно большая кошка.

— Да уж, действительно, — Даэн поворошила длинным прутом уголья, подбрасывая в костер еще одно полено и ломаный хворост вперемешку с сухими иголками и корой, — Ты сама вырезала узоры? — поймав вопросительный взгляд Меред, женщина кивком головы указала на трубку в ее руке.

— Сама, — на губах Птицы мелькнула отстраненная улыбка, — В детстве я любила работать с деревом — отец мой был плотником, вот и меня учил по мелочи. В Гильдии иногда баловалась еще, игрушки для Птенцов вырезала. А когда выросла и закурила, решила как-то облагородить и вот это, — она щелкнула ногтем по чашечке и снова затаилась.

— Ты жила где-то у леса? — Даэн с любопытством взглянула на Меред. Они практически ничего не знали друг о друге — Птицы редко рассказывали о своей былой жизни, а такие, как Меред — и подавно.

Но, видимо, в этот раз ей и самой хотелось говорить.

— Не совсем. Мы жили в городе у моря, Паррене, — женщина подтянула колени к груди и обхватила их руками. Рыжие отсветы пламени плясали на ее широких скулах, — Это на западе от Караласских гор... Я никогда еще не видела места краше. Паррен стоит на холме, спускается по склону к самому берегу — а с другой стороны его окружают степи. Сухие, колючие, — она усмехнулась, — Там всегда пахло полынью.

— Так ты — дочь Андара? — улыбнулась Даэн. Об Андарских степях знал весь Бар-эс-Тиллад — как и о том, что женщины степей управлялись с оружием не хуже мужчин, а то и лучше.

— Можно и так сказать, — неловко дернула плечом Меред. Было видно, что ей непривычно рассказывать о себе — да и вообще говорить. Она вдруг замолкла, а когда заговорила вновь, Даэн показалось, что голос ее на один миг дрогнул, — Я не помню города. Не помню улиц и людей, не помню имен. Даже дома нашего не помню. Зато помню море. И степь за спиной. Однажды была гроза, летом, кажется... Дело к вечеру шло. Я тогда вышла из дому — отец задерживался у градоправителя, обсуждал с ним какие-то работы. Женщины в городе сушили простыни с веревок, белье, чтоб не намокло во время дождя — а я бежала вниз, к причалам, и мне было так хорошо тогда... Так радостно. Я и не знаю, почему.

Даэн слушала, прикрыв глаза, и почему-то не сомневалась, что сейчас Меред улыбается.

— Гроза шла с запада, с моря. Я стояла на пригорке, а чуть поодаль рыбаки быстро сматывали сети и собирали снасти. И небо за спиной было рыжим, с золотыми кромками облаков, и ветер так бесновался! И пахло... тогда пахло полынью, солью и горячей землей степей. Сухой травой. Пылью. И влагой. А впереди все темное, небо тяжелое и почти черные воды, и на берег волны накатывают, и я вижу, как молнии над морем вспыхивают.

Птица умолкла. Даэн все еще видела ее — маленькую девочку, почему-то в белом легком платье, подол которого полоскал ветер. Девочка стояла и глядела в лицо шторма — и смеялась.

— А что еще помнишь? — тихонько спросила Атеа.

— Еще? Да ничего. Все как-то обрывками, словно из другой жизни. Помню, как отец

учил дерево резать. Лесов близ нас не было — зато были рощицы. Да и купцы иногда завозили дерево. Я с тех пор и балуюсь иногда, — пальцем Меред прошлась вдоль витиеватых узоров на чубуке.

— Как ты оказалась так далеко от Паррена? — Даэн покачала головой, — Да еще и в холоде таком... Келерия же почти круглый год снегом занесена. Ни морей, ни степей.

Меред пожала плечами.

— Так вышло. Отец мой слег с лихорадкой, промучился недолго — и ушел к богам. Кроме него у меня никого и не было — мать умерла сразу же, дав мне жизнь. Градоправитель после смерти отца выкинул меня из дома, а быть нищенкой мне не слишком хотелось. Я ушла из Паррена вместе с труппой бродячих артистов.

Даэн изумленно уставилась на Меред. Та, поймав взгляд Коршуна, усмехнулась.

— Да. Мне тогда лет тринадцать было. Полгода мы скитались вместе. Ночевали в харчевнях, на дорогах, под звездами, бродили по чужим городам и селам, собирали скудные гроши. Я была самой маленькой — и скоморохи любили меня. Самое лакомое всегда доставалось мне, на самом теплом месте спала я.

— Расскажи ей, что ты делала, — Атеа чуть склонила голову набок, и золотистая кудель упала на высокий лоб.

— Пела, — уголки губ женщины вновь приподнялись вверх, — Говорили даже, что неплохо. Во всяком случае, монеток нам кидали достаточно, — она вновь перевела взгляд на огонь, — А потом я сбежала. Поняла, что не хочется мне скоморошьей судьбы. Это случилось осенью. Шла, куда глаза глядят, изголодалась совсем... Я помню, что брела по дороге, вся чумазая, голодная, в драной одежде — и меня окликнули. Я обернулась, увидела всадницу — а потом что-то случилось, и я упала. А когда очнулась, была уже в Гильдии. Мне рассказали, что какая-то Птица, возвращающаяся в Келерию, подобрала меня. Так я и осталась здесь.

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь тихим потрескиванием костра. Искры, выстреливающие в небо, таяли в густой темноте, и рыжие сполохи на лице Меред напоминали скоморошью маску.

— Меред, спой нам, — мягко попросила Атеа, глядя на Птицу. Та явно смутилась — Даэн заметила, как женщина начала натягивать сильнее рукава на ладони.

— Я уже и позабыла все песни. Да и голос, наверное, давно потеряла.

— Пожалуйста, — золотая смола в глазах Атеа отражала дрожащие язычки пламени, а зрачки ее были темнее неба над головой. Меред вздохнула.

Сначала она молчала, долго-долго глядя на пляску огня. Даэн уже было подумала, что Птица не собирается поддаваться уговорам, но та вдруг вдохнула поглубже и прикрыла глаза.

Голос у Меред оказался густым, мелодичным и глубоким. Если Атеа звенела, словно весенний ручеек, Меред пела осенними ветрами и холодным небом, задумчивым морем и пожухлыми травами — печально и красиво. Даэн опустила ресницы, позволяя себе окунуться в волны звука, слушая и растворяясь.

Цветом огня и пепла склоны выкрасит осень,

Птичьим пером и песней небо поймает в сети.

Наши ветра уносят запах степных колосьев,

Наши ветра рвут снасти и разбивают клетки.

Гребни морских драконов режут стальные волны -

Взгляд их впивался в берег до твоего рожденья, -

Это не лодки, мальчик. Это не ветер сонный —
Это их песнь над морем, отзвук хрустальных звеньев,
Шепот ковыльих перьев, шелест листвы опавшей...
Осень идет к причалу, чтобы уйти по морю.
Кажется, ее сердце было когда-то нашим,
Только теперь об этом даже и мне не вспомнить.
Сердце ее умеет только болеть и биться,
Да расцветать в предзимье золотом и латунию.
Сердце ее — степная, сереброглазая птица.
Меж ее темных крыльев ветры тянули струны.
Пело оно когда-то тонкою белой свирелью
О золотых драконах в горьких морских пучинах.
Это не больно, мальчик — сердце твое с капелью
Снова к тебе возвратится. Только весна в долину
Спустится с темных склонов, вереск неся в подоле -
Будет пылать, как прежде, искра в груди твоей.
Только морские драконы и беспокойное море
Знают — вернется осень, и сердце вернется к ней.

Последний звук растворился в ночной тиши, растаял, словно утренний туман. Даэн неподвижно сидела, глядя на Меред — казалось, будто та смотрит сквозь время и пространство, сквозь бесконечные расстояния и сети дорог. И наверняка видит то, о чем пела. Костер все так же потрескивал, заливая снег вокруг золотистым уютным сиянием, и сердце отчего-то тянуло сладостной, совершенно осенней тоской.

— Я не слышала такой песни никогда, — наконец молвила Атеа после затяжного молчания, — Это песня твоих земель?

— Можно и так сказать, — Меред как-то смутилась и вся словно сжалась — даже непривычно было видеть ее такой, — Я написала ее.

— Ты?! — изумилась Лебедь, недоверчиво глядя на нее, — Нет, серьезно?!

Зыркнув на нее из-под челки, Меред пробурчала:

— Да. И нечего так на меня смотреть. Я понимаю, что не похожа на поэтесс из твоих покоев, но верить глазам не следует — не ты ли мне так говорила?

Даэн взглянула на Лебеда.

— Поэтессы из покоев? Неужто ты у нас все-таки королевская пташка?

Атеа насмешливо фыркнула, а затем вздохнула и села на одеялах, скрестив ноги у огня.

— А хоть бы и так, госпожа Коршун. Возможно, я — эльфийская леди, и тебе следовало бы целовать мои запястья, стоя передо мной на коленях?

Сама того не зная, девчонка ударила больно. Перед глазами мгновенно возникла тесная полутемная комнатуха, тени на стенах — и белая-белая рука с тремя родинками на запястье. И когда упомяла? К запаху костра и зимы примешался тонкий аромат кожи ведьмы, и Даэн бестолково тряхнула головой, сгоняя видение.

— Возможно, это стоило бы сделать тебе? — парировала она, не подавая виду, что колкость Лебеда проникла куда глубже, чем того хотелось самой Атеа.

— Да ладно, Атеа, — Меред спрятала трубку, улыбаясь уголком рта, — Расскажи ей. Зимняя ночь длинна.

— А что рассказывать-то? — Лебедь поморщилась, словно от зубной боли, —

Единственная дочь знатной семьи, с примесью эльфийской крови — так мне говорила мать, отправляя меня в столицу Тиннереда. Ты должна получить образование, найти богатого мужа и приблизиться к королевскому двору, Атеа. За твое обучение мы с отцом заплатили столько золота, что хватило бы на покупку целой самоцветной копальни, Атеа. Не опозорь нас, Атеа... Вот такая бесова забота, — тонкие золотистые брови девушки сошлись к переносице — она хмурилась, и вся спесь снова сошла с нее, словно шелуха, — В десять лет меня отправили ко двору, где я должна была исполнить свой долг на радость матери и отцу. Мы жили в громадных комнатах, с мраморными полами и магическими светильниками, цветными витражами и шелковыми шторами. Каждую неделю к нам присылали менестрелей, поэтов, артистов, — она вновь фыркнула, тряхнув копной кудрей, — А разодетые дамы каждый день рассказывали, как нужно вести себя в обществе знати. Поначалу мне даже нравилось... Женщина, приглядывающая за нами, звала меня куколкой, солнечной девочкой, души во мне не чаяла. И, конечно, я ей верила. А потом, однажды летом, она упростила государя отпустить меня и нескольких девочек с ней в горы — подышать воздухом, насладиться высоким небом и горными пейзажами. По итогу, нас привезли в Гильдию, да там и оставили — мол, слишком много развелось девиц, увивающихся вокруг государя, и все они скоро начнут стрелять глазками и томно вздыхать, грезя о троне. И государева женушка приказала самых красивых выкинуть. Вот и вся сказка, Даэн, — она усмехнулась, подняв глаза на Коршуна, — Понравилось?

Танцующая лишь покачала головой. Неудивительно, что в ней столько змеиного яда.

— Ну а ты, Даэн из Фаулира? — Атеа наклонилась, исподлобья глядя на Даэн и по-прежнему усмехаясь. В чертах ее лица теперь было что-то бесовское, злое и притягивающее одновременно, — Что поведаешь нам ты? Кто ты — королева, дочь рыбака, сирота?

Хороший вопрос. Я сама часто думаю, кто же я.

— Считай, что ты сама себе ответила, — чуть растягивая слова, задумчиво молвила Даэн, — Я — Даэн из Фаулира. Мой отец — тавранин, всю жизнь готовил меня к тому, что однажды я стану Танцующей. Мне было девять, когда он отправил меня в Гильдию. Вот и все.

— Старшие Птицы говорили, что ты пришла в год Белой Смерти, — Меред осторожно взглянула на нее, ожидая чего угодно. Даэн лишь повела плечом.

— Да. Белая Смерть увела за собой мою мать и братьев. Отец, наверное, решил дать шанс моей мечте... Так я и оказалась здесь.

— Да уж, Даэн, и слова из тебя не вытянешь, — обиженно хмыкнула Атеа, скрещивая руки на груди, — Ей-богу, говоришь так, словно в твоей жизни ничего интересного и не происходило. Ты ведь живешь полвека!

— Это были крайне нудные полвека, — Даэн снова поворошила алые угли, и те полыхнули плавленным золотом по самому краешку. Женщина поднялась, разминая затекшие ноги, — Я и не помню особо ничего, Атеа. Вся моя жизнь — это Келерия. Разве что... — она замерла, припоминая свое солнечное, изумрудное детство. Губы сами собой растянулись в теплой улыбке.

— Что, что? — Лебедь внимательно глядела на нее, наострив уши. Совсем как кошка, мелькнуло в голове Даэн. Танцующая нагнулась, подбирая поленце.

— Фаулир находится близ Гарварнских лесов, на юге. И все местные знали байки о духах, обитающих в чащах. Порой, летним вечером, мы все выходили на площадь у колодца,

прямо на землю садились, а кто-нибудь из взрослых, если в охотку было, начинал рассказывать такие сказки, что впору записывать.

— Расскажешь? — Меред поднялась вслед за ней, прошла мимо костра и опустилась рядом с Атеа, забирая у той свой плащ. Златовласая Птица тут же жалобно залопотала, и Меред с тяжелым вздохом вытянула ноги, позволяя девушке улечься к себе на колени. Забавные такие.

— Отчего же не рассказать, — Уж лучше это баять, — О чем же хотите услышать?

Меред машинально запустила пальцы в пушистые волосы Атеа и принялась перебирать их пальцами. Золотые отсветы путались в локонах девушки, рассыпаясь на сотни огненных зайчиков. Атеа тихо заурчала, подставляя затылок под ладонь, и чуть прищурилась.

— А о чем хочешь, о том и расскажи. Мы не знаем сказок твоих земель.

Казалось, и звезды опустили очи и теперь смотрят на Даэн, ожидая сказки. Весь мир, замерший в беспокойном страшном сне, затих — недаром говорят, что байки успокоят всякий сон, и кошмары прогонят. Птица задумалась на несколько минут, вспоминая дивные истории, которые ей рассказывала мать — да и не только она. Каждый ребенок в Фаулире знал десяток историй о Чудь-звере, о болотной нечисти Эльбэане, о хитрых бесях, путающих тропки в лесной чаще. И сейчас все эти сказки цветным бисером рассыпались перед Даэн, и она все никак не могла выбрать самую яркую и красивую бусинку. Но слово вскоре пришло само.

— Слушайте, детки, байку о чаровнице, — Атеа хихикнула, заслышав обращение Даэн, — Давным-давно в дремучем лесу жил лесной дух. Был он собою страшен — глаза, что плоски, во тьме светились ярче, чем луна в небесах горит! Зубы острые, когти — что клинки! Да беда не в том была. Обличье он мог принимать какое сам захочет; раз — и обернулся птицей огненной, два — и скачет уже в чаще белым оленем! Так и заманивал он в трясины детей. Обернется диковинкой какой, заведет за собою ребенка — и все, не вернется домой детка. Матери убивались, горько плакали, детей за порог не пускали — да только все равно пропадали деревенские ребятишки один за одним. Всем-то интересно, что же там прячется в лесу. А в деревеньке близ леса в маленькой избушке жила ведьма, которая растила дочь. Сторонились маленькую девочку дети — да вот не утерпели; пришли к ней на крылечко да как загалдели: «Выйди, выйди, ведьмина дочь!». Девочка и вышла — глядит на них глазенками темными, сама — словно звереныш маленький. Дети и говорят ей: «А не боязно ли тебе, славненькая, в лес ходить?». Она им отвечает: «Не страшно — лес меня знает». Покачала тут головой одна девочка, руки в бока уперла, и молвит: «А не верю я тебе. Все говорят, что не боязно — да духа лесного боятся». Покачала головой маленькая ведьма: «Меня дух лесной не тронет». «А докажешь?», спрашивают дети. «Нечего мне вам доказывать — все равно чужая я вам», ответила девочка. Тогда самый старший из ребят сказал: «Ну, если ты в лес пойдешь, духа увидишь да попросишь его не красть больше детей, да нам потом расскажешь, какой он — тогда примем тебя, будем с тобой играть, никто тебя и не тронет, злого слова не скажет». Подумала чаровница, подумала — да согласилась.

— Маленькая наивная дура, — сонно пробормотала Атеа. Меред подавилась смешком.

— Вошла она в лес родной — а травы так и льнут к ее ногам, каждая веточка к ней тянется, каждый цветочек норовит ее коснуться. Шла она вдоль ручейков и оврагов, вдоль речек, пока не пришла к болотам. Вокруг — туманы, лишь мхи зеленым ковром под ногами, да ягодки клюквы алеют далеко. И вода стоит. Стала маленькая чаровница на кочку да ждет. И вот расступился туман, и вышел к ней дух лесной — какой есть. Глаза — что две луны,

космы зеленые до самой земли спадают, за спиной — крылья, словно у громадной летучей мыши. Девочка и говорит ему: «Дух лесной, я пришла к тебе просить: не кради детей, не заводи их в трясины — много горя ты принес. Прощу тебя, смилуйся!». А дух ей и отвечает: «Коли просишь — смилуюсь. Только житья тебе больше не будет в деревне — возненавидят тебя, погонят прочь. Оставайся со мной». «Не могу я», отвечала девочка. «Должно мне к матери вернуться да к жителям деревни, сказать, что теперь в лес без страха можно ходить». «Ну, беги, коли должно», отвечал ей дух. Поблагодарила чаровница духа лесного да побежала домой. Пришла — а дети уже поджидают ее у самой кромки леса. Кинулась к ним маленькая ведьма и рассказала все. Дети обрадовались, в ладоши захлопали — а самый старший и говорит: «Коль договорилась ты с духом — значит, и сама бесовской породы! Ворожишь там в своей избушке, по лесу без страха гуляешь, нечисть лесную в лицо знаешь... Уходи прочь из деревни, да не возвращайся — а не то камнями забьем тебя!». Заулюлюкали дети, кто-то ведьму маленькую за косу сильно дернул. Испугалась она тогда — уж больно злые глаза на нее глядели — да побежала назад, в чащу. Видать, не солгал дух.

— Несусветная идиотка, — констатировала Атеа.

— Прибежала девочка к болотам, ноги в кровь сбила. Да сквозь слезы как закричит: «Пришла я к тебе, дух лесной! Прав ты был — не будет мне больше житья на моей земле. Разреши мне остаться с тобой!». Вновь вышел к ней дух лесной, взял ее за руку да повел сквозь туман. А во мхе, где капли крови ее упали, выросли ягоды болотные. С тех пор никто и не знает, что стало с маленькой ведьмой — только говорят некоторые путники, что если к ночи забрести на болото, можно увидеть прекрасную молодую девушку верхом на громадном звере с лунными глазами да косматой шерстью. Оберегают они свои владения, следят пристально, чтоб никто не забрался в сердце болот.

Воцарилось молчание. Меред сидела, задумчиво глядя в костер, и в глазах ее отражалась пляска огня — и что-то иное, светлое и нежное. Словно первый весенний росток. Атеа вздохнула.

— Странная сказка — и не поймешь, о чем. Но хорошая.

— Да. Хорошая, наверное, — согласилась Даэн. Это была самая первая байка, которую она слышала от матери. Казалось, что история давным-давно забылась — но нет. На губах приятной терпкостью остался привкус слов — словно туман, пахнувший влажной травой и той самой болотной ягодой, — Ладно. Поздно уже. Давайте спать — до гор всего-то день пути, там уже нам не до сна будет.

Атеа свернулась теплым клубком у Меред под боком и тихо что-то промурлыкала. Птица лениво взъерошила золотистые прядки волос подруги, а затем взглянула на Даэн.

— Спасибо тебе за сказку, Танцующая. Даже ночь светлее стала, — она мягко улыбнулась, а затем прилегла рядом с Атеа, укрывая ее и чуть приобнимая, чтобы той было теплее. Даэн еще некоторое время глядела на них, а затем подняла лицо к небу.

Ветер колко расцеловал подставленные щеки, донес до нее запах гор и снега. Наверное, к утру опять припустит, склоны еще сильнее заметет... Мерный треск огня убаюкивал, тепло, шедшее от костра, тянулось к телу, и Даэн впервые чувствовала такой долгожданный покой. Старая сказка, рассказанная на ночь, все никак не желала идти из головы, и Даэн казалось, будто из темноты на нее глядят лунные глаза, а чуть выше, над ними, виднеется тонкий женский силуэт. Вон те блики-огоньки вполне могли бы сойти за очи лесного духа.

Блики?.. Даэн насторожилась, напряженно глядя в темноту. Здесь не должно быть ничего, что могло бы дать такой ответ — вокруг расстилались пустые предгорья, да и

только. Рука сама собой потянулась к клинку на поясе, когда блики вдруг мигнули и растаяли во тьме. Мир безмолвствовал. Ничто не говорило о том, что кто-то был здесь и следил за ними — и только донес до нее звук тихого женского смеха. Но кто знает, правда ли это?

===== Глава 10. Перевал Химер =====

Снег под ногой скрипел и то и дело ссыпался вниз вместе с мелкими мерзлыми камешками. Обледенелый наст скользил, и Даэн постоянно приходилось балансировать на узкой тропе, чтоб не свалиться в пропасть. Острые бивни скал пока еще были недалеко внизу — но падать на них совершенно не хотелось.

— Богиня милостивая, когда уже проклятая тропа станет шире... — Атеа оступилась и чуть было не поехала по скользкому склону вниз. Девушка явно нервничала — хоть и очень старалась скрыть это от спутниц.

— Думаю, еще не скоро, — Меред, шедшая впереди, обернулась, — Подъем долгий, а мы только в предгорьях.

По сути, она была права. Спустя четыре дня после того, как они покинули Лойнар, пологие холмы превратились в крутые склоны, по которым приходилось карабкаться с невероятной осторожностью — снег так и норовил сойти вниз, увлекая за собой, цепляясь за ноги и вытягивая все силы. Даэн молилась, чтоб тропа действительно стала шире хотя бы на перевале — иначе дорога к Лореотту займет куда больше времени, чем она рассчитывала. А там уж придется объясняться с королевой желтоглазых эльфиек, а потом — что гораздо хуже — с госпожой Лорелей, почему они так долго исполняют приказ.

В пропасть полетела еще одна горсть мерзлых камешков, тускло поблескивающих грязными кристаллами. Даэн проводила их взглядом и невольно поежилась — повторять их судьбу ей совершенно не хотелось.

Впрочем, мысли о случайном падении очень скоро отошли на второй план. Гораздо больше ее занимал вопрос, где им стать на ночлег. Шанс найти более-менее подходящий уступ, с которого они ночью не свалятся, был — однако для этого им придется идти раза в два быстрее, чем они ползут ныне. Если так пойдет и дальше, ночевать им придется, прижавшись к холодным камням, вздымавшим острые гребни вдоль тропы — да и еще и вцепившись в эти самые камни, чтоб ненароком не рухнуть во сне.

Мысли казались чужими, вялыми и какими-то... ненужными. Разве так важно то, что тебя сейчас якобы занимает? Даэн с каким-то отстраненным удивлением осознала, что ей абсолютно все равно, выберутся ли они до темноты с тропы или нет. Да и вообще — весь мир стал далеким, чужим, размытым. Даже Меред и Атеа. Даже она сама.

Зато в груди раскрывала крылья птица. Та самая, что просыпалась всякий раз, когда чуяла холодный, острый ветер, пахнувший свободой и небывалой высотой. Наверное, так пахли звезды. Может быть, так пахла сама Ярис?

Даэн ощущала себя на своем месте. Ее сердце, казалось, само было таким — синекрылым, холодным, стремящимся куда-то вверх. Вверх! Женщина всегда жалела лишь о том, что они, Келерийские Птицы, не умели летать по-настоящему — Хартанэ, жестокая шестикрылая Хартанэ, не стала одаривать своих дочерей настолько щедро. Впрочем, ее подарок тоже был дорог и ценен.

Да и ходили среди молодых Птиц байки, в которые ей, взрослой Танцующей, всегда хотелось верить.

Камень под ногой был холодным, шершавым — Даэн ощущала это даже сквозь подошву

мягких сапожек, в которых они обычно расхаживали в комнатах. Фонарь из синего стекла давал совсем немного света, но девочка все равно прикрывала его ладошкой, чтоб никто из старших, не приведи Хартанэ, не заметил отблеск в коридоре. За прогулки в такое время наказание может быть суровым.

Даэн вся взмокла от напряжения, и теперь черные кудряшки облепили влажный лоб, мешаясь и норовя залезть в глаза. Девочка осторожно кралась по коридору к комнате Алеяры, пригнувшись, чтоб в окнах не отразился свет. Маленький язычок пламени на фитиле трепетал — и так же трепетало сердце Даэн. Волнение и страх быть застигнутой наставницами заставляло торопиться и то и дело испуганно приседать от каждого шороха. В животе словно узел заплели... Но вот уже показался поворот, за которым начинались спальни девочек-третьегодок.

Даэн тихонько поскреблась в знакомую дверь. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем дверь распахнулась, и ее втоптали в комнату. Жасвенна, невысокая, с громадными совиными глазами, схватила Даэн за руку.

— Хвала Богине, мы заждались уже!.. Почему так долго?! — возбужденно зашептала она. Даэн виновато втянула голову в плечи:

— Обход был — наставница могла заметить... Я выжидала...

Но Жасвенна уже не слушала ее. Девчонка потащила младшую к кроватям, составленным треугольником, на которых уже расселись тихо перешептывающиеся будущие Танцующие. Здесь были и второгодки, как Даэн, и первогодки, и совсем маленькие птенцы, которых Гильдия взяла под свою опеку, и девочки-третьегодки, глядящие на малышню с открытым пренебрежением. Даэн восхищенно засопела: через год эти девочки будут доказывать, что достойны носить Крылья и зваться Танцующими, Птицами, Крылатыми...

В центре, важно поглядывая на остальных, сидела Алеяра. Тихие шепотки стихли, когда Даэн, втянув голову в плечи еще сильнее и опустив глаза, присела на краешек кровати — Алеяра, оглядев всех, заговорщицким шепотом начала:

— Ну что, хотите, расскажу вам огромный секрет?

Девочки восторженно закивали, горящими глазами глядя на старшую. Та снисходительно улыбнулась и продолжила:

— Только никому-никому не рассказывайте! Это — страшная тайна, и тот, кто ее выдаст хоть кому-нибудь, никогда не сможет научиться тому, о чем расскажу вам!

И Алеяра поведала им самый большой секрет Келерийской Гильдии: Птицы умели летать.

Ныне Даэн, вспоминая это, недобро усмехалась. Ну конечно, правды в тех байках было столько же, сколько воды в давным-давно пересохшем русле. Но тогда, в детстве, они так верили этим чудесным историям, так мечтали проснуться однажды и ощутить за спиной крылья... Алеяра всю душу им разбередила своими сказками о том, как наставницы будут учить их с помощью Дара Хартанэ прятать эти крылья от посторонних глаз, летать и использовать их в битвах. И девочки не могли ей не верить. Да только время шло, а заветных крыльев не было, и ни Гаэра, ни какая другая взрослая Птица ничего не говорили им о дне Третьего Посвящения, как нарекла его Алеяра. Многие девочки позабыли ее сказки почти сразу же — да только не Даэн.

Она и сейчас частенько задумывалась о том, как наставницы и старшие разведчицы умудряются путешествовать на огромные расстояния с минимальными потерями времени. Даэн не раз и не два замечала, что те перемещаются слишком уж быстро — даже лошадь не

смогла бы столько преодолеть за один день. Но нигде — ни в летописях, ни в казармах старших разведчиц, ни в библиотеках — не было ни единого намека на то, чтоб байки о птичьих крыльях были правдой. В конце концов, она пришла к выводу, что у наставниц есть какой-то артефакт, или сеть порталов, о которой ведомо лишь им — но сердце, несмотря на это, продолжало верить в чудеса.

Так или иначе, но сейчас, вдыхая стылый горный воздух, она ощущала себя летящей. Колкий ветер вытрепывал из косы витые прядки, цеплялся за одежду, путался под ногами — но Даэн вовсе не злилась. Пусть себе. Пусть играет. В конце концов, ветра всегда были близки птицам и могли позволить себе немного вольностей с ними.

Даже бесконечное ворчание Атеа не могло вывести ее из себя. Даэн заметила, что после ночевки на тропе, когда они поделились историями своих жизней друг с другом, стала относиться к Лебедю гораздо терпимее. Нет, златовласка по-прежнему казалась ей невыносимой, взбалмошной девчонкой, у которой самомнение слишком уж было высоким — но при этом ныне Атеа воспринималась, как капризная принцесса, сердце которой надежно укрыли под шелками, бархатом и драгоценностями. А что с таких возьмешь?

Меред же теперь стала еще больше нравиться Коршуну. Они с Атеа несколько раз упростили ее спеть снова, и молчаливая девушка, казалось, оттаяла. Меред будто бы ныне была прозрачнее, тоньше и легче, и Даэн невероятно радовалась этому. Несмотря на все темное, что навалилось на плечи молодых Птиц, они продолжали жить и не боялись незнакомого неба и чужих склонов.

Снег и каменная насыпь под ногой Атеа поехала вниз, и девушке пришлось развернуть тело в изящном пируэте, чтоб не заскользить следом.

— Бесовы горы! — в сердцах воскликнула Лебедь, ставя ногу поустойчивее, — Если я сверну здесь шею, буду являться Лорелей во снах и мучить до конца ее дней!

— Долго придется являться, — заметила Даэн, осторожно пригибаясь под каменным навесом, — Лорелей стояла во главе Гильдии еще тогда, когда я была Птенцом, а вы и не родились. Никто не знает, сколько ей лет, но, сдаётся, она из долгожителей.

— Может, тавранка? — задумчиво, ни к кому толком не обращаясь, пожала плечами Меред.

— Возможно — но тавранцы живут до четырехсот лет и все же стареют, а кто-то из Наставниц говорил, что она старше Гаэры, но выглядит по-прежнему молодо. Гаэра — тавранка, и ныне ей триста с немалым; и поверьте, это заметно. Лорелей же другая. Да и имя не северное. Скорее, эльфийка, или еще кто... — покачала головой Даэн. С госпожой Лорелей ей не доводилось встречаться лично, но это ее не печалило: о Первой Птице Гильдии ходило много легенд, и половина из них не предвещала ничего хорошего тем, кто попадетсся ей на глаза.

— Да хоть сама дочь Хартанэ! — буркнула Атеа, — Как можно было отправлять нас в такую даль, не позаботившись о том, как мы доберемся?!

— Атеа, ты не в столице Тиннереда, здесь тебе карету к дому не подадут, — ехидно отозвалась Даэн.

Лебедь явно собиралась разразиться гневной тирадой, но тут снег вновь ушел из-под ее ног, и девушка еле сумела удержаться, смешно размахивая руками и балансируя. Кинув полный негодования взгляд на Даэн, Атеа развернулась и, больше не отвлекаясь от тропы, пошла следом за Меред, стараясь наступать точно на ее следы.

Даэн, жмурясь, словно громадный кот, глубоко вдохнула. Горы высились впереди, и

всем своим существом Птица ощущала их тяжелый взгляд, впивающийся и держащий каменными тисками — однако ей не было ни страшно, ни неудобно. Наоборот — в груди пульсирующими толчками разливался покой, не схожий ни с каким другим ощущением. Даже здесь, на узкой каменистой тропе, то и дело грозившей обвалиться вниз, она чувствовала это твердое спокойствие. Каждый шаг ее был уверенным, дыхание — мерным. По сути, сейчас я тоже Танцюю.

— Кстати, об эльфийках, — голос Меред вывел ее из оцепенения, — Сколько живут горные эльфы?

— Едва ли не столько же, сколько обычные, — слабо усмехнулась Даэн, — Несколько веков точно.

— Мне вот что интересно: как племя живет столько времени практически в полной изоляции от остального мира и при этом не вымирает? Насколько я знаю, в их кланах есть лишь женщины, — Меред бросила короткий взгляд через плечо на Даэн и тут же отвернулась — на тропе не следовало отвлекаться.

— Честно говоря, понятия не имею, — Даэн задумчиво оглядела гряды: они приближались к Перевалу Химер, — Хотя вопрос интересный. Пропали-то молодые девочки, считай — дети. Откуда в клане, где нет мужчин, взяться детям — не знаю.

— Может, они — как дриады, — подала голос Атеа, — Те ведь из деревьев рождаются... Почему бы и желтоглазым не вылезать из скалы?

— Действительно, — проворчала Меред, — И как ты себе это представляешь? Эльфийка несколько лун таскает за собой громадный булыжник, а затем он трескается, и на свет появляется дитя?

Атеа задохнулась от возмущения:

— Но ведь дриады...

— Птицы, — тихонько позвала их Даэн, и обе девушки разом умолкли, непонимающе оглядываясь на старшую. Та приложила палец к губам, — Потом щебетать будете. Перевал Химер близко. Поэтому затихните.

Атеа и Меред послушно примолкли, как одна уставившись туда, куда смотрела Даэн.

Тропа под их ногами резко начала забирать вверх, шла петлей вдоль отвесной скалы, а затем так же круто ныряла вниз — они не видели, что там, обрыв ли, крутой спуск или еще что. А дальше, за заснеженным краем, начиналась горная долина, взрезанная каменными гребнями самых причудливых форм. Некоторые были совсем небольшими — не выше Даэн, другие острыми драконьими клыками вспарывали облака, третьи тянулись змеями вдоль ущелья. Выглядела долина странно, зловеще, неестественно — и еще большей странности добавляли темные провалы прямо в неподатливой скальной породе. Провалы слишком правильной, ровной формы.

— Если говорить хочется — говорите, но шепотом, — негромко предупредила Даэн, выходя вперед, — Я понятия не имею, сколько правды в байках о Перевале, но давайте будем поосторожнее.

Птицы безмолвно согласились со старшей и позволили ей вести себя. Даэн, двигаясь боком по тропе, начала подниматься по крутому склону. Темные провалы, казалось, следили за ней пустыми глазницами — а может, то была всего лишь игра воображения. Но в памяти сами собой всплыли мрачные истории госпожи Анары.

Немногим Птицам довелось побывать на юге Караласской гряды, где меж гор лежит древняя, богами забытая долина. И не всем тем, кому все же посчастливилось воочию

увидеть край легенд, удалось вернуться. Потому и не знает никто, как же на самом деле выглядят химеры, в честь которых и нарекли перевал. Вернувшиеся домой Птицы рассказывали всякое, а потому химеры стали сказочными чудищами с десятками голов, орлиными крыльями и змеиными хвостами. Но и по сей день на Перевале частенько пропадают путники, и ночами ветра носят над просторами едва различимый звук — то ли приглушенный крик, то ли вой.

На самом деле, о существовании химер знал каждый Птенец — в башне Гаэры даже был старый, побитый молью гобелен, привезенный ею откуда-то с юга и изображающий химеру во всей ее красе. Ныне вышивка настолько прохудилась, что еще во времена Даэн никто не мог понять, где у химеры хвост, а где — морда, ибо рисунок представлял собой темное пятно, выгнутое, словно коромысло. Но слишком много баек вилось вокруг загадочных созданий, да и никто толком не мог сказать, что же это за существа, а потому все воспринимали истории Анары как сказки, забытые давно легенды и мифы.

Сейчас в сердце Даэн поселилась странная тревога — ощущение возникало всякий раз, когда кто-то наблюдал за ней. Кто-то, кого она не могла увидеть, кто умело прятался, кто скрывался где-то на грани тени и света. И вот сейчас это чувство исходило от черных дыр, отсюда казавшихся крохотными точками в острых каменных зубьях.

Подниматься Птицам пришлось еще несколько часов, и к тому моменту, когда они наконец взобрались на вершину петли, ноги звенели от усталости и напряжения. Меред и Атеа опустили на снег, обессилено вытягиваясь на плащах, а Даэн, чуть пошатываясь и морщась, прошла чуть дальше, туда, откуда начинался спуск.

Склон оказался не таким уж крутым, и Коршун даже заприметила несколько удобных плато, где можно было бы заночевать — если они не успеют спуститься в долину. Тропа виляла, петляя между выступами и насыпями, и временами спуск становился совсем уж пологим — а внизу был скатным, плавно, но круто соскальзывая в узкую длинную чашу перевала. На горизонте виднелись заснеженные склоны — Перевал Химер тянулся на множество верст вперед. Сразу же за ним должен быть Лореотт, однако, сколько им идти через долину — тот еще вопрос.

Меред разминала ноющие икры, кривясь и шипя от боли, Атеа просто лежала пластом, уткнувшись лицом в снег. Обе Птицы были вымотаны, но Даэн не намеревалась расслаживаться здесь долго.

— Десять минут — и пойдем дальше. Думаю, к вечеру мы окажемся где-то на подступах к долине. Можно будет заночевать на спуске, если поторопимся — там есть вполне себе подходящий выступ. Там и отдохнем. А покуда — не расслабляться.

Меред упрямо сжала зубы, но кивнула, а Атеа лишь глухо застонала. Даэн понимала их: она сама была иссушена, а мышцы ног огнем жгло. Зато дыхание несколько не сбилось, а внутри звенела натянутой струной сила. Даэн с удовольствием отметила, что с легкостью смогла бы пройти еще как минимум один такой переход, прежде чем тело начнет действительно утомляться. Пока она вполне могла идти.

Пошатываясь, девушки поднялись с земли, отряхивая плащи от снега. Атеа, на чьих щеках играл яркий румянец, наградила Даэн уничижающим взглядом, но, не сказав ни слова, пошла следом за Меред. Коршун ухмыльнулась ей в спину, замыкая шествие.

Сумерки здесь начались раньше, и Птицам пришлось ускориться, чтоб все-таки добраться до последнего широкого плато до того, как темнота окончательно поглотит долину. Даэн внимательно огляделась: судя по всему, оставшийся спуск займет где-то час —

а выдвинутся они завтра с утра. За это время тело должно отдохнуть и восстановиться.

Деревьев в округе вовсе не было, а потому пришлось зажечь промасленные свертки, которые Птицы использовали в крайних случаях, когда не могли добыть дрова. Огонек получился скромным, зато грел хорошо, да и хватало его надолго — один клубок ткани догорал только спустя час, а таких клубков было с десятков у каждой. Даэн отложила по два свертка, рассудив, что тратить больше не имеет смысла — неизвестно еще, как там дальше повернет. Меред и Атеа устраивали лежанку, разгребая снег и разворачивая на нем плащи и одеяла, а Даэн сидела на самом краю плато, изредка поглядывая на слегка чадающий огонек. На душе было легко и славно, бесконечная вереница вопросов наконец перестала тянуться в ее голове. Сейчас ей было просто спокойно.

— Эй, Даэн, хватит кости морозить. Иди к нам! — раздался голос Атеа.

Даэн обернулась к Птицам. Те забрались под ворох одеял, придвинувшись к огню — только глаза да носы торчали. Как дети малые, ну. Усмехнувшись, Даэн поднялась и направилась к огню. Снег, потревоженный неосторожным движением, ссыпался вниз и снова взвился, подхваченный порывом ветра. Проводив его взглядом, Коршун опустилась на одеяла, ощущая боком тепло тела Меред.

— Ну как, отдохнули? — поинтересовалась Даэн, пряча ехидную улыбку: девочки слишком отвыкли от нагрузок. Во времена, когда она была Птенцом, с них наставницы десять шкур спускали — зато и выучка была что надо. А раз три последних Посвящения проходили без темных духов, то тут и говорить нечего — Птицы Келерии совсем ослабли. Едва ли их каждый день по горам гоняли. Во время обучения — еще возможно, но после того, как Птенцы подтверждали право зваться Птицами... Сама Даэн тренировалась ежедневно даже спустя десятки лет, чтоб тело оставалось таким же сильным. Но она понимала, что такие, как Атеа, вряд ли станут по утрам выходить за территорию Гильдии и карабкаться по склонам на Тренировочное Плато.

— Хорошо тебе, ерничать еще можешь, — пробурчала Атеа, — А я едва ногой двинуть могу... Боги, какой кошмар, я не чувствую мышц. Так все тянет... еще и холодно.

— Кто ж тебе виноват, — рассудительно пожала плечами Даэн, — Надо не хвостом вилять в Гильдии, а...

— Ой, все, — поморщилась Лебедь, — Только одно от тебя и слышу: надо то, надо это. Я сама знаю, что мне надо.

— Я вижу — именно поэтому сейчас ноешь.

Атеа, громко клацнув зубами, обиженно засопела, а Даэн мысленно похвалила себя: за время, проведенное с Птицей, она практически перестала раздражаться, ныне воспринимая Лебеда как мелкую надоедливую собачку, каких вечно таскают на руках знатные дамы. Иногда этот комок золотой шерсти, прочно связавшийся в голове Даэн с образом Атеа, даже казался забавным.

За краем выступа начиналась темнота, в которой то и дело проносились снежные вихри. Снег, благо, не трусил, но холодные порывы то и дело подхватывали верхний слой с заметных камней и сбрасывали его вниз, разметая и закручивая белоснежную ледяную пыль в причудливые узоры. Тусклый круг света не мог осветить всю мглу вокруг, а потому отовсюду к ним подступала плотным кольцом темнота со своими шорохами-шепотами, странными полутенями и ощущением затаенной беды. Впрочем, Даэн за долгие годы научилась отгонять от себя страх темного времени суток — в нем не было ничего, что Келерийская Птица не смогла бы одолеть.

Атеа выпуталась из-под одеяла и поковыляла в сторону поворота, откуда они пришли. Меред вскинула голову.

— Ты куда?

Птица, обернувшись, картинно закатила глаза.

— Вот с трех раз угадай. Пойду прогуляюсь — ночь-то теплая такая, ясная! Самое время для прогулок.

С этими словами Птица развернулась и скоро скрылась за выступом. Меред, проворчав что-то неразборчивое в ответ, уставилась в огонь, наблюдая за танцем пламени. Тишину нарушал лишь тихий треск костра, да шипение масла, едва различимое. Даэн прикрыла глаза, поглубже вдыхая — как же давно она не ощущала этого пронзительного горного ветра, хлещущего по щекам ледяной плетью...

Неожиданно раздался истошный вопль, а затем на выступ, оскальзываясь и спотыкаясь, вылетела мертвенно-белая Атеа. Даэн и Меред, вскочившие на ноги, тут же оказались рядом с ней.

— Что?! Темные?! — Даэн развернулась к тропе, выворачивающей из-за скального навеса, и вгляделась во тьму.

Ответить Атеа не успела. Во мгле на тропе показался темный неясный силуэт, плавно приближающийся к ним. Крылья сами скользнули в ладони Даэн, и женщина приготовилась бить. Вскоре создание ступило на выступ, и Атеа снова тоненько взвизгнула, прячась за спину Меред. А обе Птицы застыли, переводя недоуменный взгляд друг на друга, на существо — и обратно.

На снегу, смешно растопырив задние лапы, восседало нечто. Огромные глаза-плошки со зрачками-полумесяцами отражали отблески пламени. Белая, тонкая, мягкая даже на вид, шерсть с мелкими темными пятнами вокруг глаз, чуть топорщилась на ветру, а из широкой пасти то и дело показывался раздвоенный кончик розового языка. Черные, с длинными кисточками, уши чуть подергивались, улавливая каждый звук. У существа была непропорционально большая голова, круглая и тяжелая, казавшаяся несуразной в сравнении с туловищем. Тело его больше всего походило на кошачье — только крупнее раз в пять, да и слишком чудное. За спиной существа виднелись темные кожистые крылья на тонких костях — слишком тонких, Даэн сомневалась, что оно способно подняться в воздух. Белая шерсть перемежалась с черной, словно создание перемазалось грязью — да так и осталось. Мощные лапы заканчивались трехпалой, почти птичьей вытянутой кистью, и в свете огня Даэн обратила внимание на острые когти, вспахивающие белый снег. Существо глядело на них, склонив косматую голову набок, и в его глазах Даэн видела... любопытство?

— Что это за дрянь?! — дробно стуча зубами, подала голос Атеа.

— Химера?.. — тихо предположила Меред, глядящая на существо с недоверием и опаской.

Чудной зверь склонил голову на другой бок, воззрившись на выглядывающую из-за плеча Меред Атеа, и издал странный короткий звук, похожий на мурлыканье.

— Похоже на то, — все еще не веря своим глазам, кивнула Даэн, — По крайней мере, это не похоже ни на одного зверя, что я видела на своем веку. Но опасности от него я не чувствую.

Химера поднялась со снега и, смешно ковыляя, потрусилась к Меред.

— Даэн! На помощь! — заорала Атеа, хватаясь за Крыло, — Оно сейчас нас в клочья изорвет!

Даэн взглянула на Меред: та явно тоже не собиралась пока нападать на странное создание. Зверь, тихонько мяукая и кряхтя, оскальзываясь на снегу и смешно заваливаясь набок, обходил девушку по кругу, явно заинтересовавшись Лебедем. Задние лапы химеры то и дело разъезжались, и Даэн подумалось, что это детеныш. Да и выглядел он не слишком устрашающе — скорее, нелепо. Зверь обошел Меред и радостно мявкнул, остановившись напротив Атеа.

— Не подходи, тварь!

Существо припало на передние лапы и утробно заурчало, влюблено глядя на девушку. Короткий черный хвостик мелко завилял.

Даэн не сдержалась и, опустив Крылья, расхохоталась в голос. Меред, все еще не понимающая, что делать в этой ситуации, беспомощно посмотрела на нее, ища поддержки или хоть какого-нибудь жеста, дающего руководство к действиям — и, получив его, тут же захохотала следом, осознав всю забавность происходящего. Существо тем временем вплотную подошло к златовласой Птице, оттопырив пушистый зад и явно играясь. Атеа снова взвизгнула и приставила прямо к черному носу химеры Крыло.

— Что вы ржете, дурные?! Помогите, хоть кто-нибудь, мне же страшно, идиотки! Меред! Оно сейчас изорвет меня в клочья!

Химера снова мявкнула, чуть притаптываясь задними лапами на одном месте и счастливо урча. Атеа дергано двигалась вместе с ней, вцепившись в Крыло двумя руками — словно за соломинку держалась.

— Дурные, да помогите же мне! Отгоните эту тварь! — зверь сунулся ближе, и девушка, зажмурившись, наобум ткнула клинком в него. Сталь не причинила созданию вреда, отскочив от жесткой шкуры, но он испуганно присел на задние лапы, непонимающе глядя на Крыло. А затем, подумав некоторое время, легонько пихнул Атеа в бок лапой, не выпуская когтей.

Девушка, вскрикнув, рухнула спиной на снег, а химера, радостно подвывая, взвилась в небо, явно вообразив себя легкокрылой бабочкой. Вот только бабочки умели управлять своими крыльями, а существо — нет, поэтому тут же шмякнулось прямо на Атеа, которая начала было вставать, придавив ее всем своим весом и вернув в исходное положение.

У Даэн от хохота болел пресс. Рядом с ней, держась за живот и утирая выступившие слезы, стояла Меред, смеющаяся так залиристо и искренне, как Даэн не слыхала давным-давно. Атеа с воплями спихивала с себя химеру, виляющую хвостом и порывающуюся вылизать лицо девушки. Глаза создания лучились любовью и преданностью.

— Да слезь ты с меня, безмозглая тварь! — Атеа в очередной раз попыталась встать, но зверь придавил ее лапами, урча, словно громадный домашний кот, — Слезь, кому говорю! Пшел вон! — с этими словами девушка дернула химеру за усы, смешно торчащие во все стороны. Существо взвыло от боли и тут же соскочило с нее, обиженно пятясь назад, к Даэн и Меред, и тряся круглой головой.

— Ну-ну, Атеа, зачем ты так? — Даэн, посмеиваясь, опустилась на колени рядом с химерой, почесывая ту за черным ухом. Зверь тут же прижался к ладони, и женщина едва не рухнула — голова у создания была тяжелой, — Это же детеныш. Гляди — он как большой котенок. Ты же любишь котят и прочую пушистую живность.

— Не говори ерунды! Какой, к бесам, котенок?! Оно чуть не убило меня! — Атеа разгневанно ткнула пальцем в зверя. Тот, испуганно прижав уши к голове, жалобно взвыл и прильнул к Даэн, при этом чуть не повалив ту в снег, — А ты не вой! И нечего так

смотреть! — химера завывала еще громче, и звук эхом отозвался где-то далеко в ущельях.

Меред села рядом с Даэн, не в силах остановить смех, и тоже потрепала химеру по голове. Зверь, видимо, почувствовал себя в безопасности, потому как постепенно вой затих, превратившись в абсолютно счастливое урчание. Возмущенная до глубины души Атеа принялась вытряхивать снег из волос, бросая злобные взгляды на Птиц, окруживших создание.

— Ну-ну, тише, маленький, не бойся — оно не заразное, хоть и мерзкое, — заверила химеру Даэн, указывая на Атеа, — И не ядовитое. Ворчит иногда — но это только чтоб страху нагнать. Не бойся, мы не дадим тебя в обиду.

Зверь, доверчиво глядя на них громадными глазами, затоптался на месте, смешно бодая то одну, то другую головой и радостно мявкая. Даэн ощутила на лбу существа костяные наросты. Рожки что ли?

— Идиотка, — буркнула Атеа, зло глядя на Даэн. Меред рядом снова согнулась пополам от хохота. Справившись с приступом смеха, девушка взглянула на Коршуна, улыбаясь.

— Да уж... Вот тебе и злое создание из страшных сказок.

— Он маленький еще — посмотри на это, — Даэн приподняла косматую голову химеры, демонстрируя Меред глаза, полные счастья и обожания, — Ни одной мысли.

— Да, наверное, ты права, — кивнула та, глядя зверя вдоль позвоночника, — И наверное, он скоро линять начнет. Белая шерсть явно пуховая, совсем мягкая... а вот тут, — она положила ладонь на расплывчатое черное пятно на шкуре зверя, — Уже жесткая, взрослая. Интересно, как выглядят взрослые химеры — да и вообще, химеры ли это.

— Ну а кто еще? Ты когда-нибудь видела нечто подобное? — Даэн осторожно приподняла верхнюю губу создания и тут же отдернула руку — меж жемчужно-белых острых зубов мелькнул раздвоенный язык, и существо смешно зачавкало, облизываясь.

— Нет, — кивнула Меред, — Но мало ли, что еще живет в горах, о чем мы не имеем ни малейшего представления.

Химера тем временем растянулась на снегу, переворачиваясь и подставляя белоснежный живот с мягким-мягким теплым пушком.

— Боги, то ли котенок, то ли глупый щенок, — усмехнулась Меред, — Эй, Атеа! Хватит дуться — посмотри, какое славное создание! К тому же, ты ему явно понравилась.

— Я, конечно, искренне за вас троих рада, — голос Атеа звучал как-то сипло. Даэн обернулась к ней: девушка глядела куда-то за спину Коршуна, и выражение ее лица ничего хорошего не предвещало, — Но кто-то из вас, идиотов, кажется хотел поглядеть, как выглядит взрослая особь?..

Даэн почувствовала, как по позвоночнику пробежал холодок. Медленно поднявшись на ноги, Птица обернулась и уставилась в тускло отсвечивающие глаза на уровне собственного лица. Взрослая химера оказалась полностью черной, гибкой и устрашающей. Из-под приподнятой в оскале верхней губы поблескивали острые клыки длиной в палец Даэн. Уши были прижаты к голове, а когти угрожающе рыли снежный настил. Хвост, оказавшийся длинным, хлестал по бокам зверя. Отблески пламени высветили рога, чуть изгибающиеся назад. И, в отличие от детеныша, существо явно могло управлять собственным телом — и крыльями, и хвостом, и когтями.

Детеныш, увидев другого зверя, радостно мяукнул и, подскочив, заторопился к нему, все так же нелепо поскальзываясь и то и дело заваливаясь набок. Последние шаги он преодолел чуть ли не вприпрыжку, врезавшись головой в широкую грудь существа и урча без

передышки. Химера обнюхала свое, судя по всему, чадо, облизало всю морду детеныша, а затем мягко отодвинула его лапой и снова подняла взгляд на Птиц. Даэн расслышала, как в глотке зверя зарождается рычание, а затем увидела, как снова мелькнули острые клыки.

— И что теперь прикажешь делать, умница? — слабым голосом поинтересовалась Атеа.

— Покуда — отходить, — Даэн, медленно пятясь к спуску, одним движением кисти приказала девушкам делать то же самое. Химера так же медленно двинулась следом за ними, громко рыча, а бестолковый детеныш пугался под ее лапами, все время мешаясь и норовя вцепиться мелкими зубками куда-нибудь. Осторожно скосив глаза, Птица увидела, как тропа начинает забирать вниз, — А теперь — бежать!

Они развернулись мгновенно и припустили стрелами, сорвавшимися с тетивы. В тот же миг взрослая химера бросилась следом, а детеныш, воспринявший все как игру, кинулся ей под ноги, радостно воя. Зверь, явно не ожидавший такого, перецепился через младшего, и оба кубарем покатались по снегу, мигом проносясь мимо Птиц по крутому спуску вниз. Громогласный рев разнесся по всей долине, а остолбеневшие Танцующие так и замерли, глядя, как химеры, перекувыркиваясь друг через друга, летят к устью долины. Снег, скользящий под лапами, не давал возможности зацепиться и остановить падения, а потому проскользили те, скорее всего, до самого конца спуска. Откуда-то снизу послышался приглушенный вой и тихое вяканье. Меред некоторое время смотрела во тьму, а потом истерически расхохоталась. Через секунду Птицы смеялись хором, а затем Даэн опомнилась:

— Какого беса, быстро собираемся! — женщина бросилась скатывать одеяла, — Мы наверняка перебудили всех химер долины — а я очень сомневаюсь, что их тут всего двое...

— Что мы будем делать? — Меред принялась помогать ей, распахивая все по вещмешкам, — Вниз нам путь заказан... Да и то — если они действительно умеют летать, нам нигде не спрятаться.

Напряженную тишину нарушил глубокий, с хрипотцой, женский голос.

— Прежде всего, вы объяснитесь, кто вы, и какого лешего здесь забыли. А там уж разберемся.

Да что за бесов день... Даэн, устало закатив глаза, обернулась — да так и замерла. Прямо напротив ее лица горели громадные глаза-плошки. В свете огня, медленно затухающего, вырисовались очертания огромного зверя с блестящей черной шкурой, острыми рогами и сложенными вдоль тела крыльями, а на его загривке восседала незнакомая женщина с повязкой на левом глазу — правый же сверкал плавленным золотом.

— Похоже, мы нашли эльфиек, — слабым голосом подытожила Меред.

===== Глава 11. Горечавка на скале =====

Громадный черный зверь растянулся у костра, подставив лоснящийся бок теплым потокам воздуха. Женщина с желтым глазом сидела рядом, откинувшись на этот самый бок, и лениво поглаживала химеру по ребрам. Светлая пепельная челка падала на высокий лоб, несколько светлых прядок обрамляли жесткое лицо с широкими скулами и чуть вздернутым подбородком. Волосы на макушке же были темнее, и в свете костра понять их цвет было невозможно. Лоб ее перетягивала кожаная тесьма со странными символами, а черная повязка полностью скрывала левый глаз, уходя под волосы. Из-под нее по щеке вниз тянулся некрасивый рубец, и Даэн даже не могла представить, что же скрывает темная ткань. Женщину явно располосовали не клинком. Шрам заканчивался у самого уголка губ, бескровных и тонких, некрасивых. Зато у незнакомки был аккуратный точеный нос с маленькой горбинкой, а оставшийся целым глаз лучился золотом из-под длинных густых

ресниц. Эльфийка сама походила на химеру — красивой не назовешь, но что-то в ней невероятно притягивало.

После того, как Даэн рассказала ей о том, кто они, женщина позволила им наконец развести костер поярче и присесть. Химера, лунными глазами глядящая на них, положила тяжелую голову на лапы и изредка начинала утробно урчать под ладонью эльфийки, жмурясь от удовольствия. Сейчас они общались легко, практически непринужденно, и Птицы вместе рассказывали эльфийке о встрече с детенышем химеры. Даже Атеа, поклявшаяся Меред и Даэн никогда с ними не разговаривать, втянулась в беседу и теперь активно строила глазки женщине. Та, посмеиваясь, потрепала свою химеру по черной шкуре.

— Да уж, Небесные Дочери... Повезло вам, что мать детеныша оказалась неуклюжей такой — изодрала бы в клочья, — эльфийка говорила с легким акцентом, немного огрубляя согласные — было видно, что общий язык все-таки чужд ей, — Да и вообще: они, пока к рукам не привыкнут, совершенно неуправляемые. Вот это, — она с кривой усмешкой указала на повязку, — Оставила мне эта бесовка, — ладонь снова прошлась по блестящей шерсти. Химера тихо заурчала, повернув голову к хозяйке.

Атеа придвинулась чуть ближе к костру, склонив голову набок и опустив ресницы.

— Наверное, руки твои крепки так же, как твоя воля, дева гор, раз ты сумела приручить ее. Все же химера — дикий зверь, неужто не боишься, что она еще раз нападет? Она уже не детеныш...

Даэн передернуло от знакомых мурлыкающих ноток, появившихся в голосе Атеа. Кто-то явно вышел на охоту. Эльфийка то ли не обратила на это никакого внимания, то ли сделала вид, и спокойно ответила:

— Именно — не детеныш. Я растила ее с самого детства, и подобного рода... разногласия у нас возникали, пока она не привыкла ко мне окончательно. Теперь она растерзает любого, кто попытается причинить мне вред. Они слишком привязчивы.

— Как ее зовут? — Меред с интересом взглянула на зверя.

— Кайэнрэ. Я зову ее просто Йэн, — эльфийка помолчала, глядя в костер, а затем вскинула глаза на Танцующих, — Стало быть, Гильдия все же решила нам помочь... Мы уж боялись, что ваша Верховная откажет, или проигнорирует нас.

— Гильдия никогда не оставляет тех, кто нуждается в ее помощи, — тихо сказала Даэн, сверля эльфийку взглядом, — Ты проведешь нас до Лореотта, дева гор? И кстати, назовешься нам? Наши имена ты знаешь, а вот мы твоего не ведаем.

— Проведу, конечно — зачем же я еще здесь, — кивнула женщина, — И назовусь. Аллэвар, Ищущая при королеве Шедавар. Можно Аллэи, — она поднялась с земли, хлопнув себя по коленям, — Ладно, с именами да званиями разобрались. Довольно языками молоть. Собирайтесь, Небесные Дочери. В Лореотт двинемся прямо сейчас.

— Сейчас? — с сомнением переспросила Даэн, поднимаясь следом за Аллэи. Эльфийка оказалась чуть ниже ее, зато гораздо шире в плечах, с очень крепким развитым телом — Птица видела, как под черной тугой формой перекачиваются сильные мышцы. Желтоглазая потянулась, разминая затекшие руки, и Даэн услышала за своей спиной восхищенный вздох. Атеа, наверное, вся слюной изойдется в пещерах Лореотта.

— А когда еще? Ждать до рассвета я не вижу смысла — в Городе мы будем к утру, если двинемся сейчас.

— Постой, Аллэи, — сбитая с толку Коршун нахмурилась, пытаясь разобраться. По ее расчетам, они должны были прибыть в Лореотт только дня через три — и то, в лучшем

случае... Аллэи, наблюдающая за мыслительным процессом, отражающимся на лице Даэн, рассмеялась.

— Ты, конечно, можешь идти пешком, коль тебе охота — далековато будет, правда. А я возьму твоих Пташек, и мы с ними, скажем так, прокатимся с ветерком, — с этими словами женщина провела широкой ладонью по блестящей шкуре химеры.

Ох нет. Нет-нет-нет.

Аллэи заметила, как сжались в ниточку губы Даэн, и добродушно хохотнула.

— Да ты не бойсь — это не так уж и страшно. Та же... лошадь, — она щелкнула пальцами, припоминая название, — Только немного крупнее.

— А ей не будет тяжеловато с четырьмя-то на спине? — Даэн с опаской посмотрела на химеру. Странное создание повернуло тяжелую голову и наградило ее долгим взглядом, от которого мурашки прошлись по позвоночнику сверху вниз.

— С четырьмя, конечно, тяжеловато — но ты же не поедешь, — пожала плечами Аллэи. Выждав немного, женщина снова улыбнулась, — А если серьезно — четверых она не утащит, это правда. То есть утащит, но ползти будем, как улитки по весне. Но это не проблема ведь.

Эльфийка развернулась к ущелью и как-то странно гортанно позвала. Звук походил на протяжный вой, и совсем не напоминал тот, что мог бы издать человек или любой смертный. Но вскоре откуда-то из темноты раздался точно такой же вой — Даэн даже подумала, что это эхо отозвалось в ущельях, отразившись от каменных тысячелетних глыб. Аллэи прислушалась и удовлетворенно хмыкнула.

— Скорее всего, минут через десять прибежит. У вас пока есть время собраться.

Видать, позвала кого-то из сестер. Даэн неспешно принялась сворачивать одеяло, разложенное снова после того, как эльфийка спешила с химеры. Что ж, и то хорошо — не придется невесть сколько скитаться в долине среди голодных зверей. Не то чтобы она боялась химер — но перспектива быть разодранной на мелкие кусочки ее вовсе не радовала. Даэн украдкой взглянула на Аллэи: женщина все так же вглядывалась в темноту, стоя у края спуска, и от нее шли волны какой-то древней, опасной силы. Даже в ее позе, даже в том, как она двигалась — во всем ощущалось нечто такое, от чего у Даэн дрожь по позвоночнику шла. А Атеа, судя по всему, так вообще в конвульсиях билась, разве что усердно это скрывала.

Скоро в вой ветра заплелся еще один звук — едва различимый шорох, будто кто-то взбирался по склону на мягких лапах. Когда из-за края тропы показался могучий силуэт, Даэн долго не могла понять, что же не так, пока до нее наконец не дошло: химера пришла без всадника. Громадный зверь, ступивший на выступ, был еще крупнее, чем Йэн, и глаза у него отсвечивали серебром. Крутые рога хищно поблескивали в свете ледяной звезды, затмевавшей тоненький серп луны. Аллэи подошла к химере и потрепала ту по холке.

— Здравствуй, брат. Спасибо, что откликнулся, — громадная косматая голова уперлась в плечо эльфийки, чуть не задев ее при этом рогом. Аллэи, смеясь, беззлобно отпихнула от себя зверя, а затем взглянула на Птиц, — Ну, пора и честь знать — итак заболтались мы с вами. По коням, пташки... или как там у вас, людей, говорят, — женщина чуть прищурилась, вскинув голову, и Атеа, стоящая справа от Даэн, шумно втянула воздух. Да, видимо, в Гильдию мы с Меред вернемся без Атеа... Лебедь вышла вперед, и Даэн скорее ощутила, чем увидела, как затрепетали ее ресницы, а в голос влился золотистый летний мед.

— Ты уж прости, госпожа Аллеи, только мы никогда не ездили подобным способом... А мне, признаться, страшновато — вдруг химера меня слушаться не будет?

— А с чего бы ей тебя не слушаться, красавица? — тонкие губы Аллэи чуть изогнулись

в улыбке, — Ты не бойсь — этот послушный. Да и к тому же, мы по двое поедем. Дашь поводья своей подружке, сама прижмешься к ней покрепче — авось и не заметишь, как до Лореотта долетим. Ты же позаботишься о том, чтоб девице не было страшно, а, стриженная? — эльфийка вопросительно взглянула на Меред, а в глазах ее плясали бесы.

Меред, совершенно не ожидавшая такой фамильярности, вспыхнула словно мак и пробурчала что-то неразборчивое в ответ. Аллэи, посмеиваясь, достала из-за пояса кожаную перевязь и накинула ее на шею второй химеры. Пропустив нужные полосы под грудью зверя и надежно затянув подпруги, эльфийка перехватила поводья и с силой хлопнула химеру по боку. Существо послушно опустилось на снег, подогнув ноги, и выжидающе уставилось на Птиц.

— Так, ладно. Мы вот как сделаем. Ты, Птица Даэн, поедешь со златовлаской — ты уж прости, девочка, имени твоего не упомянула — чтоб не так страшно ей было. А тебя, стриженная, я возьму к себе — по глазам вижу, что и на лошадях ты не больно-то ездила, — Аллэи улыбнулась Меред, и Даэн показалось, будто сияние золотистой радужки стало на один миг ярче.

Меред деревянно кивнула, не глядя на Аллэи. Ей явно было неуютно рядом с эльфийкой, но Даэн знала — Птица своих чувств практически никогда не выдает. Интересно, с чего бы все так? Рядом с Даэн задышалась от возмущения Атеа, наблюдающая, как Аллэи усаживает Меред на свою химеру.

Шум вокруг совсем не вязался с тем покоем, который жил внутри самой Даэн. Сердце было тихим, звонким, чуть ли не звенящим — и Танцующая наслаждалась. Звуки голосов долетали словно откуда-то издалека, гораздо громче их слышался вой ветра, шорох падающих снежинок, а еще — тихий, едва различимый гул, словно где-то далеко медленно вращались гигантские каменные жернова. Звук исходил отовсюду, и Птица никак не могла понять, что это. А вокруг нее сновали люди, их тонкие силуэты чуть дрожали, отсвечивали серебром и туманом... Боги, сколько суеты... Даэн тряхнула головой, отгоняя наваждение, и часто заморгала. Аллэи уже затягивала подпруги и помогала Атеа с креплениями. Лебедь сидела на химере, немного растерянная — правда, это не слишком помешало ей попытаться обратить на себя внимание эльфийки. На этот раз у нее не особо получалось. Закончив с Атеа, Аллэи обернулась к Коршуну.

— Ну, иди сюда, Птица Даэн. Ты ведь смелая женщина?

Не настолько, насколько хотелось бы. Даэн, внимательно оглядывая химеру, на которой восседала Атеа, подошла к зверю. Аллэи, смахнув со лба челку, окинула Танцующую взглядом.

— Ты потяжелее будешь, чем златовласка — ее и ветер сломит, как тростинку, а у тебя хоть мясо на костях есть, не только кожа, — Атеа уставилась на эльфийку, словно на юродивую, а Аллэи тем временем продолжала, — Садись позади нее, вот сюда — зверю легче будет. И поводья в руки сама возьмешь, тебя он послушает. Если начнет артачиться — ноги в коленях согнешь так, чтоб под коленями крылья его были. Если и это не поможет — зови. Верхом когда-нибудь ездила?

— Да, — Даэн, упершись руками в широкую спину химеры, подтянулась, выталкивая тело вверх и устраиваясь на химере за Атеа. Девушка тут же прильнула к ней лопатками, мурлыкнув что-то вроде «Я замерзла...». Коршун, поморщившись, пихнула ее в спину, заставив отстраниться от себя.

— Вот и хорошо. Стало быть, не нужно тебе рассказывать, для чего поводья нужны, —

удовлетворенно кивнула эльфийка, закончив затягивать крепления на ногах Даэн, и размашистой пружинистой походкой направилась к Йэн и Меред. Аллэи буквально взлетела на химеру, захватив поводья ладонью, а затем приобняла Птицу, сидящую впереди, — Это чтоб ты не свалилась, стриженная, — ухмыльнулась женщина, когда Меред в очередной раз за вечер одеревенела. Даэн ощутила, как напряглась Атеа. Боги, когда все закончится — останусь в Гильдии хоть на пару дней и отдохну от женщин. В последнее время их слишком много.

Аллэи легко потянула за поводья, и Йэн поднялась, вытягивая мощные лапы. Даэн осторожно повторила ее движение — на удивление, зверь послушался с первого раза, и даже не оглянулся, чтоб посмотреть, кто его потревожил. Ногами и бедрами Коршун ощущала литые мышцы под гладкой шкурой, отчего было немного страшновато — она никогда не ездила без седла. С другой стороны, какое седло-то на химере? Эльфийка коротко вскрикнула, и Йэн тут же сорвалась с места, пускаясь мягкой рысью вниз по тропе. Вторая химера не стала ждать, пока Даэн соберется с мыслями — зверь мгновенно поспешил за сестрой, не отставая ни на шаг. Казалось, ему даже поводья не нужны — сам пойдет куда надо.

Острый холодный ветер трепал волосы Атеа, и Даэн то и дело отплевывалась, кривясь и свободной рукой убирая золотые локоны Птицы подальше от своего лица. Та была странно тиха, напряжена, словно натянутая тетива, и даже не пыталась заговорить с Даэн или как-то обратить ее внимание на себя. Не раз и не два Коршун видела, как Лебедь едва заметно выворачивает голову в сторону Йэн. Ревнует, что ли? И кого к кому? Рассуждать об этом совершенно не хотелось — сами разберутся, не маленькие уже.

Когда они наконец спустились в долину, зимние звезды уже сдвинулись, сменивши узор на небе. У самой горной гряды, куда они направлялись, над горизонтом тускло мерцало Око — созвездие Бога, как рассказывала наставница Лаунэ. Даэн хорошо помнила эту женщину, не похожую ни на одну Птицу Келерии. У Лаунэ были круглые щеки, ласковые морщинки в уголках глаз и невероятно добрые руки, постоянно лечащие непутевых Птенцов. Когда будущие Птицы, разукрашенные синяками и ссадинами, с вывихами и растяжениями ползли в башню Лаунэ, та всегда угощала их сладким сахаром, расплавленным на плоском железном круге, тайком от других наставниц поила клюквенным соком и рассказывала им про звезды. Око — созвездие всех Богов, говорила она. Восемь звезд в нем — драгоценные камни на ободке громадного зеркала, через которое любой из ныне живущих богов может взглянуть на мир людей да посмотреть, кто чист и светел душой, а кто живет неправедно. Наставница всегда учила их — должно жить со светом в сердце, и тогда за все добрые дела воздастся.

Глаза у Лаунэ тоже были звездными, когда она завещала это маленьким Птенцам. Многие из них плакали на руках доброй Лаунэ — кто от физической боли, кто от страха, кто — познав предательство, ложь, черствость. Всех она утешала, всех брала на руки и тихонько качала, пока слезы не иссякали, а на душе не становилось пусто и тихо. Белые широкие рукава Лаунэ укрывали от беды, и Даэн сама хорошо помнила, как выла волком, захлебываясь, вцепившись в теплые плечи, укрытые белой мягкой тканью, а наставница гладила ее по голове и тихонько приговаривала: «Ну-ну. Поплачь, девочка. Поплачь — когда еще доведется. Плачь, пока можешь». А потом становилось легко и хорошо, потом Лаунэ угощала ее жженным сахаром, переплетала ей косу и, по-матерински улыбаясь, украдкой совала ей в карман сладких угощений.

Воспоминания отозвались теплом на доньшке сердца. Даэн зажмурилась, подставляя

лицо ветру и улыбаясь: это было так давно... А доброе и светлое все равно так и осталось там, где ему должно.

Многое изменилось с тех пор. Лаунэ умерла лет двадцать назад, и вся Гильдия провожала ее к небу, заплетая в дым погребального костра всю любовь к этой маленькой солнечной женщине. Ее и впрямь любили все. После ее смерти Даэн не проронила ни слезинки, никогда, и ей казалось, что с тех пор исполнилось предсказание Лаунэ: больше она не могла плакать. Вместе с этим росла тяжесть в груди, и каждое утро Птица просыпалась усталая, и усталой шла ко сну. Все изменилось лишь недавно, несколько дней назад, когда тихое «Здравствуй» сорвалось с губ темноволосой ведьмы. Даэн казалось, что теперь она снова вспомнила, зачем ей жить.

Мысли вертелись в голове, образы сменялись, один за другим накрывая ее туманным одеялом, и женщина не заметила, как звезды опустились еще ниже, и Око наполовину скрылось за горизонтом. Химеры плавными тенями скользили над землей, едва задевая пружинистыми лапами снег, и за ними шлейфом стелилась снежная пелена. Звери петляли по лишь им ведомой тропе, и над головой Даэн высились громадные скалы с острыми бивнями, испарывающими воздух. Иногда женщина видела на каменистых выступах горящие уголья глаз, провожающих их тени молчаливым взглядом — химеры следили за ними. И на душе у Даэн было спокойно. Безмолвие этого места глубоко проникло в ее сердце, ласковыми кольцами обняв его, прорастая внутри него...

Еще спустя час они остановились на короткий привал, чтоб дать химерам маленькую передышку да размять ноги. Ощущать землю было непривычно, и Даэн с мрачной усмешкой подумала, что утром она точно будет ходить, словно заправская наездница. Радости это не вызывало — но и особого огорчения тоже. Атеа, кое-как распустив крепления на ногах, сползла с крутого бока химеры, растянувшейся на снегу, и направилась нетвердой походкой напрямик к Меред. Аллэи неспешно прохаживалась по полянке, медленно вскидывая ноги и разгоняя кровь по венам. А Даэн, прикрыв глаза, полной грудью дышала, захлеб, лоя губами стылый ледяной воздух. На ресницы опустилась снежинка, и Коршун сморгнула, подняв взор к ночному небу. Ни звезды, ни тоненькая полосочка месяца не прятались за рваными облаками — но с неба осыпался... свет? Даэн удивленно тряхнула головой: все было как прежде. Та же долина, тот же холодный, странный пейзаж, то же небо — но Птица могла поклясться самой Хартанэ: за секунду до того она видела, как крохотные пылинки, сотканые из света, опускаются вниз и устилают весь мир. Ярис? Но ведь Ярис — зло, стало быть, не она... Что же это?

Рядом послышались тяжелые шаги. Даэн повернула голову в сторону звука, рассеяно глядя на Аллэи. Эльфийка подошла к ней и стала рядом, заложив руки за спину и покачиваясь с пяток на носки.

— А славная эта девочка, стриженная, — она тонко улыбнулась, сощутив уцелевший глаз, — Диковатая немного, да больно стеснительная — но славная. Назвала ее стриженной, а она тихо так и говорит: «Мое имя — Меред. Я же не зову тебя одноглазой, Аллэи, уж прости за дерзость...», — эльфийка хохотнула, отбрасывая пепельную челку со лба, — Может за себя постоять.

— Может, — кивнула Даэн, скосив глаза на Аллэи, — Только ты, Аллэи, не слишком-то вольничай. Ей это не по нраву.

— Зато она мне по нраву, — это звучало настолько хищно, что у Коршуна мороз по коже пробежался, — А от того, что мне по нраву, я не отступаю.

Сами разберутся. Не собираюсь я ни с кем нянчиться. Здесь все уже давным-давно выросли, Даэн, и ты — в том числе. О себе думай. Женщина вновь подняла голову к небу, да так и замерла. В зимнюю синь можно было падать и падать — и Даэн казалось, что падение это уже началось, когда из оцепенения ее вывел задумчивый голос Аллэи.

— Вот удивительно, и как она не умирает в такие-то холода? Все живое спит, едва ли не мертвым сном — а она все цветет себе.

— Что? — Даэн вопросительно взглянула на эльфийку, — О чем ты, Аллэи?

— Гляди, — женщина указала на ближайшую к ним скалу. Метрах в трех над землей, там, куда показывала Аллэи, Даэн заметила маленький выступ, а в расщелине камня, на самом краю, рос крохотный цветок. Птица даже глазам своим не поверила — несколько коротких стебельков тянулись вверх, чуть припорошенные снегом, а венчали их тонкие-тонкие лепестки. С такого расстояния Даэн не могла разглядеть цвет, но хрупкий силуэт на фоне бледного зимнего неба был виден ясно.

— Это горечавка, — Аллэи тихо ответила на незаданный вопрос Даэн, — Говорят, она всю зиму цветет. Здешняя, по крайней мере. Колдовской цветок, — женщина покачала головой, — Наше племя верит, что она оберегает любимых от беды и от смерти на Изломе. Кто-то даже говорил, что пропавшие девчонки ушли искать горечавку в горы. Только вряд ли это так, — она тяжело вздохнула, — Ну, надеюсь, вы разберетесь с этим. Пошли, Птица Даэн. Пять минут — и седлаем химер.

— Иди, я догоню, — Даэн не отрывала взгляда от крохотного силуэта цветка.

— Как знаешь, — хмыкнула Аллэи, проследив глазами, куда смотрит Даэн, — Коль полезешь — то поаккуратнее будь. Не хочу я тащить тебя в Лореотт с переломанным хребтом.

Даэн улыбнулась ей вдогонку, а сама подошла поближе к скале. Ладонь легла на холодный камень, и женщина даже не поморщилась, ощутив под пальцами стылую острую породу. Будучи юной, она частенько взбиралась по склонам Наамаха, что близ Гильдии. Давай, Птица, вспомни старую науку. Поискав глазами выступы и удобные опоры, Даэн принялась карабкаться вверх. Расстояние было достаточно небольшим, но камень больно вгрызался в ладони, а потому лезть оказалось не так-то просто. Пару раз нога соскальзывала с опоры, и Даэн, словно громадный кот, повисала на руках, до крови обдирая кожу — а затем снова подтягивалась, с тихим рыком вцепляясь в скалу, пока наконец не добралась до выступа.

Вблизи Даэн сумела рассмотреть цветок. Лепестки оказались темными — то ли синими, то ли фиолетовыми, острой формы — но очень нежными. И крепкими — ни холодные ветра, ни неосторожное касание не смогли повредить горечавку. Даэн осторожно протянула руку и бережно сорвала три цветка, пряча их к сердцу. Прости меня, земная звездочка — я беру не для себя. Прошу защиты твоей, обережница. Сохрани нас, как я обещаю сохранить тебя. Пять оставшихся на выступе стебельков качнулись, приникая по велению ветра к ее ладони, и Даэн огладила пальцем нежные лепестки, в которых не застыла жизнь. Надеюсь, даже на Изломе ты будешь цвести.

Осторожно спустившись со скалы, Даэн направилась к химерам, на которых уже восседали Меред и Атеа. Аллэи помогла Даэн с креплениями, взобралась сама позади Меред, и они продолжили путь через Перевал Химер. Ветер немного стих, и теперь к запаху снега, скал и высоты примешался еще один аромат — едва различимый, тонкий запах нежных цветков, бережно сложенных в защитный мешочек на груди. Там же лежал плоский

голубой камешек с белыми прожилками, найденный ею еще в бытность Птенцом, и засохшая ягодка земляники с южных полянок Гарварнского леса. Теперь у меня три сокровища. Даэн вновь прикрыла глаза, подставляя лицо ветру — она не сомневалась, что химера идет след в след за своей сестрой, а потому направлять ее нет нужды. А ее саму сейчас вновь затягивали воспоминания, противиться которым женщина не могла и не хотела.

Маленькая черноволосая ведьма южных пустынных холмов. Маленькая ведьма южных пустынных холмов. Маленькая ведьма южных пустынных холмов...

Даэн нахмурилась, черкая строчку, и надкусила спелое яблоко, сосредоточенно жуя. Сладкий сок потек по подбородку, но она не обратила на это никакого внимания. С самого утра девочке не было покоя, а в голове вертелся образ Мары, с которой она познакомилась пару дней назад в лесу.

«Маленькая ведьма южных пустынных холмов...»

Буквы получались корявыми, одна выше другой, и Даэн хмурилась еще сильнее. Только она собиралась вновь зачеркнуть строку, как по коже вновь пробежал холодок, а следом за ним на клочке пергамента появилась еще одна строчка, торопливо записываемая детской рукой с длинными тонкими пальцами, пестрящими мелкими царапинками от ежевичных иголок.

«...танцует, запрокинув голову, где-то на самом краю лета...»

И с чего бы это, ничего она не танцевала! Только смотрела, как испуганный котенок, даром что шерсть на загривке не топорщила! Но строку почему-то черкать не хотелось. Даэн снова потянулась за яблоком, но, передумав, отложила его в сторону. Стихи писать — дело серьезное.

«а над ней в высокой вышине...»

Нет, ну что это! Девочка быстро-быстро зачеркнула, ругая себя: ну еще бы вышина не была высокой, это даже дети знают. Лучше вот так.

«... а над ней в немыслимой вышине алые, будто кровь...»

Вот это хорошо, вот это — прямо как в песнях о героях, которые отец пел. И Даэн очень нравилось слово «немыслимый». Такое красивое, такое... взрослое!

«...разгораются первые лучи наступающего рассвета».*

Вот это да. Даэн перечитала четверостишие, не веря своим глазам. Разве могла она так говорить? Разве это — ее слово? И так неважно, что Мара вовсе не танцевала на рассвете, не запрокидывала голову, смеясь, и встретились они не на холмах, а в лесу — ну и что? Даэн готова была хоть на крови поклясться: она видела все это. Видела.

Даэн не замечала ни проносящихся мимо встающих из заснеженной земли скал, ни неба, начавшего бледнеть и наливаясь зеленоватым цветом на востоке, ни химеры, бегущей рядом. Из сладкого, земляничного, летнего воспоминания ее вырвал окрик Аллэи.

— Ну хвала богам, услышала! Я уж думала, что придется тебя на руках к пещерам тащить, — Аллэи скрестила руки на груди, с интересом глядя на Даэн, — Заснула что ль?

Даэн часто заморгала, озираясь по сторонам. Она даже не помнила, как давно они покинули Перевал — только ныне снежная пустошь с темными силуэтами скал виднелась далеко позади, а перед ними, насколько хватало глаз, расстились горы. Самые настоящие, северные, вечно голодные горы, выпивающие все тепло из тела, но дающие взамен покой и блаженную тишину. Химеры беспокойно топтались на широком выступе, переминаясь с лапы на лапу, и с нетерпением глядели назад, тихо урча.

— Сейчас, проклятушие, уймитесь! — Аллэи легко хлопнула Йэн по загривку, и та чуть

успокоилась, но озираться и притаптывать от нетерпения не прекратила. Эльфийка спешила, следом за ней соскочила Меред, угрюмая и нелюдимая даже на вид. Видать, для кое-кого поездка не слишком задалась. Аллэи сняла с химеры перевязь, и та, ощутив свободу, бухнулась на снег, катаясь на спине и растопырив громадные крылья так, чтоб не мешали. Второй зверь, наблюдая за ней, недовольно заворчал и затряс головой, пытаясь сбросить с загривка Атеа, а с ней заодно и Даэн. Коршун тут же расслабила крепления и спрыгнула со зверя, оставляя Атеа разбираться с перевязью и химерой. Спустя пять минут возни и скулежа химера была свободна, и Аллэи, благосклонно кивнув, тоненько вскрикнула. Химеры, вскочив на ноги, стрелами припустили с выступа — только лапы и замелькали. Женщина, посмеиваясь, принялась собирать перевязь.

— Вот же бесовские звери, а... Ну что, пташки, — она обернулась к Птицам, привыкающим к ощущению земли под ногами, — Как вам такая прогулка?

— Лучше не бывает, — отозвалась Меред, в упор сверлящая эльфийку взглядом, ничего хорошего не предвещающим. Та ухмыльнулась в ответ, демонстрируя белоснежные ровные зубы и обаятельную ямочку на щеке, не обезображенной шрамом. Волосы у эльфийки оказались темно-серого цвета, будто потемневшее от времени серебро — а вот челка была пепельно-светлой. Даэн не могла взять в толк, седина ли это или нет.

— Вот и славно. Теперь нам путь — в горы, по тропе. Если бодро пойдем — будем в Лореотте уже к полудню.

С этими словами, не давая Птицам передышки, Аллэи повела их. Шла эльфийка быстро размашисто, и Даэн видела, что молодым Птицам немного тяжело — впрочем, обе не жаловались и темпа не замедляли. Только сейчас, в бледном свете утра, Даэн обратила внимание на свои ладони. Запекшаяся кровь болезненно стянула кожу, и на морозе руки невыносимо жгло. Даэн поморщилась: она терпеть не могла раны на ладонях — уж больно долго заживали, да и с Крыльями было неудобно. Впрочем, даже это было неважно. Они добрались.

Горы здесь ничем не отличались от вершин близ Келерии. Те же суровые склоны, те же темные силуэты, изорванными гребнями врывающиеся в облака, те же северные ветра, гуляющие в ущельях. Когда они остановились на привал ближе к полудню, Даэн поняла, что чувствует себя так, словно вернулась домой после долгого путешествия. Камень под спиной охлаждал тело, но Даэн было все равно. Бережно и осторожно женщина потянулась за ворот рубахи и вынула оттуда мешочек со своими сокровищами. На ободранную ладонь выпал небесно-синий цветок с острыми лепестками — он не вял, но уже немного подсох. Впрочем, красоты цветка это несколько не портило.

— Это за ним ты лазила на скалу?

Даэн подняла голову. Напротив нее на корточках сидела Меред, все такая же хмурая, как и утром.

— За ним, — кивнула женщина. Меред покачала головой, разглядывая запекшиеся пятна крови на ее руках.

— И стоило оно того... Вон как руки ободрала.

— Стоило, — твердо ответила Даэн, — К тому же, это можно считать платой. Я взяла у скалы цветок, скала взяла у меня кровь. Справедливый обмен, как по мне, — она спрятала горечавку обратно в мешочек, а затем подняла взгляд на молодую Птицу, — Меред, прекращай хмуриться: будут ранние морщины, спроси Атеа. А на Аллэи внимание не обращай — пусть себе скалится.

Брови Меред еще больше сдвинулись, но ответить девушка не успела.

— Ты пленница?.. Тебя взяла Ищущая в плен?..

Незнакомый голос заставил Даэн резко дернуться от неожиданности. Перед ней, метрах в двух, стоял ребенок — девочка, лет десяти, закутанная в меха. За спиной ее Даэн увидела плавный изгиб лука — самого настоящего, боевого, а к бедру ребенка был приторочен колчан со стрелами. Высокий лоб ее перетягивала тесьма со странными узорами, а огромные желтые глаза излучали любопытство, но никак не страх. Коршун взглянула в сторону Аллэи — та улыбалась, глядя на них, а Атеа, стоящая рядом, наблюдала за происходящим с интересом.

— Эээ... нет. Мы пришли, чтобы помочь вам, по зову королевы Шедавар, — начала было Даэн, но девочка, кивнув услышанному, перебила ее.

— Твои руки... кровь. Больно?..

За ее спиной раздался тихий смех. Аллэи, покачав головой, подперла щеку рукой и что-то тихо шепнула Атеа.

— Руки... больно? — повторила девочка. Ее речь была сбивчива, словно она не знала, как задать вопрос. Даэн поняла, что общим языком ребенок владеет плохо — ее выдавало несколько иное произношение и легкое придыхание.

— Все хорошо, не волнуйся. Кто ты? — Даэн вновь бросила взгляд на Аллэи, но та оставалась недвижима.

— Ханавар. Хана, — девочка назвала свое имя, а затем вновь спросила — на этот раз требовательно, — Больно?..

— Немного, — Даэн внимательно глядела на нее, ожидая дальнейших действий.

Девочка подошла к ней поближе, опасливо поглядывая на Меред, и Коршун смогла рассмотреть ее вблизи. Золотисто-желтые глаза Ханы словно горели огнем, а волосы сверкали снежными блестками. Светло-серая челка была острижена криво, неряшливо, более темные пряди заплетены в две короткие косицы. Тонкие обветренные губы и щеки девочки пестрили мелкими царапинами — то ли она частенько падала, то ли острые грани падающих с небес льдинок исцарапали ее лицо. Она протянула Даэн крохотную ладошку, на удивление женщины покрытую мозолями, — как бы требуя дать ей руку. Птица поколебалась, но все же позволила Хане коснуться своей окровавленной ладони. Пальцы девочки оказались теплыми, и ее прикосновение обожгло волной боли. Даэн скривилась, но руки не вырвала — уж больно интересно было, что предпримет девчонка. Ханавар порылась в одном из мешочков, висевших у нее на поясе, и достала щепотку какой-то сухой травы с резким запахом, а затем бережно посыпала раны Даэн. Боль сразу исчезла, и Птица с изумлением смотрела, как затягивается ободранная кожа, и на ладонях не остается и следа от порезов.

— Боли нет?.. — Хана пытливо взглянула на нее.

— Нет, спасибо тебе, — Даэн, усмехнувшись, благодарно сжала руку девочки.

— Хорошо... Боли нет. — Удовлетворенно кивнула девочка, а затем, развернувшись, побрела к Аллэи. Подойдя ближе к эльфийке, девочка поклонилась, — Ищущая Аллэивар, мы и Дейя нашли чужую... мы и Дейя привести ее сюда, к пещерам... она говорит, что пришла к Знающей. Она говорит, что сама Знающая...

Аллэи нахмурилась.

— Знающая? С чего бы ей тут делать, в горах-то? Где вы нашли ее?

— В горах, там, где вода бежать... — девочка смешно наморщила лоб, — Где много

воды... где тропа к темным деревьям...

— Что ж, — перебила ее Аллэи, хищно усмехнувшись, — Поглядим на эту чужую. Авось и чего путного о себе расскажет, да о том, что забыла здесь. Идемте, пташки — мы уже почти пришли, — с этими словами женщина направилась вверх по взбирающейся на склон тропе, а следом за ней, вприпрыжку, заторопилась маленькая Ханавар.

Тропа, диким выюном цепляясь за острые камни, петляла меж серых глыб. Очередной поворот вывел их на заметенное снегом плато, с которого открывался невероятный вид на долину Лореотта. Далеко виднелся Перевал Химер, где-то на горизонте темные силуэты гор сливались с небом, и Даэн уже не могла различить, где проходила граница меж ними. А затем маленькая Ханавар, обежав ее, выскользнула вперед, и Даэн, проводив ее взглядом, так и замерла.

В скале темнел черный провал громадной неширокой расщелины, в которую запросто смогла бы протиснуться химера. Перед ним расхаживала совсем молоденькая желтоглазая эльфийка, то и дело опасливо зыркающая на стоящую рядом женщину и постоянно вскидывающая лук со стрелой на тетиве всякий раз, когда женщина шевелилась. Ханавар подбежала к ней и развернулась, гордо вскинув голову и зазывая Аллэи подойти:

— Это та чужая, Ищущая!.. Мы с Дейя поймать ее.

Женщина повернула голову, и Даэн ощутила, как сердце колотится где-то у горла, а колени наливаются странной слабостью. Под темными ресницами Мары плескался океан седого тумана, который теперь преследовал Даэн всюду, куда бы она ни шла — и ныне она снова падала в эти колодцы, в которых размывалось Время и переплавлялась Вечность. Коршун хрипло окликнула Аллэи.

— Она не чужая, Ищущая. И вреда не принесет. Пусть твои стражницы снимут веревки с ее рук.

Небо за спиной Мары было серым, хмурым — но Даэн видела в нем первые лучи рассвета, когда ведьма растирала затекшие запястья, с благодарностью глядя на нее. Те самые лучи, алые будто кровь, в немыслимой вышине, под которой...

...маленькая ведьма южных пустынных холмов...

* — строки четверостишия взяты из стиха, принадлежащего автору ВолкСафо.

===== Глава 12. Подземный город =====

Вместо серых валов облаков над головой уже второй час нависал тяжелый каменный свод. Он давил, пытался навалиться всем весом на плечи, сжать сердце в тисках паники — но Даэн было абсолютно плевать. Затылком она ощущала пристальный взгляд ведьмы, острый, словно пики гор в сердце Наамаха. И это было гораздо важнее всего остального.

Сказать, что Аллэи удивилась, когда Даэн признала Мару — это не сказать ничего. Эльфийка косилась на ведьму подозрительно, и Птица видела, что девочки, поймавшие колдунью в предгорьях, не отводят рук от оружия, настороженно вздрагивая всякий раз, когда та делала неосторожное резкое движение. Благо, что хоть на стреле не держали — Даэн упростила Аллэи не вести женщину пленницей.

— Она пришла помочь, — тихо сказала Даэн у входа в пещеры, глядя Аллэи прямо в глаза, — Если Мара здесь — она так же нужна твоему народу, как и мы. Верь мне, Аллэи.

Ищущая одарила Мару цепким оценивающим взглядом, и ведьма не опустила глаз. Тогда-то Аллэи и кивнула, а затем обратилась к девочкам на гортанном, грубом наречии. Девчонка постарше — Дейя, кажется, — непонимающе вскинула брови и попыталась возразить, но Аллэи моментально пресекла это одним движением руки и жестким, словно

сталь, словом. Даэн не поняла ничего, но даже ее холодок пробрал: эльфийку слушали, и не подчиниться ей вряд ли бы кто осмелился.

После этого Аллэи повела их в пещеры. Даэн долгое время не могла привыкнуть к густой темноте, обволакивающей и словно живой — приходилось идти на ощупь, придерживаясь рукой за холодные камни и то и дело спотыкаясь и оскальзываясь. Это не нравилось Танцующей: ощущение было таким, словно ее ослепили. Даэн терпеть не могла беспомощность, а потому чувствовала себя абсолютно неудобно. Пару раз Аллэи останавливалась и что-то говорила куда-то в темноту — и ей отвечали невидимые собеседники. После этого они двигались дальше, и Даэн не могла прогнать ощущение, что их провожают внимательными взглядами. Наверное, стражи. Пещеры должны были хорошо охраняться — эльфийки не терпели незваных гостей. Спустя какое-то время — кажется, после третьей остановки — Даэн запоздало поняла, что вокруг становится светлее. Вскоре она уже различала очертания Меред, идущей впереди, камни под ногами и над головой, и ей больше не приходилось придерживать за стены. А еще отчаянно хотелось обернуться.

Она почему-то не сомневалась, что окружающая темнота не причиняет ведьме никакого беспокойства. За ее спиной слышалась тихая ровная поступь, словно Мара прогуливалась по своим владениям и досконально знала тропу, по которой идет. Они не успели перекинуться даже словом — Аллэи сразу же повела их вглубь Лореотта, не дав времени на разговоры, а потому Даэн не знала, как женщина оказалась здесь и почему. Но ныне она молилась Хартанэ так, словно перед Первым Посвящением. Пожалуйста, Милосердная. Пожалуйста Дай мне хоть крупицу из Своих золотых песков времени. Дай нам хоть самую малость.

Освещение менялось, и скоро Даэн поняла, почему коридор заполнился молочным сумрачным светом: в стенах то тут, то там вырастали острые граненые кристаллы, распространяющие вокруг тусклое сияние. Его вполне хватало, чтоб разогнать чернильную темноту, и Птица почувствовала себя гораздо лучше. Таких кристаллов она не видела никогда в своей жизни, и где-то внутри зародилось почти детское любопытство — хотелось осторожно выковырять из стены мелкий камешек и поглядеть, будет ли он мерцать на ее ладони так же. Не удержавшись, женщина протянула руку и коснулась кончиками пальцев острого молочно-белого бока. Кристалл был холодным и практически ничем не отличался от грубой породы, из которой рос. Сколько же чудес под этим небом, Хартанэ?

Маленькая Хана, шедшая позади Мары, что-то крикнула Аллэи. Та, не оборачиваясь, хмыкнула, а затем обратилась к Даэн.

— Это кварц. Самый обыкновенный — разве что наша Слепая Мэг над ним пошептала. За пределами пещер он светиться не будет, а потому даже не думай. Впрочем, если упросишь — Мэгар и тебе амулет сделает. У нас у всех есть, и если старуха будет благосклонна, то и для тебя заговорит.

Мара что-то тихо пробормотала, и это не укрылось от чуткого слуха эльфийки.

— Что такое, Знающая? — в голосе Аллэи послышались ледяные нотки, и Даэн напряглась, — Коль уж все вместе идем — говори погромче, чтобы тебя все слышали, не только тени да ветра.

— Зря ты, госпожа Аллэи, ждешь от меня недоброго, — от голоса Мары все внутри Птицы сладко заныло, — Ничего плохого я не сказала — мне лишь интересно, как ваша Знающая говорит с камнями.

— Спросишь у нее, когда увидишь, — Аллэи все же обернулась, и Даэн непроизвольно вздрогнула: глаз эльфийки в полумраке светился плавленным золотом, — Хоть Небесная

Дочь Даэн и сказала, что ты с ними, а с королевой ни одна из вас не встретится, пока на вас не посмотрит Слепая Мэг. Таков закон.

— Но она ведь слепая, — в тишине подземелий звонкий, словно ручеек, голос Атеа звучал совсем уж не к месту, — Как она может посмотреть? К тому же, нужды в этом нет: ваша королева сама послала за нами. Ведьму проверяйте сколько угодно — нас-то зачем?

— Таков закон, — повторила Аллэи, пригибаясь ниже, и Атеа, вертящая головой по сторонам, врезалась лбом в свисающий с потолка камень. Даэн подавила смешок — в суровых условиях свою лебединую грацию девушка окончательно растеряла.

Они вышли в длинную узкую пещеру, из которой подобно кроличьим норам расходились во все стороны рукава-коридоры. Аллэи повела их в боковой, даже не оглядевшись — видать, знала пещеры наизусть. Даэн содрогнулась при мысли о том, что им пришлось бы в одиночку плутать здесь. А с учетом того, что пещеры охранялись, Птицы могли запросто поймать несколько стрел, прежде чем их, безвольных и слабых, приволокли бы к Шедавар. Не самая хорошая перспектива.

Мы добрались до Лореотта. Разум совершенно не хотел осознавать это, а мысли явно не собирались структурироваться. За спиной шла Мара, по воле судеб снова вплетенная в путь Даэн, и это занимало ее гораздо больше, чем Излом, эльфийки и темные, вместе взятые. Птица была готова поклясться, что чувствует, когда взгляд ведьмы шелковой лентой скользит по ее плечам и снова мягко спадает, оставив после себя ощущение прикосновения. И от этого мысли разбегались кругами на воде, тревожной рябью расходились во все стороны. О чем ты думаешь ныне, ведьма? Знать бы это, суметь бы прочесть...

Потолок вдруг резко ушел вверх, а Аллэи остановилась. Послышался восхищенный вздох Атеа, Меред тихонько присвистнула. Даэн силой вытащила себя из своей же головы, чтоб оглядеться — да так и застыла.

Пещера была немислимой. На много верст вперед простирался каменный зал, до того огромный, что конца ему Даэн не видела. Темноту разгонял свет десятков, а то и сотен кристаллов — белых, голубоватых, фиолетовых, словно весенние сумерки над низинами. Некоторые были не больше пальца, другие — едва ли не с саму Даэн. Они тускло светились высоко над головой, высвечивая очертания громадных исполинских сталактитов и тонких подвесных мостиков, перекинутых через пустоту между камнями. Кристаллы взбирались так далеко вверх, что самые дальние казались ночными звездами, теряющимися прямо в небесах. Птица видела резные галереи, тонкие лесенки, вырезанные прямо в жесткой породе, многочисленные входы и высокие окошки, в которых дрожали огоньки и мелькали тени. Подвесные площадки, надежно закрепленные толстыми канатами, поддерживаемые каменными узкими колоннами беседки, громадные арки и перекрытия — все стремилось вверх. Прямо над их головами раскинулся город пещерных эльфиек — и ничего удивительнее в своей жизни Даэн не видела. Слышался гомон женских голосов, смех и окрики, треньканье тетивы доносилось откуда-то сверху. Лореотт, город из камня и воздуха, встретил их.

Под сталактитами на полу подземного зала тоже кипела жизнь. Даэн видела фонтаны и колодцы, приземистые строения из камня, крохотные дворики, окруженные колоннами, громадные костры в специальных углублениях, возле которых сновали хозяева пещерного города. Под ногами змеились те же узоры, что украшали тесьму эльфиек, воздух наполнился запахом дерева, горных сухих трав, жаренной дичи и дыма из кузниц. Даэн слышала где-то вдалеке размеренный стук молота — и еще тысячи звуков, в которых утопал Лореотт.

— Добро пожаловать в наш Дом, Небесные Дочери и Знающая, — голос Аллэи звенел гордостью и какой-то силой, словно бы за ней стояла вся громада скал Лореотта. Впрочем, так оно и было, — Надеюсь, что Мэгавар рассудит вас, как должно, и у вас будет время, чтоб осмотреть здесь все.

Первой от удивления и восхищения очнулась, как ни странно, Атеа.

— А что будет, если она рассудит нас как-то по-другому?

Аллэивар пожала плечами:

— Либо вам отрубят головы, либо Мэг отдаст вас своим теням — это зависит от того, что она увидит.

— Замечательно просто, — пробормотала Меред, — А ничего, что Шедавар сама послала в Келерию за нами?

— Оно-то, конечно, так, — рассудительно кивнула эльфийка, — Только с самого первого дня своего существования здесь мы храним Лореотт от чужаков. Друг ли, враг ли — мы проверяем всех. Каждого, кто проник в город сам или по нашей воле. Королева Нэренавар, выбранная первой в нашем клане, повелела так тысячу лет назад, и с тех пор ее слова не ослушались ни разу. Не думаю, что Шедавар сделает исключение для вас, Небесные Дочери. Впрочем, — она усмехнулась, прищутив золотой глаз, — Я уверена, что все будет в порядке. Я верю вам. Даже тебе верю, Знающая, — она покосилась на Мару.

Ведьма, стоящая чуть поодаль, обернулась, наградила Аллэи долгим взглядом и склонила голову в жесте благодарности, прижав руку к груди. Даэн не смогла отвести глаз от нее, и ведьма заметила это. Птицу обожгло, словно Хартанэ хлестнула по лицу огненной плетью наотмашь, и сердце замерло, на один долгий миг забыв о том, что должно биться. Бес тебя заberi, как же мучительно — прикосаться к тебе только взглядом. Мучительно — и до того хорошо, боги... Мара не собиралась отводить взгляда — она и никогда не отводила, судя по всему, — и Даэн первая сдалась, поспешно отвернувшись. В сумрачном свете пещер ведьма казалась нереальным видением, и холодное сияние ложилось прозрачными тенями на ее лицо, делая ее совсем уж дивной.

Аллэи повела их в зал, позволяя хоть немного осмотреться. Даэн ловила на себе любопытные взгляды эльфиек, наблюдающих за ними. Некоторые обращались к Аллэи, что-то спрашивая у нее, и Ищущая коротко отвечала, подолгу не задерживаясь. Среди каменных построек Даэн видела вырастающие из земли сталагмиты, стремящиеся вверх. В них, словно в домах, были вырезаны окошки, входы, и тусклый свет мерцал в глубине камней.

Они направлялись к одному из таких сталагмитов — высокому, в три этажа, если не больше. Камень был весь изрыт темнеющими окошками, а на его верхушке находилась неширокая площадка. Откуда-то сверху спускались туго натянутые канаты, уходящие за сталагмит, но понять их назначение Даэн покуда не могла. Возле него дежурила молодая коротко стриженная эльфийка, со скучающим видом опирающаяся на копье. Завидев Аллэи и ее спутниц, эльфийка выпрямилась, задрав подбородок — Ищущая была выше девушки на целую голову.

— Ищущая Аллэивар! — эльфийка коротко стукнула кончиком древка об пол, приветствуя старшую.

— Вольно, часовая, — небрежно отмахнулась от нее Аллэи, — Вели опустить подъемник — я привела тех, за кем посылала королева.

Эльфийка кивнула, оглядев пришедших, а затем скрылась в темноте камня. Некоторое время ничего не происходило, а затем Даэн обратила внимание, что веревки позади

сталагмита медленно перетягиваются. Послышался тихий скрип, едва различимый среди других звуков, заполняющих Лореотт.

— Гляди, — Меред, придвинувшись к Даэн, указала куда-то вверх.

Даэн проследила за ее движением и усмехнулась. В Гильдии подъемника было два: один у Вороньего Гнезда, башни старой Гаэры, другой — у Западных Врат. Вторым практически не пользовались — зато на первом каждая Птица хоть раз в жизни, но прокатилась. Птенцы радостно визжали, когда деревянная площадка медленно поднималась вверх, и сердитые наставницы постоянно отгоняли от края самых любопытных. Ходила даже байка о том, что Хартанэ будет благоволить девочке, весь подъем просидевшей на самом краю — но старшие Птицы быстро вправляли мозги младшим леденящими кровь историями о несчастных, сорвавшихся в пропасть с подъемника. Впрочем, сама Даэн всегда любила то, как скрипят цепи на ветру, как покачивается и чуть дрожит деревянная площадка — она никогда не боялась ни высоты, ни резких порывов ветра, ни зловещего треска и скрипа механизмов.

Этот подъемник был гораздо меньше келерийского, полегче — а еще ненадежней. Конструкция казалась хлипкой, но Аллэи без промедления шагнула на деревянный настил.

— Залезайте, Небесные Дочери — сейчас увидите Лореотт. Ханавар, Дейевар, — девочки-эльфийки замерли, вытянувшись и почти не дыша, — Возвращайтесь в поселение, сообщите старшей о том, что Знающую доставили в город. Можете передать, что вас встретила я.

Старшая девочка, Дейя, кивнула, и они вместе с Ханой, укутанной в меха, поспешили прочь. Даэн забралась на подъемник, на всякий случай сильнее вдавливая массу тела вниз, проверяя доски. Должен выдержать. Следом за ней шагнули Меред и Атеа, увлеченные жизнью подземного города, и лишь потом рядом стала Мара. Отстраненная, холодная, спокойная, словно озеро в безветренную летнюю ночь, ведьма повернулась спиной к Даэн, и Птица увидела еще одну родинку — на шее, чуть выше ворота плаща. Интересно, сколько их у тебя. Даэн собиралась отругать саму себя за подобные мысли, но тут настил дрогнул под ногами, качнулся и начал медленно подниматься вверх.

Механизм оказался куда прочнее, чем показалось на первый взгляд, и вскоре Даэн расслабилась, с интересом оглядываясь по сторонам. С каждым мгновением земля отдалялась, и вскоре она смогла увидеть, что наземные постройки не разбросаны где попало, а вместе с двориками, фонтанами и площадками создают рисунок, расходясь кольцами от центра. Выбеленные временем дорожки плавными волнами разбегались от круглой площади, по периметру которой горели высокие костры. Навесы и каменные крыши, колонны, узкие террасы, арки и перекрытия — все выстраивалось в сложный, крученный узор. Даэн внимательно разглядывала круг, от которого расходились линии, сворачивающиеся в спираль. В сердце каждой спирали на белокаменной площади виднелась круглая выемка под костер.

— Колесо, — тихо молвила Мара, глядя куда-то вниз. Даэн вскинула голову и, придвинувшись ближе, тихо переспросила:

— Что? О чем ты?

— Внизу. Приглядись внимательно, — ведьма указала на площадь, — Видишь? Круг, от него — двенадцать лучей, чередуются длинные и короткие, — ее рука плавно прошла по воздуху, изгибаясь так же, как изгибалась улочка на земле. Даэн заморожено наблюдала за ладонью Мары, — Это Колесо. Думаю, что вон там, на лучах, должен гореть огонь.

— Все верно, Знающая, — подала голос Аллэи, — Колесо вращается, и в течение всего года мы зажигаем его костры — на его спицах, — Даэн слышала, что эльфийка улыбается — но улыбается печально, — Слепая Мэгарвар ведет огонь по кругу, но после нынешней Ночи Сна она не смогла разжечь первый костер. Это означает только одно: Излом.

Подъемник мягко стукнулся бортом о выступ в сталактите и замер. Канаты надежно держали его, а потому страха Даэн не ощутила. Почему-то гораздо больше подъема ее всегда пугала остановка — казалось, что в следующий миг все устремится обратно вниз, и шанса спастись не будет. Сейчас же тревоги не было. Даэн сошла на выступ следом за спутницами и позволила себе еще немного поглазеть на Лореотт.

На верхних уровнях было еще интереснее. Внизу виднелись площадки наземного яруса, а здесь же острые конусы сталактитов, украшенные резьбой, арками и галереями, соединялись между собой мостиками — веревочными и каменными. Ничего вычурного здесь не было — все казалось гармоничным, умеренным, и в то же время до того красивым, что дух захватывало. Повсюду тьму разгоняло бледное сияние — точно такое же, как захлестывающее Птичью Башню в Келерии. Там были синие стекла — Даэн помнила это. Башню она всегда любила. Внизу света было больше, да и само освещение из-за костров казалось гораздо мягче, теплее. А еще — более земное. Здесь же все казалось магическим, волшебным — и совершенно нечеловеческим.

— Сколько же времени надо потратить, чтоб так искусно обработать камень? — Меред покачала головой, оглаживая каменную лозу с острыми листьями, увивающую стену сталактита. Аллэи усмехнулась:

— Немало, это правда. Впрочем, порода здесь податливая, мягкая, и работать с ней легко — мы научились за долгие годы. Камни здешних пещер слушают нас. Да и к тому же, город помогли строить Знающие. Последняя из них — Слепая Мэгарвар. Она до сих пор помнит Лореотт пустой, затхлой пещерой, наполненной пустотой и тишью. А ныне... — она хмыкнула, поводя плечами, — Ныне наш город разросся. Клан Вар считается самым большим, главенствующим над другими.

— А есть еще? — Атеа с любопытством взглянула на эльфийку. Та кивнула:

— Есть. Пойдемте — до дворца королевы еще дойти надо. А я по пути расскажу как раз.

Аллэи повела их под своды стрельчатой арки, за которой начинались вырезанные прямо в гигантских сталактитах ходы. Даже здесь не было тихо — слышались голоса, временами навстречу им по тонким каменным лестницам спускались эльфийки, провожающие их внимательными желтыми глазами. Даэн поежилась — здешний свет, неживое мерцание кристаллов, чем-то отпугивал ее.

— Все началось давным-давно, еще когда мир был молод, — начала Аллэи, — Существовало три племени эльфов: морские, лесные и горные. Первые жили на островах, что за Призрачным морем, и на континенте почти не появлялись. В ту пору воды морей были беспокойны, и города наших морских братьев один за другим уходили в пучину. Всего за несколько веков племя морских эльфов навсегда исчезло.

— Морские эльфы? — Атеа с сомнением глядела в спину Аллэи, — Никогда не слышала.

— Я слышала, — тихо ответила ей Меред, — В Паррене очень много легенд и песен сложено о городах, ушедших под воду. Я расскажу тебе как-нибудь.

— А мне расскажешь, стриженная? — вкрадчиво спросила Аллэи, через плечо глядя на Птицу. Даэн даже в сумраке заметила, как полыхнули румянцем щеки Меред, а глаза

сверкнули яростью. Эльфийка отвернулась и продолжила как ни в чем не бывало, — В то время лесные эльфы вели борьбу с людьми за территории у гор, на юге отсюда. Война шла жестокая, и наши братья проигрывали. Тогда Эалерон, властитель лесов, обратился к королю горного племени с просьбой о помощи — не было воителей лучших, чем горные эльфы. Однако Каэнарин отказал ему, и Эалерону пришлось позорно бежать, оставив земли людскому племени. В сердце короля лесных эльфов поселилась злоба, и с каждым годом она росла все больше. Он возненавидел племя Каэнарина и поклялся отомстить ему.

Узкий коридор уперся в витую лесенку. Аллэи повела их за собой вверх, и Даэн все гадала, насколько же глубоко они сейчас в камне. Ощущение было странным — она до сих пор не могла поверить в то, что вокруг нее — толщи жесткой породы, за которой — лишь воздух. Голос Аллэи не отдавался эхом под потолком: камень глушил звуки, а потому здесь царила странная мягкая тишина, обволакивающая со всех сторон.

— Шанс отомстить появился у Эалерона много позже. До эльфийского государя дошла весть, что Каэнарин погиб на Перевале Химер — его задрала насмерть молодая мать, защищавшая детенышей. И ныне на престол горного королевства претендовали его дети и два князя, жаждущие заполучить власть. В племени развязалась война. Тогда-то Эалерон и решил ударить. Он собрал войско, взяв с собой лучших магов лесов, и двинулся сюда, к Караласской гряде. Горные эльфы ослабли за долгие месяцы непрерывных битв: старший сын Каэнарина был убит, но на престол все еще претендовала Инведаар, дочь короля. Многие города остались без защитников — лишь окружавшие их горы были щитом, да, как выяснилось, ненадежным. Когда Инведаар повела свое войско против одного из восставших князей, Эалерон напал на столицу горного королевства и смел ее с лица земли. Маги камня на камне не оставили от города, ни единой живой души, — она покачала головой, — Та же участь постигла и другие города. Эалерон не щадил ничего и никого. Когда горные эльфы наконец поняли, кто их настоящий враг, было поздно. Пал Дом Неба, пал Лин-Тианор, пали Столпы. Исчезла Эссиль, Дарравеан. Инведаар, выжившая в междоусобных битвах, смотрела, как гибнет ее государство, как земля принимает в себя ее братьев и сестер, ее города, всю ее жизнь. И тогда Инведаар решила уйти от гнева Эалерона туда, где он бы точно не смог достать их — под землю. Эльфы не могут жить без солнечного света, а потому, когда Инведаар позвала с собой немногих выживших, за ней следом пошла лишь половина. Другие сдались захватчику и стали рабами. Эалерон решил, что королевна сама найдет свою гибель в мрачных пещерах, и действительно не стал спускаться за ней под землю.

Аллэи помолчала, переводя дух, а когда заговорила вновь, в голосе ее Даэн слышала затаенную горечь, словно та пила полынное вино.

— Гибель действительно шла следом за Инведаар. Из ушедших за ней четырех сотен в живых осталось лишь пять десятков. Темнота подземелий губила эльфов, и сама Инведаар отчаялась, глядя, как один за другим умирают дети, молодые девушки и юноши, старики. Они обосновались здесь, в Лореотте. Учились жить заново. Приспособились — боги смилостивились, сделав нас такими, — она усмехнулась, проводя рукой по пепельным волосам, — Мы научились видеть в темноте. Научились обрабатывать камень. Инведаар повезло — при ней было шестеро Знающих. Они помогали строить город, лечили, делали все, чтоб племя выжило. В верхних пещерах начали выращивать зерно и овощи. Этого было мало, ничтожно мало, но... Вскоре родились первые эльфы подземелий. Дети были слабыми, и их берегли как зеницу ока — и не выпускали на поверхность. Они росли здесь, не зная солнечного света, и выходить под солнце на охоту им дозволялось лишь тогда, когда

Знающие давали на то свое согласие. Кое-как — но мы сумели выжить. Скоро город разросся, и среди соплеменников Инведаар появились те, кто захотел уйти еще глубже в горы. Другие наоборот, решили, что угроза миновала, и что они могут возвратиться на поверхность. Королева и слышать о том не хотела, но потом все же сдалась: подземелье медленно убивало и ее, а потому скоро на престол взошла ее дочь Нэренавар. Новая королева согласилась на разделение, и из Лореотта ушли на поверхность эльфы, чтоб отстроить там разрушенные города. Парни и девушки, стремящиеся увидеть солнце и ощутить ветер в своих волосах. Ныне есть лишь один наземный город нашего племени — Аэль-Роадан, город клана Эсс. Всего же кланов ныне семь: наш клан женщин, Вар, клан мужчин Ниир, клан мужчин Веон, клан женщин Даар и смешанные кланы Рель, Иан и Эсс. Лореотт — самый крупный из городов, и сюда иногда приходят женщины других кланов, чтобы остаться здесь. Кроме того, мы торгуем с Тавранией, и в Лореотт поставляют все товары. А потом уже все расходится к другим городам.

— Почему такое разделение? — Даэн нахмурилась, — Я вполне понимаю, если бы столицей оказался город смешанного клана — рождаются дети, и город процветает. Но как живут города мужчин и женщин? Должна быть преемственность поколений...

— Она и есть, — пожала плечами Аллэи, — Пещерные эльфы живут точно так же, как жили горные эльфы множество веков назад. Мы не привязаны к месту, и каждый волен уйти туда, куда ему хочется, — поймав недоуменный взгляд Даэн, эльфийка пояснила, — Подобно тому, как вы чтите своих богов, мы чтим первых эльфов, ступивших на эти земли. Ниэннавар — Защитница, Ведающая, Мать; ее супруг, Каланвеон — Воин, Отец; их дочь Ивиэрель — Дитя. Каждого из них мы почитаем в равной степени, каждому себя отдаем. Когда мы вырастаем, перед нами появляется выбор пути — путь Защитницы, путь Воина или путь Ребенка. Практически все эльфы рождены на землях смешанных кланов: там они растут, воспитываются Жрицами, получают образование. И лишь потом выбирают, по какому пути идти. Женщины, выбравшие дорогу Ниэннавар, уходят на земли клана Вар и клана Даар. Мужчины, решившие посвятить себя Воину, приходят к Веон и Ниир. Те же, кто выбирает служение обоим, остается на родной земле. Мы не навязываем своим детям собственные дороги, и, если они решили уйти, не удерживаем их — если дитя пожелает, то Жрицы отправят его в клан Вар или Ниир, например, уже хоть на пятом году жизни. Поэтому дети есть и в женских, и в мужских городах — о них заботятся Смотрящие, и живут они в Доме Смотрящих до самого совершеннолетия. Есть среди нас и те, кто хочет родить ребенка, не отдавая себя пути Ивиэрель, Пути Двоих, — тогда они просто временно уходят из своих городов, чтоб найти себе пару. Женщины возвращаются вместе с рожденными дочерьми сюда, когда дети немного подрастают, мужчины забирают сыновей. Вот и все.

— Боги, дикость какая... — тихонько пробормотала, качая головой, Атеа, — Это получается, что все дети в племени общие, в кланах женщин и мужчин нет семей...

— Семьи есть, — тон Аллэи не изменился, но Даэн почему-то прошибло ознобом, — Видишь ли, златовласка, для нас не зазорно создать настоящую семью с тем, кого ты любишь — независимо от того, женщина это или мужчина. И для нас это не дикость.

— Только пещерные эльфы почитают трех первопришедших, или же вера одна для всех племен? — задумчиво спросила Мара, до того момента молчавшая. Аллэи, которую явно задела Атеа, перевела внимание на ведьму.

— Это не совсем вера, Знающая. Это — выбор пути, и он един.

Колдунья кивнула, чуть сощурившись, и больше ни слова не проронила. Аллэи

продолжала вести их куда-то вверх, периодически сворачивая в узкие галереи, переброшенные от одного сталактита к другому. Стекол в высоких окошках не было, а в узорных стенах мерцали россыпи кристаллов. Даэн не удержалась и все-таки подошла поближе к окнам. Да, высоко мы забрались... Острые тяжелые глыбы сталактитов тянулись вниз, а еще ниже лежал наземный ярус, отсюда напоминающий огромный рисунок с движущимися по нему фигурками. Галерея уперлась в узкую открытую лесенку, вдоль которой высились белокаменные статуи. Они, безмолвные и холодные, провожали их суровыми взглядами, пока женщины поднимались к окованной железом двустворчатой двери. Аллэи остановилась на крыльце и, обернувшись к ним, многозначительно посмотрела на Атеа.

— Сейчас вы предстанете перед королевой Шедавар — а потому, златовласка, держи-ка язык за зубами, если не хочешь остаться без него. Слишком уж много говоришь того, чего не стоило бы произносить вслух.

Щеки Атеа покрылись пунцовыми пятнами. Девушка открыла было рот, чтобы возразить эльфийке, но Даэн предупреждающе вскинула руку:

— Атеа.

Лебедь нахохлилась, словно воробей под дождем, но спорить не стала. Аллэи одобрительно фыркнула, а затем, приложив ладонь к створкам двери, звучно крикнула:

— Ищущая Аллэивар, привела чужеземок к королеве.

Через несколько секунд дверь медленно отворилась. На пороге стояла хмурая женщина, всколоченная будто дворовой кот, с таким же настороженным прищуром и совершенно кошачьим разрезом глаз.

— Каких чужеземок?

Голос у незнакомки оказался низким, густым, словно мех дикого животного. Она переводила колючий взгляд с одной женщины на другую, и Даэн с изумлением поняла, что не может смотреть ей в глаза долго — ее тут же придавливало невероятной тяжестью и силой, которой она не могла ничего противопоставить.

— Посланниц из Келерийской Гильдии, королева, — Аллэи чуть поклонилась, а Даэн так и замерла. Это и есть Шедавар, владычица Лореотта? Такая молодая? — А еще — Знающую, ведунью из сердца леса. Она говорит, что пришла к Слепой Мэг. А Небесные Дочери знают ее — поэтому мы привели их вместе.

— Хвала богине, — женщина вышла на крыльцо, заметно расслабляясь. Даэн обратила внимание, что ладонь ее лежала на рукояти боевого ножа в ножнах на поясе — и лежала уверенно. Да и руки у королевы были жесткими, мозолистыми, с сетью шрамов, уходящих под рукава грубой рубахи, — Ну что же, добро пожаловать в Лореотт, — она обвела их взглядом, подолгу рассматривая каждую, — Впрочем, сначала на вас посмотрит Слепая Мэгарвар, а там уж будем говорить. Отведи их к ней, Аллэивар. Если Мэг даст добро — тогда проведешь их к Дому Пришедших, пускай отдохнут, а потом и потолкуем. А если нет... — она сощурилась, — Тогда веди ко мне.

— Да, королева, — Аллэи снова поклонилась, от чего Шедавар поморщилась, словно от зубной боли.

— И оставь это, богини ради. Терпеть не могу всю эту церемониальную шелуху — тем более, когда это делаешь ты.

С этими словами королева Шедавар развернулась и скрылась за дверью, плотно притворяя ее за собой. Аллэи взглянула на Даэн:

— Ну что ж, идемте. Поглядим, что о вас скажет Слепая Мэг.

===== Глава 13. Сны о земле =====

Синие искорки кристаллов холодили кончики пальцев Мары. Ведьма задумчиво вела рукой по стене вдоль узорной цепочки заговоренных камней и пыталась ощутить энергию, заключенную в них. И только диву давалась: странной, чуждой ей колдовской силой здесь обладало все. Каждый камень, каждый виток вырезанного узора, каждый кристалл. Город дышал энергией и словно сам ее излучал.

Ведьма не обращала внимание ни на кого: ни на Аллэи, уводящую их все выше по лестницам и запутанным переходам, ни на перешептывающихся меж собой двух девушек-Птиц, ни на Даэн. Правда, к последней стремилось все существо Мары, вся ее душа, а потому взять себя в руки было невероятно сложно — но женщина пока справлялась. В голове вертелось немыслимое количество вопросов — к Птице, к эльфийской королеве, к Слепой Мэг, к самой себе, и ведьма понять не могла, что же важнее всего из этого вороха. Сначала — дела, а потом уж будешь думать об остальном.

После того, как Занавесь и ее таинственная хозяйка остались далеко позади, Мара еще некоторое время держала курс прямо к Сестрам, не сворачивая с Северного Тракта. Постепенно сонные заснеженные холмы сменились колючими предгорьями, а вскоре на ее пути выросли скалы. Обрывистые склоны не внушали никакого доверия, да и тракт дальше шел на запад, огибая горы, а потому ведьма решила не искушать судьбу да идти по тропе. Где-то должен быть перевал или хотя бы более пологий переход, думалось ей. Перевал действительно попался — только пройти Маре не удалось: там-то ее и поймали эльфийки. Старшая из них, молодая женщина по имени Юэнавар, вела нескольких девочек на охоту к Гарварне — она же и отдала приказ двоим из них доставить Мару в Лореотт. Ведьма могла бы сбежать — благо, сила Бессмертного пела в ней, и отвести глаза эльфийкам ничего не стоило, — но все-таки решила идти за ними: Даэн говорила, что в доме горных эльфов ныне неспокойно. А если так, то ей, возможно, удастся получить хоть какие-то ответы здесь.

Мара бросила быстрый взгляд на шедшую впереди Даэн. Она совершенно не ожидала встретить ее так скоро — и вместе с тем ждала этого всей собой. В белой пелене снега, застилающего собой весь горизонт, ей виделся силуэт Птицы, в вое ветра над вершинами слышался ее голос, а все внутри пело ощущением предчувствия. Мара ждала — и Бессмертный вновь улыбнулся ей, закручивая петли своего узора так, как ей желалось. Быть может, завтра нити снова расплетутся — но пока что прозрачная рука крепко держала их вместе, и ведьме оставалось только безмолвно благодарить небо за это.

Чем выше они поднимались, тем меньше становилось кристаллов в стенах. Пропал резной узор на камне — его место заняли вырезанные странные символы. Приглядевшись повнимательней, колдунья поняла, что точно такой же (правда, более выглаженный и проработанный) украшал тесьму на лбу Аллэи. И не только ее: вязь знаков, которую ведьма прочесть не могла, встречалась всюду — на элементах одежды эльфиек, на камнях, на тонких колоннах, на двери в королевские покои. Всюду. Любопытство внутри Мары крепло с каждым шагом — а давление на виски становилось невыносимым. Чужая сила обступала со всех сторон, слепо глядела на тех, кто вторгся в ее владения, и, казалось, чего-то выжидала. Ведьма попробовала рассмотреть энергии, обитающие в доме Слепой Мэг — и удивлению ее не было предела: она не смогла ничего увидеть. Ни-че-го.

Место световых камней заняли факелы. Мара недоверчиво глядела на пламя — огонь не чадил, горел ровно, а коридор, по которому они шли, вовсе не пах дымом. Впрочем,

последнее еще не сильно удивляло — ведьма заприметила множество крохотных отверстий в потолке и стенах пещеры. Через них в пещеры попадал воздух, а потому здесь не было сыро или душно, холодно либо слишком жарко. Мара не ощущала давления камня — казалось, будто белокаменный город растет прямо из тяжелых темных облаков, по чьей-то воле принявших форму скальных глыб и спрятанных в небесной темноте. Несмотря на то, что над ними высились громады гор, здесь было просторно. Наверное, потому-то они сумели выжить. Знающие сделали все, чтоб жителям не казалось, будто они в каменной клетке.

Темнота обступала их со всех сторон, и Мара физически чувствовала ощущения других. Аллэи чувствовалась спокойной, уверенной — и в то же время осторожной. Она легонько касалась истертых символов на стенах, бормоча что-то под нос, и в каждом ее слове, в каждом жесте Мара видела почтение. Еще бы... Судя по всему, колдуны стали для эльфов самым важным звеном племени — едва ли не важнее детей. Птицы, идущие следом за ней, были напряжены — а от самой молодой из них, девчушки со светлыми кудрями, веяло страхом. И не мудрено — Мара сама немного страшилась здешних чар, опутывающих с ног до головы, таких чуждых и незнакомых. Люди ощущают магию совсем не так, как ведьмы, и от этих ощущений они готовы бежать хоть на сам край мира. Слишком непривычно. Слишком странно. Слишком запретно.

Аллэи остановилась, и Мара вынырнула из своих мыслей, поднимая голову. Коридор наконец закончился, и ведьма смогла осмотреться. Судя по всему, они выбрались к самому основанию сталактита, громадному и широкому. Ход, по которому шли женщины, обрывался у самого края, а дальше начиналась пропасть. Пещера внутри сталактита? В противоположной стене темнела арка провала, от которой к ним через пропасть тянулся хлипкий веревочный мост. Мара подошла ближе к краю выступа и заглянула вниз. Тусклый свет факелов у входа в арку и у выхода из коридора выхватывал только смутные очертания острых камней на дне. Мост казался ненадежным — только ступи, и волокна старых веревок лопнут, а изъеденные временем доски проломаются под ногами. Воцарившееся молчание нарушила кудрявая девушка:

— Погодите-ка... Мы должны пройти здесь?!

Аллэи обернулась к ней. Губы ее растянулись в ехидной улыбке.

— Нет, Пташка, ну ты можешь перелететь, конечно. Никто против не будет. Можешь попробовать перепрыгнуть, или еще чего сделать — все зависит от твоей фантазии. Только ты того, поаккуратнее будь — тут до тебя уже летали. Вон они, на камнях лежат, — Аллэи кивком головы указала вниз, — И бес бы с ними, только запах мертвечины неделями не выветривается, — она поморщилась, — А нам страдать потом.

Золотоволосая девица побледнела. Мара про себя усмехнулась: своеобразное чувство юмора Аллэи даже нравилось ей. Эльфийка тем временем первая подошла к мостику.

— Пойдете по одной. Будет немножко качать, — с этими словами женщина ступила на мост, придерживаясь рукой за веревочные перила. Веревки заскрипели, натянулись, и хлипкая конструкция опасно качнулась в сторону. Аллэи шла спокойно, будто прогуливалась по широкому тракту, и вскоре уже ждала их у проема арки.

— Эй, пошевеливайтесь там! Я не намерена торчать здесь с вами невесть сколько времени.

Мара пожала плечами. Мост не казался ей страшным — да и за спиной стоял Бессмертный, хранящий ее и оберегающий от цепких рук беды. Вряд ли бы ты завел меня так далеко, чтоб оборвать мой путь здесь. И вряд ли сплел бы меня с ней еще раз.

Обеспокоенный взгляд Даэн жег лопатки — и в то же время прибавлял сил.

В самом начале пути идти по мосту было легко — из-за натяжения веревок он практически не ходил из стороны в сторону. А вот на середине ведьме пришлось ступать осторожно, всем телом прислушиваясь к ритму, в котором раскачивался мост. Мара хмурилась: не настолько просели канаты, чтоб его так шатало. Испытание колдуньи? В некоторых сказках эльфийские ведуны специально заговаривали предметы и пространство так, чтоб испугать незваных гостей. Наверное, Мэгавар и здесь приложила свою руку.

Оказавшись на другой стороне, Мара вздохнула спокойно. Напряжение сразу же схлынуло, а пропасть показалась гораздо меньшей. А может, так оно и было? Следом за ней по мосту прошла золотоволосая, мертвой хваткой цепляющаяся за перила, потом — коротко стриженная молчаливая девушка, которую лечила Мара, и, наконец, шестивие замкнула Даэн. Птица ни разу не остановилась, не глянула вниз, и шла она так, словно каждый день только и делала, что бегала по таким мостикам на неведомой высоте. Аллэи, ни слова не сказав, тут же повела их под своды арки, за которой начиналась темнота.

Впрочем, темным ход казался лишь издалека. Внутри, хоть и на достаточно большом расстоянии друг от друга, горели факелы. К едва заметному запаху дыма примешались другие ароматы, и Мара втянула носом воздух. Жженые травы, звериные шкуры, кровь и мед... Ведьма тряхнула головой, хмуясь и сильнее натягивая рукава на немеющие пальцы: древняя магия жила вокруг, и ей, ведьме лесов, даваться в руки не хотела. Здешняя энергия была гораздо старше тех, которыми полнился подлунный мир. Теперь Мара видела ее — иную, не похожую на знакомые разноцветные вспышки-сполохи. Сила переливалась мягкими витками, густая и текучая, невесомая и обволакивающая, больше напоминающая тень. Тень — не тьму. Не страшись, ведьма. Это не зло.

Спустя четыре факела коридор закончился, упираясь в еще одну арку, завешенную тяжелой темной шкурой. Аллэи осторожно отогнула край шкуры и тихо обратилась к ним:

— Я буду ждать вас здесь.

— Ты не пойдешь с нами? — молодая Птица чуть нахмурила светлые брови, — А как же ваша колдунья поймет, кто мы? Она ведь сле...

— Атеа, умолкни, — Даэн не дала девице договорить, отвесив ей позатыльник и втолкнув ее прямо в проем. Мара не сдержала смешка, а Птица, улыбнувшись ей краешком рта, пошла следом. А затем и сама ведьма вошла в пещеру Слепой Мэгавар.

Теплый свет огня разгонял темноту — но и делал ее гуще по углам и потолку. Огонь танцевал в гнездышках на стенах, тихонько потрескивал, но ощущение уюта к Маре не приходило. На грубо сколоченном столе лежали резцы, странные инструменты, пучки трав и россыпи камней, сухие ветви и птичьи перья. Каменные полки были сверху донизу уставлены стеклянными баночками, ступками из самоцветов, древними рукописными книгами. У устеленной шкурами каменной лавки стояла прялка, а рядом — корзина с нитками, клубками шерсти, длинными иглами и ивовыми прутьями. Энергия тут вибрировала, перекачивалась тяжелыми волнами, проникала прямо под кожу — и глубже, гораздо глубже. Мара сжала челюсти, позволяя себе стать проводником для чужой энергии, и лишь потом заметила старуху.

Эльфийка сидела на лавке, перебирая на коленях какие-то камни. Мару передернуло: в сказках и легендах эльфы были вечно юными, прекрасными созданиями, никогда не старящимися. Юность Мэгавар ушла давным-давно, и ныне ничто не напоминало о былой красоте эльфийской ведьмы. Тонкие пряди белых, словно снег, волос, спадали на худые

плечи старухи, спрятанные под темным грубоотканым полотном. Морщины избородили ее лицо, открытую шею, руки с длинными узловатыми пальцами, и кожа ее казалась чуть ли не пергаментом — только тронь, и прахом рассыплется. Белые невидящие глаза смотрели прямо на пришедших, и Маре стало не по себе: колдунья не мигала, не шевелилась, но лесная ведьма не сомневалась в том, что Мэгавар видит их.

— Она хоть живая? — тихо спросила Атеа у стриженной девушки — Меред, кажется.

Раздался тихий скрипучий смех, и энергия вокруг заволновалась еще сильнее, прошлась колючей рябью по коже.

— Живая, дитя, живая, — голос Мэгавар отдавался эхом внутри черепа. Мара не сомневалась — лишь она слышит старуху так остро, всей собой, — И слышу хорошо. Это ты, небось, все спрашивала, как же я увижу вас, если глаза мои давно не видят?

Атеа испуганно покосилась на Даэн, но та даже бровью не повела. Маре стало интересно. Она знала, что слух у слепых невероятно развит — но не могла ведь Мэгавар услышать их разговор в дальних коридорах. Или могла? Слепая ведьма тем временем долго вздохнула, собрала камни со своего подола, осторожно перекладывая их на лавку, и поднялась. Несмотря на старость, Мэг была высокой — лишь чуть ниже Мары. Худые плечи ведьмы, укрытые тяжелой тканью и шкурами, ссутулились, и вся она дрожала, медленно подходя к ним поближе. Слепая Мэг вытянула к ним тонкие руки, и Мара увидела на ее запястьях нити с камнями, птичьими косточками и сложными узелками.

— Подойди ко мне, девочка. Позволь мне увидеть тебя, — она повернулась к Атеа. Птица, белая как мел, все же гордо задрала подбородок и шагнула к старухе. Морщинистые ладони осторожно легли на лицо девушки, пальцы невесомо прошлись вдоль линий ее скул, коснулись висков. Белые глаза Мэгавар были прямо напротив глаз Атеа, и Мара чувствовала: девочке страшно. Старуха между тем бормотала, крепко держа в ладонях ее лицо, — Ох, сколько гонора! Ты посмотри на нее. Молодая, зеленая совсем еще, маленький птенец... Глупое дитя. Ну, ну! Ты это брось мне, нечего тебе перья топорщить передо мной.

Атеа даже не двигалась, но на лице ее застыл испуг. Мэгавар читает ее, поняла Мара.

— Впрочем, вреда от тебя-то никакого, лебедушка. Сердце доброе у тебя. Хоть и дурное совершенно. Нетерпеливое, — старуха покачала головой и грустно вздохнула, отступая на шаг от девицы, — Уважьте старуху, дети. Не нужно меня бояться.

Следующей к протянутым рукам подошла Даэн. Старуха долго прикоснулась к ее лицу — но молчала. На один миг Маре показалось, что невидимая рука сбросила с Мэг тень, и где-то в уголках ее незрячих глаз затеплилась улыбка.

— Значит, Эланинаэ?

И ни слова больше. Эланинаэ? Что это значит? Даэн почему-то усмехнулась — видимо, она поняла старуху. В голове Мары тут же вспыхнула искоркой старая сказка про королевну, которую отец запер в высокой башне на самом краю утеса. Легенда помнилась Маре очень смутно — ведьма едва могла бы рассказать ее. Единственное, в чем женщина не сомневалась — так это в том, что в конце истории королевна улетела, обернувшись коршуном. Кажется, ее звали как-то похоже. Эланиэн... Эланиэнэ...

Из оцепенения ее вывел голос Мэгавар.

— Теперь ты, сестрица, — на ладонях, протянутых к ней, Мара увидела символы. Они закручивались по спирали, выжженные прямо на коже, вьвшиеся в нее, и ведьма сама шагнула, подставляя лицо под пальцы Знающей.

Прикосновение Мэгавар было острым, словно лезвие клинка. Мара знала, что будет так

— слишком странные силы повиновались Слепой Мэг, и слишком древняя энергия стояла за спиной эльфийки. Перед глазами волчком завертелась вся жизнь, яркими образами утекая прямо в жесткие сухие руки старухи. Мара ощутила, как болезненно раскаляется огнем позвоночник, и это пламя проникает в каждую частичку ее тела, заглядывает в самые потаенные уголки души, вымывает ее до дна. Ведьма прикрыла глаза, позволяя эльфийке увидеть всю себя — и вдруг поняла, как именно смотрит Мэгарвар.

Мир не изменился. Сквозь плотно сомкнутые веки Мара смотрела прямо в глаза старой женщине, окутанной туманным сиянием. Вся келья заполнилась серебряными тенями, силуэтами, тонкими фигурами, блуждающими вокруг, тающими и вновь возникающими из ниоткуда. Мара глядела на Мэгарвар и не могла понять, кто перед ней — старуха, юная девушка или дитя. Призрачные очертания Знающей менялись каждую секунду, и сквозь нее Мара видела сотни лиц.

Я — это все.

Королевы, воительницы, ведуньи, маленькие девочки с золотыми глазами. Тысячи жизней проходили сквозь Мэгарвар и оставались в ней.

Я — это город, его стены, его свет и его дыхание.

Туманная оболочка не скрывала сердца, бьющегося в груди старой Мэг — да только вместо сердца Мара видела сияющий кристалл, оплетенный каменными тонкими ободами, изрезанными древним узором. Этот кристалл тоже постоянно менялся, превращаясь в воздушный белый город из сталактитов и вязи рун, опоясывающей его вдоль и поперек. Немыслимо.

Мэгарвар улыбнулась ей — так Маре показалось. Ведьма почувствовала, как неведомая сила вытягивает крохотную частичку ее из собственного тела, и не подчиниться этой силе нельзя. Серебряный силуэт мягко отделился от нее, плавно перетекая в Мэгарвар, и на одно бесконечно короткое и бесконечно долгое мгновение Мара увидела саму себя — такой, какой ее видела Мэг.

В прозрачной клетке ребер, перевитое плющом, усыпанное росой, проросло дерево. Ветви его тянулись сквозь нее, пронзая тонкую оболочку, и на них мерцали вспышками болотные огни. Дерево медленно обращалось сердцем — живым, человеческим сердцем, которое вновь менялось и становилось деревом. А потом...

Мэгарвар охнула, отдернув руки. Символы на ее ладонях блеснули серебром, и Мара с изумлением успела заметить, как в их вязи появляется и впечатывается намертво еще один знак. Мэг, кряхтя, протянула руку к Меред.

— Помоги мне присесть, девочка. Слишком уж я устала...

— Ты не будешь делать так со мной, Знающая? — осторожно спросила Меред, подхватывая под локоть старуху. Та покачала головой:

— В этом нет нужды — я уже поглядела на тебя, Лару. Мне лебедушка показала тебя, — Атеа изумленно вытаращилась на Мэгарвар и повернулась было к Даэн, но женщина выразительно изогнула бровь, предупреждая дальнейшие разговоры и расспросы, — Жаль мне тебя, Лару... Очень жаль. Негоже так рано... негоже...

Бормотание старухи становилось все неразборчивее. Мэгарвар качала головой, беззвучно что-то шептала, пока Меред вела ее к лавке. Эльфийка тяжело опустилась на шкуры, зябко кутаясь в свою накидку, помолчала, а затем скрипуче молвила.

— Я живу уже много лет, дети... но я почти все забыла — все, что видела когда-либо. Разве я помню, каким было небо над моей головой? Разве помню, каким было солнце?

Здесь, в темноте пещер, я погрузилась в такой мрак, который ни смертным, ни богам неведом. Все, что я вижу — лишь тени. Тех чужаков, что оказываются в пещерах с недобрым умыслом, убивают сестрицы, а их тени остаются в подземельях — и все идут ко мне. По ночам они поют, — Слепая поежилась, — Они говорят со мной, зовут меня. Есть и светлые тени — ваши, например. Они тоже остались здесь, они защитят Слепую Мэгавар, да, защитят...

Мэг замолчала, все так же качая головой. Птицы неловко переглядывались, словно не знали, что делать — им явно было слишком неудобно в келье эльфийской ведьмы. Наконец Даэн присела перед старухой и осторожно коснулась ее руки.

— Не нам защищать тебя от теней, Знающая — мы ведь толком и не понимаем, о чем ты говоришь. Но мы здесь для того, чтоб помочь твоему племени. Чтоб защитить ваших детей. Королева Шедавар отправила нас к тебе, чтоб ты рассудила, должно ли нам вмешиваться в судьбу Лореотта. На все — твоя воля, а потому решай.

— Нет, девочка, — старуха рассмеялась, и в смех ее вплелось хриплое карканье воронов — так показалось Маре, — На все воля богов, но уж никак не моя. А раз вы здесь, раз нет в вас зла, то богам угодно ваше участие. Шеда не прогонит вас, не бойтесь. Кто там стоит, за шкурами снаружи — не Аллэивар ли? Чую, что Аллэи. Она за вас скажет королеве. А теперь пташки, оставьте меня с сестрицей, — она повернула голову в сторону Мары, — Я хочу, чтоб она рассказала мне о земле и небе.

— Как пожелаешь, Знающая, — Даэн поднялась и чуть поклонилась старухе, — Благодарим за то, что рассудила. Меред, Атеа.

Мара провела взглядом женщин, одна за другой вышедших из кельи. От ее чуткого слуха не укрылось тихое бормотание Атеа:

— Разве мы не могли ей рассказать о земле и небе? И почему она назвала Меред так странно — Лару? Что за Лару?.. И зачем ты ей поклонилась — она ведь...

— Да бес бы тебя забрал! — прошипела Даэн, не выдержав, и вытолкнула девушку из кельи, а сама скрылась следом, бросив долгий внимательный взгляд на Мару. В каменной комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь едва слышным треском факелов. Старуха только тихонько рассмеялась.

— Дети, смешные дети лета... Кто же вас убережет, горемычные...

— Мы сами убережем себя, Знающая, — Мара присела рядом с Мэг, — Это не твоя забота, и не твоя печаль.

— Что ты знаешь о моей печали, сестрица? — Мэгавар покачала головой, и пространство вокруг нее задрожало, пошло яростными волнами — ведьма кожей чувствовала их колебания, — Я давно потеряла счет годам своим, и с того дня, как мы покинули землю, печалей моих стало слишком много для меня одной. Все они здесь, — старуха вытянула руки ладонями вверх, показывая Маре жуткий узор из сотен мелких символов, выжженных на коже, — Каждая моя горесть, каждая смерть, каждый расколовшийся камень этого города. Каждый путник, пришедший со злом в сердце, каждая пропавшая в предгорьях девочка. Все страхи и надежды Лореотта, все души его — это все лежит на моих плечах. И я не имею права, сестрица, забывать хоть о ком-то, кто однажды появился в подземных чертогах клана Вар.

Мара склонила голову.

— Прости меня, Знающая. Ты верно говоришь — не мне судить о том, что должно оставаться в тебе, а что нет. Но не бери на себя лишнюю тяжесть. Мне кажется, довольно ее

итак для тебя.

Огоньки факелов мигнули, колыхнувшись от невидимого порыва ветра, и потускнели. Пещера старухи заполнилась мягкой темнотой, прозрачной, но обволакивающей. Мара ощутила, как энергия, закручивающаяся в тугие витки, льнет к рукам, любопытно цепляясь за кончики пальцев.

— Ты нравишься моим теням, сестрица, — Мэг растянула губы в улыбке, и Мара почему-то ощутила ужас, парализующий ее, — Они пока еще слушают меня — но я наскучила им. Им нужно новое сердце — моему городу нужно оно, понимаешь? Ты бы стала великолепным Сердцем. Ты бы стала дождевой водой, наполнившей пересохшее русло, и моя земля отблагодарила бы тебя, девочка... Она бы полюбила тебя так, как дитя любит мать. И даже больше. Ты — живая, дышащая, светлая, до самого доньшка чистая. Во мне уже слишком много теней и чужих жизней, слишком много не моей боли. Город знает это... он знает...

Слепыми глазами Мэгар обвела свою пещеру, медленно поворачивая голову. Мара внимательно следила за старухой, не шевелясь. Когда белый взгляд наконец обратился к ней, ведьма тихо спросила:

— Ты поддерживаешь жизнь Лореотта?

— Не совсем так, сестрица, — старуха медленно раскачивалась из стороны в сторону, и воздух вокруг них колебался, словно круги на воде, — Я и есть Лореотт. Каждый камешек и каждый дом. Нас лишь шестеро осталось, помнящих еще наземные города, ушедших сюда следом за Инведаар... Ты бы знала, сестрица, как плакало небо, когда последний из горных эльфов скрылся в затхлой темноте здешних пещер! Как рыдали наши сердца! Темнота и тени пожирали нас — и тогда Знающие решили между собой, что отныне мы будем отдавать себя силе здешнего края взамен на жизнь нашего народа. Мы кормили их нашей памятью о солнце, о горном ветре, о смеющихся ручьях. Мы подносили им сны о земле, которая испокон веков была нашей. И тени послушались нас. Мы строили Лореотт с их помощью — камень подчинялся нашим мыслям и нашим рукам. Я могла изменять его по своей воле, создавать мосты, пещеры в сталактитах, зажигать внутри кристаллов свет... Нас было шестеро, когда эльфы пожелали построить и другие города. Мои сестры ушли следом за теми, кто основал подземные кланы. И весь Лореотт начал пить меня. Я строила его, продолжаю строить и ныне — но взамен он забрал всю мою память о свете. У меня ничего не осталось, сестрица...

Ее горечь растеклась вокруг, словно капля чернил упала в воду, изменяя ее цвет. Мара чувствовала всей собой непомерную тяжесть печали и грусть Слепой Мэг.

— Я стала сердцем Лореотта, — продолжала эльфийка, — Но всякому сердцу суждено однажды остановиться. Мой час тоже близится. Я учу ныне четырех девчонок — но едва ли хоть одна из них сумеет продержаться больше пяти сотен лет; ни одна из них не сможет прокормить их, — старуха вытянула руку, и Мара увидела, как энергии тянутся к ней, словно дети к матери — или голодные псы к еде, — Впрочем, нет, одна сумеет. Белая моя девочка сумеет — но то не твоя забота... Эта сила гораздо древнее тебя и меня, она живет под землей и высоко в небе, на пороге дома богов. И лишь сильное сердце сумеет управлять ею. Сердце, помнящее свет.

Старуха замолчала, а перед глазами Мары вспыхнул черным пламенем образ: она, заключенная в светлый камень в самом центре Лореотта, тихо дремлет, и по венам ее текут сны и память — стекают с ладоней тяжелыми каплями, сияющими в темноте, и

впитываются в скалы. И город живет, город дышит, и она, словно сердце, качает свою жизнь внутри его несуществующих жил.

— Я понимаю, к чему ты ведешь, Знающая. Только вот мое сердце уже давно принадлежит тому, у кого нет имени и лица, и кто сам — пустота. В моем сердце прорастает моя земля, прости уж. И бросить ее я не могу. У меня своя дорога, и она не заканчивается здесь.

Слепая Мэг протянула руку и безошибочно нашла ее ладонь. Как и прежде, прикосновение старой ведьмы обожгло кожу Мары — но руки та не убрала.

— Я могла бы забрать тебя, сестрица. Знаешь ведь? — она сжала цепкие пальцы, — Не спрашивая, против твоей воли — и сама бы ушла на покой. Во мне не осталось ничего, лишь выжженная пустошь, а они все просят и просят, им все мало. Но что я могу им дать еще? — Мэгар горько вздохнула, — Когда ко мне приводят путников — таких, как вы — я запечатываю в себе их воспоминания, чтоб продержаться хоть еще немного. Но это не жизнь, сестрица... Не жизнь и не смерть. Мне нет покоя уже столько веков...

— Каждая из нас несет свою ношу, Мэгар, — тихо заметила Мара, аккуратно отпуская руку старухи, — Ты ведь знала, на что идешь. Если я могу чем-то помочь тебе — то помогу. Но не мне идти по твоему пути. Мне нужно повернуть Колесо, потому-то я и пришла к тебе. Даэн сказала мне, что здесь где-то в предгорьях пропали девочки, и что ты чуешь диких. Расскажи мне все, что знаешь, Мэгар, и я помогу тебе, чем смогу.

— Я не смогу рассказать тебе, сестрица — мои глаза слепы. Тени знают, но сегодня я слишком устала, чтоб звать их. Да и ты с дороги, тебе тоже следует отдохнуть. Приходи завтра к старухе Мэг — и я покажу тебе все, что видели мои тени.

— У меня нет времени, Знающая, — ведьма неосознанно дотронулась до ран на руке, спрятанных под плотной тканью рукава, — Я не могу ждать долго.

Старуха помолчала, сложила руки на коленях и снова вздохнула:

— Времени сейчас итак нет, сестрица — на Изломе оно замирает, и ни одна песчинка не пересыпается из чаши песочных часов богов. Я стара и слаба, и сил моих едва ли хватает на то, чтоб мой город жил. Если тени выпьют меня до самого дна, Лореотт начнет разрушаться. Погаснут кристаллы, и дети пещер будут медленно умирать здесь. Я не могу допустить этого. А потому не могу помочь тебе прямо сейчас. Разве что, — она как-то странно склонила голову набок, и белые ее волосы скрыли лицо, — Запомни одну истину: каждый миг твоей жизни — и есть «сейчас». И завтра, когда ты придешь ко мне, будет то же самое «сейчас», что и ныне.

Что же... Раз так — значит, всему свое время.

— Да будет так, Знающая, — Мара поднялась было с лавки, но Мэг вдруг резко ухватила за ее рукав, комкая его в пальцах, и с тихой мольбой в голосе молвила:

— Лишь об одном попрошу тебя. Расскажи мне... расскажи, чтоб я видела сны о земле.

Голос ее затих, и звук погас в тишине подземелий. Мара вновь села рядом с ней, позволяя жесткой ладони Слепой Мэг цепко впиться в запястье.

— Хорошо, Знающая.

И Мара рассказала. О том, какие ныне рассветы над родными горами старухи — бирюзовые, морозные, с тающими осколками звезд в глубине высокого неба. О том, как ветер срывает листву по осени с шершавых ветвей и роняет ее на недвижимую гладь прудов и задумчивых сонных озер. О том, как пахнет папоротниками и мхами в дремучих чащах Гарварнского леса, о том, как засыпает мир на зиму — и как вновь расцветает весной. В

каждое слово свое ведьма вложила все, что могла — цвет и запах, вкус, образ. Она чувствовала, как тени, собравшиеся вокруг них в полутемной пещере, пахнувшей древними силами, чутко слушают, жадно ловя каждый образ.

Наверное, все же моя кровь будет течь в твоих венах, Лореотт.

Пламя факелов вновь стало ярче, ровнее. Мэгарвар сидела, не шевелясь, но тихий шепот в голове Мары упрямо твердил: оставь ее. Уходи. Пусть побудет одна. Ведьма тихо выскользнула из кельи, и, как только тяжелая шкура скрыла обитель Слепой Мэг, направилась по коридору прочь, к веревочному мостику. На выступе рядом с креплениями канатов сидела Аллэвар, свесившая ноги вниз в пропасть и что-то насвистывающая. Заслышав шаги за спиной, она, не оборачиваясь, протянула:

— Ну наконец-то — я уж думала, что Слепая Мэг почуяла в тебе недоброе. Она ответила на твои вопросы, Знающая?

— Нет, — Мара прислонилась спиной к камням, откидывая голову назад и закрывая глаза, — Сегодня она устала — а потому я приду к ней позже.

— Что ж ты так долго тогда? — Аллэи поднялась, — Ты два часа с ней сидела после того, как я провела Небесных Дочерей к Дому Пришедших!

— Я рассказывала ей сказки, — Мара тонко улыбнулась, не открывая глаз, — Вернее, быль. Ей не хватает солнца и неба. Приходите к ней почаще, Аллэвар — она тоскует по тому, чего ей уже не увидеть. Потешьте ее сердце. Помогите нести ей бремя, которое она тащит на себе.

— Говоришь загадками, Знающая, — Аллэи прищурила единственный глаз, но ничего враждебного в этом жесте не было, — Впрочем, я поняла тебя. Будем приходить почаще, коли надо. Ладно уж, — она ступила на мост, — Идем — тебе наверняка хочется смыть пыль да поспать наконец на нормальной постели. А там уж разберешься со своими делами.

Темный провал пещеры Слепой Мэг остался за спиной. Вскоре факелы вновь исчезли, сменившись кристаллами — которые, как теперь казалось Маре, сияли ярче. Их свет не резал глаза, но и его вполне хватало, чтоб разогнать тени прочь — и, думалось ведьме, город сегодня будет видеть дивные сны. Город снова напьется жизнью.

==== Глава 14. Шаг навстречу =====

В Доме Пришедших, огромном сталактите, изрезанном ходами, арками и галереями, царил мягкая тишина. Она обволакивала все вокруг, и шаги под каменными сводами звучали гулко и как-то неестественно. Как и шелест ткани по мраморным ступеням, как и голоса эльфиек — хриплые, низкие, богатые интонациями. Словно чья-то рука создала дворец тишины, а затем его нашли смертные и наполнили своей жизнью.

Королева Шедавар тоже выглядела неестественно здесь, среди белых колонн и стрельчатых арок. Мара могла представить на ее месте тонкую лесную эльфийку, легкую словно перышко, с искусно заплетенными волосами и драгоценными нитями, обвивающими нежные руки. Такой образ вписался бы в здешние белые залы гораздо лучше... Однако королева совсем не походила на изящное создание из человеческих легенд: скорее уж, на опасное оружие, пугающее и завораживающее одновременно.

Она пришла вскоре после того, как Аллэвар привела Мару в Дом Пришедших. Эльфийка оставила ее в общем зале, на открытой террасе, откуда можно было рассмотреть весь Лореотт. Тонкие колонны обвивала каменная лоза с россыпями кристаллов, в центре зала стоял круглый столик, целиком вырезанный из скальной породы, а вокруг него — точно такие же лежанки, застеленные светлой тканью. На одной из таких лежанок растянулась

Атеа, методично уплетающая тонкие ломтики сыра, принесенного эльфийками. Ее стриженная подруга разглядывала узор на камне, ведя вдоль него пальцами. А Даэн, опираясь руками на высокие перила, разглядывала город сверху. Когда Мара вошла, женщина обернулась, и на лице ее мелькнула радость и еще что-то, неуловимое и прозрачное — словно камень с ее души свалился. Ведьма подошла к ней, провожаемая цепким взглядом златоволосой Птицы, и встала рядышком, так же облачиваясь на перила.

— Все в порядке? — Даэн не глядела на нее, и боковым зрением Мара видела ее гордый профиль. Точно птица.

— Да, — ведьма кивнула, запоздало сообразив, что и сама не знает, зачем сейчас подошла к Даэн. В голову не шло ни единого слова, — Удивительное место.

— Удивительное, — Даэн кивнула, усмехнувшись, — Никогда бы не подумала, что города пещерных эльфов... такие.

— Не ты первая изумляешься, Небесная Дочь, — Мара и Даэн одновременно развернулись, чтоб встретиться взглядами с королевой Шедавар. Та вошла бесшумно, словно кошка на мягких лапах, такая же плавная и настороженная, и теперь золотой взгляд внимательных глаз скользил по лицам пришедших женщин. Атеа неуклюже вскочила, вытянувшись струной, рядом с ней стала Меред. Даэн, подойдя ближе к королеве, склонила голову.

— Королева Шедавар. Прошу прощения, если мои слова обидели тебя или как-то задели честь твоего народа...

— Не обидели, — хмуро отозвалась эльфийка, проходя к столику и опускаясь на одну из лежанок, — Чего встали-то? В ногах правды нет, садитесь. Я не Жрица, чтоб при моем приближении все вскакивали с места и сгибались в земном поклоне.

Девушки тут же послушно присели напротив нее, стараясь не глядеть королеве в глаза. Мара же, наоборот, внимательно разглядывала эльфийку. Если Слепая Мэг была сердцем Лореотта, могла ли Шедавар быть чем-то подобным? И если да — то чем? Золотые внимательные глаза королевы смотрели в самую душу, и вряд ли бы кто-то сумел солгать ей или утаить от нее даже самую малость. Широкая тесьма, уходящая под волосы, темнела вязью тех самых символов, что украшали стены дома Слепой Мэг — и тех же, что въелись в ладони эльфийской колдуньи. От уголка правого глаза к виску и вниз вдоль скулы тянулись черные, вытатуированные на коже руны. Мара не удержалась, потянувшись к ней, к этим символам, ниточками энергий — но ничего необычного не ощутила. Разве что волны силы от королевы шли невероятные.

— Я благодарна Гильдии за то, что вы не стали игнорировать нас, — Шедавар бросила быстрый взгляд на Даэн, — Лорелей верна своему долгу — и мы ценим это.

— Мы сделаем все, что сможем, королева, — кивнула Даэн, — Но нам нужна информация. Мы знаем лишь то, что несколько девочек, ушедших на охоту в близлежащие леса, так и не вернулись домой.

— Да. Первая пропала около двух лун назад — девочка клана Эсс, ушедшая из Аэль-Роадан за дичью. Обычно молодые ходят на охоту парами или небольшими группами, но та ушла сама. Когда весть пришла в Лореотт, мы не особо обратили на это внимание. Девчонка могла уйти в другой клан, думали мы. Нас это не касается, — пепельные брови Шедевар сошлись к переносице, — Я была глупа и слепа. Мэгар предупреждала меня: что-то не так. Со стороны леса пришли иные ветра, говорила мне Слепая Мэг, и нужно быть настороже. Я лишь смеялась ей в лицо — последний Излом был совсем недавно, всего-то полвека назад.

Тревожиться мы начали, когда после Ночи Сна Знающая не смогла разжечь огонь на первой Спице.

Догадка Мары подтвердилась. Внизу, на городской площади, витые переулки действительно были Спицами в Колесе. Столько знаков придумано тобой, Бессмертный. Ты предупреждаешь нас нашими же руками. Шедавар продолжала:

— Следом за девчонкой клана Эсс пропали наши дети. Трое, будущие Ищущие — ушли с учебной разведкой и не вернулись к положенному сроку. Мы послали по их следу Старших Ищущих, и те тоже исчезли. След вел на северо-восток, и обрывался в лесу близ предгорий. После этого пропала молодая женщина, ученица Мэгавар — старуха зачем-то послала ее на поверхность, «искать солнце», как она мне объясняла, — желваки на скулах Шедавар заиграли, — Уж не знаю, что там искала молодая Знающая, только солнце вряд ли нашла. После нее было двое наших и, по словам Слепой Мэг, несколько детей клана Рель и клана Ниир. И последний раз — около недели назад, две девочки Лореотта.

— Вы знаете, что дети пропадают, — тихо заметила Даэн, — Почему тогда Мару привели маленькие девочки? Вы позволяете им спокойно бродить на поверхности, когда любой из них может угрожать опасность?

Королева поднялась с места и принялась расхаживать по залу. Вид у нее был такой, словно Шедавар всеми силами сдерживала ярость, клокочущую в груди.

— Я — не позволяю. Но Жрицы-Наставницы не подчиняются мне, якобы ссылаясь на волю Ниэннавар. Молодые еще хоть с головами на плечах, пытаются увещевать старых клуш, но те непреклонны: мол, обучение должно продолжаться, и плевать, что там — снежные обвалы, мор или стая диких у самого входа в пещеры. Мол, Ниэннавар уберезет своих детей, и на все ее воля. И если уж девочки исчезли, то так должно было произойти, и никаких диких духов в окрестностях нет. Ну конечно. А Слепая Мэг на старости лет просто выжила из ума, утверждают они, вот и чует диких, которых на самом деле не существует. А огонь Мэг не смогла зажечь потому, что сил в ее руках никаких не осталось.

— Ни в коем случае не хочу обидеть тебя, королева, — Мара чуть склонила голову, — Но если жрицы не подчиняются тебе, то как ты можешь править городом? Мне казалось, что власть правящего должна касаться каждого, если уж город живет по таким законам.

— Есть исключения. Королева не повелевает Знающими и Жрицами. Знающие пришли сюда вместе с первыми подземными эльфами, а потому даже короли не имеют права вмешиваться в их действия. Знающие слышат то, что сокрыто от нас. А Жрицы — это особая каста. Они рожают детей, обучают их, имеют право оспаривать королевские решения, если те касаются той или иной касты. Жрицы выбирают королеву, когда прежняя умирает. Сейчас у нас — как бы так выразиться — война, — Шедавар недобро усмехнулась краешком рта, — Я пытаюсь увещевать их, перетягивая на свою сторону молодых Жриц, а ополоумевшие старухи всеми силами мешают мне. Устраивают переполох, и пока я иду разбираться с ними в их покои и в очередной раз пытаюсь воззвать к голосу разума, отправляют маленьких разведчиц на задания, на охоту, еще бес знает зачем... А Стражницы пещер не знают, что им делать — с одной стороны, слово Жрицы, с другой — мое. Против Жриц они пойти не могут — кастовый порядок, и их слово гораздо чаще перевешивает мое. Немногие ослушиваются их; Аллэивар только, да еще несколько эльфиек из моего окружения. В общем-то, все это было бы крайне смешно, если бы не было так страшно.

Действительно, Мара ощущала страх. Лореотт, город из тонких колонн и мерцания, боялся — это чувствовалось кожей. В тихом шепоте ветерка, проникающего в пещеры

тонкими нитями сквозь входы и отверстия в стенах, слышались тревожные нотки. В золотых глазах эльфиек, провожающих их молчаливыми взглядами, читалась мольба, просьба о помощи. Именно это так сильно сковывало Мару здесь, не давало вздохнуть свободно — чужой страх.

Даэн встала напротив королевы, сложив руки на груди. Вид у нее был задумчивый, словно женщина принимала для себя какое-то решение.

— Чего ты хочешь от нас, королева?

— Доказательства, — Шедавар посмотрела на нее, — Мне нужно знать, что это — действительно дикие. Нужно, чтоб вы пошли по следу и дали мне наконец ответ, который я смогла бы показать Жрицам. Если вы поможете мне убедить этих безумных, наши дети будут в безопасности. Мы оградим их от беды, насколько сможем, приостановим их обучение. И, — золото в ее глазах сверкнуло, — Наши воины станут рядом с вами плечом к плечу, когда начнется Дикая Охота. Я сама поведу свой клан туда, куда нужно будет. Воины клана Вар помогут вам, если вы поможете нам сохранить жизни наших детей. Их слишком, слишком мало, а потому каждое дитя для нас дороже целого мира. И только представьте, сколько миров мы уже потеряли.

Воцарилось молчание. Даэн некоторое время обдумывала слова Шедавар, а затем кивнула:

— Да будет так, королева. Вот только... ты уверена, что наше слово будет иметь вес против слова Жриц? Если они и тебя слышать не хотят, то где гарантия, что услышат нас?

— Вы станете последней каплей — половина Жриц уже итак на моей стороне. Те, кто остается против, не желают меня слышать лишь из упрямства и собственной гордыни — мол, живут они гораздо дольше меня, а потому и знают лучше. Они не верят, что настал новый Излом. Мы не забыли, как Гильдия спасла целый город во время второго Излома — Аэль-Роадан, тогда еще совсем крохотный. Жрицы помнят, сколько Небесных Дочерей тогда пало, защищая наше племя — а потому мы в неоплатном долгу перед вами. И вашему слову они поверят, — Шедавар протянула руку Даэн.

— Ну что ж, — ладонь Птицы ухватила за руку и крепко пожала ее, — Да будет так. Я обещаю тебе, Шедавар, что мы сделаем все, чтоб ни одно дитя твоего племени не погибло от руки дикого.

— Благодарю тебя, Небесная Дочь, — королева стиснула ладонь Даэн, а затем хлопнула ее по плечу — да так, что Птица качнулась, — Я попрошу вас долго не задерживаться здесь. Не сочти меня негостеприимной — я лишь боюсь за свое племя. Чем скорее Жрицы поймут, что дело плохо, тем лучше.

— Не тревожься — мы пробудем в городе около суток, восстановим силы и двинемся на поиски. Рассиживаться не будем. Но после того как все закончится, я упрошу тебя, королева, выпить с нами. В Гильдии о ваших напитках легенды ходят, — Даэн ухмыльнулась, и ведьме почему-то стало тепло-тепло — словно кто-то светлый набросил на плечи огромный платок, да еще и приобнял.

— Выпьем, непременно. Еще потом весь свой век вспоминать будешь, как напилась с королевой в пещерах Лореотта! — расхохоталась Шедавар, и улыбка смягчила резкие черты ее лица, сделав королеву невероятно красивой. Словно самоцветный камень в серой твердой породе, мелькнуло у Мары в голове. Королева взлохматила рукой и без того растрепанные волосы, а затем взглянула на ведьму, улыбнувшись ей.

— Аллэивар сказала, что у тебя есть дело к нашей Знающей — и что ты тоже можешь

помочь нам и Небесным Дочерям. Я уж не знаю, зачем ты идешь к Сестрам — но здесь можешь находиться ровно столько, сколько пожелаешь. Ты вольна уйти, когда захочешь, Знающая.

Мара вновь поклонилась Шедавар.

— Благодарю тебя, королева. У меня немного времени — поэтому и я долго не задержусь в твоих чертогах.

Эльфийка кивнула:

— Хорошо. Ну, бывайте — не буду больше тревожить ваш покой. Сообщи мне, когда соберетесь идти по следу, — серьезно взглянув на Даэн, молвила Шедавар, а затем, размашисто шагая, вышла из Дома Пришедших. Атеа проводила ее восхищенным взглядом и, как только дверь за спиной эльфийки закрылась, выдохнула:

— Боги, какая женщина! Меред, ты видела, как она держит себя?.. Какая силища от нее идет! А какая у нее походка!

— Тебе лишь бы увиваться за кем-то, — пробурчала коротко стриженная девушка, отходя от подруги и делая вид, что вновь увлеченно рассматривает узор на камне.

— Да за такой не увьешься... — вздохнула Атеа, снова вытягиваясь на лежанке, — К тому же, Меред, нужно знать себе цену — я не должна ни за кем увиваться. Я должна сделать так, чтоб она увивалась за мной, — лицо девчонки стало совершенно хищным. Даэн хмуро зыркнула на нее, складывая руки на груди.

— Не знаю, что ты там собралась делать, но лично я сделаю все, чтобы этого не произошло. Ты уже совсем совесть потеряла, Птица. Можешь думать о чем-то другом? Всю дорогу от самой Серой Топи мы твердим тебе, что сейчас не время и не место глазками хлопать да мурлыкать, будто кошка по весне, а до тебя все не доходит.

Мара тихо усмехнулась. Девчонка вся подобралась, зашипела и принялась переругиваться с Даэн, та отвечала ей нехотя — мысли ее явно были далеко отсюда. Вскоре к разговору присоединилась и Меред, рассудительная и тихая, словно ласковая речка, и для ведьмы в зале стало слишком шумно. С открытой террасы вглубь Дома Пришедших вел неприметный коридор, где Мара поспешила скрыться. Аллэивар говорила ей, что выше зала находятся комнаты для путников, где никто ее не потревожит.

В небольшой уютной комнате царил тишина и бездвижье времени. На полу у очага, ныне темного, лежали толстые теплые шкуры, чтоб камень не охлаждал босые ноги пришедших — и шкуры же лежали на постели и широкой лавке. Стены украшали узорные мозаики из белых гладких камешков и самоцветов вперемешку. Стол и маленькие креслица вокруг него были из дерева — кажется, ивовые. Кристаллов здесь не было — лишь факелы, как и в пещере Слепой Мэг. Мягкий свет огня успокаивал, и, если закрыть глаза, можно было даже представить, что вокруг — не камень, а родные деревянные стены, и где-то в соседней комнате в плетеном кресле спит кошка. Сейчас произнесешь ее имя — и она появится в комнате, словно по волшебству, замурлычет и уткнется тяжелой головой куда-то в ладонь, жмуря золотистые глаза.

Мара вздохнула, отгоняя от себя видение. Ширра не появится — что там тешить себя пустыми надеждами да душу беречь воспоминаниями? Надеюсь, что с тобой все в порядке, несносная. Мир заслуживает того, чтоб ты и дальше пела ему баюльные песни по ночам.

Ведьма позволила себе скинуть одежду и опуститься на мягкие шкуры, устилающие кровать. Тело, изнуренное долгим путем, расслабилось, и только сейчас Мара осознала,

насколько же устала за эти дни. Каждая частичка налилась плавленным свинцом, и женщина поняла, что все-таки дорога отняла гораздо больше сил, чем ей казалось. Шрамы жгло пуще прежнего, голова нещадно гудела, а долгожданный покой все никак не приходил. Сны, видать, тоже будут беспокойными.

Маре не хотелось спать. С тех пор, как ведьма покинула Лойнар, ей снились странные, темные сны, короткими обрывками остающиеся в памяти. Женщина не помнила образов, не помнила ни единого ощущения оттуда, но жуткое чувство падения и тупая боль, сворачивающаяся в животе тугим комком всякий раз, когда она криком просыпалась, были неизменными. Это пугало ее — Бессмертный не слышал ее тихих молитв на этот раз, и кошмары не прекращались. Единственным выходом в такой ситуации оставался сон-без-сна.

Это было даже приятно. Стоило только отыскать в груди теплую, огненную точку, наполненную пустотой и благодной тишью, как все внутри замирало и затихало. Исчезали все посторонние вибрации, дрожь, пронзающая пространство, уходила, и все тело начинало успокаиваться. Больше всего это напоминало растворение — будто бы она, находясь в воде, сама становилась водой, и все тревоги отступали прочь, за пределы реального мира. Закрывая глаза, Мара видела, как ее тело медленно движется сквозь прозрачное, густое пространство, в котором нет форм и образов — и наполняется светом.

Иногда к Маре приходили гости. Лунноглазые, тонкие и эфемерные, они подходили к ней, с мягким интересом разглядывали ее и снова исчезали в туманах своего мира, такого непонятного ведьме. Она и сама не помнила, как так получилось, что она отыскала эту тропу на пересечье энергий и образов — кажется, тогда она была еще ребенком, маленькой усталой ведьмой, на плечи которой свалилось слишком много всего. И тогда Бессмертный однажды привел ее сюда — хотя Мара не покидала дома своего в тот момент. Иногда ей даже казалось, что именно здесь и проводят духи всю зиму, ожидая новой весны. Кто же знает, где ты прячешь детей своих?

Ведьма не знала, сколько времени пролежала так, недвижимая и тихая — но когда наконец открыла глаза, свет факелов все так же озарял ее комнату, мягко роняя теплые тени вокруг. Мара повернула голову, позволяя телу привыкнуть к новым ощущениям, и поглядела на длинные рубцы, украшающие предплечье. Рваные края ран давным-давно срослись — грубо, некрасиво, но ведьме дела не было до красоты. Такая память не исчезает — и всем сердцем Мара благодарила небо за нее. Иначе быть бы мне сейчас в родном лесу, у теплого очага, где так хорошо да спокойно...

С усилием Мара поднялась с кровати, отыскивая в походной сумке длинную чистую рубаху. Из комнаты можно было выйти в купальню — а ей не помешало бы смыть дорожную пыль. К тому же, вода все беды снимает, все горести и печали, все темное. Стало быть, и ей, быть может, станет лучше.

Теплый пар поднимался от круглых источников, неглубоких и темных. Мара не сомневалась — здесь точно потрудилась Слепая Мэг: не могла вода оказаться внутри камня, да еще вот так вот... Отсветы факелов танцевали на беспокойной воде, рассыпаясь сотнями огненных бликов, и Мара некоторое время заворожено наблюдала за ними. Сложив одежду на деревянную лавку у стены, женщина осторожно подошла к краю одного из источников и нерешительно присела рядом, окуная ладонь в горячую воду. Непривычно горячую — в лесу летом вода в прудах и озерах приятно холодила кожу, да и дома Мара никогда не нагревала ее так сильно. Впрочем, разницы-то никакой...

Ведьма соскользнула в источник, усевшись на выступ в воде и откинув голову на край, и

наконец расслабилась. Волосы тут же отяжелели, облепили тело, но Мара не обращала на это никакого внимания — внутри разлилось золото. Покой, такой нужный и желанный, все-таки пришел к ней.

Мягкие клубы пара напоминали туман. Мара прикрыла глаза, усмехаясь про себя: она помнила золотое поле у самой кромки леса — по утрам над полем жарким августом стоял такой же туманный свет, рыжеватый и рассеянный. Ледяная роса цеплялась за подол, и на пыльной дороге оставались влажные отпечатки босых ног. Вдоль дороги зелеными завитками тянулась повилика, а где-то среди колосьев терялись голубые лепестки льна, сиреневые колокольчики и ароматные веточки шалфея. Там, среди этих золотых волн, пригибающихся к земле под теплым рассветным ветром, танцевали духи утра — пранайи. Кутаясь в солнечные туманы, словно в одежду, молодая пранайя смеялась, кружась в танце и откидывая голову назад, и лучами казались ее волосы, и с рук ее на землю падала роса.

Деревенским детям запрещают ходить на дальнее поле — мол, там нечистая сила бродит. Заманит, заведет туда, где трава выше человеческого роста, а потом сгинет — и блуждай себе, пока погибель свою не встретишь. Только ведуньи знают, что нету зла в сердце светлого духа, по утрам танцующего под первыми лучами солнца и славящего свет небесный. Ведуньи деревенские ходят вдоль кромок таких полей, расбрасывают зерна да сухие лепестки огнецвета, и приговаривают:

— Прана-пранайя, утренняя зорька, вдохни жизнь в землю; пускай всходы растут, растут, да не вянут, пускай добрым будет урожай.

И прана-пранайя до самой осени хранит поля, вдыхая в каждый колосок, в каждое зернышко свою силу, и золотая пшеница наливается под ее благостной рукой.

Мара открыла глаза, ощущая на собственных губах улыбку. Она тоже встречала духов полей по утрам, на дальних лугах. Они смеялись, словно серебряные колокольчики, и сердце от звуков их голосов наполнилось радостью. Мара после того заплетала в косу колокольцы каждое лето, в пору звездопадов, когда золотые искры катились по небосклону и падали в те самые поля. Ведьма по утрам танцевала вместе с пранайями, славилась солнцу, и сердце в груди пело оттого, как же все это верно, как правильно и хорошо. Ныне ленты с медными колокольчиками остались лежать дома, в сундуке, рядом с белым платком, ритуальным кинжалом и букетиком сухих полевых цветков, все еще пахнущих сладостью и горячим ветром. Мара не знала, вплетет ли еще однажды в волосы колокольцы — но надеялась, что Бессмертный позволит ей рассказать пранайям, что она не бросила их, что она по-прежнему здесь, и что дух ее все вечности будет рядом с ними.

Пар все поднимался от гладкой поверхности источников. Подтянувшись на руках, ведьма вынырнула из воды, усевшись на край источника и свесив ноги в воду. Мягкие круги, расходящиеся во все стороны от ее движений, докатывались до самых краев и исчезали в клубах пара. Здесь пахло водой, чистотой, дымом — а еще совсем немножко пахло летними травами. Или это в волосы твои вплется этот запах, ведьма? Мара давным-давно не отделяла от себя запахи и шорохи леса, сроднившись с ними целиком и полностью. И это было славно.

По спине пробежался холодок, словно кто-то впустил в купальни ветер, и кожа тут же покрылась мурашками. Я не вижу, но ведаю, говорилось в старой книге, оставшейся в родном доме — и Мара ведала, кто пришел сюда.

— Прости, я не знала, что ты здесь, — глухо пробормотала Даэн. Мара обернулась, глянув на нее через плечо. Птица замерла у двери, отвернувшись и старательно пряча глаза.

— Я уже собиралась уходить — здесь слишком тепло. Сморит еще, а там и захлебнуться недолго, — не глядя на Танцующую, ведьма подошла к лавке и натянула чистую рубаху. Волосы, все еще мокрые, неприятно холодили спину. Даэн бросила на нее быстрый взгляд и, убедившись, что ведьма одета, прошла к источнику. Птица переоделась, и теперь на ее открытых плечах Мара видела глубокие борозды-шрамы, так странно смотрящиеся на белой коже. А еще руки ее и плечи были усеяны бледными веснушками — теми же, что Мара помнила еще с детства, — А ты все такая же, солнышком поцелованная, — ведьма улыбнулась ей.

Даэн проследила за ее взглядом и поморщилась, все же улыбаясь в ответ.

— Ну да. Вечная напасть. А летом, когда волосы туго затягиваю, даже уши в веснушках, — Птица расплела косу, и теперь черные локоны тонкими завитками укрывали ее плечи, спускаясь до самого пояса. Женщина зачерпнула воду из источника и плеснула себе в лицо, довольно жмурясь и фыркая, — Боги, как же хорошо... Я уж думала, что до самой Гильдии придется всю пыль да грязь на себе носить. Снега хоть и много вокруг, а особо не понежишься в нем-то, как в воде.

Мара согласно кивнула: стало намного легче.словно вода очистила не только тело, но и душу. В голове снова всплыл светлый солнечный образ кружащейся пранайи, раскинувшей руки в стороны и залиvisto хохочущей.

— Мара...

Ведьма подняла голову. Даэн смотрела на нее внимательно, и капельки воды сверкали золотом на ее волосах, обрамляющих лицо, в свете огней.

Трещинка в камне, похожая на силуэт птицы...

Капельки воды на корнях, мерцающие в свете фонаря...

— Зачем ты здесь? Я знаю — что ты ищешь, то найдешь в конце, и не мне с тебя спрашивать, куда и зачем ты идешь, — что-то в словах Даэн обожгло ведьму пламенем, горячей смолой, и растеклось по венам и сосудам, — Но все же... Ты говорила, что если твоему богу будет угодно, то я все узнаю. И мы снова встретились — здесь, в Лореотте, так скоро, хоть я вовсе не надеялась на это, и вовсе этого не ждала. Так быть может, ему угодно?

Она вдруг затихла и опустила голову, а затем добавила — едва слышно, надтреснутым тихим голосом:

— Мне бы хотелось послушать тебя.

Отчего-то на душе стало тепло и ласково. Мара подошла к Птице — так близко, что могла бы рассмотреть узор на радужке ее глаз, впившихся в нее тяжелым темным взглядом. Мягкие отсветы на лице Даэн едва заметно дрожали — и так же, едва заметно, дрожало сердце Мары. Болезненной и теплой нежностью, мягким трепетным светом и невыразимо тонким чувством, которое она, лесная ведьма Гарварны, вряд ли бы сумела назвать. Слишком новым оно было для нее — и в то же время родным, знакомым, будто все наконец-то стало на свои места. Ведьма осторожно коснулась рукой щеки Даэн — такой холодной, будто Птица только спустилась с гор — и женщина, прикрыв глаза, прижалась к ее ладони. Невесомая нежность легкого прикосновения отпечаталась где-то в сердце, и Мара не сомневалась, что до самого порога Бессмертного это ощущение пребудет с ней.

— Тебе бы отдохнуть сначала, Даэн. А там и поговорим — на тебе же лица нет. Ты устала не меньше меня.

— Можно я приду к тебе позже? — тихо спросила Птица, не открывая глаз. Ей, наверное, сейчас тоже стало тихо и светло.

— Можно, — Мара улыбнулась, отступая от нее на шаг, — Напою тебя чаем из трав Гарварны — ты, поди, уже и забыла их вкус.

— Нет, — Даэн развернулась к ней спиной и принялась стягивать рубаху без рукавов, — Не забыла и никогда не забуду.

Черные волосы тугими кольцами скользнули по обнаженной спине, снова рассыпаясь на плечах. Вдоль позвоночника Даэн, уходя под ткань пояса, тянулась белая полоса давнего шрама, и Мара содрогнулась при мысли о том, что женщине легко могли перерубить хребет. А еще в купальне стало почему-то невероятно жарко. Ведьма еще раз прикоснулась взглядом к шраму Даэн, а затем бесшумно вышла из купальни, оставляя Птицу в одиночестве.

В коридоре было прохладно, и женщина с наслаждением вдохнула свежий воздух. Много ли времени ты дашь нам на этот раз, Бессмертный? Улыбнувшись своим мыслям, ведьма направилась в свою келью — стоило разжечь огонь в камине да вскипятить воду для чая. И возможно, отыскать что-нибудь съестное — она ведь обещала Даэн рассказать столько всего.

===== Глава 15. Затерянные в солнце =====

Та весна была грозовой, дождливой, затерянной в солнце. По утрам весь мир кутался в туманное одеяло, и если на крыльцо стать и на лес глядеть — только размытый темный силуэт можно было увидеть. Свет солнца, проглядывающего сквозь полупрозрачную пелену, дробился мелким крошечком, и казалось, будто воздух сиял. Умытая росой земля под ногами была влажной, прохладной — и такой живой, дышащей, и мягкий ковер из молодых тоненьких трав пружинил под легким шагом маленькой девочки. Тонкая кожа мягких сапожек уже давно промокла, но разве это так важно?

Ручей разлился широко — как никогда до того. На дне его разноцветной мозаикой блестела галька, и самые мелкие камешки то и дело перекатывались, повинувшись стремительному течению. Даэн стояла у самого берега, ища взглядом место, где можно было бы легко перепрыгнуть ручей. Солнечные блики, пляшущие на воде, рябили в глазах, и девочка все время щурилась, смешно морща нос. Какой-то отблеск в воде заставил Даэн приглядеться повнимательнее, и она, придерживаясь за тонкие ветви вербы, осторожно свесилась вниз. Среди пестрых камней лежал один — бесконечно красивый, похожий на самый настоящий самоцвет, из тех, что мать надевает на праздники. Голубой, с синими пятнышками, весь в белых тонких прожилках — точь-в-точь молнии!..

— Я тогда знатно искупалась, — Даэн, посмеиваясь, отхлебнула ароматного напитка, — До нитки вымокла, продрогла, умудрилась хворь подхватить — зато камешек достала. Дома мать меня выдрала так, что пару дней сидеть я не могла — но я невероятно гордилась собой.

— Камешек-обережник? — Мара улыбалась, мягкая и спокойная, словно гладь озера ясным летним утром. Даэн кивнула.

— Да, пожалуй... Он со мной всюду — сколько лет прошло, а не затерялся...

Воцарилось молчание — впрочем, уютное и теплое. Огонь весело плясал в очаге, перепрыгивая с поленьев и обнимая золотыми и алыми лоскутками тлеющие угли. Рыжие блики отражались на янтарной поверхности чая в двух высоких чашках, а по комнате плыл запах земляники и лимонника. Даэн сидела у огня, скрестив под собой ноги и бездумно перебирая меж пальцев мешочек с тремя своими сокровищами, и наблюдала, как ведьма играет с пламенем. Под задумчивым взглядом языки огня, словно пестрые мотыльки, поднимались вверх, взмахивая огненными крыльями, сплетались в танце и снова

разлетались в разные стороны.

— Чудеса да и только, — покачала головой Птица, — Недаром вас боялись во все времена. Ты ведь и от себя отвадить можешь? — поймав непонимающий взгляд, Даэн уточнила, — Ну, от пламени защититься?

— Могу, — кивнула Мара, плавно выворачивая руку. Огонь в очаге, повинуюсь ее движению, завернулся золотым кольцом, — И не только от себя. Хочешь подержать в руке?

Даэн моргнула. Язычок пламени сейчас танцевал у Мары на ладони, и его свет отражался в темных зрачках ведьмы. Птица неуклюже пожалала плечами.

— Честно говоря, не уверена... Я, знаешь ли, частенько обжигаясь — а потом с Крыльями не особо удобно, — она рассмеялась, но смех получился каким-то натянутым. Мара склонила голову набок, и огонь перетек на самые кончики пальцев.

— Боишься?

Боюсь. Гораздо больше, чем ты можешь представить. Сердце билось рвано, и волнение поселилось где-то в груди, дрожащее, словно натянутая тетива — да только вряд ли огонь был тому причиной.

— Нет, не боюсь, — оставалось только надеяться, что ведьма не заметила, как дрогнули ресницы Даэн, когда лепесток огня скользнул к ней и обвился вокруг ее запястья диковинным живым браслетом. Птица с трудом удержалась от восхищенного вздоха: огонь не обжигал — она ощущала лишь приятное тепло, — Харатанэ светлая, и впрямь чудеса!

Ведьма усмехнулась, и язычок пламени, блеснув напоследок, вдруг растаял, оставив после себя медленно исчезающие золотые разводы в воздухе.

— Да нет. Это не чудо — так, баловство. Истинные чудеса Бессмертный творит.

— Твой бог, — кивнула Даэн, — Ты обещала рассказать мне о нем.

— Неужто хочешь? — Мара глянула на нее, и во взгляде ее Даэн почувствовалось сомнение. Птица кивнула, делая еще один глоток. Чай пах хмельным летом — тем самым, давным-давно забытым летом, в котором пересеклись дороги двух девочек, — Ну что же... Расскажу, если уж и правда хочешь.

Она задумалась, замолчав на некоторое время и неотрывно глядя в пламя. Птица рассматривала ее украдкой, боясь, что сейчас ведьма заметит, отвернется, испугается. В полумраке крохотной комнаты пахло ею, и Даэн, словно зверь, то и дело втягивала носом воздух, чтоб запах Мары остался с ней так долго, насколько это вообще было возможно. Пряди длинных волос, мягких даже на вид, укрывали тонкие плечи черным плащом и кончиками касались шкур, на которых женщины сидели у огня. Ее профиль, озаренный золотистым светом пламени, казался сотканным из света, и Даэн вдруг подумала о том, что могла бы молиться ей, наверное, как своей богине. Прости меня, Харатанэ.

— Хм, — ведьма вздохнула, задумчиво глядя в пламя, — Давай-ка ты задашь вопросы, на которые хотела бы узнать ответы. Ты прости — я не умею говорить, — она дернула плечом, и Даэн улыбнулась: ни у кого она не видела подобного жеста, — А потому красивый сказ повести не смогу.

— Хорошо, — Даэн спрятала мешочек за пазуху и посмотрела на Мару, — За что ты чтишь его? Почему во всем видишь его волю?

— Ну, может быть, потому, что она есть во всем? — Даэн показалось, что женщина ехидничает — но та лишь улыбалась, — Бессмертный — это... хм... это... — она явно пыталась подобрать слова, а затем долго вздохнула, — Я не знаю, Даэн, как объяснить тебе — ни одно слово верным не будет. Просто он выше слов, выше всего на свете — и он же все.

Даэн заморгала, пытаясь зацепиться хоть за что-то — но не смогла. Почему-то захотелось улыбаться. Мара сейчас напоминала беспомощного волчонка, мечущегося на поляне в поисках следа, давно затерявшегося в густой траве.

— Ладно, попробуем по-другому, — Мара вдруг повернулась к Даэн, садясь прямо, словно струна, — Я попробую показать тебе. Не знаю, получится ли... Но вообще — должно, в тебе ведь есть дар бога. Гляди мне в глаза.

Едва ли я сумею, небесная моя. Едва ли смогу. Даэн заставила себя неотрывно глядеть на Мару, все еще не понимая, что происходит.

— Что ты делаешь, Мара? — голос звучал почему-то сипло и как-то неуместно в нынешней тишине. Отсветы огня бросили мягкие тени на скулы ведьмы, на ее тонкую шею с ямочкой меж точеных ключиц, а в глазах ее замерцали золотые искры. Даэн, изумленная и окаменевшая, смотрела, как эти искры на глубине ее зрачков закручиваются сияющей спиралью, обращаясь звездными туманностями — их видно в конце лета, темными ночами, высоко-высоко на небе. Ведьма не ответила — лишь приподняла уголки тонких губ в улыбке, и Даэн ощутила, как теплая искра Дара Хартанэ в груди певуче отозвалась. А потом она увидела золотые пески.

В хрустальных песочных часах песок — звездный. Перемолотая пыль веков, мелкая и мягкая, пересыпается в чашу, и ветер поднимает ее, закручивает, вскидывает вверх и рассыпает во все стороны. Ветер — нездешний, странный, тот, что движет звезды и миры, ветер бесконечного космоса гуляет меж хрустальных стенок Ее песочных часов, и Хартанэ вдруг тает в этих песках, смеясь и улыбаясь...

Даэн хватала ртом воздух. Ее трясло, словно в лихорадке, а золото в глазах Мары втягивало ее все глубже и глубже. И вдруг...

Раз.

Два.

Три.

Даэн показалось, будто бы теперь она слышит Время. Настоящее, текучее и плавное время. Где-то в самом сердце мира оно медленно ворочало свои плавники, словно огромная рыба с сияющими глазами, и волны расходились во все стороны, задевая кромки облаков и заставляя огромные тучи плыть по небу. А потом весь мир вдруг стал белым.

Даже не белым — иным. Прозрачным, туманным, светлым — как тот самый туман, что устилал землю ранним утром. Сквозь эту пелену Даэн видела очертания комнаты, очертания Мары, облако ее темных волос и золотые ее глаза — вечные, древние, видевшие рождение мира. Откуда-то издалека раздался ее голос, хотя ведьма не размыкала губ.

— Что ты видишь?

— Я... я не знаю... — Даэн растерянно тряхнула головой, пытаясь согнать дымку — но ничего не произошло. Мир остался таким же туманным, — Все как в пелене...

— Не бойся, — в ее словах Птице почудилась улыбка, — Это лишь образы. То, что мы зовем языком видений. Так общаются духи — дети Бессмертного. Я покажу тебе его.

Даэн ощутила, как в груди зарождается огненная точка, наливающаяся светом и раскаленным пламенем. Дышать стало невероятно тяжело, будто воздух сгустился. Сердце внутри билось гулко, и Птица чувствовала его пульсацию в каждой частичке своего тела. А золотые глаза Мары, в которых таяло сияние, горели все ярче напротив, и остальной мир размывался, уходил куда-то за пределы этой комнаты, этого мига и этих жизней. Все стало каким-то... лишним. Кроме Ее глаз.

А потом вдруг Даэн увидела. Это было похоже на случайную мысль, яркую картинку, воспоминание — и одновременно не походило ни на что.

Это — мой Бог.

Небо, такое глубокое, что весь мир мог утонуть в нем, медленно поглотило и ее. Даэн ощутила себя маленькой звездочкой на этом небе — и самим небом. Она была в каждом туманном росчерке в темной синеве, в каждой золотой вспышке. Ощущение неземного восторга и счастья пронзило ее, поднявшись откуда-то снизу и прокатившись свежей волной до самой макушки, и Даэн чуть было не задохнулась, забыв, как дышать.

Он — это душа в теле и само тело, он — это пустота, из которой творится мир. Он — сила, поворачивающая колесо.

У Мары были глаза бога. Древние, невыносимо глубокие, золотые сияющие глаза. Она показывала Даэн настоящие чудеса, и Птица видела, как под руками ее бога, не имеющего ни имени, ни лица, рождается жизнь. Он не требовал жертв и подношений, не требовал поклонения — даже веры не требовал. Он просто существовал, творя узор мира, заплетая нити судеб в полотно дорог, и сейчас женщина чувствовала, что все живое тянется к нему, как молодые побеги тянутся к солнцу. И Хартанэ — тоже тот самый бог-без-имени. Бог-Ничто. Великое Ничто, рождающее все.

Дымка медленно опала, размылась, и глаза колдуньи снова погасли, наполнившись вечерней осенней серостью. Огонь в очаге стал тише, а малиновые уголья с золотой кромкой мерцали живыми драгоценностями. Тени стали глубже, как и плавность линий лица обычной земной женщины, которая только что была богом. Даэн поняла, что не может сдержать слез. Она часто заморгала, пытаясь скрыть это от ведьмы.

— Ох, Хартанэ... это ведь и правда... это правда так... — голос предательски дрожал. Даэн кляла себя на чем свет стоит. Глупая женщина, ну чего ты реवेशь? В глазах Мары мелькнуло понимание, и ведьма, осторожно приблизившись к Птице, обняла ее. И руки у нее были добрыми. Еще добрее, чем у светлой Лаунэ, и еще теплее, чем руки погибшей матери.

А в следующий момент Даэн уже вцепилась пальцами в тонкие плечи и беззвучно рыдала, спрятав лицо на плече ведьмы. Та тихонько гладила ее по голове, закрывая руками от всех бед, от страха и темноты, что-то нежно приговаривая. Слов Птица разобрать не могла — но на то и не было нужды. Колдунья осторожно покачивала ее, зарывшись пальцами в густые локоны, баюкала, напевая песни на забытых языках, которых Даэн в жизни не слышала. Невероятный свет, шедший от Мары, был защитой — самой верной и надеждой, и вскоре Танцующая затихла, успокоившись и все так же крепко держась за ведьму. Внутри плескалась блаженная тишина и какая-то опустошенность — светлая и теплая. От кожи Мары пахло ранней осенью, сладостью желтеющих листьев и ветрами полей. Даэн дышала ею, глубоко, всей собой, навсегда запоминая этот аромат. Пускай бы время замерло, боги, пускай бы только она была здесь, вот такая, вот здесь... Со мной.

Когда огонь в очаге догорел, Даэн наконец открыла глаза, возвращаясь в реальность. Малиновые угли с золотыми кромками тлели, разбрасывая по полу цветные блики, мерцающие и переливающиеся. Птица лежала на груди у Мары, опустившейся на шкуры и глядящей куда-то в высокий каменный потолок. Под ладонью мерно билось сердце ведьмы, и Даэн подумалось, что звука чище и прекраснее она не слышала.

— Как же так получается, Мара? — голос был непривычно слабым, почти что беззвучным. Не шепот — отсутствие звука, — Как так получается, что сквозь столько верст и лет мы снова встретились?

— Не знаю, Даэн. Но я искренне благодарна небу за это, — тихо ответила Мара. Ее теплая ладонь лежала на голове Птицы, и той было удивительно спокойно сейчас.

Даэн тоже была благодарна — кому-то безымянному, глядящему на них сверху с доброй улыбкой. Он все знал. Он ведь правда все знал, вел их долгими дорогами друг к другу, заплетая их нити в цветной узор бесконечного полотна. Он дал им совсем немного времени, но и за это Птица готова была весь мир положить к его ногам.

— Расскажи мне, ведьма, — женщина, осторожно положив голову колдунье на плечо, прикрыла глаза и улыбнулась, — Расскажи о том, как лес пел тебе колыбельные.

Мара усмехнулась — Даэн не видела, но чувствовала. В мягком кольце ее рук было спокойно и уютно, и время, казалось, действительно замерло.

— Это не слишком интересная сказка. Пел себе и пел, до сих пор поет. Впрочем, коли хочешь...

Она говорила, и Даэн слушала ее голос, глубокий и мелодичный, наслаждаясь каждым звуком. Мара поведала ей о полянках, найденных ею в Гарварне еще тогда, когда их пути не пересекались даже. Рассказала о пещерах, где находился волшебный источник — Криница Бессмертного, как называла его сама ведьма; о Древе, под корни которого в Ночь Сна уходят дети лесов, чтоб спать в пустоте до самой весны. Рассказала о древних духах, живущих в дремучих чащах, о временах года, сменяющих друг друга там, в Гарварнских лесах. И время все-таки замерло.

...в северных угодьях полынь растет. А еще — игольник, вот та травка колючая, что всегда за подол цепляется, коли по лесу идешь. Там того добра много. Там есть чудесные деревья — громадные, старые-старые ясени с вывороченными корнями, из-под которых по весне ключи студеные бьют. И ежевики там столько, что изведешься собирать...

— Я бы отвела тебя туда однажды, Даэн, — тихо сказала ведьма, лениво пропуская через пальцы волосы Танцующей, — Однажды летом, через земляничные поляны. Чтоб солнце было теплым, и вечер — тихим, чтоб все золотилось на закате. Гарварна огненно-рыжая, когда солнце заходит, знаешь?

— Знаю. Стало быть, отведешь, колдунья, — Даэн приподнялась на локте — хотелось видеть лицо Мары. Та почему-то грустно улыбнулась.

— Да, пожалуй. Быть может, в другом обличье, или вовсе без него — но отведу. Только ты слушай внимательно ветра и гляди в сторону леса. Я постараюсь докричаться до тебя.

Даэн почему-то стало страшно и холодно. Будто бы вдруг Мару забрали от нее, спрятали, и никогда уже не вернут. Что-то было в словах ведьмы, что-то такое, что заставило сердце Даэн замереть.

— Зачем ты так говоришь? — в полутьме лицо ведьмы казалось неземным, и мучительно хотелось прикоснуться к нему, ощутить пальцами тепло ее кожи — но Даэн умела держать себя в руках. По крайней мере, пока еще держала.

— Все в руках Бессмертного, — Мара пожалала плечами, — И я тоже в его руках, — она помолчала, а затем села, подтягивая колени к груди. Долго глядела Даэн в глаза, думая о чем-то, и Птица не могла прочесть этот странный нечеловеческий взгляд, — Ты ведь знаешь, почему я здесь. Знаешь, почему я иду к Сестрам.

Настал черед Даэн молчать. Не хочу. В груди было больно. Она боялась даже думать о том, что ее догадка окажется правдой — и сейчас ведьма подтвердила ее, одним лишь словом перерубив крепкие и надежные канаты, на которых держалось самообладание Даэн. Не хочу. Нет, пожалуйста. Милая, милая, прошу тебя, я не хочу... Не оставляй.

— Не оставлю.

Даэн поняла, что последние слова говорила вслух, вцепившись в запястье колдуньи и тихо шепча это «не оставляй».

— Я все равно буду здесь, слышишь меня?

Не оставляй...

— Только теперь — всюду, куда бы ты ни шла. Ты будешь чувствовать меня во всем, и я всегда буду рядом. Разве так это горько? — невозможно было смотреть на эту легкую улыбку — мудрую и спокойную, бесконечно светлую.

Не оставляй...

— Зачем? Почему ты? — а в голове все билось птицей тревожное, болезненное «не оставляй», — Кто вспомнит тебя? Кто из всего мира скажет тебе «спасибо», кто будет знать, что ты сделала, Мара? — и имя ведьмы сорвалось с губ самым нежным и самым терпким звуком. Колдунья покачала головой, все так же улыбаясь.

— Мне не нужна благодарность, а имя мое не нужно миру. Он живет себе, как жил до того, ему дела нет ни до меня, ни до тебя, ни до наших целей и мечтаний... Я знаю одно, Даэн. Я не хочу, чтоб Колесо замерло — так же, как не хочешь ты. Иначе ты бы не стала Птицей, ты бы не была здесь, ты бы не помогала сейчас этому племени, принявшему нас. Мы здесь — и значит, так должно. Так что же ты грустишь, что же ты так убиваешься, девочка?

Ведьма говорила правду. От этого было невыносимо больно, и Даэн сцепила зубы, чтоб снова не зарыдать. Сердце, отогревшееся в маленькой полутемной комнате, в теплых ведьминых руках, стало слишком чутким и хрупким, слишком нежным.

— Мы все безымянные, Даэн. И ты, и я, — ее лицо было близко, и в темноте глаза ее блестели, отражая мерцание тлеющих угольев, — Но в этом ничего дурного и нет. И не оставлю я тебя, глупая, что же ты так режешь себе сердце? Я все равно буду здесь.

Здесь.

— И имя мое упомянешь ты, — она улыбалась, тихо и светло, и предательская слабость все-таки навалилась на плечи. Даэн снова вцепилась в нее, прерывисто дыша, крепко обняв ведьму — словно боялась, что та исчезнет из ее рук прямо сейчас, — Ты пронесла меня через столько лет — так разве могу я исчезнуть навечно? Ну, девочка? Что же ты?

— Не уходи, Мара, — Даэн не плакала, но голос звучал глухо и устало, словно вся тяжесть Караласской гряды давила на нее, — Ты ведь знаешь... ты видишь... — сил сказать то, что, пожалуй, сказать стоило, не хватало. Даэн умолкла, пряча лицо на груди ведьмы. Та легонько дотронулась рукой до ее затылка, прижимая Птицу к себе бережно, словно самое дорогое сокровище — и от этого стало еще больнее.

— Затихай, Даэн, затихай. Никуда я не уйду. Подумай, ты только подумай, — она приподняла подбородок Птицы, заставив ее смотреть себе прямо глаза. В них Даэн снова увидела золотое Колесо — вечное, звездное, древнее, — Я буду во всем, что окружает тебя, слышишь? Буду в первых зорьках, в ветре — да во всем. Смогу любить весь мир каждой частичкой тела, которое будет теперь огромным, будет землей и водой, самим небом и пламенем. Смогу любить тебя всей собой, и всей собой тебя хранить. Вечность.

Плечи Даэн бессильно опустились. Внутри стало пусто — даром что ветер не гулял. Нс вся боль мигом куда-то делась, растворилась в зимней длинной ночи, сгинула в тени под потолком. Только тоска — тихая, словно перышко, поселилась где-то внутри, словно память, которую ничем не вытравишь из сердца.

— Вечность, — Даэн кивнула, не в силах отвести глаза. Ее ведьма, такая прекрасная и

светлая, глядела на нее, и что-то было в ее глазах совершенно неземное, — Вечность — это много. Вот только я бы все вечности отдала, Мара, только чтоб одну жизнь прожить, не теряя тебя.

— Глупая моя девочка. Ты все поймешь позже. Все поймешь. А покуда — на все века запомни: ты никогда меня не потеряешь.

Сотканная из света и полупрозрачных линий, она смотрела на Даэн — живая, настоящая, самая нужная в мире. Где-то очень далеко над их головами, над толщей камня выла вьюга, заматавая весь мир, все тропы и следы. Где-то за тысячи верст отсюда бушевало море, и северные ветра, разбередившие шторм, носились над беспокойными солеными волнами, швыряя их на острые скалы и разбивая вдребезги. Где-то в ином пространстве, дымчато и пластично, боги вели свою игру, плели нити и полотна, рушили миры. Где-то внутри Даэн переламывалось сердце, раньше умеющее только болеть и биться — как в песне Меред. А ее ведьма сейчас была здесь, и остальное не имело значения.

— Я верю тебе, Мара.

Кажется, это было второе никогда, в которое Даэн действительно поверила.

Губы Мары были теплыми и чуть шершавыми. Даэн осторожно коснулась их пальцами, очертив невозможно красивый контур, невесомо провела рукой по щеке ведьмы — так бережно, будто бы та была видением. Вопреки всем ее страхам колдунья не исчезла и от руки ее не отпрянула. Прильнув щекой к руке Даэн, женщина с глазами бога смотрела на нее из-под угольно-черных ресниц, и ровно в тот миг, когда в песочных часах Хартанэ песок полностью пересыпался из одной чаши в другую, Птица не выдержала. Притянув ведьму к себе, Даэн впилась поцелуем в ее губы — и Мара не оттолкнула.

Сердце в груди колотилось, словно безумное, и Даэн сходила с ума от ощущения ее губ — нежных, горячих, словно у самой Хартанэ. Тонкие руки, обнимавшие ее, ласково оглаживали спину, и Птица ощущала, как дрожит ведьма, внезапно показавшаяся удивительно хрупкой. Она целовала жадно и в то же время осторожно, словно запоминая навек, но боясь, что это все — лишь сон. Теплые отсветы почти угасших углей танцевали на ее коже, и Даэн тихо выдыхала ее имя, покрывая поцелуями все лицо женщины, которая наконец была там, где всегда должна была быть — здесь. В руках Даэн.

Мара... Удар сердца.

Глядя ей в глаза, ныне темные и бездонные, Даэн осторожно коснулась плеча ведьмы, проводя пальцами по коже, не скрытой тканью белой льняной рубахи. Мара дышала тяжело, словно загнанный зверь, и жилка на ее шее трепетала. Ведьма закрыла глаза, откидывая голову назад, и Птица жадно припала к тонким ее ключицам, целуя каждый сантиметр ее кожи. Удар сердца.

Я никому тебя не отдам. Ни богу, ни вечности, ни времени.

Удар сердца.

Полупрозрачным шелком рассеянный слабый свет лег на обнаженный живот ведьмы. Даэн целовала плавные, мягкие линии ее тела, ловя губами каждый вздох, срывающийся с ее уст. Руки Танцующей скользили по ее изгибам, и всей собой Даэн ощущала, как дрожь прошибает Мару от самого легкого прикосновения.

— Какая же ты красивая, — хрипло прошептала Даэн, прижимаясь к ней сильнее, чтоб ощутить ее всю — тонкую, теплую, бесконечно нужную. Вместо ответа ведьма поцеловала ее, стиснув в объятиях, и золотая волна захлестнула Даэн, накрыла ее с головой, смыв все тревоги и страхи. Ее женщина была здесь. Женщина, которую она, кажется, всю жизнь свою

ждала. И ей хотелось быть к ней настолько близко, насколько это вообще возможно — всем телом и всей душой.

В полутьме глаза ведьмы, склонившейся над ней, сверкали звездами. Даэн не успела заметить, как Мара уложила ее на лопатки, невесть как содрал с Коршуна всю одежду. Тело покрылось мурашками, когда женщина дорожкой поцелуев спустилась вниз по животу Даэн, пересчитывая давным-давно зажившие шрамы и бледные веснушки. Огненная волна, прошившая все тело, заставила ее изогнуться, и Даэн утонула в бездонных ее глазах, исступленно шепча одно лишь слово. Одно имя.

Горячее влажное прикосновение вырвало из груди сиплый стон. Темнота, пахнувшая дикими травами и костром, разливалась вокруг, словно воск, тягучая и мягкая. Тонкие пальцы Мары сминали ее бедра, оставляя следы на белой коже, и тут же гладили ее, нежно и с великою любовью. Внутри разгорался огонь, все ярче и ярче, заполняя всю Даэн и заставляя ее биться пойманной птицей в самых нежных и сильных руках, под прикосновениями самых горячих в мире губ. И оставалось лишь молиться, чтобы это не заканчивалось никогда.

Оставалось лишь раствориться без остатка вместе с ней.

Оставалось лишь считать удары сердца.

Раз.

Два.

Три!..

Безумная вспышка света, золотая дрожь, крик, замерший в груди. Пальцы, впившиеся до боли в белые плечи. Ее глаза со звездами и солнечными бликами на доньшке.

Водопад смоляных волос скрыл за собой весь мир. Мара склонилась над ней вновь, дикая и красивая, и Даэн со стоном схватила ее, притягивая к себе и жадно сцеловывая с ее губ терпкую сладость. Ведьма, тихо смеясь, убрала с ее лба влажный локон, отводя его назад и запуская пальцы в ее волосы.

— Ты красивая, Птица, — она вновь поцеловала Даэн, и внутри солнечным мотыльком затрепетала нежность, ни с чем не сравнимая неземная нежность, — И никто не заберет меня у тебя.

Удар сердца.

Где-то на краю мира, как и прежде, продолжала бесноваться буря, и соленая вода острыми поцелуями впивалась в серые холодные глыбы. Даэн видела эту бурю в глазах своей ведьмы, хрипло дышащей, разгоряченной, и поцелуи ее были острыми и нежными одновременно. И плавленное золото медленно растекалось по венам обеих в такт сильных движений пальцев, в такт биений сплетенных сердец, в такт сбившегося дыхания — а шторм все швырял на берег соленые волны. Но миру дела до того не было — как и до двух безымянных женщин, наконец-то нашедших друг друга — теперь навсегда.

===== Глава 16. Решение =====

Эхо ее шагов глушила толща светлого камня. Аллэивар металась от стены до стены, временами бросая рассеянный взгляд на причудливый узор, вырезанный в породе. Все эти завитки, острые лепестки волшебных цветов и вязи древних символов она видела уже тысячи раз — но это было гораздо лучше, чем смотреть в глаза королеве. Аллэи чувствовала на себе тяжелый взгляд владычицы Лореотта, неотрывно следившей за ней — и ощущение было не из приятных. Шедавар знала: в какой-то момент Ищущая просто не выдержит. И этот момент близился.

Молчание стало невыносимым. Выругавшись про себя, Аллэи развернулась на каблуках, в упор глядя на королеву.

— Шеда, это станет прецедентом.

Эльфийка лишь плечами пожала, слабо улыбнувшись.

— Что ж поделаться. А уход эльфов в подземелья не стал прецедентом, а, Аллэи?

Аллэивар поморщилась: ну конечно, переспорить Шедавар было практически невозможно. Если королева принимала решение, то даже все Жрицы шести подземных городов не могли увещевать ее.

— Стал, — Аллэи подошла к ней ближе и уперлась руками о подлокотники кресла королевы, нависая над ней, — Только ты — не Инведаар.

Глаза Шеды опасно блеснули.

— Что ты хочешь сказать этим, Аллэивар?

— То, чего ты в упор видеть не хочешь, — голос уже срывался на рычание, но Аллэи было все равно, по большому счету, — У Инведаар не оставалось выбора. За ней шли на погибель те, кто выбрал медленную смерть. Они выжили лишь каким-то чудом, Шеда, и научились ценить жизнь. Сейчас никто не пойдет за тобой — у них-то есть выбор: остаться здесь, в подземельях, переждать какое-то время Излом и растить дочерей, или же выйти на поверхность, чтоб сражаться с самым страшным кошмаром, который только можно вообразить? Мы — Защитницы, Шеда. Это Воины покидают свой дом, а не мы. Со времен правления Инведаар женщины подземных городов оставались здесь...

— Как крысы в норах! — прошипела Шедавар, и Аллэивар невольно отшатнулась, — Даже когда беда была уже на самом пороге, мы продолжали сидеть в своих домах в твердой уверенности, что нас это не касается. Так, Аллэи? Нас не касался Аэль-Роадан, когда туда пришли дикие. Нас не касался общий враг, когда еще задолго до того началась война в племени. Теперь нас не касаются дети, пропавшие без вести. Наши же дети.

— Я говорю не о том, Шеда... — начала было Ищущая, но королева снова перебила ее.

— Ну конечно, мы все говорим не о том. И смотрим не туда. Ты уж разреши мне немножко глаза тебе раскрыть. Мы — одно племя. И разделение на кланы не должно делать нас сторонними наблюдателями, когда речь идет о нашем будущем. Воины, конечно, пойдут против диких — как только появятся доказательства. Все мужчины старше двадцати лет покинут города, и под землей останутся одни мальчишки Ниир и Веон. И пока их отцы будут перебираться через горы, в подземелья проникнут дикие. Они выпьют все живое, до чего дотянутся, а через пару дней мертвые поднимутся. Все города соединены ходами — и как думаешь, где новообращенным духам будет проще всего полакомиться?

— А разве ты не предлагаешь то же самое? — Аллэи вновь принялась расхаживать перед королевой, лихорадочно ища хоть какой-нибудь аргумент, который смог бы вразумить Шеду, — Вывести женщин из подземелий, чтобы они шли в бой вместе с Птицами? Прекрасно! А как же дети? Девочки, которые останутся здесь, Шедавар? Самая легкая добыча. Ушедшие на поверхность, быть может, и выживут в бою — но тех, кто останется здесь, ждет тот самый кошмар, о котором ты говоришь. Мы погибнем, Шедавар. Подземные эльфы исчезнут так же, как исчезли наши морские братья и сестры, — голос почему-то затих. Внутри Аллэи болезненно билась тревога, и эльфийка морщилась, словно боль была настоящей.

— Ты так и не поняла, — Шедавар покачала головой, вздыхая и странно улыбаясь, — Здесь никого не останется.

Некоторое время смысл ее слов доходил до Аллэивар, а затем эльфийка замерла, с изумлением глядя на королеву.

— Что?..

— Здесь никого не останется, — твердо повторила королева, и у Аллэи мороз по коже пробежал, — Мы уведем эльфов на поверхность. В Аэль-Роадан. Там под защитой Знающих останутся дети — и та часть Защитниц, которая не захочет идти в открытый бой, но будет стоять на подступах к городу, чтоб оборонять его. А все, кто может держать оружие, выйдут против диких вместе с Небесными Дочерьми.

Воцарилось молчание. Аллэивар оторопело уставилась на королеву, которая была спокойна, словно скала. Спустя несколько мгновений к Ищущей все же вернулся дар речи.

— Ты с ума сошла? — слабым голосом поинтересовалась Аллэи, — Как ты это представляешь? Кто за тобой пойдет? Кто решится оставить все это?.. — она обвела взглядом стены пещер, — Мы слишком долго жили во тьме. Здесь — наша история, наша память, наше все... Ты предложишь им покинуть все ради неизвестного будущего? Ради чего они пойдут за тобой, Шедавар? Твое величество простит себе, если из-за тебя племя погибнет в самой кровопролитной войне за всю историю нашего народа? Да и то, погибнет в чужой войне...

— Это и наша война, Аллэи, — тихо заметила Шедавар, поднимаясь с кресла, — Нет того, что нас не касается. И мое величество, как ты выразилась, простит себе, если погибнет за детей своего племени — но никогда не простит себе бездействия.

Она стояла в центре зала, у белокаменного трона, крохотная фигурка в громаде камня. Златоглазая женщина, чей взгляд был полон решимости. Аллэи вполне понимала, почему ее выбрали королевой.

— Шеда, я... я понимаю тебя. Понимаю, что ты хочешь сохранить наш народ, — Аллэивар снова подошла к ней ближе, старательно подбирая слова, — Но никто из Жриц не поддержит тебя, ты же понимаешь это? Ты итак действуешь слишком... претенциозно...

— И создаю прецеденты, да-да, — отмахнулась королева, хмуря тонкие, с изломом, брови, — Мне плевать, что по поводу моих действий думают Жрицы. Как только Небесные Дочери найдут след диких, у меня будет еще один аргумент. Племя боится за свое будущее, а потому слово Жриц слабее моего слова.

— Нет, Шедавар. Не слабее — а то и сильнее. Ты — королева, а королевы приходят и уходят. Жрицы же несут волю Ниэннавар, вечную и непреложную. Кто ты против нее?

— Эльфийка из плоти и крови, которая хочет защитить свое племя, бес тебя забери! — рывкнула Шедавар. Впрочем, Аллэи и бровью не повела — королева никогда не отличалась спокойствием и терпеливостью, когда общалась с кем-то наедине, — Ниэннавар давным-давно прогуливается в небесных чертогах, а если совсем уж начистоту, гниет в земле. Вернее, уже прогнила, и теперь из ее тела растут цветы и трава, которых наши дети годами не видят!

— Не богохульствуй, Шедавар, — Аллэивар взглянула на свою королеву исподлобья, внимательно следя за каждым взмахом ее ресниц. Та ухмыльнулась, и на этот раз Ищущую передернуло — Шеда могла одним лишь жестом заставить впасть в оцепенение, если хотела.

— А Ниэннавар не богиня, Аллэи, так что богохульства в моих словах нет. Скажешь, не так? Я хочу, чтобы однажды моя дочь увидела солнце. Не просто на один миг, не мельком сквозь просвет — а по-настоящему. Чтоб она дышала ветрами, чтоб ее умывали дожди, чтоб она собирала цветы в предгорьях.

— У тебя нет дочери, — устало заметила Аллэи.

— У меня сотни дочерей, Аллэивар. И я хочу, чтоб они жили. Не существовали — жили.

— Шеда, им придется бросить все. Они выросли уже в эти пещеры — а сейчас ты предложишь им уйти? Бросить всю память, оставить привычный мир?.. — Аллэивар покачала головой, все еще не до конца понимая. Не до конца веря в сказанное ее королевой.

— Когда-то привычным для них было совсем иное, Аллэивар. К тому же, — она смотрела куда-то сквозь камень, вглубь гор, и глаза у нее были древними, — Тот, кто хочет родиться, должен разрушить былое. Дитя выходит из чрева матери, когда приходит срок. Если оно останется в утробе, то умрет, а вместе с ним погибнет и его мать. Наш срок пришел, Аллэи.

Пустота древних залов, пустота пещер и всех подземных ходов внезапно навалилась на Аллэивар. А вместе с ней — усталость и странное понимание того, что Шедавар права. И что все внутри Аллэи согласно с королевой. Последние ниточки обрывались, и все, чего она держалась всю свою жизнь, медленно осыпалось мелким крошевом со стен, по которым уже пробежали первые тонкие-тонкие трещины.

— А как же Лореотт, Шеда? — последняя попытка, даже не ее — крохотной части ее души зацепиться за что-то. Хотя бы за что-то. Шедавар покачала головой.

— Лореотт останется в нашей памяти и будет жить в ней до скончания времен. Но мы не должны остаться здесь и умереть вместе с ним. Ты держишься за стены, Аллэивар, которые рушатся от землетрясения. И тебя погребет под завалом, если ты не поймешь, что Дом — это вовсе не камни и кирпичи.

Ищущая потеряла лоб. Пальцы прошли по грубой ткани повязки, и Аллэи в который раз усмехнулась про себя. Видеть мир лишь наполовину... Она приспособилась давным-давно, так же, как ушедшие в пещеры эльфы приспособились к жизни в темноте. Но это ведь совсем не означало, что когда-то они не знали иного.

— Хорошо, — каменные стены запомнили слово, сорвавшееся с губ Ищущей, — Расскажи еще раз, чтоб я все уложила в голову. Мне нужно понимать, что делать.

— Небесные Дочери направляются по следу диких. Мэгавар говорила, что где-то там должно быть логово — они все ближе подходят к Мертволесью. Ледяная Звезда все еще поднимается, а значит, время пока не пришло. Но им нужно быть ближе к хозяйке, когда та позовет. Птицы найдут диких — а я убеждена в этом — и вернутся сюда с доказательствами. Как только это произойдет, я отправлю гонцов в подземные города и в Аэль-Роадан. Туда поедешь ты, Аллэи — мне нужна твоя помощь. Донеси до королевы клана Эсс мою волю, — Шедавар подошла к ней ближе, внимательно глядя на нее, — С кланом Даар проблем быть не должно, Айэдаар — женщина умная, и взгляды у нас во многом сходятся. Клань мужчин, по идее, тоже должны стать на мою сторону. Проблемы могут возникнуть с Иан и Рель, они и знать не хотят ничего о том, чтоб встать с насиженных мест. Поэтому мне нужно, чтоб Жрицы Лореотта были за меня. Если и они, и Знающие пойдут за мной, племя объединится, и мы сможем выступить вместе против Дикой Охоты. Выйдем из подземелий, оставим детей под защитой ведьм в Аэль-Роадан — и будем сражаться за право жить под этим небом.

— Это звучит совершенно безумно, — Аллэивар затрясла головой, потирая пальцами висок, — Совершенно безумно. Ты понимаешь, что все это держится на волоске? Дальше пропасть — или мы спасемся и начнем новую жизнь, или навсегда канем в лету. И в обоих случаях нас поведешь за собой ты, Шедавар.

— Так помоги мне не упасть, сестра, — теплая тяжелая ладонь Шеды легла на плечо

Аллэи. Несколько секунд они глядели друг другу в глаза, а затем Аллэивар кивнула.

— Сделаю все что смогу. Когда отправляться в Аэль-Роадан?

— Повремени пока. Как только Небесные Дочери вернутся, выслушаем их. И только тогда, не раньше. Запомни, Аллэи — любой ценой убеди Реанэсс.

Аллэи поморщилась: королева клана Эсс уделяла ей слишком много внимания, прозрачно и не очень намекая на возможность близкого общения. Даже очень близкого. От Шедавар не укрылось выражение ее лица — королева понимающе ухмыльнулась, чуть сжав пальцы на ее плече.

— Да, и это тоже — если понадобится. Она хорошенькая, очень хорошенькая, — пропела королева, чуть растягивая гласные, — Так что в крайнем случае — не кривись. Ты ведь понимаешь, что тебя я посылаю в Аэль-Роадан именно потому, что ты у нас, как бы так выразиться, мастер переговоров?

— Да иди ты к бесам, — хмуро отозвалась Аллэи, — Мне не нужно это. Но сделаю все что будет нужно.

Шедавар мигом посерьезнела, и озорные искры, знакомые Аллэивар с самого детства, исчезли из золотых ее радужек, в которых плавилась лава.

— Спасибо тебе, Аллэи. Спасибо, что ты со мной.

— Служу тебе, моя королева, — Аллэи поклонилась ей, не обращая внимание на укоризненный вздох. Шедавар не любила, когда кто-то близкий напоминал ей о том, что она стоит выше практически любой пещерной эльфийки, — И не говори, что терпеть не можешь церемониальности. Ты действительно королева, и сейчас ты — королева, решившая взвалить на себя ответственность за жизнь не клана, но всего народа. Привыкни к тому, что с тебя спрашивают не меньше, чем ты сама на себя берешь. И веди себя подобающе.

— Ну вот в таком случае, Ищущая Аллэивар, — губы королевы растянулись в ехидной ухмылке, — Не смей порицать свою королеву. И давай-ка, стрелой — в казармы. Кажись, без тебя девочки заскучали. Я позову тебя, когда придет время.

— Как прикажешь, моя королева, — Аллэи развернулась на каблуках, лопатками чувствуя взгляд сестры. Внутри безумными птицами метались мысли, и слова Шеды не шли из головы, многократным эхом отдаваясь где-то в черепе. Тот, кто хочет родиться, должен разрушить былое. И все былое, все настоящее и все будущее племени горных эльфов сейчас лежало в руках Шедавар.

— Был у меня сон — во сне стоит дом...

Ее мягкая рука, присыпанная золотой пылью света факелов, лежала под сердцем Птицы. Даэн видела изгиб ее бедра, уходящий под тяжелую теплую ткань, которой Мара укрыла ноги, тонкое плечо со скользящими по нему прядями смоляных волос и тени ресниц на ее щеках.

— ...А в доме идет дождь, и тянется вверх рожь...

Даэн прикрыла глаза и коснулась губами лба ведьмы, наслаждаясь звуком ее голоса. Миг, растянувшийся на сотни веков, медленно заканчивался — но Даэн было все равно. Некуда было больше спешить. Не существовало времени. Не существовало ничего, кроме ее руки на груди Даэн и мягкой переливчатой песни.

— ...Ветер в печной трубе, и звезды в окне звенят...

Ее теплое дыхание скользнуло по ключице Даэн, и женщина, не сдержавшись, прижала к себе крепче хрупкую фигурку. От нее пахло дождевым ветром.

— ...У дома гуляет смерть, но ей не достать тебя.*

Кожа ведьмы под рукой была прохладной и казалась такой тонкой, что надави Даэн чуть-чуть сильнее, остались бы темные полосы там, где лежали ладони Птицы.

— Что это за песня?

— Ты не знаешь. Она старше тебя и меня, старше этого города.

— Красиво.

— Да, наверное.

На шее Мары Даэн углядела созвездие семи родинок — песочные часы мира, летом проплывающие вдоль самого горизонта и лишь к рассвету меркнувшие. Теперь она соединяла звездочки-родинки, ведя пальцем от одной к другой. Серый взгляд, наполненный плавленным старым серебром, был прямо напротив, близко-близко, на расстоянии вдоха.

— Что же теперь, Мара? Что же теперь с нами будет?

Ведьма тонко улыбнулась, устраиваясь поудобнее на плече Даэн, и вопрос как-то сам собой сошел на нет. Какая разница, Птица? Теперь все будет как должно.

Над горными хребтами плыл рассвет. Бирюзовые мазки облаков постепенно светлели, поглощая в себя цвета поднимающегося солнца, скрытого за тонкой дымкой. Даэн чувствовала, как утро наползает на заснеженные склоны — словно бы сама видела бледнеющее небо.

— Рассвет, — тихонько шепнула ведьма, подтверждая ее мысли.

Тихо. Тихо-тихо.

Я бы хотела видеть, как утро касается тебя, гладит линии твоего тела. Смотреть, как ты умываешься ледяной водой, и капли стекают по твоему лицу, блестят на волосах. Как ты ходишь босая по травам и неприметным тропкам, и лепестки цветов касаются твоих ног. Хотела бы вечерами брать тебя на руки, сидя с тобой на деревянном крыльце нашего дома, и смотреть с тобой на закаты. Долгими зимними ночами любить тебя до изнеможения, пока ты не уснешь в моих объятиях. Я бы хотела смотреть, как ты ворожишь над своими котлами, поешь своему богу и своим духам — и быть рядом с тобой, покуда этот мир не исчезнет в конце концов в вечном пространстве. Я бы пошла с тобой хоть на дно морское, к соленым травам и влажным пескам, камням и подводным сокровищам, хоть на небо, к самым облакам. Я бы...

Мара приподнялась на локте, и в полутьме ее профиль, освещенный тусклым светом, отпечатался на внутренней стороне век Даэн. Вот золотая линия ее шеи с изломом ключицы, переходящая в плавный скат красивой груди. Вот рыжий теплый блик, легким отсветом лежащий на ее подбородке. Вот тонкая прядь, черная — но золотая. Вся ты — из темноты и золота.

— Сегодня мы вновь расстанемся, северянка, — ее губы изогнулись в улыбке, такой тонкой, едва заметной — но от нее Даэн стало тепло и трепетно, — Ты представляешь? По крупице, по крупице для нас с тобой. Три капли в море.

— Мы не расстанемся, — Даэн рывком поднялась, ловя ее ладони и поднося их к губам, целуя нежные и в то же время жесткие руки, — Никогда больше. Я пойду за тобой к Сестрам и...

— Нет. — Слово ее было едва слышным, но Птица замерла, забыв все, что хотела сказать, — Ты пришла сюда для того, чтоб помочь племени — так помоги. Это гораздо важнее. Чем я, чем ты, чем кто-либо другой. Мы безымянные, Даэн, помнишь?

— Дождись меня, — ладони ее осторожно скользнули вниз, по позвоночнику ведьмы, бережно оглаживая ее спину, — Я вернусь через несколько дней, с вестями для Шедавар.

Отправлю Птиц в Гильдию с докладом для Лорелей. Меред скажет, что я осталась, чтоб выяснить больше информации, все что угодно скажет — а я пойду с тобой. Я разделю с тобой твою дорогу, только позволь мне сделать это...

— Поцелуй меня.

Даэн осеклась, глядя ей в глаза. Ведьма моя. Сердце билось рваным ритмом, пока Птица исступленно целовала ее, крепко сжав в объятиях самую дорогую и нужную в мире женщину. Тени на стене сплелись в плавном танце, мягко перетекая друг в друга. Рывком Даэн усадила ее к себе на колени, позволив ткани упасть на пол, и отблеск огня за спиной колдуньи казался крыльями, сотканными из света.

— Вот так, — Мара отстранилась, тихо и светло улыбаясь, спокойная и удивительно легкая, — А теперь иди. Должно делать то, зачем мы здесь.

— Я не хочу уходить, Мара.

Это не мой голос.

— Я знаю.

Она лежала на мягких шкурах, нагая, теплая — и дикая, совершенно не на своем месте, чужая среди этих стен. Взгляд ее скользил вдоль белых шрамов, оставшихся у Птицы, касался россыпи веснушек на ее груди и плечах. Даэн ощущала этот волчий взгляд, полный тоски, нечеловеческой силы и еще чего-то, чему даже имени не было. И только боги знали, сколько сил ей нужно было на то, чтоб не броситься к ее ногам.

— Знаешь, море набирается по капле, — голос ее был задумчив и тих, — А пустыня — по песчинке, — взгляд ведьмы затягивал — как в том видении, что она показала Даэн. Птица знала, что звездное колесо в ее радужке навсегда врезалось в память.

— Дождись меня тут. Прошу тебя, Мара, дождись меня, а дальше — хоть на край света, хоть в саму смерть. Только позволь мне идти рядом с тобой.

Ведьма подошла к ней вплотную, так, что сквозь одежду Даэн ощущала тепло ее тела. Мягкое прикосновение — Мара надела на ее шею тонкий шнурок с серым камнем, в глубине которого посверкивали прозрачные грани. Кристалл охлаждал кожу — и в то же время грел ее, словно живой уголек.

— Ты ведь сама все знаешь, Даэн. Мне нет нужды обещать тебе то, что не в моих руках.

— Все в руках твоего великого бога, да? — горькие слова обожгли глотку. Птица дотронулась до камешка, кончиками пальцев огладив холодную поверхность. Если бог ведьмы и давал благодать, то едва ли эта благодать была тем, чего Даэн желала.

Мара обняла ее, мягко и бережно заключив ее в кольцо своих рук. Тихо поглаживая Даэн по волосам, ведьма тихонько пропела:

— Но все в руках великого вечного бога, имя ему — Любовь и Пустота, — она сделала шаг назад, — Мы еще встретимся, Даэн. Может быть, и здесь. Может, где-то на пороге неба, может, в иной жизни — но встретимся.

Птица шумно втянула носом воздух. Самое жестокое слово было сказано, и самая жестокая правда не станет мягче, если ее отрицать. Даэн кивнула, отводя взгляд. Рука сама собой потянулась к мешочку с тремя сокровищами, хранимыми у сердца.

— Кое-чего я тебе не сказала, Мара, — тонкие пальцы бережно распутывали шнурок, — Здесь я храню тот камешек со дна ручья, и ягодку земляники с дальних полей. Тогда пахло земляникой, когда я тебя встретила, — голос не срывался, а на душе было так тихо, спокойно... — А еще здесь есть цветок. Самый красивый цветок из всех, что я видела.

На белую ладонь выпал засохший стебелек с хрупкими лепестками, каким-то чудом

сохранившими густой синий цвет.

— Это обережница. Мне так кажется, — Даэн усмехнулась, прикрывая глаза, — Она должна хранить любимых — так мне сказала Аллэи, а эльфийки уж точно разбираются в подобных вещах. Пускай будет у тебя. У меня здесь еще есть, так что ты возьми, пожалуйста, возьми...

А затем слов не стало. Даэн не знала, нужны ли они — богиня всегда насмехалась над ней, играла с ней, так и не научив ее тому, что верно. Птица никогда не знала, как нужно поступить, что нужно говорить — вот и сейчас было так же. Внутри вширь и вглубь раздавалась бесконечная пропасть, в которую сама она падала, и с каждой секундой падение это становилось все быстрее и все необратимее.

— Спасибо.

— Не за что. Береги себя.

Шаг дался с огромным трудом. Еще сложнее было улыбнуться напоследок и сказать — да так, чтоб голос был веселым:

— И помни, ведьма: я тебя отыщу. Где бы ты ни была, куда бы от меня не сбежала. Хоть к самим Сестрам, хоть к Ярис, хоть к своему Бессмертному. Я тебя отыщу и верну домой, и никуда ты от меня не денешься.

— Отыщи, — Мара не улыбалась. Спокойная зыбь в ее глазах наполнилась птицами, улетающими на север, осенней дымкой и сталью океана, в котором спали утонувшие корабли, — Отыщи меня, Даэн. Я буду ждать.

Еще один миг Даэн позволила себе тонуть в ней, а затем с легкой улыбкой вышла из ее комнаты, тяжело печатая шаг.

Она смеялась, черпая руками прозрачную воду из весеннего ручья, и серебро лилось из ее ладоней. Тихий вечер плыл над их домом вместе с сизым дымком, растворяющимся меж деревьев. Косые лучи заката сквозь сосновые мягкие иглы падали в густую траву у крыльца, и сияние охватывало ее силуэт. Мара напевала песню о доме, набирая в глиняный кувшин студеную воду, и золотые блики-рыбки плясали в ее глазах...

Медленно и как-то надрывно-тяжело билось сердце.

Они сидели на склоне холма, кажется, июньским ранним утром. Мягкие ковыли волнами стелились над землей, белым покрывалом укрывая склон. Пахло чабрецом и шалфеем, васильками, ромашкой. В волосах Даэн путались лепестки, и Мара осторожно выпутывала их, отпуская по ветру.

Меред и Атеа мирно спали, каждая на своей лежанке. Лебедь что-то бормотала во сне, то и дело смешно посапывая носом. Совсем еще ребенок.

Метель бродила за окном, и дом тихонько поскрипывал, дыша морозным воздухом. Под боком Даэн свернулась теплым клубочком ведьма, а Птица, спрятавшая Крылья в сундук и навсегда забывшая о войне, берегла ее сон.

Птица устало прижалась спиной к стене, вдыхая поглубже, всей грудью, и закрывая глаза. Во всех этих видениях не было войны, не было ледяной звезды, не было диких... Ничего, кроме их дома, заполненного светом и любовью. Ничего, кроме них двоих.

А реальность была совсем другой.

— Эй, Птицы, — звук собственного голоса показался ей слишком громким, — Подъем! Солнце уже наверняка встало.

Девушки заворочались, сонные, не совсем понимающие, в чем дело. Даэн преувеличенно бодро захлопала в ладоши, прохаживаясь по комнате.

— Встаем, встаем, хватит валяться. Отдохнули — и хватит. Шедавар ясно сказала: каждая минута дорога.

Лебедь, всклокоченная, с безумным ворохом кудрей, села на постели, недовольно воззрившись на Даэн:

— То-то я смотрю, ты хорошо отдохнула под боком у своей ведьмы, и тебе теперь нейдет. Да, Даэн?

— Отдыхала я в своей постели, глупое ты создание, — Даэн гадко ухмыльнулась ей, молясь Хартанэ о том, чтоб ни одним жестом не выдать, как все болело где-то у сердца, — И отдохнула. Чего ожидала и от вас. Так что довольно разглагольствовать. Быстро встали — и в путь. У вас есть время, пока я доложу королеве о том, что мы выдвигаемся сегодня. Приводите себя в порядок.

Холодный ветер забрался за шиворот, вцепившись острыми клыками в загривок. Воздух, пахнувший снегом и, едва заметно, горечавкой, ворвался в легкие. Птица дышала как в последний раз, оглядываясь назад, на темный свод пещеры, где осталась Мара, и просила: дождись. Дождись меня, пожалуйста, дождись. Не вздумай пропасть — все равно отыщу. Где бы ни была, я тебя отыщу, у всех богов тебя отвоюю, проклятая ведьма, так и знай.

* — строки из песни “Ведьмина колыбельная”, группа Немного Нервно.

===== Глава 17. Серый камешек =====

— За высоким небом, опустившимся на склоны холмов, за острыми вершинами древних гор, за еловыми черными скелетами, чьи сухие ветви скребут костями седые животы облаков...

Мара ощутила подкатывающую к горлу тошноту. Это скоро кончится. Только Бессмертный знал, сколько невыносимо долгих минут — или уже часов — она провела в каменной обители старухи Мэгавар, и только Бессмертный знал, что все это время женщина молилась: пускай эта пытка прекратится. Пускай тени наконец отступят в дальние углы и темные норы, откуда выползли по зову эльфийской ведьмы, и сгинут там. Пускай видения нечеловеческой силы больше не коснутся ее разума, который, казалось, уже воспалился от количества образов и их свирепой мощи.

А Слепая Мэг все продолжала звать к себе темные жгуты энергий, которые льнули к ее сухим ладоням. Знающая все время перебирала пальцами невидимую нить, словно пряжа, и колесом ее прядки было звездное колесо, медленно плывущее где-то в необъятной черной пустоте мира.

Из темноты на нее смотрело что-то жуткое. Безобразное, с белыми глазами-плошками, где расстилалась зимняя стужа. Мара знала — существо затаилось далеко-далеко отсюда, за тысячи верст, но его взгляд, наполненный ненавистью и голодом, прожигал ее насквозь, заставляя сильнее вжиматься в каменную лавку. Темное создание, чьего облика ведьма так и не смогла рассмотреть, лежало у каменного трона, обросшего кристаллами векового льда — и время тоже застыло в жестком пространстве, не имеющем плавной мягкости жизни, нежного перехода тонких линий и хотя бы одной искорки солнечного тепла.

— ...За поседевшими бесплодными полями, за пустынными заброшенными городами, за дорогой, вдоль которой черной рекой тянутся остовы мертвых деревьев...

Кто-то сидел на троне, кто-то, на кого Мара даже глаз поднять не могла. Ведьма видела лишь тонкий женский силуэт, то появляющийся, то снова исчезающий. Тени лениво тянулись к ней, разглядывали ее, позволяя Слепой Мэг проникнуть в самые далекие уголки мира — а Мара знала: если она начнет вглядываться, то уже никогда не вернется из плена

образов и видений. Женщина поймает ее разум, захватит контроль над ним, и тогда уже ни один смертный не сможет помочь ей. Разве что Бессмертный — да у того итак забот достаточно. Какое уж ему дело до глупой ведьмы, которая сама-то справиться не смогла?

Маре было больно и плохо. Голова нещадно гудела, словно кто-то надел на нее котел да теперь что есть силы колотит по нему ухватом. Колени дрожали, на лбу выступила испарина. Стареешь, ведьма. Или не доросла еще. Слепые глаза Мэгар впились цепким взглядом в Мару, и скрыться от острых игл ее зрачков было невозможно — Знающая запретила лесной ведьме выставлять даже самую простую защиту. Мир не рассыпался на крохотные цветные камешки, чтоб в следующий миг обернуться сплошным безумием красок и световых пятен — его медленно и тягуче поглощала мгла первых энергий.

— ...Есть древняя твердыня, вся в копоти и пепле, с промерзшими до самых подземелий пустынными залами, где гуляет ветер и души, которым никогда покоя не будет... Они ждут ее повеления, само время ждет ее повеления, как покорный зверь. Вот она поводит рукой — смотри, девочка! — и они падают к ее ногам, искалеченные, напуганные. А она улыбается, она знает — нет той силы, которая сможет ее навеки изгнать. И однажды она сломит Колесо.

Нить в костлявых пальцах тянулась к Маре, протягивалась от виска до виска внутри болезненно раскалывающегося черепа и дрожала натянутой струной. Больше всего женщине сейчас хотелось упасть в теплое забытие без цвета и звука и мягко покачиваться на волнах бесконечного покоя сна. Но засыпать нельзя было. Ни в коем случае нельзя было засыпать.

— Она чувствует тебя, она чувствует, что ты идешь, чтоб помешать ей. Не боится — пока наблюдает, смотрит сквозь сон, ничего не может сделать — не время еще, не время! У ее ложа, больше похожего на саркофаг изо льда — другая, темная, мертвая давным-давно, обрученная со смертью и смерти обещанная. И смерть смотрит из ее глазниц.

Больно-больно-больно. Так больно, что руки немеют. Сосуды и вены, казалось, сейчас разорвутся — Мара видела их синюю вязь на собственном запястье. Сейчас они выпирали, будто неведомая сила вытягивала их из нее целиком. Невероятное напряжение сводило с ума, и ведьма молилась Бессмертному, думая о теплых его руках и благостной его пустоте. Помогало, да только не слишком — белые глаза Мэгар и густая пелена, сквозь которую краски едва проступали, были гораздо ближе, чем нежность тишины.

— Она похищает наших дочерей, чтоб они, навсегда измененные и покорные, шли против тебя. Чтоб убили тебя — раньше, чем ты доберешься до чертогов той-что-все-еще спит, — старуха шумно втянула носом воздух, и скулы ее заострились, чуть ли не просвечиваясь сквозь пергаментную кожу, — Их все больше, они — как плавленное железо, собираются в одну огромную раскаленную каплю по маленькой капельке. И вся эта капля хочет тебя поглотить, песчинку, лепесток василька. Ты любишь васильки, сестрица?

Знающая старалась отвлечь ее, как могла. Когда становилось совсем невмоготу, Мэгар, словно чувствуя ведьмин предел, задавала простой, ничего не значащий вопрос, или сама говорила что-то. В этот момент что-то в груди Мары благодарно приподнималось с избитых колен и чутко слушало старуху, используя этот крохотный миг, чтоб вдохнуть и подготовиться для нового удара. А потом тени снова впились в усталый разум, высасывая его и взамен даря ей знание, свою собственную память. Только память эта была невыносимо тяжела.

— Люблю.

Да, она любила васильки. Нежная синева хрупких лепестков напоминала ей о теплых

летних вечерах, пронизанных лучами заходящего солнца, о ласковом ветре полей, путающемся в волосах деревенских девушек и расплетающем тугие косы. Чай с теми лепестками всегда отдавал едва ощутимой сладостью, остающейся на языке еще долго. А если заварить с мятой да мелиссой...

— А она не любит. Лишь одна синева ей любая — синева глаз той-что-все-еще-спит. А ты, сестрица, можешь сделать так, что она долго не пробудится. И мысль эта для невесты смерти страшнее, чем что-либо в мире. Она готова и себя под огненные колесницы бросить — только бы Синеокая пробудилась ото сна.

Мару била крупная дрожь, а сердце стучало тяжело, словно кто-то сжал его тяжелой рукой прямо в груди. Как же больно, духи мои! Не оставьте меня, вечные, дайте сил, просите за меня — вы ныне к Нему ближе...

— И Синеокая знает то. Ей неведома жалость, неведома и любовь. Она ведома слепой жадной, той, что древнее самого мира — породить смерть. Породить бездвижье, в котором не будет рождено ни единого лучика света.

Мир раздвоился. Стал прозрачным, и один слой лег на другой, как свет ложится на тень. В затхлом подземелье Мара увидела лесные дебри — образ пришел совершенно неожиданно, яркий и знакомый, такой нужный сейчас, словно глоток воды. Она по-прежнему слышала старуху, видела образы, градом падающие на нее откуда-то из чернильной мглы, и чувствовала безумное напряжение, но теперь даже самое страшное слово не могло причинить ей боли.

— Она хочет этого, она жадно тянет к Колесу белые руки — видишь, как остры ее когти? Она зовет к себе темноту, что гораздо страшнее любой тьмы вокруг нас — и та подчиняется ей. Что ты можешь противопоставить ей, сестрица? С чем ты выйдешь против нее?

Перед глазами разливалась темная гладь синих прудов, которую медленно рассекали черные листья — от них во все стороны расползались волнами тонкие кольца, разрастающиеся все больше. Подходя к обрывистым берегам, залитым лунным светом, они опадали, и прибрежную гальку не тревожило даже легкое, словно перышко, касание воды. Россыпь белых звездочек ночных цветов сползала по склону вниз, прямо к серебряной дорожке бликов, колеблющейся на глади пруда. В живом зеркале отражалось черное переплетение ветвей, за которым начиналось темно-синее небо — и вода сама становилась небом, глубоким, не имеющим ни дна, ни границ.

Уж мне-то точно есть, что поставить против ее холода. Мне — точно есть.

Кажется, Мэгарвар увидела. Слепая ведьма хрипло рассмеялась, и белые пряди ее волос колыхнул невидимый ветер.

— Хватит ли того? За ее спиной — весь холод мира, остановка, смерть. А что за твоей спиной, сестрица?

За спиной Мары — вернее, под ней, — дышала прогретая за день земля. Это было так странно: ее тело, совершенно ослабшее, находилось в подземелье старухи, а сама она бродила в ночной чаше и понять не могла, задевают ли ее босые ноги травинки, или это — тонкие лучи звезд. Она лежала на берегу, и под одной ладонью ее был мягкий прохладный песок, а под другой — сеть густой травы. Позвоночником ведьма чувствовала острые комочки земли, крохотные веточки, корни, уходящие вглубь — то ли земли, то ли ее самой. Она медленно повернула голову, словно во сне — и движение получилось таким, словно время обратилось жидким тягучим медом, а сама она стала пчелой, тонущей в нем. По

самому краю воды росла трава, и на тонких стебельках сияла огоньками роса. Или не роса?.. Свет, мягкий и пушистый, казался ручным котенком — и заключался он в прозрачной оболочке капель.

Совсем как я в смоле времени...

Она слушала землю, положив голову набок и ухом прижавшись к шершавой поверхности, укрытой травяным ковром. Глаза ее впивались в воду, над которой волшебными фонариками светила та самая роса. Под травой была галька, мелкая, круглая, поблескивающая влажными боками. Еще ниже прозрачной тонкой пленкой вода отделялась от земли, а дальше начиналась темнота...

В темноте плыли листья — а еще звезды. Тысячи звезд, собранные в крохотные спирали и скопления. Там переливался свет, и в золотых и розовых клубах сияющей пыли черными росчерками скользила пустота — Мара слышала об этой пустоте от духов, возвращающихся по весне из-под корней Древа Бессмертного. У самого окаема пруда звезды едва-едва мерцали, бледные и размытые — а вот ближе к центру разгорались ярче и ярче. Их становилось все больше, и они плавно кружились, словно те самые черные листья на поверхности. Ветер, движущий миры, медленно нес их на своих крыльях, заставляя выстраиваться звездные скопления в узор Вселенной, и подталкивал их к самому центру, где сияло огромное, гигантское Солнце. Сквозь боль, сквозь натянутые вены ведьма ощутила покой и теплую ладонь бога, глядящую ее по голове. Мара улыбнулась: она смотрела не в зыбь озерной воды. Не пруд — всевидящее око Бессмертного, где вместо зрачка горело солнце, а вместо радужки разливалась то ли вода с листьями на доньшке, то ли небо со звездами.

У Даэн тоже были глаза со звездами — разве что застывшими в смоле. Золотые искорки стягивались к зрачку, как галактики в глазах бога тянулись к солнцу. Как свет, пойманный в каплю воды, стремился собрать все лучики и свести их в одну белую, сияющую точку.

Как пустота, рассеянная в каждой частичке тела, накапливается в сердце пульсирующим комком, когда размыкаешь уста в беззвучной молитве. И как только последняя капелька тишины достигает сердца, наступает момент ни с чем не сравнимого наслаждения, неземного блаженства — момент единения со всем миром, когда нет тебя — но ты есть все.

А Мара любила васильки. Любила мир — и мир любил ее в ответ, всей собой любил, искренне и нежно. А еще Мара любила Даэн — и не знала того, что способно было бы остановить или сломить силу любви.

— Моим теням дела нет до богов и людей, сестрица — они живут себе, запоминают мир. Пьют его, и им все равно, что взять — жизнь ли, смерть ли. Многие чужаки, попавшие в Лореотт, говорили, что место здесь гиблое. Даже они чуют память моих теней — просто не знают, как сказать о том, вот и зовут ее гиблой... Мертвой. И если дикие убьют тебя, мои тени выпьют твою смерть. Они уже выпили смерть наших девочек, милых наших златоглазых детей, и не они металась в этих стенах, не они оплакивали ушедших так рано... Их оплакивала я. Не дай моим слепым глазам снова ощутить соль и горечь слез. Не дай моему сердцу снова тосковать. Не уходи туда, куда ушли Небесные Дочери.

Солнце застыло в капельке древесного сока, ползущего по шершавой сосновой коре. Даэн застыла где-то в сердце, отпечатавшись бесконечно красивым узором на радужке.

— Дорога к Сестрам идет сквозь Мертволесье — мне незачем идти по следу пропавших девочек. Путь Птиц — на восток, мой же — на север. Даэн совсем скоро возвратится к вам с вестями, я же вряд ли однажды увижу тебя снова, Знающая.

Мэгарвар покачала головой, горестно вздыхая. Мара заметила, как замедлились движения беспокойных рук старухи, словно нить на невидимом веретене уже заканчивалась. Да и пелена темноты опала, хоть и контуры предметов все еще оставались размытыми, словно спрятанными под тонкой вуалью.

— Ни одна из них не вернется — из смерти выхода нету, сестрица. Тебе ли не знать? Ни одну из вас я не увижу больше. Только ты, сестрица, не уходи до срока — хоть путь у тебя и один. Но до срока — не изменяй его... Не ты... — бормотание эльфийки становилось все неразборчивей, пока наконец не стихло.

Ведьма видела, как прозрачный тонкий силуэт на берегу пруда еще больше растворяется в воздухе, теряя четкие очертания. Только глаз бога со звездами и опавшей листвой внутри все еще глядел на нее, высвечивая самые далекие уголки души.

— Вернется, Знающая, — Мара улыбнулась уголком рта. Боль и тошнота медленно, словно нехотя, отступали, хоть и тело тяжело наливалось усталостью. Ведьма знала — если сейчас на ноги поднимется, тут же на месте рухнет от слабости. Едва ли в ней остались силы.

Зато была вера. Такая надежная, мощная, словно скала — уж кто-кто, а Птица вернется, хоть из смерти, хоть из бесовских разломов. Эту женщину боги всех миров оберегали, и золотые искры в ее глазах не могли угаснуть. Холодная Ярис не заберет ее. Никто тебя не заберет.

— Смерть там, под камнем, притаилась змеей, свернулась черным кольцом и ждет-поджидает... Не ее поджидает, тебя, — зашептала Мэгарвар, и веки ее ни разу не сомкнулись, — Клыки ощерила и глядит, всматривается во тьму... Не иди, не гляди в ту сторону, сестрица! — костлявая рука старухи снова впиалась в ее запястье, и Мара едва сдержала стон — символы на ладони ведьмы жгли кожу каленым железом, — Она ударит, как только почувствует чужака... Она заберет их взамен тебя — но так и должно, ибо ты отдашь себя за всех нас, сестрица... Не тебе менять узор, не тебе заплетать нити, а потому не ходи туда. Пойдешь — все будет зря, горемычная, все зря... Отпусти птицу, верни ее богу и небу — а сама делай что должно.

Мэгарвар говорила что-то не то, что-то пугающее. Холодный липкий страх заполнял сердце Мары, проникая все глубже с каждым словом, срывающимся с уст старухи. Огненный зрачок, напоследок полыхнув, погас, превратившись в лунный блик на синей поверхности, укрытой ночными тенями.

— Смерть не заберет никого, Мэгарвар, — тихо молвила Мара, чувствуя, как неприятно сводит тело, — Или тебе ведомо то, чего я не увидела? Если так, расскажи мне, не утаи от меня ничего.

Старая эльфийка заметно задрожала. Она отпустила руку Мары, плечи ее бессильно опали, а голова тяжело склонилась на грудь. Редкие пряди седых волос казались золотыми в тусклом свете факелов и напоминали паутинки в пору бабьего лета, искрящиеся в полях на закатах. Мэгарвар вздохнула, а затем тряхнула головой:

— Не бери в голову, сестрица. Что возьмешь с безумной старухи? Это все мои тени, — она улыбнулась в пустоту, и Маре на миг почудилось, будто улыбка эта была адресована кому-то, притаившемуся в комнате — и Мэгарвар смотрела на этого кого-то сознательно. Стало жутко, — Они мне нашептывают все, что захотят, вот я и говорю без конца да края. Вот и говорю... — Слепая Мэг усмехнулась, — Да ты не смотри на то. Ты счастливее меня, девочка.

По крайней мере, это правда. Сердце Лореотта уже давно хотело уснуть — Мара видела в ней эту жажду, это горячее, болезненное желание покоя, которого ей не обрести. Знающая покорно принимала свою судьбу, берегла свой город и его детей, и никто бы не смог облегчить ее ношу или хоть как-то освободить старуху от нее. На хрупких плечах Мэгарвар стоял Лореотт, и ей пришлось платить за это непомерно высокую цену.

— Не иди по следу Небесных Дочерей, сестрица. Иди на север, к Сестрам, тебе путь Стрела укажет — она на небе ярко горит, три звездочки, рядом стоящие — ее наконечник. Вот куда он указывает, туда тебе путь. И послушай старуху, милая, — Мэгарвар снова слепо нашарила ее ладонь, вновь оставляя горящий огнем след прикосновения, — Не ходи следом за Птицами. Если сердце позовет — не ходи.

Внутрь закралось беспокойство. Мара чуяла — что-то недоброе таилось за словами Мэгарвар. Но одно она знала наверняка: куда бы теперь ни летела Птица, а она всегда будет рядом с женщиной, у которой в глазах солнце плавилось. И любую беду от нее отведет. Как бы далеко не завели их дороги.

Ведьма попыталась было подняться на ноги, но тут колени задрожали, и женщина осела на пол. Осознание того, что тело не повинуется ей, пришло издалека, словно откуда-то из тумана. Мэгарвар, услышав ее вздох, сипло рассмеялась.

— Молодо-зелено, куда там. Посиди, отдохни — я знаю, что это такое, сестрица... Они берут слишком много, это правда. Взамен, конечно, тоже немало дают — но сил-то у тебя вовсе не осталось, — Мэг вытянула руку, удивительно грациозно выворачивая кисть в воздухе. Мара почти видела, как жгуты теней снова ринулись к ней, голодными пиявками вцепляясь в любезно протянутую ладонь. Отчего-то ее передернуло.

— Ты прости, Знающая — но мне лучше уйти, хотя бы из твоей пещеры. Слишком здесь темно для меня. Мне тяжело среди твоих теней.

— Хочешь спать?.. — голос старухи был вкрадчивым, словно она знала какую-то тайну.

— Да.

Действительно, спать хотелось. Больше всего ныне хотелось возвратиться к пруду, в котором отражалось солнце — или тонуло, Мара не знала. Но лишь в одном колдунья не сомневалась: там не было теней. Не было диких, не было белоглазого зверя, дремлющего у ног самой смерти, не было слепой старухи, разбередившей сердце страшными словами и неясными предсказаниями. Там вообще ничего не было.

— Что же, иди, сестрица. Только держись крепко — ты вон едва на ногах стоишь. Ежели здесь заснешь — и впрямь нехорошо будет. Ты нравишься моим теням, да, нравишься... — Мару вновь передернуло — фраза эта пугала ее, и ничего хорошего не сулила, — А коль нравишься, они вполне могут прирасти к тебе. Я им не хозяйка... Так что иди. Иди, сестрица. Иди... — старуха вновь принялась бормотать что-то, временами тряся головой, и Мара, взяв себя в руки, пошатываясь, вышла прочь из пещеры эльфийской ведьмы.

Здесь было тихо. Здесь тени не свивались в тугой кокон, не оплетали ее с ног до головы и не пили ее, словно она была дивной живой водой. Ноги гудели, перед глазами все плыло, а над верхней губой выступили мелкие-мелкие капельки холодного пота. Тело нет-нет да начинало заходиться дрожью, и Мара со стоном опустилась на каменный выступ перед деревянным мостиком через пропасть, чтоб хоть как-то прийти в себя. Время ползло не быстрее улитки — или капельки смолы, густой и тягучей. Время застыло, замерло, и в нем не было ни дурной, ни хорошей вести. Ведьма закрыла глаза, отыскивая тихий теплый комочек у сердца, в котором спал ее бог.

Хотя, быть может, кое-что все же было в этом золотом бездвижье, куда она бежала от страха и липкой власти древних энергий. Ведьма прикрыла глаза и представила прозрачный серый кристалл с белыми гранями внутри. Вот он, маленький камушек, такой яркий и четкий, словно Мара его на ладони перед собой держала. Крохотная щербинка сверху, над длинной скошенной гранью. Темное серебро цепочки, неизвестно каким чудом ввинтившейся в жесткую породу. Сумрачный, молочный блеск тонких пластинок, словно рассыпанных и вплавленных в кристалл.

Мара представила, словно она и есть этот камень. Ощутила его структуру, ощутила холодную, надежную породу внутри себя самой — и себя внутри нее. И тут же успокоилась — одним боком камень чувствовал тепло человеческого тела. Горячее прикосновение нравилось ему, и он лишь сильнее прижимался к тому, на чьей груди отныне хранился. Вернее, к той.

Смерть не придет за тобой, дочь неба и солнца.

Отпустив от себя образ камня, Мара расслабилась. Колени тут же предательски задрожали, и она снова опустилась на пол, буквально сползая по каменной стене. Позвоночник жгли узоры, вырезанные в камне, но ей до того дела не было. Время продолжало течь медленно — будто неведомый бог сделал надрез в мировом дереве, и янтарный сок, ловя солнечные лучи, теперь лился наружу, постепенно заливая рану и застывая. Солнце в нем дробилось, плавилось, и тягучая капля все больше наполнялась золотом.

У бога, наверное, глаза наполнены синевой и золотом. Водой и небом, а еще солнцем и смолой.

Мара и не заметила, как оказалась на полу — опомнилась лишь тогда, когда камень начал сильно холодить щеку. Со всех сторон ее обступала темнота, и лишь вокруг нее словно теплый золотой кокон разливался мягкий золотой покой. Я — пчела в смоле. Ведьма усмехнулась собственным мыслям, собираясь с силами, собирая себя и снова поднимаясь на ноги. Слабость никуда не делась — зато страх и ощущение прикосновения теней наконец сошли, сняв с нее свой черный след. Ведьма осторожно потянулась к серому камню, трепетно и нежно. Ведь одним боком камень чувствовал тепло.

Это я.

Ты вряд ли слышишь.

Все хорошо, Птица.

Мягкое ощущение чужой кожи под ладонью. Ведьма всей собой устремилась туда — и тут же обомлела. Усталость сошла мгновенно, словно и не было ее, а тени ринулись обратно, опутывая ее, поглощая, забирая в свой плен и утаскивая к самым страшным и самым темным недрам мира, где не было ни лун, ни солнц.

Тело, к которому прикасался камень, было ледяным.

===== Глава 18. На подступах к Мертволесью =====

Алая капля, застывшая в уголке рта, пахла металлом и солью. Даэн поморщилась, в который раз слизывая собственную кровь с губ: кожа растрескалась от ледяного ветра и теперь неприятно саднила. В голове то и дело мелькало отстраненное — дикие любят кровь, что совершенно не добавляло радости. Твари чуяли запах на невероятных расстояниях и с удовольствием развлекались охотой на тех, кому «посчастливилось» оказаться неподалеку с ранением, пусть даже крохотным. А потому женщина постоянно поджимала губы, надеясь, что она не приманит всех немертов окрестности.

От одного воспоминания о темных духах по спине пробежала дрожь, неприятной волной прокатившаяся вдоль позвоночника. Немерты. Не-мертвые. Дикие. Существа, измененные прикосновением Темной, низшие твари в ее свите. Даэн хорошо помнила, как готовилась к Первому Посвящению — Гаэра выставляла против них самые страшные мороки, на какие только была способна. Безликие существа с изломанными телами, черноглазые женщины с серой кожей и ладонями, покрытыми струпьями, дети с пустыми белыми взглядами и паутиной седых волос, спадающих на костлявые плечи — Даэн справлялась со всеми, всякий раз вызывая одобрение в рядах Наставниц. Но ни один, даже самый жуткий, морок не сравнился с тем, что вышло на арену против нее.

Он не был безобразным — почти обычный человек, разве что жутко худой да пеплом осыпанный. Даэн не испугалась ни белых глаз с крохотной точкой зрачка на дне, ни длинных острых когтей, хищно поблескивающих в свете факелов, ни того, что дух был выше ее и гораздо крупнее всех предыдущих противников. Но когда тварь улыбнулась, обнажив ряд бритвенно-острых зубов, девочка впервые ощутила липкий страх, парализующий ее и опутывающий с ног до головы. Темный шел к ней, ухмыляясь и двигаясь плавно, словно опасный хищник, а Даэн снова переживала все свои самые страшные кошмары. Его свистящий шепот еще снился ей несколько лет после Посвящения, и всякий раз она криком заходила, стоило только провалиться в темноту очередного сна.

Птичка в клетке, маленькая птичка, иди с-с-сюда. Иди ко мне.

Тогда она пошла — но не к нему, а против него. Ей было пятнадцать лет, когда дикий погиб от ее руки, и когда в ее ладонь легло первое Крыло. Еще до Посвящения Даэн думала, что, вернувшись в покои к девочкам, будет хвастать оружием перед младшими, расскажет им, как победила духа... Но как только дверь Лекарского зала закрылась за ее спиной, юная Птица поклялась себе: никогда. Никто из них не узнает, как же это страшно — смотреть в глаза своей смерти. Им еще доведется увидеть это самим, и нечего ей пугать их. Теперь она понимала, почему на все расспросы о Первом Посвящении старшие девочки всегда хмуро отмалчивались, изредка ограничиваясь сухим: «Поди спроси у Наставницы». Этот ужас ни в какие слова не обличишь.

Потом они путешествовали вместе с отрядами по северным селам, близ которых устраивали себе логова дикие духи. За пять лет Даэн навидалась всего: немерты, приходя в этот мир, могли принять любую форму, и Птица, вгоняющая Крыло по самую рукоять в сердце визгливо хохочущего ребенка, просила милости у своей богини. Просила всякий раз, когда черная мгла, струящаяся по жилам духа, уходила в землю. Убивать духов было не страшно — гораздо хуже приходилось с их жертвами: выпитые немертами люди буквально через несколько дней рассыпались прахом, а из пепла и персти поднималась сама тьма, медленно обрастающая контурами и очертаниями, обретающая кости и новую плоть. Даэн знала — они не способны выпивать смертных, потому как не являлись перворожденными от Темной богини. Но новообращенные духи прятались по лесам и заброшенным деревьям, выжидая часа, когда их позовет новый Излом. Их легко можно было узнать по глазам, черным как сама ночь, и по дерганым, резким движениям диких зверей. Они не разговаривали, нападали чаще всего на детей или слабых и подчинялись старшим духам. Их-то молодым Птицам и поручали отлавливать чаще всего и возвращать в бездну, откуда те появились. Но только спустя год Даэн научилась унимать дрожь в руках, вонзая в бесплотное сердце существа, бывшего когда-то человеком, клинок. Ведь раньше это была хозяйка харчевни, улыбчивая и веселая, чьи глаза лучились светом. Или добрый кузнец с золотыми

руками, мастерящий даже украшения. Или маленькая ведьмина дочь.

Двадцатой зимой ее жизни произошло Второе Посвящение. Второе Крыло заняло место обычного боевого кинжала, которым Даэн пользовалась в паре со священным оружием Гильдии, и теперь она была вольна уйти. Податься в наемницы, в мирные жители, да куда угодно — или остаться в Келерии, посвятив всю жизнь бесконечной борьбе, навсегда отказаться от всего, даже от собственного имени, взяв безликое птичье прозвище. И почему-то Даэн не колебалась.

Не все девочки, пришедшие в Гильдию вместе с ней, дошли до того дня. Йолли, долговзая и смешная Йолли, погибла, не дожив до Второго Посвящения всего несколько месяцев. Даэн хорошо помнила ее: Танцевала девица словно сама богиня. Льяные косы Йолли обрезала сама после того, как получила первое Крыло, и каждое утро на тренировочном поле Даэн выскивала ее мышастую макушку со вздыбленными пушистыми кудрями, чтоб позвать подругу в пару. Эй, Воробушек, потанцуешь со мной? И Йолли, задорно ухмыляясь и жмуря синие, словно небо, глазищи, шла к ней, раскручивая в руках тренировочные клинки.

Они так мечтали о Втором Посвящении, когда вместе со вторым Крылом им давали новые имена — Птичьи, заслуженные... Решение выносила Гаэра, наблюдающая за Танцем каждой ученицы. Старая Ворона сама подносила Крыло девочке, доказавшей, что она достойна сражаться во имя Хартанэ и нести в себе драгоценную частичку дара богини, и сама же нарекала ее. И хотя Наставницы запрещали заблаговременно судить о том, какое имя получит та или иная ученица, а вся Гильдия знала: Йолли будет зваться Воробьем. Такая же быстрая, юркая, незаметная, она Танцевала легко, даром что не хохотала при этом. Даэн всегда восхищалась ею и искренне любила подругу, всем сердцем — даже когда та, ехидно ухмыляясь, говорила, что Даэн будет Голубем, тупым и неповоротливым.

Воробушек так и не получила заслуженного имени. Никто толком и не понял, что произошло в заброшенном городе на юго-западе от Келерии, спрятанном далеко в горах — а те, кто был там, докладывали обо всем лишь Первым Птицам, Старшим в Гильдии. На Даэн вернувшуюся с жалкими остатками отряда, тут же посыпались вопросы погодок, перепуганных и объятых общим горем — возвратилось лишь четверо из одиннадцати. Но молодая Птица понятия не имела, что сказать им. Как расскажешь о том, что синеглазая девчонка плела такой Узор, на который едва ли способны сами Наставницы — а потом вдруг упустила его, увидев, как дикий полосует Даэн, не успевающую отразить атаку с двух сторон? Как расскажешь, что Йолли стала живым щитом, чтоб защитить ее, и не успела начать новый Танец? Что Даэн сама держала ее на руках, захлебываясь в слезах, а Воробушек, побледневшая, с пузырящейся на губах кровью, улыбнулась и шепнула: поцелуй меня напоследок, Голубка. Потом — бей в сердце.

Вкус крови Йолли еще долго не желал сходить с губ Даэн. Рука все же не дрожала на этот раз, и лезвие вошло в сердце девочки быстро — она лишь раз дернулась да так и уснула навек, с улыбкой на устах. Даэн не помнила, как ее уводили с заброшенного двора, на котором в снегу осталась лежать Йолли, из чьей груди поднималось ее же Крыло. Зато помнила синие ее глаза, глядящие в небо — и багровые капли, застывшие в уголке рта.

Женщина нахмурилась, загоняя обратно в сердце тупую ноющую боль, просыпающуюся всякий раз, когда воспоминания о погибших начинали захлестывать ее вновь. Сейчас на губах солоноватым привкусом отдавала ее собственная кровь, но картинки былого появлялись перед глазами сами, не желая повиноваться ей. Даэн глубоко вдохнула, впуская в

грудь колючий свежий воздух, и ветер вымел образ высокой тоненькой девочки с небесными глазами и пушистыми короткими кудрями, чуть золотящимися на солнечном свете. Когда они вернулись, Старшие доложили Лорелей о случившемся, и глава Гильдии впервые нарушила вековые правила, позволив Гаэре наречь Йолли посмертно, и на Птичьей башне, на одном из неприметных выступов, появилась новая крохотная статуя: маленькая птичка, уже раскрывающая крылья и готовая сорваться в полет. Даэн часто приходила туда, поднимаясь по внешней лестнице вокруг башни, чтоб коснуться рукой шершавого камня и поздороваться. Птичью украшали статуи Птиц, вошедших в историю Гильдии — и храбрая Йолли отныне тоже была среди них. Воробушек среди Соколов, Гарпий, Ястребов и Буревестников.

Вопреки ожиданиям Йолли, Даэн не стала Голубем. И даже Горлицей — хотя до последнего мнила себя неприметной, недостаточно стремительной, недостаточно сильной. Когда Гаэра подошла к ней, взмокшей, тяжело дышащей и ослабевшей от изнурительного Танца, Даэн даже спину с трудом выпрямила — сил практически не осталось. Второе Посвящение оказалось гораздо сложнее: тогда она Танцевала с тремя дикими, «пауком» и двумя падальщиками, и Узор получился знатным. Старуха глядела на нее черными вороньими глазами, и перья на широких рукавах ее темного одеяния, казалось, вырастали прямо из ее рук. В центре арены развели костер, к которому вышли все Наставницы и к которому подвели Даэн.

Хартанэ видит тебя, девочка — и принимает тебя. Поднеси ей всю свою былую жизнь.

Тогда Даэн положила к ногам старухи лоскуток своей детской рубахи, в которой она приехала из Фаулира, деревянный тренировочный клинок, прядь волос Тори и мешочек с синим камешком и земляничной ягодой. Гаэра усмехнулась, оглядев нехитрый скарб девочки, отныне отрекающейся от своего имени, подняла взгляд, и что-то лукавое и одновременно мудрое почудилось тогда молодой Птице в глазах старухи.

Ей хватит и трех даров, девочка. Твоя земля пускай остается с тобой. Все равно ты давным-давно не принадлежишь ей.

И мешочек вновь оказался у сердца, теплый, пахнущий летом и речной водой. За это она и по сей день благодарила Хартанэ. Да и прозорливую старуху — тоже.

Гаэра забрала ее детство, бросив в костер белый льняной лоскут, и Даэн видела, как витки дыма поднимаются к потолку туманными лошадьми, в чьих гривах сверкают искры звезд и звенят колокольчики золотого лета.

У тебя больше нет детства, Даэн из Фаулира.

Улыбка матери, веселые голоса братишек, тяжелая отцовская ладонь на плече — все это таяло в огне. И тогда Даэн стояла прямо, сжав зубы так, что виски болели.

Гаэра забрала ее любовь, отдавая огню медно-рыжую шелковую прядь женских волос, и на один миг Даэн почудилось, будто языки пламени обняли гибкое молодое тело, принимая его в себя.

У тебя больше нет любви, Даэн из Фаулира.

Гаэра забрала ее жизнь — то, к чему стремилась девочка с самого детства, ее мечту, за которую она заплатила кровью и смертью, за которую отдала непомерную цену. Деревянный меч, тяжелый и надежный, тут же вспыхнул, и костер голодно впился в него, пожирая сухую древесину.

У тебя больше нет мечты, Даэн из Фаулира.

Вот и все. Даэн смотрела в костер и думала, что там сгорает вся ее жизнь. Все, чем она

дорожила, все, что любила, все, ради чего жила. Теперь у нее есть лишь один смысл — служение Богине, служение Гильдии. Больше ничего не осталось. Посмотри, Хартанэ — я пожертвовала всем, чтоб прийти к тебе. Больше у меня ничего нету.

У тебя больше нет ничего, безымянная Птица. И тебя самой тоже нет.

Гаэра наклонилась к огню, поводя ладонью над костром, и тот, повинувшись ей, затих, лишь едва приплясывая на малиновых углях. В другое время Даэн бы подивилась этому — но отныне не было Даэн. А потому и дивиться она не могла.

Хартанэ учит нас: лишь все отдав, обретаешь еще больше. А посему, Даэн из Фаулира отныне ты обрела себя.

Молодая девушка удивленно заморгала, наблюдая, как Гаэра, улыбаясь, протягивает руку в огонь и прямо из него достает Крыло — такое же, как то, что уже покоилось в ножнах на поясе безымянной Птицы, которую только что назвали Даэн. Имя, данное ей при рождении, снова вернулось к ней — а вместе с ним вернулось и то, чем жила она всю свою короткую жизнь. На дымчатом лезвии плясали отсветы огня, и волнистый узор стали напоминал витки дыма.

Тебе возвращают твоё имя, ибо ты знаешь теперь, кто ты. Тебе возвращают твою мечту, Даэн из Фаулира — иную, возросшую, отмеченную Богиней и Богиней благословленную. Тебе возвращают твою любовь, что отныне будет хранить тебя даром Хартанэ и станет полной, словно весь мир. Тебе возвращают память о твоём детстве, ибо Хартанэ бережет всех детей своих, как бы давно они не познали горечь жизни. Все, что было тобою отдано, отныне с тобою — иное, переродившееся, совершенное и свершенное.

Гаэра повернулась к ней, заноса Крыло. Наставницы смотрели на них, и на их лицах Даэн видела улыбки. Они улыбались ей. Они гордились ею. Они стояли вокруг, и глаза их блестели в свете огня, и каждая из них могла бы стать невестой самой Хартанэ — да так и было, скорее всего.

Богиня даёт тебе второе Крыло, а вместе с ним и имя. Отныне ты — Коршун, первая этого имени. Возьми все, что было забрано у тебя, Даэн из Фаулира.

А потом Гаэра ударила её клинком прямо в сердце, и весь мир затопила волна невообразимого света, уносящего её куда-то прочь. Последнее, что помнила Даэн — то, как в груди зарождается огонь там, где раньше крохотным слабым мотыльком трепетал огонек дара Хартанэ. И то, как все Наставницы берутся за руки, и за их спинами вырастают настоящие крылья.

Потом, очнувшись в Лекарском зале, Даэн долго не могла прийти в себя, вспоминая события того вечера. На соседних койках лежало ещё пятеро девушек, с которыми она проходила обучение, и вместе они попытались восстановить картину произошедшего. Сошлись лишь в одном — Гаэра доставала Крыло из огня, а потом вонзала его в сердце. Посвящение для каждой Птицы проходило отдельно, а потому ни одна из них не видела, что делали с другими. Три девушки потеряли от слабости сознание ещё в момент речи Гаэры, двое — от боли, когда лезвие входило в плоть. Одна лишь Даэн видела отблески за спинами Наставниц и ощущала этот свет, струящийся по её венам. Позже она провела минут пять возле зеркала, разглядывая аккуратный белый шрам на своей груди, едва заметный среди всех остальных рубцов. На вид ему были уже годы, и на прикосновения Даэн болью он не отзывался.

Ещё спустя некоторое время девочки, прошедшие Второе Посвящение, начали придумывать небылицы о том, что видели в момент, когда Гаэра возвращала им всю жизнь,

убивая их. Даэн лишь посмеивалась: придумки с каждым разом становились все более изощренными. Какая-то бесбашенная Птица даже рассказывала, что к ней пришла сама Лорелей и, пока Наставницы и Гаэра пребывали в священном трансе и общались с Хартанэ, занялась с ней любовью прямо на арене в огне жертвенного костра. Этот слух разошелся по всей Гильдии, а потом глупую девчонку, распустившую его, вызвали к Лорелей. На разговор. После этого девочка ходила тише воды ниже травы, и на расспросы о том, как же все-таки выглядит Лорелей, упорно отказывалась отвечать. Неясно никто не видел на протяжении всего ее пребывания в Гильдии, а те, кто помнил ее еще девчушкой, давным-давно умерли — поэтому легенд вокруг Старшей собралось немало. Она не бывала ни на одном Посвящении, никогда не выходила за пределы своей башни, а волю ее и приказы передавали исключительно Наставницы. Молодые Птицы мечтали увидеть ее хоть одним глазком — а те, кто уже прослужил некоторое количество лет, молились о том, чтоб никогда не попасться на глаза Лорелей.

Ныне, осторожно спускаясь по склону вниз по виляющей тропе, Даэн тоже думала о Неясыти. Совсем скоро они вернутся в Гильдию, и вот тогда-то им придется предстать перед Лорелей с докладом. Хотя, возможно, выслушать их поручат Дамале — она, как-никак, состоит при Гаэре. А Ворона уже напрямую общается с главой Гильдии.

При мысли о Дамале у Даэн руки зачесались. Хищный взгляд Дамалы, ее неприятная ухмылка и скрипучий голос, словно ее кто по горлу полосанул, стали ненавистными ей еще полвека назад, когда Даэн только пришла в Гильдию. Дочь Вороны была чистокровной тавранкой, а потому продолжала терроризировать молодых Птиц до сих пор, упорно не желая помирать или хотя бы уходить на заслуженный отдых и перебираться в Птичий Городок, маленькое поселение, где доживали свой век старые Птицы и те, кто из-за серьезного ранения уже не сможет сражаться. Сухая и жилистая, невысокая Дамала держала в кулаке всех своих учениц, и при ней ни одна молодая Птица не смела глаз поднять. Даже некоторые Наставницы откровенно побаивались ее. Даэн хорошо помнила, как впервые очутилась на тренировочном поле на первом занятии, посвященном настоящему Танцу.

У новой Наставницы были черные вороньи глаза с хищным блеском, черная тугая коса, в которую вплелась серебряной ниточкой седина, и маленькие узкие ладошки. Даэн, подпрыгивающая от волнения на месте, разочарованно уставилась на маленькую, худощавую женщину и на ее руки. Разве вот это — руки воина?

Женщина остановилась перед ними, заложив руки за спину, и что-то в ее позе было такое, что заставило Даэн попридержать собственные мысли. Наставница оглядела их и раздраженно цокнула языком.

— Все хуже и хуже... мда. Ладно, — голос у нее был скрипучий, неприятный, и Даэн уже тогда решила, что ничего хорошего от Наставницы ждать не стоит, — Значит так. Запомните — нянчиться с вами я не буду. Но и терпеть невнимательность или расхлябанность на своих занятиях не собираюсь. Вы пришли сюда, чтобы стать Птицами? Покуда я вижу не Птиц, а неуклюжих птенцов, у которых мозгов хватает лишь на то, чтоб рты раскрывать.

Даэн надулась, стараясь не реагировать на обидные слова. Наставница Рейя говорила, что они — уже достаточно взрослые, чтоб называться Птицами, а эта женщина ни во что не ставит их! От незнакомки не укрылось то, как засопела стоящая в первом ряду девочка, и хищная улыбка озарила ее лицо.

— Ты что-то хочешь сказать, птенец?

Вся спесь и гонор разом куда-то делись, и Даэн вся сникла, стушевавшись и опустив глаза вниз.

— Вот и умница, — медово пропела женщина, — Значит, еще не все потеряно. Итак, маленькие мои бакланы, — она возвысила голос, и Даэн показалось, будто пилой по железу царапнули, — Меня зовут Наставница Дамала. С этого момента я курирую вас, и ни одного шага без моего ведома вы не сделаете. Уяснили?

— Да, госпожа Дамала, — раздался нестройный гул тихих голосов. Девочки бросали на Наставницу осторожные взгляды, испуганно отводя глаза всякий раз, когда женщина глядела в их сторону.

— Госпожа Дамала, — послышался чей-то робкий голос. Вперед вышла Лайда, белокурая тоненькая девчушка, жившая в комнате с Даэн, и вид у нее был такой, словно на казнь шла.

— Чего тебе, юный цыпленок? — Дамала оглядела ее, криво усмехаясь. Лайда побледнела еще больше, но все-таки задала вопрос.

— Как вас нарекли после Посвящения?

Дамала фыркнула, покачала головой.

— Вообще это не особо должно бы вас касаться, покуда вы не дослужитесь до первого Крыла. Но поскольку некоторые Наставницы настолько глупы, что ставят вас на одну ступень с собой и рассказывают вам свои птичьи имена, придется и мне, видимо, потешить ваше самолюбие еще разок. Последний. Ласточка.

Улыбка ее стала еще шире, а Даэн буквально-таки увидела, как все ласточки мира сейчас от ужаса решили удавиться, чтоб не приведи Хартанэ однажды не встретиться с Дамалой.

Птичье имя так и не ассоциировалось ни у кого с Дамалой, и лишь Старшие Наставницы звали ее так. Сама Птица терпеть не могла, когда ее кликали Ласточкой — однажды дошло до того, что она вызвала на поединок молоденькую Пташку, только-только ставшую Наставницей, которая позволила себе фамильярничать с ней. Естественно, что Ворона-Гаэра залечила раны девочки, но та отказалась от наставничества и ушла в обычные рядовые. Дамалу боялись все — она никогда не орала ни на кого, но яда в ней было столько, что всю Гильдию можно было бы в нем затопить, а скорость, с которой она наносила удары, была невыносимой. Даэн, впрочем, это не особо останавливало, и мысль о том, чтоб вызвать Дамалу, казалась все более соблазнительной. Оставалось только вернуться в Гильдию, пережить Излом — а там уж можно побороться за право учить молодых Птиц.

Разве что после этого твоя дорога не станет совсем иной... Глаза Мары со звездным колесом вспыхнули откуда-то из вереницы мыслей, и Даэн усмехнулась: едва ли Дамала будет тревожить ее потом. Едва ли. Ведь Коршун уже выбрала свою дорогу — следом за проклятой ведьмой, которая вознамерилась пойти наперекор тьме. И Даэн не сомневалась, что безумия на это у Мары хватит.

Пейзаж вокруг все не менялся — все те же серые камни, выглядывающие из-под снежного одеяла, те же длинные щебневые насыпи, те же заснеженные русла. Один раз они увидели замерзший водопад, спускающийся переливающимися застывшими струями откуда-то сверху — Даэн представила, как летом здесь звенят ручьи, и широко разливается стремительная горная речка, несущая свои воды вниз, к лесам и лугам. Пусть там, куда мы придем, будет вечное лето. И горы выше неба. И лес — чтоб ей было хорошо.

До предгорий они добрались вечером, ближе к сумеркам. Холод кусался, жег щеки и

пытался забраться за шиворот, чтоб выстудить все тело. Даэн только выше поднимала ворот плаща — мороз не особо досаждал ей: северяне были привычными к холоду, даже если родились далеко на юге и никогда не знали настоящей суровой зимы. Впрочем, годы обучения в Гильдии тоже делали свое дело: ни Меред, ни Атеа и слова не сказали о том, что замерзли. Холодный ветер, скользящий по склонам к низине, бил жесткими ладонями по щекам в бессильной ярости — ни одна из путниц не жаловалась, ни одна не остановилась. Все трое упрямо шли вперед по тропе и напряженно глядели на горизонт, туда, где темнела полоса леса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В сером дневном свете Даэн видела, где проходит граница меж Гарварной и Мертволесьем. Несмотря на то, что деревья давным-давно сбросили листву и стояли голыми, а отличить спящий лес от мертвого смог бы даже слепой. Там, где когда-то прошла Дикая Охота, почему-то практически не было снега — словно он не желал ложиться на землю и черные искореженные ветви. Щурясь, Птица могла рассмотреть тускло-рыжую полосу внизу, у самых корней. Пожухлая мертвая трава с длинными хрупкими сухими стеблями ковром стелилась меж стволов. Что-то белело на фоне темной стены деревьев, примерно на уровне глаз, но с такого расстояния даже Даэн с ее отменным зрением не могла разглядеть, что там.

Ответ появился сам собой, когда они вплотную подошли к Мертволесью. Снега под ногами становилось все меньше, пока они наконец не ступили на шелестящую от малейшего прикосновения траву. Засохшие цветы с темными жесткими лепестками тянулись к ногам, словно измученные неведомой жаждой. Даэн старалась ступать как можно тише, следом за ней по пятам шли девочки, безмолвные и настороженные. Никто и слова не проронил, пока они не очутились на небольшой круглой полянке, где из земли поднималось несколько замшелых валунов. Атеа собралась было присесть на один из них, но Даэн предостерегающе вскинула руку:

— Нет, Атеа. Они еще помнят темные энергии. Не касайся лучше.

Лебедь испуганно отдернула руку от камня и кивнула, озираясь по сторонам. Даэн кожей ощущала, как же тяжело им здесь — Меред напоминала хмурого медвежонка, который изо всех сил старался держаться храбрым и сильным, а Атеа в любой момент готова была выхватить Крылья. Лес нависал над ними, неприветливый, жуткий, и входить туда совершенно не хотелось. Даэн понимала, что ночь в Мертволесье может быть слишком опасной — нужно было где-то переждать это время, чтоб утром продолжить путь. Но ночевать на открытой местности — тоже не самый хороший вариант. Даэн тревожно оглядывалась по сторонам: неужели придется возвращаться назад, к склонам? Там-то они не так заметны...

Вдруг Меред указала куда-то в сторону и негромко молвила:

— Смотри. Что это?

Даэн обернулась туда, куда показывала Меред, и прищурилась. В надвигающейся тьме примерно в двадцати саженях от них виднелась какая-то постройка, покосившаяся от времени. Птица нахмурилась: почему они не заметили ее раньше? Впрочем, немудрено — на фоне черного леса едва ли можно было что-нибудь рассмотреть.

— Мне это не нравится, Даэн, — тихо сказала Атеа. Голос девушки чуть звенел плохо скрываемым напряжением, — Бес знает, что там может прятаться.

— Ты предлагаешь остаться здесь? — в тон ей ответила Меред, — Мы просматриваемся

на добрую версту. И для всякой падали вроде «пауков» будем легкой мишенью, если останемся здесь.

Обе они были правы. Логово могло быть как раз вот там, под черной прогнившей крышей, и только богиня знала, сколько темных духов может скрываться там. С другой стороны, ей крайне не хотелось оставаться в пустынном поле у самой кромки Мертвого Леса, под пристальным взглядом черных безмолвных деревьев. Она уже битый час не могла избавиться от ощущения, что стоит только отвернуться — и из темноты выскочит такая напасть, какую им не одолеть. Кто-то наблюдал за ними, кто-то бесшумный и осторожный, прячущийся в густых тенях и умеющий сливаться с ними. И прямо сейчас этот кто-то ждал.

— На открытой местности у нас будет больше обзор, — возразила Атеа, — И возможность для маневра.

— А еще на открытой местности может собраться целое полчище, — рассудительно заметила Меред, — Которое сметет нас в мгновение ока.

Воцарилось молчание. Каждая понимала правоту другой, но принимать решение все равно должна была Даэн. Женщина вдохнула поглубже, погружая собственное сердце в огонек дара Хартанэ. Тот тут же сонно откликнулся, растекаясь по венам пульсирующими толчками света, согревая каждую клеточку тела — но в то же время заставляя желать чего-то иного, большего, наполняя тело необъяснимой жаждой. Даэн обратилась в слух, запустив частички дара во все клетки своего тела, и таким образом ощущая мир напрямую, всей собой. Отныне вся она была чувством, струной, чутко реагирующей на любое колебание воздуха и изменение в структуре энергий. Девочки почувствовали это и тут же сделали то же самое, доверяясь действиям Коршуна.

— Пойдем туда. Если одна из вас ощутит хоть какое-то колебание, останавливаемся.

— А если... — начала было Атеа, но Даэн тут же оборвала ее.

— Если — будем решать на месте. Стоять здесь нет смысла.

Они медленно двинулись вперед, стараясь держаться в тени деревьев. Атеа натянула на голову капюшон, пряча золотые кудри под темной тканью. Даэн вела молодых Птиц за собой, прощупывая энергии на несколько саженей вперед, Атеа тянулась в две стороны, чуть разведя руки и будто бы касаясь невидимых волн кончиками пальцев, Меред же замыкала шествие, прикрывая их с тыла. Ощущение чужого взгляда, проникающего под кожу, никуда не делось, да и Даэн наконец сумела разглядеть, что за белые пятна так выделялись на фоне темного леса: вдоль кромки деревьев, насаженные на узловатые покосившиеся палки, белели черепа зверей. Человеческих костей женщина не заметила, сколько ни всматривалась, но легче от этого не стало. Звери хотя бы освободились — а люди, пропавшие под сводами мертвых крон, так и не нашли покоя, примкнув к рядам темных духов.

Ночное небо затянулось темными клочьями рваных облаков, чуть посеребренных звездным светом. Ветер гнал их по небу, словно деревенский пастух гонит отару овец на южные, залитые солнцем, луга. Разве что сквозь серую свалывшуюся шерсть небесных зверей проглядывали белые обломки ребер и черные внутренности неба, и пастух погонял их мертвой песней обломанного рога, который больше никогда не будет звучать переливчато и весело. Даэн поежилась, глядя, как беспокойные обрывки туч несутся куда-то вдаль — и словно шепчут: будет беда. Беда. Беги.

Очертания постройки, к которой они медленно приближались, становились все четче, и пока что Даэн не ощущала опасности. Двухэтажное здание, заваливающееся на один бок, раньше было водяной мельницей — а теперь лишь ветер касался ветхого колеса, когда-то

перекидывающего валы воды. На дне пересохшего русла тускло блестел скованный льдом ил. У самого берега на покосившемся плетне виднелись глиняные кувшины — и даже с такого расстояния Даэн видела черные трещины в них и темноту, выплескивающуюся из обрамленных острыми сколами дыр. Ветер пел в разбитой посуде и свистел в печной трубе, а сухая полынь под ногой вторила ему. Тени ветвей бежали по земле и, казалось, царапали подошвы сапог острыми когтями, пытаясь проникнуть под ткань. Атеа за ее спиной судорожно сглотнула и тихонько шепнула молитвенное слово Хартанэ. Даэн вполне понимала ее: старая мельница внушала тревогу и странный, ни на что не похожий страх. Впрочем, диких Птица не чувствовала — и то хорошо.

Темнота сгустилась где-то у ног, превратившись в черное одеяло. Сухое былье, едва присыпанное снежной пылью, колко шуршало на ветру. Из раскрытых окон сочилась мгла, и рассмотреть, что было внутри, Даэн не сумела. Дверь, висящая на одной петле, жалобно поскрипывала, будто бы просила войти и зажечь огонь в стенах, давно не видевших света. Этот дом так истосковался по жизни, ему так хочется хоть крупички ее, хоть глотка...

Даэн вздрогнула. Эта мысль не принадлежала ей. Голос, эхом отозвавшийся в голове, был похож на ее собственный — но Птица знала, что мысль пришла откуда-то из внешнего мира. Она оглянулась на идущих позади девочек. Атеа подняла взгляд, и Даэн увидела, как блестят ее глаза, огромные и перепуганные.

— Сдается мне, что это — твоя самая худшая идея, Даэн, — прошипела Птица.

— Мне тоже здесь не нравится. Но вариант с открытой местностью гораздо хуже. К тому же, я ничего не чувствую — если у тебя есть какие-то опасения, то будь добра поделиться ими с нами.

Атеа мотнула головой, но брови хмурить не перестала. Меред выглянула из-за ее плеча.

— Сзади тоже все более-менее спокойно. По крайней мере, поблизости нет никого — ни живых, ни духов.

Даэн кивнула, вновь бросая взгляд на старую мельницу. Они уже вплотную подошли к ней, и теперь оставалось решить, войти внутрь или нет. С одной стороны, ночевать в снегу им не впервой, но, с другой, ветер здорово кусался. Даэн не хотелось вымораживать кости и мышцы — кто знает, не придется ли им с наступлением утра бежать от преследователей, почуявших их ночью. С тяжелым сердцем женщина приняла решение:

— Идем. Внутри никого нет, энергия чистая. Конечно, это не уютный постоянный двор, но нас хотя бы не заметят из лесу, если вдруг кто-то есть поблизости.

Под ногой скрипнула доска, и Даэн взмолилась Хартанэ, чтоб прогнившее дерево не треснуло. Слишком громкий звук мог привлечь лишнее внимание, а потому ступать она старалась максимально осторожно. Как только Меред вошла следом за ними, Даэн позволила себе расслабиться и начала ждать, пока глаза привыкнут к темноте. Очертания предметов проступали нехотя, будто бы кто-то неведомый рисовал пальцем на пепле, но вскоре Птица смогла осмотреться.

Толстый слой пыли бархатом укрывал пол и все поверхности в комнате. Занавески, когда-то белые, рваным тонким саваном вздымались от малейшего дуновения ветра, и в сумрачном свете, льющемся из разбитого окна, танцевали пылинки. На разломанных жерновах виднелись тонкие запыленные желобки, обломки стропил врезались прямо в пол, и кое-где половицы вздыбились, словно шерсть на загривке дикого кота. Шаткие лестницы, уходящие на второй этаж, местами совсем обвалились, и взобраться наверх можно было лишь по торчащим из стен балкам. Даэн прошла по комнате, оглядываясь по сторонам.

Незнакомые ей механизмы давным-давно остановились, но запах железа и металлической пыли все еще витал в воздухе. Меред подтвердила ее догадку.

— Раньше, наверное, здесь железо затачивали... — она задумчиво остановилась возле огромного круглого бруска, надетого на странного вида деревянную конструкцию. Даэн видела рычаги, крепления для перетяжек, то ли истлевших, то ли лопнувших от времени — и лишь могла догадываться, как работал замысловатый механизм, — И бревна резали, видать.

Даэн с интересом наблюдала, как Меред обходит по кругу громадный станок с заржавевшим зазубренным лезвием, вонзившимся в прогнившее от времени дерево.

— У отца в мастерской был такой — разве что поменьше... Да и поновее, — девушка усмехнулась, почти любовно глядя на механизм, — Отец однажды даже позволил мне рычаг крутить — то-то я радовалась...

— Так что ж ты, порадуйся и сейчас, — язвительно отозвалась Атеа, — Покрути — видишь, в каком он хорошем состоянии, так и ждет тебя!..

Меред бросила на нее странный взгляд — Даэн почудилась в нем невыразимая тоска и немая обида. Атеа глядела на подругу с ухмылкой, но Коршун прекрасно понимала: девчонка хорохорится. Когда ей страшно, она всегда ведет себя вызывающе, не обращая никакого внимания на то, что может задевать чьи-то чувства.

— Перья не топорщи, — хмуро глядя на нее, молвила Даэн, — Слишком уж ты, дорогая, много говоришь не по делу. И не к месту.

Атеа с минуту сверлила ее пронзительным взглядом янтарных глаз, а затем отвернулась. Удовлетворенно кивнув, Даэн подошла к окну, становясь сбоку, чтоб тусклый звездный свет не выхватил ее силуэт. Черный лес был совсем рядом, и отсюда казалось, что он обступает мельницу со всех сторон, давит на нее. Белые пятна черепов, обращенных пустыми глазами прямо к водяному колесу, пугали ее — но показывать свой страх Даэн не собиралась ни богине, ни девочкам, ни Мертволесью.

Отойдя от окна, Даэн вскинула голову, оглядывая потолок, которого по сути-то и не было. Там зияла огромная дыра, острые обломанные края которой казались лучами неправильной звезды. Сквозь прорехи в потолке струились редкие полосы света, и Коршун видела крохотные клочки неба, лоскутами проглядывающего через прохудившуюся крышу.

Что-то привлекло ее внимание, и Даэн тут же напряглась, становясь цельным ощущением. Дикие поблизости не бродили, но в висках набатом стучало: будет беда. Беда. Беда. В доме было спокойно — никого, кроме них, на старой мельнице не было. Даэн начала искать хоть какую-нибудь зацепку, которая могла так потревожить ее — и нашла.

На балках, когда-то поддерживающих лестницу, слой пыли был точно такой же, как и всюду в доме. Но не везде. На обломанной доске примерно на уровне ее глаз остался длинный смазанный след, избородивший тонкое пылевое покрывало. Даэн похолодела — кто-то был здесь, и совсем недавно. И вряд ли этот кто-то передвигался на двух ногах, раз след остался так высоко.

Не паникуй. Это могла быть и птица. И доска, случайно упавшая сверху, да что угодно. Опасности рядом нет. Я же чувствую.

Меред тоже смотрела туда. Молодая Птица завертелась на месте, озираясь по сторонам, а потом тихо позвала Даэн:

— Вон еще, — Даэн, проследив за ее движением, уставилась на три борозды на балке пониже, — И вон там, — Меред указала на несколько крупных пятен на уцелевших лестничных ступенях. Атеа, прислушавшись к их разговору, подошла ближе и замерла, глядя

на следы.

Да, это явно не птица и не зверь. И не доска. Даэн огляделась. Вдоль стены к выходу тянулась прерывающаяся цепочка следов, будто существо передвигалось рывками, то ли уходя, то ли наоборот, прячась где-то в здании. Птица осторожно приблизилась к следам. Судя по всему, неведомое создание действительно пришло сюда и по остаткам лестницы взобралось наверх. И, возможно, до сих пор там прячется.

Видимо, девочки пришли к тому же выводу. Атеа глядела вверх, и руки ее лежали на Крыльях — Даэн видела, как четко прорисовались костяшки напряженных пальцев. Меред растерянно взглянула на Даэн:

— И что теперь?

— Не знаю, — откликнулась Даэн, на всякий случай проверяя, хорошо ли выходят из ножен лезвия, — Чувствуешь что-нибудь?

— Да нет... И это сбивает с толку, — Меред запустила пальцы в волосы, и лицо ее посуровело, стало еще более жестким — и в то же время Коршун видела ее неуверенность и испуг, загнанный глубоко внутрь, — Мне почему-то страшно, Даэн, безумно страшно... Но опасности я не чувствую. Что-то не так здесь, что-то неправильное... Не нравится мне это место.

— Оно никому не нравится, — Атеа резко развернулась и подошла к подножию лестницы. Осторожно ступив на хрупкую ступеньку, девушка оттолкнулась одной ногой, балансируя на кончиках пальцев и проверяя, выдержит ли древесина ее вес. На миг повернувшись к Даэн, Лебедь криво ухмыльнулась, — Меньше слов и больше дела, госпожа Коршун. Я не намерена беречь себе сердце, пока вы тут решаете, что же делать.

Она принялась взбираться по разломанной лестнице, осторожно перенося свой вес на ногу, чтоб не свалиться вместе с прогнившими досками вниз. Бесова девка! Даэн с рычанием в один миг оказалась рядом и успела схватить Атеа за лодыжку. Девушка шумно вдохнула, чуть было не потеряв равновесие, но быстро взяла себя в руки и выровнялась.

— Бес тебя заberi, немедленно спускайся! Не хватало еще, чтоб ты свалилась оттуда, или чтоб тебя там разодрали в клочья!

Лебедь умудрилась вывернуть ногу и тут же поднялась выше, туда, где Даэн не могла достать ее с земли.

— Я никого не чую. И ты тоже. А мне, знаешь ли, нужно удостовериться, что все в порядке — я не хочу, чтоб какая-то дрянь свалилась нам на голову неожиданно-негаданно.

С этими словами девушка направилась вверх, прижимаясь к стене — там доски еще были закреплены на балках. Даэн заставила себя поутихнуть и погасила бешенство, начавшее подниматься пламенем в груди. Возможно, в действиях девчонки и был смысл. Атеа добралась до голых балок и осторожно, придерживаясь за стену, ступила на первую. Дерево выдержало, и Лебедь, подобно дикой кошке, продолжила карабкаться вверх. В темноте она больше всего походила на гибкую тень, скользящую следом за движением небесных светил. Даэн следила за ней, и сердце всякий раз екало, когда Атеа чуть кренило в сторону, и она принималась размахивать руками, чтоб восстановить равновесие. Впрочем, получалось у нее неплохо.

Девчонка наконец добралась до прорехи, через которую можно было выбраться на второй этаж. Осторожно пригибаясь, Атеа выхватила левое Крыло и стремительно взобралась наверх, исчезая из поля зрения Птиц.

Секунды потянулись, мучительно долгие и томительные. Меред заметно нервничала, то

и дело заламывая пальцы и напряженно глядя туда, где скрылась Атеа. Даэн понимала ее — самой словно в сердце иголку воткнули: мало ли, что скрывалось в темноте. Сверху не доносилось ни звука, а потом вдруг с края досок посыпалась пыль, и вскоре в проеме показалась макушка Атеа. Девушка махнула им рукой, зазывая их к себе. Меред, заметно расслабившаяся, вопросительно взглянула на Даэн:

— Думаешь, стоит?

— Ну, иначе она нас изведет, — ответила Даэн, уже делая шаг к лестнице, как вдруг Атеа резко обернулась и отпрянула, исчезая где-то во тьме, а в следующий миг на месте, где она только что была, мелькнула чья-то тень. — А вот теперь, бес ее забери, точно стоит, — и Даэн буквально полетела наверх, не особо заботясь о том, что доски могут проломиться под ней, и на ходу вынимая Крылья из ножен. Медный молоточек в висках отбивал одно короткое слово. Беда. Беда.

===== Глава 19. Безумный дух =====

Бес бы тебя забрал, девка! Придушу своими руками проклятушую! А в Гильдии скажу, что померла сама — если ты еще жива.

За считанные секунды Даэн и Меред взлетели на второй этаж, и Коршун только диву давалась, как балки не проломились под ними, и как они умудрились удержаться на узких полосках древесины так легко. Слышалась какая-то возня, шумное дыхание Атеа и тихий свист, с которым металл рассекает воздух. Успеть!

Жалобно скрипнула половица под ногой, когда Даэн буквально переметнулась через острые сколы обломанных досок и выпрямилась в полный рост, становясь в первую стойку. Рядом бесшумной тенью появилась Меред, напряженная и готовая в любой момент вскинуть Крыло, изогнутым длинным пером зажатое в левой руке.

— Атеа!

Девушка стояла к ним спиной, и по линии ее плеч Даэн видела — она держит кого-то на острии Крыла. В один миг Даэн оказалась подле нее — и остановилась, неуверенно глядя на скорчившееся в углу существо, затравленно озирающееся по сторонам и нападать явно не собирающееся.

— Ты в порядке, Лебедь? — Меред не обращала внимания на согбенную фигурку на полу, глядя лишь на Атеа. Та скосила взгляд на Птицу и нервно фыркнула.

— Ну конечно, я в полном порядке, Меред, дорогая! Я прямо-таки в абсолютном порядке. Еще вот сейчас наша умница Даэн разберется, что это за тварь, и мое «в порядке» станет совсем уж неоспоримым!

Даэн проигнорировала ядовитый тон и резкость Лебеда. Не впервой, что уж там. Однажды девчонка выведет ее из себя окончательно, и тогда уже ничего не помешает Коршуну вызвать ее на Арену и хорошенько намять ей бока — или хотя бы оттащить за золотистую косу. А пока — и впрямь: есть дела поважнее.

Женщина вышла вперед, загораживая собою молодых Птиц. Существо, скрючившееся на полу, испуганно отпрянуло, пригибаясь пониже. Из-под тонких прядей волос, серебрищихся и мягких даже на вид, прямо на Даэн глядели глаза, в которых вспыхивали и гасли изумрудные яркие искры. Никогда Птица не видела таких глаз у диких — этот дух был совершенно другим. Осмысленный взгляд до смерти напуганного создания поражал своей ясностью и глубиной. Дух попятился назад еще сильнее, вжимаясь в стену, и падающий лунный свет сквозь дыры в ветхой крыше высветил тонкие пальцы, укрытые молочным сиянием. Под кожей бежали бледные полосочки переплетающихся сосудов — в полумраке

Даэн не могла разобрать их цвет. Видела лишь одно: кровь духа не была черной, как у диких.

В темноте блеснуло остро отточенное лезвие Крыла. Даэн не опускала оружие, готовая ударить существо в любой момент. Раскосые глаза расширились от ужаса, и дух чуть приподнял верхнюю губу, словно дикое затравленное животное, пытающееся хоть как-то защититься от нападающего.

— Кто ты?

Голос Даэн звучал хлестко, резко. Дух вздрогнул, еще сильнее вжимаясь в пол, но взгляда не отвел.

— Ты дикий? Тебя зовет Охота?

Существо снова дернулось, словно от удара, а затем вдруг зашлось тихим-тихим смехом. Даэн обратила внимание, что когда дух двигался, пространство вокруг него едва заметно колебалось, словно нематериальная плоть существа проходила его насквозь, расслаиваясь и размываясь.

— Ни сна, ни покоя, ни того-кто-меня-поведет... — дух лег на пол, переворачиваясь на спину. Его тело, не сокрытое одеждой, напоминало холст, на котором чья-то рука нарисовала темной краской полосы, узоры, линии и тени. Там, где у человека бьется сердце, у духа быстро-быстро вспыхивала и гасла золотисто-огненная искорка, трепещущая, словно птичье сердечко. Волосы-туман растеклись волной по полу, чуть колышимые холодным ветром, — Если хочешь — бей и освободи.

Дух закрыл глаза, откидывая голову назад так, что длинный изгиб шеи не защищало ничего. Даэн с недоверием глядела на него: почти умиротворение замерло на лице создания. Едва ли дикий вел бы себя так же.

— Ты не ответил мне. Кто ты?

— Я — тот-кто-играет-со-светом, — ясная полоса изумрудного света из-под его век напомнила Даэн солнечное сияние, просачивающееся сквозь зеленую листву. Не дикий. Дух долго вздохнул, — Так меня звали раньше.

— Что это означает? — подала голос Атеа, и Даэн, даже не оборачиваясь, знала: вот уж кто напуган, — Зубы заговариваешь, дикий?

Дух снова рассмеялся, все так же тихо и полубезумно.

— Меня не зовут диким, та-у-кого-золотые-волосы. Меня зовут не так. Не так! — последнее он выкрикнул, изогнув спину болезненной дугой, и Даэн не удержалась от тихого вскрика: боль прошла ее, словно голос духа резанул острым клинком по ниточкам-нервам. А тот-кто-играет-со-светом вновь тихо смеялся — только на лице его читалась странная, неведомая Птице мука.

— Кто бы ты ни был — мне нужно знать, почему ты не спишь. Все духи зимой возвращаются в Пустоту, — Даэн все так же направляла на него Крыло, готовая отбить атаку, стоит только духу попытаться напасть. Но тот даже не пытался — лишь лежал, запрокинув голову, и пронзительный тоскливый взгляд шарил по запыленной комнате, словно искал что-то.

— Не сплю, не сплю, не сплю... — горькая улыбка замерла на его лице, — Я никогда не сплю. Теперь — никогда. С самого первого черного дня, та-что-держит-мою-смерть, с самой первой ночи, когда они появились здесь.

— Ты говоришь о диких? — Даэн не сводила глаз с духа. Тот резко сел, подтянув колени к груди, и принялся раскачиваться взад-вперед, иногда пряча лицо в узких, почти светящихся ладонях.

— О тех-кто-не-знает-жизни. О них! — снова крик, поднявший волосы на затылке Даэн дыбом, — О тех-кто-идет-из-тьмы... О тех-кого-ведет-Она! Она и меня звала, знаешь? Звала... Звала — но я не пришел к ней, я просил того-кто-дал-мне-жизнь, и он спас меня от нее.

Дух всхлипнул, и тонкие плечи его задрожали.

— Но домой он меня не возьмет, он не может меня забрать... И я не могу заснуть, я не знаю сна, я не знаю отца своего, я забыл его! Тысячи лет, тысячи лет, тысячи ночей. А знаешь, как страшно, когда они просыпаются, знаешь? — тот-кто-играет-со-светом встал на колени, покачиваясь будто тростинка на ветру, и поднял голову, глядя на Даэн. Глаза его поглотили зеленое темное море, и в них Птица видела невыносимое страдание, — Они не трогают меня — не в их власти дать мне покой или забрать к себе, но я чувствую то, как гниет внутри них мой отец. А во мне... — тонкая рука духа взметнулась вверх и вновь опала. Существо низко опустило голову, и голос его звучал едва слышно, — А во мне мой отец обезумел. А с ним и я.

Скрипнули доски, вторя скулящему ветру. Даэн убрала Крыло в ножны и осторожно опустилась на колени рядом с духом, боясь спугнуть его. За спиной раздался испуганно-возмущенный громкий шепот:

— Что она делает, побери ее бес?!

— Тише, Атеа, — мягко остановила ее Меред, и Даэн в который раз ощутила благодарность к этой девочке. Впрочем, сейчас все было так неважно. Значение имели лишь печальные глаза духа, сошедшего с ума. Все в руках твоих, Хартанэ.

— Ты жил здесь до первого Излома?

Дух закивал, и Даэн показалось, будто цветной узор на его теле изменил свой цвет, переливаясь подобно радуге.

— На дне ручья, под деревянным колесом. На лугу, что за плетнем. В листве, что когда-то пела так сладко, так весело!.. Я жил всюду, и каждую зиму возвращался домой, к нашему отцу.

Даэн чувствовала, как внутри что-то чутко отзывается, ощущая эмоцию духа. Раньше такого не было, и женщина насторожилась: незнакомое чувство не походило на дар Хартанэ, но принадлежало ей. Казалось, будто еще чуть-чуть — и она начнет видеть то, о чем говорит дух. Словно он баял ей на языке видений.

Быть того не может! Даэн вспомнила, как Мара показывала ей чудеса, яркие и живые — и нынешнее чувство напоминало отголосок того, что возникло в каменной келье под сводами Лореоттских пещер. Там, где пахло земляничным чаем, разгоряченной под ладонями кожей и дикими травами. Птица недоверчиво тряхнула головой — и только ныне разглядела полупрозрачную пелену, занавесившую весь мир. Только дух оставался четким, ясным, настоящим — а все остальное куда-то ушло. Утекло, словно вода.

— Ты все верно чувствуешь, та-у-кого-солнце-в-глазах, — дух закивал, все так же нервно и быстро, — Это будет нашим с тобой секретом, хочешь?

Атеа за спиной что-то заворчала, но Даэн не было до того никакого дела.

— Это неважно. Расскажи мне, что случилось потом? Почему ты здесь? И где дикие? Они выбираютя сюда из леса?

Дух качнулся в сторону, и лунный свет размыл серебро его волос влажной кистью, оставив во тьме тонкие полупрозрачные блики.

— Потом... потом случилось что-то. Пришла она и выжгла нас до самого доньшка. Она

выжгла мой дом, она подвела ко мне за руку мою смерть, но смерть отказалась брать меня... Я помню Дом — и мне некуда идти отсюда. Знаешь, та-у-кого-солнце-в-глазах, здесь когда-то пахло такими, как ты. Люди были здесь, сеяли здесь зерно, которого не водилось в моем лесу — но я все еще помню этот запах, когда они перетирали его. Такой странный запах... — тот-кто-играет-со-светом склонил голову набок, задумчиво глядя в пустоту сквозь Даэн, — Он нравился мне. Потом людей не стало, и зерна того не стало, и вода в моем ручье стала ядом.

Дух повернулся к ней спиной, и вдоль его позвоночника Даэн увидела черную лозу, вьющуюся странным узором вниз. Приглядевшись, Птица тяжело сглотнула: на бесплотном теле духа остались глубокие черные борозды, словно кто-то лил раскаленное железо ему на спину.

— Этот яд выжег и меня, — существо снова рассмеялось — будто старое серебро крошилось, будто струна под пальцами рвалась, — Пропитал землю, ушел в травы и песок, в деревья, в кровь моих братьев и сестер, в кровь людей. Им ненавистно солнце, и летом они засыпают в своих норах под корнями, а порой и зимою спят — им голодно. Но та-что-хочет-разрушить-мир зовет их, и они просыпаются. Ищут. Бродят.

— Где их логово? Ты знаешь? — Даэн чуть склонилась над ним, и по коже прошлась странная колючая волна. Так бывает, когда где-то рядом бьет молния, и в воздух вонзаются тысячи крохотных иголок. Дух отпрянул, испуганно закрываясь от нее руками.

— Нет! Тот-кто-играет-со-светом не знает, не знает!.. Они там, — полные ужаса глаза обратились к разлому окна, где острым черным частоколом виднелся иссушенный лес, — И даже отец не заставит меня идти туда...

— Сколько их? — Даэн ненавидела себя почему-то — ей казалось, что она допрашивает духа, перепуганного, словно ребенок. Но иначе нельзя было. Тот-кто-играет-со-светом судорожно затрясся — точно человек. Только вот Даэн ощущала в нем страх такой мощи, что ни один из смертных не смог бы выдержать этого чувства.

— Сотни, тысячи... Они — будто свора, бешеные гончие, которые подчиняются лишь безумной ее воле... Не ходи, не ходи в черный лес — не воротись назад!..

— Уж мы-то, наверное, и без тебя разберемся, странный дух, — нервно рассмеялась Атеа, и именно сейчас Даэн захотелось убить ее. Дух вцепился в ее запястье тонкими холодными пальцами, и Птицу словно прошила дрожь: его прикосновение было странным — острым, жгучим и ледяным одновременно.

— Не ходи в черный лес, не ходи, не ходи!

— Я не позволю тебя с собой, — тихо сказала Даэн, исподлобья глядя на духа. Тот, тихонько поскуливая, вновь припал к земле и затряс головой.

— Не ходи!

— Хартанэ, убереги от безумцев, — проворчала Атеа где-то за спиной. Меред что-то тихо шепнула ей на ухо — лишь эхо разошлось по комнате тихим шелестом. Но это подействовало: молодая Птица прекратила бурчать под нос.

— У нас есть долг, и мы обязаны выполнить его, — медленно проговорила Даэн, тщательно взвешивая каждое слово, — До рассвета путь в Мертволесье нам заказан — а ты сказал, что они боятся солнца. Днем нам ничего не угрожает, если так. К тому же, мы обучены сражаться с дикими, и в нашей груди поет светлая богиня, защищающая нас. Нас уберегут.

— Нет, нет, нет... — дух горестно вздохнул, а затем заломил тонкие руки — и тут же

замер, расслабляясь. Что-то незримо изменилось в нем, и Даэн показалось, что перед ней — абсолютно спокойное разумное существо, не опутанное сетями безумия, — Вы не знаете, что ждет вас там. Мертволесье отравлено, и тут ваша богиня не сможет помочь тебе. Никому из смертных не помогают те-кого-вы-зовете-богами — не здесь. От этого края они давно отвернулись.

Тот-кто-играет-со-светом поднялся на ноги. Он был ниже Даэн примерно на голову, тонкий и хрупкий, не похожий ни на одно живое существо. Осторожно, словно во сне, он с минуту разглядывал ее, обходя по кругу — и Птица поворачивалась за ним. Она ненавидела, когда кто-то оказывался за ее спиной — особенно кто-то из тех, в чьих жилах течет не кровь. Меред и Атеа смотрели на него настороженно, иногда бросая быстрые взгляды на Даэн, чтоб иметь возможность повторить ее действие.

— Они могут прийти сюда ночью?

Дух остановился, покачиваясь с пятки на носок. Воздух вокруг него дрожал и бликовал, мелко-мелко рябил, и Даэн почему-то это казалось красивым.

— Нет — дела им нет до моего разрушенного дома. Разве что вас учуют. Но они-то далеко, в самом сердце мертвого леса... Поэтому — здесь вам безопаснее будет, чем где-то еще. Впрочем, едва ли тут безопасно.

Даэн кивнула — скорее себе, чем тому-кто-играет-со-светом. Расслабляться нельзя, это уж точно.

— С твоего позволения, мы останемся тут до солнца. А потом уйдем.

— Лучше бы вам уйти прочь, не в сторону леса, — покачал головой дух, а затем вновь что-то изменилось, и движения его стали резкими, дерганными, а взгляд — рассеянным, — Тот-кто-играет-со-светом может уйти, если та-у-кого-в-глазах-солнце попросит.

— Это было бы очень кстати, — снова подала голос Атеа, складывая руки на груди и сверля духа тяжелым взглядом, — Не люблю, когда рядом спят бесплотные.

— У тебя в глазах нету солнца, та-у-кого-золотые-волосы, — пропело существо, бросая на нее ничего не означающий взгляд, — Потому я спрашиваю не тебя.

Атеа открыла было рот, но Даэн подняла руку, останавливая девушку, и кивнула.

— Не уходи. Это твой дом, кем бы ты ни был. Мы в нем гости, не ты.

Дух рассмеялся — почти что счастливо. А потом вдруг замер, прислушиваясь к чему-то. Даэн интуитивно погрузилась в дар Хартанэ, высвечивая весь мир на версту вокруг, но диких поблизости не почуяла.

— В чем дело? — тихо спросила Коршун у того-кто-играет-со-светом. Дух, отсвечивая серебром и лунным светом, плавно опустился на пол, вновь обнимая собственные колени и укладывая голову на них, словно ребенок.

— Скоро гости будут здесь. Они летят быстрее ветра, быстрее тени. Спешат прямо сюда, по вашим следам! — он покачал головой и улыбнулся, как-то светло и доверчиво, — Вам бы встретить их — все равно они и сюда выберутся, если понадобится. А гостей у порога должно встречать, неужто не знаете?

Атеа грязно выругалась и злобно зыркнула на Даэн.

— Вот, пожалуйста! Пока этот невесть кто заговаривал нам зубы, его дружки учуяли нас, и сейчас твоими молитвами и глупостью сюда сбежится все Мертволесье!

Дух снова рассмеялся, мечтательно глядя сквозь пространство. Даэн подошла вплотную к Лебедю и буквально прорычала в лицо девочке:

— Закрой рот, Атеа из Эглеира. Прекрати разглагольствовать и паниковать. Это раз.

Два — я являюсь старшей твоего отряда. Поэтому изволь подчиняться моим приказам.

— Изволь сначала отдать приказ, — огрызнулась Лебедь, не отступая ни на шаг. Боги, наступит день, когда я упрошу Наставницу Найю дать мне самые крепкие розги и высеку эту дрянь перед всей Гильдией!

— Замечательно. В таком случае — немедленно заткнись и спускайся следом за нами. И только попробуй сказать еще хоть слово в сторону этого духа, — предупредила ее Даэн. Девчонка гордо вздернула подбородок, и Коршун улыбнулась ей — недобро так улыбнулась, — Не шути со мной, Атеа. Не надо. Я терпелива — но до поры. И ты прекрасно это знаешь.

— Даэн, мне кажется, сейчас есть дела и поважнее, — тихо заметила Меред, как бы ненароком втискиваясь между ними и заслоняя широким плечом Атеа, пронзительно глядя Коршуну в глаза, — Поставишь ее на место позже.

По сути, Меред была права. Даэн развернулась и направилась к дыре в полу, откуда удобнее всего было перебраться на балки, бросив через плечо:

— За мной. Обе.

Спуститься оказалось гораздо сложнее, чем взобраться наверх. Для Даэн-то это не составило большого труда — Птица привыкла к долгим тренировкам, когда они балансировали на узком бревнышке, перекинутом через ледяной узкий ручей. За годы упорной работы тело легко находило точку равновесия и словно само знало, куда поставить ногу или перенести вес. А вот молодые Птицы за спиной Даэн были гораздо более напряжены. Спускались они медленно, осторожно, долго примеряясь перед прыжками, и Коршуну казалось, будто одна из них вот-вот точно свалится. Это не дело. Если они спустя несколько лет столько навыков растеряли, то по-настоящему умелых воинов у Гильдии не так-то и много. Молодые не видели диких, те, кто постарше, ведут себя так, словно тренировок в юности им хватит на всю жизнь... Что же будет, Хартанэ?

Даэн спрыгнула на пол, бесшумная, словно кошка. Спустя некоторое время рядом двумя тенями встали Меред и Атеа. Пылинки, потревоженные движением, танцевали в сумрачном свете, льющемся из окон и щелей, и холодный ветер качал их, сталкивая друг с другом, снова разгоняя порознь и заплетая узорными вихрями. Даэн дышала глубоко и медленно, любясь эти странным танцем — и обнажив лезвия Крыльев. Она слышала стук сердец девочек, и, кажется, все остальные звуки ушли и растворились. Осталось лишь это трепетное, едва различимое биение.

Приближение незнакомца она скорее ощутила, чем услышала или увидела. Легкое колебание — словно маятник качнул воздух, словно маленький камешек упал в воду, и круги побежали во все стороны. Подобно пузырькам воздуха, поднимающегося от этого камешка на поверхность, к ней шло ощущение, безымянное чувство. Ладонь лежала на рукояти привычно, и Даэн ждала, замерев и лишь дыша. Глубоко и мерно.

Волна докатилась до нее, разбежавшись мурашками по коже. Скрипнула половица снаружи, сиплый вдох разогнал тишину, и Птицы синхронно вскинули Крылья — каждая по-своему, каждая — так, как не сможет повторить другая, каждая — к своему имени.

Бить в зависимости от того, сколько их. Слушайте меня, ясно? Без фокусов.

Ответ пришел от обеих девушек, и Даэн легко различила голос-ощущение, идущее от каждой. Ядовитая Атеа и спокойная, тихая Меред. Впрочем, обе были собраны — и то хорошо.

Лунный свет высветил силуэт женщины, распахнувшей дверь, высветил острый взгляд,

пронзающий насквозь. Даэн уставилась на нее, не до конца веря своим глазам. У диких не было глаз со звездным колесом на доньшке — стало быть, все было действительно так, и на пороге и впрямь стояла Мара. Первой от шока отошла Атеа.

— Твою же прародительницу, поганая ведьма! Совсем уже одурела, что ли? Ни стыда, ни совести у тебя нет! Мы уж было подумали, что дикий, а ты тут прогуляться вздумала...

— Язык придержи, девочка — не то я его вырву, — миролюбиво ответила ведьма, и Даэн почему-то не сомневалась: уж она-то точно вырвет.

— Что ты здесь делаешь? — напряжение все никак не хотело отпускать плечи Даэн. Женщина опустила оружие, наблюдая, как ведьма заслоняет за собой дверь, — Ты ведь собиралась к Сестрам... И как ты нашла нас? Как добралась сюда так быстро?

— Я попыталась ощутить тебя — и не сумела, — ведьма подошла к ней, бесцеремонно развязывая ворот рубахи. Что она делает?... Щеки Даэн вспыхнули — благо, в темноте никто не заметил, — но тут Мара вытащила на свет кристалл, подаренный ею же, и сжала его в ладони, прикрыв глаза. Некоторое время ведьма хмурилась, перекатывая камешек в ладони, а потом покачала головой, — Ничего не понимаю. Он холоден, словно и не касался тебя...

— Камни вообще-то не нагреваются — настоящие, по крайней мере, — язвительно пробормотала Атеа, упирая руки в бока.

— Я говорю не о том, дитя. И не с тобой, — Мара отпустила камень, и Даэн тут же спрятала его под рубаху. Ощущение кристалла, прикасающегося к телу, почему-то нравилось ей, — Энергетического тепла не было. Так бывает лишь в смерти, — она покачала головой, — Потому-то я и решила, что у вас случилась беда. И пошла за вами. Шла следом по Мостам, — поймав непонимающий взгляд Даэн, Мара уточнила, — Расстояние между энергиями, от одной точки до другой, называется Мостом. Так можно переходить быстро, сливаясь с той или иной силой, и преодолевать огромные расстояния — хоть и я крайне редко пользуюсь таким способом передвижения.

— Почему? Так бы ты добралась туда, куда тебе нужно, гораздо быстрее, — Даэн все еще хмурилась, глядя на женщину — хоть внутри все пело, тянуло тревогой и нежностью, желанием поскорее увести ее отсюда в безопасное место, спрятать от всех бед и хранить ее покой там, где кошмары не найдут ее. Только перед ней стояла ее Мара, которая вряд ли согласится на такой исход. Ведьма пожала плечами.

— Ну, во-первых, я не знала, куда мне идти. Невозможно мигом переместиться из одной энергии в другую — Мосты соединяют лишь родственные им силы. Грубо говоря, между точками огня — огненный мост, между точками воды — водный. Это если грубо. И нужно постоянно переходить с Моста на Мост — а мне моя дорога неведома. А во-вторых — я пробовала так делать лишь однажды, и тогда это отняло много сил. Сейчас же у меня был четкий след — энергии запоминают тех, сквозь кого они прошли, и кто прошел сквозь них. Так что я шла на вас и ошибиться не могла.

— Замечательно, — Атеа чуть сощурилась, — Значит, это о тебе говорил тот чудак... Ну, все лучше, чем стая темных духов у двери.

— Какой чудак? — Мара склонила голову к плечу, внимательно глядя на нее.

— Здесь живет дух — не дикий. Он наверху — это он сказал нам, что скоро здесь будет гость. Почуял тебя, видать, — Даэн задрала голову, но наверху не слышалось ни шороха.

— Дух? — Мара ошеломленно покачала головой, — Быть того не может! В Ночь Снега все духи, кроме диких, уходят к Бессмертному и...

— А этот не ушел, — пожала плечами Лебедь, — Ишь, какая находка. Самовольничает,

негодяй. Бормочет чушь какую-то все время, то хохочет, то скулит. В общем, ты бы потолковала с ним, госпожа колдунья, а то он подозрительный уж больно. Спать не хочет, в лес нас не пускает, глупости какие-то все время говорит — а дальше-то все может еще хуже обернуться! Кто же их, юродивых, знает...

Ярость Даэн, так долго и тщательно сдерживаемая, уже готова была выплеснуться, когда тихий смешок откуда-то сверху привлек их внимание. Тот-кто-играет-со-светом мягко спускался с балки на балку, чуть покачиваясь и двигаясь то плавно, то резко.

— Веселая та-у-кого-золотые-волосы. Не смотри на нее, та-у-кого-наша-кровь. Она всего лишь играет, — дух спустился вниз и медленно подошел к Маре. Долго смотрел ей в глаза, долго-долго, и не шевелился — и ведьма так же замерла рядом с ним, не отводя взгляда. Эти минуты растянулись в вечность, пока дух вдруг не упал ей на руки, вцепляясь в ее рукава и сотрясаясь в беззвучных рыданиях. Мара осторожно поймала его, прижав к себе, а тот-кто-играет-со-светом плакал и тихо-тихо просил, — Забери меня, отведи меня домой. Отведи меня домой... Пожалуйста, забери...

Ведьма посмотрела на Даэн, и в глазах у нее Птица увидела такую боль, что горло будто невидимым кулаком сжали. Даже Атеа притихла, как-то мгновенно изменившись в лице и ныне испуганно глядя на Мару круглыми глазами.

— Побудьте здесь до рассвета, — Мара бережно подняла духа на руки и направилась к потоку тусклого света, тоненькими ниточками тянущегося из разбитого окна, — Ночью там опасно — как и всюду за пределами этих стен. Какими бы ветхими они ни были. А утром я пойду с вами. Покуда же — не мешайте мне.

Даже Лебедь не посмела возразить ей. В доме что-то изменилось, и Даэн знала — сейчас будет твориться волшебство. Тихое, невообразимо сложное — и в то же время настолько незаметное, что завтра никто уже о нем и не вспомнит. Разве что душа, сейчас лежащая в светлых тонких руках, укрытых темно-зелеными рукавами.

Меред осторожно взяла Атеа за локоть и отвела ее к дальней лавке. А Даэн так и стояла, ощущая, как в сердце натягиваются тонкие струны, отзываясь на пока еще невидимую ворожбу. А потом Мара начала петь. И даже во мгле на границе Мертволесья стало легче дышать.

===== Глава 20. Цена Крыльев =====

За окном заунывно плакал ветер, и как бы Атеа ни пыталась не обращать на это внимание, а на душе с каждой минутой становилось все паршивей. Треклятая Даэн запретила разжигать даже лучинку, а потому темнота напознала со всех сторон, грозя раздавить их собой. Возможно, в этом запрете и был смысл — но Атеа очень уж хотелось, чтоб именно Коршун была причиной ее дурного настроения, а потому оправдывать старшую не собиралась.

Вспомнив о Даэн, Атеа в который раз подняла взгляд и посмотрела на нее из-под насупленных бровей. Та сидела на полу, скрестив ноги и не шевелясь, и во все глаза глядела на ведьму, словно зачарованная. Колдунья у окна что-то тихо напевала под нос, и мелодия эта заставляла Атеа ежиться: звуки вливались друг в друга, плавно перетекали, будто вода, и каждая нота цепляла какую-то тонкую струну внутри Лебеда. Неведомый покой теплой волной расходился в каждой ее частичке, и сладость тишины так и норовила захлестнуть ее. Это было очень странно, непривычно и чуждо ей, а потому девушка бежала от ощущения как могла. А вот Даэн, судя по всему, не собиралась прятаться от ведьмы — вон как слушает, даже не моргает. На лице Коршуна застыло незнакомое Атеа выражение, которое молодая

Птица прочесть не могла, сколько бы ни билась. Лишь одну эмоцию она все-таки разгадала: меж бровей Даэн всякий раз пролегал тревожная болезненная морщинка, когда она опускала взгляд на духа, дремлющего на руках ведьмы.

Атеа тихонько фыркнула про себя: ладно уж. Из всех Птиц, известных Лебедю, Даэн была одной из лучших. Ее уважали старшие Наставницы, среди Разведчиц, закаленных в боях, она была своя в доску — ни одно серьезное задание не обходилось без тавранки. Коршун умудрялась выживать в самых тяжелых схватках с дикими, отгоняла смерть от молодых Птиц и Танцевала при этом так, что у Атеа дыхание перехватывало, когда удавалось полюбоваться этим. Всякий раз, заплетая узор Хартанэ, Даэн сливалась с богиней, отдавая ей всю себя целиком, так, будто ее самой не было. Для того чтоб так танцевать, нужно было отказаться от чувств, рассказывали Наставницы. Отказаться от всего земного, что только может быть. Ни боли, ни тоски, ни сострадания, ни жалости к тому, против кого ты выходишь. Иначе он точно победит.

Конечно, сейчас в заброшенной мельнице не было диких — лишь полубезумный странный дух, бормочущий невероятную чушь. Такой нападать-то не станет — однако Атеа не верила в то, что он безвреден. Как и не верила в то, что одна из самых сильных Птиц Келерии прониклась к духу каким-то теплом. Богиня не терпит даже минутной слабости, и Коршун хорошо это знает. Вряд ли Даэн действительно чувствовала сострадание к странному существу — скорее так, перед ведьмой своей рисовалась. Такая, как она, не стала бы рисковать благосклонностью Хартанэ. Птиц с самого детства учили, что бестелесных созданий нужно опасаться — они вероломны, они чужие, и к ним невозможно относиться так, как к людям. Духи были так же далеки от смертных, как небо от земли, как снега северных гор от золотых песков пустынь, как Келерия от Тиннереда.

При мысли о Тиннереде спящая где-то у сердца кошка с острыми коготками тут же проснулась и принялась запускать их глубже и глубже, довольно урча. Атеа нахмурилась еще сильнее, придушивая внутреннего зверя, чтоб неповадно было — да только не слишком помогло. За все годы, проведенные в Келерии, она так и не сумела полюбить суровые горные пейзажи, стывшие ветра и высокие башни Гильдии. Здесь все было иным — жестким, чужим, каменным и незнакомым, хоть и по-своему притягательным. Совсем как Даэн.

Атеа вновь скосила взгляд на Коршуна, разглядывая ее из-под полуприкрытых ресниц. Ее профиль чуть сиял, озаренный невидимым светом, шедшим будто бы прямо изнутри — а может, так на кожу лег слабый отсвет из окна. Черный локон, выбившийся из толстой тугой косы, падал на лоб женщины, как-то по-особенному оттеняя линии ее лица. Она была расслаблена и спокойна, дышала мерно — Атеа видела, как ровно вздымается и опускается высокая грудь под толстой кожей форменной куртки. Руки ее лежали на коленях, ладонями вниз, и расслабленные кисти тоже будто светились — с тонких ее пальцев скатывался свет, падая в полупрозрачную темноту и растворяясь в ней. Тавранка не отводила темных глаз от ведьмы и напоминала статую — холодную и задумчивую.

Девушка чуть улыбнулась, вспоминая, как впервые увидела тренировку Разведчиц, среди которых Танцевала и Даэн — сильная, поджарая, по пояс нагая — лишь полотно, перетягивающее грудь, прикрывало ее тело. Коршун не была невероятной красавицей, но то ли гордый ее взгляд, то ли ее отчужденность от всего мира, то ли сила, волнами расходящаяся от нее во все стороны, привлекла Атеа, и молодая Птица так и замерла, любуясь мощной грацией ее движений. Даэн плела Узор сама, не взяв в пару никого и Танцуя с собственной тенью, и это тоже показалось Атеа странным: остальные разведчицы

разбились по двое и скрещивали Крылья, иногда весело переговариваясь меж собой. А эта — нет. Плавная, медленная — а в следующий миг быстрая, резкая и стремительная, она завораживала каждым движением. Тогда Атеа дернула за рукав стоящую рядом с ней молоденькую разведчицу и восхищенно поинтересовалась:

— Кто это? Вон та, с черной косой, которая сама?

Девушка сощурилась, разглядывая тренирующихся Птиц, а потом как-то странно ухмыльнулась.

— Это? Ох. Это — Коршун. Одна из лучших. Говорят, только вернулась с отрядом из Прилеска.

Атеа присвистнула, с уважением глядя на незнакомую женщину. В Прилесок отправили отряд около месяца назад — в маленькой деревеньке под Гарварнским лесом дикие выпили все население, обратив всех от мала до велика. Говорили, что Лорелей, старшая в Гильдии, выслала туда десятерых лучших Птиц. Если Коршун тоже была среди них, то это говорило само за себя.

Эта встреча случилась года три назад — Атеа только-только закончила полное обучение и все пыталась сообразить, куда же ей теперь податься. С одной стороны, каждую ночь она просыпалась с неизменным ощущением затаенной горечи и тоски, такой острой, что выть хотелось. Длинные спины холмов под высоким южным небом Тиннереда всякий раз таяли с рассветом, и трава, стелющаяся по ветру, обращалась холодным сквозняком, тянущим из оконных щелей. Ей отчаянно хотелось домой — Атеа казалось, будто что-то важное она там забыла, не завершила, и это что-то тянуло ее на себя с невероятной силой.

С другой стороны, здесь, в Гильдии, была вся ее жизнь. В тринадцать лет Атеа из Эглеира впервые увидела высокие тонкие башни, залитые солнцем и пронзающие острыми шпилями необъятную синь неба. В тринадцать лет ей сказали, что совсем скоро она забудет семью, дом, друзей и все бывшее, и на протяжении следующих десяти лет иной жизни у нее не будет — если она сделает шаг вперед. Тогда маленькая Атеа впервые принимала самостоятельные взрослые решения, и это было страшно. Очень страшно было делать этот шаг, выпрямив спину и подняв подбородок, как учили при дворе. Лишь потом, когда высокие створчатые двери громадных ворот захлопнулись, когда ее провели в пустую комнату, уставленную простыми кроватями, Атеа разревелась, упав возле одной из кроватей на колени и комкая в руках простынь. Она еще никогда не чувствовала себя преданной — до этого дня.

Спустя десять лет упорной учебы она прошла Второе Посвящение, получила птичье имя — и теперь предстояло сделать еще один шаг, после которого назад идти уже нельзя. Тогда Атеа стояла на распутье: остаться здесь, в Гильдии, и всю свою жизнь посвятить вечной борьбе, в которую едва ли кто-нибудь верил из простых людей, живущих за тысячи верст отсюда — или же уйти, с позором уйти, отдав Крылья и навсегда отказавшись от теплого огонька Дара Хартанэ в груди. Она металась, словно безумный стриж по весне, и совершенно не понимала, что ей делать теперь. И вот тогда-то Атеа увидела, как на тренировочном плато Танцует Даэн.

Когда Коршун спрятала Крылья в ножны и накинула на плечи форменную рубаху, Атеа не выдержала. Она хорошо помнила, как подошла к Даэн и, совершенно по-кошачьи ухмыляясь, попросила ее потренироваться вместе. Тогда тавранка окинула ее цепким взглядом, скривила губы в усмешке и нахально ответила, что желающих Потанцевать с Атеа итак хоть отбавляй, и она не будет забирать у них эту честь. Ее полунасмешливое

«красавица», обращенное к Лебедю, еще долго звучало в ушах девушки — и от одного воспоминания на щеках Атеа всякий раз вспыхивал румянец. То ли от злости и обиды, что ей впервые в жизни отказали, то ли от низкого, чуть хрипловатого голоса, который будто обволакивал шелком. И вопрос с тем, что делать дальше, отпал сам собой. Атеа, глядя вслед Даэн, сама для себя уже все решила — она остается.

Еще спустя год безуспешных попыток затащить Даэн в постель или хотя бы на тренировочное плато, Атеа успокоилась, прекратив вздыхать по неприступной женщине. Коршун оставалась единственной, на кого не действовали ее чары, и вскоре тавранка уже всерьез раздражала Лебеда. Кроме того, именно из-за нее девушка и осталась в Гильдии, решив, что будет добиваться звания самой сильной Птицы Келерии, положит свою жизнь на алтарь Хартанэ и однажды придет к тому, чтоб учить следующие поколения девочек. Вот только никаких заданий ей не давали, посылая ее периодически с простыми разведотрядами куда-нибудь поближе к Гильдии. Она ездила в Птичий Городок, сопровождала обозы, соблазняла всех привлекательных юных Птиц, дослуживающихся до Второго Крыла — и понимала, что жизнь ее так и пройдет здесь. Даже в вечную войну с дикими она уже не верила: Белая Смерть закончилась почти полвека назад, и новый Излом вряд ли случится на ее веку. И вместо того, чтоб убраться из Гильдии да жить припеваючи, она добровольно отдала себя высокой идее, которая никому-то, кроме безумцев, и не нужна. И все из-за Даэн. Из-за ее проклятого Танца, когда-то поразившего Атеа до глубины души. Из-за наглой ухмылки этой черноволосой суки и задумчивого блеска в глазах, когда она вскидывала Крылья.

А потом раздражение сменилось чем-то другим, спокойным и безразличным, и Атеа начала играть. В Даэн не было чванства, присущего молодым и сильным Птицам, она не бахвалилась перед Гильдией, оставалась одной из лучших — но ее молчаливый отказ Атеа так и не сумела простить. Два года девушка при каждой удобной возможности цепляла старшую Птицу — та же умело отбрасывала всякое острое слово, брошенное Лебедем. Лишь усмехалась уголком рта при этом, да так ядовито, что Атеа невольно восхищалась, и уходила, демонстрируя девушке красивые изгибы сильной спины и подтянутые бедра. И наконец богиня свела их вместе в один отряд, когда Ярис взошла.

Мечты начали сбываться: им дали настоящее задание. Да не просто задание — нужно было подхватить Коршуна и двигаться дальше вместе с ней, под ее руководством. Теперь бесить Даэн было вдвойне приятно — Атеа видела ее каждый день, и сбежать от нее Коршун не могла. Лебедь методично дергала ее, от всей души веселясь, когда такая спокойная и холодная Даэн начинала скрипеть зубами. Глаза ее темнели от злости, и Атеа почти физически чувствовала, как же сильно тавранке хочется навешать оплеух ей, молодой заносчивой девице — а она все сдерживалась, как могла, упорно и долго. Это по-своему восхищало Атеа, но довести Коршуна до белого каления теперь стало делом принципа.

Впрочем, иногда Даэн действительно злила ее. За время, проведенное в пути, Атеа уже не раз вызверялась на нее совершенно не ради игры — а потому, что действительно была не согласна с ее действиями. Да, Коршун была старше и опытнее. Да, она встречалась с настоящими дикими и умела сражаться с ними. Да, по уставу младшие Птицы в отряде обязаны беспрекословно подчиняться старшим — но Атеа так не могла. Иногда Даэн вела себя как глупая девчонка, и решения принимала такие же глупые, и в подобных ситуациях хоть кто-то должен был быть голосом разума. И Лебедь давно поняла, что в их отряде этим голосом может стать только она. Не Меред же, в самом деле.

Атеа лениво повернула голову, выныривая из своих мыслей и бросая долгий взгляд на Меред. Та сидела рядом, опираясь локтем на колено, и медленно, почти любовно, водила точильным бруском по лезвию Крыла. Движения ее рук были плавными, размеренными, почти что медитативными — девушка смотрела лишь на линию стали, красиво изогнутую, будто орлиное перо с острой режущей кромкой. Под бруском лезвие пело, тихо и нежно присвистывая, когда Меред уводила руку. К длинной рукояти, надежно зажатой в руке, было привязано настоящее перо, бледно-серое, с черным кончиком, и невидимый ветер играл с ним, как дитя играет с цветными лентами в Огнецветов День.

Лебедь мысленно закатила глаза. Меред продолжала оставаться ребенком и верила во всякие байки. Впрочем, не она одна: каждому поколению Птиц Наставницы рассказывали, что перо птицы, в честь которой нарекают девочку, приносит удачу и защищает в бою. Поэтому очень часто на рукоять Второго Крыла глупые девицы навешивали целые пушистые метелки, будто это действительно могло уберечь от когтей дикого духа. Атеа тоже когда-то была такой же дурной и даже провела пару недель у предгорных озер, разыскивая гнездовье лебедей. Подбирать непонятные перья с земли она брезговала, поэтому терпеливо ждала, когда богиня снизойдет и пошлет ей хоть какой-то знак. Впрочем, знак пришел: когда она все-таки нашла лебедей и уже подкрадывалась к самке, высиживающей яйцо, эта длинношеяя курица разоралась, и на ее вопли прибежал отец семейства. Лебедь гнал Атеа от пруда довольно долго, шумно хлопая крыльями и норовя посильнее ущипнуть, и посему девушка сделала вывод, что богине, в общем-то, плевать, носит ли с собой Келерийская Птица перо своей нареченной сестры или нет.

А вот Меред — нет. Никто не знал, как прозвали ее после Посвящения — даже Атеа, ближе которой у молчаливой угрюмой девушки не было никого. Поэтому когда Меред однажды вернулась с гор, бережно неся в руке это самое перышко, Лебедь провела невесть сколько часов, пытаясь разгадать, кому оно принадлежало. Проблема была в том, что слишком много птиц в здешних краях подходило на должность его хозяина, а Меред лишь улыбалась, навязывая на прочную нитку две деревянные бусины и бледно-серое перо, и вскоре Атеа махнула на нее рукой и прекратила обижаться на молчаливую подругу. Все равно слова из нее не выбьешь.

Меред вообще была очень суеверной. Она с самого детства собирала все приметы, каждое утро обращалась лицом к солнцу и кланялась ему, а перед тем, как сломить ветку, просила прощения у Богини. Поэтому с ней особо никто и не общался — каждый вечер, когда остальные девчонки собирались на одной из кроватей и принимались обсуждать Наставниц или рассказывать всякие байки, маленькая Меред усаживалась в самый дальний угол к окошку и смотрела за стекло, как-то неуклюже обнимая собственные колени. Однажды Атеа подошла к ней, как всегда задрала подбородок и спросила, что она делает. А хмурая, как медвежонок, Меред зыркнула на нее из-под насупленных бровей и тихонько ответила: «Молюсь».

С тех пор и началась их странная дружба. Меред всегда была одиночкой, сторонилась других девочек и предпочитала провести время на тренировочном плато, а не в компании шумных Птенцов. Атеа же, сколько бы подружек не крутилось вокруг нее, всегда прибегала к некрасивой, нескладной Меред и без умолку трещала ей на ухо, рассказывая очередную глупость. Поначалу девочка чуралась ее, старательно пряча глаза и будто бы боясь чего-то, но через некоторое время привыкла и начала отвечать Атеа теплой, хоть и несколько неуклюжей, взаимностью. Личным успехом Лебедь считала день, когда Меред прямо

взглянула ей в глаза.

Тогда Лебедь, кажется, рассказывала девочке историю своей жизни — и плакала. Первая тренировка прошла неудачно, все тело было в синяках и болело нещадно, а нежные руки Атеа превратились в сплошную мозоль со стертой в кровь кожей. Болел и живот — впервые пришла лунная кровь, и девочка чувствовала себя совершенно разбитой, грязной и брошенной всеми богами. Меред беспомощно топталась рядом, иногда осторожно дотрагиваясь до плеча будущей Птицы и тут же отдергивая руку, словно от огня — а девочка с золотыми косами всхлипывала, сердито растирая по лицу горькие слезы.

— В Тиннеререде все было не так! Никто не бил меня тяжелой палкой, я не мерзла, завтрак был вкусным — а не эта поганая каша!.. Терпеть не могу ее... — новый всхлип. Атеа посмотрела на свои ладони и скривилась от боли и обиды: нежные девичьи руки не созданы для меча, это всем известно. Так всегда говорили дамы в столице, раздавая своим подопечным тонкий белый лен, который они вышивали золотыми нитями. Девочка вспомнила эту вышивку, и слезы снова зацепали глаза, — Лучше бы меня убили по дороге сюда!

Робкое прикосновение вдруг стало тяжелым, и чужие пальцы сильно сдавили плечо. Атеа дернулась, собираясь было разразиться гневной тирадой, но лишь замерла, подняв голову. Меред, никогда и никому не глядящая в глаза, смотрела прямо на нее, прямо в сердце, сдирая с нее слой за слоем всю спесь, все раздражение и обиду, всю детскую ярость, так больно сжавшую сердце.

— Никогда так не говори.

Глаза у нее были светло-голубыми, льдистыми, словно талая вода, с темной кромкой по самому краю, а голос — твердый и спокойный, сильный. И Атеа вдруг стало очень больно и хорошо, очень светло и в то же время так страшно... Меред смотрела на нее, Атеа смотрела на Меред, и шрамы на руках уже не так жгли, и болезненные спазмы перестали сжимать все в ней так сильно, и обида куда-то отступила, и мир казался не таким уж жестоким и несправедливым. Потому что впервые Атеа почувствовала, что кому-то действительно нужна.

Они росли вместе, учились вместе и Танцевали вместе, совершенно не похожие друг на друга, но связанные так тесно, что никакой стальной перерубишь, даже самым прочным клинком. Тоненькая, изящная и гибкая Атеа презабавно смотрелась рядом с коренастой неповоротливой Меред — но время шло, и грубые черты лица девочки из морского города немного сгладились, а подростковая неуклюжесть ушла. Меред выросла, вытянулась, и бывшие соседки по комнате начали бросать на нее томные взгляды и беспокойно перешептываться, когда она проходила мимо. Атеа и сама подмечала иногда, что девчонка не так уж и плоха. Да, ее нельзя было назвать красивой, да, она была нелюдистой и совершенно не походила на грациозное воплощение Хартанэ — но зато взгляд ее лучился голубыми искрами, а когда она изредка улыбалась, подставляя лицо прохладному ветру, становилось как-то светлее и радостнее всему миру. У Меред были красивые широкие плечи и сильные руки, которых почему-то до сих пор не касалась ни одна женщина, добрая улыбка и мягкое сердце. Она всегда стояла рядом, где-то за плечом, надежная и родная, и за это Атеа была всем сердцем благодарна ей.

Ощувив ее взгляд, молодая женщина подняла голову и взглянула на нее, вопросительно приподняв брови. Короткие прядки темных волос, так чудесно отсвечивающих красноватым бликом на солнце, упали на ее лоб. Атеа скользнула взглядом по ее широким скулам, по

тонким губам, а затем ухмыльнулась. Меред беззвучно хмыкнула, покачала головой и вернулась к своему занятию, склоняясь над лезвием. Лебедь же лишь зажмурилась, словно довольная кошка — подруга часто была объектом ее игр, а потому уже давным-давно не реагировала на взгляды и улыбки Атеа. И это тоже радовало девушку: Меред стала единственной Птицей, которая при виде ее не начинала бить крыльями и хорохориться, словно петух с разноцветными перьями. И даже здесь, на краю Мертволесья, Атеа чувствовала себя защищенной — потому что рядом сидела Меред.

Что-то изменилось на полуразрушенной мельнице, и Атеа напряглась, пытаясь понять, что встревожило ее. Почему-то стало тихо. Лебедь, прислушавшись повнимательнее, поняла, в чем дело, и расслабилась, снова откидываясь на лавке — ведьма перестала петь. Теперь она просто сидела, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, а на руках ее, словно ребенок, спал безумный дух. Атеа передернуло: до чего же странное создание... И как его можно касаться? Впрочем, кто этих ведьм поймет... Лебедь всегда опасалась колдуний — чего стоит одна Гаэра-Ворона с ее жуткими мороками. Ведьма Мара тоже не нравилась ей — но, судя по всему, слишком уж она нравилась Даэн, и Атеа прямо-таки распирало от желания поиграть на этом. И всякий раз что-то ее останавливало: то ли внутреннее чутье, которое пока что никогда не подводило, то ли осторожное прикосновение Меред, словно бы мягко говорящее «Не надо», то ли взгляд Даэн, направленный на Мару, наполненный невероятной тоской — и чем-то таким, чего Атеа понять не могла. Коршун просто смотрела, но в ее глазах разливался целый океан, способный затопить весь мир. Лебедь чувствовала эту безумную силу, а потому молчала, прикусив язык. Не в этот раз и не по этому поводу.

Тень на полу колыхнулась — это серый саван занавески качнулся от сквозняка, проникающего сквозь щели в дом. Атеа поежилась, натягивая на ладони рукава темно-коричневой куртки — да только не шибко помогло: ветер все равно заполз за шиворот, даже поднятый воротник не спас. Не спасал и шерстяной плащ, которым Птица укрыла ноги. Холод вгрызлся в тело, прижимался к нему голодной пиявкой, и Лебедь вновь ощутила, как недовольная волна поднимается где-то в груди, оставляя после себя жгущий след. Не об этом ты мечтала, Атеа. Не о том, чтоб тащиться через хляби чужих земель вдогонку за собственной смертью, ночуя в заброшенных хижинах или в снегах под открытым небом.

На самом деле, она и сама не знала, о чем мечтала — да и мечтала ли хоть однажды в жизни. В детстве Атеа никогда и ни в чем не нуждалась: стоило лишь пожелать, и к ее ногам ложилось все, чего бы она ни захотела. Дорогие фарфоровые куклы, платья из заморского шелка, цветные яркие ленты, книги с картинками — таких книг и в королевской библиотеке не слишком-то много было! А вот у Атеа были. Ее детство казалось золотым, медовым и солнечным, ярким, словно те самые картинки. Оно пахло яблоневым цветом и сладкой выпечкой, которую дородные кухарки на отцовской кухне подавали маленькой госпоже на завтрак, почтительно склоняя голову и улыбаясь. И ей казалось, что так будет всегда.

Потом ее продали — по крайней мере, так считала сама Атеа. Она хорошо помнила тот день, словно кто-то выжег его под веками, и в воспоминаниях она нет-нет да возвращалась туда, в светлую комнату с высокими потолками и полупрозрачными голубыми шторами, раздуваемыми теплым летним ветром.

Белое платье с золотым пояском и крохотными янтарными камешками на рукавах и подоле было новым. Атеа крутилась перед зеркалом, восхищенно разглядывая себя со всех сторон — такой красоты она никогда не видела! Прямо как у самой королевны! Пожилая швея, придирчиво оглядев работу своих подмастерьев, одобрительно кивнула.

— Мы работали не покладая рук, светлая госпожа. Ткань везли из самого Эллоина, с юга, камни — оттуда же, а обрабатывали их наши мастера. Видите, какая мелкая огранка?..

Мать ее не слушала — лишь рассеяно кивала, задумчиво оглядывая Атеа. Девочка стояла перед ней, глядя на нее искрящимися глазами, и что-то в лице матери вдруг дрогнуло, а меж красивых золотистых бровей с изломом вдруг появилась складка. Впрочем, в следующий же миг она разгладилась, и женщина, отослав швею, подозвала к себе дочь.

— Как же ты хороша, дитя мое. Принеси-ка мне гребни — я причешу тебя.

Атеа поднесла ей тогда шкатулку, где на бархатной подушечке лежали лаковые гребни для волос — сам король когда-то подарил их молодой госпоже. Блестящая поверхность переливалась янтарной крошкой, и медовый цвет камней так подходил под цвет глаз госпожи — но та почему-то никогда не надевала их, словно бы не было резной шкатулки с изящной гравировкой на крышке. Атеа всегда завидовала матери — такое сокровище, а она его прячет! Тем более, что к золотым маминым волосам гребни так бы шли... И теперь госпожа сама закалывала локоны своей дочери ими.

Девочка подпрыгивала от нетерпения и радости — до того момента, пока мать, проходясь щеткой по непослушным локонам маленькой Атеа, не сказала ей, что ее увозят в столицу, ко двору короля. Сегодня. Сейчас. Приедет какая-то знатная дама, чопорно поклонится господину и госпоже и заберет их дочь. Атеа ревела, когда мама укладывала волосы на ее голове в высокую красивую прическу и выпутывала два тонких локона, чтоб они обрамляли лицо. Чтоб все видели, какая же она красавица.

— Не плачь, Атеа... За то, чтоб дать тебе хорошее образование, мы с твоим отцом отдали столько золота, что можно было бы купить самоцветную копальню... Мы хотим, чтобы ты была счастлива... У тебя должно быть будущее... Ты — единственный наш ребенок, и тебе оказана великая честь.

Сука. Подавись своей честью, думала Атеа, когда Дамала колотила ее тренировочным шестом под проливным холодным дождем, в ее первую весну в Келерийской Гильдии.

Мать, конечно, не виновата в том, что королевская женушка сочла молоденькую девочку опасной и повелела сослать ее вместе с теми, кто был смазливее других. Но Лебедю было крайне интересно, что бы она сказала сейчас, заявись Атеа на порог родного дома и щеголяя Крыльями и серебряной фибулой Гильдии, скрепляющей плащ. И вообще, знает ли она, что приключилось с ее дочерью и где она. Все давным-давно отболело, поросло бильем да сухой травой, и взрослой Атеа было плевать на женщину, продавшую ее шестнадцать лет назад — она даже лица матери не помнила. Ни любви, ни жалости, ни ненависти к ней она не испытывала и едва ли смогла бы узнать ее в толпе.

Жалела Атеа лишь об одном: она безумно тосковала по высокому небу и ветру — своему, родному, знакомому с самого детства. В Эглеире был особый ветер, теплый и ласковый. Он вытрепывал из ее копны тонкие прядки и путал в них белые лепестки яблонь. Он касался мягкими пальцами ее щек, подхватывал цветные ленточки, которые она так щедро дарила ему, и уносил их в глубокую синеву, плещущую над головой. Тонкие мазки облаков плыли по небу над ней, когда она сидела на открытой террасе и слушала веселый птичий щебет, и лето было теплым, и дни казались бесконечными, и в сердце пела золотым колокольчиком радость.

Сейчас же все кости у нее ломило от холода и усталости, в животе было пусто, а ноги в сапогах давно продрогли. Атеа сидела в гулкой тишине, нарушаемой лишь слабым присвистыванием камня о металл, да шорохом дыхания. Да ветер еще выл где-то в разбитых

кувшинах. Время текло медленно и натужно, будто смешанная с грязью и копотью смола, и темнота окружала ее со всех сторон. В черных тенях прятались чудовища, и Атеа не знала, кто же из них опасней — те, что на самом деле прячутся там, или те, которых придумала она сама. Чудовища всегда шли за ней, ночными кошмарами становясь у изголовья и не давая уснуть. Единственной, кто об этом знал, была Меред. И когда она засыпала рядом, приобняв Атеа за плечи, чтоб ей стало теплее, кошмары отступали, недовольно уходя во мглу ни с чем. Они почему-то боялись Меред.

Под теплым боком Меред было как-то уютно. Атеа притулилась к ней, нахально устраивая голову на плече девушки и прикрывая глаза — та все равно уже закончила точить клинок и спрятала его в ножны. Меред лишь хмыкнула и приподняла руку, чтоб Лебедь смогла поудобнее уместиться, и Атеа с радостью воспользовалась этим, заваливаясь на подругу. Той явно было неудобно — но она не говорила ничего, даже не пыталась передвинуть наглуую Птицу или как-то намекнуть хоть жестом, что ей тяжело. Засыпая, Атеа краем глаза видела, как ведьма осторожно поманила к себе Даэн, как Коршун опустилась на колени перед ней и прижала ее руку к губам, неотрывно глядя Маре в глаза, но в следующий миг сон сморил ее, и Лебедь провалилась в пустоту без образов и звуков, без времени и формы.

Пробуждение было тяжелым. Тело продолжало болезненно гудеть, словно перед этим ее всю ночь били ногами, желудок требовательно урчал, а шея не гнулась — сквозняк все-таки сделал свое дело. Атеа разлепила глаза и села прямо, пытаясь прийти в себя и понять, где она находится, и когда ей наконец это удалось, сон мигом слетел с нее, словно его и не было. Сумрачный свет лился сквозь окно, протягивая длинные лучи от стены до стены, но утро не сделало заброшенную мельницу менее зловещей. Здесь было тоскливо, пусто, и страх крапся где-то под окнами, заглядывая в щели пустыми глазницами. Атеа поежилась, застегивая плащ на плечах — и тут же подскочила, как ошпаренная: на мельнице не было никого, кроме нее.

Не помня себя от ужаса, девушка стрелой вылетела на крыльцо. В голове роилась тысяча мыслей, одна хуже другой, и Атеа боялась даже предположить, какая из них окажется верной. Серый рассвет на миг заставил ее сощуриться, а затем с плеч Лебеда словно гора свалилась: обе Птицы, ведьма и дух стояли у плетня и о чем-то негромко переговаривались, глядя в сторону черной стены деревьев. Подавив в себе желание заорать на них прямо с порога, Атеа легко сбежала по скрипучим ступеням и подошла к ним, гневно глядя на всех и каждого.

Первым ее заметил дух. Атеа передернуло — взгляд его был острее меча и пронзал насквозь. Ведьма смотрела точно так же, словно в само сердце заглядывала, а потому Атеа решила вызвериться на Даэн.

— Бес бы вас забрал, вы шутить вздумали?! Я просыпаюсь, а в комнате пусто, и вас нет, никого! Даже этого бесноватого. Что я должна думать, по-вашему?!

Даэн приподняла уголок губ в кривой усмешке.

— Чтобы думать, нужно иметь разум. У тебя он отсутствует напрочь, поэтому мы не беспокоились.

— Ишь ты, глядите, госпожа Коршун острит, — огрызнулась Лебедь, — Только ты поаккуратнее, Даэн. Не порежься о собственный язык, — она повернулась к Меред и пронзительно взглянула на подругу, — А ты-то, ты-то хороша... Могла разбудить хотя бы!

Меред отвела взгляд, словно нашкодивший пес, и вся будто сжалась.

— Я сама только вышла. Даэн и Мара уже были здесь...

— Давай, оправдывайся теперь, — проворчала Атеа, складывая руки на груди. Несмотря ни на что, от сердца у нее отлегло: все были живы. Ее не бросили одну. Страх медленно разжимал когти, отпуская ее, и Лебедь внезапно поняла, что сердце у нее легкое. Всякий раз, когда она просыпалась и видела лица Меред и Даэн, становилось легче дышать, словно сети сна, брошенные темнотой, тянули ее к земле, а с рассветом рассыпались прахом.

Даэн не обращала на нее больше внимания. Женщина вновь повернулась к лесу и нахмурилась, глядя куда-то сквозь пересечья мертвых ветвей. Ведьма, став к ней поближе, тихо молвила:

— Решать тебе. Я чую угрозу с запада, на севере и на востоке чисто.

— Я не чувствую вообще ничего, — Даэн тряхнула головой и прижала руку к груди, кулаком потирая место, где у каждой Птицы трепетал огонек Дара Хартанэ, — Но Шедавар говорила, что девочки уходили на восток, к живому лесу. Искать нужно там.

— Стало быть, пойдём туда, — немного помолчав, кивнула Мара. Атеа насторожилась.

— Погодите-ка. Что значит «пойдем»? Ты решила прогуляться с нами, госпожа ведьма?

— До поры, — ведьма взглянула на нее, и Атеа невольно сглотнула: глаза у нее были совершенно жуткие, холодные и странные. Наверняка взглядом дрова колет у себя в лесу.

Больше никто не проронил ни слова. Даэн первая вышла за плетень, быстро направляясь к лесу. Следом за ней шла ведьма, и Атеа видела, как чуть подергиваются кончики ее тонких пальцев — она чуть раскинула руки, обратив их ладонями к стене деревьев, словно что-то искала. Ветер трепал край ее плаща, и казалось, что сейчас он подхватит колдунью и унесет ее в серое небо, раскинувшее громадные тучи совсем низко над ними. Атеа взглянула на Меред, стоящую рядом, и хлопнула ее по плечу.

— Идем, а то наша Пташка перья нам повыдергивает за медлительность. Она же у нас такая решительная...

Меред подняла взгляд на нее. В голубых глазах застыла тревога, и тревожная морщинка пересекла лоб Птицы.

— Атеа, там что-то недоброе.

— Вот неожиданность-то какая! — Атеа с деланным удивлением распахнула глаза, подхватывая Меред под руку, — А я, глупая, думала, что мы по грибы да ягоды пришли, вот незадача...

— Ты не понимаешь, — что-то в голосе Меред заставило насторожиться Атеа. Она была не на шутку встревожена — такой Лебедь не видела подругу никогда, — Я чувствую. Что-то случится там. Не знаю, как объяснить, но...

Она бессильно умолкла, опустив голову. Атеа смотрела на нее несколько секунд, а потом, взяв ее под локоть, повела следом за Даэн и Марой и ласково промурлыкала:

— Меред, милая, ты случаем не Вороной прозвана? — Меред удивленно нахмурила брови, а затем мотнула головой, — Нет? Ну вот видишь. Так чего ты, Хартанэ тебя сохрани, каркаешь? И без того дурно, так ты еще и настраиваешь невесть на что. Будь хорошей девочкой, пойдём в темный страшный лес. Авось, и живыми выберемся — то-то радости будет, правда? — нервные нотки все-таки проскользнули в голосе, но Атеа тут же взяла себя в руки. Уж она-то паниковать не будет. Мертволесье — явно не то место, где можно было позволять себе страх.

Впереди уверенно шла Даэн, та самая, что выжила в самых страшных стычках с дикими, и вряд ли она боялась. А потому впервые в жизни Атеа решила отступить от своих

принципов и взять пример с Коршуна. Дух, оставшийся на мельнице, смотрел им вслед, и лопатками Лебедь чувствовала его нездешний взгляд, жгущий сердце сквозь грубую ткань. Он-то наверняка чуял их ощущения, и уж ему она точно не собиралась показывать свою слабость. Никому из них.

Но когда темная стена стволов сомкнулась за ее спиной, Атеа вдруг ясно и четко поняла, словно кто-то молнией высветил ее сознание: Меред права. Только поворачивать назад было уже поздно.

===== Глава 21. Перед лицом смерти =====

Под ногами шуршал ковер из сломанных сухих стеблей, сморщенных листьев, рассыпающихся от одного небрежного касания, и темных веточек, больше похожих на тонкие изломанные кости. Ни троп, ни путевых вех — лишь голый лес, черный и молчаливый, расстилался вокруг на версту. Где-то на горизонте виднелась темно-зеленая полоса высоких еловых крон, едва припорошенных снегом — но легче от этого не становилось: здесь жизнь замерла, будто неведомый волшебник накрыл Мертволесье громадным колпаком и теперь внимательно наблюдал за тем, что происходит под стеклом. Маре не нравился этот холодный чужой взгляд — он проникал куда-то вглубь нее самой, разглядывал ее пристально, с каким-то пугающим интересом, и хотелось сбежать, спрятаться, укрыться...

Остальные тоже были напряжены. Даэн, шедшая рядом, совсем по-волчьи озиралась, щурила темные глаза и поминутно втягивала носом воздух, словно могла ощутить запах беды. Мара усмехнулась про себя: это ей стоило бы так делать, не Птице. Дух волчицы тут же встрепенулся, подняв голову и отозвавшись на воспоминание о нем, но ведьма успокоила его, заставив снова свернуться клубочком в груди и спать. Как вы там без меня, братья мои, серые мои сестры? Зимой волки шли к ее дому, ждали, пока она выйдет на крыльцо, босая и простоволосая, а затем уходили на охоту, бесшумными тенями растворяясь меж стволов. А под утро иногда приходили вновь, и тогда она спускалась к ним, садилась рядом с ними прямо на снег, слушала их образы, ощущала их жизнь. В такие моменты ведьма знала — она ровно там, где и должна быть.

А ныне дом остался далеко — но жалеть о том времени не было.

Девушка с золотыми косами, названная Атеа, шла позади, и Мара лопатками ощущала ее страх. Еще час назад девица язвила да шипела, словно змея под камнем, но сейчас наконец смолкла и старалась не издавать ни звука. Рядом с ней молчаливая и угрюмая Птица Меред шагала, зажав в руке клинок — тот самый, о котором Маре рассказывала Даэн. Ведьме не нужно было смотреть, чтоб видеть, как побелели костяшки ее пальцев, сжимающих рукоять — девочка явно нервничала. Мара ощущала волны страха, расходящиеся от нее, как круги разбегаются по воде, но помочь ей ничем не могла. Едва ли один из них смог бы сейчас помочь другому.

Впрочем, кое-что грело сердце. Ночью она не сомкнула глаз, заплетая тонкие серебряные ниточки снов безумного духа, распутывая узлы его памяти и бережно расчесывая пряжу его мыслей. Тот-кто-играет-со-светом когда-то давным-давно носил иное имя — но позабыл его множество лет назад. Даже Мара не вспомнила бы его, если бы не ветхий свиток, выпавший из сундука вместе с ворохом, который она перерывала перед уходом из Гарварны. Несколько строчек и странный рисунок — вот и все, что было на пергаменте, но ведьме и того хватило: неизвестный художник сумел нарисовать глаза духа, а сухие короткие предложения благополучно врезались в память. Теперь уже — наверняка.

Ноя, играющий-со-светом. Собирает пригоршнями силу да обращает ее в свет: звездный, лунный али солнечный. Там, где живет ноя, тени гибнут. Ушли к праотцу да после Первого Излома так и не возвратились...

Вот и все. Часть письма Мара не сумела разобрать — чернила растерлись по пергаменту, а кое-где свиток изорвался и больше напоминал осенний крошащийся лист. Тогда ведьма лишь подивилась находке — о ноя она вовсе позабыла, хотя лет двадцать назад назвала бы по имени каждого духа, которого забрал к себе Бессмертный навек. А нынче ночью ей довелось петь сны тому, кого мир уже и не помнит.

Миру не было дела до таких, как безумный дух: мир ведь — всего лишь мячик в руках бога, и тот перекидывает его с ладони на ладонь, смеясь, словно дитя. А таких мячиков Бессмертный знает сколько... Некоторые давно затерялись среди звезд, покрылись пылью и копотью, некоторые по-прежнему лежали на Его коленях, и Он внимательно глядел на них, размышляя, какой же взять? Который из них подбросить в воздух, к солнцу и лазоревым облакам в пушистых белых воротниках, чтоб этот мячик на короткий миг сам стал солнцем? Вот так Бог и жонглирует ими, словно скоморох на городской ярмарке, и в его волосах звенят колокольчики со звездами на нитках, и цветные лоскутки на его рукавах треплет ветер.

И от этого в груди почему-то теплело. Мара всегда думала, что Бессмертный — и впрямь смешливый бард, скоморох, беспечное дитя, да кто угодно!.. Но только не молчаливый холодный Великий, не знающий ничего, кроме долга.

Даже здесь, в сердце черного леса, где боязно было кончиком плаща нечаянно задеть вылезший из-под мертвой земли скрюченный корень, было что-то иное. Словно кто-то бесконечно светлый стоял рядом и осторожно прикрывал рукою от наступающей темноты. Мара верила ему всей собой, как верят только юродивые и дети, а еще, наверное, — ведьмы. Больше и нет ничего у меня.

Именно он-то и говорил ей, что пока опасности нет. Черные ветви, нависающие над ними, чуть заметно покачивались, скрипели, задевая друг друга, от поросшей диким сухим вьюном земли веяло холодом и смертью — но Мара не страшилась. Бессмертный дал бы ей знак. Бессмертный предупредил бы за секунду до того, как...

Громкий треск прокатился по лесу звуковой волной, заставив их замереть на месте — и в следующий миг тишина снова затопила Мертволесье. Птицы выхватили оружие, заслоняя собой ведьму, а Мара тут же прислушалась ко всему миру, направив энергию от себя, искать источник шума. Атеа, чуть пригнувшись, словно хищная кошка, тихо-тихо прошипела:

— Что это было, бес его возьми?! Откуда звук?

— Деревья, — так же тихо ответила Мара. Она ощутила, как Даэн, стоящая справа, бросила на нее быстрый взгляд, и продолжила, — Деревья падают.

— Из-за чего или кого? — одними губами спросила старшая Птица. Мара качнула головой:

— Нет, не из-за чего-то или кого-то. Там, откуда пришел звук, поблизости нет никого, — вдруг тревожным колокольчиком дернулось сердце. Мара ухватилась за ниточку ощущения, сматывая ее в клубок и пытаясь понять, что же это, и откуда оно идет, — Разве что...

— Что? — сразу же напряглась Даэн.

— Пока не пойму, — Мара хмурилась, силясь понять, откуда пришло чувство тревоги, — На севере что-то есть. Очень темное ощущение. Не думаю, что нам стоит ходить

туда.

— Видишь ли, госпожа ведьма, наша разлюбозная праматушка всей Гильдии повелела нам идти как раз туда, где темнее всего, — иронично сощурившись, пропела Атеа, — Это игра у нас такая. Как только находим какую-нибудь тварь — сразу же к ней идем! Так что сейчас госпожа Коршун задаст нам всем верное направление, и мы с веселыми песнями продолжим путь. Вон Меред поет, Даэн может потанцевать, ты — зажги огненные шары, или что ты там умеешь... а я буду привлекать всю местную дрянь дивными сказками эльфийского народа. То-то набежит слушателей!

Не обращая внимания на Атеа, Даэн повернулась к Маре:

— Мне нужно больше информации. Мы сможем подобраться туда так, чтоб нас не заметили? И стоит ли? Что там вообще такое?..

— Духи чуют смертных, стоит тем только ступить на землю, принадлежащую бестелесному существу, — мрачно усмехнулась Мара, — Неужели ты думаешь, что Мертволесье не знает, что мы здесь? Они почуяли нас сразу же, как мы вошли.

— Почему тогда не напали? Если все так, как ты говоришь, сюда должно было сбежаться все Мертволесье, — Атеа сверлила ее тяжелым взглядом — таким, что в пору было бы камни в пыль стирать, но Маре до того дела не было. Она дернула плечом, и рука тут же отозвалась огненной болью в шрамах, привычной и знакомой, на которую ведьма тоже едва ли обратила внимание.

— Значит, им не до того. Не воспринимай духов как диких безмозглых зверей, девочка. Они умны, хитры, и все они подчиняются древней силе. Если она прикажет им напасть — они нападут, не сомневайся. Но до того — ты не увидишь ни одного из них.

— Ты можешь ощутить, были там эльфийские девочки или нет? — Даэн глядела на нее темными своими глазами, и в смоле ее радужек Мара видела затаенную тревогу, — Ты говорила, что энергии помнят тех, кто был рядом. Можно ли найти этот след сейчас, или он уже потерян?

Мара задумалась. С одной стороны, память энергий была едва ли не вечной — тысячи лет колдуны пользовались этим, восстанавливая историю мира. Но с другой стороны, для того чтоб считать подобную информацию, магу приходилось тратить очень много сил. Чем больше дней проходило с момента прикосновения к энергии, тем сложнее было читать ее. Несколько недель — не такой уж и большой срок... Должно получиться.

— Я попробую.

Тяжелее всего было выхватить одну-единственную ниточку, суметь поймать ее в многоцветном ворохе, чтоб потянуть. Дальше-то проще — держи меж пальцев да иди, словно по путеводной нити. Но повозиться сначала придется. Птицы стояли рядом тремя тенями, безмолвно наблюдая за ней, пока она поворачивалась по сторонам света, слепо водя по воздуху рукой. Начала Мара с востока — там виднелся темный край живого леса, оттуда же свой путь начинало солнце. Тяжелым горячим воском энергия прилипла к ее пальцам, стоило только позвать, и ведьма чуть было не отдернула руку: подобного она никогда не ощущала. Перед глазами поплыли темные круги, и Маре понадобилось несколько мгновений, чтоб понять — это не помутнение. Каждую искорку окружало темное кольцо, сдерживающее ее, пьющее ее, жадное и злое. Женщина старалась сосредоточиться на эльфийках, чтоб поскорее отыскать их энергию, ухватиться за нее и просто пойти следом, словно по тропке — мертвые искорки чуяли в ней колдовской дар и слепыми голодными щенками тянулись к ней, обступая со всех сторон. Их жадное любопытство пугало Мару —

они вовсе не напоминали привычных ей теплых мерцающих искорок, льнущих к рукам, даже теней в пещере старой Мэг не напоминали. Это было что-то совершенно иное — безумное и чуждое Бессмертному.

На востоке следа не было, как не было его и на юге, и на западе. Мара совсем измаялась, и слабость темным плащом легла ей на плечи, давя на нее — да так, что ведьма чуть не падала. Даэн, заметив это, стала совсем рядом, готовая подхватить в любой момент, и Мара благодарно взглянула на нее, поворачиваясь лицом к северу. Там было темно — ведьма чувствовала это даже кончиками пальцев. Тело сводило болезненной судорогой глубоко внутри, там, где спал дух, и страх расходился волнами с каждым ударом сердца. Мара прикрыла глаза, глубоко вдохнула и в последний раз нырнула в болезненно-дрожащую волну отравленных энергий.

Ответ пришел через пару минут, когда жилы уже свело от напряжения, а ноги подкашивались. Даэн держала ее под локоть, и лишь поэтому Мара не упала, когда энергия духа сама ткнулась ей в руки, и когда все тело прошила волна крохотных острых иголок. Ведьма тут же поймала нить, душа в себе боль — ощущение было таким, словно на ладонь горящих угольев прямо из жаровни насыпали. Даэн с беспокойством глядела на нее, и Мара, с трудом разлепив пересохшие губы, просипела:

— След ведет на северо-запад. Что там — я не могу сказать, не вижу... Здесь все иначе, словно искаженное, — сердце кольнуло, и Мара поневоле дернулась, хватая ртом воздух. Пальцы Даэн на ее плече сжались, и хватка Птицы стала тверже, — Никогда ничего подобного не видела...

— Далеко отсюда? — тихо спросила Коршун.

— Прилично — я нашла не сразу. Это значит, что верста точно, а там — один Бессмертный знает.

— На тебе лица нет, Мара. Возвращайся в Лореотт — а мы пойдем по следу да попробуем раздобыть хоть что-то, — Коршун осторожно отпустила ее руку, — Если не отыщем ничего — вернемся так быстро, как только сможем...

— Нет, — ведьма покачала головой, — Это нужно мне не меньше, чем вам.

— Мара, не сочти за грубость или еще за что, — Даэн почтительно склонила голову, словно ведьма была княжной, — Я не хочу тебя обидеть и в силе твоей не сомневаюсь. Но Мертволесье пьет тебя, я же вижу... И сейчас тебе опасно...

— Не опаснее, чем тебе, или ей, или ей, — Мара, по очереди указав на каждую Птицу, выпрямилась, — Нет уж, Даэн. Моя дорога будет идти гораздо дальше. И если я не сумею взобраться на крохотный холм — то что говорить об отвесной скале?

— Даэ, что ты как маленькая? — промурлыкала Атеа, но глаза ее оставались холодными, — Твоя госпожа ведьма хочет поиграть в героиню. Видишь — про холмы да горы бает, речистая какая. Не мешай ей.

Даэн вновь проигнорировала девчонку — и бровью не повела. Она смотрела лишь на Мару, и взгляд ее был тревожен. Она склонила голову к плечу, и рассеянный бледный свет лег на ее скулы, заострив их. Ведьма позволила себе несколько мгновений любоваться ею, а затем Птица долго вздохнула.

— Хорошо, как пожелаешь. Ты сможешь сделать что-то, чтоб тебе легче хоть немного стало?

— Я сейчас восстановлюсь, — заверила ее ведьма, стряхивая с себя, словно капли дождя, мертвую энергию. От собственных ощущений было не по себе: Мара буквально

видела, как недовольно шипят отравленные искорки силы, скаля острые клыки и отступая — лишь для того, чтоб снова напасть. Будто змеи. И ныне колдунья ощущала себя в змеином гнезде, кишачем ядовитыми тварями. Но Даэн об этом знать было совершенно необязательно.

Дождавшись кивка Мары, Даэн подошла к ближайшему дереву и ударила Крылом сверху вниз, вгоня лезвие в жесткий ствол и оставляя зарубку. Она отмечала их путь с самого утра — а ныне был полдень, если ощущения ведьмы не лгали. За это время их крохотный отряд прошел вдоль кромки леса почти до Гарварнской части, а затем снова возвратился практически в сердце Мертволесья. След эльфиек часто обрывался, словно кто-то выхватывал их и снова швырял в мир уже совершенно в другом месте. Мара проклинала черный лес — казалось, будто само пространство здесь искажалось, и притом совершенно не так, как в Занавесях или Прорехах Бессмертного, через которые можно было преодолевать огромные расстояния. Нет, здесь все было иным. Жизнь в Мертволесье застыла, впаянная в могильный камень, и каждый, кто попадал туда, мог тоже навек вмерзнуть в черные трещины. Заблудиться тут было проще простого, а потому Мара каждый раз безмолвно благодарила Даэн за ее зарубки.

Они двинулись на северо-запад, держась плотным рядком. Ведьма затылком ощущала легкое покалывание, теплое и практически незаметное — это Птицы звали свою богиню и с ее помощью следили за тем, чтоб поблизости не появился дикий. Мара меж тем плела над ними защитное полотно. Духов отогнать оно не могло — дикие знали, что в их лесу чужаки, — но хотя бы не позволяло им найти энергии смертных и прийти по следу. Да и с его помощью ведьма могла почуять, если духи вдруг сорвутся в погоню. Впрочем, она до последнего надеялась, что этого не произойдет — дикие не терпели дневного света, который хоть немного да очищал все живое. Если отряду Даэн повезет, то они найдут, что ищут, и вернутся в Лореотт, избежав встреч с темными существами.

Пейзаж не менялся — те же погибшие деревья, сухое былье да обломанные ветви. Кое-где из земли выростали громадные серые камни, острыми вершинами устремленные вверх, и от них веяло холодом. Под камнями темнели черные провалы нор, и Мара знать не хотела, что там спит — или уже проснулось, и теперь глядит из темноты на живых да ждет. Птицы сбились теснее, стали вокруг нее живым щитом — на этом настояла Даэн, да и сама Мара: чем плотнее они стояли, тем лучше она прятала их энергии, накрывая их своеобразным плащом. Плести полотно и одновременно искать след эльфов оказалось сложно, но Мара вскоре приноровилась и справлялась более чем сносно. Будто бы пряхть. Одной рукой свиваешь нить, второй вращаешь веретено...

Вновь раздался треск, откуда-то слева. Птицы замерли, вскидывая Крылья и окружая Мару, внимательно и напряженно вглядываясь в пустоту меж стволов.

— Да что происходит? — голос Даэн звучал отрывисто, тяжело, — Уже второе...

— Может, лесорубы? — задумчиво предположила Меред. Ответом ей стало шипение Атеа.

— Ох, точно! Меред, милая, как мы сразу-то не догадались?! Вокруг — ни одной деревни, как мы не подумали про лесорубов?.. Ведь здесь такое замечательное дерево, ты, как дочь плотника, уж точно можешь оценить! Мне кажется, сюда за лесом могут приходить караваны даже откуда-нибудь с юга.

Меред покачала головой.

— Зря ты так. Некоторые отдадут сотню золотых монет за крохотную шпильку из такого

дерева. Особенно колдуны и приспешники Темной.

— Слышишь, госпожа ведьма? — хихикнула Атеа, — Скорее выкорчевывай вон то бревно.

Мара не реагировала на молодую Птицу — что взять с глупого щенка? Она взглянула на Даэн и тихо заметила:

— Вряд ли это дикие. Скорее, от старости да морозов.

Ты сама в это веришь? — будто спрашивал взгляд Птицы. Мара и правда не знала, стоит ли доверять своим словам, но иных догадок у нее не было. Разве что дикие пытались нагнать страху и теперь развлекались перед тем, как выйти на охоту. Судя по всему, Даэн думала о том же. Тишина, повисшая в лесу, неестественная и неживая, нагнетала тяжелые мысли. Подала голос Атеа:

— Я все поняла. Это бобры.

— Атеа, хватит нести чушь, — устало вздохнула Меред, — Ко всему прочему, зверье боится диких, а потому здесь никого вообще быть не может.

— Это особые бобры, — доверительным тоном сообщила Птица с золотыми косами, — Дикие. Во времена Изломов они выползают из-под вон тех камешков и начинают точить все на своем пути. Так их Ярис призывает.

— Интересно, дитя, перед лицом смерти ты будешь так же зубоскалить? — спросила Мара, безразлично разглядывая несносную девушку. Та вскинула подбородок и чуть сощурилась в ответ.

— В лицо смерти я плюну, госпожа ведьма. И потанцую на ее старых костях.

— Когда уже я потанцую если не на твоих костях, то хотя бы рядышком... — поморщилась Даэн, вновь поворачиваясь спиной к девушке и вглядываясь в переплетение стволов и ветвей.

Атеа не успела и слова сказать. Тихий смех волной прокатился по сухим травам, пригнув их к земле, задел подол юбки ведьмы и, докатившись до сердца, заставил ее согнуться пополам от острой, словно игла, боли. Птицы тут же ошетинились, а сама колдунья заставила себя стать прямо, мгновенно выхватывая из вороха энергий огненные, горячие, острые, алые, и обращая их огнем на своей ладони. Это было гораздо тяжелее, чем обычно — приходилось тянуть истинную силу, спрятанную в искорке, через толщи мертвой оболочки, жесткой и неподатливой. Мара лишь зубы стиснула: вот что произойдет, если они не справятся. Так будет со всем миром — он станет мертвым, жестким, потерянным, и даже ветер будет здесь смерть несущим.

Дикие боялись огня и железа, страшились света — а потому Мара не чуяла их поблизости. Но женский смех, похожий на шипение змеи, ей не мог померещиться. Птицы тоже слышали его, и теперь озирались по сторонам, держа Крылья наготове.

Одна из вас звала меня?

Колким крошечком битого стекла чей-то голос разрезал воздух и вновь стих, словно и не было ни звука в этой тишине. Смех опять прокатился волной вокруг них, к ним, и Мара ощутила, как существо, говорящее с ними, перемещается. Но понять, где оно, ведьма не могла.

Я точно слышала, одна из вас звала меня... Кажется, хотела потанцевать?

Звук дробился, размывался, дрожал, такой неприятный. Он странной волной расходился во все стороны, и Мара подумала, что дух — а сомнений в том, что говорит с ними дух, не было — может быть где угодно, хоть в сотне саженей от них. Не угадать. Но гадать и не

пришлось. Меред вдруг судорожно втянула носом воздух, а затем звенящим голосом выкрикнула:

— Слева, под камнем!

Мара обернулась туда, став так, чтоб иметь возможность резко развернуться и ударить, если дикий будет не один. В провале под седым валуном, обрамленном короткой черной бахромой корней и паутины, виднелось слабое серебристое свечение. Оно колебалось, мигало, словно глаза дикого зверя, а затем вновь таяло дымкой.

— Покажись, кто бы ты ни был, — процедила сквозь зубы Даэн, и Мара ощутила ее ярость так остро, словно собственную. Пламя на ладони ведьмы полыхнуло ярче — энергии проснулись, почуяв родственную силу. Возможно, это было даже к лучшему: удерживать искры стало гораздо проще. Мара развернула плечи, отыскивая в груди точку пустоты, такую родную и теплую, и все тело тут же стало легким, а сердце успокоилось. Теперь-то поглядим, кто кого.

Смешок повторился, и Маре на миг почудилось, будто в темноте провала показалось чье-то лицо — а затем дымка хлынула на траву из мглы, словно хищное животное, выбирающееся из норы. Серые нити свивались с черными, и прямо из воздуха выросло существо, к которому льнула темнота. Туманный контур обрастал плотью, и вскоре перед ними, чуть покачиваясь, стоял дикий — таких ведьма еще не видела. Весь словно из паутины, не похожий на немертов и тех, кто пробудился от их прикосновения, дух как-то совершенно по-девичьи склонил голову к плечу и взглянул на них из-под длинных седых ресниц, припорошенных пеплом.

Так кто же тут так хотел меня увидеть? Вот она я, пришла. Кто? Может быть, ты?

Черты лица духа постоянно менялись — и каждый из его ликов был страшен. Пугал он не обликом, нет — чем-то другим, что заставляет зверей в страхе бежать прочь от беды. Дух сделал шаг вперед, глядя на Меред, и его волосы-паутинки колыхнулись, рассыпаясь плащом за его спиной. Сейчас лицо его было мужским, безжизненным и пустым, и серых губ он не разомкнул, когда его голос вновь зазвучал в тишине Мертволесья.

Так ты?

Тонкая ладонь взлетела, словно призрачная птичка, к Меред, но девушка не шевельнулась — дух был еще далеко.

А может быть, ты?

Взгляд существа двумя кинжалами впился в Мару. За одно мгновение черты его лица снова исказились, и ведьма ощутила что-то, отдаленно напоминающее страх. Где-то она видела эти темные змеиные глаза, тонкие алые губы, сомкнутые в полубезумной ухмылке, и черную прядь, змеящуюся вниз по белой шее. Даэн рядом с ведьмой тихо ругнулась, и существо перевело взгляд на нее. Его улыбка стала пугающе-радостной, словно дух узнал старую знакомую.

Или ты? Вернешь долг?

Даэн лишь чуть отвела назад правое Крыло — и только. Дух рассмеялся, откидывая голову назад, и смоляной локон вновь стал серебристым, спускающимся до самой земли, паутинным. Атеа прорычала сквозь зубы, не спуская с него глаз:

— Кто ты такой? Паук?

Дух лениво развернулся к ней — медленно, почти скучаяще. Морщины тут же прорезали молодое девичье лицо, а глазницы залила темнота.

Я знаю этот голос. Это ты хотела на моих костях сплясать, маленькая пташка?

Атеа чуть приподняла верхнюю губу, скалясь, словно дикое животное.

— Ты не ответил мне. А негоже задавать вопрос, не уважив собеседника.

Дух картинно прижал ладони к губам и покачал головой.

Ах, прости меня, светлая госпожа!.. И впрямь, негоже. Исправляюсь: я — скаах. Та, что несет твою смерть.

Мара вздрогнула, глядя, как дух, путая пальцы в паутине своих волос, отводит руки в стороны и кланяется, не опуская головы. Скаах, создания из страшных сказок, считались давным-давно ушедшими — как и немерты-«пауки», и еще с десятков темных духов. Сказки обращались реальностью, и от этого было не по себе.

Эти духи были неуловимы, и ранить их железом мог только самый искусный воин. Они в совершенстве умели управлять темными энергиями, выхватывая нужные ниточки из сердца искорки и делая ее марионеткой. Даже свет скаах могли превратить в оружие, даже воздух, даже капельки воды... Никто не знал их истинного облика — скаах обращались самым темным, что только было в мире. И сейчас это существо стояло перед ними, и Мара чувствовала, как легко и быстро оно стягивает к своим ладоням смертоносные энергии. Пламя на ее руке дрогнуло, но усилием воли ведьма удержала его на своей ладони. Дух перевел на нее темный взгляд, и женщина с глазами змеи снова смотрела с его лица на Мару.

Ух ты. Гляди-ка, хозяйка — здесь у нас сокровище, драгоценный камешек...

Мара вздрогнула. Существо будто прислушивалось к чему-то, что могло слышать лишь оно, а затем снова оскалилось.

Это будет славный танец, хозяйка. Я поднесу ее к твоим ногам.

Не слушать. Темная тревога, поселившаяся в сердце, гасила ее силы, и Мара вновь отбросила ее, концентрируясь на огне в своих руках. Точка тишины в груди стала тяжелой, пульсируя и посылая мощные толчки внутри ее тела, и ведьма отдалась ей, позволяя пустоте раскрыться в каждой частичке. Пространство опасно дрожало и размывалось на острой тонкой грани, за которой не было ничего, и ныне она балансировала на этом лезвии, молясь духам о том, чтоб не упасть. Глаза скаах напротив напоминали две разверзнутые могилы, а ее волосы — саван, и Мара не могла и мысли допустить, чтоб это существо отняло у нее жизнь.

Даэн, словно ощутив что-то, шагнула в сторону, и Мара тут же воспользовалась этим, ударив существо огнем. То лишь хохотнуло — а в следующий миг исчезло, растаяло дымом, будто и не было его, успев перед этим направить на ведьму волну темной энергии. Мара среагировала мгновенно, поднимая стену силы прямо перед собой, заслоняющую ее и Птиц, и сияющая пелена приняла удар на себя. Темные молнии разошлись по мягкой колеблющейся поверхности трещинами, и энергия рассыпалась на тысячи искорок. А скаах вновь свилась прямо из воздуха, прямо перед Даэн, и ударила снова. Птица сделала шаг вперед, наотмашь рубя Крылом по диагонали, целясь в грудь духу. Мара же приняла мертвую энергию, сплетенную в черный жгут и с немыслимой скоростью летящую к ним, буквально в нескольких сантиметрах от себя. Еще чуть-чуть — и темнота вонзилась бы в нее, и тогда уже никакие молитвы ей не помогли бы.

Меред и Атеа стремительно ударили, как одна, одновременно и резко — но по-разному. Скаах, подавшись вперед и подныривая под лезвие Даэн, разгадала их маневр и снова исчезла, и посланный Марой вдогонку ей свет рассыпался золотыми бликами, так и не найдя цели.

Секунды растянулись в годы. Скаах собирала сгустки тьмы играючи, с немыслимой

скоростью швыряя их в Мару и Птиц, и ведьма едва успевала творить щит, отбивая ее удары. О том, чтоб бить самой, речи уже и не шло — достать духа пытались Танцующие, и все попытки были напрасными. Ведьма чувствовала, что каждый щит отнимает у нее силы, по крупице — но и пустыня собиралась по песчинке... Так она совсем изведет меня. Улыбка не сходила с лица скаах, и в ней Мара видела смерть. Соображай, глупая! Соображай немедленно! Это — лишь капля того, против чего тебе доведется выйти. Если не поймешь, как победить ее — умрешь здесь и сейчас.

Бессмертный был с ней, в ней, рядом, и Мара всей собой просила его: пожалуйста! Покажи мне, прошу, помоги мне! В какой-то момент что-то незримо изменилось в ней — будто бы время вокруг замедлилось еще сильнее, и она даже уличила секунду для того, чтоб удержать защитное поле и одновременно с тем создать колючий клубок светлой энергии. Впрочем, тот вновь не задел скаах, и дух исчез, чтоб в следующий миг появиться за спиной Мары, на расстоянии протянутой руки. Ведьма поняла, что не успеет ни обернуться, ни расширить щит так, чтоб укрыть им себя — последний раз она создала его лишь над Птицами, сохраняя побольше сил для борьбы. Это ее и сгубило.

В тот самый миг, когда острые нити холодной темноты коснулись ее плоти, прошивая насквозь и вцепляясь намертво, Мара вдруг ощутила в собственной груди солнце. В тяжелой пустоте, заполнившей ее до края, горела огненная точка, мельче песчинки, мельче василькового семечка — и ведьма осторожно коснулась ее, не совсем понимая, что делает: раньше ничего подобного она не ощущала. Горячая точка отозвалась на ее касание взрывом невероятной силы, растекаясь жидким огнем по венам и устремляясь к скаах по черным жгутам, которыми дух жалил ведьму. Существо не успело ничего понять — Мара почувствовала, как позвоночник прошивает горячая огненная стрела, как тело изгибается от силы, пронзающей ее, а в следующий миг волна света вышла за пределы ее самой. Скаах завопила, пронзенная тысячами стрел, и разом выпустила из тонких рук черные энергии. Мара не видела ее, но того и не нужно было: она знала — прямо сейчас дух обращается дымом и пеплом. Свет, разошедшийся от нее лучами, вновь сжался, возвращаясь в тело и вновь превращаясь в крохотную, практически незаметную звездочку в пустоте, а затем Мара, дрожа от невероятной силы, обернулась.

Скаах больше не появлялась — ни через миг, ни через минуту. Отдышавшись и чуть придя в себя, ведьма прикрыла глаза, чтоб взглянуть на мир колдовским зрением — да так и охнула. На поляне, где они стояли, все энергии светились, чистые и обновленные, дрожащие новорожденными мотыльками. Мара ощущала ликование мира — пусть даже крохотного его кусочка. Вот оно! Вот как! В сердце горели искры, радость пела весенним колокольчиком. Благодарю тебя, мой светлый отец! Благодарю, Бессмертный! Она наконец-то поняла, как заставить Колесо повернуться.

Ведьма тряхнула головой и взглянула на Даэн. Та замерла неподалеку, опустив Крылья, и в глазах ее отражалось благоговение и что-то, похожее на страх. Молчали и Меред с Атеа, во все глаза глядящие на Мару.

— Что ты сделала? — сипло спросила Даэн.

— Понятия не имею, — улыбнулась Мара, прикрывая глаза. Она действительно не знала, что сделала — но теперь ощущала крохотную точку, о которой раньше совершенно не догадывалась, в себе. Стоило сконцентрироваться на ней, и она разгоралась жарче огненной крови земли, текущей где-то глубоко под кожей материков. И ведьма не сомневалась, что если сделать прикосновение более мощным, позволив этой искре взять ее целиком, то ее сил

хватит для Колеса.

Она повернулась на север, бросив взгляд на Даэн — и улыбнулась женщине, чьи глаза сейчас напоминали смолу с застывшими в ней звездами. Даже в темноте Мертволесья Птица оставалась такой живой, такой невероятно прекрасной, что сердце замирало. Мара кивнула ей.

— Идем, Даэн — нам пора по следу. Вы должны принести в Лореотт вести о пропавших. Веди нас.

Птица вложила Крылья в ножны, не глядя, и осторожно молвила:

— Мара... ты в порядке? Тебе не тяжело ныне?

Мара лишь дернула плечом, все так же улыбаясь. Теперь уже — не тяжело. Теперь я знаю, что делать. Она ощущала, как где-то там, под темным переплетением крон ворочается черный зверь с окровавленной пастью, поджидающий их — зверь не из плоти и крови, а из самой тьмы. Но отныне ей страшно не было. Бессмертный наконец-то, заведя ее во мглу, дал ей в руки оружие, о котором она так просила. И теперь она была готова выйти против самой смерти.

===== Глава 22. Ошибка =====

Пронзительная легкость, поселившаяся в каждой клеточке, никуда не исчезала. Ощущение полета, какой-то невероятной невесомости разливалось в груди, и Мара наслаждалась им, то и дело проверяя огненную искорку у сердца — не пропала ли? Но горячая крупица охотно отзывалась всякий раз, стоило ведьме прислушаться к себе, и женщина широко улыбалась, ощущая такой звонкий, золотистый ответ.

Мертволесье тоже чуяло этот крохотный огонек. Темные энергии, окружающие их, пугливо расступались, а на их место приходили более легкие, живые, радостно тянущиеся к солнцу. Мара ощущала, как они наполняются жизнью, и даже дышать стало легче, и тревога притупилась, отступив куда-то в дальние уголки сознания. Казалось, что сейчас прямо под ее ногами из-под земли начнут пробиваться молодые травы и цветы, и птичья трель впервые за долгое время зазвучит в небе над Мертволесьем. Еще чуть-чуть, и...

Впрочем, этого не происходило. Лес, мрачный и хмурый, ошетилил черные ветви, что топорщились, словно шерсть на загривке дикого кота, и Мара почти ощущала его полный ненависти взгляд. Вернее, не его. Что-то, что сотворило здешние земли такими, сейчас злилось, и его ярость волнами силы накатывала на ведьму, словно желало затопить ее, швырнуть на острые камни да переломать в мелкую щепь. Мара гнала прочь ощущение беды — думать о том сейчас не хотелось. Гораздо важнее было то, что отныне в ее руках лежал дар Бессмертного, такой важный и нужный, такой ценный. Все вопросы мигом отошли куда-то в тень, ибо самый главный ответ уже был получен.

Мара чувствовала, как косились на нее молодые Птицы — даром что не перешептывались меж собой. Атеа как-то странно притихла и теперь то и дело бросала на ведьму оценивающий взгляд. Пару раз она что-то начинала горячо шептать на ухо шедшей рядом Меред, но та лишь отмахивалась, осторожно поглядывая на колдунью и тут же отводя глаза. Лишь Даэн оставалась спокойной и вела себя так, словно ничего и не произошло. И за это Мара всем сердцем благодарила ее.

Живое солнце грело ее изнутри, и ведьма не чувствовала мороза, кусающего ладони и щеки. Она играла, словно ребенок, осторожно дотрагиваясь до огненной искорки в груди и наблюдая, как та себя поведет. Жар становился сильнее, стоило только сконцентрироваться на горячей точке, и Мара прямо чувствовала, как искорка начинает разрастаться. А как

только колдунья отпускала ее, она вновь становилась крохотной, почти незаметной. Ведьма улыбнулась себе под нос, пригибаясь под скрюченной сухой веткой. Если немного потренироваться, она сможет полностью контролировать новый дар, и тогда никакая Королева Зимы не сумеет помешать ей.

В этом было что-то, отдаленно напоминающее гордость. Мара ощущала в себе невероятную силу, подчиняющуюся ей, и от того становилось радостно — и еще как-то. Ведьма, не привыкшая к подобным чувствам, с любопытством прислушивалась к себе самой. С одной стороны, сейчас все в ней пело, радовалось, и Мара упивалась собственной силой, вдруг раскрывшейся в груди. С другой же — она смотрела со стороны, настороженная и встревоженная, и не знала, стоит ли расслабляться теперь. Быть может, это не ответ? Быть может, это — лишь крохотная капелька, крупинка? Что же тогда?

Впрочем, поблизости не было ни малейшего признака опасности, и скоро Мара успокоилась, растворяясь в новых ощущениях. Хотелось тихонько напевать что-то светлое и радостное, хотелось прикоснуться к сияющей искорке и снова стать солнцем, осветив весь мир и впустив весну во все уголки Мертволесья. Чтоб молодые изумрудные стебли проклюнулись из-под земли, напоенные прохладным сладким дождем. Чтоб черные ветви вздохнули, стряхивая с себя смерть и сон, а затем укрылись тоненьким кружевом листвы. Чтоб веселые ручьи, рассыпая мелкий жемчуг брызг, серебрились в густой траве, и крохотные мальки снова плескались в них.

Она уже почти видела, как здешние места меняются, как колдунья-весна приходит сюда и щедро поливает истосковавшийся край дождями и солнцем. Духи возвращаются под сень ветвей, и где-нибудь у самых гор, где водопады сбегают с крутых склонов, селятся хеледы, мудрые и древние, а на заболоченной полянке резвятся по ночам болотные огоньки... Воды ручьев наполняют русло пересохшей реки у мельницы, и колесо, мерно скрипя, начинает перекидывать волны, расцветивая день крохотными радугами, а беспокойные стрижи носятся над крышей, под которой уже всюду идет работа. Дети прибегают на мельницу из деревеньки, что разрослась неподалеку, приносят отцам теплые пироги в узелках, и взрослые, смеясь, разрешают мальчишкам повернуть тяжелый рычаг и запустить жернов. Молодая знахарка собирает травы в плетеное лукошко, и травы пахнут солнцем...

И все это сотворит она, одним лишь взмахом руки изменив мир. Мара не знала, насколько сильным может быть этот свет, но верила — возможно все. Оставалось лишь научиться усиливать его до невероятных пределов, так, чтоб он достал до самого неба, до самого сердца мира, до самых звездных спиц колеса — и тогда все будет хорошо. Все обязательно будет хорошо.

Она оглядела черный лес, обступающий их со всех сторон. Паутина ветвей заслоняла небо — тревожное, серое, затянутое тяжелыми тучами, словно пуховым одеялом. Казалось, еще чуть-чуть, и оно рухнет им на плечи, вдавливая их всей громадой прямо в землю, прямо в сухие травы, и они так и останутся здесь навеки. Но небо не падало — лишь безмолвно нависало над ними, и в его глубинах тяжело и натужно, словно мышцы под шкурой огромного чудовища, перекачивались пепельные облака. Деревья, так странно изогнувшиеся, тянули к ним крючковатые пальцы, будто пытались схватить чужаков, но Мара не боялась. Скоро настанет твоя весна, Мертволесье. Никто больше не отнимет ее у тебя.

Словно в ответ ей по лесу прокатилась рябь — ведьма ощутила колебание энергий, словно кто-то хлопнул рукой по воде. Замерли и Птицы, чутко прислушиваясь к миру, но тот уже снова затих, притаился. Мара, вознеся молитву Бессмертному, взглянула на искорки

силы, отыскивая путеводную. Энергия духа, за которой они шли, ощущалась теперь совсем иначе, не терялась, и ведьма поняла: эльфийки где-то близко.

— Даэн, — негромко позвала она. Птица скосила на нее взгляд, и Мара продолжила, — Мы уже близко. Совсем чуть-чуть — и найдем их.

— Или не их, — проворчала Атеа, впервые открывшая рот после встречи с многоликим духом.

Впрочем, тут девчонка была права — но Мара не хотела об этом думать. След уже не казался бисером, рассыпанным во мхе, а потому ведьма надеялась, что они не найдут вместо эльфийских детей обращенных диких. Да, беглецы вряд ли смогли бы продержаться в мертвом лесу так долго — однако Мара молилась о том, чтоб они не присоединились к гончим Дикой охоты. Пусть лучше спят здесь до скончания времени, чем идут рядом с дикими, сея смерть.

Впереди показался просвет — деревья расступались, и лишь низкий колючий кустарник заслонял стеной невидимую тропу, по которой они шли. Даэн остановилась и вопросительно взглянула на Мару. Ведьма поняла ее без слов и, сконцентрировавшись, дернула за ниточку энергии духа, проверяя, верно ли они вышли. Ее сразу же потянуло туда, за черную изгородь, когда-то живую и пестрящую цветами и круглыми монетками листьев. Женщина подняла глаза на Даэн и кивнула, все так же не говоря ни слова. Птица подошла к ним вплотную, подзывая молодых поближе, и тихонько проговорила:

— Попробуем обойти — если лезть напролом, весь лес сюда сбежится...

— Мы потеряем слишком много времени, — покачала Мара головой, — Неизвестно еще, есть ли где-то выход.

— Но как-то же туда эльфийские девицы пролезли, — возразила Атеа, впервые на памяти Мары поддержав Даэн. Ведьма изогнула бровь. Меред, оглядывающаяся по сторонам, неожиданно стала на сторону Мары:

— Еще вопрос, как они туда пробрались. Их вполне могли туда перенести дикие.

— Что ты предлагаешь? — пресекла дальнейшие разговоры Даэн, поднимая ладонь вверх. Мара окинула взглядом кустарник.

— Я сейчас расплету его. Пойду первой — вы держитесь за мной, не отставайте.

— Лучше бы первой идти мне, — нахмурилась Даэн, и Мара лишь улыбнулась ей в ответ. Птица во что бы то ни стало старалась защитить ее своими крыльями, укрыть от бед и стать для нее живым щитом. Не бойся за меня, милая. Меня сбережет сила, оборачивающая Колесо. Всех нас она сбережет.

Ни слова больше не говоря, Мара вышла вперед, закрывая глаза и погружая свое сознание в жесткие стебли, тесно сплетенные друг с другом. Вокруг нее тут же уплотнилось пространство, огрубел сам воздух, а она устремилась вниз, растекаясь древесной кровью по давно погибшим ветвям. Было тяжело, невероятно тяжело — Мара никогда еще не сливалась с мертвым деревом. Зато теперь казалось, что сил в ней стало в тысячи раз больше, и поэтому медленно, но уверенно она погружалась глубже, к самым корням, к промерзшей земле и ниже, ниже, еще ниже... Как только она заполонила стебель от тончайшей ниточки корня до самой ломкой и хрупкой ветки, по позвоночнику пробежала дрожь, и ведьма одним усилием заставила переплетение колючих стеблей распутаться. Ветки, словно змеи или живые плети, расползлись в разные стороны, а женщина, полуприкрыв веки, направилась в образовавшуюся темную арку. За ней по пятам шла Даэн, и боковым зрением Мара видела хищно блестящие лезвия Крыльев по бокам от себя самой.

За кустарниковой стеной в провале виднелись те же искореженные стволы да странные силуэты высоких, в человеческий рост, камней. Женщины вышли на широкую прогалину, и как только Меред стала рядом с ведьмой, Мара легко возвратилась, отпуская стебли. За их спинами тут же сомкнулась стена, шелестя и снова сплетаясь от корней и до верхушек. Атеа прищелкнула языком.

— Ну, могли бы и обойти.

Действительно, кустарник тянулся не так уж и далеко — лишь огибал поляну с двух сторон, а дальше вновь расстилался лес. Но все же время они сохранили, и то ладно. Да и к тому же, Мара убедилась, что сил у нее не убавилось — несмотря на то, как тяжело было сливаться с растением. А значит, Бессмертный и впрямь стал за ее спиной.

Согбенные валуны мрачным кругом стояли по периметру поляны. Мара насторожилась: так обычно отмечали места силы. Руки сами тянулись к шершавой поверхности — прикоснуться, ощутить, напиться вдоволь... Только ведьма знала, что ничего хорошего из этого не выйдет — кто знает, сумеет ли она вобрать в себя светлые энергии через толщи темных. Сухие вьюны стелились ковром по земле, и даже мхи рассыпались рыже-бурой крошкой под ногами. А ведь когда-то все здесь было иным...

Опомнившись, ведьма потянулась за энергией духа. За пределы поляны ниточка не тянулась — но на ней запутывалась, словно громадный кот, катая клубок, ненароком завязал пряжу в узлы и петли. Мара нахмурилась: не могла ли она ошибиться? Быть может, она перепутала энергии и заведомо шла по ложному следу сюда, к заброшенному капищу?

Неожиданно порыв ветра поднял листву и сухое былье с земли, закружил их вихрем вокруг ведьмы, а затем унес дальше. Мара напряглась — она привыкла к тому, что ни одна травинка в Мертволесье не пригибалась к земле, задетая холодной рукой ветров. Сейчас же длинные нити сухой травыгнулись, и волны бежали по ним подобно ряби на воде. Судя по всему, то же самое пришло в голову Даэн — женщина неотрывно следила за листвой, подхваченной в охапку странным ветром. С тихим шорохом бурые листья и стебли, больше похожие на обрывки истлевшего пергамента, царапали серую кожу валунов, и, задевая их самыми краями, стремительно темнели. Маре понадобилась секунда, чтоб понять — это вовсе не листья. И вот тогда ужас захлестнул ее тяжелой волной.

Из крохотных сухих обрывков медленно вырастали черные птицы, которые становились все больше. Даэн одним прыжком очутилась у Мары за спиной, прикрывая ведьму, Атеа и Меред стали по бокам. Очертания темных крыльев менялись, обращаясь рваными лохмотьями. Ведьма, сцепив зубы, смотрела, как со всех сторон, мягко опускаясь на землю, их окружают немерты. Сколько их? Двадцать? Тридцать? А прямо перед ней стоял дух, словно из паутины сотканный, с лицом змееглазой женщины, такой красивой и пугающей. Дух смотрел на нее, и улыбки на его лице не было.

Ты посмела забрать мою сестру у повелительницы.

— Я посмею забрать и тебя, коли понадобится — холодно ответила Мара. Искорка в груди потеплела еще больше, стала тяжелее и ощутимее. Страх, казалось, совсем отступил прочь.

— Что произошло с эльфийскими девочками, ушедшими сюда? Где они? — голос Даэн звучал ровно, не дрожал. Мара почему-то знала: сейчас Птица умудрялась гнать и от себя, и от своих сестер кошмары, со всех сторон льнущие к ним по велению немертов. Скаах чуть склонила голову, заглядывая за плечо ведьмы, и ослабилась, обнажая ряд острых мелких зубов.

Девочки?.. О, они все здесь. Попробуй найти. Или пусть они сами вас найдут?

Даэн не ответила. Откуда-то сзади раздался тот же голос — странный, звучащий не из уст духов.

Зря вы пришли сюда. Нас сотни, тысячи, и даже если вам удастся уйти живыми, Дикая Охота догонит вас, где бы вы ни были. Можете не сомневаться. И тогда вы станете рядом с нами.

Духи не шевелились, стоя плотным кольцом вокруг. Боги, сейчас ведь белый день... Они же не терпят дневного света. Размышлять о том, почему дикие выбрались из своих нор так рано, времени не было. Мара принялась творить защитное полотно над собой и Птицами как раз в тот момент, когда скаах двинулась к ней, укрытая паутинами и туманом, а несколько немертов вскинули тонкие руки, призывая темноту.

— Мара, сзади еще двое, — крикнула Даэн, уходя куда-то вниз и вбок, в тот самый миг, когда ведьма швырнула в скаах сгусток света, отбивая ее энергетическую волну, — Возьми их, а мы разберемся с темными.

Мара кивнула, запоздало вспомнив, что Даэн вряд ли сейчас увидит ее жест — и тут же приняла мощнейший удар, кое-как умудрившись остановить волны с двух сторон. Третья скаах исчезла, и ведьма ощущала, как где-то за спиной она уже свивается из воздуха. Искорка в груди трепетала, горела, но Маре нужна была хоть секунда, чтоб сконцентрироваться на ней — а покуда даже секунды у нее не было. Оставалось только отбивать удары скаах и пытаться достать их.

Слева от нее Атеа вскрикнула, а затем с рыком бросилась вперед, занося Крыло вверх. Темная тень метнулась прочь от нее, но девушка разгадала этот маневр и тут же, остановив тело, изящным пируэтом развернулась назад и рубанула по диагонали, сверху вниз. Душераздирающий вопль резанул по ушам, а молодая Птица, уходя из-под удара другого дикого, исчезла из поля зрения Мары. Единственное, что успела заметить ведьма — мелькнувшие плети ее золотых кос и длинную алую полосу на щеке. А затем скаах оказалась прямо перед ней, и ведьма, выставив одну руку вперед, приняла на щит мощный поток темной энергии.

Золотая защитная пелена продержалась недолго, но того хватило, чтоб заплести еще один сгусток света, тугой и острый, колющий ладонь. Как только Мара отпустила щит, скаах возликовала, решив, что ведьма наконец открылась — но вместо того, чтоб сплести новую защиту, колдунья направила на духа поток. Это сработало — скаах, раненная силой, завопила во всю глотку. Лицо красивой женщины исказилось от боли, а глаза ее наполнились такой яростью и злобой, что Мару пробрало. Дух исчез, на месте его появился второй, и безумная пляска продолжилась.

Краем глаза Мара видела и Даэн. Та невообразимо быстро вертелась, уходя из-под когтей диких и черных жгутов-энергий, которые свивали духи-«пауки». Сталь свистела, пела, а затем что-то изменилось, и колдовским зрением Мара увидела, как от женщины лучами разошелся свет. Ее движения стали иными, и ведьма поняла: Даэн соединилась с Хартанэ и теперь Танцует, повторяя движения своей богини. Любоваться этим Мара при всем желании не могла, но на душе стало спокойнее. И тебя сбережет Бессмертный — руками той, в кого ты веришь. Теперь все будет хорошо.

Все замедлилось, сгустилось, будто бы они двигались под водой. Мир остался где-то далеко, и черные стволы деревьев сливались с небом и землей — четкими оставались лишь очертания своих и врагов. В груди живой уголек разгорался пламенем на ветру, и с каждой

секундой становилось все большее, словно свет пытался вырваться на свободу. Нужно было лишь освободить его... Но Мара не могла, не успевала распахнуть дверь, за которой он бился подобно сердцу, и тяжелая огненная волна заливала ее саму, грозясь сжечь без остатка. Еще чуть-чуть, и...

Резкий удар пониже лопаток вышиб из груди весь воздух. Мара вскрикнула, с трудом удержав созданное полотно, и чудом спаслась от очередной волны, посланной одной из скаах. Вывернув голову, она успела заметить безумную ухмылку приближающегося немерта, его вскинутую для удара руку с хищно поблескивающими острыми когтями — а затем послышался свист, и Крыло вошло в плечо духа, разрезая плоть все ниже, через корпус. Немерт завопил, рассыпаясь черными хлопьями пепла, и его кровь, словно чернила, растеклась по земле. За его спиной выпрямилась Меред, чьи глаза были залиты плавленным золотом. Она тоже Танцевала с Хартанэ.

Дальше Мара не видела — кто-то, оберегающий ее, шепнул предостерегающее «Уходи!», и ведьма пригнулась, отпрыгивая в сторону. Тут же щелкнули перед лицом острые когти скаах, и женщина не стала медлить. Кинжал на поясе легко вышел из ножен и лег в ладонь. Мара резко ударила, наотмашь, делая шаг вперед и вкладывая в движение всю силу тела — и все-таки умудрилась достать. Скаах — та самая, которую она задела энергией до того, — зашипела, а на серой, перевитой паутиной коже, раскрылась черная открытая рана. Раздался хохот — это другая скаах очутилась за спиной первой. Приподняв подбородок своей сестры, рычащей от боли и злости, дух уставился на Мару, неестественно ухмыляясь. Сейчас их лица были одинаковы — только одно искажено гневом, а другое — этой страшной улыбкой, в которой ничего человеческого не было.

Хочешь поглядеть, кого ты бьешь?

Раненная скаах продолжала рычать, приподняв верхнюю губу, и в уголке ее рта пузырилась черная кровь — кинжал Мары вошел глубоко в плоть дикой. Ведьма почему-то знала, что произойдет дальше.

Смотри же, колдунья. Смотри.

Черты лица духа как-то размазались, словно кто-то провел ладонью по холсту с незасохшей краской. Мара не ощутила ничего, глядя, как подобно луковой шелухе с лица скаах сходят тысячи страшных ликов — ликов давно погибших в бездне темных богов, ликов существ из древних легенд... Все они исчезали, на один крохотный миг проступая на ее лице, пока не остался последний — ее истинный облик. Пустые глаза, когда-то горящие золотом, тонкие, почти детские черты лица, высокий лоб, перетянутый узорной полосой тесьмы с россыпью капелек крови. Тонкий палец обнимающей ее скаах прошелся по длинному подбородку, опускаясь к шее, где виднелся шнур с молочным кристаллом из пещер Лореотта.

Разве не за ней ты пришла?

— Я пришла за живой, — тихо ответила Мара, улучая момент и направляя к ним поток.

Скаах разжала руки, отпустив раненного духа, и тот не успел закрыться или уйти. Волна пронзила его тысячью солнечных стрел, и скаах, взыв подбитым зверем, опала на землю, болезненно изломанная, едва дышащая. Ее сестра исчезла, растаяв за спиной существа, когда-то бывшего эльфийской девочкой. А дух, последний раз дернувшись, обратился прахом, рассыпаясь прямо на глазах. Через несколько мгновений лишь пустой кристалл, в котором не осталось ни капельки магии пещерного города, остался лежать в сухих травах. Прими ее, Бессмертный.

Секундная передышка позволила Маре оглядеться. Немертов все еще оставалось много, они наседали со всех сторон. Даэн, отрешенная и какая-то совершенно нездешняя, Танцевала, быстро и в то же время так плавно скидывая руки, резко уходя из-под ударов и уворачиваясь. Атеа крутилась волчком, и в ней Мара тоже чувала силу Хартанэ. В отличие от Даэн, Лебедь плела узор совсем иначе, гибкая и тонкая. Она умудрялась изгибаться, чуть ли не в узел завязываясь, и постоянно маневрировала, не позволяя диким разгадать, откуда нанесет следующий удар. За ее спиной Меред работала лишь одним Крылом. Мара забеспокоилась — ощущение от девочки шло болезненное, волнами накатывая и снова отступая. Ее ранили? Впрочем, Меред ничуть не уступала другим Птицам, собранная и внимательная, и никого не подпускала к себе.

Заметив, что ведьма остановилась, несколько диких стремительно направились к ней, двигаясь рывками, словно бешеные звери. Быстро сформировав поток, Мара ударила, и духи бросились врассыпную, уходя из-под волны. Замешкавшимся повезло меньше — поток, найдя цель, сжег их дотла. Вот так. Хоть немного, а Птицам будет легче. Новая атака пришла сбоку — скаах вновь возникла из ниоткуда, и ведьма видела, как меж ее пальцев плетется черный кокон. С другой стороны появилась вторая, стягивая темную волну к себе, чтоб в следующий миг швырнуть ее в Мару. Пора. Сейчас! Ощущая странное ликование, Мара коснулась искорки в груди, распахивая двери и выпуская ее на свободу.

Энергия, так долго беснующаяся внутри, растеклась во все стороны, стремительная и неуправляемая. Мара держала ее, как держат необъезженных диких лошадей — но сила вырывала поводья из рук, вдруг оказавшихся такими слабыми. По венам словно огонь разошелся, а по позвоночнику хлестнуло невидимым кнутом, распарывая кожу и плоть до кости и еще глубже. Ведьма не знала, каким чудом сдержала рвущийся из груди вопль, впиваясь в собственные ладони ногтями, пока сила рвалась из нее горной рекой, вышедшей из берегов. Неистовое пламя ринулось сквозь нее, расходясь во все стороны, гораздо сильнее, чем было в первый раз, и Мара надеялась, что оно сумеет задеть не только скаах, но и немертов. Всех до единого. С каждой секундой позвоночник жгло все сильнее, будто бы и впрямь кто-то распорол ей спину, и теперь с каждым ударом сердца вместе с кровью из нее вытекали все силы, но Мара держалась, позволяя потоку нестись через себя.

Время на поляне замерло. Духи, пронзенные лучами только что рожденной звезды, корчились и падали на землю, тут же рассыпаясь черной пылью. Мара сквозь пелену огненной боли, застилающей глаза, видела, как скаах распадаются пеплом сожженных городов. Как только свет заполнил весь мир, не оставив ни единой тени, ведьма, дрожа от натуги, попыталась ослабить касание и вернуть энергию обратно в крохотную искорку — но та не желала подчиняться, продолжая литься рекой через нее. Боль становилась невыносимой. Где-то далеко слышался чей-то голос, зовущий ее — тревожный, родной, очень нужный, но Мара совсем оглохла и ослепла, а руки ее свело судорогой. Пожалуйста! Но свет все ширился, ширился, а ведьма поняла, что еще чуть-чуть — и она уйдет следом за духами к Бессмертному. Считая удары сердца, Мара пыталась успокоить энергию, удержать ее и вернуть обратно к сердцу — но все было тщетно.

Когда перед глазами уже плыли темные круги, ведьме удалось все же отыскать в бесконечном свете ту крохотную точку, что породила его. Мара, совершенно ослабшая, ухватилась за нее, чтоб в следующий миг отпустить, возвращаясь в мир смертных. Поток тут же сжался до размера зернышка в ее груди, и Мара застонала, опадая на землю, когда невыносимая сила вновь прошла ее, только теперь — обратно. Спину вновь обожгло, будто

каленным прутом приложились, и ведьма с ужасом поняла, что это.

Энергетические раны были гораздо страшнее других. Защитить их мог лишь другой колдун, и то — лишь сильный. Не кровь вытекала сквозь такие раны, но сама жизнь, и с каждым мгновением незадачливый маг слабел физически, в буквальном смысле умирая. Даже крохотные царапины были опасны — они не зарастали, и сшить их сам колдун не мог. А судя по всему, сейчас у Мары раскрылась рана едва ли не в позвоночник длиной, и вряд ли с ней ведьма долго протянет.

Чьи-то крепкие руки подхватили ее, когда очередная волна прокатилась от пят и до макушки, пронизывая ее огнем. Через белую пелену, становящуюся все гуще, Мара слышала собственное имя, далеким эхом звучащее где-то за тысячи верст от нее, а затем боль ослепила ее, и ведьма провалилась во мрак. Звук растаял в дымке, и весь мир поглотила мгла.

===== Глава 23. Надорванная связь =====

Дар Хартанэ в груди пылал золотым пламенем, и Даэн знала: дикие видят его отблески в глубине ее зрачков. Все вокруг размылось, четкие формы и контуры спрятались за полупрозрачной вуалью, и казалось, будто Птица очутилась в мире теней. Впрочем, ей и не нужны были привычные границы: богиня вела ее, и Даэн доверяла ей всем сердцем. Хартанэ не могла обмануть или предать.

Всякий раз, когда Крыло находило цель, что-то внутри Коршуна ликовало — но чувство было секундным, а затем Танец снова затягивал ее. Где-то на границе сознания Даэн видела Хартанэ: бронзовую, плавную и гибкую, и длинные перья на кончиках ее крыльев изгибались, а медные браслеты на руках блестели, отражая свет солнца, струящийся отовсюду. Золотые глаза хищной птицы смотрели прямо в сердце Даэн, и та знала — богиня не даст ей ошибиться.

Их все еще было много, но Даэн сражалась, ни на секунду не останавливаясь. Где-то за спиной стояла Мара, и Коршун слышала тихий-тихий хрустальный звон всякий раз, когда собранная ведьмой завеса рассыпалась от удара темной волны. Страх то и дело пытался запустить в нее когти, но Даэн гнала его от себя так далеко, как только могла. Ей нельзя сомневаться в Маре. Просто нельзя. Ведьма справится — в конце концов, она умудрилась развеять одну скаах пеплом по ветру. И с этими тоже разберется.

Шаг, поворот, три шага в сторону. Левое Крыло назад, правое — параллельно земле, на уровне груди. Вдох. Резко развернуться в полупируэт, ударить, обманув соперника. Провернуть лезвие. Шаг, выдох.

Рядом Танцевали Меред и Атеа. Даэн чувствовала, как от их сердец к сердцу богини тянутся тонкие, но крепкие нити — и потому была спокойна. Птицы обязательно справятся: сама Хартанэ стоит рядом с ними и ведет их. Где-то в совершенно другой реальности мелькали длинные косы Атеа, без остатка соединившейся с богиней — и девочка отныне тоже была не-здесь. За нее, пожалуй, Даэн беспокоилась гораздо больше, чем за остальных: Лебедь все еще оставалась ребенком. Теперь сила Хартанэ звенела в ней, и Коршун знала: защищать ее больше не нужно. Птенец наконец-то вырос по-настоящему...

Внезапно Хартанэ замерла, глядя прямо в сердце своих Птиц — а затем мир затопил густой ослепительный свет. Силуэт богини с сияющими крыльями вдруг померк. Что-то происходило прямо сейчас, и Даэн заметалась, пытаясь хоть что-то предпринять, но свет стал еще ярче, а прекрасная Хартанэ вдруг исчезла, будто и не было ее. Даэн дернулась от неожиданности и боли — казалось, что кто-то разом обрубил канаты связи с богиней, и

Птицы упали с Ее золотых небес наземь, переламывая крылья.

Ее бросило в жар, оттуда — в стылый холод. Даэн с трудом удержалась на ногах, придавленная к земле неведомой мощью, и слепо заморгала, пытаясь понять, что происходит. Свет чуть ослаб, стал прозрачнее, и где-то в центре этого сияния Коршун сумела разглядеть силуэт женщины, окруженный золотистым свечением. Мара? Имя отозвалось рваным ударом сердца. Ведьма плела то самое колдовство, которым сразила скаах несколько часов назад, и сейчас на поляне не осталось ни одного духа.

Затем свет резко сошел, сжался и словно бы втянулся в колдунью — сияние огненной нитью вошло в ее грудь, и еще секунду Даэн видела пылающий светлый клубочек где-то у ее сердца. А потом Мара вдруг осела на землю, как-то изламываясь, будто тростинка на безжалостном ветру, и страх хлестнул Даэн ледяным кнутом. Женщина рванула к ведьме, подхватывая ее у самой колючей линии пожухлой травы, и как только ладони ее коснулись Мары, кожу обожгло сотней раскаленных игл. Коршун не разжала рук, осторожно опускаясь вместе со своей драгоценной ношей на землю, и ведьма вдруг глухо застонала, выгнувшись дугой.

— Мара? Мара! Что с тобой? Мара!..

Женщина в ее руках лишь тяжело дышала, и лицо ее было искажено от боли. Даэн бережно приподняла ее, помогая ей сесть.

— Даэн, что с ней?

Сейчас Коршун не знала, кому принадлежал голос, кто ее спрашивает — все отошло куда-то на второй план. Она чувствовала пальцами сердцебиение ведьмы — рваное, беспокойное, какое-то надрывное. Не смей умирать! От ужаса потемнело в глазах, но Даэн усилием воли заставила себя не паниковать. Веки Мары чуть подрагивали, будто ей что-то снилось, и под ее ресницами Коршун видела тонкую серую полосу, где гасли последние искорки звезд, осыпавшихся с Колеса. А затем ведьма замерла. Тонкая ее шея изогнулась, пряди из черной косы, упавшие на лоб, соскользнули с ее лица. Мара дышала — но как-то странно, прерывисто. Даэн, непрестанно молясь Хартанэ, перехватила ее и аккуратно подняла, прижимая колдунью к себе. Та была без сознания. Богиня, чем же помочь?!

— Даэн, что будем делать? — Меред подошла ближе, и лишь тогда Коршун обратила внимание на нее. Девушка ссутулилась от усталости, дышала тяжело, а левую кисть ее избородили две длинные раны. Но в целом Меред была в порядке и держалась на ногах — значит, серьезных ранений не было. Поймав обеспокоенный взгляд старшей Птицы, она потрянула головой, — Со мной все хорошо. Что с госпожой Марой?

Даэн отрывисто ответила:

— Я не знаю, что с ней — но сдастся мне, нужно унести ее отсюда, и как можно скорее, — женщина, приказав себе мыслить хладнокровно, подняла глаза на Атеа. Щеку девушки рассекал некрасивый рубец — шрам явно останется на всю жизнь. Она согнулась, упираясь ладонями в колени, и пыталась восстановить дыхание. Волосы ее растрепались, и теперь Лебедь походила на настоящую фурию. Взгляд, который встретила Даэн, не сулил ничего хорошего, — Атеа, ты как?

— Нормально, — жестко бросила Атеа. Глаза ее сузились, когда она уставилась на Мару, — Только в следующий раз пуцай твоя подружка не пытается нас убить — и все совсем будет замечательно.

— Она не пыталась нас убить, — бросила Даэн — сейчас до выпадов Лебеда ей дела не было. Ладони продолжало жечь, словно она держала не женщину, а зарницу, и Птица не

могла понять, что же происходит с ее ведьмой. И от этого почему-то было страшно.

— Вот как? — Атеа скрестила руки на груди, — Она оборвала Узор. Она своим бесовским колдовством оборвала нашу связь с Хартанэ — я это почувствовала. Я знаю, о чем говорю, Даэн, и не пытайся ее защитить. Нас могло попросту на части разорвать, — последнее девушка произнесла совсем тихо, просто констатируя факт. И Коршун понимала, что сейчас она действительно права.

Нет ничего страшнее для Птицы, чем разорвать небесную связь со своей богиней. Вырви растение с корнем из породы, брось его наземь да смотри, как оно медленно умирает. Можешь вырвать не до конца — тогда тонкие ниточки, связывающие его с землей, будут кое-как поддерживать жизнь в нем, прежде чем оно спустя время не восстановится. Но если рука твоя сильна, если это растение ты счел сорняком в своем саду — будь уверен: оно умрет.

Благо, то ли колдовство Мары было направлено совсем на иное, то ли сил ее было недостаточно — но Птицам она не причинила вреда. Да, связь с Хартанэ оборвалась чужой силой, грубо и резко, но в то же время Даэн не чувствовала себя умирающей. Напротив, сил вдруг прибавилось, и теперь в мозгу билась лишь одна мысль: спасти ведьму. Проклятую, бесову ведьму, которая только что положила несколько десятков диких в одну секунду. И возможно, тем самым спасла Птицам жизни. Кто знает, что произошло бы, не обратись Мара к той силе, что сотворила такое ее руками.

— Но не разорвало, — вдруг тихо проговорила Меред, буравя Атеа тяжелым взглядом. Та лишь фыркнула и покачала головой. Стриженная Птица тем временем обернулась к Даэн и наградила ее долгим взглядом, — Наши действия, Даэн?

Птица, все так же придерживая ведьму, взглянула на нее. Мара была совсем бледна, и ресницы ее больше не подрагивали, словно в беспокойном сне. Казалось, будто она всего лишь крепко спала.

— Она вся горит, — помедлив, ответила Даэн, — Думаю, ей нужна помощь Мэг, и как можно скорее.

— До Лореотта два дня пути. Мы будем тянуть ее до самых пещер? Да и вообще — она сама до них дотянет? — с сомнением поинтересовалась Атеа.

— Дотянет, — грубо оборвала ее Даэн, подхватывая ведьму на руки. Та оказалась удивительно легкой, — В любом случае, отсюда нужно уходить. Если дикие нападут сейчас, нас точно разорвут — скаах говорила, что их здесь тысячи. Я склонна ей верить почему-то.

Меред вопросительно взглянула на нее:

— Тебе нужна помощь? Я могу... — она протянула руки к Маре, будто бы собралась подхватить ведьму. Даэн мягко покачала головой:

— Я знаю. Не нужно — я справлюсь. Она совсем невесомая.

— Если устанешь — скажи, пожалуйста, — кивнула Меред, отступая на шаг назад. Даэн не стала отвечать ей, хоть и была благодарна девочке. Меред действительно беспокоилась за ведьму, хоть и ей самой требовалась помощь.

Всем им требовалась, на самом деле. Атеа с перемазанным кровью лицом напоминала жрицу древнего бога — разве что величия в ее облике не было. Девушка чуть припадала на правую ногу, но и слова о своих ранах не говорила, держась прямо. Меред распороти только руку — впрочем, Даэн больше всего не любила раны на кистях, они всегда были болезненными и заживали долго. Но и вторая Птица не жаловалась. О своих новых шрамах Коршун старалась не думать — ими можно будет заняться позже. Важнее сейчас была Мара.

Колочую стену мертвого шиповника пришлось обходить — арка, сотворенная Марой, исчезла, как только они очутились на поляне. Даэн проклинала потерянное время, но иного пути не было — рубить ветви, перепутавшиеся и огрубевшие за сотни лет, гораздо дольше и тяжелее. Впереди шла Меред, выискивая путевые зарубки, оставленные старшей Птицей, Даэн держалась позади нее, а замыкала шествие Атеа. Птицы двигались так быстро, как только могли, и вскоре вышли к последней зарубке, оставленной с обратной стороны изгороди.

— Хвала Хартанэ, — выдохнула Даэн. Мысль о том, что секунда промедления может стоить ведьме жизни, невыносимым грузом давила на нее. Делай что хочешь — только не смей уходить! Женщина обернулась к Атеа, однако молодой Птицы за спиной не было.

Даэн похолодела. Они нигде не могли разминуться, в середине пути девушка шла за ней по пятам, и Коршун временами чувствовала лопатками ее тяжелый взгляд. Меред, остановившись рядом с Птицей, тоже обернулась, и лицо ее вытянулось, а ладонь тут же легла на рукоять Крыла.

— Даэн, где она? — голос молодой Птицы звенел напряжением.

— Я не знаю, — в тон ей ответила Даэн, озираясь по сторонам, — Она всю дорогу шла за нами, я увере...

Внезапно где-то далеко послышался тихий звук — похрустывание мелких веток и стеблей под чьим-то быстрым шагом. Звук приближался, притом довольно быстро, словно неведомый преследователь бежал за ними. Молясь Хартанэ о том, чтоб это была несносная Лебедь, Даэн вглядывалась в пустоту меж стволов, откуда они пришли. Меред замерла, словно гончая на охоте, а пальцы ее беспокойно сжимались и разжимались на рукояти оружия. И когда в просвете мелькнуло пятно темной форменной куртки, а чуть выше — золотистый блик, с плеч Даэн свалилась едва ли не вся тяжесть Караласской гряды.

Атеа выскочила на поляну и совершенно невозмутимо уставилась на них. Даэн открыла рот, чтоб отчитать ее, но девица криво ухмыльнулась и вытянула вперед руку. На ее ладони лежал тусклый молочный кристалл из тех, что носили эльфийки в пещерах Лореотта — с одним лишь отличием: в этом не трепетала мягкая искорка бледного света.

— Я подумала, что желтоглазым не помешают доказательства, — последнее слово Лебедь подчеркнула, в упор глядя на Даэн, — Если память меня не подводит, Королева убедительно просила предоставить их, а ни одна из вас, умниц, не додумалась об этом позаботиться. Хорошо, что я это припомнила.

— Да, пожалуй, один из немногих разумных твоих поступков, — помедлив, кивнула Даэн. Лебедь метнула на нее уничтожающий взгляд, но Коршун уже отвернулась от нее, — Идемте, скорее. Нам нужно покинуть Мертволесье, и чем быстрее, тем лучше.

В молчании они направились дальше, внимательно оглядывая местность и отыскивая путь — по памяти, по едва заметным зарубкам на черных стволах. Возле одной из таких зарубок Даэн увидела глубокие борозды, оставшиеся от чьих-то когтей, и ее передернуло. Когда они только шли сюда, этих следов не было. Молодые Птицы тоже заметили распоротую кору вокруг метки Даэн, и молчание стало еще более тяжелым. Казалось, будто все звуки в Мертволесье превращались в туман и таяли, медленно опускаясь на черную землю, укрытую ржавым ковром сухой травы. Такая тишь обычно бывает в живых лесах в тот миг, когда хищник готовится напасть на свою жертву. И Даэн слишком уж четко осознавала, что они — та самая жертва. Нужно торопиться.

Впрочем, они итак шли максимально быстро. Даэн знала — молодым Птицам сейчас

невероятно тяжело, но они, тем не менее, шли молча, сжав зубы и не обращая внимание на усталость, боль и тяжелое жгущее изнутри ощущение после разрыва связи с Хартанэ. Шок уже прошел, и теперь в груди дрожало обжигающе горячее и болезненное сияние — сейчас не золотое, а рыже-алое, словно раскаленная лава. Даэн тихо звала свою богиню по имени, и этот огонек всякий раз вспыхивал, отвечая ей — значит, полноценного разрыва все же не было. И, несмотря на колючую боль, Коршун упорно касалась Дара в своей груди, успокаивая его, как успокаивают поранившегося обиженного ребенка — или полуприрученного зверя. И зверь, хоть все еще дикий и недоверчивый, уже начал подходить ближе к протянутой руке.

Взгляд то и дело сам опускался вниз, на лицо Мары. Если поначалу она казалась совсем уж перышком, то теперь Даэн чувствовала, как руки наливаются усталостью, а мышцы сводит от напряжения — но на это ей было плевать. Если понадобится, я отнесу тебя хоть на край мира. Только живи. Птица несколько раз пыталась призвать Хартанэ и привести ведьму в себя — так, как они помогли Атеа в Серой Топи, но богиня не отвечала, закрываясь шестью своими крыльями, словно золотой вуалью. Лишь один раз Даэн почудилось зарождающееся в груди мягкое тепло, ласковое и родное, но потом огонек полыхнул пламенем и вновь затаился колючей, жаркой искрой, обжигающей доверчиво протянутую ладонь.

Между тем сумрак уже начал опускаться на черный лес. Сначала совсем незаметно небо темнело — плавно-плавно, меняя лишь оттенки, а затем Даэн вдруг увидела, что тени сгустились, и что со всех сторон к ним подкрадывается темнота. И всей собой Птица ощущала, как где-то в глубине Мертволесья, у самого его истока меж двух гор, просыпаются твари, лишённые сердца. Открывают белые глаза, выбираются из густой, словно деготь, мглы — и все смотрят в сторону юга, ощущая жизнь, забредшую сюда. И вот-вот выйдут на охоту.

— Впереди лес редееет, — отрывисто доложила Меред, и сердце Даэн забилося быстрее. Хвала тебе, Хартанэ... Значит, они успеют покинуть Мертволесье до захода солнца.

И впрямь, впереди через решетку черных стволов виднелось сухое поле, а дальше — белый простор, расстилающийся до самых гор. Сами того не замечая, Птицы ускорили шаг, из последних сил стремясь вырваться из-под тяжелой, нависающей над головой сети сухих ветвей. Несколько раз Даэн оглянулась, чувствуя на себе чей-то голодный хищный взгляд — и ей казалось, что меж деревьев мелькнула в сторону чья-то тень да белые глаза блеснули. Ветер донес до ее слуха чей-то шепот, но до черты Мертволесья оставалось уже совсем немного.

Они вырвались из плена черной земли в тот самый миг, когда темнота стала осязаемой, тяжелой — солнце уже ушло за край земли, и теперь мир стремительно погружался в чернильный омут. Даже воздух за пределами Мертволесья был легким, живым, несмотря на то, что вокруг леса энергии тоже были полумертвыми. Даэн глубоко вдохнула, жадно втягивая носом воздух и горячо благодаря Хартанэ. Успели. Богиня, мы успели. Черепа, глядящие пустыми глазницами им в спину, не пугали ее — но обернуться назад и стать лицом к Мертволесью почему-то было страшно. Она знала: если обернется, увидит что-то совсем нехорошее.

— Не останавливаемся. Мы слишком близко от них, нужно отойти. И по-хорошему, останавливаться нам сейчас никак нельзя.

— Ее можно отнести на мельницу, к тому ненормальному... то есть, к духу, которого

она лечила. Быть может, он сумеет разбудить твою спящую красавицу, — заметила Атеа. На этот раз в голосе ее не было никакой насмешки.

Справа от них в нескольких саженях темнел силуэт старой мельницы. Где-то там сейчас был нойя — быть может, спал, излеченный колдуньей, быть может, смотрел на них, спрятавшись в игру света и теней...

— Едва ли, — Даэн снова посмотрела на Мару. Казалось, что черты лица ведьмы истончились, стали восковыми — и это тоже почему-то было страшно, хоть ведьма и продолжала дышать, — Он не лекарь и не колдун. Ей нужна Мэг. Как и каждой из нас, — взгляд Коршуна поневоле скользнул по запекшейся полосе на щеке Лебеда. Та поняла, на что смотрит Даэн.

— Да-да, очень красиво, знаю. Решай уж и веди нас. Только бы на месте не стоять.

— Даэн, — тихо позвала Меред, отвлекая Коршуна от Атеа. Женщина вопросительно взглянула на молодую Птицу. Девушка смотрела куда-то за спины своих сестер, вглубь Мертволесья, и на лице ее застыло странное выражение, которое Даэн не могла понять. Она обернулась — и замерла столбом, забыв об усталости и боли в напряженных, сведенных судорогой руках.

Далеко меж стволов мелькали крохотные светящиеся точки, напоминающие светлячков — разве что светлячки не летают по парам. Белые блики появлялись и гасли, как огоньки маяка или сигнальные фонари, двигались, перемещались. Лес светился, будто июльской пьяной ночью, когда звезды падают прямо в кроны деревьев и обращаются теми самыми светлячками. Возможно, это даже было бы красиво, если бы Даэн не знала, что все эти светлячки мертвы.

— Пресвятая Хартанэ... — осипшим голосом выдохнула Атеа, — Их же правда тысячи, если не сотни тысяч...

— Уходим, — отрывисто приказала Даэн, глядя на странную пляску бледных маленьких точек, которые на самом-то деле были глазами сотен страшных существ. Она кожей чувствовала их голодные взгляды, прикованные к ней, впивающиеся в нее, словно клыки змеи. И страх, холодным клубком скрутившийся в животе, норовил опутать ее целиком, с ног до головы.

Не сговариваясь, они направились прочь от Мертволесья, оставляя за спиной черную стену деревьев, со стороны которой напозла ночь. Сквозь шелест сухой травы под ногами, сквозь шорох собственного дыхания, вдруг показавшийся таким громким, Даэн слышала чей-то голос — но слов разобрать не могла. Она лишь знала, что в этом голосе смерть, все ночные кошмары, все подземные древние чудища, разбуженные темной песней, и весь страх мира. Голос притаившейся огромной змеи, медленно сжимающей свои кольца вокруг тела молодого мира, напоенного жизнью — а потому такого желанного для нее. И сейчас взгляд этой змеи был прикован к молодым Птицам, к Даэн, а больше всего — к ведьме в руках Коршуна. Даэн лишь крепче прижала к себе Мару. Ты не забереешь ее у меня — кем бы ты ни была.

— Что мы доложим Лорелей? — Атеа поравнялась с Даэн и теперь шла в ногу с ней, не оглядываясь назад, — Их же здесь целое море...

— Это и доложим, — отозвалась Даэн. Внутри было как-то холодно и пусто — такого количества диких она никогда не видела. И если вся эта безумная стая выйдет за пределы Мертволесья, будет бойня, какую свет не видел. Атеа, словно читая ее мысли, тихо молвила:

— Что мы можем выставить против них?.. Что мы вообще можем сделать против такой

орды? Богиня... — девушка покачала головой. Вид у нее был совершенно потерянный, — Они же сметут нас с лица земли — как и все на Бар-эс-Тилладе. Даже если мы поднимем воинов Птичьего Городка, нам не...

— Не говори раньше времени, — прервала ее Даэн, — С нами станут эльфийки. Шедавар сумеет договориться с кланами, и с нами выйдет армия пещерных эльфов. Это уже не сотня против сотен тысяч.

— Этого все равно мало, — с нажимом произнесла Лебедь, — Мы не выстоим, если будем одни.

Даэн понимала: девочка права. Как бы там ни было, воины Келерии не смогут остановить эту волну, даже если к ним примкнут пещерные эльфы. И Коршун не знала, что можно предпринять в этой ситуации. Тем не менее, женщина заставила себя отбросить прочь гнетущие мысли.

— Мы доложим обо всем Лорелей. А дальше... ну что ж... Посмотрим. В любом случае нельзя бояться и паниковать. К тому же, — Даэн вновь взглянула на Мару. В груди как-то потеплело, и даже страх за нее куда-то отступил. Сейчас Птица не сомневалась, что ведьма непременно выживет, — К тому же, есть она.

Атеа долго молчала, глядя на Даэн, а затем спросила с плохо скрываемым сомнением:

— И ты так веришь в нее?

— В нее единственную я и верю на этой земле.

Фразу забрал ветер, подхватив слова и унося их в сторону Мертволесья. Даэн просто шла, не думая ни о чем и ни о ком — ни о диких, готовых разрушить весь мир, ни о Лорелей, ни о том, как Первая Птица решит самую сложную задачу, когда-либо возникавшую перед Келерийской Гильдией, ни о том, смогут ли они победить и выжить в этой войне. Главное, что Мара сможет. Мара совершенно точно сможет, Мара сумеет, Мара...

Внезапно на белой равнине появилось несколько темных пятен, быстро приближающихся навстречу к ним со стороны гор. Птицы замерли, вглядываясь в силуэты, пока те перестали быть бесформенными. Очертания химер и всадниц на них, освещенных светом ледяной Ярис, становились все четче, и Даэн благодарила Хартанэ, чуть ли не крича молитву ей прямо в стылое небо. Одна из эльфиек что-то гортанно выкрикнула, и отряд устремился прямо к Птицам, четким клином приближаясь к ним. Одна из химер вырвалась вперед, и во всаднице на ней Даэн узнала Аллэи. Женщина остановила своего зверя совсем рядом от них, легко спрыгнула с него и быстрым шагом направилась к Даэн. В темноте ее желтый глаз светился золотистым угольком.

— Мэг сказала, что тени взбесились, — без обиняков начала Аллэивар, как только Даэн вместе с Марой оказалась рядом, — Что в Мертволесье происходит что-то страшное — и Шедавар сразу же выслала сюда, забирать вас... Что с вашей Знающей? — взгляд ее коснулся лица Мары. Даэн отрывисто ответила.

— Ее нужно отвезти в Лореотт, к Слепой Мэг, как можно быстрее. Я расскажу обо всем что произошло — только доставь ее к старухе скорее, прошу тебя.

Не было нужды продолжать. Аллэи кивнула, без слов забрала Мару с рук Даэн и буквально взлетела на химеру, усаживая бесчувственную ведьму перед собой и даже не закрепляя ни себя, ни ее. Остальные эльфийки как раз спешили к ним, ведя под уздцы своих зверей. Аллэивар повернулась к одной из своих сестер.

— Инарэ, ты за старшую. Забирайте Птиц — и галопом за мной, — дождавшись кивка. Аллэи взглянула на Даэн и усмехнулась ей, — Не бойсь, пташка. Все будет хорошо.

Даэн не успела и кивнуть в ответ — Аллэи уже развернулась, гортанно выкрикнула, и Йэн сорвалась с места, стрелой пускаясь по заснеженной равнине назад, к Лореотту. Коршун лишь успела заметить, как эльфийка смотрит в сторону леса, где мерцали искорки чужих глаз. Прощу тебя, поторопись. Довези ее быстрее ветра, помоги ей. Я буду перед тобой в неоплатном долгу, Аллэивар.

Инарэ, высокая худошавая женщина с седыми, взъерошенными ветром волосами, подошла к ним. Она тоже смотрела за плечо Даэн, туда, где темнело Мертволесье.

— Сберегите нас, боги... — пробормотала она, касаясь двумя пальцами тесьмы на лбу, — Не думала, что столько... Ладно. Еще налюбуюсь. Идемте, пташки — вам и самим Знающие нужны. Не будем медлить.

Даэн не помнила, как Инарэвар усаживала ее на свою химеру, не помнила, как затягивала ремни на ее ногах, как отдавала приказы своему отряду. Когда ветер ударил в лицо, она даже не обернулась, чтоб посмотреть на Мертволесье, где россыпью жемчуга светились и исчезали в темноте крохотные белые сполохи. Перед глазами оставался лишь изгиб шеи черного зверя, белая полоса снега, и где-то там, едва различимая на горизонте — темная точка, быстро удаляющаяся от них. Успей. Пожалуйста, успей.

===== Глава 24. В Доме Знающих =====

Когда отряд под предводительством Инарэ вошел в Лореотт, город уже спал. Нижний ярус пустовал, и тусклый свет факелов играл на исчерченных узорами площадях и улочках. Гулкая тишина скрадывала все звуки, и только эхо шагов отзывалось где-то под сводами пещер. Для Даэн весь мир сжался в точку, в которой не было ничего, кроме этого звука да шороха дыхания шедших рядом Птиц. Эльфийки шагали бесшумно, поэтому казалось, что их и вовсе рядом нет. В молчании отряд двигался через пустой город к подъемному механизму, и Даэн уже видела высокий сталагмит с узкими прорезями-окошками.

На посту дежурила уже знакомая Даэн молодая эльфийка, совершенно сонная и скучающая. То ли услышав, то ли ощутив приближение отряда, девчушка вытянулась по струнке, пряча зевок в кулаке. Когда Инарэ подошла ближе, часовая коснулась пальцами тесьмы, пересекающей лоб, и чуть склонила голову.

— Ищущая Инарэвар!

— Вольно, — буркнула Инарэ. — Аллэи уже здесь?

Даэн обратилась в слух, разом сконцентрировавшись. Мысли о Маре не давали ей покоя, и страх за ведьму никуда не девался, сколько бы она не убеждала себя, что с нею все будет хорошо.

Часовая кивнула.

— Да, прибыла около получаса назад. Не одна, вместе со Знающей. Унесла ее к Мэг.

Хвала тебе, Хартанэ! Казалось, и полумрак подземного города развеялся, будто первые лучи восходящего солнца проникли сквозь толщи холодной породы, заставив темноту боязливо отступить в дальние углы. По крайней мере, Мара была здесь, а, значит, все обошлось. Надеюсь, что обошлось.

— Хорошо, — Инарэвар задрала голову, вглядываясь в темноту под потолком пещеры, — Опускай подъемник.

Минуты потянулись медленно, секунда за секундой. Казалось, будто короткий миг растянулся на сотни веков, и золотые песчинки в небесных часах Хартанэ плавилась и скатывались вниз по фигурному стеклу, словно густая-густая смола. Когда подъемный механизм наконец стукнулся о белокаменный пол, Даэн уже потеряла счет времени.

Инарэвар шагнула на платформу первой, следом за ней вошли и Птицы. Одна из разведчиц, пришедших вместе с ними, вопросительно взглянула на старшую.

— Ищущая Инарэвар, какие будут указания касательно нас?

— Свободны, — коротко ответила Инарэвар, и подъемник с натужным скрипом начал медленно подниматься вверх. Даэн еще успела заметить, как разведчицы побрели куда-то по витым улицам, а затем и вовсе скрылись, затерявшись в каменном безмолвии.

Тишина царила и на верхних ярусах Лореотта. Тренировочные площадки, воздушные галереи, светлые изогнутые мостики, подсвеченные молочным сиянием белых кристаллов, — все пустовало, словно город был заброшен. Лишь иногда Даэн чувствовала на себе чей-то внимательный взгляд — где-то на невидимых наблюдательных постах находились эльфийки, провожающие подъемник зоркими глазами. Но занимало ее вовсе не это, и потому Даэн не обращала никакого внимания на неприятное ощущение, возникающее каждый раз, когда за ней кто-то следил.

Инарэ тихо молвила:

— Прямо сейчас пойдём к королеве. Она приказала доставить вас без промедления в Лореотт, и очень боялась, что мы можем не успеть.

— Королева — это хорошо. Надеюсь, она по нам соскучилась, — промурлыкала Атеа.

Даэн ощутила легкое раздражение, смешанное со странным покоем: что-то в этом мире всегда оставалось неизменным. Решив, что Лебедь, как и обычно, ерничает ради забавы, Коршун поступила как всегда. Проигнорировав младшую Птицу, Даэн с сомнением посмотрела на Ищущую.

— Нам не помешала бы помощь Знающих. Нас всех зацепило здорово.

Инарэвар понимающе кивнула.

— Как скажешь, Птица... — она вопросительно взглянула на Коршуна.

— Даэн из Фаулира, — ответила та.

— Хорошо, Даэн из Фаулира. Тогда сейчас поднимемся в Дом Знающих, пусть глянут, что можно с вами сделать. Мэг сейчас над вашей Знающей ворожит, наверное, но ее ученицы должны справиться. Думаю, для Шедавар полчаса не сыграют особой роли.

Даэн тоже так считала, но вслух не сказала ничего. Почему-то разговор давался ей тяжело, и поддерживать его совершенно не хотелось. Где-то наверху, в пещере старой эльфийской ведьмы, сейчас была Мара, и слепая ворожила над ней, призывая на помощь своих жутких теней, о которых толковала, когда они встретились впервые. Даэн опасалась той странной неведомой силы, к которой обращалась Мэгар, но та была самой могущественной Знающей Лореотта, и едва ли кто-то кроме нее смог бы помочь.

Из раздумий ее вывел тихий голос Меред.

— Отсюда кажется, что город мертвый, — она помолчала, задумчиво глядя на плавные изгибы улиц внизу, — Будто бы мы совсем одни.

— Ага, — отозвалась Атеа, — Жуткое местечко. И желтоглазые эти как призраки...

Инарэвар неодобрительно кашлянула, но девушка не обратила на это никакого внимания.

— Интересно, по ночам здесь всегда как в склепе? — Атеа поежилась, обхватывая себя руками и неодобрительно поглядывая вокруг, — Даже боюсь представить, что творится в местных борделях.

Меред поперхнулась, а Инарэвар, сверля Лебеда убийственным взглядом, прорычала:

— В Лореотте нет борделей. Только люди опускаются до того, чтобы продавать и

покупать любовь за деньги.

— То-то я смотрю, вы все такие напряженные, — с искренним сочувствием вздохнула Атеа, — Вам бы не помешало... как бы это выразиться?.. Разнообразить свои унылые будни. И, должна тебе сказать, что до этого опустились не только люди, но и лесные эльфы, и гарриары, и даже эти зануды карлики, хотя я даже не хочу представлять себе, как это выглядит, — поморщилась она.

Даэн, привыкшая к отвратительной манере Лебеда, украдкой взглянула на Инарэвар. Та, судя по всему, была настолько возмущена словами несносной Птицы, что потеряла дар речи. Меред неодобрительно покосилась на Атеа.

— Думай, что говоришь. Иногда — вернее, всегда, — твои слова обижают других.

— Я не собиралась ее обижать. Я только что открыла ей глаза на несовершенство их общества. В других краях за такие вещи спасибо говорят, — парировала Лебедь.

Чтоб хоть как-то сгладить ситуацию, Даэн обернулась к Инарэвар.

— Не обращай на нее внимания, Ищущая, — она чуть склонила голову в знак уважения, — Она у нас малость блаженная, не ведает, что говорит. Вся Гильдия уже свыклась с этим.

— Да я вижу, — отозвалась Инарэ, с недобрим прищуром глядя на Атеа. — Но вам бы следовало научить ее держать свой острый язык за зубами, иначе она может его лишиться.

— На самом деле, остроту моего языка ты можешь проверить сама, лично, — в тон ей парировала Лебедь, ухмыляясь и выгибая тонкую золотистую бровь дугой, — А там уж решишь, держать мне его за зубами — аль нет.

По лицу Инарэвар прошла судорога, но сказать что-либо она не успела: подъемник мягко стукнулся о край выступа, и механизм остановился. Возблагодарив за это Хартанэ, Даэн первая сошла с деревянного настила, втайне надеясь, что Инарэвар не зарежет глупую девицу прямо за ее спиной. К счастью, Ищущая, видимо, никогда не сталкивалась с подобной наглостью, поэтому лишь молча прыгнула следом за ними, подчеркнуто не глядя в сторону Атеа.

— Идите за мной, — сухо позвала она.

Из центрального коридора, ведущего в покои королевы, они свернули вправо, в неприметный проход, освещенный тусклым сиянием холодного камня. Вдоль стен виднелись неведомые письмена, закручивающиеся в целые узоры, что огибали россыпи кристаллов и темные арки боковых ответвлений. Инарэвар вновь свернула вправо, затем куда-то налево, и Даэн подумалось, что сами они давным-давно заблудились бы здесь. Ищущая вела их по лишь ей одной ведомому пути, и вскоре они вышли на открытую террасу, в которую упирался огромный сталактит. Вокруг него змеей обвивалась винтовая лестница с высокими белыми перилами, а у самого ее подножия безмолвными тенями замерли две эльфийки в свободных длинных одеждах. Ни одна из них не шевельнулась, когда Инарэ повела Птиц вверх по ступеням, и ни одна не обернулась им вслед.

Почему-то Даэн не сомневалась, что они — в Доме Знающих. Даже воздух здесь был иным: искрящимся, дрожащим, удивительно свежим, но все же совершенно нездешним. Казалось, будто только что в пещере прошел дождь, и теперь пространство от самого пола и до потолка, теряющегося во тьме, заполнили призраки молний. Таинственные узоры на стенах сталактита перемежались рисунками — Даэн видела карту звездного неба, изображения солнца, луны, неведомых ей животных и странных существ. Несколько раз промелькнули силуэты крылатых людей и людей с рыбьими хвостами, но Инарэвар шла

быстро, а потому рассмотреть их Даэн не успела.

Лестница последний раз вильнула вбок, а затем они вышли к очередной узорной арке, завешенной белой плотной тканью. Эльфийка шагнула вперед, отдергивая полог и жестом приглашая Птиц следовать за собой. Воздух здесь был такой же колючий и живой, и у Даэн даже голова закружилась, будто бы они прогуливались по дождевому лесу, напоенному влагой. Дом Знающих оказался громадным внутри, изрытым ходами и коридорами, лазами, петляющими как кроличья нора. Все эти проходы закрывались белой тканью — либо тяжелой, палаточной, либо совсем легкой и полупрозрачной, кольшущейся от малейшей воздушной волны. За ними показывались размытые тени с золотыми искорками глаз, и тихий шепот шелестел где-то далеко. Даже чуткий слух Даэн не мог различить ни слова — но ей и не хотелось того, как и не хотелось видеть секреты, сокрытые за вуалями. В конце концов, подземный город имел право на свои тайны.

Инарэвар остановилась у одной из таких белых занавесей и взглянула на Даэн. Кажется, она уже успокоилась после диалога с Атеа — по крайней мере, лицо ее не выражало совершенно ничего.

— Ждите меня здесь. Я доложу Знающим о вас.

Как только тяжелый полог опустился за ней, Даэн развернулась к Лебедю, которая в тот момент как раз широко зевала, прикрывая рот изящной ладонью. Несмотря на рану, вид у девушки был донельзя довольный, словно у объевшегося сметаны кота, который, совершив злодеяние, умудрился избежать взбучки от хозяина.

— Просто объясни мне одно. Зачем, бес тебя заberi, ты это делаешь? — голос Даэн звучал ровно, спокойно, без повышенных нот, и женщина похвалила себя за это: кажется, она научилась относиться к Лебедю философски, — Тебе нравится задевать людей? Нравится бить их побольнее, раздражать их, нарываться на неприятности?

— Она и не человек — она эльфийка, — заметила Атеа. На губах ее бродила легкая полуулыбка.

— Ты поступаешь так абсолютно со всеми, должна тебе напомнить.

— Вот именно, госпожа Коршун, — кивнула девушка, и что-то в ее лице изменилось, сделав черты более хищными, — Именно. Я лишь честна со всеми, лишь говорю, что думаю, не пытаюсь прикрыть свое мнение учтивыми фразами. Именно в этом-то и вся суть. В отличие от всех вас, я играю по своим правилам.

Она улыбнулась, отворачиваясь от Даэн и заводя руки за спину. Коршун лишь хмыкнула.

— Когда-нибудь тебе и ответят, как следует — и отдача такой будет, что мало не покажется. Можно играть по своим правилам — но иначе.

— Это как ты, что ли? — Атеа скосила взгляд на нее, — Слишком скучно. Для меня, по крайней мере. У каждого своя дорога, старшая Даэн. И следовать твоим советам я не собираюсь.

— Твое право, — дернула плечом Даэн, отстраненно думая о том, что копирует жест Мары, — Просто это забавно. Еще несколько часов назад ты спрашивала у меня, как мы будем бороться с ордой диких, говорила о том, что нас чуть было не убили — и уже сейчас остришь, ради неведомого мне удовольствия доводя других до белого каления. Словно совсем недавно ничего не происходило, и тебя ничего не заботит.

— Что было, то ушло за водой — знаешь такую поговорку? — девушка усмехнулась, и сквозь запекшуюся кровь на ее щеке блеснула свежая, выступая капельками вдоль раны, — Если тебе так будет легче, считай это моей броней. Я защищаюсь от своих страхов как умею,

как знаю. Смотрю, как вы все беситесь, и прямо расслабляюсь. И мир сразу как-то дружелюбнее становится.

— В отличие от окружающих тебя людей, — проворчала Меред, хмуря лоб.

— Чихала я на людей, — доверительно сообщила ей Атеа, — Да и вообще, вот вам двоим — грех на меня жаловаться. С вами я еще... ммм... лояльна, — она щелкнула пальцами, — Да. Вы же мне как бы дороги.

— Величайшее счастье, — пробормотала Даэн. В этот самый миг тяжелая ткань отодвинулась в сторону, придерживаемая тонкой рукой, и в арке показалась хрупкая худенькая эльфийка, чем-то напоминающая сову. Две седые косицы спускались ей на грудь, и в них Даэн увидела кожаные белые ленты с оттисненными узорами. Круглые золотые глаза, словно плоски, тускло мерцали в сумрачном свете. Окинув всех троих внимательным цепким взглядом, женщина скрипуче молвила.

— Идемте. Знающие ждут.

Внутри оказался широкий зал — удивительно широкий даже для сталактита такого размера. Неужто ворожба? Даэн слышала, что существуют заклятия, увеличивающие пространство, и с виду крохотный ветхий домик внутри может оказаться огромным дворцом в несколько этажей с тысячей комнат. Возможно, и в Доме Знающих было то же самое.

Из центрального зала, под потолок которого уходили высокие колонны, лучами в разные стороны расходились коридоры, воздушные лестницы стремились вверх. Тонкие белые статуи притаились у стен, и Даэн поежилась: казалось, будто призраки прошлого возвратились в подлунный мир и ныне смотрят на смертных безжизненными пустыми глазами. Атеа не так уж и ошибалась: сейчас Лореотт больше всего напоминал древнюю усыпальницу, где жизнь давным-давно застыла.

Знающая, за которой они шли, оказалась невысокой, тоненькой и хрупкой, как тростинка. Подол ее серого одеяния стелился за ней длинным шлейфом, и пару раз Даэн чуть было не наступила на него — поэтому теперь Коршун держалась чуть дальше, на почтительном расстоянии от эльфийской ведьмы. На шее, не закрытой плотным воротом, Птица видела черный узор странных символов, закручивающийся по спирали и уходящий куда-то вниз. Кажется, у Мэгавар были подобные знаки на ладонях, но Даэн не слишком-то помнила. В тишине слышался лишь звук шагов Птиц — эльфийка не издавала ни звука, действительно напоминающая привидение, и Коршун не знала уже, кого боялась больше — старую Слепую Мэг, в чьей пещере под потолком висели горные травы и перешептывались тени, или безмолвных Знающих, ее учениц, больше напоминающих плакальщиц.

Между тем Знающая остановилась возле одной из арок и тихонько позвала.

— Леинавар, Тэаргавар.

И как они языки себе не ломают-то, с такими именами?.. Отогнав дурацкую мысль, Даэн взглянула на вышедших к ним женщин. Одна была совсем молоденькой — еще моложе Атеа, взволнованной и немного напуганной. Поймав на себе взгляд Даэн, девочка тут же низко склонила голову и вся словно сжалась, но Коршун видела, как она украдкой старается рассмотреть их. Наверное, в первый раз видит чужеземцев. Вторая же привлекла ее внимание гораздо больше. Из-под серого капюшона, надвинутого на лицо, Даэн видела лишь тонкий нос, прямой и острый, бледные губы и высокие точеные скулы. Понять возраст женщины, с ног до головы закутанной в темно-серое одеяние, было невозможно, как и увидеть ее глаза — казалось, будто тень от капюшона не смог бы разогнать даже теплый солнечный свет. Но Даэн знала, что Знающая смотрит на них, и от этого взгляда мурашки

ходили по позвоночнику.

Ни слова говоря, эльфийские ведьмы расступились, и Даэн, истолковав этот жест как приглашающий, вошла под арку. Птицы шли рядом, молчаливые и непривычно тихие. Внутри зал оказался маленьким, невысоким, и потолок его был усеян россыпями мелких-мелких кристаллов, больше похожих на звезды. У стены напротив входа стояла узкая чуть изогнутая дугой белая лавка. А больше ничего в комнатке и не было, не считая одинокой статуи, изображающей печальную женщину в ниспадающих одеяниях. Волосы женщины спускались мягкими волнами до самых колен, а в своих ладонях, сложенных чашей, она держала цветок, похожий на колокольчик. Даэн усмехнулась: в чаше белых рук лежала горечавка.

— Садитесь, — проскрипела эльфийская ведьма, и все трое прошли к лавке, опускаясь на выглаженный камень. Знающие подошли к ним, становясь напротив. Атеа, до этого молчавшая, все-таки не вытерпела.

— Госпожа Знающая, а можно меня излечит самая красивая из вас?

Ведьма хрипло рассмеялась — точно так же смеялась колдунья Гаэра в Гильдии, Даэн помнила. И как и у Гаэры, в холодных глазах эльфийки не было ни единой искорки смеха.

— Шутница. Сдается мне, тебя и не надо лечить — вон как зубки скалишь. Знать, и не умрешь.

— Прошу простить мою сестру, госпожа Знающая, — Даэн исподлобья взглянула на Лебеда, и та чуть вжалась лопатками в стену, — Она не хотела обидеть вас. Прошу вас, помогите и ей — нас ранили дикие, и...

— Я знаю, кто вас ранил, — перебила ее седая ведьма, морщась словно от зубной боли, — И до слов твоей девицы дела мне нет. Может хоть догола раздеться, если ей захочется — только пусть помолчит. Тени любят тишину. Леинавар, — молоденькая эльфийка встрепенулась, вопросительно взглянув на старшую, — Иди к шутнице, твоей силы на нее хватит. Тэаргавар, — женщина в капюшоне не шелохнулась, стоя напротив Даэн, — Излечишь старшую.

С этими словами эльфийка подошла к Меред, приподняла ее лицо, внимательно изучая его взглядом, хмыкнула и возложила ладони на голову Птицы. Большого Даэн не увидела — чьи-то холодные руки коснулись ее подбородка, и Коршун повернулась, вглядываясь во мрак под серым тяжелым капюшоном. То ли дело было в тусклом свете, то ли в том, что все эльфийки отличались бледностью, но ведьма по имени Тэаргавар казалась совсем уж серой, и губы ее были бескровными. Даэн что-то пугало в ней, отталкивало, но жесткие пальцы держали крепко, и отвернуться возможности не было. Затем колдунья отпустила ее лицо, и Даэн ощутила лед ее ладони на своей макушке.

Мара лечила совсем по-другому. Даэн хорошо помнила теплое сияние, мягкое и родное, такое нежное, словно утренняя зорька, или вода в прогретых солнцем лесных прудах. Когда ведьма Гарварнского леса лечила Меред, ощущение было таким, словно весь мир очистился от темноты и грязи, словно все живое только что умылось сладким весенним дождем, и ласковый ветер высушил влагу на листьях, травинках и на ее собственной коже. И пусть за окнами тогда выл стылый зимний ветер, а в сердце Даэн распустилась водяной лилией весна.

Ведьмы Лореотта призывали на помощь тень. Тэаргавар не шевелилась, как не шевелились и остальные, но Даэн чувствовала, как на кончиках ее пальцев собирается странная, неведомая сила, что чернее, чем ночь. Она не была темной, не была злой — она

просто была совершенно другой, чужой, а потому пугающей. Это не напоминало прикосновения Хартанэ, сотканной из света, не напоминало колдовство Мары, наполненное свободной силой природы, мягкой и свежей. Казалось, будто сейчас из-под земли, из горных глубин к ним выползли темные тени, покорные зову ведьм. И если ныне они несли благо, то в следующий миг вполне могли бы разрушить целый город, будь на то их воля — или воля тех, кто призвал их.

Внутри колело, жгло, болело, выкручивало узлами. Даэн сжала зубы, ощущая, как с тяжелым скрежетом в ее вены проникает толстыми жгутами черное колдовство, растекаясь по ним и выгоняя прочь яд. Это было и хорошо, и в то же время как-то не так. Слишком незнакомо, слишком темно. Когда Мара оправится, попрошу ее выгнать их из меня. Ей не хотелось, чтоб иное колдовство касалось ее, жило в ней — лишь ее ведьма имела на это право.

— Все, — прошелестела Тэаргавар, снимая руки с ее головы, и Даэн вздрогнула: этот голос отозвался в черепе странным эхом, неприятным до боли. Ведьма отступила от нее, опуская руки и замирая безмолвной статуей. Точно так же отошли от Птиц и другие ведьмы, и молоденькая девчушка тут же ужом юркнула поближе к Тэаргавар. Та медленно склонила голову набок и опустила на тонкое плечо маленькой эльфийки руку, чуть сжав пальцы.

— Устала, дитя? — проскрежетала ведьма, приведшая их сюда. Девочка неловко кивнула, и во взгляде ее мелькнуло что-то, похожее на вину, — Ну ничего. Ты молодец, — она повернулась к Птицам, оглядывая их, — Все, Птицы, яда в вас больше и нет. Можете спать спокойно. Я проведу вас к выходу из Дома Знающих — Инарэвар ждет там.

За спиной остались Тэаргавар и Леинавар, и Даэн, закрывая глаза, все еще видела тонкие губы странной эльфийской ведьмы, ее острый подбородок, а выше — непроглядную темноту. Ускорив шаг, Коршун поравнялась с седовласой Знающей и тихонько позвала ее:

— Могу я задать тебе вопрос, госпожа?

— Спрашивай, — бесцветно ответила та, даже не обернувшись на голос Даэн.

— Женщина, что исцеляла меня... Тэаргавар. Почему ее лицо сокрыто?

— А почему ты не спросила об этом у нее? — полуулыбнулась ведьма, наконец соизволив взглянуть на Коршуна.

— Мне показалось, что она не слишком-то любит общение.

— Правильно показалось, — ведьма снова отвернулась от нее, устремляя взгляд вперед, — Тэаргавар редко говорит — все больше слушает. Она не любит, когда кто-то не из Дома Знающих обращается к ней, сторонится других эльфиек. А что до ее лица... — она помедлила, подбирая слова, — Тэаргавар с самого детства была... не такой, как все. Ее принесли в Лореотт совсем младенцем — мать ее умерла, давая жизнь ей. С того момента она живет в Доме Знающих и всю себя посвящает учению. Ей пророчат, что однажды она займет место Слепой Мэг.

— В чем же она не такая, как все? — подала голос Атеа.

— Тэаргавар выглядит не так, как мы. И уж точно не так, как вы, — усмехнулась эльфийка. До выхода оставалось совсем немного — потянулся длинный коридор с завешенными входами, — Насколько я знаю, в человеческих городах Рожденных Луной сжигают еще в детстве. Или изгоняют прочь, оставляя подыхать на дороге.

Даэн поняла, о ком она. Рожденными Луной называли альбиносов, людей с алыми глазами и белыми, словно снег, волосами. В ее краях таких действительно считали проклятыми, детьми бесов, а потому матери сами отдавали свое дитя на расправу

городскому палачу, который прилюдно сжигал ребенка — чтоб тот не накликать беду на землю. В Гильдии даже говорили, что на землях Креасса считалось, будто если в Огнецветов день родится альбинос, то ровно через двенадцать лун начнется война, в которой падет вся страна. Эльфийка продолжила:

— Само собой, мы не звери. Но другие боялись Тэаргавар — как и все на земле боятся тех, кто не похож на них. Потому-то она никогда и не снимает капюшон. Здесь никто ее не обидит, здесь она может совершенствовать свою силу — боги видят, у нее талант. Ей почти полтора века, и за это время она многого добилась. Да и здесь никто не судит о том, как она выглядит. Тени любят ее, какая она есть — и этого довольно.

Даэн поневоле обернулась назад, к лабиринту коридоров. Перед глазами вновь возник образ Тэаргавар, и Даэн поняла вдруг, что назвать ее кратко, без клановой приставки, язык не поворачивается. Поймав мысль, Коршун вновь обратилась к Знающей:

— Ваши имена имеют какое-либо значение?

— Конечно, — хмыкнула ведьма так, словно это было само собой разумеющимся. Даэн осторожно спросила:

— И что же означает ее имя?

— В переводе с языка пещерных эльфов «Тэарг» означает «лед». Тэаргой мы зовем звезду зимы на небе.

Ее назвали в честь Ярис? Даэн чуть было не споткнулась. Кто бы в здравом уме назвал дитя в честь звезды, что испокон веков была вестницей смерти? Впрочем, вслух она этого не сказала, и остаток пути прошел в молчании. Белые занавески тихонько покачивались, провожая их, и вскоре они вышли на лестничную площадку, от которой начинался спуск вниз.

— Всего доброго, Птицы, — эльфийка церемонно поклонилась, и, не говоря больше ни слова, развернулась и скрылась в темноте провала.

— Жуткая женщина, — тихо проворчала Атеа, буравя темноту арки взглядом, — Как и все они. Даже не знаю, что лучше — смотреть на них или чувствовать, как эта темная дрянь проникает под кожу и якобы лечит. У меня такое ощущение, что они еще больше нас отравили.

— Да нет, это вряд ли, — покачала головой Даэн, — Знающим ни к чему это делать. Ты же знаешь, мы нужны их народу. Но ощущения и впрямь не самые приятные.

Довольно быстро они втроем спустились вниз, к Инарэвар, ждавшей их у подножия лестницы. Эльфийка, окинув их беглым взглядом, склонила голову набок:

— Все в порядке?

— Да, Ищущая Инарэвар, — Даэн благодарно кивнула ей, — Спасибо тебе, что позволила нам пройти исцеление, прежде чем встретиться с Шедавар.

— Не за что. Это мой долг, — Инарэ скупой улыбнулась, — А теперь — идемте. Королева ждет — не будем больше медлить.

Вновь перед глазами проносились коридоры и галереи, крытые белыми крышами с узорами по самой кромке, пятнышки кристаллов и бесконечные провалы пустоты меж нижним и верхним ярусами. Инарэвар вывела их на площадку, у которой останавливался подъемник, и свернула на один из тонких мостиков, перекинутых до следующей галереи. Даэн узнала эти переходы — точно так же они шли к королеве в первый раз, когда лишь прибыли в Лореотт. Здесь она бы точно не заблудилась, но Инарэвар довела их до самых покоев Шедавар и остановилась лишь перед двустворчатой дверью. Несколько раз коротко

стукнув костяшками пальцев, эльфийка приотворила дверь и, заглянув туда, коротко доложила.

— Королева, я привела Птиц.

Гулкое эхо похитило слова Шедавар, и Инарэ, отворив дверь пошире, подтолкнула вперед Даэн.

— Идите. Я покину вас.

— До встречи, Ищущая Инарэвар. И спасибо тебе за все, — улыбнулась ей Даэн, — И прости уж за нее, — она мотнула головой в сторону Атеа, тут же сощурившейся, словно злая кошка, — С ней даже старшие Гильдии ничего сделать не могут. Мы уже смирились.

— Ничего. Всем воздастся по заслугам, — с этими словами Инарэ наградила Атеа хищным взглядом, снизу доверху оглядев девицу, и удалилась.

Даэн шагнула вперед, проскальзывая в тускло освещенное помещение, следом за ней вошли Меред и Атеа. Здесь было просторно, но совсем не так, как в Доме Знающих. На темных колоннах в металлических гнездах мерцали факелы, освещая белокаменный пол и рассыпая на выглаженных плитах рыжеватые блики. Шедавар расхаживала взад-вперед перед высоким тронем и чуть ли не рычала. Возле трона же стояла Аллэи, устало потирая висок. Королева, не обращая внимание на вошедших, развернулась к эльфийке:

— ... если понадобится, я их всех сожгу к бесовой матери!

— И половина твоих воинов проклянет тебя сразу же, — отвечала Аллэи, — Жрицы слишком уж важны для клана.

— Ну-ну, — процедила сквозь зубы королева, — Так было до того, как они начали посылать на смерть наших детей. К бесу этих старых куриц. К бесу их законы и бесконечные вопли на тему того, что я их нарушаю. Плевать. Я клянусь тебе, Аллэи, если они не станут на нашу сторону — я либо сама зарежу их, либо сожгу весь их проклятый Дом вместе с ними. Пусть погреют старые кости... — в голосе Шедавар Птице послышалась ядовитая усмешка. Аллэи открыла было рот, чтоб ответить королеве, но взгляд ее метнулся в сторону подошедших Птиц, и она негромко молвила:

— Приветствую, Пташки.

Королева тут же обернулась, всклокоченная, со сверкающими золотыми глазами.

— Хвала богам, вы здесь! Аллэивар рассказала мне о вашей Знающей, — заметив, что Даэн вся подобралась, Шедавар успокаивающе подняла руки, — Она у Мэгарвар. Не тревожься за нее — Лореоттская ведьма свое дело знает. Дай ей немного времени. И покуда — расскажите мне все. Абсолютно все, с того самого момента, как вы покинули наш город. Судя по тому, что Аллэивар сказала о Мертволесье, времени у нас не так уж и много, — королева нахмурилась, и на ее щеках заиграли желваки. Коршун кивнула:

— Хорошо, королева.

Они поведали правительнице Лореотта обо всем — о старой мельнице, где жил тот-кто-играет-со-светом, о черепах, что тянутся вдоль кромки леса, о путающемся следе эльфийских девочек, и о первой скаах. О том, как Мара одолела ее, о том, что произошло позже на поляне, окруженной мертвым терновником. Атеа вытащила из-за пазухи кристалл и протянула его королеве, когда Даэн принялась рассказывать о рассыпавшейся прахом скаах, что перед самой смертью приняла облик эльфийки — Коршун сама видела это: тогда она только соединялась с Хартанэ и сквозь золотую пелену следила за Марой, чтоб в случае чего помочь ей. Шедавар слушала внимательно, не перебивая — лишь вертела меж пальцев погасший холодный кристалл да сжимала зубы. Когда Даэн закончила, королева коротко

взглянула на Аллэи:

— Видишь? Это уже неопровержимое доказательство. И им придется пойти мне навстречу. Иначе мы умрем, когда эти твари выберутся из своего бесового леса.

— Ты сказала, что один из духов напоследок принял облик одной из нас, — медленно проговорила Аллэи, — Как это возможно?

— Я не знаю, Ищущая, — Даэн покачала головой, — Говорю лишь то, что видела. И Мара может подтвердить это — она сама сражалась с тем диким. И этот самый кристалл остался от него, когда он исчез.

— Я верю тебе, — кивнула Шедавар, помедлив, — Верю, не бойся. Что ж... — она задумалась, замерев и глядя куда-то в пустоту. Золотые глаза ее мерцали, отражая свет факелов, — Мне понадобится немного времени, чтобы все обдумать. Сейчас мы просто обязаны убедить Жриц в том, что подземные города нужно оставить. Завтра же утром я пойду в Дом Жриц, на совещание. Аллэи, ты со мной, — эльфийка поморщилась, не смолчала, — И ты, Птица Даэн, тоже. Расскажешь им то же, что и мне. А дальше — посмотрим.

— Думаешь, Жрицы прислушаются к моим словам? — хмуро отозвалась Даэн. Сейчас ей больше всего хотелось забыть обо всем, броситься в пещеру к Слепой Мэг и ждать там, пока Мара не очнется. Но та сейчас была в руках своего бога, даже не эльфийской ведьмы — и кому, как не ему, Даэн могла бы доверить колдунью?

— Прислушаются, — Шедавар все так же стояла, не двигаясь и глядя на пляску языков огня, — Сейчас перед ними будет выбор — я дам им его: уйти вместе с нами или погибнуть здесь, когда дикие придут. В любом случае, я не позволю им губить свой же народ, — королева усмехнулась, — Время перемен настало. И вы сами видели, что нас ждет, если мы не будем двигаться дальше. Донеси до них это, Птица Даэн, — внимательные золотые глаза заглянули сквозь нее, в самую душу, и Даэн вновь подивилась силе и внутреннему огню, что бесновался в сердце Шедавар, — Донеси до них это, и тогда у моего народа будет надежда на солнце и жизнь.

Что-то было сейчас здесь, повисло в этом зале невысказанным словом, тихим неоформленным отзвуком, в котором на самом-то деле скрывалось все. Даэн не ответила королеве. Она осторожно, словно ребенок, касающийся рукой горячих угольев, тихо позвала ведьминого бога по имени. Бессмертный. Если ты меня слышишь... если я имею право взывать к тебе, если ты примешь мою молитву — помоги нам всем. У каждого из них сейчас была своя битва, и все они заплетались в единую борьбу, в единое стремление — а в таком случае, какая разница, как называть бога? Если он на их стороне — непременно услышит. Об этом Даэн просила от всего сердца. Помоги нам. Будь с нами, когда первая трещина прорежет Колесо.

===== Глава 25. Кто раскачивает маятник? =====

В темноте качался маятник. Маленький камешек с зеленоватым боком, привязанный к тонкой ветхой нити, раскачивался из стороны в сторону, разрезая острыми углами волны темноты. Чья-то невидимая рука крепко держала нитку, и Мара следила за маятником, боясь даже на миг зажмуриться. Это почему-то казалось ей очень важным — не закрывать глаза. Только не закрывать глаза.

В невесомости, где не было ни звука, ни времени, остался лишь камешек. Иногда мелькали чьи-то длинные тени, что были еще темнее мглы вокруг — но она не успевала рассмотреть их, и они вновь тонули в густом мраке. А иногда мелькали вспышки света;

словно золотые мотыльки, они подлетали к ней, касались ее кончиками крыльев и тут же исчезали, и лишь тусклое свечение напоминало о них еще несколько мгновений.

Она не знала, где находится, сколько прошло времени с того момента, как попала сюда, не знала, кто раскачивает маятник — и все силилась вспомнить. Кто же ты? Где ты? Где я? Мара пыталась пошевелить хоть пальцем, поймать камешек на нитке — но тело не слушалось ее, слабое и безвольное, и вскоре ведьма оставила тщетные попытки и лишь дрейфовала во мгле, словно лодочка посреди океана. А над тем океаном разливалась беззвездная ночь, что топила другие корабли, топила целые острова и дворцы на чужих берегах — но ее почему-то не трогала.

Как странно ты играешь, Бессмертный... Это же ты, правда? Это твои руки держат маятник?

Ответа не было. Лишь время все так же мучительно медленно утекало плавленным воском сквозь ее пальцы.

Потом стало светлее, и мир погрузился в дымчатый серый сумрак, состоящий из полутонов и бледных, едва различимых красок. Сквозь пелену она видела приглушенный свет — а вскоре пришло и ощущение. Кольнуло в затекших ладонях, в груди стало больно и горячо. Мара ухватила за чувство, не давая ему ускользнуть — слишком долго она пробыла в беспмятстве. За пределами ее странного сна осталось что-то важное, что-то, чего она не могла сейчас вспомнить, и ей нужно было выбираться из мягкой обволакивающей темноты, чтоб найти это.

Пелена спала, и сквозь нее проступили очертания предметов — ведьма видела горизонтальные темные полосы, а чуть выше них — цветные пятнышки, на которых бликами танцевал свет. Потом кто-то склонился над ней, и кожей Мара почувствовала чье-то легкое прикосновение. Тихий голос проскрежетал:

— Спи, дитя. Отдохни еще немного.

Ладонь опустилась ей на лоб, и Мара почти физически ощутила, как ее лицо омывают темнотой, словно водой. Веки отяжелели еще больше, и она вновь провалилась в пустоту без звуков.

Солнце восходило над дремучим лесом, над сухими полями, где меж высоких стеблей гулял ветер, над спящими огромными камнями, укрытыми мхом. Он шелестел колосьями, переплетал ниточки-травинки, путал их, словно волосы. Под босой ногой от колючей земли поднимался холод — кажется, пора предзимья... Круг солнца был алым, как всегда бывает, когда первые морозы затягивают озера тонкой серебристой коркой, хрупкой и ломкой, словно эльфийское стекло. Мара шла по самой кромке поля, и подол ее платья цеплялся за жесткую траву. Стылый воздух пах снегами, что уже совсем скоро белым одеялом накроют долину. И на много верст вокруг не было ни души.

Сон растаял, словно его и не было. Мара даже не знала, сон ли это — на щеках еще остался ледяной поцелуй ветра, а перед глазами все стоял красный диск, медленно выплывающий из-за темной линии горизонта. И где-то на границе сознания раскачивался из стороны в сторону маятник, лишь на миг замирая — а затем снова разрезая воздух граненым боком. Не закрывать глаза.

У незнакомой девочки была россыпь бледных веснушек на покрасневших щеках, две смешные смоляные косицы, а под ресницами ее в темных радужках застыли капельки солнца. Девочка стояла и смотрела на алый рассвет, кутаясь в шерстяной платок, и за спиной ее осталась проселочная пыльная дорога со следами колес и подков, совершенно

пустая — а больше ничего и не было. Мара когда-то знала ее...

Стоило образу растаять во мгле, как ведьма вспомнила то самое, важное и нужное. Даэн! Разом нахлынули эмоции и ощущения, страх впился цепкими когтями в сердце, словно голодный хищник. Мара пыталась вспомнить, хоть что-нибудь вспомнить, но маятник снова качнулся, и темнота поглотила весь мир, прежде чем следующее видение увело ведьму за собой.

— ... спрости у Лиса, если не веришь мне.

Какие-то люди, темное помещение, громкий хохот захмелевших постояльцев и тихие шепотки. Угрюмый трактирщик, наклонившийся поближе к человеку в капюшоне.

— Где его найти?

Образ сменился так быстро, что Мара ничего не успела понять, даже запомнить говорящих не успела. Краски рассыпались, а затем вновь сплелись, перепутавшись меж собой и обретая новую, иную форму.

Глаза уснувшей змеи, не мигающие, холодные, страшные. Темные глаза под густыми черными ресницами. Мара уже видела их в своих ночных кошмарах.

— Скольких бы ты за собой не звала — со мной всегда будет в сотни раз больше. Слышишь меня, милая? Скоро мы с тобою встретимся, и вот тогда-то ты мне ответишь за все.

На губах ее поблескивало темное пятнышко крови. Женщина смотрела на нее, ухмыляясь и не мигая, а за ее спиной мерцали белые огоньки глаз, которых становилось все больше, и больше, и больше, и...

И маятник снова раскачивался перед глазами, и Мара чувствовала себя куколкой на ниточке, покорной чьим-то умелым рукам. Выбраться из-под накатывающих волн видений не было никакой возможности, хотя она всеми силами цеплялась за секундные вспышки мыслей, мелькающие в сознании. Но рядом кто-то тихонько напевал старую колыбельную на неведомом языке, и все ускользало от нее, растворяясь в туманной дымке, обступающей ее со всех сторон.

— Одного не понимаю, почему нас не допустили на совет? Чем мы хуже ее?! Мы точно так же боролись с дикими, а стало быть, точно так же имеем право находиться сейчас в Доме Жриц! Ну вот объясни мне, почему мы здесь, а госпожа Коршун — там?

Меред устало вздохнула — все утро Атеа разглагольствовала о том, что уж она-то точно достойна отстаивать народ эльфов вместе с королевой Шедавар, а Даэн там делать нечего. Лебедь возмущалась, ныла, ехидничала, доказывала, и это все не прекращалось ни на минуту, а потому к концу третьего часа голова у Меред гудела.

— Ну, вероятно, потому, что Даэн — старшая нашего отряда, а потому отчитываться должна именно она, — Атеа открыла было рот, чтоб возразить, но Меред опередила ее, — А еще потому, что вот кого-кого, а тебя нельзя брать ни на какие заседания советов. Ты же превратишь это в балаган, предварительно рассказав всем, что они идиоты, а ты наверняка знаешь, как надо сделать. Вообще, что ты там забыла? Тебе хочется слушать перебранку королевы и Жриц?

— Во-первых, мне интересно поглядеть на этих самых Жриц — столько толков о них, столько слухов, а сдается мне, что на самом деле ничего особенного в них и нет. И вся их сакральность — это так, пустой звук, — глаза Атеа блеснули, как всегда бывало, когда та начинала играть, — И потом, мне интересно поглядеть, как королева нагнет их всех и...

— Атеа! — Меред укоризненно взглянула на подругу. Та захлопала ресницами:

— То есть как королева заставит Жриц подчиниться ей. Возможно, даже унизит при этом. Вот это как раз самый приятный момент, не находишь?

— Нет, не нахожу, — тихо ответила Меред, сверля девушку взглядом. Та, вытянув длинные ноги на кушетке, полулежала, откинувшись на высокую узорную спинку, и ухмылялась, словно бес.

— Это потому, что ты скучная, — сообщила ей обличительным тоном Атеа, подпирая ладонью щеку, — Будь проще, безымянная моя подруга. Жизнь — это такой нелепый фарс... я вам двоим пытаюсь это втолковать уже черт-те сколько времени, а вы вечно ходите с постными рожами, словно на ваших плечах лежит судьба мира.

— Она лежит на наших плечах, Атеа, — напомнила ей Меред. Девушка лишь звонко расхохоталась, откидывая голову назад. Взгляд молодой Птицы поневоле скользнул по ее белой шее, по ямочке меж ее тонких ключиц, и Меред напряженно сглотнула. Атеа мучила ее слишком долго — хотя и вряд ли сама об этом знала.

Отсмеявшись, Лебедь посмотрела на Меред и полушутливо вздохнула, покачав головой:

— Ну так и что теперь, замотаться в саван да торжественно помирать? Ну уж нет, дорогая, — глаза ее сузились, а губы изогнулись в гадливой ухмылке, — Уж я-то не собираюсь вести себя как ты, или как наша госпожа Коршун. Вы двое слишком много об этом думаете и слишком увлеклись ролью страждущих героев.

— Зато ты совсем об этом не думаешь, — отводя глаза, бросила Меред. Лебедь как раз потягивалась, катаясь по кушетке, словно кот, и легкая белая ткань ее рубахи задиралась, обнажая красивые подтянутые бедра.

— Ну хоть кто-то же должен, — рассудительно заметила Атеа, — И кто-то уж точно должен бы разряжать обстановку на этом проклятом совете. Вот посмотришь — по итогу они не договорятся, Шедавар придет злая, как безумная химера, а Даэн — еще и всклоченная, потому что ее ведьма где-то там сейчас валяется пластом в пещере эльфийской старухи, а наша госпожа Коршун сделать ничего не может. И будет страдать от собственной непомерной любви, или что у них там...

— Вот это совсем не твое дело, Атеа, — голос почему-то становился все тише. Меред уже привыкла к поведению своего Лебеденка, как она втайне звала девушку, и готова была простить златовласой Птице все что угодно — но ей совершенно не нравилось, как пренебрежительно та отзывается о чувствах другого человека.

— Естественно, — поморщилась Лебедь, — Я же не собираюсь помогать им строить семейное гнездышко, или, не приведи богиня...

— Довольно, — мягко оборвала ее Меред, поднимаясь с места и набрасывая на плечи форменную куртку, — Я не желаю больше этого слушать. Вернусь, когда ты прекратишь плевать ядом. Не обижайся на меня, пожалуйста — но я правда устала от этого, — Лебедь надулась и примолкла, скрещивая руки на груди, а молодая Птица вышла, чувствуя спиной колкий взгляд подруги.

На верхней галерее, ведущей к Дому Знающих, никого не было — лишь свет факелов отражался в синих, белых да фиолетовых камнях, источающих бледное сияние. Игра теней и бликов завораживала, и Меред поймала себя на том, что стоит, прислонившись к одной из колонн, поддерживающих крышу, и уже несколько минут глазеет на пляску огоньков в ограненных боках кристаллов. Впрочем, почему-то это успокаивало, девушка наслаждалась тишиной, а потому уходить отсюда не торопилась.

Внизу кипела жизнь. Меред слышала, как на тренировочных подвесных площадках то и

дело тренькает тетива, а еще ниже, на земле, переговариваются эльфийки, и их голоса сливаются в монотонный гул. Где-то молот стучал, мерно разгоняя сталь на наковальне, где-то слышался звук флейты — он терялся, но все же мелодия лилась тонким ручейком меж камней, где-то разведчицы звали друг друга, и среди сталактитов разносились гортанные окрики. Лореотт давно проснулся, и сейчас его жители, словно муравьи, сновали туда-сюда по белокаменным улицам, взбирались на верхние ярусы, куда-то торопясь. И в этом было что-то удивительно светлое и приятное.

Меред взъерошила волосы, запуская пятерню в темные, сильно отросшие пряди. Вернусь в Гильдию — обрежу к бесовой матери. Волосы уже неприятно щекотали кончиками затылок, и для девушки такая длина была лишней. Она привыкла обрезать их покороче, чтоб ничего не отвлекало на тренировках, и сейчас ощущала себя некомфортно, будто бы находилась не в своей тарелке. Впрочем, так было и всегда.

Мысли путались, словно ниточки ковыля под ветром, словно отблески света на стенах и полу. Меред лениво наблюдала, как рыжий блик преломляется в полупрозрачной грани и рассыпается на тысячи мелких отсветов, пока ее не отвлек тихий голос.

— Госпожа?

Девушка вздрогнула и подняла голову. Напротив нее стояла одна из ведьм, что лечили Птиц вчера ночью — та, самая жуткая, Рожденная Луной. Имя ее вертелось на языке, но Меред никак не могла вспомнить его — помнила лишь, что называли девочку в честь ледяной звезды, а потому находиться рядом с ней совершенно не хотелось.

— Да, Знающая? — Меред осторожно взглянула на нее, пытаясь заглянуть в глаза эльфийской ведьме, но темнота скрадывала ее черты, и Птица видела лишь тонкие бескровные губы да точеный подбородок.

— Могу ли я поговорить с тобой, госпожа? — женщина не шевелилась, словно была каменным изваянием, и Меред стало жутко. Эльфийская ведьма со странным именем казалась ей слишком уж чужой и страшной, а потому девушке пришлось себя буквально заставить согласно кивнуть Знающей.

— Конечно, — она неуклюже пожала плечами, чувствуя на себе тяжелый взгляд эльфийки, — Чем я могу помочь тебе?

— Я слыхала, что вместе с вами из Лихого Леса возвратилась Знающая, что родом не из этих краев, — женщина помедлила, складывая руки замком. Меред обратила внимание, что ладони у нее узкие и маленькие, хоть сама ведьма была выше Птицы чуть ли не на голову, — Кто она?

Меред напряглась. Вопросы были слишком уж странными — с какой стати ведьме выяснять, кто такая госпожа Мара? Птица, тщательно взвешивая каждое слово, задумчиво проговорила:

— Об этом ты можешь спросить у нее, Знающая. Я не колдунья, а потому многого не ведаю. О ней с ней же и говори — я вряд ли сумею тебе помочь. Прошу меня простить за это, — она склонила голову, опуская глаза вниз. Ей не нужно было видеть, чтоб знать — ведьма не шелохнулась даже, и с места не сдвинулась.

— Она ныне у праматушки Мэгавар, госпожа. И ей нужен отдых — все мы чувствовали, что в Лихом Лесу творится что-то невообразимое. Ваша Знающая обратила тьму в пепел да разметала его по ветру — а на это требуется очень много сил. Праматушка Мэгавар позаботится о ней, но мне должно узнать, кто она и что за сила в ее руках. Это может помочь нам.

— Кому же — нам? — Меред буравила ее внимательным взглядом. Знающая не нравилась ей. Было в ней что-то настораживающее, и доверять эльфийке Птица не собиралась.

— Тем, кто желает победить, — в тон ей ответила женщина, подходя на шаг ближе.

— Всегда есть несколько сторон, желающих победы, — Меред чувствовала, как в плечах зазвенело напряжение, медленно растекающееся вниз по венам, и чудом удержалась от того, чтоб отшагнуть от ведьмы, — Вопрос лишь в том, на одной ли мы стороне.

Эльфийка несколько секунд молчала, замерев возле Птицы подобно мраморной скульптуре, а затем кивнула, из-за чего капюшон еще больше надвинулся на ее лицо.

— Это ты узнаешь немного позже, госпожа. Всего тебе доброго.

С этими словами женщина развернулась, держась совершенно прямо, и зашагала прочь. На один миг Меред показалось, будто свет факелов высветил тонкую-тонкую развевающуюся прядь, выскользнувшую из-под капюшона, что была белее снега — но это могло лишь привидеться ей. Эльфийская ведьма нырнула под узорную арку выхода и вскоре скрылась из виду — лишь остался легкий шлейф ее запаха. Меред принялось: горные травы, костровый дым, какие-то цветы — и еще что-то, пряное, терпко-горькое. Видать, колдовство ее тоже такое. Осенив себя знаменем Хартанэ, девушка вновь отвернулась к открытым смотровым окнам, что перемежались лишь тонкими колоннами, но сейчас жизнь подземного города занимала ее куда как меньше, чем странная эльфийка, Рожденная Луной.

Тэаргавар. Меред все же сумела вспомнить ее имя, и от одного его звука по позвоночнику волной прокатилась дрожь. Жесткое, гортанное, оно не нравилось Птице так же сильно, как и сама Знающая. В нем почему-то ей слышался звук рога войны, лязг стали и вой зимних ветров, пришедших со стороны гор. Тряхнув головой, Меред отогнала от себя вереницу образов, что тут же начали заплетаться вязью слов в строки. Скоморошья привычка все никак не пропадала, сколько бы она ни гнала от себя воспоминания о былой жизни. Втайне ото всех Птица продолжала писать стихи, пряча их в толстую ветхую тетрадь вместе с засушенными горными травами и мягкими перышками. Ныне времени на это совершенно не было, но любой яркий образ тут же обращался строкой, а затем так же быстро исчезал среди тысяч других нерожденных стихов.

Она и не заметила, как добрела до Дома Пришедших. Зал, куда они с Атеа спустились утром из своих покоев, пустовал — несносной девушки нигде не было. Меред нахмурилась. Богиня, ни на минуту нельзя оставить ее одну! И где прикажешь ее искать? Почему-то Птица очень сомневалась, что Лебедь удалилась в комнату и мирно отдыхает там — наверняка ведь бродит сейчас где-то и цепляет окружающих эльфиек, доводя их одним своим видом до белого каления...

Меред беспомощно завертелась по сторонам, размышляя о том, где сейчас могла быть Атеа. Пещера Лореотта была поистине огромной, и быстро найти Лебеда не представлялось ей возможным. Чутье подсказывало Меред, что затишье продлится недолго — и хорошо бы, чтоб все случилось до прихода Даэн с совета. Старшая уж точно девять шкур с девчонки спустит, если узнает — Атеа за все время пути успела довести Коршуна до нервного тика и уже пару раз нарывалась на встряску от нее, но остановить ее не могло ничто. Наверное, проще было заставить андарского мула встать на задние лапы и заговорить по-человечьи, чем убедить Лебеда вести себя чуть потише. Впрочем, Атеа никогда не отличалась кротким нравом, и на самом-то деле это тоже привлекало Меред. Иногда.

Вряд ли она спустилась на нижние ярусы — с галереи подъемник видно, он и не

двигался... Значит, где-то наверху шляется. Вновь взлохматив волосы, Меред быстрым шагом покинула Дом Пришедших, на ходу размышляя, куда бы она пошла, если бы была взбалмошной безмозглой девицей по имени Атеа. На душе было паршиво — беспокойство за златовласку все нарастало и нарастало, да и ей не хотелось, чтоб Лебедь снова попалась под руку Даэн. Хотя старшую Птицу Меред и понимала — ей на плечи взвалили двоих несмышленных Птенцов, и один из них постоянно суется к змеям и бешеным псам, успевая при этом рассказать тем, что они дураки. Тут не мудрено взвыть.

Высокие арки, тонкие перекрытия и дивные узоры на стенах притягивали глаз, и скоро Меред вновь поймала себя на том, что плетет строки. Подземный город был удивительно красивым и таинственным местом, наполненным тишиной, задумчивостью и рассеянным бледным светом. Кристаллы под потолком отсюда напоминали крохотные звезды, и где-то сверху угадывались очертания громадных сталактитов, что находились еще выше дворца королевы. Молодая Птица задумалась: интересно, есть ли здесь библиотеки? И есть ли поэты среди пещерных эльфов? Наполнены ли их стихи печалью этих подземелий — или наоборот, светом солнца, который они так редко видят?..

Внезапно впереди мелькнула серая накидка. Знающая? Меред заторопилась за ней — если ведьма никуда не спешила, то можно было бы спросить у нее, не видела ли она Атеа. Из разговоров девушка поняла, что Лореоттские Знающие как-то связаны с городом, а посему, наверное, могут видеть его насквозь. Птица быстро пересекла высокий изогнутый мостик и свернула туда, где мелькнуло одеяние эльфийки. Коридор пустовал, но в конце его виднелась лестница, уходящая куда-то вниз. Чуткий слух Меред уловил эхо чьих-то шагов, и Птица уверенно направилась туда.

У подножия лестницы коридор расходился, но Меред не понадобилось выбирать, в какую сторону пойти. Четверо Знающих стояли напротив тоненькой девушки с золотой куделью волос, рассыпанных по плечам, и вид у ведьм был угрожающий. Мысленно застонав, Меред в несколько прыжков преодолела ступени и буквально подлетела к Атеа, высокомерно взирающей на эльфиек. Заметив ее, Лебедь растянута красивые губы в улыбке:

— О, Меред, ты как раз вовремя! Мы со Знающими здесь размышляем о быстротечности времени и о том, что всякий цветок увядает, когда подходит срок. Что ты об этом думаешь?..

Меред ощутила, как к горлу подкатывает ком. Наверняка эта смазливая дура уже успела оскорбить ведьм, судя по ехидной ухмылке и по тому, как побелели лица Знающих. Для полного счастья Келерийским Птицам не хватало только военного конфликта с государством подземных эльфов... Закрыв плечом девушку, Меред тут же низко согнулась в поясе, кланяясь эльфийкам:

— Что бы она не сказала вам — прошу вас, не гневайтесь на нее! Она...

— Не ведает, что говорит, ну конечно, — ослабилась одна из ведьм, — Только, видать, в вашей Гильдии не учат отвечать за свои слова и действия. А кто-то должен преподать урок ей, — она кивнула на Атеа. Девушка лишь оскалилась в ответ:

— Да-да, преподай мне урок, госпожа Знающая. Посмотрим, как твоя королева потом по головке тебя за это погладит.

Знающие вдруг расступились, становясь линией — и все в упор смотрели на Атеа. Меред ощутила, как на затылке волоски стали дыбом, но не отступила, упрямо нагнув голову.

— Не пытайся прикрыться моей королевой, — прошипела ведьма, и Дар Хартанэ в груди Меред предостерегающе задрожал огоньком на ветру. Значит, поблизости появилась

опасность, невидимая для человеческих глаз — почему-то Птица не сомневалась, что как раз сейчас в ладонях ведьм собираются те самые тени, что совсем недавно лечили их. Только ныне они вряд ли будут такими же спокойными.

— О, твоей королевой я бы с удовольствием, скажем так, прикрылась — несколько в другом контексте, — Атеа уперла руки в крутые бедра, — Но, впрочем, я работаю над этим, не беспокойся, госпожа.

Ведьма, говорящая с ней, чуть ли не зарычала, приподняв верхнюю губу. Меред с ужасом глядела, как кристаллы в стенах начинают тускнеть, а все тени медленно стягиваются к кончикам пальцев Знающих. Теперь Птица видела это своими глазами и отстраненно понимала, что им уже не спастись — эльфийки разозлились не на шутку, и никакие увещания сейчас не помогут. Даже если Атеа перед ними станет просить прощения на коленях. Что же делать, Хартанэ, что же делать?.. Меред уже приготовилась встретить удар теней, как вдруг тихий голос отвлек ведьм.

— Сестры, что происходит?

Меред подняла голову, лихорадочно соображая. На белых ступенях, придерживаясь рукой за перила, стояла Тэаргавар, с ног до головы закутанная в одеяние Знающих. К удивлению Меред, эльфийки тут же слегка склонились перед ней, а та, с которой переругивалась Атеа, глухо ответила:

— Девчонка-Птица оскорбила нас и наше племя, сестра Тэаргавар. Тени хотят проучить ее.

Ведьма в капюшоне чуть наклонила голову набок, и эльфийки тут же склонились еще ниже.

— Не тени хотят — хочешь лишь ты. Теням до девчонки никакого дела нет.

— Она посмела задеть честь королевы Шедавар! — визгливо воскликнула одна из ведьм, самая молодая, — И честь Дома Знающих!

Тэаргавар несколько мгновений молчала, а потом тихо молвила:

— Я разберусь с ними. Идите, сестры. Нет нужды в этот смутный час ссориться с теми, кто на нашей стороне, — последние слова она выделила — будто специально для Меред. Девушка недоверчиво смотрела, как ведьмы, бросая на Атеа ненавидящие взгляды, разворачиваются и уходят прочь, запахиваясь в свои длинные накидки. Тэаргавар, все такая же недвижимая, стояла на ступенях и молчала. Как только последняя из эльфиек покинула коридор, Меред повернулась к Рожденной Луной.

— Благодарю тебя, Знающая. Прости, что доставляем столько неудобств... — девушка бросила на Атеа выразительный взгляд, — Этого больше не повторится.

— Надеюсь на ваше благоразумие, — Тэаргавар спустилась с лестницы и стала напротив них, вновь сплетая тонкие пальцы замком, — Ссориться с Домом Знающих — не самая разумная идея, златовласая Птица. С кем угодно — но только не с владычицами теней.

Что-то было в ее голосе, что-то такое, что заставило Атеа чуть заметно кивнуть и потупить взгляд.

— Я прошу прощения, госпожа Знающая, — девушка вновь подняла взгляд на нее, и Меред тут же услышала, как ее тон опять переменялся, став медовым, — Могу ли я тебя отблагодарить за то, что ты спасла нас от гнева своих сестер?

— Можешь.

Меред скорее ощутила, чем увидела, как Лебедь распрямляется и делает шаг навстречу ведьме.

— И что же мне сделать?

Меред поморщилась, давя в себе тупую боль. Она слишком хорошо знала эти интонации с придыханием. Ей захотелось вдруг оказаться где-нибудь подальше отсюда, чтоб не видеть проклятую Птицу, не видеть, как она играет в одной лишь ей понятные игры, снова делая все, чтоб добить Меред, притом сама того не зная. Каждый раз — одно и то же. Каждый.

— Прекрати играть, — просто ответила Тэаргавар, и Меред с изумлением взглянула на нее, — И возвратись в свои покои. Туда скоро придет и твоя подруга — я задержу ее лишь на несколько мгновений, не боле. Ступай.

Пару секунд Атеа, абсолютно не ожидавшая такой реакции, просто смотрела на нее, а затем деревянно поклонилась:

— Как пожелаешь, госпожа Знающая. Не смею больше задерживать тебя.

Она выпрямилась и церемонно прошла мимо ведьмы, едва не задев ту рукой. Водопад ее локонов все-таки мазнул рукав серого одеяния эльфийки, но та даже не шевельнулась, выдержанная и спокойная, словно скала. Когда Атеа удалилась, Тэаргавар заметила:

— От этой девочки одни неприятности.

— Как и от всякого ребенка, которого недолюбили в детстве, — рассудительно ответила Меред, пытаясь понять, что нужно от нее эльфийке. Слишком много совпадений за один день случилось. Стало быть, зачем-то это угодно богине... — Ты не взяла с нее благодарности, Знающая. Почему?

— Потому что отблагодарить меня сможешь ты, — женщина подошла ближе к ней, и Меред про себя усмехнулась: видимо, сейчас колдунья попросит ее рассказать о Маре и все-таки добьется своего. Ведьмы всегда получают, что хотят.

— Что ты хочешь? — голос звучал как-то отстраненно, словно и не ее. Вдруг губы Тэаргавар изогнулись в легкой улыбке — впервые за все время, что Птица видела ее, и это было до того странно, что Меред дар речи на миг потеряла.

— Ты возьмешь меня с собой, когда покинешь Лореотт. И я буду следовать за тобой.

От этого Птица опешила еще больше, чем от улыбки ведьмы. Почему-то стало страшно, и в груди тянуло. Запинаясь, Меред неуверенно покачала головой:

— Я не старшая нашего отряда. Госпожа Даэн вряд ли позволит...

— Я поговорю с ней и расскажу об этом инциденте, — мягко перебила ее Тэаргавар, — И если она позволит мне следовать за вами, в чем я не сомневаюсь, твоей платой за златовласку станет путь, который с тобой разделю я.

— Госпожа, я не... я не понимаю... — Меред смотрела на нее, совершенно не понимая, что происходит, — Зачем тебе это? Куда тебе отсюда? Мы не идем на прогулку под солнцем — наша дорога трудна и страшна, и...

— Именно поэтому эта дорога мне и нужна, — взгляд Тэаргавар ощущался кожей, и Меред поняла, что попала в ловушку, — Я не юная авантюристка, Птица. И знаю, на что иду. И ты тоже знала, на что идешь — вот прямо сейчас знала, когда, защитив собой девчонку, сняла с нее ответственность за ее действия. Ты взяла эту ответственность на себя, поэтому и платить должно тебе. Все имеет свою цену, Птица. И кто знает, что произойдет, если долг останется неуплаченным.

Каждое ее слово отдавало угрозой, каждое слово било в цель. Меред стиснула зубы, глядя в темноту под капюшоном. Все имеет свою цену.

— Я согласна. Как ты просишь — так и будет. Но не больше того, — она сверлила женщину взглядом, вот только та даже не шелохнулась.

— Больше и не надо.

Она развернулась и направилась прочь по ступеням, а Меред глядела ей вслед, сжимая и разжимая кулаки, чувствуя, как тревога в груди все нарастает. Что-то подсказывало ей, что хозяйка теней приведет за собой беду — но, по крайней мере, теперь она будет на виду у Птицы, а значит, Меред сумеет защитить Атеа, если понадобится. Вопрос был лишь в том, чем придется за это платить.

===== Глава 26. Кровь земли =====

В горле было сухо и колоче, словно глотку песком проскребли, а в голове не осталось ни одной мысли. Совет, что длился несколько часов к ряду, окончился ничем: Шедавар так и не сумела убедить Жриц в необходимости вывести эльфов из подземелий. Единственной крохотной победой стало решение не отправлять молодых девочек на учебные задания к Мертволесью — хотя некоторые старые эльфийки были против такой договоренности, опираясь на то, что Богиня-Защитница посылает своим детям тяжкие испытания, дабы проверить крепость их веры и силу духа. Даэн считала такой аргумент абсолютно безумным, о чем прямо заявила королеве, как только они покинули Зал Совещаний в Доме Жриц.

— Естественно, — фыркнула королева, насупив пепельные брови, — Они давным-давно сошли с ума, мозги есть только у молодых. Но престарелые клуши считают их недостойными — мол, у девочек нет понимания божественной воли, и они поддаются панике — и, что еще хуже, мне. А между тем, Ниэннавар посылает нам испытания, и наша задача — пройти их с честью, а не сбегать от них. — Шедавар хмыкнула, презрительно щуря золотые глаза, — Знала бы ты, Птица Даэн, как мне порой хочется, чтоб Ниэннавар сама спустилась из Поднебесных садов да ниспослала на их головы доходчивое объяснение, что мы не шутки шутим.

— Я понимаю, — хмуро отозвалась Даэн, — Возможно, так и произойдет, если они по-прежнему будут стоять на своем.

— Слишком поздно будет, — покачала головой Шеда, — Я должна увести всех раньше, чем Охота начнется. В противном случае объяснение богини станет последним, что все мы узреем в своей жизни.

— Это я тоже понимаю, — Даэн отстраненно разглядывала древний город с открытой террасы, упершись ладонями в белую широкую перекладину перил. Шедавар сидела рядом с ней, взобравшись на те самые перила и свесив ноги вниз, прямо в пропасть. Поначалу Даэн нервничала, что ее величество может свалиться оттуда, но ныне успокоилась и расслабилась — судя по всему, королева частенько вела себя как молодая разведчица. В то же время, в ней присутствовало нечто нерушимое и твердое, словно скала. Птица знала: Шедавар не упадет.

Королева взлохматила узкой ладонью волосы, устало прикрывая глаза. Некоторое время она так и сидела, неподвижная, будто статуя, а затем, полуобернувшись к двери, крикнула:

— Эй, кто там есть! Принеси меда, да поживее.

Даэн скосила взгляд на Шеду. Та выглядела усталой, но жесткая линия ее губ, сжатых в ниточку, и стальной упрямый блеск в глазах королевы говорили о многом. Женщина явно уперлась и сдаваться не собиралась. Это и главное. Уж кто-кто, а она выдюжит — пусть даже против нее весь мир станет.

Королева ощутила ее взгляд. Чуть дернув уголком рта, она вновь устремила взор вниз, туда, где сновали жители Лореотта, и вздохнула:

— Ты посмотри на это, а? Муравейник. Большой муравейник с целой кучей красивых ходов, с надежными норками... Нам кажется, что они надежны. Подумай только, Птица

Даэн, насколько все здесь хрупкое и тонкое. Насколько мы уязвимы здесь...

— Как и все остальные, — Даэн ощутила, как в сердце тяжело и тупо ноет тревога — безотносительная, не направленная на кого-либо конкретного. Сосущая пустота медленно заполняла ее, чутко реагируя на каждое чувство или эмоцию — но Коршун держалась, упорно прогоняя от себя все страхи прочь. Пока получалось, — Покажи мне хоть кого-то, кто ныне защищен.

Послышался тихий скрип громадных петель, гулкое эхо чьих-то шагов разошлось по террасе. Стражница с длинным шрамом через всю щеку протянула королеве флягу с диковинными тисненными узорами на округлых боках. Шеда кивнула, забирая ее из рук эльфийки, и та поспешила покинуть помещение, словно ее и не было.

— Кто защищен? Люди, — Шедавар криво ухмыльнулась, откупоривая флягу и чуть приподнимая ее, салютуя Даэн. Сделав несколько больших глотков, женщина продолжила, — Я говорю не о вас и не о тех деревеньках, что близ леса разрослись. Там-то все плохо — еще хуже, чем в наших подземельях. А вот в столицах не знают, что такое Охота. Там живут себе счастливо, не думая о том, что происходит здесь, не думая, почему зимы бывают длинными и жестокими... И никто из них не слышал о Изломах, а если и слышал — то давно мнит это страшной сказочкой для детей, — она отхлебнула еще, а затем протянула флягу Даэн.

Мед вовсе не напоминал летние напитки лесных эльфов, сладкие и легкие, отдающие благородными цветами. Этот был совсем иным: терпким, хмельным, горчащим на губах и едва заметно пахнувшим горными травами. Совершенно под стать женщинам Лореотта. Даэн ощутила, как по горлу прокатывается горячая волна, и благодарно кивнула королеве: добрый мед был редкостью, и его обычно прятали в закромах, не делясь с чужаками. Некоторое время Птица молчала, наслаждаясь огнем в своей груди и приятным теплом, что разлилось по венам, а затем задумчиво взглянула на Шедавар:

— Незнание не является защитой. То, что они не ведают об Изломах, не означает, что их это не коснется.

— По сути, ты права, — невесело усмехнулась Шедавар, — Вот только кроме незнания есть еще сотни верст, что разделяют наши земли с человеческими городами, да пограничные селения вдоль леса. Раньше там не было ничего, кроме фортов да казарм, и люди шли туда, чтоб защищать свою страну. Угу, как же... Стране до того дела-то не было. Король отдал приказ — любой ценой не дать взять столицу, и все. Дальше как хотите — разбирайтесь. Ваша ведь земля, вы ее и защищайте. А мы будем сидеть за крепкими стенами и смотреть, как вы там подыхаете. А потом и вовсе про вас забудем.

— Погоди, — Даэн нахмурилась, — Что ты имеешь в виду?

— То и имею. Все эти города, что тянутся вдоль леса и Караласской гряды — это бывшие форты. За ними на юге лежит громадная пустошь, где никогда ничего не строили, разве что крохотные поселения, путевые. Эти города всегда были живцом — впрочем, живцом, что просто так умирать не соглашался. Они принимали на себя удар, тамошние армии вырезали столько диких, сколько могли, а потом попевали вы... И тот Знающий или Знающая, что должны были повернуть Колесо. Так всегда было.

Даэн слушала ее внимательно, не перебивая. В Гильдии Наставницы говорили о том, что раньше вместе с Птицами на борьбу с дикими выходили и простые жители окрестных городов — но никому из учениц и в голову не приходило спрашивать, почему ныне все иначе. Они слишком гордились бременем, что взяли на свои плечи, и делиться им ни с кем

не хотелось. Лишь теперь Даэн поняла, как же была глупа тогда, несколько десятилетий назад, когда думала о том, что лишь Птицы достойны защищать мир от смерти. На поверку сил у смерти оказалось гораздо больше, и в одиночку они не справятся. Вот сейчас — не справятся.

— Все эти пограничные городки имели определенное значение, когда их только строили — а строили аккуратно после первого Излома, — продолжала Шедавар, — Лойнар ковал оружие, из Прибережка везли соль по всей границе — земледелием раньше-то не особо увлекались в фортах, не до того было, потому и солили на зиму все, что могли. В Огневом Доле раскопали залежи то ли породы какой, то ли еще чего, уж не знаю — только вот если ту дрянь поджечь, она так полыхнет, что мало не покажется. Вот ее и везли по всем другим городам, дикие-то пламени боятся. В Фаргории, или в Вергории — не помню точно, как называется, — готовили ведунов. Тех совсем немного всегда было, по одному на каждый город. Зато они могли раны залечить, или удар диких смягчить хоть немного. В общем-то, суть ты поняла — все пограничные города были связаны меж собой, и караваны от них в столицы никогда не ходили.

— Железный Тракт, — осенило Даэн. Когда-то Гаэра рассказывала им, что окрестные города, что на юге Гарварны, соединены дорогой, называющейся Железным Трактом. Чаще всего по ней шли целые подводы, груженные оружием, потому так и прозвали. Дорога соединяла семнадцать городов, и там, где границы государств пересекали этот путь, не было златниц — форпостов, на которых с путников и караванов снимали плату за пересечение границы. Теперь-то Даэн поняла, почему так.

— Именно, — кивнула Шедавар, — Долгое время все было в порядке — по крайней мере, два первых Излома мы сражались рядом. Пещерные эльфы выходили плечом к плечу с вами, и мы вместе встречали их здесь и пробивали себе путь к тем городкам, что уже встретили натиск Охоты. Помогала и Таврания, с севера. А потом затянулась долгая тишь. Мы потерялись в своих подземельях, вы продолжали сидеть в горах и периодически выбираться, если откуда-то шла весть о темном духе, а в городах Железного Тракта позабыли о том, зачем их строили. В Огневом Доле выработали все месторождения, какие наши, ведуны стали обычными знахарями, что сменялись, когда век их подходил — оттуда и пошло ведь, что в каждом городке есть Знающий. Лойнар продолжает еще как-то барахтаться, но и то, не знаю, надолго ли это. Южная пустошь заполнилась городками, что продолжают расти — хоть и держатся на добром расстоянии от Тракта, словно небо их бережет. Вокруг городов разрослись селения, раскинулись поля, словно и не было угрозы. Никогда не было. Человечья память слишком коротка — стоит выйти солнцу, и люди забывают о штормах, что беснуются за стенами их домов.

Даэн медленно кивнула. Ведь Фаулир тоже такой же — крохотная деревенька близ города, что был когда-то фортом... Осознание приходило тяжело — по сути, она никогда и не задумывалась, не пыталась сложить кусочки мозаики в единую картину, хотя они у нее и были. Сейчас Шедавар помогала ей собрать эту самую картину, и это было как-то странно. И хорошо, и в то же время болезненно.

— В столицах тоже забыли, зачем появился Железный Тракт. Вообще забыли о нем. Словно городов и не было. Оно и понятно — весь регион находится на самообеспечении, от налогов в казну он освобожден, так зачем о нем помнить? Вестей от него никогда не было — лишь первый Излом затронул столицы, после чего и решили создать зону фортов, а дальше наступила тишина. Изломы никогда не докатывались до крупных городов. Их останавливали

здесь, и человеческие корольки решили, что угрозы никакой и нет. Территория есть — и бес с ней, пусть будет на случай чего. В зимы, когда Дикая Охота начиналась, в городах, конечно, люди гибли от холодов, но кому до того было дело? Подошли — и подошли. Авось не встанут больше.

Шедавар перевела дух и отхлебнула меда из фляги. Темное золото ее глаз казалось древним, видевшим тысячи лун, и Даэн поймала себя на том, что слушает ее, словно ребенок, замороженный страшной и горькой сказкой, которая когда-то давно была правдой.

— Лорелей говорила в своем послании, что они не верят вам, — Шеда скосила взгляд на Даэн, и Птица непонимающе вздернула бровь. Эльфийка пояснила, — Люди. Презирают вас, считают стайкой ополоумевших баб, что верят во всякую чушь. Вряд ли они помогут нам сейчас. Они ведь защищены, — последнее слово отдавало ядом.

— Это так, — Даэн устало смахнула непокорную прядь со лба, — Если узнают, откуда мы — чураются как прокаженных. Даже здесь, поблизости, хоть по твоим словам и не должны.

— То, о чем я говорю, — Шедавар развернулась к ней, усмехаясь краешком рта, — Все обо всем забыли. И никому вы не нужны со своей правдой о грядущем холоде и смерти. Тем они и защищены, Даэн — своим неверием. И умрут они вот так же — не веря. Не видя. Никто из них не пожелает видеть правды.

— Да какая же это защита? — Птица поневоле потянулась рукой к Крылу. В ножнах покоилась единственно верная, самая надежная броня для нее, которая только могла быть.

— Ну, вот такая вот дерьмовая защита, — согласилась Шедавар, и Даэн хмыкнула. Королева отвернулась, разглядывая свой город, что разросся внизу и вокруг. Лицо ее посуровело, становясь каменным, — Ты спрашивала, кто еще защищен? Эльфы. Наши любезные лесные братья, — она недобро улыбнулась, — Они слишком далеко отсюда, и слишком заняты своими играми в войну. Там постоянно что-то происходит. Вестей до меня доходит немного, но и этого хватает — Верданор не прекращает войн, притом со всем, что под руку попадется. Вот уж интересно, как тамошний государь со своей тенью не борется. А Аларис вообще закрыт, защищен целиком и полностью, и оттуда — тишина. Что там, я понятие не имею. В общем, лесным эльфам тоже никакого дела нет, что тут происходит. До них не дойдет. Их это не касается, — королева помолчала. Когда она заговорила вновь, голос ее был тих, и в нем звенела отрешенность, — Я могу тебе перечислить еще кучу тех, кому дела до Изломов нет. Аргумент — они защищены. Мы с тобой — беззащитны. Твоя Знающая беззащитна. Мой народ беззащитен, потому что никто не придет к нам на помощь. И сейчас я пытаюсь сделать хоть что-то, что могло бы спасти нас — и мои же люди с упрямством горных баранов мне мешают. Потому что считают, что их уберегут, когда на самом деле никому мы не нужны. Эти глупые женщины, так уверенные в собственной правоте, не желают раскрыть глаза и увидеть, что же там стоит выше их богини. Моей богини. Они смотрят лишь на нее и думают, что могут читать ею волю, слышать ее чище, чем кто-либо другой. Они погрязли в собственной гордыне, как погрязли мы сотни веков назад, когда отказали в помощи нашим братьям. Я не хочу повторять ошибок бывшего, Птица Даэн. Не хочу смотреть, как все, что я любила, обращается пеплом и утекает сквозь мои пальцы — а мне говорят, что на то воля богини. Неужели богине угодно уничтожить нас, растереть в пыль и развеять по ветру? Как ты думаешь, Птица Даэн?

Она не требовала ответа, задавая вопрос в пустоту, и глаза ее были обращены к городу. Коршун не знала, что ей сказать — да и стоит ли вообще что-либо говорить. Шедавар просто

смотрела, и пространство вокруг нее дрожало от волн силы, расходящихся в стороны с каждым ударом ее сердца, с каждым ее вздохом, а Даэн вдруг подумала, что за такой королевой не страшно и в Бездну идти, и за Призрачное Море плыть. Эльфийка сидела совершенно прямо, и свет кристаллов почему-то мерк вокруг, словно все сияние мира собиралось не в них, а в ней.

— Они говорят мне — да. Прими свою судьбу достойно, королева. Но в этом ли судьба моего племени? — она обвела взглядом необъятный зал пещеры, где разросся подобно гигантскому дереву Лореотт, — Они говорят — богиня велит. Но Ниэннавар никогда не была богиней — она была первопришедшей, как и ее супруг, как и их дочь. Однажды они покинули свою землю, я уж не знаю, какую, чтоб найти свой новый дом. И только небо знает, чего им стоило сделать этот шаг. Только небо знает, чего стоило королеве Инведаар решиться увести нас в подземелья. И они справились. Они сделали шаг — и выжили, выдюжили, вынесли, не дали погибнуть своему народу. Вот в этом-то и заключается небесная воля, Птица Даэн. В шаге, за который ты платишь всем, что у тебя есть — но получаешь во сто крат больше. Жизнь, а не забвение, — Шеда улыбнулась, и в той улыбке Даэн видела горечь, и вместе с тем — невероятный свет такой силы, что он наверняка смог бы смести грозовые облака за тысячи верст, если бы только королева захотела того. — А они молятся простому существу из плоти и крови, которого сами же сделали идолом, и почитают его как бога. И меня при том называют безбожницей. Жрицы не могут понять, что есть еще что-то, что гораздо выше их, что гораздо выше меня, что гораздо выше Ниэннавар, какой бы небесной и бесконечно мудрой та не была.

— Вера порой становится для человека всем, — тихо заметила Даэн, — Если бы не Хартанэ, Птицы едва ли смогли бы быть теми, кто они есть. Наша богиня — одно из воплощений Светлого, бога, выше которого для людей нет никого, и мы отданы ей...

— В вашей богине есть бог, — мягко прервала ее Шедавар, — Ты понимаешь, о чем я?

Помедлив, Даэн кивнула. Хартанэ была ликом Светлого, а не человеком, в котором кто-то увидел бога. Она сама была им. Шедавар глядела на нее внимательно, и в глазах ее мелькнуло одобрение.

— Я и сама вижу, что понимаешь. Вы обращаетесь к тому, что мы зовем Небом. А Жрицы обращаются к давно умершей эльфийке, почитая ее тем самым Небом, — взгляд королевы, устремленный куда-то сквозь камень, был пустым, — Они путают звезды с кристаллами на сводах этих пещер. Они не видят, что мир движется, и что земля разверзается. Ее кровь уже сейчас проникает в наши дома, она горячая и алая, она заполняет дом до самого потолка, поднимаясь все выше и выше. Она уже затапливает и их, а они стоят в шаге от этого потока и молятся — да только не богу. А потому совсем скоро лава затопит и их.

Воцарилось молчание, тягучее, словно та самая лава. Даэн смотрела на королеву, словно видела ее впервые, и отчего-то было больно, немного страшно, и вместе с тем — совершенно странно. Удивительная мощь пронзала все ее существо, и волны этой силы сейчас вибрировали вокруг тонкой фигурки, которая несла на своих плечах весь Лореотт. И согнуть ее не могло ничто.

— Кому ты молишься, Шедавар? — тихо спросила Даэн, в упор глядя на эльфийку, — Во что ты веришь?

— Я не молюсь, — пожала плечами та, — Я просто верю и не прошу ничего. В то же, что и ты. Верю в то же, во что верует твоя Знающая.

— В Бессмертного? — моргнула Даэн. Ей казалось, что о Боге-Пустоте знали лишь ведьмы. Королева рассмеялась.

— Смотри глубже, Птица Даэн. Ты-то можешь. Мало кто способен сейчас, к сожалению — а ты можешь.

Понимание приходило медленно, мысль за мыслью. Так свивается нить из тонких волокон, так луч собирается из крохотных частичек, что мельче пылинок, так слово за словом Шедавар говорила, и одновременно с тем Даэн понимала.

— Я верю в жизнь. В то единое стремление, что заставляет всех нас бороться, верю в то, что выше вот этого куска мяса, которое так гордо зовется королевой Шедавар. Королева Шедавар рано или поздно отправится в Поднебесные сады, где будет слушать лунные флейты да увиваться за особо хорошенькими девицами. Но за мной должна остаться жизнь, понимаешь? Не для моей дочери, не для моего сына, не для моей сестры. Для всего, что есть. Чтоб в каждом из вас проснулся бог, открыл глаза — и чтоб дальше лишь эта жажда в вас и была. Желание жизни. Стремление к ней. Вот в это я верю, Птица Даэн, и пусть меня разорвет бешеная химера, если я этого не добьюсь.

— Добьешься, — тихо молвила Даэн. Ничего не изменилось вокруг, и перед ней стояла все та же молодая женщина, чем-то напоминающая дворового кота, с кошачьим прищуром и черной вязью рун, спускающейся по скуле от уголка правого глаза. Королева подземного города, которая вознамерилась спасти чуть ли не весь мир. Ничего не изменилось, только почему-то Даэн захотелось поклониться ей в пояс, — Ты — точно добьешься, Шедавар.

— Как и ты, — пожала плечами эльфийка.

Они замолкли, думая каждая о своем. Коршун украдкой посматривала на королеву, которая наконец успокоилась после совета. Та была умиротворена, и казалось, будто само небо сейчас мягкой шапкой опустилось на острые пики гор, чтоб быть поближе к ней. Сквозь толщи каменной породы Даэн ощущала это небо так остро, словно сама касалась его.

— О чем ты думаешь, королева подземного города? — вопрос сам сорвался с губ тихим шелестом. Шедавар ухмыльнулась, по привычке щуря золотые глаза, и стала еще больше походить на полудикого кота:

— Да о девках, знамо дело. Жрицы рассказывают, что в Поднебесных садах — самые красивые женщины и мужчины, самые добрые, честные и все такое. В общем-то, те, кто вершил благие дела. Надеюсь, что вот такая байка — действительно правда, а не вымысел. Я бы поглазела на Инведаар. По воспоминаниям Слепой Мэг, девица была что надо. Совершенно безумная. И сражалась лучше, чем самые сильные мужчины горного племени. С ней бы я поборолась бы. Ох поборолась бы... — Даэн расхохоталась, а вместе с ней и Шедавар. Отсмеявшись, королева вздохнула, — А если серьезно — не бери в голову. Мне нужно что-то делать дальше, и, раз Жрицы мне не помогут, я буду искать другие пути. Вот и все. В любом случае, меня не остановят — ни одна из них, ни все они вместе.

— Если тебе нужна наша помощь — только скажи, королева, — склонила голову Даэн, — Мы сделаем все, что нужно. У нас одна цель.

Некоторое время Шедавар даже не смотрела в ее сторону, размышляя о чем-то, а затем медленно проговорила:

— Помощь понадобится в любом случае. В одиночку мы не справимся, а посему... — ее золотые глаза блеснули, и где-то в радужках растаяли крупницы сияния, — Дождемся, когда ваша Знающая придет в себя. До срока, когда Звезда Зимы будет в зените, у нас еще есть время, и его должно потратить с пользой. Я пока еще не совсем знаю, что делать, —

королева нахмурилась, потирая лоб, — Но уже предполагаю.

— Что же? — Даэн с интересом взглянула на нее.

— Прежде всего, напишу Лорелей, мне нужно обсудить с ней кое-что. Сейчас. Как только придет ответ, я сообщу вам о нашем решении, и мы будем двигаться дальше. У тебя же покуда будет ответственное задание.

Ее тон показался Даэн насмешливым. Почему-то она не сомневалась в сути королевского поручения.

— Ну давай, удиви меня, — едва слышно пробормотала Даэн, изогнув бровь. Королева широко и искренне улыбнулась и по-свойски потрепала Птицу по плечу.

— Присмотри за своими Птенцами. Одна еще нормальная, а вот вторая — просто ураган какой-то. Как бы не нахваталась неприятностей здесь. Судя по всему, она из тех, кто постоянно нарывается, — Шедавар фыркнула, — Что у нее в голове?

— Вечный хаос и слабоумие, скорее всего, — кисло ответила Даэн, — А еще — неумная жажда приключений. Я очень постараюсь сделать так, чтоб Атеа не разгромила Лореотт и не довела всех местных жителей. Обещаю тебе, королева.

— Ну вот и добро, — кивнула Шедавар, легко спрыгивая с перил, и потянулась, словно кошка. Литые мышцы на ее обнаженных руках ходили под кожей, красиво перекатываясь, и Даэн невольно восхитилась ею. Наверняка за королевой выстраивалась очередь девиц, желающих разделить с ней если не судьбу, то хотя бы пару ночей. Ухватившись за мысль, Даэн обратилась к ней:

— У тебя есть дети, королева? Супруга или супруг?

— А чего, поувиваться хочешь? — лениво осведомилась Шедавар. Даэн лишь хмыкнула, дотрагиваясь кончиками пальцев до крохотного кристалла на своей груди. Королева проводила взглядом ее движение и тепло улыбнулась, — Да знаю я, знаю — просто шучу. Нет, супруги у меня нет, как и детей. Зато у меня есть мой народ. Все они мне дороги, и всех и каждого я люблю. Даже этих тупоголовых куриц, чтоб им провалиться... — проворчала она, глядя куда-то вглубь города, где находился Дом Жриц, — Кто знает, как все сложится, Птица Даэн. Может быть, однажды я и сыграю для кого-нибудь на лунной флейте. Но покуда она не звучала ни для кого.

— Что это? — Даэн с любопытством взглянула на королеву. Она уже второй раз упоминала лунные флейты, и в голове Птицы возникал образ нежного, тонкого-тонкого инструмента, белого, словно снег или яблоневый свет, и звучащего серебром. Образ этот совершенно не вязался с пещерными эльфийками — жесткими, опасными, полудикими, по большей части лишенными мягкой грации и плавности движений, а потому Даэн было невероятно интересно, как же выглядят лунные флейты. Шедавар наклонила голову к плечу:

— На них мы создаем музыку нашего народа. Каждый эльф сам вырезает свою лунную флейту — за деревом он уходит в Живой Лес, в предгорья. Сам он учится играть, сам слагает мелодию, а когда подходит срок — играет для возлюбленного или возлюбленной в день, когда Жрицы соединяют их судьбы. Эту традицию берегут именно они, — голос ее вновь стал тише и будто бы мягче, да и сама королева словно посветлела, — И под руководством Жриц я резала свою флейту. Потому-то я не хочу оставлять их здесь, сколько бы ни грозились о том. Я уведу их за собой, чего бы мне это ни стоило, Птица Даэн. Сколько бы мы ни спорили, как бы сильно ни ссорились — а в них тоже живет память моей земли, память моих предков... И я хочу, чтоб однажды моя дочь — если она родится-таки — взяла в руки свою лунную флейту и поднесла в дар своей нареченной или нареченному песнь. Это то, что

делает нас нами. Вот эти тонкие ниточки, что связывают нас с нашим прошлым. И в этом есть неземная красота.

Даэн кивнула. В груди нежным светлым огоньком разлилось тепло, и она мягко сжала крепкую ладонь Шедавар:

— Все будет хорошо, королева. Непременно. Делай все, что должно — я приду на твой зов. С твоего позволения, покину тебя — хочу навестить Мару...

Шедавар с сомнением прищелкнула языком:

— Не думаю, что Слепая Мэг позволит... Но попробуй, конечно — заодно разомнешься, отсюда до пещеры старухи столько лестниц и коридоров, сколько Птиц во всей вашей Гильдии, если не больше, — она пакостно ухмыльнулась, снова напомнив Даэн то ли кота, то ли молодую озорную девчонку, — Бывай, Птица Даэн. Я позову, как только будут вести от вашей старшей. А если захочешь поговорить о чем — и так приходи.

Даэн вновь склонила голову, а затем вышла с террасы, оставляя королеву в одиночестве. На сердце почему-то стало легче, словно и не было нескольких утомительных часов в Зале Сопещаний, когда и она, и Шедавар, и Аллэи хором пытались объяснить, почему эльфам нужно покинуть Лореотт. Белые сводчатые арки и стрельчатые смотровые окна без стекол окружали ее со всех сторон, и Даэн казалось, будто она ощущает печаль города, который вот-вот опустеет. Город наслаждался последними минутками жизни — те недели, что у них остались, для него были действительно минутками, быстротечными и короткими. А значит, тишина скоро заполнит пустые пещеры, и лишь призраки былого будут прогуливаться по безмолвным улицам, неслышно ступая по гулким камням. Кто знает — может, однажды кто-то и найдет потерянный город в горах, где когда-то исчезло племя горных эльфов, но родилось племя эльфов пещерных. Кто знает, что будет после.

Почему-то Коршун не сомневалась в том, что Шедавар рано или поздно добьется своего — время в песочных часах Хартанэ пересыпалось, и золотой песок грозил засыпать весь мир совсем скоро. Она почти видела белый город из камня и полумрака, что раскинулся в том месте, где одна чаша божественных часов переходит в другую, и сверху его медленно засыпало песком, а снизу к самым его ступеням подползала огненная кровь земли, о которой говорила Шедавар. Еще чуть-чуть, и город погибнет. И единственным выходом было разбить часы.

Птицы тоже выпадают из гнезда. Просто выпадают из привычного теплого мира — и взлетают, узнавая небо. Сейчас должно случиться то же самое.

Она так глубоко погрузилась в собственные мысли, что чуть было не врезалась в Меред, прогуливающуюся по одной из галерей. Девушка хмурилась и думала о чем-то своем, и когда Даэн налетела на нее, тут же бросилась извиняться:

— Ох, прошу прощения, я... Ох, Даэн! — она преувеличенно широко улыбнулась, — Прости, я не заметила тебя, задумалась... Ну что, как прошел Совет? У вас получилось? Когда выдвигаемся в Келерию?

Даэн некоторое время сверлила ее взглядом, наблюдая, как улыбка медленно сползает с лица Меред, уступая место чуть ли не паническому выражению, а затем вкрадчиво поинтересовалась:

— Так. Понятно. Где она, бес ее забери? И что на этот раз?

Меред тяжело вздохнула и опустила голову, словно подбитый щенок. Даэн не привыкла видеть собранную и спокойную девушку такой, а потому заподозрила, что дело совсем плохо.

— Богиня, меня не было несколько часов... Что она успела учудить? Обрушила сталактит, развязала войну, что?!

— Это не совсем она, — тихо ответила Меред, — Я виновата.

Коршун вздернула бровь, не зная, как к этому относиться. Меред вряд ли могла бы натворить что-то действительно страшное, но ее бледное лицо и тяжело нахмуренные брови настораживали Даэн.

— То есть, ты хочешь сказать, что Атеа не имеет к произошедшему никакого отношения? — осторожно уточнила она. Меред замялась на миг, но все-таки выпрямилась, и, глядя, прямо в глаза Даэн, мотнула головой:

— Имеет. Но виновата все же я.

— Богиня, да что произошло? — Даэн непонимающе смотрела на девушку. Та в жизни своей не сделала бы ничего плохого, приучив себя к поразительной аккуратности во всем — и в собственных поступках тоже. Меред глубоко вдохнула, взглянула на нее, но вымолвить ничего не успела. Голос, что раскалывался эхом в голове, тихо прошелестел:

— Позволь я объясню все, госпожа.

Даэн обернулась, переводя взгляд с ведьмы по имени Тэаргавар на Меред — и обратно. Накидка Знающей качнулась от невидимого ветра, и Коршун ощутила, как внутри все холодеет. Если в этом были замешаны эльфийские ведьмы — значит, все действительно было не хорошо. В особенности если дело касалось Рожденной Луной. Даэн хмуро взглянула на нее и кивнула:

— Говори. Я слушаю.

На миг показалось, будто под капюшоном сверкнул крохотный алый блик — такой же алый, как волчья ягода, как последний луч слепого солнца в пору предзимья, как кровь земли, что текла глубоко под ними. Ведьма улыбнулась — и Даэн почему-то стало страшно.

===== Глава 27. Веретено =====

— ...Мара-Марана, поди в темный лес — там у топи бес, с белыми глазами, с острыми рогами, тебя ждет-пождет!

Детский залиvistый хохот гнал за ней, пока она бежала быстрее ветра прочь от деревни, отрываясь от своих преследователей. Высокие стебли травы стегали ее по голым коленкам, и Мара, перепрыгивая через кочки и топкие лужицы, морщилась и ойкала — да только не останавливалась. Пускай дети остались далеко позади, а она все равно боялась их куда больше, чем диких зверей и бесьих топей. Ни зверь, ни дух болотный ее-то не тронет, а вот Ольдэк все время недобро скалился, завидев ведьмину дочь, и всех ребят подговаривал ходить за ней да кричать ей во след недоброе...

Ноги запутались в густых кучерявых зарослях зяблицы, пестрящей синими россыпями цветов, и девочка, перецепившись через запутанные стебли, шлепнулась на землю, больно приложившись коленкой оземь. Глаза тут же защипало, но Мара только посильнее губу закусилась, да так и затаилась в траве, прислушиваясь к отдаленному гомону. Голоса мальчишек совсем скоро стихли — видать, прогнали ее и все, успокоились да разошлись. Ведьмина дочь выдохнула, зарываясь носом в мягкие зеленые кружева трав. Хвала небу, убежала.

От земли пахло влагой, травяным соком и теплом. Мара так и лежала, прячась в высоких зарослях, а длинные стебли тихонько покачивались на ветру, шелестя над ее головой. Девочка, отдышавшись, перевернулась на спину. Мелкие камешки и короткие былки травы приятно покалывали кожу сквозь одежду, а над головой лениво и

величественно плыли пушистые облака. Где-то в темном бархате тысячелистника деловито гудел жук, и со всех сторон слышалось звонкое стрекотание. Солнечный луч высветил небесно-голубое крыло мотылька, усыпанное мелкими темными пятнышками и чуть припорошенное белой пылью. Мара проводила его взглядом, пока тот не скрылся среди изумрудных колосьев, и пожелала ему всего доброго. Такой крохе уж точно надо желать хорошего, чтоб сумел долететь туда, куда ему нужно.

Серебристый звон отвлек ее от мыслей. Девочка села, завертев головой по сторонам. Из волос тут же посыпались травинки да мелкие листики, что запутались в смоляных прядях — но мать никогда не ругала ее за растрепавшиеся косы, а потому Мара даже внимания на это не обратила. Гораздо больше ее занимал тихий-тихий ласковый звук, доносящийся словно откуда-то издалека. Он то приближался, то снова становился едва слышимым, и Мара поднялась на ноги, отряхивая летнюю рубашу, болтающуюся на ней, словно на пугале огородном. Теплый луговой ветер запустил пальцы ей в волосы, а прямо перед лицом, у самого носа, возник маленький золотой клубочек солнечного света.

Завороженная, Мара потянулась было к нему рукой — да только тот отпрянул, будто осторожный зверек. Девочка тоже дернулась, ойкнув и испуганно глядя на огонек, а тот, серебристо звеня, отлетел чуть дальше, словно приглашая ее идти за собой.

Мара-Марана...

Над головой носились веселые стрижи, рассекая темными крыльями лазоревый воздух, такой дурманящий и сладкий, а она бежала вприпрыжку за огоньком, смеясь и пытаясь дотянуться до него хоть кончиком пальца. Огонек ускользал из рук, будто играя с ней, и вел ее куда-то в далекую чащу, мимо земляничных полей и чабрецовых лугов, мимо зарослей орешника и оврагов, изрытых ласточкиными норами, мимо густых мрачных ельников, заросших мхом и сон-колыванью, и мимо березовых рощиц, пронизанных солнечными лучами от верхушек до самых корней, теряющихся в густой траве. Мара бежала, чуть ли не задыхаясь от счастья, и сердцу было светло и радостно, сердце трепетало птичкой, а голову кружил хмельной запах васильков и диких лесных трав...

— Мара-Марана.

Сон юркнул ужом куда-то во тьму, забирая с собой яркое солнце и запах лета, и усталость разом навалилась на нее, усаживаясь тяжелым котом на грудь. Мара слепо заморгала, силясь прийти в себя и понять, где она. Все вокруг казалось размытым, темным, и женщина со стоном попыталась сесть, но чья-то твердая рука ухватила ее за плечо, а скрипучий голос расколлот тишину:

— Лежи, нетерпеливое сердце, погоди немного. Вот глаза раскроешь — встанешь.

В нос ударил острый запах пряных трав, и Мара закашлялась, отворачиваясь и жмурясь: уж больно чужим был аромат. В ее лесной хижине пахло совсем не так...

Вспышками пронеслись картинки перед глазами, и память вернулась к ней, словно только и ждала, когда ведьма ухватится хоть за одну ниточку. А когда Мара потянула за нее, запутанный узел тут же распался, и женщина вспомнила свой дом, светлый и тихий, вспомнила лес, скованный первыми морозами — но бесконечно красивый, родной и дышащий. Вспомнила путь, серебряные глаза Ялуши и тайный лаз, Прибережек, сотканный из соли, вспомнила темных духов с сотней лиц — и невероятный жар в груди, раскаленным солнцем вырывающийся наружу и расщепляющий темноту. Вспомнила Даэн.

Она открыла глаза, щурясь на тусклый свет, и вскоре пелена обрела очертания и контуры. Под потолком мигали факелы, разгоняя темноту по дальним углам, на стенах сохли

пучки трав и едва заметно покачивались связки птичьих перьев. Отблески огня танцевали на пузатых цветных колбах, где старая ведьма — Мара помнила и ее — хранила то ли время, то ли воспоминания, то ли бог весть что. И сама она сидела рядом, сухая, сморщенная, больше похожая на ветхий пергаментный лист, что вот-вот рассыплется в мелкую крошку — легче пуха и пепла, и ветер унесет ее прочь. Невидящие глаза старой эльфийки, белые, как молоко, смотрели сквозь Мару, но та почему-то знала, что ведьма глядит прямо ей в сердце.

— Не слушаешь ты меня, сестрица. Говорила же тебе: лежи, глаз не раскрывай, отдохни...

Мара осторожно села, борясь с головокружением. Слабость не желала сходить, перебравшись на плечи и накрыв ее тяжелым плащом, но ведьма упрямо разогнулась, чувствуя, как ее немного кренит в сторону.

— Сколько же можно мне отдыхать, матушка Мэгарвар? Давно я в твоём доме?

— Пятый день пошел, — проскрежетала старуха, даже не шевельнувшись. Мара ощутила, как внутри что-то предупреждающе кольнуло — так всегда бывало, когда за словами собеседника таилось тяжелое чувство.

— Тогда куда же мне еще лежать? — она спустила ноги вниз, нашаривая босыми ступнями холодный каменный пол, — Сама знаешь, матушка Мэгарвар: нет у меня времени на то. Отдохнула я вдоволь, — Мара легко обратилась всей собой к крохотной огненной песчинке-искорке, и та тут же отозвалась, разгораясь ярче. Ведьма ослабила прикосновение, памятуя о том, как энергия разорвала ее оболочку, и взглянула на Слепую Мэг, — Что со мной было, Знающая?

— Тебя принесла наша Аллэвар. Оставила тебя да сказала мне — мол, помоги ей, праматушка, она вон какая, видишь? Тени глядят на тебя и говорят мне: дело плохо, умрет сейчас девчонка. А я их попросила тебя вылечить — вот они и управились.

Маре не нравились короткие фразы Мэг, не нравился ее голос, сейчас звучащий словно железо, по которому железом и скребли, однако она не могла понять, почему старуха так посуровела. Ведьма мягко коснулась ее ладони, создавая образ солнечного света, молодой листвы, мерцающей каплями дождя, и теплой ласковой весны.

— Благодарю тебя, Знающая. Я перед тобой в неоплатном долгу, — но Мэгарвар отдернула руку, все так же глядя мимо нее. Мара неуверенно позвала ее, — Знающая?

— Не пытайся показать мне солнце, девочка, — сухо процедила старуха, и тонкие ее ноздри затрепетали от неведомой Маре ярости, — Ты ослушалась меня. Я уж просила тебя, уж просила — не зови смерть, не ходи за ней... А ты пошла, горе нам всем.

— Но справилась ведь, — осторожно попыталась смягчить ее Мара, — Если бы не я, Даэн не спаслась бы. Никто бы не спасся. И мы бы не принесли вестей о ваших девочках...

— А всех ты спасла, знамо дело. Храбрая колдунья дремучего леса, что вознамерилась весь мир спасти... — Мэгарвар усмехнулась, и в этой улыбке столько горечи было, что Мара невольно отшатнулась, — Теперь они знают, где ты, сестрица. Знают, кто ты, знают, на кого охотиться. Они бы взяли Птиц, как взяли наших детей, да ждали бы повеления госпожи своей, и ты могла дойти до самой твердыни, чтоб там исполнить волю неба... А теперь не будет тебе покоя, не будет... Она к тебе во сны будет ходить, на ухо шептать, точить тебя, как вода точит камень. Теперь ты, сестрица, не имеешь права на ошибку, на мысль хоть одну неуверенную, на шаг в сторону...

— Это не так, Мэгарвар, — Мара улыбнулась ей, пусть и невидящей, — Все не зря. Я взглянула на них — и Бессмертный сделал мне подарок, не оставил меня. Теперь я знаю,

понимаешь? — она сама чувствовала, как голос наполняется силой и радостью, — Теперь я знаю, как бороться с этой тьмой, Знающая, и ничего мне больше не страшно. Да, их слишком много, да, едва ли я справлюсь одна — но бог меня не покинул, когда я просила его помощи. Он вложил в мои руки оружие.

— И сама ты чуть не померла! — визгливо крикнула Мэгавар, мотая головой, — Потому что глупая девка, потому что сама не знаешь, как тем оружием пользоваться! Тени мои почуяли то да так взбесились, что я их чудом удержала. Еще чуть-чуть — и они бы начали рушить город, — последнее она произнесла так тихо, что Мара едва расслышала ее. Воцарилось молчание. Ведьма внимательно смотрела на старуху, не понимая, что она имеет в виду.

— Я научусь контролировать этот дар, Мэгавар, — спустя некоторое время молвила колдунья, — Он не причинит вреда ни тебе, ни твоему дому...

— Уходи из Лореотта, — прошелестела старуха, опуская морщинистые веки, — Уходи прочь, покуда они вновь не начали волноваться. То, что ты несешь в своей груди — сила небесная, что так далека от них, подземельных моих детей... Всякий раз, когда ты выпускаешь ее здесь, всякий раз, когда ты едва дотрагиваешься до нее, они начинают беситься, пытаются вырваться из моих рук. А у меня едва ли остались силы, сестрица. Совсем скоро я передам Лореотт своей белой девочке, но пока она не готова. Мое время уже истекает, мое время уже обращается пеплом, и счет идет на минутки. Я отдала тебе все, что было мне отмерено, и едва ли теперь доживу до следующей луны. И чем дольше ты здесь, тем быстрее Пряха разматывает мою нить. Мне должно подготовить мою девочку... Мне должно успеть...

Мара глядела на нее, чувствуя, как в груди волнами разбегаются чувства, перепутываются меж собой: испуг за Лореотт и старую слепую ведьму, благодарность ей, непонимание, что-то еще. Разве Шедавар не хочет увести из подземелий всех эльфов? Словно в ответ на ее мысли, эльфийка долго и тяжело вздохнула:

— Молодая королева сильна и смела — или безрассудна и глупа, время покажет. Однако до того как эльфы покинут Лореотт, кто-то должен его держать. Когда последний эльф выйдет на солнце, сердце города отпустит тени, и его поглотит камень и темнота. Девочка должна будет отдать себя, чтоб молодая королева справилась. Их всех я готовлю к тому. Их всех. Но справится лишь одна — остальные слабы и заносчивы, и мои тени сожрут их с костями, со всей их памятью, а вместе с ними — и всех наших златоглазых детей. Уходи отсюда, ведьма-солнце, уходи из подземелий... Уходи и дай мне протянуть еще немного.

— Я могла бы помочь тебе, Мэгавар, — Мара наклонилась к ней, чувствуя запах зелий и колдовства от ее кожи, — Только позволь мне попытаться — вдруг получится? Кто знает, на что способна эта сила?

Вдруг ладонь старухи молниеносно взметнулась вверх, и Мэгавар хлестко ударила Мару по щеке — точно, без промаха. Ведьма не дрогнула, когда кожу обожгло огнем и колючей болью — лишь глядела на эльфийскую Знающую, а та, дрожа всем телом, возвысила голос:

— И думать о том не смей, слышишь?! Ты и вовсе что ль оглохла, когда я говорила тебе о них? Они — дети земли, им столько лет, что ты и представить себе не можешь... Они живут в темноте, в самом сердце матери-земли, в корнях и снах, среди сокровищ недр, и небо им чуждо, как чуждо тебе понимание этого. Свет исказит их, свет сломит и меня, и моих девочек, и Лореотт погибнет — стоит тебе только захотеть помочь нам. Так подумай еще раз, подумай, нужна ли мне твоя помощь — и какую помощь ты все-таки можешь дать.

...как чуждо тебе понимание этого... Мара кивнула, не сводя взгляда с белоглазой ведьмы, трясущейся и кажущейся сейчас обезумевшей.

— Не бойся, Мэгар. Я поняла, чем могу помочь тебе. Дай мне день — и я уйду. обещаю тебе. И прошу прощения у тебя. Я не знала — и действительно не могла понять того, о чем ты мне рассказала.

Эльфийка, зябко кутаясь в свои накидки, вновь затрясла головой, и пряди ее волос колыхнулись, словно тонкие белые нити ковыля, высвеченные тусклым заходящим солнцем.

— Хорошо. А что до прощения — не мне тебя прощать. Если ты справишься, то бог твой простит тебя. И тени мои тебя простят, — на миг Маре показалось, что старуха улыбнулась — едва заметно, как-то болезненно и горько, но улыбка, если и была, в следующую же секунду исчезла, — Иди. Уходи из моего дома, сестрица. Дай мне отдохнуть. Слишком уж много солнца для слепых моих глаз.

Она отвернулась, пахнувшая полынью и горными перевалами, холодная ведьма, что смотрела в глаза смерти и ждала ее с честью. Мара не знала, ощутит ли Мэгар ее жест, но все-таки низко поклонилась ей — так, что мягкие хвосты спутанных волос мазнули холодный пол. Ей показалось, что уголок рта старухи чуть дернулся, когда она разогнулась, но быть уверенной в том не могла. Ведьма отыскала взглядом свои сапоги, зашнуровала их потуже, а затем оглядела в последний раз пещеру, где по углам жили тени. В корзине, что стояла подле устланной шкурами лавки, осталось совсем немного кудели — нить уже практически полностью была намотана на веретено. Как и жизнь ее. Как и все то, что было ею пройдено.

Ведьма тихонько покинула пещеру Слепой Мэг, оставляя старуху наедине с ее мыслями и с ее ношей. Здесь она и впрямь не могла помочь — лишь разрушить могла, разломать. Со своею живой водой в дом чужой не ходи. Тебя излечит, а другого умертвит. Мара кивнула собственным мыслям, чувствуя, как что-то внутри становится на свое место, подобно кристаллам, что выпали из породы, а чья-то заботливая рука вкладывает их обратно, и они вновь вырастают в скалу. Тени провожали ее голодными взглядами, и где-то на доньшке их несуществующих глаз плескался страх. Все они сторонились той искорки, что теперь так жарко горела в ее груди — прямо посередине, у сердца.

Вспомнив о тенях, Мара нахмурилась. Она остановилась прямо на мостике через пропасть, замерла в полной тишине и прислушалась к себе самой. Мэгар сказала, что ее исцелили именно тени — стало быть, отныне они жили теперь в Маре. И как-то ведь контактировали со светлой энергией, не распадались от прикосновения... Женщина погрузилась в собственные ощущения, заставляя себя почувствовать каждую клеточку. Там, где раньше так неистово болело, сейчас была лишь пустота, не светлая и не темная — самое обыкновенное энергетическое поле, что окружает каждого из живущих на земле. Разломов не было, Мара осмотрела колдовским зрением весь позвоночник — поле вдоль него-то разошлось, словно земля без влаги, однако все было в порядке. Наверное, Мэг каким-то образом сделала не заплатку, а вшила энергию новыми нитями... Ведьма вновь обернулась к пещере, что темнела позади, и поклонилась той, что осталась среди теней. Не каждый колдун мог перестроить энергию так, чтоб она стала нейтральной — тем более такую древнюю. А Мэгар смогла, и сейчас Мара не сомневалась, что за каждую ниточку старая эльфийская ведьма заплатила едва ли не годом собственной жизни. И все равно спасла ее. Благодарю тебя, Знающая. За жизнь я отплачу твоему народу тем же самым. Если не тебе — то твоему народу наверняка.

Ноги едва держали ее, и Мара покачивалась, спускаясь по лестницам и переходам. Постепенно глаза привыкали к бледному свету, что после пещеры колдуньи казался едва ли не солнечным сиянием, и вскоре Мара с каким-то теплым чувством разглядывала уже знакомые переходы и арки, силуэты сталактитов и узоры созвездий под сводами пещеры, что на самом деле были кристаллами. Лореотт полюбился ей, и знать, что она никогда не вернется сюда, теперь стало странно. Она остановилась на одной из открытых лестниц, глядя, как фиалковый свет оглаживает белые силуэты статуй, высвечивая крохотные пылинки на поверхности и окутывая камень призрачным сиянием. Задумчивые лица безмолвных фигур были обращены друг к другу, и они словно вели диалог без слов, без единого звука и жеста. Среди них Мара чувствовала себя чужой — и невыносимо живой. Слишком остро живой для города, что, казалось, засыпал.

Ты останешься в моей памяти древней эльфийской сказкой, волшебным сном зачарованного ребенка, который никогда не найдет тебя — но уж точно навек запомнит. Останешься своими коридорами, бесконечными лестницами, рунами на стенах, что знали тысячи рук; светом кристаллов, древними тенями и теми, кто наполняет тебя жизнью. Не беспокойся — я сберегу тебя, белый город.

Она прощалась с Лореоттом — ей казалось, что сейчас самое время. Пусть Мэгавар дала ей еще день, пусть она могла провести здесь еще несколько часов — но сейчас должно было попрощаться с городом, что создавался великой ценой. Великую цену заплатили за его жизнь, и великую цену заплатят за его сон. И сейчас Мара как никогда ощущала, как сплелись нити судеб здесь, на этой земле — да и во всем мире. И она тоже была частью этого древнего узора, ниточкой, что стояла на своем месте, ниточкой в руках бога. И уж наверняка те руки походили на сухие ладони старухи Мэгавар, держащей веретено.

С легким сердцем она отвернулась от молчаливых статуй, сбегая по белым ступеням. Мара смотрела на Лореотт, и он казался ей древней печальной женщиной — не старой, но немислимо древней. А еще — душой, покидающей тело. Всякому телу — оставаться в земле, если оно согласно быть смертным. И Лореотт согласился уснуть здесь, в недрах заснеженных гор, навсегда уснуть. Здесь было его место. Душа города, заключенная в каждом из его жителей, совсем скоро покинет его — он знает это и принимает все, что начертано небом. А значит, все происходит верно.

Она и не заметила, как вышла к Дому Пришедших. В сердце сладко екнуло: где-то там, наверное, ныне была Даэн. Мара не знала, что произошло с Птицами после того, как сила выплеснулась из ее сердца, затопив собой все вокруг, но почему-то совершенно точно знала — с ее женщиной, сотканной из солнца, все в порядке. Беда не могла ее коснуться, сколько бы ни старалась, а потому Мара уверенно направилась к белым створкам двери, распахивая их настежь и выискивая взглядом такой знакомый и любимый силуэт.

И нашла. Даэн сидела на кушетке рядом с другими двумя Птицами и внимательно слушала королеву Шедавар, что расхаживала перед ними словно дикая кошка. На скрип двери Коршун подняла голову, и глаза ее расширились, когда она узнала в вошедшей Мару. Ведьму тут же накрыло безумной волной невероятной силы — столько было всего во взгляде Даэн, что Мара едва ли вспомнила, как дышать. Любовь, радость, нежность, что могла бы растопить древние ледники на пиках Наамаха, свет и бесконечная вера — все заплелось в ее глазах огромным солнцем, что сейчас грело Мару сильнее любого огня. Хвала тебе, Бессмертный! Ты уберег ее...

Ей хотелось броситься к Даэн, обнять ее покрепче и просто помолчать, слушая тихий

стук такого родного сердца. Видит Бессмертный, так она бы и сделала, если бы не королева Шедавар. Та, завидев ведьму, ехидно ухмыльнулась, переводя взгляд с нее на Даэн, а затем заявила как ни в чем не бывало:

— Ты как раз вовремя. Помилуетесь потом, голубоньки.

Девушка Атеа хихикнула. Шедавар наградила ее почти веселым взглядом. Почти.

— Я смотрю, ты уже веселиться можешь, наша маленькая шутница? Давно мы все вместе с тобой не смеялись, да? Особенно в присутствии ведьм, — Атеа почему-то побагровела до корней волос, а эльфийка вновь обернулась к Маре, — Ну, чего стоишь? Иди сюда, Знающая. Пока ты спала, кое-что изменилось. Из Гильдии прилетела птица, с письмом от Лорелей. Думаю, всем вам будет интересно.

===== Глава 28. Начало =====

В зале стояла такая тишина, что Шедавар могла различить гул наземного яруса далеко внизу, за толщами камня. Птицы переваривали полученную информацию, ведьма выглядела отстраненной, но удивительно светлой, а королева подземного города смотрела на чужеземок и думала о том, что, возможно, они переломят ход истории. И вместе с ними — она, и необратимый процесс уже начался, прямо здесь, прямо в этом зале, прямо сейчас. Все менялось, заплеталось что-то совершенно иное, а Шедавар ощущала, как весь мир сопротивляется, ворчит недовольной химерой, мотает седой головой из стороны в сторону — и не хочет, не хочет, не хочет верить в то, что его время уже прошло. И гласом старого мира стала Атеа:

— Лорелей с ума сошла?

Шеда усмехнулась, глядя на нее:

— Вот ты у нее об этом и спросишь. В любом случае, письмо лежит перед тобой, ты можешь внимательно изучить его, коль мне не доверяешь. А потом выскажешь все в лицо госпоже Старшей Птице — только меня позови: я с удовольствием погляжу, как она тебе все разъяснит. Договорились?

Девчонка метнула на нее взгляд, горящий злостью, и Шедавар чуть было не заурчала: златовласая пташка нравилась ей все больше. Она напоминала чем-то химеру — такая же своевольная, темпераментная, совершенно безумная. Эльфийка не сомневалась в том, что Атеа лишь корчит из себя дурашку, а на самом деле в такие моменты в ее голове выстраивается четкий и продуманный план действий. Да, иногда события выходили из-под ее контроля, но это было даже забавно — пока не появлялось угрозы для жизни окружающих и самой Атеа. Шедавар привлекали такие сумасшедшие женщины, хотя девчонке и было далеко до ее идеалов, под которые королева с давних пор подгоняла всех окружающих. Впрочем, это совершенно не мешало любоваться людьми со стороны, принимая их безоговорочно. Вот и сейчас она заворожено глядела в глаза Лебедю и наблюдала за тем, как пламя разгорается в смоле ее радужек. Девчонка наклонилась вперед, исподлобья глядя на Шеду, и золотой локон свесился с ее плеча вниз, мазнув колено девушки:

— Не договорились, королева. И письмо я изучу — с твоего позволения.

Она, не сводя взгляда с Шеды, дотянулась до невысокого столика, на котором лежал скрученный свиток пергамента. Даэн, до того времени молчавшая, задумчиво протянула:

— Не думаю, что получится, — она подняла глаза на Шедавар, — Не думаю.

— Почему? — почти по слогам поинтересовалась эльфийка, усаживаясь на кушетку напротив женщины. Та покачала головой.

— Все очевидно. Нас считают юродивыми от Креасса и до Тиннереда. Едва ли кто-то

пойдет нам навстречу — ты ведь сама говорила, что миру за Железным Трактом неведом ужас Дикой Охоты. Согласятся лишь в том случае, если произойдет чудо, какого свет еще не видел.

— Даэн, — королева поморщилась, словно от зубной боли, — Не разочаровывай меня... Неужто тебе — и не верить в чудеса? Неужто тебе — и идти на попятную, даже не попытавшись побороться?

Шедавар бросила быстрый взгляд на ведьму, сидящую рядом с Даэн, и Птица это заметила. Что-то промелькнуло на ее лице, тень понимания, и Птица, чуть нахмутив черные брови, потерла висок. Королева удовлетворенно кивнула самой себе — ныне она не сомневалась, что Коршун приложит все возможные усилия, чтоб исполнить приказ Лорелей. Ее Знающая сама была чудом, а посему она точно сумеет совершить то, чего до нее никто не делал. Меред, тихая и собранная, наконец подала голос:

— С твоего позволения, королева...

— Отбросим всю эту шелуху, девочка, — Шедавар с трудом подавила раздражение, поднимаящееся в груди, — Я не твоя королева. Так что давай, излагай быстро и по делу. И я уже говорила вам четверым: меня зовут Шедавар. Шеда. «Королеву» я могу принять от своего народа, но для вас я никто. Это если по сути, не в обиду вам. Я вас в битву не вела.

— Как скажешь, кор... Шедавар, — поправилась Меред, опуская голову. Эльфийка успела заметить румянец на ее щеках и едва сумела сдержать вздох: стриженная напоминала ей Ищущую, что только предстала пред очи важных особ и теперь мнется, смущаясь и нервничая. Впрочем, она понимала: торопить девчонку не стоит, а то она еще больше испугается, и потом слова из нее не вытянешь, — Прошу прощения — но я хочу еще раз уточнить нашу задачу. Это несколько... неожиданное решение, и мне бы не хотелось подвести Даэн, — стриженная склонила голову в сторону Коршуна. Вид у Меред был такой, словно она собралась взваливать на свои плечи Караласскую гряду. Шедавар фыркнула:

— Ох, боги мои. Поглядите на нее, маленькая героиня. Ты ведь действительно можешь подвести Даэн — задача и впрямь крайне сложна...

Щеки Меред расцвели, словно маковые цветы на склонах в июне, и вся она заметно напряглась. Посмеиваясь, Шедавар подняла ладони вверх:

— Ладно, пташка, не сердчай. Еще раз: твоя задача — забрать вот это стихийное бедствие из Лореотта, — она указала на Атеа, и девушка чуть было не зашипела в ответ, — И вместе с ней прибыть в Гильдию с докладом, который с вас и спрашивали. Разница лишь в том, что к Лорелей теперь пойдет не Даэн, а вы сами. Расскажите все, что знаете о Мертволесье, о диких... А там уж госпожа Старшая Птица решит, что с вами делать. Конечно, может без Даэн вам теперь будет тоскливей — но не маленькие уже, сами развлечетесь. Уяснила?

Меред неохотно кивнула, все так же хмурясь. Точно медведь. За всю жизнь Шедавар лишь однажды видела медвежонка — на севере отсюда, в Живом Лесу: тот неспешно ковлял вдоль берега ручья, смешно вытягиваясь вверх и нюхая влажным носом воздух. Юная Шеда замерла в кустах, наблюдая за зверьком, а потом откуда-то из чащи послышался громогласный рев. Эльфийка бежала так быстро, как никогда в жизни, и с тех пор зареклась бродить в Живом Лесу одна. А сейчас, глядя на Меред, она почему-то вспоминала того медвежонка, пушистого и тяжелого даже на вид, коренастого, крепкого — и неуверенного в собственных шагах. Давай, девочка. Ты уже достаточно выросла для того, чтоб отойти от своей защитницы и взять на себя ту же ношу. Все дороги рано или поздно расходятся, чтоб

потом снова переплестись. Пора. Из раздумий ее бесцеремонно выдернула Атеа:

— Так, — Лебедь бросила свиток на стол и устроилась на кушетке так, словно сама была здесь хозяйкой. Закинув ногу на ногу и скрестив руки на пышной груди, Атеа изогнула бровь, глядя на Шеду, — Допустим, это все не фикция, признаю. И приказ Лорелей относительно нас мне ясен и понятен. Вернуться в Гильдию, донести весть, все дела... А дальше-то что? Я не верю, что ты, королева, не обсудила с Лорелей дальнейшую нашу судьбу.

Шедавар отметила, как девчонка выделила слово королева. С ее языка оно сорвалось капелькой яда, что мог бы прожечь и толщи камня, но эльфийка знала: она прочнее скалы. Действительно прочнее. А потому, подавшись вперед, она лишь осклабилась в ответ:

— Я не господь-Бог, девица, чтоб еще судьбу твою обсуждать с Лорелей. Она-то тоже не Небесная Праматерь. Почем нам знать, доживешь ты до старости или до завтра? Не можем мы, златовласка, думать о том, как все в твоей жизни сложится.

Атеа хохотнула, поднимая подбородок и глядя на Шеду из-под полуприкрытых ресниц — да так надменно, что эльфийка вновь чуть было не заурчала. Вот же строптивая девка!

— О, почему же? Вы ведь решили отправить меня и Меред обратно в Гильдию, а нашего Коршуна вместе с госпожой ведьмой отсылаете бес знает куда. Значит, на нас у вас, вероятно, тоже имеются какие-то планы. Почему бы их не озвучить нам?

— Ну, на тебя у меня никаких планов нет, как и на твою подругу, — обворожительно улыбнулась ей Шедавар, — В моих планах — свой народ спасти, а вот что там в планах Лорелей — я уж не знаю. Поди спроси, да только сама. У тебя вон как раз возможность и повод есть — это ее приказ. Так что лети, лебедушка, и вот ее с собой прихвати, там для вас уже снежок у ворот расчитили, тропинку к обители Лорелей вытоптали...

— Хорошо, — спокойно ответила та, только в глазах ее бесы плясали. Она нагнулась еще сильнее, буравя Шеду взглядом, и тихо-тихо, безо всяких эмоций, выдохнула, — Как пожелаешь, моя королева. Я сделаю как ты хочешь. А потом вернусь да спрошу тебя еще раз.

— О, ну тебя всегда рады видеть в моем королевстве, — эльфийка прижала руку к груди, широко раскрыв глаза и предельно честно глядя на девушку, — Особенно в Доме Знающих.

Атеа лишь дернула уголком рта, и губы ее растянулись в кривой усмешке. Она хороша. И впрямь хороша. Шедавар отогнала от себя мысль, так невовремя закравающуюся в голову, а затем повернулась к Даэн и Маре.

Коршун все так же сидела, опираясь на колено, и о чем-то размышляла. Меж ее бровей залегла задумчивая складка, и Шедавар отметила, что женщина эта могла бы стать королевой — или главой своей Гильдии. За ней люди пошли бы хоть на край света, хоть по Звездной Тропе, что летними ночами мерцала в ночном небе над горными хребтами, хоть к самому сердцу земли. Даэн казалась ей надежной, непреклонной, твердой, и только она могла сделать то, что задумала Лорелей. Она и ее ведьма.

Колдунья Гарварнского леса впечатлила ее еще в первый раз, когда только появилась в Лореотте. Что-то в ней было такое, что заставило Шеду всматриваться гораздо внимательнее, чем обычно. Чужеземная Знающая вела за собой жизнь и смерть, что так причудливо сплелись в одну нить — однако сама пыталась разделить их надвое и оставить лишь жизнь для всего мира. Она казалась королеве сияющим кристаллом — оболочкой, проводящей магический свет. Земная женщина, которая несла божественную волю, в одной руке держала знамя войны, а в другой — знамя мира, и Шеда видела это так ясно, словно

прямо перед ней на ветру развевались полотна: черное и белое. Эльфийка почему-то верила: Мара сумеет справиться. Даже если останется совсем одна. Впрочем, ее рука почти касалась руки Даэн, и даже в этом Шедавар видела невероятную силу и нежность — пусть и нежность неприкосновения. И если Мара была мечом, то Коршун стала ее щитом, и разрушить его не сможет ни время, ни самые страшные битвы.

Даэн, потирая подбородок, выпрямилась. Полуобернувшись к Шеде, она склонила голову набок, внимательно разглядывая королеву:

— Ты считаешь, что это имеет смысл?

— Да, — не отводя взгляда, кивнула эльфийка, — Нас слишком мало. Действительно мало, и сами мы не справимся. Езжайте с миром — и уж попытайтесь договориться.

Коршун поднялась с места. Заложив руки за спину, она принялась прохаживаться по залу, неспешно шагая. Голос ее отдавался эхом от каменных сводов.

— Хорошо. Предположим, в провинцию Эллоина мы с Марой прибудем недели через три — при условии передвижения на лошадях, подводах, да хоть на чем. Главное, что не пеше. Что дальше?

— Лорелей хочет, чтоб вы поговорили с правителем провинции. Рассказали ему обо всем, что происходит за Железным Трактом, рассказали о том, что творится в Мертволесье. О масштабах всего этого кошмара. Если человек не глуп, то он выслушает вас. Убеди его вывести войска к границам. Убеди его дать тебе людей, Птица Даэн.

— Такого никогда не было, — вклинилась Меред, и Шедавар усмехнулась про себя: они с таким упрямством вцепились в былое, эти молодые девочки... — Государства Бар-эс-Тиллада никогда не ввязывались в войны Изломов!

— Ага, — Шедавар кивнула, преувеличенно серьезно глядя в глаза девчонке. Даэн поддержала младшую Птицу:

— ...И если даже король пойдет нам навстречу, его люди станут обычным мясом для бойни. Дикие их сметут.

— Именно поэтому ты просишь не только людей-воинов, но и человеческих ведунов, — перебила ее эльфийка, — Уж не знаю, сколько там правды в тех вестях, да только я слыхала, что при дворе состоят очень мощные колдовские общины, назовем это так. Испокон веков люди вели войны с лесными эльфами, да еще небо знает с кем, и за спиной армий всегда стояли ведуны, что создавали непробиваемые щиты, огненные кольца, зачаровывали оружие. Да, против эльфов это едва ли поможет — но вот против диких... — она покачала головой, — Ведуны сумеют ослабить диких, а воины-люди смогут помочь нам. Ты сама все прекрасно понимаешь, Даэн. Против Дикой Охоты ваша Гильдия, пусть и с племенем горных эльфов — вообще ничто. Мы не справимся. Нужно действовать — да так, как наши пращурь не действовали.

Коршун долго молчала, повернувшись спиной к окружающим и явно размышляя о чем-то. Шедавар смотрела на ее жесткие прямые плечи, на черную тугую косу, хвост которой доставал до поясницы, на ножны, в которых покоились Крылья — и видела птицу. Самую настоящую хищную птицу, сражающуюся со всем миром, рожденную, чтоб летать против ветра и побеждать. И верила в нее. В ее ведьму, что тоже сейчас глядела в спину Даэн из-под опущенных век. В себя верила — по сути, сейчас все они будут вести сложную и захватывающую игру, и Шедавар не знала, кому из них придется сложнее.

— Вопрос упирается во время, — Даэн повернулась к ним. Лицо ее было жестким, а взгляд — серьезным как никогда, — Есть ли у нас время до того, как Ярис будет в зените?

Что если Дикая Охота начнется раньше, чем мы доберемся до столицы? Или тогда, когда мы будем в пути?

Шедавар нахмурилась. Об этом она тоже думала слишком часто. Нынешний Излом сильно отличался от предыдущих, и предсказать, когда Ярис поднимется достаточно высоко, знаменуя начало конца, не могли даже Знающие. Слепая Мэг лишь что-то лепетала о рассыпанных сухих лепестках, что перемешались, о перепутанных нитях, о том, что сейчас все происходит слишком по-другому. В этом Шедавар, королева подземного города, ничего не смыслила — она была рождена для стали и битв, и разгадывать загадки ведьм не умела. Да и не больно хотела.

— Ну что ж... — она усмехнулась, пожимая плечами, — Если так произойдет, мы будем сдерживать их сколько сможем. Постарайтесь успеть.

Последнее прозвучало почти что просьбой, мягкой и тихой. Даэн некоторое время молчала, глядя в пол. Свет факелов и бледное сияние молочных кристаллов отражался в ее странных солнечных глазах, и тени танцевали на складках темной кожаной куртки, зашнурованной от горла до талии. Тени касались ее четко очерченных скул, темных кудрей, стянутых в косу, тени отражались бликами в серебряном изгибе фибулы, что обычно скрепляла плащ, на ее груди. Шедавар почему-то любила наблюдать за пляской света и темноты — в этом была неведомая, странная красота. Наконец Даэн распрямилась. В глазах ее читалась решимость.

— Добро. Значит, так тому и быть: Меред, Атеа, — стриженная встрепенулась, а Лебедь даже не посмотрела на Коршуна, словно это было ниже ее достоинства, — Отправляйтесь в Гильдию с докладом, чем скорее — тем лучше. Рассказываете все. Абсолютно все, начиная с Серой Топи и заканчивая Мертволесьем. От меня передадите, что приказ Лорелей приняла и отправилась его выполнять вместе с ведьмой. Доложите и о Маре — расскажите, кто она. Это тоже должно знать. Пусть Келерия услышит, что есть человек, который начнет новый оборот Колеса. Нам есть, за кем идти, — она взглянула на ведьму, серьезно — но в то же время тепло.

— Есть, старшая, — коротко бросила Меред. Атеа громко фыркнула и вдруг хищно заулыбалась:

— Ну, Меред, теперь-то госпожа Коршун не старшая нашего отряда. Стало быть, мы не обязаны отвечать ей в такой форме.

Даэн приторно улыбнулась ей:

— Госпожа Коршун по-прежнему остается старше тебя по званию. И по-прежнему может навешать тебе оплеух, если ты все-таки доведешь ее. А с учетом последних событий, у тебя есть все шансы. Я даже почти прошу тебя об этом.

Девушка окрысилась было, но Даэн уже не слушала ее. Не обращая внимания на Лебедя. Птица продолжила:

— В это время мы с Марой движемся вглубь Эллоина, ко двору правителя, и просим его о помощи. Просим о людях и ведунах. Дальше действуем по обстоятельствам. Я ничего не упустила?

Шедавар лениво подхватила свиток со стола, пробежалась взглядом по ровным строчкам, написанным убористым мелким почерком.

— Нет, ничего. Все согласно приказу Лорелей.

— Хорошо, — Даэн опустила левую руку на рукоять Крыла, чуть огладив кончиками пальцев гарду, — Будем молиться о том, чтоб боги дали нам время. Хоть немного времени.

Мы обязаны успеть.

Хорошо, что ты понимаешь это, Птица Даэн. Женщина вновь взглянула на Шедавар.

— Что же будешь делать в это время ты?

— Ох, за меня не беспокойся, — заулыбалась эльфийка, щурясь, будто кот, — У меня тут столько развлечений будет, что горевать и тосковать по вам я не стану. А если серьезно, Птица Даэн... Жрицы помочь мне отказались — стало быть, я сама отправлюсь в Аэль-Роадан с визитом к королеве. А заодно отправлю доверенных Ищущих к повелителям других кланов. Не знаю, что мне ответят, не знаю, согласятся ли они... Но без дела нам сидеть нельзя. Если боги будут благосклонны ко мне, я уведу эльфов из подземелий до начала Дикой Охоты. Если нет... — в груди тяжестью налилось сердце. Шедавар заставила себя отогнать паршивые мысли, — Если нет, клан Вар выйдет вместе с вами, как бы там ни было. Думаю, что в этом случае другие кланы рано или поздно поймут, что в наших городах больше небезопасно, и тоже выступят против Синеокой со временем. Хотя я и надеюсь на их поддержку уже сейчас.

Даэн слушала ее, изредка кивая или склоняя набок голову, будто подмечая что-то для себя. Шедавар умолкла, обдумывая все, что только что было сказано в этом зале. Шансов на успех у каждой из них оказалось не так уж и много — по крайней мере, весь их план звучал абсурдно. Королева понимала это, однако отступать не собиралась. Что с того, что против нас стоит стеной весь мир, отгородившись и закрывшись? С нами небо — а значит, все мы справимся. Она не сомневалась, что для Меред и Атеа глава Келерийской Гильдии приберегла свои задания, но о них не ведала. Как и не сомневалась в том, что еще встретится со златовласой девицей, но не ведала, когда и при каких обстоятельствах.

Словно читая ее мысли, Даэн подытожила:

— С нами боги, Шедавар. Они помогут.

— Знамо дело, — пожала плечами королева. Больше говорить было нечего, и ей отчаянно хотелось удалиться в свои покои, хоть и общество Птиц совершенно не досаждало ей. Однако ей нужно было все обдумать. Впрочем, один вопрос оставался не разрешенным — и внутри Шеды все приятно затрепетало: так всегда бывало, когда ей выпадала возможность еще чуть-чуть поиграть. Предвкушая дальнейшее, Шедавар заухмылялась и обернулась к Атеа, — Есть еще кое-что. Я не уведомила Лорелей о белокурое довеске, который вы потащите за собой, дамы, — говорила она это, адресуя слова непосредственно Атеа, и девчонка впиалась в нее цепким злым взглядом, — Удержать ее я не смогу, а посему если она пойдет с вами до самой Гильдии — это уж ваша забота. Возможно, она окажется чем-то полезной, даже очень. Недаром Мэг звала ее своим продолжением, самой сильной ведьмой нашего племени...

Мара как-то разом встрепенулась и словно напряглась, подняв взгляд на эльфийку и непонимающе хмуря тонкие, с изломом, брови. Королева, хмыкнув, ответила ей на незаданный вопрос:

— Об этом пикантном случае тебе поведаст Птица, Знающая. В любом случае, это касается их двоих, не тебя. Но это, конечно, забавно, да.

Мара не опускала пристального взгляда, но королева уже и не видела того. Поднявшись с кушетки, Шедавар подошла к Даэн и хлопнула ее по плечу.

— Что же, Птица Даэн... Покуда отдохните до рассвета — а там начнем дорогу. Каждая свою. Перед вашим уходом я зайду, с вашего позволения, попрощаюсь что ль.

— Ты, оказывается, сентиментальная, королева, — мурлыкнула Атеа, но в глазах ее

танцевали недобрые искры. Шедавар ухмыльнулась ей в ответ, не сомневаясь в том, что улыбка произведет нужное впечатление:

— Ты даже представить себе не можешь, насколько. А уж как по тебе буду рыдать — так этого не передать вообще никакими словами. И вместе со мной весь Дом Знающих в слезах утонет.

Меред впервые на памяти эльфийки хихикнула — правда, нервно и как-то неуверенно. Даэн улыбнулась Шеде, хоть и королева видела: Птица напряжена и задумчива, и тут уж ничего не попишешь. Сейчас наступало тяжелое время — и все они понимали это.

— Мы покинем тебя, королева — нам и впрямь стоит отдохнуть. Да и тебе.

Шедавар поднялась с кушетки, разминая затекшие плечи.

— Ну, формально это я вас покидаю, пташки, и удаляюсь к себе. Доброго вам вечера. Не засиживайтесь особо долго.

Меред что-то пробормотала в ответ, а свистящий полусшепот Атеа прокатился по обнаженным рукам Шедавар, будто бы не слова, а шелковый платок. До встречи, моя королева. Эльфийка почти чувствовала, как Лебедь раздевает ее не то что взглядом — речами, и обнимает, прижимаясь разгоряченным телом, чтоб в следующий момент с хохотом умчаться куда-нибудь. Одним своим видом она дразнила всех окружающих, но поддаваться этому Шеда не собиралась. Видала таких, и не единожды. Пока что ее занимала лишь опасность, что нависла над ее краем — а когда все закончится, можно будет поглядеть по сторонам да полюбоваться на таких вот девок. Пожалуй, на Атеа она бы действительно поглядела еще разок. Под другим углом. И возможно, с другой стороны.

В ее покоях стояла мягкая тишина, которую королева так любила. Шедавар прошла вглубь комнаты, туда, где пряталась неприметная дверка. За ней находился еще один зал, почти что крохотная келья, в которой была лишь кровать, стол с плетеным креслицем напротив да чаша с чистой водой для омовения. Шеда медленно подошла к чаше, склонилась над ней и зачерпнула воду в ладони. Прохлада коснулась щек и лба, капли сбегали вниз по скулам, скатываясь по шее за шиворот и посылая мурашки по телу. Шедавар, рожденная здесь, в недрах холодных гор, не боялась ни ледяной воды, ни прикосновений морозных ветров — напротив, любила свежесть и холод, от которого зубы сводило. В колеблющемся зеркале воды ее отражение размывалось, разбитое и ломанное, но с каждой секундой потревоженная гладь становилась тише и вскоре совсем замерла.

Из чаши на эльфийку смотрели внимательно золотые глаза — не только ее, но и глаза всего ее народа. Она берегла память тысячей жизней, хоть и сама не ведала о ней. Каждый эльф несет в себе все свое племя, по крохотной частичке, говорила ей Мэгавар когда-то давно, и науку старой ведьмы Шедавар берегла. Оставалось лишь вынести все, что им начертано, оставалось лишь уберечь каждого из тех, кто так или иначе вплелся в жизнь племени. А уж потом... Потом будет и солнце, и златоглазые дети, чьи волосы растреплют ветра с южных холмов, будут и самые красивые женщины с медовыми губами и медовыми очами, острые на язык и жаркие на поцелуи. Будут города с башнями до самых звезд, будут поля, засеянные золотым зерном, венки из диких цветов и звенящие ручьи. Буду я.

В белый город прокралась ночь на мягких лапах, заползая в каждый дом, в каждую келью. Королева спала, и ей снились чудеса, дивные сказки, рассказанные старой слепой ведьмой — что тоже ныне дремала, нашептывая сны городу. В пальцах ее лежала ветхая нить, бесцветная, серая, да только была она крепче стальных канатов, крепче корней самых старых деревьев. И город пока еще дышал. Город спасался.

В покоех, где почивала ведьма Гарварнского леса, пахло дикими травами. Факелы давно погасли, и мягкий дым витками распускался в темноте, словно лепестки призрачного цветка. На стене танцевали тени, сплетаясь в одну все теснее и крепче, все неразрывнее, становясь одним целым. Тихий шепот нарушал тишину, но никто того не слышал, кроме двоих, для которых не существовало иного мира.

Ее тело под руками было горячим — едва ли не самим пламенем. Даэн смотрела на нее снизу вверх, смотрела, как смоляные пряди ее волос соскальзывали с белых плеч, падая на высокую грудь с твердыми темными сосками, покрытую мурашками, смотрела, как она откидывает голову назад, иступленно шепча ее имя — и задыхалась. Хоть и темнота обнимала их, а в глазах Мары горело солнце, и Даэн молилась лишь о том, чтоб этот свет никогда не гас. Никогда.

Даэн сцеловывала соленые крохотные капельки с ее напряженной шеи, с ее ключиц, вдыхала ее запах, и Мара билась в ее руках живым огнем, выгибаясь все сильнее. Ее крик мог бы перебудить весь город — но Коршун знала, что камень не пропустит ни звука. А если бы и пропустил... ей было плевать.

— Не отпущу, не отпущу!..

— Не отпускай...

Она склонилась над Даэн низко-низко, ослабшая, дрожащая, пахнувшая вереском и полынью.

— Не отпускай. Пожалуйста.

Она целовала, и губы ее были нежными и теплыми, сладкими и терпкими. Она целовала все горячее, и Даэн забывала обо всем на свете. Никогда. Никогда и никому я тебя не отдам. Хартанэ и все боги мира — тому свидетели! Потом она обнимала, да так, словно пыталась слиться с Даэн воедино — и та тянулась к ней всей собой, каждой клеточкой, каждой частичкой себя. А потом темноту разогнало солнце, распустившееся лучами-стрелами под веками.

Я люблю тебя.

Слова, сказанные не устами, утонули в шорохе дыхания и гулком стуке сплетенных сердец. А над горными хребтами начинался зимний рассвет нового дня — дня, когда по стенам бывшего мира поползла первая, едва заметная крохотная трещинка.

— Я хочу, чтоб ты была рядом, когда Колесо повернется.

— Всегда.

===== Глава 29. Услышанные молитвы =====

Утро выдалось пренеприятнейшим. Холодный ветер задувал за шиворот, как бы туго Меред ни пыталась зашнуровать куртку, а длинной косы, чтоб хоть как-то прикрыть затылок, у нее не было. Щеки, покрасневшие от мороза, нещадно жгло, и некоторое время девушка пыталась себя убедить в том, что ныне — ясный летний день, и что кожу она сожгла на солнце. Однако ледяные ветра очень быстро умили ее фантазию, и сейчас она лишь втягивала голову в плечи, надеясь, что поднятый воротник хоть как-то поможет.

Они стояли на узком плато, прямо перед входом в подземелья Лореотта — вчетвером. И подобравшейся компании Меред была совершенно не рада: Тэаргавар не забыла о данном ей слове Меред, и теперь молодая Птица ощущала ее взгляд спиной. Ведьма подмечала каждое ее движение, она могла бы поклясться в этом. Атеа, топчущаяся рядом, то и дело косилась на Знающую, и чутье подсказывало Меред, что путь к Гильдии им предстоит отвратительный — Лебедь наверняка что-нибудь выкинет. Вот наверняка. В довершение всего, на плато

кроме них троих стояла Аллэивар, которую королева отправила провести их до пиков Наамаха. С одной стороны, ее присутствие действительно гарантировало то, что до Келерии они доберутся быстро: Ищущая знала здешние горы как свои пять пальцев, и им не придется отыскивать верное направление и плутать среди заснеженных склонов. Да и верхом на химерах идти по горам было значительно удобнее...

С другой стороны, Меред все еще не простила эльфийке ее поведения с самого начала — и прощать не собиралась. Ищущая и сейчас ухмылялась ей, чуть щуря единственный целый глаз, и Меред ощущала себя зверьком, загнанным в ловушку, которого окружили охотники. И девушка что есть сил пыталась понять, какое же из трех зол будет наименьшим.

Королева зашла к ним утром, когда Меред только продрала глаза. Вместе с Шедой пришла и Знающая — молчаливая, холодная, напоминающая мраморную статую. Ведьма переделалась — вместо длинных накидок на ней теперь были теплые серые штаны, заправленные в высокие сапоги все того же пепельного цвета, да длинное пальто с разрезами на передней стороне ног. Чтоб ездить верхом было удобно, сообразила Меред, разглядывая ее. Лицо Тэаргавар все так же скрывал глубокий капюшон, и Птица видела только ее бескровные губы да кончик точеного носа. Через плечо ее была переброшена небольшая походная сумка — словно ведьма собралась на утреннюю прогулку, а не в долгий поход.

Пока Птицы собирались, Шедавар безмятежно рассказывала им о том, что в горах Лореотта сам бес ногу сломит, и с каждым ее словом настроение Меред портилось все больше. Если королева не шутила, они рисковали заблудиться среди многочисленных перевалов и хребтов. Атеа, демонстративно медленно затягивающая шнуровку на груди, в упор взглянула на Шеду:

— Выходит, нам предстоит опасный путь? И тыпустишь нас самих, блуждать в этом стылом холоде? А вдруг мы погибнем, не сумев найти дорогу в Келерию?..

Шедавар тяжело вздохнула, деланно хмурия брови:

— Да, такой потери весь мир не перенесет... Конечно, Знающая вам совсем не поможет, нет. Придется мне, наверное...

Она выдержала паузу, не глядя на Птиц. Меред украдкой взглянула на Атеа — и тут же отвернулась: девушка, хищно улыбаясь, подошла к королеве немного ближе, чем того требовал этикет.

— ...Пойти с нами?

— Конечно нет! — ухмыльнулась Шеда, размашисто хлопая девушку по плечу — да так, что Лебедь пошатнулась, — Отправить с вами Аллэивар! До пиков Наамаха она вас проводит, так уж и быть — а там не потеряетесь. Все же в тех краях уже начинается ваша территория. Должны знать, как-никак.

В тот момент Меред втайне порадовалась тому, что все так сложилось: ей не хотелось видеть, как Атеа начнет отираться вокруг королевы, закатывая глаза и мурлыча с придыханием. Шедавар была действительно красивой, сильной, мудрой — не одной из тех пустышек, с которыми Лебедь развлекалась в Гильдии. И почему-то от этого становилось вдвойне больней. Как будто боги лишней раз показывали ей, что у нее, обычной, ничем не примечательной молчаливой девушки, шансов нет. Что есть другие — лучшие. И ныне она хотя бы не будет видеть, как Атеа в очередной раз упорхнет вместе с вот такой, лучшей, оставляя Меред замерзать в одиночестве.

Лишь теперь она поняла, что общество Аллэи — не самая лучшая альтернатива.

Эльфийка внешне выглядела совершенно спокойной, но глаза ее как-то странно блестели, когда их взгляды ненароком сталкивались, и это нервировало Меред. Она пыталась убедить себя, что все в порядке, что ей лишь мерещится, но напряжение не желало отпускать плечи, и Птица то и дело поводила руками, стараясь разогнать ощущение скованности. Не помогало. Если бы Даэн шла с нами, было бы проще. В присутствии старшей Меред чувствовала себя спокойно и даже комфортно — Коршун могла и поддержать, если требовалось, и на место поставить. Но сейчас их пути расплетались, и молодая Птица действительно жалела об этом.

Впрочем, Даэн тоже пришла к ним прощаться — вместе с Марой. Когда они вошли в комнату, отведенную Птицам, Меред невольно залюбовалась ими: казалось, будто они знают великую тайну, и тайна эта проросла в них дивным волшебным цветком с солнечными лепестками, пустила корни сквозь них и сплела их в одно существо. Меред знала — так бывает, но никогда такого не видела. И потому ей отчаянно захотелось опустить глаза, спрятаться — слишком уж таинственным, слишком личным казалось ей то, что она видела в них, то, чему она бы и имени дать не сумела.

Куртки на Даэн не было — лишь темно-коричневая рубаха, застегнутая под горло, да штаны с сапогами. Видимо, они с ведьмой выдвинутся чуть позже. Коршун остановилась перед ними, заложив руки за спину, и со слабой улыбкой оглядела их.

— Готовы к дороге?

— Так точно, старшая, — улыбнулась ей в ответ Меред, похлопывая по заплечному мешку, где уже лежало походное скрученное одеяло, точильный камень, промасленные свертки, бинты и провизия. Атеа закатила глаза и цокнула языком, заслышав ее обращение к Коршуну, но Меред не обратила на это никакого внимания. Она бесконечно уважала Даэн — даже если та больше не руководила их отрядом, отношение девушки к ней никоим образом не менялось.

— Славно, — Коршун тоже не удостоила Атеа взглядом, — Поклонитесь от меня Гильдии. Меред, — она метнула острый взгляд на девушку, и та вся подобралась, привычно разворачивая плечи и поднимая подбородок выше. Даэн усмехнулась, но тут же посерьезнела, — Я рассчитываю на то, что вы донесете до Лорелей все максимально правдиво и четко. Без домыслов, как есть. Понято?

— Так точно, старшая!

— Боги, Меред, это уже лишнее, — Коршун чуть заметно поморщилась, но глаза ее оставались добрыми и светлыми, — Но мне приятно, что науку Наставниц ты хорошо усвоила.

Меред лишь склонила голову, неуклюже пожимая плечами: она не считала себя хоть сколько-то хорошей Танцующей, зато точно знала, кто из Птиц Келерийской Гильдии заслуживает уважительного отношения. Даэн, несомненно, была одной из таких Птиц. Тем временем женщина отступила назад и, обращаясь к ним, возвысила голос:

— Доброй дороги вам, Птицы! Надеюсь, что вьюга не застанет вас в пути, и дорога будет легкой.

— И тебе не сломить ногу по дороге к Эллоину, — кисло протянула Атеа, — И чтоб дикие за вами вдогонку не гнались.

— Вот уж спасибо, — скупой улыбнулась ей Даэн. Меред решила было, что сейчас случится прощальная перебранка — однако Хартанэ уберегла. Коршун исподволь взглянула на Мару, и ведьма, мягко улыбнувшись, кивнула Птицам:

— Пускай Бессмертный вас сохранит, где бы вы ни были. И надеюсь, что дороги наши пересекутся еще. Берегите себя и друг друга.

— Благодарю тебя, госпожа Мара, — Меред поклонилась ей. Глаза ведьмы потеплели, и она резко дернула плечом, словно говоря — не стоит. Атеа пробормотала что-то невнятное, но колдунья не стала переспрашивать: они с Даэн, еще раз кивнув им, покинули комнату, и дверь с тихим гулом захлопнулась, отделяя их двоих от молодых Птиц и Знающей, безмолвно замершей у дальней колонны. Меред смотрела вслед старшей, чувствуя странную тоску и даже печаль. Она привязалась к тавранке всем сердцем, хоть и не высказывала этого никогда. Молодая Птица вообще слишком быстро привязывалась к тем, кого считала «своими» — и ныне ей пришлось приложить усилие, чтоб отогнать непрошеную грусть.

Все равно мы встретимся, непременно встретимся! Хартанэ, услышь меня — сохрани их в дороге, укрой Своими крыльями и дай им Свою защиту!

Теперь, когда за спиной темнел вход в подземелья, где осталась Даэн, Меред особенно остро ощутила, как ей будет не хватать старшей. Впрочем, девушка вскоре взяла себя в руки. Прикрыв глаза, она глубоко вдохнула колкий морозный воздух, впуская в себя тишину и холод. Мы — Птицы Келерии, и мы принадлежим своей Богине и Ее воле. Не себе самим — лишь ей. Каждая из нас в Ее руках, стало быть, всех Она уберезет. Атеа рядом выглядела так, словно собиралась собственноручно стирать горы в песок своими хрупкими ладошками — стояла она прямо, гордо вскинув подбородок и чуть щуря медовые глаза. Губы, сжатые в нитку, побелели. Меред осторожно тронула ее за запястье.

— Эй, все в порядке?

— В порядке, — буркнула та, а затем, метнув недовольный взгляд на Аллэи, возвысила голос, — И вообще-то, раз уж королева выделила нам провожатую, мы не должны вроде как стоять, не так ли?

— Мы ждем коняшек, — безмятежно сообщила ей Аллэивар, покачиваясь с пятки на носок.

— Коняшек? — Атеа изогнула бровь дугой, а Меред уже мысленно взмолилась Хартанэ, чтоб их путешествие поскорее закончилось.

— Ага, — утвердительно кивнула эльфийка, — Таких крупных, с рогами и когтями. С ними сподручнее, знаешь ли.

Меред еще краем уха слышала, как Атеа начинает как всегда ворчать что-то в своем стиле, но обращать на это внимание ей не хотелось — поэтому девушка отошла к самому краю выступа, который чуть выдавался вперед, нависая над пропастью. Белая долина кое-где пестрела серыми щебневыми насыпями не устеленных снегом склонов, острыми обледенелыми пиками и перевалами, с которых снега сходили вниз, в каньоны. Птица замерла на самом краю, щурясь от холодного ветра, размашисто хлещущего ее по щекам. Таковую бы тишину — да влить в уши, чтоб не слышать их. Голоса женщин и впрямь стали далекими — все заглушил заунывный вой, эхом разносящийся над долиной Лореотта. И этому Меред была несказанно рада: слишком уж она устала от суеты, от лиц и шума, такого ненужного и монотонного. И ей так хотелось наконец побыть в тишине.

Звонкий окрик грубо вернул ее в реальность из этой тиши, до которой она с таким трудом пробивалась сквозь толщи звуков и образов. Голос Атеа разбил хрупкую оболочку покоя на мелкие осколки, так, как мальчишки-подмастерья в стекольных лавках разбивают прозрачные заготовки, случайно выпустив их из пальцев. Скрипнув зубами, Меред обернулась к девушке, мысленно воззвав к Богине и прося Ее о покое. На плато уже

выбрались две химеры, в одной из них Птица узнала зверя Аллэи. Эльфийка, натягивая на руки перчатки из заячьей шкуры, бросила взгляд на Меред.

— Так, пташка, поедешь со мной, как и в прошлый раз. Зверь тебя знает, поэтому непредвиденных ситуаций у нас не произойдет, — Меред недоверчиво покосилась на химеру. Та выглядела совершенно апатичной, словно ей никакого дела не было до того, что происходит вокруг. Аллэи, заметив это, с самым честным выражением лица добавила, — У Знающей свой зверь, вот он спокойный — потому с ней поедет твоя подружка. Она, если я правильно понимаю, склонна ко всяким фокусам, а с Йэн это лишнее.

Конечно. Можно было бы догадаться. Меред сухо кивнула и, ни слова не говоря, подошла к химере. Глаза-плошки мигнули, пристально изучив ее, и зверь гулко заурчал, словно узнал ее. Хотя и впрямь, скорее всего, узнал. Аллэи взяла Йэн за поводья, заставив ту подогнуть лапы и присесть на снег, чтоб Меред вскарабкалась ей на спину. Ногами она тут же ощутила ремни, которые Ищущая затягивала, проверяя крепления. Когда девушка выпрямилась, сжав химеру ногами, чтоб не соскользнуть с нее, эльфийка лихо перемахнула через зверя — почти не коснувшись рукой хребта создания. Она устроилась позади Меред, прижавшись к ней всем корпусом, и девушка ощутила, как щеки заливаются краской от стыда. Тяжелая крепкая рука по-хозяйски обняла ее за талию, а хриплый голос жарко обжег ухо:

— Чтоб не свалилась, помнишь? Держись покрепче, стриженная, — свободной рукой Аллэи тронула поводья, при этом прикрикнув, и Йэн мягко и размашисто тронулась с места, переходя с шага на неспешный бег.

Краем глаза Меред заметила какое-то движение слева и чуть повернула голову, чтоб разглядеть. Чуть позади них трусила химера Знающей — ведьма сидела впереди, направляя зверя, и Меред видела тонкие руки в темно-коричневых рукавах, обвивающие талию Тэарги. Интересно, и с ней ты попытаешь счастья? Горечь в груди больно обожгла, и Меред отвернулась, стараясь не думать об этом. Ведьму Атеа, судя по всему, остерегалась, а потому вряд ли будет крутить хвостом перед ней. Да и Знающую вряд ли можно было этим заинтересовать. Ее цели все еще были непонятны Меред, и девушка не доверяла странной колдунье. Ветер, бьющий в лицо, почему-то не срывал капюшона с ее лица, и Птица поежилась — кто знает, что скрывалось под светлой тканью, и кто знает, какими силами эта ткань держалась?

Даже плотная кожа форменной куртки Келерийской Птицы не спасала от холода. Меред вся сжалась, неосознанно прижимаясь к эльфийке сильнее — а та лишь крепче обняла ее. Спиной девушка чувствовала тепло чужого тела, осязаемое даже сквозь слои одежды, и от этого ей было не по себе. Несколько раз ей казалось, что рука Аллэи едва ощутимо оглаживает ее бока, а сама эльфийка наклоняется вперед чуть сильнее, и тогда ее дыхание опаляло затылок, ероша короткие прядки волос. В такие моменты ей хотелось сквозь землю провалиться — лишь бы оказаться подальше от этой женщины и от ее рук, отстранить которые не было никакой возможности. Меред ощущала жгучие волны ярости, обиды и странной боли, не похожей ни на одно другое чувство. Почему другие — но не ты? Почему? Знающая на своей химере вырвалась вперед, и сквозь полузакрытые веки Меред видела золотистую кудель, растрепанную ветром. Почему же не ты?

Мир вокруг не менялся — все те же белые склоны, серые острые камни и низины, запорошенные снегом. Пару раз Меред видела тонкие тропки следов, стекающие по горам куда-то вниз и прячущиеся меж скал. Наверное, эльфы других городов. Или даже из

Лореотта. Мысли путались, словно золотистые прядки волос Атеа, и если сначала Меред пыталась бережно распутать непонятный ворох образов и обрывков воспоминаний, то теперь лишь отстраненно отмечала их, не задерживаясь подолгу на каком-либо. Ей не хотелось ничего — и одновременно хотелось совершенно иного. Быть не здесь. Быть в других руках — а лучше держать самой, накрепко, чтобы она не боялась ничего. Смотреть на нее всю жизнь и ощущать ее тепло рядом столько, сколько боги им отмеряли. Но тысячи преград высились перед ней древними бастионами, которые взять не смогло бы ни одно войско. А уж одна Меред — и подавно.

— Что ты так замерла, пташка? Будто воробушек в когтях у кошки, — хрипый полусшепот Аллэи, звериный и хищный, грубо выдернул ее из размышлений. Девушка еще больше напряглась, не поворачиваясь к эльфийке — знала: стоит обернуться, и взгляд одноглазой женщины прожжет ее насквозь, словно кровь земли.

— Я — не воробушек, Ищущая, — бросила она, даже не пытаясь перекричать гудящий в ушах ветер. Впрочем, Аллэи услышала ее. Хватка эльфийки стала еще сильнее, и поясницей Меред ощутила ее бедра.

— А кто же ты, а, стриженная?

Меред не выдержала. Подавшись вперед, она резко обернулась к Ищущей, ухмыляющейся словно бес. Улыбка сползла с лица эльфийки так, словно ее и не было, и Птица, глядя прямо на нее, отчеканила:

— Не та, с кем ты будешь так вести себя. Ищущая.

Наверное, что-то было в ее голосе или взгляде — но лицо Аллэивар вдруг окаменело, и рука на поясе Меред замерла. Она склонила голову, разглядывая Меред единственным глазом, а девушка вновь отвернулась, поднимая плечи и сутулясь. До самого привала эльфийка больше не пыталась провоцировать ее, ровно сидя позади и обнимая Птицу настолько, насколько требовала ее безопасность.

Ноги после долгой скачки затекли, а бедра болели так, словно она весь день приседала да отработывала связки шагов учебного Танца. Атеа, буквально сползшая с химеры, поковыляла к ней, как только они остановились, и на лице Лебеда читалась ненависть ко всему миру. Как только девушка приблизилась к Меред, на ту сразу же обрушился поток возмущений:

— Богиня, какого беса?!..

— Определись, — устало бросила Меред, медленно нагибаясь вперед и дотягиваясь кончиками пальцев до колючего холодного снега.

— Что? — Атеа непонимающе вззрилась на нее.

— Богиня вряд ли ведаёт о бесах. Так что реши, к кому взываешь.

— Ишь ты, острячка нашлась, — огрызнулась девушка, повторяя движение подруги — впрочем, слишком быстро. Разгоряченное тело на холоде быстро остыло, а потому в следующий миг Атеа взвыла, хватаясь за спину, — Да какого же беса?!

— Определилась, — подытожила Меред, так же медленно разгибаясь, и с беспокойством оглядела Лебеда, — Тебе помочь чем-то?

— Зарежь меня! — рывкнула Атеа, быстро растирая ладонью поясницу, — Зарежь и скорми этим бесовым химерам! Боги, ненавижу их... И эльфийки эти, прости меня, Богиня...

— Ты бы потише говорила, — с укором пробормотала Меред. На душе почему-то было паршиво, и она сама не могла понять, почему. Ей страстно хотелось всю дорогу оказаться

поближе к Атеа, послушать ее нелепые разглагольствования и ощутить это родное, такое знакомое раздражение — всегда светлое и какое-то... легкое. Даже славное. А сейчас присутствие девушки рядом вдруг оказалось странно болезненным, словно та большими глотками пила Меред, осушая ее до дна. Хотя, наверное, так и есть, милое мое, драгоценное мое проклятие. Играй. Сколько тебе нужно — играй. Все в руках Богини.

Атеа фыркнула. Мышцы, схваченные судорогой на холоде, видимо, все же отпустило, и теперь Лебедь выглядела так же, как всегда — вечно недовольная всем и всеми красавица с выгнутой дугой бровью и сардонической кривой усмешкой.

— Плевать мне. Они все равно заняты, — она бросила косой взгляд за спину. Аллэивар о чем-то негромко переговаривалась с Тэаргой неподалеку, но Меред не могла и слова разобрать. Да и не хотела. Атеа вновь повернулась к ней, — Ладно. Бес с ними. Довезут до Наамаха — а там наконец отделаемся от них. И будем с тобой вдвоем, как в старые добрые времена, а, Меред?

Она взъерошила короткие пряди волос Меред, чуть прихватив их цепкими пальцами и больно дернув. Девушка инстинктивно дернулась за рукой, вскидывая голову, но Атеа уже заковывала прочь к химере, возле которой ждала Тэарга — долгий привал еще впереди, нынче они лишь ноги размяли.

Мы никогда не будем с тобой вдвоем — как бы сильно я того не желала, как бы сильно о том не просила.

Вновь потянулись цепи скал, изредка перемежающиеся узкими низинами и руслами замерзших ручьев. Кое-где в сердце гор попадались крохотные долины, поросшие ельниками и сосновыми рощами, и заснеженные шапки деревьев напоминали пушистые шкуры белых зайцев. Меред глядела на них, ощущая мир так остро — и от того было тоскливо и больно. Ей хотелось тишины и покоя, светлых сказок под пером в ее ветхой старенькой тетрадке и хорошего табака. Хотелось дома с маленькой печуркой, пахнущего хлебом и теплом. Хотелось Атеа, такой вот, какая она есть — но только в сотни раз ближе, рядом, вместе...

И ничего из этого у нее не было.

Совсем как на первом посвящении, да, Меред? Отдай все — получишь во стократ больше.

Правда, в это больше она с каждым днем верила все меньше. Богине, видимо, было мало ее даров — или просто не было дела до ее молитв. Но с каким-то неведомым упорством она продолжала каждый день, данный ей, просить и всем сердцем верить в то, что однажды все сбудется. Однажды, когда-нибудь, обязательно, точно...

Они остановились еще раз лишь через несколько часов — да и то, перекусить побыстрому. Знающая вынула из своей сумки странную бутылку — всю из какого-то металла, литую, большую. Отхлебнув из нее, ведьма передала ее по кругу, и когда очередь дошла до Меред, девушка с удивлением и радостью обнаружила, что в сосуде — ароматный горячий чай. Ворожба? Вода неведомым образом оставалась теплой, и это казалось ей странным, но Меред, отбросив осторожность, сделала несколько больших глотков, прежде чем вернуть бутылку Знающей. По телу разлилось приятное тепло, отозвавшееся покалыванием в ногах. Горячий чай сейчас действительно лишним не был. Потом Аллэи раздала всем куски солонины и несколько ломтей сыра, тоже соленого. Меред ела с удовольствием — голод уже не раз давал о себе знать. Покончив с трапезой, они вновь двинулись в путь, оставляя долину Лореотта далеко позади.

Вечер подкрался к ним незаметно, в тот самый миг, когда химеры взобрались на

длинный горный хребет, изгибающийся плавной волной. К тому времени ноги у Меред окончательно задеревенели, и с крутого бока химеры девушка едва ли не свалилась в снег, со стоном ослабляя ремешки креплений. Атеа была в подобном состоянии и даже не стала никому высказывать свое недовольство, за что Меред возблагодарила богов. Дорога оказалась тяжелой даже для них, привыкших к долгим нагрузкам, а потому слушать сейчас нытье Лебеда было выше сил молодой Птицы. Знающая вместе с Аллэивар развела костер, и вскоре они вчетвером сидели у огня, стараясь как можно ближе подсесть к пляшущим языкам пламени. Меред вынула свое одеяло, и Атеа последовала ее примеру — теперь они кутались в одеяла, стараясь унять дрожь. Эльфийки тоже набросили на плечи шерстяные толстые плащи, прижимаясь спинами к своим химерам — да только они выглядели так, словно сидели где-то у домашнего очага. Разговоры не клеились, и после скудного ужина, прошедшего в молчании, Аллэивар проворчала:

— Ладно, давайте спать, пташки. Путь сложным был, нам отдохнуть надо бы, — она завернулась в свою накидку, устраиваясь поудобнее под боком у Йэн. Метнув косою взгляд на Меред, она тихо добавила, — Если замерзнешь, стриженная — подвигайся ко мне. Я не укушу.

Меред кивнула в ответ, стараясь выглядеть спокойной и умиротворенной. На самом деле, в груди что-то царапалось, скреблось, жалобно скулило, и Птица гнала от себя глупое чувство как могла. Да только никуда оно не девалось, голодное и жадное — вцепилось в самое сердце да так и сидело, впиваясь в него клыками и когтями. И Меред понятия не имела, что с этим ей делать.

Она и сама не заметила, как сон подобрался к ней скрипучим шагом Туманной Сказительницы, накрыл ее теплыми ладонями и спрятал от кошек, скребущихся там, в груди. Тишина, о которой Меред так долго молилась, наконец пришла, долгожданная и такая необходимая сейчас, и девушка охотно склонила голову ей на колени, позволяя ей вымести все печали и все мысли.

Она бродила по каменным улицам, солнечным и пахнущим горячими степными ветрами. Песочные стены, песочные улицы, синее небо вверху, над головой. Она была взрослой — той Меред, которая ныне звалась Келерийской Птицей, и в ножнах на поясе прятались ее Крылья. Но она была дома.

Крутобокие женщины в белых передниках сновали за широким окном пекарни, и Меред видела их руки — добрые, крепкие руки, пахнущие маслом, что взбивали этим утром из самого свежего молока. Руки, припорошенные мучной пылью, месили тесто в деревянных кадушках, и пахло сладкой свежее испеченной сдобой. Одна из женщин устало разогнулась и, заметив Меред, улыбнулась ей. В ее руках откуда ни возьмись появилась краюха белого хлеба с золотистой хрустящей коркой, и пахла она теплом и солнцем.

Меред шагала по знакомым улицам, откусывая сладкий, еще теплый, хлеб. Вокруг носились маленькие шумные дети, рыжеволосые смешные девчонки играли в веревочку, весело гомоня, а их матери переговаривались у колодца, набирая кристально чистую воду в ведра. Меред смотрела, как эта вода переливается, искрится на солнце, разбивается крохотными капельками о бульжники на площади — и ей было хорошо и радостно.

За каменными приземистыми домиками, взбирающимися на холм, виднелась неоглядная морская ширь, синяя, глубокая. В ней крыльями белых чаек виднелись паруса, раздуваемые легким ветром, и солнце прыгало бликами на мелкой ряби волн. Под ногами уже не бульжники — сухая крошащаяся глина, из которой растут длинные нити ковыля и

дикой травы, что доставала до самых колен Меред. Она подошла к самому краю, раскидывая руки и вдыхая полной грудью сладость и терпкую жаркую горечь андарских степей, такую пронзительную и живую, такую родную. А над ней было небо, вечное синее небо, птицы, солнце, и еще, и еще, и...

Девушка села, запутавшись в одеялах, хватая ртом воздух, хмельная и совершенно ничего не соображающая. Холод тут же вцепился в нее, прогоняя остатки сна, но Меред держалась за видение так крепко, как только могла. Неподалеку спала Атеа, спрятавшись в одеяло так, что и носа видно не было. Аллэивар посапывала, привалившись спиной к химере и приоткрыв рот — и Меред вдруг отстраненно отметила, что у той очень красивые губы. А возле огня сидела Знающая, и язычок пламени, что был не больше мотылькового крыла, медленно перетекал меж ее пальцев.

— Добрый сон? Или дурной?

Голос Тэаргавар прорезал тишину так неожиданно, что Меред даже вздрогнула. Девушка сильнее закуталась в одеяла, переворачиваясь лицом к огню.

— Добрый. Самый добрый из всех, что мог присниться, — спустя несколько мгновений ответила она. Ей показалось, что ведьма кивнула.

— Вот и славно. Значит, небо слышит нас, раз посылает нам добрые сны — правда ведь?

Меред пристально взглянула на колдунью — да только та оставалась все такой же, таинственной статуей из белого мрамора, недвижимой и холодной. Птица смотрела на нее и не знала, что думать: наслала ли ведьма на нее сон, или прочла ее мысли, или слова ее были лишь совпадением с мыслями самой Меред? Ответов не было — зато в груди теперь появилось светлое тепло, такое прекрасное и легкое, словно тот самый ветер с далеких солнечных берегов. И Меред, прикрывая глаза, тихо шепнула:

— Правда.

===== Глава 30. Игроки =====

Над синей водой, рябщей и бликующей на солнце, плыли белые кружева яблоневого сада. Будто неведомая мастерица растянула на сложных пальцах зеленый шелк и принялась плести вокруг него дивные цветы из белоснежных нитей, искусно заплетая их в сложный узор. Остров, заросший яблонями, замер между морской ширью и омутом неба, в которое бы падать и падать, и ветер срывал нежные лепестки с ветвей, кружа их в веселом танце. Волны подбирались прямо к подножиям утесов, на которых раскинулись бесконечные сады, и соленая белая пена облизывала тонкую полосу мелкого золотого песка, усеянного крохотными ракушками и диким янтарем.

В садах царил тишь, и солнечный свет, рассеиваясь сквозь листву и белые цветы, распадался на тысячи сияющих струн, протянутых от неба до самой земли. Он путался в лепестках, в густой молодой траве, а еще — в золотых волосах девушки, танцующей меж деревьев. Ее тихий смех дразнил и манил за собой, и тонкая фигурка мелькала меж стволов легким белым силуэтом. За ней шлейфом стелились по ветру яблоневые цветы, и Меред со всех ног торопилась за ней, пытаясь догнать — только узкое запястье ускользало из рук в тот момент, когда ей казалось, что она поймала хозяйку яблоневого острова. Так ей казалось: девушка непременно должна быть его владычицей.

Она обернулась ровно в тот миг, когда Меред вновь ухватила ее за руку, и за пеленой яблоневых лепестков девушка успела различить тонкие черты ее лица и невероятно красивые глаза, напоминающие летний мед. Она улыбнулась — и в следующий миг обернулась

ворохом тех самых сорванных лепестков, что закружили Меред в колдовском вихре, и белое сияние заполнило весь мир, от облаков до самого морского дна.

По лицу что-то мазнуло, и Меред открыла глаза, возвращаясь в реальность. Они стояли на широком выступе одного из утесов, а под ними, насколько хватало глаз, расстилалось белое море снега, из которого вырастали глыбы скал. Почему-то едва ощутимо пахло яблоками — так пахли волосы Атеа. Это ее локон, выбившийся из тугого высокого хвоста, задел щеку Меред. Она изо всех сил втягивала носом воздух, стараясь заполнить легкие этим тонким ароматом, но запах снега был сильнее, и все, что ей оставалось — наслаждаться ускользящей сладостью, даже не прося о чем-то большем.

— Наамах, — выдохнула Атеа, и парок сорвался с ее губ крохотным полупрозрачным облаком. Ветер рванул ее волосы, но девушка даже не обратила на это внимание, глядя лишь вперед.

Меред тоже устремила свой взгляд в заснеженную даль. Теперь их путь пойдет через низину меж двух длинных хребтов, тянущихся далеко на север до самой Гильдии, и им не придется взбираться на горные выступы — да и ветер, натолкнувшись на исполинские скалы, вынужден будет отступить, и наконец станет не так холодно. Это было удобно еще и тем, что где-то в низине находился крохотный городок, в котором они смогут заночевать в пути. По ее расчетам, до Келерийской Гильдии оставалось еще около четырех дней пути — стало быть, какой-то из ночлегов точно там. Меред даже не помнила названия города — бывала там лишь однажды, с обозом: везли зерно из Птичьего Городка. Жители селения относились к Птицам по-доброму, а потому частенько путники из Гильдии останавливались там.

Аллэивар, тоже стоящая рядом, кивнула.

— Наамах, — женщина некоторое время глядела на заснеженную низину меж двух высоких гор, за которыми начинались длинные цепи склонов и вершин, больше похожие на хребты драконов, что давным-давно уснули среди гор. Меред почти видела, как время превращает их жесткие спины в камень, как они складывают крылья — и меж громадных костей прорастает вереск и горькая горная трава.

Хребты Наамаха и впрямь напоминали двух драконов, что легли рядом сотни веков назад да так и заснули, глядя бездонными глазами на север. Высокие скалы — будто бы шипы вдоль изгибающегося позвоночника, низина меж ними — будто крылья, что с течением лет срослись, а там, где горы спускались ниже и тянулись плавной волной подобно драконьим шеям, вырос белый замок Келерии. И два дракона испокон веков стерегут его, пусть сон и сковал их могучие тела, кажется, навсегда.

— Ну что же, свою задачу я выполнила, — Аллэивар обернулась к ним, усмехаясь краешком рта. Смотрела она лишь на Меред, и девушка ощутила уже привычное раздражение, смешанное с чем-то новым, подозрительно напоминающим понимание и жалость. Слабый отголосок этих ощущений словно что-то сдавливал внутри, и сбитая с толку Птица сморгнула, пытаясь освободиться от неведомого чувства, — Стало быть, доброй вам дороги, пташки. Авось, свидимся еще!

Она протянула ладонь Меред. Перчатки Аллэи сняла, поэтому Птица ощутила тепло ее кожи, неловко пожимая протянутую руку. Эльфийка сжала ее пальцы с силой — но в то же время со странной нежностью и осторожностью, а в следующий миг она рывком дернула Меред на себя. Ее лицо оказалось совсем близко, и Птица ощутила себя крохотным птенцом, на которого сейчас набросится змея. Она оцепенела, сжавшись и напрягшись, но Аллэивар

лишь тихонько выдохнула:

— Береги себя, стриженная. Таких девиц, как ты, по всему миру на пальцах пересчитать можно. А мне бы хотелось поглядеть на тебя еще.

Короткое «еще» свистящим шепотом прошло по коже, щекоча затылок. Меред сдавленно кивнула, старательно пряча глаза — слишком личным показалось ей это слово, слишком многообещающим, не предназначенных для чужих ушей. Богиня, я ведь и впрямь боюсь ее. Она все же осмелилась поднять взгляд на Аллэи — эльфийка была выше ее и нависала над ней дикой химерой, — и сухо пожелать:

— И ты будь осторожна, Ищущая Аллэивар. Доброго тебе пути.

Аллэи криво ухмыльнулась и отпустила ладонь Меред. Мороз тут же вцепился в кожу, нагретую чужой рукой, и Птица невольно сжала кулак. Женщина подземелий отвела глаза и развернулась к Атеа и Тэарге.

— Ты, златовласка, тоже береги себя! Не ввязывайся туда, куда не надо, — Атеа обворожительно улыбнулась ей в ответ, демонстрируя ряд ровных белых зубов. Напоследок Ищущая задумчиво оглядела Тэаргавар, а затем почтительно склонилась — не в пояс, но достаточно низко, — Пусть небо сохранит тебя, Знающая.

Ведьма кивнула женщине.

— Я буду молиться за Лореотт. С моим уходом кое-что изменится... — она помедлила, — Позаботьтесь о праматушке Мэгавар. Сейчас ей будет очень тяжело.

Аллэи непонимающе вздернула бровь, но ведьма больше не проронила ни слова. Холодный ветер колыхал ткань ее пальто, но капюшон все так же оставался на месте, словно гвоздем прибитый. Меред вдруг стало интересно, как же она выглядит. Об альбиносах она лишь слышала, но совершенно не представляла, какие они. Знала, что волосы их белее снега — и что глаза у них часто бывают красными. Рожденных луной считали проклятыми небом, а потому те редко выживали в человеческих городах. На этом все знания Меред заканчивались.

Тем временем Ищущая уже шла к своей химере. За ней увязался зверь Тэарги, и ведьма не стала его удерживать. Неужто пешком собралась идти? Меред с сомнением оглядела Знающую: пока что создавалось впечатление, что она очень тонкая и хрупкая, несмотря на высокий рост, и Птица не знала, выдержит ли та переход. А может, и сама Тэаргавар сейчас уйдет в другом направлении? Она ведь сказала, что будет делить с ними путь до тех пор, пока не решит выбрать другую дорогу — и втайне Меред надеялась, что этот момент наступит сейчас. Присутствие ведьмы страшило ее куда сильнее, чем опасность, что могла бы таиться где-нибудь в тени скал.

Аллэивар взобралась на Йэн и выпрямилась на ее спине, и на один миг Меред подумалось, что перед ней — могучая воительница из старых, давно забытых легенд, опасная и дикая. Мигнул золотой глаз, ветер взметнул пепельные короткие прядки ее челки — и Аллэивар, развернув химеру, направилась прочь, оставляя Птиц и ведьму за спиной. Химера Тэарги мягко бежала следом за ними, даже не оборачиваясь на свою хозяйку, и Меред вновь задумалась: видимо, до конца химер не мог приручить никто — даже чародейки, в чьих руках лежала сила подземелий. Меред передернула плечами, провожая взглядом силуэт Аллэи, а затем вновь обернулась к бесконечному простору Наамаха.

— Ну что ж, — Атеа выжидающе уставилась на ведьму, фальшиво улыбаясь, — Доброй дороги и тебе, госпожа Знающая, мы были несказанно рады твоей компании и будем очень тосковать без тебя...

— Не стоит, — Тэарга чуть склонила голову, и на ее уста легла тень улыбки, — Я ведь никуда не уйду.

— Хм, — Атеа моргнула — ожидала-то она явно другого, — А я думала, что... что на границе Наамаха наши дороги разойдутся...

— Нет, не тревожься, — качнула головой Тэаргавар, легко проходя мимо Атеа и направляясь к единственному видимому спуску с утеса. Лебедь возмущенно уставилась ей в спину, а эльфийка, даже не обернувшись, бросила через плечо, — Идемте. Думаю, нет смысла медлить — в долине должно быть не так холодно. Мне бы не хотелось промерзнуть.

Атеа скривилась и искоса взглянула на Меред, неохотно следуя за ведьмой. Всем своим видом она показывала, что больше всего на свете хотела бы избавиться от Тэаргавар — и Меред даже понимала ее, однако ничего тут не попишешь. Приходилось мириться с нею, как с холодными ветрами, неотступно следующими за ними, как с серым небом, тяжело нависшим над головой. Птица еще раз обернулась вслед Аллэи, но на утесе уже никого не было — лишь белый простор на тысячи верст вокруг.

Пока они спускались в низину, Меред усиленно вспоминала сны, пришедшие к ней нынешней ночью. Кожей она ощущала ветер степей и морскую соль, и чувство было до того родное, что даже холода Наамаха не могли прогнать его. Однако образы, такие яркие несколько часов назад, размылись и теперь казались укутанными в туманы. Девушка тщетно ловила их, как ловят светлячков дети, чтоб посадить их в бумажный фонарик, — но раз за разом те ускользали из памяти. Оставались лишь короткие обрывки-вспышки — золото волос самой прекрасной в мире женщины, яблоневые лепестки, море с белыми гребнями волн, отцовский дом, сладко пахнувший древесиной, Праздник Лета и цветные ленты. Но кроме этого — ничего. Разве что светлая, приятно тянущая тоска в груди — такая, которую прятать бы к самому сердцу да бережно хранить.

Она даже не заметила, как они спустились в низину меж «драконьих спин». Сообразила только тогда, когда ветер внезапно прекратил рвать и трепать ее волосы и вгрызаться в щеки колючими поцелуями. Теперь он тщетно бился о скалы, пытаясь дотянуться до трех хрупких фигурок, что медленно двигались по заснеженной пустоши на север — и не мог. Ему оставалось лишь выть от бессильной ярости да срывать с гор снежные тонкие покрывала, стряхивая их наземь полупрозрачными вуалями.

Брели они в тишине, практически не разговаривая друг с другом. Ведьма шла впереди, чуть поодаль от них с Атеа, и Меред изредка бросала хмурые взгляды на ее хрупкие плечи, сокрытые пепельной тканью. Эльфийка двигалась легко, почти что не касаясь снега, будто бы летела над землей, и молодой Птице отчаянно хотелось осенить себя знаменем Хартанэ, чтоб уберечь от чар. Ей не хотелось, чтоб ворожба Тэарги имела хоть какое-то отношение к ним, хотя Знающие уже исцеляли их. Но тогда Тэаргавар колдовала над Даэн — и Меред успокаивала этим себя. В конце концов, от ведьм она всегда старалась держаться подальше — кто уж разберет, что у них на уме. Исключением была разве что госпожа Мара, но и к ней Птица относилась с осторожным почтением. Лесная колдунья несла в себе странную, мощную силу, которую Меред ощущала каждой своей частичкой, но которую не могла даже назвать, сколько бы ни старалась.

Низина меж горных цепей то становилась шире, и тогда ветер все же набрасывался на них разъяренным зверем, то вновь сужалась, и все звуки мира затихали, оставаясь где-то за серыми стенами древних скал. Поначалу Меред не ощущала ничего, кроме странной пустоты, заполняющей ее до самой макушки, но, когда их крохотный отряд оказался

буквально зажатым с двух сторон громадными заснеженными утесами, девушка ощутила подступающую тревогу. Та кралась за ними бесшумно, осторожно ступая на мягких лапах невидимой химеры, заставляя Меред поминутно оглядываться назад и озираться по сторонам, не снимая руки с Крыла. Ощущение того, что за ними наблюдают, не покидало Птицу, и несколько раз она раскрывала огонек Дара Хартанэ в груди, проверяя, нет ли поблизости темных духов. Но вокруг стояла тишь, и наблюдать за ними могли лишь призраки былого, оставшиеся в здешних горах навек.

Чем дальше они брели, тем сильнее чесались лопатки у Меред, словно кто-то сверлил в ней дыру взглядом. Девушка ощущала, как сводит от напряжения мышцы и как тревожный колокольчик звенит в голове. Отвесные скалы поднимались стенами буквально в нескольких саженях от них, и в узком каньоне стояла такая тишь, что Меред слышала, как снег срывается с выступов и медленно осыпается наземь. Один из таких полупрозрачных холодных платков, подхваченный тонкой рукой ветра, упал прямо на Меред, путая в ее волосах снежную сверкающую пыль. Девушка зябко отряхнулась и инстинктивно задрала голову вверх, да так и замерла, смаргивая снежинки с ресниц: высоко над ними, на одном из выступов, виднелась каменная кладка, полуразрушенная от времени и ветров.

Меред прищурилась, разглядывая нежданную находку. Больше всего она напоминала оборонительную стену — приглядевшись, Птица увидела узкие бойницы. Их осталось не больше трех: время изрядно потрудилось, и вряд ли кто-то мог использовать это сооружение по назначению сейчас. Слишком ветхое, разваленное. Камень метко брось — наверняка рассыпется. Повертев головой по сторонам, она углядела нечто похожее чуть дальше — на выступе впереди, неприметная из-за камней, окружающих ее, виднелась приземистая башенка. Стена ее в одном месте полностью обрушилась, открывая взору истертую, занесенную снегами винтовую лестницу — тоже наполовину обвалившуюся. Меред негромко позвала:

— Атеа?

Девушка вопросительно взглянула на Меред, приподнимая тонкие брови.

— Гляди вон, — Птица указала на оборонительную стену над ними. Атеа подошла поближе и остановилась, задрав голову вверх. Меред не нужно было глядеть, чтоб знать — девушка напряглась и уже сейчас размышляет над тем, не может ли кто скрываться за старой каменной кладкой, — И вон там еще, видишь?

— Вижу, — недобро сощурилась Атеа, переводя взгляд на башенку, — Вряд ли их строили жители этого... как его там...

— Града-на-Перевале, — тихо подсказала Тэаргавар, и обе Птицы разом уставились в спину ведьме. Та шла неспешно, спокойно, и Меред быстро нагнала ее.

— Что же это тогда, Знающая? Кто строил их?

— Боги знают, — ответила Тэарга, едва заметно пожимая плечами, — Говорят, когда-то здесь жил Скрытый Народец — воинственное племя, охотящееся на всякого, кто забредал на их территорию. Скрытые Люди носили огромные маски из дерева и кости, покрывали свои плечи шкурами, а на руках рисовали точки красной глиной — те точки с кожи невозможно было смыть ничем. Говорят, в утесах у них были целые города, а перед входами в свои селения они строили вот такие башни и стены, чтоб чужак не нашел лаз и не пробрался в город. Их лиц не видел никто, их речи никто не слышал. Да и никто не скажет, кто они — были или сказка, чтоб детей пугать.

Она ненадолго замолчала, а Меред поймала себя на том, что слушать Тэаргу невероятно

интересно — голос ведьмы мягко струился прохладным ручейком меж камней, увлекая и зачаровывая.

— Иные рассказывают, что не было никакого Скрытого Народца, и что такие вот крохотные форты строили наши предки, горные эльфы. А третьи говорят, что так люди укрепляли свои позиции здесь, в Наамахе. Даже Знающие не ведают правды.

— Знающая, ты бывала в здешних местах? — поинтересовалась Атеа, внимательно разглядывая колдунью.

— Нет. Никогда. Земли Наамаха слишком далеко от моего дома, — Тэаргавар чуть повернула голову, и теперь Меред видела ее тонкие бледные губы, словно из мрамора вырезанные. Казалось, что ведьма никогда не улыбалась — ни единой складочки, что появляются от частых улыбок, на ее гладких щеках не было.

— Именно поэтому ты сейчас покинула Лореотт, Знающая? — от Меред не укрылось ехидство в голосе Лебеда, растянувшей губы в понимающей улыбке и захлопавшей длинными ресницами, но Тэаргавар проигнорировала выпад девушки.

— Время пришло, — просто сказала ведьма, и тем самым словно подвела незримую черту, после которой разговор исчерпался. Атеа явно хотела что-то еще сказать, однако почему-то отмалчивалась в этот раз. Меред даже подняла на нее недоверчивый взгляд, с сомнением глядя на подругу, но та лишь кусала обветренные губы, глядя куда-то сквозь пространство и ничего вокруг не замечая. Где же бродят твои мысли, лебеденок? Над какими просторами ты летаешь сейчас?

Впрочем, и она тоже задумалась — о Скрытых Людях, странных существах, что прятались среди этих гор когда-то давно. Она вскинула голову, вновь обращаясь к Знающей.

— А что стало со Скрытым Народцем? Куда они делись?

— Никто не ведаёт. Да и никто не ведаёт, правда ли это вообще. Если и был Скрытый Народец, последние его дети канули в лету много веков назад. Вестей из Наамаха давным-давно не приходит. Да и раз уж на то пошло, Птица Меред, о судьбе здешних жителей должны знать вы — Келерия ведь держит весь Наамах.

— Нам никогда не рассказывали о таком, — Меред покачала головой. Говорить с ведьмой было крайне странно — вроде и не больно хотелось, но почему-то очень нравилось.

— Значит, скорее всего — это все просто байки, — подытожила Атеа, смахивая ладонью снег с крутого склона — и тут же отпрыгнула в сторону: следом за осыпавшейся снежной шалью вниз поползла лавина, грозящая превратить девушку в маленький сугроб. Благо, здесь снега было не так много, а потому на их головы не обрушилась белая волна, но Лебедь тут же заработала укоризненный взгляд от Меред. Заискивающе улыбаясь, златовласка отошла подальше от утесов, пристраиваясь рядом со второй Птицей, — Для таких, как ты, Меред, дорогая. Ты ведь у нас веришь в сказки, — она протянула руку и, усмехаясь, подцепила пальцем перышко, привязанное к рукояти Крыла.

Меред хмуро оттолкнула ее руку — Впрочем, сделала это так осторожно, как только могла. Ей не хотелось, чтобы Лебедь обижалась на нее. Характер у девушки был тот еще, и только боги могли знать, какое из твоих слов она может счесть личным оскорблением. Да и то, иногда Меред думала, что даже владыки неба, в чьих руках весь мир лежит, с ужасом смотрят на воплощение первозданного хаоса по имени Атеа в ожидании того, что именно этот кошмар выкинет в следующий миг.

— В вере нет ничего зазорного, какой бы она ни была, — прошелестела Тэаргавар. Казалось, она говорила сама для себя, но Меред тут же обратилась в слух, — Если она

согревает твоё сердце и не вредит другим — значит, она действительно правильная.

— Конечно, Знающая, конечно, — закивала головой Атеа, принимая самый серьёзный вид, на какой была способна. Однако Меред не сомневалась, что сейчас в её глазах пляшут бесы — слишком уж хорошо знала этот тон. Да и вообще — слишком хорошо знала её нрав.

Молчание вновь повисло, накрывая их мягким плащом. Из головы Меред все никак не шел рассказ Тэарги о Скрытом Народце — ей казалось, будто давным-давно она уже слышала нечто подобное, только вот никак не могла вспомнить, где и когда. В Паррене никто и не ведал о том, что лежит за гигантской горной грядой, протянувшейся с юга на север, а потому узнать такую байку на родной земле она не могла. В Гильдии — тоже навряд ли, Атеа бы вспомнила...

В глазах старого Агара отражался огонь — это Ранлу раскручивала огненные шары, крепящиеся на цепях, в танце. Меред уже давно не смотрела на чужеземную смуглую красавицу, тоненькую и черноглазую, тренирующуюся в окружении других скоморохов — её целиком и полностью занял рассказ седого предводителя бродячей труппы.

Меред чуть было не охнула — воспоминание пришло цветной картинкой, до того яркой, что белизна снега вокруг казалась ей фальшивой, ненастоящей.

— ...А ещё, детки, древние горы помнят златоглазых эльфов — тех, что сейчас ушли под землю...

Тогда маленькая девочка с криво остриженной косой лишь фыркнула — все знали, что эльфы бывают лишь морскими, да и те давным-давно исчезли, почивая на дне морском вместе со своими древними городами.

— ...А ещё они помнят полулюдей-полузверей, что никогда не показывали своего истинного лица — путники, которым посчастливилось выжить после встречи с ними, говорили, что те носят странные огромные маски, до того страшные, что вы бы со страху бежали до самых южных пустынь. Верно я говорю, Ранлу?

Тогда смуглая красotka Ранлу лишь кивнула, не отрывая сосредоточенного взгляда от огня, пляшущего прямо в ладони от её обнаженных рук — но улыбка её, брошенная наставнику, была такой, словно они вдвоем знали великую тайну.

— ...Они шили себе одежды из шкур горных котов и диких волков, а к рукавам пришивали перья соколов. Не было на земле существ, ведающих лучше о ветрах и земле. Знатные шаманы были — только речи их не слышал ни один из странников. Не всякому удавалось уйти от их племени, не всякому... Кто знает, где они теперь — ушли к праотцам или по-прежнему прячутся среди скал...

Тогда Меред, отныне ставшая одной из сказительниц в труппе старого Агара, впервые не могла уснуть ночью — ей все казалось, что за тысячи верст отсюда где-то в горах под луной таинственные полулюди-полузвери жгут костры, и ветер играет с длинными перьями на их рукавах. Они смотрят сквозь ночь, и их глаза посверкивают сквозь темные прорези в костяных масках — и, быть может, прямо сейчас их взгляды впиваются в нее острыми копьями, на древках которых виднеются алые полосы...

Меред усмехнулась, чувствуя, как в сердце развязывается тугий узел. Вот тебе и байки... Не бывает так, чтоб легенды сами собой возникали. Не бывает. Она и сейчас чувствовала взгляды-копья — пусть даже на самом деле их могло и не быть.

Когда на горизонте показались огоньки селения, вечер уже обнимал вершины гор. Завидев вдалеке сияющую полосу, Меред неосознанно ускорила шаг — уж больно ей хотелось сегодня заночевать под крышей, наконец сняв с себя хотя бы куртку и

опостылевшие сапоги. Пальцы ног немилосердно сводило, сколько бы девушка не шевелила ими, пытаясь разогнать кровь по сосудам, и она буквально грезила о минуте, когда сможет все-таки стянуть обувь и отогреться у очага. По крайней мере, ей очень хотелось верить в то, что в Граде-на-Перевале есть годный постоянный двор.

Высокая стена, окружавшая город, к удивлению не пустовала — Меред заприметила стражу, дежурящую на смотровых башенках. А стража, видимо, заприметила их — к моменту, когда они втроем подошли к крепким дубовым воротам, окованным полосами железа, их уже встречал караульный в тяжелом меховом плаще.

— Кто такие и зачем приперлися? — без обиняков гаркнул мужчина, особо не церемонясь. Меред уже собиралась открыть рот, как вперед вышла Атеа, расправляя плечи и глядя на него сверху вниз.

— Так-то в Граде-на-Перевале встречают Келерийских Птиц, любезный господин?

Стражник тут же как-то сжался, и Меред могла бы поклясться, что щеки его сейчас стали пунцовыми.

— Ох, простите, госпожа моя светлая... Кто ж в темноте-то признает, кто вы такие?! — он всплеснул руками, — Вы уж не сердчайте... Так-то конечно, проходите, сударыни. Хотя, постойте... — он замер, внимательно оглядывая их, — А что это вы идете не со стороны Гильдии, а?

Атеа скрестила руки на груди, картинно вздыхая и закатывая глаза. В голосе ее Меред услышала нотки раздражения:

— Вам не кажется, милейший, что слишком много вопросов задаете? Задание у нас, неужто не знаете, какое нынче время? Будете долго еще нас допрашивать — или наконец пропустите?

— Ох, время дурное, — закивал стражник, — Я потому-то и так вот... Не сердчайте только, светлейшие! Эй, Гальт! — он тяжело заколотил по воротам кулаком, — Отворяй скорее, дурья твоя голова! Мы уж тут вовсе заморозились...

От Меред не укрылось, как морщилась Атеа на исковерканные слова — но сама Птица ощутила, как внутри все теплеет. В городах всегда было так — что-то свое, славная нелепость, раздражающая и так привлекающая одновременно. Словно маленький камешек в мозаике, непохожий на другие кусочки, словно цветная ниточка, затесавшаяся в однотонную шерсть. Она неловко улыбнулась стражнику, что низко поклонился ей, пропуская ее к воротам. Добро к добру, говорил ей всегда отец — а в этом крохотном городке Меред чувствовала что-то очень светлое.

Улицы пустовали — лишь одинокие прохожие спешили по домам, провожая их любопытными взглядами. Меред узнала у местного, где находится постоянный двор, и теперь они пробирались по расчищенным дорожкам к центру, где и стояла «Краюшка». До чего же славное название, мелькнуло в голове у Меред, когда увидела вывеску под фонарем, аккуратную и даже искусно сделанную. Постояльный двор был большим, в три этажа, и из окошек на снег падали теплые отсветы, иногда рябящие из-за силуэтов. Слышался приглушенный смех, а едва различимый запах еды раздражил желудок. Атеа первой поднялась на крыльцо и дернула на себя дверное кольцо, а следом за ней внутрь «Краюшки» прошли и Меред с Тэаргой.

Внутри оказалосьлюдно, но на прибывших никто, кроме хозяина, внимание не обратил. Когда Меред с наслаждением опустила за свободный стул у столика подле очага, трактирщик уже был рядом с ними, сияя улыбкой, словно начищенная монета.

— Доброго вечера, сударыни. Из Келерии держите путь?

— В Келерию, — уточнила Меред, чувствуя себя немного неудобно — хозяин постоянного двора тут же перевел внимательный взгляд на нее, — Мы — Птицы, возвращаемся с задания. На ночлег хотим остановиться да поужинать. Есть ли у вас свободные комнаты?

— Конечно, — кивнул мужчина, все так же улыбаясь, — Комната уже готова, сударыни — на втором этаже, только прибрались в ней как раз. Что изволите отужинать?

— Пожалуй, горячая похлебка с бараниной нас устроит, — мурлыкнула Атеа, развешивая плащ на спинке стула, — А еще я бы не отказалась от вина — только доброго вина, хозяин, не вздумай обмануть. И от свежего хлеба да сыра.

— Считайте, что все уже на столе, — доверительно улыбнулся трактирщик, чуть кланяясь, — Ваши спутницы желают отведать то же самое?

Меред неуклюже кивнула, а Тэарга тихо молвила согласное «да». Хозяин тут же окликнул невысокую румяную служанку с рыжей косой, перекинутой через округлое плечо. Девушка птичкой подлетела к нему и, выслушав поручение, тут же умчалась выполнять, а хозяин возвратился за стойку, радушно приветствуя постояльцев и перебрасываясь с некоторыми отдельными фразами. Атеа сбросила куртку с плеч, оставшись в белой форменной рубашке с высокими манжетами и застежкой под горло, и довольно вытянула под столом длинные ноги.

— Боги, какое наслаждение... наконец-то. Госпожа Знающая, тебе не жарко в твоих одеждах у огня? — медовые глаза ее блеснули азартом, — Быть может, снимешь капюшон, отдохнешь от этих накидок?

— Нет, благодарю, — Тэарга склонила голову, — Мне более чем уютно.

— Ну, как пожелаешь, — ухмыльнулась Атеа, пожимая плечами, а затем принялась разглядывать постояльцев, потеряв всякий интерес к Знающей. Меред знала этот взгляд — девушка что-то искала, ведомое лишь ей. Любопытство все-таки пересилило вежливость, и Меред осторожно спросила:

— Кого-то ищешь?

— Да, — ответила Атеа, не отрывая взгляда от лиц, — Того, кто сможет дать нам какую-нибудь информацию о том, что творится в мире.

— Зачем? — непонимающе нахмурилась Меред. Лебедь повернулась к ней, и на лице ее отразилась чуть ли не мука. Вздохнув, девушка покачала головой:

— Меред, голубка моя, информация — очень ценная штука: она может пригодиться даже тогда, когда ты сам этого не ожидаешь. Подумай хорошенько, что мы знаем о том, что происходит во внешнем мире? — не дожидаясь ответа, Атеа хмыкнула, — Правильно: абсолютно ничего. Поскольку Лорелей решила поиграть в политику, почему бы нам не пособирать зернышек и не принести их в клювике? Авось какое окажется золотым.

Меред еще размышляла над последней фразой Лебеда, когда рыжая служанка расставила перед ними глубокие глиняные миски с ароматной похлебкой, от запаха которой у Птицы живот требовательно заурчал. Девушка тут же принялась за еду, а Атеа, чуть подавшись вперед и заглядывая служанке в глаза, ласково пропела:

— Благодарю, душенька. Надеюсь, ты не забыла про сыр и вино?

— Нет, госпожа, сей же миг принесу, — девушка зарумянилась еще сильнее, и на щеках ее показались две очаровательные ямочки. Сверкнув глазами, она тут же направилась в сторону кухни, вильнув крутыми бедрами. Атеа, растягивая губы в хищной ухмылке,

прицокнула языком:

— Нет, от этой бесполезно ждать чего-то дельного — вряд ли она знает что-нибудь, кроме городских сплетен. Будем искать.

Ужинали они в молчании, наслаждаясь вкусом горячей еды. Похлебка оказалась наваристой, щедро приправленной травами и луком, и Меред впервые за долгое время ощутила себя по-настоящему сытой. Хлеб, что принесла служанка, был только вынут из печи, мягкий как перышко и теплый, с хрустящей золотой коркой — как во сне Птицы, и девушка невольно улыбнулась, откусывая кусочек и запивая его сладковатым, пряным вином. Трактирщик не солгал — вино оказалось действительно добрым, и вскоре Меред разморило. Под боком весело трещал огонь в очаге, согревая озябшее тело, в мышцах разливалось приятное тепло, и Меред ощутила, что вот сейчас, несмотря ни на что — ей хорошо. Атеа рядом таскала тонкие ломтики сыра, уничтожая один за другим, а Тэаргавар, отодвинувшаяся подальше от пламени, и вовсе замерла, словно и не было ее тут.

Теплую уютную полудрему прервал хозяин «Краюшки». Мужчина, склонившись над столиком, с улыбкой протянул Атеа небольшой медный ключ.

— Второй этаж, прямо от лестницы, четвертая дверь, сударыни. Извольте чего-нибудь еще?

Атеа, лениво зевнув, взглянула на него:

— Скажи, добрый хозяин, а есть ли в твоём славном заведении бани? Хотелось бы смыть дорожную пыль, мы совсем уморились в пути.

— Обижаешь, госпожа! Есть, конечно. Прикажешь растопить?

— Чуть позже — посиди с нами, добрый хозяин, порадууй байкой какой, — с этими словами Атеа легко хлопнула по свободному стулу рядом. Трактирщик покачал головой, расправляя невидимые складки на белом фартуке:

— Ты прости, светлая госпожа — работы у меня много. Я бы и рад потешить тебя рассказами, да дел невпроворот...

— Как жаль, — вздохнула Атеа — слишком преувеличенно, однако откуда о том знать хозяину «Краюшки», — Ну что ж, тогда, пожалуй, прикажи топить бани. Хоть я и сомневаюсь, что они так хороши, как бани Тиннереда — не в обиду тебе. Просто я родом оттуда, и знаю, что с их купальнями никакая сравниться не может.

Хозяин постоялого двора вновь покачал головой:

— Ну, думаю, сейчас-то им не до того, чтоб в банях париться да веники вязать. Пока король не оправится — или не преставится, упаси Светлый, — так уж точно.

— А что же так? — взмахнула ресницами Атеа, и тут Меред поняла, что трактирщик попался.

— Дык горе же у них. Государь год назад еще с хворью слег — да так и не встал с постели, горемычный. Уж над ним и лекари сидели сколько, и ведуны — все без толку. Совет при дворе уже и предлагал королеве его прирезать по-тихому, — трактирщик понизил голос, все-таки присаживаясь на стул, — Но та не дает, охрану приставила к нему и сама в покоях его дежурит денно и ночью. Оно не мудрено — король-то почти не говорит, только бормочет что-то бессвязное о драгоценном подарке и о том, что по нему все узнают, когда срок придет. А что узнают, кто все — непонятно. Наследников у него нет, королева править не может без его дозволения, как и совет придворный. Вот она и ждет чуда — хотя бы такого, чтоб тот в себя пришел да сказал, что корону ей передает, а там уж его можно будет отравить по-тихому да сказать, что сам помер. Если сейчас убить, страна останется без

владыки, а Эллоин-то наверняка захочет к себе такую территорию богатую присоединить. Да и Верданор тоже. Вот они и сидят все как на иголках да молятся — чтоб король до срока не помер, или наоборот, чтоб помер, но до того хоть сказал, кто править-то будет. Сама понимаешь, госпожа, где уж им до бань...

— Да, печально, — протянула Атеа, скорбно поджимая губы и вздыхая так, словно ей действительно было дело до судьбы государя Тиннереда, — Так что же это, Верданор и Эллоин могут драться за Тиннеред?..

Трактирщик фыркнул:

— Спрашиваешь еще, госпожа! Конечно. У них же испокон веков между собой войны идут, где уж упускать такую возможность. Эллоин сейчас границы укрепляет — даже весть пошла, что государь тамошний того и гляди будет созывать войска и отводить их на восток, в сторону Тиннереда и Верданора. Угрозу оттуда ждут, никого не пускают — за Железным трактом, ближе к столице, в фортах сейчас ведуны объявились, и тех, кто пройти без королевского на то дозволения пытаются, мигом разворачивают. Еще и молний могут наслать на бедолагу, если ослушается. Причем не важно, откуда идешь — хоть от Гарварны, хоть от Креасса, хоть с юга — все равно погонят. А пропускают только торговые караваны союзных государств, если не путаю ничего. Так-то, — он постучал пальцем по деревянной столешнице, — Попомните мое слово, уж эта зима такой суровой будет... Как бы война не захватила весь Бар-эс-Тиллад.

— Война, война, — Атеа свела к переносице красивые золотистые брови, — Слово недоброе.

— Ну а что поделывать, госпожа, — развел руками трактирщик, — Хоть недоброе, зато правдивое. Хотя — кому война, а кому мать честная, на самом-то деле, — он тоже нахмурился. Атеа по-птичьи склонила голову набок, пытливо глядя на него:

— Что ты имеешь в виду, добрый хозяин?

— Да то, — он наклонился еще ниже, — Что наемники сейчас в цене будут, ежели так и дальше пойдет. Ходят слухи, что государь Эллоина посылал к тавранам, на север, но там ему от ворот поворот дали. Тавране — они ж гордые, как девка с богатым приданным, так просто за золото не продаются. Им подавай что-то более серьезное.

— Что же? — глаза Атеа блеснули, словно два уголька, — Алмазы? Земли? Что?

— Идею, — усмехнулся мужчина, сцепляя пальцы в замок, — Они пойдут за тем, кто предложит им самую... красивую войну. Честь — вот за что пекутся тавранские наемники, как бы абсурдно это ни звучало. Но тавран я еще уважаю, — он помедлил, и меж его бровей вновь залегла хмурая складка, — А вот всякую шваль вроде Креасских — нет. Те пойдут за тем, у кого власти в руках больше. Им подавай грязную войну, их больше ничего и не интересует. Так что тех на свою сторону хоть Верданор переманить может, хоть Эллоин, хоть сам бес. Я как-то слыхал даже, что они и за Синеокой пойдут, убереги Светлый. Хотя вот это уже байки, скорее всего. Но сами понимаете — недобрая зима.

Он помолчал, а затем усмехнулся:

— Другие вон вообще ничего не ведают — живут себе как всегда. Недавно пришел человек из Эллоина, шел от самой столицы, ни единого города не пропустил... Говорит, всюду, где бы ни был — скоморохи.

Меред насторожилась, прислушиваясь к разговору еще более внимательно. Неспроста уже второй раз за день прошлое теребило ее за рукав, напоминая ей о себе.

— ...Их-то почему-то тоже пропускают — королю до них дела нет. Они толпы веселят,

с огнем танцуют, байки травят. Всюду — ленты цветные да карты, всюду смех. Народ на них глядит да о бедах не особо думает. Уж не знаю, худо это или хорошо — может, оно и к лучшему, не сидят да не трясутся. А с другой стороны, если и впрямь война вдруг разразится, никто к тому готов не будет... В общем-то, так, — трактирщик перевел дух, и тут же спохватился, — Ох, заболтался я, дурень старый! Заговорили вы меня, сударыни, — он с лукавой укоризной взглянул на Атеа, и девушка округлила глаза, принимая самый честный вид:

— Простите, любезный — сама того не заметила! Больно славно да интересно вы говорили. Ну что же, мы тоже пойдем — нам отдыхать с дороги надо, завтра ведь снова в путь. Разве что в бани бы нам...

— Да-да, Эшка сейчас мигом растопит, вы располагайтесь да спускайтесь, пройдете вон туда, под лестницу — там дверь к купальням. Доброй вам ночи, госпожа, с утра рассчитаемся завтра с вами.

— Конечно, — кивнула Атеа, плавно поднимаясь со стула, — Меред, Тэарга.

Меред кивнула, поднимаясь следом за ней, а там и Тэарга отодвинула стул, неторопливо направляясь за ними. Трактирщик уже и не глядел на них, шумно раздавая указания двум девочкам-служанкам, и те торопливо кивали, запоминая его поручения. Рыжая тут же юркнула под лестницу — видать, бани пошла проверить.

Комната им досталась большая, с тремя узкими кроватями, расставленными вдоль стен, крепким столом и тремя табуретками внутри. Даже сундук был. Меред устало опустилась на одну из кроватей и подняла взгляд на Атеа. Девушка раскладывала вещи на крышке сундука и распускала тугую шнуровку на высоких сапогах. Ощувив взгляд Меред, она обернулась и вопросительно изогнула бровь дугой:

— Что?

— И чем поможет нам то, что мы слышали? — и, предвосхищая вздох Атеа, спешно добавила, — Я правда не понимаю. Все это так... далеко.

— Все это гораздо ближе, чем ты думаешь, Меред, — девушка усмехнулась, распрямляясь и стягивая ленту с волос, — Гораздо.

На один миг взгляд ее стал задумчивым и отстраненным, а затем она кивнула, словно самой себе. Она вновь растянула губы в улыбке, воззрившись на Меред, и уперла ладони в бедра.

— Идем-ка, попаримся. Постараюсь втолковать тебе, что все не просто так. Знающая, мы оставим тебя здесь покуда — если ты не против. Я так понимаю, ты не особо любишь раздеваться в компаниях, поэтому тебя не зовем.

Тэарга лишь кивнула, отходя к окну у дальней стены и разворачиваясь к ним спиной. Меред мысленно застонала, покорно поднимаясь с кровати и направляясь к двери следом за Лебедем. Вряд ли в бане рядом с обнаженной Атеа она сможет понять хоть десятую часть того, что та собралась ей разъяснить. Меред итак не была сильна в политике.

===== Глава 31. Снежный ком =====

— Когда-нибудь я займу твое место, королева!..

Лезвия столкнулись, и вибрация, прокатившись волной по металлу, тут же отозвалась в ладони сотней крохотных иголочек. Шедавар лишь ухмыльнулась, принимая удар на клинок: дралась девчонка, надо признать, не ахти. Зато гонора было хоть отбавляй, и засчет него она, пожалуй, и держалась до сих пор.

На подвесной площадке никого, кроме них двоих, не было — разве что у моста, ведущего

сюда, дежурила убеленная сединой охранница. Лореотт только-только просыпался — в такую рань немногие эльфийки могли выползти из-под теплых одеял на тренировочное поле, взять в руки оружие да хотя бы поразминаться. Что уж говорить о полноценной тренировке в паре с кем-то? Шедавар, каждое утро проводящая здесь, и не надеялась встретить кого-нибудь, кого можно было бы отколотить — и кто бы сам мог оставить на ней пару-тройку синяков, если бы удача улыбнулась ему. Поэтому несказанно обрадовалось, еще с моста завидев тонкую фигурку, упражняющуюся с мечом.

Девочка оказалась совсем молодой — еще и полвека не отжила. Слишком фигуристая для настоящего воина, слишком плавная и медлительная, зато знала, как меч в руках держать — и то хорошо. Шедавар тихо зашла ей за спину, следя за ее движениями, некоторое время наблюдала за ней, а затем негромко позвала девицу.

— Не хочешь со мной потанцевать?

Та резко обернулась, едва не выронив оружие из рук. Пепельную челку девчонка зачесала назад, открывая высокий лоб, чтоб волосы в глаза не лезли, и Шедавар заметила мелкие капельки пота, выступившие на ее висках. Милая. Черты лица у нее были мелкие, аккуратные, а из-за круглых золотых глаз она напоминала то ли сову, то ли испуганную лань. Молодая эльфийка тут же поспешно согнулась в поклоне, и Шедавар не сдержала раздраженного вздоха.

— Да выпрямись ты уже. И все-таки, окажешь честь своей королеве, красавица?

Девушка зарделась, глядя на Шеду из-под полуопущенных ресниц. Помедлив, она все же ответила:

— Это ты окажешь мне великую честь, королева, если позволишь скрестить с тобой оружие.

Шедавар неспешно стянула через голову шерстяную рубаху, оставаясь в плотной безрукавке и позволяя прохладе города обнять себя. Взгляд девчонки, скользнувший по нагим плечам, не укрылся от нее, и эльфийка мысленно поморщилась: всегда одно и то же. Словно бы других баб с красивыми руками вокруг не было... Королева прошла к стойке с тренировочным оружием, взглядом находя подходящий меч, вынула его, взвесив в руке, и обернулась к девочке.

— Как зовут-то тебя?

— Рейнэвар, королева. Рейна.

— Красиво. Тебе идет. Что ж, Рейна, нападай.

Спустя полчаса девочка еле держала меч в руках, но сдаваться упорно не желала, распаяясь все больше — а Шедавар даже не устала. Удары Рейны она отбивала легко, угадывая маневры девчонки, как бы та ни старалась обхитрить ее. Впрочем, глаза у молодой эльфийки блестели азартом, и Шедавар это нравилось.

— Когда-нибудь я займу твое место, королева!..

Она ударила сверху, пытаясь продавить оружие королевы вниз, чтобы тем самым открыть грудь и живот королевы. Силенок у нее явно не доставало — Шедавар удерживала ее клинок, медленно поднимая лезвие вверх, чтобы отбросить меч соперницы и обезоружить ее. Она бы могла это сделать одним броском, быстро и резко, но королеве нравилось ощущать напряжение, сладкой волной наполняющее ее руки, нравилось прорабатывать каждое движение, чувствуя проходящую силу и сопротивление, а потому она не спешила. Рейнэвар зарычала от натуги и уперлась свободной ладонью в лезвие, наваливаясь всем весом на клинок — благо, тот был затуплен.

— Конечно, займешь, — рассмеялась Шедавар, — Только сначала отрежешь себе руку, если будешь вот так делать.

С этими словами она отшагнула в сторону, чуть разворачивая корпус, и девчонка, не сумев воспротивиться инерции, полетела вперед, неловко взмахнув мечом. Впрочем, в последний момент она умудрилась извернуться и броситься в атаку, однако ни сил, ни скорости ей не хватило. Шедавар отбила три удара, и, прежде чем Рейна успела занести клинок для нового, выбила меч из ее руки, задев кисть. Девчонка зашипела, а затем оторопело уставилась на оружие, тускло отражающее бледное сияние кристаллов.

Посмеиваясь, Шеда неторопливо побрела к оружейной стойке, возвращая клинок на место.

— Если хочешь стать королевой и вести за собой народ, тебе стоило бы больше времени проводить на тренировочном поле.

Рейнэвар подошла ближе, хмуро потирая запястье.

— Да, королева... Вообще — это я не серьезно. Ну... — она замялась, — Насчет трона. Слишком большая ответственность для меня. Ищущая Этанэвар говорит, что мне куда больше пристало тяпку держать, чем меч. Мол, только на это я и гожусь, — девочка вздохнула, а затем спохватилась, вновь краснея, — Ох, что это я! Прости, королева, это вряд ли то, что следует рассказывать.

Шедавар набросила на плечи рубаху и серьезно посмотрела на Рейну.

— А еще хорошая королева должна уметь выслушивать свой народ. Посему не извиняйся. И не расстраивайся — Этанэвар лишь хочет, чтоб ты стремилась быть лучше, чем ты есть. Прими ее науку и трезво оценивай каждый свой шаг. Только так ты сумеешь добиться высот, кем бы ни станешь потом, какой бы путь ни выберешь. Доброго тебе дня, Рейнэвар — и спасибо за танец.

С этими словами она развернулась и направилась к мостику, оставляя за спиной оторопевшую Рейну. Небось, через пару часов всюду будет щебетать о том, как дралась и разговаривала с королевой. Для молодых она по-прежнему оставалась сакральной, чуть ли не божеством, которое редко снисходит до общения с простыми смертными. Лишь старшие Ищущие действительно осознавали, что Шедавар — такая же, как и они, эльфийка из плоти и крови, любящая хорошую драку, добрый крепкий мед и задиристых девок. Впрочем, даже они относились к ней с почтением — что уж говорить о таких вот юных, как Рейнэвар.

Охранница бесшумной тенью следовала за ней, держась на некотором расстоянии от Шедавар, и ее присутствие даже не напрягало королеву. Хоть она и упрямо считала, что в родном городе опасность ей не грозит, а Аллэивар все-таки настояла на том, чтоб при ней находился хоть кто-то. Выбор пал на Келевар — одну из самых опытных Ищущих, выдающуюся охотницу, предпочитающую молчание пустой болтовне. Как минимум за это Шеда ее уважала — Впрочем, было еще за что: Келевар, узнав о плане королевы увести эльфов из подземелий, начала тайком беседовать с другими разведчицами и с рабочими эльфийками — и теперь за спиной Шедавар стоял весь Дом Ищущих и добрая половина Дома Творящих. Оставалось лишь убедить в необходимости такого решения ведьм, а там снежный ком покатится, зацепив и Жриц...

— Шеда, искорка...

Королева, вздрогнув от неожиданности, замерла — Слепая Мэг стояла прямо перед ней, зябко кутая острые худые плечи в шерстяную шаль и опираясь на узловатую клюку. Если бы она не позвала, Шеда точно врезалась бы в нее.

— Праматушка? Что ты делаешь здесь? Тяжело ведь...

— Надо потолковать. — в голосе Мэг Шеда ощутила металл, и ее невольно пробрала дрожь: старая ведьма была одной из первых, кто ушел в подземелья, а потому рядом с ней эльфийка чувствовала себя маленьким несмышленным ребенком, который и двух слов связать не мог.

Шедавар взглянула на Келевар и кивком головы отпустила ее. Эльфийка пристально поглядела на королеву, а затем чуть поклонилась и отступила назад, скрываясь за поворотом. Шеда заставила себя расслабиться — все же Мэг не сделает ей ничего дурного. Ведьма слепо глядя сквозь нее белыми, как молоко, глазами, прокряхтела:

— Подойди-ка, детка — мне и впрямь стоять тяжело. Поддай мне руку, искорка...

Шедавар шагнула к ней, осторожно подхватывая Знающую под руку. Несмотря на то, что старая эльфийка тут же навалилась на нее, королева практически не ощущала ее веса — словно та была перышком. Ее ладонь казалась сухой, легкой и пустой, словно кто-то перетер ее кости внутри тела в пыль да так и оставил, и теперь ветер древности перегонял эту пыль, как сердце качает кровь. Шеду передернуло.

Они шли медленно, и серая накидка колдуньи стелилась за ней шлейфом, тихонько шурша по каменным белым плитам. Краем глаза Шедавар видела ее профиль и думала о том, что в былые времена Мэг, наверное, была невероятной красавицей — и в глазах ее плавилось золото, и в волосах ее путался теплый ветер, и смеялась она, как смеются серебряные ручейки по весне. Интересно, как это — не видеть белого света, не знать, что происходит вокруг, отдать себя вечному служению? Воистину, Знающая, я подарю тебе солнце — пускай его и немного выпадет на твой век, но, клянусь кровью своей матери, ты ощутишь его прикосновение к своим щекам!

Пустующая воздушная беседка встретила их тихим журчанием белокаменного фонтана — ключ бил из ладоней молодой девушки, сомкнутых в чашу, и вода опадала к ее ногам вниз, разбиваясь о бортик крохотного бассейна и искрясь в тусклом мерцающем свете. Шедавар аккуратно подвела старуху к широкой каменной лавке, помогая ей присесть, и Мэг с тяжелым вздохом опустилась, склонив седую голову на грудь. Шедавар, севшая рядом, не решалась начать разговор — в молчании старой ведьмы что-то скрывалось, какая-то сильнейшая скорбь, которую королева ощущала едва ли не кожей. Помолчав, Мэгавар вновь вздохнула и тихонько молвила:

— Я помню тебя, искорка — помню, хоть ты, наверное, и думаешь, что это невозможно... мол, слепая. А я вижу так, как ни одна из вас не видит. И я видела тебя, когда ты еще на руках у матери своей лежала, у ее груди — Миренэвар пришла ко мне просить благословения для тебя. Ты была теплая, и такая маленькая — точно искорка... — она усмехнулась, тряхнув головой, — Я еще тогда знала — ты, девочка, станешь великой.

Шедавар не перебивала ее, не торопила. Знающая спустилась сюда из своей пещеры сама, проделав такой тяжелый путь — значит, ей нужно было сказать что-то очень важное.

— И так оно и случилось, да, случилось... Ты так выросла, искорка... — ее дрожащая ладонь накрыла руку Шеды, а в голосе вдруг прорезалась горечь, — Ты ведешь за собой наших детей, даруя им надежду. Ты готова сжечь все бывшее, чтобы дать жизнь новому, не раздумывая. Не спрашивая совета, ты делаешь так, как велит тебе сердце — а может, это небо говорит через тебя... И, наверное, ты не ошибаешься...

Что-то было в ее речах, что-то пряталось, и с каждым словом ее Шедавар чувствовала нарастающую тревогу, тяжелую и колючую, словно оцетинившийся базальтовый камень. И

тревога эта разгорелась пламенем в ее груди в тот миг, когда Мэгарвар подняла на нее белые глаза, в которых плескалась боль, ярость и страх, и почти беззвучно прошептала:

— Но сейчас, девочка, вместе с былым можем сгореть и мы.

Помолчав, Мэгарвар прикрыла глаза — впервые на памяти Шеды, смежив веки сознательно. Плечи старой ведьмы опустились, будто сверху на нее давила земная твердь — вся, какая есть. А затем она тихо-тихо выдохнула:

— Что же ты наделала, искорка... Зачем же ты ее отпустила...

В белой тишине был лишь один звук — скрип снега под сапогами да тихий звон, когда снежная пыль осыпалась наземь, касаясь ледяными боками ослепительного покрывала, устилающего землю. Скалы наконец расступились, и у Меред пропало ощущение, что камень хочет навалиться на нее, сдавить ее в губительных объятиях и сделать частью себя. Даже дышать стало легче, не говоря уже о том, что мир, казалось, посветлел. До самого горизонта землю устилал снег, и все тонуло и терялось в этой белизне — лишь острые бивни скал взрезали простор, впиваясь в серое небо. Меред уже который час пыталась найти взглядом башни Гильдии, прорезающие вышину каменными копьями — однако край земли все так же пустовал.

Атеа бодро шагала впереди, не давая им подолгу засиживаться на привалах или замедляться. Казалось, что у девушки второе дыхание открылось, и теперь она стремится дойти до Гильдии как можно быстрее. Лебедь даже не оглядывалась на них, изредка бросая через плечо что-то вроде «Боги, вы можете не ползти, как улитки по весне?! Шевелитесь там!», и Меред волей-неволей приходилось ускоряться, сцепив зубы. Тэаргарвар шла позади нее, и несколько раз Птица, обернувшись, видела, что эльфийская ведьма смотрит назад.

Это не нравилось ей. Возможно, Тэарга всего лишь тосковала по родной земле, но со спины вот уже который раз накатывало ощущение темной волны, грозящей накрыть их с головой. Оно приходило практически незаметной рябью, тревогой, колебанием огонька Дара Хартанэ в груди — но Меред всегда доверяла ему и пока еще ни разу не ошиблась. А потому всякий раз недоверие еще глубже прорастало в ней, когда она видела тонкую фигурку ведьмы, обращенную на юг.

Когда Тэарга в очередной раз обернулась, замерев позади Меред, девушка не выдержала.

— Знающая, ты что-то чувствуешь? Или высматриваешь?

Тэаргарвар полуобернулась к ней, низко опустив голову, и теперь Меред готова была поклясться, что из-под капюшона показалась тонкая-тонкая белая прядь — до того белая, что казалась сотканной из лунного света. Знающая стояла прямо, не шевелясь, и ветер чуть заметно трепал край ее одеяния. Меред ощутила, как тяжелый ком сдавливает горло — волна непонятного ужаса накатила на нее, тут же растворившись в шорохе ветра и сияющей белизне окружающего мира.

— Быть может, — тихо молвила Тэарга. Меред напряглась еще сильнее — ведьма темнила, это даже ребенок видел. Заметив это, Знающая изогнула губы в легкой усмешке, — Не бойся, Птица Меред. Тебе нет нужды бояться меня.

Я так не думаю. Из оцепенения ее вывел звонкий голосок Атеа:

— Эй, где вы там?! Что застряли? Пошевеливайтесь — мы уже на подходе к Гильдии. Мне порядком поднадоело торчать в этой холодрыге.

Меред, тихонько ворча под нос, повернулась к девушке, исподлобья глядя на нее. Та, возмущенная и раскрасневшаяся, стояла чуть поодаль, уперев кулаки в бедра, и всем своим видом намекала на то, что не намерена разбираться в происходящем. Да и вряд ли Атеа

обратила внимание на странное поведение Знающей...

Они продолжили путь, растянувшись вдоль тропы на несколько шагов друг от друга. Меред затылком ощущала колючий страх, забирающийся за шиворот и заставляющий ее прислушиваться куда сильнее обычного. Тэаргавар ступала бесшумно, и уже не раз Птице хотелось вновь обернуться, чтоб удостовериться, что ведьма идет за ней. Впрочем, та никуда не девалась — странная, жутковатая, она шла следом, напоминая белого призрака, вестника беды, и Меред все пыталась понять, реальна ли эта беда. Только богиня молчала, и все, что ей оставалось — ждать.

Вскоре горы справа от них расступились, и сквозь прорехи в каменной гряде показались темные кроны древних деревьев Гарварнского леса, вползающего в низину щупальцами сказочного водяного чудовища. Меред даже восторгалась — это означало, что совсем скоро на горизонте замаячит силуэт старого замка, где вот уже несколько веков передавали искусство божественного Танца. Страх отступил на несколько шагов — теперь он жался к ведьминым ногам, не пытаясь вновь вцепиться в Меред. Впрочем, девушка все равно оставалась начеку, периодически прислушиваясь к изменениям собственных ощущений. Однако по-прежнему вокруг и внутри стояла тишь, а когда впереди показался тонкий шпиль Птичьей башни, Меред совсем отпустило. Добрались.

С каждым шагом силуэт Гильдии становился все более четким, и скоро Птица уже могла различить окошки в башнях и хозяйственных постройках, лестницы и мосты, крохотные фигурки Птиц на стене. Чуть поодаль, еще севернее замка, у самого подножия гор ютился Птичий Городок, и Меред видела серебристый дымок, тянущийся над крышами. Ветер доносил до нее едва различимые звуки, такие непривычные после тиши гор, и она наслаждалась ощущением близости дома. Как ни крути, а здесь действительно был ее Дом.

На заснеженном поле перед воротами Келерийской Гильдии маячило с десятков фигурок. Они постоянно двигались, менялись, и вскоре Меред поняла: молодые девчонки играют на свежем воздухе. Чуть поодаль виднелась еще одна фигурка — видимо, какая-то из Наставниц наблюдала за птенцами. Уже слышался смех, перезвон детских голосов, и Меред невольно улыбнулась: когда-то и она точно так же играла в салочки — Атеа со временем нашла к ней подход и постоянно вытягивала угрюмую подругу веселиться. Не то чтобы Меред очень того хотела, но и она помнила это сладкое ощущение звенящего воздуха вокруг, прикосновения мороза к горячим щекам и блестящие озорные глаза девчонок, их залихватский хохот, их визги, когда кто-то кого-то ловил и валил в снег... Это было действительно славно.

Голоса становились все громче, а потом вдруг разом затихли, когда кто-то из девочек заметил их. Они замерли, всматриваясь вдаль, бросив свои веселые игры, а Наставница подошла ближе, становясь рядом с ними. Меред не могла рассмотреть с такого расстояния, кто это, но огненно-рыжее пятно колышущихся на ветру волос могло принадлежать только одной из Крылатых — Сольвэ. Она тоже была родом из Паррена, как и Меред, а потому всю жизнь девушка питала к Наставнице особую нежность. Правда, нрав у Сольвэ был крутой, словно пики Наамаха, а подзатыльники она раздавала направо и налево, не скупясь, но зато науку давала на века.

Над долиной разнесся колокольный звон, гулкий и глубокий — это стражницы Гильдии оповещали о прибытии своих сестер, и Меред зашагала быстрее, стремясь как можно скорее очутиться за воротами. Атеа тоже чуть ли не подпрыгивала, шагая рядом, и Птица различила блеск ее медовых глаз. Пусть Лебедь всю жизнь не питала к Келерии особых чувств, а возвращаться сюда ей тоже было радостно — в этом Меред не сомневалась.

Вдруг девочки — Меред уже практически могла различить их лица — засуетились, а Сольвэ что-то выкрикнула, срываясь с места и стремительно приближаясь к отряду Птиц. Ворота со скрипом отворились, и птенцы один за другим юркнули под огромную арку — лишь одна замешкалась, обернувшись к ним. Меред нахмурилась — а в следующий миг еще один удар колокола расколол тишину надвое, заставив девушку похолодеть.

Дважды колокол Гильдии звонил крайне редко — но каждая Птица знала, что это означает: дикие у ворот.

Ати уже готовилась к тому, что сейчас ее повалят в снег и начнут катать по земле, хохоча и визжа от радости, когда пухленькая Цейра вдруг замерла, глядя куда-то мимо нее. Инстинктивно Ати обернулась, откидывая ворох непослушных кудрей назад, и тоже остановилась, прекратив топтаться на месте: с юга к ним приближались люди. Присмотревшись, девочка поняла, что это — кто-то из старших Птиц; одну из них, шедшую впереди, она видела в Гильдии несколько раз — девушка была очень красивой. Ати узнала ее по длинной золотой копне волос, струящихся вниз по плечам, и по легкой танцующей походке. Вероятно, две другие женщины тоже были Птицами...

Что-то привлекло ее внимание, и девочка перевела взгляд за их спины, всматриваясь вдаль. За Птицами шли еще люди — Ати не могла их рассмотреть, лишь видела несколько темных точек, что приближались очень быстро. Неестественно быстро. А в следующий момент Сольвэ рывкнула:

— Дикие! Живо за стену, быстро!..

Она бросилась навстречу к Птицам, и Ати еще успела заметить ее побелевшее лицо и кисти маленьких красивых рук, лежащие на рукояти Крыльев. Перед глазами мелькнул вихрь огненных волос, а затем Цейра больно схватила девочку за запястье:

— Ати, что стоишь?! Скорее!

Глаза у Цейры были огромные, круглые и перепуганные, и Ати не успела ничего ей ответить — подруга потащила ее за собой, спеша вслед за другими девочками, такими же испуганными. Кто-то толкнул ее в плечо, и Ати отшатнулась назад, ощутив, как слабнет хватка Цейры. Рука выскользнула из холодных скользких пальцев, и девочка едва удержала равновесие, чудом умудрившись не упасть носом в снег. Она резко обернулась, глядя назад, на Сольвэ, на Птиц, что разворачиваются к преследователям, вынимая Крылья — и на темные силуэты диких, что неумолимо приближались, черными стрелами рассекая пространство. Девочка оцепенела, чувствуя, как страх сковывает все тело и не дает сделать ни шага к спасительным стенам Гильдии. Толпа птенцов исчезла в проеме арки, и дверь пришла в движение — Ати была под самой стеной, и ее вряд ли заметили дозорные, спеша защитить молодых обитателей Гильдии. Она словно во сне смотрела, как медленно смыкаются тяжелые створки и слышала голос Цейры, надрывно кричащей ее имя. Звук доходил словно издалека, будто подруга говорила из-под воды, и Ати отстраненно поняла, что не успеет.

Дверь захлопнулась, отрезая от нее звуки и лица, и Ати медленно подняла голову, чувствуя, как дрожат колени. Колотить по массивным створкам было бесполезно — вряд ли кто услышит. Девочка сжала покрепче тренировочный меч, понимая, что толку от него не будет никакого — однако у нее не было ничего, кроме этого сомнительного оружия. Птицы впереди выстроились щитом, поднимая Крылья и ожидая удара, а Ати просто смотрела, как темные силуэты приближаются к ним, обретая очертания самых страшных ночных кошмаров. А потом одна из женщин шагнула влево, резко разворачиваясь и взмахивая

клинком, и мимо нее пронеслась размытая тень с горящими бликами белых глаз, и начался смертельный Танец. Ати смотрела во все глаза, молясь про себя Хартанэ и дрожа от страха, когда вдруг ощутила на себе взгляд, от которого все холодело внутри.

Он был близко, непонятно каким образом зайдя со спины Сольвэ — и теперь медленно приближался к Ати. Ветер трепал седые лохмы, рассыпанные паутиными нитями по острым плечам, изрытым черными бороздами. Ати сглотнула, неумело выставляя перед собой затупленный меч. Он был близко — а Птицы были слишком далеко.

===== Глава 32. Вопросы =====

Ати тяжело сглотнула, во все глаза глядя на духа, медленно приближающегося к ней. Тренировочный меч, всегда казавшийся таким надежным и тяжелым, вдруг стал пушинкой, которую было так легко смять в руке. Руки предательски дрожали, как бы девочка ни пыталась убедить себя в том, что справится. Дикие боятся железа. А меч ведь тоже железный... Хартанэ, помоги! Только страх цепко держал ее, не давая шевельнуться, не давая даже вздохнуть, и маленькая Птица отстраненно подумала о том, что, наверное, так же чувствует себя мышь, прикованная к земле взглядом змеи. Мысль тут же исчезла, словно ее и не было, а Ати просто смотрела, как дикое существо идет к ней, дерганно наклоняя голову к плечу и скалясь.

Это как будто сон. Медленный сон. Время изменилось, превратившись в вязкую болотную жижу, и Ати ощущала, как тонет в ней — и в белых колодцах-глазах духа. Он тоже был словно из сна — страшного, жуткого, неправильного. Было что-то звериное в уродливых чертах его лица, что-то волчье, и девочка инстинктивно замерла — отец учил ее, что от диких животных нельзя бежать. Только дух животным не был — Ати видела в его глазах сознание и осознание того, кто он и что делает, и от того становилось еще страшнее. За его спиной металась силуэты, что-то происходило, слышался визгливый хриплый хохот, но она не могла отвести взгляда. Если отвлекусь — я пропала. Сейчас она осталась наедине с диким, и никто ей не поможет.

Она звала Хартанэ, звала всем сердцем — но теплая искорка в груди все никак не желала отзываться. Ати понимала, что вряд ли получится — они от силы дня три как начали учиться открывать богине свою душу, и пока что ни одна из них не смогла достичь успеха. Наставницы рассказывали, как это должно происходить, и несколько девчонок даже выкрикивали, что у них получилось — однако Крылатые проверяли учениц, а потом отвешивали им щедрых оплеух за такие придумки. Ати за это время еще ни разу не ощутила горячий огонек, медленно разгорающийся у сердца, а потому знала: надеяться не на что. Но из головы упорно не шли молитвы, а разом пересохшие губы беззвучно шептали имя Богини-Птицы. Пожалуйста, Шестикрылая, пожалуйста! Не оставь, услышь, молю тебя!..

Дух перед ней остановился, все так же клоня голову к плечу и ухмыляясь. Он мог подобраться к ней в несколько прыжков, и Ати лихорадочно соображала, можно ли уклониться от его броска, получится ли... Дух шумно втянул носом воздух, чуть прикрывая глаза — девочка видела, как затрепетали его ноздри, словно он пробовал ее запах на вкус и наслаждался им. Все внутри похолодело, а в мире не осталось ничего, кроме горящих белых глаз напротив и жуткого оскала.

Ма-а-а-аленькая... Хорош-ш-шая. Подойди ко мне...

Ати отчаянно затрясла головой, пытаясь прогнать наваждение. Голос духа парализовал ее, вполз в уши и теперь эхом раскалывался внутри ее черепа, и девочке хотелось послушаться его. Подчиниться ему. Чей-то крик сбросил пелену, и стало легче, однако дух

скалился все так же, и Ати по-прежнему не могла пошевелиться, глядя прямо на него. Дух медленно, ломанно опустился на четвереньки, зарываясь тонкими серыми пальцами в снег, а затем мелко затрясся, словно в лихорадке. Лицо его оставалось неподвижным, искаженным нечеловеческой улыбкой, и Ати услышала собственный тоненький крик, который тут же подхватил ветер и унес прочь. Едва ли ее кто услышал.

Дух уже не походил на человека — скорее на зверя, изломанного, без шерсти, зверя с голодными блестящими глазами. Седые волосы стекали вниз по его плечам, задевая снег, и Ати видела черные вены, выступившие на его неестественно тонких руках. Она скорее почувствовала его движение, чем увидела, и, не сумев смотреть на приближающийся ночной кошмар, зажмурилась и с криком наобум ткнула вперед клинком. Где-то совсем рядом послышался свистящий смех, и Ати, преодолевая себя, открыла глаза, быстро разворачиваясь и пытаясь удержать меч в слабых дрожащих руках.

Теперь он был в нескольких локтях от нее — девочка могла бы даже пересчитать его зубы в широко раскрытой пасти, если бы захотела. Стоял и почти с нисхождением глядел на тренировочный меч Ати. Маленькая Птица вновь сглотнула — это оказалось гораздо страшнее, чем ей думалось. Ничего страшнее в своей жизни она еще не видела.

Дикий прыгнул вперед, стремительно сокращая расстояние между ними, и Ати не успела ни отскочить, ни уйти из-под удара. Он сбил ее с ног, наваливаясь всем весом и придавливая девочку к земле. В тонком бесплотном теле оказалось неожиданно много сил, да и ощущался он живым — Ати всегда думала, что духи гораздо легче смертных. Но сейчас она не могла даже шевельнуться, тихо скуля от ужаса, уже и не надеясь на то, что ее кто-то услышит. В белых глазах духа отражались видения былого, и Ати смотрела, не в силах отвести глаза от обугливающих балок своего дома, подламывающих и падающих в огонь. Она уже видела это однажды — тогда ее вынесли из пожара на руках какие-то люди, обожженную и кричащую от боли и страха. Сейчас же существо низко-низко склонялось над ней, и Ати понимала: у смерти всегда одни глаза. Глаза дикого духа.

Сейчас-с-с, моя девочка, с-с-сладкая...

Ати зажмурилась, выдыхая имя матери — или имя Хартанэ, она уж и сама не знала. Оставалось лишь ждать — девочка уже приготовилась к смертельному удару, как вдруг яркая вспышка высветила темноту под веками, и над ухом раздался пронзительный вопль. Лицо обожгло, словно кто-то держал ее голову над кипятком, и пар больно касался щек. Ати слепо заморгала, беззвучно крича и хватая ртом воздух. Духа не было рядом — он корчился на земле чуть поодаль, скуля и извиваясь, а перед ней живым щитом стояла одна из женщин, пришедших с юга — та самая, с золотой косой.

Дикий смотрел ей в лицо и скалился, что-то тихо шепча, и девушка не стала медлить. Она резко бросилась вперед, занося Крыло, и дух, заметив это, попытался откатиться в сторону. Однако Птице того и надо было: разгадав его маневр, девушка присела, разворачивая рывком корпус и подныривая вниз. Крыло ушло снизу вверх по широкой дуге, вспарывая подколенные жилы, и дикий закричал, падая в снег, пестрящий черными пятнами. Птица не стала ждать и тут же ударила, вгоня клинок в его спину почти по самую рукоять. Дух дернулся, выгибаясь назад, и Ати увидела, как с его губ стекают густые темные капли.

Лучше бы тебе умереть сейчас-с-с... Лучше бы вам вс-с-сем... Ты пожалееш-ш-шь, что не согласилас-с-сь...

— Конечно, ага, — процедила сквозь зубы девушка, рывком проворачивая Крыло в теле духа. Тот вновь дернулся, а затем опал на землю черным пеплом и прахом. Птица брезгливо

отряхнула клинок, и, спрятав его в ножны, тут же подняла глаза на Ати и бросилась к ней.

— Как ты? Посмотри на меня! — ее холодные руки коснулись лица Ати, и девочка зашипела от боли: кожа и впрямь казалась обожженной. Горло сдавило, а все тело начало немилосердно колотить. Птица внимательно оглядела ее и крепко прижала к себе, — Тише, тише. Все хорошо. Их больше нет.

— Но там же... там еще, — Ати всхлипнула, невольно сжимаясь в комок. Было страшно даже глаза открыть — казалось, что дух вновь появится перед ней, страшный и безжалостный, и тогда...

— Все закончилось. Не бойся. Их больше нет. Как тебя зовут?

— А... Ати, госпожа.

— Хорошее имя, хорошее. На мое похоже, — девочка чувствовала, как крепкие пальцы осторожно прощупывают ее кости, проверяя, нет ли переломов, — Ати, он не ранил тебя? Ну же, посмотри на меня, не плачь. Скажи, ты не ранена? — девушка силой приподняла ее лицо, заставляя смотреть в глаза. Ати, сглатывая слезы, затрясла головой:

— Нет, госпожа... Только лицо печет.

— Ничего, — Птица посмотрела куда-то в сторону, и лицо ее изменилось, став жестким и холодным, — Это не страшно. Не бойся.

Ати слышала скрип снега, словно кто-то спешил к ним — и девушка смотрела туда же. Страх снова зажал ее в тиски, и девочка вцепилась побелевшими пальцами в руку Птицы. Она верила ей: диких больше не было рядом, но увиденное она вряд ли сможет забыть скоро. Белые глаза не исчезали, даже когда Ати закрывала глаза. Не думать об этом. Не думать, матушка, помоги мне забыть... Чтобы хоть как-то отвлечься, девочка тихо спросила, стараясь говорить так, чтоб голос не дрожал:

— Госпожа, а та вспышка, когда стало горячо очень... что это? Дар Хартанэ?

Птица с золотой косой усмехнулась, но в глазах ее не было ни единой искорки веселья.

— Нет. Наша Знающая подпалила дикого, — девушка скосила глаза на нее и, поймав недоумевающий взгляд, пояснила, — Колдунья. Швырнула огонь в него, по касательной — тебя вряд ли задело бы, но его отвадило, — помолчав, она чуть тише добавила, — Благодаря ей я успела к тебе.

Ати ощутила, как все тело становится ватным, тяжелым, а страх, заползший в каждую клеточку ее тела, все никак не желает отпустить. Сегодня смерть была совсем рядом — как и тогда, несколько лет назад, в горящем доме. И Богиня снова помогла ей, не дав старухе забрать девочку в свое царство. Ати обмякла на руках у девушки, и, когда над ней склонилась белая, как мел, Наставница Сольвэ, могла лишь всхлипывать. Птица с золотой косой осторожно подняла ее на руки, что-то говоря Крылатой, но Ати уже не слышала — в голове было гулко и пусто, мысли разбегались рассыпанными бусинами, а перед глазами стоял лишь один образ, который девочка всеми силами пыталась выбросить из головы — но не получалось. Вряд ли такую память можно было вытравить хоть когда-нибудь. Но наверняка все Птицы жили с этим, и как-то же умудрялись спать, и как-то же умудрялись выходить против этого кошмара снова, и... Как-то...

Как только тяжелые ворота Гильдии захлопнулись за ними, Сольвэ забрала с ее рук плачущую девочку, казавшуюся пушинкой. Атеа бережно передала почти невесомое тело Крылатой, хмуро поглядывая на Ати: рановато ей было еще видеть все это. Слишком рановато.

Внутренний двор замка был заполнен — со всех сторон их обступили испуганные

ученицы, совсем еще юные — видимо, те, которых они видели перед воротами, старшие Птицы, спустившиеся с башен, когда все уже было кончено, девушки, готовящийся к Первому и Второму Посвящениям, ведуньи... Шум стоял невообразимый — колокол звонил дважды всего несколько раз за всю историю существования Гильдии, а потому поначалу никто и не поверил в то, что дикие подобрались так близко.

Хорошо, что их было так немного. Иначе бы эти клуши не успели даже выйти нам на подмогу. Нас бы изодрали. А может, и нет...

Тэаргавар здорово помогла им — полосуя диких, Атеа краем глаза видела, как ведьма из воздуха сплетает огненные ленты и направляет их на духов, сжигая бестелесную плоть. И она спасла девочку, дав Лебедю несколько секунд на то, чтоб добежать на нее. Если бы не эльфийская ведьма, Ати уже сейчас смотрела бы пустыми глазами в небо, и Гильдия оплакивала бы свою потерянную дочь, так и не получившую Крылья. Атеа смотрела на нее, пристально разглядывая, запоминая, подмечая. Тэарга прятала руки в складках широких рукавов, оставаясь все такой же спокойной, словно пять минут назад на них не нападали дикие. Слово ничего и не было.

Атеа нахмурилась, ощущая, как в груди зверем заворочалось подозрение. Всю дорогу от Града-на-Перевале до Келерийской Гильдии ведьма шла позади них. На одном из привалов Меред подошла к Атеа и, понизив голос, рассказала, что колдунья постоянно оборачивается назад. Тогда Лебедь лишь отмахнулась, заявив, что им дела нет до того, почему там эльфийка смотрит в сторону Лореотта. А вот теперь получалось, что, возможно, дело и было. Атеа подняла голову, находя взглядом Меред. Девушка стояла, сжав руки в кулаки и не отрывала взгляда от ведьмы, которая, казалось, даже не замечала того. Лицо Птицы искажала такая ярость, какой Атеа сроду не видела — она даже не думала, что тихая и мягкая подруга способна на такое чувство.

Птенцы голосили, испуганно глядя на маленькую Ати в руках Сольвэ. Одна из девочек, круглолицая, со смешной льняной челкой, плакала навзрыд, и кто-то из старших успокаивал ее. До Атеа долетали лишь обрывки фраз. Смотри, с ней все хорошо... жива... Птицу не сломить... не плачь... Птенцы обступили Сольвэ, не давая ей проходу, и Наставница не выдержала:

— А ну-ка закрыли рты, все! — голос ее громом разнесся над Гильдией, и во дворе тут же повисла звенящая тишь: голоса смолкали быстро, и вскоре единственным звуком, нарушающим тишину, остался лишь тихий плач Ати, — Быстро подобрали сопли и разошлись по комнатам! Сегодня занятия отменяются — все спуститесь к ужину. И еще, — она обвела взглядом толпу учениц, и Атеа не смогла сдержать ухмылку: Сольвэ одним взглядом могла запугать девчонок больше, чем орда диких, — Если я узнаю, что хоть одна дура распространяет слухи, панику или просто истерит — лично высеку, перед всей Гильдией. Все предельно ясно?

Нестройное «Да, Наставница» стало ей ответом. Девочки хмурились, стараясь казаться храбрыми, утирали слезы, украдкой поглядывая на Ати и друг на друга. Сольвэ, оглядев их еще раз, прорычала:

— Раз ясно — живо разошлись. Дважды повторять я не буду.

Девочки засуетились, в молчании сбиваясь в крохотные стайки и разбегаясь. Старшие Птицы тоже расходились, перебросившись парой фраз с Сольвэ — но та лишь ограничивалась сухими кивками и ответами вроде «Дамала сообщит» или «Спускайтесь к ужину, будет обсуждаться». Наставнице Нийе, подошедшей к ним, Сольвэ тихо бросила:

— Созывай всех Крылатых. Через полчаса собираемся в Белом Зале. Я отнесу девочку в Лекарский Зал и приду.

Нийя кивнула, печально глядя на Ати. Серые глаза пожилой женщины полнились тоской и страхом, тщательно скрываемым, впрочем. Но Атеа слишком хорошо знала, о чем думает Наставница. Она сама не могла сейчас прогнать от себя подобного рода мысли. Если они подобрались так близко к Гильдии, сколько у нас еще времени? Что делать с птенцами? Их же нельзя... они ведь точно не выстоят. Нийя заторопилась прочь, запахиваясь в плащ, и вскоре двор опустел — остались лишь они вместе с Тэаргой, да несколько Птиц, хмуро глядящих куда-то сквозь стену, окружающую замок. Сольвэ выразительно взглянула на девушек.

— Пойдемте со мной. Отнесем птенчика — а там все расскажете детально, — тут взгляд скользнул по Тэарге, и Наставница нахмурилась, — Я не припомню тебя, Птица...

— Я не Птица, госпожа, — Тэаргавар чуть заметно склонила голову в полупоклоне, — Я держу путь из Лореотта.

Больше она не сказала ни слова. Сольвэ буравила ее тяжелым взглядом несколько мгновений, а затем холодно молвила:

— Хорошо. Добро пожаловать. Шевь! — она окликнула какую-то женщину, направляющуюся в сторону кухни, — Проводи добрую госпожу в свободную келью. Думаю, она захочет отдохнуть, — женщина кивнула, выжидающе глядя на Тэаргу, а Сольвэ вновь обернулась к эльфийке, — После окончания совета ты сможешь обратиться к Старшим Гильдии, ежели у тебя к ним дело, госпожа. Я доложу о тебе.

— Я бы хотела присутствовать на вашем совете, — Тэарга вновь склонила голову, а Атеа даже опешила от такой наглости. Сольвэ выгнула дугой огненную бровь, и тон ее стал еще более ледяным.

— Вынуждена отказать тебе, чужеземка. Совет Гильдии всегда проводится в закрытом режиме — так как касается лишь Гильдии. Исключений нет.

Воцарилась недолгая тишина. Шевь топталась поблизости, неуверенно поглядывая на ведьму. Тэаргавар наконец кивнула.

— Хорошо.

Единственное слово, сорвавшееся облачком пара с ее губ, повисло в воздухе, и ведьма, развернувшись, направилась к Шевь, которая тут же заторопилась увести женщину прочь, на ходу что-то спрашивая у нее. Сольвэ проводила тяжелым взглядом эльфийку, а затем хмуро поинтересовалась:

— Кто это, бес ее забори? Откуда она на ваши головы взялась?

— Лореоттская ведьма, — буркнула Атеа, — Вознамерилась идти следом за Меред. Не знаем, почему, не знаем, зачем. Прицепилась как банный лист, отделаться не можем.

— Вы ничего по-человечески сделать не можете, — проворчала Сольвэ, перехватывая девочку покрепче, — Ладно, идемте. Малышке нужен отдых. Она натерпелась сегодня.

Они направились к низкому приземистому зданию, что ютилось у подножия Вороньего Гнезда. Снег, утрамбованный сотней ног, тихо поскрипывал под сапогами, а воздух вокруг наполнился тишиной, какая могла царить лишь в Келерийской Гильдии, когда все птенцы сидели на занятиях или по своим комнатам. Атеа вдыхала знакомый запах полной грудью — но сейчас это не приносило ни эфемерной радости, ни простого покоя. Мысли путались, тревожные и обрывочные, и девушка не могла даже думать. Молчание нарушила Сольвэ:

— Что-нибудь нашли, Меред, Атеа?

— Приятно, Наставница, что имена наши ты не забыла, — слова сорвались с языка прежде, чем девушка успела себя остановить. Да, Атеа. Тебя в землю класть будут — а ты смерти будешь зубы заговаривать. Сольвэ угрюмо фыркнула.

— Да тебя забудешь... Я уж не упомню, сколько розг на тебя извела.

Атеа тоже не помнила. Когда она только появилась в Гильдии, Сольвэ как раз получила второе Крыло и стала Наставницей, решив обучать молодых. Атеа изрядно вытрепала ей нервы, и несколько раз Сольвэ прилюдно секла ее за неподобающее поведение, непослушание и еще бог весть за что. Потом Атеа тоже получила Крылья, и через некоторое время Сольвэ и розги вновь начали фигурировать в ее жизни — правда, уже в несколько ином смысле и с несколько иными последствиями. С тех пор у них с молодой Наставницей сложились очень теплые отношения, изредка переходящие в очень близкие — впрочем, обе были довольны таким положением вещей и относились к этому легко и спокойно. Ухмыльнувшись воспоминаниям, Атеа отбросила со лба мешающую прядь.

— Оставим розги на потом, Сольвэ. Думаю, славные воспоминания мы можем приберечь до более спокойных времен, — она посерьезнела, — В общем-то, кое-что нашли. Но я пока не знаю, имеем ли мы право разглашать все сейчас, на совете. У нас доклад к Лорелей — она нас назначала на задание.

Рыжая женщина кивнула:

— Раз к Лорелей, значит, ей все и поведаете. Сейчас будем разговаривать по существу.

Они поднялись на широкое каменное крыльцо, и Меред, зайдя вперед, открыла для Сольвэ дверь. Они вошли внутрь, и Атеа бросила взгляд на подругу — та была бледна, по-прежнему хмурилась, и на лице ее читалась плохо скрываемая ярость. Ощутив взгляд Лебеда, Меред посмотрела на нее.

Надо поговорить.

Мысль, адресованная лишь ей, отозвалась в голове тихим эхом. Атеа едва заметно кивнула, а затем окликнула Сольвэ, что уже направлялась к двери Лекарского Зала.

— Мы подождем тебя на крыльце, Сольвэ. Воздухом, так сказать, подышим.

Ответом ей стала вскинутая рука Наставницы, сделавшая неопределенный жест в их сторону. Расценив это как положительный ответ, Атеа подхватила под локоть Меред и вывела ее на ступени, притворяя за собой дверь. Как только гулкая тишина помещения осталась за спиной, Меред отшагнула в сторону, выпутываясь из-под руки Атеа, и развернулась к ней.

— Это все она.

Атеа вздернула бровь:

— Меред, кто она и что все?..

— Боги, ты можешь убрать свои бесовы маски и прекратить делать вид, что не понимаешь, о чем речь?! — всплеснула руками Меред, чуть ли не на крик срываясь. Ее льдистые глаза горели таким пламенем, что Атеа в который раз изумилась — наверное, Меред довели до предела, — Ты прекрасно знаешь, о ком я и о чем!

Она стояла напротив Атеа, тяжело дышащая, со сверкающими глазами, с напряженной линией плеч. Верхняя губа ее побелела и чуть подрагивала. Одним плавным шагом Лебедь сократила расстояние между ними, а затем крепко схватила подругу за плечи и с силой встряхнула ее. Девушка сразу как-то замялась, когда Атеа склонилась над ней и прорычала ей в лицо:

— В себя приди. Не хватало еще, чтоб ты начала истерить, как добрая половина баб в

Гильдии. Это сейчас вообще ни к чему, дорогая моя.

Меред несколько секунд просто смотрела на нее, все так же быстро и тяжело дыша, а затем опустила голову. Челка, темная с красноватым благородным отливом, упала ей на глаза, и девушка тихо молвила:

— Хорошо. Я спокойна.

— У-у-умница, — почти пропела Атеа, отступая от нее, — А теперь давай, выскажи мне все — по существу, но экспрессивно, с эмоцией!

Меред вопросительно взглянула на нее из-под челки, и Лебедь устало закатила глаза.

— Боги, просто излагай.

— Дикие — это ее рук дело. Тэарги, — Меред наклонилась к ней, хмурая и мрачная, — Она вела их за нами, я даже не сомневаюсь в этом. И здесь она для того, чтоб накликасть беду. Я чувствую это, Атеа, — девушка прижала кулак к сердцу, глядя на Лебеда с молчаливой мольбой. Атеа знала этот взгляд: никто не верил Меред, когда она говорила, что ощущает сердцем.

— Я тебе верю, — успокоила она Меред, и та даже лицом посветлела, — Но обвинять ее мы не можем. Наверняка-то нам ничего о ней неизвестно...

— А что тогда делать? — теперь в голосе Меред слышалось отчаяние. Боги, сколько же всего прячется за твоей броней.

Атеа задумалась. Тэаргавар была странной, если не сказать большего, и она до сих пор не знала, как относиться к ведьме. С одной стороны, эльфийки были на их стороне, и Лебедь верила слову, данному королевой Лореотта. С другой стороны, слишком уж много темноты собралось вокруг Знающей, и узнать, что находится под этой вуалью, они никак не могли.

— Не торопиться, — помедлив, ответила она, глядя куда-то вверх, где клубились серые валы туч, тяжело переползавших друг в друга, — Я донесу о ней Старшим. Мы донесем. И свои догадки выскажешь сама. Мы в любом случае сделать ничего не сможем пока — так что предлагаю свалить это разбирательство на плечи сильных замка сего, а то в последнее время все на нас, все на нас, ты не находишь?

Меред не отвечала ей, и Атеа невольно взглянула на нее. Девушка внимательно оглядывала ее, словно первый раз увидела, всматривалась в ее лицо, будто бы что-то ища. Атеа встретила ее взгляд и непонимающе приподняла брови:

— Что?

— Ты изменилась, — Меред не отводила взгляда, и что-то странное было в выражении ее лица, что-то гораздо большее, чем все те эмоции, которые она обычно проявляла, — Вначале пути ты вела себя совсем иначе. Относились ко всему иначе. Так немного времени прошло, а ты... стала серьезнее. Лучше. Ты выросла...

— Да ну тебя, — отмахнулась Лебедь, досадливо морща нос, — Побродишь с вами — еще и не так состаришься, ханжи несчастные. Все самые лучшие мои качества не выдерживают вашего гнета. Вот и приходится подстраиваться!

Меред вдруг поймала ее ладонь — да так быстро и мягко, что все колкие речи разом вылетели из головы. Атеа с недоверием смотрела на аккуратные жесткие пальцы, что так бережно держали ее руку — и ожидала дальнейшего развития событий. Вот наверняка сейчас последует какая-нибудь тирада, наполненная самоотверженным героизмом, это как раз в духе Меред... Но девушка лишь легонько сжала ее пальцы и, глядя прямо ей в глаза, хрипло выдохнула:

— Атеа, я... ты... — она шумно втянула носом воздух, а затем как-то протяжно

вздохнула. Хватка ее ослабла, и она осторожно убрала руку, — Я очень рада, что ты стала такой. Правда, рада.

Прозвучало это совершенно безрадостно, да и Меред отводила глаза, словно нашкодивший щенок, невероятно смешной и трогательный. Атеа мрачно проворчала:

— Да никакой я не становилась, Богиня! Это ты просто глаза наконец раскрыла и увидела, насколько я хороша, да-да! — она скрестила руки на груди, глядя на Меред с легкой усмешкой. Подруга как-то совсем стушеввалась под ее взглядом, отворачиваясь, но тут дверь отворилась, и к ним на крыльцо вышла Сольвэ, хмурая, словно небо в самую жуткую непогоду. Атеа повернулась к ней, — Как девочка?

— А угадай с трех раз, — буркнула женщина, рассеянно дернув упавшую на грудь огненную прядь, — Плохо она. Ревет, жмурится все время. Шепчет что-то, — помолчав, Крылатая продолжила, — Эрхи дала ей какой-то сонной травы, глядишь — и задремлет. Может, полегчает. Идемте. Я все на совете расскажу.

Она спустилась со ступеней, и Атеа направилась следом за ней. Позади брела Меред, почти бесшумно ступая за спиной, и краем глаза Лебедь видела ее силуэт за своим левым плечом. Поравнявшись с Сольвэ, девушка задумчиво оглядела двор, такой пустынный сейчас. Здесь всегда царила странная атмосфера — безмолвное спокойствие и суровая сила сплелись за стенами Гильдии в единую крепкую нить, что прошивала каждый камень, каждую башню и каждого человека, находящегося на этой земле. Возможно, потому Атеа и не сумела оставить Келерию: предать эту силу могли лишь единицы. Лебедь предпочитала бросать ей вызов — но не предавать.

Невысокая широкая башня, прозванная в Гильдии Насестом, поднималась всего лишь на четыре этажа над землей. Здесь было сухо и тепло, пахло чистотой и сосновыми поленьями, и Атеа, поднимаясь по истертым ступеням на третий этаж, в который раз подумала, что Насест нравился ей едва ли не сильнее всех других мест Келерии. Почему-то ей было уютно среди старинных гобеленов, пушистых шкур, развешенных на стенах, среди серого грубо обработанного камня, который выглядел благороднее мрамора. Это место казалось ей северным, мрачным и угрюмым с виду, но очень теплым на самом деле — и ей, златоволосой южанке, невероятно нравилось приходить сюда.

Все совещания Гильдии проходили на Насесте, зимой все приказы Лорелей оглашались именно тут — и здесь же устраивался традиционный пир, когда очередная стая птенцов обретала Крылья. Наставницы рассказывали старые байки девочкам, отныне носящим гордые птичьи имена и ставшим настоящими Птицами Келерии. Атеа помнила, как полулежала на устеленной теплой шкурой лавке, потягивая из чаши крепкий, горький вересковый мед, и на душе было так сладко и терпко, и сердце стучало чаще от гордости, хмеля и странной, ни на что не похожей радости, а в теплом полумраке, золотистом в свете факелов, Наставница Ашлинн рассказывала им чудесные истории и славные предания былого. И пахло тогда сосновыми поленьями, медом, дичью с пряными травами...

Сейчас же в Белом Зале не было отсветов пламени, танцующих на стенах, не было ароматного мяса в глубоких блюдах на длинных дубовых столах — зато собрались почти все Наставницы. Они рассаживались на устеленных шкурами лавках, обеспокоенно переговариваясь меж собой, и Атеа ощущала повисшую в Зале тревогу почти на вкус. Когда они вошли, все взгляды тут же впились в них, цепляясь так крепко. Лебедь развернула плечи, проходя мимо Крылатых, и церемонно опустилась рядом с Сольвэ. Меред юркнула за ней, усаживаясь чуть поодаль, как всегда особняком от всех, опуская голову так, чтоб никто не

видел ее глаз. Вот и ты защищаешься как знаешь. Как и я.

Гулкое эхо шагов разнеслось под каменными сводами, и в Зал вошла Наставница Дамала, прозванная Ласточкой. При взгляде на нее девушку передернуло — вот уж кто нагонял страх на всю Гильдию, от мала до велика... Дамала как всегда была в черном, и от того лицо ее казалось совсем бледным, словно у привидения. Широкие полы ее мантии скользили над полом, и Атеа готова была поклясться: не знай она Наставницу — точно приняла бы ее за вестницу Дикой Охоты.

Дамала подошла к Сольвэ, склоняясь к ней, и что-то шепнула той на ухо. Сольвэ нахмурилась, бросив быстрый взгляд на девушек, а затем кивнула — явно нехотя. Ласточка выпрямилась и, не удостоив Меред и Атеа даже взглядом, проскрежетала:

— Идемте. Здесь разберутся и без вас.

— Крылатая, при всем уважении, на совет нас позвали наши сестры, — Атеа попыталась сделать так, чтоб голос ее звучал нежнее легкого ветерка в стеклянных трубочках, однако получилось не слишком правдоподобно. Дамала все-таки взглянула на нее и насмешливо фыркнула:

— Ишь ты. Самое большое достижение за твою жизнь, Атеа из Эглеира. Поздравляю. А теперь еще разок. Поднимайте свои зады со скамейки — и шагом марш за мной. Лорелей вряд ли понравится, если я сообщу ей, что ты пренебрегла ее приказом явиться по ее зову...

Атеа заскрежетала зубами, но смолчала, прикусив язык в тот момент, когда очередная колкость была готова сорваться с него. С Ласточкой она еще успеет поквитаться однажды — раз Лорелей зовет, дело может и подождать. Слишком много легенд ходило вокруг Старшей всей Гильдии, а потому Атеа ощущала предвкушение, покидая Белый Зал следом за Дамалой. Вся темнота мира, медленно, но верно обступающая их со всех сторон, не могла задавить почти что детского любопытства, легонько щекочущего в груди. Лорелей уж наверняка знала, что делать — а посему можно было бы отпустить смурные мысли прочь. Да только тревога все равно металась раненым зверем где-то на границе сознания, и, поднимаясь по высоким ступеням Северного Гнездовья — самой высокой башни Гильдии, — Атеа то и дело оглядывалась назад, глядя туда, где за стеной виднелись вспаханные когтями снежные шапки да следы, которые уже начал замечать ветер.

===== Глава 33. Королевский секрет =====

Северное Гнездовье отличалось от всех других башен Гильдии. Самая дальняя и самая высокая башня впивалась в небо острым пилем четырехскатной крыши, на углах которой сидели, раскинув огромные крылья, четыре каменные птицы. Повернутые по сторонам света, они, словно безмолвные стражи, встречали рассветы и провожали светило на закате, глядели на Нить Мира, натянутую через все небо, глядели в оба ее конца, будто чего-то ждали — на север и на юг. Зимой светлая полоса, мерцающая тысячами звезд, была видна куда хуже — зато летом горела до того ярко, что можно было увидеть целые скопления крохотных белых искорок, теряющиеся в небесной шири. Когда-то Атеа даже грезила, что это на самом деле далекие города неведомых стран, что парят над миром, как воздушные корабли. Но, когда она поделилась своими фантазиями с Меред, девочка неуверенно посмотрела на небо и покачала головой:

— Что же это получается, те, кто в этих городах живет, вниз головой ходят? Ну, если мы их отсюда видим?.. Нет, Атеа, наверное, это все-таки другое что-то...

Тогда Атеа до хрипоты выпрашивала ее, что же такое звезды — и Меред отвечала, что это всего лишь души ушедших людей, что держат в своих руках крохотные фонарики. Так ее

учил отец, и парренская девочка упрямо отказывалась принимать что-то иное на веру. Сама Атеа тоже не особо-то много знала о звездах — ей мать тоже всегда рассказывала всяческие байки. Однако ее мысль казалась ей по-настоящему важной, поэтому девочка ухватилась за нее так крепко, как только могла. Впрочем, со временем мысли о звездах отошли на второй план, уступая место искрам на доньшке красивых глаз напротив. Сколько было тех глаз в ее жизни, Атеа тоже давным-давно не считала, но это стало определенно интереснее звезд.

Сводчатые коридоры Северного Гнездовья то и дело упирались в лестницы, стремящиеся вверх. Высокие окна с цветным узором витража вдоль кромки разгоняли полумрак, и Атеа видела, как медленно танцуют серебряные пылинки, высвеченные полосой света. Дамала поднималась все выше, и сквозь стекло Атеа видела соседние башни, хозяйственные блоки внизу, тренировочное поле. Ноги уже начали гудеть, когда Наставница наконец привела их почти под самую крышу, увенчанную птицами. Лестница поднималась еще выше, но Дамала направилась прямо по коридору, и девушки последовали за ней. Атеа нахмурилась: по легенде, Лорелей обитала на самом верху Северного Гнездовья, как раз под крышей — сама Атеа не раз острила насчет того, что Старшую должны были прозвать не Неясытью, а Чердачной Летучей Мышью.

— А разве нам не выше? — не выдержав, поинтересовалась она у Дамалы.

— Вам не выше, — проскрипела та, и Атеа поморщилась. До чего же голос мерзкий — под стать роже и характеру. Вот верно говорят: боги все делают так, чтоб сходно было. Красивый — так во всем. Урод — так Дамала.

Крылатая остановилась перед окованной железным орнаментом дверью и коротко постучала по отполированной поверхности. Подошедшая поближе Меред присмотрелась к узорам древесины и восхищенно выдохнула:

— Орех! Ничего себе... Всегда мечтала поработать...

С той стороны двери послышался чей-то голос. Дамала, толкнув дверь, бросила холодный взгляд на Меред.

— Застану с лобзиком или еще чем-нибудь под дверью — прибью к бесовой матери.

Она скользнула в проем двери, и Атеа, наклонившись к пунцовой Меред, тихо шепнула ей на ухо:

— Это прямо подстегивает, правда, Меред, дорогая?.. Я бы на твоём месте не задумывалась.

И с этими словами девушка шагнула в комнату, расправляя плечи и натягивая на лицо самую кошачью из всех улыбок. Когда еще выпадет шанс поглазеть на Старшую всей Гильдии, да и еще и глазки ей построить? Кто знает, что из этого выйдет.

Внутри оказалось светло и просторно, сладковато пахло старой древесиной. Дамала стояла у широкого окна, повернувшись ко всем спиной и заложив руки назад. На фоне прозрачного стекла она казалась черной тенью, и Атеа в который раз подумала, что дочь Вороны тоже должны были прозвать Вороной. Такая же омерзительная... И нос у нее длинный.

В центре комнаты стояло несколько крепких кресел, застеленных шерстяными покрывалами и шкурами, и расставленных вокруг небольшого стола. На лакированной столешнице отражался янтарный блик — это свет падал на круглый стеклянный чайник, в котором заваривались какие-то травы. Комната казалась домашней — вдоль стен тянулись многоярусные стеллажи, уставленные толстыми книгами, и Атеа подумалось, что это могла бы быть библиотека. Чуть поодаль, как раз у окна, где стояла Дамала, находился еще один

стол, заставленный письменными принадлежностями — Лебедь видела изящные баночки с цветными чернилами, увеличительные стекла, рябые пестрые кончики длинных перьев. А в одном из кресел сидела, сложив руки на коленях, незнакомая женщина.

Судя по всему, одна из легенд точно не лгала, и Лорелей действительно была эльфийкой. Иначе объяснить ее молодость Атеа никак не могла. Женщина не создавала впечатление юной девочки, только получившей Крылья, но что-то в ней оставалось чистым, молодым и сильным. Она сидела прямо, спокойная и благородная, словно из алебаstra слепленная, и сквозь тонкие черты ее лица просвечивалось едва различимое сияние. Зачесанные назад волосы темной волной спускались на плечи, едва доставая кончиками ключиц, выглядывающих из-под ворота строгого темного платья. Ни вышивки, ни камней — лишь шнуровка на рукавах да длинные разрезы на передней стороне подола, начинающиеся чуть выше колен. Как и многие Наставницы, под юбкой Лорелей носила теплые штаны и высокие сапоги, из чего Атеа сделала вывод, что Старшая не к их приходу принарядилась. Крыльев на поясе у нее Лебедь не заметила — но кто знает, возможно, они ей и не нужны были.

Женщина спокойно оглядывала их, мягко улыбаясь одними уголками губ, и Атеа сообразила, что уже с минуту просто стоит и скалится ей в ответ. Спohватившись, девушка тут же согнулась в низком поклоне и поспешно затараторила:

— Госпожа Лорелей, Атеа из Эглеира и Меред из Паррена, Птица Лебедь и Птица... э... в общем, Птица, — сбивчиво закончила она, — Прибыли с докладом с совместного задания.

Глаза Лорелей, синие, словно незабудки, блеснули лукавым огоньком. Дамала за ее спиной фыркнула, и Атеа тут же решила, что про себя госпожу Наставницу будет звать не иначе, как Кобылой. Впрочем, взгляд Лорелей казался ей странным, и Атеа заподозрила что-то неладное.

— Рада вас видеть, Птица Атеа и Птица Меред, — величественно кивнула женщина. Голос у нее оказался приятным, мелодичным, и Атеа с трудом сдержала похабную улыбку: на красивые голоса она была уж очень падка, — Однако вынуждена разочаровать вас: я не Лорелей. Мое имя — Тайиль, я — Пишущая Келерийской Гильдии.

Атеа тут же разогнулась, оторопело глядя на женщину. Меред рядом тоже выпрямилась и теперь более смело разглядывала ее, решившись все-таки поднять глаза. Лебедь забормотала:

— Но... а как же... Дамала сказала, что Лорелей приказала нам...

— Приказала, — подала голос раздраженная Дамала, — Но я не сказала вам, пустоголовое ты создание, что примет вас сама Старшая.

Атеа нахмурилась:

— Однако, согласно заданию, отчитываться мы должны перед Лорелей — ни перед кем другим. Это озвучила Старшая нашего отряда, отбывшего в Лореотт — Даэн. К тому же, то же самое было указано в письме Лорелей к королеве подземных эльфов клана Вар, — она скрестила руки на груди, — Я не хочу потом объяснять госпоже Неясыти, почему мы нарушили ее приказ.

— Ну хоть что-то я вбила в ваши головы, хвала Богине, — скрипнула зубами Дамала, — А теперь прекрати показывать норы и выслушай меня. Надеюсь, этого объяснения тебе будет довольно. У Лорелей есть дела поважнее, чем выслушивать всех Птиц, разосланных с ее поручениями по миру. Доклады всегда принимает Старший Совет — Тайиль, Гаэра и я, а

уже потом передает все Лорелей в частном порядке. Но Ворона сейчас плетет защитную ворожбу вокруг замка, а вместе с ней — все Воронье Гнездо. Ведьмы заняты. Так что излагать все будете нам.

— Прости уж, Старшая, но я не совсем понимаю, что может быть важнее, чем известия о диких и о том, что творится в окрестностях Лореотта? — внутри щекоталось раздражение, смешанное с приятным азартом. Нечасто выпадала возможность показать клыки Дамале — и упускать эту возможность Атеа не собиралась.

— Ты думаешь, ты одна несешь важные вести? — Дамала развернулась к ней, насмешливо вздергивая бровь, — Не смей меня, Атеа из Эглеира. Здесь есть те, кому доверяют гораздо более серьезные вещи. Поэтому заканчивай представление и приступай, будь добра. Не испытывай мое терпение.

Атеа уже собиралась ощериться в ответ, когда Тайиль примирительно подняла ладони вверх, плавным движением вставая из кресла.

— Сестры, прошу вас. Не время ссориться, — она повернулась к Атеа и, глядя ей прямо в глаза, твердо сказала, — Дамала говорит правду, Атеа. Испокон веков Старшая всей Гильдии выходит к Птицам лишь в те времена, когда это действительно необходимо. Такова традиция, таков закон. Сейчас этой необходимости нет — пока, по крайней мере.

— Богиня, иногда я думаю, что Лорелей — это мифическое существо... — проворчала Атеа, капризно кривя губы — но при этом оставаясь собранной и спокойной внутри. Разве что кончики пальцев приятно покалывало — так всегда бывало, когда начиналась очередная игра. А с Тайиль вполне можно было бы поиграть, — Впрочем, раз такая прекрасная женщина просит, и впрямь — не буду тянуть твое время, очаровательная госпожа.

Она подошла к креслам, покачивая бедрами при ходьбе, и изящно опустилась на мягкие покрывала — прямо напротив Тайиль. Рядом неуклюже присела Меред, как всегда опираясь локтями на колени и опуская голову вниз. Дамала оторвалась наконец от созерцания пейзажей за окном и тоже села в кресло рядом с Пишущей. Угрюмо оглядев Атеа, Дамала буркнула:

— И? Чего примолкли?

Бесишься, дочь Вороны? Бесись. Атеа растянула губы в тонкой улыбке и, переводя взгляд на Тайиль, чуть наклонилась к женщине через стол, глядя на нее немного снизу.

— Что же, хорошо. Мы с Меред, как и многие другие, отправились разведывать ситуацию по окрестностям. Мы находились у Прибережка, когда нас нагнала Крылатая Илима и сообщила, что Лорелей приказала встретить Даэн из Фаулира и вместе с ней отправиться на задание. По указанию Илимы, мы направились к Серой Топи.

Меред изредка кивала, подтверждая ее слова. Дамала сидела, откинувшись на спинку кресла, и внимательно слушала, прикрыв черные глаза, Тайиль разливала по стеклянным чашечкам травяной чай — впрочем, Атеа знала: она ловит каждое слово.

— Даэн прибыла в Серую Топь примерно в то же время, что и мы, с разницей в один день. Она сообщила нам задание — разведать окрестности Лореотта, города пещерных эльфов, и выяснить, есть ли там дикие. В тот же вечер на нас напали — «паук» и падальщик, всего их было двое. Меред серьезно ранили, меня поймал «паук», но Даэн и Меред справились. Мы ушли из Серой Топи буквально через час, после того, как обошли деревню. Пришлось освободить десятерых, из них — пятеро детей, — голос предательски дрогнул, но Атеа быстро взяла себя в руки. Поздно было горевать, — После этого мы ушли с проложенного курса и отправились в Лойнар, так как Меред требовался ведун, очистить

рану. И там мы встретили ведьму Мару. Ту самую ведьму.

Девушка сделала многозначительную паузу, давая Дамале и Тайиль понять, что именно она имеет в виду. Пишущая лишь мягко кивнула, как бы прося продолжать, а Дамала даже не шевельнулась, словно застыла. Да, не получилось драматически. Отбросив ненужные мысли, Атеа продолжила:

— Мара излечила Меред, а затем наши дороги разошлись — и вновь пересеклись в Лореотте. На тот момент мы еще не знали, что она идет против Дикой Охоты. Получив задание от королевы Шедавар, мы двинулись в сторону Мертволесья.

— Вместе с ведьмой? — уточнила Дамала.

— Она нагнала нас на подступах к лесу. Мы вошли туда вместе, — она помолчала, собираясь с мыслями. Та битва еще стояла перед глазами, и даже воспоминания о ней были страшными, — Сначала мы столкнулись со скаах, многоликим духом.

— Скаах не видели бес знает сколько веков, — нахмурилась Дамала, исподлобья глядя на нее, — Ты ничего не пугаешь, девочка?

Атеа отрицательно покачала головой, а Меред впервые за все время в комнате подала голос:

— Нет, Наставница Дамала. Это действительно была скаах. И мы не смогли бы справиться, если бы не госпожа Мара, — Меред вдруг испуганно взглянула на Атеа, но Лебедь кивнула ей: мол, продолжай, — Она... что-то сделала... из нее словно свет разошелся, и дух рассыпался пеплом. Мы шли дальше, по следу пропавших эльфийских девочек, и столкнулись с группой диких. «Пауки», падальщики, обычные немерты и скаах. Их было трое. Скаах взяла на себя госпожа Мара, мы разбирались с остальными. Потом снова был свет госпожи Мары, однако он чуть было не оборвал нашу связь с Хартанэ, а госпожа Мара впала в беспамятство. Мы решили уходить из Мертволесья — эльфийские девочки оказались среди темных духов, и одна из них превратилась в скаах. Мы видели ее истинное лицо, когда она... умирала. И принесли в Лореотт доказательство — кристалл, эльфийки носят их на шее, все без исключения. В прахе скаах был тот самый кристалл, — девушка перевела дух. Когда она заговорила вновь, голос ее стал тише — и Атеа знала, почему, — Мы покинули Мертволесье, и нас подхватили эльфийки из Лореотта — их ведьма почувствовала ту вспышку, вызванную госпожой Марой, и королева отправила отряд за нами. Уходя, мы видели, сколько их, — она покачала головой, поднимая взгляд на женщин, — Их тысячи. Все Мертволесье мерцает. И это правда, Наставница Дамала Пишущая Тайиль. Просто не перечить. Пока они ждут — но того, что мы видели, довольно. Наверное, свет еще не видел такой войны, что грядет. Поверьте нам — мы видели это сами.

Тайиль мягко кивнула:

— Мы знаем. Со всех сторон вести идут темные, и не вы первые говорите о невиданной доселе войне, — она тяжело вздохнула, поджимая красивые губы, и устремляя взор куда-то за окно. Атеа, подхватив рассказ Меред, продолжила:

— Мы возвратились в Лореотт, где нас излечили. Если вы связаны с госпожой Лорелей, то, наверное, знаете о том, что королева Шедавар задумала вывести эльфов из подземелий, объединить кланы и выйти с нами против диких.

— Да, это нам известно. Мы вместе принимали решение о том, чтоб отправить Даэн ко двору правителя Эллоина, — Дамала поднялась с кресла и принялась расхаживать по комнате, — Я была против — людям это ни к чему. Однако, сейчас ситуация несколько изменилась. Если дикие подошли так близко к Гильдии — шансов у нас действительно мало.

По крайней мере, если мы останемся в изоляции.

Она замолчала, поворачиваясь к ним лицом. Жесткие глаза черными омутами втягивали в себя все блики и пятнышки света, а под ними лежали глубокие тени. Видать, и сама Дамала провела несколько ночей в окрестных горах да полях.

— Сейчас все наши опасения подтвердились — и продолжают подтверждаться. Посему относительно вас было принято серьезное решение.

А вот это уже интересно. Атеа заинтриговано взглянула на Дамалу — но обратилась к ней Тайиль. Женщина сидела все так же прямо, и ее белые нежные руки резко выделялись на фоне темной ткани юбки. Внимательно взглянув на девушку, Тайиль склонила голову набок.

— Атеа, ты отправляешься в Тиннеред, ко двору короля. Нам нужны люди — и их приведешь ты.

Лебедь некоторое время переваривала полученную информацию, а затем с картинным вздохом подперла щеку:

— Боюсь расстроить тебя, прекрасная Тайиль — государь Тиннереда при смерти и малость не в себе. Думаю, что он немного не поймет, если к нему заявится девица из Келерийской Гильдии и скажет ему: «Милостивый государь, тут немножко беда у нас, будь так добр — дай мне армию». И супруга его, пожалуй, тоже не поймет — еще и если учесть то, что именно она спровадила меня подальше от короля. Сомневаюсь, что это выгорит, уж прости. Меня лучше куда-нибудь на юг, — она чуть прищурилась, широко улыбаясь, — К морю и теплым пескам пустынь. Ты любишь море, госпожа Тайиль?

Тайиль приятно улыбнулась — так, что на гладких щеках появились прехорошенькие ямочки, а глаза ее задорно блеснули. Впрочем, сквозь это все Атеа ощущала какое-то невероятное спокойствие женщины — и еще что-то. Если бы Лебедь не знала женщин, то могла бы подумать, что Пишущая забавляется. Ответить ей Тайиль не успела — Дамала подошла к столу и склонилась над ним, упираясь ладонями в столешницу и нависая над Атеа.

— Моя супруга не любит море, — голос ее больше походил на рычание.

Матерь Божья...

— А. О, — глубокомысленно выдавила Атеа, пытаясь уложить в своей голове, что такая красавица, как Тайиль, могла быть нареченной Дамалы, — Ну, так бы сразу и сказала, госпожа Дамала.

Дочь Вороны не ответила, сверля ее тяжелым взглядом. Когда она выпрямилась, Тайиль спрятала лукавую улыбку и вновь серьезно поглядела на Атеа:

— Море подождет, Атеа. Ты, конечно, права — если заявишься ко двору как Келерийская Птица, тебя вновь спровадят, да еще куда подальше, чем тринадцать лет назад. Поэтому ты войдешь в столицу Тиннереда как его законная правительница и единственная наследница короля.

За стеной завывал раненым волком ветер, а Атеа, лишившись дара речи, очумело смотрела на Тайиль. Меред таращилась на Лебеда так, словно в первый раз увидела ее, и девушка ощущала взгляд подруги, даже не глядя на нее. Но ей было не до того. Все ее внимание занимала Тайиль — спокойная, хрупкая женщина с ясными глазами и приятной улыбкой. Так вот в чем подвох. Она сумасшедшая.

— Погодите. Что это вообще за чушь? Вы серьезно думаете, что кто-то поверит в это? — девушка рассмеялась, но смех получился какой-то нервный, — Или надеетесь на то, что король, находясь в полубезумном состоянии, поверит в то, что я — его дочурка? И все

его подданные — вместе с ним?!

— Поверит, — кивнула Тайиль, и Атеа почему-то стало дурно, — У тебя есть доказательства.

— Родинка на левой ягодице? У батюшки-короля такая же? — выгнула бровь Атеа, чувствуя, как в груди поднимается злость. Если Крылатые вздумали шутить, то шутка вышла скверная.

— Отсутствие мозгов! — рявкнула Дамала, вновь нависая над ней. Атеа не успела и слова вымолвить, как Ласточка заговорила, не спуская с нее глаз, — Твоя матушка недаром слыла первой красавицей в государстве. Жена молодого дворянина была до того хороша, что король, повстречавшись с ней однажды на торговом совете, повадился приезжать в Эглеир слишком часто. И в последний свой приезд оставил красавице фамильную драгоценность — гребни, украшенные янтарем, с подлинным клеймом мастера. А буквально через девять месяцев у женщины родилась дочь.

С каждым словом Атеа окаменевала все больше. Это все походило на самый нелепый в ее жизни фарс, на самую глупую ложь, которую только можно было придумать. Однако Дамала продолжала говорить, неумолимо вливая ей в уши эту ложь.

— Она, конечно, знала правду. Потому и сделала все так, чтоб девочку отправили ко двору — наследников у короля не было. Придумала легенду для мужа, и дочь вскоре отбыла в столицу. А потом королева заподозрила, что девчонка может претендовать на трон — слишком уж походила на покойную матушку короля, да и косы свои золотые часто закалывала драгоценностью, походящей на фамильное сокровище королевской семьи. Король оказался глуп и слеп, а потому не признал в девочке дочь женщины, которой предлагал руку, сердце и трон. И королева по-тихому сослала ненужную наследницу подальше, а вместе с ней, чтоб как-то прикрыть это, нескольких симпатичных на мордашку девочек. Так-то, Атеа из Эглеира. Королевна Атеа, — насмешливо процедила она сквозь зубы, холодно глядя на девушку.

— Откуда ты знаешь это? — прошипела Атеа, исподлобья глядя на женщину, — Почему я должна тебе верить?

— А ты поедь в Тиннеред, покажи королю гребешочки-то, — осклабилась Дамала, — Он тебе сразу все расскажет про драгоценный подарок. Он только это и говорит все время.

— Откуда ты это знаешь? — чуть ли не по слогам повторила Атеа, по-прежнему не отводя взгляда. Тайиль примиряющим тоном заметила:

— Не все Птицы, покинувшие Келерийскую Гильдию и отказавшиеся от Крыльев, забывают о нас. Многие из ушедших девушек находят себе место в столичных городах и шлют в Гильдию вести. Так мы получаем информацию из внешнего мира и знаем, что творится за Железным Трактом. Я веду опись этих вестей, а также летопись Гильдии. Благодаря вот таким внешним помощникам Лорелей может действовать гораздо шире и принимать решения, касающиеся не только Гильдии.

— Ясно, — Атеа поджала губы, глядя перед собой сквозь пространство. Она ощущала, как вокруг что-то переламывается, рушится, слышала шелест тех самых детских книг с цветными картинками, которых и в королевской библиотеке не особо-то много было, видела глаза матери и читала ее странные, задумчивые взгляды, и все мешалось, занимая новые места в ее голове, складываясь в совершенно иную картинку. — И что же... вы все время знали?

— Конечно, — кивнула Тайиль, и в глазах ее мелькнуло что-то похожее на сожаление.

Впрочем, Атеа не верила ей — по крайней мере, сейчас, — Ваше прошлое известно нам — вы сами рассказываете, или те, кто приводит вас сюда, или Гаэра выясняет. Все это тоже записано, и все хранится здесь, — широким жестом она обвела стеллажи, уставленные толстыми книгами в кожаных переплетах, — Вся история Гильдии, каждая Птица, каждый птенец. Все вы.

— Почему мне не рассказали об этом? — голос почему-то прозвучал хрипло, — Разве я не имела права знать правду?

Дамала фыркнула, но в глазах ее больше не было насмешки. Она присела рядом с Тайиль, напротив Атеа, и, неотрывно глядя на девушку, произнесла:

— А что бы это изменило? Что бы ты сделала, а? Всеми брошенная забытая девчонка на краю мира, кому ты нужна? — Атеа открыла было рот, но Дамала не дала ей перебить себя, — Сбежала бы из Гильдии? У тебя слишком хорошенькое личико, девочка. В первом же поселке тебя бы изнасиловали и сделали бы местной потаскухой. А то и на дороге. Ты же понимаешь это. К тому же, — Дамала усмехнулась, кривя некрасивые губы, — Ты думаешь, ты одна такая здесь? Знатная, королевской породы? Не смей меня. Испокон веков в Гильдию отсылали бастардов, ненужных детей, дочерей шлюх. Сироток, — она взглянула на Меред, — Бездомных мы сами подбирали, королевских — привозили другие. Здесь столько незаконнорожденных княгинь, дворянок... королевны есть, и не одна. Вы никому не нужны. У каждой, оказавшейся здесь, своя история, да такая, что всю Гильдию в слезах можно утопить... И каждая из вас от всего этого отказалась. Ступив на порог этого замка, вы отбросили прочь все бывшее, и все бывшее вы сожгли в огне. Что изменилось вот сейчас в вашей жизни, Атеа из Эглеира?

Атеа задумалась. На самом-то деле, и впрямь не изменилось ничего. Мир за окном стоял все такой же белый, застеленный снежной вуалью, небо по-прежнему давило на жесткие плечи гор, ложась на серые склоны серым одеялом. Она была все той же Атеа, Лебедем, занозой всей Гильдии. И ничего не изменилось.

— Маленькая нестыковка, госпожа Дамала. Ты говоришь, что мы отбросили все бывшее — так почему я возвращаюсь к этому бывшему спустя столько лет?

— Нынешнее время требует этого, — ответила ей Тайиль, чуть склоняя голову набок, — Подобное решение уже было принято однажды, во времена Второго Излома — тогда среди наших девочек была креасская принцесса, незаконнорожденная, как и ты. Она сумела вывести на линию фронта войско, и тогда дикие не прорвались за Железный Тракт. Сейчас все может быть гораздо серьезнее — а потому нужна всякая помощь. Все, что угодно.

— Вы еще скажите, что Даэн у нас тоже госпожа Эллоина. А Меред — андарская владычица, — буркнула Атеа, окончательно решившая ничему не удивляться, — То-то будет чудесно, а. Мы потом объединим наши королевства и по выходным будем навещать друг друга на балы.

— Нет, — уголками губ улыбнулась Тайиль, — Даэн — простая деревенская девчонка, Меред — сиротка из Паррена, чей отец был простым плотником. В вашей компании только ты высоких кровей.

— Замечательно, — мрачно подытожила Атеа, переводя взгляд с Дамалы на Тайиль и обратно, — И что мне с этим делать вообще? Как вы себе представляете мое явление тиннередскому королю? Допустим, мне поверят, а дальше-то что? Дескать, ваше величество, я ваша доченька, подышайте тут спокойно, а я забираю войска и увожу их на север, воевать с чудищами, о которых вы только в байках читали и которые способны смести с лица земли

наше славное королевство?.. Да как только прикажу войскам идти за мной, меня тот же час отравит какой-нибудь сердобольный дворянин. Это же безумие, чистой воды безумие.

— Безумие, — согласилась Дамала, — Но ты сама не лыком шита. Действуй. Приведи армию, любой ценой приведи. Уговаривай, запугивай, говори правду — все, что угодно, лишь бы за тобой пошли. А там — решай. После окончания войны можешь передать власть в руки выборному регенту, например, или совету дворян. А можешь оставить Крылья и примерить на себя роль мудрой правительницы. Если мы выстоим, все, что будет дальше, станет таким простым — сама удивишься.

Тишина, пахнувшая горными травами, повисла в уютной комнате. Атеа почти механически протянула руку и взяла стеклянную чашечку со стола. Чай в ней уже давным-давно остыл, и на языке осталась травяная терпкая горечь. Девушка сделала несколько глотков, а затем осведомилась:

— Я могу взять Меред с собой? — помедлив, она не смогла сдержаться, — А то, раз такая ситуация, мне эскорт нужен. А то прибьют ее высочество в пути — и все, не будет вам славного войска Тиннереда.

— Некоторое время Меред будет следовать за тобой, — кивнула Тайиль, переводя взгляд на молодую Птицу. Та мигом напряглась — Атеа видела ее настороженные глаза из-под челки, упавшей на лицо, — А в Тиннереде вы разделитесь, у нее будет свое задание.

— Какое? — осторожно подняла голову Меред.

— При дворе короля — естественно, — есть Двор ведунов. Я предполагаю, что ведуны там не ахти — до нас доходили рассказы о том, что деревенские самоучки затыкают их за пояс во мгновение ока, — протянула Дамала, — Городские ведуны чванливы — обучение ворожбе стоит золота, простых смертных, хоть и с даром, туда не берут, если монет не отсыпешь. И ходят слухи, что по городам прячется незаконная... гильдия, своего рода. Туда приходят все ведуны, у кого есть дар — а золота нет. И учатся, сами. Прячутся, конечно — обученные колдуны устраивают настоящую травлю. И, по слухам, ведуны-самоучки гораздо сильнее, чем придворные. А посему, твоя задача — отыскать их и поговорить с ними. Отыщи хоть одну ниточку, хоть зацепку, найди их. Убеди в том, что грядет суровое время — и в том, что весь Бар-эс-Тиллад должен подняться и встать в этой войне против темноты. Какие бы пропасти нас не делили, сейчас — не до междоусобиц. Нас сожрет смерть, если мы будем встречать ее порознь.

Меред внимательно слушала ее, изредка шуря льдисто-голубые глаза и хмуря красивые широкие брови. Когда Дамала закончила, девушка взлохматила волосы ладонью и уставилась в пол. Вид у нее был малость потерянный при этом.

— А хоть какие-нибудь зацепки есть, Наставница Дамала? Хоть что-то? Как я найду их?

— Возьмешь с собой эльфийскую ведьму, раз уж она за вами увязалась и отвязываться не собирается, — Дамала потерла подбородок, искоса поглядывая на Атеа, — Хотя, если я все верно поняла из того, что мне донесли, она должна быть твоей занозой, Лебедь.

Атеа демонстративно закинула ногу на ногу и скрестила руки на груди, ухмыляясь. Меред же вдруг снова нахмурилась, и лицо ее потемнело. Она отставила хрупкую стеклянную чашечку подальше и посмотрела на Дамалу.

— Старшая, она не нравится мне. Я подозреваю, что она вела диких за нами. Во время пути она постоянно оглядывалась назад, и...

— С этим мы разберемся, — отрезала Дамала, и Атеа прищурилась: слишком резко Наставница оборвала тему, — Ведьма будет лично говорить с Лорелей, и, если твои

подозрения оправдаются, будем решать вопрос иначе. А пока — не распускай слухи, девочка, и мысли свои держи при себе. Вам обеим ясны задачи?

Обе девушки нехотя кивнули — каждая думала о своем. Информации было слишком много, и все это нужно было уложить в своей голове, осознать, принять. Дамала не стала давать им на это время и, хлопнув себя по коленям, поднялась с кресла.

— Тогда — марш отсюда. Нам еще идти на совет Наставниц, а вам — готовиться к долгому пути. В Птичьем Городке возьмете лошадей, иначе дорога затянется — а это непозволительная роскошь ныне. Лорелей дала вам три дня на отдых и подготовку, так что нечего расслаиваться. Наслаждайтесь, пока можете.

Меред что-то пробормотала, склонив голову и поднимаясь из кресла, и Атеа последовала ее примеру, направляясь за девушкой к двери. У самого порога она обернулась — Дамала подавала руку Тайиль, помогая женщине встать.

— Последний вопрос, Наставница, можно?

Дамала одарила ее тяжелым взглядом, а затем пожала плечами.

— Валяй.

— Где искать таких красивых женщин, как у тебя? Такую я бы точно своей королевой сделала, — она ухмыльнулась, наблюдая, как белеют тонкие губы Дамалы. Тайиль рядом с ней тихонько рассмеялась серебряным ручейком:

— Ищи рядом с собой, королевна Атеа.

===== Глава 34. Истины =====

— Сегодня мы упиваемся, дорогая, — мрачно сообщила Атеа, выставляя на стол третью бутылку, оплетенную ивовыми прутьями. Еще две красовались рядом, выстроенные в одну линию, и мягкие отсветы огня лежали на округлых боках, делая их совсем уж рыжими. Помимо бутылей здесь же уже стояла плоская тарелка с длинными кусками солонины, грубо нарезанным сыром, хлебом, начавшим черстветь, и тройкой сморщенных яблочек.

Меред покачала головой: как Атеа умудрилась добыть столько вина, да еще и со снедью, оставалось загадкой. После ужина, во время которого Крылатые так и не сказали ничего вразумительного, златовласая Птица мурлыкнула на ухо подруге, чтоб та ждала ее в их общей келье, а сама умчалась боги знают куда. Пока Меред возилась с факелами, приводя их скромную обитель в более-менее надлежащий вид, Атеа, судя по всему, успела сбегать на кухню и уломать стряпух расщедриться. Видимо, уговоры Лебеда были очень убедительными, если женщины отдали ей столько вина, предназначенного разве что для Крылатых и старших Птиц...

— Я же не пью, — извиняющимся тоном молвила девушка, неловко пожимая плечами и придвигая поближе жесткий табурет. Атеа сбросила с плеч опостылевшую куртку и распустила шнуровку на горле, вальяжно усаживаясь на соседний стул.

— А в честь новоиспеченной королевны, Меред!.. — она покачала головой, укоризненно глядя на Птицу, — Нет, сегодня особый день. Пир на весь мир. Сегодня ты обязана осушить за мое здоровье как минимум вот это, — Атеа кивком головы указала на одну из бутылей, а затем нырнула куда-то под стол, кряхтя и ругаясь сквозь зубы. Меред знала, что там со времен их обучения у Лебеда остался тайник, где она прятала украденные откуда-то плохонькие деревянные кубки для особых случаев. Под особыми случаями птенцы понимали любой повод, лишь бы выпивка была — а Наставницы пресекали такие попойки как могли. Поэтому все пряталось с особой тщательностью.

Пока Атеа копалась под столом, Меред по привычке оглядывала их келью. Здесь ничего

не изменилось за долгие годы: те же две узкие кровати у противоположных стен, застеленные старыми, но добротными, одеялами, те же расшатанные табуретки с ножками, украшенными резьбой — это Меред тренировалась. Тот же стол, изгвазданный чернилами, испещренный длинными царапинами, отполированный сотнями рук тех, кто жил здесь до них... Меред почему-то любила эту маленькую, донельзя узкую комнатку, сохранившую столько тайн, видевшую столько моментов их жизней. Когда-то здесь стояло еще две кровати, и места было совсем мало — но она всякий раз вспоминала то время с невероятным теплом. Сейчас Шиска работала в кузнице в Птичьем Городке, а зеленоглазую хохотушку Риму старались не вспоминать, как и всякую Птицу, ушедшую к Хартанэ.

Лебедь наконец выпрямилась, победно взирая на два пыльных старых кубка, выуженных откуда-то из-под камня. Меред глядела, как она вытирает их ветхой тряпицей, как берет круглую бутылку и рывком откупоривает ее, как разливает рубиновую жидкость — и ей почему-то было горько. В этом сейчас не ощущалось даже капельки счастья.

Атеа легко подцепила кубок двумя пальцами и, глядя поверх его края на Меред, криво ухмыльнулась ей:

— Ну, давай-ка, Меред. За королеву-Лебедя.

Ее глаза, жесткие, медовые глаза с огненными бликами по краешку радужек, завораживали и не давали даже шанса уклониться. Меред покорно протянула руку, осторожно хватаясь за кубок, и, зажмурившись, сделала несколько больших глотков. Вино — как и прочие напитки — она на дух не переносила: вкус у них был гадкий, и она искренне не понимала, как это можно вливать в глотку. Но окружающие ее Птицы довольно урчали всякий раз, когда поблизости оказывались заветные бутылки, и Атеа не была исключением. Девушка выпила все вино до дна и размашисто поставила кубок на стол, с наслаждением прикрывая глаза — Меред видела, как трепещут ее пушистые ресницы, золотящиеся на кончиках. Будто лучики солнца запутались...

— Вот же кретин, а, — Атеа вытянула длинные ноги, устраивая пятки на коленях у Меред, отчего к щекам девушки тут же подкатил предательский жар, — Мало ему своей бабы было, мало ему всего двора было — так нет же, позарился на княгиньку бес знает откуда... Сучий потрох.

Меред осторожно подняла взгляд на Атеа. Та хмурила тонкие брови, глядя куда-то сквозь стену, и лицо ее было сосредоточенным и серьезным, как никогда. Ее профиль, тоже золотистый в свете факелов, казался драгоценной камеей — Меред видела такие безделушки у знатных горожанок, искусно выгесанные из самоцветных камней. Девушка чуть прикрывала глаза, и молодой Птице подумалось, что на ее ресницах могла бы лежать звездная пыль — до чего длинные, до чего густые...

— ...И маменька хороша, ничего не скажешь. Муженек отвернулся — а она уже под короля ложится, — Атеа хмыкнула, протягивая руку за бутылку. Меред попыталась было отказаться от вина, но Лебедь обожгла ее таким взглядом, что девушка тут же убрала ладонь, которой прикрывала свой кубок, и позволила подруге вновь его наполнить, — Тоже, видать, жизнь у нее скучная была. «Дай-ка прыгну в койку к его величеству, старому козлу — то-то все повеселимся!».

— Может, она любила его, — рассудительно предположила Меред, стараясь не встречаться глазами с Атеа — слишком ядовитой сейчас она была. И слишком красивой, — Или он был молод, когда они встретились.

— Не смей меня, — фыркнула Лебедь, — Я помню этого выродка, когда он приезжал

в Эглеир с торговым визитом. Я предполагаю, какого рода был визит на самом деле... Так вот он еще тогда был развалиной древней — не думаю, что пять-десять лет играли особую роль. Мерзкая скотина, — она поморщилась и тут же осушила свой кубок, даже не кривясь.

Меред лишь пригубила кислый напиток и сразу же отставила кубок в сторону, стараясь не привлекать к этому внимание. Если уж Атеа решила ее спить, вряд ли ее что-то остановит. Но Птице не хотелось так — ей хотелось смотреть на эту несносную девушку, слушать ее, хотелось хоть чем-то помочь обычной, хоть и зазнавшейся девчонке, на которую вдруг свалилась такая странная, почти невероятная правда. Она — королевская дочь. Единственная законная наследница престола Тиннерета, правительница огромной, сильной страны, за которую готовы драться соседние державы... Атеа — дочь короля.

Это было до того странно, до того... удивительно, что Меред до сих пор не понимала, как ей к этому относиться и как себя вести с ней. С одной стороны, это меняло все. Теперь Атеа была выше ее, гораздо выше, теперь по этикету ей должно было кланяться в ноги и испрашивать разрешения поднять на нее взгляд. Теперь Меред не могла просто так осадить ее, мягко, но настойчиво остановить поток ее колкостей, направленный на все и всех вокруг. Отныне все должно быть иначе — это логично, это правильно, это так, как прописано во всех книгах, что Меред прочла за свою жизнь.

Но с другой стороны, перед ней сидела все та же Атеа — та самая Атеа, что могла одной своей ухмылкой взбесить даже мудреца, та Атеа, что постоянно нарывалась на неприятности и умудрялась выпутаться из самых тяжелых переделок. Та девушка, которую знала вся Гильдия — от мала до велика, и та, которую вся Гильдия хотела. И сейчас она развалилась на старенькой табуретке в каменной крохотной комнате, наполняя свой кубок в третий раз, и ее ноги лежали на коленях у Меред, как и десять лет назад. Ничего не изменилось. И для Птицы по-прежнему не существовало других женщин — была лишь она, девушка с водопадом золотых кудрей, ехидная, колкая, ядовитая, невыносимая... Любимая.

В груди золотым цветком распустилась мягкая нежность — словно тугий клубок развязался, и теперь Меред дышала полной грудью, чуть ли не захлебываясь в этом потоке света, вдруг расплескавшемся здесь. Она не знала, что там будет завтра, не знала, куда еще повернет их тропка, такая размытая и неясная — но знала одно: она будет рядом со своей королевой, что бы там ни случилось. Здесь и сейчас они замерли во времени и пространстве, и ничто больше не терзало ее, не тревожило, и слова в ее голове наливались тяжестью, готовые вот-вот сорваться с губ. Там уж сама решай, оттолкнешь ли меня или приветишь... Только сил моих нету больше. Помогай, Хартанэ.

— Что ты будешь делать, Атеа? — молчание нужно было забить хоть чем-то — слишком сильно страх сотрясал все ее существо, и Меред готовилась к самому сложному в собственной жизни испытанию, почему-то оттягивая момент, что должен был наступить неизбежно.

— Напьюсь, — девушка покачивала в руке кубок, и Меред видела, как алая жидкость перетекает в нем, поблескивая в рыжих отсветах пламени.

— Нет, я не о том... Позже, когда это все закончится, — Меред осторожно опустила руку на тонкую щиколотку, мимоходом подумав о том, что ножка Атеа помещается у нее в ладони. Лебедь пожала плечами, все так же глядя куда-то мимо нее.

— Не имею ни малейшего понятия, Меред, дорогая. Постараюсь выжить, въехав в Тиннерет, — она ухмыльнулась, — Знала бы ты, какое там змеиное гнездо. Все эти жеманные куры оципаные, прикрывающие свои тела шелками, обмахивающиеся

костяными веерами и улыбающиеся так, словно им рыба кость поперек горла стала... Богиня, даже вспомнить противно.

— Ты же говорила, что при дворе хорошо, — мягко напомнила ей Меред, — Тогда, еще в детстве, помнишь?

— Дурой была, — отмахнулась Атеа, досадливо кривя губы, — Видишь ли, дети все иначе видят. Смотрят будто бы сквозь, — она помолчала, думая о чем-то своем и давая Меред еще одну возможность насладиться этим моментом: в задумчивости Атеа становилась совсем уж неземной, — Ребенок видит красивую обертку, играет с ней, как с самой чудесной в мире игрушкой, радуется этому так чисто и искренне... Я тоже радовалась и видела только цветную мишуру. Сейчас, если обернуться, если вспомнить все эти взгляды, все слова, брошенные будто бы вскользь, все станет простым и понятным. Все, сокрытое для детей, явится взрослым, как божий лик является деревенскому пьянчуге — кристально ясно!

Она подлила еще вина Меред, и на этот раз девушка даже не стала протестовать. Быть может, так будет легче? Впрочем, в голове было ясно и светло, словно сама Хартанэ высветила ее изнутри, укрывая солнечными лучами все старые раны, сшивая грубые рубцы и залечивая их, и Меред ощущала, что еще чуть-чуть — и страх совсем сгинет, и тогда можно будет. Наконец-то можно будет.

— Давай, Меред, — Атеа отсалютовала ей, переводя на нее взгляд, и что-то в груди Меред оборвалось — никогда она не видела ее так ясно, как сейчас, — За разбитые детские иллюзии и за правду, которая всем нам однажды наделает добрых таких оплеух. Рано или поздно — но каждому из нас.

— За тебя, Атеа, — тихо ответила ей Меред, выпивая вино и не заедая его. Пусть так. Пускай, пускай так — может, это и впрямь придаст мне смелости...

Лебедь отставила кубок и, скрестив руки на груди, уставилась прямо на Меред, и от этого взгляда нельзя было ни спрятаться, ни скрыться. Она умела смотреть так, словно раздевала — только в этот раз она сдирала с Меред не одежду, а слои ее собственной души, под которыми оставалось крохотное зернышко, единственно-верная, настоящая искорка, которая и была самой Птицей. Девушка ощущала, как она остается наедине со всем миром, наедине с Атеа, совсем лишенная своих щитов, своей защиты, которая так надежно оберегала ее все эти годы от других... И это было хорошо.

— Не знаю, Меред. Вот честно — бес его знает, что там дальше будет. Мне... — ее голос вдруг изменился, стал мягкой рекой, теплой и ласковой, и слова, словно вода, омывали Меред, — Мне не нужно это все. Такая шелуха... — она покачала головой, усмехаясь, — Короны, титулы, границы... Мне плевать. Я не просила этого, и оно мне вообще не сдалось. Сделаю то, чего от меня Гильдия ждет — по крайней мере, постараюсь, — а там уж посмотрим. В конце концов, организую королевский бордель при дворе и буду отсылать девок к тем же эльфам. Оно и казне хорошо — эльфы платить будут, и им удружу — а то совсем скучно живут, ходят все, угрюмые, злые какие-то...

Меред ощутила, как смех впервые за долгое время рвется наружу, и вскоре их хохот стоял в комнате, озаряя мрачное помещение перезвоном весенних колокольчиков. Просто вдруг стало так легко, так радостно, так светло, что уже и не важно было, так ли действительно наполнены смехом ее слова. А потом последний узел развязался, и распущенная нить золотым канатом опала куда-то в вечную пустоту.

— Пойдешь со мной, а, Меред? — ее глаза блеснули искрами, ехидная улыбка на до боли любимом лице полыхнула ярче летних звезд, и Меред поняла, что больше тянуть не

может.

— Я пойду за тобой куда угодно, как и всегда, — хрипло шепнула она, глядя голодным волком прямо ей в глаза, и улыбка слетела с уст Атеа, словно ее и не было, — Как была готова идти за тобой с тех самых пор, когда ты впервые подошла ко мне.

Она плавным движением опустилась к ее ногам, глядя на Лебеда снизу вверх с какой-то безумной мольбой, с неозвученной просьбой, которая так глухо и мощно колотилась в ее сердце. Атеа замерла, и в ее золотых кудрях путался свет, и она сейчас была прекраснее, чем все богини мира, и дороже, чем все сокровища в небесных закромах. Меред подалась к ней, жмурясь от страха, и выдохнула ей в лицо.

— Поцелуй меня.

И ведь когда-то давным-давно так уже было.

Вся Гильдия гуляла в Птичьем Городке на летней ярмарке, и до Келерийского Замка едва-едва долетала музыка, подхваченная теплым ветром, словно шелковая лента. Лишь в одной келье горел свет в столь поздний час — да слышался перезвон девичьего смеха.

До них никому дела не было. Они сбежали ото всех вдвоем, дождавшись, пока Рима и Шиска уйдут вместе со всеми смотреть скоморошья пляски да есть сладкие яблоки в меду, а сами заперлись в своей келье, прихватив с кухни початый бутылек с чем-то крепким, горьким и дурманящим. Меред чувствовала себя так, словно тренировочной дубиной по голове огрели, но ей было плевать — они лежали на одной кровати, заливаясь смехом, и кожей она ощущала тепло разгоряченного девичьего тела, и ее руки щекотали мягкие кудри, и напротив были блестящие глаза и алые, влажно поблескивающие губы. Сейчас Атеа была нестерпимо хороша, и Меред так хотелось смотреть на нее, смотреть еще, и еще, и еще...

Атеа распустила ворот форменной рубахи, и Меред видела такую манящую ложбинку у ее вырезу, которую хотелось целовать — но это было слишком запрещено. Меред никогда такого не делала, Меред не знала, как, и оставалось только любоваться ею, каждую секунду умирая от этой сладкой пытки.

Потом стало совсем нестерпимо — Атеа придвинулась совсем близко, и Меред ощущала жар ее дыхания на своих щеках. Все случилось неожиданно для нее самой: она прижала хрупкую девушку к постели, утопая в ее медовых глазах, нависая над ней, и выдохнула ей в губы:

— Поцелуй меня.

Глаза напротив были шальными, а губы оказались мягкими и горячими. Атеа целовала жадно, и Меред не понимала, что происходит, не понимала, что делает, но все растворилось где-то за гранью реальности, а ей вдруг стало так горячо... Ее ладонь уже гладила под ткань рубахи плоский живот с твердым рельефом мышц, когда издали послышались звонкие голоса — знакомые, а от того ненавистные. Меред метнулась в сторону, усаживаясь на свою кровать и утыкаясь взглядом в пол, чтоб птенцы, вошедшие в их келью, ничего не заподозрили. Щеки горели огнем, и весь вечер она ощущала на себе взгляд хищника — хищника с золотыми волосами, который беззаботно щебетал вместе с девчонками, подливал им меда в кубки и вел себя так, словно ничего и не произошло.

На следующий день она тоже вела себя так, словно того сладостного мига не было. И все последующие дни — так же. А потом все забылось, заплелось и поросло быльем, и сама Меред позабыла о том вечере, и уже и не знала, был ли он вовсе.

Сейчас внутри гулко и как-то отрывисто стучало сердце, и Меред ждала, каждой своей частичкой ждала — оплеухи или теплой руки, что уж там пошлет Богиня. Тонкие теплые

пальцы коснулись ее щек, а затем мягкие губы невесомым касанием обожгли кожу. Атеа поцеловала ее в лоб.

Когда ощущение прикосновения исчезло, Меред дернулась, заморгав и не понимая. Атеа смотрела на нее — но совсем иначе, совсем не так, как смотрела на других. Птица впервые видела в этих глазах не насмешку — но мягкое тепло, ласковую тихую любовь, и — почти что — грусть.

— Ты... ты не хочешь? — вопрос прозвучал по-детски, но слова резали глотку так, словно Меред стекло глотала. Почему? Что не так, королева? Чем я хуже их?.. Мысли вертелись в голове, словно мельничные лопасти в бурю, но ни одну из них девушка не озвучила, лишь жадно глядя на женщину, которую она любила всю жизнь. Атеа наклонилась к ней, и Меред вдруг ощутила, как Дар Хартанэ разгорается в груди маленьким солнышком.

— Меред, — мягко молвила Атеа, и все внутри затрепетало и сжалось, — Послушай. Ты слишком дорога мне, чтобы... чтобы вот так. Я люблю тебя.

Меред моргнула. Смысл слов Атеа доходил до нее, словно через толщу облаков, что не пропускали ни лучика света, и понять девушку она почему-то не могла.

— Если так... если любишь — почему нет? Почему?

Как ни старалась она, а горечь все же просочилась сквозь ее слова, и Меред опустила голову, по привычке отводя взгляд, как и всегда. Все те же теплые руки поймали ее подбородок и приподняли лицо, заставляя ее смотреть в глаза Атеа.

Она улыбалась. Не так, как всегда, без ехидства и насмешки, без вечного своего презрения к миру — просто улыбалась, и Меред ощутила, как щеки обжигают слезы. На нее сейчас невозможно было смотреть. Прекрасная моя. Светлая моя.

— Именно потому, что действительно люблю, — она выпрямилась, все так же глядя в глаза Меред, и девушке вдруг захотелось прижаться лбом к ее маленьким ступням, исцеловать их — каждый пальчик, каждую впадинку, каждый изгиб. Атеа мягко погладила ее по щеке, стирая слезинку с кожи, — Ты поймешь это однажды, Меред. То, что меж нами, и есть любовь. Настоящая, не знающая предательства и глупых нелепых ссор по пустякам, не знающая границ. Это ведь совсем не дружба — это любовь, которая может быть меж двумя родными до самого доньшка людьми, — она отстранилась, светлая и золотистая, воздушная — будто весенний ветерок, и Меред ощутила, как волны боли опадают, затихают и наконец растворяются в безвременной пустоте, — Я не та, кто сможет разделить с тобой ложе. Я не та, кого ты назовешь своей нареченной. Зато мой дом — твой навеки, за тебя я встану горой, как и ты за меня. Я дала тебе всю свою любовь, которую только могла дать. Не проси меня о большем — большего и нет.

Меред смотрела на нее во все глаза, а Атеа медленно опускалась на колени перед ней, улыбаясь ей и находя ее ладони.

— А как же все... — она не сумела вымолвить то, что назойливым колоколом стучало в голове, но того и не потребовалось: Атеа мягко качнула головой.

— Плевала я на всех, Меред, если честно. Я не верю в сказочное «долго и счастливо». Долго и счастливо не бывает. Бывает коротко и хорошо, бывает как угодно — но только не так, как в балладах и песнях. Я верю в то, что нам с тобой дано великое счастье — знать друг друга до скончанья времен. Богиня вряд ли может одарить нас большим — но я бесконечно благодарна ей за этот дар, Меред. Бесконечно.

С каждым словом сердце Меред болезненно билось о грудную клетку — и с каждым словом оно затихало в этих ласковых и теплых руках. Она видела, как все вокруг становится

светлее, легче, как с камней вокруг сходит серая их кожа, обнажая душу, мерцающую эльфийским стеклом. И все вдруг стало таким простым, и она вдруг осознала, что Атеа, ее сумасшедшая Атеа с ветром в дурной голове, права. Что она — вот такая, и иной быть не может, и иную она никогда бы не полюбила. И что обладать ею и любить ее — это совсем иные вещи.

И, покрывая кроткими поцелуями ее ладони, Меред наконец-то поняла, что действительно любит ее.

Потом было еще вино, которое вдруг оказалось сладким и приятным.

За тебя, любимая. Меред осушила бокал до дна, наслаждаясь летним вкусом, горечью полевых цветов и терпкостью налитой солнцем ежевики. В комнате пахло андарской степью и северными склонами, поросшими вереском и полынью, в комнате пахло ею, и она говорила, без конца говорила, вспоминая самые забавные и нелепые случаи в их жизни, и Меред смеялась, любуясь такими красивыми чертами бесконечно родного лица.

Потом Меред пела, на ходу заплетая слова, глядя ей прямо в глаза, и знала, что эта песня — о ней. Как и все песни, как и все стихи, как и все строки, коими были исписаны страницы ее ветхой тетради и страницы ее собственной души. Атеа смотрела, слушала так внимательно, а потом долго-долго молчала, хмурия тонкие брови — как и всегда.

Ты правда думаешь, что я нашла все, что искала?

Да.

Меред постаралась все запомнить — и точно знала: если однажды она решится переписать эти слова в блокнот, вспомнит все до единого. Просто знала — и все.

Ты снова ищешь дорожки-тропинки
К золатым вратам своего королевства,
Босые ноги щекочут травинки,
Как в милом далеком детстве.

Ты — снова принцесса, я — шут-скоморох,
Которых свела колдунья-судьба...

Твой жемчуг рассыпался в мягкий мох,
На месте том появилась вода.

Ты пахнешь лотосом и васильками,
А я — полынью и дымом,

Но зато я буду всегда молодым,
И я знаю, о чем шепчутся камни.

Ты знаешь, что снится бессмертным лесам
На пересечье иных миров,
И воды миров тех — твоя кровь,
И волосы тянутся травами к небесам.

Она пела и пела, и ночь была длинной, и глаза Атеа были похожи на солнце, замершее в янтаре, и ее волосы напоминали вызолоченные солнцем пушистые облака на рассвете. А потом она рассказывала Меред о городах высоко в небе, устроившись у нее на плече, и Меред, как и раньше, неуверенно говорила ей, что она не права. Королевна-Лебедь жарко спорила, рассказывая ей о звездах, что на самом деле были огоньками в окошках, и что такие упрямые бараны, как Меред, не понимают этого. И Меред готова была согласиться с ней — ведь она и впрямь много не понимала до этой ночи.

Пусть будет так, любимая. Пусть будут на самом деле не звезды, а города. Может, ты и

это видишь во сто крат лучше, чем я.

===== Глава 35. Вечное “сейчас” =====

С ветвей серебристо-белой узорной куделью свисали схваченные морозом листья, больше похожие на диковинные драгоценности. Узорные края поблескивали на ярком солнце, все же выползшем из-за плотной завесы облаков, и теперь даже дышать стало легче — впервые за долгое время мир увидел ослепительный небесный диск, расцветивший снежный простор и прогнавший стылую серость к самым подножиям хмурых гор. Видать, ребятня в деревеньках радуется — вот уж раздолье, вот уж настоящая зимняя сказка. Небось, выпустили их наконец из теплых приземистых домишек, и теперь гомон детских голосов разносится над всеми поселениями окрест...

Одинокая птица вспорхнула с насиженного места, и с ветки сорвалась белоснежная пороша, просыпаясь на и без того выбеленный метелями куст орешника. Мара краем глаза заметила темное крыло, мазнувшее длинным пером шершавый ствол высокой сосны, да и отвернулась сразу — это всего лишь ворона. Стало быть, нет нужды тревожиться.

Железный Тракт петлял меж холмов, но дорога неумолимо тянулась к югу, и вскоре пронзительный северный ветер, исхлеставший щеки до обветренной кожи, сменился легким ветерком, изредка сбрасывающим капюшон с головы — да и только. Двигались они уже седьмой день, стараясь подгадывать расстояния так, чтоб на постой останавливаться в одном из семнадцати пограничных селений. Благо, Шедавар отдала им карту Ищущих, и это значительно упрощало жизнь. Впрочем, Даэн вела лошадь уверенно — так, словно знала эти края вдоль и поперек, а потому Маре оставалось лишь следовать за ней, изредка сверяясь с картой, да поглядывать на шапки могучих сосен. Те тоже не лгали: ветки, укрытые снежными мехами, указывали вперед. И им лесная ведьма доверяла едва ли не так же сильно, как Даэн и карте вместе взятым.

Лошади, взятые в лойнарских конюшнях, оказались выносливыми и послушными, не норовистыми. Судя по всему, пещерные эльфийки периодически бывали в человеческом городе — их провожатая, сухая и жилистая женщина с целой кучей длинных кос разной толщины, привела их напрямик к заправляющему конюшней, перемолвилась парой слов с ним, и тот беспрекословно провел их к стойлам, позволив женщинам выбрать себе коней. И при том ни гроша с них не взял — лишь честное слово, что за животными будет надлежащий уход, и что они вернутся домой.

— Оставьте в конюшне Трегорья — там аккурат и пограничный пост рядом, сядете к кому на телегу да доедете. Вы уж простите, что не дальше... Эллоинские, сами понимаете, — говорил он, наблюдая, как Мара подтягивает стремяна, — Так что не загубите — уж больно много я в них вложил. Не только золота, знамо дело...

И впрямь, гнедая Ярушка, доставшаяся Маре, была спокойной, сильной, холодов не боялась и шла через снег так легко, словно танцевала. Ведьма следила за животными, готовая использовать энергии, чтоб помочь тем, если сил не останется, однако пока что ей ни разу не пришлось звать Бессмертного на помощь. Впрочем, он наверняка помогал им незримо, а потому всякое утро Мара благодарила его за то, что пока что их путь был легок и быстр.

Несмотря на практически не меняющийся пейзаж, несмотря на холод, пробирающийся в рукава и болезненно пощипывающий кожу на запястьях, несмотря на почти незаметную, однако постоянную тоску по тиши Гарварнского леса, Мара чувствовала себя так, словно спустя века очнулась от долгого сна и теперь наконец наполняется жизнью. С самого утра и

до самого вечера они с Даэн не могли наговориться, узнавая друг друга в каждый миг этого времени, вобравшего в себя все прошлое, настоящее и будущее. Мара ощущала, как сердце отзывается на каждое слово Птицы, отзывается радостным криком: «Я знала тебя! Тысячи лет я знала тебя!». Это и впрямь было так — боги свели их столько веков назад, что теперь им оставалось лишь прислушиваться и тихонько улыбаться, ощущая эти золотые нити, что перевили их так давно. И в этом ведьма видела Бога — смеющегося, юного, доброго, того самого, что плел вечный узор среди звезд, того самого, что заплел их судьбы в одну.

Сейчас над ними раскрыла свои прозрачные крылья тишина, и Мара ощущала ее нежное спокойное прикосновение — мягче пера и легче пуха. Молчать с Даэн было хорошо и правильно, и впервые не приходилось искать слова, темы для бесед — все приходило само, коротким воспоминанием, яркой цветной картинкой, и уж тогда слова сами лились, складываясь не то в сказку, не то в песнь, не то в жизнь. Как же волшебнo и странно ты ведешь нас, Бессмертный — я и не углядела, когда разница меж сказкой и нашим «сейчас» исчезла. И когда ты только успел?

Лошади шли совсем рядом, а потому ведьма ощущала близость тавранки телом. Даэн полуобернулась к ней, и Мара ощутила ее взгляд даже с закрытыми глазами. Мир, наполненный солнцем, стал еще светлее, а ветер опустился ниже, стелясь по земле и закручивая поземку серебряными вихрями под конскими копытами.

— Мне бы хотелось, чтоб зима поскорее ушла, — тихонько молвила Даэн, и Мара невольно улыбнулась: голос Птицы, знакомый все вечности до того, стал ей еще милее, — Чтоб весна пришла, наша с тобой. Чтоб ручьи и мокрая трава, чтоб прозрачное небо, чтоб...

Она осеклась, и Мара, подняв ресницы, взглянула на нее. Даэн улыбалась, опустив голову и думая о чем-то своем, что-то вспоминая. Линии ее профиля, высвеченные лучами яркого зимнего солнца, казались ведьме самым красивым рисунком в мире — будто Бессмертный взял тонкую кисть, макнул ее в звездный свет да северные сполохи и нарисовал эту женщину, не отрывая руки от холста. Едва ли кто бы так сумел...

— О чем ты думаешь? — негромко спросила Мара, осторожно протягивая руку и стряхивая с черного тугого локона одинокую снежинку. Даэн провела взглядом ее ладонь, и теплое дыхание коснулось пальцев ведьмы, когда женщина покачала головой:

— Знаешь, я даже не думаю — так, само приходит что-то из бывшего. Или из грядущего — я и сама не знаю, Мара, веришь ли?

Верю, птица. Конечно, верю. Ведьма вновь прикрыла глаза, погружаясь в благостную спокойную тишину, прорастающую в ее сердце лозой. Лоза эта тянулась к солнцу, и Мара почти что видела, как на распускающихся зеленых листках блестит радугой холодная роса. Когда Даэн заговорила, видение не исчезло, а стало еще глубже, ярче и острее, и мягкий покой, омывающий ее подобно океану, никуда не делся.

— Ты помнишь свою первую весну, Мара? — и, не дожидаясь ответа, она продолжила, — Я вот помню. Размыто совсем, как сквозь туман, но все-таки помню. Я тогда махонькой совсем была, года три, наверное, а может и четыре. Мать как раз братьев под сердцем носила... — Даэн примолкла, вспоминая, а Мара вдруг увидела восторженные вороные кудри маленькой девочки, глядящей широко раскрытыми глазами на наливающийся весенней зеленью лес, — Отец тогда по делам ушел куда-то, мать на печи дремала себе — а я убежала с подворья. Да не просто убежала, а за речку. Помню, ледок такой тонкий был, прозрачный-прозрачный, весь на солнце искрился, и мне так хотелось с мостка спрыгнуть, походить по нему. Знала, что нельзя, потому и не стала... Вышла на другой берег и побрела

себе к лесу — а вокруг проталины, и сквозь пожухлую траву молодая пробивается, яркая такая! И вокруг деревьев тоже проталины, и пахнет уже не зимой — а как-то по-другому,пряно, горько-сладко, свежестью. И небо высокое, прозрачное совсем. А я совершенно точно знаю, что совсем скоро — день, когда я в мир пришла, и мне так радостно, так хочется уже, чтоб поскорее... — она усмехнулась, — Тогда казалось, что я стану такой большой, сильной. Как северные королевны из отцовских сказок, с сильными руками, острыми мечами, с волей, что горы обращает мелким песком. И мне такой хотелось стать — ты и представить себе не можешь, Мара, как же хотелось. И я шла к лесу и воображала себе, что я — королевна Ясвена, что идет на подвиг в далекие чужие земли, и мечом мне была ломанная осиновая веточка, а противником — замшелый камень у старой сухой сосны. Знаешь то место?

Мара улыбнулась:

— Знаю, конечно. Там еще ручей по весне разливался широко.

— Вот-вот. Я там и бродила. И было так... — Даэн задумалась на миг, и ведьма вновь приоткрыла глаза, чтоб взглянуть на нее, — Я даже и не могу объяснить, как же. Только птицы вокруг меня щебетали, словно обезумевшие, и мне хотелось смеяться, прыгать, плясать и петь вместе со всеми этими пичужками. И с ветвей капель звенела. Все так сверкало тогда, Мара... А потом, наигравшись вдоволь, я возвратилась домой, где мать уже вовсю голосила о том, что дитя пропало. Меня увидела — в крик, сначала обнимать кинулась, а потом так по хвосту наступала, что я целый день обиженная ходила, — тихонько посмеиваясь, Даэн рассеяно запустила пальцы в волосы. Мара следила за ее жестами и плавными движениями, наслаждаясь их простотой и невероятной красотой, которую она раньше почему-то не могла найти ни в ком и ни в чем. Сейчас же все менялось, все наполнялось смыслом, как ямка на песке наполняется водой — медленно, но в то же время до того быстро, что не успеваешь заметить, как руки утопают во влаге. Птица продолжила, — А потом все в одночасье изменилось — и уже в садах все зацвело, и лес ожил, и мы пускали кораблики на речке всей гурьбой, носились, полубезумные, так радовались... Нас много было — я, Ольдэк, Гарт, Маэр, Ежка, еще кто-то из ребят. Мы мастерили из коры лодочки, делали паруса из листьев да бересты, а потом бежали по берегу смотреть, чья быстрее до мостков доплывет. А однажды я нарвала в саду яблоневого цвета и свой кораблик им украсила. Мачты сделала, флаги из травинок, из сухих былок оградки настроила. Так красиво было... Мой кораблик плыл быстрее других, не перевернулся ни разу, и я за ним бежала, хотела выловить из воды — но не успела: прямо из-под руки ускользнул по течению, я чуть в речку с мостков не шлепнулась. А кораблик — юрк! — за камыши, и только его и видела. Я тогда ревела так, что и в доме твоём, видать, слышно было.

Она рассмеялась, а Мара смотрела, как растворяется дымкой видение, обращаясь еще одной бусинкой памяти на драгоценной золотой нити их жизней. Эта бусинка переливалась хрусталем проснувшихся рек, белела яблоневыми лепестками, пахла сосновой корой, напоенной смолой и солнцем, и глубоко внутри нее горела живым сердцем крохотная искорка того ослепительного мгновения, которое смертные называли «сейчас». Каждый из этих мигнов они проживали, каждый из них был настоящим, и Мара поняла, что ныне проживает вместе с Даэн ту ее весну. Время замкнулось, закольцевалось, и бывшее стало настоящим. Впрочем, не всегда ли оно было им?

Очнувшись от собственных мыслей, ведьма глубоко вдохнула зимний морозный воздух. Даже в нем ощущался тонкий, едва различимый аромат первоцветов, пока еще спящих под снегами, пока еще сонных, несмышленных, таких хрупких и терпеливых. Подожди совсем

немного, матушка-Земля. Совсем скоро твои дети откроют глаза и взглянут на этот мир, на своего отца-Небо, на солнце. Я обещаю тебе — зима закончится, и ты проснешься. Так завещал Бессмертный — и я исполню его волю. В груди на миг разгорелось пламя, заполнившее все ее нутро, и по коже пробежала знакомая дрожь. Мара знала: ее услышали. Я — лишь твое орудие, Бог-Вечность, Бог-Пустота. Веди меня.

— В доме моем твой голос и впрямь был слышен — только я путала его с напевами ветра и вслушаться не могла, — тихо ответила Мара, улыбаясь краешком губ. Даэн взглянула на нее, и от того взгляда сердцу стало тесно в клетке ребер, — От начала весны и до самой Ночи Сна мы с матерью не сидели дома — она уводила меня за собой в лес, или саму отправляла.

— Как же? — Даэн нахмурилась на миг — без тревоги, впрочем, — Ты ведь девчонкой еще была совсем, куда же тебя в лес саму?

— Сама-то хороша, коль из дому сбежала, едва соображать научившись, — беззлобно парировала Мара, и Птица ухмыльнулась ей в ответ, принимая колкость, — Если уж деревенские дети чувствуют, что лес их не обидит, то ведьмам и подавно бояться нечего. Мать не страшилась за меня — со мной ничего не могло случиться.

— А если бы заблудилась? Или в трясину ненароком попала бы — что тогда?

— Это дети городов да улиц в трясину могут ненароком попасть, — Мара покачала головой, — Выросшие у лесов в ладонях знают свой край. Ты вон наверняка знаешь окрестности Фаулира и Келерии как свои пять пальцев.

— Знаю, — согласилась Даэн, — Ладно, что уж там, признаю: ты права. К тому же, нашла, за кого бояться — за лесную ведьму... — женщина примолкла, задумчиво глядя на ведьму. Мара не отвернулась — ей нравилось смотреть в глаза Даэн. В них она видела глаза Бессмертного, — Как с этим живет, Мара? С даром творить чары? Ведьмами рождаются или научиться тоже можно?

Тракт выворачивал плавным изгибом вправо, ложась меж невысоких холмов, поросших молоденькими рощами, заснеженными и серебрящимися под лучами света. Дальше, за холмами и курчавой сияющей щеточкой инея, украшавшего ветви, виднелась темная стена родного леса, подкрадывающегося к дороге. Маре вдруг подумалось, что однажды Гарварна расползется по всем окрестностям, медленно, но верно отвоевывая то, что у нее забрали люди — и присваивая то, что никогда ей не принадлежало.

— Всякое случается, Даэн. Бывает, что рождаются — и тогда ничего ты с этим поделать не можешь: хочешь не хочешь, а позовет, будет мучить, тянуть и кликать, — она притихла. Ворох ощущений нахлынул на нее волной, и Мара позволила себе на миг полностью погрузиться в него, подбирая нужные слова, — Меня позвало. Матушка рассказывала...

— ...Вечер был, конец лета — яблоки зрели в садах, я слышала, как они падают за окном наземь. Будто ходит кто. Но я пела тебе, а потому не могла отойти от колыбели и проверить, нет ли кого в моем саду. И свечу зажечь не могла — вдруг еще проснешься, если половица скрипнет? Но и без того ладно было тогда, тихо и покойно. За печкою мышь тихонько скреблась, яблоки те падали — как сейчас помню тот звук, ветер завесью шуршал над твоей кроватью, и ты дышала тихонько так, смешно... — мать рассмеялась, не прекращая перетирать травы в деревянной ступке. Маленькая Мара внимательно слушала ее, чуть склонив голову набок и наблюдая за точными, плавными движениями белых рук с длинными красивыми пальцами, — И ветер в печной трубе пел, да. Мне казалось, что ты уже спишь — я позвала Бессмертного. Он пришел огоньком ко мне.

— Болотным? — девочка пытливо смотрела на мать, забыв о том, что ей и самой должно было толочь лен. Виска кивнула:

— Болотным. Я уж не знаю, как он мой зов услышал так далёко, как от братьев оторвался, да только гляжу, а он в окно — раз! — и к колыбельке. Завис над тобой — любопытно ему стало, чую, что разглядывает, смотрит. Говорю ему: не буди, милый, дочку, она махонькая еще совсем. Вот вырастет, наиграешься вдоволь. А он осторожно так опустился к тебе поближе, льнет к тебе, как тот котенок, к сердечку тянется. Я и прогнать не могу, и за тебя боязно немного — все-таки не знала же, как духи с детками общаются, не могут ли беды какой сотворить не нарочно. А ты вдруг глаза открыла и так ясно на него глядела — я даже испугалась. Не видала, чтоб у несмышленного детеныша такой взгляд был. Ручонки свои к нему тянешь — и он к твоим ладоням, играет с тобой, балуется. В доме темно, по углам совсем черно, а над тобою — словно звездочка сияет. А потом он улетел к братьям и сестрам своим. Только звон тихий в доме оставил, да отсвет у тебя в глазах. Ты с такою тоской ему вслед смотрела, нечеловеческой... Я к тебе руку тяну — а ладонь вдруг закололо, словно зарницу глажу. Вот тогда-то я поняла, что и тебе на долю выпадет по дороге Бессмертного идти.

Где-то с тонкой паутинки ветвей просыпался иней, серебристо звеня, словно легкие хрупкие колокольчики над детской колыбелью.

— После того мне и не стало покоя — мать говорила так. А с того мига, как я себя помню, она мне начала рассказывать обо всем, что сама знала. И в лес отпускала, чтоб я училась говорить с ними. Да только из всех духов я долгое время лишь с болотными огоньками и возилась — остальных не могла даже увидеть. Они ко мне присматривались, наверное, потому-то сами не показывались. А потом уже, когда я сама осталась да подросла чуть-чуть, ощутила вдруг, что во всем есть эта сила... Во всем вокруг. И духи — не что иное, как чистая энергия, сила бога, называй как знаешь. Она воплощена и слита с некоей формой — потому-то мы их можем видеть. Весь мир состоит из этой силы, из крохотных ее капелек. Все — воздух, вода, огонь, снег... — она протянула руку, и подхваченная ветром снежинка опустилась на ее ладонь, тая и обращаясь круглой блестящей капелькой, — Мы с тобой. Только наша сила заперта внутри нас, как в клетке. Вот люди и не могут общаться с духами, вот и считают их бесями, существами иной крови. На самом-то деле, все едино. Мне ведь повезло, Даэн — я родилась с этим знанием. Есть и те, кто изначально слеп и глух к этой силе, и им приходится продирается через жесткую породу форм, плоти, через эти клетки — лишь для того, чтоб однажды ощутить то, что мне посчастливилось ощутить еще в детстве, неученой и несмышленной девочке, — Мара покачала головой, — Так не должно быть. Это осознание должно жить в каждом живом сердце — не только в сердцах тех, кто выиграл у старухи-судьбы в кости, даже не родившись.

Даэн не перебивала ее, слушала внимательно, чуть хмуря красивые черные брови. Легкий ветер играл с вытрепанными из косы кудрями, путал в них свои прозрачные пальцы, заплетал меж прядей свет. Птица рассеянно потрепала свою вороную по холке, а затем обратилась к Маре.

— То есть все же можно научиться ворожить?

Мара вздохнула, пряча улыбку:

— Что ж ты не смотришь-то дальше, а, Птица? — Даэн вопросительно изогнула бровь, и Мара пояснила, старательно подбирая слова, — То, что для тебя ворожба да чудо, для меня — обыкновенная жизнь. И ничего удивительного в ней нет. Я, как и ты, гляжу на этот мир,

делаю то, что мне должно делать, живу себе... Ничего больше.

— Но ты умеешь зажигать свечи одним взглядом, призывать ветра, обращаться светом... — начала было Даэн, но Мара остановила ее, подняв ладонь.

— Как и ты. Ты просто не можешь поверить в это.

Даэн фыркнула:

— Вот уж сомневаюсь, что смогу сделать хоть крупицу того, что ты умеешь — даже если буду всю жизнь вбивать себе в голову, что на самом деле в руках моих лежит колдовская сила.

— Вбивать в голову недостаточно, — заметила Мара, и Даэн вновь обратилась в слух, не отрывая взгляда от ведьмы, — Нужно верить всей собой, понимаешь? Каждой своей частичкой, каждую секунду, даже не верить — знать. Да и какое тебе еще нужно подтверждение, если у тебя в груди стучит сердце твоей Богини? Если ты можешь соединиться с Ней, с Ее помощью вытаскивать своих сестер из забвения?

Даэн нахмурилась еще сильнее, словно в ней боролись две истины, и она все не знала, чью сторону принять. Мара на миг залюбовалась красивой, жесткой линией ее скулы, темным изломом бровей, волевыми чертами лица, а затем Коршун тряхнула головой и медленно проговорила:

— Это все же другое, я думаю.

Мара рассмеялась:

— А что же ты так неуверенно говоришь мне это? Все есть суть одного, Даэн. Вопрос лишь в твоей вере. Ты веришь в силу Хартанэ, что живет в каждой из вас — более того, не просто живет, а воплощается. Вы открываетесь ей так, как я открываюсь всему живому, всей силе. Тому, что зовут Бессмертным. Дай ему любое имя, назови его как хочешь — он все равно останется одним и тем же, как бы его не пытались разделить, разорвать на кусочки. Сила, что поет в тебе, и сила, что поет во мне — едина. Это одно и то же. Мы просто работаем с ней разными способами. И то, что ты обращаешься к ней, доказывает, что каждое живое существо может сделать то же самое. Если захочет. Если оно будет готово к долгому и сложному пути. Если каждый из нас станет на эту дорогу... если мне выпадет счастье увидеть это, помочь этому хоть немножко, — она на миг запнулась, а потом в сердце стало горячо и болезненно-сладко. Мара вдохнула поглубже, прикрыла глаза и тихо промолвила, — Если так, то я буду самой счастливой на всем белом свете. Значит, все было не зря...

— Все итак не зря, разве нет? — так же тихо спросила Даэн, и сквозь пелену света под веками Мара ощутила ее взгляд — золотое солнце, застывшее в капельках смолы.

— Верно, конечно. Все так. Но только одной меня недостаточно для того, чтоб изменить мир. Как недостаточно тебя, как недостаточно сотни... Колесо замерло сейчас, как замирало уже неоднократно, и как замрет еще тысячи раз — если все будет продолжаться так же. Знаешь, Даэн... Я иногда думаю, что смысл не в том, чтоб начался новый оборот — ведь не существует того механизма, что всегда будет исправен.

— Что ты хочешь сказать этим? — голос Коршуна был спокоен и тих, мягок, а потому сказать то, что на сердце, оказалось совсем несложно.

— Я и сама не совсем понимаю, моя крылатая, — Мара усмехнулась, дернув плечом, — Быть может, позже Бессмертный даст мне ответ. Я ищу его — ищу с тех самых пор, как наступила Ночь Сна. Подумай только, ведь даже само воплощение силы Бессмертного, его душа, его дети — даже они подчиняются циклу Колеса, уходя в зиму на покой. Даже они

заперты, в каком-то смысле. Быть может, нужно сломить его?

Некоторое время смысл слов ведьмы доходил до Даэн, а затем она недоверчиво воззрилась на женщину:

— Сейчас оно сломлено — и что? Так ли должно быть?

— Оно не сломлено — оно остановлено. Мне кажется, что... я не знаю, Даэн. В самом деле не знаю. Только иногда мне снится, что звезды падают с его спиц дождем, просыпаются все сильнее, а затем и вовсе разлетаются, и становятся свободными, и в каждой из них — жизнь, и жизнь — в каждом из нас, словно в тех звездах... И смерти, забытия и завершения пути больше нет. Больше нет совсем. Времена года все так же сменяются, но духи не засыпают, а смертные — не умирают. Колеса нет — и нет больше его законов, по которым мы должны, подобно духам, засыпать, оставляя тело, и возвращаться вновь в новой форме, проживая такую короткую, быстротечную жизнь.

Она замолкла, обдумывая каждое свое слово, прислушиваясь к тому, что сорвалось с ее собственных губ. Где-то там лежала правда, живая истина, и Мара все пыталась отыскать ее, перебирая мысли и ощущения цветными камешками в горсти, чтоб отыскать единственный. Где-то там, среди них — нужно было лишь найти его.

Мягкое прикосновение к руке вывело ее из этого прозрачного оцепенения, и ведьма вскинула глаза на Даэн. Птица, наклонившись к ней поближе, смотрела на нее, и пальцы легко касались ведьминой ладони, почти невесомо. Женщина некоторое время не двигалась и ничего не говорила, а затем серьезно проговорила.

— Я не совсем понимаю, что именно ты ощущаешь, что ты имеешь в виду, чего ты хочешь. Только ты знай одно: я пойду за тобой. И помогу тебе всем, чем смогу. Каким бы ни был твой путь, Мара. Все, что нужно сделать, будет сделано, я обещаю тебе.

— Как и я тебе, — просто ответила Мара, теснее прижимая руку к теплой ладони тавранки. Еще несколько мгновений они глядели друг другу в глаза, а потом расцепили руки, и вновь тишина воцарилась над миром.

Заснеженная пустошь тянулась перед глазами белым полотном, на котором неведомые мастерицы вышили узоры лесов, замерзших рек и городов. За спиной на высоком небе виднелись серые волны туч, вздыбивших мягкую шерсть — видать, недолго солнышко будет радовать землю своим ласковым взглядом. Впрочем, даже за такие крохи Мара была благодарна Бессмертному — все же сумел, выборол, подарил своим детям маленькую короткую сказку. Не проси большего, ведьма — он итак дает каждому все, что может отдать. Куда уж больше?

Ближе к вечеру небесный простор затянулся легкими белоснежными перьями облаков, в свете заходящего солнца ставших розовыми, пурпурными, золотыми, рыжими. Мара так давно не видела ярких красок, что сейчас ощущала в сердце сладкую-сладкую тоску по теплым летним дням, наполненным хмелем и горячим запахом хвои и земляники, по осенним вечерам, когда листья начинают желтеть, когда вода в озерах и реках становится синей-синей, словно драгоценные эльфийские камни. Длинные зимние ночи, мерцающие звездами, пахнущие морозом и дымом из печной трубы, тоже были дороги ее сердцу — однако сейчас, как никогда, хотелось жизни. Такой, чтоб захлеб, чтоб допьяна, чтоб лететь, подобно птице, падая все выше в июльское черное небо.

В груди заворочался дух, сонный и неуклюжий зимой — но все так же желающий свободы. Мара мягко коснулась зверя, и тот, недовольно ворча, вновь улегся, свернувшись теплым клубочком где-то возле ее сердца и укрыв его пушистым хвостом. Как вы там, мои

лунные братья и сестры? Ждете ли меня, пропавшую? То была первая зима, когда Мара ушла от волков, и она почти что ощущала беспокойство стаи. Звери, воспринимавшие силу Бессмертного и его детей гораздо яснее, чем двуногие, привыкли к ней и полюбили ее, а потому скучали по ней. Мара не сомневалась, что в родном лесу ее помнят не только травы и деревья, но и луноглазая стая, и иногда ей так хотелось оставить тело и помчаться к ним, чтоб хотя бы на миг увидеть, чтоб рассказать им все... Однако до вольчих логов было слишком далеко — вряд ли тело продержится так долго без духа. Да и пугать Даэн лишний раз ей покуда не хотелось.

Мара рассказала Птице о том, что умеет выходить из тела, и что дух ее принимает волчью форму, рассказала в самом начале их пути к Эллоину. Даэн слушала, словно ребенок, жадно внимая каждому слову и глядя на Мару с восторгом и опаской, словно та оказалась ожившей сказкой. Впрочем, так, наверное, и было на самом деле. Ведьма не скрыла ничего — ни того, что долго в таком состоянии не может находиться, ни того, что пространство для духа не имеет никакого значения, и можно перемещаться в нем куда быстрее, чем привыкли смертные, ни того, что духу нравится свобода от тела, и он рвется наружу. Даэн приняла это спокойно — лишь полушутливо попросила, чтоб Мара не сбегала далеко от нее в лес, иначе она будет волноваться, но ведьма ощущала тревогу за ее веселым тоном. Оно и не мудрено: вряд ли какой человек будет рад, проснувшись рядом со своей любимой и обнаружив холодное тело, покинутое самой жизнью и едва дышащее. А посему с такими экспериментами можно и подождать — если Бессмертный позволит, ей на долю еще выпадет возможность увидеть стаю.

О том, что такой возможности может и не быть, Мара старалась не думать. Слишком быстро текло сквозь их пальцы время, чтоб размышлять о забвении и страшиться будущего. Оно всегда наступало внезапно, тогда, когда ему вздумается, и предсказать его ведьма не могла — да и не хотела. Так или иначе, тот миг, когда грядущее свершится, станет для нее мигом «сейчас». А раз так, бояться было нечего.

Вечер мягко ступал за ними по пятам, словно бесшумный вор, собирающий в свой мешок последние лучики заката, а на горизонте маячила рваная узенькая полоска света, мерцающая огоньками. Вскоре Мара различила узор крохотных пятнышек-окошек в невысоких домиках, и ветер донес до нее слабый, едва ощутимый запах снеди.

— Судя по всему, мы добрались до Скельгара, — Даэн привстала в стременах, всматриваясь вдаль, — По крайней мере, на карте этот городишко так называется.

— Ты бывала здесь? — Мара тоже сощурилась, присматриваясь к силуэтам домов и садов вокруг них. Даэн хмыкнула:

— Нет, сюда Лорелей нас никогда не отправляла. Что же... поглядим-ка, Мара, есть ли там постоянный двор без клопов.

С этими словами Птица послала лошадь рысью, и Мара поспешила сделать то же самое, стараясь не отставать от Даэн. Когда темнота наконец опустилась на землю, накрывая собою холмы и долины, всадницы вошли в город, зовущийся Скельгаром.

Скельгар оказался небольшим, вытянутым вдоль Железного Тракта и густо заросшим огромными садами. Наверное, здесь выращивают продовольствие для пограничных городов, подумалось Маре. За городской стеной, довольно хлипкой даже на вид, в зарешеченных проемах ворот виднелись темные широкие пятна распаханной земли, щедро припорошенной снегом. Громадные поля тянулись до самых холмов, устеленных белым покрывалом. Наверное, жители не хотели занимать ни клочка земли, поэтому город узкой полосой

обнимал дорогу с двух сторон, теснясь подле нее, а все свободное пространство люди засеивали. Мара надеялась, что со времен предыдущих Изломов ничего не изменилось, и в Скельгаре, как и прежде, помнят, зачем он был построен на самом деле.

Дорога привела их к городской площади с двумя колодцами под деревянными заснеженными крышами. Где-то совсем рядом визжали играющие дети, брехали собаки, слышался хохот захмелевших мужиков. Мара ощущала на себе взгляды прохожих, неспешно бредущих куда-то по делам, но взгляды те враждебными не были, а потому ведьма, спрыгнув с лошади и взяв ее под уздцы, спокойно и уверенно направилась по расчищенной тропке к двухэтажному широкому зданию, у крыльца которого тихонько поскрипывала узорная вывеска.

Отдав лошадей хмурому конюху, Даэн распорядилась, чтоб тех накормили сейчас и на рассвете, и вдвоем с Марой они вошли в помещение. Здесь было тепло, людно, в дальнем углу на деревянной широкой приступке играл бродячий флейтист — совсем еще мальчишка, лукавый и смешливый, с шапкой густых темных кудрей. Ему присвистывали, хлопали, и музыкант улыбался еще шире, выводя очередную залиvistую трель. Это было славно, это было действительно хорошо, в этом была жизнь, и впервые за долгое время Мара не чувствовала себя лишней в человеческом кругу.

Впрочем, для нее все равно здесь было слишком шумно, потому она поспешила протиснуться к свободному столику у камина. Даэн договаривалась с хозяином постоялого двора о чем-то, и спустя некоторое время подседа к ней, устало потирая затылок.

— Я попросила, чтоб в комнату втащили бадью да воды нагрели. Смыть бы все с себя поскорее.

Мара благосклонно кивнула, ощущая, как тело медленно отогревается и наконец расслабляется. Холод не страшил ее и не тревожил, но теплый очаг был как нельзя кстати. Вскоре веснушчатая девчушка — дочь хозяина, по всей видимости, — приволокла две миски с горячим супом, золотисто-рыжую краюху хлеба и тарелку с печеной картошкой, и обе женщины с наслаждением набросились на пищу. В пути особо не наешься, и все это время Мара ощущала легкое чувство голода — не особо досаждающее, впрочем. А сейчас по телу разливалось приятное сонливое тепло, и ведьме вдруг подумалось, что ей хочется спать — так, как спят люди: крепко, сладко, тесно прижимаясь друг к другу и ворча, когда кто-то ворочается под боком. Даэн, медленно потягивающая вино из глубокого кубка, окинула ее взглядом и плавно поднялась со стула.

— Пойдем-ка, Мара. У тебя усталый взгляд — а завтра нам снова в путь.

Мара кивнула, ощущая себя непривычно слабой и теплой. Вот уж как ты шутишь, Бессмертный... Я не просила о том, а ты все же даешь и мне попробовать того человеческого счастья — просто быть. Даэн мягко взяла ее под руку, увлекая по лестнице наверх, и провожала их веселая песня бродячего музыканта, которой вторили голоса, свист, смех — и что-то еще, что-то неназванное, но удивительно светлое и доброе.

Горячая вода ласковым потоком смывала усталость, но вместе с тем ведьма ощущала, как последние физические силы медленно покидают ее. Теплые заботливые руки Даэн осторожно распутывали ее волосы, вымывая из них холод и принося невесомую нежность прикосновений. Мара попыталась было самостоятельно подняться из бадьи, но сон наваливался на нее тяжелым громадным котом, урчащим и не позволяющим даже встать на ноги. Коршун, заметив это, тихо рассмеялась и, обернув безвольную женщину полотенцем, бережно подняла ту на руки и понесла на постель. Мара ощущала, как Даэн стирает с ее

кожи капли воды, слышала ее тихий шепот, но слов разобрать не могла — да и не знала, нужно ли было. Ей казалось, что все она на самом деле знает.

На плече Даэн было уютно, удивительно хорошо и так... Совсем сонная, Мара почувствовала, как женщина забирается в постель, теплая и пахнувшая чистотой, и осторожно обнимает ее, прижимая к себе. Ведьма устроилась у нее на плече, утыкаясь носом куда-то в шею, на которой осталось несколько капелек воды, и едва коснулась губами мягкой кожи. Мир отступал, уходил куда-то, размывался туманом — осталось лишь теплое одеяло сна, под которым ее так крепко держали исполосованные шрамами сильные, но нежные руки, и в последний миг перед тем, как заснуть, Мара подумала, что человек, засыпающий в руках истинно любимого человека, благословлен всеми богами мира. Благодарю тебя, Бессмертный. За этот краткий миг — бесконечно тебя благодарю. А потом веки ее смежились, и Мара погрузилась в сон без снов, крепкий и спокойный, в котором была лишь теплая темнота да тихий голос Даэн, мурлыкающей незнакомую Маре песенку на неведомом языке. И ныне ничего больше не нужно было.

===== Глава 36. Радужный прием =====

В глазах было белым-бело из-за непрекращающейся вьюги, а кожу на лице стянуло растрескавшейся маской, но Аллэивар только покрепче стиснула зубы: не впервой. Ей ли, одной из лучших Ищущих клана Вар, не знать, какими бывают бураны на границе Таврании и Гарварны? В юности ей не раз доводилось путешествовать сюда с отрядами — тогда Шеде нужен был торговый союз с городком на юге владений северян, и Аллэи сумела все сделать в кратчайшие сроки и на самых выгодных для клана условиях. Однако воспоминания о землях на юге Таврании остались не самые приятные — мало того, что Ищущим потом пришлось несколько дней пить поганые отвары Слепой Мэг, чтобы не разболеться, так еще и нескольких девчонок здорово потрепали во время перехода через лес. И сейчас Аллэивар, проклиная все и всех, пробиралась через метель к Залесью, где в них когда-то всаживали стрелы проклятые кикиморы.

— Бесовы болотницы, — пробормотала эльфийка, вспоминая зазубренное острие и собственный вопль, когда Знающая при отряде выдирала из ее бедра стрелу, ругаясь как сапожник и залечивая рану.

Оставалось лишь надеяться, что в этот раз обитательницы Залесья окажут ей более теплый прием. По крайней мере, Аллэи не слишком хотела объяснять Шеде, почему вместо союзного договора о поддержке друг друга в грядущей войне она вновь подралась с бесноватыми женщинами — которые, как ни крути, действительно могли помочь. Залески, как их прозывали в мире, умели врачевать едва ли не так же хорошо, как и эльфийские Знающие, а в искусстве стрельбы из лука равных им не было. К тому же, они мастерили действительно страшное оружие, ужасающее даже бывалых воинов, а потому заручиться их поддержкой было бы неплохо.

У Залесья была довольно-таки интересная история — так рассказывала Аллэи молоденькая девица, лечившая ее после того похода. Методы у девицы были неплохими, а потому эльфийка терпела ее болтовню, хоть и слушала вполслуха. Аллэивар помнила, что Залесье — регион северян, заросшая густыми ельниками территория, вытянутая вдоль границы Таврании и Гарварны. Когда-то в незапамятные времена сюда сбежало десятка два женщин с даром ворожбы, да так и осели здесь. В Таврании к ворожеям относились с великим почтением, однако по законам государства, каждая необученная ведунья должна была уходить в Святилище — своего рода школу, где ее учили контролировать собственную

открывшуюся силу. Женщина отрекалась от собственной семьи, от простого быта, от детей и супруга, полностью посвящая свою жизнь служению. Естественно, не всякая хотела такой судьбы для себя, а потому многие попросту не шли в Святилище, скрывая свой дар ото всех. Однако это не шибко помогало: раз в полгода служители выходили на своеобразную охоту, разыскивая ведуний даже в самых глухих селениях и забирая их силой, против воли несчастных. Нормальной жизни у таких быть не могло — вести о них живо расходились по округе, и, даже если женщинам удавалось сбежать из Святилища, беглянок чурались и сторонились. Глаз на них не поднимали, с ними не говорили, дотрагиваться до них было запрещено — словно те были прокаженными.

В какой-то момент несколькими все же удалось сбежать из Святилища Четырех Солнц — самого высокого и древнего Святилища Таврании. Верховная ворожея гнала их до самой Гарварны, но на границе с лесом ведунья, подговорившая остальных сбежать, остановилась и во всеуслышание объявила, что по законам Таврании, Гарварна является неприкосновенной территорией, убежищем. Как только женщины ступили в лес, преследование прекратилось — так как то было правдой. Ведуны святилища даже обращались к королю, чтоб тот возвратил сбежавших, однако владыка Таврании стал на сторону женщин — хоть и с определенным условием. Королевским указом Залесье объявили изоляцией, проклятой землей, куда ведуньи могли уходить по своей воле, но навсегда лишались возможности возвратиться в Тавранию. Жителям государства под страхом смертной кары запрещалось являться в земли залесок и каким-либо образом контактировать с ними и уж тем более — создавать с ними семьи. Не хотите служить на благо вашего Дома — будьте бездомными и одинокими, ибо вы сами выбрали свой Путь, значилось в указе государя Таврании — и освободившиеся ведуньи не стали противиться.

С тех самых пор в Залесье сбегали девчушки и женщины, решившие, что лучше уж на воле, чем в вечном заточении, пусть и благом. Таких, впрочем, было не так уж и много — о ведуньях ходило слишком много слухов: дескать, те за время, проведенное в ельниках, стали дикими, нелюдимыми, полубезумными. Семей у них не было, а себя они считали сестрами, поклявшись защищать друг друга от любой беды. Долю свою залески несли, словно тяжелый могильный камень, гордо задрав нос и возомнив себя трагическими героинями всего мира — по крайней мере, так считала сама Аллэи, наслушавшись рассказов о них. Ей вообще казалось, что на всем белом свете в последнее время развелось тех, кому в жизни не поздоровилось, а потому к подобным историям эльфийка относилась двояко — вроде и сочувствовала, но ехидничать все равно хотелось.

Что ее ждало впереди, Аллэивар понятия не имела. Она вообще не совсем хорошо понимала, что сейчас делает — все случилось слишком быстро. Когда Птицы и лесная Знающая покинули Лореотт, эльфийка засобиралась было в Аэль-Роадан, к королеве Реанэсс, как они ранее решили с Шедой, однако в последний момент королева заявила, что визит в город клана Эсс отменяется. Она умчалась куда-то, и около полутора часов Аллэивар терялась в догадках, что пришло в голову ее высочества. Все прояснилось на следующий день — Шедавар явилась в казармы, где Аллэивар мирно спала, и, растолкав Ищущую, заявила ей, что она отправляется в Залесье.

— Когда? — заморгала Аллэи, спросонья ничего не соображая и осоловело глядя на королеву. Та, скрестив руки на груди, спокойно ответила:

— Сейчас. В порядок себя приведешь — и в путь.

— Зачем?! — еще больше оторопела Аллэи. Ее прошлое путешествие в Залесье

окончилось тем, что она поклялась никогда больше не соваться в проклятые ельники к кикиморам — так она решила звать обитательниц пограничных земель. И никак иначе.

— Они нужны нам. Я поговорила с Мэг — она все-таки уделила мне минутку, — Шедавар, бодрая и собранная, принялась расхаживать по комнате, заложив руки за спину, — Залески — сильные союзники: врачеватели и стрелки лишними не бывают. Согласись — не многие из нас хороши в дальнем бою, — она выразительно взглянула на Аллэи, и эльфийка поморщилась: последний отряд ее учениц показал себя не слишком хорошо на тренировочных стрельбищах — и вины самой Аллэи в том не было. В последнее время дети подземелий стали видеть куда хуже, чем предыдущие поколения. Они жаловались на то, что мир размывается, и у них нет возможности прицелиться. Поэтому Аллэивар понимала, что королева права. Шедавар продолжила, — Если нам удастся убедить их в необходимости сплотиться и выйти против Охоты вместе, шансы на победу увеличатся. Любой союзник сейчас на вес золота, Аллэивар. Сами они не выживут в своих ельниках, а мы, чураясь помощи, тоже вряд ли сможем противостоять грядущему натиску. Нужно бить вместе. Стоять стеной.

Аллэи поморщилась — она терпеть не могла патетику. Впрочем, говорить это вслух она не стала: больно уж хорошо знала этот горящий взгляд и непреклонно развернутые плечи. Вместо этого эльфийка, взлохматив волосы ладонью, поднялась с койки.

— Мэгавар направила туда послание какое-то по моей просьбе, — на вопросительный взгляд Аллэивар королева поморщилась, — Ну, знаешь, тени эти ее, или что-то в этом роде. Какая-то там волна. Ты знаешь, я не разбираюсь в штучках Знающих, это не мое дело. Сама я тоже подстраховалась — к Залесью с письмом летит сокол. К тому моменту, как ты доберешься туда, залески должны будут знать о твоём прибытии. Я надеюсь, по крайней мере, что стрелами тебя не утыкают, как только ты на их земли шагнешь.

— Это так утешает, — ворчливо отозвалась Аллэи, направляясь к мраморной чаше с ледяной водой. Холодная жидкость тут же согнала сон с усталых век, и эльфийка, отфыркиваясь, принялась умываться, попутно прислушиваясь к Шедавар.

— Поговоришь с их главной — все расскажешь, расспросишь их, что да как. Понятия не имею, как они живут, поэтому выкручиваться тебе придется самостоятельно. Заклинаю тебя: не вздумай насмеяться над их именами, иначе никакие мои письма тебе не помогут, и в Лореотт ты вернешься с еще одним шрамом на заднице. Если вообще вернешься.

— А что, есть повод позубоскалить? — осклабилась Аллэивар, чувствуя, что смиряется. Она уже привыкла к сумасбродным идеям своей королевы, возникающим в ее голове так хаотично, а потому даже не спорила с ней и не пыталась ей ничего доказать. Проще было выполнить волю Шедавар.

— На самом деле, вроде бы и нет — разве что они берут себе вместо имен названия трав. Знаю твое паршивое чувство юмора, я сочла нужным предупредить тебя — чтоб ты была поосторожнее.

— Хорошо. Обещаю тебе, что не стану в открытую смеяться над какой-нибудь госпожой Копытенью, — Шедавар фыркнула, косясь на нее, но Аллэи не стала развивать бессмысленную тему и перешла к делу, — Я еду одна?

— Не то что бы едешь — но да, одна, — кивнула Шедавар. Ищущая уставилась на нее, пытаясь уловить суть ее слов. Заметив это, Шеда добавила, — Все поймешь. Ты готова?

— Дай мне еще немного времени. Я подготовлю вещмешок и Кайэннре.

— В Йэн нет нужды, она тебе не понадобится, — и, предупреждая очередной вопрос,

королева вновь повторила, — Все поймешь. Жду тебя в Доме Знающих.

Уже тогда Аллэи заподозрила что-то неладное — сбор в обители эльфийских ведьм не предвещал ничего хорошего. Да и отсутствие Йэн, боевой подруги и верной защитницы, несколько смущало ее. Впрочем, королева уже покинула казарму, оставив Аллэивар с ее мыслями наедине, а потому расспрашивать было некого. Вздохнув, эльфийка принялась собираться в путь.

Все действительно оказалось паршиво: ее встретила опирающаяся на посох старая, как сам мир, ведьма, чей сумрачный взгляд мог бы сжечь дотла что угодно. Неподалеку на площадке у входа в Дом Знающих стояла Шеда, не обращающая никакого внимания на ворчание ведуньи — та замогильным голосом заявила, что ее оторвали от работы по пустякам, но раз королева приказывает... Дальше Аллэи не слушала ровно до тех пор, пока ведьма не треснула ее посохом прямо по макушке.

— Ты вообще слышишь меня, окаянная?!

— Да, да! — Аллэивар скривилась, потирая голову пятерней, — Праматушка, можно было и поаккуратнее.

— Ты еще меня поучи, — глаза ведьмы недобро сузились, и Аллэи смиренно опустила взгляд, решив, что сейчас можно и прикусить язык, — Повторю еще раз, ибо ты, глупая девка, вряд ли что услышала. Мы с моими сестрами раскроем тебе врата.

— Какие еще врата?.. — заикнулась было Аллэивар, но ведьма визгливо перебила ее:

— Умолкни немедленно и дослушай! Глупые девчонки, никакого с вами покоя... — выдохнув, Знающая продолжила, — Врата Сторон. Четырех сторон света, имеется в виду. Это — проход, что позволит тебе переместиться куда угодно, хоть за тысячи верст отсюда. Мы сделаем все, однако запомни самое главное — то, что зависит лишь от тебя: входя во Врата, держи в своей дурной голове, что двигаться тебе нужно на северо-восток. Сделать нужно всего один шаг. После этого ты окажешься на подступах к Залесью. А там — держись кромки леса, рано или поздно тебя встретят.

Последнее прозвучало почти что угрожающе. У Аллэивар кругом пошла голова — то ли от ведьминогo посоха, которым та ее приложила, то ли от информации, которую нужно было уложить в голову. Эльфийка осторожно взглянула на Знающую:

— Праматушка, ты уж позволь задать тебе вопрос и не гневайся на меня. Как можно переместиться за сотни верст в одну секунду? Это — магия теней?

— Тебе не нужна мудрость старших, — поджала губы старуха, — Все равно в твоей голове толку ей не будет.

— Я считаю, — негромко подала голос Шедавар, — Что ей следует знать все касательно путешествия меж пространством. Для ее же безопасности — и для моего спокойствия. Мне бы не хотелось потерять мою Ищущую, Знающая.

Ведьма еще сильнее скривилась, словно ей кислицы в рот напихали, но все же церемонно кивнула.

— Хорошо, королева. Как пожелаешь. Нет, Ищущая, это — не магия теней. Это... — она замешкалась, подбирая слова, — Это — свойства нашего мира. Небо даровало Знающим возможность видеть эти свойства и использовать их. Для Неба и для первородной силы, что сотворила все в этом мире, нет разницы между тобой и скалами над твоей головой, пламенем, травами. Все состоит из этой силы, заключенной в оболочку — словно... в клетку, да. Так тебе проще понять будет. В тебе — тысячи таких клеток, Ищущая. Как и во мне. Как и в этой земле, на которой ты стоишь, как и в воздухе, которым ты дышишь. Они

одинаковы. Разве что сцеплены меж собой по-разному.

Аллэвар непонимающе воззрилась на нее. Это была уже откровенная чушь. Ведьма между тем сухо продолжала:

— Врата Сторон открывают путь в иное пространство, где разницы меж этими частичками нет. Там ты, грубо говоря, рассыпаешься — впрочем, сохраняя свою сущность и сознание. Там нет форм и границ, потому что нет связей меж клетками. У них сохраняется их первичная оболочка, но цепи, что связывают их меж собой, разрушаются. Сила, заключенная в этой оболочке, помнит, кто ты и что ты есть — а потому, если ты не будешь паниковать и метаться, с тобой ничего не случится. Сделаешь один шаг — и очутишься там, где тебе нужно, такой же, какой была раньше. Целостной, вновь принявшей свое обличье.

Почему-то стало трудно дышать. Не выдержав, Аллэи подняла вверх ладонь:

— Нестыковочка, праматушка. Я, по твоим словам, рассыплюсь песком. О каком шаге тогда идет речь, если у меня даже ног не будет?!

— Достаточно усилия, мысли, стремления, — терпеливо разъяснила ей ведьма, глядя на нее словно на несмышленное дитя, которое не понимает простейших истин, — Я тебе еще раз говорю, дитя, сила в клетках помнит, кто ты и что ты есть. Не пугайся того, что твое тело исчезнет, когда ты шагнешь во врата. Достаточно одной мысли, и ты вновь станешь собой, к какой себе ты привыкла. Главное — отыщи верное направление. Северо-восток — только туда и стремись.

— Как, простите, как можно отыскать направление там, где нет ничего? — слабым голосом поинтересовалась Аллэи. Ей казалось, что сейчас она соглашается на какое-то безумие, и внутри нее разбуженным зверем ворчала тревога и недоверие.

— Мы откроем Врата так, чтоб лицом ты была повернута на северо-восток. Не разворачивайся, очутившись там, не пытайся оглядеться и обернуться — просто иди вперед. Не вздумай дергаться — иначе уж точно не соберем, — ведьма хмыкнула, и у Аллэи по спине мурашки побежали. Времени обдумывать все вышесказанное у нее не было — ей казалось, что она точно сойдет с ума, если начнет размышлять об этом. Вздохнув, эльфийка сдалась.

— Хорошо. Ладно. Последний вопрос... нет, два. Первое: как мне добраться обратно до Лореотта без химеры? Пеший переход слишком долог. И второе: как вы рассчитываете нужное нам расстояние? Если я все правильно поняла, то эта штука может меня забросить даже в Подземные Чертоги... Вы не промажете, праматушка?

Старая ведьма еще сильнее поджала губы, неодобрительно зыркнув на неумную эльфийку:

— Обрато возвратишься точно таким же путем — все ведуны владеют этим знанием о природе вещей. Способ залесок может отличаться от нашего, но суть-то одна. Просто следуй их указаниям, и все будет в порядке. А второе — это уж точно не твоя забота. Мы не промажем, — в последних ее словах было столько яда, что Аллэи решила не продолжать этот разговор. Помолвившись про себя Богине-Защитнице, эльфийка хмуро пробормотала:

— Ладно. Давайте уже, выкидывайте меня через эти ваши врата. Все равно нет смысла тянуть это.

Знающая вновь прожгла ее острым взглядом, но больше не сказала ни слова — лишь принялась закатывать рукава своей хламиды да что-то тихонько бормотать под нос. Шедавар подошла поближе к ним, внешне совершенно спокойная и уверенная, как и всегда. Склонив голову набок, королева оглядела Аллэи, впиваясь цепким взглядом в ее лицо:

— Думаю, никаких сложностей с перемещением у тебя не возникнет. Ты справишься, я уверена.

— Действительно, — язвительно отозвалась Ищущая, наблюдая за тем, как старая эльфийка вычерчивает руками какие-то символы прямо в воздухе. К ней незаметно присоединились две ведьмы помоложе, и теперь они все вместе двигались синхронно, словно танцевали, — Меня всего лишь распотрошит на мелкие кусочки. Это действительно ничтожно, ага.

— Не волнуйся, — взгляд Шеды чуть потеплел, — Это не так уж и страшно. Необычно, но не страшно. Главное — не пытайся оглядеться, иначе потеряешь направление. Иди быстро и прямо, и все будет хорошо.

Аллэивар покачала головой, поудобнее пристраивая на боку вещмешок:

— Ты такая интересная — как я смогу оглядеться, если мои глаза тоже станут этими... частичками, клетками, небо знает чем еще... В общем-то, ладно. Не думай об этом. Просто мне, знаешь ли, не доводилось так путешествовать. И я надеюсь, что мы с тобой еще увидимся. Если нет — следующую посланницу в Залесье отправляй на химере.

— Увидимся, — Шедавар хлопнула ее по плечу, — Я же стою перед тобой, живая-здоровая. И ничего со мной не случилось. Верь мне.

Аллэивар больше ничего и не оставалось. Так обычно и бывало — Шедавар придумывала что-нибудь, говорила «Верь мне» и отправлялась делать что-нибудь, из ряда вон выходящее. А Аллэи, играющая в этом свою роль, покорно верила — и все у них получалось. Поэтому и в этот раз эльфийка лишь кивнула, смахивая со лба непослушные пряди, и принялась наблюдать за ведьмами. Вскоре прямо перед ней сверкнуло, вспыхнуло, и на миг эльфийке показалось, что она ослепла. А затем пятно света в ее рост замерло напротив нее, и старшая Знающая прокаркала:

— Иди же, дочь Ниэннавар, и помни — ни шагу в сторону! Стремись лишь вперед!

— Помоги мне, богиня, — пробормотала Аллэи и, зажмурившись, сделала шаг.

Во все, что происходило за Вратами, Аллэивар до сих пор не могла поверить — как и в то, что она вообще умудрилась пройти и выйти оттуда целой и невредимой. За чертой света было странно, чуждо, непонятно — там больше не стало ее самой. Вернее, она была всюду и во всем, она ощущала себя собой, однако вокруг не осталось ничего, кроме мелких-мелких капелек то ли воды, то ли чего-то иного. Больше всего это напоминало прозрачные капельки росы, не сливающиеся в одну, но плотно прилегающие друг к другу, движущиеся, медленно кружащие в одном лишь им ведомом танце. Здесь не существовало звуков — лишь глухая тишина, заполняющая собой все пространство; здесь не было красок, полутонов, теней — только бескрайний океан силы, разбитой на крохотные песчинки. Северо-восток! Эта мысль вспыхнула тогда в ней подобно огням маяка, и Аллэи, сама не понимая, как, устремилась куда-то вперед, ощущая, как все ее существо несетя через тысячи верст, в одну секунду времени проходя невероятные расстояния. Она даже не успела испугаться, как все закончилось, и ей в глаза ударил яркий дневной свет, а кожу обожгло ледяным прикосновением мороза и метелью, бьющей по щекам.

Когда мир вновь обнял ее, и привычное окружило со всех сторон, Аллэивар чуть было не рухнула в глубокий снег от избытка чувств. Ей хотелось браниться, подраться с кем-нибудь, проснуться, все, что угодно — лишь бы забыть это странное ощущение отсутствия каких-либо границ. Только выйдя из Врат, она испугалась по-настоящему: слишком уж была велика вероятность потерять себя там, в этом пространстве без форм, и так и остаться в его

безмолвии навсегда.

Она очутилась у самой кромки леса, в том месте, где земли Таврании клином вдавались в Гарварну. Именно там, в густых ельниках, находилось упрятанное от посторонних глаз Залесье. Кое-как придя в себя и успокоившись, Аллэи отправилась туда, стараясь двигаться поближе к лесу — так, чтоб не заплутать. Снег силился залепить глаза, забраться за шиворот, но эльфийка лишь ругалась сквозь зубы, отплевывалась и шла дальше. Пытаться найти укрытие и переждать там бурю смысла не было — ей хотелось поскорее разобраться с кикиморами, выполнить волю Шедавар и возвратиться домой. По сравнению с путешествием через Врата Сторон, визит к Реаннэс теперь казался величайшим благом.

Спустя время лес изогнулся, отступая вглубь, на юг, и Аллэивар решила, что пришло время сворачивать в ельники. Где-то здесь их и обстреляли из кущей залески, стало быть, сам город должен быть поблизости. Эльфийка, щурясь от снега, метущего прямо в лицо, направилась к деревьям, молясь о том, что кикиморы предупреждены и не станут встречать ее стрелами, как только она ступит на их заповедные территории.

В лесу ветер стал тише, и снег не валил стеной. Аллэи отряхнулась, мимоходом оглядываясь по сторонам и уговаривая себя отнять руку от клинка, к которому инстинктивно потянулась. Здесь было темно и зелено, снег не лежал таким густым ковром, и кроны исполинских елей заслоняли небо. Сумрачно скрипели ветви, и вой ветра теперь казался совсем уж тихим — Аллэивар обратилась в слух, готовая к нападению в любой момент. Лесу не нравилось, что здесь чужие — она ощущала это нутром, и чувство было, мягко говоря, паршивым. Лес нависал над ней мрачным наблюдателем, таращил тысячи глаз прямо на нее, и угроза плыла над землей, поросшей темным мхом и усыпанной ковром иголок. Стараясь ступать бесшумно, Аллэи побрела вперед, озираясь вокруг.

— Позвать кого, что ли? — под нос себе пробормотала эльфийка, проверяя, как сидит клинок в ножнах. Внезапно стало еще тише, словно она вновь очутилась за Вратами Сторон, и Аллэивар различила тихий-тихий шорох — то ли снег ссыпался с ветвей где-то вдалеке, то ли чьи-то пальцы оглаживали оперение на стреле.

Решив больше не медлить и не раздумывать, Аллэи выпрямилась, убирая руку от ножен, и уверенно проговорила, обращаясь в никуда:

— Меня зовут Аллэивар, Ищущая при королеве Шедавар, владычице Лореотта, города пещерных эльфов. Я прибыла в Залесье, чтобы просить вольных ведуний о помощи от имени моей повелительницы.

Некоторое время стояла абсолютная тишина, опасная и напряженная. Аллэивар заставила себя стоять спокойно и не двигаться, давая возможность наблюдавшим оглядеть ее. В том, что наблюдавшие были здесь, она не сомневалась. Вдох-выдох. Вдох.

Через некоторое время еловые ветви раздвинулись, и на поляну вышла женщина с разрисованным красками лицом. Темно-зеленые полосы украшали ее щеки, и темная зелень тянулась от ее висков по векам — и вниз от уголков глаз, вдоль тонкого прямого носа. Жесткие черты лица и внимательный взгляд немигающих глаз в сочетании с рисунком делали ее и впрямь похожей на какого-нибудь болотного духа из человеческих сказок. В длинных спутанных косах Аллэивар увидела тонкие нити трав — почему-то не увядающих. Одета женщина была в настоящие лохмотья, на первый взгляд — да и не больно эльфийка разглядывала ее одежду: в руках женщина уверенно держала лук со стрелой на тетиве, и острое глядело прямо на сердце Аллэи.

— Я знаю, кто ты, — отрывисто проговорила женщина. Голос у нее был гортанный,

грубый, — Весть о тебе и впрямь пришла — хоть ты и слишком быстро добралась до нас. Мы не успели подготовить подобающую встречу тебе, посланница королевы.

Аллэи поневоле напряглась: что-то было не так. Что-то крылось за словами залески, по-прежнему не опускающей оружие, что-то ядовитое и злое. Эльфийка ощущала это нутром, однако предпринимать что-либо не решилась. Открыто глядя на женщину, она рассудительно проговорила:

— Я пришла не для того, чтоб напасть на тебя или накликать беду на твой край. А потому прошу тебя опустить оружие и отвести меня к той, с кем я могу обсудить просьбу королевы.

— Конечно, — женщина не улыбалась, и стрела по-прежнему была нацелена на Аллэи, — Пойдешь передо мной, чужестранка. А я тебя охранять буду. Все же ты — гостья Залесья.

— Гостей не встречают стрелой, — тихо заметила Аллэивар, не отводя взгляда от зазубренной грани, хищно поблескивающей в мрачной тени деревьев.

— А еще гости не велят хозяевам дома, как тем вести себя, — ответила незнакомка. Взгляд ее был холоден и чем-то пугал Аллэи, за свою жизнь немало повидавшую, — Иди вперед. Ты ведь хочешь поскорее увидеть Ревенку?

— Если Ревенка — главная среди вас, то да. Но прежде я все же попрошу тебя: убери оружие, — в голосе ее прорезались угрожающие нотки, но Аллэивар ничего не могла с собой поделать. Она попросту не могла позволить этой женщине идти позади, когда в руках у той был лук.

— Не бойся меня, — и тут она впервые улыбнулась, да так, что у Аллэи мороз по коже побежал, — Бояться тебе нужно моих сестер. Пока я за твоей спиной, они тебя не тронут — но стоит мне уйти, и случится что-то непоправимое. Для тебя, по крайней мере. Хочешь узнать, что?

Аллэи скрипнула зубами, чувствуя, как внутри закипает бессильная ярость. Сейчас она ничего не могла сделать — оставалось лишь подчиниться кикиморе, которой небо знает что было нужно. Аллэи не понимала, что происходит — и это нравилось ей меньше всего. Но сейчас она ничего не сумела бы изменить — лес обступал ее со всех сторон, щерился иголками и запряганными в них стрелами, а может, и еще чем похуже. И особого выбора сейчас у нее не было.

— Говори, куда идти, — деревянно бросила Аллэи, не опуская взгляда. Женщина дернула уголком губ:

— Вперед. И не оборачивайся — а то ненароком потеряешь второй глаз. Ты ведь не хочешь этого, правда?

===== Глава 37. Ложь =====

Чем дальше шли они вглубь Залесья, тем гуще и темнее становился ельник, и тем четче Аллэивар понимала, что идет напрямик в западню. Тяжелые лапы елей нависали над ней оцетинившимся пологом, в котором кто-то шелестел, тихонько переговаривался, касался оперения стрел. Лес жил какой-то своей жуткой, вывернутой наизнанку жизнью, и Аллэи, стараясь не думать об этом, все силилась сконцентрироваться на звуке собственных шагов — да только не больно получалось. Слишком много вопросов вертелось в ее голове, слишком много подозрений, и она невольно ловила себя на том, что пытается просчитать все возможные варианты развития событий и выходы из любой сложившейся ситуации. Вероятность, что залески действительно желают ей добра, казалась ей столь же крохотной,

как песчинка в пустынях южных земель, а потому оставалось только догадываться, что произойдет дальше.

Провожатая Аллэи — или ее надсмотрщица, эльфийка пока не определилась, — шла позади, ступая так тихо, что пару раз Ищущая все же обернулась, чтоб посмотреть, есть ли кто за спиной. Всякий раз ее встречал холодный взгляд темных глаз, еще больше оттененных почти черными полосами на веках, и вкрадчивое:

— Все-таки хочешь явиться в Залесье слепой?

Чуть ли не рыча сквозь зубы, Аллэивар покорно отворачивалась и брела дальше, лихорадочно соображая, насколько все плохо и есть ли у нее хоть один шанс сбежать в случае чего. Впрочем, вряд ли залеска блефовала — инстинкт охотника всюду кричал о том, что сейчас дергаться куда опаснее, чем подчиниться. В конце концов, она твердо решила, что точно не позволит кикиморам причинить себе вред. Сама зарежется — но им не позволит.

Неприметная тропа во мху вела все дальше от кромки леса, уводя путников в его сердце. Широкие проталины ложились под ноги темными пятнами, изредка прикрытыми тоненькой снежной шалью. Впереди показался просвет, в котором виднелись силуэты каких-то построек, а затем из-за исполинских темных стволов вышли еще две женщины. Одна из них, заметив Аллэи, тут же развернулась и умчалась куда-то, словно ее и не было здесь, зато вторая направилась прямо к ним, сверля эльфийку тяжелым взглядом, не предвещающим ничего хорошего. Аллэивар не опустила глаз, еще больше разворачивая плечи — бояться она уж точно не будет.

— Это она? — коротко бросила залеска, подходя поближе и разглядывая чужеземку. Лицо ее украшал такой же узор, как у той, что конвоировала Аллэи, а в тусклых светлых волосах эльфийка видела мох и тонкие веточки. Не сумев сдержаться, Ищущая ослабилась:

— Смотря что ты имеешь в виду, любезная. Если именно ты оставила мне шрам на лучшей моей части и все эти годы вспоминала тот случай, то да, это я. Заскучала, небось?

Женщина смерила ее презрительным взглядом и криво усмехнулась:

— Ишь ты, клыки скалишь? Ну скаль, пока они есть у тебя, — она подняла глаза, смотря за плечо Аллэивар, — Возвращайся на пост, Вороника. Сама отведу ее к Ревенке.

Аллэивар не оглядывалась, но точно знала — женщина бесшумно скрылась за деревьями, стоило только белобрысой вымолвить последнее слово. На поляне повисла тишина, нарушаемая лишь отдаленным воем ветра да треском где-то в лесной глуши — это стволы лопались от морозов, сковавших мир. Залеска оглядывала ее с ног до головы, так, словно Аллэи была товаром, и эльфийке это не понравилось.

— Ты не ворожея, — это не прозвучало вопросом, — Как ты так быстро добралась до Залесья? Сокол прилетел на рассвете, и следом появилась ты. Переход бы занял у тебя гораздо больше времени, даже если бы ты скакала на одной из ваших драных кошек.

— Не твоего ума дело, — обворожительно улыбнулась ей Аллэи, — Вряд ли у тебя, госпожа, есть полномочия, чтоб допрашивать меня. А удовлетворять твоё любопытство я не собираюсь.

Голубые глаза женщины сверкнули, и та, сощурившись, подалась вперед и прошипела Аллэивар в лицо:

— Я бы на твоём месте не кочевряжилась, подземная тварь. Ревенка не давала четких указаний по поводу того, в каком состоянии ты должна к ней явиться, а потому я с радостью

сломаю тебе колено, если будешь брыкаться и норов показывать, — она насмешливо взглянула в лицо Аллэй, — Или вырежу второй глаз. У вас как, любят безглазых девок?

Ищущая даже не шевельнулась — лишь изогнула бровь в ответ.

— Не обещала бы ты, госпожа. Авось, слово не сможешь сдержать.

Та фыркнула, выпрямляясь и скрещивая на груди руки.

— Попробуй дернуться — и тебя пристрелят. Истечешь кровью и помрешь здесь, как последняя собака. Так что не стоит мне угрожать. Да и вообще, не стоит показывать зубки — иначе их быстро тебе подпилят. Уяснила?

Аллэйвар демонстративно зевнула, прикрывая рот широкой ладонью и почти что скучающе оглядываясь по сторонам. За спиной залески виднелся форт — по крайней мере, рассмотреть получше она не могла, мешали еловые густые ветви. Пахло дымом и смолой, слышались чьи-то голоса. Наверняка все входы охраняются — но можно же как-то проскочить... Помогай, Ниэннавар, без тебя точно не справлюсь. При первой же возможности Аллэйвар собиралась сбежать, и, возможно, даже с боем. Она была почти что уверена, что помощи в войне от залесок ждать не придется — разве что все происходящее не было глупой шуткой кикимор. Впрочем, в глазах стоящей напротив ворожеи не было ни единой искорки веселья.

— Я задала вопрос.

— Мне плевать на твои вопросы. Отведи меня к вашей главной. И поверь, — тихо добавила Ищущая, не отводя взгляда от белобрысой, — Мне хватит прыти прирезать тебя. Может, меня и подстрелят в тот же миг, но тебя-то я с собой заберу. Так что давай покончим с обменом любезностями.

Залеска фыркнула, но на лице ее промелькнуло что-то, похожее на страх. Она развернулась спиной к Аллэй и холодно бросила через плечо:

— Не отставай. Замедлишься или остановишься — будешь утыкана стрелами, как еж — иголками.

И, не дожидаясь ответа, женщина энергично зашагала в сторону форта. Ветер, все же пробирающийся в глушь меж деревьев, колыхал ее тусклые спутанные волосы, замшелые веточки в них, неровные края балахона, укрывавшего ее острые худые плечи. Аллэйвар задумалась на миг — все залески были жутко, болезненно тонкими, словно их всех здесь не кормили. Это, конечно, ничего не означало — даже в хрупком прутике могло быть достаточно сил, чтоб выдержать шторм. Посему эльфийка не торопилась с выводами — о залесках они не знали ровным счетом ничего.

Они вышли на широкую опушку, окруженную гигантскими древними елками, которые практически царапали небо своими кронами. Над ними стремительно проносились туманные валы облаков, и небо менялось каждую секунду, становясь совсем иным. Прямо напротив Аллэй возвышалась высокая сплошная стена из крепких, грубо обработанных бревен, и из нее вырастало несколько смотровых башен с четырехскатными крышами, накрытыми плетеной сеткой из ветвей, болотных трав и листьев. Как те листья еще не рассыпались прахом, оставалось загадкой. В башнях дежурили женщины — Аллэйвар, прищурившись, рассмотрела их разукрашенные рожи и нечесанные лохмы. Красавицы, все как на подбор.

— Купена, открывай ворота — я привела гостью к Ревенке, — крикнула белобрысая, и женщина из центральной башни куда-то скрылась. Несколько мгновений стояла тишина, а затем раздался натужный скрип, и Аллэйвар увидела, как медленно-медленно часть балок

начинает плавно опускаться наземь, ровным пластом отделяясь от стены.

Механизм ничем не отличался от механизмов подъемных мостов надо рвами в человеческих городах, и Аллэи выругалась про себя: значит, здесь сбежать она не сможет. Слишком громоздко и слишком слышно. Перелезть через стену — тоже не дело; наверняка дежурные сидят в свои башнях и ночью, а потому ее попытки будут замечены сразу. Нужно было найти другой путь — вряд ли залески открывали ворота каждый раз, когда какой-нибудь захудалой разведчице нужно было уйти в лес. Значит, есть и другие ходы.

Когда проход был открыт, белобрысая обернулась к Аллэи, насмешливо взглянув на нее: — Добро пожаловать в Залесье, подземка. А теперь — отдай мне оружие. И лучше не сопротивляйся.

— Не собираюсь я тебе ничего отдавать, — гадливо поморщилась Аллэивар, — Твои тонкие ручонки не выдержат веса даже простого кухонного ножа. Не хочу объяснять твоей Ревенке, или как ее там, почему у ее сестры переломаны руки. Поэтому давай-ка побережем тебя и целость твоих костей.

Одно движение — и женщина рывком схватила Аллэивар за запястье, в одно мгновение оказавшись совсем рядом. Эльфийка чудом успела расслабить кисть, прежде чем залеска выкрутила ее одним резким движением, заламывая руку Ищущей. Сил у нее оказалось достаточно, и Аллэивар, не ожидая этого, на секунду замешкалась, соображая, что предпринять. Оставалась еще свободная рука, и можно было бы выхватить клинок из ножен на поясе, ударить белобрысую в бедро...

— Не надо, — тяжело дыша, процедила сквозь зубы женщина, нависая над Аллэи, — Иначе подохнешь сразу же. Ты даже не представляешь себе, как же я этого хочу — но Ревенка велела привести тебя к ней. И мы приведем. Даже если для этого придется сломать тебе хребет и поддерживать твою никчемную жизнь чарами. Отдай оружие — по-хорошему. Третий раз я не буду просить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Аллэивар чувствовала на себе чужие взгляды, слышала, как кто-то присвистывает и смеется — каркающее, хрипло. Словно воронье собралось вокруг и только и ждало, когда начнется расправа. Сгореть тебе в Подземельях, Шеда, во что ты меня втянула? И как мне возвратиться к тебе живой? Кикимора, держащая ее, встряхнула Аллэи, словно нашкодившего кота — разве что гораздо сильнее.

— Ну так что, подземка? Как с тобой говорить — по-хорошему аль по-плохому?

— Я не собираюсь отдавать оружие в городе, где мне явно добра не желают, — прорычала Аллэивар, готовясь к чему угодно — хоть к удару, хоть к стреле под ребро. Клинок был совсем близко, и она знала, что хоть одну — но успеет забрать. По крайней мере, попытается.

— Отпусти ее, Повилика, — раздался чей-то тихий голосок, и Аллэи инстинктивно вздернула голову, из-под упавшей на глаза челки разглядывая пришедшую.

Напротив них, выйдя из рядов столпившихся вокруг женщин, стояла совсем молоденькая девчушка — лет двадцати от силы. Богиня, в этом змеином гнезде даже дети есть... Она ведь совсем еще дитя... Эта тоже была худющая, словно жердь, нечесаная, одетая в какие-то странные лохмотья. С разрисованным лицом и глазами испуганного олененка, девчушка смотрелась лишней среди хищных, кажущихся зверьми, залесок. Женщины вокруг, посмеиваясь, смотрели на нее с интересом и со странным снисхождением. Аллэивар почувствовала, что белобрысая за ее спиной пошевелилась.

— Отпустить? — в ее тоне послышалась насмешка — и еще что-то, что-то приторно-сладкое, отвратительное, словно она разговаривала с юродивой, — Маленькая наша Ива, в своем ли ты уме? Быть может, мне еще накормить ее перед этим да снарядить в дорогу, провести до самого дома?..

Послышался смех — залески поддерживали белобрысую кикимору. Девочка низко опустила голову, так, что волосы упали на лицо, скрывая ее глаза. В общем гомоне разобрать ее слова было невероятно трудно, однако Аллэи все-таки сумела услышать едва различимое:

— Ревенка приказала привести ее немедленно, без лишних разговоров и задержек. И дозволила войти на Луг с оружием. Отпусти ее.

Смешки смолкли, а Аллэи ощутила, что кикимора нехотя разжимает пальцы и отступает назад. Ощущая лопатками волны неведомой ненависти, исходящей от нее, Ищущая выпрямилась, с каменным лицом растирая запястье, а затем взглянула на девочку, которую называли Ивой. Та стояла все так же тихо, опустив голову и не шевелясь, и ее сутулые плечи казались Аллэивар такими тонкими, словно ее кости были птичьими.

— Ты должна провести меня к вашей Ревенке? — мрачно бросила Аллэи, на всякий случай опуская ладонь на рукоять — так она ощущала себя гораздо надежней. Девчушка судорожно дернулась, будто от удара, но все же кивнула, — Замечательно. Тогда веди.

— Я тоже пойду, — сверля Аллэи взглядом, протянула белобрысая, — Так спокойней будет.

Не обращая внимания ни на нее, ни на шипящих, подобно разъяренным облезлым кошкам, женщин, Аллэи подошла поближе к девочке, глядя на нее сверху вниз. Она оказалась ниже Ищущей на голову и худее ее раза в два — такую ветер мог бы переломить пополам даже самым нежным касанием. Комкая в хрупких пальцах край шерстяного платка, она деревянно развернулась и направилась куда-то вглубь селения, не обронив ни слова. Аллэи, проклиная весь белый свет, пошла следом за ней, гадая, что же будет дальше.

Город со всех сторон окружала стена, и за то время, пока они шли меж приземистых длинных деревянных срубов, Аллэи не смогла угледеть нигде хоть малейшего намека на проход. Высокие елки росли даже здесь, подпирая пушистыми боками темные стены, на крышах лежали все те же шуршащие на ветру сети — из листьев, стеблей и мха. Над землей тянулась тонкая пелена, расступающаяся под ногами: это дым десятков костров стелился по воздуху, едва касаясь ковра из мха и иголок. Снег тоже лежал здесь — правда, его было гораздо меньше, чем в лесу. Наверное, залески разметали снежное покрывало, расчищая дорожки и тропки. Аллэивар видела криницы, обложенные каменными кладками. От воды, бьющей ключами, шел пар, и эльфийка невольно принюхалась: в горах близ Аэль-Роадана находились горячие источники, и пахло там до того погано, что эльфийка так и не сумела насладиться омовением. Здесь же запах серы был едва различимым — его забивал аромат хвои, снеди, человеческих рук, что строили город.

Вопросов в голове меньше не стало, но Аллэивар решила, что задавать их вслух не стоит. Она хмуро озиралась по сторонам и отвечала мрачными ухмылками женщинам, глядящим на нее и переговаривающимися друг с другом, а те лишь скалились в ответ или просто отворачивались с таким высокомерным видом, словно в царский дворец притащили бездомную бродяжку. Только вот Аллэи прекрасно видела, что жили залески, мягко говоря, бедно. Хиленькие плодовые деревца перемежались с исполинскими хвойными, и света им явно не хватало в тени древних деревьев. За домами виднелись какие-то вскопанные участки, но Ищущая очень сомневалась, что земля в здешних местах была щедрой. Не

удивительно, что они все как палки. Как еще сумели город-то отстроить? Это, пожалуй, было любопытнее всего: залески жили в изоляции, но все же умудрились и стену смастерить — даже приличную, и дома поставить, и осесть здесь, приспособившись к суровым условиям. Аллэи знала, что откуда-то они добывают металл и мастерят хитрые кинжалы, лезвия которых раскрываются на три лепестка, входя в плоть, те самые наконечники, больше напоминающие острые драконьи гребни, и еще массу такого, от чего волосы на затылке дыбом становились. Однако эльфийка даже понятия не имела, откуда они берут материал. В пещерах с рудой было гораздо проще, да и торговля между кланами шла всюю — залески же жили отдельно от всего мира, словно отшельники, и никто представить себе не мог, что они делают здесь, за стеной.

Чем-то мы похожи... Они тоже вынуждены жить в вечной борьбе, доказывая небу свое право на клочок земли и какое-никакое будущее. Аллэи бросила взгляд на идущую впереди девочку. Светлый подол ее платья, намочший от снега, стелился по земле, и Аллэи вдруг невесело подумала, что мелкая сбегала из-под венца. Впрочем, вряд ли — раз она здесь, то в руках ее лежит дар ворожей, а значит, семьи в Таврании быть у нее не могло. Что ты тут забыла, маленькая такая? Неужели и твое сердце такое же черное и злое?

Они вышли на своеобразную площадь — по крайней мере, так показалось Аллэи. Вытопанная земля была усыпана скошенными травами, и под ногами шелестело и шуршало, когда они направились к большому темному дому в один этаж, окруженному покосившимися от сильного ветра елками. Под высокой двускатной крышей ютились птичьи гнезда, а в темных окнах, затянутых слюдой, плясали теплые отблески огня. Широкое крыльцо тоже укрывал лиственный ковер, а на ступенях две маленькие девочки играли с тряпичными кукленками без лиц. Аллэивар передернуло.

Белобрысая Повилика остановилась, не доходя до крыльца, и цокнула языком, глядя на детей:

— Беспокойное хозяйство... Полынь, Колывань!

Девочки разом вскинули головы, и Аллэи с трудом сдержала ругательство: на лицах детей уже сейчас красовались темно-зеленые полосы, которые теперь почему-то казались эльфийке неведомой хворью.

— Живо пошли с Луга — здесь вам не место для игр! Иначе уйдете следом за Льянкой.

Дети как-то сразу побледнели, подскочили, словно ошпаренные котята, и, низко нагнув головы, пронеслись мимо Повилики, шурша листьями — даже куколок забыли на пороге. В груди у Аллэи заворочалось предчувствие чего-то совсем уж дурного, и она уставилась на женщину, словно впервые ее увидела.

— Кто эта Льянка и что вы с ней сделали?

— Не твоего ума дело, — приподняв верхнюю губу, ощерилась залеска, — Ревенка велела привести тебя — мы привели. Если не войдешь в дом немедленно, я заставлю твое сердце разорваться прямо в груди — все же, ты стоишь на Лугу, а к Ревенке не идешь. Значит, сопротивляешься. Значит, тебя можно убить, — последнее она вымолвила с улыбкой, и Аллэивар ощутила отвращение к ней, такое жгучее, что по венам словно огонь прогнали. Пересилив себя, она спокойно покачала головой:

— Да, не самая лучшая перспектива — даже если ты врешь мне. А я не сомневаюсь, что врешь — если бы ты хорошо владела ворожкой, то не стала бы использовать силу, выкручивая мне руки. Ты бы заставила меня упасть, вышибла мне из груди воздух, сделала все, что угодно, но меня бы не коснулась. Стало быть, больно бахвалишься.

С каждым ее словом щеки белобрысой алели все больше, а лицо искажалось гримасой злости. Аллэи, оглядев ее, сплюнула.

— Впрочем, небо с тобой, поддержку твою игру, если тебе станет от того легче. Авось, и крыситься перестанешь, — и с этими словами эльфийка поднялась на крыльцо, шагая мимо брошенных детьми куколок, мимо птичьих гнезд и темных фигурок, вырезанных на дверных широких балках. Прошелестела ткань за спиной, и Ищущая обернулась: за ней по пятам шла девчушка-Ива, а за ее спиной маячила пунцовая от злости Повилика. Поймав взгляд Аллэи, девочка вновь опустила голову и прошептала:

— Иди. Не заставляй ее ждать. Иначе быть беде.

Аллэивар хмыкнула, отворачиваясь от нее. В сенях было темно и стыло, но от дверного проема впереди тянуло печным теплом и запахом каких-то пряностей. В носу зачесалось, и Ищущая поморщилась: резкие запахи сбивали нюх, путали следы, маскировали истину. Вдохнув поглубже и задержав на одно мгновение дыхание, эльфийка ощутила сквозь сладкий аромат что-то иное, от чего мелкие мурашки поползли вниз по позвоночнику. Так пахли темные духи, и ни один смертный не смог бы описать этот запах — но Аллэи хорошо знала его. Неужто вы спугались с ними? Как же так... В голове не укладывалось ровным счетом ничего, словно все происходящее ныне было сном, который происходил вовсе не с ней, а с кем-то другим, и она лишь наблюдала со стороны.

Комната была просторной, широкой, хорошо прогретой. У стены напротив входа притулилась громадная печь, которая протапливала все помещение, а от печи по сторонам от нее куда-то вглубь тянулось два узких коридора, заполненные темнотой — теплый отсвет слюдяных ламп с пойманными под полупрозрачный купол огоньками не мог разогнать полумрак в дальних углах. Перед печью от угла до угла протянулся узкий стол с целой кучей длинных ветвей, ровных ошкуренных прутиков, решетки с крошкой руды, какие-то колбы из мутного стекла. Резкий запах заморских трав кружил голову, но Аллэивар согнала мутную пелену с разума и заставила себя смотреть прямо в глаза женщине, что только что подбросила поленьев в печь и теперь, разогнувшись, разглядывала ее.

Ревенка оказалась уже немолодой, худощавой женщиной с полностью седыми волосами и тонкой шеей, испещренной сетью морщин. Лицо ее было полностью покрыто все той же краской, и казалось, будто на ней — безобразная маска, скрадывающая истинные черты. Глаза, бездонно-черные, смотрели внимательно и абсолютно осознано, оценивающе, и что-то в ее взгляде было нечеловеческое, слишком древнее и мощное, чтоб Аллэи сумела это понять. В ладонях, тоже выкрашенных в темно-зеленый, она держала несколько прутьев, напоминающих древки стрел.

— Так значит, это тебя к нам послала королева Шедавар, правительница Лореотта? — голос ее, ласковый и на удивление мелодичный, на один миг вогнал Ищущую в странное оцепенение, будто кто-то влил в нее дурманового зелья. Перед глазами поплыло, и Аллэи чудом устояла на ногах, едва ли не схватившись за стену. Ревенка, сочувственно оглядев ее, покачала головой, — Ах, прости, посланница. Мой дар слишком многого требует... Ничего с этим я не могу поделать, так что не сердчай. Я не могу контролировать его.

Каждое слово этой женщины въедалось в разум Аллэи, как капля раскаленного жидкого металла въедается в податливое дерево, разъедая древесину и прожигая ее насквозь. Ищущая никогда не слышала и не видела ничего подобного, и от этого становилось еще более не по себе. Ревенка ничего не делала, даже пальцем не шевелила, а Аллэивар казалось, что ее сознание выворачивают наизнанку, комкают в руке, разрывают и вновь связывают — но

только неправильно, не так, как было раньше. В голове стало гулко от шепота, вдруг зазвучавшего со всех сторон; слов Аллэи не могла разобрать, но что-то в ней кричало — там-то и прячется беда, таится и ждет. Стиснув зубы, эльфийка выпрямилась, исподлобья глядя на залеску.

— Я пришла просить Залесье о помощи — но вместо этого меня скрутили и силком приволокли к тебе, словно я — враг или предвестник горя...

— Конечно, — кивнула Ревенка, не став дослушивать. Аллэи даже оторопела, забыв все, что хотела сказать. Женщина мягко улыбнулась ее, блеснув черными, как смоль, глазами, — Ты и есть враг, ты и есть предвестник горя. Твоя стезя — стезя страданий, дорога самых величайших ошибок за всю историю нашего мира. Ты — одна из тех, кого следовало бы убить незамедлительно, чтобы все стало на свои места... Однако я попросила своих сестер смилостивиться над тобой и привести ко мне — возможно, я еще сумею спасти тебя.

— Только попробуй — и я выпущу тебе кишки, — не выдержав, зашипела Аллэи. Она уже знала, как будет двигаться, как будет бить — и как будет умирать: не от чужой руки или стрелы. Свою жизнь она сама поднесет Ниэннавар.

— Я прошу тебе твою горячность, дитя мое, — Ревенка подошла к столу и принялась аккуратно раскладывать прутики на льняном полотнище, присыпанном какими-то травами. Выглядела она при этом такой умиротворенной, словно грелась на теплом летнем солнце и слушала, как в травах поют цикады, — Все же ты юна, и тебя ввели в заблуждение такие же юные, как ты. Молодости свойственна глупость и поспешность. Вы не всегда можете разглядеть истину и все ее великолепие, весь ее масштаб и всю глубину. Нужно, чтобы кто-то донес это до вас.

Ее слова горячим свинцом вливались в Аллэи, но эльфийка сопротивлялась вязкому липкому колдовству, что ощущалось кожей, изо всех сил. Почему-то она знала, что если потерять концентрацию хоть на миг, эта сила поглотит ее, выпьет до самого дна, подчинит, и тогда битва будет проиграна. Ревенка между тем безмятежно продолжала:

— Мы все живем в мире, рожденном по воле земли и неба, воды и огня. Великий хаос сотворил нас, переплел корни деревьев с глубинами земными, переплел облака, камни и реки... Все здесь подчиняется бесконечному циклу жизни и смерти, радости и печали, ночи и дня. Когда солнце заходит за горизонт, наступает ночь — время тишины и забвения, безмыслия и бездвижия. И никто и ничто не может изменить это. С самого начала времен этот неписанный закон властен над нами, и мы счастливы подчиняться ему. Колесо совершает оборот, мы возносимся на его спицы и обращаемся одной из звезд на нем. Колесо замирает, а с ним должно замереть и нам, так как в этом — великая тайна всего мира. Все, что происходит — должно произойти так или иначе, и никто из нас не может переломить ход времени и событий. Мы — часть этого мира, моя подземная сестра. Когда приходит время, всем нам нужно уходить вместе с ним. Это время приближается, оно уже на самом пороге наших домов, а потому прими это достойно и помоги свершиться тому, что должно свершиться. Не пытайся мешать великому божественному замыслу, который гораздо древнее тебя. Ты — ничто, крохотная песчинка в море судеб, и ты ничего не сможешь изменить, как не смогут и сотни, и тысячи. Так плыви по течению и смотри, как боги вершат Излом, как все мы уходим в пустоту, из которой мы родом, ибо в этом — величайшая благодать.

Она говорила, и глаза ее лихорадочно блестели, а на окрашенных краской губах бродила едва различимая в полутьме улыбка. Она говорила, и Аллэи ощущала, как что-то внутри нее рвется и лопается, расходясь болью по жилам. С каждым ее словом эльфийке все больше

хотелось припасть к ее ногам, чтоб ощутить прикосновение ее благодной руки, чтоб ее обнял тот покой и та пустота, о которых рассказывала женщина. Но где-то за всеми словами и ощущениями, где-то за гулом мыслей билось что-то иное, настоящее и живое, и оно кричало, звало. Той частью своего сознания, которая еще не была затуманена, Аллэивар тянулась к нему как к последнему щиту, что остался у нее. Она боролась, дрожа от напряжения, какого никогда еще не испытывала, боролась из последних сил, продираясь через густую пелену, что заполнила ее разум — и в конце концов все же дотянулась до той самой крохотной, зовущей искорки. Дым разошелся эхом шагов по воде, и Аллэивар будто вынырнула из ледяной волны, что вот-вот должна была начать заливать ее легкие и жечь изнутри, умертвляя навсегда. Хватая ртом воздух, женщина, не отводя взгляда, почти по слогам произнесла:

— Ты лжешь.

А затем что-то случилось, и гул разом затих, словно и не было его, и стало спокойно и правильно, и сердце в груди отозвалось привычным четким ритмом, как и всегда. Аллэивар выпрямилась, ощущая, как все фальшивые слова, оплетающие ее подобно паутине, медленно опадают наземь ветхими лохмотьями, так похожими на те, из которых был сплетен платок на плечах Ревенки. Залеска моргнула, и глаза ее сверкнули удивлением, словно она не ожидала такого.

— Что?..

— Ты лжешь, — повторила Аллэивар еще четче, выпрямляясь во весь рост. Пропало все — предательская слабость, чужие желания, правда, которая правдой и не была. Развеялся пряный запах дурманящих трав. Мысли стали четкими и ясными, словно в польню окунули и смыли всю грязь. Аллэи сделала шаг вперед, направляясь к Ревенке, — Ты считаешь правдой самую большую ложь, которую только можно себе представить. Ты говоришь, что наше предназначение — покорившись судьбе, умереть следом за всем миром, позволить Охоте затопить все земли на тысячи верст вокруг. Ты говоришь, что в этом благодность — но ты лжешь, и у тебя нет ничего, кроме этой лжи. Моя правда и правда моего народа — в том, что смерти нет. Есть лишь будущее, что оживает в наших детях, в их счастье, в их возможности видеть мир перед собой чистым и вечно юным... Таким, какой он есть на самом деле, — Аллэи усмехнулась, качая головой, — Что ты придумала себе, Ревенка? Неужели ты не видишь, что твоими устами говорит кто-то другой?

Вдруг женщина, до того внимательно глядевшая на нее, тихонько рассмеялась.

— Ты обличаешь меня в том, что я не могу чего-то разглядеть — но и сама не желаешь видеть правды, — она тоже выпрямилась, и тени упали на ее плечи, скрадывая и без того тонкий силуэт, — Мы желаем этого. Желаем все, так как мы понимаем суть вещей, и понимаем этот мир. Он замер — он хочет уйти к богам. По своей воле мы стали на сторону Той, Что Свершит Предназначение Мира, и по своей воле мы будем стоять с ней до конца. Ибо она совершает благодность, хотя все вы, все смертные кричат о том, что с ней идет беда. Нет! Беда идет с вами, беда — насильно совершать оборот Колеса, и уж поверь мне, — глаза ее сузились, и теперь она походила на живую тень, — Мы сделаем все, чтобы помешать вам. Когда Охота начнется, мы будем расчищать ей дорогу, и никто не сумеет нас остановить. Я надеялась, что ты, дитя, еще не потеряна. Что я смогу отпустить тебя с нашей волей, чтоб ты донесла ее своему народу, чтобы вы увидели истину так, как видим ее мы...

— Я лучше брошусь на собственный меч, — холодно перебила ее Аллэи, ощущая, как в груди крепнет странная, суровая и надежная уверенность: ее не оставят. Ей поможет само

небо. Ревенка наиграно вздохнула, подпирая узкой ладонью щеку.

— Я дам тебе другую участь, дитя. Ты, быть может и не заслужила ее, но природа велит нам одаривать тех, кто лишен гармонии. Ты, я вижу, из таких.

Внезапно Аллэи ощутила, как все тело сковывает судорогой, и мышцы каменеют. Она не могла двинуть ни рукой, ни ногой — лишь смотрела, как Ревенка приближается к ней и снимает с ее пояса ножны с клинком, отстегивает перевязь с ножами, проверяет карманы, ища оружие. Как только острая железная шпилька, запрятанная за голенищем сапога, оказалась в руках Ревенки, тело начало оживать — но слишком медленно, и Аллэивар по-прежнему не могла контролировать свои движения. А женщина, отступив обратно к столу, коротко хлопнула в ладони, а затем подбадривающее улыбнулась Ищущей.

— Не бойся, дитя. Когда Охота начнется, ты будешь первой, кто ощутит благостное прикосновение покоя. Мы отдадим тебя тем, кто принесет миру вечность. Повилика, Ветренница! Возьмите нашу гостью, отведите-ка ее в подвалы — все равно ей придется немного подождать.

Аллэивар ощутила, как ее грубо хватают под руки и куда-то волокут, пиная по ногам, чтоб она даже не пыталась упираться. Стылый холод обнял ее, словно свою сестру, но не смог согнать заклятие Ревенки, и Ищущая не могла шевельнуть даже пальцем. Она ощущала чей-то взгляд и краем глаза все-таки сумела выхватить лицо Ивы: девочка смотрела на нее так, словно впервые увидела, и в ясных огромных глазах испуганного олененка читался страх, а еще — что-то, похожее на решимость.

===== Глава 38. Верь мне =====

В темных сырых подземельях, где стояла гулкая тишь, время текло как-то иначе. Час ли прошел, день, неделя — Аллэивар не знала. Кости и мышцы выстудило окончательно, и теперь тупая ноющая боль волнами расходилась по усталому телу, а предательская слабость заплеталась в ногах всякий раз, когда женщина поднималась с вороха сухих листьев и травы, служившего ей постелью. Руки тоже ослабли, но Ищущей было, по большому счету, плевать. Сдаваться даже в такой ситуации она не собиралась.

Ива, приносившая ей скудную пищу, не раз заставляла Аллэи у двери. Эльфийка изо всех сил пыталась выбить ее, расшатать петли, но покуда ничем, кроме синяков на руках и ободранных в кровь пальцев, похвастаться не могла. Когда девчонка пришла первый раз, Аллэивар даже попыталась вырваться, однако Ива оказалась куда быстрее и юркнула за дверь, захлопывая ее прямо перед носом Ищущей, в тот самый миг, когда ладонь эльфийки уже коснулась шершавой поверхности двери. Аллэи думала, что в следующий раз Ива не придет, побоится, однако залеска через какое-то время принесла ей воды, а еще чуть позже — черствого пресного хлеба, противно скрипящего на зубах и оставляющего во рту привкус плохой муки. Впрочем, выбирать не приходилось, и Аллэи ела все, что несла ей девочка: ей нужны были силы, а потому она не перебирала.

Здесь было темно, но на Аллэи это никак не влияло: глаза пещерных эльфов видели даже в самой непроглядной мгле, а потому она не чувствовала себя ослепшей и не сходила с ума. Ива, приходя к ней, всякий раз приносила свет — видимо, думала, что Аллэивар ничего не видит, и ждала, пока та не поест. Затем девочка уносила свечу, всякий раз бросая на Ищущую какие-то странные, долгие взгляды. Аллэи казалось, что маленькая залеска сочувствует ей — слишком внимательно она глядела, слишком живо и трогательно. И совсем не боялась.

Аллэивар обдумывала это, привалившись спиной к стене, от которой тянуло холодом —

впрочем, ей уже было все равно: как ни крути, а если она выберется отсюда, придется идти в Дом Знающих, чтоб вылечили. Сон и усталость давили на нее гранитным камнем, но эльфийка не могла заснуть, как бы ни старалась. Было зябко и сыро, а от того — холодно; одежда тоже отсырела, стала тяжелой, и Аллэи почти что физически ощущала, как лихорадка медленно расползается по телу, чернильным пятном растекаясь во все стороны. Это было нехорошо — при таком раскладе вряд ли залески станут ее лечить, а слабость ей вовсе не на руку. Единственное оружие, которое сейчас у нее оставалось — это она сама, и позволить себе болезнь Аллэи не могла.

Послышались шаги, приглушенные землей и древесиной, звякнуло, скрипнуло, а затем дверь отворилась, и в подвал вошла Ива — сегодня свечи в ее руках не было. Оглядев Аллэи с ног до головы, девочка шагнула в ее камеру, притворяя за собой дверь и подходя поближе. Это было что-то новое — обычно она оставляла дощечку с едой на полу и сразу же отступала к двери, чтоб захлопнуть ее при первой же попытке Аллэи сбежать. Эльфийка со слабым интересом смотрела, как девочка почти что крадется к ней, периодически отступая в сторону, словно проверяя, видят ли ее. В конце концов, Аллэивар, не выдержав, хмыкнула:

— Вижу я тебя, вижу. Можешь не танцевать.

Девочка вздрогнула, замерла, потом сделала несколько робких шагов к Аллэи. Для нее темнота была слишком густой, судя по всему, и видела она лишь очертания — иначе бы не шла на ощупь. Оказавшись рядом с Аллэивар, Ива осторожно опустилась перед ней на корточки и неловко протянула ей что-то. Ищущая опустила взгляд на ее ладонь: девочка вновь принесла ей хлеб.

— Опять эта пресная дрянь, — вздохнула эльфийка, все же забирая из рук Ивы ломоть. Тишина давила на нее, и ей так хотелось хоть с кем-то поговорить... Аллэи надкусила сухой хлеб, заставляя себя пережевать и проглотить черствый кусок, а затем подняла взгляд на Иву, — Я не жалуюсь, конечно, и на том спасибо. Но нельзя ли для разнообразия похлебки мне какой-нибудь, с корешками хотя бы, или что вы там едите... Или мяса. Я даже на холодное соглашусь.

Во тьме спектр цветов был иным, и Аллэи видела ее так, словно девочка была вытесанной из серого камня. Тишина вновь затопила помещение — то ли Ива боялась, то ли говорить с пленницей запрещали, но с ответом она не торопилась. Пожав плечами, Аллэивар принялась за хлеб, ожидая, когда залеска уйдет — вот только та все так же сидела рядом, пытаясь разглядеть хоть что-то в темноте, а затем тихонько выдохнула:

— Мясо мы не едим, нет его здесь. А похлебку нельзя. Хлеб тоже нельзя, но я в карманы прячу, говорю, что иду проверить тебя. Меня увидят, если я... — она осеклась, опуская голову, — Накажут.

Аллэи замерла, обдумывая услышанное. Значит, получалось, что сама-то Ива вовсе не желала ей зла и, возможно, даже думала над тем, как бы протащить ей побольше еды.

— Хм. Ну что ж, благодарю тебя... Хм, — она замаялась, соображая, что же сказать девочке, что у нее спросить. Пока что Ива явно уходить не собиралась. Зацепившись за это, Аллэи как бы невзначай поинтересовалась, — А не накажут за то, что замешкалась здесь?

— Ночь на дворе, все спят. Дозорные на постах только сменились. Если спросят, откуда иду — скажу, что от Ревенки. Я при ней стою, мне верят, — ответила девочка, усаживаясь на землю. Голос у нее был тихим, но выросшая в пещерах Аллэи привыкла слушать внимательно, а потому различила за словами Ивы твердую уверенность в том, что дозорных, по крайней мере, она сумеет обвести вокруг пальца. Немного помолчав, она вдруг

добавила, — Тебе, наверное, совсем уж паршиво тут одной...

Ищущая ощутила, как внутри медленным огоньком разгорается надежда. Возможно, если все сделать правильно, выбраться она все же сумеет — с помощью этой девочки.

— Да, не дворец, конечно, — протянула она, усаживаясь прямо и облокачиваясь на собственное колено, — А ты что ль пришла беседой меня потешить?

Ива не ответила — лишь сильнее опустила голову, будто прячась от всего мира за волосами, что скрыли ее лицо, упав на лоб. Аллэивар уже собиралась было спросить что-нибудь нейтральное, ничего не означающее, как вдруг залеска едва слышно выдохнула:

— Мне жаль тебя. Так... так не должно быть.

Некоторое время Аллэи разглядывала ее, силясь понять, что же творится в ее голове. Девочка сжимала в руке края старенького, ветхого платка, который укрывал ее плечи, и Ищущая видела, что ладонь у нее совсем нежная, не знающая тяжелой работы и оружия. Наверняка до прихода в Залесье Ива жила не так уж и бедно.

— Почему ты ушла в Залесье? Ты же маленькая совсем, жила бы себе... — она покачала головой, — И ведь зажиточная семья у тебя была, верно? Не похожа ты на деревенскую.

Ива вся как-то сжалась, но все-таки голову подняла — Аллэивар смогла более-менее разглядеть черты ее лица, тонкие и аккуратные. У нее был странный разрез глаз, такой нетипичный для тавран, и эльфийке подумалось, что в девчонке течет кровь дриад или, что совсем уж маловероятно, речных людей — у тех тоже глаза огромные. В остальном Ива напоминала обыкновенного человека, разве что забитого да исхудавшего.

— Я ворожея. Там, где я родилась, ворожей вовсе не любят, прочь гонят... Наше место вообще проклятым нарекли — у нас ворожей четверо было. Отец и мать берегли как могли, ото всех меня скрывали, но как-то зимой я девку одну с замерзшего озера вытащила. Лед под ней проломился, а я поблизости была — вот и позвала силу, сама бы не справилась. А она удружила мне и рассказала, что я, мол, утопить ее хотела ворожкой, — тихо рассказывала Ива, совершенно по-детски подтянув колени к груди и обхватив их руками, — Все селение всполошилось. Меня на вилы хотели... Да только отец мой им не позволил — его-то все уважали, боялись даже. Сказал — коль хотите, пусть уходит, все равно жизни вы ей не дадите. Но судьбу свою пусть решает сама. А Залесье недалеко от нас совсем, куда ближе, чем Святилище какое. Вот я и сказала, что сюда уйду. А мне и говорят: мол, забирай с собой еще троих, вы зло несете. Мы и ушли.

— А кто еще с тобой ушел? — так же тихо спросила ее Аллэи, разглядывая девочку единственным глазом.

— Дети — Полынь, Колывань и Льянка, — чуть слышно ответила та, — Льянке недавно умерла от хвори... Детей здесь не больно-то любят, но девать их некуда — вот Полынь с Колыванью и запугивают. Чтоб ходили тише воды и ниже травы.

— Тебя, небось, тоже запугивают, — пробормотала Аллэи. Ива ничего не ответила ей, а потому эльфийка спросила, — Сколько тебе зим-то?

— Нынешняя — двадцать первая. Я по крови тавранка, мне жить долго, если боги позволят...

Если ты здесь останешься среди этих бесноватых, то отвернутся от тебя твои боги, девочка. Аллэи потерла подбородок, задумчиво глядя куда-то сквозь Иву. Та не шевелилась — казалось, даже не дышала, и эльфийка с трудом удержалась от того, чтоб тронуть ее за плечо.

— Ты хочешь того, что Ревенка вам бает? Хочешь стать такой, как они? — вопрос

прозвучал как-то жестко, однако Аллэи дела не было до того. Девочка напротив нее вздрогнула, совсем затихнув, а затем быстро мотнула головой, будто боялась, что стены могут увидеть ее жест и все рассказать тем, кого ей приходилось звать сестрами, — Тогда помоги мне. Помоги мне сбежать отсюда — и идем вместе со мной, — Аллэивар инстинктивно понизила голос, придвигаясь поближе к Иве, — Тебе нельзя оставаться здесь. Ты слишком чистая, слишком молодая для того, чтоб погрузиться в эту ложь. Помоги мне — а я помогу тебе.

Ей показалось, что Ива дрожит, словно осиновый листочек на ветру. Аллэи наклонилась к ней еще ближе, не сводя взгляда с лица девочки, и аккуратно коснулась ее плеча.

— Тебе здесь не место, дитя. И ты это знаешь, я же вижу.

Ива дернулась, вскочила на ноги. Аллэивар не видела выражения ее лица, но чувствовала: взгляд девочки метался от угла до угла, будто она искала что-то, ведомое лишь ей одной.

— Я приду еще... Обязательно приду, — сбивчиво шепнула она, а затем быстрой тенью скользнула напрямик к двери, спешно открывая ее — при этом Аллэи заметила, как на короткий миг вспыхнуло и сверкнуло на кончиках ее пальцев. Дверь отворилась, и Ива исчезла в темноте — только скрежет замка остался Аллэи да эхо ее удаляющихся, быстрых шагов.

Потом был беспокойный сон в зяблой темноте подземелья. Аллэи ворочалась в своем ворохе листьев, пахнувших старостью и тленом, и все никак не могла провалиться в пустоту и вздремнуть. Она то засыпала, погружаясь в рваную череду видений, то просыпалась, дрожа от влажного холода, забравшегося в самую сердцевину ее костей, и чувствовала себя абсолютно вымотанной и ослабшей. Чтоб хоть как-то согреться, женщина расхаживала по своей камере, отрабатывала удары рукопашного боя, вновь пыталась выбить дверь — однако усталость брала свое, и вскоре Аллэи буквально сползла наземь, привалившись спиной к двери и тяжело дыша. В груди болело и чесалось, да и голова была тяжелой, словно в череп камней набили, а это означало, что со дня на день начнется лихорадка. Оставалось лишь молиться о том, чтоб Ива согласилась помочь ей.

Аллэивар видела ее взгляд тогда, когда ее силком выволокли из дома Ревенки. Ива смотрела не так, как другие, и было что-то живое в ее глазах, что-то, напоминающее сострадание. Ищущая понимала, что девочка еще слишком мала, что ей страшно, что ей понадобится время для принятия решения. Наверняка она боялась наказания за свой проступок, а это означало, что у них не было права на ошибку. Аллэи, сидя в темноте подземелья, мысленно рисовала себе все возможные схемы побега и готовилась ко всем исходам. В конце концов, если девчонка откажется выпустить ее, можно будет попытаться обмануть ее и выбраться из подвала самостоятельно. Или — если все будет совсем уж плохо — попросить у молодой залески нож и перерезать себе глотку. Уж лучше так, чем в лапы диких.

Через какое-то время Ива снова пришла с кубком воды в руках. Она не стала присаживаться рядом с Аллэи в этот раз — просто оставила воду и вновь исчезла, не сказав ни слова, будто ее и не было здесь. Аллэивар, открывшая было рот, чтоб побеседовать с ней, так и устала на захлопнувшуюся дверь. Внутри горькой волной колыхнулось разочарование, но женщина приказала себе не отчаиваться — если в прошлый раз надолго она пришла ночью, то и позже может явиться.

И действительно: Ива пришла, крадучись, как дикий зверек, открыв замок практически

бесшумно. Аллэи встрепелулась, глядя, как та стремительно приближается, неся что-то в руках, а затем садится напротив и протягивает ей глубокую плоску, от которой шел пар. Ищущая приняхалась, подозрительно глядя в миску. Пахло сладко.

— Неужто похлебку принесла?

— Нет, отвар на цветочном меду и малиновых листьях, — зашептала девочка, копаясь в складках своего подола и выуживая из кармана тряпичный сверток, — А здесь хлеб посвежее и сушка. Прости, не могу я больше приносить, сестры заметят — и тогда тебе точно несдобровать.

Она снова опустила голову, словно ей было стыдно, а Аллэи вдруг ощутила жгучую благодарность к этому крохотному существу, которое, не боясь за себя, помогало ей кое-как сохранять жалкие крупицы сил и тревожилось лишь о том, чтоб залески не обидели Аллэи. Ищущая взяла из ее ладони миску двумя руками и, глядя ей в лицо, серьезно молвила:

— Спасибо тебе. Это очень дорого, Ива. Правда, спасибо.

Девочка неловко кивнула, кладя сверток с едой ей на колени.

— Только ты пей быстрее, мне надо успеть вернуть плоску, покуда на кухню не вернулись сестры, — и, не дожидаясь вопроса, она пояснила, — Нынче ужин, все миски разобраны — только эта на столе кухонном стояла... Я и уволокла.

— А тебя саму на ужине не хватятся? — спросила Аллэи, буквально вливая в себя обжигающий напиток. Было вкусно, хоть и больно приторно, и Ищущая ощутила, как желудок узлом скручивается, изголодавшись по нормальному питью и пище, но заставила себя проглотить все до последней капли. Ива замотала головой:

— Нет, сестры привыкли, что я вечерами с детьми вожусь, или брожу где, смолу собираю для Ревенки, а потому ужинаю позже, чем остальные...

Аллэи вернула ей плоску и принялась разворачивать тряпицу, а девчонка между тем запрятала посуду куда-то в складки одежды и поднялась на ноги.

— Ты жди меня, я приду еще, позже — когда уснут все, — тихонько выдохнула она, отступая к двери и зябко кутаясь в свой платок, — До ночи недолго уже.

— Погоди, — Аллэи остановила ее в тот самый миг, когда она уже шагнула за дверь. Девочка обернулась, — Сколько я здесь сижу?

— Пятый день, — тихо ответила Ива и, ни слова больше не говоря, покинула камеру.

В тряпице оказались высушенные дольки яблочка, такие крохотные, что Аллэи могла проглотить их, даже не жуя — но даже такую малость она приняла с величайшей благодарностью. Хлеб же был еще чуть теплым, и вкус плохой муки немножко забивали пряности и травы, добавленные в тесто. Аллэивар ела с наслаждением, медленно и неспешно, и половинку краюшки завернула обратно в тряпицу, отложив на всякий случай. Вещмешок с запасом солонины тоже, естественно, у нее отобрали, а потому она не могла быть уверенной в том, что на обратном пути у них с Ивой будет еда. Стало быть, нужно об этом подумать заранее.

В том, что обратный путь будет, Аллэи не сомневалась. В сердце ее крепла уверенность — у них получится. Им все равно удастся сбежать, рано или поздно. Когда Ива приходила, она ощущала в этой девочке беспокойство и волнение, страх, но за ними скрывалось что-то отчаянное, такое, что было способно на все. Аллэивар понимала: если торопить Иву, она может сорваться, и тогда все пойдет совершенно не так, как она задумывала. Девочка должна сама решиться на такой шаг, а потому для себя Ищущая решила говорить с ней открыто и честно, не юлить и не давить на нее. Ниэннавар, посмотри на меня и помоги мне:

я должна вернуться в Лореотт и рассказать о том, что здесь происходит. И девочку эту должна увести. Помоги нам, пожалуйста — мы в Твоих руках, и больше у нас ничего и нет.

Она дремала, когда кожей ощутила легкое дуновение ветерка, больше похожее на прикосновение перышка. Резко открыв глаза, Аллэи дернулась, спросонья не поняв, кто перед ней, и чуть было не ударив Иву, но в последний момент удержала руку. Девочка испуганно отшатнулась от нее, и Аллэивар примиряющее подняла ладони вверх:

— Ты вошла слишком тихо, я не слышала — вот и подскочила. Прости, я не хотела тебя напугать.

Ива кивнула, несмело подходя поближе и как всегда усаживаясь напротив. Теплый отсвет крохотной свечи бросал на ее лицо мягкие причудливые тени. Чуть погодя, она резко подалась вперед к Аллэи, и эльфийка нутром почуяла — девочка волнуется. Наклонившись к ней, Ищущая вопросительно взглянула на нее, ожидая каких-либо слов.

— Завтра мы уйдем с тобой, — зашептала Ива прямо в лицо Аллэи, и та удивленно сморгнула: от девочки и впрямь пахло сладковатой ивовой древесиной, только что распиленной и свежей, — Я приду ночью, когда стража на постах сменится, заберу тебя... — дышала она прерывисто, нервно, и Аллэивар могла поклясться, что слышала, как быстро-быстро колотится сердечко в ее груди. Девочка действительно боялась, — Есть лаз у северной стены, прямо за Лугом... Там густой ельник, а потому башен сторожевых нет, с внешней стороны не попадешь никак. Но отсюда пролезть можно. У нас будет время до рассвета.

Она перевела дух, взволновано заламывая тонкие пальцы, и Аллэи нахмурилась, обдумывая все услышанное. С одной стороны, все казалось ей предельно простым, а с другой, нужно было добраться до северной стены так, чтоб ни одна из кикимор не прознала о том, что она сбежала. Если Аллэивар правильно понимала, подвалы находились возле Луга, чуть позади него, а оттуда к ельнику еще тянулись приземистые дома залесок. Впрочем, особого выбора-то у нее и не было.

— Ты точно знаешь, что охраны там нет?

— Точно, — кивнула Ива, наклоняясь так близко, что ивовые полусухие веточки, вплетенные в ее волосы, щекотали тыльную сторону ладоней Аллэи, лежащих на коленях, — Там заброшенное место...

— Хорошо, — Аллэи кивнула, — Скажи, ты знаешь, куда унесли мое оружие и вещмешок? Сможешь добыть их?

Ива задумалась на миг, а потом испуганно вскинула голову.

— Нет, нет... Все хранится у Ревенки — она точно меня поймает, если я... если...

— Хорошо-хорошо, спокойно, — поспешно оборвала ее Аллэи. Если девчонка сейчас начнет сомневаться, их план, и без того ненадежный, может рассыпаться сухой пылью, и тогда выбраться ей вряд ли удастся, — Но хоть какую-то сталь ты можешь мне предоставить? Ну хоть нож кухонный, на худой конец?

— Я постараюсь, — неуверенно кивнула Ива, — Да, попробую...

— Хорошо, — Аллэивар говорила мягко, так, словно они обсуждали погоду или урожай зерна в этом году, — Это — все, что от тебя требуется. И вот еще что, — она примолкла, подбирая нужные слова, но все-таки решила не ходить вокруг да около, — Ты умеешь открывать Врата Сторон?

— Что? — девочка непонимающе моргнула, и Аллэи принялась коряво объяснять:

— Ну... не знаю, дыру в пространстве, чтоб можно было зайти здесь, а выйти где-

нибудь еще? Как дверь, но только... ну, ты поняла ведь? — она с надеждой взглянула на Иву.

— Я поняла, но... — девочка беспомощно развела руками, — Это слишком сложно для меня. Я не сильная совсем, не смогу так...

— Плохо дело, — буркнула Аллэи, поднимаясь на ноги. Ей нужно было хоть как-то размять затекшие мышцы, а потому она принялась расхаживать из угла в угол, медленно поводя плечами и на ходу соображая, как им уйти от Залесья на достаточное расстояние и поскорее добраться до Лореотта. Переход займет слишком много времени, а без еды и без оружия на таком холоде они вряд ли сумеют его преодолеть. Внезапно Аллэивар осенило. Обернувшись к девчужке, она склонила голову набок, — Послушай, к вам должна была прийти волна силы от нашей Знающей... Она извещала вас о моем приходе. Знаешь об этом что-то?

— Да, — кивнула Ива, — Мы все ощутили, даже дети.

— Вот оно! — Аллэи прихлопнула кулаком ладонь, ощущая, как внутри закипает торжество, — Если ты ощутила ее, можешь как-то передать Мэгавар, что я в плену, и что к рассвету завтрашнего дня мы будем на границе Таврании с Залесьем? Чтобы кто-то из моих забрал нас из этого снежного пекла?

Ива недолго обдумывала ее слова, а затем кивнула — не слишком-то уверенно, впрочем.

— Думаю, да... Я постараюсь сегодня же, сделаю все, что смогу. Ревенка говорила, что даже слабая ворожея может ответить другой, если та достаточно сильна и может уловить едва заметное колебание, направленное на нее.

— Постой-ка, — Аллэивар насторожилась, замерев, — А другие залески не почувствуют твоего послания? Иначе далеко мы точно не уйдем.

— Оно ведь будет не им адресовано, — Ива поднялась, расправляя платье и озираясь по сторонам, будто маленькая испуганная мышка, — Главное, чтобы ваша ворожея услышала и ощутила. Моих сил правда совсем немного... — говорила она это так, словно извинялась за что-то. Аллэи ободряюще улыбнулась ей, наблюдая, как девочка берет с пола свечу и сжимает огарок в узкой ладошке.

— Ничего. Я уверена, все получится. Ты очень храбрая, Ивушка. Справимся.

Девочка вскинула голову, поднимая на Аллэи огромные оленьи глаза. Эльфийка наконец сумела понять, какого они цвета: темно-ореховая у зрачка радужка переходила в зеленый у самого края, размываясь и поглощая другой цвет.

— Ивушка? — переспросила она, глядя на Аллэи снизу вверх, как глядят доверчивые дети.

— Ивушка, — кивнула та, не пряча широкой улыбки, — Мне так больше нравится. Буду тебя называть так, можно?

Девочка робко улыбнулась ей, и на лице ее впервые за все время, что Аллэи видела ее, промелькнула тень радости. Поспешно сунув в руки Ищущей какой-то сверток, она запахнулась в свой платок и быстро направилась к двери. Оставшись в одиночестве, Аллэивар вновь опустила на листья, разворачивая дар девочки и проверяя, что там. Ивушка принесла ей сырую жесткую морковь, наспех нарезанную ломтиками, горсть сушеных ягод и один тонкий кусок пресного сыра, настолько безвкусного, что Аллэи даже не поняла, из чего он сделан — но это было великим даром, и она съела все до последней крошки. В животе теперь стало не так больно и пусто, и женщина чувствовала, что ослабевшее тело потихоньку оживает. К тому же отвар, который девочка принесла до того, притормозил развитие болезни, и в груди жгло гораздо меньше. Аллэивар надеялась, что Ивушке удастся

передать послание Мэгарвар — иначе до Лореотта они могли и не дойти. Но об этом думать сейчас она не собиралась: сначала нужно было выбраться из Залесья, а там уж можно и поглядеть, как да что обернется.

Весь следующий день Ивушка спускалась в подвал при первой же возможности и всего лишь на один миг, и за это время она успела натащить столько еды для Аллэи, что эльфийка с удивлением ощущала себя практически так же, как и обычно в Лореотте. Ищущая переживала, что ее могли заметить сестры и донести на нее Ревенке, однако девочка отмахивалась, отвечая, что все старшие ворожеи ушли вместе с главой Залесья куда-то на запад за город, собирать ядовитые травы для оружия. За стеной остались лишь молодые зашуганные до смерти девицы, разбежавшиеся по домам, ленивые кухарки да воины, бродящие вдоль стены. Аллэи было дернулась прорываться сейчас, но Ивушка осадила ее, буквально став в дверях:

— Нельзя, нельзя сейчас, — зашикала она, напоминая котенка, что вздыбил короткую пушистую шерсть, изогнул дугой спинку и теперь шипит на огромного пса — по крайней мере, именно так ощущала себя Аллэи в присутствии этой девочки, — Они того и ждут! В лесах вокруг повсюду засады — к ночи они возвращаются сюда, а выходят на рассвете. Если Ревенка вернется и поймет, что ты даже не пыталась сбежать, она расслабится и не будет ждать подвоха. Верь мне.

С этими словами она ужом юркнула за дверь, запирая Аллэи, и эльфийка услышала, как быстро-быстро она поднимается по ступеням, тихонько шурша подолом. Ищущая вздохнула: ей итак казалось, что она слишком многое доверила этой девочке, взвалив на нее непосильную ношу в виде их побега. Именно Ивушка должна была выпустить ее и провести через город, Ивушка должна была добыть оружием для Аллэи, Ивушка придумала это все. С одной стороны, Аллэи донимало беспокойство за нее: залеска ставила под удар и собственную жизнь, рискуя в первую очередь собой. С другой стороны, в какой-то момент она поняла, что ее еще коробит тот факт, что ее, взрослую эльфийку, одну из лучших Ищущих клана Вар, вытаскивает из беды незнакомая маленькая девчонка, у которой ни силенок нет, ни ее опыта. Уязвленная гордость и какое-никакое, но самолюбие, исподволь напоминали о себе. Со стыдом она прогнала от себя подобные мысли, прося прощения у Ниэннавар за собственное тщеславие.

Давно ли ты сама была такой? И неужели жизнь тебя так ничему и не научила?

Невольно Аллэивар вспомнила, как она, будучи совсем еще зеленой девкой, у которой оба глаза были целы, а руки — так тонки, что меч она долго удерживать не могла, носилась по горам с другими такими же молодыми кобылами. День был ясный, тихий, и они забрели бес знает куда, чуть ли не к самому Перевалу Химер, наперегонки с весенними ручьями сбегая по склонам. Там-то, в поросшей вересковьем низине между двух вытянутых громад гор, она и увидела всадницу верхом на химере, медленно бредущей в сторону Лореотта. Зверь жалобно кричал — то ли выл, то ли мяукал, и Аллэи, заподозрив неладное, стремглав помчалась навстречу всаднице, даже не вспомнив о подругах и о возможной опасности встречи с химерой. Наездница клонила к шее зверя, и тот вертел головой, ощущая, что она сползает с него, силился как-то помочь ей — но не мог. Когда Аллэи приблизилась, ей стало дурно: женщина была вся в крови и явно без сознания. Растерявшись, девочка некоторое время раздумывала, что же ей делать, а затем, взяв химеру под уздцы, что есть мочи потащила ее за собой в сторону Лореотта.

Зверь бежал легко, но этой скорости явно было недостаточно, да и ослабевшая

безвольная эльфийка несколько раз почти полностью сползала под брюхо химеры, а потому Аллэи, решившись, кое-как вскарабкалась на химеру, устраиваясь позади женщины, и неуверенно взяла в руки поводья. Их на тот момент уже начали учить управлению химерами, но только в теории, и она понятия не имела, справится или нет. Но времени на раздумья у нее не было, поэтому Аллэивар несмело тронула поводья и дрожащим голосом попросила:

— Давай, миленький, помоги мне, пожалуйста! Мы с тобой справимся — ты только не сбрось меня... Пошел!

То ли зверь был умен, то ли боги смиловались, только химера послушалась ее, и на глазах у изумленных девчонок Аллэи пронеслась над склоном верхом на звере, прижимая к себе измученную эльфийку. Ей даже не пришлось направлять химеру — дорогу она знала и без понукательств Аллэи, а потому вскоре эльфийка уже тащила женщину в пещеру, вопя во всю глотку, чтоб кто-нибудь из старших помог. Ее услышали, и эльфийку забрали буквально у нее с рук, а обессилевшая от первой в жизни скачки Аллэи сползла по стене, абсолютно вымотанная, но невероятно довольная собой: не только спасла незнакомую женщину, но еще и первый раз в жизни прокатилась на химере, да еще и ни разу не упала. Естественно, второе было для нее более невероятным событием, чем первое.

Впрочем, о судьбе эльфийки она тоже беспокоилась и постоянно слонялась возле Дома Знающих, откуда ведьмы гнали ее взащей каждый раз, когда она спрашивала, как себя чувствует женщина. Буквально через неделю та полностью оправилась, и Аллэи встретила с ней прямо у порога обители колдуний. Эльфийку звали Шаэна, она была до невозможности хороша собой на вкус Аллэивар, и девочка, заикаясь и краснея, рассказывала ей, как увидела ее в ущелье и как привезла сюда. Шаэнавар слушала ее внимательно, серьезно, а затем поблагодарила от всей души, пожав руку Аллэи и добавив, что отныне находится в неоплатном долгу перед ней. Когда она уходила прочь от Дома Знающих, девочка чуть было не свернула себе шею, провожая ее взглядом, а потом еще около года выпытывала у всех своих знакомых все о Шаэне. Всякий раз при встрече женщина тепло улыбалась ей, слушала ее нелепые рассказы и байки, смеялась и подмигивала, а спустя еще несколько месяцев ушла в какой-то из смешанных кланов. Аллэивар провела несколько недель в глубоком трауре, а затем принялась увиваться за дочерью каменщицы, и все печали как рукой смыло.

Теперь она, пожалуй, понимала, что именно должна была чувствовать Шаэна. Стыд за собственную неспособность решить все самостоятельно упорно продолжал грызть Аллэи, и она решительно заставила себя успокоиться и взглянуть на это иначе. Невозможно справляться с некоторыми бедами в одиночку. Если бы не Ивушка, она бы сейчас, вероятнее всего, уже бы металась в бреду лихорадки. И благодаря девочке у нее был шанс выбраться отсюда живой. Стало быть, на то воля Неба.

Возможно, так все сложилось в том числе и для того, чтоб с меня спесь сбить. Как ни крути, а в одиночку мне нынче не справиться.

Время тянулось и ползло толстой змеей, сжимая весь мир в тугих кольцах. Аллэи допивала последний глоток отвара, принесенного ей Ивушкой около десяти минут назад. Девочка рассказала, что донесла до Ревенки весть, что пленница захворала и может не дожить до Охоты, и попросила разрешения напоить ее отваром. Ревенка дозволение дала и похвалила Ивушку в сознательности, поэтому плошку разрешила оставить в камере — якобы Ивушка должна была забрать ее завтра.

— Я приду совсем скоро, — зашептала девочка, впихивая в руки Аллэи напиток, —

Через несколько часов все уже разойдутся по домам, да и Ревенка будет видеть десятый сон. Жди.

Аллэивар успела только кивнуть, а Ивушка уже вновь умчалась. Теперь Ищущая терпеливо ждала, когда же в тишине подвалов послышатся легкие быстрые шаги, и когда откроется дверь. Спустя какое-то время она услышала, как где-то наверху скрипнула основная дверь, а затем кто-то легкий спрыгивает со ступеньки на ступеньку, спеша к ее камере. Аллэивар тут же подскочила к двери, и в следующий миг замок тихонько щелкнул, блеснув освещенным на один миг провалом скважины, и на пороге возникла взволнованная Ивушка. В руках она держала маленький холщовый мешок.

— Пойдем! — девочка отступила, запуская одну руку куда-то в недра мешка и что-то в нем разыскивая. В следующее мгновение она выудила оттуда длинный клинок со странным четырехгранным лезвием и ножны к нему, — Это все, что смогла, прости... До твоего не добраться.

Аллэи кивнула, взвешивая оружие на ладони. По крайней мере, на что-то клинок может согнуться — он не больно-то отличался от того, к которому привыкла она, да и выбора особого у них не было. Пристроив его на поясе, Аллэи взглянула на девчущку.

— Веди. Не будем медлить.

Они бесшумно поднялись по ступеням вверх, так же бесшумно выскользнули за дверь. От свежего воздуха у Аллэи перед глазами поплыло, но она заставила взять себя в руки и оглядеться, отступив в тень. Город спал, и окна были темны, словно глазницы пещер. Тишину нарушал лишь ветер да ночные шорохи, и это было им на руку. Луна спряталась за облаками, а потому было достаточно темно, чтоб их передвижения никто не заметил — по крайней мере, Аллэи надеялась на это всем сердцем. Дома стояли так, что, в целом, она могла пройти из тени в тень до самого ельника, в котором и терялась северная часть стены. Пригнувшись к земле, она вопросительно посмотрела на Ивушку, и та кивнула, махнув рукой куда-то вперед.

Мох скрадывал звук ее шагов, и Аллэи немного успокоилась — шагали они действительно бесшумно. Так быстро, как только могли, они вдвоем пересекли несколько проулков, прижимаясь к стенам домов, когда оказывались рядом с ними, и вскоре за их спинами остался последний длинный сруб в Залесье. Впереди темнел ельник, мрачный и пугающий в этот час, но Аллэи метнулась под его сень так, словно там ее ждали Поднебесные Сады. Следом в чашу шагнула Ивушка, и лишь тогда, казалось, Аллэивар впервые за все это время выдохнула.

За спиной тонко хрустнула ветка, и Аллэи резко обернулась, выдергивая из ножен клинок. Напротив нее, чуть подальше стояли две маленькие девочки — Полынь с Кольванью, тепло одетые и закутанные чуть ли не до самых глаз. Они накрепко держались за руки и молча смотрели на Аллэи, прижимаясь друг к дружке. Эльфийка, подавив ругательство, обернулась к Ивушке с немым вопросом.

— Я не могла оставить их здесь, — едва слышно молвила та, почти не размыкая губ, — Они — дети, они не заслуживают той участи, которую выбрало Залесье.

Несмотря на всю свою хрупкость, сейчас Ивушка показалась Аллэи гораздо более сильной, чем эльфийке думалось с самого начала. Женщина кивнула, соглашаясь с ней, и Ивушка, подойдя поближе к детям, протянула им руки. Девочки вцепились в нее так, словно она была их спасительной соломинкой — да так, наверное, и было. Затем залеска обернулась к Аллэи и кивком головы указала куда-то в сторону.

Через ельник они продирались около получаса, и всякий раз Аллэи вздрагивала, когда где-то слышался хруст веток. Они замирали, выжидали, пригибались к земле, а затем шли дальше, разыскивая лаз в стене. Он и нашелся — лазом оказался узкий проход, заваленный еловыми лапами, чтоб не бросалось в глаза; Аллэи едва смогла протиснуться туда, кряхтя словно медведь после спячки и молясь о том, чтоб ее не услышала ни одна живая душа. Пусть дома залесок и остались далеко позади, а осторожность никогда не была лишней.

Когда стена осталась за спиной, Аллэи наконец выдохнула, но времени прохладиться у них не было. Эльфийка повернулась к Ивушке, держащей детей за руки, и тихо спросила:

— Ты знаешь направления? Покажи, где северо-запад.

Ивушка задумалась на миг, а затем повернулась куда-то в сторону и, глядя на Аллэи, махнула рукой туда. Ищущая кивнула, подходя ближе, и тихо молвила:

— Хорошо. Идти будем быстро и осторожно, — взглянув на затянутое тучами небо и вдохнув морозный воздух, она добавила, — По ощущениям, до рассвета нам осталось около трех-четырех часов, и за это время мы должны выйти из леса. Если повезет, нас уже будут ждать эльфы, Мэгарвар найдет нас, я уверена. Если же нет... — она, помолчав, криво усмехнулась, — Будем импровизировать. Главное — выбраться отсюда. Идемте.

Ночной лес поднимался вокруг них неоглядными черными стенами, заслонявшими собой весь мир. Аллэи несла на руках маленькую Колывань, чьи маленькие ножки устали от долгой ходьбы, а за ее спиной почти бесшумно двигалась Ивушка, взявшая Польнь. Им оставалось совсем немного до утра, и Аллэи не знала, что принесет это утро, и что они будут делать, когда рассвет забрезжит над горизонтом. Но больше им не оставалось ничего, а потому она шла и молилась всем богам мира о том, чтоб их услышали, о том, чтоб им помогли. Богиня, если ты позволила мне уйти оттуда, не брось меня на полпути. Я верю тебе, и вся моя жизнь лежит в твоих руках. Да и не только моя. На ее плече беспокойно сопела Колывань, и в темноте Аллэи видела ее блестящие глаза и носик-пуговку, который она то и дело прятала в высокий шарф. Сохрани нас, Небо. Мы просим тебя — все просим.

Когда впереди показался просвет, небо уже наполнилось той полупрозрачной серостью, какая бывает лишь ранним утром. Мороз стал крепче, и Аллэи невольно прикрывала лицо Колывани ладонью, чтоб той было хоть немного теплее. Польнь на руках Ивушки тихонько хныкала, но девушка непрестанно вполголоса рассказывала ей какие-то сказки, и ребенок, дрожащий от страха и холода, хоть немного да затихал, успокаивался. Аллэи не впервой было ходить в таких условиях, однако она всегда справлялась сама или с отрядом взрослых обученных женщин — но уж никак не с двумя детьми и одной молоденькой девчушкой, которая вряд ли могла чем-то помочь в случае атаки. Впрочем, до границы леса оставалось совсем чуть-чуть, а потому эльфийка лишь стиснула зубы крепче и побрела дальше, поудобнее перехватывая дитя и прижимая ее к себе.

— Потерпи, милая. Мы уже почти пришли.

В ответ Колывань лишь засопела громче, шмыгнув носом. Наверное, тоже прихворала немного... Надо бы их сразу в руки ведьмам сдать. Дальше они двигались в тишине, изредка поглядывая на небо, чтоб посмотреть, сколько у них еще осталось времени до восхода солнца. Из-за облаков увидеть тот восход они не могли, но Аллэи чуяла: утро вот-вот заберет власть у ночи, и тогда в Залесье хватятся и детей, и Ивушку, а там уж и саму Аллэивар.

Из леса они вышли на вытянутый луг, протянувшийся куда-то на восток вдоль кромки деревьев, и Аллэивар вспомнила это место: луг маячил перед ней, когда она пробиралась в Залесье, и на пути сюда она свернула, не доходя до него буквально полверсты. Аллэивар

обернулась к Ивушке.

— Нужно пройти еще немного. Думаю, что Знающие будут ждать нас примерно там же, где они выбросили меня в прошлый раз. Выдержишь?

Ивушка выглядела изможденной и совсем уставшей, но, тем не менее, уверенно кивнула. Аллэи бросила взгляд на привалившуюся к ней Полынь.

— Я могу взять мелкую на плечи, чтоб тебе было полегче, хочешь?

— Нет, — мягко покачала головой Ивушка, слабо улыбнувшись, — Она легкая. Идем скорее.

Они двигались дальше в молчании, и Аллэи непрестанно шурилась, выглядывая сияющую завесу где-то впереди, однако ничего не происходило. Мир, пронизанный утренней стылой свежестью, молчал, был недвижим, и ничего не говорило о том, что где-то поблизости могли находиться Знающие. С каждым шагом Аллэивар хмурилась все больше, а на сердце становилось все тяжелее. Неужели не получилось? Богиня, что теперь делать-то, с детьми как идти так далеко?.. Она уже собиралась просить Ивушку о том, чтоб та повторила попытку мысленно докричаться до Лореотта, когда впереди чуть левее от рваной линии деревьев сверкнуло, вспыхнуло, а затем прямым из воздуха возникло три фигуры. Аллэивар замерла, держась поближе к деревьям — это могли быть и залески, уже обнаружившие их побег и отправленные в погоню, однако одна из фигур подняла руку и махнула им, а остальные начали синхронно двигаться, выплетая руками один лишь им ведомый узор. Даже с такого расстояния Аллэи сумела различить знакомые жесты, и от сердца у нее отлегло. Это действительно были Знающие.

Уже когда они были достаточно близко от ведьм, одна из них — как раз та, что махала — отделилась от остальных, спеша к ним навстречу. Аллэи видела, что взгляд ее перебегает с Ивушки на детей, а затем на Ищущую, а меж бровей прорезается глубокая морщинка.

— Вы появились очень вовремя, праматушка, — Аллэи не стала дожидаться, когда та заговорит, — Нам нужно уйти отсюда. Всем и как можно скорее. Вы сможете перебросить нас вместе?

Знающая замешкалась, но кивнула:

— Детей отдадите нам, а сами возьметесь за руки. Старшую девочку поведешь сама.

Аллэи кивнула, передавая ей на руки ребенка, и ведьма бережно приняла ношу, внимательно разглядывая ее в утреннем робком свете.

— Богиня, что у них на лицах? — в голосе Знающей послышалось удивление. Аллэивар мрачно хмыкнула:

— Я все расскажу королеве, праматушка — но только не здесь. За нами может идти погоня.

Ведьма кивнула, отступая назад и наблюдая за движениями остальных Знающих. Аллэи смотрела, как вновь открывается проход в воздухе, сияющий изнутри, а затем крепко взяла Ивушку за руку и посмотрела на нее. Девочка неуверенно переминалась с ноги на ногу, и Аллэи чуть сжала ее ладонь.

— Просто нужно будет сделать один шаг вперед. Я поведу. Верь мне.

Ивушка кивнула. Аллэивар не знала, получится ли у них на этот раз — но Ивушка тоже вряд ли несколько часов назад была уверена в том, что ее план сработает. Однако Богиня не оставила их тогда — а значит, не оставит и сейчас. Аллэи закрыла глаза и приготовилась войти во Врата.

Пространство без звуков, красок и течения времени прошло сквозь нее тысячами тончайших игл, а затем с силой вытолкнуло ее, и Аллэи чуть было не захлебнулась потоком воздуха, ворвавшимся в легкие. На этот раз почему-то было страшнее — быть может, потому, что теперь она знала, с какими ощущениями смертный сталкивается за Вратами, а может, потому, что вела за руку Ивушку. В первый момент, когда Аллэи вернулась в реальный мир, страх за девочку накатиł на нее ядовитой волной — рука не ощущала узкой прохладной ладони. Но в следующий миг кто-то упал ей прямо в руки, и Аллэивар, слепо моргая, подхватила девушку, не позволив той упасть. Ивушка походила на перепуганную до смерти сову, и ее колотила крупная дрожь.

— Ну-ну, тише, — слабой рукой эльфийка накрыла ее макушку, поглаживая девочку по спутанным волосам, — Все закончилось. Теперь ты в безопасности.

Рядом словно из ниоткуда возникли Знающие с детьми на руках. Полынь и Кольвань, судя по виду, готовы были разреветься прямо сейчас, и Аллэивар торопливо обернулась к старшей Знающей, деловито расправляющей невидимые складки на длинном подоле.

— Праматушка, прошу тебя, осмотри детей. Мы тяжело шли, и я боюсь, что они могли захворать.

Знающая вскинула на нее цепкий взгляд и придирчиво оглядела ее.

— А сама-то куда намылилась?

— К ее величеству, — буркнула Аллэи, уже предвкушая, как будет колотить Шеду головой о стену. Картинка возникла перед глазами сама собой, и, хоть Ищущая и понимала, что с королевой вести себя так не будет, руки зачесались еще сильнее, чем прежде.

— Подождет ее величество, — хмыкнула Знающая. Аллэи и оглянуться не успела, как пальцы ведьмы железной хваткой сомкнулись на ее предплечье, — Тебя тоже нужно подлечить, вон как хрипит в груди. А потом уже отправляйся куда угодно.

— Это не к спеху, — попыталась отвязаться Аллэи, но ведьма наградила ее таким взглядом, что эльфийка сдалась, подняв ладони вверх, — Ладно, ладно. Ворожи, праматушка.

Все равно ты, паршивка, у меня за все ответишь... Нашла, где союзничков искать. Аллэивар поняла, что в какой-то мере даже злорадствует. Идеи Шеды всегда были несколько сумасбродны, но боги неизменно благоволили ей и позволяли совершить задуманное. Аллэи, несмотря ни на что сохранившая некоторую степень консервативности, иногда мечтала о том, чтоб королеву поставили на место — вот ее и поставили. И с одной стороны, Ищущая ощущала легкое удовлетворение — не все же ей одной получать по хребту от судьбы, исполняя задумки Шеды, а с другой стороны, королева была права: союзники сейчас становились на вес золота, и сдавать позиции они не могли. Слишком многое было поставлено на карту.

Ведьмы потащили их в Дом Знающих, спокойные и невозмутимые, словно их ни капельки не интересовало, что же произошло в Залесье. Впрочем, Аллэи и не собиралась беседовать с ними об этом, а единственный вопрос, беспокоящий ее, задала буквально сразу же.

— Праматушка, а за нами не смогут явиться сюда? По следам, скажем так?

Старшая Знающая покачала головой:

— Нет, конечно, нет. Во-первых, нужны более-менее точные расстояния — а вряд ли ваши преследователи их знают. Во-вторых, мы всегда замечаем следы. Можешь не беспокоиться, Ищущая Аллэивар. Никто не придет.

Ивушка, шедшая рядом, шмыгнула носом. Аллэи искоса взглянула на нее — девочка явно устала, едва на ногах держалась. Она жалась поближе к Ищущей, словно та была для нее защитой куда более надежной, чем громады камня, расстояния и стены. Впрочем, Аллэивар видела, что Ивушка начинает поглядывать по сторонам, рассматривая Дом Знающих, и глаза ее медленно расширяются от удивления и восхищения. Вскоре она уже вертела головой, любуясь сводчатыми высокими потолками, белокаменными безмолвными статуями и резьбой на массивных колоннах.

— Как же здесь красиво, — выдохнула она, изумленно озираясь вокруг, — Сколько же зим этому месту?

— Гораздо больше, чем ты живешь под луной, дитя, — прошелестела Знающая, — Гораздо больше.

Ивушка кивнула — скорее механически, чем вдумываясь в слова ведьмы. Сейчас куда больше ее занимала строгая, величественная красота Дома Знающих, озаренного светом лазоревых кристаллов и наполненного шорохом ведьминских шагов по истертым временем ступеням. Аллэи хмыкнула про себя: интересно, что скажет девчонка, увидев весь Лореотт целиком? Даже сама Ищущая могла часами любоваться подземным городом, прогуливаясь по высоким мостам и галереям в тот час, когда все давным-давно уже спали в своих домах. Опустевший город, наполненный сиянием, напоминал ей чаровную сказку, или дивный сон, и в такие моменты Аллэи забывала, что являлась его частью. Воздушные белые арки, искусно вырезанные в исполинских сталактитах, помнили ее несмышленным ребенком, но она иногда ощущала себя так, словно попала сюда впервые. На Лореотт невозможно было насмотреться, и Аллэивар ощущала гордость за свой народ, наблюдая, как дети с открытыми ртами разглядывают узоры на стенах и россыпи драгоценных камней на подолах мраморных одежд замерших навеки скульптур.

Ведьмы привели их в одну из простых узких комнат, где пахло чистотой и свежестью. Одна из Знающих тут же подошла к Аллэи, взяв ее за подбородок и хмуро уставившись куда-то на крохотную точку меж бровей Ищущей. Женщина растянула губы в широкой ухмылке:

— Только праматушка, можно в этот раз не как всегда, а? А то у меня после исцелений постоянно такое ощущение, будто на меня гнев Ниэннавар обрушивается.

Ивушка испуганно зыркнула на нее, пискнула, но к ней уже подошла другая ведьма, промолвив что-то успокаивающее и приподнимая лицо девочки обеими руками. Аллэи кристально честно посмотрела в глаза ведьмы напротив, которая оскалила белые аккуратные зубки в подобии улыбки.

— Ищущая Аллэивар, если не прекратишь трепать своим языком, я сделаю так, что гнев Богини действительно на тебя обрушится. Умолкни и дай мне сосредоточиться.

Ее ладонь опустилась на грудь Аллэи, и даже сквозь одежду Ищущая ощутила жар, исходящий от ее кожи. Потом легкие словно огнем в одну секунду выжгло, и Аллэивар крепче стиснула зубы, чтобы не заорать во всю глотку. Ведьма отступила, и, пока женщина пыталась отдышаться, в следующий миг сжала ей челюсть пальцами, словно ребенку, и проворно влила в рот Аллэи содержимое одной из склянок, ровным рядком выстроившихся на устланной белой тканью полке. Аллэи зафыркала, кривясь: зелье оказалось совершенно дурное на вкус, горькое, что полынь, и вместе с тем приторно-вязкое. Ведьма удовлетворенно оглядела ее, и эльфийке на миг подумалось, что в золотых глазах блеснуло ехидство.

— Праматушка, а последнее обязательно было? — сипло поинтересовалась она,

морщась — гадкий вкус никак не желал сходить с языка.

— Обязательно, — ведьма убрала крохотный бутылек, — Иначе кости ломить еще долго будет, и на ноги стать не сможешь. Я так понимаю, в твоём случае ни о каких постельных режимах речи быть не может?

— Смотря что понимать под постельным режимом, праматушка, смотря что предложишь, — не подумав, брякнула Аллэи. Кто-то сбоку хихикнул, и Аллэи, скосив глаза, увидела пылающие щеки Ивушки. Ведьма выгнула дугой красивую бровь.

— Вот оно как? Я смотрю, не больно-то тебе тяжело было, вон уже какая прыть... Я передам королеве о том, что ты не доделала какие-то свои дела в Залесье и хочешь обратно. Думаю, ее величество оценит твоё рвение и незамедлительно удовлетворит твои амбиции, Ищущая Аллэивар.

— Нет, спасибо, не стоит, — кисло пробормотала Аллэи, отводя взгляд: колючие глаза ведьмы впились в нее когтями химеры, и эльфийка почему-то не сомневалась, что со Знающей станется пожаловать к Шедавар с беседой. Впрочем, сама Аллэи собиралась нанести правительнице Лореотта визит и уже сейчас старательно подбирала ругательства.

— Вот и славно, — ведьма еще разок окинула ее насмешливым взглядом, а затем повернулась к залескам. Те оказались абсолютно здоровы — только маленькая Полянх подхватила насморк, да ведьмы прогнали и то. Теперь дети жалась к Ивушке, и та обнимала их за плечи, прижимая поближе к себе. Знающая чуть заметно улыбнулась девчужке, — Мы отведем вас в Дом Пришедших — дети смогут отдохнуть там, поесть хорошенько, переодеться в чистую одежду. Что до тебя, дитя, тебе нужно будет подняться в пещеру Старшей Знающей — ей должно посмотреть на тебя.

Ивушка бросила испуганный взгляд на Аллэи, однако кивнула. Ищущая нахмурилась:

— Праматушка, Ива спасла меня из плена. Это она звала вас, это она вывела меня из Залесья. Не думаю, что при таких обстоятельствах эта процедура обязательна.

— Процедура обязательна независимо от обстоятельств, — жестко ответила ведьма, пресекая дальнейшие попытки Аллэи возразить, — Ты знаешь законы, Аллэи. Ей нечего бояться — вреда ей не будет. Мы проведем ее в пещеру и отведем обратно, в Дом Пришедших. Дальше она вольна делать все, что угодно ее душе.

— Она устала не меньше детей, — продолжала настаивать Аллэивар, — Пускай хотя бы отдохнет и переоденется! Замерзла же!

Ведьма поджала тонкие губы, неодобрительно глядя на Аллэи и плавно смыкая кончики пальцев, но Ивушка вдруг осторожно коснулась рукава Ищущей.

— Послушай, если это нужно — то лучше сделать сразу, чем откладывать на потом. Я не настолько устала, чтоб не почтить ваш город и его обычаи. Мне бы только отвести детей туда, где они поспать смогут да поесть, а там — все, что угодно, — последнее было адресовано ведьме. Та спокойно кивнула.

— Конечно. Идем, дитя. Мы покажем дорогу. Аллэивар, — Ищущая вскинула единственный глаз на Знающую. Та спрятала ладони в широкие складки рукавов и снисходительно заметила, — Можешь идти к королеве. Она места себе не находила во время твоего отсутствия. Ныне ждет тебя.

— Прекрасно, — буркнула Аллэи, вставая с широкой лавки. Обернувшись к Ивушке, она ободряюще улыбнулась девочке, — Я приду к тебе, как только разберусь с делами. Если захочешь, покажу тебе Лореотт — сама ты заблудишься здесь. Возможно, королева захочет увидеть тебя и поговорить с тобой, но я постараюсь, чтоб это произошло через какое-то

время.

Ивушка закивала, несмело улыбнувшись Аллэи, а затем Ищущая направилась к выходу, ощущая буравящий лопатки взгляд ведьмы. Знающая начала о чем-то беседовать то ли с Ивушкой, то ли с кем-то из ведьм, однако того Аллэивар уже не слышала: сейчас она собиралась высказать Шеде все, что думала о ней и некоторых ее планах, не имеющих под собой ничего, кроме желания ее высочества и железной уверенности в том, что все — вот так, а не иначе. Да, Шедавар была королевой, однако Аллэи все еще оставалась ее старшей сестрой, а по совместительству — Ищущей и личной защитницей Шеды. Посему, если кто-то и мог вбить в голову королевы хоть немного мудрости, так это Аллэи.

На пути к королевским покоям ее окликали другие Ищущие и ее ученицы, но Аллэи лишь отмахивалась, ограничиваясь коротким «Потом». Вряд ли Шедавар распространялась о том, куда послала Аллэивар, а потому всем хотелось расспросить ее, узнать, где она бывала и зачем. Эльфийка за долгие годы службы при Шеде научилась держать язык за зубами — планы королевы не всегда нужно было оглашать до их непосредственного осуществления, иначе все могло пойти наперекосяк. Поэтому Аллэи ни разу не остановилась для того, чтоб почесать с кем-то языком, и вскоре была уже на пороге Дома Королевы. На этом же пороге обнаружилась Шеда, облокотившаяся на дверь и рассеянно поигрывающая с изящным метательным ножом. Завидев Аллэи, королева выпрямилась, пряча нож за пазуху, и буквально накинулась на Ищущую.

— Бес тебя возьми, Аллэи! Что произошло?! Я уже готова была весь лес перерыть!.. Где тебя носило?! Что случилось?!

Аллэи ощутила, как ярость приятной теплой волной поднимается в груди. Сладко улыбнувшись Шеде, эльфийка, сдерживая рычание, процедила:

— Пойдем-ка, ваше величество. Расскажу, где меня по твоей милости носило.

Она взяла королеву под руку, забыв о том, что обычно считала такой жест проявлением фамильярности. Сейчас это было неважно. Сейчас ей очень хотелось запустить пальцы во взлохмаченные волосы Шеды и хорошенько оттаскать ее, как в детстве. Возможно, еще и несколько раз всыпать ей, чтоб неповадно было. Впрочем, Аллэи вполне понимала, что не сделает ничего подобного — однако помечтать ей хотелось.

Когда двери Великого Зала захлопнулись за их спинами, Шедавар повернулась к ней, скрепящая руки на груди.

— Итак?

Голос ее сейчас был спокоен, словно это не она орала минуту назад на Аллэи, и Ищущая в который раз восхитилась этим умением мгновенно переключаться, отмечая все эмоции. В этом Шеда была мастерицей.

— Прежде чем я начну свой рассказ, королева, — Аллэи невольно выделила последнее слово, — Ответь мне на мои вопросы.

— Я слушаю тебя, — Шедавар даже не сдвинулась с места, все такая же спокойная и внимательная. Аллэи вдруг заметила, что ее скулы с черным узором рун на коже за эти несколько дней заострились, а крепкие руки, не скрытые безрукавкой, стали суше — словно королева ничего не ела.

— Скажи-ка мне, — тихо начала Аллэи, исподлобья глядя на Шеду, — Почему ты решила взяться за Залесье?

— Я уже приводила тебе свои аргументы, — королева направилась к широкому столу, где лежал ворох карт и писем, то ли недописанных, то ли адресованных ей. Она опустила

на один из стульев и, жестом пригласив Аллэи сделать то же самое, принялась загибать пальцы, — Во-первых, количественное преимущество. Даже если их там около сотни, по капле мы соберем достойную армию. Во-вторых, их умения. Залески отлично стреляют, владеют даром целительства и колдовством в целом. В-третьих, они могли бы поделиться секретами своего оружия с союзниками, и это тоже сыграло бы нам на руку.

Аллэи слушала, периодически кивая — так она показывала, что услышала доводы королевы. В какой-то мере, они действительно были справедливы. Вот только...

— Что произошло в Залесье, Аллэи? — Шедавар внимательно смотрела на нее, не отводя тяжелого взгляда, — Почему так долго? Тебе удалось?

— Знаешь, — помедлив, Аллэи опустила подбородок на переплетенные пальцы, наклоняясь поближе к Шеде, — У речного народца есть такая поговорка: если плотва не знает глубины, она плавает на мелководье. Я считаю, что это — очень мудрая поговорка, королева. Она означает, что не нужно идти куда-то, предварительно не узнав об этом месте как можно больше информации.

Она говорила сладким голосом, приятно улыбаясь, но Шедавар смотрела ей в глаза и перебивать не торопилась. За это Аллэи была ей благодарна.

— Я тебе так скажу: ты глубины не знала. Вот тебе взбрело в голову, что залески помогут нам и, подняв флаги с солнцем, побегут за тобой хоть в бесьи ямы.

На этот раз Шедавар не стала дослушивать:

— У меня были основания так полагать. Действительно серьезные основания.

Аллэивар изумленно прихлопнула в ладоши:

— Тебе приснился вещий сон?!

— Нет, — Шедавар бросила на нее хмурый взгляд, — Я говорю серьезно, Аллэи. Не стала бы я кидаться в сторону, не будь у меня определенных предпосылок.

— Вот оно как? — Аллэи смотрела королеве прямо в глаза, пускай это и было невероятно тяжело, — В таком случае, твои предпосылки оказались ложными. Залесье не поддержит нас. Они на стороне Охоты.

С минуту Шедавар оторопело глядела на нее, изредка качая головой.

— Это невозможно...

— Возможно, — жестко прервала ее Аллэи, — Когда я вошла в ельники, меня действительно встретили — с оружием. Залески отконвоировали меня в город — именно отконвоировали, не провели. К главной допустили только благодаря девочке, которая и помогла мне сбежать; если бы не она, у меня отобрали бы оружие, возможно, избили бы, и только тогда потащили к этой полоумной Ревенке. Ревенка — их предводительница. У нее странный дар — ее воле хочется подчиниться, и когда она говорит... ты словно не можешь ей противиться. Предполагаю, что многих женщин она держит в кулаке с помощью этого дара. Она говорила, что такова воля богов, что такова суть цикла, и что мы — мы, Шеда, — должны стать рядом с ними и быть на их стороне. Потому что это правильно. Я отказалась, и тогда она приказала увести меня в подземелья и держать там до самой Охоты — чтоб меня первой отдать диким. Я просидела там пять дней, прежде чем нам с Ивушкой удалось сбежать. И то, девочка все сделала сама. Если бы ее поймали — наверняка убили бы. Они все ненормальные, Шеда. Все. И теперь расскажи, откуда взялись эти твои предпосылки? С чего ты вообще взяла, что залески станут на нашу сторону?

Шедавар некоторое время молчала, и Аллэи видела, как ходят желваки на ее бледных щеках, и как напряжена ее шея. Королева медленно коснулась пальцами белого кристалла на

груди, а затем выдохнула:

— Ох, богиня...

Она рывком поднялась с места и принялась расхаживать перед столом, мечась словно дикий кот, загнанный в угол. Глаза ее лихорадочно блестели, и Аллэивар знала, что это означает: в голове королевы с невероятной скоростью все известные ей факты сплетались меж собой, обретая объем и цвет и превращаясь в единую картину. Ищущая просто наблюдала за ней — она знала, что в такие моменты не стоит ее дергать. В какой-то момент Шедавар остановилась и нависла над Аллэи, упираясь в стол раскрытыми ладонями.

— Сейчас я постоянно ищу, Аллэи, — быстро заговорила она, не глядя на Ищущую, — Ищу в летописях былого хоть какие-то знания о канувших в Лету Изломах. Мы держим связь с Лорелей, и она тоже дает мне разнообразную информацию — в Гильдии ведь свой архив есть, поболее нашего. Обсуждаем возможности, ищем союзников... Недавно Мэг рассказала мне, что во время второго Излома на стороне жизни были Скрытые Люди, живущие в горах Наамаха. Они сражались плечом к плечу с людьми, держали оборону на подступах к Железному Тракту. В общем-то, помогали не меньше других. Они... — Шедавар помедлила. Глаза ее чуть сощурились, а на лице появилась горькая улыбка, — Они поставляли руду в города, чтоб материал для оружия не иссяк — в Лойнаре тогда копальни были неглубокими, немного можно было выжать.

Аллэивар похолодела: она поняла, к чему вела Шедавар.

— Я попросила Лорелей разыскать свидетельства об этом — и свидетельства мы нашли. Скрытые Люди действительно сражались на нашей стороне. Даже после Излома из Наамахе шли регулярные поставки руды, которые к третьему Излому прекратились. Вестей из гор не приходило никаких, следов Скрытого Народца никто не обнаружил, отряды, посланные в горы на поиски, возвращались ни с чем. Тогда все решили, что Скрытые Люди вымерли, а причин искать никто не стал. На третий Излом они не вышли, что подтвердило догадки. Однако помимо записей о Скрытом Народце мы нашли еще заметки о том, что жители гор были связаны с Залесьем. Речь шла то ли об обмене, то ли о торговле, то ли о передаче каких-то колдовских секретов — значилось это лишь мельком. Но были еще свидетельства о том, что Залесье защищало границы Таврании во время Охоты.

— И ты решила, что раз Залесье помогало в былых Изломах, поможет и теперь, — попытожила Аллэи, кивая. В принципе, все было логично — сама она наверняка мыслила бы точно так же, как мыслила Шеда в сложившейся ситуации.

— У меня не было оснований думать иначе, — Шедавар покачала головой, — Все указывало на то, что Залесье на нашей стороне. Со времен третьего Излома о них тоже нигде ничего не значилось, но я вспомнила тот инцидент, когда вы переходили их территорию. Это ведь случилось лет сорок назад, а значит, Залесье не вымерло, хоть и окончательно изолировалось от остального мира. Так я полагала, — добавила она, прикрывая глаза, — В общем-то, теперь все стало на свои места. Вот откуда у них руда, в таком случае.

— Это означает, что Скрытые Люди тоже живы и стоят на стороне Охоты вместе с Залесьем? — Аллэивар нахмурилась. Шеда тяжело покачала головой.

— Я не знаю, Аллэи. Может быть, живы, и тогда получается, что к диким присоединяются и живые племена. Это прецедент. Такого никогда не было... — она помедлила, обдумывая что-то, — С другой стороны, есть вероятность, что Залесье запаслось рудой еще с тех времен и...

— Ты сама-то в это веришь? — с сомнением вскинула брови Аллэи, — Если ты

говоришь, что последние известия о Скрытых Людях были еще до третьего Излома, то Залесью нужно было умудриться обеспечить себя рудой на сто-двести лет вперед. Впрочем, — она задумалась, — Они могли и не изготавливать новое оружие в течение этих лет... Могли довольствоваться старым, подновляя его ворожкой, или что-то в этом духе...

— Я все-таки склоняюсь к первому, — Шедавар вновь села за стол, потирая ладонью лоб, — И, если так, нельзя исключать удара с нескольких сторон.

Обе женщины примолкли, обдумывая сложившуюся ситуацию. Аллэи не нравилось все происходящее — если Скрытый Народец жил и здравствовал, то на сторону Охоты становилось уже два племени. И их могло быть и больше — вопрос в том, знали об их существовании эльфы или нет.

— Ты говорила, что тебе помогла девочка-залеска, — голос Шеды вывел Аллэивар из задумчивости. Ищущая кивнула, — Где она теперь?

— Здесь, вместе с двумя маленькими детьми — она увела их оттуда. Девочкам лет по шесть, кажется, плюс-минус один год. Думаю, их можно отдать на воспитание в Дом Детей.

Шедавар откинулась на спинку стула, барабаня пальцами по гладкой столешнице. Лицо ее в один миг стало жестким.

— Я хочу допросить ее. Немедля.

Аллэивар изумленно уставилась на нее.

— Допросить?

— А ты не думала, что эта твоя девочка могла специально помочь тебе, чтоб добраться до Лореотта? Не думала, что залески подослали ее сюда? — Шеда буравила ее тяжелым взглядом, и в золотых глазах ее вспыхивали искры. Аллэи, глядя на нее, отрицательно покачала головой.

— Нет, Шеда. Ивушка так бы не сделала, — Шедавар скептически изогнула бровь, и Аллэи пришлось пояснить, — Я видела ее глаза. И знаю, что она ушла по своей воле. Она оказалась в такой же опасности, как и я, когда решила помогать мне — залески просто убили бы ее, если бы прознали о том. Я верю ей и ручаюсь за нее так же, как ручаюсь за себя.

Шедавар выслушала ее, не перебивая, глядя внимательно, словно дикий настороженный зверь. Когда Ищущая закончила, она недолго молчала, размышляя над сказанным, а затем медленно кивнула.

— Хорошо. Тем не менее, я хочу поговорить с ней. Тебе я, положим, верю, но после всего случившегося доверять девчонке, не посмотрев на нее и не выслушав, не могу. Они — не наши союзники, стало быть, ожидать можно чего угодно.

Ты такой осмотрительной стала, сестрица... Что ж тебе раньше в голову подобные мысли не заглядывали? С трудом прогнав колкость с языка, Аллэивар ответила:

— Как пожелаешь. Только пусть отдохнет. Сейчас ее повели к Мэг — дай ей хоть немного времени. Пускай поест, вздремнет. Тоже ведь изнервничалась вся, куда мы шли...

— Я бы предпочла выслушать ее сразу же, — Шедавар спокойно смотрела на Ищущую, — И больше я ее не потревожу.

подавив раздражение, взявшееся непонятно откуда, Аллэи поднялась со стула:

— Ладно. Я приведу ее сейчас, в таком случае, раз уж тебе так нейдет.

Шеда поднялась следом и открыла рот, чтоб еще что-то сказать, но Аллэи уже быстрым шагом направлялась к выходу, и, прежде чем королева успела вымолвить хоть слово, скрылась за дверью. Внутри было как-то колко и почему-то обидно. Она ожидала от

Шедавар хоть какого-то участия, хоть единого слова о том, что ей не хотелось подвергать Ищущую опасности — а вместо этого королева выпытывала все, что можно, даже не заботясь о том, устала ли Аллэи, что она ощущала... Впрочем, эльфийка быстро отогнала от себя эти мысли: все-таки Шедавар была королевой, и прежде всего остального для нее стоял народ. Не отдельная его часть, какой бы родной и близкой та ни была. Тем более, Аллэи всегда храбрилась и даже после серьезных передрыг вела себя так, словно ей досаждало внимание королевы. Наверное, в какой-то момент та поняла, и теперь тоже приняла правила игры. Получается, что обижаешься ты на саму себя. Сама ведь виновата. Тем более что впавшие щеки Шедавар и ее бледность говорили куда красноречивее, чем любые слова.

Она направилась к Дому Пришедших — и не ошиблась. Ивушка была там. Аллэивар застала ее в тот миг, когда девочка, свесившись с балкона чуть ли не наполовину, рассматривала город, то и дело восхищенно вздыхая. Аллэи тихонько усмехнулась: совсем еще дитя.

— Ивушка, — тихонько окликнула она залеску, и та, подпрыгнув, обернулась. Испуг на ее лице сменился радостью, и девочка подскочила к Ищущей.

— Здесь так красиво! Никогда не видела ничего подобного, даже не читала...

— У тебя все в порядке? — Аллэи чуть склонила голову набок. Девочка все еще не сняла свои лохмотья, да и на лице ее по-прежнему темнел узор залесок, но выглядела она не слишком усталой.

— Да, все хорошо, — кивнула Ивушка, — Старая женщина сказала, что мое сердце чисто, и что я могу оставаться в Лореотте.

— Славно. В таком случае, пора представить тебе королеве, — Аллэи жестом пригласила ее следовать за ней, — У Шеды есть несколько вопросов — но не бойся ее: зла тебе она не желает. Просто говори честно, как есть, и все будет в порядке.

Ивушка кивнула, доверчиво глядя на Аллэи, и послушно побрела за ней. Пока они шли к Дому Королевы, Ищущая рассказывала ей про город, про то, как его строили, про ведьм, что подчинили своей воле жесткий камень и тени, обитающие в недрах пещер. Девочка слушала ее внимательно, задавала вопросы, уточняла что-то и восхищалась — для нее белый город стал ожившей сказкой, явившейся из тумана легенд и старинных преданий, и молодое совсем сердце жадно внимало рассказам Аллэи. Они и не заметили, как подошли к покоем Шеды, и когда стрельчатые арки выросли перед глазами, Аллэивар даже вздрогнула — ей казалось, что прошло не больше минуты с тех пор, как они вышли из Дома Пришедших. Остановившись на пороге, Аллэи посмотрела на Ивушку.

— Что ж, иди. Я буду ждать тебя здесь. Не бойся — тебя никто не обидит.

Девочка, выпрямив спину, вновь кивнула и поднялась по ступеням, в нерешительности замерев перед громадными створками двери. Коротко постучав, она с силой толкнула дверь, а затем шагнула в зал, оставив Аллэи запах ивовой древесины и еловой смолы. Ищущая прислонилась спиной к колонне, прикрыв глаза, и стала ждать.

===== Глава 40. Танец златовласки =====

— В общем-то, вам повезло, что меня на дороге встретили, — тощий мужичонка поправил съехавшую набекрень шапку и с самым важным видом утер раскрасневшийся от мороза нос, — Оно, знаете ли, не безопасно нынче стало на Железном Тракте. В одиночку путешествовать барышням молодым не пристало — мало ли чего случиться может, правильно я говорю? Правильно. Слухи всякие ходят; добрые люди говорят, что происходят недобрые вещи, и знамения недобрые то тут, то там... В городах носы-то от нас воротят —

мол, простолюдье, деревенщина. А мы знаем на самом деле поболее, чем все эти чванливые хари, — он покивал, словно подтверждая собственные слова, — И вы меня послушайте, сударыни, не гнушайтесь. Эта зима — ой, злая. Вот уж бед принесет — с добрый мешок. Да и уже принесла! Вы еще молодки совсем, вряд ли знаете, как оно бывает, когда проклятая звезда раньше срока восходит... А мне бабка покойная рассказывала, да и не только она: если на небо выкатывается Ярис — быть беде. Уж она-то знала — сама пережила Излом... Э, вы ж молодки совсем, не знаете, видать, что это... Расскажу вам. Час смерти! — он воздел палец вверх, возвышая голос, словно полагал, что так девушки лучше поймут его, — Час беды. Коль Излом наступает — все, пора кострище погребальное готовить, аль гроб, что уж там ближе вам по крови. Думаете, шучу? Ан нет. Такие вещи случаются в Изломы зимы, что кровь в жилах стынет! Дети мрут, а в дома ужасы ночные скребутся, так и норовят полакомиться духом человечьим. И ладно бы один, ладно бы два — так нет, идет от Черного Леса целая стая, и ни конца, ни края им нет. Там ни огонь не спасает, ни железо — их тьма-тьмущая. Думаете, просто запугиваю вас, красавиц? А вы меня послушайте: все к одному сходится. Все к тому, что новый Излом настал!

Он замолчал, ожидая испуганных вздохов или даже обмороков, почти что с надеждой глядя на попутчиц. Атеа широко зевнула, прикрывая рот кулаком.

— Да что вы говорите.

— То-то и оно, что правду, красавица! — торжествующе воскликнул мужичок, — Все на то указывает. Во-первых, еще до Ночи Пращуров Ярис в небо поднялась, да так высоко, что ярче луны светила! Во-вторых, пошли недобрые вести по деревенькам окрест. Несколько ребятишек в лесах пропало, а такого не случалось уже полвека. Смекаете, что к чему? Если не одни цацки да платки в головах, то уразумеете все. В-третьих, ведьмы все всполошились — а это верный признак. Наша ведунья тоже угрюмая ходит, все с утра до ночи бормочет что-то, ворожит. Давеча к старосте ходила, дык тот нам потом на собрании рассказывал — мол, Аярка велела детей за ворота не пускать и самим не выходить, разве что на Тракт, а к лесу чтоб ни ногой! Про стены ему что-то рассказывала, что мол настроить надо укреплений, да где ж мы деревья столько возьмем, коль в лес нельзя? Но это все, конечно, пустяки... Я и сам думал, что пустяки — ну мало ли, что там те ведьмы чуют, мало ли, чего на небе творится. Как Светлый хочет, так он звезды и расставляет, верно я говорю? Верно. Да вот только пуще всего остального другое тревожит. Келерийские девки на дороги вышли — добрые люди рассказывали, что видели... По одной, по двое — а ходят, на постой останавливаются, у корчмарей расспрашивают, что да как. Я-то сам не против них, только считаю, что бабе дома сидеть надо, за детьми смотреть да похлебку варить повкуснее, мужа привечать. Девка — она ж создание нежное, ну куда ей с мечами возиться? А те сами идут, учат их в горах келерийских, чтоб против своры нелюдей сражались. Ну, они и сражаются — и из замка своего выходят только во времена Изломов. Если сейчас повыползали — все, точно беда на порог пришла. Их потому и не шибко любят. Они, знаете, как... как знамя... знамение! Знамение темное. Где они — там и духи. Вот так-то. Ну, не только потому, конечно, не жалуют их... Оно, знаете, о таком постыдно говорить — да только они в этом замке своем еще и ложе делят, как люди рассказывают, непотребства всякие творят друг с другом. А иногда и все вместе, — мужичок засопел в усы, — Не по законам Светлого это, я считаю. Но раз уж они как-никак помогают во времена Изломов, то пускай уж, что... Главное, чтоб нормальных девок к себе не сманивали.

Атеа украдкой бросила взгляд на Меред. Девушка ехала с непроницаемым лицом,

выпрямив спину и почти не мигая — разве что щеки слегка зарумянились, но это можно было списать на мороз.

— Я вот только никак в толк не возьму — как это вас отцы-то самих отпустили в даль такую, в такое-то время? Уж они понимать должны, что к чему, и что за час настал... Мало ли, какое лихо на дороге ждет? Ну что три молодки сделают против злого человека, али против духа? Ножички-то эти ваши вряд ли вам помогут — небось, и не знаете, как в руках их держать.

— Не знаем, батюшка, — не выдержав, захлопала ресницами Атеа, — Это так, чтоб спокойней было — авось, и беда не тронет. Да только нам шибко надо попасть за Железный Тракт — дело у нас в столице: женихов себе ищем. Батюшка у нас один, сестры мы, все в поре уже. Вон в котомках приданое везем, — она хлопнула по вещмешку, который совершенно не походил на котомку с приданым, — У нас там платья вышитые, нити да иголки, дары от матушки...

— А, ну то — дело хорошее, — одобрительно закивал мужичок, а потом окинул их всех придиричивым взглядом, — Несхожие такие все! Мамка, небось, гулящая... Ты вон хороша, конечно, ничего не скажешь, — он закрихтел, покивал сам себе, — За тобой и в столице табунами бегать будут! А тебя, девушка, я поначалу за паренька принял, не серчай уж. Такая ты... ну... такая. — Доверительно сообщил Меред их попутчик, заискивающе улыбаясь, — Но ты не переживай! И на тебя найдется купец. Видно, что крепкая, работу любишь.

Меред кисло искривила губы, натягивая улыбку на лицо с таким усилием, что Атеа стоило огромного труда не расхохотаться в голос. Перед внутренним взором живо предстала картина, как стриженная девушка в переднике одной рукой месит в огромной кадке тесто, во второй держит орущего младенца, а ногой еще елозит по полу мокрую тряпку, отмывая полы. Мужичонка между тем продолжал:

— А чегой-то третья ваша не разговаривает? Капюшоном закрылась, свету белому не показывается...

Атеа горестно вздохнула:

— Болеет она у нас, батюшка. Отродясь не говорила... Еще и косоглазенькая. Потому и прячется. Зато хорошая, добрая, ласковая! Мы, батюшка, перед отъездом всей деревней молились, чтоб и ее в руки хорошие отдать, чтоб нашелся человек с сердцем добрым. Мы с сестрицей все сделаем, чтоб наша младшенькая счастлива была! Правда, сестрица?

Мужичок повернулся к Меред, и девушка сдавленно кивнула, стараясь не смотреть на того. Впрочем, попутчик явно не заметил выражения ее лица. Потрепав по холке своего конька, он одобрительно фыркнул:

— Это правильно, так и надо. Хорошие вы девки, добрые, за семью стоите. Значит, тем более хорошо, что по пути нам — чтоб не попали в передрыгу какую, буду вас, несмышленных, охранять. Авось, и на свадьбу позовете! А коль кому-то из вас жениха не найдется — дык не расстраивайтесь: смело езжайте в Овражки, спросите Айлека. В нашей деревеньке меня каждая собака знает, а у меня сын. Холостой, между прочим. Вы все ладные... в принципе, — помедлив, добавил он, бросив короткий взгляд на Меред, — А в Овражках мы не привередливые. Кочевряжиться не будем!

— Ох, батюшка, спасибо — так успокоили! — воскликнула Атеа, прижимая ладонь к сердцу, — Теперь-то точно можем не волноваться! Если что — сразу же в Овражки.

Мужичок по имени Айлек важно закивал. Вид у него был такой, словно только что он по меньшей мере спас жизнь одной из них.

Разговор плавно сошел на нет, и Атеа наконец вздохнула с облегчением: за те несколько часов, что они провели в пути вместе с возницей, тот успел прожужжать им все уши. Айлек вез маленькую тележку, груженную кроличьими шкурками, куда-то в сторону соленого озера — Лебедь не помнила, как назывался городок на его берегах. Дорога была одна, а потому мужичок сразу же прибил к ним, нагнав их за версту от Лойнара. В общем-то, Атеа не слишком любила попутчиков, но этот ее откровенно забавлял.

Дабы не терять слишком много времени, от Келерии они отправили лошадей галопом — и Тэарга даже помогла им, потоком ветра сметая снег с тропы и тем самым помогая животным. Более того, ухаживала за ними именно ведьма: вечерами она подходила к каждой лошади, гладила мощную шею, круп, прижималась лбом к конскому лбу, а затем лезла в карман, вынимала по пригоршням какую-то траву и давала ее животному. К удивлению Атеа, после этого лошади сразу же засыпали, а утром готовы были пройти любые расстояния. По горам провести их было невозможно, поэтому отряд двигался вдоль кромки леса, и на стоянках ведьма то и дело разгребала руками снег, под которым неизменно оказывались островки пожухлой травы. От Келерии до Перевала Химер селений по пути им не попадалось, зато вчера они впервые заночевали под крышей и смогли накормить лошадей зерном. Атеа предполагала, что на Железном Тракте ситуация будет несколько лучше, и Тэарге не придется тратить свои силы, помогая всем им. Лебедю не хотелось становиться должницей эльфийки — даже после того, как Дамала и Тайиль заявили, что ей можно доверять.

Тэаргавар была молчалива и тиха — лишь иногда что-то рассказывала девушкам: легенды гор, короткие заметки о жизни и быте пещерных эльфов, истории о тех или иных травах. Ни Меред, ни Атеа не доверяли ей, но Дамала, зашедшая к ним за несколько часов до их отбытия из Гильдии, мрачно заявила, что ведьма идет с ними и будет им помогать. На попытку Атеа возразить Ласточка смерила ее таким взглядом, что девушка разом стушеввалась и смирилась со всем. По словам Наставницы, ведьма стояла на их стороне, и причин сомневаться в ней у них нет. Однако Меред все так же угрюмо косилась на колдунью и деревенела всякий раз, когда Тэарга обращалась к ней — пусть даже по пустякам. Атеа пока не совсем понимала, что думает по поводу самой эльфийки и их совместного путешествия, а потому приглядывалась к ней, решая, доверять ей или нет, и не отказывая себе в удовольствии поглумиться над ней — как сегодня, например.

Айлек щелкнул поводьями, когда старенький мерин вдруг взбрыкнул, словно бы заявляя о себе.

— Тихо, тихо, дурной! Будешь мне еще тут танцевать... — конь фыркнул, тряхнув пегой гривой, но послушался и норов показывать перестал, — Вы сами-то откуда будете, молодки? А то я не спрошу никак — может, бывал я в ваших краях, и батюшку вашего знаю?

— Это вряд ли, — Атеа приняла крайне задумчивый вид, — Селеньице наше у самой границы с Тавранией.

— Нет, не бывал там, — мужичок почесал затылок, заодно вновь надвинув на кустистые брови съехавшую лохматую шапку, — А называется как? Может, слышал хоть?

Помедлив, Атеа уверенно брякнула:

— Гнилицы, — и, подумав еще немного, добавила, — У нас там болота, знаете ли. Вот и прозвалось так селение наше.

— Ааа, — глубокомысленно протянул Айлек, серьезно кивая, — Гнилицы, Гнилицы... Нет, не припомню.

— Оно и не мудрено, батюшка — место тихое, на отшибе самом, живем тем, что Светлый пошлет, — девушка чуть откинулась назад в седле, мечтательно глядя куда-то вдаль. Настроение становилось все лучше и лучше, — Мы его привечаем, уважаем, знамо дело — молитвы поем по вечерам, на праздники самые лучшие наряды одеваем и самые лучшие хлеба ему подносим. У нас вон даже традиция есть — в первый день лета гниличане празднуют рождение Светлого. Все мужики по домам запираются и пьют брагу, приглашая Светлого в дом. Бабы детей забирают и уходят в дальние комнаты — им надобно день весь в молчании провести, не тревожа глав семей, — Меред бросила на нее испепеляющий взгляд, но Атеа уже разошлась, — А все девушки молодые отмываются в банях, распускают косы да выходят в лес в чем мать родила.

Мужичок, в этот момент припавший к фляге, поперхнулся и изумленно уставился на Атеа. Лебедь безмятежно продолжила:

— Считается, что если к какой из девок Светлый придет и благословит ее, всему ее роду счастье будет. Поэтому принято в лес уходить, там укромное местечко искать да наземь ложиться, ждать. Только вы же понимаете, батюшка, все молодки лгут — ой, лгут! Каждый год Светлый к нескольким приходит — то в образе кузнеца деревенского, то с ликом помощника конюха нашего. Он может в любом виде прийти, в каком захочет. И все наперебой о том рассказывают, я сама слыхала — мол, и к той пришел да благословил, и к той пришел да благословил, и к этой... — она обиженно надула губки, — Ко мне вон ни разу никто не пришел, а я уж так ждала! И наземь ложилась, и на коленях взывала-просила, в землю лбом уткнувшись — а не пришел.

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь тихим поскрипыванием колышущихся на ветру ветвей да шорохом снега под копытами. Меред потирала висок пальцами, прикрыв глаза, Тэарга, едущая позади них, молчала. Мужичонка, разом побледневший, слабым голосом поинтересовался:

— А как благословляет-то, девица?

Атеа бросила на него лукавый взгляд и тут же потупила глазки, скромно опуская голову:

— Да по-всякому, батюшка. Как ему захочется — так и благословляет. Мы всякой благодати рады.

— Какое славное у вас селение, — пробормотал Айлек, невидящим взором впиваясь в дорогу, — В первый день лета, говоришь?

Атеа быстро закивала, хлопая длинными ресницами и очаровательно улыбаясь, и возница, пробормотав себе что-то под нос, надолго примолк, размышляя о чем-то своем. Лебедь чувствовала, как внутри теплым искристым огоньком зарождается озорное веселье. Меред, отняв руку от лица, то и дело бросала на нее красноречивые взгляды, и Атеа скалилась ей в ответ, давая понять, что может и продолжить развивать тему. Впрочем, Айлек пока не торопился заводить беседу, а потому Птица полностью расслабилась, отпуская мысли лепестками по ветру.

Небо вновь затянули тучи, и на мир мягким одеялом с гор скатывались зимние сумерки, укрывая собой долины и лесные дебри. Остро пахло морозом, холодом, и Атеа вспомнила, как в детстве выходила зимними вечерами во двор, чтоб поглядеть, как с неба падают пушистые снежные хлопья, запутываясь в темных переплетениях ветвей. Тогда ночи были чернее воронова крыла, небо и укрытые черепицей крыши — слишком далеко, а она топталась в снегу, упрямо не желая возвращаться к теплоте камину, и все смотрела, смотрела, смотрела в холодную безмолвную высь. А потом ее кутали в шерстяные одеяла, и

добрая кухарка тайком приносила ей сласти, чтоб мать не прознала.

Много позже зимние сумерки не отставали от нее в Келерии, когда она тайком покидала келью и вместо того, чтоб корпеть над толстыми книгами, бродила по открытым галереям, перебиралась на выступы тренировочных площадок и слонялась там до самой ночи. Она всегда возвращалась замерзшая, озябшая — но, когда бы Атеа ни заявила в спальню, на столе возле кровати ее ждала высокая чашка горячего отвара. И внимательный взгляд Меред, следящей за ней, как следят верные псы. Лебедь никогда не брала ее с собой на такие прогулки, никогда не рассказывала, почему уходит — она сама того не понимала, а Меред и не спрашивала. Но верно ждала, пока Атеа не придет.

Нынешние сумерки принесли с собой ворох воспоминаний и запахов, которых здесь, на Тракте, попросту не могло быть. Она ощущала запах поленьев, мокрых березовых листьев и влажного дерева — так пахло в банях Птичьего Городка, сладковато-терпко, приятно. Она почти слышала треск огня в печи и веселые окрики добродушных женщин, служащих при обеденном зале, куда Птицы частенько заходили, если бывали в Городке. В звенящем воздухе ей чудилась мелодия скрипки, а в том, как ветер играл с поземкой, ей виделся летящий танец тонких девушек в белых льняных юбках, и их смех едва различимо звучал в ее ушах. Атеа усмехнулась ощущению, наслаждаясь им и растворяясь в нем — кто знает, когда еще доведется упомянуть это все.

Вдруг ее лошадь тоненько заржала, затанцевав на месте, а следом всхрапнула кобыла Тэарги. Атеа мгновенно очнулась, выходя из приятной полудремы. Возница попытался унять своего конька, который прыдал мохнатыми ушами и пятился назад, кося темным глазом. Все лошади разом взбеленились, явно не желая идти дальше по дороге, словно там было что-то, пугающее их. Или кто-то.

Меред быстро глянула на нее, и девушка, кивнув, распустила узелок Дара Хартанэ в груди, направив его во все стороны от себя, но прежде всего — вперед. В груди тревожно зазвенела тонкая струна, натягивающаяся все больше с каждым мгновением, и Атеа, решив больше не медлить, прыгнула с лошади, ухватывая ту за поводья и подводя ее к Тэарге.

— Держи зверей, не давай им вырваться, — отрывисто бросила она, передавая в руки ведьме поводья. Та кивнула, не проронив ни слова. Меред сделала то же самое, и они вдвоем, не обращая внимания на вопли недоумевающего Айлека, вышли вперед, обнажая Крылья.

— Девки, вы совсем сдурели, что ли? Куда лезете?! Мало ли, чего скотине привиделось, а вы и ножички свои уже повынимали, не смешите! Садитесь, да будем дальше ехать!.. Уже недолго до ночлега-то, чего стопорите?..

И тут он резко смолк, вглядываясь куда-то вдаль. Впереди маячила темная точка, что рывками приближалась к ним, медленно обретая контуры и очертания. Лошади храпели, пятились назад, но Тэаргавар удерживала их, не позволяя животным броситься в рассыпную. Струна в сердце звенела все громче, и Атеа уже почти ощущала присутствие темного существа.

— Что это за бесовщина... — только успел вымолвить возница, как вдруг его конек, которого била крупная дрожь, попытался вырваться из упряжи и удрать куда-нибудь подальше. Айлек с криком осадил его, но мерин не слушался, мотая тяжелой головой, испуганно ржал, и ноги его подгибались, словно двинуться с места он не мог. Тэарга, подъехавшая поближе, протянула тонкую руку к нему, и конек чуть притих, покорный воле ведьмы. Атеа услышала испуганный голос возницы:

— Да что же это происходит?.. — он притих на миг, пока еще темное пятно впереди не обрело четких контуров — но вскоре ни расстояния, ни снежная дымка, стелющаяся над землей, не смогла путникам помешать разглядеть того, кто шел к ним навстречу, — Светлый помощи, дикие!..

Возница сорвался на хриплый крик, и только рука Тэарги, удерживающая поводья, не дала ему опрометью кинуться прочь вместе со своей телегой. Атеа не обращала на возню позади никакого внимания — гораздо больше сейчас ее занимал дух, стремительно приближающийся к ним. Он был один — по крайней мере, присутствия других Лебедь не ощущала, да и в поле зрения никого не было. Сделав шаг вперед, она бросила короткий взгляд на Меред:

— Потанцуем, дорогая?

Меред резким движением головы отбросила со лба челку, становясь плечом к плечу с Атеа.

— Потанцуем.

Он стал почти что тенью, но за рваной темной дымкой, окутавшей его, Атеа различила черные глаза падальщика, что, не мигая, смотрели прямо на нее. Этот не мог наслать на них страшные мороки, заполнить их сознание свистящим шепотом — но менее опасным от того он не становился. Его движения сливались в одно, и если бы не Хартанэ, смотрящая на мир через Атеа, девушка вряд ли смогла бы увидеть его — и вряд ли смогла бы успеть. Но Шестикрылая была с ней, и на этот раз Лебедь не боялась.

Они с Меред двинулись одновременно, когда он оказался в нескольких прыжках от них. Меред ушла в сторону, стремясь оказаться поближе к нему и отвлечь на себя, а Атеа бросилась вперед, прикрывая горло левым Крылом и раскручивая в руке правое. Падальщики не отличались особым умом, а потому дух резко развернулся к Меред, кидаясь на нее, словно дикий зверь, и пытаясь добраться до нее острыми когтями. Девушка уклонялась, совершая короткие ответные атаки — но и дух отскакивал в самый последний момент, когда казалось, что железо вот-вот коснется его. Атеа видела все так, словно время всего мира замедлилось, а вместе с ним растянулись и движения дикого, до того казавшиеся невыносимо быстрыми. В тот самый момент, когда она уже занесла Крыло, дух обернулся к ней.

Его шаг оказался неуловимым, и Атеа крутанулась волчком, боковым зрением улавливая движение. Дикий попытался было броситься к вознице, в ужасе застывшем подле Тэарги, но ведьма, чьи губы были сжаты в напряженную линию, что-то зашептала, и вспышка огня высветила мир, на миг ослепив Атеа. Лошади тут же попытались вырваться, и ведьма вновь сконцентрировалась на них. Пламя погасло, и Птица поняла, что Тэаргавар не может помочь им — впрочем, даже этой короткой вспышки хватило. Дух взвыл, отпрыгивая в сторону и пятясь назад — ему обожгло лицо, и ровно на несколько секунд он замешкался, пытаясь оправиться. Но Лебедю и не нужно было больше времени.

Она ударила его со спины, чуть не упустив — в последний миг дух ощутил ее близость и попытался уйти из-под клинка. Железо вошло в его плоть с тихим свистом, и дух завопил, забившись в судороге, мягко оседая в снег. Его ненавидящие глаза прожигали Лебедя насквозь, и он все еще делал слабые попытки ударить ее когтистой серой рукой. За спиной что-то происходило, слышался свист стали, рассекающей воздух, и хриплое рычание. Медлить было нельзя. Девушка провернула лезвие Крыла, с отвращением глядя на темное существо, и тот, последний раз дернувшись, затих.

Атеа обернулась, чтоб увидеть, как Меред добывает еще одного падальщика, одним

точным движением вгоняя клинок меж острых, обтянутых тонкой кожей, ребер. Хрип, kloкочущий в его горле, застыл, и на мир опустилась такая тишь, что можно было различить, как ветер играет нежную колыбельную на крохотных иголочках инея. Атеа чутко слушала Дар Хартанэ, но тот улегся где-то у сердца, как и прежде, и Лебедь сделала вывод, что вокруг все чисто.

— Чувствуешь что-нибудь? — она взглянула на Меред. Та отрицательно качнула головой.

— Нет. Пока нет. Но, пожалуй, лучше поторопиться... Если здесь двое, то почему бы остальным не застать нас где-то на дороге ночью?

Отряхивая клинки, они направились к лошадям, сбившимся в кучку вокруг Тэарги и мелко дрожащим. Атеа забрала из ее рук поводья, и ведьма тихо молвила:

— Простите — я не смогла бы удерживать два потока одновременно. Лошади слишком испугались, а до того мне не приходилось контролировать сознание живых существ.

— Да ты не кори себя особо сильно, — отмахнулась от нее Атеа, преувеличенно легко пожимая плечами, — Ты итак помогла неплохо. Спасибо.

Мышцы, скованные напряжением, медленно отпускало, и Лебедь ощутила, как ритм сердца начинает нехотя выравниваться, становиться тише. Внутри все дрожало, а чувство было таким, словно все ее тело выкрутили да так и оставили на холоде, однако показывать это окружающим она не собиралась. Она взобралась на свою лошадь, которую все еще была нервная дрожь, и только тогда бросила взгляд на возницу. Айлек сидел, прижав к груди поводья — Тэарга уже выпустила их из рук, как только все закончилось, и во все глаза смотрел на них, оторопело моргая.

— Кто вы такие? — справившись с заплетающимся языком, мужчина все-таки сумел задать вопрос. Атеа обаятельно улыбнулась ему.

— Я же уже все рассказала тебе, батюшка. Давай-ка поживее пойдём — негоже нам в поле ночевать: мало ли, какая еще напасть там бродит. А ты видишь, мы слабые, страшно нам. Да и к тому же, — скосив взгляд в сторону, она свесилась с лошади и размашисто шлепнула по ягодице Меред, как раз ставшую на стремя, — Нам непотребства пора всякие творить, время-то позднее. Вот сейчас тебя проводим — и начнем.

Даже в сумерках девушка видела, как заалели щеки Меред. Вот богиня, всегда так: скажешь пакость какую — и так спокойно становится, так хорошо, словно бы и не было ничего. Айлек все так же тарасился на них, словно впервые увидел. Устроившись поудобнее в седле, Атеа вновь бросила на него взгляд:

— Ну так что, батюшка, с нами поедешь — али сам, своей дорогой?

— С вами, с вами, голубушка, — забормотал тот, кое-как удерживая в дрожащих руках поводья и старательно отводя взгляд.

Атеа, ни слова больше не говоря, тронула лошадь каблуками. Несмотря на то, что все закончилось, на душе было беспокойно — до города оставалось еще около двух верст, и кто знает, что ждало их на пути дальше. Пока что Дар Хартанэ молчал, но она не могла позволить себе расслабиться полностью. Ярис еще не взошла на самую высь, но дикие уже рыскали вокруг, поджидая путников, нападали на деревни, не обнесенные оборонительными стенами, и только боги видели, сколько их могло быть здесь. И с каждым днем тревога в сердце Атеа нарастала, хоть и никаких внешних признаков того она не подавала. Никто понятия не имел, сколько времени осталось до того, как Дикая Охота начнется, и Лебедь очень боялась, что они могут не успеть. Оставалось только, как и всегда, бороться со своими

страхами так, как стало привычно за долгие годы, и Атеа знала: уж в чем-чем, а в этом она преуспела.

Холодные звезды усыпали небо мелким крошевом сияющего стекла, когда на горизонте показался силуэт города. Теплый свет окошек призывно мерцал в темноте, и Атеа ощутила, как от сердца отлегает. Издалека слышалась едва различимая музыка, а это означало, что диких здесь нет, и что город не настигла судьба Серой Топи. Воспоминания о той полузаброшенной деревеньке до сих пор приходили к Птице кошмарными снами, от которых она бежала прочь со всех ног, но куда сбежать не сумела.

Ехали они в полном молчании, и встретивший их у городских ворот страж долго с сомнением оглядывал их. Впрочем, Атеа наплела ему с три короба вранья, примерно такого же, какого наплела Айлеку, и вскоре их впустили за стену. Возница тут же поспешил распрощаться с девушками, ретировавшись куда-то вместе со всей своей поклажей, и отряд неспешно побрел к городскому постоялому двору, откуда и долетала музыка.

— Зачем ты рассказывала старику весь этот бред? Какие еще Гнилицы, богиня? Какие обряды?..

Атеа, успевшая забыть о некоторых пикантных деталях своего рассказа, с полминуты соображала, о чем идет речь, а затем фыркнула:

— А что, надо было ему выложить историю нашей с тобой жизни? Чтоб он поплакал? Забудь, Меред — мы не увидим его больше никогда, и он нас, даст богиня, тоже. Вон, прислушайся лучше: кажется, в городе скоморохи — слышишь, какой гвалт из едальни? Пойдем скорее, может, там твои приятели детства. Помилуетесь.

И, провожаемая тяжелым взглядом подруги, Атеа направила лошадь напрямик к конюшням, ютившимся сбоку от постоялого двора. Из головы не шло странное чувство: Лебедь поняла, что впервые в жизни была готова к нападению, и сейчас смотрела на все произошедшее со стороны. Слово это было не с ней, а с кем-то другим, а она лишь холодно наблюдала за тем, как от ее руки умирают дикие. Лебедь знала — так бывает, когда привыкаешь к постоянным стычкам с духами. Разве что проблема была в том, что она еще не привыкла и не могла даже помыслить о том, что однажды привыкнет. На сердце почему-то стало тяжело. Впрочем, знать об этом не следовало никому.

===== Глава 41. Разбитый цветок =====

Молодые паренки в пестрых разномастных плащах перебрасывали друг другу шары из цветного стекла, умещавшиеся на ладони, и отблески пламени плясали на круглых полупрозрачных боках. Зеваки, обступившие невысокую сцену у камина плотным кольцом, всякий раз хором охали, когда один из шаров взлетал слишком высоко, по немислимой траектории отправляясь в руки другого жонглера — и всякий раз мальчишки умудрялись поймать хрупкую фигурку и не дать ей разбиться. Меред, с минуту наблюдавшая за ними, покачала головой: оба скомороха работали грубо, неряшливо, и допускали оплошности, которые могли привести к провалу номера. Впрочем, пока что судьба благоволила ребятам — да и толпа не разбиралась в таких тонкостях. Для людей все происходящее казалось детской ожившей сказкой, капелькой радости, и никто бы и слова не посмел сказать о том, что мальчишки халтурят — даже если бы и заметил то.

За стойкой, вытянувшейся вдоль одной из стен, расположилась пестрая компания артистов, наблюдающих за своими товарищами и тихонько переговаривающихся меж собой. Музыканты — невысокая полная женщина с флейтой и мальчишка с рыжими вихрами, брэнчащий на лютне в такт, — сидели поближе к сцене, и городские жители, собравшиеся

здесь, пританцовывали, наблюдая за выступлением жонглеров. В зале негде было и стать — народу собралось действительно много, и Меред, неловко продираясь через толпу за золотой косой Атеа, чувствовала себя не в своем гнезде. Атеа же, напротив, легко лавировала меж людьми, изящно обходя их и рассыпаясь в извинениях, если случайно задевала кого-то, и раздобревшие от присутствия скоморохов люди таяли от одной ее улыбки, пропуская ее к хозяину едальни. На Тэаргу, шедшую за ними, Меред даже не оглядывалась — ведьма могла быть совсем незаметной, когда хотела.

Когда они наконец добрались до стойки, жонглеры уже размахисто кланялись людям, щедро разбрасывая улыбки и золото веселого смеха. Мальчишкам, судя по всему, еще не было двадцати, а потому они грелись в лучах этой минутной славы с искренней восторженностью детей. Меред знала это чувство — оно было сладким, смеющимся и до того приятным, что после выступлений ей порой и вовсе не хотелось спать, и только старшие Ранлу или Энья могли загнать ее в фургон. Старый Агар тогда лишь усмехался, щуря хитрые ясные синие глаза, и говорил — пусть играет. Пускай поет, играет, пускай делает все, что ей заблагорассудится — только пускай остается живой. Тогда она еще не понимала, что имеет в виду наставник — а вот сейчас, глядя на этих двух парней в цветных плащах, поняла.

Играйте, дети холмов и дорог. Будьте всегда легки и светлы, несите людям радость — что еще вам, бездомным, остается?

Атеа, перегнувшись через стойку, о чем-то беседовала с хозяином постоянного двора, но в здешнем шуме разобрать слов Меред все равно не могла. Мимо них ужом юркнул седовласый мужчина в синем кафтане с широкими рукавами, и Птица заинтересованно проводила его взглядом: синий был цветом сказителей. И точно — человек легким прыжком взобрался на сцену, и в общий гвалт вплелся одобрителный свист и радостные окрики.

— Сказание о походе короля Эндара!

— Троллева царевна!..

— «Море забрало их»!

Мужчина широким жестом призвал толпу к молчанию, поднимая руки и разводя их в стороны, и васильковая ткань мягкими волнами заструилась по воздуху. Люди затихли, и Меред ощутила их молчание почти что на вкус: они ждали чудо, маленькую сказку, и взрослые сердца трепетали от предвкушения, дрожа в едином ритме и наполнившись единой мольбой. Человек оглядел зрителей, почему-то задержав взгляд на Птице, а затем загадочно улыбнулся, чуть склонив голову набок.

— Как много знакомых названий я слышу — стало быть, здешние люди чтят свое прошлое, — народ вновь одобрително загудел, и на этот раз сказитель не стал их останавливать. Дождавшись тишины, он деланно нахмурил широкие брови, подпирая рукой щеку, — И я даже не знаю, должен ли предлагать вам новую историю...

— Отчего же и нет? — выкрикнула какая-то молоденькая девчушка, и люди поддержали ее: мол, всем известные сказания они и сами сбаять могли, а коли уж есть неизвестная никому легенда, то лучше ее пускай менестрель расскажет. Мужчина покивал головой, щуря ясные хитроватые глаза, а затем вздохнул:

— Ну что ж, коль вы и впрямь хотите услышать... — он неуловимым движением достал из-за пазухи перевязь крохотных узких, словно трубочки, колокольчиков и вытянул ее так, чтоб все смогли разглядеть. Выражение его лица стало задумчивым, почти что печальным, — Никто и не знает, что это — новая байка, родившаяся на рассвете нового дня, или забытая всеми быль, которую теперь никто и не упомнит. Эту сказку напел мне ветер,

когда я прогуливался по стеклянным садам забытого эльфийского города Эредана. Лишь туман нынче бродит по белокаменным дорожкам среди полуразрушенных беседок из фигурного стекла и сонных, навеки уснувших деревьев. Там я блуждал в одиночестве, и печаль покинутой земли текла по моим венам, смешиваясь с моей кровью. Сумерки ступали следом за мной, и последние лучи солнца танцевали внутри цветных стеклянных колонн, расцветивая дорогу под моими ногами. Тогда была осень... Птицы летели прочь, за моря — я слышал их хриплый клекот в вышине, и тоска заполнила все мое сердце. Но в том безмолвии я вдруг услышал тихий-тихий, едва различимый звук. Вот этот, — во второй его руке, выскользнув из рукава, появилась тонкая металлическая палочка с узорной резьбой на полых боках, и сказитель легонько тронул ею один из колокольчиков. Тихий нежный перезвон разнесся по залу, и Меред невольно пригляделась повнимательней к перевязи: простая скоморошья безделушка не могла издавать такой звук — молодая женщина хорошо знала, как поют колокольцы бродячих артистов. Неужто и впрямь эльфийская? Мужчина между тем продолжил, — Музыка ветра. Раньше, еще до того, как люди научились строить города и корабли, эльфы уже творили такие колокольчики и развешивали их в своих садах, поднося их песнь в дар небу. Ветви деревьев были украшены перевязями, и волшебная музыка лилась из каждого уголка заповедных эльфийских земель. Говорят, в Аларисе, что за лесами и горами, до сих пор звучат эти напевы — но вряд ли люди услышат их вновь... Быть может, только в покинутом, опустевшем Эредане — да еще здесь, в этом зале. Мы с вами счастливы, любезные мои друзья.

Он тонко улыбнулся, прикрывая глаза, а Меред про себя восхитилась: сказитель отлично играл. Невозможно было усомниться в его искренности, невозможно было отвести глаз от дивных хрупких колокольцев, на чьих длинных боках танцевал свет. И Птице вдруг стало очень интересно, что же расскажет менестрель. Судя по всему, сказание будет эльфийское — но не «Море забрало их», и наверняка не «Королева Осени», и не «Песнь о Леаре-Незабудке». Что же тогда?

В тишине тихонько пела лютня, наигрывая дивную мелодию — не печальную, но пронизывающую до самых глубин. Собравшаяся толпа молчала, и в блеске их глаз Меред видела почти детскую жажду чуда. Менестрель вновь тронул колокольчики — на этот раз тонкими длинными пальцами, и те отозвались нежной песней, сплетающейся с перезвонном струн.

— Я взял их с собой, но ночь настигла меня прямо на руинах Эредана, и мне пришлось заночевать там, в тиши древнего города, — продолжал мужчина, глядя в пространство перед собой. Если бы Меред не знала, как учат скоморохов, то точно поверила бы, что он вспоминает, — И был у меня сон — из тех, что и не сны вовсе. Память Эредана — вот что это было! — он вытянул руку, удивительно изящную, и отблеск колокольчиков лег в его ладонь так, словно он поймал свет, — Эредан рассказал мне то, что расскажу вам сейчас я.

Казалось, и свет в зале померк, будто кто-то чуть притушил огонь в очаге. Меред бросила взгляд в сторону огня и увидела, что два паренька-жонглера затянули камин черной плотной тканью, и сквозь нее пламя едва-едва видно. Но по потолку танцевали крохотные пятнышки света, и люди в толпе, заметившие это, восхищенно охали и негромко переговаривались друг с другом, указывая вверх. Меред невольно улыбнулась: она очень любила такие фонарики. В их сплошных граненых боках прорезали маленькие отверстия, силуэты сказочных существ, пейзажей, а внутрь ставили свечу. Скоморохи медленно крутили фонарики в руках, и тень играла со светом на стенах, создавая перед глазами смотрящих

сказку. Сейчас все в зале видели звезды, волшебным образом вдруг оказавшиеся в тесной комнатухе. Мужчина смотрел на зрителей, и глаза его отсвечивали лазурью.

— Сколько зим нашему миру, сколько веков он прожил? Никто уже и не упомнит. Однако с самого рождения земли, с самого первого нашего вздоха на нас глядят звезды. Их очи холодны, и сумрачный свет их сердец серебрит облака, чертит сияющие дорожки на воде, застывает в каплях росы... — музыка стала тише, а голос сказителя — мягче, — Колокольчики напели мне странный сон, друзья мои. Я видел небо — черное, выкрашенное углем и сапфировыми тенями, и все это небо было усыпано драгоценными цветами. Цветами из стекла, из самоцветных камней, из серебра. Их острые лепестки напоминали лучи звезд, — менестрель усмехнулся краешком рта, не глядя ни на кого в зале, — И я бродил по небесному полю, вдоль облачных тонких троп, что проседали под моей ногой, словно мягкий пружинистый мох. Много я видел прекрасных цветов в той долине, касался их — и не мог сорвать. Я тянул к ним руки, но их острые холодные шипы искололи мне в кровь пальцы, а от каждого моего прикосновения лепестки их лопались. И им не было ни конца, ни края! Обернувшись, я увидел за своей спиной бесконечный простор, полнящийся осколками, и каждый из них сиял. «Это звезды!», подумал я, оглядываясь по сторонам. С земли мы видим их крохотными искорками, и никто не знает, что на самом деле небо усыпано драгоценным крошевом. И в тот миг, когда я понял эту истину, сердце мое заплакало — неужели я собственноручно уничтожил стеклянные цветы, превратив все в осколки? Но тут впереди забрезжил свет, и я, преисполненный печали, пошел туда, где все ярче разгоралось дивное серебряное зарево. Ночь расступилась, и я вышел на небесный луг, где на мягком облаке восседала юная девушка. Серебро ее волос лунными нитями спадало с кромки белоснежных туч и проливалось на землю сиянием, в глазах, безбрежных, словно синее море, плескалась волнами печаль, какую мне вовеки не дано ни понять, ни даже вообразить! А в белых своих тонких руках она держала последний уцелевший цветок.

В тишине, повисшей в зале и заполненной лишь тихим напевом струн, невесомо прошелестело:

— Ложь.

Никто, кроме нее, не услышал брошенного слова — внимание толпы целиком и полностью принадлежало седовласому мужчине. Меред повернула голову: Тэарга сидела на высоком стуле рядом с Птицей, сложив узкие ладони на коленях, и лица ее по-прежнему не было видно. Меред нахмурилась — неужели ведьма знала эту историю? Сама девушка слышала ее впервые, хоть и немало проходила со скоморохами...

— Я подошел к ней, — сказитель чуть наклонился вперед, и колокольчики в его руках запели, замерцали волшебным серебром, — И, робея, все же обратился к ней. «В садах и городах моей земли...», молвил я, «...есть множество прекрасных цветов, что распускаются с приходом ночи, но ни один из них не смог бы стать равным тебе, ибо никогда я не видел такой красоты. И никогда — такой печали». Прекрасная незнакомка подняла на меня взгляд, и голос ее, наполненный соловьиными песнями и шепотами осенних ручьев, коснулся, казалось, моего сердца. «Ты, чужестранец, принес печаль в мой край. Твои неловкие, злые руки разрушили все, что я вырастила здесь. Остался лишь один, и нет для меня цветка дороже. Уходи скорее из моего дома, возвращайся в сады своей земли — мою же оставь мне и дай мне оплакать то, что никогда больше не расцветет. Уходи», — менестрель низко опустил голову, и голос его дрогнул, надломился, — Я проснулся в предрассветной тиши Эредана, опустошенный, в слезах. Горечь заполнила мою грудь, как отравленное вино

наполняет кубок, и я молил небо простить меня — и весь род человеческий, за то, что мы, быть может, однажды и сделали. И не было конца и края моей тоски. Усталый, подавленный, я шел прочь из Эредана, и последние утренние звезды угасали в вышине надо мной — лишь луна провожала меня, и я понял, что она — последний цветок на небесном поле. Я ушел из эльфийского города и больше никогда не возвращался туда — однако унес с собой память, — он вновь коснулся колокольчиков, и те ответили нежным звоном. Менестрель окинул толпу задумчивым взглядом, опуская руку за пазуху, и медленно вытащил оттуда длинный, похожий на лепесток, осколок стекла. Блики света плясали в нем, касались его сверкающих граней, переливаясь всеми цветами радуги, и толпа стройно охнула. Мужчина улыбнулся, — И много позже нашел это в своем кармане. Осколок звезды из небесного сада прекрасной царевны теперь напоминает мне о том, как хрупка красота, и как неловки человеческие руки, способные самым легким касанием навеки разрушить ее. Берегите это знание, друзья мои. Берегите его. Нет! — он вскинул руку, когда кто-то из зала начал хлопать, а затем медленно прижал палец к губам, — Сохраните тишь до того, как звезды над нами не потухнут. Почтите вместе со мной эту память.

Вымолвив это, сказитель прижал кулак с осколком стекла к груди и опустил голову. Затихла музыка, и танец пятнышек света на потолке замер, а затем и сами пятнышки исчезли, медленно растворившись в темноте. Мальчишки-жонглеры плавно убрали ткань, и зал вновь заполнился светом и — в тот же миг — радостными криками, громкими хлопками и свистом. Люди смотрели на него, как дети смотрят на волшебников, и некоторые девушки украдкой утирали рукавами глаза. Синеглазый менестрель улыбался им, раскинув руки, и кланялся — но с таким достоинством, словно сам был королем. Меред хлопала вместе со всеми — все же она могла оценить искусство мастера.

— Да-а, — протянула Атеа, облокачиваясь на стойку и восхищенно покачивая головой. Музыканты уже затянули веселую плясовую, и народ начал пританцовывать, разбиваясь на пары, — Давненько я не слышала такой ладной сказки. Меред, вот почему ты мне такое не рассказывала? — она деланно надула губки, как и всегда, и Птица лишь развела руками.

— Я не знала этой легенды — мой наставник не рассказывал мне ее... Хотя многие эльфийские байки мне знакомы — и эту точно упомянула бы...

Тэаргавар, тенью соскользнув со стула, тихо молвила:

— Твой наставник был мудрым человеком и не боялся того, чего никогда не было. Такой легенды нет. Есть иная, и любой эльф из любого племени мог бы рассказать ее вам — кого бы вы ни спросили.

— Небось, и ты можешь? — Атеа чуть сощурилась, плавно скрещивая руки на груди. Тэаргавар утвердительно кивнула. Узкие ее руки по-прежнему прятались в белых рукавах. Лебедь хмыкнула, а затем в своей манере взяла ведьму под локоть и церемонно повела ее к лестницам, ведущим в комнаты, — Вот и славно. Зимой рассвета ждать долго. Не откажешься потешить нас сказкой на ночь?

Меред, поспешившая за ними, не видела лица ведьмы и не слышала, ответила ли та что-то — но почему-то не сомневалась: Тэарга расскажет. Эльфийская ведьма знала на удивление много легенд и былей, и всякий раз, когда она начинала что-то говорить, это оказывалось своевременным, словно женщина давала им маленькую подсказку для великой загадки, один из тысячи ключиков, который отмыкал лишь один замок из сотен — и нужно было его найти. Меред постоянно колебалась — с одной стороны, создавалось ощущение, что эльфийка все время держала их на ниточках, словно тряпичных кукол-марионеток, и это

не нравилось Птице, но с другой стороны, почему-то ей казалось, что в загадках Тэаргавар нет зла. И внутри каждый раз радостно екало, когда вдруг Меред сплетала все ниточки разом и начинала видеть единую полную картину. Впрочем, со временем выяснялось, что полученное — лишь крохотная часть чего-то еще более великого, что пока что Птица не могла ни охватить внутренним взором, ни понять сердцем.

В комнате Атеа сразу же плюхнулась на одну из трех узких кроватей, не потрудившись даже плащ скинуть. Меред поискала глазами свечу и уже двинулась было к невысокой табуретке, на которой стояла плошка с толстым огарком, когда Лебедь окликнула ее:

— Постой, дорогая. Сказки должно рассказывать в темноте — не так ли, госпожа Знающая? — последние слова растянули ее губы в ухмылке.

В сумрачном серебряном свете, льющемся сквозь стекло с улицы, Меред видела лишь очертания ведьмы — контуры ее плеч, скрытых серой тканью, тоненькую полосочку света поверх ее плаща, и легкую, практически незаметную, белую прядь, спускающуюся из-под капюшона на грудь. Тэаргавар, не глядя ни на Атеа, ни на Меред, медленно направилась к окну, и Птица увидела ее тонкую руку, вскинутую вверх и высвеченную лазурью. Невольно Меред опустила взгляд на свою ладонь — широкую, мозолистую, грубую даже на вид, иссеченную линиями так, словно девушка пережила уже добрую сотню зим. И как вы такие рождаетесь — легкие, изящные, хрупкие? Впрочем, на ум сразу же пришли Аллэи и Даэн, которых легкими назвать было никак нельзя.

— Так, — молвила Тэарга, вырывая Меред из глупых мыслей, — Некоторые сказки сумрачные — это ты верно подметила, Птица Атеа, — ведьма присела на подоконник, в профиль к девушкам. Все ее движения были плавными, неуловимыми — она словно скользила сквозь воздух, Меред замечала это уже не первый раз. Помолчав немного, эльфийка чуть склонила голову, и белые нити ее волос колыхнулись, едва заметные в темноте. Тэарга изящно шевельнула пальцами в сторону свечи, и на фитиле ярко полыхнул язычок пламени, разгоняя тьму по углам, — Но наша легенда — не сказка. Это — наше сокровище, утерянное давным-давно.

Меред, присевшая рядом с Атеа, успела заметить, как иронично дернулась бровь Лебеда.

— Раньше, гласит эта легенда, племена эльфов были едины. Они умели говорить с ветрами, почитали друг друга на равных, жили одной семьей на далекой, благодатной земле. Единый язык, единые песни, города с застывшей вечностью, юные дети, видевшие рождение мира... Среди них был один, — краешек губ ведьмы чуть приподнялся, — Великий мастер, умевший создавать дивные вещи из камня и стекла. Грубый кристалл он мог обработать так искусно, что тот казался прозрачным живым цветком, распустившимся в ладонях эльфа. Его знали даже за пределами родного края, и слух о нем разошелся по всем сторонам света. И однажды — так говорила легенда — боги даровали ему удивительной красоты камень. Никто и не ведал, что это был за кристалл; рассказывали, что небесные властители взяли сердце звезды и отдали его эльфу-мастеру. Тот долго не приступал к работе, все думал, что же выточить из камня, пока наконец не увидел сон... История умалчивает, о чем было его видение, однако следующей же ночью мастер принялся обрабатывать камень. Он работал двенадцать дней, заплетая в грани солнечный свет, и вскоре миру явился невиданный цветок, — она отвернулась, и теперь Меред могла видеть лишь ее силуэт, укутанный в серую тяжелую ткань, — Цветок о сотне лепестках. Солнце, пойманное в грани, радуги, капли росы — в нем переливался и сиял свет. Всякое существо с чистым сердцем могло прийти к

эльфу и поглядеть на дивный цветок, даже дотронуться до него. И все бы хорошо, если бы о том не прознал подземный змей, древнее зло, спящее в забытых норах. Он выбрался из своих пещер и устремился за горы и леса, чтоб добраться до мастера и забрать драгоценное сокровище. По пятам за ним шла смерть, войны и болезни, разрушения, и черная ночь легла на землю...

— Это легенда об Изломе? — нахмурилась Атеа, перебивая ведьму. Меред тоже насторожилась: за легендами обычно стояло что-то большее, нежели красивая сказка, а слишком многое в рассказе Тэарги указывало на Дикую Охоту. Змей мог быть и прикрытием для темных духов.

— Нет, — ведьма даже головы к ним не повернула, — Тот край не знал Изломов — было что-то иное. Схожее — но не Излом. Впрочем, никто и не знает ныне о том.

— Ладно, — задумчиво протянула Атеа, — И что было дальше?

— Дальше — змей явился к эльфу и потребовал, чтобы тот отдал ему кристалл. Но мастер отказался, и змей напал на него, обрушив всю свою мощь, весь подземный ужас на него. Из глаз его текла мгла и пламя, прожигаящее насквозь камни и землю, и весь мир содрогался в агонии. Эльф сражался с ним — сталью, ворожкой, силой, однако все было бессмысленно. И когда казалось, что змей вот-вот победит, мастер вдруг вынул цветок, спрятанный у сердца, смеясь, словно ребенок, разгадавший сложную загадку. Сияние заполонило весь мир, и подземный змей закричал — свет ослепил его, и глаза его закрылись навеки. Израненный, он уполз обратно в свои норы, поклявшись однажды вернуться и отомстить, а цветок в руках мастера вдруг раскололся. Великое сокровище эльфийского народа превратилось в осколки.

Голос ее постепенно стих, схлынул шелестом волн у подножий скал, и Меред запоздало поняла, что ждет продолжения.

— И-и? — многозначительно спросила Атеа, наклоняясь вперед и внимательно разглядывая Тэаргу. Ведьма пожала плечами:

— И все. Эти осколки были признаны защитой нашей земли, а потому мастер раздал их светлым князьям, чтобы те увезли их в свои города. Однако часть эльфов прокляла его — он создал сокровище, накликавшее беду на их дом. Они отказались от дара мастера и ушли, покинув свои родные земли в поисках иного края, — она помолчала, как-то долго и тяжело вздыхая, — Ушли за моря, за океаны, за высокое небо, за звезды... Я не знаю, куда мы ушли — и откуда. Знаю лишь одно: этим мы обрекли себя, согласившись на смертную жизнь. И, возможно, навсегда лишились того дара богов, что мог бы сейчас помочь нам.

— Постой, — Меред нахмурилась, медленно поднимаясь с лежанки, — Постой-постой... А что за осколок был в руке у того сказителя?..

На одну минуту ей показалось, что где-то там прячется истина — в груди разлилось обжигающее тепло, так похожее на волнение, и почему-то хотелось подпрыгивать на месте. Неужели эльфийская легенда была правдой? Но Тэарга лишь покачала головой:

— Стекло. Он держал в своих руках простую безделушку. Цветок мастера не спутаешь ни с чем, ни с каким драгоценным камнем — ибо такого камня вы никогда не видели.

Атеа, что-то обдумывающая в это время, чуть сощурилась, глядя на ведьму:

— Получается, что все нынешние эльфы Бар-эс-Тиллада — потомки тех, о ком ты рассказывала? Откуда они родом? Где их дом?

— Знающие думают так, — эльфийка чуть повернула к ним голову — ровно настолько, чтоб они могли видеть ее губы, изогнувшиеся в горькой улыбке, — А где наша родная земля

— не знает никто. «За морями, за океанами, за высоким небом, за звездными воротами...», — она вновь вздохнула — почти незаметно, — Память наша разбилась на осколки, как тот самый цветок. Горе тому народу, который забыл свою историю; горе тем, кто не помнит своей земли и звука своей речи. Мы отреклись от вечности, рассорились меж собой, изменили свой язык... Морские наши братья ушли в пучины вместе со своими городами и ныне спят там. С другими нас связывают долгие войны и взаимная ненависть, хотя раньше мы были повязаны кровью наших предков. Все забылось, и теперь эта история кажется всем нам легендой, волшебной сказкой, что на самом деле не про нас. Все мы знаем ее, впитываем с материнским молоком каждый образ и каждое слово тех песен, что еще остались нам от той земли — но и их постепенно забудут. Если уже не забыли. Останутся лишь сказки. Не драгоценные камни, а всего-навсего стекло.

— Тем не менее, вы свободно общаетесь с нами, — как бы невзначай заметила Атеа, — В Лореотте вы говорите на общем языке, и чистый эльфийский я слышала от силы пару раз. О каком изменении тогда может идти речь, госпожа Знающая?

Меред в который раз восхитилась тем, как умело Атеа выхватывает из разговора тонкие ниточки, на которые другие и внимания бы не обратили. Лебедь всегда подмечала какие-то незначительные, на первый взгляд, моменты и расставляла ловушки именно там, где надо. Правда, сейчас Меред не совсем понимала, что на самом деле движет ею — недоверие к Тэарге и ее словам или же простое любопытство и стремление отыскать истину.

— Ваша культура удивительна, — ответила Тэарга, буквально соскальзывая с подоконника и выпрямляясь. Складки ее одежды колыхнулись так, словно она двигалась в воде, и отяжелевшая ткань напиталась влагой, — Она поглощает все, что хоть на миг коснулось ее. Мы не могли жить в изоляции — нам пришлось налаживать диалог со смертными, и ваш быт медленно врос в нас. На наших землях раньше не было границ — вы же их строили; пришлось и нам закрываться от вас, чтобы сосуществовать с вами. Вы создавали систему, и мы, как ее часть, не могли обособиться от нее. На нас влияло все: ваша речь, которую нам пришлось изучать, чтобы торговать с вами; особенности ваших ремесел, которые нам пришлось осваивать; ваш взгляд на мир и на явления в нем. Мы отдавали вам свои знания и умения, и вы охотно принимали их, в скором времени забывая об этом. Впрочем, это естественно — любое знание устаревает, ибо информация — это река, и мир — та же река. Знание не статично. Вы не могли заикнуться на том, что эльфы отдали вам. Здесь нет вины смертных — таковы законы жизни.

— Еще бы вы попробовали приписать нам вину за свои глупости, — фыркнула Атеа, скреживая руки на груди, — Не надо было вашим прабабкам искать лучшей судьбы. Тогда и проблем бы никаких не возникало!

— Полотно плетет себя само, — отозвалась Тэаргавар, и Меред вскинула на нее глаза: от ведьмы веяло спокойствием и миром. Слова Атеа никак ее не задели, — Как ему хочется, так и плетет. Оно повело нить так, и никто бы не сумел этому воспротивиться. Боги много взяли с нас, запросив непомерно дорогую цену — однако и дали нам не мало. Смертным дарована жизнь со всеми ее красками, оттенками, радостями и печалью. Бессмертные застывают во времени и медленно каменеют, пока все их чувства не обращаются пеплом у их же ног, — эльфийка отвернулась от них, вытягивая руку на свет и оглядывая ее, — Я благодарна за этот дар и за это тело, которому дарован страх смерти. Я боюсь не успеть... не успеть очень многого — а значит, у меня есть смысл идти вперед и бороться, сражаясь за каждую крупицу времени. Значит, мне нельзя останавливаться и становиться камнем.

Последнее она вымолвила очень тихо, и Меред почудилось, что за ее словами что-то прячется, что говорит она о чем-то, что было им невдомек. Ведьма стояла к ним спиной, недвижимая и тихая, словно статуя, а где-то внизу пела свирель, и ныне это казалось лишним. Атеа вновь подала голос — на этот раз ни нотки ехидства в нем не было.

— Ты же говорила, что вы заплатили бессмертием за это... Я так поняла, что ты бы хотела вернуть себе вечную жизнь, отсутствие морщин навсегда, все такое — а сейчас говоришь о том, что благодарна за смерть?

— Да, — ответила ведьма. По голосу Меред поняла, что она улыбается.

— Ммм... Я не совсем понимаю, — пробормотала Лебедь, сдвинув брови к переносице, и Тэарга мягко оборвала ее:

— Когда-то мы знали вечную жизнь — и не ценили ее, замирая и с каждым веком обрастая камнем. Мы стали утесами, замшелыми и древними, холодными, не-живыми. Мы начали существовать. Теперь же мы знаем смерть и быстротечность времени, и это учит нас ценить то, что нам отмерено, и стремиться вернуть утраченное. Ничто бывшее не возвращается в прежней форме — оно обретает новую, более совершенную. Мы хотим вернуть себе вечность — однако живую, яркую и настоящую, пластичную, светлую. Такую, какой она была в самом начале пути... Я хочу.

В наступившей тишине чуть слышно раздавался шелест дыхания, да долетал гомон из нижних залов, приглушенный толстыми стенами и полами. Птицы смотрели на ведьму — а та даже не оборачивалась на них, словно их здесь и не было, словно она говорила сама с собой.

— Хм. Ну, коль хочешь — делай, — Атеа быстро пожала плечами, как-то сворачивая тему и переводя ее в какое-то иное русло — слишком простое, слишком незначительное. Меред показалось, что ее слово стало острым камнем, разбившим хрупкий цветок тишины. И сейчас — впервые за всю жизнь — девушка по-настоящему ощутила, что ей стало обидно. Лебедь же, ни на кого не обращая внимания, широко зевнула, — Ладно, девицы, давайте-ка спать. Заболтались итак уже. А ты, — ее взгляд вновь метнулся к ведьме, изучающий и внимательный, — Возможно, не такая уж ты и... подозрительная.

— Да. Возможно, — в тон ответила ей эльфийка, опираясь руками на остов окна. Больше она не проронила ни слова.

Меред долго ворочалась на неудобном матрасе, пытаясь уснуть — и всякий раз, открывая глаза, она видела Тэаргу, все так же неподвижно стоящую у окна. Атеа видела уже десятый сон, мирно посапывая в подушку, а Меред все смотрела на эльфийку и все думала о том, что та рассказала. Нынче был странный вечер, не похожий на все предыдущие, будто что-то переменялось в воздухе — или же в самой Птице. Девушка по-прежнему не знала, доверять ли Знающей, по-прежнему не имела понятия, почему та идет за ними, однако что-то сейчас стало яснее, вырисовалось из перепутанных линий, и теперь Меред поняла, что не боится ведьму. Не верит ей, остерегается ее, сторонится — но страха не чувствует.

Внезапно веки ее отяжелели, налились свинцом, а сознание начало проваливаться в мягкий, словно пуховое одеяло, сон. Последним, что она увидела, было легкое движение мягких рук, сбрасывающих с головы серый тяжелый капюшон, и белые, как снег, пряди волос, волнами рассыпающиеся по тонким плечам. А затем весь мир поглотила длинная зимняя ночь.

===== Глава 42. Синичка в руке =====

В воздухе вилась ночь, и снег, и тишина. Вьюга мела широким белым подолом по

полям, и потоки ветра сшибались крыльями прозрачных невесомых птиц и так же расходились в стороны, касаясь ледяными перьями обветренных щек. Дорога впереди лежала меж изгибов невысоких холмов, уходила в низину, почти заметенная снегами, и лишь какое-то странное чутье не давало Даэн сойти с едва различимой тропы.

Над ладонью Мары, ехавшей впереди, горел огонь. Даже не огонь — бледно-золотой клубочек яркого света, танцующий прямо у кончиков ее пальцев. Ведьма подняла руку так, чтоб сияние разгоняло мглу хотя бы на пару саженей вокруг, и если сначала Даэн противилась ее решению разжечь огонек, то сейчас понимала: с ним и впрямь было как-то надежнее, легче. Мрак не мог войти за невидимую черту, не мог голодно лизнуть их пятки, словно дикий зверь, не мог опуститься на плечи тяжелым плащом страха. И все аргументы Коршуна как-то сами сошли на нет, и теперь женщина искренне радовалась тому, что они не двигались в заполненной снежными вихрями темноте.

Впрочем, в глазах все равно рябило, и расцелованные холодом щеки жгло нещадно. Даэн не обращала бы на это никакого внимания, если бы не беспокойство за Мару — тавранка понятия не имела, как переживает мороз ведьма. Хотя женщина не выглядела измученной и замерзшей, держалась в седле ровно, а неприятное чувство легкой тревоги все равно никуда не девалось.

Впереди в колыбели холмов лежала узкая россыпь звезд, тусклая и едва различимая за снежной рябью. Часть из них шла рядком чуть выше остальных, другие же ютились внизу, расплываясь прямо по земле, и Даэн ощутила, как сердцу становится легче и радостней: они добрались до Трегорья и форпоста на границе с Эллоином. Они наконец свернут с Железного Тракта.

Им понадобилось девять дней для того, чтоб добраться от Лореотта до Трегорья, и, при хорошем раскладе, около шести-семи дней уйдет на путь к столице Эллоина. Даэн не знала, насколько хороши эти показатели — с одной стороны, она планировала уложить дорогу по Тракту в две недели, и ныне ее все устраивало. С другой же, неопределенность по-прежнему тревожила Птицу, и ей оставалось лишь сжимать покрепче зубы да гадать, когда же стрела сорвется с тетивы. Предсказывать что-либо о том, когда Охота начнет свою жатву, она не могла. Мара — тоже, но ведьма почему-то оставалась спокойной и тихой, словно для нее Бессмертный отмерил время, и она о том знала. Даэн дивилась этому едва ли не безразличию ко всем внешним событиям, но на все ее вопросы ведьма лишь улыбалась и отвечала, что все в руках пустоты, и Коршуну приходилось верить ей на слово. Спустя какое-то время она и сама с удивлением поняла, что темные мысли о мире на пороге беды отступили куда-то на второй план, и теперь она не просыпалась смурная, как раньше. Сейчас они и впрямь не могли ничего изменить, и для начала им должно было выполнить свою работу, а уж потом бросаться в омут с головой. Не торопись, Птица. Одна мелодия — один танец. Иначе ничего не получится.

В город они должны были войти в предрассветный час, и Даэн зябко ежилась — утро всегда было самым холодным временем суток. Хотелось горячей еды, но едва ли они могли надеяться на то, что в такую рань кто-то пустит их на постоянный двор. Впрочем, в любом случае женщинам нужно было оставить лошадей в местной конюшне, и вероятность того, что за пару монет их накормят, все же была. Вообще в последнее время Коршун изредка ловила себя на мыслях о том, что ей хочется остепениться, хочется дома и уюта, и что ей опостытели дороги и холод, тяжесть Крыльев и тяжесть жизней, что лежали на ее плечах — и тут же гнала их от себя. Эти мысли напоминали чужой змеиный шепот, отравляющий ее и

заставляющий лениться, усыпляющий, неправильный... Будто бы она была крохотным зверьком, пойманном в когти снежной бури, и теперь снег заметал ее, внушая мнимый покой и тишину — но лишь для того, чтоб убить ее, как только она остановится и закроет глаза. А значит, оставлять все сейчас никак нельзя. Много позже, когда все закончится, они найдут свою тихую пристань, и лес будет подкрадываться к стенам их дома, и солнце будет скользить по ее белым крутым плечам на рассвете и путаться в смоляных прядях, и...

И «дальше» может и не случиться. В этом утреннем холоде мелькнувшая в голове мысль, терзающая ее все это время, показалась еще морознее ветра, разом выстудив все внутри. Даэн тряхнула головой, сгоняя болезненную сеть, разом обнявшую все ее существо — однако это не больно-то помогало. Рано или поздно это свершится, рано или поздно Мара шагнет к своему Бессмертному, обращаясь светом, и тот возьмет ее, навсегда соединяясь с ней, заберет ее у Даэн, у всего мира. Так им рассказывали — из тех, кто стал на этот путь, ни один не вернулся назад. Когда Птица задумывалась об этом, на сердце становилось тяжело, а в горле — сухо, колюче и горячо, и предательское бессилие опускалось на плечи, придавливая ее к земле. Одного взгляда на ведьму, спящую подле нее где-нибудь на очередном постоялом дворе, хватало для того, чтоб все в груди сжималось, болело так, словно там — открытая рана, а не золотой клубочек дара Хартанэ. Даэн оставалось лишь смотреть на нее из-под полуприкрытых ресниц, лаская взглядом ее нежные руки, прижимая ее к себе покрепче, и просить всех богов мира, чтоб те сохранили ее женщину и не отбирали у нее то единственное, что было по-настоящему нужно и важно.

Впрочем, с каждым днем в ней росла странная уверенность и решимость. Это не походило на умиротворение, на покой — нет. Даэн просто знала, что тот шаг в свет она сделает вместе с Марой. Она не знала, как это будет, не понимала, что ей делать, однако совершенно точно знала: ведьму она не оставит. А что там будет за тем порогом — они узнают вместе. И тот путь разделят пополам.

Россыпь огней приблизилась, и теперь Даэн могла разглядеть силуэт темной стены со смотровыми башенками, где под крышей светились круглые фонари. Чуть дальше и выше, одним боком вползая на холм, виднелся высокий форпост, со всех сторон окруженный стеной. Стена эта тянулась вдоль пограничных земель, змеей расползаясь в обе стороны, повторяя изгибы Тракта — однако ее практическая значимость все равно оставалась загадкой для Даэн: при желании, можно было бы свернуть в поля еще у предыдущего селения и пересечь местность там. Им кажется, что так они защищены и держат все под контролем. Иллюзия того, что все в безопасности. Вряд ли кто-то стал бы слушать ее, если бы она решила поделиться своим мнением с кем-то из высших мира сего, а потому Даэн лишь презрительно хмыкнула, отводя взгляд от темного силуэта на фоне бледнеющего зимнего неба, чернота с которого уже мягко опускалась за край земли.

Несмотря на несусветную рань, у городских ворот царила какая-то суматоха, и до ушей Даэн долетали громкие звуки голосов. Судя по всему, говорившие люди спорили — по большей части, Птица слышала лишь ругань. Мара, уже погасившая огонек в ладони, ехала рядом с ней и тоже прислушивалась.

— Может, они границы закрыли? — предположила Даэн, всматриваясь в темные фигуры, столпившиеся у ворот. Их было не так уж и много — не больше шести-семи, но точнее женщина сказать не могла.

— Если бы закрыли — кто-то бы точно нам об этом да сказал, — задумчиво ответила Мара. Она тоже вглядывалась туда, где маячили силуэты людей — утро уже коснулось ее

чела, и Даэн с трудом, но все же могла видеть ее лицо.

— Ты так веришь в человеческую добродетель? — хмыкнула Птица, останавливая своего конька и спешиваясь, — Ладно. В крайнем случае, если уж развернут прочь, пойдём через низины. Не думаю, что этот их забор тянется вдоль всего Тракта, — она кивком головы указала на стену, что ползла на запад и терялась в темноте. Мара согласно склонила голову и тоже спрыгнула с лошади, взяв кобылу под уздцы. До ворот оставалось не больше пятидесяти саженьей.

Оказалось, что пришедший был всего-то один — а напротив него живой стеной выстроилась пятерка хмурых стражников. Прибывший был молодым мужчиной в поношенной, но чистой одежке и смешной шапке, сдвинутой на высокий лоб. Он быстро жестикулировал руками, и голос его нет-нет да срывался чуть ли не на фальцет.

— ...дурьи ваши головы! Мне нужно попасть к королю! Немедля! Пропустите меня!

— А с какого ляда нам тебя пропускать? — один из стражей, широкоплечий огромный детина, демонстративно зевнул в кулак, не преминув громко хрустнуть пальцами, — Кто ты — ведун, скоморох, торговец? Королевская доченька?

— Вы не понимаете! — мужчина подался вперед, и стражники тут же набычились, — Вы не знаете, что происходит на западе! Дикие проснулись. Нам нужна защита, нужна армия — хоть что-то! Здесь тихо и спокойно, но в наших деревнях все уже началось — и поверьте, беда и к вам придет, и до самого Эйнарвисского моря докатится, и дальше еще, за воду! Король должен выслушать меня, он должен...

— Он должен думать о том, как верданорского упыря от наших земель отвадить, — низкорослый крепкий мужчина, не проявляющий никакого интереса к пришедшему, наконец поднял на него безразличный взгляд, — Вот там — настоящая беда, без этих ваших придумок. Дикие... — он фыркнул, — Ты слышал, Мон? Дикие!.. Ха!

— Да, дикие! — отчаянно всплеснул руками человек, едва ли не уронив шапку в снег, — И я должен рассказать об этом королю! Мы готовы встать в ряды его армии в этой войне, готовы защищать свою землю — только пускай он выслушает нас!..

— Слушай, Тэлен, — один из стражей, долговязый и щербатый, вышел вперед и положил руку на плечо мужчине. Тот пошатнулся, — Коли хочешь послужить на благо Эллоина — лучше встань в армию против Верданора. Пока-то все тихо, но скоро может такая свистопляска начаться, что даже твои никчемные ручки могут пригодиться. Авось, парочку эльфов и прирежешь. А вот этого твоего вяканья про диких там — не надо. Не надо, Тэлен, — стражник говорил с ним так, словно тот был его старым приятелем, которого нужно было отговорить от глупой затеи, — Мы ведь тебе уже не раз говорили. И не только говорили, помнишь? По глазам же вижу, помнишь. Иди-ка ты отсюда домой, к женке. Приголубь ее, дров накопи, хозяйство свое проверь — дел-то, небось, невпроворот у тебя в деревеньке твоей... Вот и иди. А опять сунешься сюда — еще раз плетей всыпем, уму-разуму поучим. Мы ж для тебя, дурня, стараемся, чтоб ты глупостей не наделал. А то пойдешь еще полями — а там тебя ведуны найдут, Светлый не приведи. Это мы побеседовать горазды, разъяснить все по-людски можем — а с ведунами у тебя никаких разговоров не будет: они тебя быстренько головешкой обугленной сделают. Смекнул?

Мужчина по имени Тэлен попытался было возразить, но тут еще один из стражей сделал шаг к нему и угрожающе прорычал:

— Пшел отсюда, поганый — последний раз тебе повторяем. У тебя есть минута, чтоб развернуть свою харю и туда пойти, откуда пришел. Иначе на площади растянем, и уж тогда

мало не покажется.

Человек еще некоторое время шумно сопел, сжимая и разжимая кулаки, а затем срывающимся голосом просипел:

— Если король отказывается помогать нам — мы справимся сами, без его поганого величества, — и с этими словами он резко развернулся, стремительно зашагав прочь. Он бросил горящий взгляд на Даэн, на Мару, и Птица глаз не отвела, словно безмолвно говоря, что верит ему. Мужчина замер — ровно на одну секунду, а затем поспешил по Тракту назад. Вдогонку ему один из стражников, посмеиваясь, крикнул:

— Давай-давай, справляйся! Потом расскажешь, как вместе с бравыми ребятами диких гнал до самого Призрачного моря, — он перевел взгляд на Даэн и Мару, и смех замер у него где-то в глотке. Глаза его больше не улыбались, став цепкими и внимательными, — А вы, любезные, что в такой час тут делаете?

Даэн незаметно коснулась запястья Мары, проходя мимо ведьмы и выступая вперед. Выпрямившись, женщина скрестила руки на груди, спокойно оглядывая собеседника.

— В Эллоин держим путь, к королевскому двору, любезный господин.

— Вон оно как, — стражник поскреб подбородок, фальшиво хмуря брови, — Тогда вам должно бы знать, что велено не пускать никого через форпосты — самим королем велено, не нами, уважаемые. Так что я прямо не знаю... Вы должны бы знать это, коль сами путешествуете.

— Знаем, конечно, — кивнула Даэн, не меняя позы. Естественно, им с Марой было невдомек, что король запретил пересекать границу — однако кое-что сейчас они все же слышали. Ну, была не была, подумала Птица, растягивая губы в снисходительной улыбке, — И приятно видеть, что стражи Трегорья так добросовестно выполняют королевский приказ. Однако, насколько мы знаем, его величеству нужны ведуны — стало быть, для нас должно сделать исключение, я права?

Стражники переглянулись, затоптались. Один из них — тот долговязый, что болтал с Тэленом дольше других, чуть сощурился.

— Так-то оно так, сударыни. Только вот откуда нам знать, что вы — ведуны?

Мара, ни слова не говоря, вытянула вперед руку, и на ладони тут же легкокрылым мотыльком заплясало рыжее пламя. Ведьма даже не шевельнулась, а огонь вдруг принял форму шара, и по его живой поверхности побежали золотые капельки, обтекая его, сливаясь и образуя узор, какой бывает на стали во время закалки. Мара чуть повернула голову в сторону Даэн, и Коршун, взмолясь Хартанэ о том, что поняла все правильно, подставила руку. Шар скользнул к ней, угнездился в ее ладони, не обжигая кожу, и женщина вытянула пальцы, делая вид, что для нее держать огонь — обычное дело. Шар подпрыгнул в ее руке, разросся, затем сжался в крохотную точку-искорку, и все это время Даэн не отрывала от него спокойного взгляда, делая вид, что меняет форму пламени сама. Когда огонек, мигнув алым, погас, Птица почти скупающе оглядела стражей.

— Надеюсь, этого хватит? Мы — не балаганные фокусники, чтоб развлекать вас, — в последние слова Коршун попыталась вложить как можно больше презрения — и, судя по всему, в их представление поверили. Мужчины заторопились, рассыпаясь в извинениях, расступились в стороны, открывая им проход в город.

— Простите за задержку, госпожа ведунья, — стражник заискивающе смотрел на Даэн, непрестанно склоняя голову, — Сами понимаете — времена такие... Знаете, сколько швали приходит с ерундой всякой? Деревенщина, тьфу. Мы бы и слова вам поперек не сказали,

если б не такие, как этот... — он кивнул куда-то в сторону Тракта, куда ушел Тэлен, и улыбнулся женщине, — Проходите, сударыни. Доброй вам дороги — и не сердчайте на нас.

Улыбка у него получилась нервозная. Это нам бы стоило волноваться. Ох, Хартанэ, ты как всегда подсобила. Даэн благосклонно кивнула ему, принимая самый царственный вид, на который только была способна, и шагнула под широкую арку ворот, ведя под уздцы лошадь. Следом за ней мягкой бесшумной кошкой скользнула Мара — Птица ощущала лопатками ее присутствие совсем рядом. Они уже ступили в предрассветную темноту городских улиц, когда кто-то со стороны ворот окликнул их:

— А откуда вы будете, сударыни?

Даэн медленно обернулась, надеясь, что ее красноречиво изогнутую бровь будет видно даже с такого расстояния и даже в темноте.

— Это имеет какое-то достаточное значение, чтобы нас задерживать, господин страж?

Ответом ей было затихающее бормотание и пожелания всего хорошего. Даэн все так же царственно отвернулась от него и зашагала во тьму переулков, чтоб поскорее затеряться среди домов. Кроме песочных часов в руках Хартанэ лежали и кости удачи, и кто его знает, как она бросит их в следующий миг. Потешились — и хватит. Женщины быстро скрылись в паутине городских мощеных дорог, и Даэн спокойно выдохнула лишь тогда, когда стена осталась далеко позади. Мара рядом чуть слышно хмыкнула:

— Вот уж не думала, что ты можешь с огнем такие штуки вытворять, — в голосе ее слышалась ехидца. Не сдержавшись, Даэн шагнула к ней и ущипнула ее за бедро, ощущая себя шкодливой девчонкой. Ведьма воззрилась на нее так, словно та ума лишилась, но Коршун все равно не могла стереть с лица глупую ухмылку.

— У меня много талантов, ведьма. Не все же мне мечом махать. А если серьезно — спасибо. Я боялась, что не получится, и что нас взащей погонят.

— Могли, — Мара кивнула, перебрасывая поводья в другую руку. Конюшни обычно находились в центре, там же, где и постоянные дворы, поэтому женщины побрели по улочке вглубь города, — Ты слышала? В низинах, там, где пограничных фортов нет, ведуны. Стало быть, пройти там было бы не так просто.

— С тобой-то? — на душе стало как-то странно легко — а может, нервное напряжение отпускало, и теперь Даэн ощущала себя на удивление хорошо. Губы сами собой растянулись в широкую улыбку, — Ты ведь — лучшая ведьма в мире. Ты бы защитила меня, правда?

В неверном свете утренней зари Птица заметила, как Мара скосила на нее глаза.

— Ишь, распелась... Не паясничала бы, — она добродушно пожурела Даэн, но та лишь по-кошачьи сощурилась в ответ. Ведьма отвернулась, блуждая рассеянным взглядом вдоль сонных домов с темными окошками-глазами, прикрытыми ставенками, — Считай, что нам очень повезло, Даэн. Я не совсем поняла, что у них здесь творится — но, судя по всему, назревает война с Верданором. Если так, то будет совсем уж тяжело...

— Будем слушать, — согласно кивнула Даэн, не отставая от нее ни на шаг, — Лишние вопросы привлекут ненужное внимание — стало быть, придется ловить каждое слово в тавернах, да и вообще везде, где ни окажемся. А там уж — разберемся. Ты сама учила меня не торопиться, Мара, и делать по шагу за раз. Наш шаг сейчас — дойти до короля и поговорить с ним. Потом будем смотреть по ситуации. Если твой Бессмертный и впрямь так милостив, как говоришь ты, то он поможет нам.

На этом их разговор утих, и теперь предрассветную морозную тишь нарушал лишь мерный стук копыт, эхом отражающийся от каменных стен. Город спал, и лишь далеко

впереди мерцала огнями площадь, да кое-где в окошках теплился свет, просачивающийся сквозь щели в ставнях. Приглушенное стенами, слышалось тихое детское кряхтение, и ему вторил женский голос — где-то мать укачивала бессонного младенца, и тот наверняка никак не желал уснуть. Или наоборот — уже проснулся, разбуженный сном или самими богами. Даэн улыбнулась себе под нос: даже в самое темное время странные, чуждые ей радости людского быта вспыхивали огоньками в жизнях тех, кого она вовсе не знала, с кем никогда не встречалась. И наверное, это было славно. Она осторожно поймала ладонь Мары, переплетая с ней пальцы, и буквально ощутила улыбку, коснувшуюся губ ведьмы.

Заспанный конюх, сонно потирающий глаза и поминутно зевающий, сообщил им, что мест в трактире нет — мол, сегодня в обед уезжает торговый караван на юг, и комнаты освободятся лишь к полудню. Даэн покрутила в пальцах серебряную монетку, и мальчишка, воровато озираясь по сторонам, предложил им отдохнуть и поесть в сенях при конюшне.

— Там маленькая каморка, уютная и тихая — я там сплю иногда днем, — объяснял он, провожая алчным взглядом танцующий серебряный кругляшок, — Тепло, много сена лежит, и лошадьми вовсе не пахнет. А я вам с кухни еды принесу, свежей. По рукам?

— По рукам, — Даэн пожала протянутую ладонь паренька, и тот поморщился от боли, когда Птица слегка сжала его руку, — Если не соврешь.

Уверяя их, что место царское, конюх забрал их лошадей, загоняя их в ближние свободные стойла, а затем повел женщин куда-то вглубь здания, проходя в неприметный проем, завешенный холщовкой. Комнатушку и сами конюшни соединял своеобразный коридор, где стояли мешки с овсом, толстопузые бочки, висели вязанки сена. Мальчишка провел их через весь коридор и, повозившись с замком, ржавым гнутым ключом отпер крепкую сосновую дверь и распахнул ее, демонстрируя им сени. Внутри действительно оказалось тепло и светло — под стеной там, где сена не было, на небольшом расстоянии стояли две масляные лампы, отбрасывая мягкие отсветы кругом на пол. Остальное пространство занимало золотистое, пахнущее полями и осенью, сено, и было оно таким уютным, что хотелось закопаться в него и свить там гнездо. Лошадиного запаха действительно не было.

— Я тут дремал — вот все и осталось, — сказал мальчишка, сонно потирая затылок, — Вставать еще рановато — но авось, хозяин похвалит за сознательность, милостью какой одарит. Так что вы отдохайте спокойно, я вас не потревожу — еды только принесу.

— Ну, мы тебя тоже похвалим за сознательность, — монетка переключалась к нему, блеснув в воздухе, и конюх поймал ее, довольно ухмыляясь. Даэн вынула еще одну, медную, и многозначительно взглянула на паренька, — А еще похвалим, если поторопишься со съестным.

— Молнией метнусь! — радостно подпрыгнул тот и тут же юркнул за дверь, плотно притворяя ее.

Птица уже стянула опостылевший плащ и зимнюю куртку, когда конюшонок вернулся с едой. Он притащил им ароматный чай, от которого поднимался вихрями белый парок, кашу с овощами и несколько огромных кусков пирога. Поблагодарив его, Даэн бросила ему пару медяков сверху.

— Долго мы не задержимся — к полудню уйдем с караваном, но передохнуть с дороги нам не помешает. Так что спасибо тебе за твои труды.

Мальчишка, неловко поклонившись им, отдал ей в руки ключ.

— Будете уходить — затушите тут свет, дверь закройте, а ключ на гвоздик повесьте,

справа у ручки. Отдыхайте! — с этими словами он покинул их, напевая что-то себе под нос. Небось, хозяину и слова не скажет о том, что мы здесь — наверняка же по ушам получит за то, что постояльцев себе отбил, еще и денег заработал. Даэн усмехнулась ему вслед и подошла к Маре, опускаясь рядом с ней на сено.

Ели они в молчании, сосредоточившись на горячей пище. Когда кусок в горло уже не лез, Даэн довольно растянулась во всю свою длину, вытянув ноги и заложив руки под голову. Сквозь ткань форменной рубахи она чувствовала былки сухой травы, чуть колющие кожу, но это было до того славно, что Птица жмурилась, как ребенок, наслаждаясь сладковатым запахом, пропитавшим здесь даже стены. В комнате стояло мягкое тепло — масляные лампы нагрели воздух, но духоты не было, а потому без куртки Птица ощущала себя вполне комфортно. Мара тоже сбросила с плеч плащ и теплую кофту на меху, и теперь, откинувшись назад, неспешно потягивала чай на малиновых листьях из высокой чашки.

— Богиня, как же хорошо, — Даэн умиротворенно вздохнула, позволяя телу расслабиться.

Послышался шорох рядом, и женщина, скосив глаза, увидела, как Мара ложится рядом на бок, повернувшись к ней лицом. Несколько минут они так и лежали, глядя друг на друга и просто дыша, наслаждаясь ласковой тишиной, что забрела в эту комнату и на короткое время укрыла их от суматох и надвигающихся бед. Глаза ведьмы с солнечным колесом у зрачка блестели, отражая блики рыжих огоньков пламени, и легкие теплые тени ложились на ее скулы, накрывали волосы мягкой вуалью. Даэн протянула руку и провела ладонью по ее щеке, и Мара, чуть улыбнувшись, прикрыла глаза, принимая эту тихую ласку. Молчание, заполнившее комнату, было прозрачным и золотым.

— Все хорошо? — ее мягкий голос вывел Даэн из теплого сонного оцепенения, и Птица улыбнулась в ответ, фокусируя взгляд на любимом лице.

— Конечно. Не беспокойся, — она еще некоторое время молчала, а затем перекадилась на бок, и их лица оказались на расстоянии ладони, — Знаешь, меня всегда поражала та легкость, с которой ведуны творят чудеса. Еще тогда, когда мы встретились с тобой в Лойнаре, и ты одним лишь взмахом ресниц зажгла свечу...

— Все было не так поэтично, Даэн, — Мара рассмеялась, — Ресницы тут уж точно не причем. Но спасибо за красивые слова, — притихнув, она добавила, — К чему это ты?

— Огонь в руке, — пояснила Коршун, — Ты не шелохнулась, даже пальцем не двинула — а он появился, словно из ниоткуда. В этом — такая странная, дивная красота...

— То же самое я могу сказать и о твоём искусстве. Оружие в твоих руках поет, видит Бессмертный, — Даэн непонимающе приподняла брови, но Мара лишь мотнула головой, — Не спрашивай, объяснить я не смогу. Просто оно словно становится частью тебя, и вы поете — единым звуком, единым тоном. Ты и впрямь танцуешь, Даэн. Лучше, чем все танцовщицы мира. Я не знаю, как ты так делаешь.

Внутри загорелся странный, теплый огонек, напоминающий доверчивую синичку, которая опускается на протянутую ладонь, чтобы стянуть несколько зерен из человеческой открытой руки. Даэн улыбнулась этому ощущению, а затем резко села, озорно поглядывая на ведьму. Из волос, растрепавшихся в пути, посыпалось сено, но Птице было все равно: что-то детское, родное сейчас вдруг возвратилось к ней, и упускать этот миг она не собиралась. Женщина поднялась на ноги и протянула Маре руку.

— Вставай-ка, злая ведьма Гарварнского леса. Будем учиться танцевать.

===== Глава 43. Дары =====

Пушистые кучи сена они разворошили и спихнули поближе к стенам, чтоб ненароком не подскользнуться. Даэн медленно расстегивала рубашку, усмехаясь и глядя, как Мара подтыкает подол длинной теплой юбки и ворчит о том, что это — самая дурная идея Птицы за все то время, что они путешествуют.

— У нас нет времени на такую чепуху, Даэн, — говорила она — но косу переплетала, потуже затягивая пряди, чтоб не лезли в лицо. Коршун, оставшись в штанах и перетягивающем грудь полотнище, остановилась напротив нее, дивясь золотой щекотке, разливающейся возле сердца и обнимающей его со всех сторон.

— Времени вообще нет, Мара — не ты ли говорила так? — ведьма сердито зыркнула на нее, и Даэн, смеясь, шагнула к ней, заключая ее в теплые объятия. Мара попыталась было вывернуться, но Птица бережно приподняла ее лицо и заглянула в серые, словно небо по осени глаза, сейчас мечущие искры, — У нас так мало времени, моя хорошая... Так мало. Неужто все это время тратить на разговоры о том, как тяжело и сложно заплел наши судьбы тот, кто там есть за облаками? — она с нежностью очертила пальцем контур ее губ, и ведьма сдалась, опуская взгляд и вздыхая.

— Ладно. Ладно, — ее прохладная ладонь накрыла руку Даэн, а в следующий миг Мара отступила на шаг назад, покорно становясь напротив Птицы, — Что ж... учи меня, Танцующая. Только учти — ведьмы знают лишь шаманские пляски.

— Шаманские? — с ухмылкой приняла игру Даэн, вынимая Крылья из ножен и протягивая Маре одно, — А это как?

— Это — нагишом у костра, под луной, все такое, — Мара взвесила клинок в руке и один раз крутанула его кистью. Даэн тут же подметила, что удар у ведьмы не слишком быстрый, но она, по крайней мере, скорее всего знала какие-то основы обращения с оружием. Улыбнувшись ей, Птица неспешно повела плечами, разминая мышцы и заставляя тело включиться.

— Здорово. Покажешь мне однажды?

— Конечно, — Мара, заметив ее движение, принялась повторять за ней, внимательно и немного настороженно наблюдая. Двигалась она скованно, неуверенно, и Даэн невольно вспомнила свои первые занятия с Наставницами. Уж до чего она была деревянной в свое время... — Только это — редкое зрелище, середины лета надо ждать.

— Ну, я терпелива, — Коршун вытянула руку с Крылом вперед и принялась рисовать в воздухе петли, с удовольствием ощущая тяжесть родного клинка и то, как напрягаются мышцы. Бросив взгляд на Мару, она прищелкнула языком, — Спину выпрями-ка, не сутулься. И руку выше подними.

Ведьма послушно выровнялась, все такая же зажатая, неуклюжая, а Даэн вдруг отчаянно захотелось смеяться, как в детстве, искренне и от души, а еще — сгрести ее в охапку и зацеловать, такую любимую и родную, такую нужную. Время для них замерло сейчас, время наконец-то сбросило свои липкие сети, и осталось лишь тепло маленькой комнатки и их крохотное счастье, совершенно нелепое и глупое на первый взгляд. Счастье пряталось в том, как смешно Мара оттопыривала локти, рисуя восьмерки в воздухе кончиком Крыла, как она прикусывала губу, как упрямо блестели ее глаза. Оно наполняло пропахший сладостью сухого сена воздух, заплеталось в тяжелую черную ведьмину косу и доверчивым мотыльком ныряло в зеленые рукава ее кофты, когда женщина закатила их, чтоб не мешали. Счастье было в том, что они делали сейчас.

Через некоторое время Мара уже тяжело дышала, но губ не размыкала, чтоб попросить

передышки. Ее пытливый взгляд провожал каждое движение Даэн, когда та изворачивалась, медленно показывала ей базовые связки, и все ей было интересно, все она пробовала. Юбка мешала ей, мешало собственное тело, не приученное к оружию — но Птице нравилось наблюдать за ней: во всех ее движениях скользило стремление понять — и сделать правильно. Она переспрашивала — совсем как ребенок, под руководством старших впервые делающий сложную работу, и всякий раз удовлетворенно кивала, когда то или иное получалось, или недовольно морщилась, если руки не слушались. Даэн, следящая за ней, ощущала себя Наставницей, к которой привели несмышленную девчонку — и в этом было что-то невероятно светлое.

— Так, достаточно, — бодро подытожила она, опуская Крыло. Тело разогрелось, и Даэн с каким-то удовольствием отметила, что абсолютно не устала, — Сейчас подышишь — и попробуешь что-нибудь сделать.

— Что? Напасть на тебя? — глаза Мары чуть заметно расширились, когда та не сумела совладать с собой, и ресницы ее дрогнули. Сердце Даэн пропустило удар: сейчас она, как никогда, чувствовала себя живой. И Мару — тоже.

— Можешь попробовать, конечно, — она принялась баловаться, перебрасывая клинок из руки в руку, заводя его за спину, разворачивая и со свистом рассекая воздух, — Но учти — я выбью его у тебя из рук в первый же миг, а тебя уложу на лопатки.

— А что тогда? — Мара пропустила мимо ушей ее шуточное самолюбование, холодно вздернув бровь. Даэн хорошо знала, что это — всего лишь маска, всего лишь одна из граней ее, а под ней прячется все та же диковатая босоногая девочка, которая во снах Даэн пускала по весне кораблики из коры в молодых звенящих ручейках и смеялась. Улыбнувшись нежному образу, Птица отступила на несколько шагов назад.

— Потанцуй мне, — и, предупреждая вопросы, продолжила, — Мы пробовали с тобой несколько связок — их можно сочетать так, как тебе удобно. Каждая из этих связок — это, по сути, слово молитвы, с помощью которой мы обращаемся к Хартанэ. Нужно только найти ключ — и она отзовется. Вот здесь, — кивком головы она указала на грудь Мары, — Будет горячо, будет тяжело рукам, тяжело и как-то... сильно. Это как взять раскаленную сталь, когда она еще гибкая, но не обжечься. Когда ощутишь, что рука начнет тяжелеть — прислушайся внимательно: это может быть простая усталость, а может быть и ответ. Придумай свой танец сама, и, если он понравится Богине, у тебя все получится.

— А если нет? — ведьма с сомнением посмотрела на Коршуна. Та пожалала плечами:

— Если нет — попробуешь снова, птенец, — поймав еще один хмурый взгляд, она расхохоталась и отошла еще чуть дальше, освобождая для женщины побольше места, — Давай-ка, Мара из Гарварны! Покажи Коршуну, на что ты способна!

Ведьма несколько мгновений просто стояла, о чем-то думая, а затем, затоптавшись на месте, неуклюже подняла Крыло, смешно вытягиваясь вперед следом за ним и оттопыривая бедра назад. Даэн не сдержала вырвавшегося смешка, и Мара все-таки огрызнулась, недовольно взглянув на Птицу:

— Это сложнее, чем кажется — оно гораздо тяжелее, чем я думала, — она вновь перевела сосредоточенный взгляд на Крыло. Даэн усмехнулась краешком рта и, спрятав клинок в ножны, скрестила руки на груди.

— Я знаю. Но у тебя все получится. Расслабься и попробуй — это как с твоим Бессмертным: впусти в себя силу и позволь ей вести.

Мара кивнула, все такая же собранная — и донельзя смешная. Даэн стоило огромных

трудов удержаться от того, чтоб не схватить ее, плюнув на обучение, и не закружить, крепко держа в объятиях, чтоб та вырывалась и отпихивала ее руки... Впрочем, происходящее здесь и сейчас было шуточно-серьезным, и Коршун приняла самый серьезный вид, на который только была способна — лишь ощущала, как подрагивают кончики губ.

Некоторое время Мара все так же топталась, изредка прикрывая глаза или наоборот, начиная озираться по сторонам. Даэн терпеливо ждала, гадая, как поступит женщина и что она сделает. Ведьма с Крылом смотрелась странно — впрочем, Даэн вспоминала себя и своих погодок на первой тренировке, и к горлу подкатывала теплая волна смеха. Они все когда-то были забавными ощипанными птенцами в желтом пуху, не умеющими ничего, кроме как галдеть да смотреть на мир громадными круглыми глазами. Сейчас же каждая из них заслужила имя — и это значило многое. За птичьими прозвищами стоял весь их путь, вся их сложная, трудная дорога, и Даэн очень хотелось дать Маре какое-нибудь имя. Пускай ненастоящее, пускай в шутку...

Мара осторожно двинулась, медленно ведя Крыло сверху вниз и поворачиваясь направо — так аккуратно, словно боялась разрезать пространство остро отточенным лезвием. Даэн следила за ней, любуясь ее прямой спиной, слишком деревянной и напряженной, сведенными лопатками, слишком зажатыми, руками, слишком слабыми и медленными... Она была «слишком», она была «не до конца» — и Даэн любила ее всей собой, вот такую, любила так, как вряд ли любил кто-то на этой земле, да и вообще — среди всех звезд всех миров. Ведьма резко развернулась, а в ушах Даэн вдруг зашумело, загудело, и она смотрела во все глаза, как медленно падает черная прядь на ее лицо, как соскальзывает с острого плеча коса, как складки ее юбки путаются в ее ногах, то ли мешая, то ли подчеркивая ее странную красоту. Это совсем не походило на Танец — но Даэн было все равно.

Люблю.

Мара бросила на нее неуверенный взгляд через плечо и тут же отвернулась, делая шаг в сторону, как учила Даэн, и рассекая воздух вертикально. Огоньки в масляных лампах разом мигнули, дрогнув под стеклянными куполами, и свет лег на ее левую руку, вытянутую в сторону так, словно она держала в ней второе Крыло — или словно сама ее рука была настоящим птичьим крылом. Шаги у нее были резкими и быстрыми, но рукам не хватало сил, и Даэн знала почему-то, что Хартанэ не придет к ведьме — но ей так нравилось смотреть, как женщина Танцует. И ей было совершенно плевать, что та же Дамала проскрежетала бы, что это бес знает что, а не Танец — все равно. Ничего прекраснее в своей жизни она не видела.

Люблю.

Волосы ее растрепались, а спина взмокла — Даэн видела испарину, покрывшую нежный открытый затылок. Она даже не знала, сколько прошло времени с того момента, как ведьма сделала первый робкий шаг, и все не могла насмотреться на то, как она кружится. Когда женщина опустила руки и остановилась, Птица словно очнулась от странного сна. Затих шум в ушах, затихло все, и теперь она слышала лишь потрескивание огоньков в лампах да сбившееся дыхание своей Мары.

— Я больше не могу, — признала ведьма, устало смахивая со лба мокрые пряди, — Видишь — это действительно сложно: у меня вот не получилось.

— Ничего, — Даэн подошла к ней, мягко забирая из ее рук Крыло и пряча его в ножны на поясе. Ведьма сама привалилась к ней, разгоряченная, изможденная, и Даэн с наслаждением обняла ее, вдыхая ее запах, — Хартанэ приходит лишь спустя годы

тренировок. Этому учат долго.

— Почему ты не сказала? — пытливо заглянула ей в глаза Мара, упираясь ладонями ей в грудь и чуть поглаживая кончиками пальцев кожу. Даэн легонько поцеловала ее в висок, губами снимая сладкую соль с ее кожи.

— Чтобы ты хотя бы попыталась, Мара, — она улыбнулась женщине, что нахмурила тонкие брови с красивым изломом и ворчливо отозвалась:

— Я бы и так попыталась...

— Ну конечно, конечно, — скрипуче передразнила она ведьму, и та, фыркнув, попыталась отстраниться от рук Птицы — но Коршун не отпускала, с нежностью глядя на нее. Привлекая Мару к себе, Даэн опустила на ворох сена, усаживая ведьму на свои колени, — Иногда мне кажется, что тебе и впрямь пятьдесят лет, моя старушка.

— Судя по тому, как ты держишь меня, еще иногда тебе кажется, что мне лет пять, — иронично прищурилась Мара. Впрочем, выпутаться из рук Даэн она не пыталась, и Птица лишь прижалась лбом к ее плечу, наслаждаясь тишиной, текущей по венам внутри них обеих.

— Разве что пять тысяч — а то и больше. Ты гораздо древнее меня и всего сущего в этом мире, — Даэн ощутила, как прохладные руки ложатся на ее плечи и несмело трогают косточку у основания шеи, соскальзывают на ключицы и возвращаются обратно. В этом не было никакого вожделения — лишь теплая нежность мягких ладоней, и сквозь это прозрачное прикосновение Птица чувствовала любовь. Голос Мары прозвучал где-то над ухом, и в нем слышались искорки смеха:

— И что же, заслужила ли я какое-нибудь имя своим Танцем?

— Конечно, — улыбнулась Даэн, — Я буду звать тебя Фазаном.

Пальцы Мары, перебирающие выбившиеся прядки на ее затылке, вдруг замерли.

— Почему Фазан?!

— Со стороны, Мара — не сердчай уж — ты выглядела как Фазан, — со смехом Даэн уворачивалась от ее кулаков, что тут же начали колотить ее по плечам, — Очень серьезный и царственный Фазан, знающий себе цену, надо сказать! Ай!..

Они повалились на сено, и тычки посыпались на Даэн со всех сторон, и ей оставалось лишь с хохотом ловить руки ведьмы, пока та, возмущено кряхтя, словно рассерженный деловитый еж, избивала ее. Разве может быть так, чтоб тебя у меня — отняли? Разве могут боги, что правят всеми мирами, разлучить нас с тобой? Под спиной приятно кололись сухие былки, и сладкий аромат полей и колосьев, тянущихся к солнцу из теплой земли, пропитывал кожу, прорастая сквозь тело и стремясь к небесам, и над ними гудели толстобокые пчелы с пушистыми спинками в золотой пыльце, и мелкие дикие цветочки с синими лепестками терялись среди наливающих жизнью стеблей...

Коса Мары рассыпалась по плечам, и женщина рухнула рядом с ней, посмеиваясь и вытягивая ноги поверх ее ног. Даэн обняла ее за плечи, ощущая, как нежность наполняет все ее существо.

— А если серьезно, — она повернула голову к Маре, легонько касаясь губами ее лба, — Я бы назвала тебя Синичкой. Молодой еще совсем, осторожной... Ты Танцевала очень...

— Неуклюже, — буркнула ведьма — беззлобно, впрочем. Даэн мягко щелкнула ее по носу:

— Нет. Очень... так, как Танцуют совсем птенцы — но при этом сознательно, взвешенно. Почему-то мне в голову сейчас пришла синичка... Знаешь, как будто она сидит на ветке, рябиновой, например, и гроздь такая алая, яркая...

— И уже зима, — тихо продолжила Мара, устраиваясь на ее плече. Коршун хмыкнула:

— Да, и уже зима — но только самое начало. И вот эта синичка сидит на ветке и смотрит на меня, клонит голову набок, а я протягиваю ей ладонь, на которой пшеничные зерна лежат. И она присматривается ко мне, перепрыгивает с ветки на ветку, подлетает к протянутой ладони — и тут же летит обратно к ветке, испугавшись моего вздоха. Но потом все-таки берет зернышки...

Воцарилось молчание. Мара, рисуя кончиком пальца неведомые руны на животе Даэн, тихонько спросила.

— А что еще ты видишь?

— Еще? — Даэн задумалась на миг, — Хм. Не знаю даже... Понимаешь, я не то что бы вижу — так, приходит в голову всякое. Обрывками. Будто картинки.

— Расскажи мне, — мягко попросила Мара, а затем добавила — совсем уж неслышно, почти бесшумно, — Дай мне поглядеть вместе с тобой.

Просьба была странной, и почему-то Даэн вспомнила, как Мара впервые показывала ей видения — в их самую первую ночь, в белом городе пещерных эльфов. Как она пела свою колыбельную про дом, в котором шел дождь, и меж половиц прорастала дикая трава и рожь. Как свет скользил по ее бокам золотым перышком, и как красиво он танцевал на белой, нежной коже. Птица лишь крепче прижала к себе Мару, закрывая глаза и сосредотачиваясь на золотой искорке, прячущейся где-то в груди.

Поначалу было темно и шумно, словно весь мир вокруг решил помешать ей. Однако Даэн вознамерилась подарить Маре сказку — если женщина попыталась Танцевать, то почему бы ей, Птице, не попробовать общаться с ней на языке видений? Мешали мысли, гудящие недовольным осиным роем, мешала тревога, ледяным кольцом сковавшая внутренности, мешало практически все — но Даэн упрямо гнала от себя любые эмоции и ощущения, и те кружились где-то внутри нее ворохом сухих листьев, пойманных вихрем. И вскоре беспокойный осенний ветер унес их, растирая в пыль и отпуская прочь, и Даэн наконец увидела в этой темноте внутри себя слабый сероватый отблеск. Не совсем понимая, что делает, Птица потянулась к нему, стараясь не мыслить и не раздумывать — и в следующий миг словно невидимая дверь отворилась, и стены рассыпались, размылись, а затем их и вовсе не стало.

Цвели фиалки. Сизые сумерки робко ступали меж тонких берез, перешептывающихся друг с другом, и от земли тянуло прохладой — оно и не мудрено: в спуганной траве, мягкой, словно девичьи волосы, журчал ручей, ключом бьющий из-под огромного камня. Далеко в низину спускалась легкая дымка — казалось, она путалась в тонких паутинах, и из нее крохотные паучки плели свои сети, растягивая их меж замшелых корней, под которыми дети так любили прятать свои сокровища. Где-то в туманах мерцали огоньки — то светлячки поднимались из травы, зажигая свои фонарики. И пахло сладко-сладко, и в травах терялись бледные звездочки ночных фиалок, зацветающих в первые дни грозового лета...

— Как красиво, — тихо прошептала Мара — Даэн ощущала ее теплую тяжесть на своей груди. Призрачный мир на грани сна и яви опасно дрогнул, грозясь снова стать жестким, неподатливым, но Птица удержала видение так, как удерживают пушинку, блуждающую следом за ветром.

Кованая калитка с узорными завитушками-перекладами, что потемнели от времени, была приотворена. За ней начинался старый сад, и пахло влажной землей, щедро напоенной дождями. Листья, зеленые, но уже тронутые первыми заморозками, клонились к земле под

тяжестью капель, и прозрачная влага то и дело срывалась вниз, прокатываясь по изогнутым спинам травинок, а затем падала наземь, сливаясь вместе с животворящей черной материей, проникая в нее, впитываясь в нее, просачиваясь меж бахромы корней — и ниже, ниже, к самому огненному сердцу, чтобы там соединиться с пламенем и стать паром.

Видение показалось ей обломком перламутровой раковины, который пенная волна подхватила с берега и унесла обратно в пучины: миг — и его не стало. Но затем щедрые воды великого океана принесли ей новый дар, и она приняла его, рассматривая так внимательно, как только могла, и стараясь не упустить ничего, ни единой детали.

Здесь не было множества красок — лишь синь всех оттенков, от чернильной до бледно-сиреновой, поддернутой бирюзовой дымкой и россыпями звезд. Здесь не было тропинок — лишь белый туман, растекающийся пролитым молоком по небу.

Я точно знаю, что это небо...

Звезды сплетались, множились, и на лугах, усыпанных серебряными искорками, росли деревья из звезд, и меж них гуляли звездные создания, одетые в туманы далеких миров. Их глаза наполнились светом, и они безмолвно глядели на тех, кто осмелился заглянуть в их дом.

Как ты думаешь, это боги?

Женщина с покрытой призрачным платком головой сидела на огромном валуне, глядя на странный алтарь перед собой. На круглом плоском камне чья-то рука вырезала спираль, длинную, закручивающуюся невероятно туго, и по желобу, повинуюсь плавным движениям мягких рук, ползли капельки света, совсем медленно у края, и быстро — ближе к центру. Женщина легко поворачивала руку, и свет тянулся туда, где все ярче и ярче разгоралось солнце нового мира, такое ослепительное, что глазам было больно, а затем она подняла голову, и платок соскользнул с ее плеч, обращаясь в дымку, в туманные нити, что таяли прямо на глазах и опадали к ее ногам.

— Что это? — просипела Даэн, ощущая, как возвращаются твердые жесткие стены, обнимают ее со всех сторон и не дают пробиться туда, к тем видениям. Птицу трясло, и почему-то сейчас ей было тесно в собственном теле. Она резко села, осторожно придерживая Мару, и повернулась к ней, вглядываясь в ее лицо. Глаза ведьмы были закрыты, но на губах блуждала нежная, почти невесомая улыбка. Несколько секунд она молчала, а затем хрипло ответила:

— Это — мир, Даэн. Не видения — ты показала мне то, что происходит ныне. Не здесь — где-то. Быть может, в ином пространстве, в ином времени — но происходит. Бессмертный одарил нас с тобой великой милостью... — она наконец открыла глаза, и Даэн успела заметить, как гаснет звездное колесо вокруг ее зрачков, — Это — великая связь каждого мига, каждого «сейчас». Это то, как на небесах плетут узор... — она помолчала, а затем тихо добавила, — Красиво, правда?

Видение совсем схлынуло, оставив напоследок сладкую дрожь в груди, и Даэн поняла, что прижимает ладонь к сердцу.

— Правда, — шепнула она, вспоминая древние глаза незнакомой женщины, которая прямо сейчас где-то за тысячи миров отсюда ткала истинное волшебство, — Правда.

У нее глаза речной воды, подумалось Даэн, когда Мара взглянула на нее. Как и у той, что рисует светом на камнях. Как и у самой жизни. В этой воде купался мир в самом начале своей жизни, в этой воде по осени тонули золотые листья, опускаясь на мягкое бархатное дно и засыпая среди озерных трав, в этой воде путники омывали усталые ноги, возвращаясь домой после долгого пути. И в этой воде ныне тонула Даэн, отдавая себя полностью

прозрачному, невесомому потоку божественной силы, так похожей на быструю холодную горную реку.

— Спасибо тебе за твой дар, — тихо молвила Мара, склоняя голову, словно Даэн только что поднесла ей корону. Сжав ее ладонь, Птица так же тихо ответила:

— Спасибо тебе за твой.

Тишина, мягкая и теплая, опустилась на них золотым куполом, а вокруг закручивались вихрями воды великого океана энергий, рябили цветными вспышками, омывали их руки и плечи, поглощали блики солнца нового мира, и прямо сейчас откуда-то сверху кто-то лил на них невысказанный свет, чтобы тот, пройдя сквозь материю, выжиг все то, что должно было выжечь, и обратился воздухом, которым они будут дышать после того, как Колесо обернется.

===== Глава 44. Трещина в камне =====

Тихий треск, словно где-то далеко-далеко лопнула шелковая нить, разбудил ее. Толщи камня глушили любые шорохи и звуки, кроме шелеста ее собственного, прерывистого дыхания, и Шедавар настороженно вглядывалась в темноту: обычно она спала как убитая, и едва ли такая мелочь, как чей-то неосторожный шаг где-то на галереях или мостах, или нечто в этом роде, могла разбудить ее. Но сейчас сон как рукой сняло, и королева села на постели, морщась и стараясь не задеть сладко посапывающую рядом девушку. Та, ощутив обнаженным боком холод воздуха, тихонько застонала, и Шеда машинально подоткнула к ней одеяла, чтоб не ворочалась и не мешалась. До рассвета оставалось еще несколько часов, наверное, и тот момент, когда надо будет прямо заявить девчонке, что на этом ее роль закончилась, Шедавар хотела бы оттянуть. Наверняка начнутся слезы, капризы, недовольные вопли... Хотя Рейна и впрямь была хороша, стоило признать.

Шеда осторожно соскользнула с края постели, ставя босые ноги на холодный камень и ощущая, как по позвоночнику прокатывается волна мурашек. Где-то на полу валялись штаны, и Шедавар принялась нашаривать их, то и дело кривясь — девчонка знатно расплосовала ей спину, раз двадцатый за ночь выкрикивая ей слова вечной любви и прочей ерунды. Вот как же, конечно... Шеда тихонько хмыкнула, затягивая потуже ремень на поясе: она прекрасно знала, что на самом деле нужно всем этим волооким красавицам с длинными ногами — благо, в Лореотте таких хватало. В этом были и свои плюсы: в любой момент она могла снять накопившийся стресс, а потом красиво уйти, на прощание бросив тихое, с хрипотцой «Еще увидимся». Впрочем, количество желающих еще увидиться не росло — Шеде достаточно было принять серьезный облик, и всех девиц в округе сметало, словно их и не было. Как бы там ни было, свою королеву они уважали — и в некоторой степени боялись.

Поискав глазами безрукавку и так и не сумев найти ее, эльфийка поднялась во весь рост и неспешно прошлась по комнате, привыкая к прохладе. Часть одежды осталась в купальне, а идти туда сейчас не было совершенно никакого желания. Шеда бесшумно прокралась к узкой арке двери, ведущей на небольшую открытую террасу, и вышла, так же тихо притворяя за собой дверь. Город спал — ни души на сонных улицах, ни тени на стене, ни отголоска чьего-то смеха. Шедавар опустилась на одну из широких лавок, упираясь локтями в колени, и взъерошила волосы, что и без того во все стороны торчали. Сейчас она посидит здесь немного, подышит, а там, возможно, удастся уснуть — у Рейны теплое тело, которое так сладко обнимать, и...

Вновь зашуршало, послышался чей-то шаг, и женщина инстинктивно дернулась, потянувшись к поясу в поисках клинка. Рукоятки под ладонью не оказалось — впрочем, в ней и не было нужды. По узкому мостику к террасе шла Аллэивар, похожая на взъерошенного

хмурого воробья. Шедавар ухмыльнулась: вот уж еще одна бессонная. Этот выход был доступен лишь ей и вел прямо из Дома Королевы к покоям Аллэи. Шедавар частенько пользовалась этим, периодически прогуливаясь к сестре с бутылком хмеля — или с очередным поручением. Видимо, сегодня было наоборот, и Аллэивар решила пожаловать к ней в гости.

Завидев королеву, Аллэи на миг остановилась, что-то хмыкнула, а затем направилась напрямик к ней. Ее пепельная челка падала набок, рваными полосами скрывая отсутствие левого глаза, а узкие губы были накрепко сжаты — так всегда бывало, когда Ищущую что-то тревожило. Аллэивар пересекла мост и остановилась перед ней, скрещивая руки на груди и глядя на нее сверху вниз.

— Не спится?

— Как видишь, — поморщилась королева, пододвигаясь в сторону, чтоб та села. Аллэивар скользнула взглядом по ее телу и неодобрительно фыркнула:

— Хоть бы прикрылась... Стражницы на постах, а вон оттуда все отлично просматривается, — она махнула рукой на переходы яруса повыше, но Шедавар лишь усмехнулась, откидываясь лопатками на стену.

— В таком случае, их всех ждет огромное разочарование. Тебя-то чего носит в такое время?

Аллэивар присела рядом, закидывая ногу на ногу, и принялась рыться в карманах в поисках трубки. Шеда терпеть не могла, когда в ее присутствии курили, а потому уже собиралась высказать Ищущей свое недовольство, но та опередила ее.

— Да не знаю... Сны дурацкие приходят, мысли какие-то — таким клубком, что я разобраться в них не могу. Где уж тут поспишь, — она так и замерла, постукивая чашечкой трубки себя по колену и задумчиво глядя куда-то сквозь камень, — Чувство недоброе такое...

— Странно слышать это от тебя, — Шедавар скосила на нее взгляд, — Не ты ли мне говорила о том, что не веришь во всю эту сновидческую чушь?

— В том-то и дело, что я, — буркнула Аллэи, вертя в пальцах пустую трубку. Помолчав, женщина откинулась назад и как-то устало вздохнула, прикрывая единственный глаз, — Не знаю, Шеда. Что-то не ладится, что-то происходит здесь — я нутром чую. Только вот увидеть и понять я не могу, мне небо не дало таких сил.

Шедавар вопросительно взглянула на Ищущую из-под спутанных прядей, упавших на лоб. Эльфийка была напряжена, хмурилась, и королева поняла, что видит ее такой впервые — за все то время, что они существовали под луной.

— Сходи к ведьмам, — осторожно предложила она, — Может, они чего скажут? Может, тебя Залесье тревожит, или что еще?

— Ты потрясающе проницательна, — ядовито отозвалась Аллэи, — И как это я не подумала про Залесье? Ну все, теперь можно идти и спать спокойно. А если серьезно... Ведьмы мне ничего не скажут, Шеда. Они вообще в последнее время ведут себя странно.

— Что ты имеешь в виду? — королева насторожилась. Вот сейчас ей не хватало только того, чтоб ведьмы разом начали показывать гонор. За всеми письмами и бесконечными днями и ночами, заполненными мыслями и грызней со Жрицами, она совсем забыла о Знающих — ей казалось, что те на ее стороне. Даже после того, как узнала о том, что Лореотт обречен, даже после того, как Мэг сказала, что от силы им осталось две луны, а затем ее силы иссякнут, и город падет. И если сейчас ведьмы перепутают нити того полотна,

которое она так долго и упорно ткала...

— Мне кажется, — тон Аллэи стал неуверенным, — Им не нравится Ивушка. Каждый раз, когда они видят меня, шепчутся — и я слышу, о чем. Мол, я привела в город беду. Мол, что-то не так. Мол, тени изменились и бурлят, как расплавленная смола, и скоро затопят нас, — эльфийка поежилась, — Я не понимаю, о чем они толкуют. Только Ивушка как-то прибежала ко мне заплаканная и сказала, что одна из ведьм, молодая какая-то, ее прокляла.

Шедавар нахмурилась еще сильнее. Девчонка из Залесья не делала зла — по крайней мере, Мэг признала ее чистоту, да и сама королева умела распознавать ложь, а потому знала, что Ивушка не искривила ни единого слова, когда беседовала с ней. Просто испуганный олененок. Вряд ли она могла замаскироваться так, чтоб обвести вокруг пальца сильнейшую ведьму рода пещерных эльфов и королеву Лореотта. Словно прочитав ее мысли, Аллэивар продолжила:

— Мэгавар на ее стороне — тени сказали, что в сердце девочки нету темного. Наверное, только поэтому ведьмы еще не выкинули ее... Они не говорят — я пыталась и прямо спросить, и девчонок просила. Ничего. Только вот эти скорбные речи о том, что грядет беда, и что вина лежит на чужеземке, — Аллэи все же закурила, недолго провозившись с огнивом и трутом, и на этот раз Шедавар не стала кривиться и требовать, чтоб Ищущая убрала трубку, — А она не понимает ничего. Знаешь, она... она очень светлая. Тянется ко всему, все ей интересно. С детьми своими возится, таскает их всюду, от меня ни на шаг не отстает, если я свободна. Даже задружила уже с кем-то из моего отряда, и с кузнеческими подмастерьями.

— А как ведьмы реагируют на детей? — задумчиво поинтересовалась Шеда. Она видела обеих в Доме Смотрящих, где целая ватага растрепанных девчонок галдела и каталась безумным клубком, веселясь и играя — и ей показалось, что чужеземных детей приняли как своих. Аллэи пожала плечами:

— Да никак, в том-то и дело. Как на всех детей. Ворчат, но присматривают, волнуются, заботятся... Только на Ивушку косятся — Полынь и Колывань не трогают.

— Значит, дело не в том, что они — не нашего рода, — подытожила Шеда, рассеянно разглядывая узорные переходы, озаренные тусклым сумрачным светом. Мысли в голове стремительно вертелись, складываясь так и эдак, но понять, в чем причина неприязни ведьм к чужеземке, она не могла. Помолчав, Шедавар взглянула на Аллэи, — Не тревожься понапрасну. Я поговорю с Мэг, чтоб та вправила мозги своим ученицам. Она может, ты знаешь.

— Может, — повторила Аллэивар, прокатывая слово на языке и словно пробуя его на вкус. Она кивнула и бросила хмурый взгляд на Шеду, — Я буду очень благодарна тебе за это. И попросила бы тебя не тянуть с этим. Я немного переживаю, что девчонку затравят.

Шедавар склонила голову набок, внимательно разглядывая сестру. Она прекрасно знала, насколько та была влюбчива — и прекрасно знала, что с женщинами у нее, откровенно говоря, не ладилось. Могло ли быть так, что одноглазая Ищущая запала на молоденькую ведьму из Залесья? Помедлив, она, растягивая слова, вымолвила:

— Мне кажется, ты слишком сильно переживаешь за нее, Аллэи. Слишком, — с нажимом выделила она последнее слово. Аллэивар вопросительно изогнула бровь, а затем мотнула головой, вновь отворачиваясь к безмолвным пейзажам города.

— Она спасла мне жизнь, Шеда. И оставила весь свой быт для того, чтоб помочь мне. Я ответственна за нее, — помедлив, женщина добавила, — Не более того. Я считаю ее

ребенком.

— Хорошо, хорошо, — Шеда подняла руки, примирительно демонстрируя открытые ладони, — Я ничего не утверждаю. В любом случае, не волнуйся — я планировала прогуляться к Мэг и поговорить с ней перед отъездом к Реаннэс, и про девочку я скажу.

— Постой, — Аллэивар ухватила за ее слова, — Я думала, что к Реанэсс ты отправишь меня, и...

— Хватит с тебя пока, — мягко осадила ее Шеда, поднимаясь с лавки, — Тем более, раз ведьмы скалят зубы на твою девочку.

— Она не моя девочка, — досадливо поморщилась Аллэи, но королева не дала ей договорить:

— Называй как хочешь. Я возьму с собой Инарэ, Келе и еще кого-нибудь из старших, чтоб не геройствовали, если ситуация из-под контроля вдруг выйдет, и слушались прямых указаний. Думаю, обернемся в пару-тройку дней, если двинемся сейчас.

— Прямо сейчас? — с сомнением уточнила Аллэи.

— Да. Все равно мне не спится, — она ухмыльнулась, поводя плечами, и тут же зашипела: запекшиеся царапины на спине неприятно стянуло, — Приглядывай за залеской — и за ведьмами заодно. Если что-то будет не так — доложишь все мне, когда вернусь. Сейчас пробегусь к Мэгарвар, а там — сразу в путь.

Она прошла чуть вперед и обернулась, глядя на Ищущую. Взгляд Аллэи скользнул вдоль ее позвоночника, и эльфийка то ли улыбнулась, то ли скривилась.

— Кто это тебя так?

— А, точно... — Шеда щелкнула пальцами, — На тебя возлагаю серьезное дело — не подведи меня, — Аллэивар вздохнула и выжидающе уставилась на нее, и Шедавар, доверчиво глядя ей в глаза, вымолвила, — Разбуди девицу в моих покоях и выпроводи ее оттуда. Нечего ей там просиживать.

— Какую еще девицу? — хмуро осведомилась женщина, и Шеда почувствовала себя так хорошо, словно кто-то вернул им детство, и Аллэи — старшая, защитница, которая всегда прикроет и поможет. Ворчать, правда, будет — но поможет.

— Да есть там одна... Сейчас-то рано еще, а через три-четыре часа — в самый раз будет. Пока можешь заглянуть со мной в купальни, если хочешь — все равно не спится тебе, а в ваших общих банях вечно толпы народу.

Аллэи в ответ пожала плечами, словно безразлично соглашаясь. Шедавар тихо распахнула дверь, подманивая ее поближе, и пропустила ту вперед. Эльфийка, неслышно ступая по отполированным веками камням, пробралась внутрь комнаты, и королева прошла за ней, гадая, спит ли сейчас старая эльфийская ведьма — или же перебирает свои ветхие нити, бормоча пророческие предсказания под нос. Иногда ей казалось, что Мэгарвар вообще позабыла о том, что такое сон, и что ее прозрачные глаза никогда не смыкались. Вряд ли ныне она дремлет — значит, можно было смело идти к ней.

Задумавшись, она чуть было не налетела на Аллэи, которая встала столбом посреди комнаты. Ищущая резко развернулась к ней, возмущенно глядя на Шеду, и королева вопросительно изогнула бровь.

— У тебя вообще совесть есть?! Ты знаешь, сколько ей лет?! — зашипела Аллэивар, махнув рукой в сторону постели, на которой развалилась, наполовину сбросив одеяла, Рейна. Шедавар легонько подтолкнула сестру к боковой арке, за которой начинались купальни.

— Знаю — уже можно. И к тому же, она уже все знает, и...

— Небо, я не хочу знать, что там она знает! — Аллэи всплеснула руками, чуть было не возопив в голос, но Шеда шикнула на нее, и женщина вновь притихла — впрочем, глаза ее сверкали по-прежнему, — Эта девочка — в моем отряде! Она только-только закончила обучение у Этанэ, ее ко мне перевели!..

— Да, да, иди уже быстрее, я хочу поскорее разобраться с Мэг и уйти отсюда, — отмахнулась женщина, выталкивая Ищущую вон из комнаты в купальни и закрывая за собой дверь. Пар, поднимающийся от воды, тут же осел на волосах, сделав пряди тяжелыми и влажными. Шедавар направилась к широким кадкам, буквально спиной ощущая укоризненный взгляд Аллэи.

— У тебя нет ни стыда, ни совести, — вздохнула Ищущая, качая головой, — Мне еще разбираться теперь по твоей милости с ребенком — взрослой ее язык назвать не поворачивается, — который очутился в твоей постели...

Шеда ослабилась, зачерпывая ковшом воду из источника:

— Я позабавлюсь, если скоро окажусь в подобной ситуации, Аллэивар. Сколько лет твоей девочке-то — двадцать? Двадцать два?

С минуту женщина непонимающе смотрела на нее, а затем лицо ее помрачнело.

— Не болтай ерунды... королева, — чуть погодя, ядовито добавила она, отворачиваясь и стягивая рубаху через голову. Шедавар хмыкнула, однако продолжать разговор не стала — она хорошо знала, когда Ищущая начинала отмалчиваться. Сейчас был именно такой случай.

Горячая вода разгоняла холод, доставая его из самой глубины мышц, и постепенно женщина расслабилась, с наслаждением избавляясь от вязкой темноты сна, которая все никак не желала отпускать ее. Где-то за спиной фыркала Аллэи, выплескивая на себя огромную кадку горячей воды, но больше ничего не нарушало теплую тишину купален. Тело окончательно проснулось, и Шедавар, взъерошив мокрые волосы, наскоро вытерлась, оделась и побрела к двери, тихонько мурлыча под нос незатейливую мелодию. Аллэи окликнула ее:

— Ты прямо сейчас пойдешь к Мэг?

— Да, — Шеда полуобернулась к ней. Ищущая стояла у лавок, завернувшись в полотенца, и эльфийка подавила смешок: любая другая женщина на ее месте смотрелась бы нежно, утонченно и соблазнительно — но только не Аллэи, — Возвращаться не буду. Так что можешь торчать тут сколько угодно, — и, не сумев удержаться, ехидно продолжила, — Только девчонку к себе уведи, если вдруг...

— Боги, иди уже отсюда, величество, — пробурчала женщина, буравя ее тяжелым взглядом. Когда Шеда прекратила хихикать, Аллэи посерьезнела, — Доброй тебе дороги, королева. И — удачи. Мне... я по-прежнему считаю, что уйти из Лореотта — не самая хорошая твоя идея, — она помолчала, хмуря брови, а затем долго вздохнула, — Но я пойду за тобой куда угодно. И, если боги указывают тебе на этот путь — я тебе верю.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, словно безмолвно что-то говоря, а затем Шеда выскользнула из купален, оставляя Ищущую в одиночестве. Рейна вальяжной кошкой растянулась на постели, подмяв под себя одеяла или частично сбросив их на пол. Полюбовавшись ею, Шедавар на цыпочках прокралась мимо нее, чтоб не разбудить девицу, и вышла из Дома Королевы, ныряя из тепла в прохладу подземного города.

До пещеры Слепой Мэг она добралась спустя полчаса — тишина города приятно обволакивала, и ей хотелось сохранить в груди это ощущение ночи под землей, ночи без звезд — но с полупрозрачными слоями света, разливающимися у ног, с призраками статуй,

глядящих печально и торжественно, с безмолвием белого камня. Чем выше она поднималась по лестницам и галереям, тем глубже становилась эта тишь, и тем сильнее становилось странное чувство, что время здесь застыло. Шедавар не знала, хорошо это или плохо — однако все сильнее ей казалось, что им нужно уходить отсюда. Как застывают травинки в лаве, вращая в нее навек, эльфы вращались в породе города, медленно каменея, и едва ли у них оставалось много времени до того, как кипящая кровь земли окончательно застынет и поглотит их, заковывая в жесткую структуру тяжелой, плотной материи. Нужно уходить. Пока еще не поздно — мы должны оставить его, иначе потом уже не сможем. Слишком уж мы срослись с ним ныне...

Когда она перебиралась через пропасть в обители ведьмы, тишину вновь разбил тот тихий-тихий, едва различимый звук, что разбудил ее. Шеда замерла, не обращая внимания на то, как опасно раскачивался веревочный шаткий мост под ее ногами. Звук прокатился по камню так, словно жил внутри него, прошелся по ее позвоночнику сверху вниз и затих — так рвались нити на ткацком станке под неумелыми руками молодых подмастерий, разве что нити лопались чуть тише. Шедавар прислушивалась еще некоторое время, однако тишина снова опустилась на темноту пещеры Мэгавар, и королева продолжила путь, чутко ловя даже эхо собственных шагов. Покой вернулся, легкой теплой шалью накрывая ее плечи, и к Мэгавар она вошла светлая и тихая.

Как Шеда и предполагала, слепая ведьма не спала. Склонив голову на грудь, Мэгавар сидела на своей лавке, чуть покачиваясь из стороны в сторону, и ее беспокойные руки комкали клубок шерсти. Шедавар видела, как из него выпутываются длинные петли, проскальзывая сквозь ее старческие пальцы, и опадают ей на колени. Когда-то давно эти нитки были голубыми, словно небо, лазоревыми — но теперь выцвели, и бледная шерсть казалась выстиранной. Глаза твои, ведьма, тоже когда-то были голубыми, наверное. Кто-то мне говорил об этом... Заслышав чьи-то шаги, старая эльфийка встрепенулась, вздрогнув всем телом, а затем, вытянув вперед сухую руку с выжженными на ладонях символами, прошелестела:

— Искорка!.. Небо ли тебя прислало, искорка?..

В тусклом свете факелов Шеда разглядела блестящие влажные дорожки на ее щеках, и почему-то ей стало страшно. Матушка Мэгавар никогда не плакала, матушка Мэгавар никогда не была слабой, она...

В несколько шагов преодолев расстояние, делящее их, Шеда опустилась перед ней на колени, осторожно пряча ее ладонь в колыбели своих рук и встревоженно глядя на ведьму. Рука ее была холоднее камней в самых верхних залах, куда так редко забредали эльфийки, поглощенные своей жизнью на ярусах пониже.

— Что такое, праматушка? Что с тобой?

Мэгавар затрясла головой, и волосы, что были белее снега, мазнули запястья Шеды.

— Искорка, искорка... Нынче — злая ночь, злая. Нынче семечко, брошенное в почву, проросло.

Шедавар ощутила, как холодок крадется по затылку, поднимая короткие волоски дыбом.

— Охота началась? — севшим голосом просипела она, замерев и почти что не дыша.

— Нет еще, дитя, — проскрипела в ответ ведьма, и у Шедавар отлегло от сердца. Остальное было не так страшно, все остальное могло и подождать — оно не пугало. Главное, что у них еще есть время... Ведьма снова покачнулась, и все внимание королевы вернулось к ней, — Но прорастая, зерно разрушает почву... Сегодня все свершилось, дитя, и мы уже

ничего не сможем остановить...

— Объясни мне, праматушка, — Шедавар успокаивающе коснулась руки ведьмы, чтобы хоть как-то смягчить свое требование, — Как по мне, нет ничего страшнее начала Охоты.

Мэг конвульсивно дернула уголок рта, и бледные ее губы разомкнулись в горьком смехе.

— Верно, искорка — и впрямь нет ничего страшнее... Верно... — старуха даже не поворачивала к ней головы, и Шеде ее бездвижие казалось странным — и страшным. Ведьма словно что-то видела, сокрытое от других, и одна могла предупредить их о незримой опасности. Вдруг Мэгарвар резко втянула носом воздух и качнулась вперед, цепко хватая королеву за плечи и обращаясь к ней лицом. Ее белые глаза были напротив глаз Шеды, и эльфийка не могла отвести взгляда, как бы ей того ни хотелось. Ведьма заговорила — быстро и отрывисто, — Уводи их немедленно, искорка... Уводи так скоро, как только сможешь. Сквозь зернышко, упавшее к нам, прорастает наша смерть. Дом наш разрушится... уже сейчас он рушится...

Некоторое время Шедавар обдумывала ее слова, а затем чуть ли не отпрянула от ведьмы:

— Залеска!..

— Тише, тише, — Мэгарвар покачала головой, — Не надумывай лихого. В девочке самой темного нет — да только те, от кого она ушла, прокляли ее. Прокляли и тех, к кому она ушла... Под землей нам жизни не будет, слышишь меня, искорка? Под землей нам уже не жить...

Шедавар слушала ее внимательно, хмурясь с каждым словом все больше. Когда ведьма притихла, эльфийка поднялась на ноги, распрямляясь во весь рост.

— Ведьмы чувствовали то, что идет от нее? Поэтому они ее невзлюбили? Мне Аллэивар сказала, что Дом Знающих сторонится девочки.

— Все мы чуяли — да никто не знал, что будет... Они и сейчас не поймут — они ведь не знают его так, как я... — Слепая Мэг откинулась назад, прижимаясь седой головой к стене и опуская трепещущие веки, — Я — его сердце. Сердце всегда чувствует, когда что-то не так, — помолчав, она горько вздохнула, — Его кости трещат, искорка. Тени взбеленились, они возвращаются туда, откуда пришли — в самую глубь мира, в самое его темное сердце, туда, куда свет солнца не проникнет. Они больше не слушают нас... Не так, как раньше. Они даются нам в руки лишь на чуть-чуть, на короткое время — и удержать их я не могу... И они утекают из наших кристаллов, из наших домов, они покидают это место, возвращаясь в свой исток. Отныне нам будет разрешено черпать их маленькими горстями — мы больше не будем купаться в них...

— Постой, — Шедавар потерла пальцами гудящий висок, в котором пульсировала странная, давящая боль, — Это же камень. Древний камень. Почему ты говоришь, что город рушится?

— Тени, — прошептала ведьма, — Вплетены в него слишком сильно. Без них он погибнет. Твое тело крепко и надежно, искорка — но оно разрушится, как только кровь уйдет из него, вытечет до последней капельки. Ты понимаешь это, искорка? Они — кровь Лореотта, я — его сердце. Крови почти и не осталось, искорка...

Шеда ощутила, как становится дурно — и как-то пусто и холодно. Она знала, что рано или поздно ей придется уводить своих сестер из Лореотта, что они будут вынуждены покинуть это место. Однако город должен был уснуть без них — не умереть. Что просишь —

то и дают. Не проси, если не знаешь, как исказится твое слово. Не проси, если не знаешь сути своего желания. Не говори, что заплатишь любую цену — иная цена может оказаться слишком дорогой. Взяв себя в руки, Шедавар отрывисто спросила:

— Что с другими городами?

— Тени уходят отовсюду — однако чем дальше другие сердца от нашего, тем больше времени понадобится на то, чтоб их сила ушла в землю. Они протянут еще — кто больше, кто меньше... Но тени уходят, искорка, — старуха вновь принялась раскачиваться, перебирая в пальцах нить. Белые ее ресницы трепетали, словно крылья мотыльков, и глубокая складка залегла меж белых, как снег, бровей. Страдание ведьмы Шедавар ощущала почти физически.

Устало опустившись на скамью подле нее, женщина откинулась назад, ощущая лопатками холод стены. Неужели вся эта громада могла рассыпаться, как костяные домики, которые строили дети, играя? Неужели все это могло исчезнуть?..

Было странно. Даже страшно. Она была уверена, что сумеет оставить дом — но не так. Ей хотелось иначе, сильнее, хотелось увести свой народ к солнцу — и увести гордо, как вела эльфов Инведаар. К горлу подкатил горький хриплый смешок: только теперь она поняла, что на самом деле ощущала королева былого, из последних сил вырываясь из цепких когтей беды и шагая в неизвестность. В этом нет ни чести, ни славы, ни гордости — только пепел.

Повернув голову к ведьме, Шедавар некоторое время разглядывала ее, ощущая тяжесть веков, навалившихся на острые, худые плечи старухи. Она пришла в Лореотт вместе с другой королевой, она помнила солнце и голубое небо, она была юна, когда им пришлось спастись бегством. Ее кровь хранила память о другой, более древней крови — бессмертной, вечно живой. И сейчас история повторялась снова, закручиваясь еще одним витком, новой петлей — словно нить в ее руках. Что ты чувствуешь сейчас, ведьма Лореотта? Что ты чувствуешь, снова ступая на эту тропу? Прикрыв глаза, Шеда тихо позвала ее:

— Мэгавар? Что мне делать теперь?

В вопросе этом не было ничего зазорного. Шедавар знала — она не справится одна. Мэг усмехнулась, не поднимая век, и пальцы ее вдруг замерли.

— Она пришла ко мне тогда с этим же вопросом, искорка... Мы были молоды и прекрасны — и она, и я. До той войны мы мечтали о том, как будет светел и тих наш дом, как я выращивать цветы в нашем саду и творить чародейство для нее... Мы играли тогда не с тенями, нет... Было что-то кроме них, я помню, что-то иное. Ну да это не так уж важно... Нас гнали с перевала на перевал, нас оставалось все меньше — и она пришла ко мне. Она плакала, — голос старухи, надтреснутый и ломкий, стал еще тише, — Тогда я сказала ей — и она послушала меня. Многое и многих потеряла, но послушала. Потеряла почти всех и все. Потеряла меня... — ведьма открыла глаза, и ровно на один миг Шеде почудилось, что перед ней сидит красивая молодая женщина с синими, как море, очами, и мягким золотом волос, водопадом струящихся по плечам. Она видела ее высокий лоб и тонкие скулы, благородные черты лица, нежный изгиб губ — а затем эта тонкая пелена спала, и кожа ее побледнела и покрылась сетью морщин, и руки ее покрылись письменами, которые ни одна река не сумела бы смыть, — Я отказалась от нее, став сердцем. Она отказалась от меня, забыв о наших грезах и мечтах... Я видела, как она уходила к богам, — ведьма затихла, а Шедавар ощущала, как дерет плотку и как болезненно сдавливают сердце, — Ты спрашиваешь меня, что делать... Уводи их, искорка. Как можно быстрее иди к Реанэсс, расскажи ей всю правду — и уводи их. У нас остается неделя — больше я не выдержу. А там уж... а там уж делай то,

что считаешь нужным и верным. Слушай внимательно их голоса... Они помогут. Небо поможет тебе.

— Неделя? — опешила Шедавар. Так мало...

— Потому я и заклинаю тебя — торопись, — Слепая Мэг вновь покачала головой, — Я не хочу, чтоб они видели его гибель. Уведи их раньше, чем это произойдет.

Они сидели в молчании, и Шедавар ощущала, как сквозь нее проносятся все те годы, что она провела здесь, а вместе с ними стремительно несется и жизнь города, ныне утекающая как вода из ладоней. А внутри было пусто-пусто — даром что ветер не гулял, и как-то болезненно-холодно. Ей хотелось иначе, хотелось...

Сухая ладонь Мэг легко опустилась на ее колено.

— Иди, искорка. Не думай — делай. Потом, когда все закончится, ты оплачешь потерянное. Сейчас — сбереги то, что сберечь нужно. Ступай с Богом.

Шедавар механически кивнула, поднимаясь с лавки, движимая чьей-то чужой силой — будто кто-то подталкивал ее в спину, а она не осознавала ни своих действий, ни своих шагов. Ноги сами несли ее к завешенному шкурами проходу из кельи Мэгавар, и лишь в последний момент королева, словно очнувшись ото сна, обернулась к ведьме.

— Скажи... скажи мне, праматушка... — слова давались тяжело, но Шеда все же сумела вымолвить, — Что ты чувствуешь сейчас? Теперь, когда ты...

Слово так и не сорвалось с ее губ, но того и не надо было: Мэгавар чуть заметно улыбнулась, и лишь сейчас — лишь в этом — королева ощутила крохотную крупицу света.

— Она ждет меня в Поднебесье, искорка. Я наконец увижу ее. Сердце мое плачет вместе с тобой — но вместе с тем и поет: моя Веда наконец дождалась меня. Иди же. Ступай с Богом.

Шедавар не помнила, как выходила из пещеры Слепой Мэг, не помнила того, как пересекала пропасть. Когда из темноты сталактита она вынырнула в нежный, сумрачный покой колонн и высоких арок, сердце защемило странной болью, какой раньше она не испытывала. Все было точно так же, как было и десятки лет назад: те же мосты соединяли висящие в воздухе дома-дворцы, те же террасы резным узором вгрызались в жесткий камень, превращая его в летящее чудо, легкое и кажущееся невесомым, тот же свет обволакивал молочные изгибы арок и терялся над головой в темноте россыпью диковинных звезд. Не сдержавшись, королева медленно подошла к одной из колонн, ладонью прошлась вдоль белого, холодного бока — и пальцы ее замерли, а из груди вырвался то ли смешок, то ли всхлип.

По колонне вниз ползла едва различимая трещинка, что была тоньше женского волоса, тоньше паутинки. Шедавар просто смотрела на нее, когда странный звук повторился третий раз за ночь, и трещина поползла еще на ладонь ниже. Почему-то эльфийка знала, что пока еще она не глубокая, пока еще камень выдержит, пока еще...

Пока.

Минуты потекли дальше, вливаясь в реку времени — и теперь, казалось, они текли быстрее. Шеда не помнила себя, когда уходила от колонны, спускалась по лестницам вниз и стремительно шла к казармам — будить Инарэ и Келевар. Нужно было торопиться. Время теперь не подчинялось им.

===== Глава 45. Соглашение =====

На широком плато, по которому змеей ползла извилистая замерзшая река, застывшим водопадом срываясь с края вниз, раскинулся город. Он ничем не напоминал человеческие

города — по крайней мере, те, о которых Шеда имела представление, и одновременно был поразительно похож на них. Город расходился ровными кругами от центра, ширился во все стороны, и на его окраинах женщина видела грубые каркасы будущих домов. От этого стало немного спокойнее — значит, Реанэсс все же прислушалась к ее письмам и, возможно, начала готовить место для будущих переселенцев.

Потрепав химеру по холке, Шеда мягко толкнула ее пятками, и зверь послушно потрусил вниз, к плато, а следом за ним двинулись химеры Инарэ, Келе и Этанэ. Тропа до Аэль-Роадана была ведома лишь эльфам и тянулась практически по самой вершине длинного хребта, соединяющего группу гор закручивающейся петлей. Дорога заворачивала по спирали вниз, и город стоял на плато практически внутри каменной чаши: с одной стороны его кольцом защищали горы, с другой — высокий обрыв, с которого по весне с грохотом срывался водопад. Со стороны невозможно было заметить признаки того, что здесь кто-то живет. Враг, не знающий местности, едва ли смог бы отыскать Аэль-Роадан, и королева невольно восхитилась: клан Эсс позаботился о своей защите куда лучше других кланов. Она не сомневалась, что смотровые в городе уже заметили их и сообщили Реанэсс о том, что гости из Лореотта здесь.

Пока зверь неспешно брел по серпантину вниз, Шедавар разглядывала Аэль-Роадан, улочки которого медленно заливал свет утреннего солнца. Густая тень гор была здесь, кажется, все время — разве что от солнечного зенита пряталась в сосновых зарослях, вползающих на склоны. Чуть в отдалении королева видела сады, узкие полосы пашен, промеженные тонкой сетью канав, приземистые хранилища, от которых к городу тянулись расчищенные дорожки. Аэль-Роадан был окружен надежной широкой стеной — наполовину каменной, наполовину бревенчатой, и из нее по всему периметру вырастали узкие башни с крытыми бурой глиной крышами. Новые дома строились за чертой стены — Шедавар видела сваи, какие-то разметки, видела фигуры эльфов, что уже сейчас сновали меж кладок каменных блоков. Здешние жилища казались ей громоздкими и грубыми: она могла разглядеть стены, сбитые из неотесанного камня или просмоленных толстых бревен, балки, придерживающие двускатные крыши, и все это казалось ей чужим. Впрочем, иного выбора у них не было, и Шедавар тут же одернула себя. Негоже так. Если небо поможет, они примут нас... Следовало бы быть благодарной, королева.

— Совсем как люди, — проворчала за ее спиной Этанэ, и Шеда поняла, что в душе согласна с ней.

Над крышами из труб тянулся серебристый дымок, и его запах смешивался с запахом зимы. Пахло чужим домом, бытом, так сильно не похожим на быт подземелий, и Шеда вдруг поняла, как сильно, должно быть, эльфы Аэль-Роадана отличаются от них — не только внешне, но и тем, глубинным и тонким, что связывало их всех. У них ведь совсем иная жизнь... Интересно, сможем ли мы однажды принять такую жизнь? И нужно ли это, действительно ли нужно? Решив, что размышлять об этом сейчас бесполезно, Шедавар потрянула головой, выпрямляясь, и отпустила химеру рысью. Ветер, бьющий в лицо, унес последние змеиные шепоты, внушающие ей страх, и женщина, не оглядываясь назад, направилась к городским стенам.

Чуть погода навстречу им вышла одинокая фигурка, уверенно шагающая прямиком по тропе меж каркасов будущих домов, а за ней на некотором расстоянии следовало еще несколько. Шедавар спешила, и ее химера, строптивное безымянное создание, которое королева звала просто Кошкой, рванулась было из-под руки прочь, но женщина резко

дернула зажатые в кулаке поводья, и зверь, обиженно вякнув, нехотя побрел рядом с ней. За ее спиной возились охранницы, но на них королева Лореотта не обращала внимание, разглядывая приближающуюся к ним Реанэсс.

С королевой Аэль-Роадана она была неплохо знакома, и даже испытывала к ней некую симпатию — Реанэсс была ровесницей Аллэи, и они с сестрой росли вместе в клане Рель, куда ушла мать, чтобы зачать дитя. Ей повезло — родилась девочка, которая со временем согласилась принять клановое имя матери, как и Шеда после нее. Реанэсс же терпеть не могла подземелья и вознамерилась уйти в Аэль-Роадан, и единственным, что мешало ей это сделать, была именно Аллэи. Любовь к ней королева наземного города пронесла сквозь годы и расстояния: она по-прежнему была одинока и по-прежнему ждала Ищущую, только вот та нос воротила. Впрочем, Реанэсс не отчаивалась, на все смотрела спокойно и рассудительно, и Шеда, став королевой клана Вар, не раз принимала ее в подземельях. К самой Шедавар женщина относилась с мягким теплом — и сестринской снисходительностью: все же та стала самой молодой королевой Лореотта, и это в некоторой степени задевало остальных правителей. Они не высказывали этого прямо, однако всякий раз на Совете Племени Шеда ощущала на себе колючие взгляды, словно порицающие ее за что-то. И единственной, кто принимал ее спокойно, была Реанэсс.

Она остановилась напротив, в нескольких шагах от них, скрестив руки на груди и чуть заметно улыбаясь. Реанэсс была высокой, поджарой, с сильным, но при этом гибким телом, округлыми подтянутыми бедрами и на удивление мощными плечами, укрытыми подбитым волчьим мехом плащом. Сквозь темную плотную ткань ее штанов и куртки проглядывали крепкие мышцы — королева не гнушалась работы и любила ее; она знала столярное ремесло, считалась своей среди каменщиков и кузнецов, по весне вместе со всеми бралась за плуг, и за это Шедавар бесконечно уважала ее. Впрочем, назвать ее простой эльфийкой не смог бы никто — даже тот, кто не знал ее лично. Одного взгляда на Реанэсс хватало, чтоб понять — эта женщина умна, наблюдательна и сильна, во всех смыслах. Да и черная вязь рун, цепочкой спускающаяся от уголка правого глаза к скуле, говорила сама за себя. Золотые эльфийские глаза ее со временем немного поменяли цвет, налившись по самому краю радужки луговой зеленью, и поэтому взгляд у нее был немного лисий, хитроватый — но при этом властный. Не только это отличало эльфийку от ее подземных собратьев: волосы Реанэсс тоже словно впитали солнце, и пепельная мягкая копна, зачесанная назад и прихваченная кожаной тесьмой на лбу, отливала бледной рыжиной, а кожу ее покрывал чуть заметный загар, с годами окончательно закрепившийся. У королевы была широкая челюсть, высокие скулы и нос с едва заметной горбинкой; голову она всегда держала высоко, глядя на всех немножко сверху. В этом не было надменности, однако рядом с Реанэсс Шедавар ощущала себя немного скованно — даже она. Впрочем, рядом с королевой Аэль-Роадана другие эльфы походили на суетливых муравьев, тут уж ничего не попишешь.

Шедавар подошла к ней ближе, почтительно склоняя голову:

— Здравствуй, Реанэсс, королева Аэль-Роадана. Да сохранит Небо тебя и твой клан. Жить ему и здравствовать среди этих гор, не зная врагов.

Реанэсс разомкнула руки и церемонно поклонилась в ответ.

— Здравствуй и ты, Шедавар, королева Лореотта. Да сохранит Небо тебя и твой клан. Жить ему и здравствовать среди этих гор, не зная врагов. Проходи в мой дом и раздели со мной мой хлеб.

Они пожали друг другу руки, и с ритуальным приветствием было покончено. Реанэсс

легонько хлопнула Шеду по плечу, и та ответила ей теплой улыбкой.

— Давненько я тебя не видела, Шеда, — королева Аэль-Роадана кивнула охранникам Шедавар и вновь взглянула на женщину, — За письмами и вовсе забыла, что такое живое общение.

— Дела, Реанэсс, — хмуро отозвалась та, — Я и сама не помню, когда последний раз встречалась с кем-то из глав племени.

— Да оно и понятно. Сейчас ты тоже вряд ли просто так заехала в гости, я верно понимаю? — она вопросительно склонила голову к плечу, буравя Шеду внимательным взглядом. Эльфийка кивнула, все так же хмурясь, — Хорошо. Идем. Твоих стражниц примут, о животных позаботятся — а мы с тобой потолкуем с глаза на глаз.

Они зашагали в сторону Аэль-Роадана, негромко переговариваясь о насущных делах. Ни слова о Дикой Охоте никто не произнес — все сводилось к урожаю зерна, к торговым поставкам из Таврании, к детям, появившимся в кланах. Охранницы, забравшие Кошку, шли на почтительном расстоянии позади, чтоб не мешать королевам. Мимоходом Шедавар разглядывала стройку, растянувшуюся кольцом вокруг всего города, и в сердце ее теплилась надежда: вряд ли Реанэсс просто так застраивала землю. Прямых согласий она в письмах не давала, однако сейчас все на это указывало, и Шеда ощутила, как гора с плеч немного сдвинулась, став на несколько пудов легче.

Эсс был смешанным кланом, и здесь Шедавар видела и женщин, и мужчин, и детей. Несмотря на это, по численности в племени клан шел третьим после Лореотта и Эрты, города мужчин из ветви Ниир. Эльфы никогда не были плодовитыми, а с учетом того, что молодые часто уходили в другие кланы, города разрастались медленно. Каждый правитель лелеял мечту, что однажды его клан будет главенствовать над всеми, однако со времен ухода Инведаар это первенство удерживал клан Вар, и отдавать власть кому-либо другому Шеда не собиралась.

За стеной уже кипела жизнь — Аэль-Роадан просыпался, и зимнее солнце пробиралось по выбеленным поземкой расчищенным улочкам. Шедавар видела кузницы с рядом закопченных труб, ощущала запахи снеди, слышала окрики наставников и наставниц со стороны тренировочного плаца, и понимала, что ее людям придется здесь нелегко. Они были другими — более тихими, лишенными суеты... И еще чего-то. Они были не такими пестрыми — Шедавар уже видела среди обитателей Аэль-Роадана молодых эльфов с волосами, не лишенными цвета, и с голубыми либо темными глазами. Рожденные в подземельях по-прежнему оставались бледными и словно выцветшими, однако в них уже поселилось что-то иное, странное и острое ощущение жизни, которого их пещерные собратья были лишены. Шеда смотрела на них — и в ней боролись противоречивые чувства: с одной стороны, что-то внутри нее ворчало и воротило нос от нового быта, так напоминающего человеческий, но с другой стороны, она понимала, что он притягивает ее. Она отрицала такую жизнь — и желала ее, пока еще втайне даже от себя самой.

Прохожие, замечая татуировки на ее лице, низко кланялись ей, сгибаясь чуть ли не в пояс. Короли иных кланов почитались практически так же, как повелитель родного, а потому краем уха она слышала благословения в свой адрес и приветствия. Эльфы отрывались от работы, чтоб взглянуть на нее — однако их внимание не было назойливым: скорее, почтительным, но не более того. Реанэсс вела ее к центру, туда, где находился Дом Королевы, и по пути охранницы Шеды, забрав зверей, оставили ее на попечение Реанэсс, взяв на себя заботу о химерах. Для них в наземном городе была выделена огороженная

площадка, чтоб гости других кланов могли оставлять химер там. Звери не слишком любили сидеть за заборами, однако их особо никто и не спрашивал. Ловить их по окрестным горам Шедавар не собиралась — а уж с характером Кошки такое времяпровождение химера ей бы обеспечила непременно.

Реанэсс провела ее практически через весь город, и вскоре они вышли к длинным, вытянутым зданиям казарм, сразу за которыми начинался плац. Мимо Шеды проскакала какая-то молоденькая девчонка, и сердце королевы пропустило удар — в ее сознании эльфийские черты лица никак не вязались с темной косой, хлещущей ее по плечам. Цвет был насыщенным, почти черным, и Шедавар отстраненно подумала, что когда-то давно это не было такой редкостью, как ныне. Реанэсс, поймав ее взгляд, приподняла уголок губ:

— Четвертое поколение, выросшее под солнцем. Они уже совсем не похожи на пещерных мышей, — в ее голосе Шеде послышалась гордость, но точно она сказать не могла. Королева Лореотта коротко усмехнулась:

— Да и ты уже не такая, как мы — хоть и в подземельях родилась.

Реанэсс хмыкнула:

— Жизнь здесь имеет свои плюсы. В какой-то момент начинаешь понимать, что мир не стоит на месте. В пещерах это понимание было слишком далеко от меня.

Разговор свернулся, и до самого Дома Королевы они шли в тишине. Здание практически ничем не отличалось от остальных строений в городе — разве что фундамент был повыше, а у крыльца стояли часовые. За крепкой сосновой дверью начинались сени, завешенные шкурами, на стенах виднелась вязь колдовских охранных рун. Нырнув под одну из шкур, завешивающих вход в комнату, Шедавар огляделась. Она уже бывала здесь, и с годами ничего не изменилось: те же четыре широкие жаровни, расставленные по углам зала, стол, вокруг которого стояли колченогие стулья, запах дерева и жженных трав. У дальней стены находился еще один стол, застеленный картами и письмами, на нем же красовалось несколько бутылков с прозрачной жидкостью, и Шеда не сумела сдержать блаженную улыбку: в Аэль-Роадане делали странный напиток на пшеничных зернах — горень, до того крепкий и обжигающий, что из глаз искры сыпались, а наутро после попок голова гудела, будто на нее медный таз надели и колотили по нему со всей силы. Шедавар любила эту дрянь едва ли не так же сильно, как тавранский вересковый мед. Реанэсс жестом указала на один из стульев, и, пока Шеда разбиралась с плащом и устраивалась, разлила по двум деревянным кубкам напиток, прихватив бутылку с собой. Она опустилась за стол напротив королевы Лореотта и протянула ей кубок.

— Давай-ка, Шедавар — за мир над нашим краем, — она отсалютовала Шеде, залпом выпивая и не морщась, и женщина повторила ее жест, однако допивать до дна не стала: ей нужен был ясный рассудок. Реанэсс откинулась назад, внимательно разглядывая ее, — И рассказывай, что стряслось. В письмах ты не указывала, что скоро явишься.

Помогай, Небо. Шедавар покрутила в руках кубок, задумчиво разглядывая письмена, вырезанные на его боках, а затем подняла глаза на Реанэсс. Та казалась спокойной и мягкой, словно ленивая медленная река, однако обманываться не стоило: вряд ли она позволит клану просто так присоединиться к городу — королева Аэль-Роадана умела извлекать выгоду из любой ситуации. Значит, настало время для игр, которые Шеда терпеть не могла.

— Для начала, ответь мне на один вопрос, Реанэсс. То, что строится вокруг города...

— Это дома для твоих эльфов — и для эльфов других кланов, — кивнула королева Аэль-Роадана, — Естественно, работы слишком много, и большую часть придется делать вам —

однако мы постараемся сделать так, чтоб через луну были готовы казармы и хотя бы несколько десятков общих домов. Знающие помогают, поэтому у нас есть шансы успеть. Большого я сделать не смогу — извини уж.

— Этого более чем достаточно, — тихо ответила ей Шедавар, не отводя взгляда, — И поверь, я не забуду того, что ты сделала. И уплачу любую цену... если она не навредит моему клану.

— Верю, — Реанэсс чуть прикрыла пушистые ресницы, спокойно выслушав Шеду, — И не сомневаюсь в том, что королева Лореотта знает о чести. Цену мы обсудим после того, как все более-менее устаканится. Сейчас речь идет о том, чтобы дать приют детям, Жрицам и Защитницам — воины уйдут, как и Знающие, на битву. Мы посмотрим, насколько разрастется город после войны, и тогда поговорим о взаимном сотрудничестве. Сама понимаешь — я, как королева своего клана, должна защищать его интересы, — она развела руками, однако ни единой виноватой нотки в ее тоне не промелькнуло.

Лисица. Шедавар согласно кивнула, отхлебывая еще несколько глотков горения. По крайней мере, Реанэсс протянула ей руку помощи — и лишь за нее она могла держаться. На данный момент других вариантов у нее не было.

— Что другие кланы? Нет никаких вестей? — Шеда поставила локти на стол, переплетая пальцы. Реанэсс лишь плечами пожала:

— Даар собираются присоединиться примерно в то же время, что и вы. Веон и Ниир отказались от проживания на нашей территории — они приведут детей, оставят их и сразу спустятся в низины, где разобьют лагерь и будут ждать тебя. Когда все закончится, детей заберут и уведут обратно в подземелья. Но это ты, должно быть, знаешь. Что до остальных... — она поморщилась, не глядя на Шедавар, — Иан и Рель заявили, что от них поддержки не будет. Вообще никакой. Они ссылаются на то, что в битве погибнут сотни эльфов, и кому-то нужно оставаться в доме, чтоб возродить племя, если оно окажется на грани вымирания. Такое чувство, будто мы умирать собрались... — губы Реанэсс скривились в презрительной улыбке, — В общем-то, все как всегда — два клана у нас в вечной оппозиции. Другого я и не ждала, если говорить по чести.

Шедавар угрюмо кивнула: смешанные кланы Иан и Рель всегда оставались в стороне и противились любым изменениям — даже тем, что могли пойти им на пользу. Возможно, именно поэтому они были самыми малочисленными — рождающиеся дети со временем сбегали отсюда, а из других городов не приходили. Ее отвлек голос Реанэсс:

— Таким образом, в твоём распоряжении будут войска пяти кланов. Итого — около трех с половиной тысяч воинов, из них — около девяти сотен на химерах. Я права? — она вопросительно взглянула на Шеду.

— Абсолютно. Каждый клан заботится о провианте и фураже самостоятельно — плюс небольшой запас. Я оговорю это на Совете Племени, — Шедавар побарабанила пальцами по гладкой поверхности стола, — И предлагаю созвать этот совет через три-четыре дня. Нам нужно продумать все, все до последней мелочи — нас не так уж и много получается... К тому же, ситуация осложнилась, — помолчав, она подняла взгляд на Реанэсс, — Именно поэтому я и здесь.

Ничего не изменилось ни в выражении лица королевы Аэль-Роадана, ни в ее позе — она оставалась такой же расслабленной и спокойной, однако Шедавар буквально ощутила, как что-то в воздухе задрожало натянутой тонкой струной.

— Слушаю тебя.

Боги, ведите мое слово, помогите мне. Собравшись с мыслями, Шеда полностью развернулась к ней, не отводя взгляда от ее лица.

— Я ищу союзников — всюду, где только могу. Поднимаю летописи, свидетельства — в общем-то, все, что есть. В этом мне помогает Лорелей, ты помнишь.

— Птичница, — Реанэсс чуть улыбнулась, — Да. Знаю.

— С ней мы выяснили, что раньше в войнах Изломов участвовало Залесье, — продолжила Шедавар, вытаскивая из-за пазухи небольшую карту и разворачивая ее на столе перед Реанэсс, — Вот здесь — этот регион. Залесские женщины — колдуньи, неплохие мастера оружия, лекари.

— Я приблизительно помню — слышала нечто подобное от ведьм, — задумчиво протянула Реанэсс, разглядывая карту и пометки на ней. Брови ее чуть сдвинулись к переносице, — Они пришли бы очень кстати.

— Я тоже так думала, — мрачно вздохнула Шеда, — И послала к ним Аллэи — связь с Залесьем давно была утеряна, однако мы все же надеялись, что получим от них ответ. Если вкратце — залески отказались присоединиться к нам, так как стоят на стороне Охоты. Они взяли в плен Аллэивар, но ей удалось сбежать вместе с одной из молодых колдуний — она спасла ее. С Аллэи все хорошо, — поспешила добавить она, заметив, как окаменело лицо Реанэсс, — Но... Я недооценила залесок. На девочку, пришедшую в Лореотт, они наслали какие-то чары — наши ведьмы даже не поняли, в чем дело. Они не ведают такой магии, и не могут ей помешать, — помедлив, она поняла, что не знает, как смягчить собственные слова, поэтому решила говорить прямо. Собравшись с силами, она выдохнула, — Тени уходят из подземелий, и города без них разрушаются. Мы не могли предугадать это, не могли даже предположить нечто подобное. Мэг поняла лишь сегодня. Как только последние капли силы иссякнут, города пещер разрушатся.

Некоторое время Реанэсс молчала, обдумывая ее слова. Выглядела она все такой же спокойной, словно Шедавар только что сообщила ей, что завтра начнется оттепель — и это очень не понравилось королеве Лореотта.

— Остальные знают об этом?

— Вряд ли — эпицентр у нас, и до них доходят пока лишь отголоски. Сама понимаешь, это вопрос времени. Тени не останутся в пещерах — они уходят в исток. Так мне сказала Мэгарвар, поэтому понимай как знаешь, Реанэсс. Я планирую рассказать об этом на совете. Нужно предупредить всех — времени осталось не так уж много.

— Сколько? — это тоже прозвучало почти что будничным тоном. Шедавар не понимала, почему Реанэсс вела себя так, словно ничего не происходило. Либо она слишком хорошо умела держать лицо, либо...

— У Лореотта есть неделя. Максимум, — тихо ответила она, решив, что обдумает все позже. Сейчас нужно было дойти до соглашения с Реанэсс.

Королева Аэль-Роадана тихо присвистнула, и в глазах ее впервые за все это время мелькнуло что-то, отдаленно напоминающее неверие — и сочувствие.

— Да уж... А нельзя просто увести девочку из подземелий? Этот процесс можно остановить?

— Нет, — отрицательно покачала головой Шеда, — Нельзя. Механизм уже запущен. И ситуация такова, что нам придется уходить. Всем. Рано или поздно, так или иначе.

— Скорблю вместе с тобой о твоём доме, — тихо проговорила Реанэсс, — Мне действительно жаль. Что ты намерена делать?

— Об этом я и хочу с тобой поговорить, — в тон ей ответила Шедавар, — Насколько я знаю, территории клана Эсс расходятся от Аэль-Роадана на четыре версты вокруг. Вы располагаете доступом к удобным плато, на которых можно разместить города. Я прошу клан Эсс принять нас и разделить территорию с нами.

Отблески пламени в жаровнях окрасили волосы Реанэсс в золотисто-рыжий цвет. Она чуть склонила голову к плечу, обдумывая все сказанное Шедой, но понять, о чем именно она думает, было невозможно. Шедавар просто смотрела на нее, ощущая, как напряжение в груди нарастает с каждой секундой молчания, затягивающегося все дольше.

— И впрямь, — растягивая слова, задумчиво произнесла Реанэсс, — Ситуация несколько осложняется. У нас с тобой была договоренность о том, что мы принимаем ваших детей, стариков и Жриц на время войны, а дальше вы уходите, чтобы отстроиться самостоятельно. При этом мы рассматриваем пребывание детей здесь, — когда она сделала паузу, Шедавар кивнула. Речь действительно шла именно о том, что они временно займут территорию клана, а затем освободят ее. Теперь же все менялось — и вряд ли Реанэсс так просто позволит им забрать свои земли. Тем временем королева Аэль-Роадана продолжила, — У меня были некоторые планы на заселение дальних плато, которые находятся в моей власти. Я не могу просто так подарить их тебе, Шеда, при всем моем уважении. Подступы к Келерии свободны, юг — тоже. Вы можете обосноваться там — почему нет? — ее лисьи глаза, прикрытые пушистыми ресницами, не выражали никаких эмоций. На самом деле, Реанэсс прекрасно знала, почему клан Вар не мог уйти ни к Келерии, ни на юг — однако у игры были определенные правила, и Шедавар пришлось следовать им.

— Ты же знаешь — юг слишком гористый, и склоны там отвесные. Леса далеко, и нам будет очень сложно обеспечивать город древесиной. К тому же, там слишком много рек, которые постоянно разливаются, и половодье смывает берега.

Реанэсс кивала каждому ее слову, соглашаясь с приведенными аргументами, а Шеда ощущала, как внутри закипает не то раздражение, не то злость: королева заставляла ее сказать вслух, что клану Вар действительно некуда идти, и Эсс может спасти их. Подавив колючую эмоцию, Шедавар спокойно продолжила:

— Подступы Келерии же являются официальной территорией Птиц, на которой в летнее время они проводят учения. Кроме того, если строить город, он перекроет путь из Келерии сюда.

— Сделайте его проходным, — пожала плечами Реанэсс, — Снимите с торговых караванов обязанность платить пошлину за вход на территорию города, и дело с концом.

— Эти земли принадлежат Птицам, — повторила Шедавар, стараясь звучать рассудительно, а не раздраженно, — И ты это знаешь, как и я.

— Знаю, — Реанэсс подлила себе немного горения и отхлебнула пару глотков, — Однако ты ведь рассматривала карты, строила какие-то планы на будущее, собиралась уводить свой клан на поверхность и отстраиваться здесь, насколько я помню...

— Рассматривала, — устало подтвердила Шеда, — И не смогла найти ничего. Все более-менее удобные места для городов находятся на вашей территории, и в окрестностях можно строить лишь форты. Сама понимаешь — это не дело.

— Верно, — голос Реанэсс зазвучал немного иначе, и Шедавар невольно пригляделась к ней. Королева Аэль-Роадана покачивала в руке кубок, глядя вверх в него на танец пламени, запертого в жаровне — и сейчас она почему-то казалась хищной, — Когда шел передел

земель, я предположила, что однажды мой клан расширится, и что мне понадобятся удобные свободные земли. Я взяла территории, на которых нет пещер, нет подземных переходов — но есть широкие площади с доступом к лесу, воде, руде и другим полезным ресурсам. Также я предположила, что однажды властители других кланов поумнеют и осознают, что жизнь в подземельях подобна медленной смерти, и захотят выбраться на поверхность. И что им некуда будет идти, кроме как ко мне. Быстрее всех поумнела ты — хоть и это произошло не совсем так, как я думала.

Бесова лисица! Шедавар ошеломленно заморгала — в ее голове не укладывалось, как Реанэсс смогла продумать все наперед настолько досконально. Ее тоже считали сравнительно молодой правительницей — однако получалось, что она, будучи далеко не первой по старшинству, умудрилась обвести вокруг пальца всех, какими бы прозорливыми они ни были. И ныне она имела право требовать все, что угодно.

— Мне действительно жаль, что твой дом гибнет, — продолжала Реанэсс, — И я понимаю, насколько тебе тяжело, Шеда. Не пожелала бы никому того, что свалилось на твои плечи, — она поднялась с места и принялась неспешно расхаживать перед Шедой, сцепив руки за спиной, — Но грядет время перемен. Поэтому в частности тебе нужно действовать быстро. И я это понимаю. Клан Вар — главенствующий клан, соответственно, на войну эльфов ведешь именно ты. Правители присоединившихся кланов всего лишь будут заправлять своими подразделениями, но все обязанности ложатся на тебя. С другой стороны, разрушаются подземные города, и Лореотт падет первым. Тебе нужно делать что-то, чтоб спасти своих — и делать немедленно. Это я тоже понимаю. Поэтому предоставлю тебе землю — хорошую, богатую, удобную, на которой вы сможете застроиться, когда Излом кончится. Но — на моих условиях.

Шедавар слушала ее внимательно, чтобы не попасться в ловушку: она не любила политические игры и не умела в них выигрывать. Она умела сражаться за свой клан, и сейчас тоже собиралась бороться до конца. Реанэсс, дождавшись ее кивка, остановилась напротив нее и уперлась ладонями в стол, чуть нависая над ней.

— Клан Вар является центром торговли с Тавранией — как главенствующий клан. Соответственно, вы имеете некоторые привилегии. Если я выделяю вам землю, Аэль-Роадан становится городом, из которого гораздо удобнее поставлять товары в другие эльфийские города. Если ты согласишься со мной, я сниму с вас обязательство выплачивать налог за поставку на ваши территории. Если же нет — клан Вар будет обязан отдавать дань за то, что торговые караваны находятся на землях Эсс, плюс — дань за пользование землей. Это может быть зерно, самоцветы, руда — в зависимости от того, как будет развиваться наш город. Это — мое первое условие.

Шеда деревянно кивнула, подняв подбородок и спокойно глядя ей в глаза. Реанэсс не требовала немедленного ответа — и потому королева Лореотта собиралась выслушать все, и лишь потом принимать какое-либо решение.

— Дальше, — Реанэсс плавно склонила голову к плечу, напоминая то ли рысь, то ли лисицу. Губы ее тронула едва заметная улыбка, и по позвоночнику Шедавар прошелся холодок, — Издавна ваши ведьмы славились своим мастерством контроля над силой. Я хочу, чтобы наши Знающие имели возможность обучаться вместе с ведьмами вашего города и беспрепятственно возвращались домой.

Это было вполне приемлемо. Гораздо больше Шеда напряглась, когда Реанэсс озвучила первое условие. Прямая торговля с Тавранией была преимуществом Вар, и терять его

королева не хотела. Это действительно могло пошатнуть позицию клана, поэтому ей нужно было обдумать все, все детали и мелочи, и каким-то немислимым образом вывернуть все так, чтобы в конечном итоге ее эльфы выигрывали. Пусть не всё — но хоть что-то...

— Хорошо, Реанэсс. Я услышала тебя, — церемонно ответила ей Шеда, тоже поднимаясь — так, чтобы их глаза были на одном уровне, — Я обдумаю все, сказанное тобой, и сообщу тебе свое решение сразу же после окончания Совета Племени. Думаю, что мы договоримся с тобой.

Она собиралась было протянуть Реанэсс руку, однако женщина продолжила говорить:

— Есть еще кое-что. Пожалуй, это — мое самое основное условие, — теперь она опустила голову ниже и глядела снизу вверх, немного исподлобья. Шеде не понравился взгляд, которым королева Аэль-Роадана прожигала ее насквозь, — Все они обязательны, конечно, однако имеют некоторую вариативность в зависимости от исхода войны. Естественно, эти вариации будут обсуждаться нами, и я согласна идти на небольшие уступки, если ты будешь делать то же самое. Я не зверь, Шеда, — она чуть улыбнулась, а Шедавар в этот миг подумала, что как раз-таки — зверь. Очень хитрый и опасный, — Мое третье условие — не такая уж и высокая цена за жизнь нашего народа. Когда-то ведь все мы были одним народом, и я по-прежнему считаю нас едиными, — она подалась вперед, оказываясь ближе к Шеде, — Настает новое время. Рождаются иные дети — в моем племени они уже совсем другие, не такие, какими были мы с тобой.

Ее пальцы мягко коснулись щеки Шеды, очерчивая бледные скулы, и королева Лореотта непроизвольно отдернулась назад от ее руки. Усмешка Реанэсс стала заметнее.

— Нам нужно вернуть утраченную жизнь, и клан Эсс делает для этого все. Я хочу той же судьбы для всего нашего народа, как хочешь и ты — и за это я бесконечно уважаю тебя, Шедавар. Мы можем объединить наши усилия — и наши кланы.

— Что ты хочешь этим сказать? — сиплым голосом спросила Шеда. Реанэсс убрала руку и выпрямилась, не отводя взгляда.

— Я позволяю тебе привести клан Вар сюда — так скоро, как только ты сможешь. Я дам твоему племени все, что ни потребуется. Твои дети не будут знать нужды. А после окончания войны ты займешься своим городом. В течение пятидесяти лет будут действовать первые два условия, озвученные мной. Вы отстроитесь, начнете новую жизнь. Пообвыкнетесь. А по прошествию этих лет клан Вар сольется с кланом Эсс, и тогда договоренности о торговле и обучении ведьм сами собой сойдут на нет. Мы будем одним кланом, и Вар смогут получать все привилегии, доступные клану Эсс — и наоборот. Если согласится принять клановое имя Эсс, естественно.

Шеда, не веря своим ушам, смотрела на нее. Она думала о соединении кланов — однако всех, с выборным Жрицами правителем, с сохранением каких-то традиций, с клановыми именами... Реанэсс же предлагала ей признать главенство клана Эсс, что означало полное подчинение Вар иному клану и полную зависимость от него.

— Я признаю сохранение традиций вашего клана, — продолжила Реанэсс, почти с сестринской мягкостью глядя на Шедавар, — Ваш город останется женским, и ты будешь править в нем, решать все вопросы, как и решала сейчас. Я буду обсуждать с тобой все, и дела военного времени будут целиком и полностью лежать на тебе. Ты боец, Шеда, и я это понимаю. Вопрос лишь в том, чтобы твой клан взял имя Эсс.

Повисла тяжелая, глухая тишина. Где-то за стенами кипела жизнь, но для Шедавар время замерло — остались лишь глаза Реанэсс и ее теплая улыбка, которой Шеда не верила.

— Клан Вар, — тихо вымолвила она, — Ведет свой род от Нерэневар, дочери Инведаар. Мы носим древнее имя, лишиться которого для нас — горе. Мы носим имя первопришедшей Ниэнавар. Ты предлагаешь нам забыть историю нашего рода?

— Я рада, что ты настолько ценишь имя своего племени, Шеда, — кивнула Реанэсс, — И уважаю это. Поэтому есть другой исход: он гораздо проще — и в случае твоего согласия я, как и говорила до того, по прошествию пятидесяти лет наши кланы разделят ведьм и торговлю поровну, имея равную власть и силу.

— С чего такая щедрость? — злость все же взяла свое, и Шедавар сказала быстрее, чем успела остановить себя. Реанэсс протянула ей ладонь.

— С того, что твоя сестра станет моей женой — следовательно, второй после меня в моем клане. И это принесет пользу Вар. Если ты отдашь мне Аллэи — мы объединимся однако самобытность наших кланов никуда не денется. Все лишь выиграют от этого.

— Кроме Аллэи, — скрипнула зубами Шедавар, сжимая кулаки. Ярость внутри жгла огнем, и она могла лишь стоять и смотреть на Реанэсс. Та в ответ лишь выдохнула:

— Как знать — возможно, со временем я сумею изменить это. Мне нужен шанс, и она не дает мне его. Дай же ты — и мы договоримся. Если нет, то я ничем не могу помочь клану Вар. В любом случае, я назвала тебе все возможные исходы, и выбор остается за тобой — обдумай все, взвесь хорошенько. Я буду ждать твоего решения после окончания Совета — который, как мне кажется, нужно созывать немедленно. У тебя мало времени, — она произнесла это так, словно Шеда могла забыть о скорой гибели Лореотта, — К сегодняшнему вечеру я собираю совет здесь, в Аэль-Роадане, и к ночи ты мне озвучишь свой выбор. По рукам?

Шедавар чувствовала, как тяжесть сдавила ее плечи еще сильнее, а в груди заболело. Ситуация складывалась так, что без Эсс они не могли выжить, и потому Реанэсс диктовала свои правила, спокойно изворачивая все в свою пользу и выискивая выгоду для собственного клана и себя. И Шеда понимала, почему. От этого было еще горше. Несколько невообразимо долгих минут они смотрели друг другу в глаза, а затем королева Лореотта с силой сжала пальцы Реанэсс, с трудом размыкая окаменевшие губы.

— По рукам.

===== Глава 46. Перышко совы =====

Зимнее солнце слепило, и под веками резало, даже когда Шедавар закрывала глаза. Ветра в низине меж гор практически не было, а потому кожу не жгло ледяными касаниями — но сейчас это не было ей на руку: ей нужно было обдумать все, все малейшие лазейки рассмотреть, а для того требовался кристально ясный рассудок. Посему Шедавар зачерпнула ладонью горсть пушистого снега, что лежал громадными сугробами вдоль берегов замерзшей реки, и растерла им лицо, фыркая и смаргивая с ресниц снежинки, тут же превращающиеся в россыпь мелких капелек воды. Сказать, что это помогло, королева едва ли могла, однако мысли, по крайней мере, прекратили метаться в ее голове обезумевшим роем и на миг замерли. Мига вполне хватило для того, чтоб она мрачно уверила саму себя в том, что топиться в замерзшей реке не будет.

Ну, вот видишь? Если ерничаешь, все не так уж и плохо, правда?

Выдохнув из груди весь воздух, Шеда одним движением соскользнула в снег, вытягивая ноги далеко вперед, и прикрыла глаза, прогоняя от себя весь шум, весь грохот слов и обрывочных фраз, что сейчас непрестанно гудели в ее голове. Мир вокруг был чист и бел, город с его трудовым гамом остался позади, и сейчас ни души где-нибудь поблизости не

было. Вдоль берегов реки тянулись укрытые кружевом инея невысокие деревья — кажется, вишни или дикие яблони, Шеда точно не знала. В солнечных лучах они сияли серебром и звездным крошевом, запутавшимся меж тонких черных паутин ветвей. Они склонялись ко льду, чуть ли не касаясь синих трещин в промерзшей до самого дна воде. Ветер сметал с застекленной глади снег, и лента реки не пропадала в белом мареве. Потому-то Шеда и пришла сюда, покинув дом Реанэсс — здесь было тихо и спокойно, и вряд ли она могла случайно встретить кого-то у реки: жители Аэль-Роадана работали, жизнь в городе кипела, и времени на праздные прогулки ни у кого не было.

Реанэсс ушла к ведьмам, чтоб те отправили сообщения к правителям остальных кланов — было решено созывать Совет немедленно, сегодня же вечером. В Аэль-Роадане ждали всех, поэтому эльфы уже начали суетиться, расчищая дорожки, копаясь в погребах и стаскивая съестное на кухни. Город зашумел, и Шедавар поспешила покинуть его черту — находиться в этой суматохе было выше ее сил. Она знала, что Реанэсс не хватится ее, а даже если бы и хватилась...

Эта женщина была умна и изворотлива, терпелива и хитра. Она знала, когда уйти в сторону и наблюдать, а когда бить, прекрасно рассчитывала свои силы и продумывала мелочи, на которые другие правители внимания не обращали — за что и поплатились теперь. Реанэсс могла вить из них всех веревки, и первой была именно Шедавар.

В принципе, королева Аэль-Роадана не запросила слишком многого. Да, она требовала себе торговые договора с Тавранией — и Шеда сделала бы точно так же на ее месте; лишь главенствующий клан мог заключать сделки с иными государствами, и прежде не бывало прецедентов перехода власти к правителям рядового клана. Реанэсс хотела прецедент, так как он продемонстрировал бы всем ее силу и, к тому же, принес бы огромную пользу клану Эсс. Шедавар вертела это в голове и так, и эдак, обдумывая все, и наконец решила, что уступать королеве Аэль-Роадана не собирается. Откуп данью будет наложен для них лишь первые годы, пока не стабилизируется добыча каких-либо ресурсов. Конечно, тут Реанэсс тоже могла перепутать ей все карты, запросив непомерную цену за пользование землей, однако Шедавар в этой ситуации оставалось лишь гнуть свою линию, подтачивая позиции Реанэсс — увещаниями, обещаниями, взаимными договоренностями. Она не была душой, и если Шеда предложила бы ей разумный вариант, не преминула бы воспользоваться им. Оставалось этот разумный вариант найти — однако это случится лишь после того, как речь пойдет о заселении земель. Не раньше.

Второе условие Реанэсс практически не волновало ее — по крайней мере, о его последствиях для клана Шедавар почти и не беспокоилась. Ведьмы славились своим скверным характером, и Знающим Эсс придется нелегко, если они решат обучаться у Вар. Некоторые из эльфийских колдуний взглядом замораживали — пускай и не в буквальном смысле, однако даже Шеда чувствовала себя неуютно в их обществе. Ведьмы Вар славились своим мастерством в работе с древними энергиями, и потому королева Лореотта понимала, зачем Реанэсс выдвинула такое условие. Какое-то злорадство приятно согрело ей грудь: ведьмы Эсс натерпят бед от своих сестер по клану, ох натерпятся...

Оставалось последнее — самое жесткое и самое сложное. Уступать клановое имя она не собиралась, как и не собиралась ставить Эсс выше Вар. Это было слишком, это было чересчур, и принять первый вариант она никак не могла: это значило бы признание слабости клана, его неспособности сохранить древнее имя. Такому позору подвергнуть своих Шеда не могла. Лисица из Аэль-Роадана знала это — слишком уж щепетильной была Шедавар в

вопросах клановой чести. И Реанэсс поставила ловушку именно там, где нужно, и именно так, чтоб выпутаться из ее сетей было невозможно.

Аллэи... Что же я скажу тебе? Как же ты...

Она уже представляла, как Аллэивар будет рвать и метать, когда узнает об этом. Ищущая никогда не искала компромиссов, и на любые попытки как-то ограничить ее свободу брыкалась не хуже своей химеры. Она никогда не была покладистой, когда дело касалось ее интересов, и правила устанавливала сама. Сейчас же...

Вздыхнув, Шедавар откинула голову назад, растягивая на шее завязки пальто, чтоб ослабить узел. Солнце тут же ослепило ее глаза, привыкшие к темноте, и она скривилась, щурясь и часто моргая, а затем выпрямилась, отстраненно оглядывая просторы вокруг. Прозрачный синий воздух звенел морозом и искрился, словно весь в звездной пыли, под ладонями было колко и холодно, а в груди пусто и как-то тревожно. Здешняя тишь и красота никак не вязалась с тем штормом, который медленно поднимался где-то в ней. Лореотт, наверное, сейчас тоже тих и спокоен. Перед глазами тут же возникла белая колонна с тонким-тонким, едва различимым разломом, возник желтый глаз Аллэи, с укором глядящий на нее в тот последний раз перед отъездом королевы, а еще — глаза Мэгавар, туманные, затянутые горькой пеленой воспоминаний. Это все держало ее в тисках так крепко, что дурные мысли никак не шли из головы, заплетаясь змеиным клубком все туже, переплетаясь тяжелыми петлями и не давая вдохнуть свободно.

— Ниэнавар, ты-то, наверное, точно знала бы, как этот узел расплести, правда? — слова сами сорвались с губ тихим полупшепотом и унеслись белым полупрозрачным облачком. Шедавар вновь вздохнула, хлопнула себя по коленям, приходя в чувства, и поднялась из снега, стряхивая переливающуюся серебристую пыль с одежды. Спрятав окоченевшие руки в глубокие теплые карманы, королева Лореотта медленно побрела вдоль берега к городу, погрузившись в свои мысли.

У стены стояли караульные, при ее приближении вытянувшиеся по струнке. Хором они ударили древками длинных копий оземь, и Шедавар лишь лениво кивнула в ответ, едва удостоив их взглядом. Навстречу ей пронеслась целая ватага детей, что вприпрыжку гнались за лохматым псом, визжа и смеясь. Пес, подпрыгивая от счастья, стрелой промчался мимо ног Шеды, едва не сбив ее и задев ее колено черным хвостом, а дети сбились в кучу и замерли перед ней, задирая головы все как один — и тут же сгибаясь пополам, заходясь в восхищенных вздохах и испуганных приветствиях. Не сдержав смеха, Шедавар скрестила руки на груди и грозно нахмурила брови:

— Бездельничаете, мелюзга?

Десять пар глаз уставились на нее, не мигая, и Шеда ощутила себя совой в окружении маленьких внимательных совят. Правда, золото их глаз уже угасло, оставшись лишь крохотным ореолом у зрачка, а всю радужку затапливала небесная синь у одних, зелень лесов — у других, темная смола — у третьих. Одна из девочек, повыше других, с двумя тонкими светло-рыжими косичками и огромным синяком прямо на лбу, утерла рукавом раскрасневшийся нос и храбро заявила:

— Нет, королева! Смотрящая сказала, что ей, мол, не до нас сегодня — и отпустила нас гулять. На реку вот пойдем, драться!

— А ты, я смотрю, больше всех драться горазда? — поинтересовалась у мелкой Шеда. Та вдруг смутилась — щеки ее зарумянились, однако на лице появилась широкая улыбка.

— А то! — она залихватски подняла руку, сгибая ее в локте и напрягая, словно через

одежду Шеда могла увидеть ее мышцы — явно цыплячьи, к тому же, — Я — самая сильная!

— Среди них-то? — Шеда изогнула бровь, выпрямляясь и пряча улыбку в уголках губ. Искренняя серьезность детей всегда казалась ей удивительно трогательной. Девочка непонимающе захлопала ресницами, — Среди них — несложно быть самой сильной. Ты бы взяла себе противника постарше — это бы честнее было. А так...

Дети вдруг захихикали, а девчонка насупила густые светлые брови. Один из мальчиков, с перьями на куртке, что болталась на нем словно тряпки на пугале, ехидно доложил Шеде:

— А она и пыталась — задиралась к старшим ребятам. Они ей зуб и выбили, — малышня покатила со смеху, а девочка вдруг цыкнула на них, и те разом притихли. У Шеды вновь в голове возникла ассоциация с совятами. Девочка вновь шмыгнула носом и гордо задрала подбородок.

— Ну и выбили — но не сильно: он уже опять есть! — и в доказательство она широко открыла рот, демонстрируя Шеде белые ровнехонькие зубки и указывая на клык, что еще не вырос до конца. Шедавар покивала, серьезно глядя на нее: вот уж действительно, где настоящие проблемы. Спohватившись, девчонка согнулась в три погибели, и остальные тут же повторили за ней, — Не смеем больше задерживать тебя, королева!

И с этими словами она вновь помчалась за псом, что все это время воровато выглядывал из-за огромного снежного сугроба и призывно лаял, а следом за ней, вопя на разные голоса, с топотом и смехом понеслась вся орава. Перышко, оторвавшееся от куртки мальчишки, подхватил слабый ветерок, мягко закружив его, и Шеда легко поймала его на ладонь, отстраненно разглядывая рябой серый узор на мягком легком пуху. Совиное, и впрямь...

Спрятав перышко в ладонь, она побрела дальше, мимоходом разглядывая дома и дворы. Дети, что только что стояли перед ней, уже были иными. Пестрыми, яркими... Они вбирали в себя узоры на стволах деревьев, укрытых тулупами из мхов и лишайников, спелый алый сок вишен, вызревших под теплым солнцем, краски осени и весны, лета и зимы. Они наполнялись цветом полноводных рек и темных водорослей со дна, солнечными ослепительными лучами, лазурью вечернего неба, разливающегося над сонными склонами гор, что к ночи становились безмолвными и древними. Дети подземелий вбирали в себя лишь сумрачный свет кристаллов и белые тихие дворцы, прорастающие прямо в камнях, что застыли в воздухе. Для них внешний мир был чудом, сказкой, и многие из них, впервые увидев его, просились домой — потому что слишком много всего окружало их, когда они выходили на поверхность.

Подумать только, все, что есть у нас — тишина и свет, и мы так держимся за это. Так цепляемся руками за эти камни, хранящие наш покой, пьем большими глотками этот сумрачный свет... И почему теперь я думаю, что так не должно быть? И почему при том же мне так хочется сохранить все, как есть?

Почему-то она вспомнила Знающую Мару, лесную ведьму из Гарварнского леса. Та тоже баяла о тишине и свете — Шедавар слышала краем уха из разговора с Птицей Даэн, да и на прощание женщина со смоляной косой, невесомо пожимая ладонь Шеды, попросила ее беречь тишину и свет. Королева Лореотта тогда лишь непонимающе кивнула — на ее взгляд, белый город итак был достаточно тих и светел. Однако сейчас ей почему-то казалось, что ведьма говорила не о Лореотте — а еще о чем-то, о чем-то большем тысячекратно.

Она и сама не заметила, как вышла к загонам с химерами, и пришла в себя лишь тогда, когда услышала протяжное долгое мяуканье, настолько заунывное, что ее непроизвольно передернуло. Через высокие деревянные балки, решеткой ограждающие площадку от

внешнего мира, на нее таращились огромные глаза-плошки, ловящие солнечный свет в круглый зрачок. Шеда подошла поближе и остановилась напротив Кошки, сидящей истуканом за этими громадными прутьями. Зверь вновь взвыл, и Шедавар чуть заметно поморщилась.

— Прекрати — и без тебя тошно.

Кошка, поняв, что ее мяуканье раздражает королеву, затянула еще протяжнее. При этом зеваки, с интересом собравшиеся поодаль и разглядывающие диковинных зверей, тут же поспешили разойтись по своим делам. Химера прильнула к балкам, утробно подвывая, и принялась ожесточенно грызть длинными клыками дерево. Получалось у нее не слишком-то хорошо: судя по всему, Знающие зачаровали дерево, и от зубов Кошки на древесине оставались лишь едва заметные царапинки. Шедавар про себя ухмыльнулась: она прекрасно знала, что зверь иногда точил зубы о поваленные ветром стволы деревьев и преуспевал в этом не хуже бобров. Возможно, сейчас она наконец умолкнет, увлекшись бревном.

Чей-то голос окликнул королеву, и она обернулась на зов. Инарэ, Келе и Этанэ расположились неподалеку на деревянных ступенях Дома Пришедших возле загонов и пускали по кругу флягу. Приглядевшись к ней, Шеда улыбнулась — флягу охранницы приволокли из Лореотта, презрев выпивку клана Эсс, какой бы хорошей та ни была. Этанэ махнула ей рукой, приглашая присоединиться, и Шеда, решив, что терять ей особо нечего, направилась к ним.

— Чего смурная такая, королева? — спросила Келевар, пододвигаясь в сторону, чтобы Шеда села. Голос у охранницы был низкий, густой, словно звериный благородный мех.

— Горло промочить нечем, — в тон ей ответила Шеда, и Этанэ, поняв намек верно, с ухмылкой протянула ей флягу. Не глядя и не принохиваясь, королева сделала несколько больших глотков и тут же чуть было не застонала в голос от наслаждения: глотку приятно и терпко обжег тягучий вересковый мед, — Ох, хорошо... Откуда взяли-то?

— Да Птица твоя мне дала, чернявая, — ответила ей Инарэвар, сухая седовласая женщина, которая могла железные пруты гнуть. Откуда в ее руках было столько силы, Шедавар понятия не имела, — Их девчонка со светлыми патлами наговорила мне всякого, и чернявая пришла за нее прощения просить перед отъездом своим. Ну, она знает, как надо извиняться, — женщина с одобрением щелкнула ногтем по круглому бочку фляги, — В Лореотте еще запасничек есть. Приедем домой — приходи в казармы, королева. Угощу тебя еще разок, посидишь со своими солдатами, выпьешь с нами.

— А сейчас я чем занимаюсь, по твоему? — хмыкнула Шеда, передавая напиток дальше по кругу. Келевар хлопнула ладонью по ступеньке, на которой они и сидели.

— Так это же баловство. А мы по-настоящему посидим, как надо!

Шедавар вздохнула: ей казалось, что ни в одном клане эльфы не сдруживались так крепко и так по-настоящему, как в клане Вар. Они все становились семьей — не по крови, но что-то гораздо большее, чем кровь, объединяло их и держало монолитом, единым существом. Это проявлялось даже в таких мелочах, как совместные попойки королевы и ее охранниц.

— Некогда, Келе, — помолчав, все же ответила она, — Слишком много работы будет дома... Слишком.

— Да уж, — Этанэ, обучающая молодых девчонок, тряхнула пепельной копной, прихваченной посередине узкой кожаной лентой, — Мне уже не терпится этих тварей погонять. Они задолжали мне Яллэ.

При этих словах голос ее стал жестче, и Шеда мягко сжала ее плечо: Яллэвар была одной из молодых Ищущих, не вернувшихся домой. Она училась в отряде Этанэ и обещала стать одной из сильнейших молодых разведчиц — потому-то наставница долго не могла оправиться после того, как Мэг сказала, что не чувствует больше девочку. Ее, как и многих, оплакивал весь Лореотт.

— Я не только об этом, — слова сами собой вырвались, и охранницы с интересом и осторожным любопытством взглянули на нее. Шедавар доверяла им, однако не собиралась рассказывать о договоренностях с Реанэсс — по крайней мере, сейчас, — Вы помните о том, что я говорила вам?

— Насчет того, что мы засиделись в норах? — Инарэ хмыкнула — беззлобно, впрочем; Шеда знала, что она открыто поддерживала такую политику, как и практически все Ищущие, — Помним, королева. Не беспокойся. Дай нам знать — и мы снимемся с места по первому твоему слову.

Словно подтверждая ее слова, остальные эльфийки закивали, согласно и одобрительно гудя, и на сердце стало немного тише. Они по-прежнему были с ней, они по-прежнему оставались ее семьей — и это было дороже всего. Шедавар приняла из рук Келевар флягу, делая еще один большой глоток. Недалеко на одной ноте протяжно выла Кошка, иногда заходясь практически надрывным плачем, но Шеда не обращала на это никакого внимания: почему-то сейчас ей было спокойно.

— А если я прикажу сделать это завтра? — наполовину шутливо спросила она, прикрывая истину вопроса ироничным тоном. Этанэвар пожала плечами:

— Да какая разница? Хоть сегодня. Рано или поздно этот момент настанет — завтра, через неделю, через луну... Нам все равно уходить.

— Ты — наша королева. Ты ведешь весь клан, — подхватила Келевар, — И наверняка уж ты знаешь, что делать. Мы все здесь — оружие в твоих руках, плуг в твоих руках и письма в твоих руках. И куда ты нас поведешь, туда мы и пойдём.

— Мы верим тебе, — просто добавила Инарэ, и все тревоги как-то сразу же отступили назад, куда-то в туман. Шедавар покачала головой:

— А если позову вас в пустыни? Или на равнины? К людям — или к другим эльфам под крыло?

— Вот что я скажу тебе, королева, — Келевар повернулась к ней, чуть заметно улыбаясь. Глядела она прямо и открыто, и Шеда знала, что эльфийка не умела врать — значит, сейчас тем более не солжет, — Нам может нравиться твое решение, или не нравится. Мы можем соглашаться с тобой, или наоборот, считать, что ты не права. Однако так или иначе, ты — мать всего клана. А Инарэвар не для того вбивала мне в голову десять с лишним лет, что нужно быть верной до конца, чтоб я вот так просто взяла и отвернулась от тебя.

— Ну не зря, значит, вбивала, — хмыкнула Инарэ, однако от Шеды не укрылись довольные нотки, промелькнувшие в ее голосе. Эльфийка учила и Этанэ, и Келе, и саму Шеду, и наука у нее была суровая — зато хорошая. По плацу Инарэ гоняла до дрожащих мышц, до изнеможения, до стертых в мясо ладоней — и ровно еще столько же, чтоб закрепить. Во время учебы все эльфийки боялись ее как огня и костерили так, что мало бы никому не показалось, а вот после того, как наставница отпускала их на волю, ее начинали любить. Причем все. Инарэ из строгой, неумолимой, злобной карги превращалась в едва ли не лучшего друга, отличную напарницу и просто мудрую женщину, с которой можно было

потолковать по душам в любой момент. Своих Инарэ не бросала и за каждую девчонку, прошедшую через ее обучение, могла голыми руками разорвать на части.

— Не зря, — подтвердила Шеда: она тоже искренне любила Инарэвар.

Эльфийка взглянула на нее, расплываясь в широкой улыбке, и разговор плавно ушел в иное русло — охранницы принялись травить байки, наперебой рассказывая Шеде о том, что происходит в казармах, кто из молодых девчонок чего стоит. Тяжелые мысли об Аллэи и о судьбе клана мягко отошли на второй план — никуда не делись, однако уже не грызли голодными волками. Вересковый мед не пьянил — лишь разливал приятное тепло по телу, а голоса охранниц прогоняли тупую усталость прочь.

— Из молодых еще Рейна хороша, — Этанэ одобрительно крикнула, постучав кулаком по своей ладони, — Хоть и ленится сильно — а все равно молодец. Упорная, зараза. Я на нее ору — а она глазами своими зыркает, зубы сжимает, и дальше пахать на плацу. Она сейчас у Аллэи, но ко мне теперь часто прибегает, благодарит. Хороша девка, в общем-то!

— Да, — подтвердила Шеда, расплываясь в ехидной ухмылке и вспоминая, как та самая Рейна танцевала в ее руках, откидываясь назад и раздирая ей плечи, — Вполне себе хороша...

Инарэ и Келе пару секунд смотрели на нее, а затем дружно загоготали. Этанэ возмущенно всплеснула руками, глядя на смеющуюся Шеду, встающую на ноги:

— Нет, ну ты совсем уже охамела, ваше величество?! — в ее голосе не было никакой злости — лишь укор, да и то, наполовину шутливый. Наставницы и сами порой попадались в особо цепкие руки молодых желтоглазых девиц. Журила Этанэ ее скорее для виду — и Шеда была ей за это благодарна: так она еще чувствовала себя живой, существом из плоти и крови, которое имеет право глупить и совершать ошибки. У королевы клана такого права не было, а вот у той Шедавар, что когда-то выборола себе звание Ищущей — было.

— А чего, Этанэ? — Шеда, отсмеявшись, взлохматила волосы ладонью, пакостно ухмыляясь, — Сама же говоришь, девка хороша! Я в этом убедилась, все по чести.

Этанэвар что-то забурчала, но охранницы уже принялись вспоминать свою молодость, полную романтических приключений и нелепых ситуаций, и Шеда даже невольно захотела остаться еще немного с ними и послушать их голоса. Однако, пока они все дружно чесали языками, сумерки начали опускаться на чашу долины, и длинные тени легли на снег. Первые окошки, затянутые слюдой и тончайшими пластинками кварца, уже начали золотиться оранжевым сиянием, и Шедавар с сожалением вздохнула:

— Ладно, пойду я. Итак засиделась — а сейчас еще на Совете развлекаться надо. Хочу хоть немного голову в порядок привести перед этим.

Охранницы сразу же притихли, и Келевар, приподняв брови, удивленно спросила:

— Нынче Совет Племени?

— Ага, — угрюмо кивнула Шеда, хмурясь: момент, когда придется озвучивать Реанэсс свое решение, близился — и ему будут предшествовать несколько часов споров; она даже не сомневалась в том, что правители кланов Иан и Рель начнут демонстрировать всем свое презрение и будут вопить больше других. И для того, чтоб выдержать эти бессмысленные часы, ей нужно было собрать всю свою волю и успокоиться. Охранницы переглянулись, и Инарэвар, отхлебнув из фляги, чуть сощурила глаза цвета темного золота.

— Стало быть, мы задержимся здесь? И значит, все свершится скоро?..

Их внимательные взгляды обратились к ней — но они почему-то не пугали. Шедавар положила руку на плечо Инарэ и чуть сжала его:

— Мы не задержимся. Вне зависимости от исхода Совета, я не намерена торчать здесь и прохлаждаться. Мы должны быть в Лореотте. Поэтому выдвигаемся сразу после окончания Совета, в ночь, — она подняла взгляд на небо без единого облачка, наливающееся ночной зимней теменью, — Местность ясно будет просматриваться, так что мы справимся.

— Да не вопрос, — хмыкнула Этанэвар. Шеда кивнула ей, продолжив:

— А что до Совета — не берите в голову пока. Я еще и сама не знаю, чем он кончится. Главное — мы уведем сюда детей и пойдем загонять всю эту погань туда, откуда она вылезла. Вместе с Птицами. А остальное — будем действовать по факту. Отдыхайте. Я приду, как только все закончится.

Стражницы закричали, собираясь отдать ей честь по уставу, однако Шедавар лишь фыркнула:

— Да сидите уже, старушки мои, не тревожьте бранные тела.

В ответ ей послышались возмущенные вопли вперемешку со смехом эльфиек, но Шедавар уже шагала к Дому, выделенному ей Реанэсс. У каждого правителя был свой гостевой Дом, в котором он отдыхал, когда находился в другом городе. Шеда хорошо знала строение, отданное ей — и оно даже нравилось ей: уютное и маленькое помещение всегда было теплым, чистым, и пахло в нем звериными шкурами, сушеными травами, горячими угольями и выстиранными простынями из мягкого светлого хлопка. Под стрехой развешалось белое полотнище, на котором, вышитое черной нитью, пестрело двенадцатью спицами колесо, которое на ветру словно катилось по волнам ткани. Шеда легко взбежала на светлое крыльцо, и ночь, уже опустившаяся на Аэль-Роадан, легла на пороге перед дверью, не смея войти в Дом, где на столе горела масляная лампа с изящным стеклянным куполом, и где мягкие тени прятались по углам.

Сбрасывая с плеч пальто, королева прошла вглубь комнаты, маленькой — но совсем не тесной. Небрежно бросив пальто на узкую кровать, застеленную оленьей шкурой, Шедавар опустилась на кривоногую табуретку возле стола, рассеянно разглядывая кольцо света, что легло на столешницу вокруг лампы. Золотые полосы-огоньки окружали его, мягко обнимая, как обнимает драгоценное ожерелье тонкую женскую шею, и Шеда заврожено глядела, как они едва заметно колеблются, когда огонек пламени раскачивался в плавном танце. Стало как-то тише и спокойнее — и за это Шедавар всех богов благодарила. Раз уж я не могу придумать ничего путного, Небо, так успокой меня. Я полагаюсь на твою волю, Ниэнавар. Пускай все свершится так, как должно. Она прикрыла глаза, позволяя рыжеватому полумраку обнять себя, а потом что-то произошло, и Шеда открыла глаза, разом напрягаясь и обращаясь в слух.

Огонек внутри масляной лампы дрожал и трепетал, словно мотыльковое крыло на сильном ветру. Где-то на периферии зрения королева уловила какое-то движение и тут же резко обернулась. Сквозняк, неведомым образом появившийся в комнате, играл с совиным перышком, выпавшим из ее кармана, кружил его, раздувая мягкие рябые пушинки, и Шедавар глаз от него не могла отвести. Перо, взвившись вверх, освободилось от потока слабого ветерка и мягко опустилось на стол, рядом с лампой. Золотые блики окрасили его сиянием, и черные крапушки на нем на миг показались Шеде магической вязью, каким-то письмом, которое она не могла прочесть — незнакомый язык ускользал от нее, язык, который она никогда не знала, но почему-то помнила смутными обрывками. Ей казалось, что сейчас, вот сейчас — все станет ясно... Она обязательно вспомнит. Тени на деревянных бревенчатых стенах плавно ползли, то расходясь, то снова сливаясь в одну, а она все глядела

на совиное перышко — и почему-то знала, что оно принадлежит неясги.

Мгновение — и на стене напротив, во мраке, куда не доставали блики света, вспыхнули двумя огнями золотые совиные глаза с черными внимательными колодцами-зрачками и рыжеватым сиянием вокруг темного контура. Шедавар даже не удивилась почему-то — она знала, что так будет. Лорелей никогда не появлялась без предупреждений, пускай даже очень завуалированных. А еще — Лорелей никогда не приходила сама, направляя к Шеде образы и видения. Вот как сейчас, например.

— Что она запросила? — ее скрипучий голос был на диво красивым, и вовсе не старым. Да и сама Лорелей, в общем-то, старой не была. Шедавар покачала головой. И она никогда не церемонилась — слишком мало времени у нее было.

— То, чего я отдать не могу. Никак. Ни при каких обстоятельствах. Это — не та цена, которую я хотела бы и могла бы заплатить.

Глаза чуть сощурились — птичьи, внимательные, мудрые. Шедавар не боялась ее — Лорелей никогда не приходила в ином облике.

— В таком случае, — огонек пламени мигнул и качнулся, а затем выровнялся, и Шедавар ощутила, как в сердце солнечным ростком прорастает надежда, уверенная и мощная, сметающая последние жалкие остатки отчаяния. Глаза Лорелей смотрели прямо на нее, и в них отражался огонь, — Я предложу тебе иные условия.

Шеда выпрямилась: Лорелей не была подлой. И она всегда играла по тем правилам, которым следовала и сама Шеда — быть верным до конца. Своему слову, своему клану, своим богам. И она-то уж точно была на их стороне.

===== Глава 47. Самоцветы в ладони =====

В Доме Королевы царил рыжеватый полумрак — почти такой же, как в комнате Шеды, куда нежданно-негаданно пожаловала Неясгит. Видение исчезло, словно его и не было, словно ей все приснилось, и сейчас, сидя напротив Реанэсс и лениво разглядывая собравшихся за столом правителей кланов, Шедавар со странным спокойствием вертела в пальцах перышко совы. Едва ли кто-то обратил на это внимание — но даже если бы и обратил, ей дела до того не было.

— Ну, что же... Все собрались, — многозначительно заметил Ферниир, глава мужского клана Ниир, и правители, негромко переговаривающиеся меж собой, разом примолкли, выжидаяюще уставившись на Реанэсс. Та кивнула, церемонно поднимаясь из-за стола.

— Призываю в свидетели первопришедших Ниэнавар, Каланвеона и Ивиэрель: взгляните на нас, Небесные наши прародители, обратите свой взор к этому дому, где ныне ваши дети собрались, чтобы держать Совет...

Пока королева Аэль-Роадана проговаривала ритуальную речь, Шедавар рассматривала пришедших, как всегда подмечая детали и делая крохотные пометки в собственной голове. Из всех собравшихся ближе всех ей были Айэдаар, королева клана Даар, и Ферниир, король клана Ниир. Они сидели рядом — спокойный и мощный Фер, высокий мужчина с длинной пепельной косой и белой полосой шрама через все лицо, и сухая Айэ, женщина маленькая и жилистая, больше напоминающая проказливую девчонку — разве что слишком рано начавшую сидеть. Они всегда стояли на стороне Шеды, мыслили свободно и широко и не боялись высказывать свое мнение открыто. И Ферниир, и Айэдаар первыми откликнулись на ее предложение покинуть подземелья, и с ними она поддерживала непрекращающийся диалог, который сводился к взаимным соглашениям и компромиссам, на которые они все втроем шли охотно. Клань Вар, Даар и Ниир отлично работали вместе, а потому сейчас

ощущая их по обе руки от себя, Шедавар чувствовала какую-то надежность в их присутствии.

Напротив них, словно в противовес их союзу, группкой сидели правители кланов Рель, Иан и Веон. Моррель, худощавая женщина с вытянутым скорбным лицом, сидела прямо, словно палку проглотила, и чопорно поджимала губы — так, словно ее оторвали от важных дел по пустякам. Иногда она бросала неодобрительные взгляды на Шеду, Фера и Айэ — все они были моложе ее на добрые века, а правительница клана Рель не терпела молодых королей. Сама она уже начинала иссыхать, словно пергаментный лист, и ее тонкая коса, спускающаяся на грудь, больше напоминала серебристую прохудившуюся веревку. Справа от нее, такой же омерзительно-вычищенный, с презрительно поджатыми губками сидел Шеледиан, которого Шедавар с удовольствием звала про себя капризной девочкой. Король клана Иан действительно напоминал впавшую в истерику девицу, которая любила устраивать представления и вела себя так, словно все вокруг должны были целовать ей ноги. У него были тонкие черты лица, острый прямой нос и такие длинные ресницы, что Шеда вместе с Фером и Айэ не раз подшучивали на этот счет, зарабатывая от эльфа полные горячей ненависти взгляды. У Шеледиана росла дочь, уже заявившая о своем желании уйти в клан Даар, а его женушка могла с легкостью носить его на плече, пока тот вопил и брыкался. Однажды Шедавар видела это — и те воспоминания стали бесценными.

Оставался еще Гренвеон, мрачный и хмурый эльф с широкой челюстью и косматой гривой волос, лежащих на широких плечах. Огромный, словно медведь, Грен редко вставлял свое слово в беседу, чаще отмалчивался или ограничивался угрюмым «Нет» или «Да». Он не терпел перемен, однако ради своего клана был готов подставить собственную спину за всех эльфов, что жили в его городе. За всех и каждого. Гренвеон тоже согласился сражаться против диких, однако политику освоения земель под солнцем не поддерживал, предпочитая неизвестности спокойный и размеренный быт в пещерах. Шедавар не знала, сумеет ли переубедить его, однако уверенности сейчас не было ни в чем, ни у кого и нигде, и оставалось только надеяться на то, что Небо не оставит их всех.

Когда с церемониальным словом было покончено, Реанэсс опустилась на стул, оглядывая собравшихся, и негромко молвила:

— Рада видеть вас всех в Аэль-Роадане, друзья мои, под этим небом в этот час. Согласитесь преломить со мной хлеб.

Каждый правитель отщипнул покрупному куску золотистого хлеба, стоящего в центре стола меж наполненных чаш. Вознеся короткое слово Ниэнавар, Шеда откусила хрустящий, пахнущий теплом и сладостью хлеб, и запила его несколькими хорошими глотками гореня. Правители поблагодарили Реанэсс за приглашение, и в тот же миг Моррель, покусывая тонкие сухие губы, надменно вздернула бровь.

— Итак? По какому поводу собрался Совет нынче? Надеюсь, что основания были достаточно вескими, чтобы ты, Реанэсс, так спешно вызвала меня?

— Поверь, Моррель, если бы их не было, я бы ни в коем случае не стала бы отвлекать тебя от дел клана Рель, — Реанэсс спокойно выдержала презрительный холодный взгляд женщины, — Шедавар прибыла ко мне сегодня с очень важными вестями, и мы сочли необходимым сообщить вам об этом. Дело касается всех кланов племени, всех без исключения.

Шеледиан фыркнул, демонстративно скидывая длинный нос и опуская пушистые светлые ресницы.

— А, тогда все ясно. Можно было и не реагировать на сообщение Знающих о том, что я

нужен здесь...

— Ну так возвращайся домой, — пожал плечам Ферниир, ухмыляясь, — Разберемся без тебя как-нибудь. Можешь вместо себя прислать свою супругу — толку побольше будет.

Айэ фыркнула, скаля мелкие острые зубки, и, перегнувшись через Шеду, размашисто хлопнула Фера по руке. Тот ответил ей широкой улыбкой, не реагируя никак на побледневшего Шеледа, который уже открыл было рот для гневной тирады. Решив, что у нее нет времени на эти развлечения, королева клана Вар постучала ладонью по столу, призывая всех к тишине.

— Дело и впрямь касается каждого — я подчеркиваю, каждого эльфа, вне зависимости от положения в родном клане, — она возвысила голос, — Поэтому я прошу вас всех выслушать меня, чтоб иметь возможность принять решение, которое, вероятно, окажется судьбоносным для племени.

Гренвеон хмуро зыркнул в ее сторону, но по напрягшейся линии плеч эльфа Шедавар поняла, что тот начал прислушиваться. Шеледиан и Моррель одновременно скрестили руки на груди и откинулись назад, всем своим видом демонстрируя свое раздражение. Их ядовитые взгляды не сулили ничего хорошего, однако Шеде сейчас было все равно. Она поднялась, складывая руки за спиной, и громко и четко произнесла:

— Я выношу на рассмотрение Совета вопрос о необходимости постройки наземных городов и окончательного ухода эльфов из подземелий.

Шеледиан тут же хлопнул в ладони и фыркнул:

— Я так и знал. Так и знал — ты снова взялась за свое, Шедавар. Хватит с меня твоих сумасбродных идей. Я уже говорил тебе, скажу еще раз: клан Иан не уйдет из пещер. Нет, нет, нет, и еще раз — нет. Здесь и говорить нечего. Если тебе больше нечего сказать — я ухожу прямо сейчас.

— Не торопись, Шеледиан, — спокойно молвила Реанэсс, мягко осадив эльфа, — Совету в любом случае необходимо обсудить несколько вопросов — и, если тебе дорого все племя, а не только твой собственный клан, будь терпелив. Мы ответственны друг за друга.

Эльф капризно поджал губы и чуть склонил голову набок, так, что жидкие волосенки заструились вниз по его лицу, спадая на плечи. Моррель бросила на него внимательный взгляд, но, как и король клана Иан, осталась сидеть неподвижно. Остальные молчали, ожидая слова Шеды, и в них эльфийка не чувствовала ни раздражения, ни злости — лишь сдержанное любопытство и готовность выслушать ее.

— Как вы знаете, я уже не раз поднимала данную тему, — начала она, и Морр скривилась, словно проглотила целую бутылку горня, — И некоторые из вас считают, что это — моя глупая прихоть, желание вернуть эльфам былую славу хозяев гор, еще богиня знает что. Моих аргументов вам всегда было не достаточно — вы требовали еще и еще, каждый раз отвергая все новое. Сейчас ситуация изменилась в корне, сейчас — у нас нет другого выхода, и я докажу это. Посему прошу правителей кланов выслушать меня и держать Совет вместе со мной — иначе все мы можем погибнуть.

В зале воцарилась тишина — кажется, ее наконец услышали. Даже Шеледиан и Моррель смотрели на нее внимательно, даже Гренвеон поднял тяжелую голову, буравя ее звериными глазами. Спокойно, не сбиваясь и не запинаясь, Шедавар рассказала им все: она поведала им о пропаже детей и о том, как Птицы во главе с Даэн-Коршуном выяснили, что с ними стало. О том, как Аллэи искала союзников среди иных племен — и о том, как ее пленили, и как ее спасала молодая колдунья, совсем еще несмышленное дитя. И, наконец, о

том, что залески сотворили с теньями, и что подземные города обречены.

Когда она закончила, несколько мгновений царила тишина — и за это короткое время, короче взмаха ресниц, Шедавар буквально ощутила, как она, словно щепка в быстрых водах, несется по течению, а в следующий миг падает, стремительно падает куда-то вниз. Правители зашумели, как один, срываясь на крики, и королева Лореотта почти оглохла от грохота их голосов и слов, которые казались ей пустыми. Так много шума... Вместо того, чтобы просто делать свою работу, они вопят, словно дети, мельтешат, руками размахивают — так, словно это может действительно помочь.

— Я не верю ни единому твоему слову, королева клана Вар, — прошипела ей Моррель, сжимая побелевшие пальцы, — Это провокация и ложь, твоя намеренная ложь, чтоб вынудить нас сделать то, о чем ты так давно мечтаешь! Я не буду потворствовать твоим жалким попыткам!

— Это не ложь, — спокойно ответила ей Шедавар, глядя на нее прямо. Острые глаза Мор могли бы пронзить ее копьем злого взгляда, однако почему-то королева Лореотта не обращала на это никакого внимания. Они могли смотреть сколько угодно и говорить что угодно — она не собиралась отступать.

— Я согласен с Моррель! — Шеледиан вытянул худой палец, указывая им на Шеду, — Всем нам известно, что ты давно мечтаешь выйти на поверхность, и ради этого на все готова. Ну так иди — никто тебя не держит! Собирай свой клан, обустраивайся вместе с ним в горах — но нас за собой не тяни! С меня довольно!

Быть иначе и не могло, с горькой усмешкой подумала Шедавар. Иначе и не бывало — но ее учили выигрывать самые сложные битвы. А сейчас вершилась одна из сложнейших.

— Мой личный интерес остается сугубо в моей компетенции, ни в чьей более. И я в состоянии отличить собственное желание от общей необходимости. Я не собираюсь никого заставлять — каждый из нас ответственен за свой род. Но ответственность должна быть полной и всеобъемлющей, а потому, прежде чем разбрасываться словами и выводами, выслушайте меня до конца, — слова прозвучали хлестко и резко, словно она кнутом щелкнула. Нехотя правители кланов замолкали, обращая к ней недовольные лица. Фер, о чем-то переговаривающийся с Айэдаар, тоже затих. Шедавар ощущала его взгляд — внимательный, оценивающий, но сейчас она не смотрела ни на кого. Это все было не важно, — Магия, пришедшая вместе с девочкой из Залесья, коснулась не только Лореотта. Тени, живущие в наших подземельях — та сила, с которой работают Знающие, и та сила, что не дает нашим городам рассыпаться прахом. Спросите ведьм, если моему слову верить не хотите. Лореотт является эпицентром выхода инородной ворожбы, потому процесс разрушения идет в десятки, если не в сотни раз быстрее, чем в иных городах. У нас осталось несколько дней, пока наш город не падет. И его участь постигнет каждый подземный город — все они связаны единой силой. Это как болезнь, что поражает все... Знающие понятия не имеют, как остановить этот процесс. Единственным выходом для всех нас будет переселение на поверхность — иначе вместе с гибнущими пещерами погибнем и мы все.

Ферниир, до того молчавший, задумчиво потер подбородок:

— Если я верно понял, виновницей того, что тени взбесились, является девчонка. Аллэи поступила глупо, притащив ее в город и не предвидев подобные варианты развития, однако... что уж говорить. Я верю тебе, Шедавар, — он поднял на нее золотистые глаза, и Шеда благодарно кивнула, — Но считаю, что с проблемой можно разобраться иным образом. Если девчонка — источник, убейте ее, или пускай она уйдет из города. Тени

успокоятся, и необходимость пропадет сама собой. Да, клану Вар придется уйти под солнце, — голос его стал тише и мягче — Шедавар знала, что Фер любил ее, как младшую сестру, а потому ее боль видел и ощущал, — Однако не этого ли ты хотела? Все к одному, Шеда. Выбор за тобой — ты вольна строить наземные города, но при этом мы же вольны оставаться под землей.

— Я говорила со Слепой Мэг, — покачала головой Шедавар, — Силу достаточно активировать лишь единожды, и этот процесс уже не остановится. Даже если мы прогоним залесскую девочку, или, не приведи Ниэнавар, убьем ее. Рано или поздно, так или иначе — наши города разрушатся, и единственный выход из данной ситуации — уйти всем племенем сюда.

— Как ты это себе представляешь, неразумная девчонка? — Моррель смотрела на нее, как на ума лишившуюся, — Как ты представляешь себе это? Это невозможно. Слишком тяжело, слишком долго будет осуществляться такой переход. Наши предки ушли с дурной земли сюда, ища защиты и спасения — и нашли, пройдя сквозь испытания, какие тебе и не мнились. А сейчас ты предлагаешь покинуть все, что они создали для нас, забыть о их наследии, попирая их память, и возвратиться во внешний мир? Мы — дети пещер. Посмотри на нас, посмотри на саму себя — и поймешь, где твое место. Если крамольные мысли еще не целиком захватили твою голову, то поймешь.

— Наши предки, — тихо вымолвила Шеда, исподлобья глядя на королеву клана Рель, — Сделали то, что было должно, чтобы сохранить свой род и своих детей. Теперь мы должны сделать то же самое для наших детей. Иначе жертва первых была бессмысленна. Иначе — мы ничего не поняли.

Она обошла стол, резко разворачиваясь ко всем лицом. Сердце в груди ее колотилось о ребра, словно безумное, словно она долго-долго бежала — или карабкалась вверх по крутым склонам, цепляясь пальцами за острые камни, и знала, что обязана дойти до вершины. Во что бы то ни стало. Они смотрели на нее и не верили ей, они не хотели даже услышать ее — однако она должна была пробиться и достучаться.

— Вы говорите, что это невозможно — так оглядитесь вокруг. Вы находитесь в первом наземном клане Эсс и смеете говорить, что добиться этого — нереально? Посмотрите. Просто раскройте глаза, раскройте их наконец и услышьте меня. Вглядитесь в лица детей, что живут здесь: по-вашему, кто они? Не эльфы?

Моррель и Шеледиан переглянулись, хмурясь, Грен что-то проворчал под нос, а Реанэсс едва заметно улыбнулась ей, благодарно опуская ресницы. Шедавар продолжила:

— Они прошли тяжелый и сложный путь — да. Никто и не говорил, что жизнь должна быть легкой и беззаботной. Жизнь — это борьба, это сражение, которое мы попросту не можем проиграть, а иначе... иначе все напрасно, — она усмехнулась, — Иначе реки никогда не пробьют себе русла, иначе семечко никогда не поднимется из земли деревом, таким громадным, что крона его подпирала бы небо. Иначе сама жизнь застыла бы — как мы с вами в своих пещерах. А мы застыли. Мы уснули среди подземных залов и камней, выросли в них и теперь дремлем, и плевать нам на то, что год от года наши дети рождаются во тьме, и что волосы их словно пеплом запорошены, а глаза — что совиные. Рожденные под солнцем эльфы — уже иные. Они счастливы. Боги наверняка смотрят на них со своих небес — и смеются, радостно смеются, глядя на то, как они играют под синим небом, и как солнце разбрасывает россыпи веснушек на их руках. И наверняка плачут, когда видят, как наши дети удивленно разглядывают деревья и цветы, попадая на поверхность впервые. Так не должно

быть. Это — прошлое, которое должно остаться позади. Грядет будущее, которое сомнет нас и сотрет в пыль, если мы не сдвинемся с места. Время перетирает даже камни — и нас оно обратит прахом.

Шеледиан яростно затряс головой:

— Прахом нас обратит твоя глупость! Это из-за тебя беда пришла к нам, и из-за тебя наши города разрушатся. Ты погубила нас, Шедавар, и лишь тебе отвечать перед богами за это!

— Он прав, — угрюмо кивнул Гренвеон, и Шеда ощутила, как давит на плечи бессилие пополам с усталостью.

— Я — лишь один из камушков, которыми боги играют, как и любой из нас. Не обвиняй меня в том, чего я предвидеть и предотвратить не могла, Шеледиан, — в груди стало жарко от подступающей злости, однако Шедавар заставила себя успокоиться: гневом она своего не добьется, — Это рано или поздно бы случилось. Вот так или по-другому — нам бы пришлось покидать подземелья, хотите вы того или нет. Я не могу заставить вас это сделать, не могу вас переубедить, однако я прошу: прислушайтесь ко мне. Клан, оставшийся в подземельях, обречен на верную смерть. Нельзя допустить такой гибели, нельзя позволить теням увести за собой тех, кто солнца еще и не видел. Неужели такого исхода вы хотите для своих детей?

Моррель, собиравшаяся что-то сказать, вдруг замешкалась и запнулась. Вместо нее голос подал Ферниир.

— То, что ты говоришь — серьезные вещи, Шеда. И мы слышим тебя, — помедлив, он вскинул глаза на Шеледиана и Моррель, — Я согласен с Шедавар в том, что мы должны дать отпор диким, и что в это время наши дети должны находиться здесь, в Клане Эсс, под защитой Реанэсс. Однако дальнейший ход событий может быть разным. Колдовство со временем может уйти, и тени успокоятся...

— Ты сама говорила, что в Лореотте все происходит в десятки раз быстрее, если не в сотни, — подхватила Моррель, все-таки справившаяся с замешательством, — Возможно, до нас вообще не дойдет эта магия, и наших городов она не коснется.

— В конце концов, именно ты прогневала богов, и именно тебя они покарают, тебя и твой клан. Не нас, — Шеледиан вздернул нос, и Шедавар почти видела его презрительную улыбку, запрятанную в уголках губ.

Правители снова зашумели, пытаясь перекричать друг друга и донести до остальных свою точку зрения. Никто из них не хочет понять вот эту истину — одну-единственную истину, что может существовать. Шеда вздохнула, прикрыв глаза, а затем едва слышно вымолвила:

— Боги карают не тех, кто идет, а тех, кто бездействует. И когда вы это поймете, будет слишком поздно.

Короли и королевы разом затихли. Шелед, побледневший словно полотно, зашипел:

— Да как ты смеешь...

— Смею, — спокойно перебила его Шедавар, возвышая голос, — Смею. Потому что Слепая Мэг еще помнила солнце, когда ей вместе с Инведаар пришлось уйти в подземелья, и эта память держала ее здесь до нынешнего. Потому что будущее всегда наступает внезапно, оно — сложное и тяжелое, и нужна невероятная смелость на то, чтоб решиться переменить все, весь свой быт. И я верю в то, что у нашего племени этой смелости хватит. Мы справимся с бедой, если пойдём против нее вместе.

Айэдаар, до того молчавшая, прикрыла глаза, устало потирая виски, а затем резко села

прямо.

— Бес ее возьми, она права. Мы не можем так больше, — она обвела взглядом правителей, собравшихся в зале, а затем взъерошила короткий ежик жестких, словно щетка, густых волос, — Пора нам уже выйти из подземелий. Угроза, от которой бежала Инведар, давно уже пропала.

— Зато теперь появилась другая, — возразил Шеледиан, — Темные твари, которым гораздо проще будет достать нас на поверхности, чем в пещерах. Если Охота начнется, мы сможем пересидеть ее под землей, а те, кто уйдет сюда, — он покосился на Шеда, — Умрут.

— Ты боишься, Шеледиан, — Шедавар, скрещивая руки на груди, склонила голову набок, — Ты боишься всего, а потому цепляешься за прежнюю жизнь, как мышь, упавшая в реку, за ветку, плывущую по течению. А дальше — водопад. И ты разобьешься, если не поймешь это, — эльф побледнел еще сильнее, но Шеда не дала ему и рта раскрыть, — Тем, кто согласится покинуть подземелья, предстоит долгая и тяжелая работа. Нам придется дать диким отпор, защищая свой дом и своих детей — и эта война уже скалится в наши окна. Нам придется учиться жить заново, в непривычной для нас среде, придется искать компромиссы и договариваться друг с другом. Это — сложно, невероятно сложно, я знаю... Однако иного пути нет. Либо мы выбираем жизнь, либо остаемся в смерти. Ради всех тех, кто придут после меня, ради того, чтоб у них было иное, светлое будущее — я сделаю это. Я выбираю жизнь.

Она умолкла, отступая назад и возвращаясь на свое место. Правители молчали, и на их лицах она видела неверие, сомнение — и что-то еще. Словно осознание солнечным лучом тонко-тонко, тихо-тихо касалось их, и они принимали решения — для своих кланов и всего племени.

— Кто из правителей согласен с королевой Шедавар? — спросила Реанэсс, оглядывая собравшихся, и Шеде показалось, что сейчас где-то в невысказанной высоте неведомый бог взял в горсть пять драгоценных камней, поднял ладонь повыше и раскрыл ее, подставляя вторую руку под падающие самоцветы.

Айэ, повернувшись к Шеде, оглядела ее с ног до головы, задержав взгляд на ее лице, а затем коротко усмехнулась:

— Безумцам везет — так говорят, да? — она легко хлопнула ладонью по столу, — Я согласна. Мой клан выйдет на поверхность вместе со мной в ближайшее время, когда будет готов. И выступит против диких, как я уже и говорила.

Первый камушек, хрустально звеня, упал в теплую надежную ладонь, поблескивая синими гранями и переливаясь вечерними сумерками в глубине. Шедавар кивнула ей, от всей души благодаря Небо.

— Ты попрекаешь нас в страхе, когда сама отказываешься принять волю богов? — Шеледиан фыркнул, отворачиваясь от нее к Реанэсс, — Клан Иан ни за что не покинет подземелья. И я отказываюсь выделять войска. Мои воины будут защищать город в час беды, как и должно. Времена войн давно прошли, королева Шедавар — пора бы тебе это понять. И возможно, когда в твоей голове появится хоть немножко крупиц мудрости, ты наконец успокоишься и поймешь, что сломала жизнь своего клана, оставив пещеры и решив увековечить свое имя в легендах.

Второй камушек, пролетев мимо руки бога, падал вниз, и его медленно поглощала туманная мгла вокруг, забирая последние отблески света в янтарных острых боках.

Ферниир покачал головой, долго вздыхая, и Шеда ощутила, как сердце сжимается: неужели лишь Айэ согласится уйти из пещер, тем самым спасая свой клан? Фер, словно

расслышав ее мысли, медленно проговорил:

— Клан Ниир никогда не боялся сложной работы, и консерваторами нас назвать нельзя. Однако мне нужно обдумать это все и обсудить в своем клане. Я дам тебе ответ так скоро, как только смогу. Что до воинов — клан в твоём распоряжении, Шеда. Мы выйдем с тобой.

Третий камушек бог спрятал в рукаве до поры, до времени, придержав его в этой странной, детской забаве.

— Я — женщина, которая вырастила двоих сыновей под сводами подземелий, — церемонно сообщила Моррель, выпрямляя спину, — Они счастливы там вместе со мной, и весь мой клан счастлив. Я никуда не уйду. И ни о каких войсках не может быть и речи. Я не позволю тебе, Шедавар, загубить моих эльфов в этой нелепой игре, в которую тебе так хочется ввязаться.

Четвертый полетел вниз, стремительно затухая в темноте, и сияние, расходящееся во все стороны от добрых светлых ладоней, больше не могло достичь его.

Гренвеон, поставивший тяжелые локти на стол и сжавший громадные руки замком, поднял глаза на Шеду. Он и впрямь больше всего походил на грозного медведя, которого против его воли вытащили из берлоги, и ныне он пытался понять, есть ли опасность поблизости. Помолчав, мужчина наконец произнес:

— Клан Веон выйдет на поверхность. Воины пойдут сражаться.

От неожиданности Шедавар чуть было не рухнула со стула. Меньше всего она ожидала такого решения от Грена — да, она могла поверить, если бы тот согласился лишь частично, как Фер, но чтобы вот так... Медленно, словно во сне, она кивнула, и пятый камушек соскользнул с одной сияющей руки в другую, ложась рядом с еще одним. Правители недоверчиво смотрели на Гренвеона, однако никто не посмел и слова сказать ему. Реанэсс, выслушав всех и дождавшись тишины, подытожила:

— Стало быть, на землю уходят три клана. Что же... — она улыбнулась Айэ, Шеде и Грену, — Добро пожаловать под солнце. Возможно, со временем остальные кланы так же присоединятся к нам.

— И не надейся, — фыркнул Шеледиан, но Реанэсс его не слушала.

— Теперь настало время поговорить о том, как будут формироваться наши войска. Рассмотрим все возможные варианты, все лазейки, какие только могут быть. Правители, отказавшиеся помочь племени, могут быть свободны, — она бросила многозначительный взгляд на Моррель и Шеледиана, и те удалились, не удосужившись даже попрощаться с остальными. Впрочем, Шедавар заметила, как в глазах Моррель появилась тень сомнения, тут же угасая, словно ее и не было.

Они совещались несколько часов к ряду, и за это время голова Шеды окончательно вскипела. Пока они склонялись над картами, просчитывая все возможные точки, откуда может прийти удар, королева Лореотта ловила на себе цепкие взгляды Реанэсс — женщина ждала окончания Совета, чтобы узнать, примет ли та ее условия. И Шедавар тоже ждала.

Когда с делами было покончено, и правители кланов разошлись по своим Домам, Шеда задержалась в Доме Совета, сделав вид, что ей необходимо обсудить с Реанэсс несколько вопросов о размещении детей на время пребывания тех в Аэль-Роадане. Когда зал опустел, Реанэсс, сидящая напротив Шедавар, склонила голову к плечу:

— Ты очень хорошо справилась. Поначалу они и слушать не хотели.

— Они и потом не захотели, — вздохнула Шеда. От этого все-таки было немного горько, однако она надеялась на то, что со временем Иан и Рель образумятся, как и на то,

что Ферниир все же согласится увести клан из подземелий.

— Согласился Веон, — возразила Реанэсс, — А это дорогого стоит. Я даже не ожидала этого.

— Как и я, — кивнула королева Лореотта, неотрывно глядя в лисьи глаза Реанэсс. Та ждала, и Шедавар решила не затягивать время, — Я обдумала твои условия, Реанэсс. И благодарю тебя за то, что предложила мне помощь — это очень ценно для меня в нынешнее время.

Королева Аэль-Роадана благосклонно улыбнулась:

— Мы должны поддерживать друг друга в это сложное время. Мы — одно племя. Что ты скажешь мне?

Ее глаза блестели, отражая свет, исходящий от жаровен, и сейчас она казалась совсем уж хищной. Шедавар поднялась из-за стола.

— Твои условия приемлемы для клана, — губы Реанэсс растянулись в широкой улыбке, и Шеда продолжила, — Однако ты права, Реанэсс. Эти земли принадлежат тебе, и я не могу заявлять на них свои права, как и пользоваться твоей добротой. Клан Вар уйдет на север, к границе с Келерией, и устроит свой город там. Тебя же я благодарю за готовность поддержать меня, если встанет такая необходимость.

Улыбка медленно сползла с лица Реанэсс.

— Что? — она очень быстро взяла себя в руки, но Шедавар успела заметить, как конвульсивно дернулся уголок ее рта, — Ты ведь сама говорила, что эти земли принадлежат Птицам...

— Принадлежат, — кивнула Шедавар, ощущая, как на сердце становится легче, — Однако Лорелей давно хотела провести эксперимент и обучить Танцу с мечами эльфийских девочек. Не всех, конечно — лишь добровольцев. На этих условиях мы с ней договоримся.

— Это слишком малая цена, Шедавар, — покачала головой Реанэсс, хмуря золотистые брови, — Лорелей не пойдет на это.

— Сердце, отданное богам — достаточная цена, — с нажимом заметила Шеда, глядя, как каменеет лицо королевы Аэль-Роадана, — И Лорелей знает это.

— Вот оно, значит, как... — протянула Реанэсс, разглядывая ее так, словно в первый раз увидела. Несколько мгновений она молчала, а затем хмыкнула, поднимаясь и протягивая ей руку — просто и открыто, и в этом жесте Шедавар не чувствовала подвоха, — Ладно, королева Лореотта. Я услышала тебя.

— Надеюсь, мое решение никак не повлияет на те, что были приняты тобой задолго до этого разговора, — Шеда пожалала ей ладонь, крепко и спокойно.

— Нет, не повлияет. Мне знакомо такое понятие, как честь. И ты это знаешь, — Реанэсс отступила назад, криво ухмыляясь, и в полутьме ее глаза казались золотыми, — Если что-то пойдет не так — помни о моем предложении. Я буду готова принять вас в любой момент, как и говорила ранее. Сейчас же — не смею тебя больше задерживать. Поклонись от меня Лореотту, — последнее она сказала совсем тихо — и на удивление искренне. Шедавар низко склонила голову.

— Поклонюсь, Реанэсс. До встречи. Совсем скоро я приведу клан — будь готова встречать нас. И готовь воинов — все может начаться со дня на день. Нынешний Излом может оказаться для нас последним, если Охота застанет нас врасплох.

Реанэсс не ответила ей, но почему-то Шеда знала, что королева Аэль-Роадана сделает все, что было в ее силах. Превыше всего она ставила клан и племя, а уж потом — личные

интересы и счета. Возможно, позже, когда все закончится, Реанэсс наставит палок в колеса Шедавар, однако сейчас она этого делать не станет. Ухватившись за мысль, королева Лореотта тихо добавила:

— Возможно, однажды она согласится.

Реанэсс лишь горько усмехнулась в ответ. Они обе прекрасно понимали, ради чего она затеяла это все — и обе понимали, что Аллэивар никогда не придет к ней сама.

— Возможно. Иди, Шеда. Тебя ждет твой дом. Я сделаю все, что нужно. И не тревожься — данного слова я не нарушу.

Шедавар еще раз поклонилась ей, а затем покинула Дом Совета, выныривая из тепла натопленного помещения в зимний сумрак, полнящийся колючими звездами и танцем снежинок, поднятых ветром с земли. На сердце было и легко, и тяжело одновременно: двоих она отвоевала, но оставался еще один неизвестный, и двое — несогласных. Теперь от нее не зависело ничего, теперь ей оставалось лишь разобраться со своим кланом, а все остальное, словно те камешки, ложилось в руки Неба. Сохрани нас в своей горсти, сохрани даже тех, что не стали принимать твою волю... Больше у нас и нет ничего. Вознеся короткую молитву, королева направилась к загонам, туда, где надрывно выли химеры, и где верно ждали ее охранницы. Пора было возвращаться домой.

===== Глава 48. Названное имя =====

— Меред!.. Меред! Ну проснись же ты, ну!..

На животе ощущалась странная тяжесть, не дающая вздохнуть свободно. Поморщившись, Меред попыталась перевернуться на другой бок и продолжить спать дальше, однако тяжесть никуда не делась — напротив, у нее откуда-то появились руки, которые с силой принялись трясти Птицу за плечи. Боги, ну что же тебе нейдет все время?.. Чья-то рука скользнула под слои одеяла, в которое она замоталась словно в кокон, и ткнула ее под ребра, и Меред, охнув, все-таки села, стуча зубами и часто моргая.

Судя по темным окнам и тишине, упавшей на город ночной птицей, до рассвета оставалось еще как минимум два-три часа. Сквозь щели в рамах задувал промозглый сквозняк, что выстуживал воздух в крохотной комнатке, а потому Меред скрутилась калачиком, укутавшись в одеяло так, что и носа видно не было, и долго пыталась уснуть, зябко ежась и дрожа, будто осиновый лист на ветру. И вот теперь, когда ей это наконец удалось...

Атеа взгромоздилась на нее, как огромный кот, и теперь, словно тот самый кот, топталась кулачками у нее на плечах. С трудом разлепив тяжелые веки, Меред оглядела девушку, и нещадно колотящий ее озноб тут же вернулся: Лебедю, казалось, холод комнаты был нипочем — в белой ночной рубахе она напоминала то ли духа, то ли морок, и Меред с трудом подавила желание сбросить ее с себя и завернуться в одеяла еще сильнее.

— Богиня, что?

— Мне приснился сон! — радостным шепотом заявила ей Атеа, принявшись закапываться ногами в складки теплой ткани. Когда ее ледяные ступни нашли ноги Меред, Птица еле успела прикусить язык, чтоб не завопить во всю глотку. Клацая зубами, девушка недовольно поинтересовалась:

— И тебе нужно было сообщить мне об этом именно сейчас?

— Именно сейчас! — та энергично закивала, — Ты же знаешь, Меред, дорогая, я забываю сны. Но этот...

Всеми силами стараясь отпихнуть ноги Атеа подальше, Меред села на скрипучей

постели, обреченно прощаясь со сном. Надеяться на то, что мягкая дрема вернется к ней и заберет от холода в свои объятия, уже не приходилось. Атеа тоже заворочалась, устраиваясь на ее коленях и ввинчиваясь в ее кокон из одеял, и кожа Лебеда была ледяной. Машинально прикрыв ее тонкие плечи ладонями, чтоб хоть как-то согреть, Меред проворчала:

— Ну и? Рассказывай уже.

— Я видела баб! — ее кудри щекотали подбородок Меред, а в свистящем полусшепоте слышался детский восторг. Меред закатила глаза, ощущая легкое раздражение.

— Почему я не удивлена... И ради вот этого ты меня разбудила? Сообщить, что тебе в очередной раз снились какие-то женщины?

— Да не поняла ты ничего, — отмахнулась от нее Атеа, — Это были не обычные бабы. Я видела Птиц!

— Почему я не удивлена, — снова вздохнула Меред, — Послушай, ну когда тебе снилось что-то иное? Причем здесь я? Давай-ка, иди и засыпай. Они все будут твои, да-да. Дай мне поспать, пожалуйста — и сама отдохни.

— Меред из Паррена, ты выслушаешь меня, ясно тебе? — сердито зашипела Лебедь, заворочавшись и немедленно отдавив локтями печень Меред. Провозившись еще несколько минут и наконец устроившись так, чтоб та ни рукой, ни ногой шевельнуть не могла, Атеа наконец успокоилась, упираясь подбородком в переплетенные пальцы. Меред кривилась, ощущая ее локти на своих ребрах, но молчала, — Так вот... Ты даже представить себе не можешь! Я не совсем поняла — сон был странный, — сбивчиво начала она. Меред ощутила себя великомученицей на людной площади, которая просто должна вытерпеть посланное ей испытание, и сдалась, — Они все были с крыльями. Целая куча баб...

— Женщин, — буркнула Меред, страдальчески глядя в потолок.

— ...целая куча баб с крыльями! Как в легендах про Наставниц! Понимаешь?

— Да.

— Да ничего ты не понимаешь, — раздосадовано засопела Атеа. Помолчав, она добавила, — Я, на самом деле, тоже не особо-то поняла. Вроде и как мы — а вроде другие совсем. У них не было Дара Хартанэ. Вместо него что-то иное — такое странное ощущение от них было.

— Ты еще и ощущала во сне? — скептически осведомилась Меред, — Обычно ты ведь просто глазеешь.

— Ну, я и глазела, — согласилась девушка, и Меред, несмотря на усталость и легкое раздражение, усмехнулась. Мягкая кудель ее волос походила на одуванчиковый пух, легкий и пушистый, и пахло от золотистых локонов медом и яблоками. А еще, совсем немножко, зимой, — Глазела, да... — голос ее стал мурлыкающим — эти нотки слышались даже тогда, когда она говорила шепотом, — Там таки-и-и-е, ох, Меред! Как на подбор! Если я увидела наше будущее, то ни о какой старости и речи быть не может! Я не могу разбрасываться подобными экземплярами!

— Конечно, не можешь, — Меред широко зевнула, и веки снова стали тяжелыми и горячими, словно кто-то залил глаза расплавленным оловом, — А теперь давай спать. Время еще есть, и нам стоит отдохнуть...

— Никаких спать — я уже проснулась, — безапелляционно заявила златовласка, — Как ты думаешь, что означал сон?

— То же, что и всегда. Тебе нужна женщина. Спи, пожалуйста.

— Я не хочу спать! — еще один ощутимый тычок под ребра заставил Меред дернуться и

согнал легкую пелену сна, что медленно и приятно наползала на нее. Мысленно выругавшись, девушка с трудом приоткрыла глаза, — И ты не спи. Говори со мной. Если бы мне нужна была женщина, я бы уже давно ее нашла. Здесь что-то другое.

Меред вздохнула, ощущая себя глубоко несчастным человеком. Сбежать из этого захолустья от Атеа и поспать где-нибудь в снегу она, конечно, могла бы, однако вряд ли это принесло бы ей желаемый отдых. Тем более что они уже свернули с Железного Тракта в селение на границе Эллоина и Тиннереда, а потому их дороги вот-вот должны были разойтись. Меред не совсем осознавала это: она привыкла, что где-то поблизости всегда крутилась эта несносная девица, что бы ни происходило. А ныне совсем скоро она уйдет своим путем, и впервые Птицы разлетятся в разные стороны. Это было странно. И немногo грустно. Меред уже тосковала по ней, хоть и упорно отрицала это самой себе.

Атеа принялась размышлять о крылатых женщинах, покоряющих небо и рассекающих кружевные облака длинными маховыми перьями, и Меред слушала ее вполуха, перебирая ее кудри и ощущая странный покой пополам со светлой грустью. Ей не хотелось надолго расставаться с этой сумасбродной женщиной, однако она была лишь частью великого Узора, лишь перышком на ветру, и что она могла сделать и сказать против воли Хартанэ? Богиня завязала судьбу Атеа сама, сама ее направила, и потому Меред могла лишь отступить в сторону и дать ей возможность исполнить волю Неба. Лебеденок вырос, а ты все пытаешься присматривать за ним? Ты ведь отпустила ее — так отпусти до конца. Совсем. Словно ощутив ее печаль, Атеа приподнялась на локтях, при этом больно надавив на грудь Птице, и пытливо заглянула ей в глаза.

— О чем ты думаешь?

— Ну, уж точно не о твоём сне, — Меред чуть заметно улыбнулась, рассеяно подхватила пальцами золотой локон и позволила ему соскользнуть вниз по руке крохотной змейкой, — Не бери в голову, Атеа.

— Ну вот только не строй из себя такую таинственную и загадочную госпожу, тебе не к лицу — да и к тому же, я тебя знаю, — фыркнула Лебедь, и даже в темноте Меред видела, как та капризно вздергивает левую бровь. Пожав плечами, Птица вздохнула.

— Правда — это все неважно. Я... я немного скучаю по тебе — но это ничего.

— А чего скучать-то? — в темноте блеснули ее глаза солнцем, застывшим в капле медовой смолы, — Я же здесь. Иногда ты удивительно глупа, Меред, не в обиду тебе сказано будет.

— Действительно, — легко согласилась Меред, мягко надавливая на затылок девушке, чтоб та наконец успокоилась и прекратила вертеться, — Ты права.

Они еще долго лежали в тишине и молчании, и каждая из них думала о своем. Иногда Атеа принималась снова размышлять вслух о сне, и Меред выхватывала отдельные образы из ее слов, гадая, что же она видела — и как она это видела. Смотрим ли мы все одинаково на этот мир? И видишь ли ты то же самое, что и я, когда я рассказываю тебе сказки своей земли? Почему-то ей казалось, что нет. Почему-то думалось, что песчинка знания в разных сердцах обретает разные краски и оттенки — словно луч света, преломляющийся в цветной грани самоцвета. С какой стороны ни посмотри на него, он будет разным.

— Расскажи мне сказку, — сонно попросила ее Атеа, вырывая девушку из легкой сети туманных мыслей, — Последний раз.

— Почему последний? — тихо удивилась Меред, — Ты собралась взрослеть?

— Нет, конечно, — недовольно хмыкнула Лебедь, — Просто мне невесть сколько

придется строить из себя королевскую дочурку — по крайней мере, до того времени, пока мы с тобой не встретимся вновь. Так что, раз уж ты меня бросаешь, дорогая, будь добра — потешь ее королевское величество славной историей. А не то не миновать тебе моего гнева, так и знай.

Меред тихонько усмехнулась. Она не успела заметить, как взъерошенная Птица пригелась под ее одеялом, уютно устроилась у нее на груди, подмяв под себя, и явно решила никуда отсюда не уходить. Впрочем, сама Меред не была против. Теперь это не было больно. Теперь это было по-настоящему хорошо и тепло, искренне и ласково, и она ощущала себя — впервые за долгое время — целостной. Словно чьи-то руки разгладили глубокие раны-борозды, изрезавшие землю, долгое время не знавшую дождей, а потом с неба пролилась вода, сладкая и живая, и засуха наконец закончилась. Картинка была яркой, слишком яркой, и Меред, осторожно прижав к себе тонкую фигурку, задумчиво выдохнула:

— Знаешь, у нас в степи зной был особенный...

— Зной в Келерии тоже особенный, — ядовито отозвалась Атеа, — Такая жара, что сидишь у окошка и гадаешь, что же надеть — меховой зимний плащ или шерстяной двуслойный?..

— Засуха стояла с самого начала лета и едва ли не до осени, — не обращая внимания на едкий тон Атеа, продолжила Меред, — Солнце выпивало землю — так, что под ногами расползались трещины с палец толщиной, а трава едва-едва вырастала, была бурой, горячей и такой пахучей, что голова от того запаха кружилась. Она не могла напиться дождей, а потому напивалась солнцем. Глина крошилась в мягкую-мягкую пыль, и было очень приятно ходить по ней — разве что горячо очень. И песок раскалялся до такого, что к морю мы бежали опрометью, лишь бы быстрее окунуться. Над водой парило, воздух дрожал — и рыбки выпрыгивали прямо из волн... Брызги во все стороны, радуги и серебро, и свет в полупрозрачных плавниках. Знаешь, мне казалось, что они похожи на русалочьи хвосты.

— Разве русалки живут в море? — недоверчиво Атеа взглянула на нее, задирая голову. Меред улыбнулась ей, словно ребенку, и серьезно кивнула:

— Живут. Мы зовем их арани. Говорят, что они ведут корабли через шторм домой, и моряки не раз видели, как в грозу те выпрыгивают из-под кормы и ловят молнии руками, швыряя их в море, чтоб они не вонзились в мачты и паруса. Арани добры к детям Паррена. На причалах мы всегда оставляли дары для них — венки из степных трав, материнские бусы, цветные ленты, и моряки, уходя в плавание, забирали наши подарки и отдавали их морю. А если кого забирала волна, вреда ему не было — ни один ребенок близ Паррена не утонул. Зато потом рассказывали, что кто-то вытолкнул их из воды, и страшно совсем не было. А обернешься — только хвост серебряный мелькнет, почти что рыбий, только больше, гораздо больше.

— А ты видела? — она жадно втянула носом воздух, и Меред ощутила сладкое тепло, разливающееся в груди: Атеа всегда насмехалась над ней и над ее верой, почти что фанатичной, как утверждала Лебедь, однако сама, подобно ребенку, глотала сказки, и все ей было мало, все ей хотелось еще. Ты во всем такая — жадная к жизни, к сражениям, к чувствам, к женщинам...

— Однажды, — негромко ответила она, и Атеа встrepенулась, ловя каждое ее слово, — Однажды осенью я бродила по берегу и собирала ракушки. Море было беспокойное, серое, стальное. Оно выворачивало волны, швыряло их на скалы, и у кромки воды водоросли сбивались в клубки, покрытые белой-белой пеной и крошкой песочной... Пахло остро, пахло

солью. Ты знаешь, как пахнет море? — Атеа завистливо покачала головой, превратившись совсем уж в юную девчонку, — Это странный запах. Я однажды отвезу тебя к морю, обещаю. Ты посмотришь на него, и потом уже забыть не сможешь. Оно как равнина, поросшая густой-густой травой, которая стелется по ветру и постоянно меняет цвет — от зеленого до серого, от золотого до синего. Оно задумчивое, грозное, тяжелое — и вместе с тем молодое и смеющееся. Совсем как ты.

Ее висок был под губами Меред, и та легонько и нежно коснулась его, ощущая, как уголок рта щекочет капризный завиток. Ни вожделения, ни обжигающей жилы страсти — лишь мягкая светлая любовь. И запах цветущих яблонь.

— Я шла тогда по берегу, и уже было холодно. Мы не боимся влажного ветра с моря — он всегда кусачий и злой, к нему быстро можно привыкнуть. У меня в мешочке было совсем немного ракушек — и все простые, а мне хотелось перламутровых, переливающихся на свету. Мне хотелось нанизать их на нитку и повесить на окно, чтоб ветер играл ими, и чтоб в моем доме мне пел океан. Берег был пустой, безлюдный... чайки кричали. Волны лизали мне пятки — обувь я оставила на склоне, чтоб не замочить. Я смотрела только под ноги, слушала, как шуршит море рядом — а потом увидела на песке ракушку: витую, большую, серебристо-белую с лазурным синеватым узором, — она тихо рассмеялась, — Ты даже не представляешь, как я обрадовалась тогда. Большая удача — найти такую красоту. Я потянулась за ней, но волна, подошедшая к берегу, украла ее прямо у меня из-под руки. Я бросилась было в воду, подняла голову — и только тогда поняла, что не заметила, как ветер разыгрался. Волны высокие поднимались, а полоса суши там совсем узкая была. Я стояла и не знала, что делать. Возвращаться было опасно, потому как там на пути утесы, и в шторм на них легко подскользнуться и упасть. Вперед — тоже невесть сколько идти, и подъема нет нигде, а склоны вокруг отвесные. Я промокла, замерзла, прижалась к самым скалам спиной, молилась... а потом вдруг ветер улегся, и море перестало шуметь, словно мир весь замер и застыл. Вода расступилась, и я увидела... на самом деле, я не знаю, что увидела, — Меред пожала плечами, вспоминая, — До сих пор не знаю. Может, мне все приснилось или привиделось, а может, и нет. Я видела глаза над водой, словно кто-то чуть вынырнул из океана, и видела волосы цвета морских беспокойных волн. И мне казалось, что глаза ее тоже поглотили море. Она смотрела на меня — я знала, что это она, не спрашивай, откуда. Я боялась. Она была морской владычицей, а я — босоногой девчонкой, продрогшей и мокрой, решившей потревожить ее, когда весь мир готовится ко сну. Мне казалось, что она сейчас протянет руки, холодные, словно вода на самом дне, обвитые жемчугом и водорослями, и заберет меня к себе. Мне не хотелось, знаешь... Я должна была вернуться к отцу, сделать свои занавески из ракушек, вырезать из дерева двух лошадок для мальчишек-соседей... У меня было слишком много дел, и я не могла уйти вместе с арани. Я хотела сказать ей это, но слова не шли. А она смотрела на меня — целую вечность, кажется, а потом исчезла вдруг. Ушла в пучины, словно ее и не было, а я только успела заметить руки — белые, и впрямь обвитые жемчужными нитями, и прозрачный плавник хвоста, переливающийся под серым сумрачным небом. А потом все вернулось, и звуки, и волны, а мне под ноги вода принесла ракушку. Ту самую, с синими полосами. Я поняла, что это — подарок арани для меня. Я взяла ее и пошла обратно, в сторону дома, и мне уже не было страшно. Шторм тоже задержался, и на утесах я ни разу даже не подскользнулась. А та ракушка до сих пор должна быть в том доме, где я росла... На подоконнике. Я вырезала там гнездышко для нее, точно по форме, и мои нити с ракушками иногда цеплялись за ее спинку, и постукивали. Тихо-тихо

так — будто волны морские игрались с мелкими камнями и крошечном ракушек. Если никто не вынул ее оттуда — она все еще там.

За окном по-прежнему стояла чернильная темень, и где-то далеко — на самом краю селения, на дальней околице — лаяла собака, прогоняя от дома заплутавших пьянчуг. Теплый изгиб тела Атеа был под рукой, и она тихонько сопела в шею Меред, затаив дыхание, словно дитя, слушающее волшебную сказку. Когда девушка из Паррена умолкла, Лебедь ждала еще несколько мгновений продолжения, а потом тихо выдохнула:

— Ты рассказывала мне это когда-то... мы еще были совсем маленькие. Я тогда не поверила тебе. Почему ты не сказала, что это — правда?

— Ну, сейчас ведь поверила, — пожала плечами Меред, — Вера приходит тогда, когда в ней есть нужда. Раньше ты была куда более непримиримой. И слишком много думала о себе и своих бедах. Ты не смогла бы тогда понять, что чудеса могут где-то случаться без тебя.

— Я и сейчас считаю, что чудеса не могут случаться без меня, — фыркнула девушка, — Вы все не способны оценить красоту игры богов — потому с вами все случается так, будто бы... ну, не знаю. Будто бы это — что-то обычное, простое, и вы забываете об этом на следующий же день. Я же помню, — в голосе ее послышалась усмешка, — Я запоминаю все. И принимаю все, что мне дают. Сегодня мне дали дивный сон, Меред, дорогая, и я тебе клянусь, что вы все будете локти кусать, когда одна из тех пташечек придет ко мне и предложит мне полетать. Я прямо вижу, как Гильдия утопает в слюнях. Или...

— Уймись.

Атеа расхохоталась куда-то в плечо Меред, и девушка вдруг поняла, что ей не холодно. Стылый и зябкий воздух не кусал кожу, и под одеялом стало тепло и уютно. Раньше Меред удавилась бы от такой близости с ней — а сейчас ей впервые за такое долгое время стало спокойно. Лебедь затихла, устроив руку на широкой груди Птицы и чуть постукивая пальцами по ребрам молодой женщины. На соседней кровати тихо-тихо спала Тэарга, и Меред отстраненно подумала о том, что и вовсе забыла о ведьме. Она по-прежнему шла за ними по пятам сумрачной тенью, и Меред по-прежнему не понимала, что эльфийской колдунье понадобилось от них — однако о ней она будет думать потом. Не сейчас.

— Какое имя тебе дали во время Второго Посвящения? — вдруг спросила Атеа, и Меред удивленно вздернула брови.

— Ты ведь спрашивала — и не раз.

— Спрашивала — и ты так ничего мне и не сказала, — тихо ответила ей Лебедь, — Как тебя нарекли, Меред? Почему ты это прячешь?

Меред вдруг рассмеялась, ощущая странную легкость в груди — такую же, какая бывает, когда стоишь на обрыве, у самого края, когда ветер ерошит жесткими пальцами волосы и толкает в спину, почти что шепчет — Лети, и ты раскидываешь руки, запрокидывая голову... Кажется, он вот-вот подхватит под локти, и ты и впрямь взлетишь, словно самая настоящая птица.

— А почему это так важно для тебя?

— Потому что это загадка — а я привыкла разгадывать их, — девушка приподнялась на локтях. В темноте линии ее лица казались тоньше, прозрачнее, но хищный разрез глаз и их блеск Меред могла бы различить и в абсолютной мгле подземелий, и в чернильном океане на самом дне, где росли длинные мягкие морские травы, прохладные и гибкие, и куда свет никогда не проникал, — Ты — единственная, чьи крылья мне не видны. Я не могу понять их цвет и их размах. Я не могу до конца понять тебя.

Последнее она молвила совсем тихо, и Меред прикрыла глаза, откидываясь назад и едва заметно улыбаясь себе под нос. Она очень долго просила об этом, очень долго молилась, и боги наконец услышали ее, отогнав тучи, и дали ей краешек солнца — тот самый, который был нужен.

Она с самого начала знала, как ее нарекут. Не горделиво, не с претензией — нет; просто знала, потому что боги не могли соткать для нее другое имя. На том имени заплеталось все — и ее дом, и ее тоска, и вся ее жизнь, и что-то гораздо большее, чем она сама. Все пытались узнать это — но вовсе не для того, чтоб ее понять. Этот интерес был вызван обычным любопытством, привычкой, ведь Птицы всегда знали имена друг друга. И раньше Лебедю тоже хотелось знать ее птичье имя лишь затем, что так было всегда. Во все не потому, что ей хотелось знать саму Меред — знать полностью и целиком, до самого доньшка.

Вспомнилось все. Все короткие моменты-обрывки, быстрые и стремительные, мерцающие под солнцем, словно те самые капельки-брызги от рыбьих плавников, и сплетающиеся в единый поток ее жизни.

...Как она брела прочь от родительского дома, где остались резные ставни и ракушка с синими полосами перламутра, где остался запах дерева и ее детства, запах выстиранного белья и соли, запах теплого хлеба, только что испеченного, с горячей золотой корочкой и хрустящим надломом сверху, за который дети дрались до последнего. Как полынь под ее ногами увядала, укрытая рыжеватым закатным светом и бурой пылью степей. Как солнце падало в глубокое синее море, прямо в руки к арани, и как было ей горько от того, что это все обращалось цветным ветром, уносящимся прочь, далеко-далеко, за молчаливые суровые гребни утесов, поросших морской травой, за крыши ее города, за горизонт — и еще дальше, туда, куда ей никогда не добраться.

...Как трясся и раскачивался под мерный скрип колес старенький фургон с цветными полотнищами на окнах, а она все глядела сквозь стекло на узкую полосу дороги, на которую упала хищной птицей ночь, застелив мир от края до края черным крылом. Как смуглая красивая Ранлу танцевала с огнем, бросая взгляды, наполненные расплавленной кровью земли, в восхищенную толпу, как ее тело напоминало пламя свечи, изгибающееся в такт музыке и подчиняющееся неведомой, мощной, первозданной силе. Как старый Агар рассказывал ей сказки и учил ее петь и играть на флейте, и ей казалось, что это все — сон. Слишком яркий для ее задумчивых глаз. С того дня, как арани поднесла ей дар, Меред поняла, что и ее глаза тоже отныне поглотили море — в отражениях она стала иной.

...Как было голодно, холодно и страшно, как болели стертые в кровь ступни, как чесалось и горело в груди. Она была совсем одна, усталая и полумертвая — но внутри нее морем разливался покой, глубокий и недвижимый. Ей казалось, что она — не она, что глядит сверху, с высоты птичьего полета или огромной морской волны, что вот-вот обрушится вниз и смочит ее, смешав с песком и выглаженной просоленной галькой. И страшно ей не было. Как Меред увидела впереди всадника, черного всадника, и за его спиной выростало солнце, двумя крыльями поднимаясь из-за его плеч — и как упала потом следом за той волной, погружаясь в темноту без снов и мыслей.

...Как девочка с золотыми косами, гордо вздернув нос, смотрела на нее из-под светлых светлых ресниц. Как сердце гулко и надрывно застучало от того сильного, властного взгляда — будто сама королева подошла к ней. И Меред, еще сама того не зная, поклонилась ей, кладя к ее ногам свое сердце и добровольно сдаваясь в ее плен — самый тяжелый за всю ее жизнь.

...Как на обрыве она танцевала, рассекая двумя Крыльями ветра, и как мышцы гудели и пели, как тело, отданное во власть Хартанэ, наполнилось мощной, золотой силой, наполнилось небесной песней, наполнилось божественной волей. Как Меред лишь в те моменты ощущала себя живой — а все остальное время запиралась внутрь себя самой, укрывая собственное сердце образами, нерожденными стихами и горькими мыслями. Как кошачьи медовые глаза, отражающие пламя, преследовали ее даже во сне, и как грудь ее сдавливало немислимой болью, когда те глаза смотрели не на нее. Как в их келье чужой неосторожный вздох задувал крохотное пламя свечи, и как чужие руки позволяли одежде с тихим шорохом соскользнуть с белого тела, как чужие руки вынимали шпильки из золотых локонов и бросали их на каменный пол. Как Меред стояла за дверью, прижавшись лопатками к дереву, и беззвучно плакала, сжимая пальцами рукоять Крыла.

...Как потом этот сон закончился, как потом она раскрыла все клетки. Как теперь наконец стало светло и тихо, правильно и хорошо. Как птицы в ее груди сорвались белыми стрелами с утесов, и как крылья их затерялись в синеве меж морем и небом, и их песни тихим отзвуком отозвались где-то над степями ее родной земли. Меред наконец очнулась, ожила, и теперь не осталось ничего, кроме огромной, как весь мир, как все океаны земли, любви.

Вдохнув поглубже, девушка прикрыла глаза и улыбнулась:

— Меня зовут Чайка.

Атеа расхохоталась, иронично уточняя, не та ли это горластая драная птица, что вечно ворует еду у рыбаков и торговцев и орет дурным голосом, а Меред лишь улыбалась, вдыхая ее запах и ощущая покой. Она-то знала, что глаза чаек тоже поглотили море. Черное, ночное море, на дне которого в дивных дворцах плели себе браслеты арани, и водоросли обвивали их сильные, красивые тела. Она-то знала, что чайки пели морю, и в их голоса вплеталась тоска, и соль, и беспокойные пенные волны — и что-то еще, чего не смог бы понять ни один из тех, кто вырос вдали от океана.

— Ну, Чайка так Чайка, — отсмеявшись, пожалла плечами Атеа, — Теперь я понимаю. Хуже было бы только в том случае, если бы тебя нарекли Бакланом. Не бойся. Я никому не расскажу твою тайну.

Она притихла, как-то совсем по-иному обняв Меред, и Птица, которой дали имя ее морской сестры, тоже обняла ее в ответ. Уже скоро они расстанутся с королевной-Лебедем. А утро подкрадывалось все ближе, протягивая прозрачные пальцы к оконным рамам, и Меред просила богов, чтоб те защитили ее белую царевну, просила так сильно и горячо, как только могла. В конце концов, ей тоже дали ту светлую малость — крохотное чудо, что сбылось.

Сохраните ее — мою горластую, строптивную птицу. Пускай все у нее получится. И дайте нам увидеть друг друга так скоро, как только возможно.

— На самом деле, — задумчиво прошептала Атеа, и Меред закрыла глаза: ее голос в кромешной тьме напоминал шелест моря, — Тебе подходит. Ты перелетная, птица без гнезда, птица моря. Чайка. Да. Ты и правда... И правда.

===== Глава 49. Старые друзья =====

Зимнее солнце, острое и высокое, слепило, а потому Меред рядом с ней ехала с опущенной головой и изредка поднимала внимательные глаза, озираясь из-под густой отросшей челки. В солнечных лучах ее макушка казалась темно-алой. Атеа придирчиво оглядывала подругу, не обращая никакого внимания на раскинувшиеся вокруг пейзажи

Тиннереда, которые наверняка изменились за тринадцать лет. Наверняка все здесь изменилось, все стало иным — и колодцев под деревянными двускатными крышами вдоль дороги уже нет, и каменные мосты, переброшенные через спокойные широкие реки, разрушились, и селения, знакомые ей с детства, разрослись... Ей не хотелось смотреть на край, забывший о ее существовании — а потому она смотрела на Меред.

Девушка, поймав ее пытливый взгляд, разом как-то сжалась, втягивая голову в плечи и чуть заметно хмуря широкие брови.

— Что?.. — неловко спросила она, когда Атеа чуть наклонилась в ее сторону, шуря медовые глаза.

— Я вот никак в толк не возьму, — протянула Лебедь, с подозрением оглядывая девушку, — Внешне ты совсем не похожа ни на какую чайку... Мы не говорим сейчас о твоём богатом внутреннем мире и рыбацкой просоленной душе, конечно нет. Просто чайки — они же белобрысые, бледные. Совсем как наша Знающая! — она возвысила голос, чтоб ее слова долетели до Тэарги, едущей позади и всю дорогу молчавшей. Меред укоризненно посмотрела на нее, и Атеа расплылась в широкой улыбке, показывая острые мелкие зубки, — Это ее бы Чайкой нарекать. Ты скорее...

— Баклан? — поинтересовалась Меред, и Лебедь со странным теплом вдруг подумала, что девушка стала мягче и целостней, свободней. Меред начала шутить, чаще вскидывала голову и позволяла холодным ветрам дотрагиваться до кончиков своих длинных пушистых ресниц, глядела прямо в глаза. Такая Меред нравилась ей гораздо больше, чем та забитая девчонка, что по пятам шла за ней безмолвной покорной тенью.

— Да нет, — отмахнулась от нее Атеа, — Я еще не совсем поняла, кто ты.

— Я тебе уже сказала, кто я, — Меред вновь перевела взгляд на дорогу, — Иного имени я не ждала — и иного мне и не нужно.

— Ишь, провидица, — фыркнула Атеа, — Впрочем, я тебя понимаю. Меня тоже нарекли вот именно так, как нужно. Я же не могла стать каким-нибудь Филином или Выпью, например.

— А мне кажется, что Выпь — как раз-таки твоя птица, — беззлобно пошутила Меред, — Ночами не спит, орет так, что кровь в жилах стынет. У вас определенно есть что-то общее.

— Как и у тебя с Бакланом, моя дорогая подруга, внезапно научившаяся язвить! — Атеа радостно хлопнула ее по плечу, свесившись со своей лошади и едва не вывалившись из седла, — Так держать, Меред! Глядишь, и к пятидесяти годам твое чувство юмора станет искрометным, и девицы Келерии начнут бегать к тебе в Келью, чтоб послушать твои прибаутки и построить тебе глазки. Молоденькие девочки любят языкатых. Во всех смыслах, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Щеки Меред тут же стали пунцовыми, и она отвернулась, все-таки не выдержав бравады Лебеда. Атеа лишь довольно ухмыльнулась — кое-что оставалось неизменным, и это было прекрасно. Вгонять подругу в краску и наблюдать, как та каменеет, нравилось Лебедю до невероятного. Меред не умела пропускать мимо ушей и всегда начинала задумываться — за долгие годы дружбы с ней Атеа вычислила это, и теперь пользовалась этим при каждом удобном случае.

— В общем, тренируйся, дитя мое, — продолжила Атеа, наклоня голову набок. Ветер, подхвативший тугие локоны, взметнул их вверх и в сторону, золотым знаменем набросив их ей на лицо, — Когда-то же надо начинать использовать то, что дано тебе богами, по

назначению, не так ли? С помощью этой штуки можно такие вещи проделывать, ты даже представить себе не можешь.

— Ну прекрати, ну пожалуйста, — девушка беспомощно комкала в руках поводья, ища, куда бы деть глаза. Атеа картинно вздохнула:

— Меред, я говорила про речь человеческую. Вот что ты за существо такое, а? Чуть что — и сразу переиначиваешь, да так, что и портовые девки краснели бы! Тебе должно быть стыдно, Меред. Стыдись. Можешь для верности устроить самобичевание перед нами. Я дам тебе розги.

— Спасибо, не нужно, — проскрежетала Меред, выпрямившись в седле и пытаюсь справиться с предательским румянцем на щеках. Атеа еще некоторое время наблюдала за ней, но Меред даже не взглянула в ее сторону, а потому Лебедь, удовлетворенно кивнув самой себе, расслабилась, прикрывая глаза и подставляя лицо холодному ветру.

Некоторое время они ехали в тишине, нарушаемой лишь тихим шорохом снега под конскими копытами да воем ветров где-то в ущельях на востоке. Сквозь закрытые веки Атеа видела свет, белый-белый, чистый — и ей отчаянно хотелось взглянуть на него, на здешний мир, оставленный ею, кажется, целую вечность назад. Однако слишком много было барьеров между ней и этой землей, слишком много времени и слишком много ненависти.

Какой он был, ты помнишь? Озерный край, озерная земля — так называли его странники, да? Твой Тиннеред, с бескрайними равнинами и пологими холмами, тот сказочный мир твоего детства... Какой он был, Атеа?

Она помнила смутно. За долгое время фиалковые холмы исчезли из ее памяти, сменившись грубыми склонами, мрачными, заснеженными перевалами, горными шумными реками с ледяной студеной водой, и сети озер, заросших золотым камышом, больше не снились ей. Ей не снились крохотные городки, где на черепичных крышах покачивались флюгеры, подставляя узорные стрелки подветренным потокам, где на окнах летом цвели вьющиеся синие колокольчики, пахнувшие так сладко. Ей не снились крохотные селения, где не было ни заборов, ни границ меж дворами, где босоногим девчонкам матери надевали бережные платки с вышитым охранным узором, и те платки были величайшим сокровищем. Все это осталось где-то за горизонтами, и Атеа редко вспоминала ту жизнь, кажущуюся далекой и вовсе ей не принадлежащей. Впрочем, она не жалела об этом — никогда: ни на пороге Келерийской Гильдии, ни теперь.

Взглянуть хотелось. Даже зимой Тиннеред оставался таким же — светлым, задумчивым, тихим. Озера затягивались синими льдами, и белый узор трещин расплзался по застывшей глади, а поля и холмы кутались в пушистое одеяло до самой весны. Нарядные города в россыпях уличных фонариков из эльфийского цветного стекла казались сказочными. Ныне Атеа выросла и прекрасно понимала, что все могло быть не так. Дети всегда смотрели иначе, выхватывая своим чистым зрением самые светлые и яркие моменты, а пелена с ее глаз спала уже слишком давно — и поэтому сейчас она боялась открыть глаза и увидеть грязные придорожные канавы и месиво снега под конскими копытами, брошенные колодцы и дома, на крыльце которых лежали бы вместо тряпки материнские бережные платки. Сказки обычно рушились именно так, она знала это.

Эх, ладно, ну неужели вот еще что-то может тебя разочаровать, девочка моя? После всей той дряни, что с тобой случалась на протяжении всех этих лет? Давай-ка, дорогая, возьмем себя в ручки и перестанем быть маленькой сопливой размазней. Высоко вскинув голову, Атеа спокойно выдохнула и наконец подняла веки, глядя вперед.

Белые поля в белой тишине, синее высокое небо, холмы, в низинах которых блестели под солнцем заледеневшие озера. Широкий простор, насколько хватало глаз, был спокоен и светел, и далеко впереди и справа девушка видела пятнышки селений, над которыми серебристой легкой пеленой тянулся дымок — даже отсюда она слышала горьковатый запах жженной липовой древесины. Красные черепичные крыши казались россыпью рябиновых ягод на снегу, а сады, окружающие селения, напоминали скованную инеем паутинку. Чуть поодаль от дороги, за несколько саженей от всадниц, виднелся колодец — аккуратный, ухоженный, с новехонькой крышей, украшенной охранной резьбой. Атеа ощутила, как губы сами собой растягиваются в легкую улыбку. Да. Что-то действительно оставалось неизменным, и за это Лебедь была искренне благодарна Небу.

Впереди показалась развилка дороги, огибающей холм, и один из ее рукавов уводил на юг, а другой полз на восток, к столице Тиннереда. Атеа знала это — именно по той дороге ее увозили прочь, именно те холмы спускались пологимим склонами к самому тракту, почти вползая на него. Именно на тех холмах она собирала цветы и плела из них венки, пока они отдыхали на привале. Именно за их плавными изгибами разрастался и впивался высокими башнями в небо Расфаль — город, в котором сейчас медленно умирал король. И скатертью ему дорога, подумала Атеа, ощущая, как в груди приятно защекоталось предвкушение. Легкое беспокойство, напоминающее неосторожное касание мотылькового крыла, раздражило ее, и теперь девушка буквально подпрыгивала в седле от нетерпения. Когда еще бы выпала возможность примерить на себя роль королевы? Богиня, сколько же изворачиваться придется!

— Здесь? — тихо спросила Меред, и Атеа, отвлекшись от своих мыслей, вопросительно взглянула на нее. Глаза ее цвета синего льда смотрели вдаль, на ту самую развилку, и Лебедь ощутила печаль девушки, затаенную под ресницами. Возведя очи к небу, Атеа вздохнула:

— Меред, у нас никто не умер. У тебя такой вид, как будто ты меня уже проводила на погребальный костер и теперь уныло причитаешь, подливая масло и хворост подбрасывая. Давай, убери вот это скорбное нечто со своего лица. Максимум через луну мы уже встретимся, и ты снова взвоешь от моего общества, и все будет по-старому! Так что давай, веселее и радостнее.

Девушка хмуро взглянула на нее, даже не пытаясь натянуть на лицо подобие улыбки, и Атеа снова вздохнула. Протянув руку, она сжала плечо Меред.

— Да-да, мне тоже будет не хватать тебя. Но я не собираюсь облачиться в траурные одежды и рыдать всю дорогу до Расфалья. Хотя это, конечно, могло бы помочь мне вжиться в образ страждущей дочурки, которая оплакивает скоропостижную кончину папеньки-короля, — она задумчиво поскребла подбородок, — Ну да ладно. Справимся и так. Чем сложнее задача, тем интереснее, я права, Меред, дорогая?

— Я волнуюсь за тебя, — не отвечая на ее ироничные вопросы, Меред подняла голову, и на лице ее промелькнуло тенью беспокойство, — Переживаю. Что, если тебя не захотят слушать даже?

— Что, если за тем холмом моя лошадь взбесится, сбросит меня и сломает мне хребет копытом? — скорбно передразнила ее Атеа, и Меред мгновенно побледнела. Мысленно выругав себя, Лебедь поспешно добавила, — Я утрирую, Меред. Это означает...

— Я знаю, что это означает, — утрюмо перебила ее Меред, — Но не говори так. Не зови к себе.

— Боги, ну ты как будто и правда провожаешь меня на смерть! — всплеснула руками

Атеа, недовольно глядя на Птицу, — Я собираюсь веселиться и развлекаться, дорогая, а не выкручиваться из передрыги, в которую меня втянуло немилосердное Небо. Жизнь — игра, моя радость, всего-то, — она ухмыльнулась, расправляя плечи и сжимая покрепче поводья, — И я собираюсь играть так, чтоб мне завидовали спустя века даже такие правильные и чистые, как ты.

С этими словами она ударила лошадь каблуками, лихо присвистнув и запрокинув голову, и кобылка с размеренной рыси перешла на галоп, мотнув светлой мягкой гривой. Снег, сверкающий самоцветами под солнцем, во все стороны брызнул из-под копыт, а ветер ударил в лицо, обжигая кожу. Атеа услышала окрик Меред за своей спиной — однако останавливаться не стала. Ей хотелось начала игры, за которым непременно будет их встреча. Долгие проводы и расставания Лебедь терпеть не могла. А развилка была все ближе, и девушка чувствовала, как нарастает в груди это золотое волнение, так сильно напоминающее солнечного ежонка с длинными тонкими иголочками-лучами. Вот возьмешь его в ладони — а он колется, да так, что удержать невозможно... И теперь этот ежонок уютно угнезвился где-то возле ее сердца, и Атеа не знала, что же с ним делать. А точнее, как раз наоборот — знала. И ей больше всего на свете хотелось наконец начать эту игру.

Лошадь ей досталась упрямая, со сквернейшим характером, хоть и довольно милотвидная, а потому уже на подходе к развилке кобылка решила проявить норы и замедлила шаг, не дав Атеа насладиться быстрой скачкой, а там и совсем остановилась как вкопанная, недовольно прядая мягкими ушами и кося на нее темным глазом из-под длинных ресниц. Лебедь уже собиралась было высказать серой все, что она о ней думает, когда ее нагнала Меред, все такая же хмурая, как и раньше.

— Не пугай меня так, — Птица окинула ее укоризненным взглядом, от которого Атеа взвизгивать захотелось — или сбежать от нее еще скорее, — Сейчас — не лучшее время года для скачек, ты не считаешь?

— Знаешь, Меред, вот ты доказываешь одну мою теорию — и доказываешь лучше других, — поморщилась Атеа. Меред вопросительно приподняла брови, — Ночью все бабы совершенно очаровательны, милы, с ними интересно говорить, и не говорить тоже бывает интересно... А как только утро настает — все: огонька в глазах нет, все снова унылые зануды... Не в обиду тебе сказано будет, да-да. Вот где, ну? Где?

— Отстань, — Меред раздраженно отмахнулась от нее, и Атеа подумалось вдруг, что не зря Чайка пошла в Наставницы: когда ей позволят полноправно называться Крылатой, она станет воплощением наставнического беспокойства за птенцов и той рукой, которая будет ловить их, если они решат сброситься с пропасти, развлекаясь. А потом еще проведет беседу, полную нравочений, после которых птенцы не то что подходить к обрыву — вообще выходить за пределы замка не станут. Именно поэтому Атеа должна была быть с ней все это время — чтоб дать шанс девчонкам хоть немного повеселиться. Кто-то же должен вправлять госпоже Чайке мозги хоть иногда...

— Я и не пристаю особо, — осклабилась Лебедь, отбрасывая с лица густые волосы и торопливо озираясь по сторонам, — Ну что ж, пришло время прощаться, дорогая моя унылая подруга!

С этими словами она спрыгнула с лошади, чудом умудрившись не рухнуть в снег: ноги после долгого пути отказывались распрямляться, и в связи с этим Атеа не ощущала особой радости. Но все это казалось ей мелочью — ничтожной мелочью по сравнению с золотым клубком предвкушения. Так всегда бывало, когда она затевала очередную игру, когда плела

вокруг себе очередную паутину, в которой запутывались чудеса и опасности, и лишь в этом коконе, лишь в этой сети она остро ощущала жизнь. Лишь в эти моменты.

Меред тоже спешила, хватая свою лошадку под уздцы. Атеа видела, как девушка пытается согнать со своего лица тень тревоги — однако все ее выдавало, как и всегда: морщинка меж красивых широких бровей вразлет, складочка в уголке рта, накрепко сжатые тонкие губы, беспокойный блеск пронзительно-голубых глаз. Меред стояла напротив нее, чуть наклонив голову к левому плечу, и Атеа вдруг поняла, что тоже будет скучать по ней все это время. Они никогда еще не расставались на такой неопределенно-долгий срок.

— Уже? — Меред долго оглядывала местность, словно запоминая изгибы занесенных снегом холмов и сеть голубых озер, замороженных до самого дна. За ее спиной на расстоянии от них остановилась Тэарга, недвижимой статуей замершая на фоне высокого синего неба. Атеа подошла к Птице поближе, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Да, уже. Чего рассусоливать-то? Надеюсь, ты сейчас не станешь примерять на себя роль плакальщицы, м? — Меред угрюмо взглянула на нее исподлобья, и Атеа картинно прижала руку к груди, широко раскрыв глаза, — Что, нет? С ума сойти можно. Вот уж чудо из чудес, ниспосланное на нашу бедную землю... Я запишу это в свои мемуары, непременно. А теперь иди-ка сюда, обними меня и пожелай мне удачи. Можешь даже сказать, что я умница, и что у меня все получится. Я, знаешь ли, до этого не особо задумывалась о том, что будет, если на мою голову вдруг внезапно свалится целое королевство, поэтому слегка волнуюсь. И твоя скорбная мина никак меня не успокаивает, уж прости.

Меред замешкалась, как-то разом показавшись ей на удивление беспомощной, но в следующий миг тут же взяла себя в руки. Сделав шаг к Атеа, девушка обняла ее, сжав в объятиях так крепко, что у Лебеда чуть было не треснули ребра. Сдавленно рассмеявшись, она обвила крепкие плечи подруги руками, утыкаясь носом в ее макушку, пахнущую снегом.

— Все будет хорошо, — выдохнула Меред ей на ухо, не выпуская ее из рук, — И ты обязательно справишься.

— Да знаю я! — фыркнула Атеа, пытаясь как-то выкрутиться из железных объятий Меред, — Просто мне уже надоел этот траур на твоём лице, надо же было как-то растормозить тебя! Все, давай, отпускай меня и дай мне наконец вздохнуть.

Меред даже не шелохнулась, и Атеа ощутила себя дворовым котом, которого поймали дети на улице, и который теперь пытался вывернуться из их рук. Как только картинка вспыхнула в голове, девушка тут же попыталась по-кошачьи поднырнуть вниз и поскорее вскарабкаться на лошадку, однако это не помогло: Меред держала так крепко, что Лебедь оказалась полностью обездвиженной.

— Я люблю тебя. Возвращайся скорее. И зови — я приду так скоро, как только смогу, — тихо шепнула Меред куда-то ей в шею, и Атеа, сдавшись, обреченно похлопала ее по плечу.

— Да, я знаю. Я тебя тоже очень люблю. И обязательно позову, если мне понадобится твое верное плечо. Или если меня решат отравить придворные лапушки. А теперь возьми себя в руки, келерийская тряпка! — последнее она гаркнула так, что над долиной расплозлось во все стороны эхо, а Меред тут же отдернулась в сторону, кривясь и шипя, — Давай, подбери сопли и марш отсюда, исполнять свой долг!

— А ты и рада поскорее от меня избавиться, — проворчала Меред, все-таки выпуская ее из рук и отступая назад. Вид у нее был не особо радостный, однако она уже умудрилась натянуть на лицо подобие улыбки.

— Да, — честно призналась ей Атеа, неуклюже взбираясь на спину серой кобылки. Та

шумно фыркнула — да так обреченно, словно ее седлала не хрупкая девушка, а престарелый купец, под шагом которого ломались дубовые балки, — Да. Иначе, если церемония нашего прощания затянется, я разревусь, как последняя малолетняя дура. Оно мне не надо. Так что давай закругляться, Меред. Ветра тебе под крылья и милости Хартанэ в дорогу.

Меред удивленно приподняла брови — Атеа никогда не прощалась с ней ритуальной фразой, которой завершались все молитвы о пути. Немного помедлив, Лебедь радостно добавила:

— А еще — доброго вина и красивых шлях, если совсем уж невоготу станет! — Меред мгновенно одеревенела, но Атеа уже не смотрела на нее, обратившись к Знающей, — А ты, госпожа ведьма, учти: если по твоей милости — или от твоего бездействия — с этой вот несчастливой случится хоть самая малость, хоть одно самое нелепое несчастье — я тебя найду, — последнее она произнесла с широкой радостной улыбкой на лице, так, словно желала ведьме доброго пути. Тэаргавар лишь кивнула:

— Я знаю. Ясной дороги и сил, чтоб все преодолеть, Птица-Лебедь.

— И тебе, госпожа Знающая, не хворать! — все-таки смилостивившись, ухмыльнулась Атеа, — Бывайте, прекрасные девушки. А ты, — она взглянула на Меред, разворачивая лошадь на восток, туда, куда вводила дорога, — Пообещай мне, что не будешь писать душераздирающие стишки о нашем с тобой расставании. Оглянуться не успеешь, и я уже снова буду доводить тебя до белого каления, и ты будешь молиться о том, чтоб меня отправили куда-нибудь еще. А там, глядишь, выяснится еще, что в моем роду были тавранские цари, эльфийские боги и прочая шелупонь, и всюду я нужна как наследница!

С этими словами она отвернулась от них, оставляя их за собой, и вырвалась вперед, не оглядываясь назад. Она знала, что Тэарга все так же неподвижно сидит, выпрямившись в седле, и мягкие широкие складки ее пальто чуть развеваются на ветру. Она знала, что длинные тонкие пальцы ведьмы мягко перебирают лошадиную густую гриву, а лицо ее остается все таким же неподвижным в тени глубокого капюшона. Знала, что Меред стоит и смотрит ей во след, и глаза у нее тоскливые и зовущие, словно у брошенного зверя, которого уже приручили. Да только зверем она не была, и Атеа не могла и не хотела делать ей больнее долгим расставанием. И собственными слезами, что сейчас вдруг предательски защипали глаза.

Зло смахнув непрошенную соль с ресниц, Атеа пригнулась ниже к лошадиной шее, прогоняя прочь все мысли. Обернуться хотелось — и остаться хотелось; она никогда не была одна до этого. Она попросту не умела быть одна. Не умеешь — научись, иначе я сломаю тебе хребет, милосердно проскрипел в голове голос Дамалы, когда-то давным-давно колотящей ее на Плацу, и Лебедь, ухмыльнувшись воспоминанию, хлопнула кобылу по загривку:

— Пошла, красавица. Вперед!

Летом холмы кажутся белыми — это ковыль заползает высоко на склоны, подбираясь к старым замшелым валунам, к чабрецовым полянкам, и колышется на ветру мягкой шелковой волной. В нем пестреет голубой лен, звездочки дикой гвоздики, и над разнотравьем гудят деловитые шмели, толстые, с золотистыми пушистыми брюшками. Выше, над всем краем, начинается бескрайнее небо, в которое можно упасть — нужно только разогнаться, разбежаться и взлететь, оттолкнувшись от земли и раскинув руки-крылья. И когда-то вместе с босоногими девчонками на этих холмах плясала она, хохочущая маленькая девочка с золотой косой и россыпью солнечных веснушек на вздернутом носике, и когда-то она падала

в это хмельное лето и небо, что лежало прямо на этих холмах синим лоскутным одеялом. И когда-то жизнь казалась самой волшебной игрой, которую только мог выдумать старый добрый сказочник, странствующий по пересечьям миров.

Ныне она тоже считала жизнь игрой — разве что игра эта стала опасной. Но Атеа всегда любила оказываться на самой грани.

До Расфалья было всего-то два дня пути — и эти два дня пролетели незаметно, сухими листьями по ветру уносясь вдаль. Она останавливалась в придорожных городках, аккуратных и светлых, и добрые люди приглашали ее под свой кров, и она плела им байки о себе — одну краше другой. Пока лошадь отдыхала в стойле хозяина, Атеа уплетала за обе щеки луковый хлеб, какой пекли лишь в Тиннереде, заплетала косы маленьким хозяйским дочерям и с томной хрипотцой в голосе предлагала свою помощь молоденьким девушкам, возящимся на подворье. Солнце падало за край мира, огненной монеткой скатываясь по небосклону вниз, и длинные косые тени ложились под ноги лошади, и Атеа с каждой минутой ощущала все сильнее, как тугой узел в груди расплетается, ослабевает, а там и вовсе распрямляется — и нет его больше. В заснеженных долинах родной земли, в рощах, где под кружевом инея спали дикие груши, напоминающие согбленных мудрых старцев, в тихих домишках, где темноту разгоняли теплые лучины и нежная мягкость человеческих жизней — всюду она ощущала себя живой и светлой. И у сердца по-прежнему копошился солнечный ежонок, и приятное волнение не девалось никуда.

Солнце уже почти скрылось за холмами, и небо налилось рыже-алой, совсем уж не зимней краской, когда она подъезжала к крепостной стене Расфалья. Из-за нее ввысь тянулись белые башни — хрупкие и тонкие, крытые красными черепичными крышами, со сложными воздушными узорами флюгеров на острых шпилях. Атеа видела синие знамена, которые полоскал ветер, видела золотые окошки, что одно за другим загорались в надвигающейся темноте, слышала гул человеческих голосов, цокот копыт по мощенным мостовым, скрип колес и окрики; она слышала, как с тяжелым поющим звоном опускается молот на наковальню, как где-то вопят коты, как где-то далеко кто-то играет старинную мелодию «Осенний венок», и от этого было так хорошо, так радостно, так светло... Она видела крепостные ворота, что вот-вот должны были затвориться на ночь, видела стражников, которым особого дела не было до молодой девушки, что кротко поклонилась им и заявила, будто прибыла навестить больную тетюшку... Пропустили ее легко — Крылья не были видны под плащом, да и Атеа прекрасно знала, что боги одарили ее всем необходимым для того, чтоб окружающие люди не опускали свой взгляд ниже ее лица. А если и опускали — то лишь чуть ниже.

— Доброго вам дежурства, светлые, — выдохнула она, взмахивая длинными ресницами, и стражники тут же расступились в стороны, вдогонку выспрашивая, не нужно ли проводить ее к дому тетюшки. Атеа на это лишь улыбнулась, уверяя их, что справится, а если нет — то обязательно возвратится и попросит их помочь.

Она помнила Расфаль смутно, так, словно видела его однажды на картинке, и детское воображение решило, что она и впрямь побывала там. Образы туманом выплывали перед глазами, и улицы оживали, становились знакомыми — она узнавала их, хоть и с трудом. В столице кипела работа даже сейчас, зимним студеным вечером, работа, что была подчинена незримым силам,двигающим миры и рождающим новые звезды. Расфаль казался ульем, где жизнь была во всем: в каждом переулке, в каждом доме, в каждом лучике смеха откуда-то издалека. Атеа с интересом озиралась по сторонам, пытаясь понять, что чувствует ныне.

Было любопытство, было предвкушение, было еще что-то — тихая и нежная грусть, такая невесомая, что Лебедь едва сумела уловить ее внутри самой себя. Она уверенно вела серую по мощным улочкам, разглядывая все вокруг, пропуская ватаги детей, и в груди росло что-то озорное и абсолютно безрассудное. Впрочем, по-другому не происходило никогда.

Впереди показался дворец правителя — светлый, летящий замок с кучей башен, утопающий в заснеженной паутине садов, где на ветвях были развешены крохотные фонарики. От всего внешнего мира замок защищала широкая стена, изрытая бойницами, и по всему ее периметру Атеа видела движущиеся огоньки — стражники несли караул, патрулируя участки крепости, отданные им. Естественно, никакой речи о том, что ее пропустят к королю так просто, тем более прямо сейчас, быть не могло, и Лебедь предвидела это. Двух дней пути было вполне достаточно для того, чтоб Атеа повертела ситуацию в голове и так, и эдак, и продумала подобные мелочи, а потому Птица спокойно свернула с основной дороги, уводя лошадку в сторону от людной улицы.

Хозяин конюшни тоже с удовольствием послушал байку о престарелой тетушке, проникся жалостью к бедной юной девушке, а потому плату за то, что кобыла останется в стойле под его присмотром, не взял — зато предложил ночлег. Атеа вежливо отказалась, поклонившись доброму господину, сетуя на то, что за тетушкой нужно присматривать, и поспешила затеряться в ночных улицах, спрятавшись под плащом и буквально слившись с тенью. Насколько она помнила, конюшни находились не так уж и далеко от того места, куда ей нужно было попасть. Свернув в очередной переулок, Лебедь огляделась и, обнаружив чуть поодаль высокую решетку, окружавшую огромный дом, победно ухмыльнулась себе под нос. Если ничего не изменилось за эти годы, здесь жила ее старая знакомая, которая задолжала ей небольшую услугу. Стараясь ничем не привлекать внимание посторонних к себе, Атеа неспешно направилась к решетке, подмечая все, что нужно.

Всюду за решеткой дежурили стражники — однако Атеа довольно хорошо знала, что у задней части дома караул бывал редко. Хозяйка имения часто использовала неприметную тропку через сад для того, чтоб незаметно от своего глуповатого муженька выпроваживать молодых любовников, а посему ныне был шанс, что там, как и в былое время, особо никто не расхаживал. Взмолившись про себя Хартанэ, Атеа оглядела улицу и, убедившись, что проулок опустел, принялась взбираться по решетке, по-кошачьи перемахивая через несущественную преграду.

За решеткой начинался сад — до того густой, что даже сейчас можно было спрятаться хоть от двадцати дозорных. Пригнувшись к земле, Атеа тихо-тихо шагала по нетронутому снегу, стараясь двигаться так, чтоб при малейшей опасности иметь возможность укрыться где-нибудь в густой тени. Впереди уже виднелась темная стена, заросшая старой лозой с толстыми широкими стеблями, что вилась до самой крыши — и под этой крышей светилось одно-единственное окошко. Двигаясь плавно и аккуратно, Лебедь ухмыльнулась, не отводя взгляда от золотистого теплого квадрата — туда-то ей и нужно было. Если удача окажется на ее стороне.

Подобравшись к стене, девушка выпрямилась, переводя дух и ощущая себя ребенком, играющим в невероятно интересную игру. Оглядевшись еще раз, Лебедь задрала голову, прикидывая, сможет ли взобраться наверх по жесткой сухой сетке лозы. Другого пути у нее не было, да и она знала, что лишние размышления сейчас могут оказаться слишком уж большой ошибкой, а потому, все же решив не медлить, Атеа взялась за стебли и, подтянувшись на руках, принялась карабкаться наверх.

Высота в три этажа оказалась ничтожной по сравнению с отвесными скалами, на которых их гоняла Сольвэ, а потому Атеа преодолела это расстояние практически легко. Тело немножко отвыкло от подобной акробатики, и Лебедь с раздражением подумала, что наверняка похожа на толстого домашнего кота, впервые влезającego на дерево и цепляющегося за шершавый ствол когтями. Остался последний рывок, и девушка, осторожно зацепившись пальцами за каменный выступ подоконника, с тяжелым усилием подтянулась вверх, заглядывая в окошко.

В комнате ничего не изменилось: та же вычурная мебель из орехового дерева, то же гладкое зеркало с искусной резьбой на тяжелой раме, та же куча мелких банок и склянок на столике подле зеркала. Та же огромная кровать под тяжелым бархатным балдахином, та же тумбочка, на которой в стеклянной плошке стояла толстая белая свеча.

Женщина, сидящая на постели и расчесывающая длинные, пересыпанные сединой, волосы, тоже не особо изменилась — разве что обрюзгла и стала куда более морщинистой, чем была десять лет назад. Длинная ночная рубаха с широкими рукавами скрывала ее телеса, и за это Атеа искренне поблагодарила Хартанэ — богиня благоволила ей сегодня. Если все и дальше будет идти так гладко, день можно будет назвать удачным. Мышцы уже начинали подрагивать от напряжения, но Лебедь терпеливо ждала, наблюдая за медленными движениями женщины. Вот она провела гребнем по длинной пряди, вот отложила его в сторону, поближе к свече. Вот откинула толстые пуховые одеяла, забираясь в теплую постель. Вот склонилась над огоньком и задула его, и комната погрузилась во мрак. Атеа начала отсчет.

Когда руки уже готовы были отказать, Лебедь поняла, что больше не может висеть на лозе. Подтянувшись еще выше и прижавшись к стене всем телом, девушка вынула Крыло, пропихивая лезвие в узкую щель меж оконных створок и аккуратно ища крючок, на который закрывалось окно. Долго искать не пришлось — ощутив хлипкую преграду, Атеа осторожно повела лезвие вверх, а затем так же плавно — вниз, чтоб ни единого звука не издать. Ветер затих, а потому его вой не смог бы разбудить спящую женщину — по крайней мере, так полагала Атеа. Оконная створка поддалась, и Птица распахнула ее шире, становясь коленом на приступку подоконника.

Окно было узким, а лучшие ее части — довольно широкими, потому Атеа, пытаясь пролезть внутрь, успела мысленно проклясть и свою затею, и строителей дома, и собственные бедра. К счастью, хозяйка дома не проснулась, громко храпя в ворохе одеял, и, когда Лебедь все-таки ввалилась в комнату, сквозь зубы ругаясь и спешно закрывая окно, лишь бессвязно принялась что-то бормотать. Справившись со створками, Птица обернулась к постели и бесшумно направилась к ней, на ходу вынимая Крыло. Половицы под ее ногой ни разу не скрипнули, как не скрипнула и добротная кровать, когда Атеа, подкравшись к ней, одним плавным движением взобралась на постель.

Женщина заворочалась, ресницы ее затрепетали. В следующий момент Лебедь вжала ее в перину бедрами, усевшись сверху и закрыв ей рот ладонью, и Крыло, оказавшееся в ее руке, острым краем касалось напудренной морщинистой шеи. Атеа склонилась над ней, глядя в широко раскрытые, испуганные глаза, и хищно усмехнулась, ощущая, как напрягается ее горло.

— Заорешь — и я перережу тебе глотку, — сообщила она женщине, тоненько скулящей, — Мне хватит секунды. Хочешь проверить, лгу я или нет?

Женщина, не мигая, чуть заметно затрясла головой, и Атеа видела искренний ужас и

страх, застывший на ее лице. Удовлетворенно кивнув, девушка медленно убрала ладонь от ее рта. Крыло по-прежнему оставалось на месте. Прерывисто дыша, хозяйка дома дрожащим голосом просипела:

— У меня есть золото... Много. И драгоценности... Что вам нужно?.. Берите все, что хотите — только не...

— О, я возьму, — заверила ее Атеа, склоняясь еще чуть ниже, — Можешь не сомневаться, милая моя подруга. И только ты можешь помочь мне в этом.

Женщина, едва ли не окаменевшая, испуганно смотрела на нее. Глаза ее были круглыми, белыми, и она явно не понимала, что происходит.

— Я? Что... мы знакомы? Кто вы?..

— Я — твоя солнечная девочка, твоя куколка, — сладко пропела Атеа, и губы ее растянулись в кривой усмешке, — И я пришла, чтобы ты отдала мне маленький должок, добрая Виалла. Помнится, кое-что ты задолжала мне, правда?

Несколько секунд женщина непонимающе разглядывала ее, моргая и морща лоб, а затем лицо ее вытянулось, и Атеа ощутила, как она каменеет еще больше, и как медленно осознание вливается в нее. Она потеряла дар речи, хлопая глазами и пытаясь хоть что-то сказать, и Лебедь выпрямилась, все так же держа Крыло у ее горла и ухмыляясь ей уголком рта.

— Верно. Это я. Здравствуй, Виалла. Я так соскучилась, — она картинно вздохнула, — Однако сейчас не время для слез радости. На рассвете ты отведешь меня во дворец короля — к нему у меня есть небольшое дельце. Отведешь без лишнего шума и крика. Я боюсь шума, Виалла, а когда мне страшно, мои руки не слушаются меня — и могут схватиться вот за эту штучку, — она чуть ощутив ее нажала на Крыло, и Виалла стала совсем уж белой — Атеа видела это даже во тьме, — А она очень, очень острая. Мы же не хотим несчастных случаев, правда?

Женщина даже не шелохнулась — лишь в ее глазах Лебедь видела молчаливую мольбу и то, что было залогом ее честности. Виалла слишком боялась смерти и слишком любила свою жалкую жизнь при дворе — а потому была готова на все, лишь бы ощутить себя в безопасности. Кивнув, Атеа убрала клинок.

— Вот и умница. Но на всякий случай — помни: я быстрее тебя. И быстрее твоих стражников. И, если я чего-то испугаюсь, никто не успеет тебя спасти. А теперь давай-ка побеседуем, как старые добрые друзья — мы ведь так давно не виделись! А ночь еще долгая впереди.

===== Глава 50. Маленькая мечта =====

Рассвет еще только-только забрезжил за холмами, и небо начало наливаться северным зеленоватым сиянием далеко на востоке — а в доме госпожи Виаллы уже не спали. Абсолютно все обитатели его знали, что к хозяйке приехала ее давняя подруга, которая некоторое время погостит в Расфале. О том, как именно подруга попала в дом, и почему это произошло глубокой ночью, особо никто не расспрашивал — у дамы вполне могли быть свои секреты. Уж тем более — у Виаллы, которая не отличалась особенной церемонностью с подчиненными.

— Давай-ка повторим еще разок, — Атеа, растянувшись на мягкой широкой постели в отведенной ей комнате, лениво постукивала пальцами по рукояти Крыла. Виалла, по-прежнему одетая в ночную рубаху, сидела напротив нее в глубоком кресле, выпрямив спину и сложив руки на коленях. Взгляд ее не отрывался от перетянутой кожаными лентами

рукояти, — Подведем итоги, скажем так. Поправишь меня, дорогуша, если вдруг я что-то неправильно поняла, идет?

Виалла быстро закивала и тяжело сглотнула. Вид у нее был такой, словно она оказалась в одной комнате с голодной дикой кошкой, и Атеа ощутила, как в груди разливается приятное тепло. Такое отношение ей очень льстило.

В дверь постучали, и в следующий миг в ее покои заглянула молоденькая девчушка, чью голову покрывал голубой батистовый платок — знак того, что девочка была служанкой. Виалла тут же изобразила на лице подобие радостной улыбки, а взгляд ее, устремленный на Атеа, можно было бы назвать преисполненным материнской нежности — если бы Лебедь не видела ее зрачки, сжатые практически в маковую росинку. Правильно, старая сука. Не расслабляйся.

— Что такое, дитя? — царственно поинтересовалась Виалла, и девушка-служанка сразу же согнулась в поклоне, опуская глаза.

— Ванна готова, госпожа Атеа.

— Спасибо, сладкая, — мурлыкнула Лебедь, чуть шурясь, и девчушка, почему-то разом вспыхнув и пробормотав что-то неразборчивое, поспешила закрыть за собой дверь. Подождав несколько секунд, Атеа вновь перевела взгляд на Виаллу, — Итак. Исходя из твоих слов, дорогуша, папенька умирает уже довольно долго — но все никак не умрет, хотя этого ждут уже абсолютно все, верно?

— Да, — просипела Виалла, кое-как поднимая взгляд на ее лицо, — И я настоятельно рекомендую... то есть советую тебе, моя госпожа, в разговорах при дворе несколько... корректировать свою речь.

— О, не беспокойся за мою речь, — обаятельно улыбнулась ей Атеа, — И лучше бы тебе не отвлекаться на то, чтоб тревожиться о таких пустяках. Я, конечно, ценю то, как рьяно ты пытаешься помочь мне во всем, однако повторение прописных истин не всегда хорошо сказывается на моем благодушном настроении, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Я понимаю, — поспешила заверить ее Виалла, мгновенно затихая. Лебедь еще некоторое время разглядывала ее, а затем продолжила, вольготно вытягивая длинные ноги поверх дорогого покрывала, устилающего кровать:

— Это очень славно, Виалла. Значит, я не зря пришла навестить именно тебя, — судя по лицу придворной дамы, сама она так не считала. Однако Атеа умела быть убедительной — даже без Крыльев, а уж что она творила с ними... Усмехнувшись уголком рта, девушка резко села, глядя в глаза хозяйки дома, — Стало быть, ситуация складывается следующим образом: по твоим словам, на трон есть три претендента, помимо меня. Верно?

— Верно, госпожа Атеа, — женщина опасливо подалась назад, словно стремилась оказаться как можно дальше отсюда, — От Тиннереда непосредственно, от Эллоина и от Верданора.

— Ну, допустим, первое я еще понимаю, — Атеа задумалась на миг, — Это жена короля?

— Нет, госпожа Атеа. При дворе ее не слишком любят, поэтому совет противится ее избранию. К тому же, король, будучи хоть и не в самом добром здравии, все осознает и отказывается признавать ее как будущую властительницу. Как и остальных, впрочем. Из тех, о ком знает народ, конечно же, о вас пока и речи даже не шло, — тут же добавила она, стоило Лебедю лишь бровь дугой выгнуть.

— Как же вовремя я явилась, — драматически вздохнула Атеа, — Совсем уж бардак

учинили без меня... Ладно. Кто же тогда?

— Внук королевского брата, мальчик лет десяти.

— Виалла, — Лебедь чуть привстала на кровати, скучаяще оглядывая женщину, — Ты меня за кого держишь-то?..

— Дело в том, — затараторила Виалла, — Что отец мальчика умер, а его жена, не будучи прямой родственницей нашего государя, не может претендовать на трон как королева. Ее сын, мальчик, тоже — однако, если вариантов не останется, власть перейдет к нему, а точнее — к его матери, покуда ему не исполнится девятнадцать лет. Она будет править как королева-регент.

— Не будет никто править как королева-регент, — ухмыльнулась Лебедь, — Дальше.

Несколько мгновений Виалла собиралась с мыслями, а затем опустила глаза:

— Остальные мне в точности не известны, госпожа Атеа. Я присматриваю за юными девушками при дворе, и не особо вмешиваюсь в дела государственные.

Птица разочарованно покачала головой:

— Как же так, Виалла? Это же твоя родная землю, все такое — а уж ты имеешь прямое отношение ко двору... Неужели тебя не заботит твое будущее и будущее твоих маленьких воспитанниц? — щеки женщины стали пунцовыми под тонким слоем пудры, который, казалось, смыть с ее кожи уже невозможно было, и Атеа довольно ослабилась, — В таком случае тем более хорошо, что я здесь! Вот что, дорогуша моя, — она плавным движением поднялась с постели, сцепляя руки в замок за спиной, и принялась неспешно расхаживать по комнате, — Тогда мы сделаем вот что: сегодня ты будешь маленькой любопытной и незаметной мышкой, которая, если понадобится, пролезет в самую узкую щель — но выяснит, кто, что и почему. Мне нужно все: претенденты, их притязания и условия, уровень поддержки их при дворе. Секреты. Маленькие забавные факты. Все.

Она обернулась к женщине, замершей в кресле, и неспешно подошла к ней. Расцепив руки, Атеа склонилась над ней, опираясь на высокую спинку, и промурлыкала:

— Принеси мне нужную информацию, моя мышка, и пропой где-нибудь, что законная наследница есть. Лучше всего — среди молодых девчонок, служанок. Петь придворным змеям не нужно — с этим я разберусь сама, и позже. Это должна быть тонкая-тонкая шелковая ниточка, понимаешь меня? — Виалла кивнула, но в глазах ее была какая-то тень, и это не понравилось Атеа, — Если ты все сделаешь правильно и поможешь мне взойти на трон, ты получишь от меня награду. Скажем, уютный земельный надел и место в совете. Условия мы можем с тобой корректировать в зависимости от того, чего бы тебе хотелось, и как ты выполнишь свое задание. Если же где-то ты ошибешься — по собственному желанию или по глупости, если раскроешь рот там, где не нужно, если откажешься... — она зевнула, разглядывая свои аккуратные длинные пальцы, а затем словно невзначай провела ногтем по щеке Виаллы, — Просто помни: я не одна здесь. И, если решишь самовольничать, раньше, чем ты успеешь хоть что-то понять, тебя зарежут. Без крика и шума, конечно. Зарежут и твоего драгоценного муженька, и твою дочурку, когда она придет навестить тебя, и твою любимую кошечку. И я не шучу, Виалла. Я пришла к тебе спустя тринадцать лет — так что не стоит думать, что я блефую. И поверь мне: я знаю, как резать глотку так, чтоб ты и звука не издала. Выбор за тобой: либо ты помогаешь мне и живешь дальше в роскоши и покое, либо же идешь любоваться садами Светлого и взирать на землю нашу грешную с пушистого белого облачка. На твоём месте я бы даже не колебалась особо.

Виалла, мелко дрожа, даже не пыталась отодвинуться от нее — лишь вжималась в

спинку высокого кресла и во все глаза смотрела на нее. Справившись с собой, женщина, запинаясь, выдохнула:

— Если есть те, кто поддерживает тебя, если у тебя есть люди... почему ты обращаешься именно ко мне сейчас?..

Ну надо же, первый разумный вопрос за этот вечер. Атеа мягко, почти что ласково, улыбнулась ей, пропуская сквозь пальцы тускло-серые пряди ее длинных жестких волос.

— Потому что, как я уже и говорила, за тобой остался маленький должок. Мои люди — мясники, а сейчас нужно тонкое и аккуратное шитье. Шитью меня учила ты — и в Келерию везла меня тоже ты. Кому же, как не тебе?

От Виаллы рябью на воде во все стороны расходились волны страха, и Лебедь ощущала, как холодеет она от ужаса. Кажется, звери тоже ощущали человеческую боязнь, и теперь Атеа понимала, что это — очень приятное чувство.

— Почему ты не явилась раньше? — чуть слышно спросила женщина, сразу же опуская глаза — но Атеа успела поймать ее взгляд: больше никаких теней в нем не было, — Теперь доказать всем, что ты — истинная наследница, будет сложно...

— Я училась правильно резать глотки, дорогуша, — Атеа сделала шаг назад, наклоняя голову к плечу и улыбаясь, — При дворе это, пожалуй, самое необходимое умение. А что до сложности — что ж... Ты уже об этом думаешь. Стало быть, в твоей светлой головушке мысли уже крутятся в этом направлении. Оплати свой долг — и я отблагодарю тебя по праву. Откажись — и я заплачу тебе то, что ты заслужила. По моему мнению. Докажи мне, что жизнь твоя — не бесполезная грязная страница в книге Светлого, которую стоит вырвать.

Виалла кусала сухие тонкие губы, и взгляд ее метался из угла в угол. Внутреннее чутье подсказывало Атеа, что она уже победила, а потому девушка не торопила ее, ожидая подтверждения своих мыслей. Женщина глубоко вздохнула, а затем подняла голову.

— Хорошо. Я согласна. Я сделаю все возможное.

— Умница, — сладко пропела Атеа, прикрывая пушистые ресницы, — Все возможное — и еще чуть больше.

— Да, госпожа Атеа, — Виалла чуть склонила голову — на этот раз почтительно, и Лебедь мысленно похвалила ее: схватывала она все быстро. К тому же, Птица прекрасно знала, что запугала бывшую наставницу достаточно для того, чтоб та не совершала глупостей. Отступив наконец от кресла, Атеа потянулась, разминая плечи и позвоночник, который уже больше недели нещадно болел.

— Вот и славно. В таком случае, не смею тебя задерживать больше. С моим визитом к папеньке мы повременим до того момента, пока ты не подготовишь все для этого. Можешь заняться этим прямо сейчас, дорогуша. Я же малость отдохну — и разведу обстановку в городе.

— Быть может, лучше тебе не выходить пока на улицу, госпожа Атеа? — Виалла опасливо взглянула на нее, чуть хмуря пересыпанные сединой брови, — В моем доме тебе не будет нужды ни в чем.

— Я знаю, — заверила ее Лебедь, — Но поверь мне, уже через несколько часов все обитатели твоего дома, включая кошечку, самостоятельно бросятся на любой острый предмет, что попадется им под руку, если я не буду выходить никуда. А так — я погляжу на Расфаль, подниму старые связи, встречу с нужными людьми. Надеюсь, ты хорошо запомнила все, что я тебе сказала?

— Да, госпожа Атеа, — повторила Виалла, и Атеа, прислушавшись к золотому огоньку Дара Хартанэ в груди, удовлетворенно кивнула: тот не ощущался тревожным или напряженным. Значит, женщина не лгала. Поднявшись из кресла, она вновь чуть склонила голову, и, не поднимая ресниц, молвила, — Я немедленно займусь всем. Мой дом — в твоём распоряжении, госпожа Атеа, как и моя стража. Если тебе захочется пройтись по городу, пока меня не будет, попроси кого-нибудь из служанок принести тебе одежду — в доме остались платья моей дочери. Они, быть может, не похожи на королевские одеяния, однако находятся в хорошем состоянии, так что, надеюсь, сердчать ты не будешь.

— На этот раз — нет, — заверила ее Лебедь, — Успехов тебе, Виалла. Я буду ждать тебя, моя мышка.

Послав ей широкую улыбку, Лебедь отвернулась к окну, не слушая прощальные бормотания женщины. За стеклом в предрассветной тьме вставали силуэты башенок и высоких светлых домов с темными глазницами-окошками, в некоторых из которых в этот час уже горели на подоконниках масляные золотистые лампы. Да, ей определенно хотелось осмотреться и разведать, что да как — однако это могло подождать еще несколько часов. Сейчас куда больше ее интересовала ванна и сытный завтрак. Кивнув самой себе, Атеа неторопливо направилась в сторону купальных комнат — благо, служанка в батистовом голубом платочке, получив от нее распоряжение, тут же умчалась выполнять его, предварительно поведав госпоже Атеа, куда ей следует подойти, как только она закончит беседу с госпожой Виаллой.

Естественно, что никаких людей у Атеа здесь не было — однако Виалле об этом знать не стоило; как и многие женщины при дворе, она была глуповатой, и запугать ее в целом оказалось достаточно легко. К тому же, Лебедь не сомневалась, что та все еще чувствует себя виноватой перед златокудрой маленькой девочкой, которую она увезла когда-то давным-давно в горы. Златокудрой девочки давно уже не было, и вместо нее теперь появилась не слишком приятная особа, которая могла сделать Виалле больно. Очень больно. И, к чести придворной дамы, она понимала это. Расслабляться Атеа не собиралась — сейчас ей понадобится все ее внимание, изворотливость и умение плести вокруг себя хаос. Соответственно, чем больше ниточек она подвязывала к своим пальцам, тем лучше становилось для нее.

В купальной комнате ее уже ждали две девочки-служанки, и Атеа довольно ухмыльнулась, оглядывая узор на паркетном полу из темного дерева и огоньки свечей, отсветы которых плясали на лаковых маленьких столиках, расставленных вдоль стен. На севере никто и понятия не имел, что такое ванна — там все привыкли к деревянным баням, пропахшим дубовыми мокрыми листьями, где стоял густой пар, и волосы мгновенно тяжелели, стоило только войти с мороза в предбанник. Атеа очень долго привыкала к тому, что в банях нет служанок, которые намывают спину жесткими щетками, и что в тесной комнате собирается целая куча народу, и воды в какой-то момент на всех не хватает, и поднимается шум и гам, и невозможно целиком погрузиться в теплую воду, вытянув уставшие за день ножки... Сейчас же она чуть ли не бросилась обнимать вытянутую огромную деревянную кадку, заполненную водой почти что под самый край, окутанную полупрозрачной вуалью пара. Одна из служанок — та самая девочка в голубом батистовом платочке — сделала шаг вперед, складывая изящные ручки в замок и вновь сгибаясь в поклоне.

— Позвольте помочь вам, госпожа Атеа.

— Позволяю, сладкая, — ухмыльнулась Лебедь, аккуратно снимая пояс с ножнами и предоставляя все остальное служанке. Что-что, а оружие она не давала трогать никому.

Служанка ничего не сказала о шрамах девушки, которых на ее теле за тринадцать лет набралось предостаточно — лишь робко спросила, может ли она унести одежду Птицы, чтоб выстирать ее. Атеа, благосклонно кивнув, чуть ли не бегом бросилась к ванне, с трудом заставив себя идти неторопливо и спокойно. Когда горячая вода, пахнувшая цветами и дорогими южными маслами, что знатные дамы по капельке добавляли в свои ванны, обняла тело, Лебедь наконец ощутила себя счастливой. Откинув голову назад, она сползла в воду, расслабляя мышцы и усталую спину, и с наслаждением прикрыла глаза.

Если бы не служанка, тихо окликнувшая ее, Атеа наверняка бы задремала в теплом полумраке купальной комнаты. Пока осторожные робкие пальцы девушки перебирали ее волосы, промывая самые тонкие прядки, Лебедь отстраненно думала о том, что в любое другое время она бы не преминула возможностью поразвлекаться с этим тихим кротким созданием — но сейчас действительно это не было ее приоритетом. Куда больше ее занимали совершенно другие мысли, и Атеа не обращала внимания ни на что иное. Тело расслаблялось, но в ее голове вертелись шестеренки и механизмы, и их шум не позволял ей забыть и забыть. Сейчас она оказалась в опасном месте, и никого, кто сумел бы прикрыть ей спину, не было. Значит, нужно было танцевать самостоятельно — да так, чтоб все рты раскрыли от удивления.

Служанка отскребла ей спину, и Атеа, ощутив себя чистой и отдохнувшей, выбралась из ванны, выжимая тяжелые волосы, неприятной сетью облепившие плечи и лопатки. Иногда Лебедь задумывалась о том, что неплохо было бы обрезать копну покороче — вон как Меред, например, чтоб вся Гильдия, и без того воющая при одном ее появлении, и вовсе сходила с ума. В собственной голове какое-то время назад Атеа была хороша до неприличия: она видела свои мышцы чуть более крепкими, чем ныне, волосы — едва прикрывающими затылок, улыбку — понахальнее, а взгляд — тягучим и огненным. В общем-то, тогда ее иллюзии и мечты легко разбивались шестом Дамалы, врезающимся куда-то в район крестца, а потому спустя какое-то время Атеа решила работать с тем, что есть. Получилось не так уж и плохо. Даже совсем неплохо. Однако шальная мысль обрезать волосы и выбрить виски, как делали некоторые молодые Птицы в Гильдии, иногда посещали ее. Лебедь мигом представила, как она входит во дворец короля, распахивая с ноги дверь — стриженная, в форме Птиц, с клинками на поясе, и, не сдержавшись, хихикнула. Да, со стрижкой пока точно придется повременить. Возможно, малость позже, когда все это закончится наконец...

Чистая выстиранная одежда приятно обнимала тело, и Атеа крутилась перед высоким зеркалом в отведенных ей покоях, критически осматривая себя со всех сторон. Платья дочери Виаллы пришлись ей почти что в пору — разве что девчонке боги не дали груди, а потому вырез сдавливал ей все, что только можно было. Впрочем, под теплым меховым плащом едва ли кто-то заметит эту маленькую деталь. Остановив свой выбор на темно-синем шерстяном платье без особых украшений и сложных элементов, Лебедь, подумав еще немного, задрала подол и закрепила на левом бедре пояс с Крылом, затянув ремень потуже наподобие перевязи. Вряд ли кто-то будет нападать на нее сейчас — однако осторожность лишней не бывает. Ей уже приходилось вынимать из-под юбки кинжалы, а потому она вполне осознавала, насколько это неудобно. Впрочем, ситуации могли быть разными. Второе Крыло в ножнах она упрятала за голенище сапога, распустив высокую шнуровку на нем почти что до предела. Железо на непривычных местах некоторое время еще мешало ей,

однако уже спустя несколько минут Атеа не обращала на ощущения никакого внимания и держала в своей голове, где находится оружие и как максимально быстро в случае чего дотянуться до него. Без Крыльев она бы совершенно точно чувствовала себя голой — а уж это она любила лишь в определенных ситуациях.

Служанка, все это время помогающая ей одеться, неуверенно подняла на нее взгляд:

— Быть может, госпожа, вы возьмете с собой на прогулку стражей? Они защитят вас, можете не сомневаться — у госпожи Виаллы очень верные и смелые люди...

— Спасибо за заботу, сладкая, однако в этом нет нужды. Я пройду одна — знаешь ли, мне неуютно, когда за мной по пятам ходят хмурые воины. К тому же, погляди на меня: кто может причинить мне зло? Я ведь маленькая мечта, — служанка явно не понимала сарказма, а потому Атеа, взмахнув ресницами, кокетливо улыбнулась ей, — А клинки — это родовое сокровище, и мои батюшка с матушкой строго-настрога запретили мне расставаться с ними. Родительский запрет свят, сладкая. Не могу его нарушить.

Служанка, не задавая лишних вопросов, поклонилась ей, и Атеа про себя усмехнулась: всех девочек при дворе учили не думать о том, о чем думать им не полагается, держать рот на замке и быстро забывать то, что они видели. Виалла набирала именно таких, знающих эту науку досконально.

— Ты все верно поняла, умница, — Атеа, подойдя к ней, кончиками пальцев коснулась мягкой щеки и тихо выдохнула на ухо, — Еще увидимся. Не посылай за мной следом караульных, пожалуйста — я предпочитаю одиночество.

— Как пожелаете, госпожа Атеа, — служанка даже глаз не подняла, однако едва заметный румянец, выступивший на ее щеках, дал Лебедю понять, что, в общем-то, и без стрижки в ее жизни все складывалось благополучно.

Город только-только просыпался от зимнего сна, и в тишь улиц медленно вплетались человеческие голоса, краски и образы. Расфаль стоял на холме, и отсюда открывался чудесный вид на паутину мощных дорог и кварталы, утопающие в заснеженных садах. Дома здесь строили из светлого камня, вышлифованного в аккуратные одинаковые блоки, и, в отличие от жилых построек на севере, их делали узкими, напоминающими башенки. Крыши всюду были алыми, даже в кварталах бедняков: те, кто не могли крыть дом черепицей, выкрашивали доски краской, чтоб весь город казался благоустроенным. Сады здесь после времени, проведенного в окрестностях Келерии, казались странными: Атеа видела вечнозеленые приземистые кусты, ровно подстриженные, словно кто провел косой поверху. Она не любила эту выхолощенную мнимую красоту строгих форм и жестких линий — вернее, не любила сейчас. Раньше ей казалось, что нет ничего более совершенного и верного, чем все эти квадратные крохотные садики, ровные улочки и круглые фонтаны. Север изменил ее — и лишь сейчас Лебедь понимала, насколько сильно.

Она шагала вниз по улице, оглядываясь по сторонам так, словно город знаком ей с самого детства, и ни минуты своей жизни она не провела где-нибудь еще. Дворец короля, высокий, белокаменный, остался за ее спиной, но вокруг вставали не менее величественные здания, хоть и прилично уступающие в размерах жилищу государя. Крохотные замки в три этажа, с арками и колоннами, прятались за все теми же правильными садами, от которых девушку воротило, а на широких мощных площадях уже сновал народ — торговцы открывали крохотные лавочки, от которых тянуло сладковатым запахом свежей выпечки, южных специй, ароматом женских духов. Возле дворца находились кварталы вельмож и купцов, Атеа знала это еще с самого детства — а потому скука здесь стояла смертная.

Статуи, флюгеры, кованые оградки, стражники, патрулирующие широкие улицы, стены, по которым ввысь вилась вычурная лепка или же резьба... Это все, конечно, было расчудесно, однако настоящую жизнь едва ли можно найти здесь, а потому Лебедь уверенно шла дальше, пропуская редких всадников и обаятельно улыбаясь встречным прохожим.

За кварталом богачей начиналось второе кольцо Расфалья — город расходился кругами от центра, и следующая зона принадлежала мастерам, торговцам-рыночникам и трактирщикам. Еще дальше располагались кварталы учеников и ведунов, а за ними — район бедняков, однако пока что девушка не собиралась соваться туда. Атеа прекрасно знала, что лучше всего городскими сплетнями жонглируют трактирщики, да еще — шлюхи. А и тех, и других можно было обнаружить именно здесь.

Унылых узорных клумб здесь не было, и домики под черепичными крышами были окружены крохотными яблоневыми и вишневыми садами, сейчас спящими под снежным одеялом. Расфаль по праву считался одним из самых красивых городов Тиннереда, и по весне улицы устилал ковер из белых и нежно-розовых лепестков, а над флюгерами плыл дурманящий аромат, от которого голова кружилась. Ныне цветов и зелени здесь не было, однако крохотные цветные фонарики из тонкого эльфийского стекла украшали выбеленные снегом улицы, и поэтому Расфаль все равно казался сказочным. В садах прятались статуи, фигурки зверей и волшебных созданий — здесь верили в сказки. В замерзших фонтанах на дне каменных чаш блестели монетки — видимо, до заморозков мальчишки-бедняки не успели выгрести мелочь оттуда. Атеа, оглядываясь по сторонам, усмехнулась себе под нос: она и вовсе забыла, как было здесь, вовсе отвыкла. И почему-то ныне очень тосковала по молчаливым и невероятно живым при этом склонам Караласских гор, по темной ошестинившейся стене деревьев древнего Гарварнского леса, по льдистому высокому небу — и по льдистым глазам Меред.

— Вот уж интересно, понравилось бы тебе здесь, Чайка? — тихо выдохнула она, и облачко прозрачного пара сорвалось с ее губ и унесло слова прочь.

Вряд ли. Меред терпеть не могла города — разве что Паррен свой любила, да Птичий Городок. Ну и прочие селения, разбросанные по Келерии. Стены давили на нее, и в этом она была очень похожа на Даэн. Атеа вспомнила, какая смурная ходила Коршун в Лойнаре, и губы сами растянулись в улыбке. Вдруг она поняла, что даже по ней, по этой суке с черными кудрями и темными глазами, жутко соскучилась. Захотелось снова кошкой подкрасться к ней, мурлыкнуть что-нибудь такое, чтоб у той губы побелели, а затем с хохотом унести куда-нибудь в закат — либо в ближайшее укромное место, чтоб там переждать гнев Коршуна. Старшая Птица была негибаемой как скала, крепкой, надежной, отвратительно-правильной, и при этом — удивительно хорошей бабой, и Атеа призналась самой себе, что уважает ее.

Боги, пускай я сейчас скажу жуткую глупость, однако пусть бы это все поскорее началось — чтоб мы все встали плечом к плечу, навалили им хорошенько, а потом чтоб все стало таким же, как раньше. Чтоб рядом была и Меред, и Даэн проклятушая, и ее ведьма, и эльфийки подземелий вместе со своей королевой. Чтоб мы показали этим тварям, что Птиц не так-то просто взять. А там уж — пускай будут наши весны и молодые девчонки, и все, все...

Пока что в ее голове мысли о том, чтоб сохранить власть в Тиннереде в своих руках после войны, у нее даже не мелькали. У нее была совсем иная жизнь, и она не хотела менять это расхлябанное счастье, которым едва ли мог похвастаться остальной мир, на нудные

заседания совета, тугие корсеты, приемы и службу, который каждый раз будет пробовать ее еду, проверяя, нет ли там яда. Это все было не про нее и не для нее. Впрочем, все зависело от того, насколько царствование окажется скучным. В любом случае, ей нужно было как-то умудриться заполучить войско для Лорелей, встать против Охоты, а там уж...

Цветные витражи в окошках трактиров тепло светились — за ними Атеа видела масляные лампы и тени служанок, прибирающихся в комнатках. Сейчас еще было слишком рано для посиделок у очага за хмельной кружкой, а потому народа здесь практически не было. Лишь одинокие постояльцы да путники, лишь кухарки да торговцы. Вон у конюшен виднелся фургончик скоморохов. У фонтана негромко беседовали две чопорные дамы, сетуя на мужей и детей-непосед. Из окна чуть поодаль, наполовину свесившись вниз, полураздетый мужичонка, ругаясь сквозь зубы, пытался достать с козырька крыльца вопящего кота. Жизнь города медленно закручивалась вокруг Атеа, и она могла лишь наблюдать, слушать и запоминать.

— Красавица, златокудрая, зайдешь на огонек? — лукаво улыбаясь, окликнул ее толстопузый трактирщик, раскуривающий трубку на крыльце своего заведения. Атеа, перебросив косу на плечо, выгнула бровь дугой:

— А что же, у тебя есть хорошая байка, добрый человек? Я приезжая, давно не была дома, уж не знаю, какие вести слетелись в родной мой город.

— О, ну если тебе нужны вести — это ты по адресу зашла! — он хлопнул себя по круглому животу, — Уж кто-кто, а Вельгерд знает все, что творится в здешнем улье. Так что пожалуй, красавица, к нашему очагу.

С этими словами трактирщик картинным жестом распахнул перед ней дверь, улыбаясь в пушистые седые усы. Атеа, благосклонно кивнув, церемонно поднялась по ступеням, ныряя в тепло аккуратного большого зала с высокими окнами. Постояльцев было совсем немного — в основном, заспанные путешественники, лишь только спускающиеся к завтраку. Хозяин трактира забрал у Лебеда плащ, вешая его на крюк у двери, и жестом обвел помещение:

— Прощу, красавица, присаживайся — а я мигом обернусь: к ладной истории не лишним будет хорошее вино и вкусная снедь.

Он направился к кухне, за дверью которой слышалась возня и грохот посуды, а затем скрылся где-то в соседнем помещении. Атеа, оглядевшись, направилась к столику у окошка, недалеко от выхода — что быстро и незаметно уйти, если придется. На нее никто не обращал особого внимания, а потому девушка устроилась спиной к стене, скучающе разглядывая постояльцев. Все они были нездешними — судя по смуглой коже и темным глазам, южане; скорее всего, в город пришел торговый караван, и дела этим людям до незнакомки не было никакого. Расслабившись, Лебедь незаметно вытянула под столом, устланным белой скатертью, ноги, раскидывая их в разные стороны. Она прекрасно знала, что королевские дочери так не делают, но ей, в общем-то, было на это абсолютно плевать. Прежде всего прочего она была Птицей.

Со второго этажа, быстро сбегая по ступеням, спустилась девушка. Атеа лениво скользнула взглядом по ее темному строгому плащу, полупрозрачному подолу платья, выглядывающему из-под тяжелой ткани, по белой тонкой кисти ее руки, по высоким точеным скулам в веснушках, по узким губам и рыжим встрепанным прядкам, косо падающим на высокий лоб — да так и обмерла: она знала эту девочку. Совершенно точно знала. Прошедшие зимы не слишком изменили лисий разрез темных глаз и уж точно не сумели смыть с ее щек золотые крохотные монетки веснушек. Не отрывая взгляда от

девушки, Атеа плавно поднялась со стула, сделал один шаг к двери.

Заметив движение и ощутив взгляд, девушка подняла на нее безразличные глаза, вряд ли придавая ему особое значение. Она уже была совсем рядом, когда Атеа улыбнулась ей, и та вдруг споткнулась, всмотревшись повнимательней, и в конце концов остановилась прямо перед ней, не веря своим глазам.

— Атеа?! — голос у нее оказался хриловатым и низким, совсем не вяжущимся с милостивым обликом.

— Какая приятная встреча, Кордей, — пропела Лебедь, растягивая гласные, — Не ожидала встретить кого-то, кто все еще помнил бы меня.

— А я не ожидала встретить тебя здесь, — девушка огляделась по сторонам, понизив голос, — Нам говорили, что ты попала под завал в горах. А потом Виалла призналась, что тебя отдали в Келерию... Я думала, что никогда тебя не увижу.

— Да, я совершенно точно маленькая мечта. Меня не ждут, а я являюсь, — ухмыльнулась Атеа, и, поймав непонимающий взгляд Кордей, пожала плечами, — Не бери в голову, дорогуша. Я здесь по делу. И, — помедлив, добавила она, — Возможно, ты сможешь немного помочь мне, если напоешь местные байки. О королях. О троне. Обо всем, что знаешь. Мне любопытно.

— Возможно, смогу, — Кордей внимательно разглядывала ее, — Но мои услуги дорого стоят, солнышко.

— Даже так, моя сладкая? — Атеа приподняла брови, криво усмехаясь, — Я-то думала, тебя обучали другому.

— Я сменила сферу деятельности, — она не опустила глаз, так же ухмыляясь в ответ Атеа, — Ну так что, солнышко? Сможешь ли ты обеспечить мое молчание, если я дам тебе нужную информацию?

— Смогу, не сомневайся, — осклабилась Лебедь, — Давай-ка я наведаюсь к тебе вечерком в гости, и мы посидим, как старые добрые подруги. Разве что Расскажи, куда мне идти.

— Спросишь у Вельгерда — мы с ним старые друзья. Наплети ему что-нибудь о том, зачем я тебе понадобилась. И приходи. На ночь у меня планов не было, — Кордей направилась к двери, бросив на нее взгляд через плечо, — И мне бы хотелось послушать тебя. Не каждый день прошлое воскресает и приходит к тебе так неожиданно.

Атеа вновь опустилась на свое место, глядя, как девушка тенью выскальзывает за дверь, и вновь раскинула ноги в стороны, довольно ухмыляясь. День явно задался: лучше всего о городских сплетнях ведали трактирщики и шлюхи, а и те, и другие сами встретились на ее пути. Ох, Хартанэ, ты и впрямь благоволишь мне нынче. Продолжай в том же духе, детка! Лебедь откинулась на спинку стула, перебирая пальцами тяжелые пряди в косе, и принялась ждать Вельгерда.

===== Глава 51. Нечто большее =====

Мороз исцеловал ей лицо, и теперь было холодно-холодно — совсем как в детстве, когда долго не хотелось заходить в дом, и щеки румянились, а пальчики на ногах немели так, что ими пошевелить невозможно было. Тогда, будучи маленькой, она всегда грела щеки ладонями, упрятыми в шерстяные плотные варежки — однако сейчас варежек давным-давно не было, а грубые зимние перчатки, пошитые в Птичьем Городке подмастерьями, как-то не слишком пошли бы под образ утонченной дворянки, в который Лебедь всеми силами старалась вжиться. В принципе, сложно не было — разве что приходилось постоянно ловить

себя на мелочах, что могли пошатнуть этот образ. Особенно неудобно вышло с походкой — все-таки после долгого пути на лошади грация заметно пострадала. С другой стороны, длинные юбки спасали, как и ресницы, наклон головы, ямочки на щеках и искристый, словно снежная пыль, смех.

Трактирщик сидел с ней два часа к ряду и успел изрядно захмелеть при этом; рассудок Лебедя же ни капельки не помутился, и ныне девушка буквально благодарила всех тех молодых Птиц, с которыми ее связывала безумная юность и нескончаемые тайные попойки. Север любил крепкий хмель, и ей тоже пришлось привыкать к нему. Сейчас эта наука оказалась весьма полезной — она не сболтнула ничего лишнего и удержала в голове все, что имело хоть какую-то ценность.

Сейчас, шагая по людным улочкам Расфаля, Атеа вертела в голове все цветные камешки информации, разглядывая их со всех сторон и ища, где они стыкуются и как это может ей помочь. По большому счету, ситуация складывалась таким образом, что и сами жители Тиннерета знали не особо-то больше, чем те же обитатели Града-на-Перевале. Кое-что она все-таки умудрилась узнать: кроме маленького недокоролька, как и говорила Виалла, дотянуть свои руки до трона пытались еще и Эллоин вместе с Верданором. У тех давным-давно были налажены стабильные торговые отношения, и, в целом, эти регионы сосуществовали мирно — до распространения вести о болезни короля. Теперь же они резко захотели заграбастать себе Тиннерет, который раньше считался не особо-то лакомым кусочком. Эллоин предлагал Тиннерету стать одной из своих провинций, а взамен обещал посадить на трон законного наследника. Атеа с трудом сдержалась, когда трактирщик, понизив голос и поблескивая захмелевшими глазами, сообщил ей, что законным наследником в данном случае считают сестру нынешнего правителя, давным-давно отданную замуж за одного из эллоинских дворян, или кого-то в этом роде. Естественно, от всех притязаний она отказалась, вступая в брак, однако ныне ее пытались внедрить обратно в Тиннерет — и Атеа вполне понимала, почему. Для Эллоина это был отличный шанс заполучить довольно большую территорию, богатую озерами, добротной землей и янтарем. И ради этого государство вполне могло расторгнуть все былые контакты с Верданором.

Вот это и тревожило Атеа: Верданор был настоящим змеиным гнездом, и ссориться с ним откровенно побаивались все окрестные государства. Если Эллоин решил рискнуть увести прямо из-под носа эльфов земли Тиннерета, на которые те тоже имели определенные виды, значит, дело принимало серьезный оборот. Значит, они готовы были смириться с возможными постоянными нападками Верданора, и готовы были к новой войне. А такой исход событий оставался наиболее вероятным: Лебедь прекрасно знала, что эльфы никогда не простят Эллоину, если тот сделает Тиннерет своей провинцией, тем самым укрепившись во всех сферах. Так или иначе, хрупкое равновесие Бар-эс-Тиллада могло нарушиться в любой момент — край, оставивший в прошлом сражения за территории, находился на пороге новой беды. Это при том, что с севера идет Охота... Давайте, красавцы, заварим такую кашу, что боги всех миров потом не разгребут то, что здесь начнется. Атеа не нравилось то, что все свершалось так невовремя — сейчас государству нужно было бросить все свои силы на север, но едва ли кто-то станет на ее сторону, если надвигалась угроза новой войны.

Небо по-прежнему оставалось чистым, и в его бесконечной синеве тонул легкий серебристый дымок, взвивающийся выше крыш и кованых кружев флюгеров, выше заиндепевших ветвей, выше детских голосов и угасающих звуков флейты. Лебедь не

заметила, что остановилась возле колодца под резной крышей, постукивая пальцами по отшлифованной до блеска ручке тяжелого ворота — лишь когда недовольная горожанка, у подола которой крутился несмышленный сынишка, окликнула ее, девушка сообразила, что замерла на месте столбом да так и стоит, задрав голову вверх. Поспешив рассыпаться в извинениях, Атеа напоследок улыбнулась ей и неспешно побрела дальше, погружаясь глубже в спутанную сеть мыслей.

Атеа не понимала, чего добивались эльфы Верданора. О том, кого они продвигали и что предлагали, трактирщик не ведал — как и в целом жители Тиннереда, а потому кандидатуру от эльфийского двора особо никто не поддерживал, и основная борьба за власть велась между десятилетним мальчишкой и королевской сестрой, которая по всем законам государства не имела никаких прав на трон. В другое время Лебедь от души бы посмеялась над тем, как заплелась эта игра, и в какой фарс она превратилась, однако сейчас она сама оказалась частью этого фарса. Один неверный шаг мог стоить ей слишком дорогой цены.

Больше всего на свете ей хотелось сейчас, чтоб Меред оказалась где-нибудь рядышком — привычная и родная, молчаливая, с этим вечным укором на доньшке невыразимо глубоких глаз, спокойная и рассудительная. Меред точно бы выслушала все ее возмущения, догадки и мысли на этот счет, точно помогла бы сплести все в единую нить и вышить той нитью победу для них. Меред точно бы... Атеа вздохнула, встряхиваясь и отгоняя прочь смурные мысли. На самом деле, она прекрасно понимала, что молчаливая Птица, далекая от политических интриг, едва ли смогла бы ей помочь на практике выкрутиться из всех этих перипетий, в которые Атеа ныне влипала — просто тоска по ней в этом городе росла с каждой минутой, что Лебедь проводила здесь в одиночестве.

В общем-то, получалось, что покуда никакой информации у нее не было лишь о Верданоре и его мотивах. С первого взгляда, все должно было казаться простым и понятным — огромная бесхозная территория, ресурсы, все такое... Но Атеа не могла отогнать от себя ощущение того, что за всем этим стояло нечто гораздо большее, чем простые игры за земли. Словно кто-то, прячущийся в глубокой тени, умело жонглировал разумами, заставлял отречься от привычного мира, забыть о былых договоренностях, и пытался столкнуть государства в этой войне для того, чтоб отвлечь внимание от чего-то более страшного, более опасного. И птичье чутье подсказывало ей, что этим страшным была Охота.

В голове тут же раздался эхом снисходительный голос Меред. Это — как с городами-звездами, Атеа? Лебедь фыркнула на собственные мысли — в общем-то, едва ли кто-то поверит ей, если она попробует высказать это вслух. Чутье чутьем, однако миру обычно требовались доказательства и факты; Жрицам в Лореотте не хватило доводов Шеды, которые, на взгляд Лебедея, были действительно весомыми. Вряд ли сильные мира сего так просто станут слушать Атеа, и уж тем более — примут ее сторону. Нужно извернуться и сделать все так быстро, чтоб они вообще не успели ничего понять. А потом — очень быстро смыться, покуда меня не сожгут к бесам на главной площади...

Лебедь разочарованно засопела, подставляя лицо колючему ветерку, ерошащему ее кудри. Все оказалось не настолько складно и захватывающе, как ей бы хотелось. Опасно — да, сложно — да... А вот игра пока не особо складывалась. Вздохнув, девушка побрела в сторону садов в квартале дворян, мимоходом продолжая разглядывать город. Солнце разбивалось на цветные радуги в замерзших каплях воды, застывших на узких черепичных желобах, и ветер пел, прикасаясь к ним — Атеа слышала тихий-тихий звон, поднимающийся до самых крыш. Быть может, так пели колокольцы в руках детей, резвящихся где-то в

паутине улиц, быть может, так пел замерший на пороге невиданных времен мир... Лебедь вдохнула поглубже стылый, пахнувший вечными льдами и северными сказками, воздух, и на душе стало как-то тише и спокойнее. Не торопись. Прежде всего — разузнай все, а там уже будем плясать.

День был в самом разгаре, а потому на улицах толпились люди — кто-то куда-то спешил, кто-то с кем-то ругался, кто-то кого-то зазывал в едальню. Атеа неприметной тенью скользила вдоль самой обочины улицы, огибая беседующих прохожих, едва заметно улыбаясь им, выхватывая обрывки их разговоров и фраз.

— ...слыхала? Южане привезли соль — говорят, год будет тяжелым. Вон Ошха закупила уже два мешка — говорит, добротная, мелкая...

Атеа, протискиваясь меж людей, легонько задела торговку плечом, тут же прося прощения за собственную неуклюжесть. Женщина, бросив на нее ничего не означающий взгляд, кивнула и продолжила диалог со своей подругой.

— ...а я ему и говорю: катись ты отсюда куда хочешь, и чтоб ноги твоей на пороге моего дома не было. А вздумаешь мне ведунами грозить — я и тебя, и ведунов твоих поганой метлой так отделаю, что мало не покажется! Ведунов он на меня натравит, ха! Когда это здесь ведуны силу имели?

Двое мужчин расступились, пропуская ее, и девушка сердечно поблагодарила их, ловя вослед тихое «Погляди, девка-то какая ладная!.. Так, бишь, о чем я?».

— Иии, милая, вот посмотришь — всем нам достанется, всем! Если мальчишка власть к рукам приберет, такие дела начнутся, горе нам всем! И со всех сторон псы заходят, крутятся поблизости... Хоть бы уже государь на ноги встал — крепкий же мужик был, сильный. И чего его-то так небо, за что?..

Старушки в темных шелковых платках с золотой вышивкой по краю проводили ее внимательными цепкими взглядами, когда Атеа прошла мимо резной скамейки у замерзшего фонтана, на которой они сидели. Лебедь чуть склонила голову, приветствуя их, и те одарили ее скупыми улыбками. Она уже слышала шепотки, скользнувшие ветром по ее плечам, по складкам синего подола. Что за девица, чья она?

— ...Тебе — лепесток, тебе — стебелек, тебе — листок, а тебе — корешок. Зима-зимовья, снег да лед, кого приметит, кого заберет?

Маленькие детки в белых обережных платках с тонкой каемкой кроличьего меха по краю бросали палочки, перевязанные цветными лентами, в начерченный на снегу круг, повернувшись к нему спиной. В центре круга стояла, закрыв глаза, девочка, и ветер трепал тонкую белую шаль, наброшенную на плечи — наверняка стащила у матери. Три из четырех палочек оказались в кругу, и лишь одна выпала за прорытый в снежном ковре контур.

— Ищи нас, зимовья, ищи нас, белая — да не найди! Раз, два, три...

Они бросились врассыпную, на ходу громко выкрикивая счет — до девяти. На девятый счет девочка в круге открыла глаза, а ее подруг уже и след простыл. Она огляделась по сторонам, а затем подобрала палочку, что находилась снаружи черты, и грозно выкрикнула:

— Беги, девица, беги — все равно найду, заберу, моей станешь!

Они и не знали, сколько уже веков этой забаве, и откуда она вообще взялась. Атеа раньше тоже и не задумалась бы об этом ни на миг — однако сейчас она слишком хорошо знала, где лежит исток детских страшных сказок, старых поговорок и тех историй, который рассказывают глубокой ночью, шепотом, чтоб припугнуть. Едва ли что-то оставалось им — тем, кто пережидал Изломы в ненадежных городах, молясь о милости Неба. Сейчас все

давным-давно было забыто, и Лебедь понимала, что поверить в эту сказку могли разве что дети. По крайней мере, сейчас.

Мимо промчались всадники — стражи гнались за каким-то мелким воришкой, юркнувшим куда-то в неприметный переулок. Атеа успела заметить лишь длинное красное перо на съехавшей набок шапке, а затем снег из-под конских копыт, взметнувшись вверх, брызнул белыми холодными искрами во все стороны, и недовольные женщины защелкали языками, отряхивая с теплых плащей снежные хлопья. Атеа лишь ухмыльнулась, мысленно пожелав мальчишке удачи: в Гильдии одно время она близко дружила с девочкой, выросшей на улице, а потому к вот таким вот бродягам питала что-то, отдаленно напоминающее нежность. Естественно, пока те не пытались пожить за ее счет.

Она и сама не заметила, как добрела до дома Виаллы. Ночь еще нескоро накроет город тяжелым одеялом, а потому до встречи с давешней подругой у девушки оставалось еще довольно много времени. Поразмыслив немного, Атеа уверенно подошла к высокой решетке, на этот раз решив воспользоваться парадным входом. Стражники и рта не раскрыли, и слова лишнего не сказали, когда она, растягивая губы в самой пакостной своей улыбке, порхнула мимо них легкокрылой птичкой и буквально взлетела по ступеням на высокое каменное крыльцо, рывком распахивая двери. В помещении было тепло, и руки сразу же немилосердно онемели. Лебедь морщилась, растирая тонкие пальцы — однако пока что с нее было довольно прогулок, и ныне хотелось посидеть у камина, вытянув ножки к огню и попивая что-нибудь горячее. Служанка, встретившая ее у двери, не успела даже приветственное слово вымолвить — Атеа наградила ее легким шлепком чуть ниже спины и доверительно заглянула в расширившиеся от удивления глаза.

— Так, сладкая, я проголодалась и замерзла — поэтому развороши-ка всех, кого нужно. Пускай в моих покоях разожгут камин, и туда же пускай принесут что-нибудь вкусное и сытное, хорошо? Госпожа Атеа совсем умаялась.

Девочка, справившись с собой, церемонно кивнула, и в следующий момент ее словно ветром сдуло. Довольно зажмурившись и потянувшись, Атеа сбросила с плеч тяжелый плащ, оставив его неопрятным ворохом лежать на натертом до блеска паркете, а сама направилась к лестницам на второй этаж, где ей выделили уютную комнату, по размерам ничуть не уступающую Белому Залу в Гильдии. Там она наконец смогла стянуть с замерзших ног сапоги, вынув Крыло из-за голенища, и с наслаждением прикрыть глаза, ощущая, как тело начинает отогреваться. Пока подроспевшая служанка копалась возле камина, Лебедь отыскала стянутую в узел шнуровку на спине, резко дернула за ленту, и дышать сразу же стало легко и свободно. Когда девчонка, поклонившись, скрылась за дверью, Птица подтащила к камину, в котором на поленьях уже трещал огонь, уютное глубокое кресло и опустила в него, по-кошачьи далеко вытягивая ноги и откидывая голову назад. Кожу больно что-то укололо, и Лебедь, недовольно зашипев, поспешила выдернуть из волос шпильки, что держали на макушке сложные косы. Женщины Расфаля любили собирать волосы так, чтоб часть из них оставалась свободной, а часть заплеталась причудливым ворохом, открывая лицо и подчеркивая нежность шеи и плеч...

Фыркнув, девушка прикрыла глаза, позволив шпилькам скатиться с ладони на пол, и те тоненько зазвенели серебром. Косы тут же тяжело упали на ее плечи, ослабевая и расплетаясь, а платье соскользнуло ниже с узких белых плеч, почти обнажив грудь. Атеа сидела в тишине, нарушаемой лишь тихим потрескиванием пламени на дровах, и в этом гулком безмолвии ей наконец стало спокойно. До того тревога нарастала где-то внутри, не

давая ей покоя, не давая ухватить нужные ниточки и переплести их так, чтоб под пальцами сложился узор. Сейчас же она понимала — без Виаллы и Кордей полная картина у нее не складывалась, а потому смысла в излишнем беспокойстве не было.

Когда служанка втащила в ее комнату поднос со снедью, Атеа уже отогрелась и устроилась в кресле совсем уж уютно, перебросив ноги через мягкий подлокотник и задрав подол так, чтоб перевязь с Крылом была на виду. Ни слова не говоря, девушка расставляла перед ней на столике тарелки, а Лебедь лишь ухмылялась, наблюдая за ней из-под чуть прикрытых ресниц. Судя по всему, служанка не привыкла к таким гостям — во всех смыслах, и не привыкла к тому, что гости могут вести себя так, словно все здесь принадлежит им. И уж тем более она не привыкла к женщинам, которые умеют раздевать взглядом и обещать едва заметными жестами и движениями. Атеа умела. И ей очень нравилось забавляться, наблюдая за тем, как щеки девочки приобретают пунцовый оттенок.

— Спасибо, сладкая, — мурлыкнула Атеа, выпрямляясь в кресле. Платье сползло еще чуть ниже, — Присоединишься ко мне?

— Нет, спасибо, госпожа... Я... Я пойду... — девочка, уткнувшись взглядом в пол, поспешила ретироваться. Тихонько рассмеявшись, Лебедь принялась за трапезу, думая о том, что все не так уж и плохо.

Виалла должна была провести во дворце сутки — а это означало, что до утра следующего дня в доме ее не будет. Вдоволь наевшись и еще немного понежившись в кресле, Атеа решила, что надо бы разведать все и наметить себе возможные лазейки для тихого и быстрого бегства — так, на всякий случай. Форма Птицы уже была выстирана и аккуратно сложена на кровати, а потому Лебедь с удовольствием стащила с себя неудобное платье, облачаясь в привычные штаны и блузку. Все-таки наука при дворе не больно-то отложились в ее светлой голове, и носить женские наряды она не то чтобы не умела — не любила. Все же карабкаться по стенам в юбке было крайне неудобно, как и бегать по глубокому снегу. Негромко напевая себе под нос, девушка покинула комнату, любопытно оглядывая дом и суя нос в каждую дверь.

Дом оказался не таким уж и большим, и Лебедь углядела восемь возможных путей бегства, если вдруг Виалла все-таки решит сдать ее совету. Вероятность этого была минимальной, однако Атеа привыкла все держать в голове до того момента, покуда угроза полностью не исчезала. С другой стороны, полную безопасность в любой ситуации даже сама Хартанэ не могла бы гарантировать, а потому Птица всегда была настороже. Обитатели дома знали о ней, и никто ее не окликал — служанки в батистовых платочках почтительно склоняли головы, тощая старая кошка Виаллы, завидев Атеа, со всех ног удирала прочь, а щедушный супруг ее даже не показывался, отсиживаясь в своем кабинете. Лебедь помнила его — и удивлялась, почему он до сих пор жив: еще во времена ее детства он был дряхлым стариком, таким худым, что легким ветром его могло сдуть за край мира. Ныне девушка не видела его — но по этому поводу не печалилась. Весь дом был в ее распоряжении, и это откровенно нравилось ей.

Ближе к ночи, когда колокола в дворцовых башнях отзвенели восход тоненького серпа луны на небо, Лебедь принялась собираться к Кордей. Вельгерд рассказал ей, что рыжая женщина жила совсем недалеко от его заведения, в нескольких кварталах западнее. Ты узнаешь, госпожа — окна с красными витражами и кованые розы на двери. Скажешь, что пришла в гости: Ильва тебя впустит, она девок своих не обижает. Сначала Атеа думала прихватить с собой флягу со сладким медом, однако потом, взвесив все, решительно

отказалась от этой идеи: все же Кордей она не могла назвать даже своей подругой — так, воспоминанием из детства и информатором сейчас. Зашнуровав под горло форменную куртку, девушка, подумав, все же набросила на плечи плащ — в темноте вряд ли кто-то будет присматриваться к тому, во что она одета, но светить келерийской формой ей тоже не слишком хотелось. Надев на голову капюшон, Атеа предупредила девочку-служанку, что вернется после полуночи, и покинула дом Виаллы.

Небо затянуло рваными клочьями облаков, и месяц хищно скалился из-за их тонкой полупрозрачной вуали. Атеа старалась держаться в тени, поближе к воротам и стенам, шагала бесшумно, словно кошка — но беспокоиться было не о чем: люди, словно ощутив перемену погоды, старались поскорее очутиться у домашнего очага, даже не глядя на тучи. Они знали — нынче ветер будет холодным, и колючие глаза звезд провожали их нездешними отстраненными взглядами, от которых любому стало бы не по себе. Любому — но только не Атеа. На севере ночи были холодны и суровы, а звезды стояли выше, и их острые лучи казались куда более злыми. Она привыкла к холоду — и не боялась его.

Два квартала налево от Купеческой площади, три дома вперед, повернуть направо. Под ногами снег был алым — отблеск света, просачивающегося сквозь красное стекло, лег прямо под подошвы ее сапог. Металлические стебли роз, распустившихся на двери, свивались, переплетались змеями, и Атеа позволила себе ироничную усмешку. Она терпеть не могла розы — они всегда напоминали ей придворных престарелых женщин, вульгарных и чопорных одновременно, приторно-сладких и омерзительных. А еще — шлюх. К ним Лебедь относилась снисходительней, однако тоже не питала особой нежности. Поднявшись по каменным ступеням, девушка отворила дверь и вошла внутрь. Повесив плащ на полупустую вешалку, Атеа мимолетом огляделась. В полутемном помещении не было масляных ламп и эльфийских фонариков, которые так любили в Расфале — лишь толстые свечи, на которых плавился воск. За тонкими занавесями из легкого алого шелка Атеа слышала чей-то шепот, тихий смех, прокатывающийся по коже сладкой волной сверху вниз, видела изящные тени. Дар Хартанэ в груди едва заметно встрепенулся — девушка ощутила на себе любопытные взгляды здешних женщин, ощутила их интерес, и от этого стало неудобно. Пожалуй, именно так ощущала себя Меред — большую часть своей жизни. Бедная моя. Расслабив плечи, Атеа неторопливо направилась к невысокой смуглой женщине, внимательно разглядывающей ее.

— Ты — Ильва? — без обиняков спросила Атеа, перегибаясь через стойку, за которой стояла облаченная в тяжелый бархат женщина. Та, обаятельно улыбнувшись, кивнула.

— Да. Я могу чем-то помочь госпоже?

— Ничего личного, любезная — я так, зашла навестить свою старую знакомую. Птичка напела, что именно сегодня у нее выходной, так что я решила, что не помешаю рабочему процессу, — Атеа оскалилась, — Ее зовут Кордей.

Ильва вновь кивнула:

— Верно, у нее сегодня выходной. Так уж и быть, госпожа. Попрошу лишь об одном: не слишком долго занимай ее личное время. Наши девушки тоже нуждаются в полноценном отдыхе.

— Ну конечно, конечно, — заверила ее Лебедь, выпрямляясь. Ильва, выступив из-за стойки, полуобернулась к ней.

— Следуй за мной, госпожа.

Она повела Атеа наверх по винтовой лестнице на третий этаж, минуя одинаковые двери с коваными розами на гладкой поверхности дерева. Остановившись у одной из них, Ильва

подняла взгляд на Лебедя и вновь одарила ее мягкой улыбкой.

— Кордей здесь. Доброго вечера, госпожа.

С этими словами она неторопливо зашагала прочь к лестнице, а Атеа шагнула в комнату, плотно закрывая дверь за собой. Внутри оказалось темно — ни свечей, ни ламп в комнате не находилось, и единственным источником света было широкое окно, через которое лилось тусклое лунное сияние. Очертания скудной мебели вырисовывались нехотя, смутно — однако Лебедь не тратила время на то, чтоб озираться по сторонам. На кушетке прямо напротив нее полулежала рыжая девушка, и даже во мгле Атеа ощущала ее взгляд — лисий, оценивающий. Птица криво усмехнулась:

— Давно ждешь?

— Достаточно давно для того, чтоб получить еще пару золотых монет сверху того, что ты мне итак заплатишь, — Атеа показалось, что та пожала плечами. Хмыкнув, Лебедь подошла поближе, распуская шнуровку куртки, наклоняя голову набок и разглядывая Кордей. Глаза уже привыкли к темноте, и теперь она видела мягкие изгибы ее тела, прикрытого лишь полупрозрачными складками тонкой-тонкой ткани. Девушка смотрела прямо на нее, ничуть не смущаясь, и Атеа это понравилось. Она бесцеремонно опустилась на ту же кушетку, сбрасывая куртку рядом и закидывая ногу на ногу, и с деланной грустью прищелкнула языком.

— Да уж, Кордей... Докатились: своей лучшей подруге не можешь цену скостить. А ведь когда-то ты у меня на плече слезы размазывала и во всю глотку вопила о том, что любишь меня как собственную сестру и свою дочь назовешь в честь меня.

— Любви нет, — девушка выгнула бровь. Вблизи Атеа видела, что ее тонкие губы тронуты едва заметной улыбкой, — Так что можешь всплакнуть о том, что дочь я твоим именем не назову.

— Время так быстротечно, а молодые так легкомысленны. А как же твое «прошлое воскресает», «хотелось бы услышать тебя»?.. — вздохнув, укоризненно покачала головой Атеа. Кордей флегматично пожала плечами, вытягивая аккуратные ножки на колени Птицы.

— Можешь всплакнуть и об этом. Но учти — мое время, как и мои услуги, стоят дорого. Так что на твоём месте я бы поторопилась. И еще скажи спасибо, что я не возьму с тебя денег за то, что ты явилась без цветов. Спишем на то, что ты не знала правил.

— В следующий раз я найду для тебя ромашку, — заверила ее Атеа, властно опуская ладонь на узкую белую лодыжку девушки и машинально поглаживая ее. Кордей приятно удивила ее — раньше девочка была тихонькой, скромной, и слово нужно было из нее клещами выдирать. Сейчас же беседовать с ней было удивительно приятно, и Лебедь ощутила, как в груди щекочется азарт, — А ныне могу заглядить вину иначе.

Кордей чуть подалась вперед, глядя на нее снизу вверх, исподлобья. Из-под упавших на лицо прядок Атеа видела ее темные глаза, поблескивающие во мраке, и это было красиво. Девушка чуть склонила голову, и лунный луч высветил соблазнительную ямку над ее выступающей ключицей.

— Возможно, можешь. Все зависит от того, зачем ты пришла сюда.

— За вестями, милая, — Атеа откинулась назад, по-прежнему ухмыляясь, — За вестями. А там — как сложится. Я также полагала, что ты захочешь побеседовать на отвлеченные темы.

— Возможно, захочу, — Кордей запустила пальцы в рыжие рваные прядки, отбрасывая челку с лица, — Но сначала — дела. Спрашивай.

Ее кожа под ладонью была шелковистой и нежной, и Атеа не смогла отказать себе в удовольствии. Едва ощутимо поглаживая девичью ножку, Птица задумалась на миг о том, как бы сформулировать вопрос — однако в голову пока что особо ничего и не шло, а потому она выхватила первую мысль, пришедшую на ум.

— Кого Верданор пророчит на престол Тиннереду?

— Даже так? — Кордей хмыкнула, — Такие вопросы лучше не задавать вслух. Или прикрывать словами, да так, чтоб ни один человек не сумел разгадать, что ты имеешь в виду на самом деле.

— Видишь, как сильно я доверяю тебе? — вопросом на вопрос ответила ей Лебедь, и рыжая девушка кивнула.

— Назовем это так. Если бы я не знала, что ты — умна и расчетлива, то решила бы, что ты обезумела на севере. Сейчас у тебя наверняка есть свой интерес.

— Верно, сладкая, — пальцы ее поднялись чуть выше, щекоча упругие икры Кордей. Та не обратила на это никакого внимания.

— Что ж... Говорят, что эльфы хотят расширить территорию плодородных земель — большую часть Верданора покрывают леса, без которых они не мыслят своего существования. Еще — горы, копальни, разломы шахт... Сама понимаешь, земледелие не больно процветает. Говорят также, что они хотят поставить сюда своего ставленника в качестве властителя — чтобы номинально сохранить границы Тиннерета и его статус самостоятельного государства. Предлагают неплохие условия: открытое разрешение на смежные браки, свобода торговых отношений, другие льготы, возможные в том случае, если Тиннерет примет патронаж Верданора. Говорят, что наиболее вероятная кандидатура от эльфов — посол Тэаран: ныне он находится здесь, в Расфале, и ведет переговоры с советом. Еще говорят, что король отказался принимать условия Верданора, однако Тэаран домой не возвращается.

— Что еще? — Атеа чуть нахмурилась, фиксируя в памяти все, что говорила Кордей.

— Больше — ничего. Совет не хочет, чтобы слухи об этом поползли по городу. Они понимают, что среди людей найдется огромное множество тех, кто захочет под крылышко к эльфам — с учетом всех благ, что они предлагают. Поэтому говорят об этом немногие.

— Почему эльф продолжает сидеть здесь?

— Люди не говорят, — Кордей склонила голову к тонкому плечу, — Но, судя по всему, он пытается перетянуть на свою сторону совет — по одному. Договаривается. Предлагает. Торгуется. Море набирается по капле — и рано или поздно, если ситуация с королем не разрешится, Верданор вполне может получить желаемое с разрешения совета. Кроме того, эльфы обещают полную протекцию. Так говорят, — помедлив, добавила она. Лебедь кивнула, задумчиво водя пальцами по мягкой коже девушки.

— Хорошо. Ладно. Что насчет Эллоина?

— Эллоин тоже хочет расширить территорию — однако там настаивают на том, чтоб Тиннерет полностью отрекался от своих границ, принимая статус девятой провинции. Ныне их восемь, и тамошние власти не прочь получить еще одну. Есть одна маленькая занятная деталь во всем этом, — Кордей улыбнулась, вскидывая подбородок, — Совет очень даже не против такой перспективы. Во всяком случае, ее рассматривают куда активнее, чем верданорскую.

— Почему так? — наострила уши Атеа.

— Ты что-нибудь слышала о системе власти в Эллоине? — в ее голосе прозвучал

вопрос. Лебедь отрицательно мотнула головой, — В таком случае, немножко просвещу тебя на этот счет. Формально вся власть находится в руках императора, что сидит круглый год в Небесном Городе — их главном оплоте и святыне. Однако на местах заправляют сборники.

— Сборники? — переспросила Атеа. Она никогда не слышала ничего подобного.

— Ведуны, — пояснила Кордей, — Или жрецы Светлого — называй как хочешь. В Эллоине — да и вообще, всюду — их почитают как сильнейших управляющих ворожкой. И вся власть лежит в их руках, на порогах их соборов, а вовсе не во дворе императора. Они готовят сильнейших ведунов и оказывают прямое влияние на те или иные решения формального владыки. В их руках — все ниточки: торговля, налоги, внешняя политика... Все, что захочешь. И они вертят это и так, и эдак.

— И что же они предлагают Тиннереду? — Лебедь хмурилась, пытаюсь понять, что же стояло за действиями эллоинских ведунов. Кордей некоторое время молчала, наблюдая за ней, а затем ответила:

— Своих же ведунов. Которые будут обучать наших способных, обеспечивать защиту земель и помощь любого рода, которые будут гарантом того, что Светлый благословляет наш край. А еще — говорят — целые горы золота и высокие должности всем членам совета, кто станет на их сторону.

— И это может быть приемлемой ценой за распад целого государства? — Атеа недоверчиво вскинула брови. Ей казалось, что Тиннеред был достаточно гордым краем для того, чтоб подстраиваться под чужую волю. Кордей лишь плечом дернула.

— Конечно. Потому что за этой ценой всегда стоит нечто гораздо большее. И умные люди не говорят, что именно. А глупые просто об этом не думают. Это — очень сложная загадка, Атеа.

— Прекрасно — я люблю сложные загадки, — Птица чуть прищурилась, разглядывая линии ее лица, укрытые серебряным сумрачным сиянием, — Что-нибудь еще... занятное?

— Вряд ли, — Кордей тоже не торопилась отводить взгляд, — Так что можешь попробовать рассчитаться со мной. Пять золотых.

Атеа рассмеялась, откидывая голову назад.

— Серьезно? За двадцать минут нашей беседы, сладкая? Ты, конечно, напела мне интересные песенки, однако неужели они столько стоят?

— Я уже сказала — за ценой всегда стоит нечто гораздо большее, — ослепительно улыбнулась ей Кордей. Лебедь деланно покачала головой, протяжно вздыхая, и укоризненно протянула:

— И неужели я не смогу расплатиться как-нибудь иначе?

— Не думаю.

— А если я попробую? — ее руки скользнули выше, на круглые нежные колени Кордей, сминая тонкую кожу.

— А если мне не понравится?

— Тебе понравится.

— Хм. Мне всегда было любопытно. Что ж... Если ты так уверена... — Кордей плавно потянулась, отталкиваясь от края кушетки и усаживаясь на колени к Атеа. В полутьме Лебедь видела, как ее губы изгибаются в кошачьей улыбке, а с плеча легкой волной соскальзывает ткань, — ...То, возможно, я вспомню что-нибудь еще. Если ты постарайся и удивишь меня.

— Для начала, сладкая, я даже стараться особо не буду, — хрипло выдохнула ей на ухо

Атеа, легонько пробегаясь пальцами вдоль ее позвоночника вниз, к ямочкам на пояснице. Становилось горячо и тягуче внутри, словно кровь превратилась в расплавленное олово, — Но ты непременно вспомнишь что-нибудь еще. Обещаю.

===== Глава 52. Предрассветный час =====

Ей снились горы, хищными драконьими гребнями прорезавшие ночную тьму — с их острий ветер подхватывал снежные вихри, сбрасывая их в глубокие ущелья, словно прах, который разведали над морем по осени, в Ночь Сна, прощаясь с навеки ушедшими. Узкой седой лентой вниз по склону вилась дорога, закручиваясь спиралью меж гранитных клыков скал, и Мара видела ее так ясно и четко, будто бы бывала там когда-то давно — а ныне забыла о том. Она смотрела откуда-то сверху, с высоты птичьего полета, и тело ее обнимал небесный холод и глубокая мгла зимней ночи.

Ей снились тени — они уходили по этой дороге на север, они пели, и их печальные голоса сплетались в нить, сотканную из тоски из горечи, из дыма и персти. Они вскидывали головы к небу, и в мерцании их глаз ведьма видела немую мольбу — приди. Помоги. Забери нас из этой непроглядной ночи. Она тянула к ним руки и пыталась позвать их, но губы оставались сомкнутыми, да так плотно, что ни единого облачка пара с них не сорвалось, а темные тучи заслоняли ее силуэт. И тени уходили дальше, и недвижимая Мара не могла спасти их.

Откуда-то она знала, куда ведет та дорога.

По обе ее стороны тянулись ряды деревьев — иссушенные и черные, чернее вод в самой глубине океанов, где сети водорослей опутывали затонувшие корабли, утягивая их на дно. Ветви-руки с острыми тонкими пальцами, изломанными и ветхими, царапали небо, оставляя в подбрюшьях облаков длинные борозды, сквозь которые на землю лился тусклый неверный свет звезд — однако света того было недостаточно. Тени, проходя мимо них, касались их стволов туманными руками, припадая к ним как к спасению — но Мара знала: мертвые тела деревьев не смогут дать им того, чего они так жаждали. А желали они...

Прозрачные ручьи, сверкающие золотом под косыми солнечными лучами, текли у ее ног, и босыми ступнями она ощущала прохладу. Вода подпрыгивала на камнях, и во все стороны летели хрустальные брызги, и мелкие цветные камешки пересыпались в тонких ладонях речных духов — Мара видела их лица, и свет из-под их век казался лишь отражением солнца. Золото их тел само казалось солнцем, утонувшим в этих весенних ручьях, и хотелось обнять их, обнять всех до единого — мир успел соскучиться по духам. А ныне Мара была всем миром, и ей хотелось, невероятно хотелось испить из их ладоней живой воды, ощутить ее сладость всем своим существом и наконец стать целостной и полной. Зимой мир засыпал, и в его бессознательном теле недоставало той единственной капли, что смертные звали истинным волшебством — а ведьмы называли совсем другими именами: иль-вэане, лиреаны, кельди... Болотные огоньки. Все они были частью Бессмертного, запертого в клетке мира и дремлющего до поры. Бессмертный спал, и вместе с ним спали и они.

Тени искали их — тонких, прозрачных, бесплотных. Тени тоже хотели напиться, и Мара не понимала, кто это — немерты или же люди, которых Она забирала в свой плен. Черный туман их рук жадно искал в каждой сухой былинке, в каждой иссохшей ветви хоть каплю жизни, но найти не мог. И их процессия тянулась еще дальше на север — туда, где меж двух высоких, под самое небо, гор впивался в небо когтями башен древний замок, у подножия которого начиналось туманное море без берегов, море без вод и просоленных трав на дне,

море...

Она закричала — и проснулась от собственного надрывного хрипа. Чьи-то руки крепко держали ее, и теплая шершавая ладонь, пахнувшая снегом и горечавкой, зарылась в ее волосы.

— Тише, тише. Все хорошо. Я здесь.

Да... Здесь... Мару била дрожь, и тело чувствовалось холодным, чужим и жестким. В горле было сухо и колюче, словно внутри нее горячий ветер пересыпал золотые пески пустынь, и ведьма обессилено прижалась к Даэн, пытаясь согнать темную пелену странного сна. Слепая Мэг оказалась права — хозяйка диких, женщина с темными глазами змеи, теперь шла за ней по пятам, являясь в ночных кошмарах, страхах и сомнениях. Мара часто слышала ее свистящий шепот, внушающий ей, что ничего не получится, что она не справится, что все рассыплется пылью сквозь ее пальцы, и духи никогда не вернуться на Бар-эс-Тиллад из туманной благостной пустоты Бессмертного. Каждую ночь она приходила к ведьме и ткала сны — такие, что Мара всякий раз просыпалась в холодном поту и уснуть больше не могла. Всякий раз Даэн сгребала ее в охапку и держала до тех пор, пока дрожь не прекращала колотить колдунью. Вот и сейчас теплые, такие надежные руки Птицы закрыли ее от всех ужасов и ночных теней, и Мара, тихонько всхлипывая, закрыла глаза, утыкаясь лбом в ее плечо.

— Я не могу больше...

— Тише.

Даэн гладила ее по голове, чуть покачивая на своих руках. Ведьма не видела ее лица, но знала — глаза женщины ныне прикрыты, а ресницы наверняка чуть подрагивают: в такие моменты она заставляла теплую искорку Дара Хартанэ гореть крохотным солнышком и передавала это тепло и золотую тишь Маре. За это ведьма была искренне благодарна ей — однако нерушимая пустота Бессмертного в ней самой с каждым новым ударом колебалась все сильнее, наполняясь лишним шумом и ненужными мыслями. Пока еще Мара держалась, но никто не мог сказать, сколько еще продлится это «пока».

— Тише, — повторила Даэн, отстраняясь и беря ее лицо в ладони, внимательно заглядывая ей в глаза, — Успокойся. Скоро все это закончится. Она хочет, чтоб ты сломалась — не слушай. Не гляди. Сражайся.

Мара криво усмехнулась:

— Сражаться... Я пытаюсь, Даэн. Видит Бессмертный, пытаюсь — но не могу больше. Ты даже не представляешь, что она мне показывает. Что говорит. Ты даже не мыслишь себе.

Воцарилась тишина — долгая, словно время, плавящееся воском на свече. Вокруг них на десятки верст расстилалась безмолвная долина, укрытая снегами, а они, две одинокие фигурки, застыли где-то меж небом и землей, в крохотном домике у подножия сонных холмов. Летом в этой лачуге отдыхали пастухи — да и простые путники, что не сумели найти иного ночлега. Здесь пахло сухими травами, полынью и васильками, клеверным цветом и старой шерстью. Мебели в домике почти и не было — разве что глинобитная небольшая печурка, полка с колотой посудой да длинная лавка у окна. Одежда они настелили прямо на пол, поближе к теплему боку печи, и холод здесь не мог добраться до них. Ночь загнала их сюда — хотя Даэн и утверждала, что до высшего города первой провинции Эллоина осталось совсем немного. Но Мара больше физически не могла идти — сны измотали ее до такой степени, что даже днем предательская слабость путалась в ногах, и их скорость значительно снизилась. Когда медная монетка солнца медленно начала клониться к линии горизонта, ведьма окончательно поняла, что дальше идти попросту не сможет. Даэн

некоторое время еще пыталась поддерживать ее под руки и уговаривала идти дальше, однако в какой-то момент ноги Мары подломились, и она едва не упала в снег. Коршун буквально на руках внесла ее в пастуший домик, где ведьма наконец сумела уснуть — ненадолго, до того самого момента, пока женщина с глазами змеи не проникла в те сны.

Мара ощущала себя пустой — болезненно-пустой, неправильно и искривлено. Не так, как бывало, когда Бессмертный глядел на мир сквозь нее и прорастал васильковой звездочкой сквозь ее сердце. Даэн смотрела на нее внимательно, и на доньшке ее глаз, у самого края черного, как ночь, зрачка дробилась на мелкие капельки смола, напоенная солнцем.

— Я представляю, — тихо выдохнула Коршун, осторожно прижимая к губам холодные руки Мары, — И представляю, насколько тебе тяжело противостоять ей. Но ты справишься — я знаю это. По-другому просто не может быть. Если нужно — за меня держись и все, что нужно, бери. Все мои силы. Я здесь, я с тобой.

Ведьма не слышала ее — ей казалось, что какая-то странная, темная сила оплетает ее паучьей сетью, заставляя думать совсем иначе.

— Даэн, я так устала.

— Знаю, — она притянула к себе Мару, обнимая ее крепче и легонько целуя влажный висок женщины, — Потерпи. Это невообразимо сложно — но потерпи. Не верь ей. Она лжет тебе для того, чтобы ты сдалась, — голос ее стал жестким, словно металл, словно вековой базальт на склонах Гряды Эльги, — Не сдавайся.

— Никто не говорит о том, что я сдаюсь, — тихо ответила ей Мара, — Просто... Даэн, я — всего лишь земная женщина. Я не умею держать в руках меч, не умею сражаться. Даже жить как все — не умею. Все, что есть у меня — мой лес да травы под потолком, а больше ничего мне не было дано. Ни воли твоей, ни твоих сил.

С каждым сказанным словом она ощущала, как они тяжелеют на губах, становясь почти осязаемыми, горькими, как волчья ягода. Ведьма знала, что это все — ложь, что говорить это не нужно, но ничего не могла с собой поделать. Усталость и страх навалились на нее тяжелой сетью, и ныне ей нужно было выговориться, чтоб эта сеть не раздавила ее совсем, впаяв в мерзлую землю уснувшего мира.

— Сначала я думала, что все будет хорошо... — она опустила голову на плечо Даэн, вдыхая ее запах. Пожалуй, только за нее — за свою женщину — она еще готова была держаться, — Думала, что там, в Мертволесье, поняла, что нужно делать. Но все не так. Все не так, Даэн. С каждым нашим шагом, с каждой пройденной верстой я все чаще начинаю думать о том, что делаю все неправильно. Не туда гляжу. Не туда иду. Не то делаю. Столица Эллоина находится в сотне верст отсюда, и дойти до нее мы не успеем — а в провинциях нас могут развернуть обратно. Каждый день я учусь работать с той силой, которая проснулась во мне — но это кажется мне ничтожной малостью... и я боюсь, что мои руки это оружие не удержат. Да что там... Я не знаю, как обращаться с этим даром — а в руках незнающего он становится лишь бесполезным осколком, а не мечом. И мне кажется, что все напрасно. Что мы просто не успеем. Что нас даже слушать никто не станет...

Она запнулась, бессильно опуская плечи. Внутри было больно — неужели все, что они делали, не стоило даже одной-единственной попытки? Неужели Бессмертный отвернулся от нее, если сейчас она чувствовала себя покинутой и одинокой, последней крупницей Его силы и воли, последней каплей росы, медленно уходящей в черную рыхлую землю? Да, рядом была Даэн — ее Даэн, женщина с глазами бога, но что-то уходило, что-то очень важное

ускользало из рук Мары, и она не могла остановить этот поток, покидающий ее, казалось, навсегда. Наверное, так же ощущают себя рыбы, выброшенные на берег и глядящие, как волна возвращается в море, оставляя их умирать на песке, бить хвостом и задыхаться...

Даэн сжала ее пальцы крепче, заставив ее поднять взгляд. Лицо ее стало жестким, и почему-то Мара вздрогнула: там, в темной тягучей смоле ее радужек, медленно разгоралось золотое колесо из звезд и галактик, из сотен Вселенных и солнечных пылинок, пойманных в мелкие капли дождевой воды. Из глубокой бархатной темноты медленно выплывали эти звезды и миры, только что рожденные, ныне существующие и давно растворившиеся в пустоте времени. Мара смотрела и глаз не могла отвести, словно кролик, прикованный к одному месту взглядом змеи.

— Твой страх — лишь шепот тени. Прогони его. Немедленно прогони.

— Я не могу, — Мара мотнула головой, на миг отведя взгляд, — Я пытаюсь — но он приходит снова, сильнее с каждым разом. Я ничего не могу сделать. Это сильнее меня.

— Почему ты так решила? — Даэн приподняла ее подбородок, вновь вглядываясь в ее лицо, и что-то такое промелькнуло в ее глазах, что Мара ощутила, как сердце в груди мелко-мелко трепещет осиновым листком на ветру, — Почему ты решила, что имеешь право говорить так? Почему ты решила, что можешь позволить этой лжи сломить тебя?

Мара моргнула, недоверчиво глядя на нее: все ведь было не так, все было не... Птица, словно почувствовав ее сопротивление, продолжила, встряхивая ее.

— Ты говоришь, что у тебя ничего нет — и это не твои слова. Это — слова тех, кто хочет тебя убрать с дороги. Тех, кто никогда не поймет одну истину, которую рассказала мне ты же сама — моя Мара, моя ведьма, — она чуть заметно улыбнулась, — Моя Мара — та, что рассыпала из щедрых рук свет и ткала благость и исцеление. Та, что обращалась сиянием тысячи солнц, пронзая собой самую страшную темноту, та, что сражалась наравне со мной, та, что стояла плечом к плечу с нами.

Мара ощутила, как к горлу подкатывает ком, и становится еще тяжелее. Слова Даэн звенели в тишине крохотного путевого домика, в котором они оказались по воле случая, и что-то в ведьме противилось тому, что сейчас говорила Птица. Словно существо, оплетшее ее невидимыми нитями, прижалось к ней сейчас, пытаясь врасти под кожу и слиться с ней, и оно кричало: нет, нет, нет. Она лжет, все ее слова — лишь попытка успокоить тебя и утешить, и завтра все будет только хуже. Завтра, когда вы придете ко двору провинции, вас никто и слушать не станет, и весь ваш путь будет бессмысленным, и ты знаешь это, ведьма Гарварнского леса. Знаешь. И Мара прекрасно понимала, что это на самом деле не ее мысли. Не ее.

— Моя Мара, — продолжила Даэн, садясь прямо напротив нее и впиваясь взглядом в ее лицо, — Однажды сказала мне, что все, что у нас есть — лишь Любовь и Пустота. И тебе даровано и то, и другое. Твой Бог в тебе поет и звучит самой чистой нотой, единой гармонией всего мира, великой песней — так пой вместе с ним. Звучи. Лети. Лети так высоко, насколько это возможно — и еще выше. Стремись вверх, будь с Ним, будь Его частью, которой ты всегда и была. Все есть твой Бессмертный, и ты — тоже Он. Встань и сражайся. Какая разница, сколько сил нам противопоставят, если с тобой — величайшая сила, что только может быть под солнцем?

— Я не знаю, как... — залепетала Мара, отстраненно понимая, что это звучит совсем по-детски — но что-то внутри нее отчаянно цеплялось за эту усталость и бессилие, словно оно могло что-то оправдать. Словно проще было оставить все и плыть по течению,

дожидаясь того часа, когда неотвратимое сомнет их, поглотит и сотрет в пыль и звездный песок, из которого потом будут рождены новые миры — потому что так было всегда. Потому что молча ждать своей судьбы было гораздо проще, чем встать в полный рост и единственный раз сказать твердое «нет».

— Ты знаешь. Ты все знаешь, — Даэн сейчас казалась ей совсем другой — нестигаемой, жесткой, и почему-то Маре нестерпимо хотелось, чтоб она замолчала. Чтоб она просто взяла ее на руки и убаюкала, словно ребенка, чтоб сказала, что все кончено, и что вся невероятная тяжесть ответственности, что легла на их плечи сейчас, ушла. Что ее просто не стало... — Бояться — это не плохо, Мара, — ее голос стал мягче, нежнее. Ведьма подняла на нее измученный взгляд, — Плохо — остаться в этом страхе и позволить ему пожрать себя. Не позволяй. Ты ведь сама говорила мне — больше и нет ничего, кроме того, во что мы сами верим. Все, что страшит тебя — предрассветная мгла. А перед рассветом, сама знаешь, всегда самый темный час.

У тебя ничего не получится... Ни у кого из вас. Мое время уже пришло — я на твоём пороге. Все, что тебе остается — смотреть, как твой мир замирает, покорный моей воле. Так гляди и не противься — и я позволю тебе уйти без боли. Впусти меня. Шепот, раскалывающий череп, прошелестел в ее голове, и Мара застонала, ощущая, как боль становится физической, настоящей. Она пронзала все тело, каждую кость, каждую жилку и каждую клеточку, она отравляла, и ни на чем ином ведьма не могла концентрироваться. Сила Бессмертного не отзывалась, словно Мара навсегда потеряла связь с Ним — и от того стало еще хуже. Даэн держала ее, обхватив плечи, и сквозь свистящие волны чужого голоса ведьма слышала ее — но так слабо, словно осталось лишь эхо, осколок звука, но не более того.

Ты — ничто, лишь пепел на жерновах миров. Признай. Ты сама знаешь это.

Мара сипло вскрикнула, когда позвоночник прошило огнем — как раз там, где ее энергетическая оболочка была сшита ворожкой Слепой Мэг. Ровно одна секунда понадобилась ей для того, чтоб понять: чужая воля сейчас расплетет вязь теней, уже ставшую частью ее силы, и тогда рана откроется вновь. И никто не сможет спасти ее.

Под веками было белым-бело, а тело выкручивало так, словно все горы мира ныне дробили ее кости, пытаясь раздавить ее под своей громадой. Шепот становился громче, навязчивей, и она уже ощущала, как истлевают первая нить-тень, которой эльфийская ведьма стягивала ее энергетическую рану. Да, Слепая Мэг изменила их структуру и суть, обратив их в силы Бессмертного, однако там по-прежнему было хрупко и тонко — Мара видела это всякий раз, когда оглядывала себя колдовским зрением. Боль вгрызлась еще сильнее, и ведьма поняла, что если сейчас ничего не предпринять, она проиграет, даже не начав сражаться.

Перед глазами вдруг возник образ Даэн — только за ее спиной сияли золотом крылья. Шесть крыльев Богини-Птицы простирались над волнами свечения, и тонкие перья, сотканые из солнца, мягко колыхались, подхваченные тем ветром, что двигал галактики. Ее глаза-колодцы смотрели в самое сердце Мары, и в них была сила и уверенность, покой и надежда. Она протянула ей руку, и в следующий миг ведьма ощутила, как внутри нее, в самом сердце, разгорается пламя — а за ним начинается пустота. Та самая Пустота, о которой она просила столько дней и ночей — Пустота ее Бога. И Мара всем своим существом бросилась туда, в этот спасительный омут тишины и силы, жизненно необходимой сейчас.

Она тянулась к Даэн, утонувшей в золоте и солнце, бронзовой и светлой, застывшей в янтарной смоле времени — и танцующей среди вихрей песчинок в песочных часах мира. Она тянулась к Древу Бессмертного, под корнями которого спали древние среброглазые духи — и видела их так ясно, словно все они были здесь, в тесной лачуге посреди спящей заснеженной долины. Она звала Великую Пустоту, творящую жизнь — и та отозвалась, распускаясь в ее сердце белоснежным цветком, на острых лепестках которого лежала звездная пыль и мелкая россыпь капелек воды. А затем боль стала невыносимой, и мир отступил, взорвавшись в ее сознании сверхновой звездой, и великая сила швырнула ее куда-то вверх и сразу же — вниз, в вековую мглу недр земли и еще глубже. Туда, где солнца никогда не было.

Она была одна в темноте без единой искорки света, без единого звука. Из этой мглы к ней медленно шла женщина с глазами змеи, и бурю ее черных волос трепал невидимый ветер. Она улыбалась, и губы ее были черны.

— Ты проиграла, ведьма. Мы уже здесь...

— Ты лжешь, — ни слова не сорвалось с ее губ, однако Мара знала: женщина слышала ее. Ее брови изломались, а в глазах промелькнуло что-то, напоминающее насмешку.

— Нет — и ты веришь мне. Я уже здесь. Ты чувствуешь — это я расплетаю тебя по ниточке, это я иссушаю тебя. Ты умираешь. Признай это. Я пришла за тобой.

— Я не умру, — Мара ощутила, как дрогнул в груди клубочек покоя, который женщина вновь попыталась опутать тьмой и тяжестью — однако на этот раз удержала его. Где-то на грани сознания она по-прежнему видела шестикрылую Даэн, и у нее были глаза Великой Пустоты. И ей Мара верила — ей, а не сотканной из теней и шепотов незнакомки.

— Не сопротивляйся, — прорычала та, разводя в стороны тонкие руки, и Мара видела, что в чашах ее ладоней собирается туман и темный дым, все быстрее скручиваясь в тугие плотные клубки злой силы, — Ты не выступишь, как бы громко не звала его. Он не придет. Он никогда больше не придет.

И это тоже была ложь. Теперь Мара знала. Где-то за тысячи миров отсюда ее тело лежало на коленях Даэн, содрогаясь от ломающей хребет боли — но это было так неважно. Теперь она знала — и ощущала все вновь. Страхи, по пятам преследующие ее все это время, были лишь предрассветной тьмой — а между тем золотой край солнца уже поднимался над бессонным океаном-купелью, в котором Жизнь баюкала и с великой любовью растила новые миры, что однажды прорастут на Древе Бессмертного новыми цветами. И все духи мира ждали, безмолвно ждали — и верили в то, что новая весна придет. И Мара тоже поверила. Теперь — навсегда и до конца.

В тот миг с рук незнакомки сорвалась белыми молниями сила, призванная ею для того, чтоб смести Мару и уничтожить все, чем та была. Поток вошел в грудь, врезаясь прямо в пустоту под ее кожей — и прошел насквозь, не встретив никакого сопротивления. Этот поток обращал пеплом и прахом самые древние миры, этот поток нес их к жерновам великого Колеса, чтоб оно перемолло их в мелкое крошево воспоминаний, не оставив от них ничего более. Лицо женщины озарила безумная радость, в следующий же момент сменившаяся немим изумлением: Мара не исчезла.

Я — пустота твоя, Бессмертный. Я — сам ты. И ничто в мире не может навредить мне ибо я есть весь мир: зло в нем и свет в нем, тени и энергии, пламя и вода, небо и земля. Я — солнце, и я возжигаю себя, обращаюсь светом, и рассвет наступает по моей воле и по воле Великой Жизни. И ничто не сможет помешать небесной воле. Я — твоё оружие, твой меч и

твой щит. Я — твоё дитя. Дитя солнца.

Женщина отшатнулась назад, двигаясь плавно и медленно во мгле, что окружала их со всех сторон, а затем яростно закричала, вновь поднимая руки — только Маре было уже все равно. Пылающее в груди золото распустилось солнечным сиянием, прорезая тьму и высвечивая все миры, что были поглощены ею. Незнакомка конвульсивно дернулась, а затем исчезла, оставляя лишь отзвук змеиного шепота:

— Ты выиграла лишь крупицу времени...

След ее, сотканный из тумана, растаял во мгле, что медленно наполнялась сиянием. Мара видела, как вокруг нее появляются крохотные песчинки-миры, галактики, что были не больше вишневого лепестка, и все они были цветами на ветвях великого древа, что прорастало в пустоте без времени и пространства, древа, что связывало их все в нечто единое, нечто большее, чем просто звездную пыль. Северные сияния заплетались меж его листьев, и Мара сама была внутри того древа, была им и была всем, что существовало и будет существовать. Она была Бессмертным.

Кольцом ее обступали духи, чьи глаза сияли серебром и прозрачными переливами немислимой силы. Они просыпались, они шли к ней, и Мара видела, как цветы-миры на ветвях Древа разгораются все ярче — а когда сияние стало нестерпимым, ведьма ощутила, как неведомый ветер словно утягивает ее куда-то вверх, унося ее прочь из сердца всех миров.

Несколько мгновений или несколько жизней она текла в этом потоке солнечной силы, пронизанной волнами мощнейшей энергии — а затем ее втокнули в собственное тело, и она не сумела сдержать крика, изгибаясь дугой в руках Даэн. Боль, что вовсе не была болью, отступала, и Мара, сотрясаемая дрожью, медленно приходила в себя, затихая и замирая. Вернулся цвет и звук, вернулись ощущения, вернулось все — кроме страшной, темной сети, что оплетала ее так долго. Все, кроме тихого шепота, что убеждал ее остановиться и опустить руки. Все вернулось — и Мара вновь была тихой и целостной, изначальной, наполненной. Такой, какой и должна быть.

Даэн держала ее, и щекой Мара ощущала, как колотится ее сердце. Птица, осторожно поддерживая ее, склонилась над ней — бледная, напряженная и встревоженная, и ведьма поняла, что улыбается ей. Теперь все было верно. Теперь они справятся. Теперь все будет хорошо. И сейчас она ощущала, как великая сила, называемая Жизнью, пробудилась от долгого сна — для того, чтоб стать на их сторону в этой невиданной войне. И пускай Ярис продолжала держать весь мир в ледяных руках зимы — против нее ныне восставал сам Бессмертный. И Мара как никогда четко осознала: они с Даэн не одни.

В темном замке на краю моря туманов и теней она билась в агонии, царапая окровавленными пальцами холодные камни и рыча, словно загнанный зверь. Сеть, что она плела, распалась, развеялась по ветру, и все усилия Асхэ теперь оказались напрасными. Она в бессильной ярости вбивала хрупкие свои руки в шершавый камень — но боли не было. Асхэ не знала боли. Замерев на один миг, она поднесла окровавленную руку к лицу, глядя, как по белой коже стекают алые капли. Крохотные капельки так напоминали время — но время течет, время бесследно уходит, и поймать его невозможно. Девчонка выборола еще одну крохотную крупицу для себя и этого края — но капля та была ничтожной. Ярис восходила, и Асхэ знала — их время близилось. Колесо не сдвинулось, и с его спиц скатывались звезды, сгорающие в огне. А капли крови скатывались по ее тонкому запястью, и Асхэ вдруг рассмеялась, прижимая ладонь к собственным губам и слизывая алую соль с руки. Они могли сражаться сколько угодно — ничто не могло помешать ее королеве. И

скоро этот мир узнает это — ровно за секунду до того, как обратится пеплом.

А в темном сердце Гарварнского леса, за зелеными заснеженными ельниками, чьи жесткие шкуры укрылись белыми шапками, за оврагами и рощами, за замшелыми валунами и цепями замерзших ручьев, у корней огромного дерева, под которыми начиналась теплая тихая дремотная темнота, забрезжил свет. Искры северных сполохов вырывались из этой бархатной мглы, высвечивая ее, и лунные глаза иль-вэане глядели из нее на мир, спящий во льдах. Великая Пустота призвала ее — их всех. Духи Гарварны проснулись.

===== Глава 53. Алоста =====

Остаток ночи прошел спокойно и тихо, словно метель, что началась, когда Мара возвратилась в тело, прогнала обрывки темноты с мира вокруг. Снег укрыл пушистым одеялом ветхую крышу их домика, намел на крыльцо, облепил раму — так, будто сама природа желала спрятать их двоих в своих ладонях, бережно храня, как земля хранит крохотные зернышки, по осени заронившиеся в ее недра. Маре не снились тени и темные горы, все шепоты стихли, и благодатная тишина нашла ее, угнездившись теплой птичкой у сердца, обняв его своими крыльями — да так и оставшись там, подле него. Сама же ведьма спала, привалившись к Даэн, и та всю ночь держала ее — Мара ощущала теплую тяжесть ее сильных рук, что надежным кольцом оплели ее, и кошмаров не было.

Рассвет поднимался над миром — Мара остро ощущала, как за туманными валами в далекой неоглядной выси катится солнечная монетка, все выше взбираясь по крутому склону небосвода. Метель уже закончилась, и небо, напоминающее темный аметист, постепенно светлело, заливаясь полупрозрачным перламутром с лазоревыми тонкими-тонкими росчерками в глубине. Даэн рядом сворачивала одеяло в тугую скатку, и в полумраке Мара видела светлые кисти ее рук, что двигались быстро и в то же время — плавно. Почему-то это завораживало ее.

Птица подняла на нее взгляд, укрытая тенью и утренним сумраком, царящим в комнате. Мара различила мягкую улыбку, изогнувшую ее уста — и на сердце стало еще светлее. В груди золотился океан покоя, заключенный в крохотную капельку, и она, в общем-то, не слишком понимала, как такое может быть — великое в таком крохотном, таком маленьком... А еще нарастало какое-то волнение, странное предчувствие, лишенное какой бы то ни было окраски, словно что-то творилось в мире, и ведьма пока еще не могла понять, что именно. Что-то отзывалось, звенело в воздухе, едва различимо мерцало туманным образом где-то на задворках сознания. Мара чувствовала, что весь мир натянулся серебряной струной, тонкой и острой, и ждет, когда чьи-то пальцы коснутся его, заставляя петь. И она ждала вместе с ним.

Они покинули пастуший домик, когда просветы в облаках начали золотиться, и белоснежное одеяло заискрилось на склонах. Белая мягкая тишина путалась в волосах, заплетаясь в косы прозрачными бусинами, а под сапогами тихо похрустывал снег, скованный тоненькой коркой наста. Чуть поодаль виднелась петля дороги, огибающая маленькое селение и уводящая куда-то дальше, за тихую березовую рощу, взбираясь на пологий склон холма. А на самом горизонте, на границе меж землей и небом, виднелись силуэты домов и башен, и поднимающееся из-за них солнце казалось отблеском пожара, разгоревшегося в городе. Даэн, шагающая рядом, всмотрелась вдаль повнимательнее, а затем принялась рыться в вещмешке, разыскивая карту.

— Судя по всему, это Алоста, — спустя время, заключила она, убирая карту обратно в мешок и перебрасывая его за плечо. Мара вопросительно взглянула на нее — ей это название

ни о чем не говорило, и Даэн продолжила, — Столица северной провинции Эллоина. В общем-то, наша надежда.

Она усмехнулась уголком рта, подставляя лицо холодному ветру. Восходящее солнце бросало отсветы на ее скулы, золотой пылью выкрашивало кончики ресниц — Мара видела это так ясно и четко, — и в глазах ее отражались рыжие блики. Словно пламя в темноте.

— В любом случае, до Небесного Города слишком далеко, — дернула плечом ведьма, — А если на местах сидят данники государя, мы, возможно, сумеем заручиться поддержкой хотя бы приграничных провинций.

— Приграничных провинций всего две — Алоста и Барэдан, — заметила Даэн, чуть заметно хмуря брови.

— Ты предлагаешь обойти все? — хмыкнула Мара, рассеянно прикрывая глаза и сосредотачиваясь на пылающем огоньке в груди. Мир тут же превратился в россыпь цветных песчинок, что кружились вихрями вокруг них. Это было хорошо. Ведьма слишком глубоко погрузилась в темноту и в последнее время и вовсе позабыла о том, как это — любоваться сплетениями энергий, пронизывающий все вокруг.

— Я предлагаю сначала сунуться сюда, — Птица шагала энергично и быстро, словно это был первый день их пути. Не будь Мара лесной ведьмой, она вряд ли сумела бы поспеть за Даэн, — И попытаться договориться с хранителями Алосты.

— Хранителями?

— Да. Их еще называют Жрецами, или Соборниками. Они — ведуны высшего круга хранители императорской власти на местах, якобы контролирующие округа от имени государя. Как-то так, если я все верно помню.

Мара нахмурилась: для нее человеческий мир был странным местом — его законы казались ей лишь ненужной лишней шелухой, их границы она считала глупостью. Ведьма Гарварны предпочитала сторониться ведунов из столиц — слишком чванливыми те были: они кичились своими исключительными способностями соединения с энергиями, почитая себя едва ли не так же высоко, как собственных богов, и презирая всех остальных. Ее это откровенно раздражало, и ныне она лишь надеялась на то, что всего-то навсегда относится предвзято к тем, кого Даэн назвала соборниками.

— Расскажи мне немного, — попросила она, переводя взгляд на силуэт города, поднимающийся вверх со склона. У подножия холма виднелась лента замерзшей реки, по берегам которой тянулись заиндевевшие молоденькие ивушки, и Мара видела высокие мосты из светлого камня, переброшенные через воду. Даэн непонимающе взглянула на нее, и Мара пояснила, на ходу расплетая в сердце клубочек тишины и пустоты, — Об Эллоине. О его городах, порядках и нравах. Мне чуждо это место.

— Как будто бы я так много ведаю, — фыркнула Даэн, — Я сама здесь впервые — знаю лишь то, что нам в Гильдии рассказывали.

— В любом случае, тебе ведомо поболее, чем лесной ведьме, — рассудительно заметила Мара, и Птица, пожав плечами, кивнула:

— Ладно. Что ж... — она задумалась на миг, — Вообще, изначально Эллоин был первым человеческим государством на Бар-эс-Тилладе. Первой колонией. Они заняли свободные земли, сумели договориться со старыми расами о торговле... Я, честно говоря, не слишком хорошо помню, с кем именно — вроде бы, с дриадами и горринарами, да еще с Верданором. Эльфам дела до них особого не было, а потому Эллоин скоро окреп и разросся, а затем уже — позже, много позже, — появились Креасс и Тиннеред. Объединять все

территории в одно государство смысла не было — тогда еще добыча ресурсов не была отлажена, и император Эллоина понимал это, а потому согласился на появление других человеческих государств. Но оставалась одна поправка: Эллоин становится господствующим благодаря тому, что в нем растили и обучали ведунов.

Мара слушала ее внимательно, между делом разглядывая движения энергий вокруг них. Над городом они напоминали беспокойные волны, или рябь на воде во время дождя: цветные искорки-сполохи переплетались, разбегались, закручивались в узорные вихри, и среди них ведьма видела и ярко-золотые, и небесно-синие, и алые, словно кровь, и те, что были чернее ночи, ленивые и медленные, вплетающиеся во все это многообразие красок. Над водой, закованной в синий лед, стояло серебристое, едва различимое свечение, и Мара нахмурилась: так бывало по весне, когда все живое наполнялось силой Бессмертного, и духи пробуждались. Сейчас этого попросту не могло быть. Может, здешние ведуны работают с энергиями таким образом, что те сохраняют печать пустоты внутри? Если так, то их помощь действительно будет очень кстати.

— А разве в Креассе и Тиннереде нет ведунов? — отстраненно уточнила она, концентрируясь на природе энергий, что мерцали над рекой. Ощущение от них шло точно такое же, как то, что приходило от проснувшихся лиреан, которые осматривали свои владения и наводили порядки в реках и ручьях — и Мара хмурилась, не понимая, в чем же тут было дело.

— Есть — но, по слухам, те, что стоят при дворе, и свечи зажечь не могут, — усмехнулась Коршун, — Чего-то стоят лишь те, кого не особо-то жалуют — самоучки. Как ты, — она улыбнулась Маре уголком губ, чуть щурясь — солнце, встающее из-за крыш Алосты, било им прямо в глаза, — Но на них постоянно облавы устраивают и гонят их отовсюду. Так что у них своеобразное сопротивление...

— Подполье, — кивнула Мара.

— Угу. Здесь, в Эллоине, насколько я помню, ведунов-самоучек и лесных ведьм вообще не признают и считают их приспешниками Темной.

— Замечательно, — проворчала Мара. Она привыкла к тому, что все ее сторонились и чурались, однако одно дело, когда торговец косо глядит на тебя и осеняет себя охранным знаменем, и совсем другое — когда ты идешь просить о помощи тех, кто заведомо услышать тебя не захочет.

— Это еще ничего не означает, — жестко ответила Даэн не терпящим возражений тоном — да Мара и не собиралась возражать ей, лишь украдкой улыбаясь: упрямая Птица воплощала в себе стремление, мощь и совершенство во всем. И за то, что она не давала Маре спуску, ведьма была безмерно благодарна ей.

— Ничего, я согласна. Продолжай — я слушаю тебя.

— Да чего продолжать-то? — снег под ее ногами тихонько поскрипывал и золотился, а облачка горячего пара, срывающиеся с ее губ, напоминали утренний туман в лесу, стоящий над дальними запрудами и пронизанный косыми солнечными лучами, — Эллоин остается главенствующим государством, которое берет на себя обучение всех ведунов — как местных, так и иноземных. Все они находятся в Небесном Городе — далеко на юге отсюда. Там же сидит император, которого считают ставленником Светлого на земле — потому-то возле него и скучковались все ведуны, якобы получая благословение того и имея возможность постоянно находиться под дланью бога. Я так понимаю, что власть его скорее формальна, потому как гораздо большее возможностей у местных правителей. А местными правителями

становятся как раз выходцы из Небесного Города — самые сильные, хитрые, находчивые... Они заплетают власть кольцом, подгребая ее всю к своим рукам, и оставляют за императором лишь обычаи да прочую шелуху. Прикрываются им. Естественно, это — лишь мое мнение, я не претендую на единственно верное суждение. Может быть, все не так, Мара, и я ошибаюсь, и на самом деле ведуны эти несут лишь благодать, а император и впрямь свят и светел, — она помолчала немного, переводя дух. Город на холме был все ближе, и Мара почувствовала, что Даэн немного тревожится — совсем чуть-чуть, стараясь сделать так, чтоб ведьма того не заметила, — Что до территориального устройства... Хм. Эллоин разделен на восемь провинций, при каждой из них есть столичный город, называющийся так же, как и сама местность. Ведуны-жрецы — те самые, в руках которых сосредоточена власть, сидят в Соборах. Обращаться к ним можно напрямую, без всех этих процедур вроде долгого ожидания, записей и тому подобной ерунды. Вот и все, что я знаю.

— Небесный Город... — протянула задумчиво Мара. Ей казалось, что где-то она слышала это название — не в лучшем контексте. Ухватившись за тонкую размытую ниточку воспоминания, ведьма потянула за нее, и картинка сама возникла в голове.

Старая Грайна, сухая и сморщенная вергорийская ведьма, шамкала беззубым ртом и толкла в деревянной ступке какие-то травы, подслеповато щурясь. Мара сунулась было ей под руку — глянуть, что такое та делает, однако старуха тут же проворно треснула ее венчиком прямо по пальцам, и девочка, зашипев, словно кошка, отдернула руку.

— А ну-ка брысь отсюда, несмышленная! — грозно каркнула Грайна, потрясая венчиком на головой, и Мара тут же шмыгнула поближе к матери, волчонком косясь на злобную ведьму. Виска, посмеиваясь, дотронулась кончиками пальцев до встрепанной макушки девочки, а затем отхлебнула из резной деревянной чашки крепкого травяного чая.

— И что же? — мать продолжила прерванный разговор, пока Мара украдкой совала нос во все баночки да склянки, что громоздились на длинной полке у окна — так, чтоб мерзкая бабка не заметила ее да не огрела еще чем-нибудь, — Они тебя не приняли?

— Какое там! — Грайна звякнула какими-то склянками под рукой, и этот звук показался ведьминой дочери очень досадливым, — Так тарасили свои зенки на меня, словно я — чучело болотное, губы кривили, носы воротили... Даже на нижние ярусы не пустили — хотя там та еще помойка, ой ли! Мол, нечего лесному отродью вроде меня в Небесном Городе делать. Мол, мы все отреклись от света, и дороги обратной к трону их бога нам нет. Ты представляешь, Виска? Нам-то... Ха!.. Глупцы, безмозглые олухи, которые дальше собственного носа видеть не хотят — вцепились в своего Светлого, как шелудивая собака в старую кость, и носятся с ним...

— Ладно тебе, — Виска примирительно подняла ладонь, — Для них Бессмертный и единство всего в мире — такая же чушь, как все их разделения — для нас. Со своей метлой, сама знаешь, чужое подворье не мети.

— Да знаю, — проворчала старуха, откладывая венчик и деловито закатывая рукава. На ее запястьях звякнули браслеты с кучей камней, и Мара, углядев, что Грайна начинает переминать какие-то коренья руками, решила, что уж теперь-то та точно не обернется, — Город, конечно, диковинный, ничего не скажешь. Тут я даже спорить не буду. Город-Древо — так они его зовут. И правда, что он над землей висится — уж не знаю, с какими энергиями они работали, чтоб поднять такую громаду из земли-матушки. Как гора — ровная, без верховины, а на пяточке земли наверху — город. Дорога вокруг поднимается, долгая такая — страх! А на обрывах, по всей высоте — дома какие-то, постройки, все белое,

в глазах аж рябит. Красивее всего наверху, да только мне ли о том знать, они меня, собаки, не пустили... — раздался грохот, звон битого стекла. Грайна резко обернулась, и руки ее были красны от травяного сока, — Ах ты пигалица несносная! Ну, сейчас несдобровать тебе!..

Виска расхохоталась, наблюдая, как дочь испуганным чумазым котенком шмыгнула ей под руки, а Грайна нависла над ними обеими, словно грозовая туча. За окном носились беззаботные стрижи и пела молодая, звонкая весна.

Воспоминание было далеким, смутным, размытым. Мара не помнила, зачем Грайна уходила в Небесный Город, однако детское воображение, растревоженное рассказами старухи, живо рисовало невиданной красоты столицу с белыми летящими башнями, длинными лестницами, высокими мостами. Там должно было быть хорошо по осени, когда листья в садах начинали золотиться и теряться в густой сочной синеве неба, а закаты падали прямо за край. Если Мара все верно поняла, ведуны Эллоина умудрились поднять над землей огромный пласт, сделав своеобразное плато прямо на ровном месте, среди пологих холмов и равнин, а на нем выстроили свой город, куда и посадили императора.

— А что-нибудь о Небесном Городе тебе ведомо? — она взглянула на Даэн, и Коршун лишь пожала плечами.

— Нет. Этот регион находится слишком далеко от Келерии. Возможно, Лорелей и контактирует с кем-то оттуда, однако нам эту информацию не разглашают. Наше дело — не политика, — она вздохнула, — Поэтому я не совсем понимаю, что делаю здесь и сейчас в качестве представителя всей Гильдии. В качестве твоей защитницы и спутницы — понимаю, а вот все остальное...

— Я, в общем-то, тоже не особо понимаю, что делаю, и что делать в целом, — рассудительно молвила ведьма, найдя ее холодную сухую ладонь и чуть сжимая ее пальцы в своих. Даэн подняла на нее глаза, и на лицо ее легла едва заметная тень улыбки. Мара тоже улыбнулась в ответ, — Сама же мне баяла о том, что справимся, что все решится. Вот и не думай о дурном.

— А я прямо так погружена в смурные мысли, — иронично прищурилась Птица, вскидывая красивую бровь дугой, и Мара фыркнула: вот уж точно. Если Даэн и думала о чем-то недобром, то прятала это так умело, что даже чуткая к миру и к этой женщине Мара не смогла бы сказать, что ее тревожило. Лишь когда Коршун сама показывала это — не иначе.

Солнце поднималось все выше, и, когда Мара с Даэн подошли к широкому мосту из светлого, грубо отесанного камня, небо стало совсем уж голубым и прозрачным, чистым-чистым. Женщины пропустили небольшую подводу, идущую из города, и Мара отстраненно подумала, что за это короткое время она увидела куда больше людей, чем за всю свою жизнь в лесу — там повсюду сновали лишь духи, прозрачные и тонкие, говорящие на ином языке, жившие совершенно иной жизнью. Сейчас же вокруг нее постоянно был шум и гам, человеческий переполох, и это было странно: с одной стороны, невероятно хорошо, но с другой — едва ли Мара смогла бы однажды променять свой тихий уютный быт на сети городов из камня и вечную суматоху.

По склону к городу взбирались сады, и их заснеженные кудрявые ветви напоминали белое кружево меж пальцев искусной мастерицы. За спиной осталась сияющая серебром река, и Мара, так и не сумевшая понять, в чем причина такой структуры энергий, хмурилась и кусала губы — однако думать о том сейчас было некогда. Первое кольцо городской стены,

за которым начинались поля и длинные темнеющие на снегу постройки хранилищ, теперь было совсем рядом.

У врат их никто не остановил, никто ни о чем не спросил, словно безразличным стражам дела до них не было. Про себя Мара отметила, что мужчины здесь носили длинные теплые пальто до самых щиколоток и отпускали волосы, собирая их в косы на затылке. Глаза у эллоинцев были светлые, и на правой щеке у каждого воина виднелся какой-то рисунок — символ Светлого, если ведьма верно помнила: дерево о семи ветвях, схематично нарисованное на коже черной краской. Тот же рисунок Мара видела на второй стене, опоясывающей город: на светлом песчанике темнела узорная мозаичная кладка, и семь изогнутых ветвей расползались в стороны, словно русло давно пересохшей реки в пустыне. Почему-то Маре не нравился этот символ, так напоминающий древо Бессмертного: что-то в нем было неправильное, фальшивое, словно неведомый художник наделил его абсолютно неверным значением, и это понимание так и осталось в сердцах других. Из-за стены поднимались башни, облицованные все тем же светлым песчаником, и над городом развевались белые знамена с черным рисунком, беспрестаннодвигающимся и меняющимся на потоках ветра.

Все дороги в Алосте, как и в любой столице провинции, ведут к Собору — все это знают. Улицы города напоминают паутину: окружные нити идут по спирали к центру, и, если неспешно прогуливаться вдоль них, можно потратить целый день для того, чтоб обойти всю столицу, от самого дальнего квартала земледельцев до центральных кварталов ведунов и знахарей, вычищенных до последней пылинки. А вот если особо не задаваться целью осмотреть все, да пойти по одной из широких прямых улочек к Собору, то очень скоро приземистые домишки останутся позади, а перед глазами вырастет огромный каменный храм, над остроконечными крышами которого полощутся знамена, а вокруг каждой из восьми тонких башен вьется спиралью винтовая лестница, вдоль которой ярко горят крохотные золотые фонарики. Они не гаснут ни в бури, ни в самые жестокие холода, и поговаривают, что никто ни разу не видел, чтоб на ступенях показалась хоть одна живая душа. Но фонарики горят испокон веков звездами, и ничто не может изменить это.

Они стояли на шершавых истертых ступенях, отполированных годами почти что до блеска. Впереди темнела двустворчатая дверь, распахнутая настежь, и внутри здания Мара видела прозрачный дневной свет, затапливающий залы и комнаты. У входа топтались люди — их было немного, и ведьма ощущала сладковатый запах каких-то масел, от которых неприятно кружилась голова, и мысли становились вязкими. Даэн взглянула на нее, чуть заметно кивнув, и они обе направились к входу в Собор, присоединяясь к другим просителям. На них, чужеземок, с любопытством косились люди — судя по странным длинным одеждам и по-особенному заплетенным волосам, все они были родом из Эллоина, а ни Мара, ни Даэн не напоминали светлоглазых жителей одной из восьми провинций. Ведьма ощущала себя неуютно под этими внимательными оценивающими взглядами, но, сжав зубы покрепче, заставила себя попросту не обращать на них внимание. В конце-то концов, ждать им нужно не так уж и долго.

Когда подошел их черед, солнце, острое и почти белое, стояло уже в зените. Жизнь в городе кипела — сновали люди у подножия широкой лестницы, мохноногие низенькие лошадки тащили груженные холщовыми мешками телеги, переговаривались меж собой жители Алосты, прогуливаясь по городу, или торопясь куда-то по делам. И когда последний проситель покинул залы Собора, Мара чуть ли не вздохнула спокойно: наконец-то можно

было спрятаться в тиши молчаливых комнат и заняться делом. Ждать она больше не могла.

Эхо ее шагов отражалось от каменных стен, проложенных мрамором — таким светлым, что казалось, будто они оказались внутри облачного замка, или снега. Вокруг выростали одинаковые широкие колонны, круглые, без единого изъяна, без единой трещинки, и светлые прозрачные занавески, заслоняющие огромные окна, чуть покачивались в ответ на колебания воздуха. Женщины шли по вытянутому узкому залу, в самом конце которого за широким столом, укрытым синим шелком, сидел человек. Он поднял на них равнодушный взгляд, когда Даэн выступила вперед, чуть склоняя голову.

— Приветствую тебя, Жрец Светлого. Мы — чужеземки, пришли говорить с Хранителями Алосты. У нас — важные вести, и ждать мы не можем. Просим разрешения увидеть Хранителей Собора.

— Разрешаю, — протянул мужчина, лениво поглаживая льняную косу, переброшенную через плечо и заплетенную в тугой канат. Акцент у него был странный, с долгим протяжным «а», и Маре слышалось самолюбование в его голосе. Да и взгляд его при слове «чужеземки» стал совсем уж скучающим. Впрочем, едвали это имело значение, — Проходите, прошу вас, — он приподнял руку, указывая на высокую узкую арку слева от себя, и темный рукав его балахона сполз к локтю, обнажая медные кольца широких браслетов.

Во втором зале тоже стояла тишь, и свет вокруг был прозрачен — он лился из широких окон и, проходя через молочный легкий шелк, ниспадающий с карнизов, становился совсем уж странным, нездешним. В центре зала на темных креслах с жесткими резными спинками восседали люди — их было восемь, и все они, словно один, обернулись к вошедшим, заслышав звук их шагов. Место, где они сидели, опоясывало кольцо из странных плоских чаш на высоких тонких ножках — и в этих чашах недвижимым зеркалом чуть поблескивала вода. Пахло терпким маслом, благовониями и чистотой, и Мара содрогнулась: все это не было важным и нужным. Истинная вера не требовала всего этого — отчего же тогда здесь, в оплоте Светлого, было так?

Пятеро мужчин и три женщины спокойно разглядывали их, когда они предстали перед ними, останавливаясь напротив стоящих полукругом кресел. Балахоны на них были цветными, а в канатах-косах виднелись тонкие цепочки и круглые каменья. Сила, исходящая от них, была странной: Мара ощущала ее всей собой, ощущала кожей эту вибрацию — частую и низкую, словно ее насквозь прошивали сотни молний. Один мужчина, пожилой человек с пересыпанной сединой длинной косой, скупно улыбнулся им.

— Здравствуйте, дети Светлого.

— Приветствуем вас, — так же холодно ответила им Даэн, выпрямляясь и разворачивая плечи так, чтоб жрецы видели серебряную фибулу Гильдии на ее груди. Мара готова была поклясться — Птица тоже ощущала волны пренебрежения, исходящие от соборников, однако ей на них было плевать, — Я — Даэн из Фаулира, Келерийская Птица, а это — Мара из Гарварны, ведьма. Мы пришли просить Эллоин о помощи.

— Мы видим, кто вы, — отозвалась молодая женщина — на вид ей было не больше тридцати зим. Ее темные глаза оглядывали их скучающе, и Мара ощущала ее презрение — Впрочем, тщательно прикрытое маской дружелюбия, — Вернее, чувствуем. Все же от колдуний, живущих в изоляции, всегда приходит особое ощущение хаоса и некоторой бесконтрольности, неуправляемости... — она обаятельно улыбнулась Маре, но ведьма проигнорировала ее колкость, пропустив ее мимо ушей. Она не сомневалась в том, что они с Даэн встретят сопротивление в Алосте, — Поэтому можете перейти сразу к делу. Видно, что

вы долго были в пути, а потому наверняка устали. Мы не хотим занимать ваше время понапрасну.

Изящная формулировка, промелькнуло в голове у Мары, и ведьма ощутила легкое раздражение, заворчавшее волчицей в груди. Едва ли жрица имела в виду то же самое, что сорвалось с ее языка. Даэн, которая тоже и бровью не повела на выпад женщины, церемонно кивнула:

— Нам также не хотелось бы терять время понапрасну, благодарим за беспокойство. Если мы не найдем поддержки здесь, нам придется выдвинуться дальше — а мы не можем позволить себе ни минуты промедления.

— В таком случае, держите слово, — кивнула соборница, и усмешка ее еще больше напомнила Маре оскал, — Возможно, все мы услышим что-то действительно занятное.

===== Глава 54. Соль веры =====

За огромными окнами начиналась метель. Белые хлопья, подхваченные ледяными порывами ветра, кружились за молочными складками занавесок, и краем глаза Мара видела, как танцуют снежинки за стеклом. Толщи камня не пропускали ни единого звука с улицы, а потому в залах Собора стояла глухая тишина, нарушаемая лишь шорохом дыхания да легким шелестом полупрозрачного шелка на карнизах.

Мара переводила взгляд с одного лица на другое — и в глубине их глаз не отражалось ничего. Ни-че-го. Лишь равнодушие — такое же холодное, как снега на острых вершинах Наамаха. Даэн рядом напряглась: плечи ее, затянутые в плотную кожу, одеревенели, а наклон головы стал упрямым, жестким. Ведьма ощутила огненные волны силы, толчками расходящиеся от Птицы, из самого центра ее груди, и соборники тоже почувствовали это.

— Кажется, мы не давали повода для злости и раздражения. Я не права, Танцующая Даэн? — женщина в зеленых одеждах чуть заметно вздернула бровь, глядя на Коршуна.

Птица не сменила позы — даже не шевельнулась, лишь приподняла уголок губ в улыбке.

— Как и я не давала повода для того, чтобы этот вопрос был задан.

Некоторое время они сверлили друг друга тяжелыми взглядами — и Даэн выиграла. Соборница хмыкнула себе под нос и, скривив тонкие губы, отвернулась от Птицы, обращая взор к своим братьям и сестрам, словно Коршун больше не занимала ее. Однако Мара успела заметить, как быстро и нервно она облизнула губы, как сжалась ее рука на резном подлокотнике. Неужто Келерийская Птица может напугать могущественных ведунов Эллоина?

— Оставим глупые препирательства не по делу. Чего же вы хотите от нас? — осведомилась женщина с темной косой, самая молодая из хранителей.

— Я уже озвучила, — Мара безо всяких эмоций смотрела ей прямо в глаза, не опуская взгляд, — Поддержки в грядущей войне. Ведуны Эллоина могли бы стать еще одной каплей в этой борьбе. Мы нужны друг другу — сейчас как никогда.

— Вернее, мы нужны вам, — усмехнувшись, уточнил седовласый мужчина, — Давайте смотреть правде в глаза.

— Правда такова, — Даэн сделала шаг вперед, сжимая руки в кулаки, — Что мы нужны друг другу, и никак иначе. Когда Охота дойдет до Эллоина, понадобятся все возможные силы, чтоб защитить этот регион.

Соборники переглянулись, и по светлому залу прокатился смех. Он отражался эхом от стен, потолка, даже от воды, застывшей зеркалами в чашах. Третья женщина, чьи светлые льняные косы были перевиты в одну, покачала головой:

— Едва ли нужно будет защищать Эллоин от Охоты, даже если вы не лжете нам, и Королева Зимы и впрямь очнулась — в чем лично мы сомневаемся. Ее упокоили Светлый знает сколько времени назад, и больше она не являлась сюда. Сила давным-давно оставила ее, и эта угроза так же эфемерна, как рассказы скоморохов. И даже если дикие духи собираются в стаю, они остаются проблемой ваших территорий — никак не наших.

— Глупо полагать, что волна до вас не докатится, — Мара подняла взгляд на нее — кресла стояли на небольших приступках, — Мы — на одном берегу, и шторм смоев нас всех, если мы не станем вместе.

— Да как ты смеешь говорить такое, сестра Темной?!.. — зашипел мальчишка в красной мантии, совсем еще молодой, с беспокойными бледными руками и узким, некрасивым лицом. Он со злостью смотрел на лесную ведьму, и ярость его напоминала лесной пожар, в котором лишь сам он себя губил. Седовласый мужчина успокаивающе приподнял руку.

— Тише, тише, брат. Эти женщины — гости нашего края, — он обернулся к Маре и Даэн и чуть склонил голову, — Я прошу простить вас нашего брата. Он еще юн, а молодости свойственна горячность. Полагаю, вам хорошо это известно.

— Конечно — мы тоже были юны и глупы в свое время, как и всякий человек под солнцем, — отчеканила Даэн, чуть наклоняя голову вперед. Глаза ее недобро шурились, — Однако жизнь на севере очень быстро остужает излишний пыл, а поэтому мы можем судить о всей серьезности происходящего здраво и взвешено. Мы бы не пришли просто так ко двору Алосты. К тому же, — добавила она, чуть заметно повышая голос, — Келерийская Гильдия испокон веков почитала богиню Хартанэ, высшую ипостась Светлого, осмелюсь напомнить вам, если вы позабыли. А посему обвинять нас в посредничестве Темной — по меньшей мере, недальновидно.

Последние слова она вымолвила, не сводя тяжелого взгляда с молодого паренька, облаченного в алые одежды. Тот заметно стусевался, побледнел, однако Мара по-прежнему ощущала его бессильную злость, напоминавшую жар раскаленных докрасна углей. Тронешь — обожжешься, да так, что кожа еще долго будет болеть и нещадно зудеть. Проще и вовсе не прикасаться. Седовласый мужчина плавно поднялся со своего кресла, небрежно оправляя складки песочного плотного шелка своего балахона, и подошел к одной из высоких медных чаш, наполненных водой. Его коса, щедро пересыпанная пеплом, спускалась толстым канатом на его грудь, и по всей длине ее перехватывали золотые и медные кольца. Мужчина неспешно закатил рукава, обнажая сухие предплечья, исписанные тонкими узорами вен, а затем искоса взглянул на женщин.

— Эллоин никогда не сомневался в лояльности и верности Келерии. Это — так же неоспоримо, как и то, что Светлый поднимает солнце с востока. И мы бесконечно ценим вашу самоотверженность и преданность в те времена, когда в мире постоянно происходят перемены. Понятия подменяются, и мы уже не можем различить, где тень, а где — свет, — он задумчиво провел кончиками пальцев по глади воды в ближайшей к нему чаше, и по ее поверхности поползли во все стороны круги, — Старая память еще хранит остатки истины, однако скоро и того может не стать.

Мара наблюдала, как мужчина опускает ладонь куда-то в сторону, к узорной тонкой ножке чаши. Приглядевшись, она увидела крохотную плоску, вырастающую прямо из медной опоры и сделанную так, что заметить ее издали было очень сложно. Сборник взял что-то в горсть, поднял руку выше и раскрыл ладонь над чашей. Ровно секунда понадобилась Маре для того, чтобы понять — у него в руке мелкой россыпью лежали кристаллы соли.

Терпко пахнуло лавандовым маслом и какой-то южной пряностью, терпкой и приторной. Мужчина разжал пальцы, и кристаллы, чуть заметно поблескивая, просыпались в воду. Зал заполнил тонкий-тонкий звук, напоминающий шелест дождя на озерной глади — только еще чуть выше и прозрачнее.

— Истинная вера подобна твердому камню, кристаллу, — он поднял повыше оставшийся на ладони кристалл, такой крохотный, что Мара едва различала его в руке соборника, да и то — лишь потому, что тот слегка бликовал на свету. — Однако ложь подобна воде, омывающей этот кристалл, и рано или поздно она растворит его, вбирая в себя все его силы, всю его жизнь. Вот так, — с этими словами мужчина уронил последнюю крупину соли в воду, и та приняла его, отозвавшись едва различимым нежным отзвуком. Он развернулся лицом к Маре и Даэн, спокойно разглядывая их обеих, а затем проговорил, — Мы не хотим, чтобы люди забыли истину и правильную веру, настоящую и живую. Веру в Светлого. В тебе, Даэн из Фаулира, она жива, она поет, и ты верой и правдой служишь старой памяти, праведной и настоящей. Ты подобна тому самому кристаллу — сколько бы тебя не давили руками люди, сколько бы тебя не истязали, ты выдержишь это давление, — он кивнул ей — однако Птица не торопилась отвечать на этот жест. Соборник перевел взгляд на ведьму, — Ты же, Мара из Гарварны, подобна той самой воде, которая рано или поздно растворит в себе любой кристалл, любой камень, присвоив себе его целиком и заставив его позабыть о том, что он был тверд и крепок. И такова же суть лжи, которую ты несешь.

Даэн непонимающе заморгала, хмуря брови. Мара лишь дернула плечом.

— Ты обвиняешь меня во лжи — да вот я не могу взять в толк, какой. Я принесла на порог вашего Собора истину, положила ее к вашим ногам — и вы же говорите мне, что я несу беду?

— Несешь, — кивнул соборник, — Конечно. Беда эта кроется в твоих руках, в твоей вере, в том, как ты касаешься энергий. Когда мы только пришли на Бар-эс-Тиллад, Светлый явил свою милость, позволив первым ведунам соединиться с Криницами Леор — источниками светлых энергий, для того, чтобы мы сумели поддержать жизнь на новой земле и помочь молодой расе встать на ноги. Светлый был с нами, помогал нам, и вскоре здесь, в Эллоине, был построен Небесный Город — там, где Криницы Леор открылись нам. Мы твердо решили идти лишь по этому пути — пути благости, света, силы созидательной и творческой, твердой и ослепительной. Мы отреклись от иных путей прикосновения к энергиям — и поступили правильно.

— И так было до тех пор, пока люди довольствовались тишью и покоем, — подхватила темноволосая молодая женщина, глядя на них темными холодными глазами, — Затем им стало мало той земли, что Небесный Город сумел обустроить, и они ушли дальше, на север и на восток... Мы говорили им, что за пределами Небесного Города искушений будет слишком много, однако никто нас и слушать не стал. Эллоин разросся, стал большим государством. Мы уже не могли охватить его, потому было принято решение разбить власть — император, оставшийся в Небесном Городе, согласился основать соборы Светлого в каждой из восьми провинций Эллоина. Однако мы спохватились слишком поздно, и к тому моменту, как начались первые постройки Соборов, недалеко отсюда первая женщина, поддавшись искушению и любопытству, соединилась с Криницей Ардаш.

— Пойдите, — Даэн перебила ее, качая головой, — Я никогда не слышала о Криницах Леор и Криницах Ардаш. Что это такое?

— Когда боги еще не умели творить миры, у них были имена, — чуть заметно улыбнулась соборница, — Об этом теперь никто и не упомнит. Светлый по рождению носил имя Леор, Темную же называли Ардаш. Криницами мы называем их сердца — ибо каждый ведун, касаясь энергий, соединяется с богами, прося их о милости. Мы соединялись с сердцем бога мудрого и сильного, через Криницы Леор. Мы знали о том, что существует и иной источник, который, признаюсь, привлекал нас: энергии Ардаш более подвижные и живые, чем энергии Леор. Однако Темная — коварна и вероломна, в руках ее лежит хаос, и им она отравляет все, к чему прикасается. Потому ведуну Эллоина отказались от соединения с Криницами Ардаш, чтобы избежать прихода тьмы. Женщина, коснувшаяся энергий Ардаш в лесах Гарварны, стала оружием в руках Темной, и вскоре после того свершился первый Излом.

Мара ощутила, как в сердце что-то звонко искрится и поет — словно Бессмертный смеялся над глупостью этих людей, над их слепотой. То, что они называли Криницами Ардаш, на самом-то деле было волшебным местом — если Мара все верно поняла. Она хорошо помнила заросший изумрудными плющами склон, сияние болотных огоньков в бархатной темноте за бахромой окаема, синие звезды в глубине древних камней — и воду, в которой отражалось движение миров и галактик. Криница Бессмертного была величайшей тайной Гарварны, звездной колыбелью и звездной усыпальницей, и едва ли соборники видели ее хоть однажды — леса слишком хорошо прятали свои секреты.

Что же было дальше? Ведьма приказала себе спрятать улыбку в уголках губ. Словно услышав ее мысли, женщина продолжила:

— К счастью, у дочери Темной хватило ума осознать то, что она сделала. Женщина вышла против Охоты и сразилась с Ярис, воплощением Темной. Скорее всего, она использовала Криницы Ардаш как-то иначе, сумев заточить Ярис на какой-то срок. Однако все было зря — хаос мира вырвался, ощутив зов первой из ведьм, и с тех пор богиня беснуется, пытаясь все переиначить, пытаясь добиться своей цели. Следом за Хэллэ — той женщиной, что осмелилась соединиться с Криницами Ардаш, в мире появились и другие: они, как и первая, тянулись к Темной, экспериментировали, пытаясь переплести энергии Ардаш и Леор и создавая новую веру, что стала водой, растворяющей даже самый надежный фундамент. Старая память крови, память веры — еще живет, а потому все люди, кланяющиеся Светлому, сторонятся вас. Однако все больше тех, кто, глядя на вас, решают, что вы поступаете правильно. И вы забираете их. Так что же, ведьма Гарварнского леса, кто из нас нуждается в большей помощи — ты, приспешница Темной и виновница Изломов, или же мы, сторонники и защитники Светлого?

Она замолчала, буравя ведьму темным взглядом, а Мара смотрела на нее и думала о том, насколько же глубоко они заблуждались, разделив мир на Темную и Светлого, поделив то, что неделимо было по своей природе. Им хотелось логичного объяснения, хотелось однобокой истины, которая смогла бы прикрыть их, спасти их религию и убедить весь мир в том, что они были правы. Однако время перемен близилось, и его поток Мара ощущала всем телом, каждой своей частичкой — так остро, словно сама была этим потоком. Усмехнувшись, она покачала головой:

— Вы баετε мне о кристаллах-правде и о воде-лжи — но ответьте мне на один вопрос: разве истинную веру, настоящую и нерушимую, может разрушить хоть что-то в мире? Разве истинную веру растворила бы вода? Творец не делит своих созданий по окраске, облику, форме — так зачем ему делить энергии, что пронизали все живое и позволили ему дышать?

Соборники переглянулись, и пожилой мужчина, стоявший у чаш, чуть нахмурил пепельные брови:

— Творец дал нам два пути — путь порядка и путь хаоса, и в тот момент, когда дороги эти были начерчены на картах наших судеб, Его воля свершилась. Мы не можем идти по двум дорогам одновременно, и не идти ни по одной не можем. Вперед или назад.

— В каждой точке нашего существования выбор есть, и каждая точка нашего существования и является Бессмертным Творцом, — Мара выпрямилась и сделала шаг к соборникам, сидящим полуколем и неприязненно глядящим на нее, — И любой наш шаг Ему угоден. Все происходит ровно так, как того желает Создатель, и Излом, и Ярис, и даже тот источник, который вы зовете Темной — это лишь Его воля. По Его воле все вершится, и я слушаю Его слово и слышу его. Вы же смотрите лишь в одну сторону и никак не можете разглядеть истины. И, раз уж слово мое — вода, почему же оно так легко растворяет вашу надежную и нерушимую веру?

— Потому что сила Темной прорастает в сердцах сорной травой, — прошипел мальчишка в алых одеждах, приподнимаясь из кресла, — И трава эта разбивает своими корнями землю, а вода подтачивает ее и размывает. Однако огонь может выпарить воду. Огнем мы сумеем выправить эту ложь. Пламенем и железом.

Мара рассмеялась:

— Вот как? Но вода тушит огонь и напитывает землю жизнью, чтобы та смогла родить всходы. А огонь ее иссушает, умертвляет, и ни единое зернышко не может прорасти в выжженной почве. А пар, рожденный соединением воды и пламени, поднимается к небу и там обращается дождем, возвращаясь на землю. Так что же еще ты, юноша, можешь сказать мне, кроме того, что совсем не знаешь истинной воли своего бога?

Паренек смотрел на нее, раскрыв рот от изумления и хрипло дыша, и Мара ощущала колкие, словно иглы, сгустки энергий вокруг него. И тут же осознание пришло к ней, такое ясное и чистое, что она и сама поразилась, почему так долго не могла додуматься до такого очевидного ответа.

Силы соборников были однонаправлены. Лишь одна составляющая жизни, белая, словно метель за окном, твердая и непластичная, жесткая и материальная, лежала в их руках и обращалась энергией. Да, они могли творить ворожбу, могли созидать, могли создавать форму — однако внутри та была пустой. Она напоминала пустую оболочку, тело, лишённое духа. Мара видела энергии иначе, не разделяя их на черное и белое, а потому ее ворожба была живой и сильной, наполненной — и они ощущали это.

— Вы завидуете нам, — тихо вымолвила она, и колючие взгляды коснулись ее лица копьями, — Всем, кто мыслит и ощущает иначе, вы завидуете. Потому что на самом деле осознаете, что мы правы, однако вам не хватает смелости на то, чтоб оставить бывшее за спиной, — она усмехнулась, чуть прикрывая глаза, — Вокруг Алосты течет река — замерзшая ныне. Когда мы подходили к ней, я ощутила энергии Бессмертного, пронизывающие все вокруг. Сначала я думала, что это — ваших рук дело, и надеялась, что вы согласитесь помочь нам в этой борьбе. Однако сейчас я поняла, что вы не способны на такое колдовство. И никогда не захотите коснуться его.

— Конечно, — светловолосая женщина сверкнула прозрачно-синими глазами, исподлобья глядя на ведьму, — Ибо это — энергии Темной. Мы хотим сохранить чистоту, хотим сберечь мир. Вы же выпустили их на волю, и потому лишь вам разбираться с Охотой — мы руки своей не приложим к этому, даже если угроза реальна. Возможно, ты

заманиваешь нас в ловушку специально, ведьма, чтобы потом нанести удар? Сама ведь рассказывала здесь нам о том, что все в мире — воля Творца, даже Темная со своими приспешниками... Что же ты противишься небесной воле и идешь против нее? Мы не купимся на это!

— Мне был дан знак, — Мара продолжала улыбаться, ощущая странную легкость и почему-то благодарность. Было ясно, что здесь им с Даэн ловить нечего, однако только что она наконец поняла, что Бессмертный даровал ей великую милость.

— Какой же? — фыркнула женщина, скреживая руки на груди. Ведьма Гарварны дернула плечом:

— Мы были в Мертволесье, и там Бессмертный позволил мне обернуться светом. Тот свет поразил темных духов, напавших на нас. Сдается мне, если бы Творцу не был угоден мой шаг по этому пути, он бы дал мне умереть, не явив даже тени своей милости.

— Это правда, — Даэн, до того молчавшая, тоже сделала шаг вперед, уверенно глядя в глаза седовласому мужчине, — Я была там в тот час и видела, что произошло, своими глазами, — помолчав, она глубоко вздохнула, прикрывая ресницы. Когда она вновь открыла глаза, взгляд ее был задумчивым и спокойным, — Птицы Келерии зовут Хартанэ, высшую ипостась Светлого, для того, чтобы справиться с темнотой. Если бы я позволила себе хоть на миг усомниться в Шестикрылой, кости мои давно бы глодал ветер. Но я жива. И я верю тому, что говорит Мара.

— Это потому, что ее ложь отравила и тебя, — мальчишка, совсем уж бледный, мелко затряс головой, — Не пройдет и луны, как ты отвернешься от Светлого! Мы вообще не должны выпускать вас из Алосты, чтоб этот яд не расползлся дальше по миру! Вас нужно заточить, а лучше — отпустить ваши души к праотцам, прилюдно, чтоб каждому была наука!

Соборники вновь переглянулись — на этот раз как-то неуверенно. Светлокосая женщина вопросительно взглянула на пожилого мужчину, и тот на мгновение заколебался. Даэн рядом небрежно положила руку на рукоять Крыла, и Мара ощутила, как вокруг Птицы золотом заиграли энергии, отвечая на ее зов.

— Попробуй, — флегматично пожала плечами ведьма, погружаясь в пустоту внутри себя. Рукам стало тяжело и как-то горячо, и вся мощь мира покорным потоком направилась к ней, послушная, но в то же время — совершенно свободная и вольная. Хранители Алосты замерли на своих местах, и на дне их расширившихся зрачков Мара видела страх, — Однако знай: ни одна из нас не пойдет в ваши руки добровольно. Трижды подумай, хочешь ли ты того.

Мальчишка тяжело сглотнул, разом осев и вжавшись в спинку кресла. Стоящий у чаш мужчина примирительно поднял ладони — нарочито медленно и неторопливо, показывая, что он не будет на них нападать.

— Мы позволим вам беспрепятственно покинуть город — вас никто не станет задерживать. Однако у Собора есть условия: вы уйдете немедленно, нигде не задерживаясь. Алоста не будет помогать вам. Точка. И будьте уверены — другие провинции также не поддержат вас. Можете уходить из Эллоина. Здесь по-прежнему отрицают ложь, которую вы несете. И, — помедлив, он добавил, — Мне очень жаль, что Келерия отныне стоит на ее стороне.

— Келерия стоит на стороне жизни и готова защищать ее ценой своей собственной, — холодно ответила ему Даэн через плечо, отворачиваясь к двери. Мара сдвинулась с места, и вдвоем они зашагали прочь к выходу из зала, в котором ныне стояла немая тишина, которую

на осколки дробило эхо их шагов.

Мир за пределами храма был бел и чист. Снег лежал всюду, и торопливые служки в темных груботканых балахонах усердно работали метлами, расчищая дорожки и ступени. Мара поглубже вдохнула морозный воздух, позволяя свежести вымести все, все-все, что только было тревожного в ее голове — все мысли и страхи, все вопросы. Да, Эллоин отказался помочь им. Да, теперь все осложнялось, и напряжение нарастало — однако Бессмертный уже не единожды явил ей себя, а потому ныне ведьма не сомневалась: в самый смутный час их не оставят.

— Что будем делать? — Даэн, спрятав руки в кожаные теплые перчатки, неторопливо спускалась вниз по ступеням Собора. Мара шла рядом, погруженная в странный пустой покой, и голос Даэн пришел к ней откуда-то издалека. Пожав плечами, Мара вздохнула, выпуская прозрачное облачко белого пара изо рта.

— Понятия не имею. Драться, Даэн. И молиться. Что еще нам с тобой остается?

— Чудесная тактика, — усмехнулась Коршун, — Впрочем, иного-то и нет. Я надеюсь, что кости, брошенные Хартанэ, на этот раз упадут так, что нам повезет.

Из-за колонны раздалось негромкое посвистывание и какой-то шорох. Инстинктивно Мара обернулась на звук: за колонной у входа в собор топтался какой-то долговязый мужичонка в смешной мохнатой шапке, что постоянно сползала на его лоб. Он отчаянно жестикулировал и махал им руками, зазывая к себе. Даэн нахмурилась, разглядывая его, а потом лицо ее вытянулось.

— Погоди-ка... Это же тот пройдоха, которого развернули на границе!..

Мара пригляделась к мужчине — и точно: перед ними стоял тот самый Тэлен, прячась в тени колонны. Женщины, не стовариваясь, направились к нему, на ходу перебрасываясь непонимающими взглядами. Когда они оказались совсем рядом, тот выступил из тени, поправляя шапку.

— Я уж думал, придется вам петь, чтоб вы услышали меня!.. Мерзейшие колдуны там сидят, вот ведь правда?.. — он покосился на распахнутые двери Собора, — Меня тоже слушать не стали. Выкинули, как паршивого пса. Какое там, какая Охота, вздор и чушь, тьфу! — Тэлен сплюнул сквозь зубы, хмуря кустистые брови. Даэн, вопросительно вздернувшая бровь, уже открыла было рот, однако мужчина опередил ее, продолжив, — Вы, небось, тоже им про Охоту баяли, да? И они вас развернули?

— Верно, — Мара разглядывала его внимательно, не зная, стоило ли доверять этому человеку или нет, — Чего ты хочешь от нас? Зачем окликнул?

— За тем, что есть у меня то, что вам надо, — Тэлен растянул сухие губы в улыбке, и столько радости в этом было, что Мара невольно прислушалась к нему сильнее: он не казался ей врагом.

— Армия ведунов? — Даэн явно была настроена куда более скептически. Тэлен, нервно оглянувшись по сторонам, поправил на плечах серые лохмотья, которые явно должны были напоминать балахоны жителей Алосты.

— Именно. Быть может, не такая большая, как вам бы хотелось, однако — есть.

Птица недоверчиво склонила голову набок, шуря темные глаза. Заметив это, мужчина поднял руки.

— Я лишь посланник. Если вам интересно, могу провести вас к Лису. Он командует всей этой заварушкой, а потому толковать лучше с ним, не со мной. Ну так что, надо оно вам?

Мара почему-то не колебалась. Бессмертный учил: где потеряешь, там и обретишь. И, если все в мире действительно обстояло так, сейчас они должны были обрести. Да и молитва Даэн могла быть услышана ее стропливой Богиней, в чьих руках лежали кости удачи. Да и терять им было нечего.

— Что ж... Покажи нам этого Лиса, — ведьма решила, делая шаг к Тэлену. Мужчина кивнул и тут же резко развернулся, поманив их рукой и пускаясь по запутанным паутинам улиц Алосты.

===== Глава 55. Последние дни =====

Из-за снега, яростно метущего уже третий час, видимость была отвратительная. Аллэи щурилась, безуспешно пытаясь разглядеть хоть что-то в белом мареве, однако терялось все — силуэты гор, тонкая нить тропы, огибающей ущелья и скалы, даже снующие на плато эльфийки, лишь чудом умудряющиеся разобраться, где чья химера. Звери нервничали, протяжно мяукая и вспарывая острыми когтями снег, били тяжелыми хвостами по воздуху, однако слушались.

Подняв край толстого шерстяного шарфа, Аллэивар вздохнула, поворачиваясь к своему зверю. Йэн мотала тяжелой головой, недовольно ворча — ей явно не хотелось уходить вместе с караваном без хозяйки, и эльфийка ныне молилась лишь о том, чтоб химера не стала показывать свой крутой нор в пути. Пушистый снег ложился на черную густую шерсть искристой шапкой, и Кайэннрэ часто моргала, стряхивая с век снежинки. Вздохнув еще раз, Аллэи смахнула белые хлопья с почти кошачьей морды и уставилась в глаза химеры. Та замерла, обращая свое внимание на женщину, и что-то осмысленное и очень ясное промелькнуло на дне ее круглых черных зрачков.

— Значит так, — Аллэи уперла руки в бока, грозно глядя на Йэн, — Это будет твое самостоятельное путешествие. Меня рядом не будет. Ты должна слушаться Лийе. Вот ее, — она, щурясь, обернулась через плечо, нашла невысокую фигурку погонщицы химер и указала на нее, вновь оборачиваясь к Йэн. Химера выглянула из-за ее плеча, глядя в указанном направлении, и Аллэивар прямо ощутила, как в голове зверя начинает зарождаться какая-то пакость. Легонько хлопнув Йэн по носу, эльфийка нависла над ней, заставляя химеру обратить на себя внимание, — Не вздумай. Только попробуй что-то выкинуть — я тебе так хвост накручу, что мало не покажется!

Химера тихонько заворчала, прижимая круглые уши к голове и недовольно косясь на маячущую за спиной Аллэи Лийевар. Кошка не любила чужих и всегда старалась извернуться так, чтоб обеспечить всем окружающим веселую жизнь. Обычно Аллэивар не особо вмешивалась в это, предпочитая наблюдать со стороны да посмеиваться себе тихонько, но сейчас химеры небольшими группами перетаскивали из Лореотта в Аэль-Роадан всевозможную утварь, тюки с оружием и материалами, запасы еды — все, что должно было забрать с собой. Выносливые звери могли тащить тяжеленные вьюки куда быстрее пеших подвод, однако из-за погодных условий Шеде пришлось разбить всю подводу на несколько групп, поставив во главе каждой одну из самых опытных Ищущих. Лийе была одной из них, Лийе учила саму Аллэи, и именно она помогла ей преодолеть страх после того, как молодая Йэн разодрала ей лицо. А потому эльфийке не хотелось, чтобы зверь учудил что-нибудь не к месту.

— Слушайся Лийе! — она подхватила тяжелую голову химеры, вперивая взгляд в круглые глаза-плошки. Йэн попыталась вывернуться, но Аллэи держала крепко, — Когда вы вернетесь, я снова буду с тобой, и никто другой тебя и пальцем не тронет. У тебя — очень,

очень важное задание. Не подведи меня, ушастая.

Она чуть дернула мохнатое ухо зверя, и тот тут же игриво вывернул шею, пытаясь дотянуться зубами до руки Аллэи — впрочем, эльфийка знала, что Йэн не укусит. Запустив пальцы в густой мех, Ищущая потрепала химеру по холке, а затем принялась проверять, надежно ли были укреплены вьюки на ее спине. Все узлы она завязала накрепко — однако предосторожность лишней не бывает. Химера топталась на месте, наблюдая за ее манипуляциями и норовя ухватить ее за край черного рукава. Когда острые клыки прикусили выделанную ткань чуть больше, чем ощутимо, Аллэи отвесила ей оплеуху по толстому меховому заду, и Йэн обиженно взвыла, коротко и протяжно.

— Да уймись ты! — рявкнула Ищущая, на всякий случай перетягивая вьюки еще одним ремнем. Позади раздался смешок, и Аллэи, покончив с узлами и креплениями, выпрямилась и развернулась, чтоб встретиться взглядом с подошедшей к ним Лийе.

— Как была непокорной, так и осталась, — невысокая женщина, скрестив руки на груди и шурясь от нещадной метели, глядела на химеру. Почему-то Аллэи ощущалось одобрение в ее позе и в том, как она смотрела на Йэн. Химера принюхалась, что-то недовольно ворча и шевеля длинными усами, и Лийевар спокойно протянула к ней раскрытую ладонь, переводя взгляд на Ищущую, — Вы друг друга стоите, что сказать.

— Это правда, — хмыкнула Аллэи, стирая снег с ресниц, — Ты точно справишься? Метель усиливается.

— Обижает, — Лийе мотнула головой так, что с заплетенных в мелкие косицы волос посыпались снежинки, — И не в такие бури ходили. Зверей-то немного. Я в голове пойду, Келе — в хвосте. Справимся.

Аллэивар кивнула, отстраненно наблюдая, как Келевар начинает строить зверей, перекрикивая вой ветра над ущельями. Лийе, бросив на нее короткий взгляд, вновь повернулась к Аллэи, размашисто хлопнув женщину по плечу.

— Ну, бывай. Передай Шеде, что четвертая подвода ушла. Надеюсь, что метель не слишком нас задержит, — она вскинула взгляд на небо, занавешенное снежными вихрями, и чуть нахмурила пушистые брови, — Если повезет, вернемся к завтрашнему вечеру — пускай пока снаряжают остальных.

— Я передам, — Аллэи отступила на шаг назад, на прощание чуть склонив голову и коснувшись костяшками тонкой тесьмы на своем лбу, — Доброй дороги, Лийе. Пускай Небо поможет вам в пути.

— Это было бы крайне кстати, — ухмыльнулась эльфийка, а затем неторопливо зашагала туда, где начиналась голова подводы — там в нетерпении месила мощными лапами снег ее химера, ожидая свою хозяйку. Йэн нехотя поплелась за ней — естественно, косясь на Аллэи с такой обидой, что эльфийка не удержалась от смешка: характер у зверя был тот еще. Потом наверняка долго придется задабривать ее.

Подвода тронулась с места — за завесой снегопада Аллэи видела темные пятна, быстро теряющиеся из виду во вьюге. Келевар, замыкающая строй, взобралась на свою химеру и, отсалютовав Ищущей на прощание, направилась следом за остальными, за несколько мгновений нагнав их. Аллэивар осталась на плато в одиночестве. Некоторое время она еще силилась разглядеть ушедших за снежными вихрями, а затем неспешно побрела ко входу в пещеры, на ходу стряхивая снег с макушки и плеч.

На душе было пусто — так же, как и в темных коридорах подземелий. Сборы шли полным ходом, и все, что оставалось ей — так это молча сжимать зубы и в который раз

проверять, все ли надежно запаковано, не забыли ли чего в том или ином секторе, увезла ли очередная подвода часть щитов... Все это было больно, до того больно, что Аллэи о стену хотелось биться — не таким она представляла свой уход из дома. Не так. Молодые девчонки не знали, радоваться им или печалиться, и целыми днями слонялись по городу, что начал пустеть: детей увезли вместе с первой подводой и несколькими Смотрящими, и те уже начали обживать в Аэль-Роадане. Дети постарше — те, кому было больше пятнадцати зим, еще были в Лореотте, помогали старшим с подготовкой подвод и сборами, и Аллэивар неоднократно видела, как задумчиво они озираются вокруг, словно пытаясь что-то понять для себя, почувствовать... Сейчас Дом Смотрящих опустел, и девчонок переселили в общие казармы, где Ищущие, воины и разведчицы, могли поддерживать их и занимать их вечера прибаутками да байками. Однако не раз и не два она видела их в самых дальних уголках города, на самых высоких мостах и в самых укромных беседках — и успевала заметить их золотые заплаканные глаза. Никому из них не хотелось покидать дом вот так.

Шедавар объявила о том, что беда скоро настигнет их, сразу же после своего возвращения в Лореотт. Королева собрала всех на Площади Огня и держала слово — Аллэи до сих пор помнила, какая тишина стояла, когда Шеда говорила. Помнила и мурашки, расплзающиеся по плечам от силы ее слов, помнила и крики эльфиек. Кричали разное — сама Аллэивар, как и все Ищущие поддержала королеву, став на ее сторону сразу же. Молодые разведчицы, уже изнывающие от предвкушения и желания отомстить диким духам за своих сестер, тоже выкрикивали имя Шеды до хрипоты. Всем остальным пришлось подчиниться воле королевы лишь потому, что опасность была реальной, настоящей и осязаемой, и все они ощущали ее. Тем более что ведьмы сами подтвердили — в течение нескольких дней Лореотт будет разрушен.

Больше всего Аллэи страшилась, когда Шедавар попросила одну из Знающих подтвердить ее слова — до того меж собой ведьмы хором винили Ивушку в том, что произошло с Лореоттом. Ищущая теперь повсюду ходила вместе с девочкой, чтобы защитить ту от горящих ненавистью взглядов Знающих, и от того, что они могли сделать с ней. К чести Шеды, королева сама пришла в Дом Знающих и там провела беседу с эльфийками, строго-настрого запретив им хоть одним словом обмолвиться о том, что колдовство залесок в город пришло через Ивушку. Ведьмы уважали Шеду — да и Слепая Мэг вправила им мозги — однако Аллэи все равно переживала за девочку и внимательно следила за тем, чтоб никто ее не обижал. Знающие покинули город вместе со второй подводой — лишь трое из них остались здесь, в Лореотте, при старой эльфийской ведьме, чтобы помогать ей и поддерживать ее силы. Они безвылазно сидели в ее пещере, а потому ныне стало легче — Знающие сдержали слово и не стали распространять никаких слухов, а потому все остальные эльфийки относились к человеческой колдунье с теплом.

Правда, сама девочка ощущала себя не слишком-то хорошо — Аллэи чувствовала это нутром, однако ничего не могла сделать. Ивушка винила себя во всем случившемся, сколько бы с ней не беседовала сама Аллэивар, или Шеда, или Слепая Мэг. Она грустила, часте молчала или тихонько пела странные песни на незнакомом Ищущей языке. Аллэи очень хотела помочь ей — однако сама не знала, как, а потому просто находилась рядом с девочкой практически все свое время, готовая в любой момент выслушать ее и поддержать. Все они сейчас должны были поддерживать друг друга — слишком много грусти теперь разлилось в подземельях Лореотта.

Нижний ярус пустовал уже практически полностью — жилым оставался лишь сектор

рядом наземными казармами. Со стороны подвешенной тренировочной площадки слышался какой-то шум — наверное, девчонки снова тренировались: все же пока еще деревянные тяжелые шесты никто не увез, и все эти маленькие дыры уже мечтали поскорее выйти на свою первую битву и намять бока всем окружающим. Естественно, зеленых необученных детей Шеда вести против диких не собиралась — но они мечтали, мечтали так живо и остро, словно эти мечты отныне стали единственным лекарством от черной тоски по умирающему городу. И этого у них не мог отнять никто. Вздохнув, Аллэи огляделась по сторонам. У кузниц без дела болтались Ищущие, переговариваясь о чем-то своем, и идти к ним ей совершенно не хотелось. Оставались верхние ярусы, на которые она предпочитала выбираться ближе к ночи, Дом Королевы, при одной мысли о котором она содрогалась, и площадка. Махнув рукой на все смурные мысли, Аллэивар неторопливо направилась к подъемнику.

На площадке у веревочного плетения, предохраняющего особо рьяных юных воительниц от падений, сидели маленькой группкой молодые эльфийки — и вместе с ними была Ивушка. Весь отряд внимательно следил за тем, как по плацу двумя быстрыми птицами кружили Ищущая Фела и Ищущая Ниав, вторые разведчицы клана Вар. Аллэи, скрестив руки на груди, остановилась возле девчонок и с усмешкой воззрилась на сражающихся на тренировочных шестах эльфиек. Фела была куда более опытной, чем Ниав, но проигрывала ей в росте и силе, а потому все больше уворачивалась и старалась вымотать соперницу скоростью. Девчонки каждый раз восхищенно выдыхали, когда шесты с громкими щелчками сталкивались, неизменно встречая сопротивление. Видимо, пока что еще никто никого не задел.

Ватары, молодая Ищущая — самая пакостная из младшего отряда, доставшегося Аллэи, наклонилась поближе к Ивушке, дергая ту за рукав, и громко зашептала:

— Ниавар просто ждет, на самом деле. Вот увидишь, Фела не победит ее!

— Я бы так не была уверена, — негромко проговорила Аллэи — так, чтобы девочки ее услышали. Все они, как одна, повернули головы к ней, и на миг среди их золотых совиных глаз Ищущая различила теплый радостный огонек на доньшке каре-зеленых радужек. Вновь щелкнули шесты, и девчонки тут же развернулись, жадно глядя на тренировку старших.

Аллэи хорошо знала Фелу — та была невысокой и даже могла бы называться хрупкой, если бы не хорошо развитые мышцы ее рук и плеч. На правом, вспарывая всю руку до самого локтя, виднелся длинный старый рубец, побелевший от времени. Фелавар была погодкой Аллэи, и Ищущая прекрасно знала ее стиль. У Ниав, на самом-то деле, шансов практически не было: противница будет уворачиваться до тех пор, пока уставшая Ниавар не совершит какую-нибудь ошибку, пускай даже абсолютно незначительную, пока не откроется и не даст ей шанс.

Так и вышло: замешкавшись, Ниав слишком далеко завела шест, перехватывая его одной рукой для замаха — и Фела воспользовалась этим, резко уклоняясь в сторону, чтоб ударить в незащищенный бок. Разведчица разгадала ее маневр и попыталась вывернуть кисть так, чтоб отбить шестом удар, однако Фелавар оказалась быстрее ровно на одну секунду. Вместо звонкого щелчка раздался прерывистый вздох, а затем Ниав опустила тренировочное оружие, кривясь от боли и потирая солнечное сплетение. Аллэи помнила, что удар у Фелы был сильным, а потому в глубине души посочувствовала молодой Ниав. Девчонки засвистели и закричали, поздравляя победительницу и подбадривая проигравшую. Разведчицы пожали друг другу руки, и Аллэивар видела на их лицах слабые тени улыбки.

— Ишь, сколько зрителей набежало, — Фела, чуть прищурившись, оглядела стайку молодых эльфиек, добродушно ухмыляясь, — Что, работы нет вам?

— Да сколько же работать, Вторая Фелавар?! — возмущенно всплеснула руками Ватари, — Отдыхать ведь тоже надо!

— Я смотрю, вам уже довольно, — подхватила Ниав, опираясь на шест и улыбаясь, — Как и нам. Так что давайте, марш отсюда. Тренировка у вас вечером, если я не ошибаюсь, — она подняла взгляд на Аллэи, — Твой?

— Мои, — кивнула Ищущая, чувствуя, как в груди слабым эхом отзывается гордость. Давно ли она сама была молодой зеленой девкой, которая постоянно роняла тренировочное оружие и убегала по всей площадке от хохочущих старших? И давно ли она сама начала муштровать подрастающие поколения, выколачивая из них всю дурь и спесь и вбивая понимание того, что такое мастерство?

— Ну вот, — Фела неспешно подошла к стойке с тренировочным оружием, пристраивая шест на место, — Так что, мелюзга, брысь с площадки. Вечером вас тетушка Аллэи отходит знатно. Глазами похлопали — и будет.

Девочки занули было, но Ниав лишь вздернула пепельную бровь, небрежно постукивая шестом по раскрытой ладони. Поворчав немного, молодые эльфийки принялись подниматься, отряхиваясь от мелкого песка и тихонько жалуясь друг другу на несправедливость старших. Ниав и Фела, переглянувшись, тоже направились прочь с площадки, остановившись возле Аллэи перемолвиться парой слов. Вскоре на подвесной площадке не осталось никого, кроме Ищущей — да Ивушки.

Она стояла у веревочного плетня, тонкая и невероятно хрупкая. В Лореотте ее переодели, отмыли, вынули из длинных мягких волос увядшие ивовые прутьики, и Аллэи даже изумилась, увидев ее впервые после их возвращения в подземный город: Ивушка совсем не походила на маленькое болотное чучело с огромными испуганными глазищами. Черты ее лица оказались нежными и тонкими, мягкими — но уже совсем не детскими. Темно-зеленые залесские рисунки огрубляли ее, делали жутковатой, а потому без них она больше напоминала молоденькую княжну, чем колдунью. Еще она не была похожа на тавранок — сильных, жестких и мощных даже на вид. Аллэи вспоминала Птицу Даэн с ее четко очерченными скулами, гордым профилем и железной линией крепких плеч, и никак не могла увязать в своей голове то, что в Ивушке тоже текла тавранская кровь.

Аллэивар неспешно подошла к девочке, мягко улыбаясь ей: все же она оставалась диковатой и напуганной даже теперь, когда молодые эльфийки всюду таскали ее за собой и признавали как свою.

— А ты чего не со всеми?

— Да если бы работу какую они мне в руки давали... — девушка вздохнула, чуть хмуря светлые бровки с едва заметным изломом, — Все говорят, что тяжело мне будет тюки таскать, не разрешают. Вот я и хожу за ними, как пес, в глаза заглядываю, жду, когда можно будет что помочь.

Последнее прозвучало совсем уж грустно. Аллэи рассудительно заметила:

— Ну, они всю жизнь свою тренируются, с самого детства. Ты не привычная к такому — они всего лишь заботятся о тебе, — она попыталась максимально смягчить свои слова, чтоб не обидеть ее. Ивушка снова вздохнула:

— Я знаю, знаю, и не обижаюсь совсем... Просто, — она чуть замялась, а потом подняла глаза на Аллэивар, и что-то очень решительное промелькнуло на их дне, — Просто

я тоже могу, правда! Мне не сложно и вовсе не тяжело. Это — единственное, что я могу сделать взамен... — она запнулась, опуская голову. Аллэи знала, о чем она думала — в который раз, а потому подошла еще ближе и чуть приподняла ее лицо за подбородок, заглядывая в грустные глаза.

— Эй. Я уже говорила. Ты ни в чем не виновата. Запомни это, пожалуйста. Все свершилось так, как должно было свершиться — а потому не кори себя, ладно?

Голос ее звучал совсем тихо, но Ивушка слышала ее. Она все пыталась отвести глаза, но Аллэи буквально заставила ее поднять взгляд, осторожно, но крепко удерживая ее лицо.

— Не кори себя, — повторила она, ободряюще улыбаясь девочке, — Ты спасла меня. И королева, и Слепая Мэг подтвердили твою невиновность. Нужен был толчок — и он случился. Быть может, не так, как все мы ждали — однако Небо всегда дает то, о чем ты просишь его. Мы просили перемен — и они настали. И я очень рада, что ты тоже стала частью этих перемен. Все свершилось правильно.

— Но здесь так красиво, — Ивушка все же вывернулась из ее хватки, тоскливо озираясь по сторонам, — Это же ваш дом... И совсем скоро всей этой красоты не станет. Это же больно, Аллэи.

На миг Ищущая растерялась, став столбом и не зная, что ей ответить. Безусловно, Ивушка была права. Падение Лореотта нависло над ними такой тяжестью, какой они раньше не ведали, и это действительно было больно. Пока еще Аллэивар, как и все остальные, смутно видела их быт на земле, их дальнейшую жизнь, историю их племени. Однако все вершилось здесь и сейчас, и у них было два пути: остаться здесь и навеки уснуть в темноте пещер — или же драться, выгрызая собственное право на жизнь и побеждать. И Аллэи свой выбор сделала давным-давно.

— Да, это больно, — она опустила руку, внимательно разглядывая молодую залеску, — Но кто мешает нам сотворить новую красоту?

Ивушка некоторое время обдумывала ее слова, а затем неуверенно кивнула, словно понимая все не до конца. В конце концов, девочка, ты ведь выбрала то же самое для себя. И поступила правильно. Ценой за новое должна быть смерть старого. Аллэи полушутливо взглянула на нее, вскидывая бровь.

— Ну что, будешь еще страдать и мучиться?

— Нет, — поколебавшись, Ивушка мотнула головой, от чего льняные пушистые прядки ее волос колыхнулись, путаясь с несколькими тонкими косицами, заплетенными поверху. Задумавшись еще на миг, она опустила глаза, а на щеках ее выступил легкий румянец, — Вернее, я постараюсь не думать об этом.

Аллэивар закатила глаза — Ивушка была неисправима.

— Не старайся, а делай. Ну что, пойдешь за девчонками? Они уже далеко удрали, — она махнула рукой в сторону подъемников, но Ивушка вдруг совсем замаялась, неловко теребя длинный рукав болтающейся на ней эльфийской белой рубахи, то и дело сползающей с острого плеча, — Ну? Чего мнешься-то? — Аллэи широко улыбнулась — несмотря ни на что, Ивушка иногда напоминала ей совсем еще ребенка. Девочка подняла на нее неуверенный взгляд и переступила с ноги на ногу.

— Аллэи, я... я хотела попросить. Я с тобой побуду, можно?

— Можно, конечно, чего же нельзя? — эльфийка пожалала плечами. С Ивушкой было легко — она не мешалась, не путалась под ногами, и почему-то в ее присутствии Аллэи ощущала себя спокойно, — Несколько часов у меня еще есть. Хм... Город я тебе уже весь

показала, мы с тобой всюду носы сунули. Чем же тебя занять?

Вопрос был задан просто так, особо никому не адресованный. Ивушка снова неловко затопталась, а потом бросила быстрый взгляд куда-то в сторону. Аллэивар инстинктивно обернулась туда, а затем удивленно воззрилась на девочку.

— Что, серьезно?..

— Я не настаиваю, — нахохлилась та, мигом превращаясь в глазах Аллэи в обиженного котенка, — Мне... мне интересно просто. Если можно, конечно.

— Ну, отчего же нельзя... — Ищущая, недоверчиво поглядывая на Ивушку, направилась к стойке с тренировочным оружием, — Но учти — оно тяжелое.

— Я знаю! — возмущенно огрызнулась девочка — впрочем, огрызаться она едва ли умела. В молодых отрядах попадались такие языкатые, что по сравнению с ними Ивушка была святой. Аллэи хмыкнула, вынимая из стойки пару шестов и взвешивая их на ладони. С сомнением взглянув на Ивушку, она иронично прищурила единственный целый глаз, растягивая губы в улыбке.

— А пополам не переломишься?

Ивушка, сердито зыркнув на нее, подошла ближе, рывком забирая один из шестов из ее руки и отходя назад. Аллэи с трудом сдержалась от хохота: вот ей-богу, точно котенок. Шерсть вздыбилась, зубки оскалила, шипит — хоть и едва научилась на лапах крепко стоять. На мягком мелком песке оставались следы ее босых ног — она разулась, оставив высокие сапожки у веревочного плетня, и теперь Аллэивар видела ее тонкие щиколотки и аккуратные икры, едва намеченные под прозрачной кожей. И вот куда тебе драться-то? Ивушка развернулась к ней, решительно, но в то же время как-то робко перекладывая шест в правую руку. Ищущая, с интересом наблюдая за ней, неторопливо подошла поближе, поводя плечами. Это было как минимум любопытно.

— Ну, что ж... — эльфийка расслабилась, чуть приподнимая уголок губ в усмешке, — Нападай.

— Сразу? — Ивушка с сомнением вскинула брови, недоверчиво глядя на Аллэи. Та кивнула.

— Конечно. Как же иначе? Хотела потренироваться — давай начнем.

Ивушка кивнула, выдыхая, а затем, к вящему удивлению Аллэи, стала в боевую стойку, держа шест прямым хватом, чуть припадая на согнутые колени и развернувшись к Ищущей полубоком. Аллэивар не видела таких позиций, а потому интерес ее возрос еще больше. В Залесье их тренировали, что ли? Она ждала, спокойно наблюдая за девочкой, а затем та вдруг распрямилась пружинкой и сделала резкий рывок вперед.

Это было приятно — девчонка оказалась юркой и быстрой, хоть и силенок ей не доставало явно. Тактика ее была разумной, правда, на вкус Аллэи, слишком замудренной — Ивушка делала много обманных маневров, предпочитая путать боевой рисунок. С одной стороны, это помогало ей: она быстро ориентировалась и умудрялась выиграть время, пока Аллэивар по инерции пыталась отбить ложный удар. А с другой стороны, ей не хватало силы в кистях рук, а потому жесткость в ее атаке отсутствовала напрочь, что играло на руку Ищущей. Эльфийке стало интересно, кто натаскивал девчонку — для того, чтоб мастерить сложный боевой рисунок, нужна была определенная выучка, и Ивушке в этом плане повезло. Недостаток тренировок тоже, правда, был заметен: совсем скоро она начала уставать и делать много ошибок, которые в настоящем бою могли бы стать смертельными. Аллэи медлила, сознательно давая ей шансы задевать себя — и Ивушка пользовалась этим, нападавая

с большим энтузиазмом. Она кружилась волчком, открывая бока и спину, била, забывая ставить защитные блоки, уклонялась, слишком далеко уводя шест — но Аллэивар лишь наблюдала. Если ударить сейчас, урок она так и не усвоит. Нужна была по-настоящему грубая ошибка, и эльфийка не сомневалась в том, что девочка ее сделает.

И точно: она сделала выпад вперед, полностью открывая левый бок, и в тот же миг Аллэи одним коротким, но мощным ударом выбила шест из ее руки, а затем, перехватив тренировочное оружие ближе к концу, уперла его прямо в середину груди Ивушки, заводя свободную руку за спину девочки и подталкивая ее под лопатки вперед. Ивушка непонимающе заморгала, чуть заметно скривившись от осязаемого укола шестом, и Аллэи усмехнулась, нависая над ней.

— Урок первый. Контролируй собственное тело. Всегда, даже самое мелкое движение. Ты должна ощущать, как работают твои мышцы, и полностью контролировать себя, чтоб вовремя уйти из-под лезвия, остановить удар, вовремя ударить. На поле боя тебе нельзя — вынесут сразу же.

— Но я столько раз задела тебя! — Ивушка вновь сморгнула, и в голосе ее послышалась почти детская обида, — Я могу сражаться, как и ты! Я была быстрее тебя, и ты попала лишь единожды, а я...

— Это потому, что мне так хотелось, — Аллэи склонилась над ней еще ниже, лукаво глядя в огромные глаза. Ивушка была меньше ее на целую голову, и плечи ее были совсем узенькими, тонкими — а еще она очень забавно сердилась, — И ни на какую битву тебе нельзя. Как и всем моим мелким, впрочем.

— Почему нельзя?! — она возмутилась, совсем не обращая внимания на то, что Аллэи по-прежнему держала ее в тисках. Если бы это был настоящий меч, ты давным-давно истекла бы кровью и сейчас напоминала бы мотылька, насаженного на шпильку.

— Потому что сражаешься ты неважно, маленькая кикимора, — беззлобно рассмеялась Ищушая, — Вот подучись немного — и вперед, за славными подвигами и героическими свершениями.

— Но война идет сейчас! — горячо возразила ей Ивушка, инстинктивно упираясь маленькими кулачками в грудь Аллэивар. Глаза ее сверкали, — И я хочу сейчас идти вместе с вами! Сражаться против этих чудовищ! Это правильно, это — единственно верное, что я могу сделать! Я хочу биться рядом с тобой, и...

Она осеклась, когда Аллэи, мягко рассмеявшись, покачала головой.

— Лучше уж жди меня в Аэль-Роадане с горячей мясной похлебкой, хорошо? После всяческих потасовок есть хочется — страх, да и в поле вряд ли мы сытно будем обедать. Так что у тебя будет ответственное задание, хорошо?

Ивушка вдруг как-то странно втянула носом воздух, а на щеках ее зацвел румянец прежнего румянец. Аллэи поняла, что фраза прозвучала не очень-то однозначно, и почему-то сама смутилась.

— Хорошо, — тихо выдохнула Ивушка, отводя глаза и опуская длинные пушистые ресницы. Аллэи осознала, что так и стоит столбом, держа девочку почти что в объятиях, и тут же осторожно отступила на шаг, неловко убирая руки. На левой ладони осталось ощущение тепла, исходящего от ее кожи, а кончики пальцев помнили мягкие холмики чуть выступающих позвонков под тонкой тканью.

— Вот и славно, — пробормотала Аллэи, откашливаясь, чтоб разогнать внезапно севший голос. Ивушка тоже отшатнулась от нее, опуская голову и так и замерев недвижимым

деревцем в безветренную погоду. Эльфийка, придя в себя, нагнулась, подхватывая выбитый шест, и нарочито весело заметила, — Но вообще — ты молодец. Ты быстрая, верткая. Силенок маловато, конечно, но в целом — очень неплохо. Где ты училась?

— Немножко тренировалась в Залесье, — Ивушка, справившись с каким-то странным оцепенением, неуклюже развела руками, стараясь не встречаться глазами с Аллэи, — Нас тоже натаскивали. Как запасных.

Аллэивар, пристроив шесты, обернулась к ней, внимательно разглядывая ее.

— Забавно... — девочка вопросительно приподняла брови, чуть склонив голову набок, и Ищущая продолжила, чуть заметно улыбаясь, — Девочка из Залесья — региона, добровольно примкнувшего к рядам Охоты, ныне говорит о том, что хочет сражаться против нее.

Ивушка некоторое время молчала, по привычке теребя рукав рубахи, а затем вдруг выпрямилась и, открыто и искренне глядя на Аллэивар, твердо произнесла:

— Потому что я не хочу быть на ее стороне. Никогда не захочу. Верить мне? — последнее она спросила с такой надеждой, так горячо, что эльфийка даже вздрогнула — столько силы сейчас было в этом маленьком существе, столько отчаянной веры и стремления. Тепло улыбнувшись ей, Аллэи подошла к ней поближе и легонько приобняла ее за плечи, ведя к мосту, переброшенному от площадки до основного массива сталактитов.

— Верю, — абсолютно серьезно ответила она, а затем улыбка ее стала еще шире, — Но я уже сказала — твоя главная битва будет в Аэль-Роадане, моя маленькая кикимора. И ты попросту обязана ее выиграть и дожидаться меня с мясной похлебкой. И чтоб никаких глупостей, договорились?

Ивушка подняла лицо к ней, и Аллэи вдруг увидела в ее глазах что-то мягкое и теплое, ласковое, напоминающее затаенную нежность. И от этого взгляда на нее почему-то накатила странная приятная слабость — и вместе с тем растерянность: на нее так никогда не смотрели.

— Договорились, Аллэи.

Голос ее был тихим, а контур мягких губ — красивым. Аллэи поняла, что взгляда не может оторвать от них, а потому тряхнула головой, прогоняя прочь пришедшее так некстати видение. Ты уже вообще с ума сошла, Аллэи. Ты — взрослая женщина, Защитница племени, а течешь слюнями на вот это создание? Давай, опомнись. Она спасла тебя, и ты за нее отвечаешь — по крайней мере, до тех пор, пока она находится в клане. Остальное — твои глупые домыслы, так что уймись и слюни-то подбери. Нечего дурака валять. Они шагали вдвоем по мосту через пропасть, и вокруг было тихо — только внизу гомонили Ищущие, и молодые разведчицы сновали, перетаскивая громадные свертки поближе к коридорам, чтоб быстро сформировать пятую подводу. Поразмыслив немного, Аллэивар скосила взгляд на Ивушку, молчаливую и сжавшуюся почему-то.

— Знаешь что? Пойдем-ка — нужно разобраться в казармах, там больно много барахла сложено. Сама я не управлюсь. Поможешь мне?

Ивушка, судя по всему, сначала не поверила своему счастью, а потом радостно закивала, и лицо ее осветилось солнечной улыбкой. На душе у Аллэи было как-то хорошо — несмотря ни на что. Они привыкнут. Они обязательно привыкнут к этой новой грядущей жизни вдали отсюда, под синим небом, на плодородной земле. У них оставались маленькие простые радости, у них оставалось еще несколько дней, чтоб успеть попрощаться с Лореоттом — и нельзя было тратить эти дни на черную тоску. Ищущей вдруг захотелось, чтоб город

запомнил только самое лучшее: гогот и топот молодых девчонок, носящихся по узорным перекрытиям в глубине галерей, общие собрания, когда сладкое летнее вино лилось рекой, и костры горели высоко-высоко, отражая пляску теней; байки в казармах, тихие вздохи и стоны глубокими темными ночами, их битвы и их победы, их смех, их слезы, их первые синяки и первые страшные раны. А еще — чтоб он запомнил искорки счастья в глазах человеческой девочки, узнавшей его на самом закате его долгой и славной жизни.

===== Глава 56. Улыбка Хартанэ =====

День, тянувшийся немислимо долго — словно целый век, медленно полз к концу. Где-то далеко на западе, у подножий Гряды Эльги, разыгралась буря — Меред чувствовала ледяные порывы ветра, все же дотягивающиеся до нее холодными руками. Снежный шторм был в сотнях верст отсюда, однако Птица, чуткая к переменам погоды, всегда ощущала мир остро, и сейчас зябко ежилась, пряча пальцы в рукава. Сумерки, наползающие со стороны гор, стелились по земле девичьей вуалью, и тени сплетались со снежинками, поднятыми со склонов. Меред видела, как эта мглистая пелена устилает холмы на сотни верст вокруг и медленно опускается на город, делая его каким-то темным и совершенно чужим.

Они обошли уже почти весь город, исходили его вдоль и поперек, но ни следа таинственных ведунов Меред не обнаружила. До нынешнего времени ей не приходилось использовать Дар Хартанэ для того, чтобы отыскать кого-то, в ком пели бы колдовские силы — и теперь она слишком сильно переживала из-за того, что может не получиться. Что, если я что-то делаю не так, Хартанэ? Это уже второй город — и никакой зацепки, никакого крючка... Помоги мне, милостивая — подай хоть знак, что Ты со мной, и что я на верном пути!

Конечно, можно было бы попросить Тэаргу о помощи — однако сама мысль об этом претила Меред. Сумрачная ведьма тенью следовала за ней, и отвязаться от нее Птица не могла: всякий раз, когда она осторожно заводила разговор о том, что их дороги ныне должны бы разойтись, эльфийка лишь приподнимала уголки губ в улыбке и отвечала, что она всего лишь путешествует и не виновата в том, что пути у них пока совпадают. Меред сжимала покрепче зубы и терпела присутствие этой женщины, и это не прибавляло ей никакой радости. По сути, дело обстояло именно так, и Тэарга была права.

Настроение ближе к ночи стало совсем поганым — городишко с незаурядным названием Белокаменец тоже оказался пустым, в харчевне мест не было, а на постой их никто не взял. Люди здесь были какие-то хмурые, и потому, когда Меред решила попытаться счастья и постучалась в первую попавшуюся дверь, угрюмый хозяин лишь бросил один взгляд на Тэаргу, а затем отрицательно покачал головой и захлопнул дверь прямо перед носом у Птицы. Та же ситуация повторилась еще несколько раз, и на шестой Тэаргавар окликнула ее.

— Оставь — нас никто не пустит. Нужно покинуть город. Устроим ночлег за стеной — все равно метели нет, и мы сможем более-менее комфортно устроиться.

— Что может быть комфортнее заметенного снегами поля и ветра за шиворотом, действительно? — не удержавшись, съязвила Меред, обреченно отступая на шаг от крыльца. Если бы не Тэарга, наверняка ее хоть кто-то да впустил бы — но как только горожане видели закутанный в свободное пальто силуэт ведьмы, от которой на версту веяло холодом, желание помогать незнакомцам тут же пропадало. И Птица вполне понимала это: никому не хотелось подвергать семью возможной опасности.

— Других вариантов я не вижу, — флегматично заметила эльфийка. В темноте она

походила на плакальщицу — в Паррене за мертвыми всегда ходили женщины, покрывавшие головы черными платками, да так, что лица видно не было; больше всего они напоминали саму смерть, и маленькая Меред боялась их пуще всего остального. Сейчас ее тоже передернуло: край длинного пальто полоскал сильный ветер, но капюшон ни разу не упал на плечи Тэарги. Казалось, что темнота вокруг ведьмы куда гуще и осязаемей, чем за несколько саженей от нее. Справившись со странным оцепенением, на миг сковавшим плечи, Меред проворчала:

— Другие варианты были бы, госпожа, если бы ты согласилась открыть лицо. Возможно, люди...

Тэарга вдруг коротко хохотнула — Меред даже замерла: до того она никогда не слышала, как эльфийская ведьма смеется. Звук этот прошелся холодком по рукам, вцепился морозом в загривок, и Птице отчаянно захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда. Голос Тэаргавар тоже ее пугал — он напоминал шепот теней из тех странных снов, которые и кошмарами не назовешь, но которые заставляли замереть все внутри в немом беспокойстве. Впрочем, проще было найти, что в колдунье ее не пугало.

— Ты ведь знаешь, кто я, Птица Меред, — ведьма подошла чуть ближе — ровно настолько, чтоб Меред смогла увидеть ее улыбку. Она подняла тонкие руки, и на миг девушке показалось, что сейчас она сбросит капюшон — но та лишь играючи провела хрупкими пальцами по самому краю ткани, расшитому вдоль темной рунической вязью. Жест этот был дразнящим, и Птица едва не отшатнулась прочь, — Как ты думаешь, приняли бы нас более радушно, если бы они увидели это своими глазами?

Меред и сама поняла, что сморозила глупость. Она и сама испытывала какой-то суеверный страх перед Рожденными Луной — это даже не было связано с самой Тэаргой. Просто где-то в подкорке лежало знание, что таких нужно сторониться, и Меред ничего не могла с собой поделать. С другой стороны, она ведь сумела как-то привыкнуть к желтым глазам эльфиек — почти звериным, внимательным, — к их бледной коже и почти бесцветным волосам, что казались седыми... Тэаргавар вряд ли была страшнее их. Впрочем, любопытство не настолько съедало Птицу, чтоб она попросила колдунью все же показать лицо.

— Ты не можешь навести на себя морок? — хмуро поинтересовалась Птица, в глубине души зная ответ. Тэарга покачала головой.

— Нет. Морок изменил бы черты моего лица, затенил бы цвет волос — но глаза остались бы прежними.

— Тогда я вообще не понимаю, что мы делаем и зачем, — в сердцах выдохнула Птица, взъерошив ладонью жесткие волосы и устало прикрыв глаза. Дамала ничего не сказала ей: не дала конкретного места, где искать ведунов, не поведала, как вообще это сделать... У Меред не было ничего — только весь огромный Тиннеред, растянутый далеко на юг, и неизвестность. Ты — как всегда, Хартанэ: улыбаешься мне краешком губ, оставляешь в ладонях смутную тень — а дальше сама, как хочешь. Зови тебя, не зови... Тэаргавар спрятала руки в широкие рукава, складывая их под грудью.

— Не переживай, Птица Меред. Все, что ты ищешь, скоро найдется.

— Ты что-то чувствуешь? — насторожилась Меред.

— Можно и так сказать. Некоторое беспокойство, — уклончиво ответила Тэарга, и Меред ощутила, как раздражение волной поднимается в груди: ведьма все это время молчала и не удосужилась хоть словом предупредить ее, что они не напрасно сейчас слоняются по

незнакомому краю в поисках невесты кого. А теперь выяснилось, что она, видите ли, беспокоится.

— Почему ты говоришь об этом только теперь? — она и сама подивилась едкости в собственном голосе — обычно Атеа выражала всеобщую злость, да так, что словом могла бы разесть всю земную твердь насквозь. Но сейчас Лебеденка рядом не было — посему приходилось самостоятельно справляться с собственными эмоциями, не прикрываясь ее пылкостью и несдержанностью.

— Потому что ты начала сдаваться, — ведьма двинулась прочь, к городской стене, и Меред, взмолившись про себя Хартанэ и попросив у богини терпения и сил, поспешила за ней, — Тебя нужно было успокоить. К этому я хотела прибегать в крайнем случае.

— Меня не нужно успокаивать, — почти по слогам процедила Меред. Настроение стало совсем паршивым, и в глубине души девушка понимала, что на Тэарге срываться не стоит, а потому старалась держать себя под контролем.

— Как скажешь, Птица Меред. Впрочем, для пущего эффекта я добавлю, что мы на верном пути.

— Откуда ты знаешь это? Тебе тени говорят? — девушка постаралась, чтоб вопрос прозвучал как можно нейтральнее, — Или ты что-то знаешь о ведунах?

— Ни то, ни другое, — ведьма примолкла в тот момент, когда они подошли к воротам, ведущим из города. Стражники проводили их внимательными взглядами, и ветер, танцующий на склонах, бросился к ногам двух девушек, когда они покинули черту Белокаменца, — Я просто чувствую, что эта дорога приведет нас куда нужно.

— Как это? — Меред нахмурилась, придушивая собственное раздражение: она любила загадки, но не настолько, чтоб играть в них сейчас.

— Ты ощущаешь своих сестер? — вопросом на вопрос ответила Тэарга, словно не слыша ее, — Чувствуешь других Птиц?

— Ну... да. Можно так сказать, наверное... — задумавшись на миг, неуверенно ответила Меред. Птицы действительно знали, когда кто-то из них оказывался поблизости. Они не могли сказать, кто именно, однако неизменно приходило ощущение легкой тревоги, волнения — и беспокойства.

— Вот и я ощущаю тех, кто принял на веру то же, что и я. Тех, кто догадался.

— Догадался о чем? Ведуны тоже работают с тенями? — допытывалась Меред, забыв о том, что совсем недавно она злилась на ведьму. Сейчас это больше походило не на злость, скорее — на жгучее любопытство и легкое недовольство тем, что эльфийка говорит так мало, заставляя Меред все выспрашивать.

— Как же ты вцепилась в моих теней, — Тэарга вновь усмехнулась, и Меред снова ощутила холодок, поднявший все волоски на теле дыбом. Сейчас это было неприятно — однако не страшно, — Нет. Они не работают с тенями. Лишь эльфы умеют звать древние силы. Людям это не дано, как и другим расам Бар-эс-Тиллада. Однако здешние ведуны знают правду, и я чувую их. Как и они меня, думаю. Чем дальше мы идем, тем острее мое ощущение. Стало быть — эта тропа приведет нас ровно туда, куда нужно.

— Какую правду, Тэаргавар? — Птица ухватила за ее слова, стараясь не выпустить их из рук — однако Тэарга подняла голову, и лунный свет на один миг, короче секунды, осветил бледно-алый сполох в темноте. Меред вздрогнула, не успев понять, было ли это лишь игрой ее воображения или же истиной — а затем тень снова скрыла лицо эльфийки.

— Ту, которую ты тоже узнаешь. Пока что еще рано. И не мне — наверное, не мне —

открывать тебе ее.

Ведьма затихла, отворачиваясь к дороге, и Меред почти увидела, как слова, пойманные ею в ладони, утекают прочь, выхваченные из пальцев холодным ветром. Он закружил их, подняв над землей, швырнув их вверх, и они так и остались эфемерным звуком, почти прозрачным и таким тонким, что сейчас расслышать его Птица бы не сумела. Они обернулись танцем снежинок на потоках воздуха, гривами белоснежных лошадей, резвящихся на склонах в темноте, то появляющихся, то снова исчезающих в студеной зимней мгле. Девушка почти видела их длинные гривы, развевающиеся на ветру и вздымающиеся до самого неба, почти видела их силуэты — и поймать их она никогда бы не сумела.

На снег под ноги лег зеленоватый слабый отсвет, и Меред обернулась назад, сбавив шаг. Далеко на северо-востоке, разрезая чернильную непроглядную высь, разливалось отблесками северное сияние. Птица затаила дыхание: волшебство это случалось так редко, что всякий раз она считала его небесной милостью Хартанэ. В Келерии она несколько раз сама купалась в изумрудном свете, который был так близко, что ложился на плечи, на щеки, на волосы — и ныне сердце защемило сладкой тоской: Меред захотелось быть там, где над белыми склонами простиралось зеленое полотно, напоминающее русалочки волосы, колышущиеся на тихих волнах спокойных рек. Тэарга тоже остановилась, обернувшись, и ее тонкий силуэт осветился.

— Можно считать это хорошим знаком, правда, Птица Меред? — спустя некоторое время прошелестела ведьма, и Меред вдруг ощутила, что все раздражение куда-то делось, уступив место покою и чему-то родному до боли.

— Наверное, — просто ответила она, глядя туда, где переливались волны сияния.

Оно не растаяло в небе ни тогда, когда они наконец отыскали небольшую рощицу у подножия холма, чуть в отдалении от главной дороги, ни тогда, когда разожгли небольшой костерок под сенью бересклетовых зарослей. Оно отражалось в тающей изморози на ветвях, когда Меред устраивала себе лежанку из сухих веток возле огня и устилала ее одеялом. Оно не исчезло, когда Птица, устав после долгого дня, смежила веки, пригреваясь под золотым боком пляшущего пламени, и осталось, когда ведьма, протянув руки к огню, улыбнулась, вытаскивая потоки теплого воздуха и оплетая ими Меред и себя саму. Оно полыхало ярко-ярко, когда сон опустился на тихую поляну, черным зверем мурлыча и баюкая их.

Северный свет, изумрудно-зеленый, словно травы по весне, отражался в синих стеклах Птичьей Башни — а они, все они, молодые и старые, опытные и совсем еще глупые, высыпали из замка, чтоб смотреть. Тишь холодной зимней ночи была глубже, чем воды синего океана, с берегов которого пришла Меред, и никто не хотел нарушать это чародейство. Они стояли, задрав головы, и просто глядели в небо, а вокруг разливался свет, плавными волнами ниспадая откуда-то с немыслимой высоты. Меред купалась в этом сиянии, тонкая и легкая — оно проходило сквозь нее, высвечивая самое сердце, высвечивая огненную искру Хартанэ в груди, и ей было тихо и хорошо. Рядом стояла Атеа, и золото ее волос сейчас было укрыто полупрозрачной вуалью, а на губах ее играла улыбка. Звездная пыль осыпалась на ее длинные ресницы, и девушка, казалось, вот-вот должна была рассмеяться, вскинуть руки и взлететь, подхваченная волнами северного сияния, такая красивая и древняя. Меред видела и других — все они были с ней, все они стояли рядом, и Птица ощущала неразрывную связь с ними, с каждой из них. Даэн смотрела в небо, чуть заметно улыбаясь, и в длинной черной косе, в крутых изгибах локонов, вытрепанных ветром,

тонкой ниточкой путались изумрудные сполохи. Она вся казалась светящейся, сильной, и от того Мара, прижимающаяся к ней, была еще более легкой и прозрачной. Ветер вокруг них, тихий и какой-то нездешний, колыхал ее одежду и пряди волос так, словно она была в воде — так же медленно, плавно и... Меред не знала. Лишь видела — и тихонько молилась: Хартанэ, своим сестрам, женщине из Гарварны, самой себе... Маленькой девочке Ати, в чьих огромных зрачках застыла вечность и великое счастье. Дамале, чье лицо впервые осветилось искренней тихой улыбкой. Гаэре, поддерживающей Слепую Мэг под локоть — и обе ведьмы, древние, словно весь мир, такие несхожие, сейчас выглядели молодыми и вечными. Шеде, всклокоченной, желтоглазой, смешливой. Аллэи — в которой ныне ощущался великий покой и свет. И — еще кому-то, полупрозрачному, тонкому, замершему где-то на периферии, тому, чье лицо было спрятано в глубокой тени. Все они сейчас стояли рядом в зимней тишине, знакомые друг другу и нет, связанные Великим Полотном мира, и Хартанэ в звездной выси танцевала, и с Ее щедрых рук вниз спадали волны сияния, от сердца — к сердцу, из глаз — в глаза. И мир стал единым — и все в мире тоже стало единым. Так, как и должно было быть. Всегда.

Утро, морозное и острое, не сумело прогнать мерцающее ощущение сна. Меред то и дело ловила себя на том, что рука против воли тянется к сердцу, словно стремясь прикрыть трепещущий огонек Дара Хартанэ, а губы растягиваются в тихой мягкой улыбке. Ведьма молчала с самого рассвета, но теперь уже это молчание не казалось Птице таким напряженным и натянутым. Скорее всего, эльфийка всего лишь была погружена в собственные мысли — такая же далекая от Меред, как Лореотт от солнца. И это не было плохо. И Меред не хотелось нарушать эту тишину между ними: все происходило ровно так, как должно было происходить.

Когда солнце уже прошло половину своего пути по высокому небосклону, они наконец добрались до небольшого городка — придорожный указатель неподалеку от хлипкой стены гласил, что место это прозвано Купчим Долом. Пахло жженной древесиной, зерном, слышались окрики из-за каменной высокой кладки, где-то поблизости орал, словно резанный, петух. Меред отстраненно, с легким удивлением, заметила, что сегодня весь этот шум и гам раздражает ее не так сильно, как всегда. Видимо, Хартанэ и впрямь смилостивилась и благодатным сном смысла с нее все смурные мысли. Коротко взмолившись богине и поблагодарив ее за этот дар, Меред взглянула на Тэаргу.

— Здесь?

— Полагаю, да, — бесцветно ответила эльфийка. Лицо ее — та часть, которая была видна — не выражало ровным счетом ничего. Впрочем, Меред видела, как ее пальцы едва заметно, словно невзначай, играют с широким мягким краем рукава. Возможно, так проявлялось то самое «беспокойство», о котором говорила Тэаргавар.

За стеной раскинулся обыкновенный шумный город — Меред уже почти привыкла к ним. Не столичный — все дома были максимум в два этажа; никаких фонтанов и цветных витражей — лишь колодцы с расчищенными к ним дорожками да неприметные узоры на крылечных балках. Шумные дети, закутанные в теплые одежды так, что больше походили на колобков, с визгом и криком носились друг за другом, распугивая тощих дворовых кошек. За невысокими оградками трудились горожане: кто-то возился с дровами, и мерный стук разносился над крышами, кто-то переговаривался о делах насущных. Чуть дальше, ближе к центру, бытовой гвалт, похожий на деревенский, сменялся криками торговцев, чинными разговорами женщин, скоморошьими песнями — Меред слышала откуда-то тихие перезвоны

струн, смех и чей-то голос, переливающийся и вторящий мелодии. Они с Тэаргой вышли на рыночную площадь, которая здесь была действительно огромной, не в пример тем, что Птица видела до того. Длинные ряды палаточек и деревянных прилавков под холщовыми крышами тянулись куда-то далеко вперед, и глаза разбегались от разнообразия украшений, сластей, оружия, тканей и прочего, прочего.

Не удивительно, что его называли так — Купчий Дол. И ведь время-то не ярмарочное... Что же тут творится летом?

Меред даже растерялась — ощущение было таким, словно им нужно найти иголку в стоге сена. Она неуверенно тронула узелок Дара Хартанэ в груди, и тот расплелся, разбрасывая во все стороны золотые петли и нити, распускаясь и словно ища. Она теперь тоже ощущала легкое волнение и беспокойство — однако причина могла быть в том, что Тэарга ей сказала о возможном успехе здесь. Втайне Меред надеялась, что эльфийская женщина не ошиблась. Пока что ничто не менялось, все было как и в двух городках до того, и Птица не почувствовала никаких неожиданных перемен в собственных ощущениях.

Она повернулась к Тэаргавар, когда ведьма сама окликнула ее.

— Нам нужно разделиться. Я тоже буду искать. Так вероятность того, что мы скоро найдем ведунов, возрастет.

— Ну... хорошо, — девушка даже опешила: она-то думала, что ведьма теперь не отвяжется от нее вообще никогда. Подозрение всколыхнулось в груди, и пришла мысль проследить за Тэаргой, однако она быстро одернула себя: у нее было задание от Лорелей, и прежде всего нужно было выполнить его. Повертев головой по сторонам, Меред вопросительно взглянула на нее, — Мы встретимся где-то вечером? Или пути расходятся?

Наверное, в голосе ее прозвучала надежда, потому как Тэарга едва заметно усмехнулась.

— Не надейся. Встретимся. Гляди, — она кивнула куда-то за плечо Меред, и Птица обернулась. Неприметный на первый взгляд, за рядами палаток виднелся небольшой трактир под узорной вывеской. Приглядевшись, девушка различила выжженную, чуть кривоватую надпись «Донышко». Хмыкнув про себя, Меред повернулась к ведьме.

— Хорошо. Тогда — удачи тебе в поисках.

Эльфийская колдунья чуть слышно ответила:

— И тебе, Птица Меред, — а затем она зашагала прочь, теряясь в толпе и ныряя куда-то в сторону, меж лотков и брезентовых провисших крыш. Меред проводила ее взглядом, покуда та не скрылась среди людей, и прикрыла глаза, чутко прислушиваясь к собственным ощущениям.

Ничего не менялось. Нахмурившись, Меред побрела вперед, по длинной улице, где протолкнуться было довольно-таки сложно, и попыталась уловить малейшие колебания струн, разошедшихся от самого сердца во все стороны. Они чуть заметно дрожали, напряженные и тонкие, и Птица понятия не имела, что это означало. Без ведьмы, тенью следующей за ней по пятам, тоже было странно: вроде бы и легче — девушка наконец смогла вздохнуть спокойно, а вроде бы и до того непривычно, что поначалу Меред чувствовала себя немного неуютно. Впрочем, скоро это ощущение пропало — осталась лишь тонкая сеть Дара Хартанэ. Интересно, так ли ощущают себя пауки, растягивающие паутину на ветвях и ждущие добычи? Мысль позабавила ее, и Меред начала озираться по сторонам, рассеянно разглядывая рыночную площадь.

Купчий Дол жил шумно, пестро и ярко. В глазах уже начало рябить от количества безделушек и цветастых платков, и потому Меред вздохнула свободно, когда наконец вышла

на ряд, где торговали снедью. Здесь были круглые кренделя, сладко пахнущие печным духом и медом, толстые кольца колбас, соленья, румяные яблоки, снятые с ветвей лишь тогда, когда первые морозы тронули мир, а от того хрустящие и сладкие. Птица усмехнулась тихонько: пускай она и не любила атмосферу ярмарок и торговых кварталов, а здесь все же царил странный теплый уют жизни.

Впрочем, не только уют. То ли чутье, то ли случай заставили Меред скосить взгляд влево, и девушка увидела молодого мужчину, чуть заметно улыбающегося и шурящего глаза, словно кот. Неприметная городская одежда не привлекала внимания — ничего в нем не казалось странным. Птица нахмурилась: что-то ведь должно было зацепить ее взгляд... Мужчина неспешно брел вдоль прилавков, отвечая отрицательным наклоном головы на зазывания торговцев, и едва заметно крутил кистью так, словно в ладони его был зажат небольшой шарик. Меред знала: так тренировались жонглеры, плавно прорабатывая каждый жест и движение, держа в руках лишь воздух. Но мужчина не походил на жонглера. Внезапно в руке его откуда ни возьмись появилось спелое яблоко с ярко-алым боком, и Меред непонимающе сморгнула: она могла поклясться, что ни карманов, ни достаточно широких рукавов в темно-коричневой простой куртке не было. Мужчина неторопливо прошел мимо прилавка, на котором горкой лежали точно такие же яблоки, и Птица увидела, что в ровно сложенных рядах плодов не достает одного — в самом низу, там, откуда торговец смог бы достать яблоко лишь тогда, когда все верхние будут распроданы.

Ведун! Меред догадалась ровно в тот миг, когда ниточка Дара Хартанэ, слепо потянувшаяся следом за странным мужчиной, тоненько зазвенела, напряженно натягиваясь и дрожа. Вспомнив слова Тэарги о том, что ведуны, скорее всего, могут ощутить ее, она, воззвав к Богине, мягко загасила искорку Дара — так, чтобы тот едва заметно ощущался. Стараясь не привлекать внимание, Птица пошла за ним, изредка останавливаясь, словно бы разглядывала товары. Кажется, мужчина не заметил ее — по крайней мере, он ни разу не оглянулся, не запнулся, и Меред сделала вывод, что дела ему до нее нет. Не теряя из виду его каштановую макушку, девушка непринужденно брела за ним сквозь паутины улиц и переулков, лихорадочно размышляя, что же делать дальше. Возможно, это на самом деле не ведун, нужный ей, а всего лишь уличный вор, с помощью ворожбы промышляющий на улицах — и что тогда? Или он вообще не согласится слушать ее, даже говорить с ней? Или еще что-то?

Когда он свернул в неприметный уголок, Меред на миг заколебалась: вероятность того, что она ошиблась, была слишком высока. С другой стороны, никто не смог бы сказать ей, ошибается она или нет — оставалось узнать это самостоятельно. На всякий случай держа руку поближе к Крылу, Птица последовала за ним. Несмотря на ее промедление, мужчина никуда не делся и в воздухе не испарился, как она боялась — его спина виднелась впереди, чуть поодаль. Людей здесь практически не было, и редкие прохожие не обращали на нее никакого внимания, а потому Меред даже не пыталась держаться в тени. Сейчас основной ее задачей было не потерять эту единственную ниточку следа и надеяться на то, что он приведет ее к ведунам.

Вдруг мужчина остановился и обернулся, глядя прямо ей в глаза. Меред даже споткнулась — до того это было неожиданно. Его насмешливый взгляд скользнул по ее лицу, по руке, инстинктивно дернувшейся к сердцу, а затем он замер, разворачиваясь к ней полностью и скрещивая руки на груди. В ладони его было зажато надкушенное яблоко.

— И что нужно от меня молодой Птице? — голос у него был тихим, и Меред слышала

слабое эхо, волнами расходящееся по воздуху. Такой голос был лишь у ведунов. Собираясь с силами и набираясь храбрости, Птица подошла к нему, вскидывая голову — тот был выше ее.

— Ты — ведун? — без обиняков спросила она, выдерживая почти презрительный взгляд. Меред поймала себя не том, что не может понять, сколько лет этому человеку — и вообще, человек ли он. В чертах его лица скользило что-то эльфийское, а еще — неуловимо знакомое, словно где-то она его видела.

— Положим, — он пожал плечом, растягивая губы в неприятной ухмылке, — И что с того?

— Ведун, которого не признают придворные колдуны, верно? — уточнила Птица, игнорируя его тон и собственное неудовольствие: общение с чужими людьми всегда давалось ей тяжело — а если уж человек был заранее неприятен ей... Успокойся: если он приведет тебя к ведунам, Лорелей получит то, что хочет.

— Ты очень проницательная девочка, малютка, — он вздернул бровь, и Меред еще больше уверилась в мысли, что перед ней — эльф-полукровка. Только они могли вести себя так паршиво, ничего, казалось бы, не делая, — Но я повторю свой вопрос: и что с того?

— Мне нужно поговорить с вашим главным, — Меред постаралась, чтоб в ее тоне никак не проявлялось нетерпение или досада. Мужчина сощурил темные кошачьи глаза.

— Зачем?

— Я прошла долгий путь от Келерийской Гильдии, чтобы просить ведунов о помощи, — холодно ответила она, — Но остальное мне бы хотелось обсудить с человеком, к которому меня и направили. К тому, кто имеет влияние на всех ведунов, которых признают отступниками. Если он согласится меня выслушать.

— Вот оно как? — ведун потер подбородок, и взгляд его на миг стал задумчивым. Меред ждала, пытаясь держаться как можно более непринужденно. У Атеа точно бы получилось. Вот у нее — получилось бы все и сразу, быстро и легко... Боги, я надеюсь, что у тебя все в порядке, Лебеденок. Тебе-то тоже сейчас вряд ли сладко. Выдержав долгую паузу, мужчина бросил короткий взгляд куда-то за плечо Меред и небрежно позвал, — Ладно. Идем-ка, маленькая Птица. Самый главный, как ты выразилась, ведун нынче слишком далеко, но умные люди тебя выслушают. Не отставай.

Он развернулся, двигаясь легко и мягко, и направился куда-то вглубь города. Меред нагнала его, не оглядываясь по сторонам. Сердце ликовало: она нашла ведунов! Лорелей получит их поддержку — придется еще немножко постараться, но Меред почему-то не сомневалась в том, что все получится. Она привыкла идти по одному шагу за раз, и сейчас нужно было сделать последний, самый сложный для нее шаг. Меред не могла бы стать дипломатом, не умела договариваться — да и вообще говорить с людьми, однако нужно учиться всему. И она была намерена держать удар.

Не зря ведь когда-то меня учил Агар, правда, Хартанэ? Все ведь не зря? Теперь нужно вспомнить все и рассказать так, чтоб они пошли за Лорелей хоть за самый край мира. Помоги мне, милостивая! Мысленно коснувшись губами холодного лезвия Крыла, Меред вдохнула морозный зимний воздух, успокаивая собственное сердце, ныне зачастившее. У нее получится обязательно. Атеа сейчас вела куда более сложную игру, и Меред не могла опозорить годы их долгой дружбы собственной неудачей и подвести Лебеда, а вместе с ней и всю Гильдию.

Мужчина, казалось, не обращал на нее никакого внимания — лишь вел ее меж закоулков и домов, изредка похрустывая яблоком. Меред он не нравился: она вообще не

любила таких людей — мнящих о себе слишком много, самоуверенных, насмешливых, убежденных в собственном превосходстве. Однако сейчас приходилось терпеть, и это, в общем-то, было не более сложным, чем терпеть присутствие ведьмы. Вспомнив о Тэарге, Меред понадеялась, что та дождет ее в трактире, или каким-нибудь немислимым образом найдется, если Птица задержится среди ведунов. Да и в принципе, если она уйдет, плакать и скучать Меред точно не станет.

Очередной переулочек вильнул петлей, ужом закручиваясь среди темных неприметных домов с закрытыми ставенками, и дорога уперлась прямо в шаткие деревянные ступени длинного крыльца. Двухэтажное здание, за мутными стеклами которого плясали отблески света, казалось давно заброшенным — и таким ветхим, что резкий порыв ветра вполне мог бы развалить его. Меред нахмурилась: из конюшни, такой же разбитой и грязной, слышалось лошадиное ржание, а на небольшом пяточке промерзшей земли перед крыльцом стояли скоморошья фургоны.

Быть не может... Птица оторопело заморгала, когда мужчина, поднявшись по скрипучим деревянным ступеням, широко распахнул дверь и, усмехаясь, шутовски поклонился ей.

— Добро пожаловать, госпожа, в наш славный дом. Не споткнись — здесь высокий порог.

Меред, не особо прислушиваясь к нему, буквально взлетела на крыльцо, ныряя в темноту дверного проема. В сенях было тепло, а потому щеки сразу же закололо иголочками, но девушка не обращала на это внимание. Ведун затворил дверь, непринужденно проскользнул мимо нее ко второй двери, за которой слышался гул голосов и изредка — чей-то смех. Потянув за металлическое кольцо, он заглянул внутрь, и навстречу ему тут же ринулся луч света и шум.

— Хей, Трисс пришел!..

— И даже не один, — мужчина усмехнулся кому-то — Меред видела его профиль, высвеченный отсветами огня, — А привел юную госпожу, желающую поговорить с мудрыми людьми.

За дверью загудели, и в общем тоне она уловила нотки любопытства, одобрения, искры веселья, настороженность. А еще — Меред ощущала запах. Он был особенным, знакомым ей с детства, родным и верным, хоть она и отказывалась признавать его. Судьба не могла так шутить. Просто не могла. Мужчина взглянул на нее, отступая на шаг, и Птица, тяжело сглотнув и натянув на лицо маску спокойствия, прошла к двери и шагнула внутрь.

В огромной комнате почти не было мебели — широкий стол с длинными лавками вдоль и целая куча свободного пространства. Там, негромко переговариваясь и не отрывая взглядов друг от друга, упражнялись молодые мальчишки и девчонки — они танцевали с лентами, перебрасывая из рук в руки цветную ткань и кружась в такт. Им подыгрывала на скрипке женщина, сидящая на самом краю лавки. Остальные люди, собравшиеся вокруг стола, как один смотрели на Меред, улыбались ей, и Птица видела разрисованные красками лица и цветные одежды скоморохов. В груди защемило, и девушка, тряхнув волосами, просипела, поднимая взгляд на приведшего ее сюда мужчину:

— Ты говорил, что приведешь меня к ведунам, а не к балаганным фокусникам...

В ответ мужчина лишь усмехнулся, вытягивая руку к ней. Миг — и на его ладони затанцевал огонь, превращаясь в силуэт пляшущей женщины. Меред видела шесть крыльев за ее спиной и клинки, зажатые в крохотных ладонях.

— Все ведуны — балаганные фокусники. И наоборот, — он одарил ее насмешливой улыбкой, — Ты нашла то, что искала, малютка.

— Это правда, Птица Меред, — раздался до боли знакомый голос, и Меред едва не подскочила от неожиданности: у стены, притаившись в тени и сложив руки под грудью, стояла Тэарга, как всегда спокойная и расслабленная. Птица покачала головой, недоверчиво глядя на эльфийку:

— Как ты... почему ты здесь?.. Как ты нашла это место...

— Случай, — ведьма пожалала плечами, отталкиваясь от стены, — Тот же случай, что привел сюда тебя. Видишь, как все заплетается по воле Неба?

Меред не верила. Все не могло быть... так. Просто не могло. Мужчина-ведун неторопливо прошел к лавкам, коснувшись кончиками пальцев волос какой-то молодой женщины, нежно улыбнувшейся ему, а затем опустился рядом со скоморохами, оборачиваясь к Птице, что так и замерла столбом у порога.

— Проходи, молодая Птица. Келерийские женщины разумны, если решили объединиться — а это значит, что диалог у нас должен сложиться. Время Изломов — сложное время, и мы понимаем это. Не бойся. Мы готовы выслушать тебя.

Все еще не веря истине — такой простой, лежащей на ладони перед ней, Меред втянула носом этот запах красок и пепла, запах тканей и жженного масла, а затем сделала шаг вперед.

===== Глава 57. Вокруг да около =====

За окном брезжил рассвет — тихий и нежный, словно перышко. Розоватое марево повисло над крытыми черепицей крышами, затерялось меж островерхих башенок, растаяло над заснеженными кронами садов. За стеклом разливалось утро, и над королевским дворцом плыл колокольный перезвон, звонкий и переливчатый. Под ветром колыхались синие знамена, разрезая полотнами дрожащий воздух, что почти звенел, пронизанный морозом. Раннее утро, колючее и свежее, врывалось в распахнутые настежь ставни, оцарапывая стекла прозрачными узорами льда и делая витражи еще более сложными. Солнце отражалось в них, и отсветы падали на снег, переливаясь всеми цветами радуги. Светлые стены домов, окруженных заиндевевшими ветвями тонких деревьев, тоже казались бледно-розовыми, рыжеватыми, золотистыми. Расфаль просыпался, кружевной и морозный, и под сапогами дворников, трудящихся снаружи, поскрипывал снежок — Атеа слышала, как они ходят под окнами, слышала, как жесткие прутики старых метел скребут каменные ступени крыльца. И это было хорошо.

Рассветная нежность и тишь была и в ней самой — где-то возле сердца. Ей не спалось, ей было беспокойно — и вместе с тем как-то странно и светло. Дом Виаллы, еще тихий и сонный, пока даже не думал просыпаться, и Атеа, завернувшись в плед из тонкой шерсти, улеглась на подоконнике и разглядывала город за окном. Под пальцами шероховатым теплом чуть заметно кусался край пергаментного листа, но пока Лебедь не знала, как завершить письмо — то, которое она поклялась себе никогда не писать. Но Хартанэ решила по-другому.

Поболтав перо в руке, Атеа откинулась назад, прижимаясь спиной к широкому откосу, и прикрыла глаза. Под веками было светло — сияние поднимающегося из-за холмов солнца заливало комнату, касалось ее ресниц и оставалось на них тонкими иголочками. Лебедь вздохнула, улыбаясь чему-то теплему, угнездившемуся в груди. Покой скоро ей будет только сниться. Он уже сейчас оставлял ее по крупице, утекал сквозь пальцы, и ей мучительно не

хотелось вязываться в придворную суету и суматоху, так не хотелось...

— Надо же, впервые утро по-настоящему не паршивое, вот дела... — тихо выдохнула она, не открывая глаз. Через несколько часов свою гордую задницу сюда принесет господин Тэаран, посол от Верданора, и придется разбираться еще и с ним — но покуда в этой комнате не было никого, кроме нее самой, и утро казалось действительно славным.

Повертев еще немного тонкий стержень пера в пальцах, Атеа вздохнула снова, выныривая из мягкого ощущения невероятного ровного покоя, и подняла пергамент, перечитывая в третий раз аккуратные ровные строки.

Дорогая матушка.

Уж не знаю, испытаешь ли ты радость, когда получишь от меня весточку, или перебеешь весь фарфор в доме по случаю того, что твоя любимая дочурка все-таки не сгинула где-то там бес знает где. Впрочем, это не так уж и важно. Довожу до твоего сведения: я жива-здоровая. Быть может, ты не знала — мало ли, вдруг за тринадцать лет ты не добралась с визитом в Расфаль, или тебе никто не доложил о том, что я пропала, — но знай: я благополучно закончила обучение в Келерийской Гильдии, получила Крылья — это такие специальные ножички, и возвратилась туда, откуда меня с такой радостью выпихнули.

Не беспокойся за меня, дорогая матушка — я нахожусь в добром здравии и хорошем расположении духа. Надеюсь, ты тоже не слишком-то тосковала без меня. И батюшка — тоже. Я бы и дальше не беспокоила вас, если бы не случай, занесший меня в Расфаль — а также некоторые интересные факты, открывшиеся мне совсем недавно. Они связаны с теми гребешками, которые ты так любезно подарила мне в день моего отбытия из Эглеира. Мне бы хотелось побеседовать с тобой об этом лично — думаю, ты сможешь рассказать мне много чего интересного. Да и к тому же, ситуация складывается таким образом, что мне совсем неожиданно, абсолютно внезапно — веришь ли! — понадобилось то, что причитается мне по праву, как хозяйке тех самых чудесных гребешков. И, сдается мне, вы с батюшкой можете мне подсобить. Хотя, конечно, вы уже очень много сделали для меня, обеспечив мне юность в столице среди чудесных людей, совсем поблизости от королевского трона, за что я безмерно вам благодарна. Однако, ныне я вновь наберусь наглости просить вашей помощи.

Помнится, любезный мой батюшка имел поддержку среди дворян Эглеира и некоторую связь с Советом. Да-да, матушка, я помню, что связь эта была косвенной. Однако, этого вполне было достаточно для того, чтоб Правители Востока плясали перед ним на задних лапках. Посему я прошу вас, моя дорогая семья, похлопотать о том, чтобы Восток узнал о том, кто по праву является наследником драгоценного подарка — и в нужный момент поддержал этого доброго человека. Полагаюсь на твой живой ум, матушка, ибо ситуация сложная и щекотливая — и все же я убеждена, что выход ты найдешь, и сумеешь объяснить все так, чтобы ничье доброе имя не опорочить.

В общем-то, больше ей сказать было нечего. Все детские обиды остались позади — хотя яду от этого меньше в ней не стало, а выспрашивать дорогих родственников о том, как они жили все это время, ей не особо хотелось. Атеа прекрасно осознавала, что давным-давно дела ей нет до них, а посему... Поразмыслив еще немного, Лебедь обмакнула кончик пера в чернила и вывела последние строки.

Настоятельно прошу вас, матушка и батюшка, поторопиться — дело отлагательств не терпит. У меня не больно-то много времени, ибо, если моя затея провалится, придется мне возвращаться на север немножко раньше, дабы светлую мою головушку к вашим ногам не

поднесли. Ежели вы не сумеете мне помочь — хотя бы отправьте ответное письмо, чтобы я знала, что вы помните меня и вспоминаете. И, повторяю, — не затягивайте, любезные мои!

Ваша единственная (как мне помнится) и горячо любимая (как мне думается),

Атеа.

Витиевато закрутив хвостик последней буквы, Лебедь удовлетворенно кивнула самой себе, еще раз бегло оглядывая письмо. Если отправить птицу сегодня, то уже ночью ее послание окажется в Эглеире. Осторожно скрутив пергамент в тугую скатку и перетянув его несколько раз шнуром, Атеа отложила письмо в сторону и вновь выглянула за окно. Там начинался вовсю новый день, там просыпался мир, свежий и чистый, и дела ему, этому миру, не было до нее — внебрачной королевской дочери, которая всеми правдами и неправдами решила заполучить законный престол.

Это было уже пятое утро, которое она встречала в Расфале. Все это время Виалла плела при дворе золотые сети слухов, раскидывая их ровно там, где было нужно — среди молодых языкатых служанок, среди своих девчонок, с которыми она прогуливалась в зимних садах дворца. Пока еще вести не заползли в королевские покои, однако вчера вечером окрыленная Виалла заявила к ней в комнату, чтоб сообщить, что посол Тэаран, эльфийский князь и представитель Верданора, хотел бы нанести ей визит. Атеа всполошилась было — такое желание посла, возникшее ни с того ни с сего, могло стоять ей жизни. Однако Виалла заверила ее, что эльф всерьез заинтересовался ею, и что визит будет тайным.

Доверия к нему, естественно, этот факт не добавил, однако Лебедь все же немножко расслабилась — ровно настолько, чтоб начать рассуждать взвешенно и здраво, продумывая все возможные исходы беседы с послом. Если бы он хотел избавиться от нее, то не медлил бы — а по словам Виаллы, впервые интерес к ее персоне Тэаран проявил дня два назад. За прошедшие сутки возможность убить ее у эльфа была — Птица шаталась по городу в свое удовольствие, и ныне даже не сомневалась, что все это время за ней следили. Но руки на нее никто не поднял — значит, и в доме приближенной ко двору короля Виаллы этого делать не станут. Женщина в случае чего подняла бы шум, и смерть Атеа не осталась бы незамеченной, а убийство дворянки из Эглеира — пока еще не королевы — вряд ли спустили бы с рук иноземному послу.

Конечно, это не слишком-то что-то меняло: Атеа по-прежнему была настороже и не собиралась расхолаживаться. Наверняка она знала одно — Тэаран хотел посмотреть на нее, понять, представляет ли она опасность и может ли составить конкуренцию двору Верданора. И действовать он будет в зависимости от того, что именно перед собой увидит: подмышца, возжелавшего власти, или законную наследницу престола.

Еще Атеа не сомневалась в том, что ее истинную кровь эльф почует — хотя крови той, в общем-то, в ней было не шибко-то много, и полукровкой Лебедь могла бы зваться с большой натяжкой. Ее бабуку, чистокровную эльфийку, когда-то увез из Верданора слишком амбициозный дворянин откуда-то с севера Тиннереда. Рожденная в том союзе Кеарата, мать Птицы, получила в наследство несколько лишних годков жизни и просидела в девках шестьдесят лет, прежде чем на нее положил глаз господин Ровенн, молодой правитель Эглеира. Поскольку в ту пору мать выглядела лет так на двадцать, ее истинный возраст не остановил батюшку, и он увез ее в свое поместье, назвав своей нареченной. Приданного у Кеараты не было — все земли отошли второму ребенку сбежавшей эльфийки, мальчику, но отца даже это не остановило. Их брак нельзя было назвать счастливым — мать никогда не скрывала своей холодности к отцу, и прошло долгих десять лет, прежде чем родилась Атеа.

При поместье она считалась поздним ребенком, а Ровенн не проявлял к дочери особого интереса — и теперь Лебедь начинала догадываться, почему. Возможно, он знал все о интрижке Кеараты с королем, а потому видеть Атеа, такую непохожую на него, ему было несколько неприятно. Впрочем, по-своему он заботился о ней и любил ее, и пару раз проявлял нежность к ребенку — обычно это выражалось в скупой улыбке или в обращении к ней по имени. Чувства к матери у него, судя по всему, сохранились, раз он не избавился от нее...

Атеа так и замерла, невидящим взглядом уставившись куда-то за стекло. До сего дня ей в голову не приходила мысль о том, что сослать доченьку подальше вполне мог сам отец. И возможно, именно с его легкой руки она попала в Келерию. С другой стороны, мать не слишком-то подпускала его к себе, посему наследница у славного рода была лишь одна. По крайней мере, некоторое время назад. С третьей стороны, в таком случае — даже если Ровенн в действительности не пытался избавиться от чужой крови — нужно было, чтоб письмо принесли именно матери и отдали лично в руки. Сейчас поддержка со стороны Эглеира пригодилась бы ей пуще всего иного, и Лебедь до последнего надеялась, что ей удастся заполучить желаемое. И отцовская возможная неприязнь в ее планы совершенно не входила.

Восток был нужен ей. Ровенн умудрился подмять под себя всех местных правителей, включая заседающего в Совете при короле господина Хагарда, представляющего весь регион. По праву силы и крови отец не мог занять его место, однако ему это и не было нужно: достаточно было управлять Хагардом, заставляя его принимать выгодные для самого Ровенна и для Востока в целом решения, и правитель Эглеира отлично справлялся с этим. Хагард, будучи крупным должником отца, делал то, что от него требовали, беспрекословно — а одно его слово на Совете стоило едва ли не столько же, сколько слово всего простого народа Тиннерета. Если Восточный регион поддержит ее внутри самого Совета, бороться станет гораздо легче.

Восток имел сильное влияние на южные земли. Те издревле были самым слабым регионом Тиннерета во всех сферах, а потому местные дворяне охотно прятались за спины своих сильных соседей. Сейчас по словам Виаллы Юг активно заигрывал с Вотокком, и Ливарн, правитель от тамошних земель, во всем поддакивал Хагарду. И при удачном стечении обстоятельств Атеа могла получить поддержку половины Совета. Оставались еще Запад и Север — однако сейчас ей нужно было играть с тем, что имелось. И прояснить ситуацию с Верданором.

Лебедь откинула голову назад, задумчиво разглядывая пейзаж за стеклом. Уповать на то, что Тэаран поддержит ее лишь благодаря тому, что в ней течет эльфийская кровь, не стоило. То, что где-то в ее роду пробегали эльфы, подтверждал лишь скверный характер, который она сама считала качеством приобретенным, а не врожденным. От бабки-эльфийки ей не досталось ничего — ни сил крови, ни эльфийской стати, ни долгих лет жизни. В идеале она, конечно, собиралась дожить до дремучей старости, однако с учетом быстротечности человеческой жизни ей оставалось от силы лет семьдесят бегать под солнцем и нарываться на неприятности. И то, если ее не пристукнут где-нибудь еще до первых седых волосков. Эльфы — по крайней мере, лесные — годами не старели, их свежие чистые лица не прорезала ни единая морщинка, да и убить их было не так-то просто. В этом плане даже подземные эльфы казались Атеа более живыми: она хорошо помнила, как тонкая сеточка мелких морщин разбежалась от уголков глаз королевы Лореотта, когда та

ухмылялась, и как ходило ее горло, когда она отхлебывала тягучий вересковый мед из своего кубка, чуть прикрыв золотые глаза. Где уж там эльфийская утонченность...

Вспомнив королеву подземного города, Атеа довольно заурчала, чувствуя, как в груди разгорается что-то жгучее, азартное. Шедавар зацепила ее — действительно зацепила: своей опасной грацией дикого зверя, голосом с хрипотцой, мощной силой, волнами расходящейся во все стороны, огнем в глазах. Да всем, в общем-то — раз уж эта женщина не шла из ее головы так долго. Непривычно долго — Лебедь в последние годы своей жизни не особо-то заикливалась на ком-то. Шеде же она хранила в некотором роде верность — моральную, естественно. Покуда речь шла лишь о таком ее аспекте. В дальнейшем, возможно...

Богиня, ты можешь хотя бы в такой ситуации не думать о чьих-то там глазах, руках, бог весть еще о чем? У внутреннего голоса были интонации Меред, недовольные и укоряющие, и Лебедь отмахнулась от него, растягивая губы в улыбке. Ей хотелось еще однажды побывать в Лореотте, чтоб поиграть в подземном городе с его хозяйкой, чтобы таки выиграть у нее танец с мечами, или поцелуй, или ночь. А еще — что было вообще новым для нее — хотелось просто поглядеть на нее, такую живую среди белых высоких сводов и древних залов, полюбоваться ею хотя бы несколько мгновений, получить от нее короткую усмешку, ту самую — особенную, с прищуром, поймать взгляд, брошенный из-под ресниц. Внутри предательски затрепетало у сердца что-то нежное и мягкое, и Атеа недовольно нахмурилась: вот только этого ей не хватало. Что-то подобное она когда-то давно испытывала к Даэн, которая, хвала Богине, так и не позволила ей эти чувства взрастить. И ныне похожая болезненная и живая нежность звенела в ней, сплетаясь с тишью зимнего рассвета и превращаясь в череду образов.

Стоять, дорогуша, а ну-ка попридержи коней. Всего-то золотые глазки да крепкие плечи, а ты уже поплыла. Города тебе белые подавай, прогулки в свете кристаллов, поцелуи на мостах... Не о том тебе думать сейчас надо, Лебедь! Не о том! К тому же, эта проклятушая все равно собиралась уводить своих из пещер, а потому — замолчи-ка ты и закатай губу. Как-нибудь наведишь ее в свободное от борьбы за собственную жизнь время, угу. Насладишься и глазками, и всем прочим. Только не надо вот этого всего, не надо.

Завершив внутренний монолог, Атеа удовлетворенно кивнула, когда дрожащее мотыльковым крылом на ветру ощущение затихло и улеглось. Сейчас совершенно точно необходимо было сосредоточить внимание на другом, и она не собиралась подставлять саму себя. Выжить и жить птице в змеином гнезде — сложно, практически невозможно для тех, кто привык к иному, однако Дамала верно выразилась: Атеа была достаточно безумна и достаточно умна для того, чтобы хотя бы попытаться. Дальше загадывать покуда не стоило, однако она не могла не признать: эта игра действительно увлекала ее.

Лебеди тоже умеют кусаться, и ядом плюются на версту. Поглядим еще, кто кого. Хартанэ, я на тебя надеюсь: уверенна, ты тоже там развлекаешься, наблюдая за всем этим — а потому защити уж меня, иначе заскучаешь совсем. Давай, родная, помогай!

Утро быстро разгорелось, растеклось по темным улицам, и вскоре за окнами уже всюду шумел город, да мелькали разноцветные платки. Птица с ее письмом улетела в Эглеир — Атеа сама выпустила ее, серьезно предупредив, что если пернатая не принесет ответ, у нее будут большие проблемы. Девушка понятия не имела, понял ли ее молодой сокол, однако с рук ее он сорвался стрелой, и Лебедь еще долго видела в льдисто-голубом высоком небе его силуэт, удаляющийся прочь. Когда птица наконец исчезла из виду, Атеа покинула птичник, направляясь к дому Виаллы и поднимая высокий меховой ворот. Мороз стоял крепкий, холод

почти что звенел в воздухе, и Лебедь порадовалась тому, что надела с утра келерийскую форму. Платья, пускай даже шерстяные, не грели так, как добротные штаны да куртка — и все равно хотелось поскорее укрыться за надежными стенами, в тепле у камина. Она уже была на крыльце, когда у ворот послышалась какая-то возня, чьи-то голоса, а затем — едва различимый скрип петель, схваченных морозом, и чьи-то шаги, царапающие выметенную наледь, что сковала каменные дорожки. Атеа обернулась, невозмутимо оглядывая высокого мужчину, неторопливо идущего напрямик к ней. Тот только-только откинул глубокий капюшон, и теперь она видела его высокий лоб, резкие острые скулы, прямой нос и холодные зеленые глаза, не выражающие ровным счетом ничего. Он смотрел на нее прямо, не отводя взгляда, и во взгляде том не было ни намека на любопытство — лишь что-то сухое, словно старый мох, выданный с корнем, колючее, словно хвойные иголки, и абсолютно пустое. С ним нельзя вести себя как дура. Он должен понять, кто перед ним. Понять — и поверить мне. Она выпрямилась, чуть приподнимая бровь, и стала ждать, когда тот приблизится к ней.

Мужчина поднялся на крыльцо, останавливаясь напротив нее. Он оказался худощавым — плечи его, спрятанные под темно-зеленой тканью пальто, едва ли были шире, чем у самой Атеа. Понять, сколько ему лет, Птица не могла, однако готова была поклясться, что перед ней — старый эльф, видевший уже столько на своем веку, что хватило бы на тысячи книг. В том, как он держал голову, как смотрел, во всей его позе — ощущалось какое-то превосходство, убежденность в собственной мудрости и силе, презрение к смертным — и к самой Атеа. И она не собиралась пасовать.

— Господин Тэаран? — поинтересовалась она, вложив в короткий вопрос все безразличие, на которое только была способна.

— Верно. А вы, я так полагаю, госпожа Атеа? — голос у него оказался таким же бесцветным, как и он сам: холодным, не богатым интонациями, не запоминающимся. Он оглядывал ее, словно она была выставленной на продажу лошадь, и ей невероятно захотелось прямо сейчас схватить его за длинные каштановые лохмы, намотать их на кулак и приставить к его горлу Крыло. Вместо этого девушка едко улыбнулась ему.

— Она самая. Пойдемте — не стоит прозябать на таком холоде.

Оставив верхнюю одежду служанкам, они вдвоем прошли в обеденный зал, ныне пустующий — Виалла приказала всем домочадцам освободить его к приходу Тэарана. На длинном столе, укрытом белоснежной скатертью, высился хрустальный графин, наполненный благородным темным вином, а на круглых бокалах из тончайшего стекла танцевал свет. Атеа опустилась за стол, скрещивая руки на груди, и внимательно взглянула на Тэарана, усевшегося напротив нее. По намертво застегнутому вороту камзола эльфа бежала вышитая дорожка перевитых меж собой лоз и листьев, изукрашенных золотой нитью, а глубокий зеленый цвет ткани был идеально подобран под цвет глаз посла. Хартанэ, почему некоторые мужчины порой ведут себя хуже городских придворных куриц? Вслух же она лишь заметила:

— Виалла рассказала мне, что вы захотели меня увидеть. Не вижу смысла долго ходить вокруг да около, господин Тэаран. Я внимательно слушаю вас.

Подоспевшая служанка наполнила их бокалы, не поднимая головы, а затем поспешила покинуть зал, тихонько прикрывая за собой дверь. Эльф некоторое время разглядывал Атеа поверх тонкого золоченного края бокала, а затем пригубил вино. Движения его были плавными, размеренными — такими, словно он не знал ни спешки, ни торопливости. Сделав

два глотка, он так же аккуратно поставил бокал на стол и склонил голову набок.

— Пожалуй, смысла и впрямь нет, госпожа Атеа. До меня дошел слух насчет того, зачем вы прибыли в Расфаль. Признаться, таких, как вы, здесь набралось уже несколько штук — и Совет разворачивал их туда же, откуда они явились, только заслышав о них. Слишком много нынче шарлатанов, госпожа Атеа. О вас пока еще Совет не слышал — но это лишь пока. Я так понимаю, вы намерены сделать все для того, чтобы он узнал о вас в ближайшее время.

— Совершенно верно, — кивнула Лебедь, тоже отхлебывая вино и облакачиваясь на высокую резную спинку стула. На губах остался сладкий привкус хмельного медового лета, и отстраненно девушка подумала, что на севере таких напитков не знали — там любили совсем иное, — Однако, у меня, в отличие от всех упомянутых вами шарлатанов, есть законное право наследника. А также — доказательство того, что этим самым наследником являюсь именно я.

— Какое же? — эльф надменно вздернул бровь — впрочем, никакого удивления в этом жесте не было. Атеа чуть улыбнулась ему уголком губ.

— Не думаю, что это имеет сейчас принципиальное значение, господин посол. Уверяю вас — король узнает собственный подарок. И подтвердит его подлинность.

Взгляд Тэарана стал чуть более пристальным, но больше ничем своих эмоций и мыслей он не выдал. Его пальцы небрежно пробежались самыми кончиками по белой накрахмаленной скатерти, вырисовывая неведомые узоры на ткани. Помолчав, эльф негромко молвил:

— Вы так уверены в этом.

Это не было вопросом. Лебедь вновь улыбнулась ему — на этот раз почти что открыто.

— Абсолютно. Я не лгу, и бояться мне нечего.

Вновь воцарилось глухое молчание, не нарушаемое даже вздохом. Эльф не шевелился и больше напоминал холодную статую, вытесанную из мрамора и облаченную в шелка. Атеа вновь вспомнила племя подземных эльфов, живых и настоящих, и желание удавить Тэарана голыми руками стало сильнее.

— Вы очень отличаетесь от женщин Тиннереда, — как бы невзначай сказал он, окидывая ее спокойным взглядом.

— Я получала образование при дворе, затем — в Келерийской Гильдии, — склонив голову, ответила Атеа, — Естественно, что меня не интересуют шелка и бархат.

— Келерийская Гильдия... — задумчиво повторил Тэаран, словно пробуя слова на вкус, — И столько лет о вас никто ничего не слышал. Похвально то, что вас, как вы выразились, не интересуют шелка и бархат — однако мне очень любопытно, почему вдруг воительница Севера, отказавшаяся от всех своих притязаний, заинтересовалась престолом. Насколько я знаю, Келерийским Птицам дела нет до политических игр, и долг у них иной.

— Все это так, — просто и легко подтвердила Атеа, — Вы хотите правду, господин посол?

Тэаран выгнул дугой бровь, и Лебедь усмехнулась про себя: наверняка сейчас он ожидал услышать, что она на самом деле — еще одна выдумщица, возжелавшая власти.

— Вождедею услышать.

Судя по всему, только это ты и можешь вождеделеть. Затолкав ядовитые шуточки куда подальше, Атеа наградила эльфа долгим и открытым взглядом. Она действительно не собиралась ему лгать, хотя побесить Тэарана хотелось до невероятного. Впрочем, с этим можно было и подождать — если все получится, то такая возможность у нее еще

непрерывно появится позже.

— Я действительно являюсь единственной дочерью короля Тиннереда. И поверьте, особой радости от этого не испытываю. Более того — если бы не обстоятельства, истину никто бы мне не открыл. Однако сейчас встал вопрос о безопасности всего Бар-эс-Тиллада — не только севера, к которому Тиннеред никакого отношения не имеет. Мне нужна армия, которая поможет нам защитить этот край от беды. Я полагаю, что эльфийская память хранит воспоминания о былых Изломах, и что Верданор понимает, какое время настало.

Помедлив, эльф кивнул:

— Да. Мы знаем. И чувствуем это. Однако угроза далеко.

— Угроза гораздо ближе, чем вы думаете, — покачала головой Птица, — Мы видели ее своими глазами. И хотим уберечь людей от наихудшего — а для этого нужны сами же люди, желающие защитить свой дом.

— И вы всерьез думаете, что за вами кто-то пойдет? — что-то развеселило эльфа — по крайней мере, он скривил губы в подобии улыбки. Атеа не прореагировала ни на насмешливый тон, ни на искорки издевки в зеленых ярких глазах.

— Я убеждена в этом. Так как знаю, что предложить Тиннереду взамен.

— И что же? — взгляд его снова стал внимательным. Лебедь обаятельно улыбнулась в ответ.

— Глупо рассказывать об этом представителю государства, которое пытается забрать себе территории другого края. Однако, должна вам сказать, господин Тэаран: личный интерес у меня отсутствует. Я руководствуюсь лишь собственным долгом. А еще — убеждением, что старая система управления безнадежно устарела, и что ее необходимо менять, чтобы достичь взаимовыгодного сотрудничества с соседними державами и лучшей жизни всего края. Мне не обязательно при этом все время находиться у руля, не так ли? Прежде всего мне нужна армия. А дальше — время покажет, господин посол.

Тэаран наградил ее долгим взглядом — по-прежнему острым, скребущим, и почему-то Лебедь поняла: убивать он ее не станет. И еще — теперь она чувствовала совершенно четко и ясно: у нее был шанс.

— Я хотел бы побеседовать обо всем более детально, госпожа Атеа, — в конце концов сказал он, — У меня есть несколько вопросов, которые мне бы хотелось прояснить. Верданор не хочет войны ни с Эллоином, ни с Тиннередом, а посему, если все действительно так, как вы говорите, есть шанс избежать кровопролития.

— Тогда давайте начнем прямо сейчас. У меня нет времени, и я не могу позволить себе промедление. Задавайте свои вопросы. Я согласна выслушать вас, — Атеа ощутила что-то, напоминающее ликование, и тут же придушила это чувство — радоваться было слишком рано. Пока эта битва только начиналась, и Лебедь еще не была победителем. Однако эльф уже заинтересовался — а значит, начало танцу было положено. И поверь, солнышко: чтобы перетанцевать меня, тебе нужно быть как минимум самой Хартанэ.

===== Эпилог =====

За темным квадратом окна танцевали снежинки. Белыми хлопьями они опадали на сонную землю, промерзшую до самых своих жил, укрывали ее пуховым одеялом, которое не могло согреть. Они сбивались на старенькой раме, залепляя стекло — но что-то не давало им полностью замести крохотное окно, сквозь которое она глядела на мир. Сквозь толщи рваных облаков струился бледный свет, ломкий и прозрачный — и он звенел хрусталем. У всего в мире был собственный звук, своя песня. Так говорила ей старая эльфийская ведьма

когда-то давным-давно. Весенние дожди звучали серебряными колокольчиками, туманы в низинах пели тоскливыми птичьими криками и соловьиными трелями, камни тяжело гудели ветром, пойманном в пустые бочки. Помни об этом всегда, моя девочка — так говорила ей слепая старуха. Помни.

Что-то происходило сейчас в мире. Мир пел на тысячи голосов, бурлил и кипел, и она почти что кожей ощущала, как где-то там, в иных пространствах, переплетаются меж собой петли, жизни и судьбы, заплетаются пути. Кто-то древний и мудрый держал в своих руках тысячи нитей, связывал их, путал — и он смеялся, звездоглазый и такой молодой, такой вечный... Он не знал боли и грусти, не знал страха, гнева — он лишь плел мир, как ему хотелось, лишь творил и создавал, разрушал, и у него не было ничего, кроме него самого и всего сущего на этой земле. Он играл, он плел свое полотно, и не существовало ничего прекраснее того узора.

Ему, небесному и бессмертному, неведома была печаль — и Тэарга, прижимаясь лбом к холодному стеклу, пыталась сдержать горькие слезы. Все происходило ровно так, как должно было происходить, все происходило по его воле, и она не могла той воле противиться — да и не хотела. Что-то земное в ней самой, испуганное и дрожащее, слишком любящее привычный быт, из последних сил цеплялось за остатки бывшего — но мир пел, и каждый голос в нем был божественной нитью, божественной волей, мощной и неумолимой. И сейчас ей оставалось только слушать, выхватывая из прекрасного многоголосия отдельные линии и глядя, как изламывается прежнее и заплетается настоящее. Невообразимо прекрасное настоящее.

Сеть тонких трещин расплзлась паутинкой по высокой колонне, сделав ее мозаичной и почему-то невероятно хрупкой даже на вид. Почти незаметная борозда ломанной линией остро очертила вырезанный на камне виток лозы, а затем потянулась ниже, взрезая гладкую белую поверхность.

Ничто уже не будет прежним. Никогда.

Тусклое мерцание кристаллов то разгоралось ярче, то снова затихало, мигая и дрожа во мраке. Свет этот словно отмерял рваный ритм сердца, что билось сейчас почти что в агонии, болезненно сжимаясь в каменной груди гор. Под сводами пещеры то и дело слышался громкий треск, раскалывающий тишину и дробящий весь мир на осколки, превращая хрустальные вазы в битое стекло, вспарывающее острыми гранями реальность. С высоких сталактитов, с каменных воздушных мостов и открытых кружевных террас вниз ссыпалась белая пыль, что теперь устилала полы пещеры, и казалось, будто город наполнился пеплом и туманом. Город пел свою прощальную песню, и сердце его отмеряло последние секунды.

Мэг прогнала всех прочь, зная, что все свершится ночью. Накануне Лореотт опустел, и теперь оставалось проводить тех, кто плоти и крови не имел, но кто сам был кровью столько веков... Столько веков... Живой водой тени стекали вниз, струились ручейками вдоль колонн и арок, и ее слепые глаза почти видели это сквозь великую пустоту мира. Потоками дождя они уходили в землю, чтобы однажды, через тысячи лет или в следующую секунду прорасти другим чудом, новым чудом. Лореотт рассыпался, обращаясь перстью и прахом, из которого потом явятся новые чудеса. Ничто не исчезало бесследно — и ее тени, уходя, хранили эту великую память, и сейчас ей впервые за такое долгое время стало легко.

Она видела, как первый, совсем крохотный, сталактит сорвался с высокого потолка вниз. Она видела, как древняя энергия впитывалась в тугую неподатливую плоть земли, размягчая и делая ее живой. Она видела солнечный свет сквозь зеленое кружево листьев,

видела капли дождя на сосновых темных иголках, звонкие ручьи, сбегаящие вниз с крутых склонов и теряющиеся в густом вересковье. Видела саму себя — юную, прекрасную, весеннюю.

Мэг раскидывала руки и кружилась, подставляя ладони ливню. Вода стекала вниз по ее волосам, превращая их в плавленное золото, и на губах ее осталась сладость дождевых капель. Она видела черные тучи, пропарываемые отблесками молний, и под босыми ногами ее дышала теплом влажная земля, а отяжелевшие травы гнулись к ней, ложась по ветру. Юная эльфийка смеялась, и весь мир пел, звонкий и такой радостный. В этой буре, в этой страшной силе стихии, вырвавшейся на свободу, тоже был бог.

В том, что в этот миг рушился древний белый город, был бог.

В том, что все, чем они жили, рассыпалось пеплом, она видела улыбку бога.

У дубовой рощи, сонно шелестящей листвой, ютился крохотный деревянный дом. Вода сбегала вниз по крыше, срываясь со стрехи и путаясь в густой траве у крыльца. Она шла к нему, босая и простоволосая, зрячая, юная, и сердце ее ликовало и пело. Перед глазами стояла узкая тропка, едва намеченная среди переплетения росистых стеблей и листьев, чуть выше — мокрый выступ деревянной ступени, тень, а еще выше — плавный изгиб светлой ступни, потемневший намокший от дождя край подкатанных штанов, кисть руки, расслабленная и светлая...

...Оглушительный треск разорвал тишину в клочья, и тонкий высокий мост, переброшенный от Дома Королевы к основному массиву сталактитов, задрожал, пропоротый трещинами, а затем первая глыба откололась от монолита, падая вниз...

...У нее были серые глаза молодого бога, родинка на левой щеке и до боли родная улыбка. Инведаар глядела на нее, и на доньшке ее радужек бликами на воде дробились отблески света. Она разомкнула руки, делая шаг навстречу Мэг, и ее смех смешался с громовым раскатом. Мэгар рухнула в ее объятия, вдыхая ее запах, вцепляясь пальцами в теплые плечи и выдыхая:

— Здравствуй, Веда...

Мир полыхнул солнцем в тот миг, когда сердце Лореотта отмерило последний удар.

Губам стало солоно и горячо, и Тэарга зажмурилась, до боли впиваясь ногтями в собственную ладонь. Мир рушился на ее глазах и в ней самой, мир переламывался, и сквозь глубокие провалы трещин наружу просачивался золотой солнечный свет. Былое ломалось для того, чтоб на его костях, из его плоти и крови проросло нечто иное, новое. Это — Излом всех знакомых линий, всех времен, это — смерть, из которой рождается жизнь. И в падении Лореотта она видела первую нить в руках бога, плетущего Полотно.

Ивушка плакала, спрятав лицо у нее на груди — плакала горько и надрывно, но тихо. Аллэи прижимала ее к себе, путая пальцы в густых волосах и стараясь не думать о том, что за спиной она оставляла навек всю свою былую жизнь, и снег заметал тропу, по которой они уходили прочь.

Они шли последними — крохотный отряд тех, кто был верен до конца. Вела их Шеда, и в снежной темноте Аллэивар видела ее плечи, жесткие и скованные судорогой. Королева, буквально взлетев на свою химеру, ни разу не обернулась и не сказала ни слова, и трое ее охранниц, а также сама Ищущая вместе с Ивушкой, безмолвно следовали за ней.

Ни звука не было в зимней ночи — лишь тихий вой ветра в ущельях да шорох звериных лап по снегу. Одной рукой Аллэи держала поводья, направляя Йэн, другой же обнимала хрупкую девушку, безутешную и такую крохотную, что ей бы не стоило труда затеряться в

белом безмолвии здешних гор. В груди было пусто и стыло, словно из нее выдрали целый кусок, и ощущение потери не девалось никуда. Ивушка всхлипнула, и даже сквозь одежду Аллэи ощутила, как ее тонкие пальцы смяли грубую ткань куртки эльфийки.

— Это из-за меня... — едва слышно прошептала девочка, и Аллэи лишь сильнее прижала ее затылок к своей груди.

— Нет, — тихо ответила Ищущая ей, прикрывая глаза. Голос почему-то был сиплым, словно она простыла на морозе, а горло немилосердно сдавливало. Словно кто-то резал по живому, и нужно было вытерпеть. Сжать зубы и вытерпеть. Заставив себя говорить, она тихо позвала, — Ивушка.

Девочка чуть отстранилась, поднимая лицо. В темноте Аллэи видела ее, и океан боли, застывший в глазах молодой колдуньи, захлестнул ее саму горькой волной, стылым холодом и чувством безысходности. Но сейчас в ее руках было живое существо, которому нужно было немного тепла, и она не могла себе позволить слабость.

— Девочка моя маленькая, — Аллэи постаралась сделать так, чтоб голос не дрожал, — Я уже говорила тебе, скажу еще раз. Ровно столько, сколько будет нужно. Ты здесь не причем. Зла на тебя никто не держит, — она улыбнулась ей, едва заметно — но Ивушка, шмыгнув носом, притихла, — Послушай меня. Мы просили о том, чтобы это свершилось. И оно свершилось — так, как должно было. Никак иначе. Не хорони саму себя в прошлом. Помни — все происходит не зря.

Ивушка смотрела на нее глазами, полными слез, но что-то было на их дне, что-то тихое и сильное, что-то, совершенно точно знающее истину. И вдруг, словно в ответ на слово Аллэи, сказанное и невысказанное, мир начал светлеть — будто чья-то рука осветила зимнюю ночь огоньком свечи, пойманном в клетку из зеленого стекла. Отсветы упали на снег, на волосы Ивушки, на темные спины зверей, и вскоре в небе над ними разлилось северное сияние, высвечивая беспросветную мглу. Химеры остановились, и краем глаза Аллэи видела, как Шеда, подняв голову, смотрит в небо — но и сама она не могла оторвать взгляда от волн сияния, прошивающих темноту и ее саму насквозь. Это было так правильно сейчас, так красиво, что женщина застыла, не обращая внимания уже ни на что: ни на соль, защищавшую глаза, ни на сжавшую ее пальцы до синяков крохотную узкую ладошку. В этом свете сейчас была их надежда на будущее, их отчаяние, их слепая вера, их единое дыхание — и иных доказательств того, что все верно, ей не нужно было.

Метель заметала тропу к засыпающему городу навсегда, а волны сияния полоскал ветер, как вода полощет длинные косы речных трав. Аллэи прощалась со своим прошлым, отпуская его по ветру следом за полотнами света, как прощалась и Шедавар, как прощались Инарэ, Келе, Этанэ, как прощалась Ивушка. Ничто больше не будет прежним.

Она видела и их — где-то на границе своего сознания, размыто и нечетко. Она видела, потому что весь мир был единым, и все в мире было связано и сплетено в цельную гармонию, объединено одной волей и силой, которая двигала звезды и творила миры. Женщины, покинувшие Лореотт, оставили ему все, что могли оставить — свою память, свою юность, свой смех. Отдали — и все вернется к ним, непременно вернется, она знала. Боги дали ей это право — видеть то, что свершилось однажды, и то, что только свершится. И Тэарга знала: то, что заплетено в великий Узор, уже никуда из него не исчезнет. Бог взял вторую нить, изумрудно-зеленую, словно северное сияние, и переплел ее с первой, завязав узлом дороги и жизни.

Самому старому из них было около семидесяти лет, самой юной только-только

исполнилось четырнадцать. Сила, поющая в их крови, бурлила в комнате — Мара ощущала, как тесно ей, как душно в этом крохотном помещении, куда сейчас набилось столько народу. Сила эта была прозрачной, живой, звонкой и переливающейся всеми цветами радуги; она пахла первыми весенними ливнями, летним горячим зноем и дорожной пылью, осенними туманами и морозными штормами, идущими с морей. Она танцевала на кончиках их пальцев, она горела звездами в их сердцах, и все в сердце ведьмы нынче пело, вплетаясь еще одной нотой в эту звонкую песнь.

— Они не хотят слышать нас, — мужчина с волосами рыжими, словно пламя, оглядывал их, стоя на невысоком помосте перед людьми. Это его прозвали Лисом — и именно он поднял ведунов, которых гнали прочь Жрецы. Мара чувствовала, как пел огонь в его крови — тот, что обращал пеплом весь мир, когда приходило время, и сейчас пламя это почти что танцевало на его коже, зарождаясь в темных зрачках, — Они не верят нам, считают нас ничтожными, не способными понять истинную природу сил. Они отмахиваются от правды, которая страшит их.

Сердца их бились в едином ритме, превратившись в одно огромное, живое сердце, которое отказывалось умирать. Весь мир говорил, что оно должно остановиться, что время его на исходе, что все бессмысленно — но вопреки всему оно наполнилось силой и не верило. Не верило никому — разве что тому, кто был выше людей, законов, звезд на темном небосводе, тому, кто вышивал на черном бархате золотые узоры небесных туманностей, тому, кто не знал смерти. И билось, билось до самого конца — и еще дальше, больше, сильнее...

— И если так — мы не будем ждать часа, когда они прозреют, — каждое его слово было ударом колокола, громом, и от каждого его слова их глаза полыхали все ярче. Словно в ответ ему, вспыхнули искрами энергии, танцующие под потолком, и комнату заполнило сияние, незримое глазам обычных смертных. Но Мара видела его, Мара ощущала, Мара знала — и все остальное было неважно.

Все прочее было лишь ветром в пустом битом кувшине, забытом по осени у пересохшего ручья, сброшенной змеиной кожей, ломкой и сухой палой листвой, которую ветра перетирали в пыль. Бессмертный был с ними и в них, был ими, и что, кроме этой истины, еще могло существовать в мире? Он был с ними, когда ведуны один за другим поворачивались к Маре, и в глазах их она видела ответ. Он глядел на них, когда каждый из них делал первый шаг, становясь на эту тропу для того, чтобы идти по ней до самого конца. Он стоял рядом с ней, и у Даэн — у ее любимой женщины, у самой нужной, как воздух необходимой женщины — были Его глаза. Он улыбался, и где-то далеко-далеко, в темном сердце дремучего сонного леса, на дальних болотах слышалось тихое постукивание — едва различимое среди тысячи звуков зимней студеной ночи.

Мара вдруг увидела ее, на миг прикрыв глаза. Она замерла у самой кромки воды, стянутой темным ледком, и колкий иней касался ее полупрозрачной тонкой кожи. Мгла, пересыпанная снежным серебром, скрадывала ее черты — но ведьма видела эти лунные глаза, видела тонкие линии ее нечеловеческого лица, и сердце звенело радостью узнавания. Иль-вэане подняла голову, и туман ее волос на миг осветился, когда болотный огонек, прозрачно-синий и легкий, опустился на ее плечо. Дух смотрел прямо в глаза Маре через тысячи верст, через время и века, и Мара совершенно ясно и четко понимала: они видят друг друга. Слышат друг друга. Они неразрывно связаны, они едины, и в том единстве было величайшее счастье. Еще несколько мгновений она вглядывалась в пришедший образ, а

затем иль-вэане улыбнулась ей, и в груди Мары вспыхнуло солнце, и солнечный ветер, золотой и обжигающий, вырвался на свободу из огненной своей колыбели, рассеивая тысячи звезд и устремляясь за пределы этого мира, прорывая прозрачную плоть Вселенной и сливаясь с ней воедино. Он изменял ее, он заплетался в нее, и Мара знала: с этого мига ничто больше не будет прежним.

В третьей нити ей виделись песни ветра над вершинами заснеженных перевалов, синие звездочки горечавки и золотые блики на черной, словно ночь, воде. Ведьма Мара, колдунья из дикого леса, шла своей дорогой, и на дороге этой в мягкой пыли оставались ее следы, которые наполнялись дождевой влагой и сквозь которые прорастала молодая трава. Тэарга увидела ее в танце снежинок за стеклом — и она была солнечной, смеющейся, такой молодой и легкой, что печаль показалась эльфийке лишь сном, ушедшим мигом, который уже не возвратится. Ведьма Мара — золото на черном бархате, свежий ветер, срывающий двери с петель и разбивающий серые ветхие стены бывшего мира на осколки. Тэарга знала — она еще увидит эту женщину, которая пока еще не видела истины, а видела лишь одну ее грань. Но откуда-то Знающая совершенно точно знала: она дойдет. Иначе быть не могло.

Сокол летел, и его сильные крылья вспарывали небо, и холодные потоки воздуха обнимали длинные маховые перья. Атеа знала это — просто знала, словно кто-то показывал ей картинку, успокаивая ее: смотри. Все получится.

В ярких зеленых глазах напротив застыла задумчивость — а вместе с ней и неверие, сомнение, насмешка, еще небо знает что. И Лебедь не боялась. Если биться — так до конца, до сбитых кулаков, до последней целой жилы, и если держать — то насмерть. Накрепко. Навсегда. Она вскинула подбородок, глядя на него сверху вниз, и Тэаран покачал головой, потирая висок.

— Вы так уверены в себе. Почему?

Лебедь усмехнулась краешком рта:

— А как иначе, господин посол? Или делай, или бросься на Крыло, если не можешь сделать. Так меня учили. Предпочитаю первое, сами понимаете. К тому же, вы слышали меня — я вижу по глазам, что слышали. И собственно услышанное вас не разочаровало.

Эльф некоторое время смотрел на нее, оценивая и взвешивая что-то, а затем выпрямился, сцепляя руки за спиной. Золотая нить на его камзоле едва заметно блестела, отражая отблески пламени в камине.

— Да, госпожа Атеа. Я услышал вас, — он притих, будто подбирал слова. Какое-то время назад это бы заставило ее нервничать — но сейчас Атеа было так все равно... Где-то там летел сокол, и она видела, как тонкая нить тянулась от нее туда, в то место, которое она раньше звала домом, и тысячи лет молчания превращались в дым и пыль, в пустое ничто, которое совершенно не имело значения. Ничто сейчас не имело значения. Все лежало в руках Шестикрылой. И сокол летел, возвращая ее домой — пусть и совсем крохотную ее часть... Тэаран, все обдумав, наконец продолжил, — Я буду говорить с правителем Верданора и настаивать на том, чтобы наш край отказался от притязаний на Тиннеред. Эльфы поддержат вашу кандидатуру прилюдно, перед лицом Совета.

Атеа почему-то знала.

— Какую цену вы хотите? — спросила она, пряча улыбку в уголках губ. Наверняка Верданор запросит немало — но это тоже не имело значения.

— Цену мы обсудим позже, госпожа Атеа, — ответил Тэаран, — Позже. Покуда же — вот вам мое слово: я сделаю все, что в моих силах, чтобы наш государь увидел всю выгоду от

сотрудничества двух держав, если вы взойдете на престол. Приходит время перемен. Все меняется. Ничто уже не может быть прежним — и не будет.

Соколиное легкое перо закружил порыв, подбросив его к самым звездам. Птица летела вперед, наперекор всему — ветрам, сопротивлению воздуха, сопротивлению всего мира. Если остановиться — будет лишь падение, а потому она не имела права на остановку.

Почему-то Тэарга вспомнила ту девчонку с ветром в дурной голове и глазами, что летний цветочный мед — и на душе стало еще чуть-чуть легче. Она ведь тоже была частью этого узора — хоть и вряд ли это понимала, в отличие от всех остальных. Она просто жила, просто танцевала на кромках золотых облаков, разбрасывая из рукавов яблоневые лепестки, хохоча и кружась, просто сражалась, одержимая желанием доказать что-то себе, окружающим, всему миру... Ведьма Лореотта улыбнулась ей, такой чужой и далекой: кем бы они ни были друг другу, а все в мире сплеталось так тесно, и она искренне любовалась этим бесконечно прекрасным и бесконечно великим таинством соединения жизни и смерти, добра и зла. Каждая из них вела свою игру, каждая из них была отдельной нитью в узоре — но без кого-то из них мир не смог бы существовать. Он был бы совершенно другим, развертывался бы абсолютно по-другому. И невероятное счастье заключалось в том, чтоб жить вот так, как жила Птица Атеа — одним моментом, захлеб, допьяна.

В тесной комнатухе не было никого. Снаружи завывал ветер, и Тэарге казалось, что во всем мире она сейчас одна — крохотная песчинка, замершая где-то, где не существовало потоков времени, где не существовало никаких границ и стен. Она видела далекие пустыни, рыжие дюны с цепями змеиных следов, видела скалистый берег бушующего океана и белые паруса, вздымающиеся над пенной волной. За метелями, за порогами облаков и узорами звезд она видела тысячи лиц, слышала тысячи голосов, ощущала касания тысячи рук. Где-то там рушился Лореотт. Где-то там поддержка пришла оттуда, откуда ее никто не ждал. Где-то там разгоралось пламя истинной веры. Где-то...

Она была среди людей — впервые так остро и живо. Все они еще несколько часов назад казались ей чужими, а сейчас, слушая их смех, глядя на них, Меред ощущала себя частью чего-то большего, гораздо большего, чем она сама. Они пели песни на незнакомых языках — но откуда-то она знала слова и понимала все.

Скоморохи сидели у камина, что едва теплился, и Птице казалось, что кожа их сияет золотом. словно солнце щедро напоило их тела своим светом, словно сердца их были живым жаром, а от того они светились изнутри. Они пахли летом, свободой, непокоренной силой юности. В глазах их она видела единую жажду, единое стремление, и столько красоты в том было, столько силы, что она едва ли не задыхалась, ощущая, как Хартанэ поет в ней самой, отзываясь на этот поток немислимой мощи. И Меред пела с ней, громко и надрывно, всю себя отдавая этой реке, стремящейся меж клеток, крыш и звезд куда-то вверх. Вверх! Выше! Выше!

Солнце в ней, солнце-внутри-нее восходило из-за темного синего моря, поднимаясь из самых ее глубин, с влажного мягкого дна, где жемчуга прятались в перламутровых тонких раковинах, где водоросли оплетали сетями почерневшие от времени остовы затонувших кораблей. Ее соленое сердце-солнце разгоралось сиянием все ярче, и всей собой она тянулась сейчас к тем, кто нынче был далеко. Почему-то Меред знала: где бы они ни были — они почувствуют. Они узнают ее голос в песнях метелей, в звездном шепоте, они ощутят ее теплые руки, что так хотели обнять их всех с великою любовью — и они вспомнят ее сейчас, в этот момент времени, который никогда не повторится, который безвозвратно

уйдет. И на крохотный миг вечность зафиксирована, замрет, и станет светло. И тихо. Так тихо, что будет слышно, как на землю опадают крохотные частички звездной пыли, будет слышно, как северный свет ложится наземь... И это будет прекрасно.

Я люблю вас, милые мои. Я с вами, сколько бы верст меж нами ни было. Все будет хорошо.

Прежний мир таял видениями былого, забирая всю боль и печаль прочь. Впереди была битва — нет, танец. Самый чудесный танец, который только мог свершиться в жизни обычной земной женщины, прозванной Чайкой. И она пела, провожая тот мир и встречая новый — вечный, солнечный, мир без границ. Белая птица летела над морем, падая в рассвет, и тени ее крыльев касались спин громадных китов, величественно плывущих среди соленых волн.

Девочка осталась внизу, среди людей — и Тэарге казалось это правильным. Недоверчивая, нелюдимая, сейчас Меред была ровно там, где должна была быть. Эльфийская ведьма любила одиночество, и ныне, когда сквозь дерево и камень откуда-то снизу доносился сильный звучный голос, одиночество это стало совсем уж чудным: сладко-соленым, тихим и светлым. Знающая слушала ее — и слушала весь мир, вторящий ей дивным хором, и в этом созвучии ей чудилось что-то верное и настоящее. Мир был разделен столькими границами, столькими барьерами — но о самом главном он пел на одном языке. Что-то рушилось сейчас, разбивались оковы и лопались цепи, и они — каждый самый крохотный огонек, каждый человек, каждое сердце — все они расправляли крылья, чтобы научиться летать и чтобы наконец-то узнать небо.

Она помнила ее.

Помнила в ее в игре тени и света на молодой сочной листве, когда косые лучи летнего солнца просачивались сквозь дырявое изумрудное кружево крон. Помнила во вкусе земляники на губах, в шепоте трав, в веселом звоне ручейков и птичьим заливиством гомоне. Она помнила ее в безмолвии зимней стужи, когда так остро ощущаешь, что ты — совсем один, и что тебе не прибиться ни к чьим ласковым рукам. Она помнила ее в первом несмелом касании, в солнечном золотом сиянии на доньшке ее глаз, в запахе диких цветов, запутавшемся в волосах. Она помнила ее.

Мара стояла рядом с ней, едва касаясь ее плечом, и вся она была сотканной из солнца. Даэн не могла пошевелиться, не могла вымолвить ни слова — лишь смотрела в ее глаза, в которых плавилась миры, в которых дробился мягкими золотыми бликами свет. Она помнила эту женщину тысячи лет, словно когда-то давным-давно их создали, спаяв навек, и по-другому уже попросту не могло быть: их не сумело бы разлучить ничто. Даэн знала, и это было так просто, как улыбка ребенка, как распустившийся поутру среди налитых колосьев пшеницы василек. И мир, серый и пустой, уже не мог быть прежним: он менялся, взрываясь цветом и звуком, и каждый раз в этом заключалось истинное волшебство.

Они просто смотрели друг на друга, а время текло сквозь них потоком, и перед глазами Птицы проносились видениями сотни лиц — тех, что когда-то Мара носила, снова рождаясь в этом мире, а может быть, и в других. И каждое из этих лиц Даэн знала наизусть, до последней черточки — и любила, любила, любила. И дороги их неизменно сплетались, сплетались в каждом новом воплощении и в каждом новом миге, и в каждом моменте себя — она помнила ее.

Они замерли в бесконечности, вновь став единым целым, как и тысячи раз до того, и тихое «Здравствуй» вновь звучало, наполняя светом все ее существо.

Здравствуй, Мара. Здравствуй, любимая.

Здравствуй.

Иные нити были переплетены так крепко, что Создатель не смог бы расплести их — даже если бы вдруг захотел того. Но бог любил то, что делал, и все он делал не зря — и Тэарга улыбнулась ему, его великому замыслу, его творению. Он был таким терпеливым, а на доньшке его лукавых глаз светилась загадка — ну же, взгляни. Посмотри внимательнее. Почувствуй и узнай. И всякий раз, связывая новые нити в полотне дорог, он знал — эта встреча будет вечной. Каждый раз в мириадах случайностей она будет выпадать константой. И даже сама смерть не сумеет изменить это — потому что смерти не существовало. Был лишь долгий путь и бесконечное счастье, что пряталось в секундах и мгновениях, когда вдруг где-то в мире один человек, глядя на другого, с удивлением понимал: я помню его. Я его знаю.

За стенами Келерийской гильдии шумели ветра и пели волки. Где-то далеко-далеко шелестел сухостой, пропарывающий белоснежное одеяло снега, и в песне той была задумчивая грусть, тишь и тоска. Ати сидела на подоконнике, глядя за окно, туда, где над спящим миром развевалось лоскутным платком северное сияние. Сквозь него просвечивали тускло звезды, и одна из них, та, что поднялась почти выше всех, заливала сумрачным светом долину. И она сама тоже была такой, как песни сухого былья на ветру — задумчивой и тоскливой, печальной. Ати ощущала ее грусть — но вместе с тем было что-то еще, тонкое и прозрачное, неуловимое...

— Наверное, тебе тяжело... — прошептала девочка в темноту, глядя на синюю искорку, мерцающую вдаль, — Ты ведь не злая. Ты — нет... Ты всего лишь огонек на небе, свеча в чьем-то доме — а тебя кланут люди столько лет.

Звезда не ответила ей — лишь мигнула коротко, словно сердце ее на миг ударилось о ледяную грудь чуть сильнее, чем обычно. А Ати вдруг подумала, что прежде она тоже всем сердцем ненавидела этот холодный северный свет, что был знамением беды. На самом-то деле, не существовало никакого зла — существовала лишь небесная воля, и все в мире строилось так, как должно было.

Даже глаза дикого, бездонные омуты пустоты.

Даже смерти и разрушения.

Даже Ярис, что сегодня сияла ярче, чем когда-либо, и стояла выше, чем всю зиму до того.

И Ати не боялась. Весь мир лежал в руках Творца — а это означало, что бояться нельзя. Он все заплетет верно. Он знает, что делает.

Осыпался город под тяжелыми сводами гор, рождались миры в руках бессмертного бога. Шли войны, бури неслись следом за штормовыми ветрами, гибли народы и государства. Рождались дети, вслух произносились самые верные клятвы, сквозь жесткий камень прорастала лоза. Полотно плелось под ласковыми ладонями, и каждая нить в нем была прекрасна.

Тэарга закрыла глаза, не обращая внимания на влажную соль, стекающую слезами по щекам, и рассмеялась — от всего сердца искренне рассмеялась. В каждом моменте времени спало счастье и истина, в каждой секунде было таинство жизни — и она жила, жила вместе со всеми мирами всех Вселенных, так остро и светло жила.

Следующая нить вплелась в полотно, став на свое место. Узор начал вырисовываться на нем теперь еще яснее, и от того на душе было легко. Словно кто-то вернул ей детство — то

самое, которого у нее никогда не было. Словно кто-то открыл ей правду — и она держала ее двумя руками, поднимая к небу и смеясь, и жизнь прорастала сквозь смерть, и вечность разбивала изнутри твердую серую оболочку плоти. Дороги переплетались, связывались, тянулись все дальше, и под звездное Колесо ложились солнечные ветра, тянущиеся куда-то в бесконечность, в вечное золотое «Сейчас», в котором закольцовывалось все, существующее в мире. Творец глядел на мир — и улыбался.

Ярис полыхнула на миг ярче, а в следующую секунду тонкое кольцо света опоясало ее, и иголочки-лучи ее на миг показались спицами, что тянулись к полупрозрачному ободу Колеса.

Полотно дорог заплелось, связав воедино весь мир.

Снаружи взвыли ветра, холодные и стылые, и где-то за сотни верст отсюда в темном замке безумная женщина, хрипло хохоча, припала к ногам той, чьи глаза были синее самых глубоких озер, промерзших до самого дна. Но Тэарга знала — мир творился в руках Великой Пустоты, и в том, что все свершилось так, а не иначе, была небесная воля, единственно верная и прекрасная.

Во имя жизни, во имя вечности в Твоих руках, во имя всего, что только есть в мире — мы будем сражаться. Я слышу Твою волю и подчиняюсь ей. Веди нас, Господи. Мы отдали Тебе все — веди же нас. Время пришло. И да начнется этот путь сейчас.

Больше книг на сайте - Knigolub.net